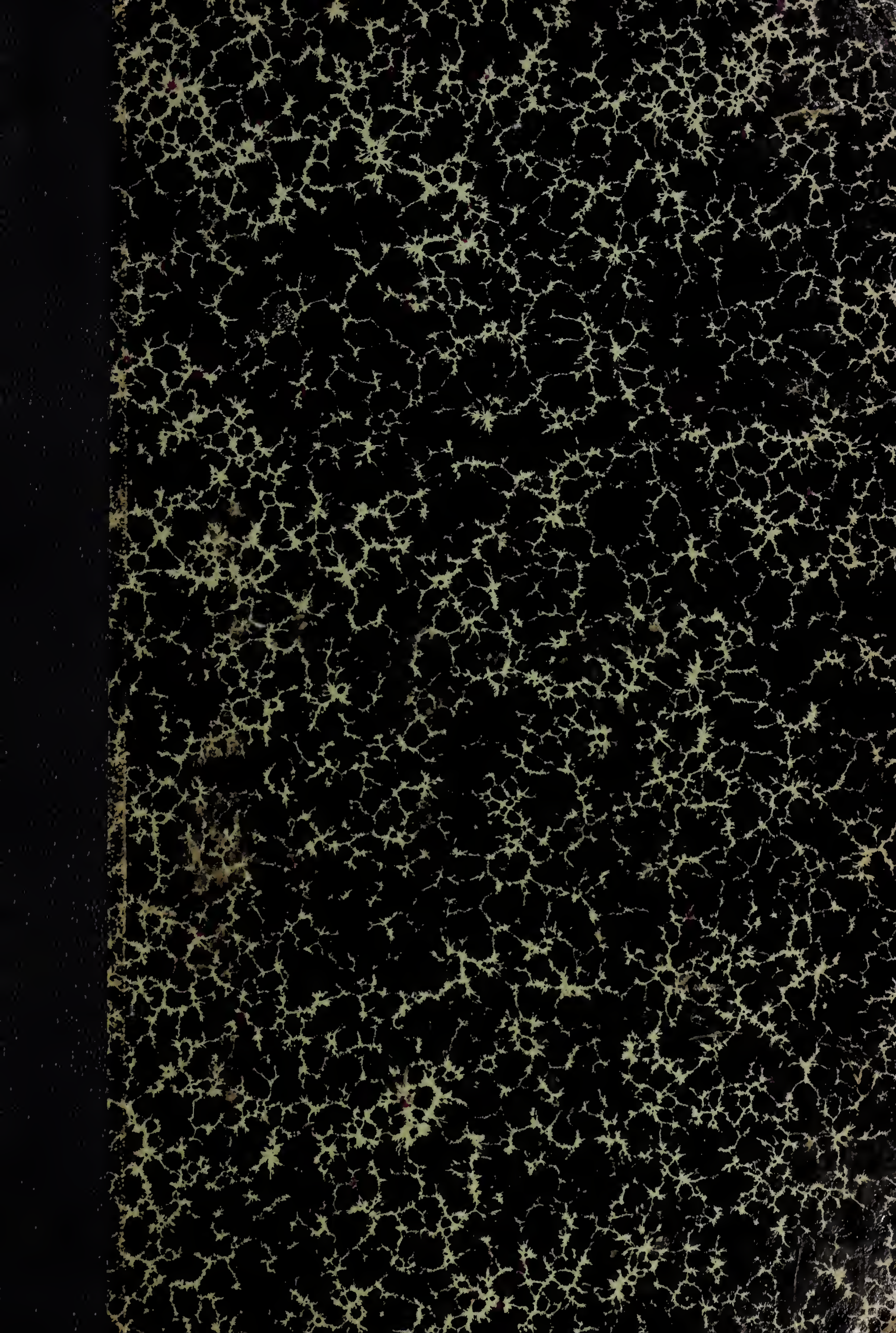

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

ТОМЪ IV.

(СЪ 7 ТАБЛИЦАМИ).

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES

DE

ST.-PÉTERSBOURG.

CLASSE DES SCIENCES HISTORICO-PHILOLOGIQUES.

VIIIe SÉRIE.

TOME IV.

(AVEC 7 PLANCHES).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. St.-PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Еггерса и **Комп.** и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ.
Н. И. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
М. В. Клюкина въ Москвѣ.
Е. П. Распопова въ Одессѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.
Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:

MM. **J. Glasounof, Eggers & Cie.** et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg.
M. **N. Karbasnikof** à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna.
M. **N. Ogobline** à St.-Pétersbourg et Kiëf.
M. **M. Kluckine** à Moscou.
M. **E. Raspopof** à Odessa.
M. **N. Kymmel** à Riga.
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.
Luzac & Cie. à Londres.

Цѣна: 9 р. 20 к. — Prix: 23 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1901 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

СОДЕРЖАНІЕ IV ТОМА. — TABLE DES MATIÈRES DU TOME IV.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.
ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Томъ IV. № 1. | Volume IV. № 1.

ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ

ПРЕМІИ ИМЕНИ П. Н. БАТЮШКОВА.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1898 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. St. PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Еггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ.
Н. И. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
М. В. Клюкина въ Москвѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:
MM. J. Glasounof, Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg.
M. N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou et Varsovie.
M. N. Ogobline à St.-Pétersbourg et Kiëf.
M. M. Kluckine à Moscou.
M. N. Kymmel à Riga.
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 80 коп. — Prix: 2 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Августъ 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ ИМЕНИ П. Н. БАТЮШКОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

29 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА

НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ, АКАДЕМИКОМЪ **Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ.**

На первое соисканіе недавно учрежденной преміи имени П. Н. Батюшкова было представлено два сочиненія.

Изъ нихъ наградою въ 600 руб. увѣнчанъ многолѣтній трудъ по этнографіи П. В. Шейна „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края“.

Для оцѣнки этого обширнаго сочиненія Академія обращалась къ любезному содѣйствію орд. профессора Императорскаго Варшавскаго университета Евфимія Ѳедоровича Карскаго.

Имя П. В. Шейна, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный рецензентъ, очень извѣстно въ русской этнографической наукѣ и съ одинаковымъ правомъ можетъ принадлежать какъ великорусской, такъ и бѣлорусской этнографіи. Трудно даже сказать, въ какой области г. Шейнъ произвелъ больше, и какая народность больше его интересуетъ. Вышедшій въ текущемъ году I выпускъ его „Великорусса въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.“, заключающій въ себѣ 1283 записи, представляетъ выдающееся явленіе въ великорусской этнографіи; но въ то же время г. Шейнъ продолжаетъ и печатаніе матеріаловъ по изученію быта и языка Сѣверо-Западнаго края, что̀ составитъ заключительный томъ предшествовавшихъ сборниковъ по этнографіи бѣлорусскаго племени.

Критика очень благосклонно отнеслась къ прежнимъ трудамъ Шейна, особенно же къ „Бѣлорусскимъ пѣснямъ“, напечатаннымъ въ V т. Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи за 1873 г. Рецензія О. Ѳ. Миллера (Отчетъ о восемнадцатомъ присужденіи наградъ имени графа Уварова 25-го сентября 1875 г.) указываетъ, между прочимъ, на слѣдующія его достоинства: богатство содержанія, примѣчанія грамматическія и ссылки на соотвѣтственныя пѣсни въ другихъ сборникахъ, какъ русскихъ, такъ и изданныхъ западными славянами, объясненіе обрядовъ и суевѣрій на основаніи нѣкоторыхъ трудовъ по сравнительной миѳологіи, строгость пріемовъ, употребленныхъ при собираніи пѣсенъ, и обдуманность при выборѣ всего дѣльнаго и выдающагося среди накопленныхъ матеріаловъ. Дѣйствительно, въ свое время, да еще и теперь „Бѣлорусскія пѣсни“ П. В. Шейна (1874 г.) могутъ считаться однимъ изъ лучшихъ собраній произведеній бѣлорусской народной поэзіи.

Но отмѣченный сборникъ важенъ и въ другомъ отношеніи. Выходъ его въ свѣтъ, а особенно программы, разосланныя собирателемъ въ массѣ экземпляровъ, много содѣйствовали изученію и собиранію бѣлорусскаго этнографическаго матеріала, результатомъ чего явились какъ позднѣйшіе сборники Шейна, такъ отчасти и труды другихъ лицъ. Уже къ концу печатанія своего сборника 1874 г. П. В. Шейнъ накопилъ матеріаловъ почти на цѣлый другой томъ (Записки Геогр. Общества, V, 829); но этимъ онъ не ограничился, и въ 1877 году обратился въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ предложеніемъ отправиться для дальнѣйшаго собиранія памятниковъ бѣлорусской народной словесности. Отдѣленіе охотно приняло предложеніе г. Шейна и оказало ему полное содѣйствіе въ собирательскихъ трудахъ, какъ въ эту поѣздку, такъ и въ слѣдующія, предпринимавшіяся имъ неоднократно. Запасшись содѣйствіемъ управленія мѣстнаго Учебнаго Округа, одобреніемъ архіереевъ, поддержкой начальниковъ губерній, г. Шейнъ побывалъ во многихъ мѣстахъ, завелъ обширныя знакомства, особенно среди учебнаго персонала и учащихся. Всюду г. Шейнъ распространялъ свои программы, записывалъ самъ и

побуждалъ знакомыхъ записывать для него матеріалы, намѣченные въ программахъ, знакомился съ разными провинціальными собраніями и изданіями. Результатомъ этихъ трудовъ было то, что П. В. представилъ въ Академію Наукъ матеріала болѣе, нежели на три тома. Съ 1887 по 1893 гг. вышло три большихъ книги этихъ матеріаловъ (свыше 2010 страницъ); 4-я книга печатается. Но и эти 4 книги не исчерпываютъ всего имѣющагося у почтеннаго собирателя матеріала, такъ какъ при поискахъ онъ, кромѣ матеріаловъ бѣлорусскихъ, не упускалъ изъ вида разысканіе и собираніе этнографическихъ данныхъ изъ области Полѣсья, пограничнаго съ Бѣлоруссіей, а также сосѣдняго съ Волынью.

Самое заглавіе труда г. Шейна показываетъ, что авторъ имѣетъ въ виду матеріалы для изученія *быта* русскаго населенія сѣверо-западнаго края и матеріалы для изученія *языка* того же населенія.

Весь этнографическій матеріалъ въ разсмотрѣнномъ сборникѣ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ, точнѣе: пѣсни лирическія, обрядовыя и семейныя; 2) поэзія эпическая: сказки, анекдоты, легенды, преданія и т. д. Каждый изъ этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ имѣетъ свои подраздѣленія; въ общемъ они тѣ же, что и въ первомъ сборникѣ Шейна (1873 г.).

Разсмотрѣвъ весьма подробно содержаніе сборника, проф. Карскій въ заключеніе своей рецензіи подводитъ итоги всему предшествующему въ нижеслѣдующихъ словахъ:

1) „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края“, собранные и изданные г. Шейномъ, по богатству своего содержанія, особенно въ отношеніи обрядовой поэзіи, превосходятъ все явившееся до сихъ поръ; лишь нѣкоторые изъ вышедшихъ одновременно съ ними сборниковъ, въ отношеніи матеріаловъ, касающихся эпической поэзіи, могутъ быть поставлены нѣсколько выше разсматриваемаго изданія.

2) Обрядовыя пѣсни сопровождаются описаніемъ самихъ обрядовъ и другихъ дѣйствій, сопровождающихъ ихъ пѣніе. Къ этнографическимъ матеріаламъ прилагаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

цѣнныя пояснительныя замѣчанія, представляющія изъ себя подчасъ цѣлые экскурсы въ ту или другую историко-литературную область. Въ разныхъ мѣстахъ указаны варіанты пѣсенъ или сдѣланы на нихъ ссылки.

3) Изъ собраннаго этнографическаго матеріала сдѣланъ строгій выборъ и затѣмъ всему дано соотвѣтствующее мѣсто; всюду замѣтна рука опытнаго собирателя и редактора.

4) Къ слабымъ сторонамъ изданія относится не совсѣмъ точная орѳографія, объясняемая нѣсколько ложнымъ взглядомъ издателя на редакторскія свои обязанности. При всемъ томъ, при умѣломъ и осторожномъ пользованіи сборникомъ, изъ него можно извлечь не мало цѣнныхъ и лингвистическихъ данныхъ.

5) Достоинства разсматриваемаго собранія уже при первомъ выходѣ его въ свѣтъ оцѣнены учеными, которые въ достаточной степени воспользовались имъ для цѣлей литературныхъ и этнографическихъ (академикъ Веселовскій, проф. Сумцовъ, проф. Владиміровъ), а также лингвистическихъ (проф. Соболевскій и др.).

„Имѣя въ виду указанныя достоинства разсматриваемаго изданія П. В. Шейна, а также необычайную энергію автора-редактора въ столь тяжеломъ и малоблагодарномъ трудѣ, какъ собираніе этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ, говоритъ проф. Карскій, Императорская Академія Наукъ поступитъ, по моему убѣжденію, вполнѣ справедливо, присудивъ почтенному труженику на поприщѣ бѣлорусской этнографіи награду имени П. Н. Батюшкова, всегда горячо принимавшаго къ сердцу всякія изслѣдованія и изданія, касавшіяся Западнаго края“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія, на основаніи § 13 положенія о преміяхъ и наградахъ имени П. Н. Батюшкова постановила выдать медали установленныя для рецензентовъ: профессору Евфимію Ѳедоровичу Карскому и библіотекарю Императорской Академіи Наукъ Эдуарду Александровичу Вольтеру, за труды ихъ по оцѣнкѣ, представленныхъ на премію сочиненій.

Разборъ этнографическаго труда П. В. Шейна: «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края». Томъ I, часть I. С.-Петербургъ. 1887. Томъ I, часть II. С.-Петербургъ. 1890. Томъ II. С.-Петербургъ. 1893. (Отдѣльные оттиски изъ 41, 51 и 57 тт. «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ»).

Имя П. В. Шейна очень извѣстно въ русской этнографической наукѣ и съ одинаковымъ правомъ можетъ принадлежать какъ великорусской, такъ и бѣлорусской этнографіи. Трудно даже сказать, въ какой области онъ произвелъ больше, и какая народность больше его интересуетъ. Вышедшій въ текущемъ (1898) году I вып. его «Великорусса въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.», заключающій въ себѣ 1283 записи, представляетъ выдающееся явленіе въ великорусской этнографіи; но въ то же время, какъ намъ извѣстно, продолжается и печатанье матеріаловъ по изученію быта и языка Сѣверозападнаго края, что̀ составитъ заключительный томъ собраній по этнографіи бѣлорусскаго племени.

Критика очень благосклонно отнеслась къ прежнимъ трудамъ Шейна (см. о ней у А. Н. Пыпина, Исторія русской этнографіи, т. II, 68—69, IV, 154—158), особенно къ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ», напечатаннымъ въ V т. Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи за 1873 г. (отдѣльно — С.-Петербургъ. 1874 г.). Рецензія О. Ѳ. Миллера (Отчетъ о восемнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова 25 сентября 1875 г.) указываетъ между прочимъ слѣдующія его достоинства: богатство содержанія, примѣчанія грамматическія и ссылки на соотвѣтственныя пѣсни въ другихъ сборникахъ какъ русскихъ, такъ изданныхъ западными славянами, объясненіе обрядовъ и суевѣрій на основаніи нѣкоторыхъ трудовъ по сравнительной миѳологіи, строгость пріемовъ, употребленныхъ при собираніи пѣсенъ, и обдуманность при выборѣ всего дѣльнаго и выдающагося изъ накопленныхъ матеріаловъ. Дѣй-

ствительно, въ свое время, да еще и теперь «Бѣлорусскія пѣсни» П. В. Шейна (1874 г.) могутъ считаться однимъ изъ лучшихъ собраній произведеній бѣлорусской народной поэзіи.

Но отмѣченный сборникъ важенъ и въ другомъ отношеніи. Выходъ его въ свѣтъ и особенно программы, разосланныя собирателемъ въ массѣ экземпляровъ, много содѣйствовали изученію и собиранію бѣлорусскаго этнографическаго матеріала, результатомъ чего явились какъ позднѣйшіе сборники Шейна, такъ и отчасти труды другихъ лицъ. Уже къ концу печатанья своего сборника 1874 г. Павелъ Васильевичъ имѣлъ матеріала почти на цѣлый другой томъ (Записки Геогр. Общ., V, 829); но этимъ онъ не ограничился, и вотъ въ 1877 г. обращается въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ предложеніемъ отправиться для дальнѣйшаго собиранія памятниковъ бѣлорусской народной словесности. Отдѣленіе охотно приняло предложеніе г. Шейна и оказало ему всякое содѣйствіе въ собирательскихъ трудахъ какъ въ эту поѣздку, такъ и въ слѣдующія, предпринимавшіяся Павломъ Васильевичемъ неоднократно. Запасшись содѣйствіемъ управленія учебнаго округа, одобреніемъ архіереевъ, поддержкой начальниковъ губерній, г. Шейнъ постарался побывать во многихъ мѣстахъ, а еще по-больше завести разныхъ знакомствъ, особенно изъ среды учебнаго персонала, а также учащихся. Всюду онъ распространялъ свои программы[1]), записывалъ самъ и побуждалъ своихъ знакомыхъ записывать для него разные матеріалы, отмѣченные въ программахъ, знакомился съ разными провинціальными собраніями и изданіями. Результатомъ этихъ собираній было то, что П. В. въ Академію Наукъ было представлено матеріала болѣе, нежели на три тома. Съ 1887 по 1893 г. вышло этихъ матеріаловъ 3 большихъ книги (всего болѣе 2010 страницъ); 4-я книга печатается. Но и эти 4 книги не исчерпаютъ всего имѣющагося у почтеннаго собирателя матеріала, такъ какъ при своихъ поискахъ онъ, кромѣ матеріаловъ бѣлорусскихъ, не упускалъ изъ виду разыскиваніе и собираніе этнографическихъ данныхъ изъ области Полѣсья, пограничнаго съ Бѣлоруссіей, а также сосѣдящаго съ Волынью.

Не имѣя возможности судить о томъ, какіе ненапечатанные матеріалы еще имѣются въ распоряженіи нашего собирателя, обратимся къ разсмотрѣнію уже вышедшихъ въ свѣтъ. Само заглавіе труда г. Шейна показываетъ, что авторъ имѣетъ въ виду 1) матеріалы для изученія быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края и 2) матеріалы для изученія языка

[1]) Послѣднее изданіе ихъ вышло въ январѣ 1889 г. подъ заглавіемъ: «О собираніи памятниковъ народнаго творчества для издаваемаго Академіею Наукъ Бѣлорусскаго сборника г. Шейна». Это воззваніе напечатано отъ имени Академіи Наукъ, при чемъ въ него вошла и программа самого Шейна.

того же населенія. Для удобства обозрѣнія собранныхъ матеріаловъ и расположимъ ихъ по двумъ отмѣченнымъ рубрикамъ.

I. Характеристика быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края въ «Матеріалахъ» П. В. Шейна.

Заслуга П. В. Шейна при сужденіи о его «Матеріалахъ для характеристики быта сельскаго населенія Сѣверозападнаго края» выступитъ особенно рельефно тогда, когда мы сравнимъ эти матеріалы съ тѣмъ, что было собрано по этой части до Шейна.

Подъ матеріалами, характеризующими бытъ того или другого народа, можно разумѣть очень многое: начиная отъ обряда, вѣрованія, пѣсни и оканчивая жилищемъ, пищей, вообще тою или другою степенью умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Но работы г. Шейна, не будучи еще закончены, не исчерпываютъ предмета въ такомъ широкомъ смыслѣ: въ нихъ разсматриваются главнымъ образомъ обряды и сопровождающія ихъ пѣсни, а затѣмъ даются матеріалы по поэзіи эпической (сказки, легенды, пословицы и т. п.). Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ труды г. Шейна по сравненію съ тѣмъ, что выработано въ предшествовавшее ему время. Изученіе быта бѣлоруса въ отношеніи обряда и пѣсни, а также вѣрованій, началось не очень давно, и до появленія разсматриваемыхъ трудовъ г. Шейна ничего особенно выдающагося не представляло. Работы Е. Романова [1]) выходили одновременно съ матеріалами Шейна и поэтому въ данномъ случаѣ не могутъ быть принимаемы въ расчетъ. По той же причинѣ не станемъ упоминать о сборникахъ В. Добровольскаго [2]) и этнографическихъ трудахъ Н. Никифоровскаго [3]). Да и при сужденіи о работахъ, увидѣвшихъ свѣтъ раньше «Матеріаловъ» г. Шейна, также не станемъ распространяться, такъ какъ уже прежде насъ онѣ обстоятельно оцѣнены въ трудѣ А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи», т. IV. Мы ограничимся только краткой характеристикой главнѣйшихъ работъ. На первомъ планѣ поставимъ статью, помѣщенную въ «Dziennik'ѣ Wileńsk'омъ» за 1817 г., т. VI, стр. 396—408, Маріи Чарновской, подъ заглавіемъ: «Zabytki mitologii sławiańskiey w zwyczajach wieyskiego ludu na Białey Rusi dochowywane». Статья эта въ свое время дважды печаталась въ русскомъ переводѣ, больше въ извлеченіи, съ сокращеніями, въ «Вѣстникѣ Европы» 1818 г., ч. 102

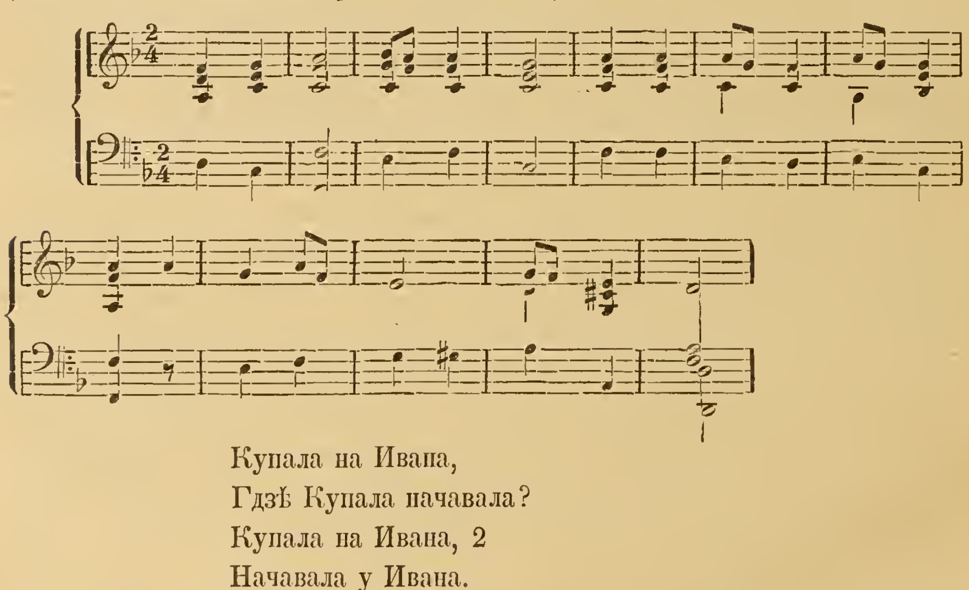
[1]) Бѣлорусскій сборникъ. Т. I, вып. 1 и 2. Кіевъ. 1886 г.; вып. 3. Витебскъ 1887 г.; вып. 4. Витебскъ. 1891 г.; вып. 5. Витебскъ. 1891 г.

[2]) Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. I. С.-Пб. 1891 г.; ч. II. С.-Пб. 1894 г. ч. III. С.-Пб. 1894 г.

[3]) Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1895 г.; Простонародныя примѣты и повѣрья.... въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1897 г.

(53—56, 111—119) и въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822 г., т. IV (464—473). Разъ она была перепечатана и по-польски въ книгѣ Голэмбёвскаго: Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony. W Warszawie. 1830 г. (напр. стр. 12—13, 268—269). Уже изъ этихъ перепечатокъ названной статьи можно видѣть, что она въ свое время казалась очень интересной. Дѣйствительно, она сообщала нѣкоторыя новыя данныя, касающіяся обычаевъ и вѣрованій бѣлоруссовъ; кое-что имѣетъ цѣну и до настоящаго времени. Слѣдуетъ пожалѣть, что г. Шейнъ, перепечатавшій, какъ увидимъ, немало прежнихъ статей въ своихъ «Матеріалахъ», не удѣлилъ мѣста данному очерку. Въ виду рѣдкости въ нашихъ библіотекахъ журнала «Dzieńnik Wileński» приводимъ здѣсь главнѣйшія свѣдѣнія изъ этой статьи[1]).

Купала. Наканунѣ Иванова дня, по заходѣ солнца, въ избранномъ мѣстѣ вбиваютъ въ землю колъ, обкладываютъ его соломой и конопляной трухой, а наверхъ привязываютъ снопъ соломы. «Это и называется Купалой». Затѣмъ, когда стемнѣетъ, зажигаютъ эту солому. При видѣ огня тотчасъ сбѣгается множество крестьянъ обоего пола съ березовыми дровами въ рукахъ, которыя и бросаютъ въ огонь, со словами: «кабъ мой лёнъ былъ (= быў) такъ велики, якъ гэтая фарасина». Нѣкоторые прежде, нежели вбросить полѣно въ огонь, троекратно обѣгаютъ съ нимъ костеръ. Дѣвушки, парни и молодыя женщины поютъ при этомъ слѣдующую пѣсню (для обозначенія напѣва прилагаются ноты):

Купала на Ивана,
Гдзѣ Купала начавала?
Купала на Ивана, 2
Начавала у Ивана.
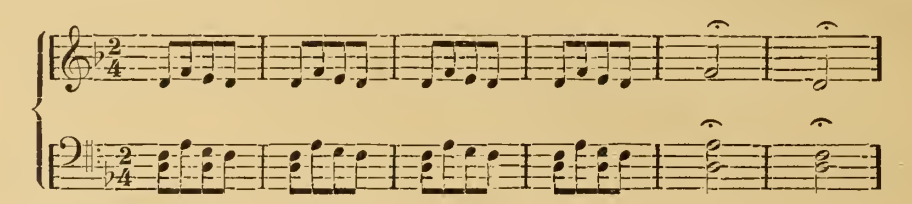
1) По заявленію автора статьи, описаніе составлено подъ вліяніемъ инструкцій гр. Разумовскаго относительно собираній народныхъ произведеній, имѣющихъ значеніе даже для ученыхъ. Записи сдѣланы въ Чериковскомъ уѣздѣ Могилевской губ., въ имѣніи Губенщизна (15 верстъ отъ Черикова). Описаніе обрядовъ даемъ въ русскомъ переводѣ, а пѣсни приводимъ въ русской транскрипціи, но не мѣняя фонетики.

Купала на Ивана, 2
Што у Ивана ужывала?
Купала на Ивана, 2
Ужывала варенице у алеещѣ,
Купала на Ивана, 2
Рыбку зъ перцемъ, часнокъ зъ алейцемъ
Купала на Ивана и т. д.

Когда костеръ сгоритъ до половины или немного болѣе, тогда начинаютъ прыгать черезъ него парни; женатые и вдовцы не имѣютъ этой чести. Женщины приносятъ вареники и угощаютъ ими, а также водкой присутствующихъ. Затѣмъ начинаются танцы при кострѣ, въ который для поддержанія огня подбрасываютъ березокъ и конопляной трухи. Въ эту ночь не ведутъ лошадей на пастбище изъ опасенія, чтобы вѣдьмы не поѣхали на нихъ въ Кіевъ на Лысую гору, а оставляютъ ихъ дома въ хлѣвахъ. Кромѣ того, въ воротахъ обыкновенно привязываютъ освященныя срѣтенскія свѣчи (громницы), которыя, по народному вѣрованію, не допускаютъ вѣдьмъ во дворъ или въ хлѣвъ; даже если бы вѣдьма и сгрызла такую свѣчку, она все же не могла бы войти во дворъ или въ хлѣвъ, чтобы сдѣлать здѣсь какой-либо вредъ. Особенно такія заботы направляются на коровъ, чтобы адская змѣя не высосала у нихъ молока, послѣ чего онѣ могутъ совершенно прекратить давать молоко.

Радавница. Во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ крестьяне послѣ полудня собираются на кладбищѣ у могилъ своихъ родныхъ. Здѣсь съ плачемъ они катаютъ яйца по могиламъ, а затѣмъ отдаютъ ихъ нищимъ, которыхъ въ этотъ день на кладбищѣ собирается множество. Нищіе поютъ свои пѣсни. Пришедшіе разстилаютъ на могилахъ скатерти, разставляютъ на нихъ принесенныя кушанья, поливаютъ могилу водкой и медовой сытой. Затѣмъ начинаютъ ѣсть, при чемъ первыми на это угощеніе приглашаютъ своихъ покойныхъ родителей: «Святые радзицели, хадзице къ намъ хлѣба и соли кушець (= кушаць?), старые и малые!» Число кушаній должно быть нечетное. Непремѣнно бываютъ медъ, творогъ, блины, яйца, колбасы или ветчина; кромѣ того, приносятъ яичницу, какое-либо жареное мясо и подобныя кушанья. Бѣднымъ помогаютъ богатые устроить подходящую трапезу. Остатки кушаній отдаютъ нищимъ. Послѣ ѣды еще разъ обращаются къ мертвымъ со слѣдующими словами: «мае радзицели, выбачайце, недзивице, чымъ хата багата, тымъ и рада». Исполнивши всѣ эти обряды, идутъ въ корчму, пьютъ и танцуютъ. Кладбища на Бѣлой Руси въ лѣсахъ, которые произошли отъ засаживанія ближайшими родственниками на могилахъ деревьевъ. Такихъ поминокъ въ теченіе года бываетъ четверо, но разсмотрѣнныя — самыя главныя.

Русалки. На второй день «Зеленыхъ святокъ», который на Руси есть день Св. Троицы, крестьяне и крестьянки идутъ въ лѣсъ. Однѣ только дѣвушки, а изрѣдка и молодыя замужнія женщины завиваютъ вѣтки березъ въ видѣ вѣнковъ. Каждая завиваетъ столько вѣнковъ, сколько у нихъ въ семействѣ лицъ, т. е. для отца, матери, сестры, брата, дѣтей, мужа, а иногда и для жениха или вообще любимаго человѣка. Завивая вѣнки, подъ аккомпаниментъ скрипки поютъ слѣдующую пѣсню (для обозначенія мелодіи прилагаются ноты):

Русалачки землячачки,
На дубъ лѣзли, кару грызли,
Звалилисе, забилисе.
Тройца.

Завивши вѣнки, прыгая около деревьевъ и прихлопывая руками, поютъ:

Мы вяночки завили,
Мы гарелэчки (= гарелачки?) папили,
И яечню паѣли.

Тутъ дѣвушки обмѣниваются другъ съ другомъ кольцами. Затѣмъ самая старшая женщина въ этомъ собраніи садится на землю съ пучкомъ кропивы, привязаннымъ къ палкѣ, при чемъ дѣлаетъ видъ, что она прядетъ и дремлетъ. Дѣвушки, взявшись за руки, съ пѣснями танцуютъ около нея. Баба неожиданно подпрыгиваетъ съ земли какъ можно выше, продѣлываетъ разныя уморительныя гримасы и бьетъ дѣвушекъ по рукамъ крапивой. Это вызываетъ смѣхъ; затѣмъ, насмѣявшись, пьютъ водку. Всѣ эти игры больше происходятъ возлѣ поля, засѣяннаго рожью. Что касается мужчинъ, то одни играютъ на скрипкахъ, а другіе только смотрятъ, но въ играхъ не участвуютъ. — Черезъ недѣлю идутъ развивать вѣнки. Счастливымъ считается то лицо, чей вѣнокъ не засохъ; онъ обозначаетъ долгую жизнь; наоборотъ, несчастны тѣ, чьи вѣнки засохли: имъ грозитъ какая-либо бѣда. Засохшіе вѣнки срываютъ и бросаютъ въ воду. Чей вѣнокъ дольше держится на водѣ, тотъ больше проживетъ. При развиваніи вѣнковъ поютъ:

На Тройцу мы вянки вили,
На Розгары[1]) развили,
Гарелэчку папили,
И яечню паѣли.

Здѣсь снова обмѣниваются кольцами, т. е. получаютъ свои обратно, и затѣмъ танцуютъ. Отъ Троицы до слѣдующей недѣли никто изъ крестьянъ не дѣлаетъ заборовъ и не починяетъ боронъ — все изъ опасенія, чтобы не прогнѣвать русалокъ. Онѣ мстятъ тѣмъ, что у такихъ хозяевъ рождается скотъ съ кривыми головами или ногами. Встарину видали русалокъ: онѣ бывали нагими, съ черными длинными волосами и глазами такого же цвѣта. Жили онѣ въ лѣсахъ; качались на вѣткахъ деревъ и, если замѣчали, что кто-либо проходитъ мимо, то завлекали къ себѣ словами: «га! га! хадзице къ намъ на арели (= качели) калыхацсе». Несчастливца, приблизившагося къ нимъ, онѣ уродовали.... Русалки это дѣти, которыя умерли безъ крещенія.

Доброхочы. Онъ ходитъ около лѣса; возрастъ его соотвѣтствуетъ высотѣ деревьевъ, около которыхъ онъ бываетъ. Доброхочы — покровитель людей честныхъ; на дурныхъ онъ посылаетъ болѣзни, но нѣкоторыми дѣйствіями можно его умилостивить. Именно, ему приносятъ кусокъ хлѣба и горсть соли, произносятъ надъ нимъ нашептыванія и затѣмъ все это оставляютъ въ лѣсу вмѣстѣ съ болѣзнью, которая уже больше и не возвращается. Дурное качество Доброхочаго то, что если кто вступитъ на его слѣдъ, непремѣнно заблудится въ лѣсу.

Такимъ же успѣхомъ, какъ и статья Чарновской, пользовалось въ свое время сообщеніе И. Шидловскаго: «Obrzędy weselne ludu wieyskiego w gubernii Mińskiey, w powiecie Borysowskim, w parafii Haieńskiey, obserwowane w latach 1800, 1-szym i 2-gim z niektóremi piosnkami i ich zwyczayną nótą», помѣщенное въ журналѣ «Tygodnik Wileński» 1819 г., т. VII (стр. 1—18, 81—104). Въ «Tygodnik'ѣ» фамилія автора не упомянута. Объ ней узнаемъ изъ перепечатки этой статьи въ книгѣ гр. Тышкевича: Opisanie powiatu Borysowskiego (о чемъ послѣ). Но ни у Тышкевича, ни въ «Tygodnik'ѣ» нѣтъ нотъ, передающихъ мотивы пѣсенъ. Послѣднія помѣщены при перепечаткѣ этой статьи въ книгѣ Голэмбёвскаго Lud Polski. Статья Шидловскаго вполнѣ основательно перепечатана у г. Шейна въ русскомъ переводѣ и транскрипціи пѣсенъ; жаль только, что лицо, переводившее эту статью для «Матеріаловъ» Шейна, пользовалось не оригиналомъ статьи (въ «Tygodnik'ѣ»), а ея перепечаткой у Тышке-

[1]) Названіе этой недѣли. Замѣч. автора.

вича. Послѣ мы увидимъ, насколько точно транскрибированы пѣсни изъ этой статьи. Здѣсь только, въ дополненіе къ ней, перепечатаемъ мотивы пѣсенъ, приложенные къ рѣдкой нынѣ книгѣ Lud Polski.

Allegretto.

№ 1.

На - ша Та-цян-ка, на - ша. На - ша Та - цян - ка, на - ша
пой - ма - ла са - бѣ пта - ша.

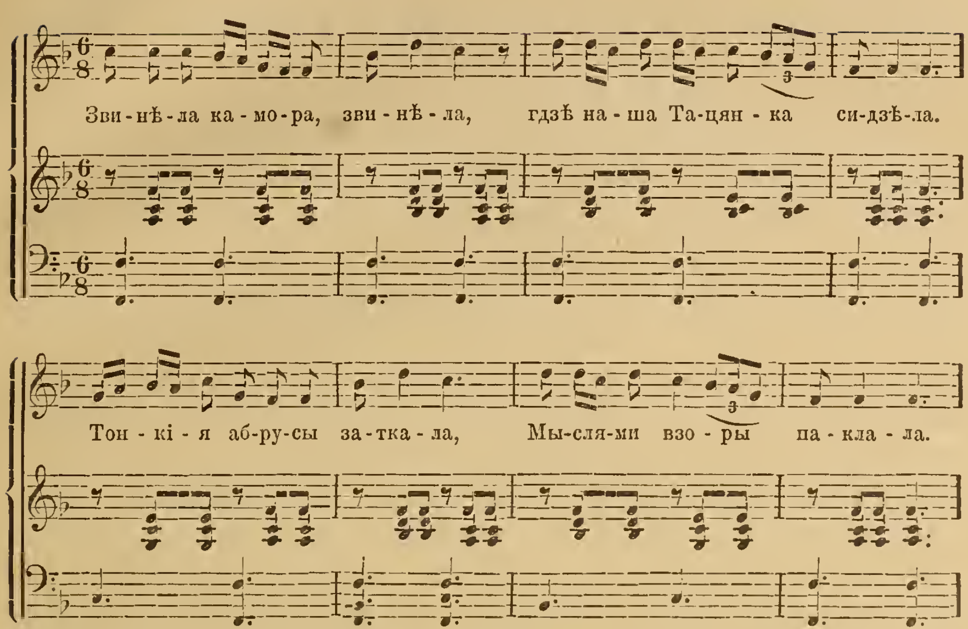
№ 2.

Ой цё - мна цё - мна на два - рѣ,
Ой цё-мнѣй та - го за два-ромъ.

№ 3.

Ми-жы на-выхъ клѣ - та - чакъ
Ми-жы на - выхъ клѣ - та-чакъ, сце-жач - ки па - мя - цё - ны.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 г., № 5 (стр. 75—92), помѣщена статья К. Фалютыньскаго: «Народные праздники, увеселенія, повѣрья и суевѣрные обряды жителей Бѣлоруссіи». Она довольно слабая и малоинтересная, но все же заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ въ то время и подобныхъ статей не было.

Къ концу первой половины истекающаго столѣтія знакомство съ бытомъ западной Руси нѣсколько усиливается. Тутъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить небольшіе сборнички Яна Чечота, послужившіе матеріаломъ для неоднократныхъ перепечатокъ у разныхъ собирателей бѣлорусскихъ произведеній, часто даже безъ упоминанія источника, откуда они заимствуются. Такъ много взяли изъ Чечота, какъ увидимъ послѣ, Киркоръ въ Этнографическомъ сборникѣ, вып. III, Корева въ описаніи Виленской губерніи, Шпилевскій, Дмитріевъ, Крачковскій, Шейнъ; у послѣднихъ двухъ дѣлаются и ссылки на Чечота. Дѣятельность Чечота на поприщѣ бѣлорусской этнографіи довольно обстоятельно охарактеризована въ неоднократно упоминаемомъ трудѣ А. Н. Пыпина: Исторія русс. этнографіи, IV, 45—55. Мнѣ остается только напомнить, что подлинныя бѣлорусскія пѣсни (не въ польскомъ переводѣ) содержатся лишь въ двухъ книжкахъ Чечота: «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1844» и «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno. 1846». Въ сборникѣ Чечота даются только пѣсни, но

описанія обрядовъ нѣтъ. Кое-что можно извлечь лишь изъ словарика, да народныхъ примѣтъ, касающихся праздниковъ, а также изъ пословицъ. Передачи звуковъ у Чечота, а также у г. Шейна при заимствованіи у него пѣсенъ — коснемся послѣ.

Къ этому же времени относится и книга, составленная подъ руководствомъ гр. Евст. Тышкевича: «Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o obyczajach, spiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, guslach, zabobonach i t. d. Wilno. 1847». Посвященіе Л. А. Перовскому, министру внутреннихъ дѣлъ, подписано словами: Mam honor zostawać jaśnie wielmożnego pana najniższym sługą Eustachy Hrabia Tyszkiewicz, Marszałek Powiatu Borysowskiego. Въ русскомъ переводѣ это сочиненіе имѣется только въ рукописи Виленской публичной библіотеки № 300 по описанію Ѳ. Добрянскаго: «Описаніе Борисовскаго уѣзда въ статистическомъ, хозяйственномъ, промышленно-торговомъ и медицинскомъ отношеніи. Съ присовокупленіемъ свѣдѣній о нравахъ, пѣсняхъ, пословицахъ и одеждѣ простого народа, предразсудкахъ, вѣрованіяхъ и проч.». Переводъ съ польскаго. 1848 г., 244 л. Книга эта, очень замѣчательное явленіе въ этнографической литературѣ времени половины нынѣшняго столѣтія, не потеряла своего значенія и теперь. Въ ней, кромѣ свѣдѣній чисто статистическаго характера, помѣщено еще очень много любопытныхъ данныхъ относительно обрядовъ и сопровождающихъ ихъ пѣсенъ, народнаго чародѣйства, суевѣрій, примѣтъ; тутъ имѣется и порядочное собраніе пословицъ. Подобно сборничкамъ Чечота, и Opisanie powiatu Borysowskiego Тышкевича дало много матеріала для послѣдующихъ собирателей, напр. для Носовича (безъ ссылокъ на Тышкевича), Киркора (Этнографич. сборн., вып. III), Крачковскаго. Наконецъ г. Шейнъ въ своихъ «Матеріалахъ» цѣликомъ переводитъ главы, касающіяся свадебнаго обряда, о чемъ рѣчь послѣ. Здѣсь только поставимъ на видъ, что не мѣшало бы дополнить свѣдѣніями изъ Тышкевича и обряды купальскіе; особенно среди пѣсенъ тамъ попадаются довольно интересныя (ср. стр. 369—375), напр.

Соньце грѣець,
Калода прѣець;
Соньце пячець,
Калода цячець.

Или:

Сегодня у насъ Купала. То! то! то! то!
Самъ Богъ агонь разклаў. То! то! то! то! и т. д.

Также слѣдовало бы перепечатать и пѣсни жнивныя (стр. 396—399). Тутъ встрѣчаются такія жнивыя пѣсни, какъ:

Золато маё, золато, на таку малочано,
На сталѣ пасыпано. Хто золато паличыць,
Той на вайну не наѣдзець. . .

Или:

У насъ сягодня вайна была.
Усё поля зваявали.
Змяли поля мяцёлками,
Идземъ дамоў вясёлками.
Нiўка мая, нiўка,
Аддай маю силку!

Разсмотрѣнные труды представляютъ главнѣйшiя явленiя по бѣлорусской этнографiи, вышедшiя на польскомъ языкѣ въ первую половину истекающаго столѣтiя. Работы эти хотя и очень немногочисленныя, но во всякомъ случаѣ очень цѣнныя, не потерявшiя въ большинствѣ случаевъ своего значенiя и до настоящаго времени. Всегда ихъ имѣли въ виду всѣ этнографы до послѣдняго времени, о чемъ уже свидѣтельствуютъ многочисленныя заимствованiя изъ нихъ.

Съ 50-хъ годовъ появляются болѣе или менѣе выдающiяся работы по бѣлорусской этнографiи и на русскомъ языкѣ, на первыхъ порахъ, правда, бывшiя въ очень близкой зависимости отъ польскихъ трудовъ. Тутъ по времени первое мѣсто несомнѣнно занимаютъ разныя статьи П. М. Шпилевскаго (подробное перечисленiе ихъ, а также оцѣнку можно найти въ «Исторiи русс. этногр.» Пыпина, IV, 72—75). Мѣстный уроженецъ, проведшiй дѣтство въ одномъ изъ бѣлорусскихъ захолустiй, онъ очень хорошо зналъ бѣлорусскiй бытъ и при лучшемъ состоянiи этнографической науки могъ бы дать много цѣнныхъ матерiаловъ для его характеристики. На самомъ же дѣлѣ его статьи носятъ беллетристическiй характеръ; въ нихъ авторъ довольно легко относится къ тѣмъ или другимъ обрядамъ и обычаямъ, такъ что, читая его статьи, нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ въ правдивости сообщенiй. Многiя пѣсни, кромѣ того, заимствованы у Чечота или изъ книги Тышкевича, безъ ссылокъ на эти труды. Несмотря на эти недостатки, и изъ трудовъ Шпилевскаго, при осторожномъ пользованiи, можно извлечь не мало интереснаго. О заимствованiяхъ г. Шейна изъ Шпилевскаго рѣчь послѣ.

Начиная съ 1853 года Императорское Географическое Общество начало обнародывать отвѣты, полученные имъ на програмы, разосланныя

еще въ 1847 году, въ особомъ сборникѣ, носившемъ названіе: «Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ». Въ первыхъ трехъ выпускахъ этого сборника есть интересныя статьи и по бѣлорусской этнографіи, содержащія матеріалы для характеристики народнаго быта. Таковы — въ 1-мъ выпускѣ (Спб. 1853 г.) статья свящ. Разумихина: «Село Бобровки и окружный его околотокъ Тверской губ. Ржевскаго уѣзда» (235—282). Здѣсь, кромѣ данныхъ для характеристики языка, имѣемъ и матеріалы, изображающіе народный бытъ тверскихъ бѣлоруссовъ (обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей, при свадьбахъ, при похоронахъ и нѣкоторые другіе). Обо всемъ говорится вкратцѣ, но за то сообщаются свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ дотолѣ неизвѣстныя. Въ томъ же выпускѣ помѣщена статья проф. Литовской семинаріи И. Юркевича: «Остринскій приходъ Виленской губ. Лидскаго уѣзда» (283—293) — также дающая кое-какія свѣдѣнія по западнорусскому быту. Во 2-мъ выпускѣ Этнографическаго сборника помѣщена очень интересная статья: «Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ» (111—268), касающаяся больше сѣверной части Бѣлоруссіи. Въ основѣ этой обширной статьи лежитъ этнографическое описаніе народнаго быта, сдѣланное Н. Анимелле, но оно дополнено разными сообщеніями, поступавшими въ Географическое Общество отъ 1848 по 1850 г. Тутъ находимъ напр. свѣдѣнія о привѣтствіяхъ, о сидѣніи за столомъ, о крестинахъ, свадьбахъ у православныхъ и католиковъ бѣлоруссовъ; описаніе обрядовъ сопровождается соотвѣтствующими пѣснями и привѣтствіями. Далѣе описываются похороны и поминки. Есть описаніе обычаевъ и при особыхъ случаяхъ, напр. при пожарахъ. Особый отдѣлъ составляетъ описаніе обрядности при народныхъ праздникахъ, а также при жнивѣ и толокѣ. И здѣсь описаніе обрядовъ вездѣ сопровождается пѣснями. Въ заключеніе предлагаются суевѣрія и примѣты, а также приводится нѣсколько поговорокъ. Эта статья во всѣхъ отношеніяхъ интересная. Жаль только, что уже давно не имѣется въ продажѣ этотъ выпускъ Этнографическаго сборника. Въ 3-мъ выпускѣ также находимъ двѣ интересныя статьи по быту сельскаго населенія. Это а) «Замѣтки о западной части Гродненской губерніи» безъ имени автора (кажется Куклинскаго, стр. 47—114) и б) «Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію» А. Киркора (115—276). Въ первой статьѣ, кромѣ историческаго очерка страны, дается описаніе и «быта современнаго», при чемъ подъ бытомъ разумѣется собственно языкъ: описаній обрядовъ и обычаевъ нѣтъ. Объ нихъ впрочемъ можно судить по приводимымъ здѣсь пѣснямъ. Статья Киркора уже даетъ обстоятельный очеркъ между другими народностями и быта бѣлорусскаго населенія Виленской губерніи. Тутъ описаны обряды при рожденіи, свадьбѣ, похоронахъ, поминкахъ умершихъ; тутъ

же описаніе народныхъ празднествъ, а также полевыхъ работъ съ сопровождающими ихъ обрядами и пѣснями; есть краткія свѣдѣнія о народной медицинѣ и лѣкаряхъ-знахаряхъ; описываются народныя игры съ приложеніемъ сопровождающихъ ихъ пѣсенъ. Наконецъ немало отведено мѣста и народнымъ преданіямъ. Съ 193 страницы статья представляетъ сырые матеріалы: Словарь бѣлорусско-кривичанскаго нарѣчія, представляющій при ближайшемъ разсмотрѣніи простую перепечатку русскими буквами Słownika wyrazów krewickich изъ сборника Чечота 1846 г. (стр. 64—68). Далѣе (стр. 201—223) слѣдуютъ «пѣсни жителей Виленской губерніи, кривичанскаго племени», также перепечатанныя изъ Чечота (ib. 17—32, 46—62), безъ указанія источника, откуда онѣ взяты. Заимствованіе ихъ изъ Чечота подтверждается не только буквальнымъ сходствомъ, а также порядкомъ расположенія, но даже особымъ способомъ обозначенія неслогового ў посредствомъ ý въ подражаніе Чечотовскому латинскому ú. Перепечатка сдѣлана довольно механически: Киркоръ помѣстилъ даже въ число народныхъ пѣсенъ стихотвореніе самого Чечота «Да милыхъ мужычкоў» (№ 43, стр. 222; у Чечота 1846 г., № C, стр. 62):

Да и яжъ вамъ памагу	Da i jaž wam pamahū,
Пѣсѣньку спѣваци	Piēsieńku śpiewaci;
Дай яжъ мижи вами ýзросъ	Da-j jaž miży wami úzros
При бацьку и маци	Pry baćku i maci.
И мнѣ Боў [1]) па свѣцѣ даў	I mnie Вон na świecie daú
Горо гороваци;	Horo harawaci;
Штобъ лѣшись [2]) я васъ любіў,	Sztoby lepsz ja was lubīú,
И ýмѣў спагадаци	I úmień spahadaci.
Ой штожъ вы напѣли тутъ	Oj sztož wy napieli tut,
Да якого дзива? и т. д.	Da jakoho dziwa! и т. д.

У Киркора вслѣдствіе умолчанія объ источникѣ, а также невнимательнаго отношенія къ нему, допущена нѣкоторая мистификація или лучше — подлогъ. «Piosnki krewickie z nad Niemna» Чечота, записанныя около Щорсъ, стоящихъ на Нѣманѣ въ Минской губ. или въ прежнее время въ Гродненской, отнесены къ пѣснямъ Виленской губерніи. Впрочемъ незначительная часть пѣсенъ, находящихся у Киркора, не имѣется у Чечота и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ собраніяхъ. Онѣ, быть можетъ, собраны и самимъ Киркоромъ. На стр. 234—239 напечатаны пословицы, также

---

[1]) Чит. Богъ; неправильно прочитано Вон.

[2]) Чит. лѣпшь. Какъ и въ другихъ случаяхъ, корректурная небрежность.

взятыя изъ Чечота, безъ указанія источника (ср. у Чечота 1846 г., стр. 106—120). Свадебныя пѣсни (стр. 239—272), опять-таки безъ указанія источника, перепечатаны русскими буквами изъ Opisania powiatu Borysowskiego (стр. 289—345). И здѣсь перепечатка часто довольно небрежная, напр. у Тышкевича читаемъ: Tatkawa niuka da nie ulekajsie = Таткава ніўка да не улекайсе, а у Киркора: Таткова *нюка* да не улекайсѣ. Всѣ эти пѣсни изъ Борисовскаго уѣзда Минской губ., но онѣ названы пѣснями Виленской губерніи. Описаніе обрядовъ отъ пѣсенъ устранено. Имѣя въ виду такое безцеремонное обращеніе съ чужими пѣснями, можно думать, что такъ же отнесся Киркоръ и къ описаніямъ обрядовъ, хотя у него собрано и достаточно этого рода матеріала.

Въ 1857, 1858 и 1859 годахъ генеральнымъ штабомъ были разосланы инструкціи и программы для изученія губерній Сѣверозападнаго края въ отношеніи статистики и географіи. Полученные въ отвѣтъ на эти программы матеріалы и изданы были потомъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ: «Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба». Въ нѣкоторыхъ томахъ этого изданія имѣются и матеріалы, характеризующіе народный бытъ. Первой по времени книгой, интересной въ этомъ отношеніи, является «Виленская губернія» А. Коревы. Спб. 1861. Тутъ (на стр. 609—638) въ отдѣлѣ — частный и гражданскій бытъ мѣстнаго населенія — имѣются и матеріалы для характеристики быта бѣлоруссовъ («Обряды славянскаго племени»). Слѣдуетъ только пожалѣть, что это описаніе не представляетъ ничего новаго, будучи выдержками изъ раньше отмѣченной статьи Киркора, который свои свѣдѣнія заимствовалъ у другихъ, главнымъ образомъ у Чечота и Тышкевича. Свой этотъ недостатокъ сознаетъ и самъ составитель описанія Виленской губерніи: «Всѣ эти сочиненія имѣютъ важныя достоинства, знакомящія съ частнымъ бытомъ мѣстнаго населенія губерніи, а потому мы здѣсь ограничимся извлеченіемъ болѣе любопытныхъ мѣстъ изъ этихъ описаній, а остальное предоставляемъ любознательнымъ читателямъ и любителямъ этнографическихъ изслѣдованій, для знакомства въ этомъ отношеніи съ краемъ, обратиться къ вышепоименованнымъ сочиненіямъ. Все нами здѣсь сказанное объ этомъ предметѣ было бы только повтореніемъ того, что уже давно представлено на судъ публики» (стр. 610). Значительно интереснѣе данныя о бытѣ бѣлоруссовъ находимъ въ томѣ «Матеріаловъ», содержащемъ «Гродненскую губернію» П. Бобровскаго. Спб. 1863, ч. I. Въ этомъ томѣ (на стр. 621—652, 808—844) дается не мало интереснаго и при томъ новаго матеріала для характеристики быта русскаго населенія Гродненской губ. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только бѣлоруссовъ, то отсюда слѣдуетъ исключить все, что касается малорусскаго пле-

мени и отчасти жителей малорусскаго Полѣсья. Впрочемъ описаніе собственно обрядовъ, суевѣрій, предразсудковъ бѣлоруссовъ Гродненской губ. здѣсь занимаетъ немного мѣста (стр. 820—832, 838—842). При описаніи свадьбы кое-что, вѣроятно, заимствовано и у Киркора. Нѣкоторыя этнографическія данныя можно извлечь и изъ приводимыхъ пѣсенъ. Изъ другихъ частей этого ряда изслѣдованій заслуживаетъ еще вниманія книга М. Цебрикова «Смоленская губернія». Спб. 1862. Здѣсь рядомъ съ изображеніемъ быта великоруссовъ Смоленской губерніи отмѣчаются и этнографическія черты смоленскихъ бѣлоруссовъ, касающіяся быта и народной поэзіи.

Польское возстаніе 1863 г. заставило русское общество серьёзнѣе взглянуть на бѣлорусскую народность, болѣе точно опредѣлить ея отличительныя свойства, нравственный обликъ. Поэтому съ 60-хъ годовъ появляются новыя собранія разныхъ матеріаловъ, характеризующихъ бытъ и языкъ бѣлоруссовъ. Первый сборникъ, явившійся въ это время подъ редакціей Гильтебрандта, больше изъ записей учениковъ Молодечнянской учительской семинаріи, подъ заглавіемъ: «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверозападномъ краѣ. Вып. I. Вильна. 1867» — не отличается особыми достоинствами: въ немъ и подборъ пѣсенъ и группировка ихъ неправильны; кромѣ того, есть поддѣлки; обряды описываются лишь изрѣдка и то вкратцѣ, въ извлеченіи изъ Шпилевскаго; даже взглядъ на область бѣлорусскаго нарѣчія здѣсь не совсѣмъ правиленъ. Вслѣдствіе отмѣченныхъ недостатковъ указанный сборникъ, хотя и совершенно не имѣется въ настоящее время въ продажѣ, даже не заслуживаетъ того, чтобы изъ него дѣлать перепечатки. Сборникъ этотъ составился изъ пѣсенъ, прилагаемыхъ къ «Виленскому Вѣстнику». И другія періодическія изданія того времени въ Сѣверозападномъ краѣ также помѣщали статьи этнографическаго характера, касающіяся быта бѣлорусскаго племени. Нѣкоторыя изъ такихъ статей впослѣдствіи вышли и отдѣльными книжками. Таковъ, напр., «Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ Сѣверозападнаго края». М. Дмитріева. Перепечатано изъ Гродненскихъ губернскихъ вѣдомостей. Гродно. 1868 г. Эта книжечка (16°, 181 стр.) въ слѣдующемъ же 1869 г. вышла въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: «Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ Сѣворозападнаго края». Нѣсколько обширнѣе Гродненскаго изданія (мал. 8°, 264 стр.). Книжка эта очень непритязательная, но все же дающая немало интереснаго матеріала для характеристики быта бѣлоруссовъ. Много изъ Дмитріева, какъ увидимъ, перепечатано и въ «Матеріалахъ» г. Шейна. Изъ статей, явившихся сначала въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, дополненныхъ впослѣдствіи новыми матеріалами, составилась и очень интересная въ отношеніи изобра-

женія быта статья Ю. Крачковскаго: «Бытъ Западнорусскаго селянина». М. 1874 г. (изъ Чтеній въ Общ. ист. и др. Росс. 1873 г., кн. 4), 8°, 212. Какъ показываетъ само заглавіе, книга эта исключительно посвящена изображенію быта западноруса во всѣхъ его отрасляхъ, начиная отъ событій семейныхъ и оканчивая земледѣльческими работами. По полнотѣ и обстоятельности сообщеній эта статья можетъ быть сравнена развѣ съ отмѣченной раньше работой Анимелле о бытѣ бѣлорусскихъ крестьянъ (Этногр. сб., II), которую она превосходитъ большей занимательностью изложенія. Статья составлена и изъ новыхъ матеріаловъ, доставленныхъ ся автору впервые, и изъ перепечатки нѣкоторыхъ старыхъ, но всегда съ указаніемъ источника, а также мѣста записи. Такъ здѣсь находимъ заимствованія изъ сборниковъ Гильтебрандта, Зенькевича, Чечота, Тышкевича, Бобровскаго, Коревы, Дмитріева. Всѣ эти заимствованія приведены кстати; видимо авторъ хорошо знакомъ съ предметомъ, о которомъ онъ трактуетъ въ своей статьѣ. Жаль только, что бытъ чисто бѣлорусскаго населенія не вездѣ отличается отъ быта пинчуковъ и даже малоруссовъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно пѣсенъ.

Около этого времени начинаютъ появляться и отдѣльныя болѣе или менѣе обширныя собранія бѣлорусскихъ народныхъ произведеній, часто съ присоединеніемъ описаній обрядовъ и обычаевъ. Первой по времени такой работой слѣдуетъ признать изданіе П. Безсонова: «Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта». М. 1871. Составъ и судьбу своего сборника Безсоновъ самъ подробно излагаетъ въ обширномъ предисловіи къ нему; здѣсь же указано и отношеніе его сборника къ предыдущимъ трудамъ по бѣлорусской этнографіи. Изъ этого предисловія можно видѣть, что въ основѣ сборника лежатъ пѣсни, доставленныя мѣстными уроженцами извѣстному собирателю П. В. Кирѣевскому. Пѣсни эти были записаны польскимъ шрифтомъ и отчасти съ полонизмами. На долю Безсонова выпалъ редакторскій трудъ, который онъ, вообще говоря, выполнилъ довольно добросовѣстно. Это тѣмъ легче было ему сдѣлать, что одно время ему по службѣ пришлось быть въ Западномъ краѣ и непосредственно познакомиться съ мѣстной стариной и народнымъ бытомъ. Къ сожалѣнію, изданіе бѣлорусскихъ пѣсенъ Безсонова оборвалось на I-мъ выпускѣ, заключающемъ только 181 № пѣсенъ, но зато исключительно обрядовыхъ. Изданіе пѣсенъ сопровождается подробнымъ описаніемъ обрядовъ и обычаевъ; жаль только, что это описаніе соединено съ собственными объясненіями ихъ, въ большинствѣ случаевъ довольно сомнительнаго достоинства. Къ недостаткамъ сборника слѣдуетъ еще отнести то, что въ немъ нѣтъ строгаго разграниченія между пѣснями чисто бѣлорусскими и тѣми, кото-

рыя записаны въ Полѣсьѣ. Впрочемъ при осторожномъ пользованіи «Бѣлорусскими пѣснями» Безсонова можно извлечь изъ нихъ много поучительнаго въ бытовомъ отношеніи матеріала.

Еще раньше Безсонова на поприщѣ бѣлорусской этнографіи началась дѣятельность мѣстнаго уроженца И. И. Носовича (оцѣнку этой дѣятельности см. у А. Н. Пыпина: Исторія русс. этногр., IV, 148—153). Для характеристики быта бѣлоруссовъ имѣютъ значеніе всѣ его сочиненія въ этой области, но особенно цѣнны его пословицы, въ послѣдній разъ изданныя въ Сборникѣ Отдѣленія русс. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, т. XII, подъ заглавіемъ: «Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ». С.-Пб. 1874. Сюда вошли какъ пословицы, собранныя самимъ Носовичемъ, такъ и позаимствованныя изъ другихъ собраній, быть можетъ даже изъ великорусскихъ сборниковъ, при чемъ онѣ были лишь подправлены на бѣлорусскій ладъ. Другое его собраніе — «Бѣлорусскія пѣсни» (Записки Имп. Русс. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. V, С.-Пб. 1873 г., 45—280) имѣютъ въ научномъ отношеніи меньше значенія. При нихъ обыкновенно нѣтъ указанія мѣста записи и лица записывавшаго. Описаніе обрядовъ и повѣрій сдѣлано очень поверхностно. Самыя пѣсни при ближайшемъ знакомствѣ оказываются часто заимствованными изъ прежнихъ собраній, напр. Чечота и Тышкевича, при чемъ быть можетъ не непосредственно у нихъ, а черезъ Киркора. Ср. свадебн. пѣсни (Записки, V, 175—231; есть и другія мѣста сходства, напр. 80 стр. В). Указаній на заимствованія въ сборникѣ не сдѣлано. Редакція перепечатанныхъ пѣсенъ не вездѣ правильная: иногда допускаются измѣненія правописанія и даже исправленія въ самомъ текстѣ. Нѣкоторыя пѣсни завѣдомо искусственныя произведенія, имѣющія значеніе для характеристики языка, но не народнаго быта (ср. Записки, V, стр. 70 №№ 1 и 2, стр. 71 № 4, стр. 76 № 15, стр. 86 и др.).

Въ томъ же V томѣ Записокъ Имп. Русс. Геогр. Общества помѣщенъ и первый бѣлорусскій сборникъ П. В. Шейна, вышедшій отдѣльной книгой въ 1874 г. Рѣчь о немъ была раньше, въ началѣ этой статьи. Здѣсь повторимъ только, что по своимъ внутреннимъ качествамъ этотъ сборникъ превосходитъ все вышедшее до него, какъ у русскихъ, такъ и у поляковъ.

Наконецъ еще слѣдуетъ упомянуть объ одномъ крупномъ собраніи матеріаловъ, характеризующихъ бѣлорусскій бытъ, явившемся до «Матеріаловъ» г. Шейна, именно объ этнографической части въ «Опытѣ описанія Могилевской губ...., составленномъ по программѣ и подъ редакціею.... А. С. Дембовецкаго». Могилевъ на Днѣпрѣ. 1882 г. Въ 1-й книгѣ этого трехтомнаго описанія въ отдѣлѣ о населеніи Могилевской губерніи (стр. 173—599, 607—653) дается масса интереснаго матеріала, характери-

зующаго народный бытъ: описаніе празднованія главнѣйшихъ явленій изъ жизни простолюдина, какъ — свадьбы, родинъ и крестинъ, похоронъ и поминокъ; а также нѣкоторыхъ народныхъ празднествъ и занятій — свѣчи, колядъ съ играми во время послѣднихъ, толоки; тутъ же описаніе повѣрій, народныхъ примѣтъ; наконецъ приводится крестьянскій календарь по мѣсяцамъ. Всѣ эти описанія сопровождаются иллюстраціями изъ народныхъ пѣсенъ, поговорокъ и повѣрій и заканчиваются обширнымъ пѣсеннымъ сборникомъ — до 500 нумеровъ. Пѣсни расположены по слѣдующимъ 4-мъ группамъ: колядныя и вообще распѣваемыя зимою, весеннія, лѣтнія и пѣсни, которыя поются во всякое время года — на свадьбахъ, вечеринкахъ, а также духовные стихи. При пѣсняхъ вездѣ указана мѣстность, гдѣ онѣ записаны. Всѣ пѣсни вновь собранныя, не перепечатанныя изъ прежнихъ изданій. Даже въ фонетическомъ отношеніи записи довольно удовлетворительныя; жаль только, что при редактированіи всѣмъ пѣснямъ сообщены особенности одного говора. Все сказанное касается описанія быта и пѣсенъ, записанныхъ среди крестьянъ. Но и въ отдѣлѣ о мѣщанахъ также находимъ немало интереснаго въ бытовомъ отношеніи. Тутъ между прочимъ описанъ «вертепъ», въ которомъ даются представленія народныхъ мистерій. Есть описаніе масленицы, великаго поста, Пасхи, Радоницы и др. дней. Описаны также обряды и обычаи при свадьбахъ, рожденіи и крестинахъ, а также при похоронахъ. Вообще относительно этого собранія, несмотря на нѣсколько сдержанные отзывы критики (напр. у Романова: Бѣлор. Сборн. I—II, VII), слѣдуетъ сказать, что оно, хотя и составилось изъ записей, полученныхъ оффиціальнымъ путемъ, отличается многими несомнѣнными достоинствами, ставящими его значительно выше многихъ крупныхъ изъ раньше разсмотрѣнныхъ собраній. Менѣе надежны эти матеріалы конечно въ отношеніи языка.

Вотъ и всѣ главнѣйшія работы, явившіяся въ печати до выхода 1-го вып. «Матеріаловъ» П. В. Шейна. Нашъ очеркъ однако былъ бы далеко не полнымъ, если бы не были поименованы и нѣкоторыя мелкія работы, особенно явившіяся начиная съ 60-хъ годовъ, такъ какъ и эти послѣднія отчасти содержатъ интересныя данныя для характеристики народнаго быта, отчасти же вошли въ томъ или другомъ видѣ и въ «Матеріалы» П. В. Шейна. Я отмѣчу только болѣе интересныя вещи[1]). Эти статьи и замѣтки слѣдующія: 1) Гецыки. П. Кушина («Москвитянинъ» 1843 г., т. IV, 383—412); 2) Бѣлорусскія поговорки. В. Васильева («Маякъ» 1844,

[1]) Подробное перечисленіе разныхъ матеріаловъ этого рода можно найти въ книгѣ: «Полѣсье. Библіографическіе матеріалы по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья». Спб. 1883. Слѣдуетъ только выдѣлить отсюда то, что не касается бѣлоруссовъ.

XV, смѣсь, стр. 29; 1845, т. XXII, стр. 58; XXIII, стр. 144). 3) Бѣлорусскія пословицы, собранныя и объясненныя новозыбковскимъ протоіереемъ К. Мальчевскимъ (Могил. губ. вѣд. 1850 г., №№ 40—42, 45 и др.); 4) Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собраны Е. П. С.-Пб. 1853 г. Пѣсни въ переложеніи; есть и описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ; 5) Бѣлорусскія повечорки («Калейдоскопъ» 1862 г., № 27, стр. 421—424); 6) Апрѣль мѣсяцъ у бѣлорусскихъ крестьянъ. Нилъ Синявскій (Смолен. губ. вѣд. 1862 г., № 24; 7) Мѣстныя суевѣрія и предразсудки (изъ записокъ сельскаго священника). Протоіерей Плакидъ Янковскій (Литов. епарх. вѣд. 1863 г., №№ 21 и 22, стр. 810—815 и 854—864); 8) О народныхъ пѣсняхъ Минской губерніи. А. С. (Вил. Вѣстн. 1864 г., № 131); 9) То же (Вѣстникъ Зап. Россіи 1865 г., № 7, янв., стр. 422—426); 10) Свадебный обрядъ у крестьянъ въ приходѣ с. Нѣжкова Могилев. уѣзда. С. С. Б. (Могилев. губ. вѣд. 1865 г., № 13); 11) Свадебные обычаи и обряды простонародья въ Борисовскомъ уѣздѣ. Ш—вичъ (Минск. губ. вѣд. 1865 г., №№ 22—29, 35—37, 39, 41—44); 12) Статья Серебренникова въ Памятной книжкѣ Витебской губ. на 1865 и 1866 гг.; 13) Вертепъ въ Могилевѣ (Могилев. губ. вѣд. 1866 г., № 4; 14) Обряды погребенія въ Игуменскомъ уѣздѣ. Валюковичъ (Минск. губ. вѣд. 1867 г., № 12); 15) Свадебные обряды крестьянъ Гродн. губ. (Вилен. Вѣстн. 1867 г., № 103); 16) Этнографич. очерки Гродн. губ. А. Славутинскій (ib. №№ 119 и 120); 17) Крестьянская жизнь и обычаи въ Мстислав. уѣздѣ. И. Сердюковъ (Могилев. губ. вѣд. 1867 г., №№ 50, 51, 52; 1868 г., №№ 14, 17, 23—30, 33—35, 40 и 41); 18) Бѣлорусскія пѣсни. Собраны въ Борисов. уѣздѣ Д. Булгаковскимъ. (Мин. губ. вѣд. 1868 г., № 23); 19) Обычаи и повѣрья въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рогачевскаго уѣзда. Е. Кучинскій (Могил. губ. вѣд. 1868 г., № 22); 20) Бѣлорусскія народныя пѣсни. Собралъ Н. Руберовскій (Вилен. Вѣстн. 1867 г., №№ 75—77); 21) Его же: Свадебные обряды крестьянъ Минскаго уѣзда (ib. 1868 г., № 8); 22) То же (Мин. губ. вѣд. 1869 г., № 31); 23) Изъ религіозной жизни крестьянъ Мозырскаго уѣзда. К. С—цова (Мин. губ. вѣд. 1869 г., № 30); 24) Порядокъ народнаго времяисчисленія по праздникамъ и чествованіе ихъ въ сѣверозападной Руси. Свящ. І. Берманъ (Вилен. Вѣстн. 1869 г., №№ 6, 7, 12, 19, 34, 39); 25) Его же: Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ (Вилен. губ. Ошмян. уѣзда) (Зап. Имп. Геогр. Общ. по отд. этногр. V, 1873 г.); 26) Его же: Наблюденія нашего сѣверозападнаго крестьянства относительно погоды и урожая (Вилен. Вѣстн. 1870 г., №№ 130 и 132; 27) О сборникѣ западнорусскихъ пословицъ и поговорокъ. Гр. Кульжинскій (Гродн. губ. вѣд. 1866 г., № 41 и Вилен. губ. вѣд. 1866 г., № 84); 28) Его же: О духовныхъ простонародныхъ пѣсняхъ сѣ-

верозападнаго края (Мин. губ. вѣд. 1868 г., № 35); 29) Его же: Бетлейки («Душеполезн. Чтеніе» 1873 г., III, № 12, стр. 442—450); 30) Суевѣрные обряды простонародья Западнаго края. О. Б—аго («Русскій Міръ» 1873 г., №№ 342 и 344); 31) Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борисовскаго уѣзда. Свящ. Сим. Нечаевъ (Минск. еп. вѣд. 1874 г., № 7, стр. 227—232); 32) Вѣрованія и обряды жителей Могилевской губ. — бѣлоруссовъ. В. и А. Зеньковичъ. Дост. П. С. Ефименко (Извѣстія Общ. люб. естествознанія, 1877 г., т. 28, стр. 26—33); 33) Солнце и луна въ народныхъ легендахъ и заговорахъ Сѣверозападнаго края. М. Лосіевскій (Минск. губ. вѣд. 1878 г., №№ 8, 13, 14, 15 и 17); 34) Свадебные обряды въ Морогскомъ приходѣ Мозырскаго уѣзда (Минск. губ. вѣд. 1877 г., №№ 23, 24, 26); 35) Свадебные обряды въ районѣ Грабовской волости Мозырскаго уѣзда. Васильевой (Минск. губ. вѣд. 1877 г., №№ 32, 33); 36) Крестьянскія поминки въ Мозырскомъ уѣздѣ. Очеркъ Васильевой (ib. 1877 г., № 45); 37) Ея же: Рождественскіе праздники у крестьянъ Мозырскаго уѣзда (ib. 1878 г., № 5); 38) Ея же: Замѣтка, какъ проводятъ весну крестьяне Минской губ. (ib. № 27); 39) Ея же: Весеннія пѣсни и обряды въ деревняхъ Мозырскаго уѣзда (ib. № 50); 40) Ея же: Замѣтка о бытѣ крестьянъ Мозырскаго уѣзда (ib. 1879 г., №№ 17 и 18); 41) Ея же: Село Бесѣдки Мозырскаго уѣзда (ib. №№ 29, 31); 42) Нѣкоторые суевѣрные обычаи и предразсудки прихожанъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда. Свящ. Дм. Пашинъ (Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 3, стр. 58—63); 43) О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Оздамичскаго прихода. Свящ. Ѳ. Чистяковъ (Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 20, стр. 431—442); 44) Бѣлорусскія пѣсни села Березовца Новогр. уѣзда Минской губ. Е. Карскій (Русс. Филолог. Вѣстникъ, т. XII, 1884 г., стр. 124—135; т. XIII, 1885 г., стр. 266—283); 45) Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego zebrał Dr. W. Dybowski (Zbiór wiadomości do antropol. kraj., V, 1881 г., 3—23); 46) Его же: Zagadki białoruskie z gub. Mińskiej (ib. X, 1886 г., 157—168). Слѣдовало бы еще прибавить обзоръ изученія Полѣсья, но изъ него матеріалы только случайно попадаются у Шейна, при томъ лишь такіе, въ которыхъ перевѣсъ на сторонѣ бѣлорусскихъ элементовъ. Поэтому Полѣсья и не будемъ касаться.

Въ такомъ состояніи находилось дѣло изученія бѣлорусскаго быта, когда П. В. Шейнъ приступилъ къ печатанію собранныхъ имъ матеріаловъ. Достаточно даже бѣглаго взгляда на вышедшія 3 книги труда Шейна, чтобы видѣть, чѣмъ онѣ отличаются отъ всѣхъ предшествующихъ подобныхъ работъ. Тутъ прежде всего размѣръ: три книжки, 8°, представляютъ болѣе 2000 страницъ; затѣмъ большое разнообразіе и содержательность

матеріала, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго ниже обозрѣнія по томамъ. Печатаемые матеріалы въ большинствѣ случаевъ сопровождаются описаніемъ обрядовъ, обычаевъ, суевѣрій, предразсудковъ и даже замѣчаніями чисто научнаго характера. Вотъ обозрѣніе содержанія всѣхъ трехъ книгъ. Томъ I, ч. I (1887 г.): послѣ предисловія отъ Академіи Наукъ относительно командировокъ П. В. Шейна для собиранія произведеній народнаго творчества и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній самого собирателя о передачѣ звуковъ народной рѣчи, слѣдуетъ изображеніе бытовой и семейной жизни бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ по слѣдующей программѣ: Отдѣлъ первый. Обряды: родины и крестины (стр. 3—18). Пѣсни крестинныя (20 №№, стр. 18—29). Пѣсни колыбельныя и дѣтскія (15 №№, стр. 29—36). Рождественскіе праздники, святки (стр. 37—44); обрядности сочельниковъ (стр. 44—55). Пѣсни колядныя: объясненіе ихъ названія (55—56). Самыя пѣсни (64 №№, стр. 56—98). Колядныя игрища и пѣсни. Женитьба Терешки (стр. 99—110), лучъ (стр. 110—111), ящеръ (111—112), чортъ (112—114), шило (114—115). Пѣсенъ, относящихся сюда, 15. Обычаи масляничные (115—116). Масляничныхъ пѣсенъ 7. Шильный понедѣльникъ (122—125). Пѣсни весеннія (15 №№, стр. 125—132). Пѣсни великодныя (133—136), №№-овъ пѣсенъ 23 (136—165). Обряды и пѣсни въ Юрьевъ день (165—170). Повѣрья и примѣты (тамъ же). №№-овъ пѣсенъ 19 (стр. 171—184). Духовъ день и Св. Троицы. Завиваніе вѣнковъ; духовскія пѣсни (184—195, №№ 24). Русальная недѣля; русалки (196—199, 1 пѣсня). Пѣсни петровскія (200—201, №№ 3). Толока и пѣсни толочанскія (201—212, №№ 18). Обычаи, повѣрья и суевѣрья на Ивана Купалу (213—236, №№ 29). Жниво: обряды и пѣсни (237—240). Пѣсни жнивныя (240—256, №№ 34), ярныя (во время жатвы яровыхъ посѣвовъ) (257—263, №№ 12). Дожинки или обжинки. Обряды и пѣсни (263—288, №№ 39). Отдѣлъ второй. Пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточныя и разгульныя. А. Пѣсни любовныя (289—355, №№ 96). Б. Семейныя (356—450, №№ 122). Пѣсни бытовыя. А. Рекрутскія (451—470, №№ 27). Б. Солдатскія (471—494, №№ 31). Пѣсни шуточныя и разгульныя. А. Шуточныя (494—527, №№ 40). Б. Разгульныя: дударскія (531—534, №№ 3), пьяницкія (535—538, №№ 7), плясовыя и припѣвки (539—569, №№ 139). Примѣчанія и приложенія (578—584). На четырехъ послѣднихъ страницахъ въ качествѣ прибавленія присоединены переложенные на ноты мотивы нѣкоторыхъ пѣсенъ крестинныхъ, масленичныхъ, волочобныхъ, весеннихъ, троицкихъ, дожиночныхъ, бесѣдныхъ, рекрутскихъ, шуточныхъ, дударскихъ. Кромѣ того, въ этой книгѣ имѣется два указателя — одинъ, въ формѣ оглавленія всѣхъ пѣсенъ (VII—XX), другой — указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни. Оказывается, что

записи «Матеріаловъ» г. Шейна уже въ 1 вып. I тома обнимаютъ всю бѣлорусскую область, хотя не въ одинаковомъ процентномъ отношеніи изъ той или другой мѣстности. Тутъ даны записи изъ губерній Виленской (Виленскій, Вилейскій, Дисненскій, Лидскій, Ошмянскій, Свенцянскій уѣзды), Витебской (Витебскій, Городокскій, Дриссенскій, Лепельскій, Полоцкій уѣзды), Гродненской (Бѣлостокскій, Волковыскій, Гродненскій, Пружанскій, Слонимскій уѣзды), Ковенской (Ново-Александровскій уѣздъ), Курляндской (около м. Улукшты), Минской (Бобруйскій, Борисовскій, Игуменскій, Минскій, Мозырскій, Новогрудскій, Рѣчицкій, Слуцкій уѣзды), Могилевской (Быховскій, Гомельскій, Горецкій, Оршанскій, Рогачевскій, Сѣнненскій, Чаусскій уѣзды), Смоленской (Бѣльскій, Духовщинскій, Рославльскій, Порѣчскій, Смоленскій уѣзды). Указатель не ограничивается однимъ перечисленіемъ мѣстностей по уѣздамъ, но даже указаны деревни, гдѣ сдѣлана та или другая запись.

Томъ I, ч. II (1890 г.). Этой частью заканчивается лирическая поэзія бѣлорусса; именно, она заключаетъ: 1) обряды свадебные (стр. 1—501) и 2) обряды погребальные и поминальные, голошенія или причитанія надъ покойниками (503—697); кромѣ того, примѣчанія и приложенія (699—708); рисунки коровая изъ нѣкоторыхъ мѣстностей (3 №№) и ноты (23 №№). Первый отдѣлъ содержитъ, кромѣ 43 самыхъ подробныхъ описаній свадебныхъ обрядовъ изъ разныхъ мѣстностей Бѣлоруссіи, изложенныхъ отчасти на бѣлорусскомъ нарѣчіи, еще 902 свадебныя пѣсни, сопровождающія описаніе того или другого обряда. Такого обилія свадебныхъ пѣсенъ нельзя найти ни въ одномъ сборникѣ. Во второмъ отдѣлѣ содержится: 1) описаніе обрядовъ погребальныхъ изъ 19 мѣстностей (507—579), описаніе примѣтъ, предвѣщающихъ смерть (579—582); 2) обряды поминальные: а) поминки частныя (изъ 6 мѣстностей, стр. 582—593), б) поминки общія — дѣды (изъ 23 мѣстностей, стр. 593—629); 3) причитанія (№№ 95, стр. 631—700): по мужѣ (23 №№); по дитяти (10 №№); по взросломъ сынѣ (2 №№); плачъ по дочкѣ (6 №№); по взрослой дочери (3 №№); плачъ по матери (16 №№); плачъ по отцѣ (20 №№); по дѣдушкѣ (1 №); по бабушкѣ (1 №); по братѣ (3 №№); по сестрѣ (2 №№); по свекру (2 №№); по свекрови (2 №№); по теткѣ (1 №); по чужестранцѣ (2 №№). Обряды и пѣсни, кромѣ того, что расположены по отдѣламъ, еще размѣщены по губерніямъ, вслѣдствіе чего у читателя образуется не только представленіе о томъ, при какой обстановкѣ совершается извѣстный обрядъ, но и какія особенности онъ имѣетъ въ той или другой мѣстности; равнымъ образомъ наглядно представлены и сгруппированы различныя лингвистическія данныя изъ губерній — Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской, Виленской, Смоленской, Тверской (Ржевскій уѣздъ), Черниговской (Суражскій уѣздъ). Осо-

бенно важны матеріалы изъ послѣднихъ губерній, являющіеся въ бѣлорусскихъ сборникахъ, можно сказать, впервые.

Томъ II (1893 г.) уже содержитъ эпическую поэзію. Тогда какъ въ I томѣ при разныхъ лирическихъ произведеніяхъ даются обширныя описанія, касающіяся по преимуществу обрядовъ, сопровождающихъ пѣніе тѣхъ или другихъ стиховъ, во II томѣ такихъ объясненій очень мало. Оно и понятно: сама эпическая поэзія даетъ массу цѣннаго матеріала для характеристики народнаго быта. Впрочемъ, и во II томѣ находимъ также очень интересныя описанія, напр., привѣтствій, пожеланій, божбы, ругани, или нѣкоторыхъ знахарей, нищихъ-старцевъ. — Сборникъ распадается на три отдѣла: въ I-мъ (1—500 стр.) даны сказки, анекдоты, преданія, воспоминанія, пословицы, поговорки, загадки; во II отдѣлѣ (501—558) — привѣтствія, пожеланія, божба (клятва), проклятія, ругань, заговоры, заклинанія; въ III отдѣлѣ (559—680) — духовные стихи, вирши религіозно-нравственнаго содержанія, молитвы. Наконецъ (681—715), находимъ примѣчанія и дополненія. Первый отдѣлъ содержитъ а) разнаго рода сказки: изъ міра животныхъ (34 №№), миѳическія и бытовыя (118 №№); б) анекдоты (40 №№); в) легенды (49 №№); г) преданія (45 №№) — о церквахъ, чудотворныхъ иконахъ, колоколахъ, кладахъ, заколдованныхъ людяхъ и животныхъ, о разныхъ мѣстностяхъ, камняхъ, погребахъ, разбойникахъ; д) воспоминанія и разсказы о быломъ (18 №№) — о пребываніи Французовъ, о іезуитахъ, о польскомъ возстаніи, о панахъ, холерѣ и т. п.; е) пословицы и поговорки (195 №№); ж) загадки (149 №№), при чемъ нѣкоторыя въ нѣсколькихъ варіантахъ. Во второмъ отдѣлѣ находимъ а) привѣтствія и пожеланія (35 №№), божбу и клятву (23 №№), проклятія (30 №№), ругань (21 №№); б) заговоры (70 №№) — противъ лѣшаго, домового, дворового, отъ шума, противъ русалки, отъ напосовъ, противъ залома, дурного глаза, отъ сглаза новорожденнаго, отъ уроковъ, противъ криксы и плаксы, кровотеченія, отъ зубной боли, болѣзни горла, колотья, противъ волоса, лихорадки, отъ рожи, чирьевъ, противъ боли въ крестцѣ, отъ перепоя, укушенія змѣи, бѣшенства, при выгонѣ скота въ поле, противъ чемера — болѣзни лошадей, червей, когда у коровъ пропадаетъ молоко, заговоръ ружья, во время охоты, для разстройства свадьбы, для укрѣпленія свадьбы. Здѣсь, кромѣ того, помѣщены свѣдѣнія о знахаряхъ и шептунахъ. Третій отдѣлъ содержитъ разнаго рода духовные стихи: о богатомъ и Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, про св. Варвару, Цмока (отрывокъ изъ стиха о Георгіи Храбромъ), про Василія Пустынника, плачъ Адама, на Вознесеніе, про св. Дороту, про грѣшную дѣву (самарянку), сонъ Богородицы, на разставаніе души съ тѣломъ, о страшномъ судѣ, «евангелистую» пѣснь, стихъ относительно избавленія души христіанской, о

Бомболеѣ, костельную пѣснь, о десяти заповѣдяхъ, вирши и псальмы духовнаго содержанія (всего въ III отдѣлѣ 62 №№). Кромѣ того, даны довольно подробныя свѣдѣнія о бѣлорусскихъ старцахъ-нищихъ. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе II тома настоящаго сборника. Здѣсь масса самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, такъ что въ связи съ предыдущимъ I томомъ исчерпаны почти всѣ отрасли бѣлорусскаго народнаго творчества. То́му предпосланы: предисловіе, въ которомъ собиратель касается упрековъ, направленныхъ противъ него, въ томъ, что нѣкоторыя записи получены оффиціальнымъ путемъ; далѣе слѣдуетъ оглавленіе — указатель напечатанныхъ матеріаловъ (VII—XIV) и наконецъ—указатель мѣстностей, откуда доставлены матеріалы для настоящаго тома. — Ко всѣмъ 3-мъ книгамъ приложены указатели опечатокъ.

Таково содержаніе всѣхъ вышедшихъ томовъ сборника г. Шейна. Матеріалы заимствованы изъ всей бѣлорусской области, иногда даже привлечены мѣстности не чисто бѣлорусскія, особенно на югѣ. Теперь остановимся подробнѣе на слѣдующихъ вопросахъ:

а) **Откуда взяты напечатанные въ 3 книгахъ сборника г. Шейна матеріалы?**

Три книги «Матеріаловъ» Шейна, заключающія въ себѣ около 3000 разныхъ записей, какъ и всѣ большія собранія, составились не вдругъ и не изъ записей одного лица, а нѣсколькихъ. Матеріалы для нихъ собирались въ теченіе болѣе, нежели десяти лѣтъ; въ составъ ихъ вошли записи, доставленныя разными лицами. Особенную цѣнность въ сборникахъ народныхъ произведеній конечно имѣютъ записи самого собирателя, такъ какъ онѣ свидѣтельствуютъ о его знакомствѣ съ языкомъ, а также съ пріемами народнаго творчества той области, гдѣ производятся записи, и вообще съ редакціонной частью. Обращаясь къ разсматриваемымъ сборникамъ, находимъ, что записей самого г. Шейна въ нихъ мало: всего 130 (въ I т. 1 вып.—112, I т. 2 вып. 8 и II т. 10 записей). Быть можетъ число ихъ нѣсколько увеличится, если на долю собирателя отнесемъ нѣкоторыя записи безъ указанія источника, откуда онѣ взяты. Такое незначительное количество записей самого собирателя можетъ быть объяснено, съ одной стороны, тѣмъ, что ему вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, при преклонномъ возрастѣ, трудно было самому проникать въ разныя захолустья, а съ другой—можетъ быть и извинено, такъ какъ авторъ въ достаточной степени обладаетъ нужною опытностію, которую онъ пріобрѣлъ при составленіи своего собранія 1873 г., гдѣ большинство пѣсенъ принадлежитъ записямъ самого Шейна (ср. Записки И. Р. Геогр. общ. V, 823—824). Наконецъ нашъ собиратель если по разнымъ причинамъ и не могъ достаточное количество записей сдѣлать лично самъ, то онъ сумѣлъ выдвинуть на это дѣло очень много

добровольныхъ сотрудниковъ, въ большинствѣ случаевъ людей вполнѣ надежныхъ, и поддержать ихъ нравственно въ собирательской дѣятельности.

Всѣхъ записей отъ добровольныхъ сотрудниковъ получено болѣе 2174 (I т. 1 ч.—650, I т. 2 ч.—747, II т.—777 зап.). Характеристики своихъ сотрудниковъ въ разсматриваемыхъ томахъ собиратель не дѣлаетъ; лишь въ предисловіи ко II тому онъ съ благодарностью упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсматривая приписки къ каждой записи, мы видимъ, что главнѣйшими вкладчиками были тѣ же лица, которыя поставляли матеріалы и для перваго сборника г. Шейна (1873 г.). Эти лица въ большинствѣ случаевъ вполнѣ надежныя, обстоятельно знающія бѣлорусскую рѣчь, равно какъ и бытъ населенія сѣверозападнаго края. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особаго упоминанія. Это

1) Н. Я. Никифоровскій, заявившій себя въ этнографической литературѣ, кромѣ записей, доставленныхъ г. Шейну, и самостоятельными выдающимися работами. Имѣю въ виду раньше (стр. 3) упомянутые труды: а) Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ. 1895. 8⁰. VIII + 552 + CLIV и б) Простонародныя примѣты и повѣрья. Суевѣрныя обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Витебскъ. 1897. 8⁰. X+308+30. Уже въ первомъ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ, помѣщенномъ въ «Запискахъ Имп. Р. Геогр. общества по отдѣленію этнографіи» за 1873 г., т. V,— Шейнъ, говоря о своихъ сотрудникахъ, такъ отзывается о г. Никифоровскомъ (стр. 829): «Онъ своимъ зрѣлымъ воззрѣніемъ на окружающую среду и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ этнографическимъ разысканіямъ рѣзко выдается изъ цѣлаго сонма сельскихъ и другихъ учителей разныхъ наименованій. Я твердо увѣренъ, что такихъ честныхъ дѣльныхъ людей немало на Бѣлой Руси». Дѣйствительно, если внимательно присмотрѣться ко всѣмъ бѣлорусскимъ сборникамъ Шейна, то значительная доля записей въ нихъ окажется принадлежащими перу г. Никифоровскаго. Всѣ такія сообщенія отличаются обстоятельностью и интересомъ. Затѣмъ г. Никифоровскаго встрѣчаемъ въ качествѣ автора нѣсколькихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ «Этнографическомъ обозрѣніи», подъ общимъ заглавіемъ: «Очерки Витебской Бѣлоруссіи» (кн. XII, XIII, XVII, XXXI, XXXIV) (ср. о немъ наши замѣтки въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1896 г., май, и за 1897 г., октябрь). Для «Матеріаловъ» г. Шейна Никифоровскій доставилъ 60 довольно объемистыхъ записей.

2) Трудами по бѣлорусской этнографіи извѣстенъ и А. Е. Богдановичъ. Для «Матеріаловъ» Шейна онъ доставилъ 110 записей.

3) Изъ числа сотрудниковъ г. Шейна, извѣстныхъ трудами по бѣлорусской этнографіи, можно отмѣтить еще З. Радченко, помѣщицу въ Го-

мельскомъ уѣздѣ Могилевской губ. Ей принадлежатъ: «Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ Гомельскаго уѣзда, запис. для голоса съ аккомпан. фортеньяно. Вып. I, 1881, и особенно — «Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія)». С.-Пб. 1888 (Записки Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. этногр. XIII, вып. 2).

4) Тутъ же упомянемъ о Н. Руберовскомъ, доставившемъ нѣсколько записей и для «Матеріаловъ», который извѣстенъ и своимъ собраніемъ бѣлорусскихъ пѣсенъ. О немъ слѣдующимъ образомъ отзывается П. Безсоновъ (Бѣлорусс. пѣсни, LV): «почтенный другъ нашъ М. Ѳ. Де-Пуле, оставшись въ Краѣ, успѣлъ отпечатать въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» довольно прекрасныхъ и прекрасно записанныхъ народныхъ пѣсней, трудъ ревностнаго собирателя, приходскаго учителя г. Н. Руберовскаго». Перечисленіе его работъ нами сдѣлано раньше (стр. 19).

Изъ другихъ сотрудниковъ, хотя и не извѣстныхъ печатными трудами, слѣдуетъ отмѣтить, какъ особенно выдающихся: Батурина, учителя народнаго училища, сообщившаго 54 зап., Бирулю — 41 зап., Карскаго Ив. Онуфр., псаломщика,—90 зап., Коваленко, учен. VIII кл. гимн., — 16 зап., Копаця, учен. VIII кл. гимн., — 39 зап., Конецкаго, священ., — 28 зап., Кипріановича, ученика Молодечн. учит. сем., — 20 зап., Лисовскую А. Ф. — 18 зап., Лыщинскаго, магистра, препод. Суражск. уѣздн. учил., — 23 зап., Машурко, студ. Спб. унив.—103 зап., Некрасова С. П.—52 зап., Николаевича, учит. нар. уч.,—28 зап., Овсейца, учит. Рогачев. уѣзднаго уч., — 56 зап., Ральцевича, учен. Минск. дух. сем., продолжавшаго свои сообщенія и послѣ поступленія его въ дух. академію,—94 зап., Рачинскую С. Н.—136 зап., Рѣдько, учит. нар. уч.,— 17 зап., Скляренко—14 зап., Сущинскаго, учен. Могил. дух. сем.,— 16 зап., Солнцеву, учительн. нар. уч.—16 зап., Сикорскаго, учен. VII кл. гимн., — 25 зап., Хмѣлевскихъ — 82 зап., Шимковича, инсп. нар. учил., — 33 зап., Шолковичей Е. и П. — 21 зап., Шибанова, учит. нар. учил., — 15 зап., Яновскаго, ученика VII кл. гимн., — 14 зап., Яцко, учит. нар. уч., — 39 зап. Другіе сотрудники доставили незначительное число записей.

По своему общественному положенію и образованію сотрудники г. Шейна распадаются на слѣдующія группы:

помѣщица	1,
врачъ	1,
священниковъ	3,
псаломщиковъ	2,
крестьянъ-земледѣльцевъ	3,
лицъ неизвѣстнаго положенія	16.

Остальные сотрудники принадлежатъ къ учебному персоналу:

учителей среднихъ учебныхъ заведеній около . .	6,
учителей низшихъ учебныхъ заведеній.	57,
инспекторъ народныхъ училищъ.	1,
студентовъ университета	2,
учениковъ гимназій	21,
учениковъ духовныхъ семинарій.	10,
учениковъ учительскихъ институтовъ	10,
учениковъ уѣздныхъ училищъ.	11,
учениковъ учительскихъ семинарій.	92,
учениковъ приготовительнаго класса.	22,
учениковъ народныхъ училищъ	10.

Всюду цифры обозначены приблизительно, такъ какъ нѣкоторыя фамиліи, будучи напечатаны различно, могли быть признаны за принадлежащія разнымъ лицамъ. Такимъ образомъ наибольшее число корреспондентовъ оказывается среди учащихся въ разныхъ заведеніяхъ и преимущественно въ учительскихъ семинаріяхъ Молодечнянской, Полоцкой, Свислочской и Несвижской. Учащіеся въ этихъ семинаріяхъ крестьяне лучше всего и знакомы съ обрядовой стороной жизни ихъ семейной среды. Дальше слѣдуютъ учителя народныхъ училищъ, вышедшіе въ большинствѣ случаевъ изъ той же среды.

Послѣ выхода I т. II вып. критика поставила П. В. Шейну въ вину то обстоятельство, что нѣкоторые матеріалы собирались для него оффиціальнымъ путемъ — Статистическими комитетами, благодаря содѣйствію начальниковъ нѣкоторыхъ губерній. Главными вкладчиками этнографическаго матеріала въ этомъ отношеніи оказались волостные писаря и старшины. Въ предисловіи ко II тому г. Шейну пришлось даже оправдываться по поводу собиранія этнографическихъ матеріаловъ оффиціальнымъ путемъ. Однако, какъ показываютъ наведенныя нами справки, такихъ сотрудниковъ было очень немного (всего 21 писарь и 1 старшина), да и записей на 2 книги (т. I ч. II и т. II) ими доставлено всего 117; такъ что, собственно говоря, даже напрасно загорѣлся было сыръ-боръ. Да, кромѣ того, для науки безразлично, кѣмъ собраны народныя произведенія, только бы они были хорошо записаны и изданы (ср. Отчетъ о пятомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго. Спб. 1895 г., 132, замѣчаніе проф. Сумцова). И дѣйствительно, записи волостныхъ писарей среди «Матеріаловъ» Шейна оказываются одпѣми изъ лучшихъ.

Заботясь о возможной полнотѣ своего капитальнаго сборника, г. Шейнъ не ограничился только матеріалами вновь собранными (имъ самимъ лично, а

также при посредствѣ различныхъ сотрудниковъ), но нашелъ нужнымъ перепечатать нѣкоторые матеріалы и изъ прежнихъ рѣдкихъ собраній, а также отдѣльныхъ статей. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ почтеннымъ собирателемъ. Этнографическія собранія Тышкевича, Киркора, Анимелле, Чечота, Дмитріева въ настоящее время могутъ быть найдены лишь въ большихъ библіотекахъ, а въ продажѣ давно не имѣются, такъ что пользоваться ими очень трудно. Не меньше трудностей представляетъ разысканіе разныхъ этнографическихъ статей, помѣщенныхъ въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а также въ памятныхъ книжкахъ; такъ что и за перепечатку ихъ слѣдуетъ принести г. Шейну глубокую благодарность: извлеченіе ихъ изъ нечитаемыхъ провинціальныхъ органовъ равносильно первому появленію ихъ въ печати. Достоинствъ и недостатковъ почти всѣхъ статей, которыя перепечатаны у г. Шейна, я уже касался раньше; тамъ была указана и связь ихъ съ другими статьями по бѣлорусской этнографіи и опредѣлено ихъ достоинство. Здѣсь я только перечислю ихъ, съ указаніемъ страницъ и томовъ, гдѣ помѣщены перепечатки изъ нихъ:

1) Tyszkiewicz: Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno. 1847 (I т. 2 вып., стр. 68—126, 126—142, 589, 600, 621, 629; II т. 472—484);

2) Czeczot: Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1846 (I т. вып. 1, стр. 398, 431, 517);

3) Подобѣдъ: Народное преданіе (Могил. губ. вѣд. 1851 г., № 8; у Шейна т. II, 451);

4) Шпилевскій: «Волочебники» въ «Пантеонѣ» 1856 г., кн. III. Лучше было бы сослаться на «Opisanie pow. Borysow.» 389—391, откуда сдѣлано заимствованіе самимъ Шпилевскимъ (I т. 1 вып., 140—142, 146—147);

5) Его же: «Къ Волочебникамъ въ Витеб. губ.» въ «Русск. Дневникѣ» 1859 г., № 101 (I т. вып. 1, 147—149);

6) Невѣровичъ: «О праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ у крестьянъ, населяющихъ Смолен. губ.» въ Памятн. кн. Смолен. губ. 1859 г. (I т., 1 вып., 53—55, 126, 131, 185—187, 189—191, 199; I т., 2 вып., 395, 456—481);

7) Киркоръ: «Этнографич. взглядъ на Вилен. губ.» въ III вып. этногр. сборн. (I т., 1 вып., 105—108, 334, 359, 414, 516, 544; II т., 439);

8) Анимелле: «Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ» во II вып. этногр. сборн. (I т., 1 вып., 173—174; II т., 472—484);

9) Куклинскій: «Замѣтки о западн. части Гродн. губерніи» въ III вып. этногр. сборн. (I т. 2 вып., 372—374; II т., 504);

10) Разумихинъ: «Село Бобровки и окружный его околотокъ Тверской губ. Ржевскаго уѣзда» въ I вып. этногр. сборн. (I т., 2 вып., 482—495);

11) Дмитріевъ: «Обряды и обычаи западнорусскихъ крестьянъ» въ Памятн. кн. Гродн. губ. на 1869 г. (I т., 1 вып., 74, 213—219, 224—225, 265—268, 276—278, 290; I т., 2 вып., 665—666, 670—672);

12) Его же: «Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ Сѣверозападнаго края». Перепеч. изъ Гродн. губ. вѣд. Гродно. 1868 г. (I т., вып. 1, 290, 293, 295—297, 301, 307, 311, 324—327, 330, 333, 342—343, 344, 355, 359, 362, 384, 391, 410, 424, 426, 429, 430, 465, 472, 483, 504, 505, 533, 542, 543, 556, 569; II т., 65);

13) Сердюковъ: «Крестьянская жизнь и обычаи въ Мстиславскомъ уѣздѣ» въ Могил. губ. вѣд. 1867 г., № 52 (I т., 1 вып., 112—114);

14) Серебренниковъ: «Обычаи и обряды крестьянъ Себежскаго уѣзда» въ Памятн. кн. Витеб. губ. 1865 г. (I т., 2 вып., 629);

15) Бобровскій. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Гродн. губернія (I т., вып. 2, 366—372, 551).

16) Валюковичъ: «О похоронахъ» въ Минск. губ. вѣд. 1867 г., № 12 (I т., 2 вып., 534);

17) Нечаевъ: «Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борисов. уѣзда» въ Минск. епарх. вѣд. 1874 г. (I т., 2 в., 586; II т., 340—353);

18) Шейнъ: Бѣлорусскія народныя пѣсни (I т., 1 вып., 237—239; I т., 2 вып., 521—523; II т., 510);

19) Носовичъ: Сборникъ бѣлор. пѣсенъ въ V т. Зап. Геогр. Общ. (I т., 1 вып., 545);

20) Пашинъ: «Нѣкоторые суевѣрные обычаи и предразсудки прихожанъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда» въ Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 3 (I т., 2 вып., 541);

21) Чистяковъ: «О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Оздомич. прихода» въ Минск. епарх. вѣд. 1880 г., № 20 (I т., 2 вып., 540);

22) Дембовецкій: Опытъ описанія Могил. губ. (I т., 1 вып., 185, 188 — двѣ ссылки);

23) Демьяновичъ: «О духовныхъ стихахъ, употребительныхъ въ Брашевическомъ приходѣ Кобринскаго уѣзда» въ Лит. епарх. вѣд. 1892 г. (II т., 700 и 713).

Количество перепечатокъ можно бы дополнить еще приведенной въ началѣ этого отчета статьей Чарновской, а также нѣкоторыми другими журнальными статьями. Перепечатка разныхъ сообщеній изъ чужихъ статей дала г. Шейну около 400 №№.

Общіе выводы о сотрудникахъ г. Шейна можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

	I т. I ч.	I т. II ч.	II т.	Итого.
Всего записей	856	1072	892	2820
въ томъ числѣ:				
а) самого П. В. Шейна.	112	8	10	130
б) заимствованій изъ раньше напечатанныхъ матеріаловъ.	94	254	51	399
в) добровольныхъ сотрудниковъ . . .	650	747	777	2174
г) оффиціальныхъ сотрудниковъ . . .	—	63	54	117

Въ число записей добровольныхъ сотрудниковъ вошло и 419 мелкихъ произведеній (пословицъ и загадокъ), не содержащихъ при себѣ указаній, отъ кого они получены.

Заканчивая этотъ отдѣлъ, слѣдуетъ еще разъ припомнить, что хотя собственныхъ записей г. Шейна и сравнительно немного (около 4,6%), но и всѣ остальныя въ значительной степени могутъ считаться его собственными, такъ какъ на добываніе ихъ П. В. истратилъ немало денежныхъ средствъ (едва ли у него обильныхъ), а также здоровья, никогда не бывшаго у него цвѣтущимъ. Насколько намъ извѣстно, насчетъ всякаго болѣе или менѣе сомнительнаго или невразумительнаго сообщенія г. Шейнъ наводилъ письменно многочисленныя справки; за ними онъ неоднократно обращался и къ пишущему эти строки, что оставило слѣды и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника.

б) Редакція напечатанныхъ матеріаловъ.

При сужденіи о редакціи напечатанныхъ матеріаловъ будемъ исходить изъ данныхъ, содержащихся исключительно въ самомъ сборникѣ г. Шейна. Собравши такую массу разныхъ этнографическихъ матеріаловъ, какую находимъ въ 3-хъ книгахъ г. Шейна, прежде всего надо было умѣть разсортировать и расположить ихъ правильно. Въ этомъ случаѣ г. Шейну помогла опытность, пріобрѣтенная имъ при прежнихъ изданіяхъ этнографическихъ матеріаловъ — великорусскихъ и бѣлорусскихъ, а также и при новыхъ записяхъ для настоящаго изданія. Разсматривая со стороны сортировки матеріала редакціонную сторону сборниковъ Шейна, не могу умолчать объ отзывѣ по этому предмету извѣстнаго этнографа-собирателя Е. Р. Романова: «намъ кажется, что г. Шейнъ, безъ вреда для науки, могъ бы замѣнить многіе №№ своего сборника однимъ, указавъ варіанты въ выноскахъ; могъ бы не помѣщать пѣсенъ нецензурныхъ въ искаженномъ, цензурномъ видѣ; ничего не потерялъ бы также сборникъ въ своемъ

достоинствѣ, если бы въ немъ не нашли мѣста произведенія, уже напечатанныя раньше.... Можно замѣтить, что почтенный собиратель слишкомъ большое вниманіе обратилъ на количество матеріаловъ, въ ущербъ ихъ качеству, и не сдѣлалъ въ нихъ строгаго выбора» (Бѣлорусскій сборникъ, I—II вып., V—VI). Это замѣчаніе касается перваго Бѣлорусскаго сборника г. Шейна (1873 г.); но въ такомъ же положеніи находится дѣло и въ разсматриваемыхъ «Матеріалахъ» и поэтому данное замѣчаніе вполнѣ примѣнимо къ нимъ. Но это замѣчаніе не можетъ быть признано вѣскимъ. Варіанты, особенно въ матеріалахъ, касающихся языка, не имѣютъ никакой цѣны; да и если обратить исключительное вниманіе на бытовую сторону, то и здѣсь не всегда можно удовольствоваться приведеніемъ варіанта, такъ какъ иногда извѣстное слово, выхваченное изъ своего собственнаго текста, получаетъ другой смыслъ; да и рѣдко кто станетъ обращаться за справками къ подстрочнымъ варіантамъ. Искаженіе такъ называемыхъ нецензурныхъ пѣсенъ съ цѣлію придать имъ цензурный видъ, насколько намъ извѣстно, обыкновенно не принадлежитъ издателямъ и собирателямъ народныхъ произведеній, а дѣлается самими пѣвцами или пѣвицами, такъ какъ въ народѣ въ большинствѣ случаевъ для нецензурныхъ пѣсенъ бываютъ и цензурные варіанты. Да наконецъ слѣдуетъ принять во вниманіе и то, для кого издаются разные этнографическіе сборники, въ родѣ «Матеріаловъ» г. Шейна: вѣдь не для дѣтей, не для барышень, а для людей серьезныхъ и взрослыхъ, въ большинствѣ случаевъ для ученыхъ изслѣдователей, для которыхъ всякая сторона проявленія народной жизни имѣетъ одинаковый интересъ. Вѣдь не станетъ анатомъ заниматься исключительно приличными частями человѣческаго тѣла, совершенно оставляя безъ вниманія такія, которыя могутъ оскорбить чье-либо зрѣніе. Что касается произведеній раньше напечатанныхъ, то о необходимости перепечатки ихъ у насъ уже была рѣчь. Еще тотъ же критикъ нападаетъ на П. В. Шейна за печатаніе «духовныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устной народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ», а также за помѣщеніе анекдотовъ, «вообще не имѣющихъ большой цѣны» (ib. VI). И приговоръ о духовныхъ пѣсняхъ и стихахъ, какъ матеріалѣ, характеризующемъ извѣстную эпоху народнаго творчества, а также его языкъ, не можетъ считаться правильнымъ. Что анекдоты также относятся къ матеріаламъ, характеризующимъ народный бытъ, не можетъ быть никакого сомнѣнья (ср. еще Отчетъ о пятомъ присужденіи премій Макарія, 132, замѣчаніе проф. Сумцова объ этомъ предметѣ). Такимъ образомъ, если и можно было бы устранить нѣсколько записей у г. Шейна, то во всякомъ случаѣ не среди пѣсенъ. Матеріалы, сходные по содержанію, но не совпадающіе, расположены по группамъ и обозначены буквами *а*, *б*, *в*.... Это особенно касается пѣ-

сенъ. Но то же слѣдуетъ сказать и относительно другихъ родовъ собранныхъ матеріаловъ. Такъ имѣя въ виду, что въ бѣлорусской этнографической литературѣ уже есть хорошіе сборники сказокъ (Е. Романова), пословицъ (Носовича), духовныхъ стиховъ (у Романова и у Шейна въ сборникѣ 1873 г.), авторъ вполнѣ сознаетъ, что его трудъ по полнотѣ не можетъ превзойти поименованныя собранія. Вотъ какъ онъ поэтому смотритъ на дѣло: «.... литература нашего предмета (въ данномъ случаѣ духовныхъ стиховъ) успѣла обогатиться цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ для науки вкладовъ гг. Романова, Никифоровскаго и Грузинскаго. На предлагаемый же нами.... здѣсь.... отдѣлъ.... мы смотримъ только какъ на посильное дополненіе къ трудамъ вышеназванныхъ.... предшественниковъ нашихъ» (т. II, 561, выноска). Но намъ кажется, что описаніе нѣкоторыхъ обрядовъ можно было бы изложить покороче, только не въ ущербъ содержанію, а лишь формѣ. Дѣло въ томъ, что часто приводятся цѣликомъ почти совершенно сходныя сообщенія разныхъ сотрудниковъ г. Шейна объ одномъ и томъ же предметѣ (сокращенію конечно не должны подлежать сообщенія, изложенныя на бѣлорусскомъ нарѣчіи, важныя для языка). Такъ можно было бы слить всѣ свѣдѣнія, напр., относительно колядокъ, купалы, свадебной обрядности и т. п. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно обрядовъ погребальныхъ, обыкновенно изложенныхъ совершенно сходно.

Теперь коснемся порядка въ расположеніи собранныхъ матеріаловъ.

Какъ можно было видѣть изъ обозрѣнія содержанія всѣхъ трехъ книгъ сборника г. Шейна, весь этнографическій матеріалъ въ немъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: I. бытовая и семейная жизнь бѣлоруссa въ обрядахъ и пѣсняхъ, точнѣе: пѣсни лирическія — обрядовыя и семейныя; II. поэзія эпическая: сказки, анекдоты, легенды, преданія и т. д. Каждый изъ этихъ двухъ главныхъ отдѣловъ имѣетъ свои подраздѣленія; они въ общемъ тѣ же, что и въ первомъ сборникѣ Шейна (1873 г.). А тамъ этнографическій матеріалъ, какъ и здѣсь, расположенъ довольно своеобразно. Вотъ что говоритъ самъ собиратель о порядкѣ въ расположеніи, котораго онъ держится (Зап. V, 829): «Въ расположеніи по отдѣламъ.... матеріаловъ я нашелъ нужнымъ держаться порядка смѣшаннаго: біографическаго и, такъ сказать, календарнаго, т. е. согласнаго съ послѣдовательнымъ размѣщеніемъ праздниковъ въ теченіе гражданскаго года. Оба эти порядка сливаются впрочемъ весьма удобно и гармонично въ одну общую картину бытовой народной жизни. Такъ напр.: часть лирико-обрядовая начинается «колыбельными» и «дѣтскими», продолжается «колядными» (распѣваемыми преимущественно отроками и парнями), «масляничными», «волочебными», «петровскими» и т. д. и оканчиваются «похоронными», сопутствующими по-

слѣднему акту круготеченія трудовой жизни бѣлорусскаго крестьянина.... Въ остальной же ме́ньшей части сборника правильный строй въ расположеніи нѣсколько нарушенъ».... — Что касается основного дѣленія собранныхъ г. Шейномъ матеріаловъ на лирическіе и эпическіе, то это дѣленіе въ общемъ должно быть признано правильнымъ. Подобная система господствуетъ и въ другихъ извѣстныхъ сборникахъ. Что до частностей, то тутъ требуются нѣкоторыя поправки. Не возможно держаться смѣшаннаго порядка: календарнаго расположенія нельзя сливать съ біографическимъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ такой послѣдовательности, напр. хотя бы въ пѣсняхъ, какъ установленная у г. Шейна. Почему, напр., «дѣтскія», «колыбельныя» пѣсни предшествуютъ колядкамъ? Какъ будто рожденіе людей обыкновенно бываетъ передъ праздникомъ Рождества Христова. Не лучше ли было бы, пѣсни, которыя поютъ при рожденіи человѣка, присоединить къ пѣснямъ на свадьбахъ. Самъ народъ и ставитъ эти событія вмѣстѣ:

Судзіў Богъ яго видзѣць
Подъ храсто́мъ,
Судзи, Божа, яго видзѣць
И подъ вянцомъ. (Шейнъ, Матеріалы, I, 1, 25, № 13).

Съ присоединеніемъ къ пѣснямъ при рожденіи человѣка и свадебнымъ еще похоронныхъ причитаній, мы получили бы законченное обозрѣніе обрядности при главнѣйшихъ событіяхъ изъ жизни человѣка. Да и обряды, расположенные въ календарномъ порядкѣ, также стали бы вполнѣ законченнымъ цѣлымъ. Осталось бы также выдѣлить въ особую группу пѣсни семейныя и бытовыя въ собственномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ получились бы отдѣлы: I обрядовыя пѣсни, пріуроченныя къ разнымъ языческимъ празднествамъ, смѣшавшимся впослѣдствіи съ праздниками христіанскими; II обрядовыя пѣсни, сопровождающія главныя событія изъ жизни человѣка (рожденіе, женитьбу, смерть), и III пѣсни собственно бытовыя (любовныя, семейныя, плясовыя, рекрутскія, солдатскія и т. п.). При такой системѣ пѣсни, съ сопровождающими ихъ обрядами, по крайней мѣрѣ были бы распредѣлены по главному ихъ содержанію. Другое дѣло, насколько такое расположеніе цѣлесообразно; но эта цѣлесообразность именно обусловливается тѣми задачами, какія имѣетъ въ виду собиратель народныхъ произведеній. Если на первомъ планѣ онъ ставитъ языкъ, тогда лучше распредѣлять собранные матеріалы по мѣстностямъ, гдѣ они записаны. При изученіи образовъ, употребляемыхъ народомъ для выраженія своихъ поэтическихъ представленій, лучше располагать пѣсни по этимъ образамъ. При преслѣдованіи другихъ цѣлей, могутъ быть и другіе пріемы въ распредѣленіи матеріаловъ, даже чисто внѣшніе, напр., по размѣрамъ

(ср. Отчетъ о 22 присужденіи наградъ гр. Уварова. С.-Пб. 1880 г., стр. 101 и слѣд. — мнѣніе Потебни относительно расположенія пѣсенъ въ собраніи Головацкаго), по пѣсеннымъ занѣвамъ (ib., стр. 203 и слѣд. — мнѣніе А. Веселовскаго о сборникахъ Чубинскаго). Нашъ собиратель имѣлъ въ виду дать матеріалы для изученія быта и языка съ перевѣсомъ въ пользу перваго. Вслѣдствіе этого самымъ удобнымъ расположеніемъ, по нашему мнѣнію, должно считаться такое, при которомъ рельефно, въ разнообразныхъ отношеніяхъ выступалъ бы народный бытъ, т. е. расположеніе пѣсенъ по ихъ содержанію и дальше — по главнымъ мотивамъ. Это мы и находимъ у г. Шейна; стоитъ лишь измѣнить нѣсколько главную группировку пѣсенъ, съ устраненіемъ смѣшаннаго ихъ распредѣленія, примѣнительно къ указаннымъ нами рамкамъ. Для того, чтобы пѣсни не теряли значенія и при изученіи языка, г. Шейнъ приложилъ къ вышедшимъ книгамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, т. I, вып. II, указатели мѣстностей, откуда взята та или другая пѣсня.

Значительно легче, нежели лирическія пѣсни, распредѣлять эпическія произведенія. И дѣйствительно, у г. Шейна (II томъ) находимъ ихъ, какъ можно было видѣть изъ приведеннаго раньше оглавленія, сгруппированными правильно. Составляющій нѣкоторую новость въ этнографическихъ собраніяхъ отдѣлъ, содержащій привѣтствія, пожеланія, божьбу, проклятія, ругань, совершенно правильно поставленъ рядомъ съ заговорами, потому что какъ тѣ, такъ и другіе основываются на вѣрѣ въ исполненіе того, о чемъ говорится словомъ. Молитвы и молитвенные стихи, какъ произведенія полународнаго происхожденія, поставлены на концѣ. Крупныя произведенія, какъ сказки, легенды, соединены въ группы по основнымъ своимъ мотивамъ. Имѣется, хотя и краткій, указатель — оглавленіе ихъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, всѣ собранные г. Шейномъ матеріалы поставлены на своемъ мѣстѣ; слѣдуетъ лишь сдѣлать незначительную перестановку въ пѣсняхъ. Въ этомъ отношеніи «Матеріалы» стоятъ неизмѣримо выше сборника г. Романова, какъ это уже въ свое время отмѣтилъ проф. Сумцовъ (ср. Отчетъ о V присужденіи премій митроп. Макарія, 132, 167). И не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ разныя пѣсни поставлены въ «Матеріалахъ» г. Шейна на своемъ мѣстѣ. Этого впрочемъ не трудно было достигнуть. Тогда какъ у великоруссовъ пѣсня въ большинствѣ случаевъ уже оторвана отъ обряда и не соединяется съ тѣмъ или другимъ временемъ года, у бѣлоруссовъ, какъ и малоруссовъ, тѣ или другія пѣсни строго пріурочены къ тѣмъ или другимъ обрядамъ и временамъ народнаго календаря. Каждый, кому приходилось собирать народныя произведенія у бѣлоруссовъ, сталкивался съ такимъ обстоятельствомъ, что пѣвецъ или особенно пѣвица не рѣшались пѣть пѣсенъ не въ свое время,

считая это для себя предосудительнымъ, чуть ли не грѣховнымъ. Понятно поэтому, что стоитъ лишь спросить у лица, отъ котораго записываютъ пѣсню, когда она поется, чтобы узнать точное ея мѣсто. Но и помимо этого, по своимъ пѣсеннымъ сюжетамъ, бѣлорусскія пѣсни (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ любовныхъ) легко относятся къ извѣстному времени. Намъ встрѣтилось лишь нѣсколько нумеровъ, которые, быть можетъ, поставлены не на своемъ мѣстѣ. Это №№ 51, 53 и 57 (I т., вып. 1, стр. 66, 69) изъ пѣсенъ колядскихъ, мѣсто которыхъ скорѣе въ пѣсняхъ бесѣдныхъ; или №№ 129 и 131 (I т., вып. 1, стр. 128, 129) пѣсенъ весеннихъ болѣе точно могутъ быть пріурочены къ пѣснямъ купальскимъ, къ тому отдѣлу послѣднихъ, въ которыхъ содержится насмѣшка одной партіи пѣвцовъ или пѣвицъ надъ другою (ср. Сумцова: Культурныя переживанія, 141—142).

Что касается подраздѣленія сказокъ, то здѣсь видимъ то же, что можно наблюдать и въ другихъ сборникахъ, т. е. дѣленіе сказокъ на такія, которыя изображаютъ міръ животныхъ, на миѳическія, бытовыя, анекдоты и т. п.; такое дѣленіе въ настоящее время далеко не можетъ быть признано научнымъ, такъ какъ нельзя быть вполнѣ убѣжденнымъ въ томъ, когда та или другая сказка возникла, какія въ ней позднѣйшія наращенія, не заимствована ли данная сказка у другихъ народовъ и т. п. Поэтому самымъ естественнымъ расположеніемъ сказокъ должно считать такое, гдѣ онѣ разсортированы по своимъ сюжетамъ (ср. замѣчанія по этому поводу проф. Сумцова. Отчетъ о V присужденіи премій митр. Макарія, 167 и слѣд.). П. В. Шейнъ, впрочемъ, съ своей точки зрѣнія довольно послѣдовательно располагаетъ собранныя имъ сказки. И старинный способъ расположенія сохранилъ бы при себѣ всѣ научныя достоинства, если бы къ сказкамъ былъ приложенъ указатель сюжетовъ. Роль указателя отчасти выполняютъ заглавія, находящіяся передъ каждой сказкой и выраженныя часто очень удачно. Такіе же заголовки имѣются у легендъ и преданій. Пословицы, въ виду ихъ незначительнаго числа, расположены не по содержанію, а въ алфавитномъ порядкѣ. Загадки совершенно правильно расположены по содержанію и въ алфавитномъ порядкѣ ихъ значеній. Небольшое количество (70) заговоровъ размѣщены по тѣмъ предметамъ, которыхъ они касаются, въ чемъ слѣдуетъ видѣть совершенно правильную точку зрѣнія. И духовные стихи расположены въ удовлетворительномъ порядкѣ.

Редакція народныхъ произведеній не ограничивается только сортировкой матеріала и расположеніемъ его. Требуется еще при передачѣ народныхъ произведеній держаться извѣстной орѳографіи. Въ этомъ отношеніи существуютъ слѣдующіе пріемы: или народныя произведенія передаются совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ они хранятся въ устахъ

народа, т. е. записываются и печатаются строго фонетически; или, съ удержаніемъ главнѣйшихъ чертъ народныхъ говоровъ, сохраняется ороографія историческая; или, наконецъ, ороографіи придается единообразный видъ съ удержаніемъ лишь лексическихъ и синтаксическихъ особенностей народныхъ говоровъ, а также отчасти морфологическихъ. Перваго рода ороографія возможна тогда, когда лица, записывавшія народныя произведенія, были въ достаточной степени знакомы съ народной рѣчью и умѣли правильно передать ее посредствомъ письма. Такія записи особенно интересны для знакомства съ языкомъ населенія. Почти такое же значеніе имѣютъ и записи второго рода, особенно если редакція умѣло и строго послѣдовательно соединяетъ фонетическіе пріемы письма съ исторической орѳографіей. Тутъ возможны, конечно, и условныя написанія, требуется только, чтобы они были строго послѣдовательны. Наконецъ, третій пріемъ для языка имѣетъ менѣе всего значенія, но онъ очень удобенъ въ чисто литературномъ отношеніи, такъ какъ облегчаетъ знакомство съ народными произведеніями для лицъ, не знающихъ мѣстныхъ говоровъ. Этого способа изданія народныхъ произведеній удобнѣе всего держаться въ томъ случаѣ, когда записи не отличаются послѣдовательностью, а самъ редакторъ не имѣетъ возможности провѣрить ихъ на мѣстѣ записи. — Обращаясь къ орѳографіи, которой придерживается въ изданіи разсматриваемыхъ «Матеріаловъ» г. Шейнъ, находимъ, что онъ слѣдуетъ второму способу обнародованія этнографическихъ произведеній. Такъ у него вездѣ есть *ѣ*, *ъ* и *ь*; даже удержано *о* безударное, обыкновенно произносимое иначе; согласные голосовые передъ безголосными оставлены безъ перемѣны. Если строго послѣдовательно держаться такого, такъ сказать, условно фонетическаго письма, то изданіе народныхъ произведеній въ научномъ отношеніи будетъ вполнѣ удовлетворительно. Разсматривая изданіе г. Шейна, находимъ слѣдующіе недостатки: 1) въ отношеніи передачи общерусскаго безударнаго *о*. Въ предисловіи къ I т. 1 ч. г. Шейнъ заявляетъ, что «неударяемое *о*, произносимое во всей области бѣлорусской рѣчи, какъ *а*», онъ «оставилъ безъ измѣненія въ его этимологической неприкосновенности, какъ это принято въ литературномъ языкѣ». Но такое утвержденіе относительно всей бѣлорусской рѣчи — явное заблужденіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло дѣйствительно такъ и обстоитъ. Но какъ уже давно замѣтили С. П. Микуцкій (Отчеты II отд. Имп. Ак. Наукъ о филологическомъ путешествіи по Западнымъ краямъ Россіи. Тетрадь II. 1865 г., стр. 37) и И. И. Носовичъ (Бѣлорусскія пословицы, помѣщенныя въ Сборн. Отд. русс. яз. и сл. Акад. Н., т. XII, стр. V), а также какъ приходилось наблюдать намъ самимъ (ср. наши Обзоръ звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, § 73, 80, 81, 82, 85; Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, стр. 174—179),

та или другая замѣна бѣлорусскаго безударнаго *о* мѣняется по мѣстностямъ, завися главнымъ образомъ отъ большей или меньшей близости къ ударяемому слогу; такъ что иногда слышится и *о* безударное, и *ы* очень часто, и даже *у*. Да и у самого г. Шейна род. падежи прилагательныхъ на *-ого* вѣдь не даромъ же пишутся обыкновенно черезъ *-ого*, а не *-аго*, хотя они и стоятъ не подъ удареніемъ; попадаются, правда, и ничѣмъ не оправдываемыя отступленія (ср. I т. 1 ч., 22: маленького и маленькаго; I т. 2 ч., 224: боскаго слова и гаю зеленого). Съ другой стороны, иногда попадаются случаи, вопреки выставленному положенію, замѣны безударнаго *о* и совпавшаго съ нимъ *а* безударнаго другими гласными. Довольно часто на мѣстѣ его попадается *ы*, напр.: I т. 1 ч., 19: посеро́дъ двора́ д*ы*й Ивановаго, Ива́н*ы*чка, строг*ы*й (твор. пад. женск. рода); I т. 1 ч., 81: ра́д*ы*сть, з*ы*лоты́мъ, мылодо́й и т. д. Такая замѣна *о* безударнаго посредствомъ *ы* безударнаго даже въ одной и той же пѣснѣ не представляетъ явленія постояннаго и устойчиваго, а носитъ характеръ совершенно случайный. Есть случаи замѣны такого *о* посредствомъ *у* и даже посредствомъ дифтонговъ, напр. I т. 1 ч., 19: годува́ть, а случаевъ съ дифтонгами много въ разныхъ записяхъ изъ южной Бѣлоруссіи. Можно даже указать не мало примѣровъ написанія съ *а* безударнымъ на мѣстѣ *о*, объясняемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, своеобразнымъ пониманіемъ морфологическаго строенія слова. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ: I т. 1 ч., 21: Игнат*а*чку, ib. 79: пойд*а*мъ, ib. 81: ў чяст*а*мъ (чистомъ?) поли, зор*а*чки ib. 82; ib. 174: гус*а*чки, ib. 234: дзяўчин*а*ньцы, дзяўчин*а*нько, богат*а*и матки, ib. 317: т*а*бѣ, н*а*вого; I т. 2 ч., 20: с*а*бѣ, ib. 204:

Выскочил*а* маленьк*ая* малеп́я,
Указал*а* дороженьку до села....

вмѣсто: выскочило маленькое маленя, указало...., потому что «маленя́», -я́ци средняго рода, какъ дзиця́, дзѣўча́ и под.; ib. 225: пол*а*вицею — половиной, ib. 227: присп*а*рай, т*а*чили, I т. 1 ч., 62: трое курей пѣл*а*; впрочемъ, судя по римѣ къ нему (вороты скрыпѣли), можно думать, что здѣсь опечатка вм. пѣли, ib. 160: т*а*рна́ми, ib. 258 № 289: п*а*пырь и попырь папоротникъ и множество другихъ подобныхъ случаевъ. Принимая все сказанное во вниманіе, можно видѣть, что выставленное выше положеніе г. Шейна относительно безударнаго *о* невѣрно и въ его изданіи не выдержано. 2) Совершенно аналогичной съ передачей безударнаго *о* должна быть и передача *е* (= ɛ, ʌ и даже ѣ). Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, будучи безударнымъ, *е* подвергается почти такимъ же измѣненіямъ, какъ и *о*, только имѣетъ передъ собою мягкій согласный или j, а послѣ *р* и шипящихъ оно вполнѣ совпадаетъ съ *о*. Между тѣмъ у г. Шейна относительно *е* — дру-

гая система: собиратель вездѣ старается передавать замѣнителей этого звука безъ всякихъ отступленій: «*е* безъ значка сверху ¨ безъ исключенія вездѣ произносится, какъ латинское *е*» («Отъ собирателя» I т. 1 ч., VI). Но и здѣсь на самомъ дѣлѣ далеко не находимъ такой выдержанности. Во-первыхъ, основное положеніе, сейчасъ приведенное, въ своей формулировкѣ представляетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что *е* бѣлорусское въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно произносится, ничѣмъ не отличается отъ *е* великорусскаго, т. е. оно всегда умягчительное, никоимъ образомъ не похожее на латинское *е*; съ послѣднимъ совпадаетъ *е* въ Полѣсьи, но вѣдь полѣсскіе говоры далеко не бѣлорусскіе. Такимъ образомъ, напр., если бы кто сталъ читать дзѣдул*е*чка, пойдз*е*мъ, сокочиц*е* (I т. 1 ч., 109—110), я*е*, пл*е*мени, б*е*зъ (I т. 2 ч., 69), очнуўс*е*, мин*е*, нан*е*нка, зьв*е*рху и т. д. (II т., 80) съ *е* = лат. *е*, т. е. съ *э*, тотъ допустилъ бы грубую ошибку. Во всѣхъ такихъ случаяхъ *е* умягчительное. Что касается въ частности безударнаго *е*, то оно передается у г. Шейна посредствомъ *е*, *я*, *и*, что и на самомъ дѣлѣ бываетъ въ бѣлорусской рѣчи. Однако же нельзя съ полной увѣренностью сказать, чтобы факты, приводимые въ разсматриваемомъ сборникѣ, вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности: попадается немало противорѣчивыхъ случаевъ. Возьмемъ I т. 1 ч., 19 стр. (запись самого Шейна). Съ одной стороны: т*е*рёмъ, т*е*реми́, т*е*ля́токъ, д*е*ржа́ть, т*е*ря́ть; съ другой — т*я*бе́, л*я*ни́вый. Или ib., 23 (запись самого Шейна): ч*е*р*е*зъ боръ, пом*е*жь тыхъ, ц*е*кла́, рѣ́ч*е*нька и т. д., но б*я*р*а*жистая, зъ вуц*я*ня́тами, с*я*л*е*зёночка. Или I т. 2 ч., 393: Бож*е*, Д*е*мья́нъ, столы дубовы*е*; скац*е*рци браныя, явства саха́рныя, си́н*я*го. Или II т., 387: два ч*е*ловѣка и два ч*а*ловѣка, н*е*спасенны*я* души и н*я*добры*е* людзи. Или ib. 389: п*е*р*е*ночевацъ и ч*и*лавѣкъ справядливый, ц*я*нерешнимъ и т. д. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть о томъ, что часто смѣшиваются на письмѣ *е*, *ѣ* и даже *э*; послѣднее особенно послѣ *р* и *ц*: рѣц*ѣ* № 7 и рац*э* № 8 I т. 1 ч., 23, кл*е*ци (клѣти) I т. 1 ч., 58 № 38, на сырой хво*е* садзіў дво*е* I т. 1 ч., 60, пріѣхала коляда ў ве́чер*е* I т. 1 ч., 83, тер*е*ма и тер*э*ма I т. 1 ч., 183. 3) «*Ц* и *з* передъ *е* произносятся почти всегда мягко, какъ бы передъ *ѣ* или іотированнымъ *ю*» (Отъ собирателя, I. 1, V). Вслѣдствіе такого замѣчанія г. Шейнъ на письмѣ обыкновенно не различаетъ такихъ написаній, какъ *ц*еремъ I т. 1 ч., 20, *ц*екла ib. 23, на ку*ц*ѣ ib. 26 и т. д. и поли́*ц*ѣ ib. 30, *ц*ерквы ib. 75, *ц*еркви ib. 79, сер*ц*е ib. 20, сон*ц*е ib. 26, ра*ц*ѣ́ ib. 86, между тѣмъ какъ въ первой группѣ словъ вездѣ *ц* мягкое изъ общерусскаго *т* мягкаго, во второй же группѣ *ц* твердое, какъ и въ общерусскомъ, изъ *ц* основного. Въ подобномъ же положеніи находится дѣло и въ написаніяхъ съ *р*, которое въ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ твердо и лишь по восточнымъ и сѣвернымъ окраинамъ мягко. Дѣло впрочемъ нисколько не пострадало бы, если бы относи-

тельно такого произношенія *р* была сдѣлана оговорка; но ея нѣтъ, а въ самомъ изданіи рядомъ напр. съ *е*, *ъ*, *и*, *ю*, *я* послѣ *р* встрѣчаемъ нерѣдко *э*, *ы*, *у*, *а*: черезъ р*ѣ*чка бр*ы*ла I т. 1 ч., 18, терёмъ ib. 19, черезъ рэчаньку ib. 20, старэйся ib. 21, грючиць и Гр*и*гор*ы*вичъ ib. 22 № 6, р*ѣ*цѣ и посвар*ы*лася, бер*аж*истая, черезъ и чир*а*зъ, р*ы*ка́ ib. 23 и т. д., терема и терэма ib. 183. Почти только твердыми звуками бываютъ въ бѣлорусскомъ еще согласные *ж*, *ш*, *ч*, *щ*. Съ ними дѣло обстоитъ болѣе послѣдовательно, т. е. послѣ нихъ обыкновенно пишется *и* вм. *ы*, е вм. *э*, *ь* вм. *ъ*; однако и здѣсь иногда бываютъ отступленія. Укажемъ, напр., хоч*ы*ць, рогоч*ы*ць I т. 1 ч., 25, несуч*ы*, кажуч*ы*, идзешъ ib. 26, ш*ы*ци ib. 127 и т. д. рядомъ съ обычными: шіюць, смяш*и*ць, наш*и* ib. 149, пытаюч*и*, играюч*и* 151 ib., пощ*и*пали ib., любишь ib. и т. д. 4) Въ области согласныхъ особенно выдающейся чертой бѣлорусскаго нарѣчія является употребленіе *ц* *дз* мягкихъ вмѣсто *т* и *д* мягкихъ. Въ этомъ отношеніи у г. Шейна большею частью находимъ правильную ороографію, хотя нерѣдкость также встрѣтить и непослѣдовательность: написанія съ *т* и *д* мягкими и *ц*-*дз* часто даже въ одной и той же пѣснѣ. Напримѣръ: въ пѣсняхъ, записанныхъ самимъ Шейномъ, обыкновенно *т* и *д*: побей*те*, повѣшь*те* I т. 1 ч., 19, лежи*ть*, и*деть*, *т*исовая ib. 20—21, но непослѣдовательно: *ц*екла, плуве*ць*, ву*ця*няточки, *дз*ѣточки ib. 23 — всѣ записи изъ одной и той же Могилевской губерніи. Или ib. 73: поѣ*дз*имъ, *дз*ѣтки и т. д. рядомъ съ моло*д*и (трижды), если только послѣднее слово не представляетъ нерѣдкаго въ разсматриваемыхъ матеріалахъ смѣшенія *а* и *и* даже въ записяхъ самого собирателя. Еще: *т*ябе при заби*ць*, *ц*емнымъ I т. 1 ч., 93, *т*ереми, ма*т*и, но *ц*ешиць, *ц*еремъ, *д*ѣ *дз*ѣла ib. 171—172 (запись самого Шейна), *дз*ѣ*д*ька ib. 421 (запись самого Шейна) и т. II, 6, лис*тт*я, но кую*ць*, ищу*ць* ib. 462, тре*тт*ію, ча*т*вертую, но жани*ц*и, пусь*ц*и, *ц*ябе ib. 468 (запись самого Шейна). Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить одну ороографическую странность въ записяхъ ученика Свислочской учительской семинаріи Ермоловича изъ д. Заполья Слонимскаго уѣзда Гродн. губ. У него вездѣ употреблено *ц* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ слышится *дз*. По поводу этой ороографической особенности сдѣлано даже г. Шейномъ такое примѣчаніе: «Этотъ оригинальный способъ изображенія *дз* (а онъ повторяется не разъ и въ другихъ, имѣющихся у насъ записяхъ, сдѣланныхъ мѣстными уроженцами), такъ консеквентно выдержанный во всей записи, можетъ, по нашему мнѣнію, служить не лишнимъ соображеніемъ при разсужденіи объ означенномъ характерномъ звукѣ бѣлорусскаго нарѣчія» (60 стр. II т.). Намъ кажется, что это лишь графическій пріемъ: въ принятой нашей азбукѣ нѣтъ особаго знака для звука *дз* (ѕ), произносимаго вполнѣ слитно, совершенно аналогично *ц*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи

особенно звонко, какъ бы *дзз*. . . .; поэтому лицо, непривычное къ выраженію этого звука, имѣющее въ азбукѣ лишь аналогію въ *ц*, и нашло возможнымъ передавать его посредствомъ *ц*: *ц*вѣ, бу*ц*е, хо*ц*ила, о*ц*инъ, *ц*епь, о*ц*ежа, лю*ц*ей, угля*ц*ѣли и т. д. 60—61, зло*ц*ѣй, сѣ*ц*ицъ (сидитъ) ве*ц*е, *ц*ѣшъ (дзѣшъ = гдѣ же) и т. д. 148—149. Интересно, что для *ц* = *т* мягкому здѣсь тоже *ц*: прихоци*ць* и т. п., хотя одинъ разъ *тц*: лецят*ць* (глядятъ) 149. Также несомнѣнно графическая особенность записывавшаго, а не звуковое явленіе, въ употребленіи *тз* вмѣсто *ц* изъ *т* мягкаго (въ легендѣ подъ № 231, стр. 416—419 т. II) въ такихъ словахъ, какъ бѣднос*тз*я, зват*тз*ь, иду*тз*ь, ба*тз*юшку, дзи*тз*ёнка, идзе*тз*ь и т. д. Съ физіологической точки зрѣнія *тз* совершенно невозможно: его нельзя иначе прочесть, какъ *дз* или *тс*. 5) «оу, уо и іе — произносятся какъ дифтонги — однимъ открытіемъ рта» (Отъ собирателя, I т. 1 ч., VI). Въ этомъ положеніи болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, для насъ кажется существованіе дифтонга оу на мѣстѣ общерусскаго *о*. Я думаю, что въ записи, а затѣмъ и въ печать это оу зашло лишь по ороографическому недоразумѣнію. Является этотъ дифтонгъ лишь въ записяхъ изъ Подлѣсья Слуцкаго уѣзда Минской губ., при чемъ въ пѣсняхъ, напечатанныхъ раньше, уо, а начиная съ № 253 (I т. 1 ч.) уже является оу: Іоунъ, поуйдзяце I т. 1 ч., 242, дроубны ib. 247, боуръ, моуй ib. 248 и т. д. Оставляя до другого раза подробное разсужденіе о подлѣсскихъ дифтонгахъ, здѣсь замѣчу лишь, что истекшимъ лѣтомъ (1898 г.) я нарочно предпринималъ поѣздку въ Подлѣсье и тамъ дѣйствительно произношенія съ дифтонгомъ оу не слыхалъ.

Таковы неточности, допущенныя г. Шейномъ въ передачѣ главнѣйшихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Но и помимо ихъ встрѣчается множество разныхъ ороографическихъ недосмотровъ, отчасти введенныхъ въ опечатки (списокъ которыхъ приложенъ къ каждой книгѣ), отчасти же незамѣченныхъ издателемъ и при окончательномъ пересмотрѣ сборника. Вотъ еще нѣсколько болѣе выдающихся погрѣшностей: I т. 1 ч. черезъ рѣчк*а* 18, но черезъ рѣчк*у* 19 (одинъ и тотъ же №), лйпничку и лыпничку 63, хоць коник*у* збуду, хоць коник*а* збуду 71, я молод*а* (1 разъ) и я молод*и* (3 раза) 73, сынъ Бож*ій*, храмъ Б*ожжи*, желѣзн*ы* тынъ 136—137 № 136, ў т*ымь*, на то*мъ* 140, ужин*и*ста и ужин*а*ста 148, ў цёмн*о*мъ лѣсѣ, ў чист*ы*мъ поли 399, *с*вѣтъ неўдалая жана (4 раза) и *з*вѣтъ не*у*далая жена 1 разъ, запись самого Шейна) 404. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника безъ нужды введено к, употребляющееся при томъ безъ всякой послѣдовательности: щыгклъ вылет*ае* 518, вер*эб*кйка пол*е*цѣў, пкршая, ячм*е*нь, бесёда и т. д. 519; новоро*ждзн*ому 7, ишоў кумъ по *са*лу (сялў?) 24, звонялй 26, свинки пасыцци 35 (вм. пасвици), табач*н*и рожокъ (табачки) 31, ороць 38 выноска, оддаць *на* крошцы вм. па крошцы 48, капусты съ

макомъ 50 (мясомъ?), ў новуой *св*цёпцэ 58 (вм. исцёпцэ), ў новуой клеци бѣлы *к*усты качае 58 (хусты), госьикъ (дважды) рядомъ съ госьцикъ 59, изъ жменьк*а* — мѣрка 60 (жменки), ворон*ов*о коня 64, «ў тоя времячко» въ риѳму «подъ окошечко» 68 (вм. ожидаемаго «подъ окенячко»), свою дзѣваньку мижъ дзѣво*ч*ахъ возьму 83 (выноска), ме*н*ися тябе забиць 93 (мѣлися), вискочи*л*ъ рядомъ съ вискочи*в*ъ 94, три коски сала 97 (куски), за.... свіечку = запали с. = зажги 98, пришўоши 120 (пришоўши), зимую возочкў, вясную чоўночку 126 вм. зиму ю (= у = въ) возочку и т. д., съ гоборам*я* лапци знесла 127 (г-ми), по дзеся*шк*ѣ вм. д-ткѣ 141, по межахъ ходзіў да *усыша* росіў 145 вм. жыта, какъ видно изъ слѣдующей строки: «зародзіў жыта пану господару»; пяцьдзесятъ подводъ да *коньівозниць* 145 (вм. коны возиць); несомнѣнно не дифтонги, а польская орѳографія въ пѣснѣ № 144 (стр. 150) записанной въ Минскомъ уѣздѣ; ў чатверт*ы* вокно 152, процв*иа*иць 158, выросш*к*и ib. (вм. в — стки), Юры ѣдзиць на *вымъ* конѣ 171, дочьку и дочку 172 (которая форма правильнѣе?), мой свёкорк*и* 179, ў ксамиц*а* рядомъ съ ў ксамиц*и* 188, ни въ рѣшецѣ воды, ни въ нелюбомъ душ*а* 193, идзець яна, молод*ы*, воды плачучи 207, овясéц*ь* 260 (вм. овесецъ), призываютъ на помощь во*лхв*овъ, медвѣдей, лисицъ.... 266 (вм. волковъ), дай шоў 274 (вм. да йшоў), наша пан*а* 288 (вм. пани). Какъ можно видѣть изъ послѣдняго и другихъ подобныхъ примѣровъ, довольно часто употребляется *и* вм. *а* и наоборотъ. Продолжимъ примѣры болѣе выдающихся опечатокъ: да хилщеся зеленыя лозы 308 (вм. хилецеся), у мáмуаны 367, зазов*е*ёмъ 372, въ стодолах*о* молоцяць 412, сто розакъ свяици 432, ихъ брацитк*и* на лаўцѣ ляжиць 441 (вм. б — тка), подъ косцеломъ на цвиотары 448 (вм. цвинтары), на вечарочки сх*и*оваўся 453, *Из*орсовской волости 503 (вм. Щорсовской). I т. II ч.: сцюдзинь 3 стр. и сцюдзкнь 5, побрацимо укормила 35 (вм. нобрацимоў к — ла), дуриѣйць въ риѳму разумѣиць 37, спласкали вм. сплясками 80, раздзишъся 81, жалосьцай 103 (вм. ж — цяй), ниdзѣ вм. нейдзѣ (= нигдѣ) 238; пѣсня № 2 (стр. 350—351) имѣетъ ту орѳографическую особенность, что въ ней предлогъ *въ* вездѣ изображенъ въ видѣ *в'* (съ паэркомъ): а в' середу в' квасъ клали; ѣзьтя 350 (ѣшьте) и т. д. — II т. Критика перваго тома «Матеріаловъ» (ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., октябрь, и 1890 г., ноябрь) поставила на видъ неточность многихъ записей въ фонетическомъ отношеніи; поэтому уважаемый собиратель при печатаніи 2-го тома былъ внимательнѣе въ этомъ отношеніи; однако же вполнѣ удовлетворительно выполнить эту задачу было очень трудно главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что не всѣ сотрудники г. Шейна были одинаково подготовлены къ точнымъ записямъ. Поэтому и здѣсь встрѣчаются иногда разные недосмотры: Якши*н*ской волости вм. Якшицкой III стр., выраженіе «гляди же» передано по-

средствомъ гледзи*ш*ъ и гледзижъ 1—2 (для избѣжанія недоразумѣнія слѣдовало по крайней мѣрѣ отдѣлить шъ = жъ), «ти будашь мине, котокъ, за ходяина?» и тамъ же: «*у* мине вже *есть* ходяинъ», тамъ же: «у миня вже *ё* ходяинъ» 3, заяцъ и за*и*цъ ib., ни хочу пѣ*шчу* ходзиць, вѣроятно, вмѣсто пѣ*шшу* (пѣшью) 7—8, увыдзѣў вм. увидзѣў 122, одобраў у Климк*и* вм. у Климка́ 124, показал*оса* вм. показалася 125, оддам*ы* ib. (вм. оддамо́), шкод*о* ib. (вм. шкода), вынӯў ib. (вм. выняў), по*д*лазили 127 (вм. поўлазили), продаюць жиды *ўсё мяккую* одзёжу 131 (вм. ўсялякую), «яна *на* мене чисто заштурхала» вм. «яна мине ч. з.» 141, бач*ы*ў 154 (вм. бачіў — бачыў), рыкац*е* 473 (вм. рыкаци), хлѣ*б*а 475 (вм. хлѣва), живуч*у* 476 (вм. живучи), не заўся (г) гды́ 479 (вм. не заўсягды́), не тки ib. (вм. не ткни), заигрѣхъ ib. (вм. за игрѣхъ), прима*п*кій 480 (вм. примацкій), сьцюдзи*к*о 482 (сьцюдзино́), ни познала, што подлога у мяне *за шкло* 485 (вм. за шкла, т. е. изъ стекла), смал*и* 515 (вм. смалы), «ожаніўся чарвякъ зъ *дзявяцую* жонками» (вм. зъ дзявяццю — девятью), 554, «коли ты горѣлку якъ воду *пешъ*» 561—562 (вм. пъешъ) и т. д.

Перечисленные недостатки сказываются какъ въ записяхъ самого г. Шейна, такъ и въ матеріалахъ, доставленныхъ другими лицами. Интересно бы опредѣлить, какіе изъ этихъ недостатковъ принадлежатъ собственно редакціи издателя и какіе корреспондентамъ г. Шейна. Но не имѣя ихъ рукописей, не возможно отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, въ «Матеріалахъ» Шейна даны перепечатки изъ нѣкоторыхъ собраній, уже раньше увидѣвшихъ свѣтъ. Кромѣ того, нѣкоторыя записи прошли и черезъ мои руки. Вотъ сравнивая эти матеріалы въ томъ видѣ, въ какомъ они были раньше и въ какомъ явились впослѣдствіи у г. Шейна, мы и можемъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ ороографіи разсматриваемаго изданія. Во всѣхъ этихъ матеріалахъ, напечатанныхъ часто довольно удовлетворительно въ фонетическомъ отношеніи, г. Шейнъ ввелъ однообразную ороографію, особенно замѣнилъ *а* изъ *о* безударнаго посредствомъ *о*. Далѣе, въ перепечаткахъ пѣсенъ, изданныхъ польской ороографіей, онъ нашелъ нужнымъ ввести ҝ для передачи *іе*, что въ русской ороографіи уже составляетъ ничѣмъ не оправдываемую причуду; вдобавокъ это ҝ и проведено крайне непослѣдовательно. Я уже приводилъ подобные случаи изъ записей оригинальныхъ; здѣсь для примѣра укажу нѣсколько непослѣдовательностей изъ перепечатокъ: I т. 1 ч., 517: нҝв*е*ли́ки, збирa*е*, ib. мҝл*е*, замҝта́е, на вҝсҝлли йгра*е* и т. д.; I т. 2 ч., 69: н*е* хвалисҝ, горосҝ, пл*е*м*е*ни, 70: идз*е*ць, нясҝць, н*е*хай не застанусҝ, 103: грэбҝн*е*цъ, 117: н*е* улекайсҝ и т. д. Это же причудливое письмо послѣ иногда вводится и въ записи лицъ, доставившихъ г. Шейну свои матеріалы, еще не появлявшіеся въ печати.

Кромѣ того, при перепечаткахъ допущено не мало отступленій отъ

оригиналовъ и другого рода, при чемъ одни изъ такихъ отступленій являются удачными поправками оригинала, другія же ничѣмъ не оправдываются, изобличая часто недостаточно внимательное отношеніе редактора къ своему дѣлу. Иногда замѣчаются пропуски отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ стиховъ. Приведемъ примѣры въ подтвержденіе всего сказаннаго.

а) Поправки въ печатныхъ матеріалахъ, быть можетъ, вполнѣ раціональныя:

I т. 1 ч., 107. У Киркора: Ой найду я на горо́дзѣ
На дзявоцкимъ хороводзѣ,
Рыбачку лапаючи....
У Шейна: Ой пойду я по горо́дзѣ....

Ib. У Киркора: Няйдзиця на орѣшачки....
У Шейна: Няйдзиця по орѣшачки....

I т. 1 ч., 108. У Киркора: Або васъ што спугаиць,
Ня нуждая дай сердца маиць!
У Шейна: Ня ўсяки дай сердца маиць!

I т. 2 ч., 77. У Тышкевича: Pa kieszeniach pakłali;
Ach ciamnie pryszło,
U kieszeni ciesta padyszło.
У Шейна: По кишеняхъ поклали,
Ахъця мнѣ прышло....

Ib., 78. У Тышкевича: żena hoża.... hłoże....
У Шейна: жена гожа.... гложа (рифма).

Ib., 79. У Тышкевича: Waźmij pażażok papieraj sia.
У Шейна: Возьми посошокъ попирайся. Здѣсь «посошокъ» очень вѣроятная поправка, хотя еще слѣдуетъ доказать, употребляется ли это слово въ народномъ языкѣ.

I т. 2 ч., 89. У Тышкевича: Drużko! drużko! nie waroczaj mianie,
Ja nie kałoda tabie.
Kab ja kałoda,
U barub leżała:
Kab ja biaroza,
Na miażyb stajała.
У Шейна: Дружко, дружко, не ворочай мяне,
Я не колода табѣ, я ня бяроза табѣ;
Кабъ я колода, ў бору бъ лежала....

Ib., 95. У Тышкевича: U s*a*botu kasu czesała....
У Шейна: Ў суботу косу чесала....

Ib., 108. У Тышкевича: Ciapier ja sieła miż szypszyniczku,
Miź krapiuki, — żyźka krapiuka
Pażyhać budzieć. . . .
У Шейна: Цяперъ я сѣла мижъ шыпшыничку,
Мижъ шыпшыничку, мижъ крапіўки,
Жижка крапіўка — пожигаць будзець. . . .

Ib., 117. У Тышкевича: Da ja hawaryła: sakały latuć! . . .
Ja twaryła szto miesiac uschodzić. . . .
У Шейна: Да я говорыла: «соколы лятуць!» . . .
Говорыла я, што мѣсяцъ ўсходзиць.

Можно указать и еще нѣсколько подобныхъ удачныхъ поправокъ, особенно въ повтореніи словъ или цѣлыхъ стиховъ (ср. ib. 101 № 87 ступиць, 110 № 109 оўсяные зубы, 121 № 136 и не соловкки щебечуць).

б) Еще было бы вполнѣ раціонально въ записяхъ, переписанныхъ съ польскаго, сдѣлать поправку суффикса *-эчка* на *-ачка*, или по орѳографіи г. Шейна на *-очка*: суффиксъ *-эчка* бѣлорусскому нарѣчію неизвѣстенъ. Въ этомъ случаѣ г. Шейнъ польское *-eczka* иногда даже передаетъ просто черезъ *-ечка*, вслѣдствіе чего получается не польское и не бѣлорусское окончаніе. Сказанное относится и къ суффиксу *-эк* вмѣсто ожидаемаго *-ок*, а также *-энька* или обыкновенно у Шейна *-енька* вмѣсто ожидаемаго *-онька*. Примѣры:

I т. 1 ч., 398: маменька при польск. mameńka,
Ib., 432: лахчынэчки, ручэчки,
Ib., 518: голо́венька;
I т. 2 ч., 69: татэчку, дудэчки,
Ib., 71: подарэчки, Янечку, подарекъ, горэлэчку.

Иногда однако рядомъ съ подобными явными полонизмами находимъ и поправки:

I т. 2 ч., 74: Горэлочки захоцѣла,
Горэлочки, акавитэчки,
Для мяне працовитэчки,
Горэлочки тащанэчки. . . .

Ib., 87: Ўстаньцк дзѣвечки,
Бярыцк щоточки,
Чашыце головочки!

Въ польскомъ оригиналѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ конечно *e*.

Еще примѣры:

Ib., 76: А ў хатэчку трэсечки лятуць,
Ib., 79: Гусечки и т. д.

в) Большинство однако случаевъ несходства передачи напечатанныхъ матеріаловъ у г. Шейна скорѣе могутъ быть объясняемы какъ простые недосмотры или непониманіемъ текста. Таковы, напр., случаи:

I т. 1 ч., 107: Я вышію кошулічку вм. вымаю (вымою);
Ib., 173 въ окончаніяхъ словъ почему то употреблено *-и* вм. *-а* въ оригиналѣ:

Этногр. сборн. II, 233.	Шейнъ, Матер. I т. 1 ч., 173.
У чи́стамъ по́ли стадо́ланька,	Ў чистомъ поли стадоланьки,
У стадо́лыньцы карчо́манька,	Ў стадолыньцы корчоманьки,
У карчо́маньце крава́тунька,	Ў корчоманьцѣ кроватуньки,
На крова́ци сьлична пане́нка,	На кроваци сьлична паненька,
па́нна Га́нна. . . .	Слична пане́нька, панни Ганно.

I т. 1 ч., 334: якъ милого обуджаци вм. обудзици;
— 398: чужая сторона — тугою ора́на, слёзми засѣявана вм. засѣя́на;
— 414: ў зялёменькимъ верасочку вм. зялёненькимъ;
— 431: Хамицки ў той часъ не жаніўсе вм. той часъ (винит. времени безъ предлога);
— 518: зязюля вм. зазуля, давае вм. дае́;
— 544: гэта дай на снѣгъ вм. гэта да й пя снѣгъ;
— 569: хлопцы мине не любяць — «мине» лишняя прибавка.
I т. 2 ч., 70: крыницой сьцюдзиней водзицы передача польскаго: krynicoj ściudzionej wadzicy;
— 71: ня дзяры бора вм. бору;
— 74: пюрсьцьнями вм. персьценьми (pierścieńmi);
застуць вм. зступъ (zstup);
— 75: кудзюрками вм. кудзёрками (kudziorkami);
господынечка вутка вм. вудка (wódka);
— 76: наша Агатка вм. нашая А. (naszaja A.);
ў хатэчки трэсечки лятуць вм. ў хаточку;
— 78: ўсѣ людзю дзивуюцся вм. дзивюцься (dziwiuć sia);
— 84: Боже мой, Боже вм. ай Боже жъ мой, Боже;
— 85: да прыѣдзюцю и вы вм. прыйдзецежъ (prуjdziecież);
— 86: близкіе и дальняе вм. дальные (dalnyje);
— 87: той свюнцовой хацѣ вм. święconej (полонизмъ);
— 88: горшокъ вм. горщокъ (harszczok);
трёшнику вм. траяка (trojaka);
выкупіў вм. выкупляў (wykuplau);
— 92: «мой выше, мой выше» вм. мой вышшы (wyższy);
мѣпа короваевъ вм. мѣняне короваёвъ;

I т. 2 ч., 93: кулаками объ столъ биць, вм. кубками (kubkami);
— 94: дзякую табѣ, цѣсцянка, вм. тасцянка (tasciauka);
дмѣтса сваха вм. свяця (swacia);
— 96: слёзки зъ боръ кацилисѣ вм. зъ горъ (z hor);
— 97: коли Богъ пущаў вм. кабъ (kab);
пошли солоўя.... до милого татэчку вм. па милага;
соловѣйку пошлю вм. соловейка п. (saławiejka);
радь бы я ўстаць до свояму дзицяци порадочекъ даци вм. радъ бы я ўстаць да свойму дзицяци порядочекъ даць;
— 98: Ustała Agatka u niadzielu rana.
Maliła sie Bohu, Bohu molitca,
Tatku kłanitca u nożki niziuteczka.... передано:
Ўстала Агатка ў нядзѣльку рано,
Молиласѣ Богу. Богу молитца
Только кланитца ў ножки низюшэчко....

Эта допущенная переписчикомъ путаница, принятая паслово, заставила даже въ выноскѣ предложить поправку и притомъ неудачную.

I т. 2 ч., 101: скочыла Агатка зъ лаўки до лаўки вм. с. А. зъ лаўки далоў-ки (z łauki dałouki долой);
— 102: большы братъ (№ 90) вм. сватъ;
— 104: бѣлы коўнѣръ зъ папѣры вм. б. к. якъ зъ п.;
— 105: звѣнчаў нашые дзѣци вм. звезаў н. д.;
— 106: за того молодца вм. молодого (maładoha);
— 108: Даўшы жыта — проси хлѣба; даўшы лёну — проси сорочку.... вм. Даўшы лёну, праси сарочки: даўшы жыта, праси хлѣба....;
— 105: прыходзиць къ ей лебядзь вм. прыляцѣў;
— 109: прыѣхала Янэчка вм. прыѣхаў;
— 110: прыбраў, какъ лябёдку вм. п. якъ л.;
— 111: зъ нядзѣли по понядзѣлокъ вм. па понядзѣлокъ;
— 112: знимуць.... молодую лускавицу вм. залатую л.;
— 113: только ты ў свою хатку вм. т. мнѣ у. с. х.;
— 114: табѣ прыгожуся вм. адгажуся;
— 116: яго яблоками кормили вм. ягодками (jahodkami);
— 117: татова піўка вм. таткова п. (tatkowa);
— 123: зними покрывало сушы вм. з. п. не сушы;
— 131: великія пропоины вм. в. запоины; тутъ же вм. «Да попросюць Т.» д. б. «Да просюць, папросюць Т.» (такъ въ журналѣ Tygodnik Wileński, VII);

Ib., № 133: на торгу бываў вм. на торгу я бываў;
лилея вм. лялея (laleja);
зговоромъ вм. змовинами (zmówinami — obrady);
— 134: на полу вм. на пóлѣ;
— 141: мое краски зянуць вм. зьяюць (въ «Tygodnik'ѣ»);
за кого кпила вм. зъ кого (z kaho kpiła);
— 370: тамъ же мнѣ свяжуць вм. т. ж. мнѣ ручки с.;
на іого.... зъ іого вм. на іого.... на іого;
двоуръ, стоулъ вм. дворъ, столъ (Бобров., I, 831);
— 372: хлѣба дайцѣ вм. давайцѣ;
— 483: «нутка, зватушка любезный, прошу водку моей кушатсь, да моихъ ряцивъ добрыхъ слушатсь» вм. н., з. любезнай! прашу водки маей к., да маихъ рядóвъ д. злушатсь» и много др. неточностей;
— 485: баслави Боже вм. басла Божа;
— 486: расплацься, молодзитсь вм. моладицъ;
— 489: ягода зъ ягодой сокатсили вм. сакатсилася;
— 490: далёко вм. даляко, видзѣли вм. видзили;
— 492: роднэй матушки вм. р. маéй м.; на подкняжемъ плаштя вм. на подкняжимъ п.;
— 493: казной расцитаўся вм. разщитаўся;
— 494: спаснбо Хведоровъ вм. спасиба Хведарацъ.
II т., 473: болѣе маець вм. болѣй м.;
— 477: ни-ни вм. не-не (№ 71);
— 479: ня люби вм. не люби (№ 111);
— 482: ўзяла погань моць вм. моцъ (uziała pohań moc).

г) Иногда по недосмотру пропущены цѣлые стихи. Примѣры:

I т. 1 ч., 141—142 (что можетъ быть уже сдѣлано Шпилевскимъ):

Радаўница статакъ запасываюць,
Святы Юры Божжы посолъ....
Святая Прачыстая папáры мѣшаець
И жыта засѣвасць, а другая ей намагаець....
Святые Громницы свѣчы пасвецаюць.
Пришли Сороки....

— 516 № 636: Полюбіўшися, пожаніўся,
Пажаніўшися, пасваріўся.

I т. 2 ч., 74 № 12, 6 стрк.: Пѣсьнями весялеными.
— 76, 1 стрк.: Пѣсня въ то время, какъ сажаютъ въ печь коровай.
— 82 № 31, 9 стрк.: Хочець ёнъ наѣхаць.

I т. 2 ч., 87 № 41: опущенъ конецъ пѣсни:

Ходзиць, паходзиць маладая дзѣвачка,
На новымъ ganку садзиць, пасадзиць сваихъ
Дзѣвачекъ на бѣлыхъ лаўкахъ,
Пакуль прыѣдзець Яначка зъ дружынкой,
Ёнъ васъ разгониць, ёнъ васъ разгониць,
А мине зъ собой возьмець.

— 115 № 122, 7 стрк.: На начь пущайце.
— 116 № 125, 6 стрк.: Нѣгдзѣ яго на былиначцѣ садзили.
15 стрк.: Нѣгдзѣ яго пиражками кармили.
— 118 № 129, 9—10 стрк.: Атчыни, мамачка, вяршочекъ,
Вязёмъ нявѣхну зъ каршошекъ.
— 132 № 3, 14 стрк.: Самъ сёмъ паяжджая.

д) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не мѣшало бы устранить нелѣпую орѳографію оригинала, какъ въ I т. 2 ч., стр. 367—374, гдѣ находимъ такія написанія какъ з*ѣ*личко, догадайц*ѣ*ся, ц*ѣ*сця, идз*ѣ*, мен*ѣ* молодую, дайц*ѣ*, в*ѣ*сј*ѣ*л*ѣ*, ц*ѣ*б*ѣ*, солов*ѣ*йка н*ѣ* щэб*ѣ*тала и т. д. Во всѣхъ этихъ словахъ *ѣ* несомнѣнно употреблено для обозначенія *е* умягчительнаго, для чего въ другихъ мѣстахъ сборника и пишется *е*. Не было никакой надобности удерживать въ этомъ случаѣ орѳографію Бобровскаго и Киркора, разъ она не выдержана въ другихъ отношеніяхъ, напр. въ передачѣ безударнаго *о*.

Къ числу достоинствъ хорошей редакціи пѣсенъ и другихъ народныхъ произведеній относится постановка удареній въ словахъ. Въ этомъ отношеніи редакція г. Шейна также заставляетъ желать многаго. Однако значительная доля вины падаетъ здѣсь не на редактора, а на его многочисленныхъ корреспондентовъ, вѣроятно не проставлявшихъ въ своихъ записяхъ удареній. Но за то всецѣло падаетъ вина на г. Шейна за опущеніе удареній въ перепечаткахъ, напр. изъ Чечота, Этнографическаго сборника и др. изданій. Ср. напр. приведенное нами выше мѣсто изъ I т. 1 ч., 173 Шейна и Этногр. сборн. II, 233.

Отъ хорошаго изданія народныхъ пѣсенъ требуется также, чтобы онѣ были хорошо подѣлены на стихи. При записи народныхъ произведеній это дѣло не трудное, такъ какъ при пѣніи обыкновенно и распадаются пѣсни на стихи, требуется лишь умѣть записать это дѣленіе. Но и помимо этого, какъ уже отмѣтилъ въ свое время Потебня (Отчетъ о 22 присужденіи наградъ гр. Уварова), стихотворное дѣленіе пѣсенъ легко установить и теоретически, такъ какъ всѣ пѣсни извѣстнаго рода имѣютъ свой схематическій размѣръ. Въ «Матеріалахъ», изданныхъ г. Шейномъ, дѣленіе пѣсенъ по стихамъ вообще правильное, и при томъ не только въ пѣсняхъ, явив-

шихся у него впервые, но и въ перепечаткахъ. Въ послѣднихъ г. Шейнъ нерѣдко даже отступаетъ отъ оригинала, лишь бы придать пѣснѣ больше стройности и естественности. Напримѣръ: Дмитріевъ: Опытъ 1868 г., стр. 15:

Пытаю цебе мѣсяцу,
Чи рано зходзишь, чи позно заходзишь?
Ясное мое солнычко, а что табѣ да того?
Да зыходу мого?

То же у г. Шейна. Т. I, ч. 1, 292:

Пытаю цебе, мѣсяцу:
Чи рано зходзишь,
Чи позно заходзишь?
— Ясное мое солнычко!
— А что табѣ до того,
— До зыходу мого?

Въ этомъ же родѣ поправки въ дѣленіи пѣсенъ по строкамъ, и притомъ очень удачныя, сдѣланы въ слѣдующихъ мѣстахъ: I т. 1 ч., стр. 569—570, № 796; I т. 2 ч., 70 № 4, ib. 71, №№ 7 и 8, ib. 72 № 10, ib. 77 № 20, ib. 81 №№ 29 и 30, ib. 82 № 31, ib. 84 № 36, ib. 87 № 41 [1]), ib. 88 № 43, ib. 90 № 51, ib. 91 № 56, ib. 92 №№ 57 и 58, ib. 94 № 65, ib. 95 №№ 68 и 69, ib. 96 №№ 71 и 72, ib. 98 №№ 75 и 76, ib. 100 № 80, ib. 101 № 87, ib. 104 № 95, ib. 105 №№ 97 и 98, ib. 106 № 99, ib. 108 №№ 104 и 105, ib. 109 № 105, ib. 110 № 108, ib. 111 №№ 110 и 112, ib. 112 № 113, ib. 113 № 114, ib. 114 № 120, ib. 119 № 131, ib. 120 № 132, ib. 124 № 142, ib. 370—371 № 10.

Лишь изрѣдка попадаются недосмотры въ этомъ родѣ, напр. I т. 1 ч., 28 № 19; здѣсь есть даже строки въ 15 слоговъ, напр. 3-ья; въ № 132 (ib. 130) есть строки въ 19 слоговъ, напр.

Охъ якъ жа мнѣ сялу, Боже милы, сялу Святкоуському вяселому быць....

---

1) П. В. Шейнъ несомнѣнно иначе расположилъ бы и оставленный имъ по недосмотру конецъ № 41, напр. такъ:

Ходзиць, паходзиць, маладая дзѣвачка,
Садзиць, пасадзиць своихъ дзѣвачакъ
На новымъ ganку, на бѣлыхъ лаўкахъ,
Пакуль прыѣдзсць Янчка зъ дружынкай.
Ёнъ васъ разгониць, ёнъ васъ разгониць,
А мяне зъ сабой возьмець.

Повидимому неправильное дѣленіе по строкамъ допущено и въ одной перепечаткѣ изъ Тышкевича; имѣю въ виду № 16, I т. 2 ч., стр. 76. Тутъ, напр., читаемъ:

«Нихто ня угадае, што ў нашымъ короваю:
«Дзѣвяци пудоў муки, осьми короў масла, а яецъ поўтараста» —

вмѣсто Тышкевичева (Opisanie powiatu B., 296):

Nichto nie uhadaje,
Szto u naszym karawaju.
Dziewiaci pudou muka,
Aśmi karou masła,
A jajec poutorasta.

Къ достоинствамъ редакціи напечатанныхъ матеріаловъ относится еще указаніе варіантовъ при разныхъ произведеніяхъ. Эти варіанты или приводятся тутъ же, если они являются впервые, или дѣлаются на нихъ только ссылки, если они кѣмъ либо уже обнародованы. Если иногда ссылки на варіанты не сдѣланы въ текстѣ, то онѣ прибавлены въ приложеніяхъ. Приведемъ примѣры варіантовъ разнаго рода. 1) Варіанты приводятся тутъ же подъ строками: I т. 1 ч., стр. 21 къ № 4; ib. 68 къ № 55; ib. 83 № 80; ib. 94—95 № 95; ib. 164 № 155; ib. 188 № 184; ib. 190 № 188; ib. 217; ib. 227 № 234; ib. 285 № 332; ib. 331 № 387 б; ib. 332 № 387 б; ib. 333 № 387 в; ib. 336 № 398; ib. 338 № 400; ib. 396 № 482; ib. 437 № 537; ib. 500 № 612; ib. 524 № 642; ib. 531 № 648; ib. 532 № 648 и т. д. 2) Дѣлаются только ссылки на варіанты уже напечатанные: I т. 1 ч., стр. 24 къ № 8; ib. 34 № 31; ib. 112 № 115; ib. 117 № 116; ib. 145 № 139 др. 3) Опущенные въ текстѣ варіанты помѣщены въ приложеніяхъ ко всѣмъ томамъ. Конечно ссылки г. Шейна можно бы значительно пополнить, какъ это сдѣлано, напр., Сумцовымъ въ отзывѣ о сборникѣ Е. Романова (Отчетъ о присужденіи въ 1893 г. премій митрополита Макарія), особенно въ отдѣлѣ сказокъ, но это не входитъ въ задачу настоящаго отзыва; кромѣ того и ссылки въ большинствѣ случаевъ можно бы сдѣлать лишь на малодоступные сборники [1]), вслѣдствіе чего онѣ были бы безполезны.

Въ заключеніе разсмотрѣнія редакціонной части «Матеріаловъ» г. Шейна слѣдуетъ высказать пожеланіе, чтобы съ окончаніемъ изданія къ такому обширному сборнику былъ приложенъ указатель, съ одной сто-

[1]) Напр. при № 533 (I т. 1 ч., стр. 434) можно бы сослаться на Чечота 1846 г., стр. 49, № 85.

роны, пѣсенныхъ и сказочныхъ мотивовъ, а съ другой — обрядовъ, обычаевъ, суевѣрій и т. п. Прекрасные образцы такихъ указателей находимъ въ настоящее время въ извѣстномъ изданіи А. И. Соболевскаго: «Великорусскія народныя пѣсни». Правда, и въ разсматриваемыхъ томахъ сборника г. Шейна имѣется нѣкоторое указаніе на пѣсенные и сказочные сюжеты при самихъ произведеніяхъ, но желательно было бы все это видѣть сгруппированнымъ въ одномъ мѣстѣ. Лишь одинъ очень полезный указатель приложенъ къ двумъ книжкамъ (I т. 1 ч. и II т.), это—указатель мѣстностей, гдѣ собраны тѣ или другіе этнографическіе матеріалы. Жаль, что такого указателя нѣтъ при томѣ I ч. 2-ой.

в) Достоинства напечатанныхъ матеріаловъ.

Несмотря на всѣ отмѣченные нами недостатки чисто редакціоннаго характера, матеріалы, собранные г. Шейномъ, по своему внутреннему содержанію представляютъ очень много цѣнныхъ данныхъ для характеристики быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края. Между этими матеріалами первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ обрядовой поэзіи, хотя и другіе отдѣлы также представляютъ немало цѣннаго и интереснаго.

Обрядовая поэзія у бѣлоруссовъ, такъ же какъ и у малоруссовъ, еще до сихъ поръ отличается значительной свѣжестью и чистотой первобытнаго міросозерцанія. По своему содержанію, въ этомъ отношеніи она въ настоящее время ближе къ малорусской поэзіи, хотя обрядность, напр., свадебная едва ли не больше точекъ соприкосновенія представляетъ съ великорусскимъ ритуаломъ. Во всякомъ случаѣ, не давая особенно новыхъ мотивовъ, народная бѣлорусская обрядовая поэзія нисколько не уступаетъ малорусской, въ то же время значительно превосходя сохранившіеся до нашего времени остатки великорусской поэзіи. Все сказанное можно подтвердить данными однихъ «Матеріаловъ» г. Шейна. Подробное разсмотрѣніе этихъ обрядовъ и мотивовъ составило бы большую работу, которой не мѣсто въ данномъ отчетѣ; да ужъ многіе ученые изобильно и пользовались «Матеріалами» г. Шейна (акад. Веселовскій еще въ рукописи, проф. Сумцовъ, Владиміровъ и др.). Мнѣ остается указать лишь для примѣра нѣкоторые мотивы и обряды.

Начнемъ съ колядокъ. Извѣстный обрядъ прятанья хозяина дома за пирогами и другими яствами во время ужина наканунѣ Рождества Христова извѣстенъ и бѣлоруссамъ (I т. 1 ч., 47): «.... якъ повечераюць, то ўсѣ повинны отойци отъ стола, господаръ трейчи перекрисциўшися, сядзе на покуци, а жонка насупроціў яго, и попытае: «чи бачишь ты мене?» а ёнъ скаже «не бачу!» — «Кабъ же ты не бачиў за стогами, за копами, за

возами, за снопами свѣту». Тогды господаръ попытае у жонки: «бабо! чи бачишь ты мене?» — «Не бачу!» — Кабъ же ты не бачила за гурками, за гарбузами, за капустою, за бураками свѣту». Тогды трэба, штобъ баба ўзяла кочергу, да и пхнула ею господара, а ёнъ, хутко поваліўшися на лаўку, откаже: «дай же, Боже, штобъ твое снопы такъ хутко падали на нивѣ!»

Малорусскія веснянки и колядки въ отношеніи ихъ пѣсенныхъ мотивовъ разсмотрѣны въ обстоятельной работѣ А. А. Потебни: «Объясненія малорусских и сродных народных пѣсень». Варшава. 1883 (т. I) и 1887 (т. II). Если взять эти работы за руководство и въ тѣхъ же отношеніяхъ разсмотрѣть пѣсни, изданныя въ «Матеріалахъ» г. Шейна, то окажется, что въ послѣднихъ можно встрѣтить тѣ же мотивы. Величанье хозяина. Необычайный домъ и дворъ хозяина (I т. 1 ч., 76 № 67); радости хорошаго хозяина (ib. 81 №№ 77 и 78); удачи его въ земледѣліи и во всемъ относящемся къ послѣднему (ib. 61 № 42: вороной конь, въ полѣ ратаи молодые, волики половые, сохи золотыя, подсошники мядзяные, палицы срабряныя, поводки шоўковые); выдающееся общественное положеніе почтеннаго хозяина (ib. 64 № 48: сядзиць при дворѣ, суды судзиць — пярасудзячы). Величаемый хозяинъ открываетъ свое широкое гостепріимство по отношенію къ колядующимъ; но къ нему идетъ даже самъ Господь со святыми (ib. 78 № 72). Величанье хозяина выдерживаетъ сравненіе съ малорусскими подобными мотивами не только въ главныхъ чертахъ, но и въ мелкихъ подробностяхъ, особенно если привлечь сюда еще бѣлорусскія волочебныя пѣсни. — Кромѣ хозяина въ колядкахъ еще величается его жена (I т. 1 ч., 65: она замѣчательная работница, сядзиць ў коморы, шыя, вышывая на рукаўцы сивы голубцы — якъ ня поляцяць, на полички дробныя пташачки — якъ ня щабечуць; ib. 80 №№ 75 и 76: она умная — покупаетъ три города — и красивая); его сынъ (ib. 77 № 70) и даже малыя дѣти (ib. 76 № 68: на дворѣ на яворѣ виситъ колыбель съ малымъ ребенкомъ; его колышутъ мамки и няньки, при чемъ припѣваютъ: «коли жіў будзе, королемъ будзе, а королеўну да замужъ возьме»). — Въ нѣкоторыхъ колядкахъ явны мотивы эпическіе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательная пѣсня № 64 (стр. 74, I т. 1 ч.), напоминающая запѣвку въ нѣкоторыхъ былинахъ:

Не дорога пива пьяная,
Да дорога посадзеника,
Муская погуканика.
А ў бесѣдзѣ людзи добрые,
Гукаюць яны муское и т. д.

Эта пѣсня впервые явилась у Чечота (1846 г., № 83), затѣмъ перепечатана Дмитріевымъ, а у этого послѣдняго взята въ «Матеріалы» г. Шейна.— Наконецъ цѣлый отдѣлъ колядскихъ пѣсенъ разрабатываетъ мотивы религіозные, отчасти въ связи съ бытовыми. Любимымъ мотивомъ этихъ пѣсенъ, какъ извѣстно, является крещеніе, пріурочиваемое тотчасъ же къ рожденію Спасителя. Крещеніе понимается простодушно, какъ совершенное надъ младенцемъ Іисусомъ. Присутствіе Пресвятой Дѣвы при этомъ крещеніи является также совершенно естественной чертой. Даже оказались точки соприкосновенія и для перехода къ другимъ обстоятельствамъ изъ жизни Христа. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна колядка № 36 (I т. 1 ч., 56):

Прачистая Дзѣва Сына родзила,
Сына родзила, ў китай сповила;
Стали попы гадаци, якъ имя даци?...
Дай дали имя дай Исусъ Хрыстосъ.

Имя это Дѣвѣ Маріи понравилось. Потомъ

Пошла ў церкоўку дай поклонилась,
Дай поклонилась, дай озирнулась,
Озирнулась — ажъ сына нема.

Пресвятая Дѣва, сильно испугавшись, пошла искать Христа. По дорогѣ она встрѣтила Павла съ Петромъ. У нихъ спрашиваетъ, не видали ли они ея сына. Тѣ не скрываютъ, что видѣли Христа:

Дай не туоймасо; дай признаймасо,
На синемъ мори, дай на раздолли,
Хрыстосъ купаўся, на муку подаўся.
Е тамъ стояла жидска школа,
Дай взели Хрыста, дай замучили,
Дай замучили, дай разопяли,
Е шупшинкою дай потперазали,
Е ожинкою ручки звезали.

Въ бѣлорусскихъ колядкахъ можно встрѣтить и извѣстные мотивы подблюдныхъ пѣсенъ. Такъ въ одной пѣснѣ (I т. 1 ч., № 88, стр. 87) разсказывается, какъ среди села стояла гора, а на горѣ росла верба съ серебряной корой, съ золотою росой. Налетѣли птицы, обобили кору и отряхнули росу. Молодая дѣвушка Ганна собрала эту кору и росу и понесла ихъ до пана коваля:

Пане ковале, скуй мнѣ вяночекъ,
Скуй вяночекъ на голованьку,
Скуй мнѣ поясокъ на святы дзянёкъ,
Скуй мнѣ персьцёнокъ
На мою бѣлую ручку.

Далѣе въ сборникѣ г. Шейна много разныхъ пѣсенъ, сопровождающихъ различныя святочныя забавы, напр. обходъ съ козой (I т. 1 ч., стр. 89—98), женитьбу Терешки (ib. 99—105) и др.

Въ веснянкахъ, кромѣ пѣсенъ, представляющихъ прекрасные образцы закликанія весны (напр. I т. 1 ч., стр. 126—127, №№ 123—128), всюду извѣстные любовные мотивы, воспѣваніе ласточекъ, жаворонковъ, соловьевъ, кудрявой вербы, бѣлой березоньки, калины, шелковой зеленой травки-муравки; изрѣдка является и образъ кукушки, когда изображается стремленіе къ любви со стороны молодой вдовы.

Но особенное вниманіе среди пѣсенъ, распѣваемыхъ въ Бѣлоруссіи весной, обращаютъ на себя пѣсни великодныя, иначе называемыя волочебными. Какъ и въ первомъ своемъ сборникѣ (1873 г.) и въ данномъ П. В. далъ прекрасные образцы этихъ пѣсенъ. Въ нихъ, кромѣ полной картины систематическаго раздѣленія и распредѣленія земледѣльческаго труда въ процессѣ произрастанія злаковъ, плодородія и охраненія полей между всѣми главными, извѣстными крестьянину святыми православной церкви, и яркой, хотя и сжатой характеристики этихъ святыхъ, не только со всѣми добродѣтелями и слабостями простыхъ смертныхъ, но даже съ довольно замѣтнымъ подчасъ оттѣнкомъ крѣпостничества и патріархальнаго панства, — имѣемъ еще матеріалы и для объясненія самого названія лицъ, поющихъ эти пѣсни. Такъ, «волочебники» несомнѣнно отъ волочиться:

Ишли-бряли вылачобники....
Вылачилися — нымачилися....

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (сосѣдящихъ съ литовцами) они называются «лалынщиками», вѣроятно по припѣву къ нѣкоторымъ пѣснямъ «лалымъ», «лалы мой» (ср. литовское łału, откуда глаголъ łałûti, существ. łałauniuks волочебникъ. Потебня, Веснянки, 20). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волочебники называются еще «кукóльниками» (I т. 1 ч., 135, 158, 160):

Ишли пришли кукóльнички.... Еремичи Новогр. у.
Нуця, братцы кукóльнички.... Оршан. у.
Да и кукóльнички своевольнички.... Іодчицы Слуцк. у.

Кукольники—несомнѣнно слѣдъ старинныхъ скомороховъ, дававшихъ вмѣстѣ съ пѣніемъ и представленія.

Не стану здѣсь излагать мотивовъ волочебныхъ пѣсенъ: они въ общемъ тѣ же, что и въ колядкахъ, а также щедровкахъ; укажу лишь для примѣра какъ образцовую изъ такихъ пѣсенъ № 136 (I т. 1 ч., 136—140).

Кромѣ волочебныхъ, на Пасху у бѣлоруссовъ распѣваются еще и собственно великодныя пѣсни, касающіяся больше дѣвушекъ, предсказывающія имъ близкое замужество. Такихъ пѣсенъ у г. Шейна также есть нѣсколько (напр. № 144 стр. 150, № 152 стр. 161, № 154 стр. 162 и др.); онѣ развиваютъ сюжеты колядокъ и особенно веснянокъ. Какъ особенно замѣчательныя изъ такихъ пѣсенъ должны быть признаны тѣ, которыя содержатъ загадки, напр. № 177 (I т. 1 ч., 184). Дѣвушка обращается къ молодому человѣку:

Загадаю табѣ́ я семъ загадокъ....
Што бяжиць безъ повода?
А што росьцець безъ ко́реня?
А што цвициць безъ синяго цвѣту?
А што солодзѣй ды за сахару?
А што плачыць безъ голосу?
А што чырно́ ни чырне́но?
А што жъ бѣло́ ни бѣле́но?

Слѣдуютъ затѣмъ соотвѣтствующіе отвѣты. У г. Шейна подобныя пѣсни поставлены не среди великодныхъ, но въ другихъ сборникахъ съ такимъ содержаніемъ попадаются пѣсни и среди великодныхъ. Одну подобную пѣсню удалось записать и мнѣ (Русск. Филол. Вѣстн., XXI, 252 № 70).

Изъ весеннихъ пѣсенъ и обрядовъ, пріурочиваемыхъ къ Троицкой недѣлѣ, особенно замѣчательны тѣ, которыя относятся къ русалкамъ и завиванію вѣнковъ. Вѣра въ русалокъ еще очень свѣжа среди бѣлорусскаго простонародья и всѣ обряды, связанные съ представленіемъ послѣднихъ, также отличаются живостью. Въ соотвѣтствующихъ пѣсняхъ русалки изображаются больше качающимися на деревьяхъ или совершающими разныя продѣлки съ прохожими (ср. напр. I т. 1 ч., 199 стр. и др.). Въ другихъ пѣсняхъ, относящихся къ разсматриваемому времени, обыкновенно воспѣваются деревья, особенно береза (ср. напр. I т. 1 ч., 188):

Ужъ ты не радуйся, кленъ дзерево,
Не къ табѣ идуць красныя дзѣушки,
Не къ табѣ идуць молоды молодушки.
Ужъ ты радуйся, бѣлая березынька:

Мы къ табѣ идземъ красныя дзѣушки....
Мы покумимся, поголубимся....

Въ этомъ же родѣ и много другихъ пѣсенъ (ср. ib. на стр. 189 № 186):

Ну не радуйся ты дубнякъ, кленникъ,
Што дубнякъ, кленникъ, ель кудрявая,
Ель кудрявая, зелена сосна,
Только радуйся бѣла береза....
Што къ табѣ идуць красны дзѣвицы,
Ну несуць табѣ ўсе госьциночки....

«По окончаніи послѣдней пѣсни пѣвицы начинаютъ махать передниками и колыхать березу такъ, чтобы сучье ея можно было поймать и связать съ другимъ, близъ стоящимъ деревомъ и образовать вѣнокъ». Связавши такимъ образомъ вѣнокъ, онѣ проходятъ подъ нимъ попарно, что и называется кумиться.

Во многихъ пѣсняхъ изображается обычай завиванья вѣнковъ и гаданья по нимъ. Этотъ обычай извѣстенъ и великоруссамъ; но только тамъ гадаютъ о миломъ, о замужествѣ; у бѣлоруссовъ же завиванье вѣнковъ бываетъ съ нѣсколько иною цѣлью, какъ можно видѣть, напр., изъ слѣдующей пѣсни (I т. 1 ч., 185):

Пойдземъ, дзѣвочки,
Во луга лужочки
Завиваць вѣночки.
Мы завьемъ вѣночки
На годы добрые,
На жито густое,
На ячмень колосистый,
На овесъ рѣсистый,
На гречиху чорную,
На капусту бѣлую.

Здѣсь завиванье вѣнковъ, повидимому, имѣетъ отношеніе къ урожаю; тутъ оно отличается такимъ же характеромъ, какъ и заклинаніе. Дѣло въ томъ, что у бѣлоруссовъ есть суевѣрный обычай завязывать, завивать рожь или вообще хлѣбное растеніе съ цѣлію причинить вредъ тому, на чьемъ полѣ это сдѣлано. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обратнымъ дѣйствіемъ — завиваньемъ вѣнковъ съ цѣлью вызвать урожай у тѣхъ хозяевъ, члены семьи которыхъ участвуютъ въ этомъ обрядѣ.

Въ одной пѣснѣ (I т. 1 ч., 192 № 193), какъ бы въ подтвержденіе мнѣнія приверженцевъ миѳологическихъ толкованій, выступаетъ туча съ громомъ:

Туча съ громомъ сговаривалася:
Ты пойдземъ-ка, громъ, погуляемъ со мной,
Погуляемъ съ краснымъ дзѣвушками....
Ну пойдземъ ли мы вянки завиваць,
Зелену березу пойдземъ заломаць.

Изъ лѣтнихъ народныхъ празднествъ и обрядовъ самые замѣчательные купальскіе. «Матеріалы» г. Шейна даютъ прекрасное описаніе и этого празднества (ср. I т. 1 ч., 213—236). Замѣчаніе, сдѣланное по поводу этихъ пѣсенъ въ первомъ сборникѣ г. Шейна (1873 г.) въ рецензіи О. Миллера (Отчетъ о 18 присужденіи наградъ гр. Уварова, 54), еще въ большей степени примѣнимо и къ соотвѣтствующимъ пѣснямъ «Матеріаловъ». Отмѣтимъ нѣсколько болѣе выдающихся пѣсенъ: № 228 стр. 224 (I т. 1 ч.) — продѣлки вѣдьмъ въ купальскую ночь; № 240 стр. 230 — изображеніе купальскаго игрища; № 247 стр. 233 — превращеніе брата и сестры, вступившихъ по незнанію въ супружество, въ цвѣтокъ Иванъ да Марья; № 236 стр. 228 — дочка Купалы; № 234 стр. 227 — разсказъ о томъ, какъ

Рано на Ивана сонце йграло,
А тамъ дзѣўка воду брала,
Воду браўши утонула....

Въ основѣ этой пѣсни врядъ ли не лежитъ обычай потопленія чучелы Купалы рано утромъ на Ивановъ день. Дѣвка здѣсь, вѣроятно, Купалочка — дочь Купалы. — Оставляя въ сторонѣ пѣсни съ сюжетами про любовь, про бракъ, отмѣтимъ еще цѣлый отдѣлъ купальныхъ пѣсенъ насмѣшливыхъ, гдѣ дѣвушки издѣваются надъ парнями и наоборотъ. Эти пѣсни очень распространены въ Бѣлоруссіи. Такія пѣсни встрѣчаются только на свадьбахъ, какъ остатокъ умыканія и проистекающаго отсюда враждебнаго отношенія невѣсты и ея подругъ къ жениху и его свитѣ. Вотъ, напр., такая пѣсня (I т. 1 ч., 232 № 244):

А на горѣ подъ дубомъ,
Загорѣўся жидоў дворъ.
Идзице мальцы тушици,
Рѣшетóмъ воду носици:
А ў рѣшеци воды нѣтъ,
А ў мальцахъ праўды нѣтъ....

Кругъ обрядовыхъ пѣсенъ въ разсматриваемомъ сборникѣ заканчивается пѣснями жнивными и дожиночными. Если исключить изъ нихъ пѣсни случайно распѣваемыя во время полевыхъ работъ, какъ свадебныя, семейныя и вообще любовныя, то окажется, что мотивы собственно жнивныхъ пѣсенъ слѣдующія: тяжесть полевыхъ работъ и удаль жницъ (стр. 243 №№ 255 а и б и др.); подобно купальскимъ пѣснямъ, и жнивныя иногда содержатъ элементъ издѣвательства (252 № 277). Но особенно типичными изъ жнивныхъ пѣсенъ оказываются тѣ, которыми сопровождается завиванье бороды козлу при дожинкахъ. Самый обрядъ прекрасно описанъ у г. Шейна на стр. 263—270. Объясненіе его можно найти у Потебни въ Колядкахъ. Согласно съ Маннгартомъ, онъ объясняетъ обрядъ завиванія бороды и связь его съ козломъ тѣмъ, что по распространенному вѣрованію почти всѣхъ европейскихъ народовъ, «душа нивы есть козло- или козообразное существо (какъ Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жницами и скрывающееся въ послѣдній несжатый пукъ колосьевъ или послѣдній снопъ». Хлѣбъ, соль, которые кладутъ на землю при завиваніи бороды, и будутъ какъ бы жертвой этому существу. Вмѣстѣ съ послѣднимъ снопомъ или вѣнкомъ эта «душа нивы» переносится въ домъ хозяина. Образцы относящихся сюда пѣсенъ на стр. 265. Вмѣстѣ съ завиваньемъ бороды происходитъ и плетенье вѣнка. И это дѣйствіе сопровождается разными пѣснями, имѣющими больше характеръ благопожеланій хозяину и приглашенія встрѣтить небывалаго гостя (ср. I т. 1 ч., 275 № 310). Здѣсь такое же представленіе богатствъ добраго хозяина, какъ и въ колядскихъ пѣсняхъ. Къ нимъ примыкаютъ и другія въ этомъ родѣ, въ которыхъ разсказывается, какъ во дворъ хозяина заходитъ самъ Богъ, спорышъ и рай. Вотъ примѣры такихъ пѣсенъ (I т. 1 ч., 273 № 305):

Ишоў Богъ дорогою,
Ишоў Богъ широкою.
Петрулька у воротъ стоиць,
Шапочку ў рукахъ дзержиць:
«А ко мнѣ, Божа, ко мнѣ,
«Зъ густыми снопами,
«Зъ частыми копами»....

Или (ib. 272 № 303):

Ай ходзіў Спорышъ изъ конца вулицы въ конецъ,
Ахъ нихто Спорыша да ў хату ня зовець.
Обобралась господыня да Мартынова жана:
«Ходзи жа ты, Спорышъ, охъ ў хату ко мнѣ....

«Приспоры мнѣ, Спорышъ, и у доми и у поли,
«И ў гумни, и ў дворы, и ў клѣци, и ў печи»....

Или (ib. 271 № 302):

Ходзіў Раю по вулицы,
Нихто Раю у хату ня просиць:
Обобраўся нашъ Иванька:
«Ходзи, Раю, ко мнѣ ў хатку»...

Въ приведенныхъ пѣсняхъ останавливаютъ на себѣ вниманіе Спорышъ и Рай. Первое слово очень извѣстно въ названіи двойного предмета, колоска или орѣха; поэтому г. Шейнъ еще въ первомъ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ (1873 г., 520) полагалъ, что дожиночныя пѣсни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называются спорышовыми «вѣроятно оттого, что значительнѣйшая часть вѣнка состоитъ изъ спорышей, т. е. стеблей съ колосомъ двойчаткой». Но какъ замѣтилъ Потебня (Колядки, 168), спорыши встрѣчаются очень рѣдко, такъ что никоимъ образомъ большая часть вѣнка не можетъ состоять изъ нихъ. Вслѣдствіе этого спорышъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть въ смыслѣ споря́щій, приспоряющій, дѣлающій такъ, чтобы было споро, хватало на долго. Такимъ образомъ, Спорышъ здѣсь будетъ олицетвореніемъ богатства, урожая. — Гораздо труднѣе объяснить Рай. Шейнъ (ib. 523) полагаетъ, что «упоминаемый въ спорышевыхъ пѣсняхъ Рай, несомнѣнно, есть названіе бога жатвы», аттрибутъ коего — вѣнокъ и который «людямъ является въ олицетворенномъ образѣ цвѣтущей дѣвицы», т. е. той жницы, которая несетъ съ поля вѣнокъ. Это толкованіе О. Миллеромъ признано очень удачнымъ (Отчетъ о 18 присужденіи наградъ гр. Уварова, 54). Фаминцынъ (Божества древн. славянъ, I, 318) полагаетъ, что въ этомъ Раѣ нельзя не узнать сокращеннаго имени.... мр. Урая (Юрія). Однако эти мнѣнія нельзя признать основательными. Мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ мнѣніе Потебни (Колядки, 168—172), который видитъ проникновеніе Рая въ дожиночныя пѣсни изъ свадебныхъ, гдѣ рай является эпитетомъ коровая. О короваѣ во многихъ свадебныхъ пѣсняхъ говорится, что онъ посланъ отъ Бога (Чубин. IV, 231), что онъ «зъ раю» (ib. 216), оттуда же, откуда встаетъ солнце и свѣтитъ мѣсяцъ (ib. 230 и 666). Названіе коровая раемъ находимъ напр. въ слѣдующей малорусской пѣснѣ (Голов. IV, 245):

Ой раю, ты мôй раю,
Пшеничный короваю....

О раѣ-короваѣ въ бѣлорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь ниже. Въ другихъ

свадебныхъ же пѣсняхъ рай эпитетъ свадебнаго деревца. Такимъ образомъ и у насъ рай можетъ быть эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа, употребляющимся вмѣсто названія самого предмета.

Но особенно цѣнными изъ обрядовыхъ пѣсенъ оказываются въ «Матеріалахъ» г. Шейна пѣсни свадебныя и обряды, сопровождаемые ими. Уже одинъ объемъ ихъ (501 стр.) превосходитъ всѣ изданія въ этомъ родѣ, а внутреннее содержаніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. — Всѣ свадебные обряды и пѣсни или изображаютъ сельскую жизнь, или выражаютъ пожеланія счастливой будущности; кое-гдѣ однако же проявляются древніе обычаи, оставшіеся еще отъ временъ языческихъ, когда семейный бытъ носилъ другой характеръ. Такъ изъ лѣтописей извѣстно, что современному заключенію браковъ по добровольному согласію жениха и невѣсты предшествовало много стадій. Самая ранняя форма брака была похищеніе женихомъ невѣсты. Такъ о древлянахъ въ начальной лѣтописи сказано: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ... брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица». То же разсказывается про радимичей, вятичей и сѣверянъ. Указаніе на существованіе этой формы брака и у бѣлорусскихъ славянъ находимъ во многихъ обрядахъ и пѣсняхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ поется, какъ пріѣхали сваты на дворъ и пустили стрѣлу въ окно (I т. 2 ч., стр. 91 № 56). Въ настоящее время пусканье стрѣлы въ окно не имѣетъ смысла, но оно указываетъ на древній обычай похищенія невѣсты, которое часто сопровождалось даже избіеніемъ цѣлаго рода. Въ другой пѣснѣ дружина жениха уже прямо называется войною (ib. 146 № 8):

«Што гэто матулька родненькая,
«За *война* пришла?»

спрашиваетъ невѣста у матери, увидя товарищей жениха. Въ одномъ мѣстѣ отецъ невѣсты сватовъ обзываетъ прямо разбойниками и не хочетъ пустить ихъ къ себѣ въ домъ (ib. 156). Иногда сваты лишь бы пробраться въ домъ невѣсты, прибѣгаютъ къ обману, называя себя охотниками, выслѣживающими дичь, которая забѣжала къ родителямъ невѣсты на дворъ (ib. 156). На враждебный характеръ дружины жениха указываетъ и то обстоятельство, что, когда женихъ со сватами и дружиной пріѣзжаетъ къ дому невѣсты, то передъ нимъ запираютъ ворота, которыя дружина жениха открываетъ силой (ib. 173). Ворота часто бываютъ даже укрѣплены жердями (ib. 260). Храбро стоять за жениха дружина обязывается клятвой, которую даетъ, отправляясь съ женихомъ по невѣсту. Всѣ становятся правой ногой на сковороду и цѣлуютъ образъ говоря: «Щобъ стоятсь другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь каплю» (ib. 484). На враждебный характеръ дружины жениха указываетъ и тотъ обычай, по которому дружина, явившись въ домъ невѣсты, на

первыхъ порахъ сидитъ въ шапкахъ, надвинутыхъ на лобъ (ib. 135). Когда уже женихъ пробьется въ домъ невѣсты, и ее приходится отдать за него, тогда невѣста обращается со слезами и продолжительными рыданіями къ отцу и брату за помощью, причемъ жениха и его дружину обзываетъ далеко не лестными именами (ib. 174 № 29):

Татунька, родный мой,
Ты воротъ не запёръ:
Мужикоў — чужакоў
Понайшло къ намъ на дворъ;
Стукуюць-грукуюць
Ды на нашемъ дворѣ,
И дзвери ломаюць
Яны ў хатку къ табѣ;
Заграбуць, повязуць
Мяне млоду къ сабѣ.
Татунька, ро́дный мой,
Ты ратуй жа мяне!
Брацитка, ро́дный мой,
Чужанинъ на дворѣ:
Коли любишь мяне,
Дыкъ ратуй жа мяне!

Братъ, дѣйствительно, какъ и всѣ другіе родственники, по пѣснѣ, гонится за женихомъ и его дружиной, похитившей невѣсту (ib. 186 № 20):

Гоницца братъ за сястрою, гоницца,
Грозной шабелькой грозицца.

Такимъ образомъ, въ древнѣйшую эпоху, когда существовалъ обычай похищенія невѣсты, главнымъ защитникомъ ея, кромѣ отца, былъ еще братъ. Но уже въ пѣсняхъ, указывающихъ на этотъ періодъ брака, есть намеки на то, что братъ иногда продавалъ свою сестру. Такъ въ одной пѣснѣ (ib. 260 № 19) подруги невѣсты поютъ:

Литва, Литва,
Будзя у насъ битва:
Братъ будзя воеваци
И сястры ни оддаваци
За рубъ, за чатыры,
За два злотыхъ.

Но недолго братъ былъ такимъ неподкупнымъ защитникомъ своей сестры. Наступаетъ другая форма брака — купли невѣсты, и братъ уже является продавцемъ своей сестры. Эта форма брака также засвидѣтельствована древними лѣтописями. Въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтописи (подъ 988 г.) читаемъ про Владимира Св.: «Вдасть же за вѣно грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ пріде Киеву». Подобное же замѣчаніе есть и въ другомъ мѣстѣ лѣтописи (подъ 1043 г.): «В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людій 8 сотъ». Дружина жениха выдаетъ себя за купцовъ проѣзжихъ, покупающихъ дорогой товаръ, какимъ въ данномъ случаѣ является невѣста (I т. 2 ч., 155). Естественно, что къ такимъ купцамъ невѣста питаетъ вражду: въ пѣсняхъ,

относящихся къ этому отдѣлу, дружина жениха называется коршунами, а самъ женихъ соколомъ, которые заклюютъ сѣрую уточку-невѣсту (ib. 156—157 №№ 1 и 2). Начинается торгъ: сватъ предлагаетъ извѣстную сумму денегъ за невѣсту, а братъ торжится, требуя больше, и расхваливаетъ свой товаръ (ib. 211 №№ 9 и 10). Наконецъ, сходятся въ цѣнѣ, и, въ знакъ согласія, родители пожимаютъ сватамъ руки, что называется рукобитьемъ (ib. 14). Плату за невѣсту обыкновенно получаетъ братъ. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ пѣснѣ (ib. 37 № 57):

Татаринъ, брацицъ, татаринъ!
Оддаў сястру за даромъ,
А русую косыньку за питакъ,
А бѣлыё личыйка пошло и такъ;
А братъ ў сястрѣ кохаўся,
Нямножко грошы набраўся.

Ср. еще ib. 179 № 36 и 243 № 18.

Не только братъ продаетъ свою сестру; иногда этимъ дѣломъ даже занимаются отецъ и мать. Въ одной пѣснѣ (ib. 131 № 2) разсказывается, какъ бояре навезли много золота и просятъ, чтобы имъ продали Тацянку, но

Тацянка татульки просила:
«Дорожы, татулька, дорожы!
«Да сто червонцоў запроси,
«Тогды мяне молоду оддаси».

Подобнымъ же образомъ поется и въ другой пѣснѣ (ib. 468 № 23). Иногда отецъ даже пропиваетъ свою дочь. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ одной пѣснѣ (ib. 141 № 8):

Да Тацянкинъ татулька,
Да пропіў свое дзицятко....
Да за мёду шкляночку,
(Да) за горѣлки чарочку....

Рѣже случается, что дочь продается матерью; это большею частью бываетъ тогда, когда мать въ нетрезвомъ видѣ (ib. 109 № 106):

Матка дочку пропила,
Мошну грошы набила....
Пропила матка дочку
На солодкимъ мядку....

Отъ покупки невѣсты легко было перейти къ новой формѣ брака — женитьбѣ по расчету, часто безъ согласія жениха и невѣсты, а лишь по желанію родителей (ib. 153). Но и бракъ по расчету постепенно начинаетъ уступать мѣсто женитьбѣ по взаимному согласію вступающихъ въ бракъ (ib. 294). Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ, при заключеніи брачныхъ союзовъ, главными дѣйствующими лицами были не женихъ и невѣста, а ихъ родные. Естественно, что положеніе невѣсты, при подобныхъ условіяхъ переходящей въ чужую семью, представлялось весьма печальнымъ. Невѣста иначе не называетъ своего жениха, какъ чужимъ чужаниномъ (ib. 107), и всегда при разговорѣ о немъ громко рыдаетъ.

Такія данныя для характеристики разныхъ формъ брака мы находимъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, помѣщенныхъ во 2-ой части I тома разсматриваемаго сборника. Старинныя воззрѣнія и образъ жизни у бѣлоруссовъ, такимъ образомъ, совершенно сходны съ великорусскими (ср. еще А. З—чъ: Бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни сравнительно съ великорусскими. С.-Пб. 1897 г.). Но и помимо этихъ данныхъ, характеризующихъ древнѣйшую эпоху жизни славянъ, въ разсматриваемомъ сборникѣ можно найти цѣнныя указанія и на другіе странные обычаи и воззрѣнія. Такъ идеаломъ счастья для простолюдина является жизнь княжеская и вообще высшаго сословія — боярскаго. Вслѣдствіе этого, въ обрядахъ свадебныхъ и пѣсняхъ, относящихся къ нимъ, женихъ постоянно называется княземъ, а невѣста княгиней (ср. I т. 2 ч., 166 № 10) Такъ они называются не только по имени, но и вся обстановка, приписываемая имъ, чисто княжеская[1]). Женихъ, по словамъ дружка, намѣренъ одѣться въ бѣлый чулокъ, сафьянъ сапогъ, кунью шубу, соболью шапку (ib. 484). Невѣста передъ свадьбой ходитъ въ вѣнкѣ, которымъ хотятъ представить царскую корону (ib. 2). Въ одномъ мѣстѣ невѣста называется даже королевой (ib. 184 № 13):

Чаго, браточка, гэтакъ сильно плачешь?
— Бяру *крулёўну* за сябе-няроўну....

Такая невѣста въ домъ жениха приноситъ и баснословное приданое, состоящее изъ городовъ, селъ, полей, коровъ, воловъ, сундуковъ (кубловъ) съ платьемъ, деньгами и проч. (ib. 177—178). Да и естественно ожидать такого приданаго отъ невѣсты, которая по словамъ, пѣсни (ib. 92 № 59),

Цисьця, зяця, ждала,
Кунами дворъ слала,

---

[1]) Относительно названія жениха княземъ, а невѣсты княгиней и всей княжеской обстановки есть и другія мнѣнія. Ср. Н. Сумцовъ: О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881 г., 205 стр.

Кунами бобрами,
Чорными соболями.

Иначе невѣстѣ и поступить нельзя въ виду такого замѣчательнаго жениха, какимъ онъ представляется въ свадебныхъ пѣсняхъ (ib. 476 № 40):

Король, король!
Королевскій сынъ.
По полю ѣдзець —
Василёчкомъ сцѣлецца,
А ў вороты ѣдзиць —
Воронымъ конемъ хвалицца,
У избу входитъ (чит. ўходзиць) —
Молодымъ княземъ кажецца,
А за столъ садзицца, —
Княгинею хвалицца.

Свадебный пиръ, по пѣснѣ, происходитъ также при роскошной обстановкѣ, далекой отъ прозаической дѣйствительности: скатерти на столахъ шолковыя (ib. 481 № 50), ѣдятъ лебедя, яства сахарныя (ib. 392).

У жениха князя и невѣсты-княгини и подходящая свита. У нихъ «дружина», въ которой, кромѣ сватовъ, сватьей, есть еще бояре, боярки (ib. 159), подбояре (изъ неженатыхъ спутниковъ, стр. 252 ib.), маршалокъ (ib. 212 № 9), чашникъ (ib. 366).

Изъ старинныхъ общераспространенныхъ обычаевъ особеннаго вниманія заслуживаетъ, во-первыхъ, употребленіе растенія руты: передъ свадьбой жениху прикалываютъ къ шляпѣ цвѣтокъ руты, невѣста же и ея дружка носятъ на головѣ рутвяные вѣнки (ib. 360). Далѣе передъ отъѣздомъ къ вѣнцу молодые всѣмъ кланяются до земли. По окончаніи всѣхъ поклоновъ, женихъ съ невѣстой обходятъ три раза вокругъ стола, кладя по три поклона въ «покуць» отцу и матери, и выходятъ къ ожидающимъ ихъ подводамъ. Но прежде чѣмъ имъ сѣсть, мать беретъ ковригу хлѣба и, обошедши три раза назначенную для нихъ подводу, перебрасываетъ хлѣбъ черезъ лошадей, а женщина, стоящая по другую сторону подводы, перебрасываетъ ей какъ бы въ отвѣтъ другой хлѣбъ (ib. 362). Въ другихъ мѣстахъ вокругъ повозки молодыхъ сватъ три раза обноситъ полную рюмку водки и выливаетъ ее на лошадей. Мать же насыпаетъ въ передникъ нѣсколько горстей ржи и съ нею, въ одно время со сватомъ, обходитъ тоже три раза вокругъ повозки и послѣ засыпаетъ молодымъ немного ржи за воротникъ. Затѣмъ сватъ въ другой разъ обноситъ рюмку водки вокругъ повозки и даетъ каждой лошади пить или хоть понюхать водки (ib. 223). Вообще обсыпаніе зерномъ на свадьбахъ молодыхъ въ большомъ ходу; кромѣ обсыпанія рожью (ib. 239), еще бо́льшимъ распространеніемъ пользуется обычай обсыпать молодыхъ зерномъ овса (ib. 191). Кромѣ зеренъ ржи и овса, при обрядахъ свадебныхъ, также употребляется ленъ. Передъ возложеніемъ на голову молодой чепчика, кладутъ на нее три пасмы льну и под-

стригаютъ ей волосы. Послѣ этого сваха снимаетъ съ головы молодой ленъ, подбираетъ волоса и завязываетъ ихъ льномъ. Этотъ ленъ, зашитый въ сукно, молодая всегда носитъ при себѣ (ib. 108—109).

На столѣ, за которымъ сидятъ молодые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыкновенно ставится елка (ib. 310). Иногда елкой называютъ при этомъ обрядѣ можжевеловую вѣтку, убранную цвѣтами и овсяными колосьями (ib. 364). Традиціонная елка играетъ роль и тогда, когда ее замѣняетъ вѣтка вишни, все-таки называемая елкой (b. 334).

Въ числѣ свадебныхъ кушаній непремѣнно бываетъ пѣтухъ и курица (ib. 29). Передъ отправленіемъ молодыхъ спать угощающая ихъ женщина поетъ (ib. 118—119):

Пятухъ курку маниць,
На куросадникъ садзиць,
Даець меду ѣсци.

Съ пѣтухомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодые являются къ священнику, когда даютъ на оглашеніе.

Необходимой принадлежностью свадебныхъ кушаній и обрядовъ является коровай — большой пшеничный хлѣбъ, на которомъ, кромѣ птицъ и разныхъ животныхъ (представленныхъ часто въ неприличномъ видѣ), иногда еще изображаются солнце, луна и звѣзды (ib. 361). Обращаясь къ короваю, маршалокъ говоритъ: «раю короваю, раю, раю»... Раемъ коровай называется и въ нѣкорыхъ свадебныхъ пѣсняхъ. Вотъ, напр., одна изъ такихъ пѣсенъ (напоминающая пѣсни дожиночныя, о чемъ рѣчь была выше), гдѣ Рай является добрымъ совѣтникомъ, подающимъ богатство, устроителемъ свадебъ (ib. 319 № 51):

Ходзя Раю по вилицы, —
Раю мой!
Нихто Раю ў дворъ ни пуская,
Раю мой!
Вышоў жа дзятцинкоў таточка,
Раю мой!
Просіў Раю да къ сабѣ у хату,
Раю мой!
Ой, сядзь жа Рай да на покутѣ,
Раю мой!
Ой, радзь, Раю, добрую раду,
Раю мой!
Я сына жаню, я Бога хвалю,
Раю мой!

Въ числѣ обрядовъ брачнаго ритуала у бѣлоруссовъ одну изъ выдающихся ролей играетъ употребленіе «дзежи» (квашни), вѣка отъ нея (крышки) и вывороченнаго кожуха (тулупа). Снаряжаютъ невѣсту къ вѣнцу при слѣдующихъ обрядахъ. Братъ невѣсты ставитъ въ почетномъ углу передъ ико-

нами «дзежу хлѣбницу», на крышку которой кладетъ кожухъ, шерстью вверхъ. Затѣмъ, обращаясь къ невѣстѣ, братъ говоритъ: «Чи садзися, чи откажися?» Если невѣста дѣвственница, то она садится на «дзежу», и начинаютъ ее одѣвать; въ противномъ же случаѣ, она откажется сѣсть (ib. 87, 98, 161 и др.). Но и помимо этого обряда, во время свадьбы еще приходится прибѣгать къ кожуху. Когда новобрачные отъ родителей невѣсты пріѣзжаютъ въ домъ жениха, тогда мать послѣдняго выходитъ къ нимъ навстрѣчу въ вывороченномъ шерстью наружу кожухѣ. Дружки въ это время поютъ (ib. 211 № 8):

Ой знаци, знаци,
Што чужая маци
Не хоче приняци
Чужого дзицяци.
Вывернула кожушокъ,
Да хоче спужаци.
«А я цебе, маци, ни боюся,
«Низко въ пожки поклонюся».

Большимъ распространеніемъ также пользуется обычай зажигать солому и проводить черезъ нее новобрачныхъ. Когда новобрачные ѣдутъ въ домъ жениха, то, кромѣ другихъ препятствій, на улицѣ кладутъ снопъ соломы и зажигаютъ его. Черезъ такое пламя молодые должны проѣхать (ib. 28 и 118). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ обрядъ происходитъ нѣсколько иначе. Передъ воротами дома невѣсты кладутъ крестообразно два пучка соломы, зажигаютъ ихъ и черезъ этотъ огонь проводятъ молодыхъ во дворъ (ib. 211). Какое бы значеніе ни имѣлъ этотъ обычай — служило ли зажиганіе соломы просто препятствіемъ похищать невѣсту, или же оно имѣло очистительный характеръ — во всякомъ случаѣ, онъ относится къ глубокой древности.

Должно быть, пришлый обычай, или новѣйшаго происхожденія — класть деньги подъ ноги во время церковнобрачнаго обряда съ тѣмъ, чтобы, какъ говорятъ при этомъ, всю жизнь провести въ довольствѣ.

Кромѣ матеріала для характеристики древнихъ обычаевъ и старинныхъ воззрѣній, въ сборникѣ г. Шейна находимъ не мало данныхъ и для изображенія современной жизни бѣлорусса, какою она является подъ вліяніемъ такого радостнаго для него семейнаго событія, какъ женитьба члена семьи. Не касаясь подробностей, разсмотримъ лишь самыя характерныя проявленія веселости у бѣлорусса, какъ они сказываются въ разнаго рода танцахъ. Въ сборникѣ находимъ подробное описаніе слѣдующихъ танцевъ: мяцелицы, закаблуки (I т. 2 ч., стр. 7), барыни, подушечекъ (ib. 8), лявонихи, бычка, воробья (ib. 169), жидовочки, чижика, цыганки (ib. 330), трясушки (ib. 334). Находимъ также, хотя бѣглую, но достаточно выразительную характеристику современныхъ нравовъ (ib. 12) и воззрѣній (напр.,

взгляда на оборотней, стр. 43 ib.); есть даже очень много данныхъ чисто юридическаго характера, касающихся, напр., положенія молодой женщины въ домѣ свекра, въ случаѣ смерти ея мужа и при его жизни, положенія «примака», пріемышей и другихъ дѣтей (ib. 11).

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ обрядахъ и пѣсняхъ погребальныхъ.

Эта часть I т. 2 ч. сборника г. Шейна является новинкой въ бѣлорусскихъ сборникахъ. Относительно сборниковъ великорусскихъ народныхъ произведеній этого сказать нельзя: тамъ есть классическій сборникъ народныхъ причитаній Е. Барсова, но въ разработкѣ бѣлорусской народной поэзіи это первая попытка. Легко описать погребальные обряды, такъ какъ они большею частью однообразны и несложны; но нельзя этого сказать относительно похоронной причети. «Якъ хто хоче, такъ по свойму бацьку и плаче» — говоритъ народная пословица. И дѣйствительно, лишь по общему содержанію разныя похоронныя причитанія сходны, да по пріемамъ построенія; вообще же, каждая женщина плачетъ особенно, смотря по той степени чувства, которая обнаруживается въ ней къ потерянному предмету.

Погребальные обряды весьма сходны и малосодержательны. Когда человѣкъ начинаетъ умирать, ему даютъ въ руки «громничную» (срѣтенскую) или страстную свѣчку, затѣмъ умершаго омываютъ, одѣваютъ во все чистое и хоронятъ по христіанскому обычаю. Это бываетъ вездѣ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ этимъ общепринятымъ обрядамъ присоединяются еще нѣкоторые особенные, носящіе характеръ глубокой древности. Таковы — употребленіе обсыпаній зернами ржи и овса тѣла покойника (ср. подобное обсыпаніе на свадьбахъ), вытекающее изъ того желанія, «чтобы покойникъ и по смерти своей не лишилъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ насущнаго хлѣба». Свѣчу, которую держалъ въ рукахъ покойникъ, тоже вставляютъ въ зерна ржи или овса. Зернами обсыпаютъ даже то мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ покойника и затѣмъ бросаютъ зерна вслѣдъ покойнику до тѣхъ поръ, пока его не вынесутъ за ворота со двора (I т. 2 ч., 533—535). Когда кладутъ покойника въ гробъ, то при немъ съ правой стороны въ головахъ ставятъ то, что онъ особенно любилъ при жизни, напримѣръ, бутылку водки, табакъ, трубку и под. (ib. 546). Какъ и при брачныхъ обрядахъ лошадь, на которой приходится везти покойника, отправляютъ со двора съ нѣкоторыми церемоніями. Кто-нибудь изъ домашнихъ или родственниковъ наливаетъ въ миску чистой воды, всыпаетъ туда овса и, обойдя три раза вокругъ лошади, обливаетъ ее этой смѣсью (ib. 546). Въ другихъ мѣстахъ у лошади, на которой везутъ «небожчика», цѣлуютъ копыта (ib. 521—523). Когда зарываютъ гробъ въ землю, присутствующіе при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросаютъ въ могилу деньги, кольца и т. п., а если у нихъ ничего такого

нѣтъ при себѣ, то часть одежды, напр., платки, шарфы, пояса и проч., — обычай несомнѣнно древняго происхожденія, напоминающій языческія погребенія. На вопросъ записывавшаго (Николаевича), почему это такъ дѣлается, ему отвѣтили: «Такъ дзѣлали наши дзѣды и отцы, такъ и мы дзѣлаимъ» (ib. 564).

Переходимъ къ поминкамъ по покойникѣ. Изъ кушаній, которыя подаются на поминальной трапезѣ, особымъ распространеніемъ пользуются блины и клёцки (галушки, стр. 576). Но никогда не подается такъ много кушаній, какъ на «дзѣдахъ», когда жены поселянъ выказываютъ все свое кулинарное искусство (ср., напримѣръ, стр. 613—614, 619). Изъ обрядовъ при поминаніяхъ особенно замѣчательны зажиганіе костровъ на кладбищѣ (это бываетъ осенью) и оставленіе на могилахъ вѣниковъ, для того, какъ говорятъ, чтобы усопшіе сами очистили свое помѣщеніе (стр. 587). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по окончаніи поминальной трапезы, хозяйка дома приноситъ рѣшето хряпокъ (кочерыжекъ); послѣ этого всѣ присутствующіе начинаютъ бросать ими другъ въ друга. За церемоніей бросанья слѣдуютъ пѣсни и музыка (стр. 588). Вообще пьянство, пѣсни, музыка и пляска при поминовеніи — дѣло не рѣдкое. Особенно на Радоницу на кладбищахъ часто устраиваются настоящія игрища. Народъ сознаетъ неумѣстность подобныхъ поминокъ, однако допускаетъ ихъ существованіе, закрѣпивъ даже это обстоятельство поговоркой: «На Радоницу до обѣда пашуць, по обѣдзѣ плачуць, а вечеромъ скачуць» (стр. 626—627 и Носовичъ, Словарь, 544).

Весь II-ой томъ «Матеріаловъ» посвященъ поэзіи эпической. Въ виду нѣкотораго запозданія появленія этого тома, его успѣли предупредить такія цѣнныя изданія, какъ бѣлорусскія сказки Е. Романова. Вслѣдствіе этого нашему автору пришлось выпустить только такіе изъ собранныхъ имъ матеріаловъ, которые представляютъ что-либо новое и служатъ цѣннымъ дополненіемъ къ раньше вышедшимъ собраніямъ. Издатель «Матеріаловъ», прекрасно знакомый съ другими бѣлорусскими, а также малорусскими и великорусскими сборниками, въ случаѣ какого-либо сходства сообщаемаго имъ матеріала съ уже напечатаннымъ, дѣлаетъ всегда ссылки на послѣдній, какъ это дѣлалось и раньше въ лирической поэзіи, чѣмъ и облегчается изученіе мотивовъ и эпической поэзіи (ср., напр., 57 стр., гдѣ указана параллель къ обработанной Пушкинымъ сказкѣ о царѣ Салтанѣ, или 88 стр., 98, 127 и т. д.). Впрочемъ сказки, собранныя г. Шейномъ, отличаясь замѣчательнымъ разнообразіемъ мотивовъ и обстановки дѣйствія и вслѣдствіе этого будучи интересны, и сами по себѣ могутъ составить цѣлый объемистый томъ: въ изданіи онѣ занимаютъ 340 стр., а вмѣстѣ съ легендами 419. Не мѣсто въ краткомъ отзывѣ излагать содержаніе или, по край-

ней мѣрѣ, отмѣчать мотивы указанныхъ сказокъ [1]). Мы для примѣра коснемся двухъ-трехъ. Въ сказкахъ изъ міра животныхъ обращаетъ на себя особое вниманіе «Мщеніе дятла» (27—31). Не говоря уже о томъ, что здѣсь выступаетъ дятелъ, что́ бываетъ сравнительно рѣдко въ подобнаго рода сказкахъ, она и по юмористическому тону изложенія отличается отъ другихъ сказокъ, нѣсколько напоминая полуискусственныя произведенія, къ отдѣлу которыхъ принадлежатъ «Шемякинъ судъ», «Сказка о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ» и под. Изъ отдѣла миѳическихъ сказокъ отмѣтимъ «Климко» (120—127); она отличается нѣсколько искусственнымъ характеромъ: напоминаетъ повѣсти, распространявшіяся у насъ въ XVI—XVII вѣкахъ подъ вліяніемъ Польши, въ родѣ повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ; только здѣсь продѣлкамъ Климка́ придана своеобразная народная окраска. Сказка эта представляетъ изъ себя цѣлую юмористическую повѣсть и могла бы дать интересный матеріалъ для литературной обработки. Подобная сказка должно быть была извѣстна и А. С. Пушкину, обработавшему нѣкоторыя ея сцены въ своей сказкѣ про Балду.

Въ селѣ Денисковичахъ, Черниговской губерніи, Новозыбковскаго уѣзда записана сказка «Иванъ Прекрасный и князь Ладымяръ» (168—170), представляющая отголосокъ былины про князя Владиміра и Ивана Годиновича. Разсказывается, какъ Иванъ прекрасный, служа три года у князя Владиміра, не имѣлъ цвѣтного платья. «Алёша легокъ на языкъ, сладокъ на слова» донесъ объ этомъ князю Владиміру. Послѣдній далъ Ивану «куни нячиня́ны и шуба няши́тая», «штобъ этія куни починивъ и себѣ шубу пошивъ н... на завутрань поспѣвъ». Такой подарокъ только опечалилъ Ивана: пошелъ онъ къ Днѣпру съ цѣлью утопиться. Но тутъ явилась къ нему «баба, якъ сѣнная копа», перевезла его черезъ Днѣпръ и доставила къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ ея домъ; здѣсь она передала Ивана Прекраснаго на попеченіе дѣвушки Алёны Сиволюбовны, которую послѣдній обѣщалъ называть своею женою. Алёна Сиволюбовна при помощи своихъ слугъ изготовила своевременно куныю шубу для Ивана Прекраснаго и отправила его къ князю Владиміру; при этомъ дала ему три яйца: «однымъ ты яе́чкомъ князя Лодымяра похристосуй, другимъ попа, а третья вязи ў дворъ». Кончилась Пасхальная заутреня. Иванъ похристосовался съ княземъ Владиміромъ, попомъ, но тутъ же подвернулся Алёшка: пришлось и съ нимъ похристосоваться; для Алены Сиволюбовны и не осталось яйца. Вслѣдствіе этого она разсердилась на Ивана и предсказала ему смерть: «себѣ безголовье получишь». Послѣ богослуженія князь Владиміръ собралъ богатырей на обѣдъ и предложилъ имъ

[1]) При занятіяхъ разсматриваемымъ сборникомъ руководящей канвой можетъ служить указатель сюжетовъ въ сказкахъ Е. Романова, составленный Н. Сумцовымъ (Отчетъ о V присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго, 167—214).

хвастаться богатствомъ. Иванъ Прекрасный и здѣсь молчалъ. Тогда Алеша «запышевъ (изъ зависти) и говорить: Иванъ сибѣ жану наживъ, краше въ свѣтѣ нѣтъ». Князь Владиміръ рѣшился погубить Ивана Прекраснаго, съ цѣлью завладѣть его женою. Поэтому онъ посылаетъ Ивана къ Вовку Минчигрею за самограйными гуслями. Однако, благодаря совѣтамъ жены, оказавшейся сестрою Минчигрея, Иванъ благополучно исполнилъ возложенное на него порученіе.

Въ такомъ же былинномъ духѣ и сказка «Сяврюкъ» (стр. 178—179), записанная въ Черниговской же губерніи, Суражскомъ уѣздѣ, деревнѣ Чертовичахъ. Изложена она мѣрной рѣчью; вотъ ея начало:

Ой хто жъ того ня знавъ,
Якъ бѣлый свѣтъ наставъ?
Якъ и солнушко взойшло;
Якъ и ярки мѣсячка,
Якъ и частыя звѣздочки,
Якъ и тцемныя хмарычки,
Якъ и сильныя до́жчачки?
Якъ царь да сыновъ пожанивъ,
Якъ царь дочарей поотдававъ?

Далѣе разсказывается, что на свадебномъ пиру былъ Сяврукъ; но онъ ничего не ѣстъ, не пьетъ, а вызываетъ борцовъ-бойцовъ для состязанія съ нимъ въ силѣ. Долго не находилось охотниковъ; наконецъ вызвались удалые Калужанцы, по батюшкѣ Микитовичи, по матушкѣ Маринины сыны. Сяврукъ схватилъ старшаго брата за лѣвое плечо, поднялъ выше себя и ударилъ о сыру землю:

Земля стряхну́лася,
Вода сплясну́лася,
Москва улякну́лася.

Такимъ образомъ противникъ Сяврука убитъ. Но

Охъ што жана яго, Сяврушаница,
Бѣло-удалая Черкашаница,
Яна по двору ходзя,
Бѣлы ручаньки ломя...

Какъ видно изъ послѣднихъ стиховъ, Сяврушаница могла плакать только по своемъ мужѣ; значитъ, въ былинѣ произошла какая-то путаница. Дѣло вполнѣ выяснится, если мы сравнимъ ее съ извѣстной исторической пѣснью «Мастрюкъ Темрюковичъ». Тамъ разсказывается, что на свадьбу царя

Ивана Васильевича пріѣхалъ удалецъ-боецъ, князь черкасскій Мастрюкъ, съ молодой женой и славной дружиной. На пиру онъ ничего не ѣстъ, не пьетъ, а ищетъ себѣ поединщика. Наконецъ нашлись борцы, и началось состязаніе. Князь черкасскій закипѣлъ гнѣвомъ, бросился на противника и схватилъ его за воротъ. Но

Одолѣлъ князя крестьянскій сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечъ
И ударилъ объ сыру-землю...
Растянулся князь черкасскій замертво.
Молода княгиня расплакалася,
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала...

Она приказала своимъ вѣрнымъ слугамъ схватить крестьянскаго сына и умертвить его. Тогда заговорилъ православный царь Иванъ Васильевичъ:

Не судить тебѣ, княжна, въ моей землѣ,
Не мѣшаться тебѣ, бабѣ, въ дѣла царскія.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что замѣчаніе г. Шейна въ выноскѣ къ этой пѣснѣ: «жаль, что нашъ отрывокъ прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ», — не совсѣмъ вѣрно. Впрочемъ, можетъ быть, только случайно совпадаютъ нѣкоторыя детали обѣихъ пѣсенъ. Дѣло въ томъ, что фамиліи Се́врукъ или Севру́къ до сихъ поръ очень часто попадаются среди бѣлоруссовъ. — Такимъ образомъ двѣ послѣднія сказки представляютъ какъ бы слѣды былинъ у бѣлоруссовъ. Однако такое предположеніе врядъ ли основательно. Уже то обстоятельство, что обѣ эти сказки записаны на окраинѣ Бѣлоруссіи, даже, можетъ быть, просто въ области южно-великорусскаго нарѣчія, говоритъ не впользу сдѣланнаго предположенія. Въ центральныхъ областяхъ Бѣлоруссіи никакихъ слѣдовъ былинъ не открыто. Нельзя, однако, думать, чтобы бѣлоруссы никогда не знали пѣсенъ о богатыряхъ. Слово «богатı́ръ» до сихъ поръ употребляется въ народѣ, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ въ былинахъ: оно обозначаетъ исключительно богатаго человѣка. Впрочемъ прежде и у бѣлоруссовъ оно имѣло другой смыслъ. Такъ, извѣстный переводчикъ Библіи на западно-русское нарѣчіе въ 1517—1525 годахъ, докторъ Франциск Скорина изъ Полоцка, въ предисловіи къ книгѣ судей говоритъ о Самсонѣ: «и иныи *богатырскии* многии дѣла чинилъ», или въ общемъ предисловіи къ переводу, говоря о пользѣ чтенія Библіи, прибавляетъ: «ащели же кохание имаши ведати о военных а о *богатырских* делехъ, чти книги судеи, или книги махавеевъ; более и справедливее в нихъ знаидеш, нежели во алеξандрии или во трои».

Ясно, что слово «богатырь» еще въ XVI в. употреблялось въ Бѣлоруссіи въ смыслѣ силача, совершающаго необычайные подвиги; но, какъ видно изъ упоминанія Александріи и Трои, народныя сказки о богатыряхъ, можетъ быть, уже въ это время были вытѣснены произведеніями искусственными, пришлыми. Нѣкоторые мотивы былинной поэзіи живутъ у бѣлоруссовъ еще отчасти въ колядкахъ и щедровкахъ; а силу былинныхъ богатырей напоминаютъ осилки и великаны народныхъ суевѣрій (ср. Н. Никифоровскій: Простонародныя примѣты и повѣрья. Витебскъ. 1897 г. №№ 2289, 2291).

Что касается легендъ, то ихъ у г. Шейна приведено очень много, и при томъ самаго разнообразнаго содержанія, такъ что вмѣстѣ съ собраніемъ Романова мы имѣемъ большую коллекцію произведеній этого рода.

Отдѣлъ 2-ой II тома «Матеріаловъ», если не имѣть въ виду заговоровъ и заклинаній, — вообще новинка въ бѣлорусскихъ сборникахъ. Несмотря на свое странное назначеніе, даже такіе предметы, какъ ругань, проклятіе, «при тщательнѣйшемъ ихъ сборѣ, послужатъ, безъ сомнѣнія, не лишнимъ подспорьемъ будущимъ изслѣдователямъ народной психологіи» (Шейнъ, II т., 503, вын.). Но и помимо этого, подъ грубой формой, въ нихъ можно открыть слѣды миѳическихъ вѣрованій и старинныхъ народныхъ воззрѣній. Приведу примѣръ. Мнѣ приходилось слышать такую ругань: «капъ цибе́ сырьіца (земля) зъѣла»; «капъ цибе́ зямля́ не насила» (ср. еще у г. Шейна II т. 515 стр.). Развѣ это не указываетъ на одушевленіе природы и, въ частности, земли? По этой же причинѣ самой страшной клятвой считается та, которая произносится съ землей во рту. Такимъ образомъ ругань, въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ какъ бы въ заклинанія.

Въ 3-мъ отдѣлѣ II тома среди духовныхъ стиховъ обращаетъ на себя вниманіе изложеніе 10 заповѣдей мѣрной рѣчью (№№ 28, 29). Интересно, что въ одномъ сборникѣ XVI в. бѣлорусскаго письма, видѣнномъ Бодянскимъ у библіотекаря Познанской библіотеки гр. Рачинскихъ, тоже есть переложеніе 10 заповѣдей стихами (переведено съ нѣмецкаго), но редакція его несходна съ нашей (ср. «О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ» въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1846 г. № 1). Далѣе, на стр. 661—676, приведено нѣсколько народныхъ молитвъ: онѣ обыкновенно представляютъ смѣсь христіанскихъ вѣрованій со взглядами языческими. Вотъ примѣръ. Молитва утренняя: «Дзякуй (благодарю) Господу Богу, соўничку ясному мѣсячику красному, звѣздочкамъ свѣтленькимъ, міру хрищоному, образу чесному, што я ету ночку переночаваў. Дай, Боже, еты дзенёкъ передневаци въ щасьцѣ, въ корысци, въ прибытку, въ веселосьци и въ добромъ здоровьи» (661).

Въ разсматриваемыхъ книгахъ сборника г. Шейна даются интерес-

ные матеріалы не только по своему содержанію, но также и по формѣ: изъ нихъ мы въ достаточной степени можемъ познакомиться и съ пѣсеннымъ народнымъ творчествомъ бѣлорусса. Этого вопроса уже отчасти приходилось касаться въ разныхъ мѣстахъ; здѣсь приведемъ только нѣсколько примѣровъ. Вотъ передъ нами невѣста-дѣвушка плачетъ-убивается по своимъ дѣвическимъ днямъ и забавамъ (I т. 2 ч., 49—50 № 66):

Куковала зязюля ў садочку,
Приклаўши голоўку къ листочку,
А къ ней пташиньки прилетали,
А у яе праўдоньки пытали:
«Чаго ты, зязюлька, кукуишъ?»
— Чаму жъ мнѣ, пташиньки, ни куковаць?
— Я жъ была дый звила гнѣздзе́чко,
— Я жъ была дый знисла яе́чко.
— Откуль ўзяўся сизый оролъ,
— Ножками раскопаў гнѣзде́чко,
— Дзюбочкой раздзюбаў яе́чко,
— Къ сабѣ и зязюлю ўзяў.
Плакала Гапулька ў святлицы,
Приклаўши голоўку къ сястрицы,
А къ ей дзѣвыньки приходзили,
Ды и у яе праўдоньки пытали:
«Чаго ты, дзѣвынька, плакала?»
— Чаму жъ мнѣ, дзѣвоньки, не плакаць?
— Я жъ была дый звила вяночекъ,
— Я жъ была дый пошла ў таночекъ.
— Откуль ўзъѣхаў Иванька,
— Коникомъ разогнаў таночекъ,
— Ручками разобраў вяночекъ,
— Ды мяне молоду къ сабѣ ўзяў.

Въ какихъ прекрасно поэтическихъ образахъ выраженъ этотъ плачъ! Съ кѣмъ лучше сравнить плачущую дѣвушку, какъ не съ кукушкой, а добраго молодца, уничтожившаго ея дѣвическую жизнь, какъ не съ сизымъ орломъ? А какая симметрія въ построеніи частей пѣсни: и сравненіе занимаетъ 12 строкъ, и самое содержаніе столько же. И въ той и другой части разговорной рѣчи предпосылается по 5 строкъ повѣствовательнаго содержанія. Даже одинаковымъ образомъ начинаются и оканчиваются соотвѣтствующіе стихи, — словомъ, мы имѣемъ самый строгій сравнительный періодъ.

Такъ же прекрасны по образамъ, сравненію и построенію — пѣсня № 5, стр. 340 въ I т. 2 ч., въ которой плачущая дѣвушка сравнивается съ кукушкой, и пѣсня № 21, стр. 25 ib., въ которой изображается плачъ молодого парня вслѣдствіе того, что съ нимъ не хочетъ сидѣть его любимая дѣвушка; въ ней плачъ жениха сравнивается съ пѣньемъ соловья, а невѣста называется кукушкой.

Кромѣ нѣжно-трогательнаго представленія невѣсты въ образѣ кукушки, есть еще пѣсни, гдѣ она сравнивается съ лебедкой, а женихъ съ лебедемъ. Такова пѣсня № 105, стр. 108—109 I т. 2 ч. Также замѣчательна по образамъ и сравненію молодой женщины съ лебедью, отставшей отъ стада лебединаго и присоединившейся къ гусиному, подъ которымъ разумѣются молодыя молодушки, и пѣсня № 13, стр. 411 ib.

Часто самая обыкновенная мысль выражается замѣчательно образно и поэтически художественно. У дѣвушки спрашиваютъ, почему она не плачетъ — мысль самая обыкновенная, а какъ образно и періодически правильно она выражена (I т. 2 ч., 243 № 19):

И да чаму, зязюлька, ня кукуешъ,
Ў Бога росы ня просишъ?
— И да ци вы, пташычки, ня чули,
— Якъ я й рано ковала,
— Ў Бога росы просила;
— И да за пташачками ня видно,
— За соловейками ня чутно!
И да чаму, дзѣвонька, ня плачешъ,
Ў Бога доли ня просишъ?
— И да ци вы, дзѣвочки, ня чули,
— Якъ я й рано плакала,
— Ў Бога жъ я доли просила;
— И да за дружачками ня видно
— Да за сванячками ня чутно!

Не мало можно найти и другихъ подобныхъ пѣсенъ. Вотъ свекоръ женитъ сына, а теща выдаетъ замужъ дочку (ib. 6 № 3):

Ай мѣсяцъ сына женицъ,
Зорка дочку замужъ даецъ,
Ай мѣсяцъ ў радысьци,
Зоринька ў жалысьци.

Ай свёкырка сына женицъ,
Ай цёщынька дочку замужъ даецъ.
Ай свёкырка ў радысьци,
Ай цёщынка дый ў жалысьци.

Дѣвушка видитъ сонъ, что къ ней пріѣзжаютъ сваты, и этотъ сонъ разсказываетъ матери (ib. 404 № 3). Сколько тутъ замѣчательныхъ метафоръ и сравненій!

Извѣстныя фигуры — тавтологія и параллелизмъ, столь обычныя языку былинному, — и здѣсь имѣютъ не мало примѣровъ, какъ (ib. 183 № 11):

Дзѣвочки подружачки,
Выйдзиця послухайця:
Ци шумиць дубровочка,
Ци стучиць дорожачка,
Ци звиняць подковочки,
Ци ѣдуць золовочки?
— Шумиць дубровочка,
— Звиняць подковочки,
— А стучиць дорожачка,
— А ѣдуць подружачки....

Какъ образецъ хоровой пѣсни, построенной въ діалогической формѣ, строго симметрично и замѣчательно образно, можно указать № 5, стр. 490 I т. 2 ч.

Но нигдѣ нельзя видѣть такой задушевности и глубины чувства, какъ въ причитаніяхъ, этихъ, въ точномъ смыслѣ слова, элегіяхъ. Таковы, напр., плачъ дѣвушки по отсутствующей на свадьбѣ матери (I т. 2 ч., 446 № 24) и плачъ сиротъ по умершемъ отцѣ и мужѣ (ib. 648 № 18), или плачъ матери по ребенкѣ (ib. 654 № 25, ib. 653 № 23).

Такимъ образомъ матеріалы, собранные г. Шейномъ, по своему содержанію, очень цѣнны. Весьма полезнымъ дополненіемъ къ нимъ служатъ часто прибавленныя къ нимъ примѣчанія въ отдѣлѣ приложеній. Такъ, въ I т. 1 части находимъ, напр., цѣлый экскурсъ насчетъ пѣсни о бондаровнѣ, или о пѣсняхъ, касающихся свадьбы, смерти и похоронъ звѣрей и птицъ; въ I т. 2 ч. — насчетъ приготовленія свадебнаго коровая. Особенно интересны примѣчанія во II т. насчетъ пѣсни-сказки: «Пошелъ козелъ за орѣхами» (№ 15). Оказывается, что эта пѣсня-сказка очень распространена не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Великоруссіи, а также среди другихъ культурныхъ народовъ не только славянскаго, но и германскаго, а также романскаго племенъ. Г. Шейнъ и приводитъ пѣсни этого рода — чешскія, нѣмецкія, французскія. Изъ сравненія всѣхъ ихъ усматривается большое сходство не только въ содержаніи, но даже во внѣшней формѣ: всѣ пѣсни какъ будто болѣе или менѣе вѣрныя копіи съ одного и того же оригинала. Такимъ оригиналомъ, вслѣдъ за Рохгольцемъ, г. Шейнъ признаетъ халдейскій, съ нѣкоторыми передѣлками существующій до сихъ поръ у евреевъ: эту пѣсню еще и теперь они́ поютъ на Пасху. Такимъ образомъ европейскіе народы сюжетъ этой пѣсни-сказки заимствовали у евреевъ. Прибавимъ еще одинъ варіантъ этой сказки, который находимъ въ книгѣ Вериги: Podania biało-

ruskie, Lwów, 1889 г., стр. 24, гдѣ дѣйствіе начинается съ воробья и былинки (нѣсколько сходно съ тѣмъ, какъ у Шейна № 16). Вообще, въ примѣчаніяхъ приводится много интересныхъ параллелей къ разнымъ сказкамъ. Между прочимъ указаны бѣлорусскіе, а также малорусскіе варіанты легенды, получившей литературную обработку въ разсказѣ гр. Л. Н. Толстого: «Три старика». Относительно же первоисточника этихъ разсказовъ находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Первообразъ этого разсказа находится въ древнееврейской литературѣ, въ Талмудѣ, въ какомъ-либо изъ Мидрашей, или же въ комментаріяхъ къ нимъ. Содержаніе этого разсказа я помню очень хорошо съ самыхъ юныхъ лѣтъ, но сдѣлать опредѣленную ссылку теперь пока, къ сожалѣнію, не могу». — Цѣлое изслѣдованіе (стр. 701—711) дано о стихѣ, начинающемся словами:

Ахъ ты, Жижка, научоны,
Между школы и броны,
Свентымъ письмамъ збаўлёны,
Повѣръ жа мнѣ, Жижка,
Што-то ёсьць и разъ... (№ 24, стр. 629—633).

Стихъ, согласно взгляду академика А. Н. Веселовскаго, признается «краткимъ катехизисомъ церковно-школьнаго происхожденія, который отвѣчалъ первичнымъ мнемоническимъ требованіямъ духовнаго обученія». Имѣя въ виду любознательныхъ читателей изъ провинціи, которые не имѣютъ возможности пользоваться разными рѣдкими изданіями, г. Шейнъ приводитъ здѣсь варіанты этого стиха — малорусскій, чешскій, лужицкій, нѣмецкій, еврейскій (въ русскомъ переводѣ); послѣдній, какъ и пѣсня о козликѣ, оказывается также пасхальнымъ стихомъ, хотя и не древняго происхожденія.

Этимъ и закончимъ разборъ «Матеріаловъ» г. Шейна въ отношеніи характеристики быта русскаго населенія Сѣверозападнаго края.

II. Характеристика языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края въ «Матеріалахъ» П. В. Шейна.

Если судить по заглавію, то «Матеріалы» г. Шейна имѣютъ въ виду представить данныя для хактеристики языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края. Но въ этомъ краѣ, понимаемомъ строго административно, живутъ слѣдующія русскія народности: великоруссы (администрація, въ большинствѣ случаевъ, мѣстная интеллигенція, употребляющая въ разговорѣ литературный языкъ и вслѣдствіе этого не отличающаяся отъ великоруссовъ, раскольники), бѣлоруссы (большинство, особенно сельское населеніе),

малоруссы (по южнымъ окраинамъ губерній Гродненской, Минской, отчасти Могилевской) и населеніе, говорящее на языкѣ переходномъ отъ бѣлорусскаго къ малорусскому (полѣшуки). Однако, какъ можно было видѣть уже изъ разсмотрѣнія матеріаловъ, характеризующихъ бытъ, авторъ имѣетъ въ виду только бѣлоруссовъ. Вслѣдствіе этого, онъ, съ одной стороны, привлекаетъ матеріалы изъ Смоленской и Черниговской губерній, не входящихъ въ составъ сѣверозападнаго края, а съ другой — все касающееся малоруссовъ и пинчуковъ опускаетъ, имѣя въ виду, насколько намъ извѣстно, издать все это послѣ особой книгой. На заглавномъ листѣ обѣихъ частей I тома и сдѣлана болѣе точная приписка: «Бытовая и семейная жизнь *бѣлорусса* въ обрядахъ и пѣсняхъ. Такимъ образомъ, въ разсматриваемыхъ «Матеріалахъ» мы будемъ искать данныхъ исключительно для характеристики бѣлорусскихъ говоровъ. Выводовъ чисто грамматическихъ здѣсь еще нѣтъ; эти матеріалы слѣдуетъ еще выискивать въ напечатанныхъ текстахъ. Вслѣдствіе этого цѣнность этихъ матеріаловъ совершенно пропорціональна той точности, съ которой напечатаны самые тексты. Въ виду того, что намъ уже приходилось говорить о той или другой степени редакціонной точности у г. Шейна при изданіи «Матеріаловъ», то здѣсь этого вопроса уже касаться не станемъ. Изданіе г. Шейна въ разсматриваемомъ отношеніи похоже на всѣ другія изданія подобнаго рода. Это и естественно. Чему было подражать г. Шейну въ бѣлорусской этнографической литературѣ, когда всѣ вышедшія до него изданія въ отношеніи языка были далеко не образцовы. Не было хорошихъ и теоретическихъ трудовъ, откуда можно было бы почерпать свѣдѣнія о бѣлорусскомъ нарѣчіи, особенно о разныхъ его развѣтвленіяхъ; а все это было бы очень полезно при обнародываніи записей изъ разныхъ мѣстъ, сдѣланныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не самимъ издателемъ.

Вотъ какіе теоретическіе труды по бѣлорусскому нарѣчію появились до начала изданія «Матеріаловъ» г. Шейна, т.-е. до 1885—1887 г.: 1) Калайдовича: «О бѣлорусскомъ нарѣчіи» въ Сборникѣ сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Труды общества любителей россійской словесности 1822 г., Ч. I, кн. I, стр. 67—80; 2) Чечота — характеристика бѣлорусскаго нарѣчія въ предисловіи (V—XXXIV стр.) и отчасти въ концѣ изданія: «Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1846»; 3) Голотузова — замѣтки, касающіяся бѣлорусскаго нарѣчія въ «Программѣ для публичнаго акта въ Митавской гимназіи». 1852 г.; 4) Потебни: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. II О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій». Воронежъ. 1866; 5) Безсонова — замѣтки объ особенностяхъ бѣлорусскихъ говоровъ во введеніи къ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ». М. 1871 г.; 6) Шейна: «Нѣкоторыя выдающіяся черты Бѣлорусскаго нарѣчія» при «Бѣ-

лорусскихъ пѣсняхъ» въ Запискахъ Императорскаго Русс. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. V, 1873 г., стр. 809—820; 7) Аппеля: «О бѣлорусскомъ нарѣчіи» въ III т. Русск. Филологич. Вѣстника, 1880 г.; 8) Недешева: «Историческій обзоръ главнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ» въ XII т. Русск. Филологич. Вѣстника, 1884 г.

Труды эти, въ большинствѣ случаевъ не отличающіеся особой цѣнностью, кромѣ замѣтки самого Шейна да Безсонова, не были извѣстны нашему собирателю, такъ какъ они либо составляютъ библіографическую рѣдкость, либо появились въ журналахъ, мало распространенныхъ среди читающей публики. Моя работа: «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». М. 1886 г. стала извѣстна г. Шейну лишь по выходѣ I т. I ч. его «Матеріаловъ».

Чтобы сдѣлать издаваемые матеріалы полезными для изученія языка, г. Шейну слѣдовало или провѣрить ихъ на мѣстѣ записи, что́ сдѣлать было физически невозможно, или же оставалось самому поправлять ихъ примѣнительно къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя можно было почерпнуть изъ теоретическихъ трудовъ относительно той или другой мѣстности. Но такихъ трудовъ, какъ мы видѣли, не было. Оставалось всѣ записи печатать въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ доставлены собирателю, или же придать всѣмъ однообразную ороографію и тѣмъ лишить ихъ почти всякаго значенія въ отношеніи языка. Г. Шейнъ старался въ общемъ удержать ороографію подлинника[1]), но, съ одной стороны, вслѣдствіе ея непослѣдовательности, а съ другой — вслѣдствіе нѣсколько ложныхъ пріемовъ ороографіи (о чемъ рѣчь уже была раньше) не могъ удержаться на надлежащей высотѣ и поэтому, часто даже противъ своей воли, допускаетъ разныя погрѣшности. Перечислять ихъ мы, конечно, не станемъ, такъ какъ это потребовало бы много времени; укажемъ лишь нѣсколько примѣровъ. Начнемъ съ недосмотровъ въ фонетикѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось уже касаться раньше, когда шла рѣчь объ ороографіи. Здѣсь прибавимъ: Микишихи вм. М—тихи или М—цихи I т. 1 ч. 4, побейте ib. 19, кума *за* кумомъ посварылася вм. зы к-момъ ib. 23 (изъ зо = со = съ), дай жа Бож*и* вм. Божа ib. 24, вид*зи*ць и вид*зѣ*ць (оба infinitiv'ы) ib. 25, ой, ой баиньк*и*, ой ой баиньк*а* ib. 30—31, во*л*чыхна рядомъ съ воукомъ ib. 34, ѣ*зджж*ивали и ѣ*ззд*ивали ib. 181, п*ыл*новала вм. пильновала ib. 262 (запись самого Шейна). Насчетъ невозможности дифтонга о͡у изъ основнаго *о* въ такихъ случаяхъ, какъ воуйну, во͡уйта, во͡уйска и т. д. ib. 229, или бо͡уръ, рабо͡утунька и т. п.

---

[1]) Вотъ, напр., его замѣчаніе на стр. 426 I т. 2 ч.: «Въ подлинной записи звуковое изображеніе мѣстнаго говора не строго соблюдено, замѣтно нѣкоторое колебаніе. Мы не считали себя въ правѣ его выровнить и исправить его здѣсь».

уже была рѣчь въ отдѣлѣ орѳографіи; въ этомъ же родѣ, вѣроятно, и примѣры: зяліўнъ, весіўлъ ib. 278, 288. Ороографическимъ недоразумѣніемъ слѣдуетъ объяснять и странную передачу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника бѣлорусскаго *ц* мягкаго посредствомъ *тс*, напр. игратсь, питсь, сокатсили (I т. 2 ч., 482—495); ничего интереснаго и фонетически правильнаго не представляетъ начертаніе съ *тц* вм. *ц*: плачутць, скачутць (ib. 333).—Недосмотры морфологическіе попадаются рѣже и также могутъ быть отнесены къ области типографскихъ промаховъ. Вотъ примѣры: повѣшьте (=повѣсьце) I т. 1 ч., 19, черэзъ рэчаньку, черезъ быстрыя (вм. б—рыю) ib. 20, сѣли на воро*ця*хъ у чырвоныхъ бо*та*хъ (вм. боцяхъ) ib. 29, буде и будетъ ib. 30, дай табѣ Божа, пан*а* господару (вм. пане) ib. 160 и др.— Я бы охотно отнесъ къ морфологическимъ недосмотрамъ и любимыя г. Шейномъ перестановки въ словахъ. Что онъ придаетъ особую цѣну этимъ перестановкамъ, видно изъ того, что каждый такой случай сопровождается особымъ замѣчаніемъ. Таковы: 1) капосьци вм. пакосци (I т. 1 ч., 45), сопровождаемое ссылкою на подобное же явленіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Архангельской губерніи и такимъ замѣчаніемъ: «Вообще перестановки буквъ, слоговъ и цѣлыхъ сложныхъ словъ явленіе нерѣдкое въ областныхъ нашихъ нарѣчіяхъ. Оно не чуждо и другимъ языкамъ и коренится въ еще недостаточно извѣстныхъ психическихъ законахъ»; 2) яровомъ вм. яворомъ (ib. 177); 3) колопеньки вм. конопельки (ib. 327). Всѣ эти случаи и подобные имъ далеко не представляютъ общебѣлорусскаго явленія, а составляютъ принадлежность рѣчи отдѣльныхъ лицъ и скорѣе lapsus linguae, нежели постоянную особенность. Другое дѣло перестановки въ словахъ взятыхъ изъ иностранныхъ языковъ; но и тамъ онѣ представляютъ не фонетическое и не морфологическое явленіе, а результатъ психической стороны языка — народной этимологіи въ данномъ случаѣ. — Недосмотрами фонетическими и морфологическими, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять и тѣ неясныя и непонятныя слова, которыя изрѣдка встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ сборника, напр.:

черзлосны (I т. 1 ч. 67):

> Перловый вѣнчикъ — на вѣнчанейка,
> Черзлосны персьцень — на заручанейко...;

румъ (ib. 144):

> Помятали дворы ясны соколы,
> Зъ руму на румъ вылетаючи,
> Слаўнаго пана побужаючи;

ў калинецѣ (ib. 144):

Наши брацця заўспѣвали,
Якъ соловенка ўцисне ў лозѣ,
Ўцисне ў лозѣ, ды ў калинецѣ....;

рупсивый (ib. 204):

А бабѣ ня хочицца, ня хочицца,
Коло печи ворóчицца, ворóчицца,
Тоненькая сорочыцца, сорочыцца,
Рупсивый наметоцце, наметоцце.... [1]);

войштякамъ (ib. 205):

Да дай жа намъ, Кирилка, хоць по талиру,
Войштякамъ, войштякамъ хоць по рубéлечку.

Можетъ быть здѣсь «войштякамъ» описка вмѣсто «вожтайкамъ» (ср. ib. стр. 206 № 212). — Иногда попадаются недосмотры и въ синтаксисѣ, напр., (I т. 1 ч., 181):

Да мое корення горѣло,
Да мое вѣцця смолѣли....

При слабой теоретической подготовкѣ автора, естественно, что среди разныхъ филологическихъ его замѣчаній нѣкоторыя имѣютъ мало цѣны. О значеніи предисловія къ I т. 1 ч. уже была рѣчь. Здѣсь остановимся на нѣкоторыхъ другихъ замѣчаніяхъ. Такъ въ I т. 1 ч., 48 стр., въ выноскѣ встрѣчаемъ дѣльное замѣчаніе о предлогѣ *для* и его замѣнителяхъ въ бѣлорусскомъ; не лишено значенія и указаніе на то, что одна пѣвица, отъ которой г. Шейнъ записывалъ свои матеріалы, упорно произносила «рэдя» вм. «родя» — рождая (ib. 21). Правильно также наблюденіе, что пѣвицы «говоркомъ» менѣе точно передаютъ пѣсни, нежели когда станутъ пѣть (ib. 474). Цѣнное для науки замѣчаніе о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ югозападной Бѣлоруссіи на мѣстѣ *ѣ* находимъ дифтонгъ ы͡э (послѣ *ц*): цы͡элый (II т., 19), но тутъ же, по моему мнѣнію, сообщается сомнительное свѣдѣніе о томъ, что въ той же мѣстности бываетъ переходъ *о* въ ы͡у: хвы͡устъ, бы͡ульшъ, ны͡учъ. Вѣроятно, на это ы͡у слѣдуетъ смотрѣть такъ

---

[1]) Два послѣдніе стиха не слѣдуетъ ли только читать такъ:

Ў тоненькай сорочыцца, сорочыцца,
Ружовай намётацца, намётацца...

же, какъ и на о͡у вм. у͡о въ Подлѣсскомъ говорѣ Слуцкаго уѣзда, т.-е. видѣть здѣсь орѳографическій недосмотръ: вм. у͡ы. — Нѣсколько сомнительнымъ представляется мнѣ объясненіе появленія *я* вм. *а* въ слѣдующихъ стихахъ (1 т. 2 ч., 259):

Возьми пирожокъ, попирайся,
Я ў клѣточку добивайся!
Я ў клѣтоццы на палицы...,

гдѣ, по Шейну, «*я* вмѣсто *а* явилось вслѣдствіе смягчающаго вліянія гласной *я* послѣдняго слова въ каждомъ изъ предыдущихъ стиховъ»[1]). Но ужъ совершенно слабымъ въ научномъ отношеніи оказывается замѣчаніе «о живучести въ областныхъ нарѣчіяхъ слѣдовъ юса» (I т. 2 ч., 665) по поводу слѣдующаго выраженія:

Чимь *прибрамъ* я тябе?

Если эта форма не описка, то она должна объясняться такъ же, какъ польское kocham, znam и т. д., въ которыхъ о слѣдахъ юса не можетъ быть и рѣчи. Во II т., стр. 65—66, объясняется выраженіе: «прывёў ёнъ яе до *карча*»; по поводу его слѣдуетъ замѣтить, что начало не «ка́рша, карша́ или ка́рча», а корчъ, род. карча́ пень, колода съ сучьями. Также не правильное объясненіе дано въ томъ же томѣ на стр. 150 слову «устрахъ»: чортъ якъ ўзяў яго и стукнуў ў зямлю, такъ той устрахъ по колѣни. Происходитъ эта форма не отъ глагола «устракаць, т. е. устрекаць», что по-бѣлорусски значитъ встрѣчать, а отъ «ўстраць или ўстрагци, ўстрагнуць» — завязнуть въ грязи, застрять.

Но было бы несправедливымъ утверждать, что разсматриваемые «Матеріалы» г. Шейна имѣютъ мало значенія для изученія языка. Если ими пользоваться умѣло и осторожно, какъ это дѣлаетъ, напр., проф. А. И. Соболевскій (Опытъ русской діалектологіи. С.-Пб. 1897 г., стр. 76, 77, 78, 81, 82, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99), то также можно извлечь изъ нихъ не мало интереснаго, особенно въ отношеніи морфологіи, синтаксиса и словаря. Приведу примѣры въ подтвержденіе всего сказаннаго. Въ отношеніи фонетики встрѣчаемъ, напр., такіе случаи: пл*у*вець, I т. 1 ч., 23 стр. №№ 7 и 8 Оршан. и Витеб. у., вол*у*ў, дом*у*ў, подв*у͡о*даньки, гар*і͡е*лочку, дор*у͡о*жка, п*у͡о*йдзе, бес*і͡е*да ib. 27—28 № 18 Слуцк. у., зац*и*ла́ (=затяла) ib. 32 Лепп. у., по*т*ъ столомъ, по*т*ъ печь ib. 35—36 Гомель, д*у͡о*бро́вою ib. 57 № 37 Мозыр. у., ў нов*у͡о*мъ ib. 58

[1]) Замѣчаніе это собственно принадлежитъ одному изъ корреспондентовъ г. Шейна, но, приводя его, онъ тѣмъ одобряетъ чужое мнѣніе.

№ 38 ib., радуйс*а*, радуйс*а* зямля! Сынъ Божи народіў*са*! ib. 59 № 39 ib., зробил*осо* море; зробила*са* рэчка ib. 59 № 39 ib., г*уо*сьцика ib., в*ушеў* (вышелъ) ib. 60 № 40 ib., к*у*валиха рядомъ съ к*ы*валёвъ ib. 62 Чаусс. у., на т*уо*мъ сельцэ, тр*уо*хъ ib. 95 Мозыр. у., пе*ргр*я ib. 110 Борис у., ск*уа*ць (сковать) ib. 111 Смол. губ., дзѣушки ib. 117 ib., лемеши *и*страць ib. 154 № 148 Лепп. у., заворова*и*ць ib. (=заорываетъ), тро*ў*ка, муро*ў*ка ib. 161, 162 Борис., *я*горъ (яворъ) ib., кр*усу*алася ib. 188 № 184 Порѣч. Смол. г., свякро*у*шки ib. 196 Бѣльск. Смол. губ., нерапл*у*ли ib. 228 № 235 Горецк. у., с*о*дз*е* ib. 228 № 237 Борис. у., на цисовой к*о*рваци ib. 257 Орш. у., бондар*у́*уна ib. 433 № 532 Слуцк. у., за *и*грѣхъ II т. 479, ма*т*ары ib. 152, 153 и др. съ твердымъ *т*, что нерѣдкость въ разныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, изъ формы матэры; зробіўса *а*ще мудрэе ib. 633, гдѣ «аще» предполагаетъ «още» и т. д. (см. отмѣченныя выше страницы Опыта діалектологіи проф. Соболевскаго). — А вотъ болѣе рѣдкіе случаи въ морфологіи: черезъ рѣчк*а* брыла I т. 1 ч. 18 стр., хотя въ той же пѣснѣ черезъ 5 строкъ читаемъ: черезъ рѣчку брыла; дзицяц*ю* носиць ib. 24; краск*амъ* заросло ib. 36 Гомельск. у.; туо*ма*со ib. 56 (станемъ таиться) Мозыр. у.; светэ Рожество ib. 58 № 37 ib.; не знайд*а*мъ Бога, то знайд*а*мъ пана ib. 59 № 40 ib.; пойд*а*мъ до яе ib. 79 № 74 Рѣчиц. у.; ёнъ т*а*бе згу́б*я* ib. 97 Рогач. у.; сукинымъ сын*о́*мъ ib. 97 Рогач. у. (дат. п. мн. ч.); зарѣзаў кор*оў* (корову) ib. 114 Мозыр. у.; самъ Богъ хо́дз*е*, жито ро́дз*е* іб. 143 № 138 Борис. у.; плусци*ць* (инфинит. плыть) ib. 179 Борис. у.; а чаго вы стоицё ня засла*ниньків* ib. 206 Чаусс. у.; тую (зязюлю) пташки *а*зяли ib. 231 № 243 Лепп. у.; ў чистом*у* полю ib. 275 Свислочь Гродн. г.; двѣст*о* ib. 449; кишк*а* выцягнула т.-е. лисица II т. 9; чаго жъ мы будзимъ тутъ сядзѣць, плыв*ома* лутша на той бокъ мора ib. 17 (конечно, вмѣсто плывомо, равно какъ и въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Ну, садзись на мене и полецим*о* ib. 33); быў у старыка *одзинъ лошадзь* — дужа стары ib. 22; уже *нимашака* его ib. 149 (уже его нѣтъ), гдѣ «нимашака» образовано совершенно аналогично, какъ и ёсцека (ср. «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи», 154—155); той высо*н*іў гол*оў* черезъ окно ib. 149, гдѣ «голоў» предполагаетъ «головь», т. -е. образовано въ подражаніе такимъ словамъ, какъ любовь; вмѣсто есть — *есць* иногда находимъ *е*: *е* воронецъ ib. 487; *е* на свѣця Кася ib. 490, также *ё*: вже ё ходяинъ ib. 3; ѣхавъ *пане* ў красномъ жупанѣ ib. 493—представляетъ форму звательнаго въ роли именительнаго; забы*ўся* ib. 495 въ значеніи забылъ; *ця* (т.-е. ꙡе) ib. 517 форма вин. п. тебя, вѣроятно, подъ вліяніемъ польскаго się; *мя* ib. 534 (дат. п.) — новообразованіе не безъ вліянія, вѣроятно, стариннаго *ми*; *мо* ib. 534 форма сокращенная вм. «можетъ» (быть) и т. д.; засмуціўся *пане господару* I т. 1 ч. 151 № 145; ў горо́дзѣ (дочка)

рожа со́дзе ib. 228 № 237. — Еще отмѣтимъ нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ случаевъ въ отношеніи синтаксическомъ: въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ непонятное намъ употребленіе какой-то частицы *е* (напр., I т. 1 ч., стр. 56—57):

Дай пошла жъ ена дай дорогою....
Дай сустрэкае Паўла зъ Петромъ:
«Ой, Паўле, Петро, слуги Божіе!
«Чи не бачили сына моего?»
Е Пауле каже: «дай не бачили»,
Е Петро каже: «дай не туоймасо»....
Е тамъ стояла жидска школа,
Дай взели Христа, дай замучили....
Е шупшинкою дай потперезали,
Е ожинкою ручки звезали.... и т. д.

Или (ib. 59 № 39):

Е ў однэ оке́нцэ — ясно слонцэ свѣциць....

Или (ib. 60):

Е чимъ же тыхъ госьцей дай частоваци....

Всѣ примѣры изъ Мозырскаго уѣзда. Нѣчто подобное мнѣ встрѣтилось въ одной западнорусской рукописи XVI в., именно въ «Аристотелевыхъ Вратахъ» Вилен. Публ. биб. (№ 272 по описанію Добрянскаго): ѥбо и̓ несотворено. ѥбо̀ нѣ никто разве́й бг҃а. ѥбо добро ѥго̀ ѥ зло̏ ѥ... 4 л. Какъ объяснить это явленіе, я не знаю. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе замѣчательнаго употребленія словъ въ предложеніи: дели сына я *двору* ни вернусь, у мяне сынку ў дворѣ господарю I т. 1 ч., стр. 62 № 44 Чаусс. у.; дели дочки я *двору* вярнуся ib.; (ёнъ) засмѣяўши пошоў ib. 231 № 242 (вм. засмѣяўшись); звательный падежъ употребленъ въ роли приложенія (ib. 231 № 243):

Што ты, боро, ни шумёнъ...
Въ мяне, *боро*, пташекъ нѣтъ....;

ты, калина, суши *боишъ*, охъ я суши не бояла ib. 342 № 407; залѣсъ на дуб*а*, сѣвъ подъ дуб*а* II т. 3, тогды собѣ сячи дзерав*а* ib. 28; бобинка тоды *росьци, росьци*, доросла до крыши ib. 7; якъ *итци* — дыкъ *итци*.... ажъ бачу—одзинанцыць пчолъ ляциць ib. 244—245; послѣ предлоговъ *по* и *на* наблю-

дается употребленіе родительнаго надежа вмѣсто дательнаго и мѣстнаго: по воды плывець ib. 474, на вербы растуць 482 ib., на сосны лина стоиць 498 ib. и др. — Въ отношеніи словарномъ собраніе г. Шейна даетъ также очень много цѣнныхъ матеріаловъ. Напр., въ одной пѣснѣ, записанной въ Сѣнпинскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи (I т. 1 ч., 164), читаемъ:

Тамъ и три *далиды* церкву рубили....

Оказывается, что слово *далидъ* — *дайлидъ*, литов. dajlýdė, зодчій, строитель, плотникъ, встрѣчающееся и въ старинныхъ западнорусскихъ произведеніяхъ (ср. П. В. Владиміровъ: Докт. Ф. Скорина, 300), извѣстно не только западнымъ бѣлорусскимъ областямъ, но и восточнымъ. И другое старинное слово *гнюсъ* также находитъ отраженіе въ разсматриваемыхъ матеріалахъ: гэта вода да есть гнюсна II т. 611; обыкновенно «гнюсъ» выводятъ изъ чешскаго hnis (Владиміровъ: Докт. Ф. Скорина, 270), а отсюда уже всѣ образованія этого корня съ *ю*, но, какъ показываетъ приведенное выше выраженіе, *ю* свойственнно въ подобныхъ словахъ и живой рѣчи. Еще отмѣтимъ: *охрасьци* II т. 547 вм. охранить; *гучныя* родзины ib. 28 (=славныя; ср. нашу работу «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи». Варшава, 1893, стр. 115); *коувбъ* ib. 69 — точнѣе коўбъ — коўбухи — внутренности; тотъ же корень, что и въ словѣ «колбаса», то-есть клъв-; *побрались* ib. 5 въ смыслѣ поженились и т. д.

Подведемъ итоги всему сказанному.

1) «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края», собранные и изданные г. Шейномъ, по богатству своего содержанія, особенно въ отношеніи обрядовой поэзіи, превосходятъ все явившееся до сихъ поръ; лишь нѣкоторые изъ вышедшихъ одновременно съ ними сборниковъ, въ отношеніи матеріаловъ, касающихся эпической поэзіи, могутъ быть поставлены нѣсколько выше разсматриваемаго изданія.

2) Обрядовыя пѣсни сопровождаются описаніемъ самихъ обрядовъ и другихъ дѣйствій, сопровождающихъ ихъ пѣніе. Къ разнымъ этнографическимъ матеріаламъ прилагаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пояснительныя, очень цѣнныя замѣчанія, представляющіяся изъ себя подчасъ цѣлые экскурсы въ ту или другую историко-литературную область. Въ разныхъ мѣстахъ указаны варіанты пѣсенъ или сдѣланы ссылки на нихъ.

3) Изъ собраннаго этнографическаго матеріала сдѣланъ строгій выборъ и затѣмъ всему дано соотвѣтствующее мѣсто; всюду замѣтна рука опытнаго собирателя и редактора.

4) Къ слабымъ сторонамъ изданія относится несовсѣмъ точная орѳо-

графія, объясняемая нѣсколько ложнымъ взглядомъ издателя на редакторскія свои обязанности. При всемъ томъ, при умѣломъ и осторожномъ пользованіи сборникомъ, изъ него можно извлечь не мало цѣнныхъ и лингвистическихъ данныхъ.

5) Достоинства разсматриваемаго собранія уже при первомъ выходѣ его въ свѣтъ правильно оцѣнены разными учеными, которые въ достаточной степени пользовались имъ для цѣлей литературныхъ и этнографическихъ (академикъ Веселовскій, проф. Сумцовъ, проф. Владиміровъ), а также лингвистическихъ (проф. Соболевскій и др.).

Имѣя въ виду указанныя достоинства разсматриваемаго изданія П. В. Шейна, а также необычайную энергію автора-редактора въ столь тяжеломъ и малоблагодарномъ трудѣ, какъ собираніе этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ, Императорская Академія Наукъ поступитъ, по моему убѣжденію, вполнѣ справедливо, присудивъ почтенному лѣтами и опытностью труженику на поприщѣ бѣлорусской этнографіи награду имени П. Н. Батюшкова, всегда горячо принимавшаго къ сердцу всякія изслѣдованія и изданія, касавшіяся Западнаго края.

Евфимій Карскій.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Томъ IV. № 2. | Volume IV. № 2.

ОТЧЕТЪ
о
СОРОКОВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ
НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

(Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1898 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof, M. Eggers & C-ie. et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 3 р. — Prix: 7 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЧЕТЪ
о
СОРОКОВОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ
25 СЕНТЯБРЯ 1898 Г.
НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе наградъ Графа Уварова въ нынѣшнемъ году представлено восемь сочиненій, и сверхъ того, оставались три сочиненія, отложенныя отъ прошлогодняго конкурса за непредставленіемъ отзывовъ рецензентовъ.

Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента Академіи академика Л. Н. Майкова и академиковъ А. Ѳ. Бычкова, В. Г. Васильевскаго, А. А. Куника и А. А. Шахматова.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, коммиссія для подробнаго разбора ихъ избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить свою оцѣнку и заключеніе къ назначенному для того сроку.

По полученіи рецензій и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства сочиненій, коммиссія единогласно признала вполнѣ отвѣчающимъ условіямъ для награжденія большою преміею въ 1500 руб. сочиненіе Н. П. Барсукова: Жизнь и труды Погодина, томы VIII — XII. С.-Пб. 1894—1898.

Оцѣнку этого сочиненія обязательно принялъ на себя профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Дмитрій Александровичъ Корсаковъ.

Въ 1888 г. вышелъ первый томъ почтеннаго труда Н. П. Барсукова о М. П. Погодинѣ, открывающійся рожденіемъ его въ 1800 г., а въ нынѣшнемъ 1898 году появился XII томъ, доводящій описаніе жизни и дѣятельности Погодина, въ связи съ событіями его времени, до кануна Крымской войны, т. е. до начала 1853 года.

Эта часть біографіи М. П. Погодина открывается новою фазой его жизни — его, такъ сказать, отлученіемъ отъ служенія Московскому университету, въ которомъ онъ профессорствовалъ безъ малаго 20 лѣтъ. Начиная съ VIII тома, Погодинъ является уже частнымъ человѣкомъ, неоффиціальнымъ, но тѣмъ не менѣе усерднымъ и плодотворнымъ работникомъ на русской учено-литературной нивѣ и издателемъ начатаго имъ еще въ 1841 г. журнала „Москвитянинъ".

Въ обширной рецензіи, подробно характеризующей содержаніе разсмотрѣннаго сочиненія и пріемы его автора, Д. А. Корсаковъ между прочимъ замѣчаетъ, что долгая жизнь Погодина была столь тѣсно связана съ событіями его времени, а дѣятельность его на поприщѣ учено-литературномъ и общественно-политическомъ столь разнообразна, что повѣсть о жизни и дѣятельности Погодина, въ силу необходимости, является „повѣстью временныхъ лѣтъ" русской образованности за три четверти XIX вѣка.

Н. П. Барсуковъ обозрѣлъ доселѣ въ своемъ многотомномъ изслѣдованіи большую часть главнѣйшихъ явленій культурной исторіи Россіи за пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ текущаго столѣтія, обнимающихъ собою два знаменательныхъ царствованія — Александра I и Николая I, но далеко еще не закончилъ своего труда; многолѣтняя жизнь Погодина пресѣклась лишь въ 1875 г., и описаніе еще двадцати слишкомъ лѣтъ этой жизни остается впереди.

„Ученая и литературная критика успѣла уже", говоритъ рецензентъ, — „отдать должную дань достоинствамъ книги Н. П. Барсукова, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторые ея недостатки и

слабыя стороны. Достоинства книги заключаются въ добросовѣстной разработкѣ цѣннаго и малодоступнаго историческаго матеріала по весьма важнымъ, можно сказать даже, основнымъ вопросамъ русской образованности XIX вѣка, — недостатки же состоятъ въ излишней детальности многихъ вставныхъ эпизодовъ и въ своеобразномъ освѣщеніи лицъ и событій".

По замѣчанію Д. А. Корсакова, матеріалъ, тщательно собранный Н. П. Барсуковымъ, заключается, какъ въ печатныхъ источникахъ, такъ и въ рукописныхъ, неизданныхъ. Этихъ рукописныхъ матеріаловъ такъ много, что разработка ихъ одnихъ требовала значительнаго количества времени и труда; въ книгѣ же г. Барсукова этотъ неизданный матеріалъ, состоящій изъ переписки Погодина, его дневника и воспоминаній нѣкоторыхъ лицъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Погодинымъ, представляетъ не менѣе десятой часть всего того, что̀ собрано и обработано Н. П. Барсуковымъ.

Что касается печатнаго матеріала, употребленнаго въ книгѣ г. Барсукова, то самые способы его собиранія и обработки представляли неимовѣрныя трудности, вполнѣ понятныя лишь тѣмъ, кто самъ работалъ надъ подобнымъ матеріаломъ. Это — все забытыя въ настоящее время книги, журнальныя и газетныя статьи, и собрать такой печатный матеріалъ, въ особенности на пространствѣ полустолѣтія, для подробнаго изображенія столь разнообразной дѣятельности, какова была дѣятельность Погодина, есть трудъ, превышающій многія работы по неизданнымъ архивнымъ источникамъ.

Подробное разсмотрѣніе учено-литературной и журнальной дѣятельности Погодина, по скольку она выразилась въ VIII—XII томахъ его біографіи, привело почтеннаго рецензента къ тому заключенію, что книга г. Барсукова заключаетъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ данныхъ, рисующихъ весьма характерно, какъ общее направленіе 1845—1852 годовъ въ Россіи, такъ и дѣятельность Погодина за это время.

Этими данными, однакоже, далеко не исчерпывается содержаніе вышеозначенныхъ томовъ. Здѣсь же, замѣчаетъ Д. А. Кор-

саковъ, выводится цѣлая фаланга лицъ изъ міра какъ литературнаго, такъ и служебнаго, лицъ, имѣвшихъ отношенія къ Погодину, и цѣлый рядъ явленій изъ тогдашней общественной московской и обще-русской жизни, въ которыхъ принималъ участіе Погодинъ. „Если бы я захотѣлъ“, продолжаетъ пр. Корсаковъ, — „хотя бы кратко охарактеризовать весь этотъ матеріалъ, то мнѣ по неволѣ пришлось бы излагать исторію русской общественности и русской образованности не только за означенныя семь лѣтъ, но за несравненно большій хронологическій періодъ — съ 30-хъ до 50-хъ годовъ включительно“.

На сколько авторъ отводитъ въ своей монографіи просторъ экскурсамъ въ области, болѣе или менѣе тѣсно примыкающимъ къ главной темѣ сочиненія, можно судить хотя бы по тому мѣсту, въ которомъ говорится объ ученой полемикѣ Погодина съ его врагами и противниками. Такъ, напримѣръ, Н. П. Барсуковъ посвящаетъ десять главъ изложенію отношеній Кавелина къ Современнику, Отечественнымъ Запискамъ, къ Погодину и славянофиламъ въ 1846 и 1847 гг., двѣ главы — описанію полемики Кавелина съ Хомяковымъ изъ-за Валуевскаго Сборника; цѣлая глава отведена участію Кавелина въ докторскомъ диспутѣ Соловьева. Также подробно разсматриваются и отношенія Погодина къ Соловьеву, при чемъ особенно же тщательно и детально разсмотрѣно отношеніе Погодина къ первому тому Исторіи Россіи Соловьева. Три главы повѣствуютъ о докторской диссертаціи Павлова. Распрѣ Погодина съ учеными школы родового быта и изложенію ихъ воззрѣній и обстоятельствъ ихъ учено-литературной дѣятельности въ разсматриваемыхъ томахъ сочиненія Барсукова отведено 24 главы.

Всѣ эти подробности въ высшей степени интересны: онѣ даютъ обильный матеріалъ для изученія не только историческихъ воззрѣній, но вообще научныхъ стремленій и общественныхъ отношеній столь выдающихся въ умственной русской жизни дѣятелей, какъ Кавелинъ, Хомяковъ, Самаринъ, Соловьевъ, Грановскій и т. д. Подробности, сообщаемыя г. Барсуковымъ, вводятъ насъ въ интимный міръ этихъ людей, посвящаютъ въ тайны

того процесса, посредствомъ котораго постепенно формировались ихъ несомнѣнныя теперь для насъ ученыя заслуги, и какія терніи встрѣчали они на своемъ ученомъ пути.

„Въ заключеніе", пишетъ пр. Корсаковъ, — „прежде чѣмъ я выскажу окончательное сужденіе о почтенномъ трудѣ Барсукова, считаю необходимымъ остановиться на частности, которая на мой взглядъ усугубляетъ значеніе книги. Въ пяти томахъ, съ VIII по XII, Жизни и трудовъ М. П. Погодина заключается до 150 печатныхъ листовъ или до 2400 страницъ in 8°; все изложеніе раздѣлено на 269 главъ и снабжено 1525 нумерами ссылокъ на разные источники и пособія. Приведенныя цифры служатъ наглядным доказательствомъ количества собранныхъ г. Барсуковымъ данныхъ и ясно говорятъ о его трудолюбіи.

„Достоинства этой біографіи", продолжаетъ рецензентъ, — „говорятъ сами за себя. Что же касается до недостатковъ, то они, на мой взглядъ, придаютъ книгѣ своеобразное значеніе, а потому подлежатъ серьезному вниманію со стороны рецензентовъ и критиковъ.

„Эти недостатки могутъ быть подведены къ двумъ основнымъ группамъ. Къ первой относятся отступленія въ сторону, эпизоды, не касающіеся непосредственно Погодина, но сами по себѣ очень интересные. Эти отступленія заслоняютъ предъ читателемъ личность Погодина и значительно расширяютъ рамки историческаго повѣствованія. Вторая группа составляется изъ лирическихъ изліяній Н. П. Барсукова, которыми онъ стремится установить свою точку зрѣнія на передаваемыя имъ событія или на описываемыя имъ лица. Я назвалъ бы этотъ субъективизмъ г. Барсукова политическимъ лиризмомъ на томъ основаніи, что въ большинствѣ случаевъ біографъ Погодина въ своихъ изліяніяхъ стоитъ на охранительной политической почвѣ, высказывая воззрѣнія, солидарныя съ офиціальнымъ взглядомъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на православіе, самодержавіе и народность.

„Вслѣдствіе такихъ недостатковъ повѣсть о жизни и трудахъ Н. П. Погодина подъ перомъ г. Барсукова является историко-

литературнымъ сочиненіемъ, не вполнѣ отвѣчающимъ требованіямъ какъ ученаго историческаго изслѣдованія, такъ и историко-прагматическаго и историко-художественнаго произведенія. Въ немъ не видно предварительнаго критическаго изученія источниковъ и изслѣдованій о Погодинѣ, о людяхъ и событіяхъ его времени; не замѣчается опредѣленнаго плана въ распредѣленіи матеріала; отсутствуютъ полное безпристрастіе и объективность воззрѣній на лица и событія; ощущается недостатокъ яркости красокъ въ изображеніи и образности и выдержанности въ слогѣ и языкѣ. Но самые эти недочеты дѣлаютъ книгу г. Барсукова совершенно исключительнымъ історіографическимъ произведеніемъ. Оно является какъ бы сказаніемъ современника о людяхъ и событіяхъ русскаго XIX вѣка, дополненнымъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ. По характеру своей исторической концепціи и по пріемамъ изложенія, оно всего болѣе подходитъ подъ опредѣленіе мемуаровъ, отличаясь свойственнымъ всѣмъ мемуарамъ субъективизмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, книга Н. П. Барсукова является однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи развитія русской мысли въ текущемъ столѣтіи. На основаніи книги Н. П. Барсукова можно составить нѣсколько ученыхъ монографій и цѣлый рядъ историко-литературныхъ эпизодовъ и очерковъ.

„Такое воззрѣніе на разсмотрѣнную книгу само собою не умаляетъ ея достоинствъ. Я долженъ здѣсь замѣтить“, говоритъ рецензентъ, — „что общій типъ книги Н. П. Барсукова, не смотря на его политическій лиризмъ, преисполненъ серьезнаго отношенія къ умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ интересамъ русскаго народа и глубокою и искреннею вѣрой въ великія судьбы этого народа въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

„А потому“, заканчиваетъ пр. Корсаковъ свою обстоятельную и интересную рецензію, — признавая сочиненіе Жизнь и труды М. П. Погодина ученымъ трудомъ, вполнѣ отвѣчающимъ условіямъ, изложеннымъ въ Положеніи о наградахъ графа Уварова, и принимая во вниманіе, что Императорская Академія Наукъ уже удостоила этой награды первые семь томовъ того же сочиненія, присудивъ Н. П. Барсукову полную Уваровскую премію, — по-

зволяю себѣ ходатайствовать о награжденіи и продолженія этого труда, тт. VIII—XII, таковою же полною преміею".

Неполныя преміи въ 500 руб. присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ:

I. Т. В. Барсовъ: 1) Святѣйшій Сѵнодъ въ его прошломъ. С.-Пб. 1896 и 2) Сѵнодальныя учрежденія прежняго времени. С.-Пб. 1897.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій Академія обращалась къ содѣйствію профессора С.-Петербургскаго университета о. протоіерея Михаила Ивановича Горчакова.

Вышеназванныя двѣ книги, представленныя на соисканіе наградъ гр. Уварова, по своему содержанію представляютъ лишь отдѣльныя части одного сочиненія. „Синодальныя учрежденія прежняго времени", разсматриваемыя авторомъ во 2-й книгѣ, являются составными частями устройства „Святѣйшаго Синода въ его прожшломъ", какъ церковно-правительственнаго учрежденія въ Россіи. Это учрежденіе и даетъ содержаніе первой книгѣ. Она заключаетъ въ себѣ: краткое предисловіе къ читателю, изложеніе попытокъ къ улучшенію и къ преобразованію духовно-судебной части, предпринимавшихся при Св. Синодѣ въ 1864, 1865 и 1870—75 гг., очеркъ исторіи учрежденія Св. Синода и критическій обзоръ разныхъ воззрѣній касательно учрежденія его и уничтоженія Петромъ I патріаршества, свѣдѣнія о личномъ составѣ присутствія Св. Синода со времени его учрежденія и о положеніи его въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій и краткое заключеніе.

По отзыву почтеннаго рецензента, первая книга Т. В. Барсова по внѣшнему построенію есть механическое въ одной обложкѣ и подъ однимъ заголовкомъ соединеніе журнальныхъ статей, разновременно, періодически и по различнымъ предметамъ печатавшихся въ „Христіанскомъ Чтеніи".

Такимъ образомъ, по мнѣнію М. И. Горчакова, автору можно поставить въ упрекъ недостатокъ юридической конструкціи въ книгѣ, а равно нѣкоторую неопредѣленность, неясность и неточ-

ность въ содержаніи и въ изложеніи, и порою своеобразную вычурность и темноту языка.

За всѣмъ тѣмъ, однакоже, въ журнальныхъ статьяхъ этихъ, объединенныхъ вмѣстѣ, собраны весьма любопытныя свѣдѣнія. Такъ, подъ заголовками „Святѣйшій Синодъ въ царствованіе" того или другого государя пр. Барсовъ сопоставилъ массу извлеченныхъ изъ архивныхъ документовъ и печатныхъ изданій свѣдѣній о перемѣнахъ въ личномъ составѣ присутствія Синода за время съ 1721 по 1880 г. Здѣсь впервые предлагается въ печати полный перечень членовъ и присутствующихъ іерарховъ, а для составленія подобнаго обзора автору потребовалось не мало труда, настойчивости и терпѣнія при отысканіи и наведеніи справокъ объ отдѣльныхъ лицахъ.

Переходя къ разсмотрѣнію второй книги пр. Барсова, ученый рецензентъ отмѣчаетъ, что матеріалы для обозрѣнія „Синодальныхъ учрежденій прежняго времени" извлечены авторомъ изъ „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія", изъ „Описанія документовъ и дѣлъ синодальнаго архива", канцеляріи оберъ-прокурора и печатныхъ сочиненій относительно тѣхъ или другихъ учрежденій, описываемыхъ въ книгѣ. При этомъ однако же нельзя не замѣтить, что значительное количество матеріаловъ сосредоточено въ Москвѣ въ архивахъ министерства юстиціи, синодальной конторы и духовной консисторіи, но въ этихъ архивахъ составитель книги не занимался, и такимъ образомъ далеко не весь матеріалъ, имѣющійся для изслѣдованія учрежденій, описываемыхъ пр. Барсовымъ, имъ исчерпанъ.

Исторія многочисленныхъ учрежденій (до 25 наименованій), принадлежавшихъ къ составу Св. Синода въ прежнее время, излагается авторомъ въ шести отдѣльныхъ главахъ.

Дѣленіе книги на шесть главъ основывается на классификаціи, усвоенной авторомъ для обозрѣваемыхъ учрежденій. Такъ, въ первой главѣ изложена исторія канцеляріи Св. Синода со времени ея учрежденія до 1872 г. включительно; во второй обозрѣваются конторы при Св. Синодѣ, существовавшія въ теченіе

1721—1727 гг.; въ третьей—учрежденія епархіальнаго характера при Св. Синодѣ; въ четвертой—учрежденія синодальнаго правленія; въ пятой—учрежденія синодальной области въ Москвѣ; въ шестой—вотчинныя и финансовыя учрежденія, состоявшія въ вѣдѣніи Св. Синода.

По мнѣнію почтеннаго рецензента, многочисленныя учрежденія, разсматриваемыя авторомъ книги, необходимо было подвести подъ какую-либо классификацію и раздѣлить на категоріи, которымъ слѣдовало подыскать подходящую терминологію. Проф. Барсовъ и сдѣлалъ это дѣйствительно. Предложенная авторомъ классификація синодальныхъ учрежденій самостоятельна и въ нѣкоторыхъ частяхъ имѣетъ основаніе и оправданіе, но, замѣчаетъ М. И. Горчаковъ, можетъ быть сдѣлана и иная классификація, болѣе точная и болѣе твердая, хотя установить ее безспорно едва ли возможно или по меньшей мѣрѣ затруднительно.

Сочиненіе проф. Барсова не однообразно по достоинству. Лучшею главою во всей книгѣ представляется первая. Въ ней излагается исторія синодальной канцеляріи за время 1721—1864 гг. со стороны ея состава, перемѣнъ въ штатахъ и происхожденія отдѣльныхъ должностей (агентовъ, чиновниковъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ и т. д.). Исторія представлена съ достаточною полнотою въ исторической послѣдовательности и по мѣстамъ весьма занимательна, при чемъ приведены многія свѣдѣнія, доселѣ скрывавшіяся въ архивахъ, въ неизвѣстности.

Разсмотрѣвъ содержаніе книги пр. Барсова, ученый рецензентъ замѣчаетъ, что „обозрѣніе авторомъ синодальныхъ учрежденій было бы яснѣе, опредѣленнѣе и полнѣе, если бы каждое изъ нихъ было разсмотрѣно въ строгой юридической конструкціи, по рубрикамъ примѣрно въ родѣ слѣдующихъ: 1) происхожденіе учрежденія; 2) составъ его; 3) предметы вѣдѣнія по данной конструкціи; 4) порядокъ производства дѣлъ (чего нѣтъ въ обозрѣніяхъ автора); 5) отношеніе учрежденій къ инымъ установленіямъ; и 6) прекращеніе ихъ. Равнымъ образомъ о практической дѣятельности учрежденій, какъ она выражалась въ дѣйствительности, авторъ ничего не говоритъ, по всей вѣроятности, потому что въ

синодальномъ архивѣ мало или вовсе не имѣется матеріаловъ, относящихся къ этому предмету.

Оставляя въ сторонѣ частныя критическія замѣчанія почтеннаго рецензента, переходимъ къ дѣлаемому имъ при разборѣ обѣихъ книгъ пр. Барсова заключенію.

„Не смотря на сдѣланныя нами критическія замѣчанія“, пишетъ М. И. Горчаковъ, — „мы по справедливости должны сказать, что книги г. Барсова имѣютъ значеніе въ современной церковно-исторической литературѣ. Для составленія и изданія такихъ книгъ нужна была отъ автора въ значительной долѣ, съ одной стороны, смѣлость, а съ другой осторожность; смѣлость — первому выступить съ попыткою представить Св. Синодъ въ его прошломъ и съ его учрежденіями, осторожность — предъ цензурными требованіями. Благодаря таковымъ личнымъ свойствамъ г. Барсова въ нашей литературѣ и явился первый опытъ историческаго обозрѣнія Св. Синода и его учрежденій. Этотъ опытъ служитъ знаменіемъ того, что наступило время и возможность изслѣдованія исторіи Св. Синода и учрежденій его, окружавшихъ и окружающихъ во множествѣ. Опытъ этотъ самими недостатками своими можетъ послужить поводомъ къ составленію и изданію другихъ изслѣдованій о томъ же предметѣ.

„Въ виду указаннаго общаго значенія книгъ г. Барсова и отличительныхъ особенностей каждой изъ нихъ по ся достоинствамъ, а равно въ виду многочисленныхъ и многолѣтнихъ трудовъ его по изслѣдованію и разработкѣ исторіи церковнаго права, къ которой относится въ значительной степени и содержаніе разсмотрѣнныхъ нами книгъ, мы съ своей стороны, находимъ желательнымъ, чтобы Академія Наукъ наградила г. Барсова за обѣ книги, поощрительною преміею гр. Уварова“.

II. И. А. Тихомировъ: „Обозрѣніе лѣтописныхъ сборниковъ“ (оттиски изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія и изъ X выпуска Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи). С.-Пб. 1896.

Разсмотрѣніе вышеозначеннаго сочиненія принялъ на себя академикъ А. А. Шахматовъ.

Въ своемъ отзывѣ, ак. Шахматовъ подробно останавливается на слѣдующихъ трехъ статьяхъ г. Тихомирова: о Лаврентьевской лѣтописи, о Тверскомъ лѣтописномъ сборникѣ и о Московскихъ лѣтописныхъ сводахъ; при представленіи ихъ на соисканіе Уваровской преміи, онѣ объединены авторомъ общимъ заглавіемъ: „Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной". По мнѣнію ак. Шахматова, статьи эти, дѣйствительно, могутъ быть признаны частями, одного труда, хотя и написаны въ разное время и задавались различными цѣлями. Во всѣхъ трехъ статьяхъ ясно выступаютъ одни и тѣ же общіе пріемы, ярко отражаются одинаковые достоинства и недостатки изслѣдованія.

Въ заключеніе отзыва ак. Шахматовъ пишетъ: „Скажу нѣсколько словъ объ общихъ пріемахъ автора. Изучая тотъ или другой лѣтописный сводъ, г. Тихомировъ рѣдко останавливается на вопросахъ о происхожденіи, времени составленія, редакціяхъ памятника; его мало занимаетъ изслѣдуемый памятникъ самъ по себѣ. Его задача ограничивается опредѣленіемъ внутренняго состава свода, разложеніемъ его на первоначальные источники, погодныя записи и сказанія. Не сомнѣваюсь, что авторъ убѣжденъ въ томъ, что дошедшимъ до насъ сводамъ предшествовали другіе болѣе древніе, при чемъ эти болѣе древніе своды и должны быть признаны источниками позднѣйшихъ; но мы только что отмѣтили оригинальную особенность въ его изслѣдованіи: онъ не интересуется памятниками самими по себѣ. Вслѣдствіе того и въ своихъ выводахъ г. Тихомировъ не приходитъ къ опредѣленію источниковъ того или другого свода въ видѣ другихъ, болѣе древнихъ сводовъ; источниками оказываются не готовые уже памятники, объединившіе разрозненныя историческія данныя, а сырой, не обработанный матеріалъ въ видѣ погодныхъ записей, сказаній, историческихъ повѣстей и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, минуя всякіе переходные своды, устанавливаетъ прямую связь между позднѣйшими сводами и какими-то до насъ недошедшими мѣстными лѣтописями — тверскими, нижегородскими, рязанскими и т. д. Вмѣсто того, чтобы на основаніи изученія позднѣйшихъ сводовъ приходить къ возстановленію памятниковъ съ ними одно-

родныхъ — болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, г. Тихомировъ извлекаетъ изъ нихъ указанія на существованіе памятниковъ неоднородныхъ съ ними, какихъ-то недошедшихъ до насъ мѣстныхъ лѣтописей, погодныхъ записей, перечней мѣстныхъ событій, отдѣльныхъ историческихъ сказаній и т. п.

„Несомнѣнно, что лѣтописаніе начинается именно съ такихъ записей и сказаній, но переходя на почву интересующаго насъ русскаго лѣтописанія, мы видимъ, что уже въ началѣ XII вѣка въ Кіевѣ составился обширный лѣтописный сводъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, имѣвшій весьма значительное распространеніе и оказавшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе лѣтописнаго дѣла не только въ южной, но также въ сѣверной (новгородской) и сѣверовосточной (суздальской и московской) Руси. Врядъ ли въ разныхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ древней Руси могли самостоятельно возникнуть мѣстныя лѣтописи, самобытные лѣтописные своды, но Повѣсть временныхъ лѣтъ и позднѣйшіе, составленные на основаніи ея своды проникали и въ Новгородъ, и въ Тверь, и въ глухой Переяславль-Залѣсскій; здѣсь эти своды подвергались переработкѣ и дополнялись на основаніи мѣстныхъ извѣстій, сказаній и историческихъ преданій. Отрицая, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для древнѣйшей эпохи, самостоятельное существованіе мѣстныхъ лѣтописей, я думаю, что въ распоряженіи позднѣйшихъ сводчиковъ находились не погодныя записи, составленныя въ различныхъ городахъ и областяхъ, а лѣтописные своды, отражавшіе въ большинствѣ случаевъ свое мѣстное — ростовское, тверское, новгородское и т. п. — происхожденіе.

„Поэтому изученіе позднѣйшихъ сводовъ приводитъ къ опредѣленію и возстановленію сводовъ древнѣйшихъ; анализъ древнѣйшихъ сводовъ и даже Повѣсти временныхъ лѣтъ указываетъ, какъ на источники ихъ, на еще болѣе древніе лѣтописные своды.

„Не стану указывать на необходимость и важность, въ цѣляхъ историко-литературныхъ, изученія памятниковъ самихъ по себѣ и установленія внутренней связи между отдѣльными редакціями и списками памятника; почтенному изслѣдователю все это несомнѣнно извѣстно и безъ моихъ указаній. Но не могу не под-

черкнуть того обстоятельства, что отмѣченныя выше особенности въ пріемахъ его изслѣдованія приводятъ къ такимъ выводамъ, которымъ трудно подыскать подходящее мѣсто въ будущемъ историко-литературномъ обозрѣніи нашихъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, изслѣдуя Лаврентьевскій сборникъ 1377 года, авторъ приходитъ къ выводу, что составителю его (слѣдовательно, монаху конца XIV вѣка) были доступны владимирскія, ростовскія, ярославскія, переяславскія, суздальскія и др. погодныя записи; онъ устанавливаетъ такимъ образомъ фактъ существованія какого-то особаго, до насъ не дошедшаго вида литературныхъ памятниковъ и указываетъ на возможность непосредственнаго пользованія монахомъ Лаврентіемъ матеріалами самаго разнороднаго происхожденія. Между тѣмъ ближайшее изученіе этого сборника, сопоставленіе его съ другими лѣтописными сводами показываетъ, что составитель, жившій притомъ, вѣроятно, не въ концѣ, а въ началѣ XIV в. (Лаврентій былъ простымъ переписчикомъ), имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число сводовъ, уже объединившихъ разнородный матеріалъ; одинъ изъ этихъ сводовъ-источниковъ Лаврентьевскаго сборника — владимирскій 1206 года — дошелъ и до насъ въ позднѣйшемъ спискѣ (Радзиволовскомъ). Такимъ образомъ, сравнительно-историческое изслѣдованіе Лаврентьевской лѣтописи не подтверждаетъ ни существованія указаннаго вида литературныхъ памятниковъ — погодныхъ записей, ни факта непосредственнаго пользованія разнороднымъ сырымъ матеріаломъ со стороны сводчика конца XIV вѣка.

„Недостаточный интересъ къ изученію памятниковъ съ историко-литературной стороны особенно ясно сказался въ послѣдней работѣ г. Тихомирова. Разсматривая составъ Воскресенскаго, Никоновскаго и Софійскаго 2-го сводовъ, онъ останавливается почему-то только на одномъ спискѣ каждаго изъ этихъ сводовъ, отожествляя этотъ списокъ съ основнымъ оригиналомъ; между тѣмъ, какъ показано выше, списокъ Академическій XII-й Воскресенской лѣтописи оказывается однимъ изъ списковъ 2-й редакціи этого свода; Академическій XV-й списокъ Никоновской лѣтописи — одинъ изъ многихъ списковъ третьей редакціи Нико-

новской лѣтописи, уступающій во многихъ отношеніяхъ старшему списку (второй редакціи) той же лѣтописи—списку XVI вѣка (Академическому XIV-му): внимательное отношеніе къ спискамъ Никоновской лѣтописи предостерегло бы г. Тихомирова отъ утвержденія, будто лѣтопись эта обязана своимъ происхожденіемъ патріарху Никону. Воскресенско-Новоіерусалимскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи есть позднѣйшая редакція того свода, гдѣ лѣтописный разсказъ доведенъ лишь до 1518 года, т. е. Архивскаго списка. При обзорѣ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ указано, авторъ упустилъ изъ виду такіе важные памятники, какъ московскій сводъ 1409 года (Троицкій пергаменный списокъ) и Львовскую лѣтопись 1560 года: знакомство съ послѣднею имѣло бы важное для автора значеніе при разсмотрѣніи какъ Софійской 2-й лѣтописи, такъ и Тверского сборника, а изученіе свода 1409 года, конечно, измѣнило бы въ значительной степени тѣ выводы, которыми авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе о московскихъ сводахъ. Благодаря ошибочному представленію о томъ, какъ слагались наши лѣтописные своды, г. Тихомировъ не сдѣлалъ попытки извлечь изъ сводовъ новгородскаго происхожденія указаній на существованіе древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, а между тѣмъ изученіе Новгородской 4-й лѣтописи приводитъ къ возстановленію московскаго свода, составленнаго въ восьмидесятыхъ годахъ XIV столѣтія на основаніи еще болѣе древняго, московскаго же свода временъ княженія Ивана Ивановича. Возстановленіе этихъ сводовъ, установленіе преемственной связи между сводами XIV в., только что упомянутымъ сводомъ 1409 года и позднѣйшими сводами XV—XVI вѣковъ — вотъ путь, по которому долженъ былъ бы идти изслѣдователь московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

„Если бы авторъ, анализируя позднѣйшій лѣтописный сводъ, не старался разложить его непремѣнно на недѣлимые элементы — погодныя записи и сказанія, а разсматривалъ бы его какъ сложное тѣло, развившееся изъ другихъ болѣе древнихъ, но уже сложныхъ тѣлъ, онъ отмѣтилъ бы въ своемъ изслѣдованіи о Тверскомъ сборникѣ, что бо̀льшая часть находящихся въ немъ сказаній восхо-

дитъ къ готовымъ сводамъ — источникамъ сборника. Большинство сказаній второй части сборника заимствовано изъ Ростовскаго свода начала XV в., отразившагося во многихъ позднѣйшихъ сводахъ, а повѣсть о Шевкалѣ, сказаніе объ убіеніи Александра Михаиловича, житіе Михаила Александровича и повѣсть о Плавѣ должны быть признаны составными частями важнаго памятника, указаннаго въ предисловіи Археографической комиссіи къ изданію Тверского сборника, но отрицаемаго г. Тихомировымъ — Лѣтописца княженія Тверскаго.

„Я не стану увеличивать числа примѣровъ, гдѣ выводы автора представляются мнѣ ошибочными и недостаточно обоснованными. Не буду распространяться и о недостаткахъ въ пріемахъ изслѣдованія автора, такъ какъ, въ виду многихъ несомнѣнныхъ достоинствъ его труда, недостатки эти не такъ ощутительны: идя по ошибочному съ моей точки зрѣнія пути, авторъ тѣмъ не менѣе часто приходитъ къ вѣрнымъ выводамъ".

Не смотря на отмѣченныя погрѣшности, почтенный рецензентъ приходитъ къ тому выводу, что точность изслѣдованія, систематичность въ изложеніи, умѣнье ставить вопросы, подлежащіе научному разрѣшенію, — все это на столько выдвигаетъ труды г. Тихомирова среди другихъ работъ по нашему лѣтописанію, что рецензенту остается лишь высказать свое искреннее убѣжденіе въ томъ, что „Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверовосточной" заслуживаетъ награжденія Уваровскою преміей.

Одновременно съ присужденіемъ исчисленныхъ наградъ Академія, находя немаловажныя достоинства въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ, представленныхъ на преміи графа Уварова, положила, за ограниченнымъ числомъ денежныхъ наградъ, присудить почетные отзывы слѣдующимъ сочиненіямъ:

I. Г. Я. Кипріановичъ. Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита Литовскаго и Виленскаго и возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г. Изданіе 2-е. Вильна. 1897.

Для разсмотрѣнія этого сочиненія коммиссія обращалась къ

любезному содѣйствію профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Платона Николаевича Жуковича.

Цѣлью своего историческаго изслѣдованія г. Кипріановичъ поставилъ дать возможно полную и вѣрную картину жизни и дѣятельности Іосифа Сѣмашки въ связи съ общимъ ходомъ западно-русской церковно-исторической жизни его времени. Такимъ образомъ, авторъ преслѣдуетъ въ своемъ трудѣ двѣ главныя цѣли, съ одной стороны — возможную біографическую полноту въ отношеніи къ самому митрополиту Литовскому, а съ другой — возможно полное выясненіе тѣхъ общецерковныхъ западно-русскихъ и спеціально литовскихъ епархіальныхъ дѣлъ и отношеній, въ которыхъ ему пришлось принимать выдающееся, рѣшающее участіе.

Пр. Жуковичъ и разсматриваетъ трудъ г. Кипріановича со стороны обѣихъ преслѣдовавшихся авторомъ задачъ.

Что касается біографическихъ данныхъ, то въ основу книги г. Кипріановича легли автобіографическія „Записки“ митрополита Іосифа, при чемъ изслѣдователь въ особой (XVI) главѣ указываетъ цѣль составленія „Записокъ“, передаетъ исторію ихъ составленія, выясняетъ общій характеръ, содержаніе и составъ ихъ. Кромѣ того, г. Кипріановичъ коснулся поднятаго въ свое время пр. Кояловичемъ вопроса о желательности сличенія черновыхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ „Запискахъ“, съ подлинными архивными документами. Сличеніе того и другого убѣдило г. Кипріановича въ отсутствіи какихъ-либо неточностей въ „Запискахъ“ и немногочисленные обнаруженные имъ поправки или пропуски касаются лишь формы изложенія, но не затрогиваютъ существа дѣла. Такъ какъ о раннемъ періодѣ дѣятельности Сѣмашки „Записки“ его, начатыя въ 40-хъ годахъ, даютъ свѣдѣнія не полныя, то г. Кипріановичъ, не ограничиваясь матеріаломъ, собраннымъ въ этихъ „Запискахъ“, счелъ за нужное самостоятельно ознакомиться съ архивами Св. Синода и мѣстными литовскими.

Архивныя разысканія нашего автора, по признанію пр. Жуковича, несомнѣнно вносятъ новыя данныя въ общую исторію возсоединенія литовско-бѣлорусскихъ уніатовъ и восполняютъ кое въ чемъ, хотя бы и второстепенномъ, „Записки“. Но по истинѣ сча-

стливымъ результатомъ архивныхъ занятій г. Кипріановича слѣдуетъ назвать находку въ особой связкѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти митрополита Іосифа, цѣлаго ряда замѣтокъ, составляющихъ дополненіе къ напечатаннымъ „Запискамъ“. Эти замѣтки г. Кипріановичемъ и помѣщены въ приложеніи ко 2-му изданію его книги.

Не менѣе тщательно изучена авторомъ и вся печатная литература о митрополитѣ Іосифѣ, его дѣлахъ и времени вообще.

Обращаясь къ характеристикѣ труда г. Кипріановича съ болѣе широкой точки зрѣнія, почтенный рецензентъ отмѣчаетъ тотъ прискорбный фактъ, что въ нашей исторической литературѣ внутренняя соціально-политическая исторія сѣверо-западнаго края со времени присоединенія его къ Россіи всего менѣе выяснена. Даже въ позднѣйшихъ наиболѣе полныхъ трудахъ читатель найдетъ въ обзорѣ новой исторіи западной Руси ссылки на одни почти спеціально церковные источники даннаго времени. Г. Кипріановичъ въ своей церковно-исторической работѣ не могъ, конечно, касаться общихъ историческихъ фактовъ въ желательной широтѣ, но во всякомъ случаѣ, по признанію пр. Жуковича, по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней гражданской, такъ сказать, исторіи сѣверо-западнаго края въ его книгѣ можно найти болѣе фактовъ и указаній, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ западно-русскихъ историческихъ сочиненій общаго характера. Достигъ этого г. Кипріановичъ по преимуществу самостоятельнымъ изученіемъ разсѣянныхъ по періодическимъ изданіямъ записокъ и воспоминаній о политическихъ дѣятеляхъ и явленіяхъ данной эпохи. Описывая послѣдніе годы дѣятельности митрополита, захватывающіе близкое къ намъ время, за которое на мѣстѣ сохранились живыя преданія, г. Кипріановичъ не преминулъ воспользоваться и этими послѣдними. Введеніе элемента устныхъ разсказовъ современниковъ не мало способствовало къ уясненію характера и частной жизни митрополита.

Подробное разсмотрѣніе книги Кипріановича приводитъ почтеннаго рецензента къ нижеслѣдующему выводу:

„Вообще въ книгѣ г. Кипріановича и постепенная подготовка, и самый ходъ возсоединенія уніатовъ, и его значеніе и характеръ

обрисованы ясно и съ знаніемъ дѣла. Ни одинъ существенный моментъ не упущенъ. Указано какъ все то, что̀ облегчало дѣло, такъ и все то, что̀ его тормозило въ той или другой его стадіи. Съ особенною подробностью изложена дѣятельность противниковъ возсоединенія, отведено повсюду должное мѣсто въ дѣлѣ возсоединенія представителямъ гражданской власти, а особенно мощной поддержкѣ Императора Николая; личное участіе Іосифа во всѣхъ перипетіяхъ дѣла обрисовано живо и рельефно; равнымъ образомъ достаточно ясно начерчена и дѣятельность ближайшихъ помощниковъ и сотрудниковъ митрополита".

II. Елена Іосифовна Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія (1086—1796). Три книги. С.-Пб. 1890—1895.

Для разсмотрѣнія этого обширнаго труда занимающаго 875 страницъ коммиссія обращалась къ содѣйствію Степана Ивановича Пономарева, который, признавая книги г-жи Лихачевой весьма интересными, въ своемъ обширномъ отзывѣ даетъ полное и послѣдовательное содержаніе разбираемаго труда.

Еще въ прошломъ вѣкѣ лучшіе люди Россіи сознавали, что чѣмъ образованнѣе женщина, тѣмъ вліяніе ея сильнѣе и благодѣтельнѣе; но какъ шло это образованіе въ нашемъ отечествѣ, на этотъ вопросъ доселѣ въ литературѣ нашей не было полнаго отвѣта. И вотъ, теперь, подъ скромнымъ заглавіемъ „Матеріаловъ для исторіи женскаго образованія" является добросовѣстный критическій трудъ многихъ лѣтъ, и въ немъ поражаетъ какъ обширная начитанность автора, такъ и его трудолюбіе.

Мало того, г-жа Лихачева объясняетъ часто данный вопросъ паралельно съ положеніемъ его въ другихъ государствахъ и исчерпываетъ иностранную литературу. „Прибавьте къ этому", говоритъ рецензентъ, — „множество пересмотрѣнныхъ г-жею Лихачевою уставовъ, учрежденій, рѣчей профессоровъ, періодическихъ изданій, сборниковъ спеціальныхъ и общелитературныхъ; наконецъ присоедините рукописные матеріалы, которыми она воспользовалась изъ архивовъ Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Св. Синода, и вы

будете имѣть понятіе о массѣ источниковъ, надъ которыми потрудилась Е. І. Лихачева".

Оставляя въ сторонѣ библіографическія замѣчанія и частныя поправки, дѣлаемыя С. И. Пономаревымъ, переходимъ къ заключительнымъ строкамъ его рецензіи:

„Журнальная критика", читаемъ мы здѣсь, — „замѣтила уже нѣкоторые недостатки въ книгахъ г-жи Лихачевой и оспаривала нѣкоторыя заключенія ея. А мы пожелали бы большей полноты въ ея трудѣ; намъ желалось бы свѣдѣній о начальницахъ женскихъ учебныхъ заведеній, о ихъ взглядахъ на воспитаніе, о ихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, о дѣтскихъ книгахъ, журналахъ, послужившихъ развитію воспитанницъ; объ устроеніи церквей, больницъ, библіотекъ при заведеніяхъ; желалось бы большей связи съ общимъ ходомъ образованія, болѣе строгаго соблюденія хронологическаго порядка, болѣе очерковъ изъ внутренней жизни заведеній, болѣе живыхъ лицъ, большей стройности изложенія, наконецъ указателя собственныхъ именъ и предметовъ и даже картъ женскихъ учебныхъ заведеній, появившихся въ каждую изъ трехъ эпохъ, на которыя дѣлится трудъ г-жи Лихачевой. Но ото всѣхъ этихъ желаній насъ удерживаетъ первое слово книги „Матеріалы", и критическое отношеніе къ нимъ утихаетъ".

При этомъ принимая во вниманіе: 1) что матеріаловъ собрано г-жею Лихачевой дѣйствительно много; 2) что на приведеніе ихъ въ порядокъ положено очень много труда и любви къ дѣлу; 3) что у насъ доселѣ ничего подобнаго въ такой полнотѣ не было сдѣлано, и 4) что собранная масса свѣдѣній можетъ принести несомнѣнную пользу учащимся и самимъ педагогамъ, — г. Пономаревъ признаетъ, что „долгій и усердный трудъ Е. І. Лихачевой достоинъ быть почтенъ Уваровскою второстепенною наградою".

По присужденіи премій, Академія Наукъ во изъявленіе своей глубокой признательности за понесенные ими труды положила благодарить гг. рецензентовъ: профессора Императорскаго

С.-Петербургскаго университета отца протоіерея Михаила Ивановича Горчакова, старшаго консерватора Императорскаго Эрмитажа Андрея Ивановича Сомова, профессора Императорскаго Историко-Филологическаго института Александра Сергѣевича Лаппо-Данилевскаго, Степана Ивановича Пономарева, профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Платона Николаевича Жуковича, профессора Императорскаго Казанскаго университета Дмитрія Александровича Корсакова и экстраординарнаго профессора Новороссійскаго университета Ивана Андреевича Линниченка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи § 13 положенія о наградахъ графа Уварова, коммиссія положила назначить отъ имени Академіи золотыя Уваровскія медали: М. И. Горчакову, А. С. Лаппо-Данилевскому, С. И. Пономареву, П. Н. Жуковичу, Д. А. Корсакову и И. А. Линниченко.

I.

Отзывъ о сочиненіи Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина",

тт. VIII—XI, in 8⁰, С.-Петерб. 1894—1897 гг.

представленномъ авторомъ въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе наградъ графа Уварова,

Заслуженнаго Ординарнаго Профессора по каѳедрѣ русской исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ **Д. А. Корсакова.**

Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1888 году, вышелъ первый томъ почтеннаго труда Н. П. Барсукова о М. П. Погодинѣ, открывающійся рожденіемъ его въ 1800 году, а въ нынѣшнемъ 1898 году появился двѣнадцатый, доводящій изложеніе обстоятельствъ жизни и дѣятельности Погодина въ связи съ событіями его времени до кануна Крымской войны, т. е. до начала 1853 года; долгая жизнь Погодина была столь тѣсно связана съ событіями его времени, а дѣятельность его на поприщахъ учено-литературномъ и общественно-политическомъ была такъ разнообразна, что повѣсть о жизни и дѣятельности Погодина въ силу необходимости является «повѣстью времянныхъ лѣтъ» русской образованности за три четверти XIX вѣка. Неутомимый бытописатель этой повѣсти обозрѣлъ доселѣ въ своей многотомной книгѣ большую часть изъ главнѣйшихъ явленій культурной исторіи Россіи за пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ текущаго столѣтія, обнимающихъ собою два знаменательныхъ царствованія — Александра I и Николая I, но далеко еще не закончилъ своего труда: многолѣтняя жизнь Погодина пресѣклась лишь въ 1875 году, и описаніе еще двадцати слишкомъ лѣтъ этой жизни остается впереди.

Ученая и литературная критика успѣла уже отдать должную дань достоинствамъ книги Н. П. Барсукова, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторые ея недостатки и слабыя стороны. Достоинства книги заключаются въ тщательномъ собраніи и добросовѣстной разработкѣ цѣнныхъ и мало-

доступныхъ данныхъ по весьма важнымъ, можно сказать, основнымъ вопросамъ русской образованности XIX вѣка, недостатки — въ излишней детальности многихъ вставныхъ эпизодовъ и нерѣдко въ своеобразномъ и произвольномъ освѣщеніи лицъ и событій. Данныя, тщательно собранныя и разработанныя г. Барсуковымъ, въ подавляющемъ большинствѣ заключаются въ печатномъ, изданномъ матеріалѣ, съ добавленіями изъ матеріала рукописнаго, неизданнаго. Но и этихъ добавленій такъ много, что разработка ихъ однихъ потребовала бы значительнаго количества времени и большого труда; между тѣмъ въ книгѣ г. Барсукова неизданный матеріалъ, состоящій изъ переписки Погодина, изъ его дневника и автобіографическихъ воспоминаній нѣкоторыхъ лицъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Погодинымъ — представляетъ собою незначительную, быть можетъ, одну десятую, часть всего матеріала, собраннаго и обработаннаго г. Барсуковымъ. Что касается до матеріала печатнаго разсматриваемой книги, среди котораго почти теряется матеріалъ рукописный, — то въ данномъ случаѣ на этомъ вопросѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Качество такого печатнаго матеріала и способы его собиранія и обработки представляютъ неимовѣрныя трудности, вполнѣ понятныя только тѣмъ, кто сами работали надъ такимъ матеріаломъ. Это все — забытыя въ настоящее время книги и журнальныя и газетныя статьи, и собрать такой печатный матеріалъ, въ особенности на пространствѣ полустолѣтія для подробнаго изображенія столь разнообразной дѣятельности, какова была дѣятельность Погодина, въ связи съ событіями его времени — есть трудъ, превышающій многія работы по неизданнымъ архивнымъ источникамъ. Старыя изданія, преимущественно изданія періодическія — это некрополь литературы, и нужно положить много труда и имѣть большую энергію, чтобы отважиться на своего рода курганныя раскопки въ этой области старой печатной литературы. Обработка такого матеріала при отмѣченной задачѣ представляетъ также неимовѣрныя трудности.

Погодинъ, родившись на порогѣ XIX вѣка, прожилъ три четверти этого вѣка, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ явленіяхъ умственной и литературной русской жизни за это долгое время. Цѣлый рядъ поколѣній ученыхъ и литераторовъ, съ которыми онъ находился въ общеніи, то дружескомъ, то враждебномъ — смѣнился: возникали и прекращались убѣжденія, воззрѣнія, направленія и «вѣянія», — а онъ все стоялъ несокрушимъ, неизмѣнно и упорно твердя одно и то же. Весьма естественно, что человѣкъ «простой русской среды», человѣкъ народа въ самомъ непосредственномъ значеніи этого слова, со всѣми симпатичными и антипатичными чертами русскаго простолюдина, какимъ былъ Погодинъ — не могъ быть оцѣненъ по достоинтсву «людьми сороковыхъ годовъ», абстрактными

идеалистами-мыслителями и былъ совершенно не понятъ болѣе поздними нашими поколѣніями шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Всѣмъ имъ онъ представлялся или человѣкомъ съ недостаточно выработаннымъ міросозерцаніемъ или «стародумомъ» и «старообрядцемъ», своего рода протопопомъ Аввакумомъ. До нѣкоторой степени такія воззрѣнія на Погодина справедливы, но только до нѣкоторой степени. Для безпристрастнаго пониманія Погодина необходимо предварительно критически провѣрить, какъ его собственныя мысли и дѣла, такъ и воззрѣнія на него и его современниковъ и позднѣйшихъ поколѣній. Но для того и другого прежде всего надо собрать матеріалъ. Оріентироваться во всѣхъ этихъ перемѣнчивыхъ теченіяхъ русской мысли, пріурочивъ ихъ къ столь своеобразной личности, какой былъ Погодинъ, въ высшей степени трудно въ настоящее время, потому что не только еще не написана прагматическая исторія русской культуры XIX вѣка и нескоро даже будетъ написана, но и матеріалъ для такой исторіи далеко еще не собранъ въ достаточной полнотѣ. До сихъ поръ мы имѣемъ только «опыты» въ этой области и при томъ опыты «монографическіе» — что вытекаетъ изъ самой сущности предмета или, говоря правильнѣе, изъ его сложности, а слѣдовательно и трудности для обработки.

Отсюда-то само собою и происходятъ указанные ученой и литературной критикой недостатки труда Н. П. Барсукова. Излишняя полнота въ подробностяхъ, прямо не относящихся къ Погодину, и политическій лиризмъ г. Барсукова въ его размышленіяхъ по поводу тѣхъ или другихъ передаваемыхъ имъ фактовъ — происходятъ именно отъ того, что нашъ авторъ не могъ достаточно оріентироваться въ своемъ матеріалѣ. Но извиненіемъ ему въ этомъ случаѣ можетъ служить то обстоятельство, что многое изъ приводимыхъ имъ подробностей представляетъ само по себѣ несомнѣнный и большой интересъ. Г. Барсукову очевидно было жаль не подѣлиться если не всѣмъ, то весьма многимъ попутно-собраннымъ имъ для изложенія жизни и дѣятельности Погодина. Въ данномъ случаѣ мы его отлично понимаемъ. Что же касается до его политическаго лиризма, то всякій безпристрастный читатель навѣрно не поставитъ ему этого въ вину, ради необычайнаго интереса передаваемыхъ имъ фактовъ. Многимъ не нравятся личныя убѣжденія Н. П. Барсукова, и изъ-за нихъ они неодобрительно относятся къ его книгѣ. Это большая ошибка. Пора, наконецъ, научиться намъ русскимъ къ терпимости чужихъ воззрѣній и объективно относиться къ фактамъ нашей культурной жизни; пора оцѣнивать историческіе труды именно съ исторической, а не съ публицистической точки зрѣнія.

Представляемая нынѣ въ Императорскую Академію наукъ на соисканіе наградъ графа Уварова часть труда Н. П. Барсукова состоитъ изъ четырехъ томовъ (VIII — XI) и обнимаетъ собою съ небольшимъ семь лѣтъ, отъ исхода февраля 1845 года до половины апрѣля 1852 года. Начинается повѣствованіе объ этихъ годахъ съ рожденія императора Александра III, 26 февраля 1845 года, и заканчивается поминками Погодина и Шевырева по умершемъ Гоголѣ въ 40-й день по его кончинѣ, 13 апрѣля 1852 года. Служа непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго VII тома и примыкая къ вышедшему въ нынѣшнемъ году XII тому, эта часть біографіи Погодина открывается новой фазой его жизни, такъ сказать, отлученіемъ его отъ служенія Московскому университету, въ которомъ онъ профессорствовалъ безъ малаго двадцать лѣтъ. Погодинъ съ VIII тома является частнымъ человѣкомъ, неоффиціальнымъ, но тѣмъ не менѣе усерднымъ и плодотворнымъ работникомъ на русской учено-литературной нивѣ и издателемъ начатаго имъ еще въ 1841 году журнала «Москвитянинъ». Эта «отставная» жизнь Погодина тянется долго, до самой его смерти въ 1875 году.

Въ общемъ теченіи умственной русской жизни XIX вѣка года, излагаемые въ т. т. VIII—XI книги Н. П. Барсукова, представляютъ чрезвычайный интересъ и почти законченный циклъ идей и направленій.

Съ начала 1845 года по исходъ 1847 во внутренней жизни Россіи господствовало затишье. Повидимому, консервативная и охранительная политика императора Николая I достигла плодовъ своихъ заботъ. Отношеніе къ европейскимъ кабинетамъ и къ Турціи были мирныя и вполнѣ опредѣлившіяся, а у себя дома Россія тихо покоилась на трехъ политическихъ самобытныхъ началахъ: православіи, самодержавіи и народности, положенныхъ въ основу воспитанія русскаго юношества и въ развитіе русской мысли министромъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровымъ, имѣвшимъ большое значеніе и пользовавшимся полнымъ довѣріемъ Государя, что выразилось, между прочимъ, пожалованіемъ С. С. Уварову въ 1849 году графскаго достоинства.

Политическая пресса, подъ руководствомъ графа Уварова, отличалась скромностью и благонравіемъ, сосредоточиваясь въ двухъ оффиціальныхъ «вѣдомостяхъ» Петербургскихъ и Московскихъ и въ оффиціозной, первенствовавшей газетѣ «Сѣверной Пчелѣ», издававшейся монополистами тогдашней русской благонамѣренности, Гречемъ и Булгаринымъ. Но въ литературныхъ сферахъ двухъ тогдашнихъ умственныхъ нашихъ центровъ — Петербурга и Москвы — выростало и крѣпло самостоятельное отношеніе къ русской дѣйствительности и къ основамъ умственнаго русскаго развитія, которое выразилось въ двухъ противоположныхъ, враж-

дебныхъ другъ другу направленіяхъ, получившихъ наименованіе западниковъ и славянофиловъ. Первое направленіе имѣло представителей и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ; второе сосредоточивалось исключительно въ первопрестольной столицѣ. Главою Петербургскихъ западниковъ является Бѣлинскій, а Московскихъ — Грановскій и Герценъ; общимъ-же ихъ органомъ были два журнала: «Отечественныя Записки» съ 1839 года и съ 1847 года «Современникъ», подорвавшіе скептическое и ироническое воззрѣніе на русскую умственную жизнь «Библіотеки для чтенія» Сенковскаго. Славянофилы не имѣли своего постояннаго органа. Ихъ воззрѣнія неполно выражались въ двухъ сборникахъ, изданныхъ въ Москвѣ Валуевымъ въ 1845 году и отчасти въ «Библіотекѣ для воспитанія»; въ 1846 году имъ удалось начать съ болѣе опредѣленнымъ выраженіемъ ихъ идей особое изданіе, «Московскій сборникъ,» который вскорѣ (въ 1852 году) былъ прекращенъ. Поневолѣ славянофилы ютились въ журналѣ Погодина «Москвитянинъ,» съ воззрѣніями котораго не были вполнѣ солидарны.

Въ 1847 году подъ вліяніемъ начинавшагося въ западной Европѣ броженія умовъ правительство императора Николая I признало необходимымъ выяснить пониманіе трехъ русскихъ самобытныхъ основъ и нашихъ отношеній къ другимъ славянскимъ народностямъ. Послѣдовалъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова отъ 30 мая 1847 года, разъяснявшій эти вопросы и направленный противъ развивающагося національнаго движенія среди западнаго Славянства. А. В. Никитенко въ своемъ любопытномъ «Дневникѣ» такъ резюмируетъ этотъ циркуляръ. «Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а Славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія; оно само по себѣ, и мы сами по себѣ. . . . Оно и не заслуживаетъ нашего участія, потому что мы безъ него устроили свое государство, безъ него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало въ зависимости отъ другихъ, не умѣло ничего создать и теперь окончило свое историческое существованіе.» (Зап. и Дневникъ Никитенки, т. I, стр. 488—489). Событія во Франціи въ февралѣ 1848 года и послѣдовавшія за ними революціонныя движенія въ Германіи, Австріи и Италіи вызвали со стороны императора Николая I уже прямо репрессивныя мѣры внутри русскаго государства: онъ боялся вліянія на насъ западныхъ революціонныхъ идей. Западно-европейскія событія 1848 года особенно произвели сильное впечатлѣніе на императора Николая I тѣми общественными элементами, которые они обнаруживали у себя дома и которые могли и въ Россіи найти себѣ отголосокъ. Изъ Франціи надвигался грозный рабочій вопросъ съ правами на трудъ и на обезпеченіе голодающей народной массы; въ Пруссіи подтачивались основы существованія дружественной и родственной нашему цар-

ствующему дому гогенцоллернской монархіи, а въ Австріи разрывались національныя отношенія на почвѣ борьбы народностей славянскихъ съ нѣмцами. Императоръ Николай I очень хорошо понималъ, что эти элементы, представленные, правда, иначе, существуютъ и у насъ, и что наше крѣпостное право и разноплеменность населенія русской земли съ громаднымъ преобладаніемъ въ немъ населенія славянскаго, родственнаго славянамъ западнымъ, и съ врожденнымъ русскому человѣку недобрымъ чувствомъ къ «нѣмцамъ», имѣвшимъ у насъ большую силу со времени Петра Великаго, могутъ также представлять изъ себя горючіе матеріалы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ твердо былъ убѣжденъ въ силѣ вѣры простого русскаго народа и въ прочности у насъ самодержавнаго начала. И вотъ 14 марта 1848 года публикуется манифестъ, въ которомъ заявляется о тлетворности западныхъ идей, а православіе, самодержавіе и народность болѣе чѣмъ прежде выставляются якорями нашего спасенія. Въ манифестѣ Русь называется святою, находящеюся въ союзѣ (буквальныя слова манифеста) со своимъ самодержавнымъ государемъ, и все населеніе этой «святой Руси» призывается въ случаѣ необходимости возстать за Вѣру, Царя и Отечество, и манифестъ заканчивается словами: «съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся — яко съ нами Богъ!» Московскій митрополитъ Филаретъ, а вслѣдъ за нимъ и патріоты-писатели обращаются къ русскому обществу съ увѣщаніями и разъясненіями въ прозѣ и въ стихахъ мыслей, выраженныхъ въ манифестѣ 14 марта 1848 года. Но борьба съ западомъ не ограничивается воззваніями и увѣщаніями. Императоръ Николай I приписываетъ революціонныя движенія въ западной Европѣ главнымъ образомъ распространенію тамъ вредныхъ идей, антирелигіозныхъ, философскихъ и политическихъ, а потому онъ и русскую науку и литературу заподозрѣваетъ въ «неблагонамѣренности» и вредномъ направленіи. Негласный Комитетъ, учрежденный 2 апрѣля 1848 года, имѣлъ спеціальную задачу обуздать періодическую прессу, главнымъ образомъ, западническаго направленія; но и славянофилы, дерзавшіе понимать «народныя начала» самостоятельно и не вполнѣ согласно съ правительственнымъ толкованіемъ и стремившіеся къ духовному общенію съ остальнымъ славянскимъ міромъ, — и даже нѣкоторыя скромныя и «стародумныя» воззрѣнія Погодина въ его «Москвитянинѣ» — подвергались преслѣдованію. Литературный кружокъ «Кирилла и Меѳодія», съ панславистическими задачами, образовавшійся въ Кіевѣ изъ молодыхъ писателей-южноруссовъ (Костомарова, Кулиша, Шевченка и др.) подвергся жестокому преслѣдованію. На почвѣ воззрѣній Комитета 2 апрѣля создались тѣ цензурные пріемы, которые могли бы показаться остроумными выдумками, если бы не были горькой дѣйствительностью. Придирка къ словамъ, чтеніе между

строкъ, выпытываніе цензорами мысли авторовъ и безсмысленное обвиненіе ихъ во вредномъ направленіи — не знали мѣры. Всюду мерещились бунтъ, мятежъ, безвѣріе и развратъ. Кромѣ общихъ цензоровъ, явилась цѣлая серія цензуръ спеціальныхъ, по вѣдомствамъ, съ главнымъ цензурнымъ комитетомъ во главѣ. Новые журналы не разрѣшались, многія книги, прежде дозволенныя, изъимались изъ обращенія. Цензора за малѣйшее послабленіе сажались подъ арестъ на военную гауптвахту. Третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи дѣйствовало самымъ энергическимъ образомъ. Генералъ-губернаторомъ въ Москву былъ назначенъ суровый полицейскій сыщикъ гр. Закревскій, главнымъ образомъ для пресѣченія «вольномыслія» и для надзора за славянофилами. Многіе изъ нихъ, какъ напр. Ив. Серг. Аксаковъ и Юр. Ѳед. Самаринъ, подвергались аресту и допросу. На высшія учебныя заведенія была наложена прямо опала. Университетское преподаваніе стѣснялось, уничтожались цѣлыя каѳедры, запрещались нѣкоторыя науки, начиная съ философіи; число студентовъ опредѣлялось минимальными штатами, и все вниманіе правительства было обращено на военныя учебныя заведенія съ цѣлью подготовленія надежныхъ защитниковъ цѣлости русскаго государства. Поѣздки за границу были de facto почти запрещены, цензура иностранныхъ книгъ усилена до невозможности; мысли о какихъ бы то ни было общественныхъ реформахъ внутри Россіи, и во главѣ ихъ мысль объ освобожденіи крестьянъ, занимавшая императора Николая въ 30-хъ годахъ, вполнѣ оставлены. Всѣ проявленія самостоятельности сужденій среди молодежи преувеличивались и сурово преслѣдовались. Таково, напримѣръ, пресловутое, такъ называемое дѣло Петрашевскаго (1849 г.), раздутое въ серьезное политическое тайное общество. Въ иностранной политикѣ императоръ Николай I явился убѣжденнымъ сторонникомъ принципа монархическаго абсолютизма, и съ этой точки зрѣнія помогъ въ 1849 году австрійскимъ Габсбургамъ справиться съ венгерскимъ возстаніемъ. При такомъ положеніи дѣлъ недавніе руководители народнымъ просвѣщеніемъ Россіи уже не могли оставаться на мѣстахъ. Еще въ 1847 году вышелъ въ отставку московскій попечитель гр. С. Г. Строгоновъ, а въ 1849 году покинулъ постъ министра народнаго просвѣщенія даже гр. Уваровъ. На его мѣсто былъ назначенъ бывшій товарищъ министра, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, человѣкъ благочестивый и благонамѣренный, но не имѣвшій должной подготовки къ серьезному дѣлу руководства просвѣщеніемъ Россіи и воспитаніемъ подростающихъ ея поколѣній.

Такое положеніе дѣлъ внутри государства продолжалось до конца царствованія императора Николая I, закончившагося политической катастрофой, извѣстной подъ именемъ Крымской войны, которая совершенно из-

мѣнила правительственныя воззрѣнія при преемникѣ Николая I, императорѣ Александрѣ II, и вызвала необходимость, въ первые же года новаго царствованія, въ цѣломъ рядѣ общественныхъ реформъ и въ снятіи опалы съ русской науки и литературы.

Въ семь лѣтъ (съ 1848 по 1855) русская мысль, стѣсняемая цензурой и не имѣя возможности касаться должнымъ образомъ текущихъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ и высшихъ философскихъ положеній, въ силу этихъ обстоятельствъ, невольно уходила въ глубь вѣковъ и въ прошломъ родной страны, въ ея археологіи, исторіи, изученіи быта, языка и памятниковъ литературы — стремилась подыскать объясненія дѣйствительныхъ основъ нашего общественнаго строя и умственнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснительныя правительственныя мѣропріятія не мало способствовали къ выработкѣ мысли и характера у лучшихъ людей эпохи, и эти-то люди, во всеоружіи окрѣпшихъ убѣжденій и закаленной воли явились просвѣщенными дѣятелями знаменитой эпохи реформъ послѣдующаго царствованія. Эти-то высокоталантлиливые русскіе люди мысли, науки и практической общественной дѣятельности и извѣстны въ настоящее время подъ именемъ «людей сороковыхъ годовъ» двухъ противоположныхъ лагерей — западниковъ и славянофиловъ, такъ много сдѣлавшихъ для родной земли.

Н. П. Барсуковъ посвящаетъ характеристикѣ эпохи сороковыхъ годовъ немало мѣста въ разсматриваемыхъ томахъ книги о Погодинѣ, приводя интереснѣйшіе эпизоды изъ этой эпохи, большинству теперешнихъ поколѣній совсѣмъ неизвѣстные, и мало извѣстные даже предшествовавшимъ поколѣніямъ. Таковы, напримѣръ: отзывы о событіяхъ 1848 г. во Франціи, Германіи и Австріи Жуковскаго, кн. П. А. Вяземскаго, Кирѣевскаго, кн. П. М. Волконскаго, Погодина, галицкаго ученаго Зубрицкаго, знатока тогдашнихъ славянскихъ отношеній протоіерея Раевскаго и др. (т. IX, гл. XXIX); подробное содержаніе брошюры Ѳ. И. Тютчева: «La Russie et la révolution», напечатанной лишь въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года, въ которой представляются Россія и революція двумя противодѣйствующими одна другой общественными силами, двумя державами въ Европѣ, первая — какъ держава и сила христіанская, вторая — какъ сила враждебная христіанству (ibid. гл. XXXI); разсужденія о мотивахъ учрежденія Комитета 2 апрѣля (ibid. гл. XXXII). Весьма интересенъ эпизодъ съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», А. А. Краевскимъ, желавшимъ доказать правительству свою благонамѣренность въ виду цензурныхъ строгостей. Это обстоятельство роковымъ образомъ совпало со смертью Бѣлинскаго. Бѣлинскій умеръ 26 мая 1848 года, а 25 мая, т. е. наканунѣ его смерти, была окончена Краевскимъ статья, написанная

на тему кореннoго различія Россіи отъ западной Европы. Эта статья появилась безъ подписи автора въ Іюльской книжкѣ «Отеч. Записокъ» на 1848 г. и не только обратила на себя благосклонное вниманіе Комитета 2 апрѣля, но удостоилась высочайшаго одобренія императора Николая I. Статья Краевскаго оказалась почти дословной перепечаткой статьи, написанной Погодинымъ и помѣщенной въ «Москвитянинѣ» 1844 г. Погодинъ написалъ объ этомъ замѣтку, приведя параллельное сравненіе своихъ мыслей съ выраженіями въ статьѣ Краевскаго, но министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ не пропустилъ этой замѣтки въ печать (см. т. IX, гл. XXXIII). Весьма важны и интересны также подробности объ оставленіи службы гр. С. Г. Строгоновымъ (т. IX, гл. XXVII) и гр. С. С. Уваровымъ (т. X, гл. LXIII) и о положеніи русскихъ университетовъ въ 1849 году (т. X, гл. LXI и LXII). Такихъ отдѣльныхъ эпизодовъ и подробностей въ книгѣ Н. П. Барсукова очень много; въ настоящемъ случаѣ я привожу лишь нѣкоторые для примѣра, а на другихъ остановлюсь ниже въ своемъ мѣстѣ.

Таковъ общій фонъ внутренняго состоянія Россіи и ея общественной и теоретической мысли во второй половинѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка, на которомъ создаются жизнь и дѣятельность Погодина въ предѣлахъ т. т. VIII—XI книги Н. П. Барсукова. Посмотримъ же, въ чемъ, главнымъ образомъ, выражались они въ эти семь лѣтъ.

Погодинъ почти одновременно съ выходомъ изъ профессоровъ Московскаго университета овдовѣлъ, и эти два обстоятельства сильно подѣйствовали на его душевное состояніе. Съ Московскимъ университетомъ онъ сроднился въ теченіе долгаго въ немъ пребыванія, сначала въ качествѣ студента, а затѣмъ профессора, и свое теплое отношеніе къ нему онъ выразилъ въ прочувствованныхъ статьяхъ 1850 и 1851 гг., посвященныхъ празднованію незабвеннаго для Москвы дня 12 января, основанія въ немъ университета (см. т. XI, гл. II и XXXI). Къ преемнику своему по каѳедрѣ русской исторіи, С. М. Соловьеву, какъ къ своему ученику, явившемуся противникомъ его историческихъ воззрѣній, онъ весьма естественно не могъ относиться вполнѣ безпристрастно. Погодинъ хандритъ, скучаетъ и ищетъ утѣшенія въ богомысліи, въ чтеніи назидательныхъ книгъ духовнаго содержанія и помышляетъ даже предпринять путешествіе въ св. землю. Свои меланхолическія мысли изливаетъ онъ въ статьѣ «Къ юношѣ,» помѣщенной въ «Москвитянинѣ» 1846 г. (т. VIII, гл. XXXIV). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ скучаетъ одиночествомъ съ малолѣтними своими дѣтьми и помышляетъ о вторичномъ бракѣ. Г. Барсуковъ,

весьма умѣло пользующійся «Дневникомъ» Погодина, который, какъ извѣстно, отличался необыкновеннымъ лаконизмомъ записей, характерно живописуетъ оригинальныя мысли Погодина о его вторичномъ супружествѣ (см. т. VIII, гл. XXXV, стр. 282 и слѣд). Его тянетъ къ Московскому университету. Онъ сохраняетъ сношенія съ нѣкоторыми изъ его профессоровъ (см. т. X, гл. XIV, XV и LXVI) и дѣлаетъ тщетныя попытки снова занять въ немъ профессорскую каѳедру. Погодинъ, правда, вслѣдъ за выходомъ изъ профессоровъ избирается въ 1845 г. въ почетные члены Московскаго университета, но ясно уже видитъ, что дверь къ каѳедрѣ для него заперта наглухо. Онъ покоряется своей участи со скорбью въ душѣ. Мрачныя мысли, навѣваемыя на него собственной его судьбой, побуждаютъ его отстраниться отъ всякаго оффиціальнаго служебнаго отношенія къ русской исторіи и къ окружающей его современности. Онъ выходитъ изъ секретарей Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, уступая эту должность Ос. Макс. Бодянскому, и всецѣло посвящаетъ себя частнымъ, но не исключительно кабинетнымъ, занятіямъ любимымъ своимъ предметомъ, русской исторіей, и изданію своего журнала «Москвитянинъ».

Погодинъ никогда не былъ только кабинетнымъ ученымъ. Онъ жилъ русской исторіей, лучше сказать, онъ жилъ въ прошломъ Россіи и любилъ изучать это прошлое въ различныхъ его остаткахъ, обломкахъ въ современной русской жизни; но онъ хорошо понималъ, что нельзя изучать ни русской исторіи, ни современной русской жизни совершенно изолированно отъ исторіи и жизни единокровныхъ намъ славянъ и отъ исторіи и современной жизни западной Европы. Въ племенахъ славянскихъ онъ изучалъ сходныя съ нами черты; у западно-европейскихъ народовъ — черты различія. Однимъ изъ способовъ такого изученія прошлаго и настоящаго русской земли издавна являлись для Погодина путешествія, какъ по Россіи, такъ и по западной Европѣ и землямъ славянскимъ. Такъ и теперь, болѣе свободный отъ срочныхъ занятій, Погодинъ предпринимаетъ въ 1846 году заграничное путешествіе (см. т. VIII, гл. XLIX и L). 27 іюня 1846 г. онъ выѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда отправился моремъ въ Штетинъ, а затѣмъ въ Берлинъ, Дрезденъ, Прагу, Маріенбадъ, Теплицъ и Вѣну. Австріи всего болѣе посвятилъ времени Погодинъ, котораго привлекали къ себѣ западные славяне. Изъ Вѣны онъ направился Дунаемъ, останавливаясь въ Пресбургѣ, Карловичѣ, Бѣлградѣ, Галацѣ и возвратился въ Москву чрезъ Измаилъ, Одессу и Харьковъ. Въ то время еще не послѣдовалъ циркуляръ гр. Уварова, разъяснявшій отношенія Россіи къ славянамъ, и не произошли на западѣ политическія событія 1848 года. По поводу путешествія Погодина въ славянскія земли, Н. П. Бар-

суковъ живо излагаетъ начало славяновѣдѣнія въ Россіи и заслуги первыхъ представителей этой отрасли знаній — Прейса, Срезневскаго, Григоровича и Бодянскаго и ихъ отношенія къ Погодину въ исходѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ. (см. т. VIII, гл. LIII—LV, XX, XXI, XLVII; т. X, гл. XVIII, XIX, XX и XLIV). Другое путешествіе, путешествіе по Россіи Погодинъ предпринимаетъ лѣтомъ 1849 г., направляясь въ сѣверо-восточную ея часть. Онъ посѣщаетъ Владиміръ, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Ростовъ, Угличъ и Колязинъ. Результаты какъ этого путешествія, такъ и проѣзда по южной Руси въ 1846 году, были тѣ же, что и прежнихъ его поѣздокъ по Россіи: личное знакомство съ мѣстными учеными, любителями древностей и библіофилами и обогащеніе его «Древлехранилища». Это учрежденіе настолько замѣчательно, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Древлехранилище Погодина возникало постепенно съ половины тридцатыхъ годовъ, а въ теченіе 1845—1849 коллекціи его увеличивались все болѣе и болѣе. Н. П. Барсуковъ подробно разсказываетъ какъ исторію этого разрастанія Погодинскаго музея, останавливаясь не только на дѣйствительныхъ пріобрѣтеніяхъ Погодина, но и на его неосуществившихся намѣреніяхъ и планахъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще все относящееся къ «Древлехранилищу» — посвящая ему въ общей сложности восемь главъ (т. VIII, гл. XXII, XXIII, XLVII; т. IX, гл. XXIV, XXV; т. X, гл. XIII, LII, LIII.). Повторять всѣ эти интересныя подробности было бы слишкомъ долго, и я невольно вышелъ бы изъ рамокъ академической рецензіи, а потому позволю себѣ остановиться лишь на важнѣйшихъ фактахъ, касающихся «Древлехранилища» и весьма важныхъ, какъ для характеристики Погодина, такъ и для исторіи русской науки.

Погодинъ не былъ магнатомъ-меценатомъ въ родѣ гр. Румянцева, Черткова, или гр. Уварова, не имѣлъ онъ также значительныхъ денежныхъ средствъ, какими обладаютъ современные намъ коллекціонеры изъ купцовъ, въ родѣ Третьякова, Хлудова, Вахрамѣева — всѣ его затраты на пріобрѣтенія для своего музея производились изъ скромныхъ суммъ, лично имъ добытыхъ умомъ и умѣлостью, и нерѣдко въ долгъ. Нѣкоторыя вещи, но очень немногія, онъ получалъ даромъ. Весьма естественно потому, что Погодинъ долженъ былъ быть очень остороженъ и осмотрителенъ въ своихъ расходахъ по музею, и при этомъ-то выражался весь нравственный обликъ Погодина. Сознаніе дѣйствительной научной важности той или другой древней или старинной вещи, рукописи, книги съ одной стороны; страсть къ коллекціонерству съ другой и желаніе какъ можно выгоднѣе сдѣлать пріобрѣтеніе съ третьей — вотъ тѣ ощущенія, которыя постоянно боролись въ Погодинѣ, и выраженіемъ которыхъ

наполнены его интересныя и откровенныя письма къ его друзьямъ, приводимыя г. Барсуковымъ. И какъ онъ радъ, когда онъ пріобрѣтетъ сходно что нибудь дѣйствительно важное, какъ онъ искренно счастливъ, когда та или другая его коллекція пополняется. Таковъ напримѣръ, его восторгъ отъ полноты его коллекціи славянскихъ богослужебныхъ книгъ, печатанныхъ сербами въ Венеціи, Черногоріи и въ монастыряхъ южныхъ турецкихъ областей (т. IX, стр. 200—201). У Погодина имѣется цѣлая фаланга агентовъ и комиссіонеровъ по покупкѣ древностей, и въ числѣ ихъ находится нѣсколько лицъ, также собирающихъ древнія вещи, какъ напримѣръ И. П. Сахаровъ, Тромонинъ, Кастеринъ. И откуда только не получаетъ старину Погодинъ: изъ Вятки и изъ Харькова, изъ Одоева и Тобольска, изъ Свіяжска и Кіева, изъ Италіи и Константинополя! Погодинъ пріобрѣтаетъ цѣлыя коллекціи нумизматическія, древнихъ вещей, фамильныхъ бумагъ, автографовъ, наконецъ, цѣлыя библіотеки рукописей и собранія старопечатныхъ книгъ. Онъ увлекается будущностью своего «Древлехранилища». Ему представляется это будущее въ видѣ особаго ученаго учрежденія по русской археологіи и археографіи. «Составлю у себя канцелярію», — пишетъ онъ своему другу Шевыреву, и найму человѣкъ четырехъ (Ундольскаго, Бѣляева, Оріентова. . . .) жить у меня и работать подъ моимъ руководствомъ. Мы въ годъ надѣлали бы чудеса для русской исторіи. Привелъ бы въ порядокъ всѣ справки — ну да что и говорить? Только между нами! Эта мысль еще въ зародышѣ. Переговоримъ при свиданіи.» (т. X, гл. XIII, стр. 121). Кромѣ того Погодинъ по мысли Шевырева задумывалъ устроить въ своемъ «Древлехранилищѣ» публичныя лекціи. «Въ лекціяхъ,» писалъ онъ Шевыреву,» радъ участвовать. Устраивай, а во мнѣ будь увѣренъ. Изъ исторіи словесности — три, русской исторіи — двѣ, изъ всеобщей — три (Грановскій), изъ исторіи права — двѣ или три, Перевощиковъ, Лешковъ, Спасскій, Глѣбовъ. Обстоятельства учатъ насъ, и потому мы должны допускать только своихъ. Изъ чужихъ не болѣе Грановскаго. Въ дополненіе посѣтители получаютъ билетъ для осмотра Музея моего съ объясненіями. Мысль о лекціяхъ прекрасная и своевременная, только нужна твердость: уладимъ сперва все между собою и потихоньку, чтобъ неблагонамѣренные люди не испортили прежде исполненія. Засѣданія два тоже можно присоединить. Вотъ и начнется Общество словесности». (т. X, гл. XIII, стр. 120).

Погодинъ въ 1848 году такъ характеризировалъ свое собраніе: «Наши историки-изслѣдователи, филологи, духовные, юристы, поэты, романисты не воспользовались и въ половину тѣми сокровищами, кои разсыпаны въ письменной литературѣ: что наши понятія о древности должны измѣниться очень много вслѣдствіе ближайшаго знакомства съ памятниками;

что для разработки нужны сотни дѣлателей; что лѣтописи и грамоты составляютъ первый источникъ исторіи, но далеко не единственный; что для знакомства съ русскимъ народомъ онѣ слишкомъ недостаточны; что исторія нашей церковной словесности должна непремѣнно увеличиться вдвое или втрое; что Несторъ, Кириллъ Туровскій, Максимъ Грекъ, стоящіе почти оазисами въ древности, должны соединиться длинною, плотною, цѣпью со временемъ Петра I; что. . . . но не мѣсто распространяться объ этомъ болѣе. Повѣрятъ ли, что не проходило у меня почти ни одного дня безъ важнаго открытія. Разумѣется, этими открытіями я не дорожу для себя, напротивъ приглашаю всѣхъ своихъ учениковъ и охотниковъ къ продолженію ихъ — и открывайте: золото разсыпано на всякомъ шагу». (т. X, гл. XIII, стр. 116). Погодинъ не преувеличивалъ. «Древлехранилище» получало извѣстность не только въ Москвѣ, но въ оффиціальныхъ сферахъ Петербурга. Еще въ 1846 году къ Погодину обращался министръ внутренныхъ дѣлъ гр. Л. А. Перовскій съ просьбой доставить ему рукописи изъ его собранія для выписокъ изъ нихъ о русскихъ ересяхъ и расколахъ. Въ 1847 году посѣщаетъ «Древлехранилище» оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Протасовъ и ведетъ въ немъ интимную бесѣду съ Погодинымъ о церковныхъ вопросахъ; въ томъ же году подробно разсматриваетъ коллекцію Погодина извѣстный московскій «мыслитель» тридцатыхъ годовъ, западникъ П. Я. Чаадаевъ. Погодинъ собирался составить систематическій каталогъ своему собранію, но такъ и прособирался. Съ П. М. Строевымъ они не сошлись, а занятія И. Д. Бѣляева и В. М. Ундольскаго по составленію каталога едва были начаты. Къ 1849 г. Музей Погодина настолько разросся и настолько былъ приведенъ въ порядокъ, что онъ рѣшился помѣстить краткое обозрѣніе его въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и заявить при этомъ, что его собраніе открыто для всѣхъ занимающихся исторіей, а съ 1849 года будутъ приняты мѣры объ открытіи его и для публики. Музей Погодина состоялъ въ то время изъ семнадцати слѣдующихъ отдѣленій, помѣщаясь въ 50 слишкомъ шкафахъ и двухъ картонахъ: 1) рукописи, въ собраніе которыхъ вошли не только принадлежащія самому Погодину, но цѣлыя рукописныя библіотеки Лаптева, Строева, Калайдовича, Филатова и др.; 2) старопечатныя книги числомъ до 400; 3) книги, печатанныя при Петрѣ Великомъ; 4) древнія грамоты и судебные акты; 5) автографы; 6) монеты (до 2000); 7) иконы; 8) оклады; 9) кресты; (до 500); 10) древнія печати (до 30); 11) серьги, кольца, пуговицы, посуда; 12) оружіе; 13) вещи изъ чудскихъ копей; 14) письма и бумаги государей, начиная съ Петра Великаго, полководцевъ и писателей; 15) лубочныя картины собранныя акад. Штелинымъ; 16) первые опыты гравированія; 17) портреты русскихъ людей (т. X, стр. 441—444). Въ 1849 году былъ въ

Москвѣ императоръ Николай I со всею царскою фамиліей, и «Древлехранилище» Погодина посѣтили высочайшія особы, а вслѣдъ за ними и многія высокопоставленныя лица. Прежде всѣхъ посѣтили Музей великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Ольга Николаевна, а вслѣдъ за ними наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ супругой, цесаревной Марьей Александровной. Погодинъ былъ въ восторгѣ. Кромѣ чувства удовлетворенія самолюбія ученаго и коллектора изъ этихъ посѣщеній, онъ надѣялся извлечь и практическую выгоду. Онъ очень хорошо сознавалъ самъ, да и друзья его въ томъ поддерживали, что такое драгоцѣнное собраніе не можетъ оставаться въ частныхъ рукахъ, а рано или поздно должно стать достояніемъ общественнымъ, или даже государственнымъ. Шевыревъ считалъ необходимымъ, чтобы «Древлехранилище» было пріобрѣтено для Москвы; переговоры Погодина съ министромъ народнаго просвѣщенія граф. Уваровымъ о пріобрѣтеніи его въ казну не увѣнчались успѣхомъ. Между тѣмъ Погодинъ нуждался въ деньгахъ, и его очень озабочивало, что его коллекціи помѣщаются въ деревянномъ домѣ въ Москвѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, а потому могутъ подвергнуться разнымъ случайностямъ, и прежде всего, пожару, что однажды чуть даже не произошло. Не разъ Погодинъ рѣшался продать свои коллекціи, даже по частямъ, въ частныя руки, — но отъ этого его удерживали пріятели. Вслѣдъ за посѣщеніемъ высочайшихъ особъ Погодинъ обращается черезъ министра Двора гр. Адлерберга къ императору Николаю Павловичу съ прошеніемъ о пособіи на постройку каменнаго зданія для «Древлехранилища», а въ концѣ 1849 года у него начинается переписка съ А. Ѳ. Бычковымъ, въ то время хранителемъ рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, о продажѣ въ эту Библіотеку рукописей, бумагъ и старопечатныхъ книгъ изъ его «Древлехранилища».

Еще съ 1845 года занимаетъ Погодина другое живое дѣло въ области русской исторіи. Въ августѣ этого года предположено было открытіе въ Симбирскѣ памятника Н. М. Карамзину. По приглашенію симбирскаго дворянства, Погодинъ прибылъ на торжество открытія для произнесенія на немъ похвальнаго слова Карамзину, давно имъ составляемаго, по желанію и завѣту друга Карамзина, И. И. Дмитріева. Множество интереснѣйшихъ подробностей для бытовой исторіи русскихъ провинціальныхъ нравовъ того времени передаетъ Н. П. Барсуковъ въ главахъ, посвященныхъ описанію этого торжества въ Симбирскѣ (см. т. VIII, гл. XXIV—XXVI). Весьма любопытна также и дальнѣйшая судьба похвальнаго слова Погодина, которой г. Барсуковъ посвящаетъ слѣдующія двѣ главы, XXVII и XXVIII. «Слово» произвело необыкновенный

эффектъ и въ Симбирскѣ, и въ Москвѣ среди родственниковъ, друзей и почитателей Карамзина, но печатаніе его встрѣтило неожиданныя для Погодина затрудненія въ цензурномъ отношеніи, которыя были отстранены лишь благодаря вмѣшательству въ это дѣло министра народнаго просвѣщенія, гр. Уварова. «Похвальное слово» Погодинъ подноситъ Государю и высочайшимъ особамъ и считаетъ его однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній. Поощренный успѣхомъ «слова», Погодинъ съ 1846 года приступаетъ къ составленію подробной біографіи Карамзина, отрывки изъ которой помѣщаетъ въ своемъ «Москвитянинѣ», а вполнѣ эта біографія появляется лишь черезъ двадцать лѣтъ, въ 1866 году, къ новому чествованію памяти Карамзина, — столѣтія со дня его рожденія.

У себя въ кабинетѣ Погодинъ также продолжаетъ усердно трудиться надъ изслѣдованіями, и весьма разнообразными, по различнымъ отраслямъ русской исторіи. Но и эти занятія не носили характера спокойныхъ научныхъ излѣдованій. Не таковъ былъ живой и неугомонный нравъ Погодина, чтобы умѣть работать тихо, спокойно, систематически; напротивъ, онъ, усердный теоретическій послѣдователь Шлёцеровскаго критическаго метода и его воззрѣній на варяжскій вопросъ и самъ измыслившій своеобразный математическій методъ въ изученіи исторіи, въ практическихъ своихъ пріемахъ историческихъ работъ, былъ совершенной во всемъ противуположностью и своего учителя педанта — нѣмца Шлёцера и своихъ собственныхъ теоретическихъ соображеній. Эта противуположность между теоріей и практикой, между мыслію и дѣломъ въ спеціальной области историческихъ изученій является лучшимъ выразителемъ всей духовной природы Погодина, исполненной противорѣчій. Погодинъ задорно ставилъ вопросы въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, упорно ихъ отстаивалъ и запальчиво и нерѣдко бранчливо защищалъ свои положенія въ жаркой полемикѣ со своими противниками. Полемика — была его стихіей.

Трудно въ небольшой по объему рецензіи подробно разобрать всѣ ученыя произведенія, вышедшія изъ подъ-пера Погодина съ 1845 по 1852 годовъ. Большая часть его монографій, частію написанныхъ въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, частію раньше, собрана имъ въ книгѣ, напечатанной въ Москвѣ въ 1846 году подъ заглавіемъ «Историческіе отрывки.» Изъ этихъ статей самыми замѣчательными являются: «Параллель русской исторіи съ исторіею западно европейскихъ государствъ» и «За русскую старину». Первая изъ этихъ статей указываетъ на различія въ политическомъ и общественномъ строѣ западной Европы и Россіи, выразившихся въ ходѣ исторіи на западѣ и у насъ, и принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ монографіямъ, написаннымъ Погодинымъ: въ этой статьѣ, что рѣдко встрѣчаемъ у него, видна и опредѣленность мысли и ясность изложенія.

Исходной точкой различія является здѣсь противуположность возникновенія государства въ западной Европѣ и въ Россіи: тамъ было завоеваніе дружинниковъ, у насъ — свободное признаніе князей населеніемъ. Изъ этого основного различія выводитъ онъ цѣлый рядъ послѣдующихъ различій между общественностью и ходомъ исторіи въ западной Европѣ и Россіи. Вторая статья заключаетъ въ себѣ полную программу политическихъ и историческихъ воззрѣній Погодина. На этой статьѣ я еще остановлюсь ниже. Въ томъ же 1846 году вышли первые три тома сборника лекцій Погодина по древнѣйшей русской исторіи. IV-й томъ этого сборника вышелъ позднѣе, а именно въ 1850 г. «Историческіе отрывки» и первые три тома «Лекцій» послужили началомъ продожительной полемики Погодина съ учеными школы родового быта изъ-за рѣзкаго ихъ разбора, написаннаго К. Д. Кавелинымъ и появившагося въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но этими изданіями не исчерпываются занятія Погодина русской исторіей за года, о которыхъ идетъ рѣчь. Эти занятія могутъ быть подведены подъ слѣдующія семь рубрикъ: 1) Изученіе письменныхъ источниковъ древней русской исторіи; 2) тоже новой русской исторіи; 3) изслѣдованія по разнымъ частнымъ вопросамъ древней русской исторіи; 4) изученіе лицъ и событій новой русской исторіи; 5) занятія исторіей русской церкви; 6) занятія исторіей русской литературы; 7) ученыя изданія чужихъ трудовъ — и почти по всѣмъ этимъ рубрикамъ Погодинъ полемизируетъ. Полемизируетъ онъ со своимъ давнимъ другомъ М. А. Максимовичемъ по вопросу о народной исторической поэзіи въ древней Руси, полемизируетъ съ Петр. Вас. Кирѣевскимъ объ основахъ древнѣйшей русской исторіи, полемизируетъ съ К. Д. Кавелинымъ объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова; пишетъ замѣтки на всѣ почти вновь выходящія по русской исторіи книги, въ особенности на книги ученыхъ школы родового быта; ведетъ ученую переписку по занимающимъ его историческимъ вопросамъ съ значительнымъ числомъ ученыхъ различныхъ спеціальностей и направленій.

Въ этихъ полемическихъ распряхъ Погодина на первомъ планѣ должна быть поставлена его полемика съ представителями новой, только что нарождавшейся исторической школы, такъ называемой юридической, или *школы родового быта.* Она состояла въ то время изъ молодыхъ ученыхъ, только что начинавшихъ свое научное поприще; то были съ К. Д. Кавелинымъ и С. М. Соловьевымъ во главѣ, Н. В. Калачевъ, Тюринъ, Павловъ и др. Эта школа, выходившая изъ ученій дерптскаго профессора Эверса о первоначальномъ, кровно-патріархальномъ или родовомъ бытѣ славяно-русскихъ племенъ, объясняла всю послѣдующую общественность русскаго народа путемъ постепеннаго развитія изъ условій быта родового

начала государственнаго, политическаго. Къ западникамъ эта школа примыкала по своему восторженному воззрѣнію на личность Петра Великаго и на его реформу, которую считала неизбѣжной въ общемъ развитіи русской общественности. Погодинъ, также придававшій большое историческое значеніе реформѣ Петра Великаго и въ 1841 году открывшій даже «похвальнымъ словомъ» первому русскому императору свой журналъ «Москвитянинъ», смотрѣлъ и на до-Петровскую Русь, и на реформу Петра иначе, чѣмъ новая школа родового быта. Ученые этой школы, подъ вліяніемъ историко-философскихъ воззрѣній Гегеля, признавали необходимость изученія историческихъ фактовъ, лишь по толику, по колику эти факты служатъ къ уясненію общихъ началъ развивающихся въ исторической жизни русскаго народа, и однимъ изъ этихъ началъ и самымъ основнымъ, почитали начало кровно-родовое, патріархальное. Не отрицая общины въ древнемъ русскомъ бытѣ, они считали ее въ общемъ ходѣ нашей исторіи не имѣвшей большого значенія, потому что община была развита на Руси далеко не повсемѣстно и въ большинствѣ случаевъ слабо, а потому въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего историческаго роста не оказала живучести. По ученію этой школы, начало государственное, явившееся на смѣну патріархальному, кровно-родовому, въ лицѣ Петра Великаго достигло высшаго своего развитія и обезпечило наше дальнѣйшее общественное преуспѣяніе. Изученію подробностей, частностей лишь для болѣе полнаго, фактическаго накопленія историческаго изложенія, ученые школы родового быта не придавали значенія и порицали историковъ, стремящихся только къ этой внѣшней фактической полнотѣ. Вліяніе на Россію западной Европы, какъ представительницы болѣе высокой, чѣмъ наша славяно-византійская культура, ученые школы родового быта не только признавали вполнѣ исторически законной, но и благотворной для насъ, такъ какъ путемъ общенія съ западной Европой мы мало по малу отрѣшались отъ нашихъ исключительно-національныхъ основъ быта и дѣлались участниками основъ «общечеловѣческихъ,» развитыхъ западно-европейской цивилизаціей. Наши домашнія основы быта, по ученію этой школы, были элементарны, примитивны, и представлять ихъ болѣе развитыми, болѣе совершенными, чѣмъ онѣ являлись въ дѣйствительности, считала эта школа за пріемъ неисторическій и ненаучный. Самымъ типическимъ выразителемъ такихъ воззрѣній школы былъ К. Д. Кавелинъ; что же касается до С. М. Соловьева, то этотъ ученый только въ первыхъ своихъ трудахъ и главнымъ образомъ въ двухъ диссертаціяхъ, магистерской и докторской, является сторонникомъ общихъ историческихъ построеній, но вскорѣ, храня основы ученія родового быта, становится историкомъ-фактистомъ: начиная съ I т. его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (1851 года) всѣ ученые труды его отличаются чрезмѣрнымъ обиліемъ фактовъ.

Погодинъ совершенно иначе смотрѣлъ на общій ходъ исторіи Россіи и на ея разработку. Съ одной стороны его пониманіе было шире ученыхъ родового быта, съ другой — несравненно уже. Опять противорѣчіе — эта основная черта умственной и нравственной природы Погодина! Погодину въ слѣдующихъ общихъ чертахъ представлялась схема изученія русской исторіи: Исторія русскаго народа, составляющая совершенную противуположность исторіи народовъ западной Европы по различію общественныхъ и культурныхъ основъ нашей и западно-европейской, должна изучаться совмѣстно съ исторіей единоплеменныхъ намъ народовъ славянскихъ; исторія Россіи столь-же многообразна по своему содержанію, какъ многообразенъ по своимъ духовнымъ свойствамъ русскій народъ, основами самобытной жизни котораго являются православіе и самодержавная власть его государей, ходъ исторіи Россіи не можетъ быть подведенъ ни подъ какую теорію по своей оригинальности, потому что въ этомъ ходѣ много сверхъестественнаго, чудеснаго; а потому русскую исторію нельзя понять съ точки зрѣнія общеисторическихъ и философскихъ построеній; необходимо вполнѣ научно, критически относиться къ ея источникамъ, вслѣдствіе чего слѣдуетъ прежде всего спеціально изучать эти источники, а затѣмъ извлекать изъ нихъ наибольшее количество достовѣрныхъ, критически очищенныхъ фактовъ, и затѣмъ изслѣдовать всѣ частныя явленія въ исторіи русской, потому что только изъ правильнаго представленія частностей можно получить точное понятіе о цѣломъ. Но дальше изученія источниковъ и частныхъ явленій русской исторіи въ своихъ печатныхъ статьяхъ и монографіяхъ Погодинъ не пошелъ, и, разсматривая его печатныя произведенія, К. Д. Кавелинъ имѣлъ все право почесть Погодина не историкомъ въ высшемъ значеніи этого слова, но историкомъ-экзегетикомъ; въ душѣ своей Погодинъ носилъ весьма цѣльное представленіе о русской исторіи, но не могъ только должнымъ образомъ синтезировать этого представленія въ печатныхъ произведеніяхъ: частію это обусловливалось обиліемъ разнообразныхъ занятій Погодина, мѣшавшихъ ему должнымъ образомъ сосредоточиться па какомъ либо обобщающемъ трудѣ, но главнымъ образомъ это зависѣло отъ природныхъ свойствъ его ума, преимущественно аналитическаго и не склоннаго къ синтезу. Погодинъ считалъ преждевременнымъ всякую даже попытку изложить печатно обобщеніе историческихъ явленій. Вотъ причины, почему онъ яростно напалъ на ученыхъ школы родового быта. Для него было просто, непонятно какъ это люди дерзаютъ, не изучивъ всѣхъ историческихъ фактовъ, подводить къ нимъ итоги и выводить изъ этихъ невѣрныхъ итоговъ, не цѣлый рядъ общихъ началъ, а — какъ казалось Погодину — одно общее начало, какой-то родовой бытъ, которымъ и тщатся объя-

снить всѣ явленія русской исторіи. «Родовой бытъ» преслѣдуетъ Погодина какъ кошмаръ. Онъ озлобляется этой теоріей родового быта несравненно болѣе, чѣмъ озлоблялся раньше, въ тридцатыхъ годахъ, отрицательными выводами «скептической школы» и позже, въ семидесятыхъ годахъ, новыми «историческими ересями» по варяжскому вопросу Н. И. Костомарова и Д. И. Иловайскаго. Нельзя не признать, что до нѣкоторой степени Погодинъ былъ правъ. Школа родового быта, какъ всякое новое теоретическое ученіе въ исторической наукѣ, какъ въ наши дни школа экономическаго матеріализма, — стремилась подвести цѣлый рядъ историческихъ явленій подъ одно главное начало, изъ котораго многія изъ такихъ явленій объяснены быть не могутъ. Школа родового быта изучала явленія русской исторической жизни преимущественно общественно-юридическаго характера, недостаточно, чтобъ не сказать больше, затрагивая явленія иного, болѣе высшаго порядка, какъ напримѣръ явленія въ области нравственно-религіозной, умственной, литературной, художественной. И Погодинъ былъ правъ, утверждая, что при изученіи русской исторіи съ точки зрѣнія теоріи родового быта, мы не найдемъ должнаго мѣста для изученія духовной, религіозно-нравственной и умственной жизни русскаго народа. «А куда вы дѣнете Св. Сергія Радонежскаго?» — говорилъ Погодинъ съ свойственнымъ ему оригинальнымъ лаконизмомъ К. Н. Бестужеву-Рюмину, въ сороковыхъ годахъ сильно увлекавшемуся теоріей родового быта. Но Погодинъ, разумѣется, былъ совершенно не правъ, нападая на школу родоваго быта за ея теоретическое воззрѣніе въ исторіи. Всякая такъ называемая историческая теорія, или, правильнѣе, историческая проблемма, или историческая гипотеза — является естественнымъ выводомъ обобщающей мысли изъ нѣсколькихъ группъ историческихъ явленій, вновь подмѣченныхъ или прежде опредѣленныхъ, но заново объясненныхъ; эти выводы даютъ матеріалъ для дальнѣйшихъ критическихъ и обобщающихъ пріемовъ мысли, а потому теоретическія воззрѣнія въ исторіи, при всей ихъ односторонности и даже неправильности, являются неизбѣжными и вліятельными факторами прогрессивнаго развитія исторической науки. Въ этомъ отношеніи заслуга школы родового быта въ русской исторіографіи несомнѣнна.

Свои собственныя историческія воззрѣнія Погодинъ высказалъ весьма опредѣленно въ статьѣ: «За Русскую Старину,» помѣщенной въ «Москвитянинѣ» на 1845 годъ. Объ этой статьѣ я уже упоминалъ выше; здѣсь-же позволю себѣ представить нѣсколько выдержекъ изъ нея, которыя, по своей краткости, яснѣе всякаго изложенія содержанія статьи передадутъ основныя воззрѣнія Погодина [1]).

---

1) Правописаніе вездѣ сохранено Погодинское. *Д. К.*

«Средній вѣкъ у насъ былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только «подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался какъ и тамъ; «тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ пріемовъ; тѣ-же «цѣли достигались, только другими путями. Это различіе и составляетъ «собственно занимательность, важность Русской Исторіи для мыслящаго «*Европейскаго* историка и философа. И у насъ было введено Христіанство, «только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы на-«чали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, «а не перелепетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, «но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его «словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было «также раздѣленіе, междоусобная война, централизація, единодержавіе. У «насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріевъ, не было ненависти, «не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства, за «то было отеческое управленіе, патріархальная свобода, было семейное «равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка: однимъ словомъ, «въ Среднемъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался Западъ уже въ «Новомъ, не успѣлъ еще въ Новѣйшемъ, и едва-ли можетъ успѣть въ «Будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои пороки, мы совершили «свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать «на своихъ великихъ людей. ...

«У насъ, разумѣется, не было Парижа, но была Москва; у насъ не «было Товера, но былъ Кремль; у насъ не было Западнаго Средняго вѣка, «но былъ Восточный, Русскій...

«Петръ Великій, по необходимости, вслѣдствіе естественныхъ гео-«графическихъ отношеній Россіи къ Европѣ, долженъ былъ остановить «народное развитіе и дать ему на время другое направленіе. Кто изъ насъ «не воздаетъ должной чести этому необыкновенному генію, кто не удивляется «его безпримѣрнымъ трудамъ, кто не оцѣняетъ его спасительныхъ подви-«говъ, кто наконецъ не благоговѣетъ предъ его любовью къ отечеству?

«Но прошло уже слишкомъ сто лѣтъ, какъ онъ скончался, и полто-«раста, какъ онъ началъ дѣйствовать, а новое время идетъ быстрѣе дре-«вняго. Періодъ Петровъ оканчивается: главнѣйшія дѣла его довершены, «первая задача его рѣшена, ближайшая цѣль его достигнута, то есть: Сѣ-«верные враги наши смирены, Россія заняла почетное мѣсто въ политиче-«ской системѣ государствъ Европейскихъ, приняла въ свои руки Европей-«ское оружіе, и привыкла обращать оное съ достаточною ловкостью, «можетъ по усмотрѣнію употреблять всѣ Европейскія средства и пособія «для дальнѣйшаго развитія своей собственной, на время замиравшей, жизни, «во всѣхъ ея отрасляхъ.

«Занимается заря новой эры: Русскіе начинаютъ припоминать себя и «уразумѣвать требованія своего времени; для избранныхъ становится «тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое; они убѣждаются, что, «склоняясь подъ онымъ, они не могутъ произвесть ничего самобытнаго, «что чужеземныя сѣмена не принимаются, не пускаютъ корней, или произ-«водятъ одинъ *пустоцвѣтъ*; они убѣждаются, что для собранія собственной «богатой жатвы нельзя поступать иначе, какъ *воздѣлывать свою землю*, «т. е. разработывать свой языкъ, углубляться въ свою исторію, изучать «характеръ, проникать духъ своего народа, во всѣхъ сокровенныхъ тайни-«кахъ его сердца, на всѣхъ горныхъ высотахъ его души, однимъ словомъ, «*познавать самихъ себя*. Они убѣждаются, что настало время испытывать «свои силы, — и блестящій успѣхъ вознаграждаетъ нѣкоторыя усилія!

«Время *безусловнаго* поклоненія Западу миновалось, развѣ отъ лица «людей запоздалыхъ, которые не успѣли еще доучить стараго курса, между «тѣмъ какъ начался уже новый. Имъ можно посовѣтывать, чтобъ они по-«старались догнать уходящихъ, и стать наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, въ «чувствахъ уваженія къ самобытности, слѣдовательно своенародности, и «слѣдовательно старины.

«Только такимъ образомъ, продолжу я имъ наставленіе, можемъ мы «исполнить ожиданія самой Европы, ожиданія всѣхъ друзей общаго блага; «только такимъ образомъ можемъ мы исполнить свои человѣческія обязан-«ности. Мы должны явиться на Европейской сценѣ, стану употреблять ихъ «любимыя выраженія, своеобразными *индивидуумами*, а не безжизненными «автоматами; мы должны показать тамъ свои лица, а не мертвенные да-«герротипы какихъ-то западныхъ идеаловъ. Своимъ голосомъ должны мы «произнесть наше имя, своимъ языкомъ должны мы сказать наше дѣло, а «не на чуждомъ жаргонѣ, переводя изъ нѣмецкаго компендіума и француз-«ской хрестоматіи; наконецъ — посредствомъ своихъ мотивовъ мы должны «выразить нашъ паоосъ: иначе насъ не приметъ наша старшая братія; съ «презрѣніемъ, или много-много съ состраданіемъ, они отвратятъ взоры отъ «жалкихъ подражателей, которые тѣмъ несчастнѣе, чѣмъ кажутся себѣ «счастливѣе. Въ гармоніи не допускаются отголоски, даже самые вѣрные, «не только *фальшивые*, а одни самобытные звуки...

«Напрасно взводятъ на насъ клевету, будто мы покланяемся нече-«стиво неподвижной старинѣ. Нѣтъ, неподвижность старины намъ противна, «столько же какъ и безсмысленное шатанье новизны. Нѣтъ, не неподвиж-«ность, а вѣчное начало, Русскій духъ, вѣющій намъ изъ завѣтныхъ нѣдръ «этой старины, мы чтимъ богобоязненно, и усердно молимся, чтобъ онъ ни-«когда не покидалъ Святой Руси, ибо только на этомъ краеугольномъ ка-«мнѣ она могла стоять прежде и пройти всѣ опасности, — поддерживается

«теперь, и будетъ стоять долго, если Богу угодно ея бытіе. Старина драго«цѣнна намъ, какъ родимая почва, которая упитана — не скажу кровію, «кровію упитана западная земля, — но слезами нашихъ предковъ, перетер«пѣвшихъ и Варяговъ, и Татаръ, и Литву, и жестокости Іоанна Гроз«наго, . . . и нашествіе двадесяти языкъ, и наважденіе легіоновъ духовъ, въ «сладкой, можетъ быть, надеждѣ, что отдаленные потомки вкусятъ отъ «плода ихъ трудной жизни, а мы, несмысленные, мы хотимъ только плясать «на ихъ священныхъ могилахъ, радуемся всякому пустому поводу, ищемъ «всякаго предлога, даже несправедливаго, наругаться надъ ихъ памятью, «забывая примѣръ нечестиваго Хама, пораженнаго на вѣки вѣковъ, въ лицѣ «всего потомства за свое легкомысліе». («Историко-критическіе отрывки», М. Погодина, Москва, 1846 г., стр. 439—445).

Изъ приведенныхъ выписокъ ясно видно, въ чемъ отличались воззрѣнія Погодина отъ воззрѣній ученыхъ школы родового быта и такъ называемыхъ западниковъ. Вслѣдъ за «Отрывками» и «Лекціями» Погодина и ихъ разборомъ Кавелина въ «Отечественныхъ Запискахъ», появились въ 1847 г.: въ «Современникѣ» статья Кавелина: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», и отдѣльнымъ изданіемъ въ Москвѣ докторская диссертація Соловьева: «Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома», вызвавшая сочувственную критическую статью Кавелина въ «Современникѣ» же. Изъ-за этихъ статей возникла ученая полемика, въ которой Погодинъ не могъ не принять самаго дѣятельнаго участія. Затѣмъ дальнѣйшіе труды по русской исторіи Соловьева, главнымъ образомъ его статьи 1850 г. въ «Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній», ежегодникѣ, издававшемся въ Москвѣ Калачовымъ, І-й томъ его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» 1851 г. и докторская диссертація Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова» 1850 г., —обострили еще больше эту полемику. Въ началѣ своихъ пререканій съ школой родового быта Погодинъ причисляетъ къ ея же составу А. Ѳ. Бычкова и И. Д. Бѣляева, ученая дѣятельность которыхъ, а равно и Н. В. Калачова, впослѣдствіи развилась совершенно въ другомъ направленіи. Погодинъ взглянулъ на историческія воззрѣнія школы родового быта, какъ на нѣкій мятежъ противъ него его «учениковъ», на «вольномысліе», направленное противъ его научныхъ и вполнѣ «ортодоксальныхъ» мнѣній, и началъ объясняться съ ними печатно тономъ стараго ментора и духовника.

Н. П. Барсуковъ отводитъ очень много мѣста въ своей книгѣ этой интересной полемикѣ. Такъ напримѣръ, онъ посвящаетъ *десять* главъ изложенію отношеній Кавелина къ «Современнику», «Отечественнымъ Запискамъ», къ Погодину и славянофиламъ въ 1846 и 1847 гг. (т. IX, гл. I, II, IV — VI, XIII, XV—XVII; т. X, гл. XLVII), *двѣ* главы

описанію полемики Кавелина съ Хомяковымъ и участію въ ней Грановскаго изъ-за «Сборника», изд. Д. А. Валуевымъ (т. IX, гл. VII и VIII) и въ цѣлой главѣ повѣствуетъ объ участіи Кавелина въ докторскомъ диспутѣ Соловьева (ibid, гл. XIV). *Восемь* главъ посвящены Соловьеву, въ особенности же I-му т. его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ (т. VIII, гл. XIV, XLVII; т. IX, гл. VII, XIV, XVII; т. X, гл. XLVIII; т. XI, гл. LXV, LXVI); въ *трехъ* главахъ говорится подробно о докторской диссертаціи Павлова и о полемикѣ по ея поводу (т. XI, гл. XXV—XXVII). Всего распрѣ Погодина съ учеными школы родового быта и изложенію ихъ воззрѣній и обстоятельствъ ихъ учено-литературной дѣятельности въ разсматриваемыхъ томахъ книги г. Барсукова отведено *двадцать четыре* главы.

Всѣ эти подробности въ высшей степени интересны. Онѣ даютъ обильный матеріалъ для изученія не только историческихъ воззрѣній, но вообще научныхъ стремленій и общественныхъ отношеній столь выдающихся въ умственной русской жизни дѣятелей, какъ К. Д. Кавелинъ, А. С. Хомяковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, С. М. Соловьевъ, Т. Н. Грановскій и наконецъ самъ М. П. Погодинъ. Подробности, сообщаемыя г. Барсуковымъ, вводятъ насъ въ интимный міръ этихъ людей, посвящаютъ въ тайны того процесса, посредствомъ котораго постепенно формировались ихъ несомнѣнныя теперь для насъ ученыя заслуги, какія тернія встрѣчали они на своемъ ученомъ пути. Отмѣтимъ напримѣръ, эпизодъ, касающійся I-го т. «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева.

Въ большинствѣ образованнаго русскаго общества второй половины сороковыхъ годовъ и начала пятидесятыхъ,—авторитетъ Карамзина стоялъ еще столь высоко, что выходъ I-го тома «Исторіи» Соловьева былъ встрѣченъ обществомъ весьма неблагосклонно. Его сочли за дерзкую попытку со стороны молодого ученаго занять мѣсто Карамзина при отсутствіи знаній и заслугъ послѣдняго. Въ этомъ смыслѣ писалъ Погодину гр. Д. А. Толстой, извѣстный министръ народнаго просвѣщенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ (т. XI, стр. 452—453). Самъ С. М. Соловьевъ такъ повѣствуетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о воззрѣніяхъ на начало его «Исторіи»... «Успѣхъ двухъ моихъ диссертацій смутилъ, покоробилъ; сильно обрадовались, когда Погодинъ началъ полемизировать противъ нихъ, но все не было дружнаго, ожесточеннаго нападенія: молодой профессоръ написалъ двѣ диссертаціи, пописываетъ въ журналахъ — этимъ пожалуй все и кончится. И вдругъ, дерзкій издаетъ *Исторію Россіи* — первый томъ, значитъ будутъ и другіе тома! Дерзкій, которому исполнилось только тридцать лѣтъ, въ Карамзины лѣзетъ, хочетъ быть господствующимъ авторитетомъ! Этого нельзя было перенести равнодушно.

Но, разумѣется, прежде всѣхъ не могъ перенести этого равнодушно Погодинъ. Просидѣлъ двадцать слишкомъ лѣтъ на каѳедрѣ, пріобрѣлъ авторитетъ перваго знатока русской исторіи, а на повѣрку что сдѣлалъ? Написалъ двѣ диссертаціи о *Варягахъ* и *Несторѣ*. А этотъ молокососъ не только въ два года своего профессорства написалъ двѣ диссертаціи, но теперь приступилъ къ изданію обширной Исторіи, *хочетъ быть Карамзинымъ*. Что же ему, Погодину, въ гробъ что-ли ложиться? Лучше въ гробъ, чѣмъ стушеваться предъ какимъ-нибудь Соловьевымъ. Одна надежда, что дерзкое предпріятіе рухнетъ, какъ рухнула *Исторія Русскаго Народа* Полевого; но надобно ускорить это паденіе, ополчиться и разнести по камешкамъ зданіе при самомъ его началѣ, разнести фундаментъ. Сотрудниковъ много. Съ шипѣніемъ, съ пѣною у рта собирается около почтеннѣйшаго Михаила Петровича, ставшаго чрезвычайно популярнымъ, дружина — походъ объявленъ. «Москвитянинъ» открылъ свои страницы ругательнымъ статьямъ противъ меня». («Русскій Вѣстн.» 1896, май, стр. 121—122; Барсуковъ, т. XI, стр. 450—451).

Первымъ изъ Погодинской дружины застрѣльщикомъ по «Исторіи Россіи» Соловьева на страницахъ «Москвитянина» явился И. Д. Бѣляевъ, вызвавшій своей анонимной рецензіей весьма оживленную полемику между «Москвитяниномъ» и «Московскими Вѣдомостями», въ которыхъ на защиту Соловьева выступилъ Н. В. Калачовъ. Но этой полемикой не ограничилось впечатлѣніе, произведенное на тогдашнее интеллигентное русское общество I-мъ томомъ «Исторіи Россіи» Соловьева. Всѣ «толстые» петербургскіе журналы, — «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для Чтенія» — помѣстили у себя большія критическія статьи по поводу ея, и нѣкоторыя изъ этихъ статей, какъ напримѣръ статья Кавелина въ «Отечественныхъ Запискахъ», имѣли большое научное значеніе. Столь же сильное впечатлѣніе, положительное и отрицательное, произвели многіе изъ послѣдующихъ томовъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, вызвавши массу критическихъ статей и рецензій, вслѣдствіе чего безъ преувеличенія можно сказать, что это монументальное произведеніе въ русской исторіографіи, выходившее неукоснительно ежегодно по тому въ годъ, съ 1851 по 1879 г., и прерванное лишь кончиною ея ученаго автора, — кромѣ собственныхъ научныхъ достоинствъ, имѣетъ громадное значеніе по тѣмъ статьямъ, которыя оно вызывало своимъ появленіемъ: этими статьями оно создало цѣлую литературу по основнымъ вопросамъ русской исторіи на протяженіи десяти вѣковъ, отъ IX до исхода XVIII-го.

Судьба «Москвитянина» съ 1845—1852 гг. была весьма оригинальна: Погодинъ, при своихъ качествахъ — неаккуратности, скупости и разбро-

санности, не могъ быть хорошимъ редакторомъ, что и подтверждалось въ предшествовавшіе четыре года существованія «Москвитянина». Н. П. Барсуковъ приводитъ весьма интересныя черты изъ этой судьбы, представляющія обильный фактическій матеріалъ для мало разработанной исторіи русской періодической печати. Въ общей сложности матеріалъ, собранный г. Барсуковымъ, заключаетъ въ себѣ *сорокъ три* главы, распредѣленныя по всѣмъ разбираемымъ томамъ (т. VIII, гл. I, III—VI; т. IX, гл. III, V, VI, XXXVIII — XLII, XLVII — XLIX; т. X, гл. XXXIV — XXXVII, XL — XLVI, XLIX; т. XI, гл. VII — XIV, XLIV, XLIX — LIII, LVIII). Вотъ вкратцѣ содержаніе этихъ главъ.

Погодинъ сознавалъ самъ очень хорошо свои недостатки какъ редактора и въ исходѣ 1845 г. обратился за помощью къ И. В. Кирѣевскому, прося его быть «негласнымъ» редакторомъ «Москвитянина». Кирѣевскій съ радостью принялъ это предложеніе, надѣясь сдѣлать «Москвитянинъ» органомъ славянофиловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по своимъ литературнымъ отношеніямъ былъ въ состояніи привлечь къ участію въ «Москвитянинѣ» такихъ литераторовъ, которые не пошли бы на призывъ Погодина. Такъ съ 1845 года начинаютъ участвовать въ этомъ журналѣ, кромѣ самого Кирѣевскаго: Жуковскій и кн. П. А. Вяземскій, — эти корифеи Карамзинской школы. Кирѣевскій мечталъ о томъ, чтобы успѣхомъ «Москвитянина» *задавить* петербургскіе, т. е. западническіе журналы; а Жуковскій, въ своемъ стихотворномъ посланіи къ И. В. Кирѣевскому, такъ напутствовалъ обновленный «Москвитянинъ»:

.... Будь въ своемъ журналѣ
Другъ твердый, а не злой наѣздникъ правды;
Съ журналами другими не воюй,
Ни съ *Библіотекой для Чтенья*, ни
Съ *Записками*, ни съ *Сѣверной Пчелой*,
Ни съ *Русскимъ Вѣстникомъ*. Живи и жить
Давай другимъ; и обладать одинъ
Вселенною читателей не мысли.
Другой же повѣсти я толковать
Тебѣ не стану: мнѣ давно извѣстно,
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смиренно вѣдаешь, куда, зачѣмъ
И кто тебѣ по ней идти велитъ.

Обновленный «Москвитянинъ» имѣлъ успѣхъ: его привѣтствовали и въ Москвѣ, и въ провинціи, гдѣ съ этого времени онъ получаетъ большое распространеніе и сочувствіе; даже «западникъ» Грановскій, имѣвшій, какъ мы видѣли, нѣкоторыя точки соприкосновенія съ Погодинымъ, при-

вѣтствовалъ «Москвитянина», лишь «Отечественныя Записки» руководимыя озлобленнымъ противъ славянофиловъ и Погодина Бѣлинскимъ, ополчились на «Москвитянина». Первымъ бойцомъ въ этой аттакѣ былъ А. И. Герценъ, помѣстившій въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ псевдонимомъ *Ярополка Водянскаго* двѣ остроумныя замѣтки подъ заглавіемъ: «Москвитянинъ и вселенная». Но торжество славянофиловъ и Погодина было непродолжительно. Вскорѣ начались безпорядки въ конторѣ «Москвитянина», и на этой почвѣ произошли столкновенія у Погодина съ Кирѣевскимъ, который въ маѣ мѣсяцѣ оставилъ редакцію «Москвитянина» и уѣхалъ въ свое бѣлевское имѣніе Долбино. Погодинъ снова остался одинъ съ «Москвитяниномъ», тщетно подыскивая себѣ соредактора и намѣреваясь даже продать свое изданіе. Н. П. Барсуковъ умалчиваетъ объ интересномъ эпизодѣ изъ исторіи «Москвитянина» за 1845 — 1852 гг., попыткѣ западниковъ «купить» «Москвитянинъ» у Погодина. Изъ статьи г. Шенрока о Н. М. Языковѣ знакомимся мы съ этимъ эпизодомъ: журналъ Погодина хотѣлъ пріобрѣсти въ 1846 году Герценъ (см. *В. И. Шенрока*, Н. М. Языковъ. «Вѣстн. Европы», 1897 г., кн. XII, стр. 644—648).

Погодинъ изыскивалъ разныя средства для оживленія «Москвитянина» и съ 1846 г. усиливаетъ въ немъ «провинціальный» отдѣлъ, наполняемый корреспонденціями о современной жизни изъ разныхъ мѣстностей земли Русской и свѣдѣніями по мѣстной областной исторіи, археологіи и этнографіи. Погодину удается найти по этому отдѣлу ученыхъ и талантливыхъ сотрудниковъ, изъ числа которыхъ особенно выдаются трое: Максимовичъ, Мельниковъ и Артемьевъ. Давнишній пріятель Погодина М. А. Максимовичъ, многосторонне образованный человѣкъ (естествовѣдъ, филологъ и историкъ), профессоръ двухъ университетовъ — Московскаго и Кіевскаго, въ то время жилъ въ отставкѣ въ Кіевѣ и изрѣдка наѣзжалъ въ Москву. П. И. Мельниковъ, впослѣдствіи столь извѣстный этнографъ-беллетристъ подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, въ сороковыхъ годахъ, незадолго передъ тѣмъ окончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ, служилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а А. И. Артемьевъ, магистръ русской исторіи Казанскаго университета, занималъ въ этомъ университетѣ должность помощника библіотекаря и редактора неоффиціальной части губернскихъ вѣдомостей. Максимовичъ сообщаетъ Погодину свѣдѣнія по Малороссіи, Мельниковъ присылаетъ интересныя статьи по исторіи Нижняго-Новгорода, а Артемьевъ снабжаетъ «Москвитянинъ» правильными періодическими корреспонденціями о выдающихся событіяхъ изъ современной казанской общественной жизни и замѣтками по мѣстной исторіи средняго Поволжья. Провинціальный отдѣлъ «Москвитянина» имѣетъ для своего времени большое значеніе. Въ 40-хъ годахъ и въ началѣ 50-хъ

лишь немногія русскія провинціи, и то какъ исключенія, окраины, пользовавшіяся привиллегіями (Остзейскій край, Сѣверо-Западныя губерніи, Новороссія и Кавказъ) имѣли право издавать свои мѣстныя газеты, всѣ же остальныя довольствовались лишь неоффиціальной частью губернскихъ вѣдомостей, въ большинствѣ случаевъ весьма мало содержательною.

Несмотря на всѣ эти мѣры, внутренніе безпорядки въ редакціи «Москвитянина» не прекращались. Погодинъ изъ-за нихъ чуть-чуть не поссорился даже съ своимъ издавнимъ единомышленникомъ и другомъ С. П. Шевыревымъ и, поручивъ внѣшнюю часть изданія Смирнову, окончательно запустилъ аккуратный выходъ книжекъ журнала. За 1846 годъ, вслѣдствіе заграничнаго путешествія Погодина, выходы книжекъ такъ запаздывали, что къ концу года появились только лѣтніе №№. Остальныя книжки были выданы въ 1847 г., а на 1847 годъ вышло всего только четыре книжки, при энергическомъ участіи въ редакціи молодого литератора Студитскаго. Такая неаккуратность снова вдохновила «Отеч. Записки» и снова вызвала на ихъ страницахъ остроумныя и колкія замѣчанія Герцена, въ которыхъ осмѣивалось заграничное путешествіе Погодина. Въ этомъ же 1847 году Пушкинскій «Современникъ», который превосходилъ въ неаккуратности своего выхода даже Погодинскій «Москвитянинъ», перешелъ отъ П. А. Плетнева въ руки Панаева и Некрасова и явился вторымъ органомъ западническаго направленія, столь враждебнаго Погодину. Въ 1848 году Погодинъ намѣревается передать «Москвитянинъ», то оріенталисту В. В. Григорѣеву, то славянофиламъ, но оба эти намѣренія не исполняются. Въ 1849 г. соредакторомъ Погодина является А. Ѳ. Вельтманъ, но вскорѣ Погодинъ съ нимъ расходится и «Москвитянинъ» дѣлается совершенно безцвѣтнымъ журналомъ.

Съ 1850 года оживляется «Москвитянинъ». Погодинъ становится лишь номинальнымъ редакторомъ, а настоящей душой журнала является кружокъ молодыхъ московскихъ писателей особаго направленія, близкаго къ славянофильству, и извѣстный въ исторіи нашей журналистики подъ именемъ «молодой редакціи Москвитянина». Во главѣ этого кружка стоятъ: знаменитый драматургъ А. Н. Островскій и Т. И. Филипповъ, въ то время скромный учитель одной изъ московскихъ гимназій, а въ настоящее время занимающій высокій постъ государственнаго контролера. Къ этому же кружку принадлежали: А. Ѳ. Писемскій, П. М. Садовскій, А. А. Григорьевъ, Б. Н. Алмазовъ, Е. Н. Эдельсонъ и знаменитый импровизаторъ разсказовъ изъ русскаго народнаго быта И. Ѳ. Горбуновъ. Всѣ эти молодые писатели собирались въ гостиной гр. Е. П. Ростопчиной, литературная дѣятельность которой примыкала, такимъ образомъ, къ молодой редакціи «Москвитянина». У гр. Ростопчиной литераторы этого

кружка встрѣчались съ гр. Е. В. Салліасъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ, съ поэтомъ Л. А. Меемъ и съ едва начинавшимъ въ то время свои шаги на журнальномъ поприщѣ П. И. Бартеневымъ. Кружокъ «молодой редакціи Москвитянина» былъ полонъ «народническихъ идеаловъ», но относился онъ къ народу нѣсколько иначе, чѣмъ правительственная программа императора Николая I, и понималъ его не такъ, какъ понимали и Погодинъ, и славянофилы. «Молодая редакція Москвитянина» была чужда политическихъ взглядовъ, теорій, исходившихъ изъ принципа народности, не смотрѣла на массы русскаго народа, какъ только на остатки русской старины и не искала въ немъ воплощенія абстрактныхъ философски-религіозныхъ началъ славянофильства, а смотрѣла на него гораздо проще, такъ сказать, реальнѣе. Она наблюдала и изучала бытъ простого русскаго человѣка, не затронутаго европейскими вѣяніями Петровской реформы, изображала этотъ бытъ въ цѣломъ рядѣ художественныхъ произведеній, указывала на своеобразныя его проявленія въ рядѣ эстетическихъ и критическихъ очерковъ и собирала матеріалы для дальнѣйшаго его изученія. Н. П. Барсуковъ посвящаетъ *шесть* главъ (гл. VIII—XIII, стр. 58—98 тома XI-го) подробному повѣствованію о всѣхъ членахъ этого кружка. Главный интересъ повѣствованія заключается въ томъ, что всѣ эти главы, за исключеніемъ одной XI-й, написаны почти сплошь на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ Т. И. Филипповымъ, и такимъ образомъ имѣютъ всю привлекательность мемуаровъ, давая читателю живые очерки изъ литературныхъ и общественныхъ московскихъ нравовъ начала 50-хъ годовъ. Весьма естественно, что появленіе на страницахъ «Москвитянина» литературныхъ произведеній Островскаго, Писемскаго и стихотвореній гр. Ростопчиной увеличило число читателей этого журнала и подняло въ публикѣ его значеніе. «Москвитянинъ» становился средоточіемъ журнальной дѣятельности въ Москвѣ, въ чемъ сознавались даже его противники. Погодинъ, занимая при молодой редакціи лишь скромную обязанность московскаго хроникера, оживился отъ успѣха «Москвитянина» и открылъ у себя литературные вечера, на которыхъ читались разными московскими писателями ихъ литературныя произведенія; но такое положеніе дѣлъ не устраняло разныхъ столкновеній Погодина съ членами «молодой редакціи». Многіе изъ сотрудниковъ «Москвитянина» охотно вступали въ сношенія съ Островскимъ и его товарищами, но не желали имѣть дѣла съ Погодинымъ, что приводило его къ мысли совсѣмъ передать журналъ Островскому.

Таковымъ является Погодинъ съ 1845 по 1852 годъ въ своихъ учено-литературныхъ занятіяхъ русской исторіей и «Москвитяниномъ»,

средп того общаго политическаго настроенія, которое создалось подъ вліяніемъ событій 1848 г. Но этими занятіями далеко не исчерпывается все содержаніе многосторонней его личности, живой и отзывчивой на совершавшееся вокругъ. Черты нравственнаго облика Погодина, его человѣческія свойства, положительныя и отрицательныя, рельефно выразились въ 1849 году, по случаю пребыванія въ Москвѣ императора Николая I; на этомъ то эпизодѣ, руководствуясь книгой Н. П. Барсукова, я и позволю себѣ нѣсколько остановиться.

Въ мартѣ 1849 года, великимъ постомъ, императоръ Николай I со всей царской фамиліей посѣтилъ свою первопрестольную столицу и пробылъ въ ней праздникъ Св. Пасхи. Это пребываніе Государя въ Москвѣ имѣло политическое значеніе и ознаменовалось цѣлымъ рядомъ оффиціальныхъ торжествъ, каковыми императоръ Николай I желалъ доказать и своимъ подданнымъ, и западной Европѣ истинность и реальность провозвѣщенныхъ имъ трехъ основныхъ началъ русской общественности: православія, самодержавія и народности. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, могутъ онп лучше и полнѣе выразиться, какъ не въ Москвѣ, въ этомъ сердцѣ Россіи, съ ея православными и самодержавными преданіями, съ особенностями ея населенія? «Говорятъ, Государь хочетъ всю службу страстной недѣли прослушать въ Успенскомъ соборѣ», — писалъ И. С. Аксаковъ своему отцу, — «и вообще крѣпче возобновить свою связь съ народомъ, въ чемъ разумѣется и успѣетъ». (т. X, стр. 221).

Во время этого пребыванія въ Москвѣ Государя, среди всѣхъ торжествъ, начавшихся въ Вербное воскресенье, 27 марта, особенно выдѣляется празднество въ домѣ генералъ-губернатора, повторенное затѣмъ въ залахъ Россійскаго Благороднаго Собранія. Это празднество, называемое современниками «маскарадомъ», состояло въ историко-этнографическомъ наглядномъ «представленіи» силы и мощи самодержавной Россіи. Оно изображало встрѣчу Англійской королевы Елизаветы и ея двора съ Россіей въ видѣ представителей всѣхъ народностей, областей и городовъ и нѣкоторыхъ изъ замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей. Участники и участницы «маскарада» принадлежали къ высшему московскому обществу, къ дворянскому, свѣтскому кругу. Королева Елизавета и ея англійская свита были одѣты въ соотвѣтствующіе костюмы XVI вѣка, а костюмы лицъ, изображавшихъ Россію, отличались анахронизмомъ. Прежде всего въ «маскарадѣ» изображалась не историческая Россія XVI в., а Николаевская Россія половины XIX в. Представители этой «современной» Россіи шествовали на встрѣчу англичанамъ XVI в. по парѣ (мужчина и дама) отъ каждой почти губерніи и области русской, въ предшествіи княжихъ отроковъ въ костюмахъ XVI—XVII вв. Эти губерніи и области располагались исторически,

по мѣрѣ вступленія ихъ въ составъ Россійскаго государства; начинались онѣ Кіевомъ и оканчивались Шемахой и Дербентомъ. Кромѣ того не было единства и системы въ представительствѣ. Сибирь, напримѣръ, не имѣла вовсе представителей своего населенія; ее изображалъ одинъ Ермакъ, слѣдовавшій непосредственно за Дербентомъ и замыкавшій шествіе. Всѣ три остзейскія (прибалтійскія) губерніи вмѣстѣ, затѣмъ Литва, Грузія, Финляндія и Царство Польское, эти отдѣльные этнографическіе районы, имѣли лишь по парѣ представителей, будучи поставлены такимъ образомъ наравнѣ съ отдѣльными коренными русскими губерніями. Малорусское племя и казаки разныхъ мѣстностей были перемѣшаны съ великоруссами. Очевидно, желали дать преимущество основному, коренному, русскому населенію и показать наглядно его фактическое преобладаніе надъ Малорусскимъ племенемъ и надъ инородцами. Изъ всѣхъ знаменитыхъ русскихъ людей удостоились чести быть включенными въ шествіе лишь пять. Шествіе открывалъ полумиоическій Добрыня, дядя Владиміра Святого, а замыкалъ, какъ замѣчено выше, Ермакъ. Съ представителями Костромы шелъ Иванъ Сусанинъ, Нижній-Новгородъ изображался княземъ Пожарскимъ и Мининымъ, а Холмогоры — Ломоносовымъ.

Но московскія торжества были омрачены такъ называемымъ «дѣломъ Петрашевскаго», обнаруженнымъ въ апрѣлѣ 1849 года въ Петербургѣ; изъ частныхъ сборищъ молодыхъ людей, бесѣдовавшихъ о разныхъ соціальныхъ и филантропическихъ вопросахъ, въ томъ числѣ и о крестьянской свободѣ, это дѣло было раздуто въ серьезное тайное политическое общество. Въ то же время, какъ въ историко-этнографическихъ празднествахъ, вся Москва любовалась народной русской одеждой, было объявлено правительственное гоненіе на бороду, это исконное отличіе русскаго народа отъ народовъ западной Европы, какъ на вывѣску «французскаго» свободомыслія. Такимъ образомъ императоръ Николай I заявлялъ совершенно опредѣленно, что помимо оффиціальной программы народности — никакой другой онъ не потерпитъ.

Погодинъ на страницахъ «Москвитянина» распускался въ восторгахъ, описывая пребываніе Царя въ Москвѣ и «торжество» у генералъ-губернатора и въ Россійскомъ Благородномъ Собраніи (онъ не рѣшался называть его маскарадомъ); а въ своемъ «Дневникѣ» и частной перепискѣ «дѣло Петрашевскаго» объяснялъ тлетворнымъ вліяніемъ запада, отравившимъ Петербургъ, но не задѣвшимъ православной Москвы. Статья Погодина «Царь въ Москвѣ», отмѣчавшая въ звучныхъ фразахъ различіе Россіи отъ запада и указывавшая на православіе, самодержавіе и народность, какъ на основы этого различія — написана была совершенно въ духѣ тогдашнихъ правительственныхъ воззрѣній и по выспренности тона напоми-

нала манифестъ императора Николая I отъ 14 марта 1848 года. Эта статья послѣ цѣлаго ряда восторженныхъ пожеланій, начинавшихся съ восклицанія — «да здраствуетъ» и обращенныхъ ко всѣмъ русскимъ сословіямъ, къ представителямъ русской науки и литературы и ко всему «православному народу» — оканчивалась, какъ и манифестъ, молитвеннымъ воззваніемъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» Статья Погодина очень понравилась Государю и получила оффиціальное значеніе. Генералъ-губернаторъ Закревскій просилъ у Погодина разрѣшенія перепечатать ее въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Полицейской газетѣ». Погодинъ былъ въ восторгѣ и надѣялся, что Государь пожелаетъ его видѣть, — чего однако не послѣдовало. Погодинъ между тѣмъ желалъ еще болѣе разъяснить публикѣ значеніе царскаго пребыванія въ Москвѣ, но его желаніямъ былъ положенъ предѣлъ. Онъ обратился въ канцелярію генералъ-губернатора съ просьбой, чтобъ ему былъ выданъ циркуляръ о сообщеніи ему всѣми вѣдомствами свѣдѣній о пребываніи императора Николая I въ Москвѣ, но просьба его не была уважена; написалъ онъ новую статью для «Москвитянина»: «Черты изъ пребыванія царскаго семейства въ Москвѣ», но статья эта не была разрѣшена къ печати. Императоръ Николай I находилъ, что довольно уже напечатано, — очевидно, онъ боялся, что усердіе, перейдя намѣченныя имъ границы, повредитъ тому впечатлѣнію отъ московскихъ торжествъ, на которое онъ, очевидно, разсчитывалъ: кромѣ Погодина излагали свои впечатлѣнія о пребываніи Государя въ Москвѣ, въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, въ прозѣ и стихахъ, Шевыревъ, Хомяковъ, Вельтманъ, Снегиревъ и другіе.

Западники глумились надъ статьею Погодина и устами Герцена назвали ее раболѣпною, но и единомышленники Погодина были ею не совсѣмъ довольны: за нѣкоторыя мѣста статьи «Царь въ Москвѣ» упрекали Погодина его пріятели — И. И. Давыдовъ и архіепископъ Херсонскій Иннокентій. Въ настоящее же время, какъ къ этой статьѣ, такъ и къ оставшимся въ рукописи «Чертамъ», мы можемъ относиться спокойнѣе и безпристрастнѣе. Погодинъ и въ той и въ другой былъ вполнѣ искрененъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ въ обѣихъ статьяхъ писалъ именно то, что думалъ и ощущалъ въ данную минуту; но эти думы и ощущенія, какъ и его историческія воззрѣнія, отличались противорѣчіями и отсутствіемъ цѣльности въ міросозерцаніи.

Во время пребыванія Государя и царской фамиліи въ Москвѣ, Погодинъ знакомится и сближается со многими высокопоставленными людьми: съ генералъ-губернаторомъ гр. Закревскимъ, съ гофмейстеромъ Двора Наслѣдника Цесаревича Д. В. Олсуфьевымъ, съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода гр. Протасовымъ, съ гр. Д. Н. Блудовымъ и его дочерью, граф.

Антониной Дмитріевной. Съ гр. Блудовымъ, какъ съ другомъ Карамзина и членомъ его литературнаго кружка, Погодинъ былъ знакомъ давно; теперь онъ только возобновилъ съ нимъ знакомство, а съ его дочерью познакомился впервые. Онъ велъ оживленныя бесѣды и съ нимъ, и съ нею о задачахъ русскаго просвѣщенія, о славянахъ, о современныхъ политическихъ событіяхъ въ западной Европѣ, о русской исторіи, и слѣды этихъ бесѣдъ сохранились въ интересной перепискѣ Погодина съ гр. Блудовой, возникшей съ 1849 года. Съ этого же времени начинаются у Погодина непосредственныя сношенія съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, которому онъ сообщаетъ свои политическія воззрѣнія на наши западныя отношенія и, главнымъ образомъ, на Восточный вопросъ. Замѣчу кстати, что эти политическія воззрѣнія, которыя позднѣе, во время Крымской войны и въ шестидесятыхъ годахъ, излагались Погодинымъ въ видѣ особыхъ публицистическихъ записокъ, во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательны.

На всѣ эти отношенія съ высокопоставленными людьми Погодинъ возлагалъ большія надежды на исполненіе своихъ честолюбивыхъ помысловъ, что положительно отмѣчается въ его дневникѣ. Мечталъ Погодинъ, что онъ можетъ получить мѣсто помощника попечителя Московскано учебнаго округа; но и мечты о болѣе высокомъ положеніи смущали его. Онъ мечталъ о должности воспитателя при старшемъ сынѣ Наслѣдника Престола (великомъ князѣ Николаѣ Александровичѣ, скончавшемся въ Ниццѣ въ 1865 году), или о званіи «Исторіографа», которое занималъ при императорѣ Александрѣ I — Карамзинъ. Мечтамъ его, однако, не суждено было исполниться, что его весьма естественно раздражало и о чемъ онъ точно также откровенно заносилъ въ свой «Дневникъ». Надо отдать справедливость Погодину, отмѣчая его отношенія къ высокопоставленнымъ лицамъ, что собственно духа приниженности, низкопоклонства незамѣтно съ его стороны въ этихъ отношеніяхъ. Онъ цѣнилъ свои связи съ вліятельными при дворѣ и въ высшемъ управленіи людьми лишь на столько, на сколько видѣлъ въ этомъ пользу для науки и просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ личную выгоду для себя, считая себя — и не безъ основанія — далеко не дюжиннымъ представителемъ русской науки; но онъ не преклонялся, не льстилъ первому попавшемуся царедворцу или случайному сановнику, и въ своихъ отношеніяхъ съ высокопоставленными людьми умѣлъ сохранить самоуваженіе и «благородную упрямку», напоминающую другого замѣчательнаго русскаго простолюдина, прославившаго себя въ области науки и литературы и жившаго за столѣтіе раньше его. Я разумѣю сына архангельскаго рыбака, ставшаго впослѣдствіи русскимъ академикомъ — Ломоносова. Отношенія Погодина къ гр.

С. С. Уварову, С. Г. Строгонову и многимъ изъ поименованныхъ выше лицъ — напоминаютъ отношенія Ломоносова къ Ив. Ив. Шувалову; но столь же рѣзко, какъ Ломоносовъ отзывался о Сумароковѣ — отзывается Погодинъ о новомъ Московскомъ попечителѣ Назимовѣ и другихъ подобныхъ ему «новоявленныхъ» сановникахъ, и столь же упорно какъ и Ломоносовъ, отстаиваетъ Погодинъ свои ученыя заслуги передъ непонимающими дѣло высокопоставленными людьми.

Я представилъ на основаніи обильнаго матеріала, собраннаго Н. П. Барсуковымъ, лишь контуры, абрисы общаго направленія времени съ начала 1845 до начала 1852 г. и личной, ученой и литературной дѣятельности Погодина за это время. Разсматриваемые тома книги Н. П. Барсукова, однако, далеко не ограничиваются этими данными; въ нихъ выводится цѣлая фаланга лицъ изъ міра, какъ литературнаго, такъ и служебнаго, — лицъ имѣвшихъ отношенія къ Погодину, и цѣлый рядъ явленій изъ тогдашней общественной московской и обще-русской жизни, въ которыхъ принималъ участіе Погодинъ. Если бы я захотѣлъ, хотя бы кратко, характеризовать весь этотъ матеріалъ, столь же кратко, какъ я поступалъ доселѣ относительно двухъ указанныхъ выше сторонъ труда г. Барсукова, то мнѣ поневолѣ пришлось бы излагать исторію русской общественности и русской образованности не только за означенные семь лѣтъ, но за несравненно большій хронологическій періодъ, отъ 30-хъ до 50-хъ годовъ включительно, такъ какъ для выясненія общественныхъ и литературныхъ отношеній Погодина во второй половинѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ было бы неизбѣжно коснуться предыдущихъ лѣтъ. А потому я ограничусь указаніемъ лишь на главнѣйшія изъ литературныхъ группъ, съ которыми находился въ общеніи Погодинъ, располагая ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) ближайшіе литературные друзья Погодина; 2) старые писатели Карамзинской школы; 3) литераторы и ученые петербургскіе, современники Погодина; 4) Гоголь и натуральная школа; 5) славянофилы; 6) западники и 7) литераторы и ученые позднѣйшихъ поколѣній 50-хъ годовъ.

1) Ближайшіе литературные друзья Погодина.

Во главѣ этой группы должны быть поставлены И. И. Давыдовъ и С. П. Шевыревъ. Первый изъ нихъ, старшій Погодина по годамъ, его профессоръ, а потомъ сотоварищъ по службѣ, носитель научнаго эклектизма и внѣшняго энциклопедизма, которыми характеризуется высшее русское преподаваніе въ первой четверти XIX вѣка, является представителемъ

той поры русской науки, когда она, лишенная строгой философской основы, представляла возможность одному лицу заниматься столь разнообразными отраслями знанія, какъ русская словесность, математика и классическая филологія. Давыдовъ былъ именно такимъ ученымъ, занимая въ московскомъ университетѣ съ 1817 г. каѳедры философіи, латинской и русской словесности и высшей алгебры и въ свое время руководилъ Погодина въ началѣ его ученой карьеры. Самой этой карьерой Погодинъ былъ ему во многомъ обязанъ. Близкія отношенія Давыдова къ Погодину начинаются со студенчества послѣдняго и подробно излагаются г. Барсуковымъ въ предыдущихъ томахъ «Жизни и трудовъ Погодина». Въ разсматриваемыхъ же идетъ рѣчь о слѣдующихъ фактахъ изъ жизни Давыдова: о назначеніи его директоромъ только что учрежденнаго въ Петербургѣ Главнаго Педагогическаго Института въ 1846 г., объ отъѣздѣ его въ Петербургъ и о предсѣдательствѣ во II-мъ отд. Академіи Наукъ (т. VIII, гл. LVI; т. IX, гл. XXXII; т. XI, гл. LXXIII).

Несравненно болѣе свѣдѣній за 1845—1852 гг. находимъ мы въ книгѣ г. Барсукова о младшемъ сотоварищѣ и учено-литературномъ единомышленникѣ Погодина, С. П. Шевыревѣ, извѣстномъ профессорѣ россійской словесности въ московскомъ университетѣ, эстетическомъ критикѣ и панегиристѣ древней до-Петровской Руси. Здѣсь мы встрѣчаемъ подробный разсказъ о его публичныхъ лекціяхъ въ Москвѣ, возбуждавшихъ въ свое время столько толковъ и противополагаемыхъ его пріятелями публичнымъ лекціямъ Грановскаго, приводившимъ въ восторгъ тогдашнее молодое поколѣніе. Подъ знамя Шевырева становилась старая университетская партія того времени, ему же симпатизировали и охранительные кружки среди московскаго общества. Излагаются здѣсь и университетскія отношенія Шевырева, и отношенія къ Погодину, его ссоры съ нимъ и примиренія, его сотрудничество въ «Москвитянинѣ», и сношенія его съ славянскими учеными, и полемика съ западниками. Спеціально Шевыреву посвящено *восемнадцать* главъ: (т. VIII, гл. XII, XXXVII, XLI, XLVIII, LIII, LVI; т. IX, гл. III, X, XLIV—XLVI, XLVIII—L; т. XI, гл. XXXII, XXXIV, XXXVII, XXXVIII). Кромѣ того, свѣдѣнія о немъ встрѣчаются въ главахъ о «Москвитянинѣ», о Грановскомъ, о Гоголѣ и другихъ.

Третьимъ ученымъ союзникомъ Погодина является знаменитый археографъ П. М. Строевъ, которому Н. П. Барсуковъ посвятилъ особую обширную монографію — «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб., 1878 г. in 8⁰, 668 стр. Съ Строевымъ Погодинъ познакомился въ 1820 г., и долголѣтнія отношенія съ нимъ при занятіяхъ ихъ обоихъ на одномъ поприщѣ изученія русскихъ древностей не могли, само собою, обойтись безъ цѣлаго ряда обоюдныхъ недоразумѣній и даже нѣсколькихъ рѣзкихъ раз-

молвокъ. Не мало передаетъ г. Барсуковъ объ этихъ отношеніяхъ Погодина къ Строеву во всѣхъ предыдущихъ томахъ «Жизни и трудовъ Погодина». Что же касается до ихъ взаимныхъ отношеній 40-хъ годовъ, съ 1845 по 1850, то они являются довольно натянутыми, вслѣдствіе прежнихъ недоразумѣній. Подробному изложенію ихъ г. Барсуковъ посвящаетъ четыре главы (т. VIII, гл. XXI, XXIII; т. IX, гл. XXI и т. X, гл. LV).

Перечень ближайшихъ ученыхъ друзей Погодина былъ бы, однако, неполонъ при отсутствіи четырехъ ученыхъ, дѣятельности которыхъ въ свое время г. Барсуковъ посвятилъ также спеціальную монографію, подъ оригинальнымъ названіемъ «Русскіе палеологи 40-хъ годовъ», Спб., 1880 г. Эти четыре ученые суть: А. М. Кубаревъ, И. П. Сахаровъ, В. М. Ундольскій и О. М. Бодянскій. Имъ отведено во многихъ мѣстахъ разсматриваемыхъ томовъ книги г. Барсукова по нѣскольку очень интересныхъ страницъ.

2) Старые писатели Карамзинской школы.

Изъ этихъ писателей Н. П. Барсуковъ всего болѣе отводитъ мѣста кн. П. А. Вяземскому, извѣстному русскому поэту и публицисту, пережившему нѣсколько литературныхъ поколѣній и до конца своей долгой жизни оставшемуся неизмѣнно вѣрнымъ литературнымъ традиціямъ своей молодости. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что лично Н. П. Барсуковъ былъ близокъ къ самому кн. П. А. Вяземскому, сохранилъ близкія отношенія ко всему его семейству и долго занимался редактированіемъ полнаго собранія его сочиненій, изданныхъ гр. С. Д. Шереметевымъ. Г. Барсуковъ посвящаетъ цѣлую главу (т. IX, гл. XLVI) разсказу о появленіи въ свѣтъ въ 1848 году дѣйствительно весьма интересной и до сихъ поръ не утратившей своего значенія книги кн. П. А. Вяземскаго о Фонвизинѣ; двѣ главы (т. X, гл. XXI, XXII) описанію празднованія въ 1849 г. пятидесятилѣтняго юбилея Жуковскаго въ домѣ кн. Вяземскаго и одна глава — путешествію кн. Вяземскаго на востокъ въ 50-мъ году и его чествованію по возвращеніи оттуда. Кромѣ того, кн. Вяземскій является на многихъ страницахъ, въ качествѣ сотрудника «Москвитянина», на ряду съ В. А. Жуковскимъ, о чемъ была рѣчь выше. Такимъ же писателемъ Карамзинской школы является А. И. Тургеневъ, другъ всей семьи Карамзиныхъ, скончавшійся въ Москвѣ 5 декабря 1845 г. О немъ г. Барсуковъ въ разбираемыхъ томахъ приводитъ немного свѣдѣній, такъ какъ Тургеневъ лишь 14 августа 1845 г. пріѣхалъ въ Москву изъ Парижа и, слѣдовательно, въ этомъ году находился въ общеніи съ Погодинымъ очень короткое время; но данныя, приводимыя г. Барсуковымъ для характеристики этого просвѣщеннаго русскаго филантропа XIX вѣка, и от-

зывъ о немъ Погодина въ высшей степени интересны (т. VIII, гл. XXXI и XXXII).

3) Литераторы и ученые петербургскіе — современники Погодина.

Н. А. Полевой, этотъ предтеча московскихъ западниковъ, закончившій свою литературную дѣятельность, подъ гнетомъ несчастныхъ для него обстоятельствъ, полнымъ подчиненіемъ оффиціальной программѣ народныхъ русскихъ началъ, умеръ 26 февраля 1846 г., и Погодинъ помянулъ его замѣчаніями по поводу біографическаго его очерка, написаннаго Бѣлинскимъ; помянулъ онъ Полевого недобрымъ словомъ за блестящій періодъ его литературной дѣятельности, періодъ «Московскаго Телеграфа»; досталось также порядкомъ и Бѣлинскому (т. VIII, гл. LVII).

Въ близкихъ отношеніяхъ находился Погодинъ къ двумъ ученымъ петербургскимъ — къ Н. И. Надеждину и А. А. Кунику; съ первымъ, перешедшимъ въ 40-хъ годахъ на службу въ Петербургъ, связывали Погодина давнишнія отношенія по продолжительной литературной и журнальной дѣятельности Надеждина въ Москвѣ; второй былъ близокъ къ Погодину въ качествѣ усерднаго послѣдователя Норманской теоріи Байера и Шлёцера (см. т. IX, гл. XIX; т. X, гл. XLVII и т. XI, гл. LXXII).

Представитель каѳедры русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ и Академіи Наукъ Н. Г. Устряловъ, подыскивавшій историческія оправданія политической программѣ императора Николая I, не пользовался симпатіями Погодина, вслѣдствіе личныхъ съ нимъ недружелюбныхъ отношеній, обострившихся изъ-за соперничества на общемъ имъ ученомъ поприщѣ. Погодинъ помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» рѣзкій отзывъ объ «Исторіи» Устрялова извѣстнаго синолога О. Іакинфа Бичурина за неправильныя сужденія по различнымъ вопросамъ, гдѣ исторія Россіи соприкасается съ востокомъ (а такихъ вопросовъ въ русской исторіи немало!) (см. т. VIII, гл. I); но когда Устряловъ въ 1847 г. пріѣхалъ въ Москву для собиранія матеріаловъ по составляемой имъ «Исторіи Петра Великаго», то былъ принятъ очень любезно Погодинымъ. Г. Барсуковъ подробно излагаетъ осмотръ Устряловымъ Погодинскаго «Древлехранилища» и обѣдъ у Погодина въ честь Устрялова и, кромѣ того, сообщаетъ интересный эпизодъ, весьма характерный для той эпохи. Извѣстно, что императоръ Николай I не благоволилъ къ Ал. Петр. Ермолову и, наоборотъ, весьма цѣнилъ И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго и И. И. Дибича; вслѣдствіе взаимныхъ недружелюбныхъ отношеній этихъ трехъ полководцевъ послѣдовало увольненіе Ермолова отъ управленія Кавказомъ. Устряловъ, написавшій въ сороковыхъ годахъ «Историческій обзоръ царствованія императора Николая I», долженъ былъ представить на раз-

смотрѣніе самого Государя эту книгу, при чемъ императоръ Николай I зачеркивалъ и измѣнялъ въ текстѣ Устрялова не только выраженія, но цѣлыя освѣщенія событій; такимъ измѣненіямъ подверглось изображеніе дѣятельности Ермолова на Кавказѣ и отношеній къ нему Паскевича и Дибича (т. IX, гл. XXI). А. П. Ермоловъ, не знавшій всѣхъ этихъ подробностей, приписывалъ все высказанное противъ него лично Устрялову и, разумѣется, имѣлъ все основаніе быть серьезно оскорбленнымъ.

Съ знаменитымъ нѣкогда редакторомъ «Библіотеки для Чтенія» Ос. Ив. Сенковскимъ, Погодинъ былъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, не смотря на то, тотъ не только не раздѣлялъ преклоненія передъ Гоголемъ самого Погодина и людей 40-хъ годовъ, какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ, но жестоко преслѣдовалъ автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» на страницахъ своего журнала (т. VIII, гл. XXXIX).

4) Гоголь и «натуральная школа».

Литературная дѣятельность и самая личность Гоголя, какъ извѣстно, занимаютъ выдающееся положеніе въ умственномъ и общественномъ развитіи Россіи XIX вѣка. Гоголь, талантливо изобразившій въ своихъ произведеніяхъ современную русскую дѣйствительность, является основателемъ художественно-реальной русской прозы и родоначальникомъ цѣлаго литературнаго направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, личныя воззрѣнія Гоголя, политическія и религіозныя, отличавшіяся въ послѣдніе годы его жизни не только ультра-ретроградныхъ направленіемъ, превосходившимъ даже охранительную политическую программу императора Николая I, но выказывавшія въ великомъ русскомъ писателѣ необыкновенный духъ гордыни и самомнѣнія, произвели во всемъ мыслящемъ русскомъ обществѣ, безъ различія партій и направленій, необыкновенно тяжелое впечатлѣніе. И литературныя произведенія и воззрѣнія Гоголя подверглись оцѣнкѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія въ разныхъ литературныхъ и общественныхъ кружкахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Критикомъ - панегиристомъ Гоголя - поэта явились, какъ западники съ Бѣлинскимъ во главѣ, такъ и славянофилы. Первые обратили преимущественное вниманіе на отрицательныя стороны русской дѣйствительности, выступающія въ его «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ» — вторые на положительныя, какъ на изображеніе русскаго быта. Гоголь - мыслитель, выразившійся, главнымъ образомъ, въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», писанныхъ въ 1845—1846 гг. и вышедшихъ въ 1847 г., привлекъ къ себѣ мало симпатій, но возбудилъ противъ себя нападки не только въ лагерѣ прогрессистовъ, но и среди своихъ друзей и поклонниковъ, людей консервативнаго образа мыслей. Н. П. Барсуковъ представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія этого

общаго неблагопріятнаго впечатлѣнія на мыслящихъ русскихъ людей отъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки Гоголя съ друзьями», и матеріалъ этотъ не потерялъ своего значенія даже послѣ всесторонней его обработки г. Шенрокомъ въ его послѣднихъ трудахъ по біографіи Гоголя.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно, нѣкоторые русскіе публицисты «охранительнаго направленія» стремятся убѣдить русскую публику въ томъ, что въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, Гоголь достигъ вершины своего духовнаго развитія и взглянулъ должнымъ образомъ на настоящія потребности и задачи русскаго просвѣщенія съ религіозной, христіанской точки зрѣнія. Самъ Н. П. Барсуковъ раздѣляетъ это воззрѣніе, но сообщаемые имъ же факты приводятъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ.

При появленіи книги Гоголя въ ея защиту энергически высказался, главнымъ образомъ, кн. П А. Вяземскій; выражала ей свое сочувствіе въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ личный другъ Гоголя, А. О. Смирнова; но всѣ остальные литераторы, не исключая даже такихъ старовѣровъ литературы, какъ Погодинъ и Шевыревъ, обрушились на книгу Гоголя. Еще до появленія извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю изъ Зальцбрунна, писалъ С. Т. Аксаковъ, какъ самому Гоголю, такъ и своему сыну И. С. Аксакову, весьма рѣзкіе отзывы о религіозныхъ, общественныхъ и литературныхъ воззрѣніяхъ Гоголя. Въ концѣ декабря 1846 г., когда книга Гоголя была уже отпечатана, но еще не вышла въ свѣтъ, С. Т. Аксаковъ писалъ Гоголю слѣдующія знаменательныя строки:

«Уже давно начало не нравиться мнѣ ваше религіозное направленіе. Не потому, что я, будучи плохимъ христіаниномъ, плохо понималъ его и оттого боялся; но потому, что проявленіе христіанскаго смиренія казалось мнѣ проявленіемъ духовной гордости вашей... Между тѣмъ, ваше новое направленіе развивалось и росло... каждое ваше письмо подтверждало ихъ. Вмѣсто прежнихъ дружескихъ, теплыхъ изліяній, начали появляться наставленія проповѣдника, таинственныя, иногда пророческія, всегда холодныя и, что хуже всего, полныя гордыни въ рубищѣ смиренія... Опасенія мои превратились въ страхъ... Въ это время меня начинала постигать ужасная бѣда: я терялъ безвозвратно зрѣніе... Отчаяніе овладѣло мною. Я излилъ скорбь мою въ вашу душу и получилъ въ отвѣтъ нѣсколько сухихъ и холодныхъ строкъ... Не много было предметовъ, возбуждавшихъ мое душевное участіе; но вы были изъ первыхъ. Тѣлесное здоровье ваше, какъ видно, поправилось и дѣятельность возобновилась; но какая дѣятельность?.. Предисловіе ваше ко второму изданію «Мертвыхъ душъ» поразило меня... и когда Шевыревъ читалъ мнѣ его, то мои стенанія отъ физическихъ мученій замѣнились стенаніями душевными... Вслѣдъ за этимъ разнеслись темные слухи, что въ Петербургѣ печатается цѣлая книга ва-

шихъ сочиненій, состоящая изъ проповѣдей и пророчествъ; ваше признаніе, что все написанное вами до сихъ поръ ничтожно и недостойно вниманія... и наконецъ ваше завѣщаніе, чтобъ не ставили никакого памятника на вашей могилѣ... Вы нѣкогда обвиняли меня въ неполной искренности, вы требовали безпощадной правды,—вотъ она». (См. т. VIII, стр. 527—528).

И. С. Аксаковъ, подъ вліяніемъ А. О. Смирновой, увлекся книгой Гоголя при ея появленіи и на изліяніе своихъ восторговъ отъ нея получилъ отъ отца въ письмѣ отъ 14-го января 1847 г., слѣдующее возраженіе. «Я также прочелъ всю книгу Гоголя. Еслибъ я не имѣлъ утѣшенія думать, что онъ на нѣкоторыхъ предметахъ помѣшался, то жесткимъ бы словомъ я назвалъ его. Я вижу въ Гоголѣ добычу сатанинской гордости, а не христіанскаго смиренія». И. С. Аксаковъ вскорѣ и самъ пришелъ къ заключеніямъ не въ пользу Гоголя; но самымъ ярымъ противникомъ книги Гоголя явился откровенный и задушевный старшій его братъ, К. С. Аксаковъ, обратившійся къ Гоголю съ рѣзкими нападками на его «*важныя* и еще болѣе *важничающія* письма съ ихъ глубокомысліемъ, частью наружнымъ, частью ложнымъ».

Погодинъ былъ лично оскорбленъ книгой Гоголя, гдѣ нашелъ напечатанной весьма для него нелестную свою собственную характеристику и слѣдующую надпись автора на экземплярѣ, имъ присланномъ: «Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, наносящему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того не видящему; Ѳомѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей, — даритъ сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его человѣкъ также грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неопрятнѣйшій его самого». Погодинъ также совершенно справедливо вознегодовалъ на Гоголя за сожженіе его сочиненій и за своеобразныя размышленія на религіозныя темы. Въ «Дневникѣ» своемъ Погодинъ записалъ подъ 10-мъ января 1847 г. о Гоголѣ слѣдующее: «Онъ помѣшался, и пожалѣлъ объ немъ, прочелъ другія мѣста — расхохотался». На другой день, прочитавъ всю книгу, Погодинъ писалъ снова въ своемъ «Дневникѣ». «Увидѣлъ, что Гоголь не хотѣлъ обругать меня и дать публичную оплеуху въ назиданіе, и примирился съ нимъ мыслію. Ни досады, ни огорченія не осталось. А горько то, что онъ все-таки помѣшался, и въ помѣшательствѣ сжегъ свои сочиненія. По сужденіи объ его книгѣ буду судить о людяхъ. Это дастъ мнѣ масштабъ. Много страницъ превосходныхъ. А помѣшательство произвело въ немъ гордость, какъ я видѣлъ уже давно. Онъ считаетъ своею обязанностью учить всѣхъ. Вотъ научилъ и меня! *Христіанство съ апликe, а не серебряное*, Богъ съ нимъ. Радъ, что не сержусь». Выходка Гоголя противъ Погодина весьма естественно возмутила друзей Погодина, и за

него заступились С. Т. Аксаковъ и С. П. Шевыревъ; послѣдній собирался даже напечатать безпощадный разборъ книги Гоголя; написалъ Гоголю и очень откровенное и рѣзкое письмо, самъ Погодинъ. Но черезъ годъ съ небольшимъ боль отъ Гоголевскихъ уколовъ нѣсколько поутихла, и въ 1848 г., Шевыревъ помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» весьма умѣренный разборъ «Переписки съ друзьями»; въ этой статьѣ онъ отказывался объяснить психическое состояніе Гоголя, приведшее его къ сожженію 2-го тома «Мертвыхъ душъ», но сдѣлалъ Гоголю справедливый упрекъ за то, что онъ изъ художника обратился въ дидактика. Жуковскій, жившій въ то время въ Германіи, не одобрялъ появленія въ свѣтъ «Переписки Гоголя съ друзьями».

Но особенно знаменательнымъ является то обстоятельство, что лица духовныя и въ числѣ ихъ столь извѣстные іерархи русской церкви, какъ Московскій митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Херсонскій Иннокентій, отнеслись отрицательно къ книгѣ Гоголя. Группируя факты изъ этихъ отрицательныхъ воззрѣній, сколько намъ извѣстно впервые, г. Барсуковъ выражаетъ сожалѣніе, что онъ «имѣетъ весьма скудныя свѣдѣнія объ отношеніи нашего духовенства къ книгѣ Гоголя» (т. VIII, стр. 561). Дѣйствительно весьма жаль, что почтенный авторъ, склоняясь на сторону Гоголя, не потрудился собрать болѣе подробныя свѣдѣнія по этому любопытному вопросу. Такъ напримѣръ, у него не приводится воззрѣній на «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» архимандрита Ѳеодора, бывшаго въ 50-хъ годахъ профессоромъ и инспекторомъ Казанской Духовной академіи и весьма своеобразнаго богословскаго мыслителя. Архимандритъ Ѳеодоръ, христіанскій мистикъ, видѣлъ въ развитіи истиннаго просвѣщенія и основанной на христіанскихъ началахъ политической и общественной жизни христіанскихъ народностей дальнѣйшее логическое развитіе христіанскаго вѣрованія, потому что Іисусъ Христосъ поставилъ себя на землѣ во всѣ условія человѣческой жизни, все искупилъ цѣною своей крови и служитъ единымъ источникомъ и основаніемъ всякаго блага, истины и красоты. Съ этой точки зрѣнія о. Ѳеодоръ, молодой монахъ, окончившій курсъ въ Московской Духовной академіи въ 1846 г., написалъ въ 1848 г. «Три письма къ Гоголю» (изд. въ Петербургѣ въ 1861 г.), въ которыхъ подробно разобралъ его книгу. О. Ѳеодоръ хотя и называетъ въ нихъ Гоголя «сыномъ Христовымъ», но не можетъ одобрить всѣхъ его воззрѣній, идущихъ въ разрѣзъ съ его собственными. Личность и судьба архимандрита Ѳеодора, человѣка твердаго и искренняго убѣжденія, весьма замѣчательны; но объ этомъ не мѣсто распространяться здѣсь. Замѣчу только во 1-хъ, что въ указанномъ выше духѣ напечатано о. Ѳеодоромъ любопытное изслѣдованіе: «О православіи въ отношеніи къ современности», и во

2-хъ, что убѣдившись въ несоотвѣтствіи своихъ нравственныхъ силъ съ иноческимъ подвигомъ, онъ въ 1863 г. не только вышелъ изъ монашества, но даже женился и скончался, нуждаясь въ самыхъ необходимѣйшихъ средствахъ къ жизни, 2-го апрѣля 1871 г. (См. ст. проф. П. В. Знаменскаго, «Печальное двадцатипятилѣтіе», «Православн. Собесѣдн.», 1896 г. и отд. отт., Казань, 1896 г.).

Но и изъ тѣхъ неполныхъ данныхъ, которыя находятся у г. Барсукова, мы можемъ получить небезъинтересные выводы. Такъ мы видимъ, что митрополитъ Филаретъ заявлялъ, что Гоголь во многомъ заблуждается, а архіепископъ Иннокентій просилъ Гоголя, «не парадировать набожностью, которая любитъ внутреннюю клѣть» и предупреждалъ его, что если онъ будетъ неумѣренъ, то молодежь подниметъ его на смѣхъ и плода не будетъ. Весьма интересны отзывы о книгѣ Гоголя двухъ менѣе извѣстныхъ духовныхъ лицъ: архіепископа Калужскаго Григорія, бывшаго во время появленія книги Гоголя ректоромъ Казанской Духовной академіи, и протоіерея г. Ржева, Тверской губерніи о. Матвѣя Константиновскаго; о послѣднемъ изъ нихъ г. Барсуковъ приводитъ интересныя выдержки изъ воспоминаній Т. И. Филиппова (т. VIII, стр. 563—569). Преосвященный Григорій, уже будучи архіереемъ въ Калугѣ, долго спустя послѣ смерти Гоголя, при оживленномъ разговорѣ о немъ въ одномъ высокопоставленномъ калужскомъ домѣ, произнесъ такой приговоръ о «Перепискѣ Гоголя съ друзьями»: «Э, полноте, — какой онъ богословъ, онъ просто сбившійся съ истиннаго пути пустословъ» (т. VIII, стр. 563). О. Матвѣй, не будучи лично знакомъ съ Гоголемъ, по появленіи его книги, вступилъ съ нимъ въ переписку и въ письмахъ своихъ доказывалъ Гоголю, что его книга должна произвести вредное дѣйствіе, «что онъ дастъ за нее отвѣтъ Богу» и въ видѣ искупленія за свой грѣхъ совѣтуетъ великому русскому писателю бросить имя литератора и идти въ монастырь» (т. VIII, стр. 571).

Если отнеслись такъ къ книгѣ Гоголя его единомышленники, друзья и лица духовныя, то какое же могла она произвести впечатлѣніе среди западниковъ? И дѣйствительно, всѣ писатели этого направленія со старѣйшимъ западникомъ, П. А. Чаадаевымъ, во главѣ, Боткинъ, Анненковъ, Бѣлинскій и другіе, въ своей частной перепискѣ изливаютъ желчь и злобу на Гоголя. Изъ этихъ писемъ широкую извѣстность получило письмо къ Гоголю В. Г. Бѣлинскаго изъ Зальцбрунна отъ 15 іюля 1847 г., разошедшееся въ большомъ количествѣ списковъ. Это письмо, исполненное жара и искренности, заключаетъ въ себѣ самую справедливую и мѣткую характеристику злосчастнаго настроенія Гоголя, выразившагося въ его книгѣ, и помимо нападокъ на Гоголя, по ясно выраженному въ немъ міросозерцанію самого Бѣлинскаго, послужило къ окончательному разрыву

между западниками и славянофилами. Напрасно г. Барсуковъ подчеркиваетъ въ порицательномъ смыслѣ собственныя выраженія Бѣлинскаго, прекрасно характеризующія его настроеніе при прочтеніи книги Гоголя, выраженія, заимствованныя изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину, написаннаго до письма его къ Гоголю; такое настроеніе Бѣлинскаго весьма близко къ настроенію С. Т. Аксакова, указанному выше. Весьма неосторожно и невѣрно характеризуетъ Н. П. Барсуковъ и все западническое направленіе (т. VIII, стр. 579) и заявляетъ, что «нравственное чувство не позволяетъ ему привести письма Бѣлинскаго въ его цѣломъ видѣ» (ibid). Онъ приводитъ лишь выдержки изъ этого письма по списку, принадлежавшему А. А. Краевскому и нынѣ хранящемуся въ отдѣленіи рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Такое воззрѣніе на письмо Бѣлинскаго къ Гоголю можетъ дать невѣрное о немъ представленіе читателямъ книги г. Барсукова, незнакомымъ близко съ литературой умственнаго движенія въ Россіи 40-хъ годовъ. Они даже не будутъ знать, что это письмо задолго до книги г. Барсукова, а именно въ 1855 г., и притомъ въ полномъ видѣ, было напечатано на русскомъ языкѣ, о чемъ умалчиваетъ Н. П. Барсуковъ: письмо это было напечатано Герценомъ въ 1-й книгѣ «Полярной Звѣзды» на 1855-й годъ. Письмо Бѣлинскаго произвело на Гоголя сильное впечатлѣніе и онъ долго не рѣшался отвѣчать ему, и Н. П. Барсуковъ кромѣ отправленннаго Гоголемъ письма къ Бѣлинскому приводитъ, по изданію сочиненій Гоголя П. А. Кулиша, еще другое неотправленное къ нему письмо Гоголя. Эта рукописная полемика западниковъ съ Гоголемъ могла лишь отчасти и весьма неполно, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, найти себѣ мѣсто въ «Отеч. Запискахъ» и въ «Современникѣ». Послѣдній журналъ, въ добавленіе къ помѣщенному въ немъ разбору Бѣлинскаго книги Гоголя, перепечаталъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» рѣзкія письма все по поводу той же книги Гоголя Н. Ф. Павлова. Припомнимъ, что «Московскія Вѣдомости», въ то время были оффиціальной газетой, а Павловъ, близкій со многими западниками, далеко не былъ ихъ единомышленникомъ и состоялъ въ большой дружбѣ съ Шевыревымъ.

Во время появленія «Выбранной переписки съ друзьями», Гоголь находился за границей. Озлобленіе противъ него Погодина было временнымъ, и къ концу 1847 года возобновились ихъ близкія отношенія: Погодинъ, повидимому, увѣровалъ въ истинность воззрѣній Гоголя, забывъ нанесенное ему лично оскорбленіе. Н. П. Барсуковъ не разъясняетъ этого примиренія, но мнѣ кажется, что врядъ ли я буду неправъ, придя къ слѣдующему толкованію. Общая точка зрѣнія Гоголя на отношенія вѣрованія къ разуму, христіанской религіи къ наукѣ и на конечныя задачи русскаго народа — была солидарна съ воззрѣніями Погодина; и еще болѣе Пого-

динъ почувствовалъ къ ней влеченія, благодаря ярымъ нападкамъ на Гоголя западниковъ вообще и Бѣлинскаго въ частности. Этимъ примиреніемъ Погодина съ Гоголемъ объясняется и умѣренный тонъ статьи Шевырева о «Перепискѣ съ друзьями», помѣщенной въ «Москвитянинѣ» 1848 г. Въ январѣ этого года Гоголь изъ Неаполя направился въ Палестину и въ апрѣлѣ уже прибылъ оттуда въ Одессу. Проведя лѣто въ своемъ полтавскомъ имѣніи Васильевкѣ, Гоголь осенью 1848 г. пріѣхалъ въ Москву и остановился у Погодина. Съѣздивъ на короткое время въ Петербургъ, онъ возвратился въ Москву, снова найдя гостепріимный пріютъ у Погодина, и отъ него уже переѣхалъ къ гр. А. П. Толстому (т. IX, гл. LI).

Я не стану долѣе слѣдить за любопытными подробностями, передаваемыми Н. П. Барсуковымъ и относящимися къ дальнѣйшему пребыванію Гоголя въ Москвѣ и къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ съ Погодинымъ. Между ними не только произошло полное примиреніе, но Погодинъ восчувствовалъ къ Гоголю искреннее восхищеніе. Гоголь уже болѣе не покидалъ отечества. Побывавъ нѣсколько разъ на югѣ Россіи, повидавшись съ своей матерью у себя въ деревнѣ, посѣтивъ Аксаковыхъ и А. О. Смирнову въ ихъ деревенскомъ уединеніи, онъ все болѣе и болѣе разрушался и духовно, и физически, и наконецъ тихо скончался въ Москвѣ 21 февраля 1852 г. Всѣмъ этимъ подробностямъ Н. П. Барсуковъ посвящаетъ *одиннадцать* главъ (т. X, гл. XXXVIII и XXXIX; т. XI, гл. XIX, XX, XXI, LXXVI — LXXXI).

Художественный реализмъ въ изящной литературѣ, главнымъ образомъ въ романѣ и повѣсти, завѣщанный Гоголемъ, проявился въ подражаніяхъ Гоголю и подражатели эти, извѣстные подъ именемъ «натуральной школы», вышли изъ среды молодыхъ петербургскихъ писателей западническаго лагеря, а потому были несимпатичны ни славянофиламъ, ни Погодину. Однимъ изъ выдающихся дебютантовъ-писателей «натуральной школы» былъ знаменитый впослѣдствіи И. С. Тургеневъ, который до 1847 г. помѣщалъ свои повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ», и съ 1847 г. началъ печатать въ «Современникѣ» «Записки Охотника».

5) Славянофилы.

Многіе до сихъ поръ, разумѣя подъ славянофилами всѣхъ, кто признаетъ самобытность русскаго народа, симпатизируетъ русской до-Петровской старинѣ и не преклоняется слѣпо передъ западно-европейской цивилизаціей, причисляютъ къ славянофиламъ и Погодина. Между тѣмъ, это большая ошибка. Міросозерцаніе славянофиловъ и міросозерцаніе Погодина существенно различаются и сходство ихъ только внѣшнее.

Славянофилы, сходясь съ Погодинымъ въ любви ко всему русскому, въ особенности къ до-Петровской старинѣ, и въ отрицательномъ отношеніи къ западной Европѣ, существенно отличались отъ него, какъ самыми свойствами своего мышленія, такъ и основами воззрѣній. Въ противуположность Погодину, они были прежде всего апріорными мыслителями-теоретиками съ сильно развитымъ синтезомъ, и на явленія какъ современной русской жизни, такъ и русской исторіи, смотрѣли съ предвзятой, отвлеченно-теоретической точки зрѣнія; а эта точка зрѣнія опредѣлялась ихъ религіозно-нравственными убѣжденіями, исходившими изъ ученія Восточно-православной Христіанской церкви, но сильно измѣненнаго подъ вліяніемъ доктринъ нѣмецкой идеалистической философіи. Русское самодержавіе понимали славянофилы также весьма своеобразно, идеализируя власть Московскаго Царя и не сочувствуя тѣмъ формамъ русскаго государственнаго быта, которыя были заимствованы съ запада Петромъ Великимъ и, по ихъ ученію, насильственно привиты имъ русскому народу. Народъ, народность понимали они въ смыслѣ совокупности своеобразныхъ бытовыхъ и нравственныхъ началъ, присущихъ русскому народу, какъ одному изъ величайшихъ народовъ въ восточномъ европейскомъ мірѣ греко-славянскомъ, во всемъ противоположномъ западно-европейскому міру—романо-германскому. Кромѣ того, славянофилы относились къ оффиціальнымъ сферамъ и къ оффиціальному пониманію «народности» совершенно иначе чѣмъ Погодинъ. Обладая строгой нравственной выдержкой, они отличались большой независимостью и были совершенно чужды тѣмъ честолюбивымъ мечтамъ, которымъ такъ часто предавался Погодинъ. Эту нравственную и общественную независимость славянофиловъ высоко цѣнили и ставили имъ въ большую заслугу даже ихъ общественно-литературные враги — западники. Съ Погодинымъ славянофилы не дружили и изъ нихъ только одинъ Хомяковъ, по старинному знакомству съ Погодинымъ, находился съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Съ семьей Аксаковыхъ, Елагиными и Кирѣевскими — Погодинъ имѣлъ давнишнія литературныя связи, но не всегда дружелюбныя и, какъ мы видѣли, желалъ всячески привлечь ихъ къ своему журналу, что ему, однако, не удалось. Изъ числа младшихъ поколѣній славянофиловъ было нѣсколько слушателей Погодина, и во главѣ ихъ Ю. Ѳ. Самаринъ, только что выступившій въ исходѣ 40-хъ годовъ на литературное поприще.

Н. П. Барсуковъ собралъ очень много интереснаго и важнаго матеріала для изученія славянофиловъ. Передъ читателемъ VIII—XI томовъ его книги проходятъ, съ своими религіозными, общественными и философскими идеалами всѣ названные выше корифеи славянофильскаго направленія и ихъ второстепенные адепты, какъ Д. А. Валуевъ († 1845 г.), Н. М.

Языковъ († 1846 г.) и В. А. Пановъ († 1849 г.). Особенно много мѣста удѣляетъ г. Барсуковъ разсмотрѣнію какъ ученой и публицистической дѣятельности, такъ и обстоятельствамъ жизни Хомякова (т. VIII, гл. XI; т. IX, гл. LII; т. X, гл. I; т. XI, гл. XVI, XVIII, LXXII, LXXVII и LXXVIII), И. С. Аксакова, въ то время далеко не раздѣлявшаго всѣхъ славянофильскихъ воззрѣній (т. VIII, гл. IX, XL; т. X, гл. LVIII—LX; т. XI, гл. XVIII) и Ю. Ѳ. Самарина (т. VIII, гл. XII, XXXIX; т. IX, гл. V и VI; т. X, гл. IV, LVIII; т. XI, гл. XVIII). Въ этихъ главахъ находятся между прочимъ весьма цѣнныя и мало изслѣдованныя данныя по занятію Хомяковымъ, И. С. Аксаковымъ и Самаринымъ русскою исторіею. Также интересны свѣдѣнія о первомъ періодическомъ славянофильскомъ органѣ «Московскомъ Сборникѣ», появившемся въ 1846 и 1847 гг. и запрещенномъ на 1848 годъ (т. VIII, гл. XXXVIII, XXXIX; т. IX, гл. VII и VIII; т. X, гл. LX; т. XI, гл. LXXII).

б) Западники.

Уже изъ отношеній Погодина къ ученымъ школы родового быта и изъ преслѣдованій западниками «Москвитянина» видны до нѣкоторой степени недружелюбныя отношенія Погодина къ западникамъ, которые полагали все наше спасеніе въ дальнѣйшемъ усвоеніи нами западно-европейскаго просвѣщенія, насажденнаго въ Россіи Петромъ Великимъ, и смотрѣли на до-Петровскую Русь, отрѣшенную отъ общей европейской жизни, какъ на страну почти варварскую. Съ западниками, разумѣется, Погодинъ могъ быть еще менѣе солидаренъ, чѣмъ съ славянофилами. Но нужно отдать ему справедливость, что въ нѣкоторыхъ западникахъ онъ цѣнилъ ихъ личныя свойства. Такъ, расходясь съ Грановскимъ въ основныхъ воззрѣніяхъ и считая его печатныя работы въ научномъ отношеніи поверхностными, Погодинъ высоко цѣнилъ его безпристрастіе и ту терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, которую Грановскій всегда проявлялъ по свойственному ему глубокому чувству гуманности и мягкости своей натуры въ противуположность Бѣлинскому. Мы видѣли выше, что въ интимный кругъ лекторовъ для предполагаемаго Шевыревымъ курса чтеній въ «Древлехранилищѣ» Погодина, послѣдній изъ не-своихъ допускалъ одного только Грановскаго. Герцена Погодинъ любилъ за его русскую душу, которая, по справедливому его отзыву, сказывалась въ немъ помимо его воли и вопреки его теоретическимъ воззрѣніямъ. Бѣлинскаго Погодинъ не могъ выносить за его заносчивость и за отсутствіе въ немъ основательнаго научнаго образованія, но когда умеръ Бѣлинскій, Погодинъ помянулъ его теплымъ словомъ. Охарактеризовавъ Бѣлинскаго въ вышеуказанномъ смыслѣ, въ заключе-

ніе некролога онъ писалъ: «Но всетаки Бѣлинскій принадлежалъ къ нашей братіи. Онъ зналъ грамотѣ, развертывалъ съ участіемъ всякую новую русскую книжку и особенно всякій новый нумеръ журнала, читалъ, писалъ, желалъ по своему добра, любилъ просвѣщеніе, сколько понималъ его, былъ бѣденъ — пожалѣемъ же о талантѣ, которому не досталось образованіе, о вкусѣ, которому не случилось изостриться, о благонамѣренности, которая приняла ложное направленіе, о добромъ сердцѣ, которое несчастныя обстоятельства вели къ грубости, и, наконецъ, о способности писать, для которой недоставало предмета. Посвятимъ ему сердечный вздохъ воспоминанія и пожелаемъ, чтобъ разрѣшились его сомнѣнія, чтобъ научилъ онъ молодыхъ людей своею смертію, если не могъ жизнію, трудиться, уважать преданіе, не слишкомъ довѣрять своимъ мечтамъ, переносить съ кротостію и терпѣніемъ всякія невзгоды и всегда, вездѣ, во всемъ больше надѣяться, вѣрить и любить» (т. IX, стр. 340—350).

О Бѣлинскомъ и Грановскомъ въ разсматриваемыхъ томахъ книги Н. П. Барсукова сообщается очень много. Отношенія Бѣлинскаго къ Н. А. Полевому, Гоголю и славянофиламъ, разрывъ его съ «Отечественными Записками», дѣятельное участіе въ возобновленномъ «Современникѣ» и, наконецъ, его заграничное путешествіе и смерть — всѣ эти данныя изъ дѣятельности Бѣлинскаго за два послѣднихъ года его жизни, 1846—1848 гг., изложены весьма подробно въ *двѣнадцати* главахъ (т. VIII, гл. XXXIX, XLII, LVII, LXVI, LXIX, LXX; т. IX, гл. I, II, IV, V, VI, XXXVII). Нельзя, однако, не поставить въ укоръ Н. П. Барсукову, что онъ какъ бы намѣренно желаетъ умалить значеніе Бѣлинскаго, помѣстивъ данныя, касающіяся его смерти въ числѣ другихъ некрологическихъ извѣстій о лицахъ, не только не имѣющихъ ничего общаго съ Бѣлинскимъ, но прямо не соотвѣтствующихъ ему по образу мыслей и житейскому поприщу. Такъ XXXVII-я глава IX-го тома посвящена некрологическимъ замѣткамъ о слѣдующихъ лицахъ, умершихъ въ 1848 году: объ Е. Ѳ. Муравьевой, вдовѣ Мих. Никит. Муравьева; А. А. Прокоповичѣ-Антонскомъ; бывшемъ Московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ А. Г. Щербатовѣ; извѣстной дочери гр. Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, «духовной дочери» архимандрита Фотія, граф. Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой, Бѣлинскомъ и С.-Петербургскомъ митрополитѣ Антоніи. Имя Бѣлинскаго между граф. Орловой и митрополитомъ Антоніемъ поставлено совершенно некстати. Изъ дѣятельности Грановскаго, съ 1845 по 1851 г. включительно, мы имѣемъ свѣдѣнія о его магистерскомъ диспутѣ, о его публичныхъ лекціяхъ, о его семейныхъ дѣлахъ, о его отношеніяхъ къ славянофиламъ, о его полемикѣ съ Хомяковымъ изъ-за Кавелина и, наконецъ, о его докторской диссертаціи «Аббатъ Сугерій», о публичной ея защитѣ и о возникшей по ея по-

воду полемикѣ. Эта полемика весьма любопытна по личностямъ ученыхъ, принимавшихъ въ ней участіе. Рѣзкія ученыя замѣчанія на книгу Грановскаго были сдѣланы на страницахъ «Москвитянина» извѣстнымъ историкомъ и еще болѣе извѣстнымъ впослѣдствіи ученымъ и публицистомъ западническаго направленія, нынѣ здравствующимъ редакторомъ-издателемъ «Вѣстника Европы», М. М. Стасюлевичемъ; возражалъ же ему ученикъ Грановскаго, одинъ изъ видныхъ членовъ западническаго лагеря въ то время историкъ, а потомъ политико-экономъ, И. К. Бабстъ (т. VIII, гл. VII, VIII и XLIII; т. IX, гл. II, VIII; т. X, гл. LXV; т. XI, гл. V, XXXII).

Изъ московскихъ западниковъ г. Барсуковъ передаетъ интересныя подробности о литераторѣ, который съ 1856 г. занялъ выдающееся мѣсто въ русской журналистикѣ, особенно прославивъ себя на поприщѣ политической прессы съ 1863 года; но въ началѣ 50-хъ годовъ литераторъ этотъ пользовался извѣстностью лишь въ тѣсныхъ московскихъ кружкахъ ученыхъ и журналистовъ. Я разумѣю знаменитаго редактора «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей», Мих. Никиф. Каткова. Въ началѣ 1850 года, подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1848 г., каѳедра философіи въ университетахъ была закрыта, и преподаваніе логики и психологіи было поручено профессорамъ православнаго богословія. Мих. Никиф. Катковъ, занимавшій каѳедру философіи въ Московскомъ университетѣ, остался за штатомъ и въ весьма стѣсненномъ денежномъ положеніи. Ему очень хотѣлось занять освободившуюся въ Москвѣ должность цензора, «чтобы спасти нашу бѣдную московскую литературу», по его собственному выраженію, но это назначеніе не состоялось; за то совершенно нежданно-негаданно, въ концѣ 1850 г. онъ получилъ мѣсто редактора «Московскихъ Вѣдомостей», бывшихъ въ то время оффиціальнымъ органомъ Московскаго университета. Г. Барсуковъ приводитъ анекдотическія подробности этого случайнаго назначенія. Опуская эти подробности, замѣчу, что такое случайное назначеніе Каткова имѣетъ серьезный смыслъ не только въ исторіи русской журналистики, но и въ исторіи русскаго общественнаго сознанія. Получивъ мѣсто редактора «Московскихъ Вѣдомостей», Катковъ вступилъ на то поприще публицистики и журнальной дѣятельности, на которомъ впослѣдствіи ему было суждено сыграть такую выдающуюся роль въ дѣлѣ вліянія на русскую публику: всѣмъ извѣстно, что «Русскій Вѣстникъ», а затѣмъ въ особенности «Московскія Вѣдомости», взятыя Катковымъ у Московскаго университета въ 1863 г. въ аренду и издававшіяся имъ совершенно самостоятельно, — имѣли руководящее вліяніе не только на разные слои русскаго общества, но и на правительственныя сферы. Съ 1851 года, занявъ первоначально должность редактора московской газеты,

Катковъ взялъ себѣ въ помощники Вал. Ѳед. Корша, который тоже съ 1863 года сталъ во главѣ другой большой газеты, — «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», если не имѣвшей руководящаго вліянія, какъ газета Каткова, то бывшей въ теченіе многихъ лѣтъ выразительницей воззрѣній петербургскаго либерализма. Начавъ издавать «Русскій Вѣстникъ» въ 1856 г., Катковъ передалъ совершенно редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» В. Ѳ. Коршу, который и издавалъ ихъ до 1862 г. включительно (т. XI, гл. IV, XXXVI).

Изъ петербургскихъ западниковъ въ разсматриваемыхъ томахъ являются, кромѣ Бѣлинскаго, только Некрасовъ, съ его «Петербургскимъ Сборникомъ» (изд. 1846 г.) и «Современникомъ», который онъ началъ издавать вмѣстѣ съ Панаевымъ, съ 1847 г., да И. С. Тургеневъ. Герценъ въ концѣ 1847 года покинулъ Россію, а потому о немъ говорится въ этихъ томахъ лишь мимоходомъ (т. VIII, гл. XLI; т. IX, гл. I—VI; т. XI, гл. XV, XLIV и LX).

7) Литераторы и ученые позднѣйшихъ поколѣній пятидесятыхъ годовъ.

Въ исходѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ пору ожесточенной полемики между западниками и славянофилами, во время зарожденія новой исторической школы родового быта, выступало на общественно-литературную и ученую арену новое поколѣніе писателей, младшее сравнительно съ «людьми сороковыхъ годовъ». Изъ этого поколѣнія въ то время не всѣ еще пріурочили себя къ тому или другому опредѣленному направленію, такъ какъ сами не выяснили еще вполнѣ своихъ задачъ и своего міросозерцанія. Изъ этого поколѣнія мы встрѣчаемъ такія имена, которыя въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ опредѣлились вполнѣ и примкнули или къ западникамъ и славянофиламъ, или, оставаясь внѣ партій, проявили себя съ честію на каѳедрѣ и въ разныхъ отрасляхъ научной дѣятельности.

Во главѣ лицъ этого поколѣнія по праву должно быть поставлено просвѣщенное семейство Майковыхъ, давшее Россіи цѣлый рядъ писателей, художниковъ, поэтовъ и ученыхъ. Старшій изъ сыновей художника-живописца, Николая Аполлоновича Майкова, Аполлонъ Николаевичъ, въ исходѣ сороковыхъ годовъ уже пожиналъ лавры въ качествѣ выдающагося поэта-лирика, а слѣдовавшій за нимъ его братъ Валеріанъ Николаевичъ, двадцатитрехлѣтній даровитый критикъ, замѣстившій съ 1846 г. Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», имѣлъ всѣ данныя вполнѣ затмить его, если бы пожилъ дольше; къ несчастью для русскаго просвѣщенія Валеріанъ Майковъ неожиданно скончался въ 1847 году — на 25 году отъ рожденія.

Изъ московскихъ ученыхъ этого поколѣнія получили со временемъ громкую извѣстность только что выступавшіе въ началѣ пятидесятыхъ годовъ на ученое поприще: П. Н. Кудрявцевъ, П. М. Леонтьевъ, И. К. Бабстъ, М. Н. Капустинъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. С. Тихонравовъ. Въ Петербургѣ дебютировалъ въ изученіяхъ классической древности М. М. Стасюлевичъ своей магистерской диссертаціей «объ Аѳинской игемоніи».

И всѣ эти писатели, всѣ эти ученые находились въ болѣе или менѣе близкомъ общеніи съ Погодинымъ; обо всѣхъ объ нихъ повѣствуетъ Н. П. Барсуковъ, упоминая также и о менѣе извѣстныхъ людяхъ пятидесятыхъ годовъ, какъ напримѣръ, А. Е. Викторовѣ, П. А. Лавровскомъ, П. И. Бартеневѣ, А. И. Георгіевскомъ и друг. (т. IX, гл. XVIII, XXVI; т. X, гл. XLIII; т. XI, гл. IV, XXXV, XXXIX — XLII, XLIII, XLVIII, LVII, LIX).

Этими краткими указаніями на общія умственныя и литературныя теченія въ Россіи второй половины сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія,— среди которыхъ вращался Погодинъ считаю я возможнымъ закончить обзоръ содержанія тт. VIII—XI сочиненія Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», хотя я и далеко не исчерпалъ всего обильнаго и интереснаго матеріала въ нихъ заключающагося. Но и изъ представленнаго обзора, смѣю думать, можно заключить о научной цѣнности тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ новой серіи почтеннаго труда г. Барсукова.

Въ заключеніе, прежде чѣмъ я выскажу окончательное сужденіе о немъ, считаю необходимымъ остановиться на слѣдующихъ частностяхъ, которыя, на мой взглядъ, усугубляютъ значеніе книги г. Барсукова. Во первыхъ, на объемѣ разсматриваемыхъ томовъ. Въ тт. VIII — XI «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» заключается до ста-пятидесяти печатныхъ листовъ или до 2400 страницъ in 8⁰; все изложеніе раздѣлено на 269 главъ и снабжено 1525 №№ ссылокъ на разные источники и пособія. Приведенныя цифры служатъ нагляднымъ показателемъ количества собранныхъ г. Барсуковымъ данныхъ и ясно говорятъ о его трудолюбіи. Во вторыхъ, я останавливаюсь на томъ сочувствіи, которое книга г. Барсукова возбудила къ себѣ въ лицѣ одного изъ старожиловъ Москвы, потомственнаго почетнаго гражданина А. Н. Мамонтова. Г. Мамонтовъ, потерявши зрѣніе еще въ исходѣ семидесятыхъ годовъ и совершенно не зная лично Н. П. Барсукова, но вполнѣ сочувствуя направленію его книги о Погодинѣ, предложилъ ему въ концѣ 1895 г., черезъ московскаго при-

сяжнаго повѣреннаго М. Г. Бажанова, принять на свой счетъ расходы по изданію X и послѣдующихъ томовъ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина». На средства А. Н. Мамонтова изданы X, XI и XII томы этого сочиненія. Въ какомъ положеніи находилась денежная сторона дѣла въ 1894 г. видно изъ слѣдующихъ словъ Н. П. Барсукова въ предисловіи къ IX т. его книги: «Приступая въ 1882 году къ описанію жизни и трудовъ М. П. Погодина, — говоритъ онъ, — я не могъ предвидѣть всѣхъ затрудненій и огорченій, мнѣ предстоявшихъ, а также объема моего сочиненія. Суммы, завѣщанной Софьей Ив. Погодиною (вторая его супруга) на напечатаніе біографіи ея мужа, оказалось достаточнымъ лишь на изданіе двухъ первыхъ книгъ. Слѣдующія книги біографіи, отъ третьей до восьмой включительно, изданы на мои собственныя сбереженія. Истощивъ, такимъ образомъ, всѣ имѣвшіяся у меня денежныя средства, я оказался въ затруднительномъ положеніи относительно печатанія послѣдующихъ книгъ». (т. IX, стр. V). И вотъ при этихъ-то обстоятельствахъ приходитъ на помощь г. Барсукову А. Н. Мамонтовъ. Такой фактъ, какъ рѣдкое явленіе у насъ на Руси, долженъ быть отмѣченъ выраженіемъ глубокой признательности А. Н. Мамонтову со стороны всѣхъ, какъ любилъ выражаться М. П Погодинъ, «друзей русскаго просвѣщенія», помимо всякихъ партій и направленій, къ которымъ они принадлежатъ.

Въ своемъ обзорѣ я старался дать посильное освѣщеніе, какъ достоинствамъ, такъ и недостаткамъ книги Н. П. Барсукова, точно основываясь на одномъ изъ эпиграфовъ, выставленныхъ имъ на его сочиненіи. Эпиграфъ этотъ взятъ изъ наказа персидскаго шаха Насръ-Эддина его исторіографу Риза-Кули-хану и гласитъ: «Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе». Смѣю думать, что почтенный біографъ Погодина не посѣтуетъ на меня за это.

Достоинства разсматриваемаго продолженія біографіи Погодина представлены мною съ достаточными подробностями на предшествующихъ страницахъ; что же касается до недостатковъ, то они, на мой взглядъ, придаютъ книгѣ своеобразное значеніе, а потому подлежатъ серьезному вниманію со стороны рецензентовъ и критиковъ.

Эти недостатки, на которые я указалъ въ началѣ отзыва, могутъ быть подведены къ двумъ основнымъ группамъ. Къ первой относятся отступленія въ сторону, эпизоды, не касающіеся непосредственно Погодина, но сами по себѣ очень интересные. Эти отступленія заслоняютъ передъ читателемъ личность Погодина и значительно расширяютъ рамки историческаго повѣствованія. Вторая группа составляется изъ лирическихъ изліяній Н. П. Барсукова, которыми онъ стремится установить свою точку зрѣнія на передаваемыя имъ событія, или на описываемыя имъ лица. Я на-

звалъ въ началѣ отзыва этотъ субъективизмъ г. Барсукова «политическимъ лиризмомъ» на томъ основаніи, что въ большинствѣ случаевъ біографъ Погодина въ своихъ изліяніяхъ стоитъ на консервативно-охранительной политической почвѣ, высказывая воззрѣнія солидарныя съ оффиціальнымъ пониманіемъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ православія, самодержавія и народности. Вслѣдствіе такихъ недостатковъ повѣсть о жизни и трудахъ Погодина подъ перомъ г. Барсукова является историко-литературнымъ сочиненіемъ, не вполнѣ отвѣчающимъ требованіямъ какъ ученаго историческаго изслѣдованія, такъ и историко-прагматическаго и историко-художественнаго произведенія. Въ немъ не видно предварительнаго критическаго изученія источниковъ и изслѣдованій о Погодинѣ и людяхъ и событіяхъ его времени; не замѣчается опредѣленнаго плана въ распредѣленіи матеріала; отсутствуютъ безпристрастіе и объективность воззрѣній на лица и событія; ощущается недостатокъ яркости красокъ въ изображеніи и образности и выдержанности въ слогѣ и языкѣ. Но самые эти недочеты дѣлаютъ книгу г. Барсукова совершенно исключительнымъ историографическимъ произведеніемъ. Это произведеніе является какъ бы сказаніемъ современника о людяхъ и событіяхъ русскаго XIX вѣка, дополненнымъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ. По характеру своей исторической концепціи и по пріемамъ изложенія, — оно всего болѣе подходитъ подъ опредѣленіе мемуаровъ, отличаясь свойственнымъ всѣмъ мемуарамъ субъективизмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, книга Н. П. Барсукова является однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи развитія русской мысли въ текущемъ столѣтіи; но для надлежащаго пользованія такимъ источникомъ необходимъ самый тщательный историко-критическій его анализъ. Только при этомъ условіи, на основаніи книги Н. П. Барсукова, можно составить нѣсколько ученыхъ монографій и цѣлый рядъ историко-литературныхъ этюдовъ и очерковъ.

Такое воззрѣніе на разсмотрѣнную книгу, само собою, не умаляетъ ея достоинствъ. Насколько она богата содержаніемъ въ смыслѣ историческаго источника ясно видно изъ представленнаго мною ея обзора. Въ дополненіе къ нему я долженъ здѣсь замѣтить, что общій тонъ книги Н. П. Барсукова, не смотря на его политическій лиризмъ, преисполненъ серьезнаго отношенія къ умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ интересамъ русскаго народа и глубокой и искренней вѣрой въ великія судьбы этого народа въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

А потому на основаніи всего вышеизложеннаго, признавая тт. VIII—XI сочиненія: «Жизнь и труды М. П. Погодина» — ученымъ трудомъ, вполнѣ отвѣчающимъ условіямъ, изложеннымъ въ «Положеніи о наградахъ графа Уварова» и принимая во вниманіе, что Императорская Академія

Наукъ уже удостоила этой награды первые семь томовъ того же сочиненія, присудивъ Н. П. Барсукову полную Уваровскую премію, — позволяю себѣ ходатайствовать передъ Императорской Академіей Наукъ о награжденіи и продолженія этого труда, тт. VIII — XI, таковой же полной преміей.

Казань. Апрѣль, 1898 г.

II.

Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ.

Профессора Т. В. Барсова. Спб. 1896 г.

Синодальныя учрежденія прежняго времени.

Профессора Т. В. Барсова. Спб. 1897 г.

Рецензія заслуженнаго профессора, протоіерея **М. Горчакова.**

Двѣ обозначенныя книги, которыя представлены въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе наградъ графа Уварова одна въ 1896 г., а другая въ 1897 г., составляютъ, по своему содержанію, двѣ части одного сочиненія. «Синодальныя учрежденія прежняго времени», разсматриваемыя авторомъ во второй книгѣ, были составными частями устройства «Святѣйшаго Синода въ его прошломъ», какъ церковно-правительственнаго установленія въ Россіи, составляющаго предметъ «изслѣдованія» и содержанія первой книги. Такъ понимаетъ взаимныя отношенія означенныхъ книгъ и самъ ихъ авторъ. Въ предисловіи «къ читателю» второй книги онъ говоритъ: его «изслѣдованіе имѣетъ цѣлію обозрѣть учрежденія, *которыми пользовался Святѣйшій Синодъ* со времени своего существованія до возникновенія нынѣ дѣйствующихъ установленій» и «трудъ этотъ служитъ *продолженіемъ* изслѣдованія «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ». Въ самомъ «изслѣдованіи» о синодальныхъ учрежденіяхъ авторъ на стр. 42-й высказываетъ положеніе: «эти учрежденія мыслились *въ составѣ Святѣйшаго Синода* и дѣйствовали отъ его имени и авторитета, въ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ предлагая свои предположенія и мнѣнія на обсужденіе и утвержденіе всего Святѣйшаго Синода».

Въ то время, какъ Императорская Академія Наукъ удостоила насъ приглашенія (отъ 28 октября 1896 г.) — дать отзывъ о первомъ «изслѣдованіи» г. профессора Барсова, вторая его книга стала по частямъ по-

являться въ видѣ журнальныхъ статей въ «Христіанскомъ чтеніи». Разсмотрѣніе перваго «изслѣдованія» съ необходимостію вызывало насъ ко вниманію и на печатавшееся продолженіе его и располагало насъ къ ожиданію его окончанія. Въ этомъ ожиданіи мы не представили Императорской Академіи Наукъ отзыва о первой книгѣ г. Барсова къ 15 апрѣля 1897 года, — а за тѣмъ въ ноябрѣ того же года мы получили приглашеніе дать отзывъ и о второй книгѣ того же автора. Такимъ образомъ отношеніе обѣихъ книгъ г. Барсова по ихъ содержанію и времени появленія въ печати и представленіе ихъ въ Императорскую Академію Наукъ къ соисканію Уваровскихъ наградъ даетъ намъ основаніе — представить Императорской Академіи Наукъ отзывъ о той и другой книгѣ въ одной рецензіи.

Содержаніе первой книги составляютъ: коротенькое (одна страничка) предисловіе «къ читателю», изложеніе «попытокъ къ улучшенію» и «къ преобразованію духовно-судебной части» (стр. 1 — 193), предпринимавшихся при Св. Синодѣ въ 1864, 1865 и 1870 — 1875 гг., — очеркъ исторіи учрежденія Св. Синода и критическій обзоръ разныхъ воззрѣній касательно учрежденія его и уничтоженія Петромъ I патріаршества (стр. 193—259), сообщеніе свѣдѣній о *личномъ составѣ присутствія Св. Синода* со времени его учрежденія до 1880 года (стр. 259—407) и о «положеніи его въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій (стр. 407—444) и краткое заключеніе (стр. 444 — 446). Этому содержанію первой книги, означенному авторомъ въ ея «Оглавленіи» перечисленіемъ частнѣйшихъ предметовъ, въ ней изложенныхъ, — безъ всякихъ соотвѣтствующихъ заголовковъ о нихъ въ текстѣ «изслѣдованія», дано такое построеніе, которымъ это «изслѣдованіе» г. Барсова весьма рѣзко, при первомъ взглядѣ на «оглавленіе» обѣихъ книгъ, разнится отъ второй его книги.

Вторая книга г. Барсова состоитъ изъ предисловія «къ читателю», введенія (стр. 1 — 2) и *шести* главъ. Въ предисловіи объясняется «цѣль книги», во введеніи указывается на основанія большаго количества учрежденій, существовавшихъ при Св. Синодѣ въ первыя времена его существованія и въ XVIII вѣкѣ. Дѣленіе книги на шесть главъ основывается на данной авторомъ обозрѣваемымъ учрежденіямъ классификаціи. Въ *первой* главѣ (стр. 3 — 40) излагается исторія канцеляріи Св. Синода со времени ея учрежденія до 1872 г. (стр. 35) включительно; во *второй* (стр. 41 — 71) обозрѣваются «конторы при Св. Синодѣ, существовавшія въ теченіе 1721 — 1727 гг.»; въ *третьей* (стр. 72 — 91) — «учрежденія епархіальнаго характера (?) при Святѣйшемъ Синодѣ»; въ *четвертой* (стр. 92 — 120) — «учрежденія синодальнаго правленія»; въ *пятой* — «учрежденія синодальной области въ Москвѣ», — ихъ авторъ насчитываетъ шесть; въ *ше-*

стой (стр. 168—249) — «вотчинныя и финансовыя учрежденія», состоявшія въ вѣдѣніи Св. Синода и относившіяся къ его вѣдомству. Вторая книга г. Барсова, излагающая свое содержаніе на 249-ти страницахъ, построена по опредѣленному плану, имѣетъ свою систему, раздѣляется, на основаніи классификаціи разсматриваемыхъ или обозрѣваемыхъ авторомъ учрежденій, на главы и на §§, — по крайней мѣрѣ во второй и третьей главахъ; каждая глава и отдѣльныя части главъ имѣютъ и въ оглавленіи и въ текстѣ книги частныя заглавія учрежденій, которыя составляютъ предметъ сочиненія. Ничего подобнаго нѣтъ въ *первой книгѣ* того же автора. Въ первой его книгѣ, не смотря на болѣе значительный, чуть не вдвое бо̀льшій, объемъ ея (446 страницъ) противъ второй и не смотря на разнообразіе ея содержанія, не замѣтно ни опредѣленнаго плана, ни системы, ни раздѣленія на главы, отдѣлы или §§. — Самъ авторъ въ предисловіи «къ читателю» объясняетъ, что содержаніе его книги «*по начальному плану предполагалось* ограничить изложеніемъ результатовъ предпринимаемыхъ улучшеній въ административной сферѣ духовнаго вѣдомства; но подведеніе подобныхъ (чему ?) итоговъ переводило мысль (автора) отъ одного *момента* (?) къ другому (?) и *увлекло* вниманіе (его) къ изслѣдованію *вопроса* (!) о Святѣйшемъ Синодѣ, его учрежденіи, составѣ и положеніи». Итакъ, по объясненію самого автора, «начальный планъ» его не выполненъ; въ послѣдующемъ «изслѣдованіи» своемъ онъ переходилъ отъ «одного момента къ другому» (что̀ онъ называетъ моментами, — необъясняется нигдѣ); «къ изслѣдованію вопроса» о Св. Синодѣ онъ не самъ сознательно подошелъ съ опредѣленною цѣлію и съ планомъ, — а его «увлекло» «подведеніе» какихъ-то «итоговъ». Любопытно, что въ первой книгѣ г. Барсова идетъ съ 1-й страницы до послѣдней (449) включительно сплошь, безъ перерывовъ, безъ оглавленій, безъ раздѣленія на главы, отдѣлы или части изложеніе разсужденій и свѣдѣній о разныхъ предметахъ и временахъ. Въ многочисленныхъ мѣстахъ составныя части книги отдѣляются одна отъ другой только знакомъ—(чертою), — а именно: на страницахъ 12, 19, 44, 67, 107, 144, 175, 193, 259, 381, 407, 428, 441 и 444. Еще двумя шрифтами раздѣляется книга на двѣ части: первыя 288 страницъ напечатаны мелкимъ шрифтомъ, а остальныя — болѣе крупнымъ. Между тѣмъ содержаніе книги столь сложно и разнообразно въ частяхъ, а объемъ ея столь великъ, что самъ авторъ нашелъ нужнымъ предпослать ея изложенію «оглавленіе» предметовъ, въ ней разсматриваемыхъ,—безъ повторенія отдѣльныхъ заглавій по частямъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ книги. «Оглавленіе» автора служитъ единственнымъ звѣномъ, связующимъ разнообразные предметы, помѣщенные въ книгѣ. Такое болѣе чѣмъ странное, ни въ какомъ ученомъ сочиненіи не встрѣчающееся, построеніе первой книги г. Барсова объясняется са-

мимъ авторомъ, сообщающимъ свѣдѣніе объ ея происхожденіи. По словамъ автора въ предисловіи «къ читателю», «предлагаемая вниманію читателя подъ настоящимъ заглавіемъ книга представляетъ рядъ статей, періодически помѣщенныхъ въ журналѣ «Христіанское чтеніе», издаваемомъ при С.-Петербургской духовной академіи». Статьи помѣщались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и въ значительномъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сообщались свѣдѣнія, извлеченныя изъ архива Св. Синода, не бывшія въ оборотѣ въ печати и имѣвшія интересъ новости; иныя являлись съ признаками публицистической современности; иногда отличались разнообразіемъ содержанія, иногда излагали предметъ въ такой полнотѣ, въ какой онъ не былъ извѣстенъ въ печати, иногда привлекали вниманіе читателей журнала своимъ заглавіемъ, какъ напримѣръ: «состояніе Святѣйшаго Синода» въ такое то царствованіе, иногда заключали въ себѣ замѣчанія и сужденія автора о нѣкоторыхъ предметахъ, не совпадавшія съ воззрѣніями, ранѣе высказанными имъ въ печати. Вообще многія статьи въ качествѣ *журнальныхъ* имѣли своего рода цѣну, достоинство и успѣхъ среди читателей «Христіанскаго чтенія». Благодаря вниманію къ нимъ читателей, авторъ нашелъ возможнымъ для себя соединить ихъ въ книгу, подъ одну обложку, безъ всякой перемѣны въ ихъ содержаніи, расположеніи и изложеніи, издать ее, какъ «изслѣдованіе вопроса о Святѣйшемъ Синодѣ, его учрежденіи и составѣ», дать ей заглавіе «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ» и представить ее въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе награды гр. Уварова.

Но извѣстно, что рецензентъ представляемаго къ соисканію наградъ гр. Уварова сочиненія, на основаніи Положенія о сихъ наградахъ, обязанъ разсматривать представленную книгу, не какъ «рядъ журнальныхъ статей», а какъ ученое сочиненіе, и «основывать свой приговоръ на отчетливомъ разсмотрѣніи содержанія сочиненія и его достоинствъ и недостатковъ, съ подробнымъ объясненіемъ тѣхъ и другихъ въ своей рецензіи» (§ 22 Положенія).

Разсматриваемая, въ качествѣ ученаго изслѣдованія, книга г. Барсова, изданная подъ громкимъ заглавіемъ «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ», къ глубокому нашему сожалѣнію, далеко не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, какія возбуждаетъ въ читателѣ ея названіе: ея названіе мало соотвѣтствуетъ ея содержанію; въ ея изложеніи нѣтъ ни единства и цѣльности содержанія, ни логической связи, ни исторической послѣдовательности, ни юридической конструкціи и вообще никакого основанія къ оправданію ея построенія.

Прежде всего слѣдуетъ указать на то, что названіе книги далеко не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Бо̀льшая половина книги посвящена не

«изслѣдованію вопроса о Святѣйшемъ Синодѣ» въ его прошломъ, а изложенію «попытокъ къ улучшенію духовно-судебной части», «предначертаній къ преобразованію духовно-судебной части», «сужденій и мнѣній о проэктѣ духовно-судебной реформы», «предначертаній объ измѣненіи существующаго порядка разрѣшенія жалобъ на рѣшенія Святѣйшаго Синода» (стр. 1 — 193), составлявшихся въ 1864, 1865 и 1870 — 1875 гг., — и сообщенію свѣдѣній объ образованіи Министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, учрежденнаго въ 1817 и упраздненнаго въ 1824 г. (стр. 326 — 339), и о происхожденіи въ «духовномъ вѣдомствѣ» такихъ учрежденій, какъ «Отдѣленіе дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія» (стр. 348 — 350), Канцеляріи Оберъ-прокурора Св. Синода (стр. 350 — 356), Хозяйственнаго Комитета, Контроля, Хозяйственнаго и Духовно-учебнаго управленій при Св. Синодѣ (стр. 357—369). О происхожденіи, строѣ, составѣ, предметахъ вѣдѣнія и объ отношеніяхъ названныхъ учрежденій «духовнаго вѣдомства» слѣдовало бы автору говорить не въ первой его книгѣ, а во второй, въ которой онъ излагаетъ «синодальныя учрежденія прежняго времени».

Авторъ книги съ заглавіемъ «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ» въ обращеніи своемъ «къ читателю» высказываетъ, что въ его книгѣ содержится «изслѣдованіе вопроса о Св. Синодѣ, его учрежденіи, составѣ и положеніи». Но «изслѣдованіемъ вопроса объ учрежденіи, составѣ и положеніи» Св. Синода далеко не исчерпывается все содержаніе предмета, который обозначается заглавіемъ книги — «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ». «Св. Синодъ въ его прошломъ» въ исторіи и строѣ Русской церкви, въ его отношеніяхъ къ прочимъ помѣстнымъ правосавнымъ церквамъ, нѣкоторымъ инославнымъ церквамъ и государственной власти, по видамъ власти и предметамъ вѣдѣнія — предметъ величайшей, первостепенной важности въ наукахъ церковной исторіи и церковнаго права. Въ *научномъ* «изслѣдованіи о Святѣйшемъ Синодѣ», въ качествѣ высшаго правительственнаго установленія Русской церкви, должны быть представлены, разъяснены и разсмотрѣны: I. его устройство, слагающееся изъ присутствія и учрежденій, при немъ состоящихъ; II. объемъ и виды въ разныя времена принадлежащей ему власти — законодательной, распорядительной, административной или управляющей, надзирающей и судебной; III. многочисленные предметы, подлежавшіе въ разныя времена его вѣдѣнію; IV. разнообразныя формы отправленій различныхъ видовъ власти по предметамъ его вѣдѣнія; V. отношенія представительства его отъ Русской церкви предъ другими церквами и формы сношеній его съ ними; и VI. отношенія къ государственной власти. На такую конструкцію изслѣдованія о Св. Синодѣ могла бы навести г. Барсова и существующая

русская литература о Св. Синодѣ [1]), совершенно имъ игнорируемая. Въ книгѣ же его сообщаются лишь нѣкоторыя свѣдѣнія и воззрѣнія «объ учрежденіи Св. Синода» (стр. 193 — 204), «руководственныя начала» церковной «реформы Петра Великаго» (стр. 209—243), факты о перемѣнахъ *въ личномъ составѣ присутствія Св. Синода* и историческій очеркъ «положенія Св. Синода въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій за время 1721—1817 гг.» (стр. 407—444) съ нѣкоторыми замѣчаніями объ этомъ положеніи въ «заключеніи» книги (стр. 444—446). Указанныя сообщенія г. Барсова составляютъ лишь частичку того, что *должно* быть изложено въ книгѣ, изданной подъ названіемъ «Св. Синодъ въ его прошломъ».

Въ первой книгѣ г. Барсова не соблюдена историческая послѣдовательность въ изложеніи событій, въ ней приводимыхъ. Въ первыхъ статьяхъ книги (стр. 13—193) сообщаются свѣдѣнія о «попыткахъ» и «предначертаніяхъ къ преобразованію духовно-судебной части», бывшихъ въ 1864, 1865—1867, 1870—1875 и въ 1885 (стр. 175—193); за тѣмъ говорится объ учрежденіи Св. Синода въ 1721 г. (стр. 193 — 209), а на послѣдующихъ страницахъ (243—259) о патріаршествѣ въ восточной церкви, объ учрежденіи патріаршества въ Россіи въ 1589 и упраздненіи его въ 1700 г.,— потомъ авторъ снова возвращается къ началу существованія Св. Синода и затѣмъ ведетъ хронологическія указанія перемѣнъ въ личномъ составѣ синодальнаго присутствія отъ 1721 до 1880 г.

Противъ логической послѣдовательности авторъ книги погрѣшаетъ при переходахъ отъ предметовъ однихъ статей къ статьямъ о другихъ предметахъ. Авторъ соединяетъ статьи не логическимъ развитіемъ мыслей, а переходными фразами, подобными пріемамъ журнальныхъ обозрѣвателей и даже фельетонистовъ, въ одной и той же статьѣ толкующихъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, сцѣпляя ихъ между собою фразами своеобразнаго остроумія. Ясные примѣры подобнаго соединенія статей въ книгѣ г. Барсова имѣются на стр. 144, 193—194, 243, 252 и др.

Недостатокъ юридической конструкціи въ первой книгѣ г. Барсова, ясно обнаруживается, между прочимъ, изъ сопоставленія нѣкоторыхъ ея мѣстъ. Такъ въ предисловіи «къ читателю» авторъ говоритъ, что его журнальныя «статьи, по начальному плану, предполагалось ограничить изложеніемъ результатовъ предпринимавшихся улучшеній *въ административной сферѣ* духовнаго вѣдомства». Но на страницахъ 1—193 книги авторъ излагаетъ, по его же словамъ, напримѣръ, въ «оглавленіи» «состояніе *духов-*

---

1) Востокова, Св. Синодъ при Императорѣ Петрѣ I (Журн. Мин. Нар. Пр., 1875 г. іюль, августъ и др.); Вл. Попова «О Св. Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I», Спб., 1881; Ѳ. Журданія «Св. Синодъ при Петрѣ Вел.», Тифлисъ, 1882; Н. Ольшевскаго «Св. Прав. Синодъ при Петрѣ Вел.», Кіевъ, 1894.

но-судебной части», «попытки къ улучшенію *духовно-судебной части* и т. п.». О проектахъ же преобразованія и улучшенія административной части въ духовномъ вѣдомствѣ въ книгѣ автора ничего не говорится; но иногда употребляются термины: «органы духовной администраціи и суда» (стр. 1), «*судебно-административная среда*» (стр. 10), дѣла «духовно-административныя и судебныя» (стр. 2) и т. п. И термины, и предметы, ими выражаемые, точно не разграничиваются въ приведенныхъ выраженіяхъ автора.

Въ общемъ книга г. Барсова, по внѣшнему построенію, есть *механическое* въ одной обложкѣ и подъ однимъ заголовкомъ соединеніе журнальныхъ статей, разновременно, «періодически», и по различнымъ предметамъ печатавшихся въ «Христіанскомъ чтеніи».

При неудовлетворительномъ внѣшнемъ построеніи, книга г. Барсова, по своему содержанію, въ отдѣльныхъ составныхъ ея частяхъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Справедливость требуетъ указать — что̀ авторъ ея внесъ въ нашу церковно-историческую литературу новаго и полезнаго этимъ своимъ «изслѣдованіемъ».

Самымъ названіемъ книги профессоръ Барсовъ указываетъ на необходимость научной всесторонней разработки исторіи Св. Синода. Это указаніе со стороны профессора духовной академіи служитъ свидѣтельствомъ того, что наступило время для таковой разработки. Его книгою дѣлается призывъ къ этой работѣ и въ нѣкоторой степени починъ...

Въ книгѣ г. Барсова *впервые* появились печатно и въ соединеніи свѣдѣнія о неоднократныхъ попыткахъ къ преобразованію церковно-судебной части, предпринимавшихся въ теченіе 1864 — 1875 гг. Изложеніе этихъ попытокъ можетъ содѣйствовать къ выясненію того пути, по которому должно идти новое предначертаніе къ улучшенію той же части. Въ этомъ изложеніи есть матеріалы для выясненія способовъ приготовленія при Св. Синодѣ проектовъ новыхъ законовъ и процесса происхожденія ихъ.

Съ особенною подробностію изложенъ въ книгѣ ходъ занятій «Высочайше учрежденнаго 12 января 1870 г. Комитета для составленія основныхъ положеній преобразованія судебной части по духовному вѣдомству». Занятія этого Комитета, составившаго значительное количество отпечатанныхъ, но оставшихся недоступными для общаго пользованія, записокъ, журналовъ, протоколовъ и проектовъ, подавали во все время его существованія (1870—1875 гг.) поводъ къ появленію въ періодической печати, въ журналахъ и газетахъ, — многочисленныхъ статей, и также отдѣльныхъ монографій, брошюръ и книгъ, по предметамъ церковно-суднаго права, церковнаго судоустройства и судопроизводства. Составленный и принятый большинствомъ членовъ Комитета проектъ судоустройства въ церкви вызвалъ мнѣнія и отзывы *всѣхъ* епархіальныхъ духовныхъ консисторій и *всѣхъ*

епархіальныхъ преосвященныхъ. Мнѣнія и отзывы тѣхъ и другихъ также отпечатаны. Образовалась такимъ образомъ цѣлая литература по вопросамъ и предметамъ о церковно-судномъ правѣ, судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Но она не вся и не всѣмъ доступна; между тѣмъ въ ней выразились разныя направленія правосознанія русскаго духовенства, общества и отчасти представителей русской юридической науки и государственныхъ вѣдомствъ по вопросамъ церковнаго права. Профессоръ Барсовъ самъ былъ членомъ означеннаго Комитета. Онъ имѣлъ возможность собирать всѣ печатные документы, касающіеся занятій Комитета, и, безъ сомнѣнія, внимательно слѣдилъ за всѣми явленіями, имѣющими отношеніе къ этимъ занятіямъ. Въ разсматриваемой книгѣ его *впервые* въ печати представлены и изложены, на основаніи подлинныхъ документовъ, различныя воззрѣнія, мнѣнія и отзывы о церковномъ судоустройствѣ, выразившіяся въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ Россіи, — какъ въ печати, такъ и въ спеціальномъ Комитетѣ. Свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ книги, изложены обстоятельно, стройно и ясно и сдѣлались теперь, чрезъ его книгу, общимъ достояніемъ лицъ, интересующихся предметами занятій Комитета.

Въ помѣщенныхъ въ книгѣ статьяхъ объ учрежденіи Св. Синода и объ уничтоженіи патріаршества въ Россіи, г. Барсовъ весьма удачно полемизируетъ, между прочимъ, съ авторомъ появившейся въ 1891 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ статьи подъ заглавіемъ «О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи». Опровергаемая статья, по распространеннымъ послѣ ея появленія слухамъ, имѣла оффиціозное происхожденіе, напечатана была въ смыслѣ подготовительнаго оправданія предлагавшейся новой политики со стороны представителей государственнаго надзора въ церкви въ отношеніи къ управленію имуществомъ и хозяйствомъ церквей и монастырей и проводила совершенно новый, ни до того, ни послѣ того времени нигдѣ не высказывавшійся, взглядъ на ходъ всей исторіи Русской церкви. Авторомъ опровергаемой статьи, между прочимъ, утверждается и развивается теорія, что во всей древней исторіи Россіи шла борьба между церковною и государственною властью и что церковная реформа Петра I была «совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей», произведена будто бы «по указанію идеала древней вселенской церкви до IV в.», и прекратила означенную борьбу основаніемъ Св. Синода, учрежденнаго по волѣ Монарха. Статья эта вызвала въ журналахъ нѣсколько полемическихъ возраженій и опроверженій. Проф. Барсовъ довольно подробно, основательно и успѣшно опровергаетъ (стр. 209 — 259) многія положенія означенной теоріи и статьи.

Въ статьяхъ подъ заглавіемъ «Святѣйшій Синодъ въ царствованіе» того или другаго монарха г. Барсовъ помѣстилъ очень много извлечен-

ныхъ имъ изъ архивныхъ документовъ и печатныхъ изданій свѣдѣній о перемѣнахъ въ личномъ составѣ присутствія Св. Синода за время 1721—1880 гг. Здѣсь *впервые* въ печати предлагается, по всей вѣроятности полный, перечень членовъ и присутствующихъ іерарховъ въ Св. Синодѣ за означенное время. Для составленія этого перечня требовалось не мало труда, настойчивости и терпѣнія въ отысканіи и наведеніи справокъ объ отдѣльныхъ лицахъ, входившихъ въ то или другое время въ составъ присутствія Св. Синода. Авторъ книги первый подалъ въ литературѣ примѣръ полнаго хронологическаго обзора одной изъ составныхъ частей строя Св. Синода, т. е. личнаго состава его присутствія. Составитель обзора приводитъ имена членовъ и присутствующихъ большею частію съ указаніемъ времени назначенія ихъ въ составъ присутствія и выбытія изъ него по случаю смерти или назначенія на другое мѣсто, или Высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ епархію. Иногда помѣщаются Высочайшіе рескрипты тому или другому синодальному члену (напр. на стр. 325, 342, 343, 369—370, 402) въ видѣ оцѣнки его дѣятельности или личныхъ качествъ. Но нигдѣ авторъ книги не даетъ своихъ указаній на направленіе дѣятельности лицъ, входившихъ въ составъ присутствія Синода. О смерти нѣкоторыхъ іерарховъ говорится въ книгѣ значительно подробно (напр. стр. 400 и слѣд.); но преимущественно весьма кратко, въ видѣ указанія года. Во многихъ мѣстахъ книги заразъ перечисляются, по именамъ, лица, засѣдавшія въ Св. Синодѣ (см. стр. 261, 271, 276, 289, 318, 322, 326, 347, 375, 378, 398 и др.), а въ другихъ случаяхъ приводятся частичныя перемѣны въ синодальномъ составѣ. Перемѣны личнаго состава Св. Синода въ нѣкоторыя царствованія были такъ часты, такъ стремительны, что перечисленіе и чтеніе именъ смѣняющихся лицъ становится утомительнымъ и наводящимъ скуку. Самъ составитель иногда находитъ нужнымъ представлять простой «списокъ» архіереевъ (стр. 375 подъ строкою), «которые смѣняли другъ друга» въ присутствіи Св. Синода. Неудобства принятаго составителемъ книги изложенія перемѣнъ въ личномъ составѣ Св. Синода могли бы въ значительной степени быть устранены составленіемъ такой таблицы, въ которой бы въ хронологическомъ порядкѣ показывалось время вступленія опредѣленныхъ лицъ въ составъ синодальнаго присутствія и выбытія ихъ изъ онаго.

Есть въ книгѣ и иные недостатки частные — болѣе или менѣе крупные и мелкіе, неопредѣленности, неясности, неточности въ содержаніи и въ изложеніи, — въ языкѣ иногда своеобразная вычурность и темнота; но указаніе ихъ не можетъ прибавить въ представленной нами характеристикѣ книги какихъ либо новыхъ характерныхъ признаковъ. Потому мы можемъ оставить ихъ безъ указаній во избѣжаніе длинноты нашей рецензіи.

Высказываются авторомъ книги спорныя мнѣнія и воззрѣнія, съ которыми мы не можемъ согласиться. Не входя въ споръ съ авторомъ по многимъ его мнѣніямъ, мы не можемъ оставить безъ возраженія, опроверженія и исправленія выраженнаго имъ на стр. 208-й положенія относительно цѣли церковной реформы, произведенной Петромъ I чрезъ учрежденіе Св. Синода. По словамъ профессора Т. В. Барсова, «*въ планахъ великаго преобразователя, осуществленныхъ въ совершенной имъ церковной реформѣ, трудно указать иную цѣль, кромѣ принятаго намѣренія ограничить вѣдомство церкви и стѣснить ея вліяніе*». Съ этимъ положеніемъ, мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться. Высказанное въ приведенныхъ словахъ воззрѣніе на цѣль церковной реформы Петра принадлежитъ не исключительно г. Барсову, но много разъ выражалось и въ литературѣ русской и заграничной, и высказывалось и высказывается въ разговорныхъ сужденіяхъ о церковной реформѣ Петра I. Были извѣстны, какъ вѣрно говоритъ авторъ книги, глухіе и открытые протесты противъ учрежденія Св. Синода и замѣны имъ патріаршества въ XVIII в. (напр. Маркелла Радышевскаго и нѣкоторыхъ высшихъ іерарховъ). Не прекращается порицаніе «Духовнаго Коллегіума» и въ XIX в. Не далѣе, какъ въ 1896 г. отпечатанъ въ Браиловѣ на русскомъ языкѣ довольно большой по объему, безмѣрно неприличный по выходкамъ, на «Духовный Коллегіумъ» памфлетъ, составленный, судя по тону и содержанію его, *совмѣстно* крайними приверженцами старообрядчества австрійской іерархіи, фанаріотовъ и «національной свободы» Грузинской церкви. Но всегда были и теперь есть такіе безусловные защитники церковной реформы Петра, которые усматриваютъ въ ней даже возстановленіе устройства церкви первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Необходимо установить научно правильное, на историческихъ основаніяхъ, пониманіе происхожденія церковной реформы Петра, чтобы произносить вѣрное сужденіе объ ея цѣли.

Правильное пониманіе отношеній къ церковной реформѣ XVIII самаго преобразователя можетъ быть установлено и составлено лишь въ связи съ господствовавшими въ Петровское время среди всѣхъ просвѣщенныхъ людей Западной Европы воззрѣній на форму и виды *наилучшаго* устройства правительственныхъ учрежденій—государственныхъ и церковныхъ— и на отношеніе верховной власти монарховъ къ устройству и управленію государства и церкви. Возникновеніе и образованіе упомянутыхъ воззрѣній началось вмѣстѣ съ религіозною реформаціею XVI в. въ Западной Европѣ,—развитіе и обоснованіе ихъ совершались въ теченіе XVII вѣка, повсемѣстное распространеніе ихъ между просвѣщенными людьми и проведеніе ихъ въ законодательство и въ жизнь народовъ и государствъ въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка.

Религіозная реформація XVI вѣка на Западѣ была *протестомъ* противъ всемірной власти папы и противъ власти уполномоченныхъ отъ него въ разныхъ странахъ и государствахъ лицъ — епископовъ и другихъ прелатовъ. Протестантами выдвинуты были вмѣсто верховной власти римскаго первосвященника *верховныя права* (Summa potestas или Summum imperium) *монарховъ*,—каждаго въ его государственной территоріи. По воззрѣніямъ протестантовъ, не римскій папа — caput ecclesiae и summus episcopus, а монархъ страны въ предѣлахъ ея территоріи, сначала по крайней мѣрѣ по отношенію къ исповѣдникамъ протестантскаго вѣроученія, а потомъ и католическаго (территоріальная система отношеній между государствомъ и церковію). Одновременно съ происхожденіемъ и образованіемъ указанныхъ воззрѣній на *субъектъ верховной власти* въ государствѣ измѣнялись средневѣковыя понятія о существѣ и назначеніи государства, какъ учрежденія. «Вотчинное государство» преобразовывалось въ такъ называемое полицейское или, вѣрнѣе, полицейско-правовое. Монархъ страны перестаетъ быть феодальнымъ господиномъ, вотчинникомъ страны и ея населенія, — а становится отъ самаго Бога поставленнымъ обладателемъ верховныхъ правъ въ странѣ для блага народа, населяющаго территорію государства. Соотвѣтственно измѣненію понятій о существѣ государства и власти монарховъ, измѣняется и отношеніе монарховъ къ населенію ихъ государствъ и значеніе органовъ, чрезъ которые они дѣйствуютъ въ предѣлахъ ихъ территорій. Въ отношеніи къ населенію монархъ дѣйствуетъ не въ силу своей свободной воли, *не по произволу*, а *для благосостоянія народа по опредѣленнымъ законамъ*. Должностные лица—уже не уполномоченные монарха—*вотчинника*, дѣйствующіе въ угоду ему, во исполненіе его воли,—а исполнители законовъ (регламентовъ), изданныхъ монархомъ ко благу населенія. Наилучшими проводниками законовъ въ жизнь народовъ, исполнителями регламентовъ, могутъ быть не отдѣльныя лица, а *коллегіи*, — корпораціи, организованныя законодательствами и обязанныя дѣйствовать, при исполненіи законовъ, въ виду и съ цѣлію благосостоянія народовъ и страны и подъ надзоромъ *блюстителей* закона,—прокуроровъ, которые имѣютъ значеніе «ока царева». Верховныя права (jura reservata) удерживаются и сохраняются за монархами, — а распорядительная и исполнительная власть (jura vicaria) передается коллегіямъ въ предѣлахъ отведеннаго каждой изъ нихъ по регламенту вѣдомства. Церковь и религіозная жизнь населенія страны есть одна изъ сторонъ народной жизни. Она должна быть организована соотвѣтственно устройству другихъ сторонъ народной жизни, изъ совокупности которыхъ слагается строй государства. — Приведенныя нами положенія развивались и обосновывались всѣми протестантскими правовѣдами и философами права, политиками и государственными людьми XVII в.

въ Западной Европѣ. Главными представителями новаго направленія въ наукѣ государственнаго права и юриспруденціи въ XVII вѣкѣ были Гуго-Гроцій, Боденъ, Гоббезъ, Спиноза, Пуффендорфъ, Лейбницъ, Томазій и др. Всѣ они развивали изложенныя идеи въ своихъ сочиненіяхъ и въ сношеніяхъ съ своими современниками. Съ конца XVII в. и въ началѣ XVIII эти идеи проводились въ законодательство и въ жизнь разныхъ государствъ, и, между прочимъ, Швеціи. Всѣ просвѣщенные люди начала XVIII в. были проникнуты означенными идеями, за исключеніемъ непреклонныхъ приверженцевъ средневѣковой теоріи папскаго всемірнаго владычества. Всякій, кто только имѣлъ претензію быть просвѣщеннымъ въ Западной Европѣ, усвоялъ эти идеи. Петръ I, во время путешествій своихъ въ Европѣ, имѣлъ сношенія съ просвѣщеннѣйшими людьми того времени и, между прочимъ, съ Лейбницемъ. Онъ не могъ не усвоить себѣ тѣхъ же государственныхъ идей. А Россія нуждалась въ реформахъ. Поэтому Петръ поручалъ просвѣщеннымъ иностранцамъ, состоявшимъ у него на службѣ (Фикъ, Люберасъ), составлять записки *о наилучшемъ устройствѣ* государственныхъ учрежденій. Въ этихъ запискахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились до настоящаго времени, предполагалось учрежденіе *коллегіальныхъ* установленій въ русскомъ государствѣ, въ замѣнъ *приказовъ*, для завѣдыванія всѣми сторонами народной жизни и всѣми предметами государственнаго управленія. Идеи предполагавшихся реформъ раздѣлялись всѣми просвѣщенными *сподвижниками* Петра, какъ государственными людьми, такъ и іерархами, къ которымъ принадлежалъ и архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Петръ I вводилъ коллегіальное устройство государственныхъ учрежденій въ Россіи для завѣдыванія всѣми сторонами народной жизни и государства, считая ихъ, въ соотвѣтствіе современнымъ ему воззрѣніямъ правовѣдовъ и государственныхъ мужей, наилучшими для благосостоянія народа и страны. Соотвѣтственно тѣмъ же воззрѣніямъ онъ находилъ необходимою и реформу въ устройствѣ правительственной власти русской церкви. Состояніе русской церкви, — справедливость требуетъ сказать, — представляла въ концѣ XVII в. не мало нестроеній и недостатковъ: патріархъ Адріанъ въ теченіе 10-ти лѣтъ управленія церковію бездѣйствовалъ, — по болѣзни и слабости силъ,—учебныхъ заведеній почти не было, — подготовка лицъ, посвящавшихъ себя служенію церкви, была крайне недостаточная, — въ жизни бѣлаго и чернаго духовенства была безпорядочность (крестцовскіе попы, шатающіеся монахи), — управленіе огромными вотчинами и имуществами монастырей и епархіальныхъ архіереевъ было безконтрольно, — громадные доходы шли исключительно на монашествующихъ и ихъ учрежденія, — веденіе дѣлъ въ церковныхъ приказахъ отличалось волокитою, взяточничествомъ, притѣсненіями и т. п.; благотворительность была неорганизована.

Для устраненія неустройства въ русской церкви, для ея благоустройства и для успѣшнѣйшаго завѣдыванія ея дѣлами ко благу народа или, по выраженію Духовнаго Регламента (ч. I, п. 3), «*на общее добро*» Петръ I предпринялъ учрежденіе «правительскаго Духовнаго Коллегіума», переименованнаго въ день его открытія въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. Въ Манифестѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи говорится, что Государь Самодержецъ, «между многими, по долгу Богоданныя ему власти, попеченьми о исправленіи народа, посмотря и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость,... восприявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, а *не видя лучшаго къ тому способа паче соборнаго правительства*, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ,... *уставляетъ Духовную Коллегію*». Въ приведенныхъ словахъ Монарха ясно указывается *цѣль* учрежденія «Духовнаго Соборнаго Правительства». — Имѣлъ ли Преобразователь «намѣреніе ограничить вѣдомство церкви и стѣснить ея вліяніе, какъ утверждаетъ профессоръ Барсовъ?— Совершенно и рѣшительно отрицаемъ такого рода намѣреніе Петра I. Напротивъ, Петръ I своимъ законодательствомъ предоставляетъ церкви въ лицѣ Св. Синода широкую власть и силу, соотвѣтственную ея назначенію. Въ томъ же именномъ указѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи Самодержецъ обнародовываетъ: «уставляемъ Духовную Коллегію, то есть Духовное Соборное правительство, которое, по слѣдущемъ здѣ Регламентѣ (а равно и по Генеральному Регламенту) *имѣетъ всякія духовныя дѣла во Всероссійской церкви управлять*; и *повелѣваемъ* всѣмъ вѣрнымъ нашимъ всякаго чина, духовнымъ и мірскимъ, *имѣть сіе за важное и сильное правительство*, и у него *крайнія* дѣлъ духовныхъ *управы*, рѣшенія и вершенія *просить*, и *судомъ его* опредѣленнымъ *довольствоватися*, и *указовъ его слушать во всемъ*, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ коллегій. Должна же есть Коллегія сія и *новыми впредь правилами дополнять Регламентъ свой*, яковыхъ правилъ вытребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи; однакоже дѣлать сіе должна Коллегія Духовная не безъ нашего соизволенія».—Такимъ образомъ, Монархъ, съ учрежденіемъ Св. Синода, признаетъ за нимъ въ издаваемомъ законѣ высшую и всестороннюю власть во Всероссійской церкви по всѣмъ духовнымъ дѣламъ — управляющую (административную), судебную, распорядительную и законодательную. Но и Коллегія должна дѣйствовать не по усмотрѣнію и произволу одного какого либо лица, хотя бы и президента своего, а по Регламенту, спеціальному Духовному и Генеральному коллежскому, и подъ надзоромъ представителя монарха, «ока царева» и «стряпчаго государственныхъ дѣлъ». На чемъ основываетъ проф. Барсовъ свое мнѣніе, что великій преобразователь церковнаго правительства «пріялъ намѣреніе ограни-

чить вѣдомство церкви и стѣснить ея вліяніе»,—мы недоумѣваемъ. Напротивъ, Петръ I обнаруживалъ самыя благорасположенныя отношенія къ Св. Синоду и даже готовность къ расширенію его «вѣдомства» и къ усиленію его значенія и «вліянія». Это понимали и іерархи, вступившіе въ первоначальный составъ Св. Синода. Въ такомъ пониманіи они въ самый день открытія Св. Синода обратились къ Государю съ «докладомъ», въ которомъ они выражались: «Патріаршi, архіерейскія и монастырскія вотчины, сборами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, въ одной Духовной Коллегіи вѣдать ли, того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягою обязалась какъ въ вѣрности, такъ и во исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ коллегій не меньше»? И Государь далъ резолюцію: «Быть по сему». Вслѣдствіе того же доклада Государь уравнялъ Св. Синодъ съ Сенатомъ по значенію въ государствѣ.

Что касается воззрѣній Петра I на «единоличную» патріаршую власть, то они были совершенно сходны съ тѣми, которыя господствовали у правовѣдовъ и государственныхъ людей его времени на Западѣ Европы на единоличныхъ правителей въ разныхъ сторонахъ государственнаго управленія, дѣйствовавшихъ или «самовластно», какъ папа и латинскіе епископы, или «пристрастно», «коварно» и «лихоимно», прикрываясь уполномочіемъ отъ монарха, а не по регламентамъ. «Въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ», — выражается Государь въ именномъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи указѣ. Этимъ же указомъ и Регламентомъ и Президентъ Духовной Коллегіи поставленъ въ ея составѣ въ такое положеніе, что къ его силѣ и значенію ни на іоту ничего не прибавилось бы, если бы ему въ то время данъ былъ титулъ патріарха, какъ юридически не увеличились впослѣдствіи сила и значеніе члена Св. Синода, отличеннаго титуломъ «первенствующаго», — или отъ того, что въ наше время пожалованы были митрополитамъ московскому Филарету и с.-петербургскому Исидору внѣшнія отличія *патріаршаго* сана (двѣ панагіи, крестъ на митрѣ и преднесеніе креста при Богослуженіи).

Правда, послѣ Петра въ XVIII и въ XIX вв. произошли многочисленныя перемѣны и въ организаціи присутствія Св. Синода, и въ отношеніяхъ къ нему государственной власти. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ высказывались и высказываются разнообразныя о степени значенія Св. Синода мнѣнія и въ обществѣ, и въ литературѣ, русской и иностранной, доступной всѣмъ и цензурою недопущенной къ обращенію въ публикѣ, въ родѣ появившейся въ 1896 г. въ Браиловѣ на русскомъ языкѣ брошюры. Но справедливость заставляетъ насъ утверждать: *авторитетъ присутствія Св. Синода* всегда стоялъ и нынѣ стоитъ высоко, крѣпко и твердо, какъ въ сознаніи и въ от-

ношеніяхъ къ нему всѣхъ членовъ и установленій Русской церкви, такъ и правительствъ всѣхъ помѣстныхъ православныхъ церквей, нѣкоторыхъ инославныхъ (Несторіанской, Абиссинской, Англиканской церкви) и другихъ вѣроисповѣдныхъ христіанскихъ обществъ, — а равно и всѣхъ лицъ, признающихъ принципы нормальнаго, по началамъ православнаго церковнаго права, строя церковнаго правительства въ согласіи съ современными началами государственнаго права. Начала права вселенской церкви, на которыхъ должно стоять и дѣйствовать по регламенту, по современному законодательству и по своему положенію присутствіе Св. Синода, вполнѣ согласны съ принципами *правомѣрнаго* государства, какъ они понимаются въ современной наукѣ государственнаго права и выражаются въ законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ. Авторитетъ присутствія Св. Синода не только нисколько не можетъ быть поколебленъ научнымъ, правдивымъ изслѣдованіемъ исторіи и дѣйствующаго русскаго церковнаго права, но еще наиболѣе можетъ быть, на началахъ права вселенской православной церкви, выясненъ, возвышенъ и утвержденъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы титулъ «первенствующаго члена Св. Синода» былъ замѣненъ титуломъ патріарха. Упреки, какіе могутъ дѣлаться устройству, управленію и отправленіямъ русской церковной власти, должны быть, по справедливости, относимы не столько къ присутствію Св. Синода, сколько къ учрежденіямъ, при немъ состоявшимъ и состоящимъ. Если бы профессоръ Т. В. Барсовъ образовалъ и усвоилъ себѣ воззрѣнія на происхожденіе и исторію Св. Синода въ связи съ историческимъ въ Европѣ и въ Россіи развитіемъ въ XVIII и XIX вв. началъ государствовѣдѣнія и правовѣдѣнія касательно отношеній между государствомъ и церковію: то онъ, — мы увѣрены, въ своемъ сочиненіи, подъ тѣмъ заглавіемъ, какое онъ далъ своей первой книгѣ, представилъ бы исторію Св. Синода въ его устройствѣ, по видамъ власти, ему принадлежащей, по предметамъ вѣдѣнія и т. д. *въ юридической конструкціи*. Въ такомъ случаѣ иной видъ получила бы и вторая его книга, къ разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ.

Построеніе второй книги г. Барсова «О синодальныхъ учрежденіяхъ прежняго времени», общее ея содержаніе и отличительныя ея особенности по сравненію съ первою представлены нами въ началѣ рецензіи. Здѣсь имѣемъ разсматривать ее безотносительно къ первой.

Матеріалы для содержанія этой книги авторомъ извлечены изъ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія», изъ «Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода», отчасти изъ Полнаго Собранія Законовъ, нѣкоторыхъ дѣлъ синодальнаго архива и Канцеляріи Оберъ-Прокурора и печатныхъ сочиненій относительно тѣхъ или другихъ учрежденій, описываемыхъ въ книгѣ.

Матеріалъ размѣщенъ въ книгѣ большею частью соотвѣтственно тѣмъ учрежденіямъ, которыя разсматриваются авторомъ и къ которымъ онъ, по своему содержанію, относится. — Но слѣдуетъ сказать, что наибольшее количество матеріаловъ (сотни и тысячи дѣлъ, книгъ, документовъ) относительно многихъ учрежденій, о которыхъ говорится въ книгѣ (каковы: Синодальные приказы Монастырскій, Казенный и Дворцовый, Камеръ Контора синодальнаго правительства, Коллегія Экономіи синодальнаго правленія, Канцелярія синодальнаго экономическаго правленія, Московская синодальная Контора, Московская Духовная Дикастерія), находится въ Москвѣ — въ архивахъ Министерства юстиціи, Синодальной Конторы и Духовной консисторіи. Въ этихъ архивахъ составитель книги не занимался. Значитъ—существующій для изслѣдованія описываемыхъ авторомъ учрежденій матеріалъ имъ не исчерпанъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги не авторъ оперируетъ надъ матеріаломъ, а самъ находится въ сильной отъ него зависимости (сл. Полн. Собр. Пост. и распор., т. II, № 448 и страницы книги 55—63; см. также стр. 225—232, 233—235 и др.).

Авторъ книги желаетъ представить исторію многочисленныхъ учрежденій, бывшихъ при Св. Синодѣ въ прежнее время. Онъ разсматриваетъ ихъ до 25 названій. Но, съ одной стороны, одно и тоже учрежденіе, упоминаемое въ документахъ подъ разными названіями («Контора судныхъ и тіунской палата», стр. 53—55, «Тіунская (палата) Контора», стр. 74—83 и «Тіунская Изба», стр. 83—85), авторомъ разсматривается, какъ нѣсколько различныхъ учрежденій; а одна Контора, разсматриваемая авторомъ подъ названіемъ «Контора раскольническихъ дѣлъ», какъ особое учрежденіе (глава II, § 3, стр. 55—63), по словамъ его самого, «не имѣла отдѣльнаго отъ Синода дѣйствованія» (стр. 60); «особаго постановленія о кругѣ ея не было предначертано» (стр. 55—56) «и дѣйствительные факты безмолвствуютъ о дѣятельности этой конторы» (стр. 56). Съ другой стороны, авторъ книги, оглавляемой «Синодальныя учрежденія прежняго времени», не помѣстилъ въ ней значительнаго числа въ свое время дѣйствительно существовавшихъ и дѣйствовавшихъ при Св. Синодѣ и имѣвшихъ свою исторію учрежденій. Въ книгѣ ничего не говорится «о должности Оберъ-Прокурора, которому быть въ Святѣйшемъ духовномъ Синодѣ», какъ гласитъ заглавіе такъ называемой инструкціи Оберъ-Прокурора при Св. Синодѣ, подписанной, въ отсутствіе Государя, Сенатомъ, по его именному указу, 13 іюня 1722 г., — а эта должность имѣетъ свою исторію при Св. Синодѣ; оставлены авторомъ книги безъ разсмотрѣнія «Прокурорская Контора», существовавшая въ XVIII в., Коммисія о церковныхъ имѣніяхъ, Комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ (учр. 29 ноября 1807 г.), Коммиссія духовныхъ училищъ (1808—1839), Отдѣленіе духов-

ныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія (1824 — 1836), Хозяйственный Комитетъ при Синодѣ, Духовноучебное Управленіе и др. О нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ учрежденій авторъ говоритъ въ первой книгѣ, — но, по заглавію второй книги, *въ ней* слѣдовало бы помѣстить исторію, какъ тѣхъ учрежденій, о которыхъ говорится въ первой книгѣ, такъ и тѣхъ, о которыхъ ни въ которой изъ двухъ книгъ не упоминается и не изслѣдуется, но которыя относились къ вѣдомству православнаго исповѣданія.

Многочисленныя учрежденія, разсматриваемыя авторомъ книги, должны быть подведены подъ какую либо классификацію и раздѣлены на категоріи, которымъ слѣдовало подъискать подходящую терминологію. Авторъ, дѣйствительно, создалъ классификацію ихъ и раздѣлилъ ихъ на категоріи, которымъ далъ названія. Классификація автора — самостоятельна и, въ нѣкоторыхъ частяхъ, имѣетъ основаніе и оправданіе; но можетъ быть и иная классификація, — болѣе точная и на основаніи логическомъ, болѣе твердомъ, хотя установить ее безспорно едва ли возможно или, по меньшей мѣрѣ, затруднительно. Равно и терминологія категорій, на которыя раздѣлены составителемъ книги различныя учрежденія, можетъ подлежать исправленію. Недостатки классификаціи и терминологіи можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ указаній. Въ *первой* главѣ излагается авторомъ исключительно исторія *Канцеляріи Св. Синода*; въ *четвертой* главѣ, подъ заглавіемъ «Учрежденія синодальнаго правленія», обозрѣвается авторомъ (на стр. 103 — 120) «*московскаго синодальнаго правленія канцелярія*». Полагаемъ, что синодальная канцелярія, гдѣ бы она не находилась — въ Москвѣ или въ С.-Петербургѣ, есть канцелярія Св. Синода, — подобно тому, какъ и Св. Синодъ, — въ Москвѣ ли онъ открываетъ свои засѣданія или пребываетъ въ С.-Петербургѣ,—не перестаетъ быть однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ. Между тѣмъ авторъ книги разсматриваетъ московскую синодальнаго правленія Канцелярію въ особой главѣ, какъ особое отъ Канцеляріи Св. Синода учрежденіе. Кромѣ того, — въ той же четвертой главѣ, подъ рубрикою «с.-петербургскія синодальнаго правленія учрежденія», онъ также говоритъ, какъ объ особомъ учрежденіи, о «синодальной канцеляріи», оставленной въ С.-Петербургѣ, по временно сокращенной въ своемъ составѣ по случаю отъѣздовъ Св. Синода въ Москву въ 1724 и 1727 гг. — Далѣе, — во *второй* главѣ разсматриваются авторомъ «Конторы при Святѣйшемъ Синодѣ», учрежденныя въ 1722 г. Ихъ авторъ насчитываетъ *четыре*, согласно опредѣленію Св. Синода 28 февраля 1722 г. (Полн. Собр. Пост. и расп., т. II, № 448). Но авторъ въ этой главѣ ни словомъ не упоминаетъ о «С.-Петербургской Синодальной *Конторѣ*», временно открывающейся въ С.-Петербургѣ съ 1742 г. до новѣйшаго времени по случаю отъѣздовъ Св. Синода изъ С.-Петербурга въ Москву, а говоритъ о ней въ гл. IV на стр.

96—102. Къ «учрежденіямъ *синодальной области въ Москвѣ*», разсматриваемымъ въ книгѣ въ главѣ пятой, авторъ относитъ, между прочимъ, Канцелярію розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ, Приказъ инквизиторскихъ дѣлъ и Контору изуграфствъ. Но область дѣйствій этихъ учрежденій простиралась и за предѣлы такъ называемой синодальной (бывшей патріаршей) области или епархіи. Указанные недостатки классификаціи и терминологія могли бы быть устранены, если бы авторъ въ первой своей книгѣ представилъ предметы вѣдѣнія Св. Синода и виды и степени власти его. Одни изъ предметовъ вѣдѣнія находились въ непосредственной власти Св. Синода, а для завѣдыванія другими предметами онъ учреждалъ особыя установленія, которымъ и отводился опредѣленный разрядъ дѣлъ и предоставлялась власть для веденія и рѣшенія ихъ въ опредѣленной степени или въ опредѣленной области. Учрежденія синодальныя и слѣдуетъ классифицировать по роду дѣлъ, по степени власти, предоставлявшейся имъ, и по пространственной области ихъ вѣдѣнія.

Переходимъ, послѣ общихъ замѣчаній о всей книгѣ, къ разбору составныхъ ея частей.

Въ предисловіи «къ читателю» указывается авторомъ цѣль его «изслѣдованія», которая состоитъ въ томъ, чтобы «обозрѣть учрежденія, которыми *пользовался* Св. Синодъ со времени своего существованія до возникновенія нынѣ дѣйствующихъ установленій». Здѣсь, въ единственномъ мѣстѣ книги, дается авторомъ *опредѣленіе* синодальныхъ учрежденій, — но опредѣленіе очень недостаточное. Св. Синодъ пользовался *архіерейскими епархіальными* канцеляріями, конторами, дикастеріями и консисторіями. Но разсмотрѣніе ихъ не вошло, а по намѣреніямъ и плану автора книги и не должно было входить въ составъ его сочиненія. Значитъ, признакъ, которымъ въ опредѣленіи автора отличаются синодальныя учрежденія, далеко нерѣшительный. Авторъ задается цѣлію «обозрѣть учрежденія, которыми пользовался Св. Синодъ *до возникновенія* нынѣ дѣйствующихъ установленій». Канцелярія Св. Синода *возникла* со времени его открытія и нынѣ дѣйствуетъ; ею Св. Синодъ всегда пользовался; а она вошла въ *первую главу* «изслѣдованія» автора. Очевидна не точность опредѣленія синодальныхъ учрежденій, даннаго его авторомъ.

Въ короткомъ «Введеніи» указываются авторомъ основанія — почему въ первое время существованія Св. Синода находилось при немъ много учрежденій. Указанія вѣрныя.

Въ *первой* главѣ «обозрѣвается» Канцелярія Святѣйшаго Синода. Это — лучшая глава въ книгѣ. Въ ней излагается исторія канцеляріи за время 1721—1864 гг., со стороны ея состава, перемѣнъ въ штатахъ ея и происхожденія отдѣльныхъ должностей (агентовъ, чиновниковъ за оберъ-

прокурорскимъ столомъ и пр.). Исторія представлена съ достаточною полнотою, въ исторической послѣдовательности, по мѣстамъ весьма занимательно (тамъ, гдѣ говорится объ опредѣленіи въ канцелярію новыхъ должностныхъ лицъ, какъ: Потемкина при Екатеринѣ II, Павлова, Нечаева и Муравьева въ XIX в.) и съ приведеніемъ значительно многихъ свѣдѣній, доселѣ скрывавшихся въ архивахъ въ неизвѣстности. — Но перечисленіе предметовъ, о которыхъ производились въ Синодальной Канцеляріи дѣла, измѣненія въ теченіе полуторавѣковаго ея существованія количества предметовъ, составлявшихъ содержаніе ея дѣлъ, и исторія перемѣнъ въ порядкѣ дѣлопроизводства ея — дѣло будущихъ изслѣдователей исторіи Св. Синода и его канцеляріи. Любопытно, что количество предметовъ, о которыхъ въ Синодальной Канцеляріи производились дѣла, съ теченіемъ времени уменьшалось, — а штатъ Канцеляріи — увеличивался, въ особенности въ XIX вѣкѣ. Сравнительная таблица разновременныхъ штатовъ Канцеляріи могла бы наглядно показать это увеличеніе.

Во *второй* главѣ разсматриваются «Конторы при Св. Синодѣ», учрежденныя въ 1722 г. На основаніи 8 главы Генеральнаго Регламента и Именнаго, даннаго Духовной Коллегіи, указа»—«дѣйствовать (ей) и по Генеральному Регламенту», Св. Синодомъ, по докладу его Канцеляріи, распредѣлены были занятія между его совѣтниками и ассесорами по предметамъ. По предположенію Канцеляріи, подвѣдомственныя Св. Синоду дѣла дѣлятся на слѣдующіе четыре разряда: типографскія и по школамъ, судныя, раскольническія и инквизиторскія. Завѣдываніе дѣлами каждой изъ этихъ категорій, опредѣленіемъ Св. Синода 28 февраля 1722 г., предоставлено было ближайшимъ образомъ одному совѣтнику и одному ассесору, а веденіе тѣхъ же дѣлъ по письменной части опредѣленнымъ чинамъ канцеляріи. Разрядъ дѣлъ вмѣстѣ съ лицами, которымъ поручено было веденіе ихъ, названъ Конторою. Такъ явились *четыре* конторы при Св. Синодѣ. Регламентомъ предполагалось, что «неважныя дѣла» могли быть рѣшаемы въ Конторахъ безъ предложенія Общему Присутствію Св. Синода, а «важныя, требовавшія синодальной резолюціи», должны были предлагаться на разсмотрѣніе и рѣшеніе всего Св. Синода. Но канцелярія Св. Синода не выразумѣла и не предвидѣла, что «судныя» и «раскольническія» дѣла, доходившія до Св. Синода, никогда не могли относиться къ неважнымъ, а всегда требовали общаго разсужденія Синода. Практика и доказала, что такія учрежденія, какъ «Контора судныхъ и Тіунской палаты дѣлъ» и «Контора раскольническихъ дѣлъ» не могли существовать при Св. Синодѣ, какъ бы особыя отъ Общаго Присутствія установленія съ опредѣленнымъ кругомъ занятій, подобно «Конторѣ школъ и типографій» и «Конторѣ инквизиторскихъ дѣлъ». Но г. Барсовъ придалъ неподлежащее значеніе проекту си-

подальной канцеляріи о Конторахъ и употребилъ слишкомъ много труда и предположеній относительно разрѣшенія «вопроса» о существованіи, составѣ и дѣятельности конторъ судныхъ и раскольничьихъ дѣлъ. Предположенія его далеко не всѣ подтверждаются документами и фактами, что увидимъ изъ обзора его изложенія объ отдѣльныхъ конторахъ.

Первая контора, о которой говорится въ книгѣ, — *Контора школъ и типографій* (1721—1726 гг., стр. 42—53). Для изложенія свѣдѣній объ этой Конторѣ авторъ воспользовался, кажется, вполнѣ всѣмъ матеріаломъ, какой имѣется въ «Описаніи дѣлъ» Св. Синода и «Полномъ собраніи постановленій по вѣдомству Св. Синода». Эти свѣдѣнія могутъ быть дополнены лишь въ архивѣ московской синодальной типографіи. Приведенныя въ книгѣ свѣдѣнія сведены и изложены правильно и ясно.

Относительно сказаннаго въ книгѣ (на стр. 53 — 55) о *Конторѣ судныхъ и тіунской палаты дѣлъ* можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: а) о продолжительности сунцествованія ея не приведено опредѣленныхъ указаній, — по предположенію автора она существовала до 1723 г.; но предположеніе никакою ссылкою на документы не подтверждается; б) къ «справкѣ», приведенной авторомъ о составѣ канцеляріи конторы, прибавлено имъ слово «*при канцеляристахъ*» излишне противъ документа, на который онъ ссылается, а эта прибавка даетъ невѣрное свѣдѣніе о количествѣ чиновъ канцеляріи при конторѣ, подстрочное же къ справкѣ примѣчаніе автора не подтверждено ссылкою на источникъ и возбуждаетъ сомнѣніе; г) подъ «Тіунскою Палатою», названіе которой введено въ наименованіе Конторы слѣдуетъ понимать только С.-Петербургскую Тіунскую палату, а отнюдь не московскую, которая, какъ самъ г. Барсовъ, говоритъ, на 143-й страницѣ, съ 1711 года называлась и, по приказу мѣстоблюстителя патріаршаго престола, «писалась» приказомъ церковныхъ дѣлъ; д) положеніе автора, что Контора слилась съ Московскою Синодальнаго Правленія Канцеляріею, ничѣмъ не подтверждается и можетъ быть опровергнуто; и е) равно нельзя доказать высказаннаго (на стр. 55) авторомъ положенія, что «полная юрисдикція разсматриваемой конторы обнимала вообще судныя дѣла синодальнаго правленія въ Москвѣ».

«Особаго постановленія о кругѣ занятій *Конторы раскольническихъ дѣлъ*, по словамъ самаго автора книги, не было предначертано; равнымъ образомъ и дѣйствительные факты безмолствуютъ о дѣятельности этой конторы, какъ особаго учрежденія, не смотря на то, что дѣла о расколѣ составляли одну изъ обширныхъ отраслей вѣдѣнія Святѣйшаго Синода» (стр. 55—56). Не смотря на эти положенія, авторъ распространяется относительно названной Конторы на стр. 55—63.

Судьба, перемѣны въ личномъ составѣ и предметы вѣдѣнія *Конторы*

инквизиторскихъ дѣлъ (1722—1727 гг.), о которой говорится на стр. 63—70, изложены авторомъ книги вѣрно, отчетливо и ясно. Лишь возбуждается, при ея чтеніи и при провѣркѣ помѣщенныхъ въ ней свѣдѣній, сильное сомнѣніе — не смѣшиваетъ ли г. Барсовъ *Конторы* инквизиторскихъ дѣлъ съ «*Канцеляріею* розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ», когда онъ на 63 стр. говоритъ: «по сохранившимся свѣдѣніямъ, въ *Конторѣ* инквизиторскихъ дѣлъ, въ первую пору по ея открытіи, состояло канцелярскихъ служителей 12 человѣкъ, разновременно опредѣленныхъ въ контору». Въ цитируемыхъ авторомъ источникахъ (Описаніе докум. и дѣлъ, т. II, ч. 1, № 589, 940; ч. 2, № 906) не содержится такого опредѣленнаго указанія на число служителей. Между тѣмъ въ «Табели» 1722 г. о штатѣ *Канцеляріи* инквизиторскихъ дѣлъ (Полн. собр. пост. и расп. по вѣдомству Св. Синода, т. II, № 901, стр. 16) показано: «нынѣ обрѣтаются и быть долженствуютъ» чины въ числѣ 12-ти.

Разсматриваемыя авторомъ книги въ *третьей* ея главѣ (стр. 72—91) «Учрежденія епархіальнаго характера при Св. Синодѣ» правильнѣе было бы назвать «учрежденіями для завѣдыванія епархіальными дѣлами с.-петербургской синодальной области», которая состояла изъ городовъ и селеній новозавоеванной области — Ингермонландіи. Такое названіе съ бо̀льшею точностію указываетъ на пространственную область, состоявшую въ вѣдѣніи подразумѣваемыхъ учрежденій, и отличаетъ ихъ отъ московскихъ учрежденій, завѣдывавшихъ епархіальными дѣлами бывшей патріаршей области, переименованной въ 1721 г. въ синодальную, и, въ бытность Св. Синода въ Москвѣ, при немъ состоявшихъ. — Въ этой главѣ авторъ упоминаетъ объ «Исторіи православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней С.-Петербургской епархіи» о. М. Ѳ. Архангельскаго, справедливо называя ее почтеннымъ трудомъ. «Исторія» напечатана въ нѣсколькихъ выпускахъ «Историкостатистическихъ свѣдѣній С.-Петербургской епархіи». Въ сочиненіи о. Архангельскаго подробно излагается исторія учрежденій, о которыхъ говорится въ третьей главѣ разсматриваемой нами книги. Но г. Барсовъ излагаетъ исторію, судьбу, перемѣны въ личномъ составѣ, предметы вѣдѣнія и отношенія *Тіунской (палаты) Конторы* (1721 — 1727 гг., на стр. 74—83), названной въ учредившемъ ее опредѣленіи Св. Синода «Тіунскимъ духовнымъ правленіемъ», и смѣнившихъ это учрежденіе *Тіунской Избы* (стр. 83 — 85) и *С.-Петербургскаго духовнаго правленія* (1728 — 1744 гг., стр. 85 — 90), на основаніи Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству Св. Синода, Описанія дѣлъ архива Св. Синода и отчасти самыхъ дѣлъ того же архива, а не тѣхъ источниковъ, которыми пользовался авторъ Исторіи с.-петербургской епархіи. Составленное г. Барсовымъ обозрѣніе указанныхъ учрежденій то дополняетъ, то подтверж-

даетъ, то сводитъ, для уясненія ихъ, къ одному мѣсту свѣдѣнія, сообщенныя о. Архангельскимъ въ его трудѣ въ разныхъ выпускахъ. Какихъ либо невыгодныхъ для обозрѣнія замѣчаній мы не имѣемъ; укажемъ лишь, что исчисленіе авторомъ предметовъ вѣдѣнія Тіунской Конторы въ самомъ концѣ главы (стр. 91), уже послѣ обозрѣнія С.-Петербургскаго духовнаго правленія, помѣщено неумѣстно; оно должно находиться тамъ, гдѣ говорится о Конторѣ, — на стр. 82 или 83 — примѣрно.

Четвертая глава книги (стр. 93 — 120) подъ названіемъ «Учрежденія синодальнаго правленія» раздѣлена авторомъ на два отдѣла или §§, безъ обозначенія ихъ цифрами, каковыми отмѣчаетъ авторъ книги отдѣльныя учрежденія, разсматриваемыя имъ въ предъидущихъ двухъ главахъ.—Первый отдѣлъ главы (93—103 стр.) озаглавленъ авторомъ «С.-Петербургскія синодальнаго правленія учрежденія». Въ немъ обозрѣваются:

1) учрежденіе (стр. 93—94), открытое опредѣленіемъ Св. Синода отъ 7 дек. 1721 г. по случаю его отъѣзда изъ С.-Петербурга въ Москву, оставленное въ С.-Петербургѣ, не получившее, по словамъ автора, «опредѣленнаго наименованія», но назначенное для «*отправленія синодальныхъ и Тіунской Конторы дѣлъ*» (стр. 93). Между тѣмъ на стр. 53 — 55 авторомъ разсмотрѣна «Контора судныхъ и Тіунской палаты дѣлъ», а на стр. 74 — 83 — «Тіунская (палата) Контора». Если бы авторъ соединилъ и сопоставилъ вмѣстѣ все сказанное имъ на указанныхъ страницахъ, — опредѣлилось бы вполнѣ анонимное или, по словамъ его, неполучившее «опредѣленнаго названія» учрежденіе.

2) учрежденіе, также по случаю отъѣзда своего въ Москву оставленное Св. Синодомъ въ С.-Петербургѣ въ 1724 г., «для отправленія въ *Синодальной Канцеляріи* надлежащихъ дѣлъ до возвращенія его изъ Москвы (стр. 94). Это учрежденіе поручено завѣдывать ассесору, который долженъ былъ дѣйствовать по особой, данной ему инструкціи (Полн. Собр. пост. и расп. т. IV, № 1211). Не слѣдовало ли бы автору книги сказанное имъ здѣсь, на стр. 94—95, помѣстить въ Исторіи Канцеляріи Св. Синода, разсмотрѣнной имъ въ первой главѣ? Намъ представляется, что все сказанное авторомъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ слѣдовало бы размѣстить по предшествующимъ главамъ, между прочимъ и потому, что самъ авторъ (стр. 95), говоря о распоряженіяхъ Св. Синода по случаю его отъѣзда въ Москву на коронацію Петра II и объ «оставленной въ С.-Петербургѣ съ синодскимъ секретаремъ Тишинымъ и канцелярскими служителями *Синодальной Канцеляріи*, отсылаетъ читателя къ знакомству съ упомянутыми распоряженіями къ тому мѣсту его книги, въ которомъ имъ «разсмотрѣно С.-Петербургское духовное правленіе» (т. е. стр. 85 сл.).

а 3) С.-Петербургская «Святѣйшаго Правительствующаго Синода

Контора» съ 1742 г. (стр. 96—103). О синодальныхъ конторахъ авторъ книги говоритъ во второй главѣ. Можно было бы помѣстить собранныя авторомъ объ этой Конторѣ свѣдѣнія и во второй главѣ. Но гдѣ бы они не были помѣщены, они и по содержанію, и по изложенію имѣютъ цѣнность. Въ печати еще не бывало собрано столько свѣдѣній объ этой Конторѣ, многократно открывавшейся и закрывавшейся въ теченіе времени (1742—1826 гг.), за которое она обозрѣвается здѣсь авторомъ. Свѣдѣнія изложены здѣсь въ порядкѣ, послѣдовательно и ясно.

Второй отдѣлъ четвертой главы имѣетъ заголовокъ — «Московская Синодальнаго правленія Канцелярія». По содержанію отдѣла, слѣдовало бы поставить здѣсь въ названіи не единственное, а множественное число, — и при томъ замѣнить слово «Канцелярія» инымъ названіемъ. Правильно бы было отдѣлу дать заглавіе: Московскія Синодальнаго правленія учрежденія. Такое заглавіе оправдывается составомъ содержанія отдѣла. Въ немъ обозрѣваются, безъ отмѣтокъ цифрами, слѣдующія учрежденія: 1) Московская синодальнаго правленія Канцелярія (1723—1727 гг. на стр. 103—111), названная такъ у автора на стр. 106-й; 2) Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ Москвѣ (1732—1734 гг., стр. 112—114); 3) Московская синодальнаго правленія Канцелярія 1734 — 1741 гг. (стр. 111 — 118) и 4) Московская Синодальная Контора, въ 1742 г. учрежденная (стр. 118). При обозрѣніи почти каждаго изъ этихъ учрежденій, авторъ говоритъ объ его происхожденіи, перечисляетъ лицъ, которыя назначались въ открываемыя учрежденія и смѣнялись въ немъ, приводитъ инструкціи и постановленія Св. Синода о предметахъ и области вѣдѣнія учрежденія, или въ видѣ извлеченій изъ документовъ, или своими словами съ ссылкою — гдѣ документы помѣщены, иногда указываетъ отношенія учрежденія къ Св. Синоду въ С.-Петербургѣ и инымъ установленіямъ, также время, когда, и синодальное опредѣленіе, которымъ упразднялось учрежденіе. Свѣдѣнія автора извлечены изъ печатныхъ изданій, а нѣкоторыя — и изъ архивныхъ дѣлъ Св. Синода. Обозрѣніе авторомъ означенныхъ учрежденій было бы яснѣе, опредѣленнѣе и полнѣе, если бы каждое изъ нихъ было разсмотрѣно въ строгой юридической конструкціи, примѣрно по рубрикамъ въ родѣ слѣдующихъ: 1) происхожденіе учрежденія, 2) составъ его, 3) предметы вѣдѣнія по данной инструкціи, 4) порядокъ производства дѣлъ (чего нѣтъ въ обозрѣніяхъ автора), 5) отношеніе учрежденія къ инымъ установленіямъ и 6) прекращеніе. О практической дѣятельности учрежденій, какъ она выражалась въ дѣйствительности, авторъ ничего не говоритъ, по всей вѣроятности, потому, что въ синодальномъ архивѣ мало или и вовсе не имѣется матеріаловъ, относящихся къ этому предмету. Но авторомъ ясно и отчетливо изображена смѣна однихъ учрежденій другими въ хронологическомъ по-

рядкѣ. Автору не приходится при этомъ изслѣдовать предметъ, имъ изображаемый, а лишь описывать на основаніи источниковъ.

Предметомъ *пятой* главы служатъ «Учрежденія Синодальной области въ Москвѣ». Къ нимъ авторомъ отнесено шесть учрежденій, а именно: Московская Духовная Дикастерія, Духовный Приказъ, Приказъ церковныхъ дѣлъ, Канцелярія розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ, Приказъ инквизиторскихъ дѣлъ и Конторъ изуграфствъ. — Въ числѣ этихъ учрежденій авторомъ книги не помѣщенъ Синодальный Казенный Приказъ. Этотъ приказъ былъ въ Москвѣ и древнѣйшимъ учрежденіемъ синодальной области (бывшей патріаршей). Но о немъ пишется въ шестой главѣ книги, гдѣ разсматриваются «вотчинныя и финансовыя учрежденія».

Такимъ образомъ проф. Барсовъ признаетъ Казенный Приказъ исключительно *финансовымъ* учрежденіемъ. Но такое пониманіе значенія и дѣятельности этого учрежденія не можетъ быть названо правильнымъ. Казенный патріаршій, за тѣмъ синодальный, приказъ съ самаго своего основанія въ 1620 г., во все время своего существованія до упраздненія его въ 1740 г. и даже до времени образованія въ 1742 г. Московской епархіи, выдѣлившейся изъ бывшей патріаршей, потомъ синодальной, области, былъ и *административнымъ*, и *судебнымъ* установленіемъ, не только финансовымъ. Административная и судебная дѣятельность этого приказа за время отъ кончины патріарха Адріана до упраздненія его въ 1740 г. отчасти указана въ «Исторіи московскаго епархіальнаго управленія», Н. П. Розонова, М., 1868 г., но съ совершенною полнотою, по документамъ и книгамъ самого Приказа, разъяснена въ превосходной монографіи И. И. Шимко «Патріаршій Казенный Приказъ», М., 1894 г., стр. 293 — 311. Да и въ книгѣ самого г. Барсова приводятся выдержки изъ документовъ и дѣлаются на нихъ ссылки такого рода, что административная дѣятельность приказа въ синодальной области должна быть признаваема имъ безспорною и въ періодъ 1721 — 1740 гг. На стр. 206 — 208 приводится г. Барсовымъ докладъ или доношеніе казначея приказа отъ 5 марта 1722 г. Св. Синоду. Въ немъ казначей, между прочимъ, докладываетъ, что «въ казенномъ приказѣ *вѣдомы* ставленники и вдовые попы епитрахильными, а дьяконы пастихарными и перехожими отъ церкви къ церкви памятями, и о строеніи вмѣсто ветхихъ и погорѣлыхъ церквей благословенными и освященными грамотами». Въ опредѣленіи Св. Синода, по поводу означеннаго доношенія, сказано: «Ризничему онаго казеннаго приказа *правленіе* въ дѣйство производить съ архіерейскаго вѣдома» (архіеп. сарскаго Леонида). На стр. 210 г. Барсовъ говоритъ: «Въ казенномъ приказѣ, по росписанію Св. Синода, между прочими, сосредоточивались дѣла: разсылка по синодальной области указовъ о построеніи и освященіи церквей, а также выдача антиминсовъ;

отдача въ аренду церковныхъ (такъ назыв. «пустовыхъ») земель, веденіе списковъ рукополагаемымъ въ синодальную область священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ, а также и вдовымъ священнослужителямъ и выдача имъ грамотъ и указовъ по резолюціи архіерея» (Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп., т. II, № 693). Въ заключеніе же обозрѣнія предметовъ вѣдѣнія Казеннаго приказа г. Барсовъ выражается: «По характеру этихъ дѣлъ слѣдуетъ заключить, что Казенный приказъ и въ синодальный періодъ не отодвинулся отъ своего прежняго назначенія вѣдать дѣла, касающіяся только церквей и «чина духовнаго». — Оправданіемъ г. Барсову въ отнесеніи имъ Казеннаго синодальнаго приказа къ финансовымъ учрежденіямъ можетъ служить лишь то, что съ административными дѣйствіями приказа почти всегда соединены были и его финансовыя отправленія.

Между учрежденіями синодальной области въ Москвѣ, разсматриваемыми въ книгѣ, авторомъ на *первомъ* мѣстѣ поставлена и исторически описана Московская Духовная Дикастерія (стр. 126 — 137), а за тѣмъ, на *второмъ* мѣстѣ помѣщенъ Духовный Приказъ (стр. 137 — 142). Между тѣмъ Духовный Приказъ по времени своего происхожденія и существованія предшествовалъ основанію Духовной Дикастеріи, впервые явившейся въ 1722 г. Самъ авторъ относитъ (стр. 137) «возникновеніе» Духовнаго Приказа ко времени патріарха Никона (т. е. къ началу второй половины XVII в.), излагаетъ свѣдѣнія о немъ за время патріаршаго періода (137—139 стр.), мѣстоблюстительства патріаршаго престола при митрополитѣ Стефанѣ Яворскомъ (стр. 140) и за первые два года существованія Св. Синода и, ссылаясь на указъ Св. Синода отъ 22 іюня 1722 г., говоритъ (стр. 141), что въ этомъ указѣ «относительно порядка производства дѣлъ по инстанціямъ синодальнаго вѣдомства *Духовный приказъ показанъ первымъ* въ числѣ подчиненныхъ Св. Синоду московскихъ приказовъ со всеобъемлющимъ (!) кругомъ юрисдикціи по всѣмъ дѣламъ синодальнаго вѣдомства», — и нѣсколько выше: «Св. Синодъ принужденъ создать и образовать (въ 1722 г.) особое учрежденіе для завѣдыванія дѣлами бывшей патріаршей области, — Московскую Духовную Декастерію. Поставленному во главѣ этого учрежденія Леониду архіепископу сарскому указано было имѣть въ своемъ завѣдываніи Духовный Приказъ»: Духовный Приказъ и слился за тѣмъ съ Дикастеріею.

Исторія Московской Духовной Дикастеріи (1722 — 1742 гг.), которая въ учредительномъ о ней синодскомъ опредѣленіи названа Консисторіею, изложена авторомъ, на основаніи документовъ, со стороны ея состава и предметовъ вѣдѣнія совершенно вѣрно. Лишь въ заключительныхъ о ней словахъ г. Барсовымъ относительно «ближайшихъ къ кругу дикастерскаго вѣдомства приказовъ» названы приказы *духовный* и церков-

ныхъ дѣлъ; но Казенный приказъ опущенъ, — а Духовный слился съ Дикастеріею.

Въ свѣдѣніяхъ, излагаемыхъ авторомъ (стр. 142 — 167) съ достаточною полнотою и ясностію и почти исключительно на основаніи первоисточниковъ, хотя и по печатнымъ изданіямъ (Описанія син. дѣлъ и Полн. Собр. пост. по вѣдомству прав. исп.), относительно учрежденій: Приказа церковныхъ дѣлъ (1675 — 1724 гг.), Розыскной раскольническихъ дѣлъ Канцеляріи (1710 — 1727 гг.), Приказа Инквизиторскихъ дѣлъ (1721 — 1727 гг.) и Конторы изуграфствъ, можно замѣтить лишь незначительныя опущенія и неточности (не указано, напр., времени упраздненія Приказа инквизиторскихъ дѣлъ и Конторы изуграфствъ, — или на стр. 143-й въ одномъ мѣстѣ говорится, что «Тіунской» велѣно писаться, по приказу мѣстоблюстителя, «Приказомъ церковныхъ дѣлъ», а въ другомъ мѣстѣ, по предположенію автора, приказъ «пишется до 1718 г.» тіунскою палатою). Вообще же, — происхожденіе, судьба, составъ, предметы вѣдѣнія, отчасти отношенія и значеніе всѣхъ означенныхъ учрежденій представлены вѣрно, ясно, живо и съ указаніемъ характерныхъ признаковъ каждаго изъ нихъ.

Въ *шестой* и послѣдней главѣ книги обозрѣваются «вотчинныя и финансовыя учрежденія» (стр. 168—249) или состоявшія въ вѣдѣніи Св. Синода, или соприкасавшіяся съ его вѣдомствомъ. Въ ней разсматривается *семь* учрежденій, — а именно: Монастырскій Приказъ (1700 — 1724 гг.), Камеръ-Контора синодальнаго правительства (1724—1726 гг.), Коллегія Экономіи синодальнаго правленія (1726 — 1744 гг.), Казенный и Дворцовый синодальные Приказы (1620 — 1740 гг.), Канцелярія Синодальная Экономическаго правленія (1744 — 1762 гг.) и Коллегія экономіи духовныхъ имѣній, учрежденная въ 1762 г. и просуществовавшая до учрежденія Министерства Финансовъ. — Одни изъ этихъ учрежденій составляли уже въ нашей литературѣ предметы изслѣдованій въ отдѣльныхъ монографіяхъ (какъ — Монастырскій, Казенный и Дворцовый Приказы, отчасти и Камеръ-Контора); но Коллегія Экономіи синодальнаго правительства, Канцелярія Синодальнаго Экономическаго Правленія, Коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ, упоминаемая авторомъ на 242 стр. и Коллегія Экономіи духовныхъ имѣній могутъ и должны составлять предметъ отдѣльныхъ и особыхъ монографій, какъ по множеству матеріаловъ, сохранившихся о нихъ, такъ и по степени значенія каждаго изъ этихъ учрежденій въ исторіи русской церкви XVIII вѣка. Авторъ представляетъ въ своей книгѣ историческій очеркъ разсматриваемыхъ имъ учрежденій. Онъ — довольно краткій; но имѣетъ значеніе въ церковно-исторической современной литературѣ. Здѣсь впервые въ печати показывается послѣдовательная въ исторіи смѣна всѣхъ учрежденій, завѣдывавшихъ въ XVIII в. въ высшей инстанціи всѣми вот-

чинами церковныхъ установленій. Смѣна эта объясняется авторомъ совершенно вѣрно и ясно. Она происходила въ тѣсной связи съ вопросомъ о переводѣ вотчинъ и крестьянъ церковныхъ установленій изъ вѣдѣнія, управленія и обладанія церковной власти въ вѣдѣніе, управленіе и обладаніе государства, иначе говоря — съ вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Съ Петра I до Екатерины II выражались и сталкивались въ развитіи о разрѣшеніи этого вопроса два направленія въ средѣ правительственной власти. Представители одного направленія находили нужнымъ въ интересахъ государства перевести церковныя вотчины въ управленіе и обладаніе государственныхъ учрежденій и обратить ихъ въ институтъ государственный; а представители другаго направленія (конечно, — іерархи и по преимуществу изъ малороссовъ или кіевскихъ ученыхъ) усиливались удержать тѣ-же вотчины въ обладаніи и вѣдѣніи церковныхъ властей и учрежденій, признавая ихъ церковно-имущественнымъ институтомъ. Носители верховной власти съ Петра и до Екатерины (въ самомъ началѣ ея царствованія, — при восшествіи на престолъ) обнаруживали колебанія въ рѣшеніи вопроса. Колебательнымъ положеніемъ этого вопроса въ правительственныхъ воззрѣніяхъ и объясняется смѣна однихъ учрежденій для центральнаго завѣдыванія церковными вотчинами въ XVIII в. другими. Эта смѣна и управленіе разныхъ учрежденій весьма сильно и глубоко отзывались на административномъ строѣ, экономическомъ и юридическомъ положеніи и состояніи вотчинъ и крестьянъ. Полная и всесторонняя исторія указанныхъ учрежденій возможна лишь съ историческимъ изслѣдованіемъ вѣдомства ихъ. Историческій очеркъ, представленный г. Барсовымъ, есть первый въ литературѣ. Не смотря на свою сравнительную краткость, онъ можетъ служить не только указателемъ, но, при началѣ монографическихъ работъ, и руководствомъ для изслѣдованій, не только по печатнымъ, еще не многочисленнымъ, изданіямъ, но и при архивныхъ занятіяхъ среди тысячъ дѣлъ, книгъ и документовъ Коллегіи Экономіи и Канцеляріи Синодальнаго Экономическаго правленія.

Окончивъ критическій разборъ книги г. Барсова «Синодальныя учрежденія прежняго времени», и въ ея общемъ составѣ, и въ ея составныхъ частяхъ, мы, не смотря на значительное число замѣчаній на ея недостатки, должны по справедливости признать ее полезнымъ пріобрѣтеніемъ въ церковно-исторической литературѣ относительно XVIII вѣка. Она — первый опытъ возможно полнаго «обозрѣнія» синодальныхъ учрежденій, существовавшихъ въ этомъ вѣкѣ: ни въ одной книгѣ до сихъ поръ не излагалось историческаго обзора такого количества означенныхъ учрежденій и въ такомъ объемѣ, какъ въ книгѣ г. Барсова. Не всѣ учрежденія одинаково

въ ней разсмотрѣны; но историческій обзоръ многихъ изъ нихъ представленъ ясно, вѣрно, отчетливо и съ достаточною полнотою. Матеріаловъ собрано въ ней много; матеріалы расположены большею частію въ порядкѣ, по учрежденіямъ. Всѣмъ учрежденіямъ дана классификація. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ исчерпаны всѣ матеріалы, какія только можно было собрать въ синодальномъ архивѣ и въ изданіяхъ «Коммиссіи для разбора дѣлъ» его. Въ изложенныхъ въ книгѣ свѣдѣніяхъ о другихъ учрежденіяхъ можно усматривать, что дополненій къ нимъ слѣдуетъ искать въ московскихъ архивахъ. Вообще книга можетъ служить пособіемъ и руководствомъ къ познанію и къ дальнѣйшей разработкѣ исторіи изложенныхъ въ ней учрежденій.

Въ заключеніе нашего разбора двухъ книгъ г. Барсова, мы, по § 22 Положенія о наградахъ графа Уварова, обязаны дать о нихъ свой приговоръ.

По § 2 Положенія, учрежденіе наградъ графа Уварова имѣетъ цѣлію *поощрить* русскихъ писателей къ занятіямъ русскою исторіею и, по § 3, въ частности исторіею церкви. По § 6 того же Положенія, при обсужденіи представленныхъ къ соисканію историческихъ сочиненій, не должно быть упускаемо изъ виду — дѣйствительно ли отечественной наукѣ *недоставало подобнаго творенія* и соотвѣтствуетъ ли оно современнымъ требованіямъ науки и критики.

Въ нашемъ разборѣ мы предъявили къ сочиненіямъ проф. Барсова, по нашему разумѣнію, «современныя требованія науки и критики». Наши критическія замѣчанія, быть можетъ,—черезчуръ строги и многочисленны. Но чрезвычайная, въ нашихъ глазахъ, важность предмета — «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ» и долгъ рецензента по § 22 Положенія о наградахъ насъ обязывали къ тому. Не смотря на сдѣланныя нами критическія замѣчанія, мы, по справедливости, должны сказать, что книги г. Барсова имѣютъ значеніе въ современной церковно-исторической русской литературѣ. — Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было сочиненій, въ которыхъ излагалась бы за значительный періодъ времени исторія Св. Синода и учрежденій, при немъ состоявшихъ и состоящихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя входили или входятъ, по словамъ оффиціальныхъ документовъ, въ составъ «Главнаго Духовнаго Правительства». Профессоръ Т. В. Барсовъ *первый* издалъ такія книги, изъ которыхъ одной онъ нашелъ возможнымъ дать заглавіе «Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ», а въ другой излагаетъ исторію «Синодальныхъ учрежденій прежняго времени». Въ той и другой книгѣ собраны и расположены въ извѣстномъ порядкѣ факты не только XVIII, но и XIX вв. Для составленія и изданія такихъ книгъ нужна была отъ автора въ значительной долѣ, съ одной стороны, смѣлость,

а съ другой — осторожность, — смѣлость — *первому* выступить съ попыткою представить Св. Синодъ въ его прошломъ и съ его учрежденіями, — осторожность — предъ цензурными требованіями. Благодаря таковымъ личнымъ свойствамъ г. Барсова, въ нашей литературѣ и явился *первый опытъ* историческаго обозрѣнія Св. Синода и его учрежденій. Этотъ опытъ есть отвѣтъ на запросы времени: журнальныя статьи, изъ которыхъ составлена первая книга г. Барсова, встрѣчали въ читателяхъ сочувствіе, вниманіе и расположеніе — видѣть ихъ въ собранномъ видѣ, — авторъ отвѣтилъ на желанія читателей книгою. Опытъ г. Барсова служитъ знаменемъ того, что наступили время и возможность изслѣдованія исторіи Святѣйшаго Синода и учрежденій, его окружавшихъ и окружающихъ во множествѣ. Опытъ этотъ самыми недостатками своими можетъ послужить поводомъ къ составленію и изданію другихъ изслѣдованій о томъ же предметѣ. Въ этихъ изслѣдованіяхъ не будетъ опущенъ изъ виду и первый опытъ. — Кромѣ *общаго* значенія обѣихъ книгъ г. Барсова въ литературѣ, каждая изъ нихъ имѣетъ свои достоинства. Повторять о нихъ здѣсь мы не будемъ, — они съ достаточною полнотою указаны нами выше на страницахъ 7—9, 26—27 и др.

Въ виду указаннаго общаго значенія книгъ г. Барсова и отличительныхъ особенностей каждой изъ нихъ по ея достоинствамъ, а равно въ виду многочисленныхъ и многолѣтнихъ трудовъ его по изслѣдованію и разработкѣ исторіи церковнаго права, къ которой относится въ значительной степени и содержаніе разсмотрѣнныхъ нами книгъ, мы, съ своей стороны, находимъ желательнымъ, чтобы Императорская Академія Наукъ наградила г. Барсова за обѣ книги одною *поощрительною* или *меньшею* преміею гр. Уварова. Въ случаѣ же сильной и многочисленной конкурренціи, указанномъ въ §§ 16 п. 1 и 26, мы ходатайствуемъ предъ Академіею удостоить сочиненія г. Барсова *почетнаго отзыва.*

III.

Разборъ сочиненія И. А. Тихомирова: „Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной“.

Рецензія академика **А. Шахматова.**

О Лаврентьевской лѣтописи.

(Изслѣдованіе И. А. Тихомирова, помѣщенное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. CCXXXV, отд. 2).

Лѣтописный сводъ, доведенный до 1305 года и сохранившійся въ спискѣ, приготовленномъ въ 1377 году для суздальскаго князя Дмитрія Константиновича монахомъ Лаврентіемъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе изслѣдователей русскихъ лѣтописей, какъ одинъ изъ наиболѣе древнихъ, дошедшихъ до насъ, лѣтописныхъ сборниковъ. Г. Тихомировъ задался цѣлью дать краткое обозрѣніе состава Лаврентьевскаго сборника за вторую половину XII вѣка и за весь XIII вѣкъ: предыдущія изслѣдованія Бѣляева и Бестужева-Рюмина выяснили, по мнѣнію автора, съ достаточною полнотой отношеніе первой части сборника, заключающей Повѣсть временныхъ лѣтъ, а также той части, гдѣ содержится разсказъ о событіяхъ первой половины XII вѣка, — къ Ипатьевскому сборнику.

Обозрѣніе состава Лаврентьевскаго сборника, представленное г. Тихомировымъ, можно разсматривать какъ изслѣдованіе обрывковъ, остатковъ мѣстныхъ лѣтописей сѣверо-восточной Руси, сохранившихся въ этомъ сборникѣ: вотъ почему г. Тихомировъ начинаетъ свое обозрѣніе со второй половины XII вѣка; съ этого времени, говоритъ онъ, лѣтописныя извѣстія Ростовско-Суздальской области начинаютъ записываться болѣе систематически и постоянно; вотъ почему авторъ предпослалъ своему изслѣдованію краткое обозрѣніе лѣтописныхъ замѣтокъ, составленныхъ въ

Ростовѣ въ XI и въ первой половинѣ XII вѣка. Задавшись цѣлью прослѣдить по Лаврентьевскому сборнику тѣ погодныя записи, которыя свидѣтельствуютъ о веденіи лѣтописей въ различныхъ городахъ суздальской области (Ростовѣ, Владимірѣ, Переяславлѣ и т. д.), г. Тихомировъ дѣлаетъ обозрѣніе Лаврентьевскаго сборника по тѣмъ главнымъ періодамъ, въ которые можетъ быть уложена историческая жизнь сѣверо-восточной Руси. Предварительно изъ состава сборника выдѣляются тѣ сказанія, отдѣльность коихъ несомнѣнна: таковы Сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, Сказаніе о нашествіи Батыя, Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ и др. Вслѣдъ за этимъ авторъ переходитъ къ погоднымъ замѣткамъ, начиная ихъ съ періода, соотвѣтствующаго княженію Андрея Боголюбскаго. Главнымъ источникомъ для составителя лѣтописи за этотъ періодъ служили, по словамъ г. Тихомирова, записи, составленныя во Владимірѣ; ростовскихъ и суздальскихъ извѣстій почти нѣтъ; но довольно много извѣстій, взятыхъ изъ южно-русскихъ источниковъ. Къ нѣсколько иному заключенію приходитъ изслѣдователь, разсмотрѣвъ содержаніе Лаврентьевскаго свода за княженіе Всеволода Юрьевича: «извѣстія вошедшія въ него, записаны преимущественно во Владимірѣ, и, слѣдовательно, въ интересахъ своего князя»... «Но кромѣ владимірскихъ извѣстій, мы имѣемъ въ Лаврентьевскомъ сводѣ за время княженія Всеволода III нѣсколько извѣстій, записанныхъ въ Ростовѣ». Совершенно другой характеръ принимаетъ лѣтопись за время отъ 1212 до 1238 года (нашествіе татаръ): изслѣдователю приходится отмѣчать извѣстія, записанныя не только во Владимірѣ и Ростовѣ, но также въ Суздалѣ, Переяславлѣ Русскомъ и Переяславлѣ Залѣсскомъ, Ярославлѣ и даже въ Рязани, Муромѣ и др. «Такимъ образомъ, выводитъ авторъ, лѣтописаніе въ первой половинѣ XIII в. обнимаетъ собою почти уже всѣ значительные города сѣверо-восточной Россіи». Періодъ, слѣдующій за татарскимъ, по вѣрному замѣчанію г. Тихомирова, не могъ быть благопріятнымъ для лѣтописанія; порабощеніе отечества татарами «тяжко отозвалось и на лѣтописателяхъ русскихъ; мраченъ, задумчивъ и неговорливъ становится лѣтописецъ со второй половины XIII в.; бѣдствіе какъ бы сковало его уста; отъ горя ли, или отъ страха онъ боится даже и писать; его записи отличаются лаконическою краткостью, однообразіемъ...» Тѣмъ не менѣе автору удается и въ записяхъ этого времени отмѣтить извѣстія, записанныя во Владимірѣ и въ Ростовѣ; одно извѣстіе оказывается рязанскимъ по происхожденію. Въ виду неисправности рукописи, утери ею нѣсколькихъ листовъ, трудно судить о содержаніи лѣтописи слѣдующаго періода — отъ кончины Александра Невскаго до 1285 года; но подъ 1283—1285 гг. помѣщены въ Лаврентьевскомъ сборникѣ извѣстія курскаго происхожденія. Наконецъ, съ 1285 года большинство извѣ-

стій Лаврентьевской лѣтописи оказывается тверского происхожденія; между ними, въ весьма впрочемъ незначительномъ числѣ, попадаются извѣстія, касающіяся Смоленска, Переяславля, Рязани и даже Костромы. Въ послѣднихъ строкахъ изслѣдованія подводятся результаты, къ которымъ пришелъ авторъ. «Итакъ, разсмотрѣвъ составъ Лаврентьевскаго свода, мы видимъ, что въ него, кромѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и южно-русскихъ лѣтописей, вошли извѣстія, записывавшіяся сначала по преимуществу во Владимирѣ (до смерти Всеволода III), а потомъ въ Ростовѣ, Суздалѣ и Твери; есть также нѣсколько извѣстій костромскихъ и ярославскихъ, переяславскихъ и рязанскихъ».

Изслѣдованіе г. Тихомирова, какъ замѣчено и выше, не задается цѣлью объяснить происхожденіе Лаврентьевскаго сборника, не пытается указать, какіе рукописные источники послужили при составленіи этого свода, въ какихъ именно памятникахъ сводчикъ находилъ, съ одной стороны, ростовскія, съ другой владимирскія и другія погодныя записи, не старается, наконецъ, выяснить, предшествовалъ ли изслѣдуемому своду XIV в. другой болѣе древній сводъ, обнимавшій, напр., событія только до начала или до середины XIII вѣка, подобно тому, какъ въ основаніи его лежитъ сводъ, составленный въ началѣ XII вѣка — Повѣсть временныхъ лѣтъ. Авторъ задался цѣлью прослѣдить по Лаврентьевскому сборнику ходъ лѣтописанія сѣверо-восточной Руси, почему онъ дѣлаетъ постоянныя (хотя и не систематическія) ссылки на другіе лѣтописные своды, гдѣ сохранились мѣстныя записи о событіяхъ суздальской Руси, не вошедшія въ Лаврентьевскій сборникъ. Авторъ стремится доказать, что со второй половины XII столѣтія появляется на сѣверо-востокѣ Россіи лѣтопись, которая сначала ведется въ главныхъ центрахъ—Владимирѣ и Ростовѣ, а постепенно возникаетъ и въ другихъ городахъ суздальской области. «Дѣти и внуки Всеволода, размѣстившись по разнымъ городамъ сѣверо-восточной Руси, даютъ толчекъ къ развитію лѣтописанія въ своихъ стольныхъ городахъ; каждый городъ, гдѣ сидитъ князь, старается сохранить въ своемъ родномъ городѣ память о важныхъ событіяхъ, какъ въ жизни княжеской, такъ и цѣлаго княжества и родного города». Мнѣ кажется, что г. Тихомировымъ не приведено убѣдительныхъ данныхъ для такого утвержденія. Правда, разсмотрѣніе Лаврентьевскаго сборника, а также другихъ лѣтописныхъ сводовъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что существовали лѣтописи, веденныя во Владимирѣ, Ростовѣ и Твери, но для доказательства существованія лѣтописей въ другихъ городахъ сѣверо-восточной Руси требуется во всякомъ случаѣ болѣе данныхъ, чѣмъ тѣ, которыя извлечены г. Тихомировымъ изъ Лаврен-

тьевскаго и другихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ. Сомнѣваться въ существованіи лѣтописи, веденной въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, нельзя, въ виду дошедшаго до насъ списка этой лѣтописи: списокъ этотъ ясно доказываетъ, что лѣтопись была составлена въ 1214—1219 году, при чемъ въ основаніе ея былъ положенъ Владимирскій сводъ, составленный въ 1206 году и сохранившійся въ Радзивиловскомъ, а также въ древнѣйшей части Академическаго списка Суздальской лѣтописи. Переяславская лѣтопись ясно показываетъ, что въ мѣстные лѣтописные своды входили извѣстія не только мѣстнаго характера, относящіяся къ той или другой области, къ тому или другому городу, но также извѣстія о происшествіяхъ, имѣющихъ общій политическій или общественный интересъ. Такъ, въ самостоятельной части этой лѣтописи, обнимающей восемь годовъ (1207—1214) и составленной въ Переяславлѣ (ср. разсказъ 1213 года о прибытіи Ярослава Всеволодовича въ Переяславль), мы находимъ не только переяславскія извѣстія (напр. о женитьбѣ Ярослава въ 1214 году), но и извѣстія, важныя и интересныя для всего суздальскаго края: такъ, здѣсь подробно описаны событія, вызванныя смертью Всеволода (междоусобія между его сыновьями), разсказано о походѣ Всеволода противъ рязанскихъ князей, сообщено нѣсколько извѣстій, касающихся частной жизни великокняжеской семьи (вторая женитьба Всеволода въ 1211 году, женитьба Юрія Всеволодовича въ 1212 году, рожденіе у Константина Всеволодовича сына Іоанна въ 1211 году и т. д.), приведены, наконецъ, нѣкоторыя событія, имѣющія общецерковный интересъ, каковы: поставленіе Пахомія епископомъ Ростову, построеніе въ Ростовѣ церкви св. Богородицы. Можно ли на основаніи послѣдняго изъ упомянутыхъ здѣсь извѣстій заключать, что составитель лѣтописи Переяславля Суздальскаго пользовался, описывая событія 1207—1214 годовъ, между прочимъ, ростовскою лѣтописью? Можно ли на основаніи извѣстія 1209 года о кончинѣ Ольга Володимировича въ Бѣлгородѣ, гдѣ онъ похороненъ у св. Спаса, заключать о пользованіи переяславскимъ лѣтописцемъ лѣтописью рязанскою? Конечно, нѣтъ. Если мы предположимъ, что лѣтописецъ былъ лицомъ близкимъ къ переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу, намъ будетъ ясно, откуда могли дойти до него извѣстія рязанскія: Ярославъ Всеволодовичъ въ 1208 году былъ посаженъ отцомъ въ Рязани; такъ же объяснится происхожденіе многихъ другихъ извѣстій, какъ о событіяхъ, въ которыхъ этотъ князь принималъ участіе, такъ и о событіяхъ, касающихся родственниковъ этого князя. То же относится и къ другимъ лѣтописямъ и между прочимъ къ тѣмъ сводамъ, изъ которыхъ составился Лаврентьевскій сборникъ. Разсматривая извѣстіе 1225 года о нападеніи Литвы на новгородскія владѣнія и объ отраженіи ихъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, поѣхавшимъ «по нихъ ис Переяславля», г. Тихомировъ заключаетъ, что

это извѣстіе записано въ Переяславлѣ. Но сравненіе этого мѣста Лаврентьевской лѣтописи съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Новгородской 1-й лѣтописи указываетъ на тѣсную связь его съ извѣстіемъ, читающимся въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1226, а въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ 1227 годомъ: походъ Ярослава Всеволодовича, князя Новгородскаго, на Емь за море, «гдѣ же ни единъ отъ князь рускыхъ не взможе бывати». Несомнѣнно поэтому, что связать извѣстіе 1225 года съ Переяславлемъ нельзя, но несомнѣнно также, что оно записано лицомъ, близкимъ къ переяславскому князю, ставшему въ 1225 году новгородскимъ, — Ярославу Всеволодовичу. Такъ же трудно согласиться признать вслѣдъ за г. Тихомировымъ, чтобы извѣстія, касающіяся постройки ярославскихъ церквей во имя Успенія Богородицы и Спаса Преображенія, или пожара 27 іюня 1221 года, были записаны въ Ярославлѣ. Приведя слова изъ извѣстія о пожарѣ въ Ярославлѣ — «дворъ же княжь, силою креста честнаго и молитвою добраго Константина избы огня», г. Тихомировъ вѣрно замѣтилъ, что они обличаютъ княжескаго приверженца. Но отчего не допустить, что лицо это во время самаго пожара, равно какъ во время построенія названныхъ церквей, находилось при великомъ князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ, а послѣ его смерти при его семействѣ, т. е. въ Ростовѣ? Во всякомъ случаѣ, этого «приверженца» Константина естественно отожествить съ «приверженцемъ Константиновымъ, записывавшимъ лѣтописныя извѣстія въ Ростовѣ» отъ 1213 до 1218 и «сторонникомъ Константина», занесшимъ въ лѣтопись извѣстія о событіяхъ во Владимирѣ въ 1218 году. Уже подъ 1206 годомъ г. Тихомировъ отмѣчаетъ извѣстіе, благосклонное къ Константину и записанное очевидцемъ; подъ 1207 годомъ онъ указываетъ на извѣстіе объ освященіи 25-го ноября церкви св. Михаила, записанное «приверженцемъ Константина въ Ростовѣ». Не ясно ли, что на протяженіи 1206—1221, а также и слѣдующихъ годовъ (ср. ростовскія извѣстія подъ 1231 годомъ), мы встрѣчаемся все съ однимъ и тѣмъ же лѣтописцемъ, лицомъ преданнымъ князю Константину Всеволодовичу и его семейству, сопутствовавшимъ ему въ его походахъ (ср. соображенія г. Тихомирова по поводу извѣстія 1206 г., гдѣ говорится о торжественной встрѣчѣ Константина въ Новгородѣ) и временно жившимъ вмѣстѣ съ княземъ во Владимирѣ (въ 1217—1218 г.)? Подобнымъ же образомъ, разсматривая извѣстія, записанныя, по мнѣнію г. Тихомирова, въ Суздалѣ, Юрьевѣ (с. 266), Костромѣ и др. городахъ, мы легко придемъ къ заключенію, что они могли быть записаны и въ одномъ изъ другихъ политическихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературныхъ, центровъ сѣверо-восточной Руси. При этомъ окажется, что нерѣдко мы имѣемъ дѣло не съ трудолюбивыми записями мѣстнаго патріота и не съ усиліями городовъ сохранить память о важныхъ событіяхъ, а съ лѣтописью, болѣе ши-

рокою по своему характеру, повѣствовавшею о событіяхъ, имѣвшихъ интересъ для цѣлой области, а другой разъ и для всей Руси: такая лѣтопись велась при дворѣ того или другого князя; политическое значеніе князя опредѣляло содержаніе и характеръ лѣтописи; его походы, политическіе успѣхи, благочестивыя дѣянія, родственныя связи и т. д. — вотъ что вызывало запись и служило основаніемъ для лѣтописи. Впрочемъ, я далекъ отъ мысли обобщать черты нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ лѣтописей и распространять ихъ на все древнее лѣтописаніе. Въ 1-хъ, не всегда событія передавались съ тою или другою субъективною окраской, зависѣвшею отъ симпатіи или антипатіи къ тому или другому князю; поэтому по нѣкоторымъ лѣтописнымъ сводамъ никоимъ образомъ нельзя заключить, вокругъ какой политической личности они составлены; во 2-хъ, мы имѣемъ прямыя указанія на существованіе лѣтописей некняжескихъ (таковы, напр., новгородскія лѣтописи). Но разсмотрѣніе хотя бы тѣхъ обрывковъ ростовской лѣтописи, которые прослѣжены г. Тихомировымъ по Лаврентьевскому своду, или еще изученіе переяславской лѣтописи, въ извѣстіяхъ которой почтенный изслѣдователь справедливо открываетъ приверженца Юрія и Ярослава, противника Константина (с. 258), приводятъ насъ къ другому болѣе общему выводу: наши лѣтописи не были офиціальными актами, памятными записками, механическою сшивкой разнороднаго матеріала, — это были литературныя произведенія, дававшія широкій просторъ личному чувству автора, считавшаго себя полнымъ и безотвѣтственнымъ хозяиномъ накопленнаго имъ матеріала — предшествовавшихъ лѣтописныхъ сводовъ, лѣтописей, веденныхъ другими лицами, сказаній, извѣстныхъ по другимъ памятникамъ. Большинство нашихъ лѣтописныхъ сводовъ безыменно, но тѣмъ не менѣе характеръ ихъ таковъ, что изслѣдованіе каждаго изъ нихъ должно начинаться съ опредѣленія личности составителя свода (времени, мѣста, обстоятельствъ, при которыхъ онъ работалъ). Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ, дошедшіе до насъ лѣтописные своды предполагаютъ существованіе другихъ болѣе древнихъ сводовъ, лежащихъ въ ихъ основаніи. Поэтому изслѣдованіе ихъ должно приводить къ опредѣленію (предположительному) этихъ основныхъ сводовъ; дальнѣйшее изслѣдованіе должно открывать, не происходятъ ли такіе основные своды изъ сводовъ еще болѣе древнихъ и первоначальныхъ. Первоначальный лѣтописный сводъ, входя въ составъ другого позднѣйшаго, могъ обосложняться сказаніями, а также извѣстіями, заимствованными изъ другихъ сводовъ, другихъ памятниковъ, или записанными на основаніи устнаго преданія; самъ онъ составлялся частью на основаніи какихъ-нибудь литературныхъ произведеній, частью же на основаніи устнаго преданія, народныхъ сказаній, разсказовъ современниковъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ анализа состава какого бы то ни было лѣтопис-

наго свода, должны получиться данныя, свидѣтельствующія, съ одной стороны, о болѣе древнихъ литературныхъ произведеніяхъ, съ другой—о народныхъ сказаніяхъ и устныхъ разсказахъ, существовавшихъ въ эпоху составленія свода. Г. Тихомировъ, повидимому, смотритъ на дѣло иначе: составными частями, напр., Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода, онъ признаетъ: 1) сказанія, отдѣльность которыхъ несомнѣнна, 2) погодныя лѣтописныя замѣтки. Рѣшительно не соглашаюсь признать правильность такого анализа. Сказанія, правда, могли дойти до составителя свода и въ отдѣльномъ видѣ, но въ большинствѣ случаевъ онъ знакомился съ ними или изъ другихъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, или изъ какихъ-нибудь литературныхъ памятниковъ, или, наконецъ, изъ устнаго преданія. Слѣдовательно, нѣкоторыя сказанія могли попасть въ сводъ изъ одного общаго источника съ тѣмъ матеріаломъ, который г. Тихомировъ называетъ погодными записями, а именно изъ другого болѣе древняго свода. Но въ такомъ случаѣ нельзя отдѣлять сказаній отъ погодныхъ записей и не зачѣмъ допускать знакомство сводчика со сказаніемъ въ отдѣльномъ его видѣ, между тѣмъ какъ онъ могъ его знать въ тѣсномъ соединеніи съ другимъ лѣтописнымъ матеріаломъ. Во всякомъ же случаѣ дѣленіе лѣтописнаго матеріала на сказанія и погодныя записи произвольно: это доказываетъ и изслѣдованіе г. Тихомирова, который вмѣстѣ съ погодными записями разсматриваетъ рядъ сказаній, имѣющихъ, казалось бы, такое же точно право на отдѣльное разсмотрѣніе, какъ выдѣленныя имъ шесть сказаній. Таково извѣстіе о Леонтіанской ереси, признаваемое предположительно самимъ авторомъ за «отдѣльную запись» (с. 245); таково же «сказаніе» о Θеодорцѣ, епископѣ Владимирскомъ (с. 247), «сказаніе» о подвигахъ Михаила Юрьевича противъ Половцевъ (с. 247), «сказаніе» о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ (с. 248) и т. д. Итакъ, мы видимъ, что автору не удалось установить признаковъ, по которымъ тотъ или другой разсказъ можетъ быть отнесенъ къ сказаніямъ или погоднымъ записямъ. Это зависитъ отъ того, что «погодныя записи» не могутъ быть признаны особымъ литературнымъ родомъ; подъ этимъ терминомъ нельзя не понимать и сказаній о современныхъ лѣтописцу событіяхъ, записанныхъ имъ рядомъ съ краткимъ извѣстіемъ о какомъ-нибудь несложномъ и маловажномъ происшествіи; подъ этотъ же терминъ подойдутъ сказанія, составленныя самимъ лѣтописцемъ - сводчикомъ на основаніи личныхъ своихъ впечатлѣній, слуховъ или устныхъ преданій. Конечно, г. Тихомировъ понимаетъ все это не хуже меня, и разсмотрѣніе лѣтописнаго матеріала подъ рубриками «отдѣльныя сказанія» и «погодныя записи» вызвано просто удобствами изложенія. Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что такой пріемъ во всякомъ случаѣ можетъ вызвать недоразумѣнія, я не могу признать его правильнымъ еще потому, что онъ оставляетъ

въ тѣни тѣ дѣйствительные источники, опредѣленіе которыхъ составляетъ прямую задачу изслѣдователя: я говорю о тѣхъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводахъ, гдѣ уже заключался весь тотъ матеріалъ, который старается расчленить г. Тихомировъ, т. е. какъ погодныя записи, такъ и сказанія. Анализъ Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода ставитъ г. Тихомирова лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми *сказаніями*, бывшими извѣстными сводчику (какому? Лаврентію или составителю болѣе древняго свода?), и съ *погодными записями*, ведшимися во Владимирѣ, Ростовѣ, Суздалѣ и т. д. Между тѣмъ, мнѣ кажется, что такой анализъ долженъ привести къ возстановленію нѣсколькихъ *лѣтописныхъ сводовъ*, предшествовавшихъ тому, который дошелъ до насъ въ спискѣ 1377 года, и послѣдовательно смѣнявшихъ одинъ другой. Впрочемъ, въ этомъ несомнѣнно убѣжденъ и г. Тихомировъ, прямо указывающій на то, что въ составъ Лаврентьевскаго сборника вошелъ между прочимъ болѣе древній сводъ — «Повѣсть временныхъ лѣтъ». Но почему же онъ не попытался опредѣлить эти слѣдовавшіе другъ за другомъ своды, почему онъ не размоталъ сложнаго клубка, составившагося окончательно въ XIV вѣкѣ, ограничившись указаніемъ на то, что клубокъ состоитъ изъ нитокъ разнаго цвѣта, разной доброты? А между тѣмъ опредѣленіе состава нѣкоторыхъ изъ сводовъ, предшествовавшихъ Лаврентьевскому, не можетъ представить особыхъ трудностей. Такъ сравненіе Лаврентьевскаго списка съ Радзивиловскимъ, Академическимъ и съ лѣтописью Переяславля Суздальскаго приводитъ къ возстановленію владимирскаго лѣтописнаго свода, составленнаго въ началѣ XIII-го вѣка. Въ этомъ сводѣ начала XIII-го в., въ связи съ остальнымъ лѣтописнымъ матеріаломъ, читались три сказанія XII-го вѣка, которыя г. Тихомировъ, анализируя сводъ XIV вѣка, выдѣляетъ изъ всего его состава. Я еще болѣе утверждаюсь въ мысли, что г. Тихомировъ не ставилъ себѣ задачей анализъ Лаврентьевскаго свода, а хотѣлъ только, въ связи съ обзоромъ его содержанія, доказать существованіе и послѣдовательное развитіе лѣтописанія въ городахъ сѣверо-восточной Руси. Все же путь, имъ избранный, не можетъ быть признанъ удачнымъ: въ результатѣ изслѣдованія оказалось, что записи о современныхъ событіяхъ велись въ Ростовѣ, Владимирѣ, Ярославлѣ, Суздалѣ и т. д. въ XII—XIII вѣкѣ. Но мы видѣли выше, что существованіе лѣтописныхъ записей въ Суздалѣ и Ярославлѣ не доказано: это убѣждаетъ, что пріемы изслѣдованія невѣрны и что достиженіе нѣкоторыхъ достовѣрныхъ результатовъ (доказательство существованія Владимирскихъ и Ростовскихъ записей), при помощи тѣхъ же пріемовъ, обязано простой лишь случайности. Г. Тихомировъ дѣйствительно далъ бы намъ картину развитія лѣтописанія въ суздальской Руси, если бы опредѣлилъ, кѣмъ, когда и при какихъ условіяхъ составлена была владимирская и ростовская лѣтописи, свидѣтель-

ства о которыхъ сохранились въ Лаврентьевскомъ сборникѣ, а частью и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Такая картина несомнѣнно разъяснила бы намъ то, что остается неяснымъ въ выводахъ автора: почему лѣтописныя извѣстія записывались сначала по преимуществу во Владимирѣ (до смерти Всеволода III), а потомъ въ Ростовѣ и Твери. Ростовъ древнѣе Владиміра, въ немъ жилъ епископъ еще тогда, когда Владимиръ былъ незначительнымъ пригородомъ Ростова, въ немъ бы мы и ожидали встрѣтить первую суздальскую лѣтопись. Можетъ быть, такая лѣтопись тамъ и существовала, но она не имѣетъ ничего общаго съ тою ростовскою лѣтописью, слѣды которой такъ ясны въ Лаврентьевскомъ сводѣ: эта послѣдняя лѣтопись, поздняя по происхожденію, была, очевидно, княжескою лѣтописью и связывалась не столько съ судьбою стараго Ростова, сколько съ судьбою Константина Всеволодовича и его сыновей. Итакъ, мы находимъ въ Лаврентьевскомъ сборникѣ слѣды ростовской лѣтописи, составленной современникомъ Константина и его сыновей, слѣдовательно, въ первой половинѣ XIII ст. Естественно возникаетъ вопросъ, не есть ли Лаврентьевскій сводъ продолженіе, дальнѣйшее объсложненіе того лѣтописнаго свода, который представляла изъ себя эта ростовская лѣтопись. Возможно, конечно, что ростовская лѣтопись въ извѣстномъ извлеченіи помѣщена была въ Лаврентьевскій сборникъ самимъ Лаврентіемъ или въ протографъ его — составителемъ свода, работавшимъ въ началѣ XIV в., но возможно также, что въ извѣстной части своей Лаврентьевскій сборникъ представляетъ древній лѣтописный сводъ, составленный въ Ростовѣ въ первой половинѣ XIII ст. Имѣя въ виду, что въ лѣтописномъ разсказѣ 1206 - 1231 года мы нѣсколько разъ встрѣчаемся съ личностью, которую можно признать за жителя Ростова и за приверженца ростовской княжеской семьи [1]), при чемъ личность другого лѣтописца — владимирскаго не проявляется; что въ изложеніи даже обще-суздальскихъ событій 1206 - 1231 года проводится точка

1) Ср. подъ 1206 годомъ разсказъ объ отправленіи Всеволодомъ сына своего Константина въ Новгородъ, съ приложенною къ нему похвалой Константину; подъ 1207 извѣстіе объ освященіи Константиномъ церкви св. Михаила въ Ростовѣ, сопровождаемое благочестивыми размышленіями, подъ 1211 извѣстіе о пожарѣ въ Ростовѣ, «Богу попущьшю за умноженье грѣхъ нашихъ и неправды», при чемъ Константинъ пріѣзжаетъ утѣшать ростовцевъ, подъ 1216 извѣстіе о смерти ростовскаго епископа Пахомья, похороненнаго Константиномъ, подъ 1218 извѣстія о событіяхъ во Владимирѣ, гдѣ Константинъ былъ великимъ княземъ, а также извѣстіе объ отправленіи Василія и Всеволода Константиновичей на столъ въ Ростовъ и Ярославль; подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе о смерти Константина, сопровождаемое длинною похвалой ему; подъ 1227 годомъ извѣстіе о поставленіи Митрофана епископомъ Владимирскимъ, записанное, по указаніямъ Соловьева и Тихомирова (с. 261), ростовскимъ лѣтописцемъ, случайно бывшимъ въ то время во Владимирѣ; подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе о женитьбѣ Василька Константиновича и о прибытіи его въ Ростовъ съ молодою княгинею, «и бысть радость велика в градѣ Ростовѣ».

зрѣнія, благопріятная христолюбивому, блаженному и доброму князю Константину (напр. подъ 1211 г. не разсказано о его размолвкѣ съ отцомъ, Юрій подъ 1212 и сл. годами не названъ даже великимъ княземъ, о распряхъ между Всеволодовичами говорится совершенно кратко и глухо, вопреки другимъ лѣтописямъ, напр. Переяславля Суздальскаго и той владимирской, которая отразилась въ Воскресенскомъ, Тверскомъ и другихъ сводахъ), — я думаю, можно съ большою вѣроятностью утверждать, что въ основаніи Лаврентьевскаго сборника лежитъ ростовскій лѣтописный сводъ первой половины XIII в., обосложненный послѣдующимъ лѣтописнымъ разсказомъ о событіяхъ XIII и начала XIV вѣка. Думаю, что этотъ сводъ оканчивался разсказомъ о событіяхъ 1230-1231 годовъ. Основаніемъ для такого предположенія служатъ слѣдующія разсужденія: подъ 1231-мъ годомъ мы находимъ обширную лѣтописную статью о поставленіи ростовскаго епископа Кирилла и о первыхъ дѣлахъ его по принятіи епископскаго сана. Характеръ этой статьи совершенно отличаетъ ее отъ всего предыдущаго лѣтописнаго разсказа, гдѣ сказывается мѣстный лѣтописецъ ростовскій, приверженецъ князя Константина и его семейства. Ею какъ бы начинается новая лѣтопись, главный интересъ которой уже иной, чѣмъ у предшествовавшей ростовской лѣтописи; слова: «любовному ученью же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила, с страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собе вдахъ, сего перваго словесе дѣтели написати; зѣло бо велье дѣло паче насъ всприяхъ, боязнью ослушанья, разумѣхъ в Притчахъ глаголемое: яко сынъ ослушливый в погібель будеть, послушливый же кромѣ ея будетъ», — эти слова, какъ они не затемнены мѣстами позднѣйшими переписчиками (издатель Лавр. списка предлагаетъ вм. дѣтели чтеніе дѣтеля, относя это слово къ Кириллу), ясно показываютъ, что статьею о Кириллѣ начиналась или лѣтопись, посвященная дѣятельности Кирилла (ср. въ Лавр. сборникѣ о Кириллѣ подъ 1237, 1239 гг., при чемъ въ извѣстіи объ освященіи церкви Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ онъ названъ священнымъ епископомъ Кирилломъ, такъ же какъ подъ 1231 годомъ), или же особое сочиненіе о немъ. Принявъ во вниманіе, что статья подъ 1231 годомъ написана еще при жизни Кирилла (онъ умеръ въ 1262 году), какъ это видно изъ словъ, приводимыхъ мною въ примѣчаніи [1]), я думаю, что авторъ ея былъ составителемъ особой ростовской лѣтописи, а не составителемъ житія Кирилла епископа. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, какія части Лаврентьевскаго сборника могутъ

---

1) Бысто убо украшенье ея (церкви св. Богородицы) чюдно зѣло, акоже не бысть у преже бывшихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ вѣсть ли будеть... Много бо попеченье створи о церкви святыя Богородица, еже преже сказахомъ, еже есть и до сего дне, день отъ дне начиная и преходя отъ дѣла въ дѣло.

принадлежать этому продолжателю, остановлюсь на слѣдующихъ подробностяхъ, опредѣляющихъ, думаю, объемъ первоначальнаго ростовскаго свода. Въ разсказѣ 1231 года, мы находимъ слѣды двухъ лѣтописныхъ источниковъ: слова, принадлежащія автору статьи, о которой мы говорили: «не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кажа и вся приходящая удивлеся (вм. удивляя), князя же и велможѣ, всяку въздрасть града Ростова»... разорваны въ Лавр. сборникѣ вставкою послѣ слова «кажа» слѣдующаго содержанія: «Того же лѣта родися Василку сынъ, мѣсяца иуля въ 24 день, в праздникъ святою мученику Бориса и Глѣба, и наречено бысть имя ему Борисъ». Слѣдовательно, редакторъ Лаврентьевскаго сборника или протографа этого сборника соединилъ здѣсь два источника: извѣстіе о рожденіи Бориса Константиновича, взятое изъ одного источника, вставлено въ статью о Кириллѣ епископѣ, принадлежавшую другому источнику. Мнѣ кажется, что первымъ источникомъ была та самая лѣтопись, которая была составлена приверженцемъ ростовскаго князя Константина и его семейства. Другое, однородное съ приведеннымъ, извѣстіе читаемъ подъ слѣдующимъ 1232 годомъ: «того же лѣта оженися князь Володимеръ Костянтиновичь». Послѣ этого извѣстія, вплоть до 1248 года, мы не находимъ извѣстій, касающихся княжескаго дома Константиновичей: между тѣмъ, за время отъ 1232 до 1237 родились — у Василія Константиновича сынъ Глѣбъ (первый разъ упоминается подъ 1239 годомъ, въ числѣ оставшихся въ живыхъ послѣ татарскаго погрома суздальскихъ князей), а у Всеволода Константиновича сынъ Василій (упоминается тамъ же); въ это же время, вѣроятно, женился Всеволодъ Константиновичъ, что видно между прочимъ изъ того, что подъ 1231 годомъ при княгинѣ Василковой не упомянута еще княгиня Всеволожа. Отсюда, думаю, можно съ вѣроятностью заключить, что первая ростовская лѣтопись была доведена лишь до 1232 года. Мы находимъ еще одно указаніе на то, что составитель Лаврентьевскаго сборника или протографа этого сборника, встрѣтившись, начиная съ 1231 года съ новымъ источникомъ (епископскою лѣтописью), и затруднившись соединить данныя обоихъ своихъ источниковъ (ср. неумѣлую вставку о рожденіи Бориса Константиновича, вызванную хронологическими соображеніями: она помѣщена между событіями 18 мая и 14 августа, о которыхъ говорила епископская лѣтопись), опустилъ нѣкоторыя извѣстія своего перваго источника (княжеской лѣтописи). Оказывается, что Лаврентьевскій сборникъ совершенно не упоминаетъ о важномъ въ жизни города Ростова событіи — о перенесеніи мощей св. Леонтія изъ церкви св. Іоанна. Какъ это ясно изъ Софійской 1-й, Новгородской 4-й, Воскресенской, Никоновской лѣтописей и старѣйшей ихъ Суздальской лѣтописи по Академическому списку, перенесеніе мощей Леонтія имѣло мѣсто 25 февраля 1230 мартовскаго или 1231 январ-

скаго года [1]). Умолчаніе объ этомъ событіи тѣмъ болѣе странно, что подъ 1231 годомъ мы такъ подробно читаемъ объ украшеніи и освященіи храма св. Богородицы. Правда, въ Лавр. сборникѣ мы не найдемъ упоминанія и о паденіи ростовской соборной церкви, послѣ чего мощи святителя были, вѣроятно, временно перенесены въ церковь Іоанна, стоявшую на епископскомъ дворѣ [2]); но паденіе церкви случилось въ 1204 году (ср. Воскр., Льв., Твер. и др. лѣтописи); ростовскія же событія княжеской лѣтописи начинаются въ Лаврентьевскомъ сборникѣ съ 1206 года (отправленіе Константина въ Новгородъ). Если эта княжеская лѣтопись подъ 1213 годомъ упомянула о закладкѣ собора «на первѣмь мѣстѣ падшая церкве», естественно ждать, что подъ 1230 годомъ она скажетъ объ окончаніи храма и о перенесеніи въ него мощей Леонтія [3]). Почему же это извѣстіе не попало изъ княжеской ростовской лѣтописи въ Лаврентьевскій сборникъ? Думаю, что это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что объ этомъ событіи не упоминалъ второй источникъ ростовскихъ извѣстій — епископская лѣтопись, начинавшаяся съ 1231 года (Бысть Благовѣщенье святыя Богородица по пасцѣ во вторникъ праздныѣ недѣли). Обратившись къ этому источнику, составитель Лаврентьевскаго свода или его протографа, уже отложилъ свой первый источникъ — княжескую лѣтопись: этимъ объясняется опущеніе извѣстія о перенесеніи мощей Леонтія 25 февраля 1230 года, равно какъ и то, что извѣстіе о рожденіи Бориса Васильковича какъ бы насилу втиснуто въ текстъ епископской лѣтописи, а послѣднее извѣстіе княжеской лѣтописи о свадьбѣ Владимира Константиновича передано несомнѣнно сокращенно: не сказано, на комъ онъ женился и гдѣ вѣнчался.

Во всякомъ случаѣ думаю, что предыдущее изслѣдованіе указало на нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ объ окончаніи княжеской ростовской лѣтописи около 1232 года. Въ виду приведенныхъ выше соображеній, нахожу вѣроятнымъ, что лѣтопись эта существовала не въ отдѣльномъ видѣ, а въ лѣтописномъ сводѣ приблизительно такого же объема и характера, какъ Лаврентьевскій сборникъ въ части до 1231 года, что, слѣдовательно, ростовскій лѣтописный сводъ, составленный въ 1232 году, лежитъ въ основаніи Лаврентьевскаго сборника. Сводъ этотъ принадлежалъ тому самому лицу, которое записало ростовскія извѣстія: это слѣдуетъ изъ того, что и общесуздальскія событія, какъ указано выше, излагались здѣсь

1) Львовская лѣтопись вм. 25 февраля имѣетъ 5 февраля, причемъ по ея свидѣтельству въ тотъ же день была освящена церковь св. Богородицы. То же извѣстіе съ тѣмъ же числомъ въ Тверской лѣтописи (П. С. С. Л. XV, ст. 357), при чемъ ниже оно повторяется еще разъ по редакціи Софійской, Новгородской и др. лѣтописей (ст. 358).

2) Ср. Ключевскій, Древнерусск. житія святыхъ, с. 9—10.

3) Въ Львовской и Тверской сказано, что церковь окончена 5 февраля (ошибочно вм. 25), при чемъ туда перенесли мощи Леонтія и освятили церковь въ тотъ же день.

съ точки зрѣнія интересовъ ростовскаго князя; позднѣйшему сводчику не зачѣмъ было бы щадить память князя Константина, и онъ разсказалъ бы о распрѣ его съ отцомъ и братьями на основаніи не краткаго извѣстія ростовской лѣтописи, а длиннаго и правдиваго сообщенія лѣтописи владимирской. Слѣдовательно, въ части 1206-1232 г. княжескому лѣтописцу принадлежитъ изложеніе не однихъ только ростовскихъ событій, но вообще всѣхъ происшествій какъ суздальской Руси, такъ и южной, которыя тамъ упомянуты. И такъ, возникаетъ вопросъ, какими источниками пользовался ростовскій княжескій лѣтописецъ, разсказывая о событіяхъ, не связанныхъ съ Ростовомъ и княжескимъ семействомъ этого города? Рѣшеніе этого вопроса должно имѣть въ виду: во 1) то обстоятельство, что самостоятельный разсказъ ростовскаго лѣтописца начинается только съ 1206 года, при чемъ это стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что до этого года текстъ княжеской лѣтописи (Лаврентьевскаго сборника) весьма сходенъ съ текстомъ списковъ Радзивиловскаго (оканчивающагося 1206 годомъ), Академическаго (содержащаго за событіемъ 1206 года на пространствѣ 1205 - 1419 года заимствованія изъ другой лѣтописи), Переяславскаго (гдѣ за 1206 годомъ вплоть до 1214 идетъ самостоятельный разсказъ мѣстнаго лѣтописца); во 2) должно обратить вниманіе и на то, что южнорусскія, а также владимирскія событія переданы въ княжеской лѣтописи (Лаврентьевскомъ сборникѣ) очень близко къ тому лѣтописному разсказу, который мы находимъ въ Воскресенской, Тверской, Львовской и др. лѣтописяхъ, при чемъ однако ясно видно, что ростовскій лѣтописецъ сокращалъ его иногда весьма значительно [1]). Имѣя въ виду, что, съ одной стороны, сравнительное изученіе Радзивиловскаго, Академическаго и Переяславскаго списковъ приводитъ къ возстановленію владимирскаго свода, доведеннаго до 1206 года, а что, съ другой,— сравнительное изученіе Ипатьевской, Воскресенской, Львовской, Тверской, а также нѣкоторыхъ новгородскихъ лѣтописей приводитъ къ возстановленію владимирскаго свода, доведеннаго до 1230 года и тожественнаго со сводомъ 1206 года приблизительно лишь до 1185 года [2]), я думаю, что составитель ростовской княжеской лѣтописи, пользовался, какъ источниками, этими двумя владимирскими сводами. При этомъ въ основаніе своего труда онъ положилъ владимирскій сводъ 1230 года: на всемъ протяженіи Лаврентьевскаго сборника отъ самаго начала его до 1230 года отразился этотъ

1) Ср. Лавр. 1208 г. и Воскр. 1209 г. о нападеніи на московскую область рязанскихъ князей; подъ 1220 въ обѣихъ лѣтописяхъ о походѣ Святослава Всеволодовича противъ Болгаръ. Подъ 1213 въ Лавр. не упомянуто о пожарѣ во Владимирѣ и т. д.

2) До разсказа о владимирскомъ пожарѣ 1185 года, о которомъ согласно говорятъ Радзив., Акад. и Переясл. списки съ одной стороны, Ипатьевская лѣтопись съ другой. Послѣ 1230 года характеръ разсказа, какъ въ Лавр., такъ и въ Воскр., Льв., Твер., рѣзко мѣняется: событія суздальскія (кромѣ нашествія татаръ) разсказываются кратко и отрывочно.

древній, до насъ не дошедшій сводъ. Въ части до 1206 года сводъ этотъ дополненъ и исправленъ на основаніи свода 1206 года, изъ котораго сдѣлано нѣсколько сплошныхъ заимствованій—статей, не достающихъ въ сводѣ 1230. Наконецъ, въ части 1206-1232 владимирскій сводъ частью распространенъ, а частью и сокращенъ ростовскимъ лѣтописцемъ, внесшимъ въ свой трудъ рядъ подробностей, извѣстныхъ ему изъ устнаго преданія, и измѣнившимъ въ своемъ подлинникѣ все то, что не было благопріятно покойному князю ростовскому — Константину Всеволодовичу. Я не рѣшаюсь подробно останавливаться на доказательствѣ выставленныхъ здѣсь положеній: опредѣленіе состава Лаврентьевскаго списка, а также взаимныхъ отношеній его къ другимъ лѣтописнымъ сводамъ можетъ быть предметомъ обширнаго изслѣдованія. Укажу лишь, что только сравнительное изученіе различныхъ списковъ и редакцій можетъ привести изслѣдователя къ точному опредѣленію состава того или другого памятника, а въ особенности такихъ памятниковъ, какъ лѣтописи. Въ данномъ случаѣ изслѣдованіе должно начинаться съ систематическаго сравненія Лаврентьевскаго списка съ ближайшими — Радзиловскимъ, Академическимъ и Переяславскимъ. Сравненіе это покажетъ, что Лаврентьевскій списокъ иногда представляетъ почти буквальное сходство съ названными списками, а иногда значительно отступаетъ отъ нихъ, представляя болѣе древнія чтенія. Такъ напр., Радзивиловскій и Академическій списки [1]) говорятъ о первоначальномъ поселеніи Рюрика въ Ладогу и о послѣдующемъ лишь основаніи Новгорода; Лаврентьевскій списокъ передаетъ разсказъ въ томъ древнемъ его видѣ, въ какомъ онъ сохранился въ Начальномъ сводѣ (отразившемся въ 1-й части Новгородской 1-й лѣтописи второй редакціи, т. е. редакціи всѣхъ ея списковъ, кромѣ Синодальнаго). Я думаю, что Лаврентьевскій сборникъ сохранилъ при этомъ чтеніе основнаго источника княжеской ростовской лѣтописи—владимирскаго свода 1230 года, вліяніе же второго источника — свода 1206 года (отразившагося въ Радзивиловскомъ и Акад. спискахъ) сказалось здѣсь въ томъ, что въ Лаврентьевскомъ сборникѣ опущено названіе города, гдѣ сѣлъ Рюрикъ: «старѣйшій Рюрикъ, а другий Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третий Изборьстѣ Труворъ»—вотъ подлинное чтеніе Лаврентьевскаго сборника, исправляемое издателями, на основаніи Троицкаго списка, вставкою словъ: «сѣде Новѣгородѣ» послѣ слова «Рюрикъ». Точно также подъ 988 годомъ церковь, гдѣ

1) Переяславскую лѣтопись нельзя привлекать къ прямому сравненію съ прочими суздальскими сводами въ части до 1138 года. Изученіе ея, а также открытой г. Бѣлокуровымъ лѣтописи (ср. Русскія лѣтописи, М. 1898) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что мы въ Архивскомъ спискѣ XV в. имѣемъ дѣло съ друмя памятниками: 1) лѣтописью неизѣстнаго происхожденія, доходившею въ оригиналѣ по крайней мѣрѣ до 1143 года, 2) лѣтописью Переяславскою, откуда заимствуется, начиная съ 1138 года, продолженіе къ первой лѣтописи.

крещенъ въ Корсуни Владимиръ, названа церковью св. Василія, въ соотвѣтствіи чтенію св. Василиска Начальн. свода; въ Радзив. и Акад. она названа церковью св. Богородицы. Такъ же подъ 1157 годомъ Лаврент. сборникъ, въ противоположность Радзивил., Акад. и Переяславскому, опускаетъ указаніе на то, что Андреемъ Юрьевичемъ окончена постройка церкви св. Спаса, заложенной отцомъ его: «въ Переяславли новѣмь»: составитель княжеской ростовской лѣтописи слѣдовалъ при этомъ владимирскому своду 1230 года; вотъ почему его чтеніе сходится съ чтеніемъ Ипатьевской лѣтописи, пользовавшейся, какъ источникомъ для суздальскихъ событій, тѣмъ же сводомъ. Напротивъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ Лаврентьевскій списокъ, придерживаясь свода 1206 года, измѣнялъ и дополнялъ текстъ своего основного источника. Такъ, во Владимирскомъ сводѣ 1230 года, какъ это ясно изъ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1158 годомъ, къ извѣстію о закладкѣ Андреемъ церкви св. Богородицы во Владимирѣ, было прибавлено: «сверши же церковь 5 верховъ, и все верхы золотомъ украси [1]), и створи в нѣй епископью». Эти слова, восходящія, думаю, къ первоначальному суздальскому своду, доходившему до 1185 года, были выпущены въ сводѣ 1206 года, а подъ вліяніемъ его и въ княжеской ростовской лѣтописи [2]). Такъ, во Владимирскомъ сводѣ извѣстіе о рожденіи Владимира Всеволодовича, какъ это видно изъ Ипатьевской лѣтописи (1193 годъ, с. 454), было изложено иначе, чѣмъ въ сводѣ 1206 года (начиная съ 1186 года, сводъ этотъ не имѣлъ общаго источника со сводомъ 1230 года): въ Лаврент. спискѣ оно изложено согласно со сводомъ 1206 года (1194 годъ, изд. с. 391). — Открывая такимъ образомъ два источника въ части до 1206 года въ Лаврентьевскомъ сборникѣ, изслѣдователь, при помощи привлеченія къ сравненію другихъ лѣтописныхъ сводовъ, приходитъ къ заключенію, что первый изъ нихъ — это и есть тотъ самый сводъ 1206 года, къ возстановленію котораго приводитъ изученіе Радзивиловскаго, Академическаго и Переяславскаго списковъ, а второй заключалъ разсказъ и о позднѣйшихъ событіяхъ XIII вѣка. Сравненіе Лаврентьевскаго сборника въ части 1206 - 1232 съ Воскресенскимъ, Львовскимъ, Тверскимъ и другими сводами приводитъ къ возстановленію объема этого второго источника: онъ могъ доходить только до 1230 года. Въ этомъ сводѣ не было замѣтно руки ростовскаго лѣтописца, приверженца Константина и его семейства; если личность этого лѣтописца такъ ясно выступаетъ въ части 1206 - 1232 въ Лаврентьевскомъ сбор-

1) То же читаемъ въ похвалѣ Андрею по Ипатьевской лѣтописи подъ 1175 годомъ (с. 395 изданія).

2) Обновленіе храма, сгорѣвшаго въ 1185 году, Всеволодомъ (въ 1194 году) было причиной, почему народное преданіе приписало Андрею построеніе церкви съ однимъ верхомъ, а Всеволоду честь пристройки еще четырехъ верховъ.

никѣ, естественно предположить, что владимирскій сводъ подвергся обработкѣ при внесеніи въ другой сводъ именно со стороны этого ростовскаго лѣтописца и такъ же естественно сдѣлать дальнѣйшее предположеніе: этотъ лѣтописецъ составилъ свой сводъ около 1232 года на основаніи двухъ указанныхъ выше владимирскихъ сводовъ и устныхъ ростовскихъ преданій.

Я сдѣлалъ такое длинное отступленіе отъ прямой моей задачи — дать разборъ изслѣдованія г. Тихомирова для того, чтобы выяснить, какихъ, по моему мнѣнію, пріемовъ долженъ держаться изслѣдователь нашего древняго лѣтописанія. Пусть результаты такого изслѣдованія покажутся гадательными и окажутся впослѣдствіи ошибочными, но это нисколько не измѣнитъ того положенія, что, замыкаясь въ одномъ какомъ-либо памятникѣ, изслѣдователь никогда не получитъ возможности опредѣлить его составъ и происхожденіе, и что единственно надежнымъ путемъ долженъ быть признанъ путь сравнительно-историческій. Подобно тому, какъ изслѣдованіе языка не можетъ оставаться на почвѣ одного языка и довольствоваться случайнымъ и несистематическимъ сравненіемъ фактовъ этого языка съ фактами другихъ языковъ; подобно тому какъ это изслѣдованіе становится научнымъ только послѣ привлеченія къ систематическому сравненію данныхъ нѣсколькихъ родственныхъ языковъ, при чемъ это сравненіе прежде всего приводитъ къ возстановленію древнѣйшихъ эпохъ въ жизни изслѣдуемыхъ языковъ, а затѣмъ и къ возстановленію того общаго языка, изъ котораго они произошли, — такъ же точно изслѣдователь литературнаго памятника долженъ прежде всего подвергнуть этотъ памятникъ сравнительному изученію съ ближайшими, наиболѣе сходными, для того чтобы опредѣлить послѣдовательный ходъ въ развитіи изслѣдуемаго памятника и возстановить тотъ первоначальный видъ, къ которому онъ восходитъ.

Впрочемъ, я далекъ отъ мысли отрицать значеніе работы г. Тихомирова и нахожу, что въ ней онъ ясно показалъ свое глубокое знаніе нашихъ лѣтописей и обнаружилъ свой талантъ научнаго анализа.

Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Изслѣдованіе И. А. Тихомирова. Спб. 1896.

Изслѣдователю русскихъ историческихъ памятниковъ московскіе лѣтописные своды представляютъ особый интересъ, какъ по обилію заключающихся въ нихъ данныхъ, такъ и потому, что въ нихъ отразилось лѣтописаніе всей древней Руси: лѣтописи кіевскія, новгородскія, суздальскія,

тверскія нашли себѣ мѣсто въ этихъ сводахъ. Г. Тихомировъ, представившій обстоятельное обозрѣніе московскихъ сводовъ и изучившій отношенія ихъ къ другимъ русскимъ лѣтописямъ, справедливо провелъ сравненіе между политическимъ значеніемъ Москвы и дошедшимъ до насъ ея лѣтописаніемъ. «Включивъ въ свои границы территорію княжествъ, говоритъ изслѣдователь (с. 3), Москва вмѣстѣ съ тѣмъ включила въ свои лѣтописные своды и ихъ исторію». Но политическое могущество Москвы создавалось постепенно, удѣльныя княжества присоединялись къ новому государственному тѣлу лишь послѣ упорной и продолжительной борьбы. Изслѣдователю, напавшему на удачное сравненіе, подмѣтившему существующее въ дѣйствительности соотношеніе между исторіею Москвы и ея историческими памятниками, слѣдовало прослѣдить оба явленія — ростъ Москвы и развитіе ея лѣтописанія — въ ихъ процессѣ. Къ сожалѣнію, г. Тихомировъ не поставилъ себѣ этой задачи и мы имѣемъ передъ собой только *обозрѣніе состава* дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ. Такимъ образомъ, трудъ г. Тихомирова оказывается не историческимъ изслѣдованіемъ московскихъ лѣтописей, а критическимъ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Авторъ настоящей рецензіи глубоко убѣжденъ въ томъ, что только историческое,—можетъ быть, точнѣе — сравнительно-историческое изслѣдованіе, литературныхъ памятниковъ можетъ привести къ удачнымъ научнымъ результатамъ; выводы, добытые иными пріемами изслѣдованія, представляются непрочными и не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Очень часто, представляясь вѣрными сами по себѣ, они распадаются, какъ только мы разсмотримъ ихъ съ точки зрѣнія сравнительно-исторической. Такъ, напр., на сс. 9—10 г. Тихомировъ знакомитъ насъ съ тѣми пріемами, которымъ слѣдовалъ составитель Воскресенскаго свода, дѣлая заимствованія изъ Новгородскихъ лѣтописей. Подъ 1393 годомъ, вмѣсто словъ «съ челобитьемъ по старинѣ» новгородскихъ лѣтописей, мы находимъ въ Воскресенскомъ сводѣ слѣдующія слова, относящіяся къ новгородцамъ, приславшимъ пословъ къ великому князю: «біюще челомъ за своя вины и за грубости и за неисправленія своя». Выводъ автора, что это измѣненіе въ текстѣ сдѣлано составителемъ Воскресенскаго свода, повидимому, вѣренъ. Но передъ этимъ тому же составителю приписана замѣна словъ подлинника (ср. подъ 1386 г. Новг. 4-ю лѣт.), гдѣ восхваляется конная и пѣшая рать новгородская, фразою: «новгородци же слышавше начаша боятися велми»; между тѣмъ замѣна эта восходитъ ко времени составленія Софійской 1-й лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 241), и слѣдовательно, приведенная фраза заимствована въ Воскресенскій сводъ изъ одного изъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи. Очевидно, сравнительно-историческое изученіе указало бы г. Тихомирову на связь Воскресенскаго

свода съ Софійскими и предостерегло бы его отъ поспѣшнаго вывода. На с. 20 ростовскія записи признаются однимъ изъ источниковъ Воскресенскаго свода: приведенныя, въ подтвержденіе этого, извѣстія находятся и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ (какъ это извѣстно и автору), и при томъ въ такомъ же соединеніи съ другими не ростовскими извѣстіями, какое замѣчается и въ Воскресенскомъ сводѣ. Такъ, передъ извѣстіемъ о поставленіи Григорія, епископа ростовскаго (1396 г.), въ Софійской 1-й лѣтописи, согласно, съ Воскресенскимъ сводомъ, читаемъ о посылкѣ Витовтомъ рати на рязанскую землю, а послѣ этого извѣстія въ Софійской 2-й, согласно съ тѣмъ же сводомъ, говорится о свиданіи Василія Дмитріевича съ Витовтомъ въ Смоленскѣ: отсюда, думаю, ясно, что составитель Воскресенскаго свода пользовался не ростовскими записями, а болѣе древними лѣтописными сводами, гдѣ эти записи читались въ соединеніи съ другими извѣстіями. Если бы г. Тихомировъ не ограничился обзоромъ состава лѣтописныхъ сводовъ, а подвергъ бы ихъ сравнительному изученію, въ результатѣ оказалось бы, «что составитель Воскресенскаго свода пользовался матеріаломъ первоначальныхъ лѣтописныхъ записокъ не въ сыромъ видѣ, а въ обработкѣ его для другого лѣтописнаго сборника». (Прѣсняковъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1896 г.).

Можно было бы значительно увеличить число подобныхъ ошибочныхъ или неточныхъ утвержденій въ изслѣдованіи г. Тихомирова. Ошибки и неточности неизбѣжны въ такой сложной работѣ, какою представляется изученіе лѣтописей, ихъ состава и взаимныхъ отношеній. Рецензенту, убѣжденному въ томъ, что онѣ произошли отъ неправильности метода, погрѣшностей въ пріемахъ изслѣдованія, можно ограничиться указаніемъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, недостатковъ разбираемаго труда и показать, что эти недостатки оказываются прямымъ слѣдствіемъ неправильной постановки задачи и пренебреженія сравнительно-историческими пріемами изслѣдованія.

Прежде всего укажу, что успѣшное изученіе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ можетъ начаться только тогда, когда къ сравнительно-историческому изслѣдованію будетъ привлеченъ весь необходимый для того матеріалъ. До этого, утвержденія, будто Москва не имѣла, подобно Новгороду или Пскову, особыхъ спеціальныхъ лѣтописныхъ сводовъ, въ которые были бы помѣщены исключительно только Московскія лѣтописи (Тихомировъ, с. 3) или, что лѣтописные сборники возникли въ Москвѣ далеко послѣ ея появленія на страницахъ исторіи, уже въ періодъ ея могущества (тамъ же), представляются преждевременными. Между тѣмъ, г. Тихомировъ основалъ свое изслѣдованіе на далеко неполномъ матеріалѣ: нѣкоторые московскіе своды онъ совершенно упустилъ изъ вниманія (см. ниже); другіе об-

слѣдованы имъ настолько недостаточно, что изъ нихъ не извлечены ясныя указанія на историческую преемственность этихъ сводовъ; наконецъ, не приняты совсѣмъ во вниманіе тѣ указанія на московскіе своды, которыя мы находимъ въ нѣкоторыхъ сводахъ новгородскаго происхожденія. Далѣе мнѣ придется отмѣтить отсутствіе всякаго изслѣдованія о памятникахъ, привлеченныхъ къ разсмотрѣнію: не говоря уже о томъ, что авторъ останавливается только на тѣхъ частяхъ лѣтописныхъ сводовъ, гдѣ начинаются московскія извѣстія, онъ не пытается опредѣлить ни времени происхожденія обозрѣваемыхъ памятника, ни различныхъ ихъ редакцій. Наконецъ, г. Тихомировъ, указывая постоянно на сходство изслѣдуемыхъ лѣтописныхъ сводовъ и объясняя это сходство пользованіемъ общими источниками, не выясняетъ дѣйствительной причины внутренней связи между московскими сводами и не пытается установить взаимныхъ между ними отношеній; вотъ почему онъ расположилъ изслѣдуемые своды не въ хронологическомъ порядкѣ: Новгородская 4-я лѣтопись древнѣе по времени возникновенія многихъ другихъ московскихъ сводовъ, между тѣмъ авторъ разсматриваетъ ее послѣ всѣхъ другихъ сводовъ.

Такимъ образомъ, мой разборъ распадается на нѣсколько частей: въ 1-й я укажу на своды, не принятые во вниманіе г. Тихомировымъ, во 2-й укажу на возможность признать московскими такіе своды, которые только отчасти разсмотрѣны авторомъ; въ 3-й я попытаюсь доказать существованіе московскаго лѣтописнаго свода уже въ XIV ст.; въ 4-й сдѣлаю нѣсколько необходимыхъ замѣчаній о времени возникновенія московскихъ сводовъ XVI в. и объ ихъ редакціяхъ; наконецъ, въ 5-й перейду къ вопросу о взаимномъ отношеніи московскихъ сводовъ и объ общихъ ихъ первоисточникахъ.

I.

Въ началѣ своего труда г. Тихомировъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ матеріалъ, подлежащій изслѣдованію:

«До сихъ поръ извѣстны три Московскіе лѣтописные свода: Воскресенскій, Никоновскій съ его продолженіями, Софійскіе 1-й и 2-й. Кромѣ того, Московскія лѣтописи вошли въ составъ нѣкоторыхъ списковъ (Академическаго и Хронографа — рукопись XVI вѣка) такъ называемой Четвертой Новгородской лѣтописи». Въ это опредѣленіе вкралась, очевидно, ошибка: авторомъ названы не три свода, а четыре, кромѣ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, такъ какъ Софійскій 1-й сводъ ни въ коемъ случаѣ нельзя признать однимъ общимъ памятникомъ съ Софійскимъ 2-мъ сводомъ: оба свода сходны только до 1392 года (включительно), а за тѣмъ настолько же отличны между собой, насколько и другіе московскіе своды:

впрочемъ, самъ авторъ разсматриваетъ ихъ отдѣльно, въ двухъ отдѣлахъ III главы, озаглавленной «Софійскіе лѣтописные своды». Ниже я еще разъ вернусь къ приведенному опредѣленію г. Тихомирова. Изъ него видно, что ему остались совершенно неизвѣстны нѣкоторые другіе московскіе своды, каковы Троицкій пергаменный начала XV в., нынѣ утраченный, но довольно хорошо извѣстный по выпискамъ изъ него въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина (I—V тт.); Львовская лѣтопись, названная такъ по имени издателя, выпустившаго ее въ свѣтъ въ 1792 году въ пяти томахъ (рукопись, послужившая оригиналомъ для изданія, неизвѣстна); Хронографъ, частью сохранившійся въ редакціи 1512 года (1-я редакція, по опредѣленію А. Н. Попова), а частью отразившійся въ нѣкоторыхъ другихъ лѣтописныхъ сводахъ (ср. ниже); Русскій Временникъ, или такъ называемая Костромская лѣтопись, изданная подъ первымъ названіемъ два раза въ 1792 и 1820 гг. въ двухъ томахъ, и нѣкоторые другіе.

Троицкая лѣтопись обрывалась на лѣтописномъ разсказѣ 1409 года. «Описаніемъ Эдигеева нашествія, говоритъ Карамзинъ, заключается Троицкій Лѣтописецъ. Видно, что сочинитель умеръ». (Ист. Гос. Росс. V, прим. 207). Эта лѣтопись была въ полномъ смыслѣ слова московскимъ сводомъ; исторіографъ называетъ ее главною современною лѣтописью княженія Василія Дмитріевича (т. V, прим. 144), а судя по дошедшимъ выпискамъ, въ ней уже содержались тѣ древнѣйшія московскія извѣстія, которыя г. Тихомировъ прослѣдилъ по позднѣйшимъ московскимъ лѣтописнымъ сводамъ. Такъ въ ней читалось о пожарѣ въ Москвѣ 3-го мая 1331 г. [1]) (Ист. Гос. Росс., т. IV, прим. 322), о подписаніи въ Москвѣ двухъ церквей — Успенской и Архангельской въ 1344 г. [2]) (т. IV, прим. 372), о подписаніи св. Спаса въ 1345 г. [3]) (т. IV, прим. 372) и т. д. Уже въ ней отразилось сознательное отношеніе москвича къ окружавшей его политической жизни; такъ, по поводу недоразумѣній, возникшихъ въ 1386 году между московскимъ великимъ княземъ и новгородцами, лѣтописецъ замѣчаетъ: «таковъ бо есть обычай новгородцевъ: часто праваютъ (присягаютъ) ко Князю къ великому, и паки рагозятся (ссорятся) и не чудися тому: бѣша бо человѣци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни...» (т. V, прим. 148). Въ виду всего этого, а въ особенности несомнѣнной своей древности, Троицкая лѣтопись должна была бы занять первое или одно изъ первыхъ мѣстъ въ изслѣдованіи, посвященномъ московскимъ лѣтописнымъ сводамъ.

---

1) Воскр. VII, 202, Никон. X, 204, ср. у Тихомирова стр. 6.
2) Воскр. VII, 209, Никон. X, 216, ср. у Тихомирова стр. 12.
3) Воскр. VII, 209, Никон. X, 216, ср. у Тихомирова стр. 12.

Львовская лѣтопись представляется для изслѣдователя московскаго лѣтописанія XVI вѣка въ высшей степени важною: несомнѣнно она, или точнѣе ея протографы, ея древнѣйшія редакціи, были посредствующими звеньями между нѣкоторыми изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ. Такъ, въ части до 1518 года включительно она оказывается почти тожественною съ Софійскою 2-й лѣтописью (Архивскій списокъ этой лѣтописи оканчивается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ другой списокъ—Воскресенскій начинаетъ разниться съ Львовскою, т. е. на 1518 годѣ); въ той же редакціи, она вліяла на Никоновскую лѣтопись, которая съ 1518 г. слѣдуетъ не тремъ, а только двумъ источникамъ, а съ 1521 года уже только одному источнику — Воскресенскому своду[1]); въ редакціи 1533 года Львовская лѣтопись была однимъ изъ источниковъ Воскресенскаго свода; наконецъ, въ ней сохранился лѣтописный разсказъ 1534—1560 гг., тожественный съ тѣмъ московскимъ сводомъ, на основаніи котораго дополнены списки Никоновской и Карамзинскій списокъ Воскресенской лѣтописи. Ниже я подробнѣе остановлюсь на доказательствѣ этихъ положеній; здѣсь я хотѣлъ только указать на важное мѣсто, которое занимаетъ среди московскихъ сводовъ совершенно забытая г. Тихомировымъ Львовская лѣтопись.

Русскія лѣтописныя статьи Хронографа, извѣстныя главнымъ образомъ по редакціи 1512 года[2]), несомнѣнно извлечены изъ какого-то до насъ не дошедшаго лѣтописнаго свода московскаго происхожденія. Это ясно въ особенности изъ послѣднихъ статей редакціи 1512 года, относящихся къ событіямъ XV вѣка, въ которыхъ, напр., описана довольно подробно борьба Василія Василіевича съ дядей и двоюродными братьями. Не могу обстоятельно доказать того положенія, что первоначальнымъ видомъ редакціи 1512 года надо признать не тѣ списки, гдѣ русскихъ статей мало (напр. списки Погод. №№ 1439, 1440, Эрмит. № 2), а тѣ, гдѣ онѣ представлены полностью (Погод. № 1443): ограничусь только замѣчаніемъ, что одинъ изъ исправнѣйшихъ списковъ редакціи 1512 года, списокъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря (ср. П. С. Р. Л., VI, с. 115), сходенъ именно съ тѣми списками, которые не сократили числа русскихъ лѣтописныхъ извѣстій. Ближайшее изученіе этихъ статей показываетъ, что онѣ почти дословно передаются въ цѣломъ рядѣ лѣтописныхъ сводовъ. Таковы своды московскаго и новгородскаго происхожденія, дополнившіе свои оригиналы (основныя части), доходившіе до середины XV в., лѣтописнымъ разсказомъ, обнимавшимъ событія XV и частью начала XVI вѣка. На нѣ-

1) Тожество Никоновскаго и Воскресенскаго сводовъ начинается не съ 1526 г. приблизительно (Прѣсняковъ и Тихомировъ), а именно съ 1521 года.

2) Онѣ изданы А. Н. Поповымъ въ Изборникѣ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. М. 1869 (ср. стр. 1—87).

которые изъ этихъ сводовъ обратилъ вниманіе и г. Тихомировъ, а потому я теперь же назову ихъ и укажу на ихъ связь съ Хронографомъ редакціи 1512 года. Списокъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи призпанъ г. Тихомировымъ московскимъ сводомъ (с. 78 — 79): не буду пока останавливаться на вопросѣ объ отношеніи этого списка къ другимъ спискамъ Софійской 1-й лѣтописи; отмѣчу только, что составитель списка Царскаго дополнилъ основной текстъ Софійской 1-й лѣтописи заимствованіями изъ другого источника. Сначала эти заимствованія читаются только на поляхъ и лишь изрѣдка вносятся въ текстъ [1]), но уже съ 1383 года дополненія, внесенныя въ текстъ Софійской 1-й лѣтописи, настолько значительны, что издателямъ V т. П. С. Р. Л. пришлось печатать текстъ списка Царскаго параллельно съ текстомъ другихъ списковъ [1]). Въ этихъ параллельныхъ мѣстахъ надо отличать: а) текстъ, сходный съ прочими списками или сокращенный сравнительно съ ними (напр. подъ 1386 г.), б) дополненія къ нему. До 1462 года текстъ списка Царскаго находится въ зависимости отъ текста Софійской 1-й лѣтописи (представленной, напр., Бальзеровскимъ спискомъ); событія 1462 - 1471 излагаются по другому источнику уже совсѣмъ самостоятельно; но затѣмъ повѣсть о взятіи Новгорода заимствуется опять-таки изъ Бальзеровскаго или сходнаго съ нимъ списка; все остальное списывается изъ другого источника, при чемъ лѣтописный разсказъ доводится до ноября 1508, январскаго, а сентябрьскаго 1509 года. И такъ, составитель списка Царскаго пользовался двумя лѣтописными сводами: основнымъ — Софійскою 1-ю лѣтописью и дополнительнымъ [2]); указаній на большее число источниковъ мы не имѣемъ, а напротивъ, увидимъ ниже, что, напр., всѣ дополненія, начиная съ 1447 года и кончая 1496 г., во всякомъ случаѣ восходятъ къ одному источнику. Что же представлялъ изъ себя дополнительный источникъ списка Царскаго? Сопоставленіе замѣтокъ и статей, восходящихъ къ этому источнику, на пространствѣ до 1451 года съ соотвѣтствующими мѣстами Хронографа редакціи 1512 года не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что оба памятника пользовались однимъ общимъ источникомъ. Такъ подъ 1099 годомъ (вмѣсто 1089) и въ Хронографѣ

---

1) Ср. отмѣтки на поляхъ подъ 884 и 885 гг. о покореніи Олегомъ сѣверянъ и радимичей, подъ 942 о рожденіи Святослава, подъ 1319 г. слова: «на мѣстѣ нарицаемѣмъ бортеневѣ», подъ 1350 о рожденіи Димитрія Ивановича и др. Въ текстъ внесены извѣстія—подъ 1024 о рожденіи Изяслава, подъ 1055 о походѣ на торковъ, подъ 1075 объ основаніи Печерской церкви, подъ 1087 о походѣ на Перемышль, подъ 1099 (такъ!) объ освященіи Печерской церкви, подъ 1251 о смерти Святослава Всеволодовича, подъ 1308 о прибытіи Петра митрополита на Русь (въ 1309 г.) и объ умноженіи мышей, поѣвшихъ жито, вслѣдствіе чего сдѣлался голодъ.

2) Иногда списанная изъ основного источника статья зачеркивается, если въ дополнительномъ источникѣ содержатся тѣ же извѣстія; это мы находимъ, напр., подъ 1445, 1455 (ср. П. С. Р. Л. V, стр. 267—268, прим. а и прим. е; стр. 271, прим. а).

(Поповъ, стр. 14) и въ сп. Царскаго приведено извѣстіе объ освященіи Печерской церкви; подъ 1247 читаемъ на полѣ списка Царскаго (V, стр. 186, прим. и) то же, что въ текстѣ Хронографа (Поповъ, стр. 44): «сѣде въ володимери на столѣ по ярославѣ братъ его святославъ, и сидѣ лѣто едино, и прогна и князь михайло ярославичь»; ниже подъ 1249 въ текстъ списка Царскаго внесено извѣстіе объ убіеніи Михаила Ярославича на Поротвѣ, вполнѣ сходное съ Хронографомъ (Поповъ, стр. 45). Подъ 1409 къ перечисленію городовъ, опустошенныхъ Эдигеемъ, въ спискѣ Царскаго прибавлена Верея (V, стр. 257, прим. д): то же находимъ (подъ 1408 г.) въ Хронографѣ (Поповъ, стр. 70). Подъ 1408 въ сп. Царскаго (V, 256) и Хронографѣ (Поповъ, стр. 70) одинаково ошибочно читается били вм. были: «а Москвичи били подъ Вязмою». Подъ 1414, въ сп. Царскаго (въ другихъ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи этого извѣстія нѣтъ) на полѣ извѣстіе о поѣздкѣ митрополита Фотія въ Царьградъ и ограбленіи его Витовтомъ изложено такъ же, какъ въ текстѣ Хронографа (Поповъ, стр. 70—71). Лѣтописный разсказъ 1433, 1435-1438, 1446, 1447, 1451 и др. годовъ въ спискѣ Царскаго почти дословно сходенъ съ соотвѣтствующими мѣстами Хронографа и т. д. Въ виду всего этого для меня является вполнѣ доказаннымъ, что дополнительный источникъ списка Царскаго и лѣтописный сводъ, которымъ пользовался составитель Хронографа редакціи 1512 года, вполнѣ тожественны между собою, при чемъ можно даже съ вѣроятностью предполагать, что онъ оканчивался именно на разсказѣ о событіяхъ 1508 (1509) года, такъ какъ весьма правдоподобно, что составитель Хронографа редакціи 1512 года пользовался, при внесеніи въ него русскихъ статей, современнымъ ему спискомъ лѣтописи. Но возможно и другое предположеніе: изученіе редакціи 1512 года сравнительно съ другою дошедшею до насъ редакціей (списки, не раздѣленные на главы) показываетъ, что редакторъ 1512 года совсѣмъ или почти совсѣмъ не вносилъ новаго матеріала въ передѣланную имъ основную редакцію Хронографа [1]); съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ основной редакціи Хронографа находились русскія лѣтописныя статьи: онѣ частью сокращены, частью совсѣмъ опущены въ той поздней редакціи, къ которой восходятъ списки, не раздѣленные на главы; въ этомъ не трудно убѣдиться изъ изученія тѣхъ обрывковъ русскихъ статей, которые сохранились въ этихъ спискахъ [2]). Слѣдовательно, мы въ правѣ думать, что редакторъ 1512 года подвергъ своей переработкѣ такой

1) Не могу подробно останавливаться здѣсь на доказательствѣ этого положенія, но отмѣчу, что оно согласуется вполнѣ съ выводами Истрина, изучавшаго Александрію по редакціи 1512 года въ сравненіи съ другою редакціей.

2) Отмѣчу, напр., что, рядомъ съ отсутствіемъ извѣстія о крещеніи Руси и о нашествіи Батыя, мы читаемъ тамъ о годѣ вокняженія Семена Ивановича (сходно съ ред. 1512 г.), Ивана Ивановича и Димитрія Ивановича.

текстъ Хронографа, гдѣ уже былъ помѣщенъ лѣтописный разсказъ, доведенный до 1508 года, т. е., что еще за четыре года до появленія такъ называемой 1-й редакціи Хронографа была извѣстна другая, болѣе полная, лежащая въ основаніи обѣихъ дошедшихъ до насъ редакцій — 1512 года и списковъ, не раздѣленныхъ на главы. Впрочемъ, эта редакція 1508 года не можетъ быть признана первоначальною: я думаю, что Хронографъ составленъ въ Россіи сербомъ (и именно Пахоміемъ) въ 1442 году[1]); уже въ первой основной редакціи онъ содержалъ русскія лѣтописныя статьи, что особенно ясно видно на статьѣ объ убіеніи Батыя, несомнѣнно находившейся въ первоначальной редакціи[2]) и принадлежащей перу Пахомія (ср. Ключевскій, Древнерусск. житія св.). Въ виду этого, думаю, что въ основной редакціи Хронографа лѣтописный разсказъ доходилъ до 1441 или 1442 года, но что впослѣдствіи къ нему присоединенъ разсказъ о современныхъ событіяхъ, при чемъ послѣдовательный рядъ редакцій Хронографа довелъ его до 1508 года. Каково бы ни было, впрочемъ, происхожденіе Хронографа, мы, въ виду доказаннаго тожества дополнительнаго источника списка Царскаго съ источникомъ Хронографа редакціи 1512 года, а также въ силу того соображенія, что эта редакція является лишь переработкою редакціи болѣе полной и болѣе древней,—должны допустить существованіе такого историческаго памятника, гдѣ первоначальныя статьи Хронографа были соединены съ русскою лѣтописью, доведенною до 1508 года.

Изъ этого то памятника, который мы назовемъ Хронографомъ, извлекъ дополненія къ тексту Софійской 1-й лѣтописи составитель списка Царскаго. Изъ него же внесены дополненія къ тому списку Новгор. 4-й лѣтописи, который читается въ одной рукописи съ Еллинскимъ лѣтописцемъ (Синод. библ. № 280). Новгородская 4-я лѣтопись по этому списку, такъ же какъ по многимъ другимъ спискамъ (напр. Публичн. библ., Погод. 1404а, Акад. XVIII), доведена до 1447 года, а именно до извѣстія о цѣнѣ ржи въ Новгородѣ въ теченіе этого 1447 года[3]). Вслѣдъ за этимъ, и начиная съ извѣстія о рожденіи Андрея Васильевича 14 августа (П. С. Р. Л., IV, стр. 126 и 146 - 165), находимъ извлеченіе изъ Московскаго свода, какъ это отмѣтилъ и г. Тихомировъ (стр. 80). Доходя до событій 1496 года и обрываясь на неоконченномъ извѣстіи этого года, Синод. № 280 содержитъ

1) Указаніе на этотъ годъ извлекаю изъ списковъ, не раздѣленныхъ на главы, гдѣ число лѣтъ царствованія Іоанна VIII опредѣлено 17-ью, между тѣмъ какъ онъ парствовалъ болѣе 23 лѣтъ (1425—1449); слѣдовательно, хронографъ составленъ въ семнадцатый годъ его царствованія.

2) Въ редакціи списковъ, не раздѣленныхъ на главы, опустившей ее, мы находимъ указаніе на эту статью въ заимствованіи словъ «и нареченъ бысть Владиславъ», внесенныхъ въ разсказъ о св. Савѣ (Поповъ, Изборникъ, стр. 33, прим. и стр. 44).

3) Въ томъ же лѣтѣ ржи коробья по полтинѣ бысть (П. С. Р. Л. IV, 126).

въ части 1446 - 1496 лѣтопись, совершенно сходную съ только что разсмотрѣннымъ спискомъ Царскаго. Напрасно г. Тихомировъ думаетъ, что только въ началѣ (1446 - 1470) эта лѣтопись сходна съ Софійскою 1-ю по списку Царскаго, а затѣмъ съ 1471 - 1474 годовъ извѣстія ея представляютъ сходство съ Софійскою 2-ю лѣтописью, при чемъ въ концѣ, съ 1474 г., «идутъ заимствованія изъ общаго Московскаго лѣтописнаго свода и извѣстія сходны съ Воскресенскимъ и Софійскимъ сводами» (стр. 80 - 81). Въ спискѣ Царскаго и въ Синод. № 280 (называемомъ г. Тихомировымъ, вслѣдъ за издателями IV т. П. С. Р. Л., спискомъ Хронографа) подъ 1471 годомъ мы также находимъ сходныя извѣстія (ср. V, 275 и IV, 150: пять первыхъ строкъ); правда, походъ на Новгородъ изложенъ въ обоихъ спискахъ разно, но это зависѣло отъ того, что Синод. № 280 слѣдовалъ своему дополнительному источнику, а списокъ Царскаго, обратившись къ основному источнику, заимствовалъ изъ него повѣсть о взятіи Новгорода, озаглавленную «Словеса избранна отъ святыхъ писаній...» (ср. VI, 1 - 15). Но послѣ этого отступленія тексты Синод. № 280 (IV, 150) и списка Царскаго (VI, 31 и слѣд.) оказываются опять тожественными, при чемъ подъ 1472 и 1473 гг. мнѣ почти не удалось отмѣтить между ними отличій. [1]). Непонятно поэтому утвержденіе г. Тихомирова о сходствѣ разсказа 1471—1474 въ Синод. № 280 съ Софійскою 2-ю лѣтописью, гдѣ напр. краткому разсказу о войнѣ московскаго великаго князя съ Новгородомъ соотвѣтствуетъ длинная статья «О брани на Новъгородъ» (VI, 191 - 194), а краткому извѣстію о прибытіи царевны Софіи въ Москву (IV, 151) противополагается длинный разсказъ о сватаніи ея великимъ княземъ и о ея пріѣздѣ въ Москву (VI, 196 - 197). Различіе между Синод. № 280 и спискомъ Царскаго начинается нѣсколько ниже; а именно, съ 1474 года текстъ Синод. № 280 значительно короче списка Царскаго, но уже съ 1480 года, съ январскихъ событій, оба текста опять вполнѣ сходны, отличаясь лишь немногими вставками и дополнительными извѣстіями, внесенными, сравнительно съ Синод., въ списокъ Царскаго: сюда относятся вставки подъ 1482 г. (о прибытіи къ великому князю Өедора Ивановича Бѣльскаго и о псковскихъ событіяхъ), подъ 1490 о смерти Венгерскаго короля Матоея, о послѣдовавшихъ затѣмъ иностранныхъ событіяхъ и о прибытіи къ великому князю нѣсколькихъ служилыхъ князей, а также иноземныхъ пословъ; кромѣ того, имѣются и другія менѣе существенныя вставки [2]). Но въ общемъ

---

1) Въ Синод. № 280, вопреки списку Царскаго, не указанъ день, когда Ахматъ подошелъ къ Алексину (30 іюля); далѣе опущены извѣстія о посѣщеніи Юріемъ Васильевичемъ больной матери въ Ростовѣ, а также о послѣдовавшей затѣмъ его смерти.

2) Обратно, вмѣсто длиннаго разсказа 1481 г. о возвращеніи Софіи, укрывавшейся отъ нашествія татаръ, въ Москву, сходнаго съ Соф. 2-ю и Львовскою, мы читаемъ въ

можно признать весьма близкое сходство въ разсказѣ 1480-1496 гг. между обоими нашими списками: очевиднѣе всего это сходство по изданію списка Царскаго въ VI т. П. С. Р. Л., гдѣ, напр., подъ 1486, 1487, 1492—1494 гг. находятся ссылки на полное тожество лѣтописнаго разсказа списка Царскаго съ Синод. № 280. Поэтому надо предположить, что дополненія какъ въ спискѣ Царскаго къ Софійской 1-й лѣтописи, такъ въ Синод. № 280 къ Новгородской 4-й заимствованы изъ одного общаго источника—Хронографа. Но при этомъ въ Синод. спискѣ отразилась редакція Хронографа болѣе ранняя, чѣмъ въ спискѣ Царскаго: отсюда объясняются различія между ними. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, гдѣ оканчивался оригиналъ, которымъ пользовался составитель Синодальнаго списка, такъ какъ списокъ этотъ, что̀ мы отмѣтили уже выше, обрывается на неоконченной фразѣ въ лѣтописномъ разсказѣ 1496 года; но вѣроятно, что Хронографъ, отразившійся въ Синодальномъ спискѣ, доходилъ не до 1508 года, т. е. не до того года, до котораго доведенъ тотъ Хронографъ, откуда сдѣланы заимствованія въ списокъ Царскаго. Мы имѣемъ основаніе думать, что онъ оканчивался 1506 годомъ. Въ числѣ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи мы находимъ еще одинъ списокъ, дополненный, начиная съ 1447 года, выписками изъ московской лѣтописи — это Академическій списокъ, о которомъ говоритъ и г. Тихомировъ на стр. 80, называя послѣднюю дополнительную часть его краткою Московскою лѣтописью. По вѣрному замѣчанію автора, московскія извѣстія частью буквально сходны съ извѣстными московскими сводами — Воскресенскимъ, Софійскимъ и Синод. спискомъ Новгородск. 4-й лѣтописи: но ближайшее разсмотрѣніе ихъ доказываетъ существованіе тѣснѣйшей связи между ними и именно только что разсмотрѣннымъ Синодальнымъ спискомъ. Дополнительная часть Академическаго списка доходитъ до 1515 года; подъ 1512, 1513 и 1515 годомъ въ ней изложены московскія событія, подъ 1507-1510 излагаются событія новгородскія; такимъ образомъ дополнительную часть Академическаго списка можно раздѣлить на три части: первая обнимаетъ московскія событія 1447-1506, вторая новгородскія 1507-1510 и третья московскія же 1512-1515 гг. Сходство съ Синод. спискомъ прекращается тамъ, гдѣ обрывается этотъ списокъ, т. е. на 1496 году, но слѣдующія затѣмъ извѣстія 1496 и 1500 гг. оказываются сходными со спискомъ Царскаго [1]), а выше было̀ доказано, что Синод. № 280 и списокъ Царскаго пользова-

сп. Царскаго краткое извѣстіе: тое же зимѣ пріиде великая княгини Софія съ Бѣлаозера; сокращены также разсказы о поставленіи Зосимы и о соборѣ противъ еретиковъ 1491 года.

1) Впрочемъ, какъ указано г. Тихомировымъ, подъ 1500 г., между взятыми въ плѣнъ въ битвѣ при Ведрошѣ, въ Акад. сп. упоминается нѣсколько лицъ, опущенныхъ въ спискѣ Царскаго и другихъ лѣтописныхъ сводахъ.

лись однимъ общимъ источникомъ (хотя различныхъ редакцій) — Хронографомъ. Въ виду того, что два первыя извѣстія Акад. списка 1506 года почти буквально сходны со спискомъ Царскаго, я думаю, что и весь лѣтописный разсказъ 1506 года попалъ въ Акад. списокъ изъ Хронографа; если же при этомъ, въ извѣстіяхъ о крещеніи и женитьбѣ Петра царевича и въ разсказѣ о неудачномъ походѣ на Казань, между списками Царскаго и Академическимъ оказываются существенныя различія, то это естественно объяснить именно тѣмъ, что въ основаніе дополнительныхъ частей обоихъ этихъ списковъ легли двѣ разныя редакціи Хронографа: Акад. списокъ пользовался тою же редакціею, что и Синод. списокъ, а списокъ Царскаго редакціей позднѣйшею; первая изъ этихъ редакцій оканчивалась 1506 годомъ (такимъ образомъ часть 1496 - 1506 въ Синод. спискѣ оказывается утраченною), а вторая 1508-мъ. Отмѣчу, что часть 1447—1506 передана въ Академ. спискѣ сокращенно, тогда какъ Синод. списокъ держался довольно близко своего подлинника; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нее вставлено нѣсколько новгородскихъ извѣстій [1]), конечно, тѣмъ самымъ лицомъ, которое добавило къ ней новгородскія извѣстія 1507 - 1510 г. Все это нисколько не мѣшаетъ признать, что лѣтописный разсказъ, начиная съ 1447 года, попалъ въ Синод. № 280 и Акад. изъ одного источника, при чемъ таковымъ могъ быть какой-нибудь не дошедшій до насъ списокъ Новгородской 4-й лѣтописи. Списавъ по одной рукописи Новгородскую 4-ю лѣтопись до 1447 г., составитель Синод. № 280 обратился къ другой рукописи, заключавшей Новгородскую 4-ю лѣтопись съ московскими извѣстіями до 1506 года (протографъ Акад. списка), и списалъ ее, начиная съ 1447 года [2]). Отсюда слѣдуетъ, что составителю Синод. списка не былъ извѣстенъ самъ Хронографъ и что заимствованія изъ него попали путемъ одного изъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, воспользовавшагося для дополненія Хронографомъ.

Указаніе на болѣе древнюю редакцію Хронографа, чѣмъ та, которою пользовался составитель списка Царскаго можно извлечь еще изъ одного памятника. Въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ спискѣ Софійской 2-й лѣтописи, вслѣдъ за окончаніемъ этой лѣтописи (повѣсть о кончинѣ Василія Ивановича 1534 сентябрьскаго года), помѣщены выписки изъ какой-то другой лѣтописи, начинающіяся съ 1445 года; онѣ идутъ почти непрерывно до 1491 года; вслѣдъ за этимъ разсказывается о событіяхъ 1497—1498 гг. (январскихъ), а затѣмъ идетъ лѣтописный разсказъ о московскихъ

1) Подъ 1468 о морѣ въ Новгородѣ, подъ 1476 и 1480 о прибытіи великаго князя въ Новгородъ миромъ, подъ 1490 и 1494 о пожарахъ въ Новгородѣ, и др.

2) Отсюда слѣдуетъ, что составитель № 280 пользовался двумя списками Новгородской 4-й лѣтописи и въ части до 1447 г.; рядъ чтеній, гдѣ Синод. № 280 сходится съ Акад., отличаясь отъ прочихъ, находитъ такимъ образомъ объясненіе.

и новгородскихъ (съ преобладаніемъ послѣднихъ) событіяхъ 1514-1538 годовъ (ср. П. С. Р. Л. VI, 277-303). Издатели Софійской 2-й лѣтописи назвали эти выписки «Отрывкомъ лѣтописи по Воскресенскому Новоіерусалимскому списку»: изданіе Отрывка значительно облегчилось тѣмъ, что разсказъ о событіяхъ 1445-1491 оказался почти тожественнымъ, сначала, съ нѣкоторыми списками Софійской 1-й лѣтописи, а начиная съ 1463 года съ Синод. № 280: поэтому издатели ограничились ссылками на соотвѣтствующія мѣста V и IV тт. П. С. Р. Л. и помѣстили на двухъ страницахъ (277—279) разсказъ о событіяхъ, обнимающихъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Ближайшее разсмотрѣніе «Отрывка» показываетъ, что мы имѣемъ дѣло со спискомъ Софійской 1-й лѣтописи, дополненнымъ на основаніи Хронографа. Первая часть списка—до 1445 года до насъ не дошла: оторванная отъ нея вторая часть, начинающаяся со словъ «Того же лѣта бой бысть»[1]), приплетена къ рукописи, содержащей Софійскую 2-ю лѣтопись. Основной текстъ — текстъ Софійской 1-й лѣтописи доходилъ до 1462 года, оканчиваясь разсказомъ о кончинѣ Василія Васильевича: онъ оказывается тожественнымъ съ текстомъ Бальзеровскаго списка, оканчивающагося, какъ извѣстно тѣмъ же разсказомъ, но дополненнаго повѣстью о взятіи Новгорода 1471 года. Заимствованія изъ дополнительнаго источника начинаются съ 1452 года, гдѣ къ тексту Софійской 1-й лѣтописи приписано: «Тоеже зимы князь великый Иванъ Васильевичъ ходилъ на Кокшенгу. Того же лѣта родися князь Ондрѣй меншей, августа въ 8» (ср. тѣ же извѣстія въ Синод. № 280 и Царск.); подъ 1461 къ тексту основного источника приписано извѣстіе о кончинѣ великаго князя Бориса Александровича (ср. Синод. № 280 и Царск.). Подъ 1462 годомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ Василія Васильевича, читаемъ нѣсколько извѣстій, находящихся въ Синод. № 280 и Царск., и между прочимъ въ другой разъ повторяется, уже на основаніи дополнительнаго источника, разсказъ о смерти Василія Васильевича, при чемъ оказывается бо̀льшая близость текста «Отрывка» къ тексту Синод. № 280, чѣмъ къ списку Царскаго: въ Отрывкѣ и въ Синод., въ концѣ статьи, читаемъ слова: «а всего того на осмнадцать сохъ писменыхъ», опущенныя въ спискѣ Царскаго. Начиная съ 1463 года, Отрывокъ представляетъ текстъ вполнѣ тожественный съ Синод. № 280 [2]), хотя мѣстами онъ и сокращенъ противъ общаго первоисточника, который, послѣ всего вышесказаннаго, не трудно отожествить съ Хронографомъ: такъ въ Отрывкѣ опущены года 1466 и 1467; подъ 1473 читаемъ всего четыре

1) Надъ этими словами поставленъ 6953 (1445) годъ.

2) При 1468, 1469, 1470 гг. въ VI т. П. С. Р. Л. находятся ссылки на V т., т. е. на соотвѣтствующія мѣста списка Царскаго; но такъ же можно было бы сослаться на Синод. сп. (IV т.).

строки въ соотвѣтствіи съ двумя страницами Синод. № 280 (IV, 150—151)[1]; такъ же сокращенъ текстъ подъ 1484 и 1490 гг. Послѣ 1491 года видимъ, сравнительно съ Синод., гдѣ разсказъ продолжается до 1496-го, пропускъ, а слѣдующій 1498 годъ (которому уже нѣтъ соотвѣтствія въ Синод.) содержитъ оригинальный разсказъ, не вполнѣ сходный съ Царск., при чемъ однако ближайшее сравненіе показываетъ, что списокъ Царскаго представляетъ сокращенное изложеніе его. Въ виду этого и принявъ во вниманіе то обстоятельство, что Отрывокъ особенно близокъ къ Синод. списку, въ Синодальномъ же спискѣ отразилась болѣе древняя редакція Хронографа, чѣмъ въ спискѣ Царскаго, — мы въ правѣ заключить, что въ этой редакціи находился и разсказъ 1498 года, а это, въ связи съ сдѣланнымъ выше сопоставленіемъ Акад. и Синод. № 280 списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что редакція Хронографа, предшествующая редакціи 1508, оканчивалась не 1496 годомъ (какъ Синод. сп.) и не 1498-мъ (какъ Отрывокъ, за которымъ слѣдуетъ особенный по характеру разсказъ 1514—1538 г.), а 1506 годомъ, на который имѣется ясное указаніе въ Акад. спискѣ.

Предыдущее изслѣдованіе доказало, что сравнительное изученіе списковъ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, Синод. № 280 и Академическаго Новгородской 4-й лѣтописи, равно и Отрывка лѣтописи по Новоіерусалимскому списку, приводитъ къ возстановленію двухъ послѣдовательныхъ редакцій Хронографа — 1506 и 1508 гг., при чемъ редакція 1512 г. основалась на одной изъ нихъ. Отсюда ясно, какое значеніе при изслѣдованіи московскихъ сводовъ имѣетъ изученіе Хронографа, совершенно упущеннаго изъ вниманія г. Тихомировымъ[2].

Существеннымъ пробѣломъ въ трудѣ почтеннаго изслѣдователя слѣдуетъ признать и то, что къ обзору не привлеченъ такъ называемый Русскій Временникъ. Памятникъ этотъ дошелъ до насъ несомнѣнно въ искаженномъ и неполномъ видѣ, такъ какъ списокъ, съ котораго сдѣлано изданіе, относится къ XVII, а можетъ быть и къ началу XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе можно сдѣлать нѣкоторые вѣроятные выводы о первоначальномъ его составѣ и о времени его появленія. Есть основаніе думать, что въ дошедшемъ (черезъ посредство изданія) до насъ спискѣ сохранилась лишь часть огромнаго свода, каковымъ былъ Русскій Временникъ: а именно, въ первоначальномъ видѣ Русскій Временникъ былъ Хронографомъ, продолженнымъ русскою лѣтописью; позднѣйшій редакторъ извлекъ изъ него однѣ русскія

1) При этомъ прибавлено указаніе на день прибытія Софіи въ Москву (12 ноября, въ четвергъ).

2) О редакціяхъ Хронографа я говорю обстоятельнѣе въ статьѣ «Къ вопросу о происхожденіи Хронографа», написанной позже, чѣмъ эта рецензія.

лѣтописныя статьи, оставивъ такимъ образомъ въ сторонѣ древнѣйшую часть Хронографа (до статьи «О словенскомъ языцѣ и о русскомъ») и исключивъ изъ слѣдующей затѣмъ части всѣ статьи греческія и южнославянскія. Я не стану подробно доказывать этого положенія, ограничиваясь указаніемъ на то, что въ имѣющемся у насъ текстѣ Русскаго Временника сохранилось нѣсколько ясныхъ слѣдовъ отъ исключенныхъ позднѣйшимъ редакторомъ статей не русскаго происхожденія. Такъ, подъ 1015 г. мы находимъ здѣсь статью О крещеніи Угровъ («Видѣвше же Піони, глаголеміи Угри»...), въ концѣ которой та же ссылка на Вретанійскій островъ, которою эта статья сопровождается въ Хронографѣ («но и того приложиша къ своей прелести, якоже на преди писано есть», ср. I, 67); подъ 1079, 1215 и др. находимъ указанія на современныхъ русскимъ событіямъ византійскихъ императоровъ, основанныя несомнѣнно на Хронографѣ [1]), при чемъ подъ 1272 изъ ссылки совершенно ясно видно, что передъ русскимъ извѣстіемъ опущено греческое: «При сего царствіи, въ 16 лѣто царства его, въ лѣто 6780, сѣде на великое княженіе въ Володимери и въ Переяславлѣ князь Василіе Ярославичь» [2]). Въ виду этого, а также и того, что, напр., текстъ большинства извѣстій XII и XIII вѣка въ Русскомъ Временникѣ вполнѣ тожественъ съ текстомъ Хронографа редакціи 1512 года, что здѣсь помѣщено то же предисловіе къ умильной повѣсти о татарскомъ нашествіи, какъ и тамъ (нач. «Хощу рещи, о друзи и братія! повѣсть, яже не точію человѣки, но и безсловесныя скоты, и нечувственное каменіе можетъ подвигнути на плачь», Русск. Врем. I, 108, ср. Поповъ, Изборникъ, стр. 39), что Святославъ и Святополкъ называются, какъ и во многихъ спискахъ Хронографа 1512 года, Цвѣтославомъ и Цвѣтополкомъ, — для меня кажется несомнѣннымъ, что въ теперешней своей редакціи Русскій Временникъ—это извлеченіе, изборникъ русскихъ статей Хронографа. Мы знаемъ, что въ той редакціи Хронографа, которая не раздѣлена на главы, осталось мало русскихъ лѣтописныхъ статей (ср. выше); тѣмъ не менѣе мы имѣемъ основаніе сближать протографъ именно этой редакціи (а не редакціи 1512 года) съ протографомъ Русскаго Временника. Такъ въ обоихъ памятникахъ — въ Русскомъ Временникѣ и въ Хронографѣ, не раздѣленномъ на главы, читаются сходныя мѣста въ статьѣ о преложеніи книгъ на славянскій языкъ [3]); такъ, при извѣстіи о поставленіи Мануила царя, въ этой редакціи Хронографа

1) При цари Иванѣ Гречестѣмъ бысть въ Руси князь великій Всеволодъ Ярославичь... I, с. 77 — При цари Греческомъ Иванѣ Ватацѣ, обладающу въ Руси великому князю Георгію... I, стр. 84.

2) Въ Хронографѣ редакціи 1512 года, передъ приведеннымъ (и переданнымъ тѣми же словами) извѣстіемъ, читаемъ о греческомъ императорѣ Михаилѣ Палеологѣ (Поповъ, Изборникъ, стр. 45).

3) Эти мѣста восходятъ къ проложнымъ житіямъ Кирилла и Меѳодія.

имѣется подробность, заимствованная изъ выпущенной въ ней, но сохраненной въ Русскомъ Временникѣ русской статьи «О вѣнчаніи Мануила на царство» (изъ Пименова хожденія); словамъ Хронографа: «благословенъ и поставленъ антоніемъ патриархомъ. в лѣто 6899 февраля в 11 день в недѣлю о блуднемъ сынѣ» (этихъ словъ нѣтъ въ редакціи 1512 года) соотвѣтствуютъ первыя строки указанной статьи: «Видѣхомъ же мѣсяца февраля въ 11 день, въ недѣлю о блудномъ сыну, вѣнчанъ бысть царь Мануилъ Цареградскій на царство и со царицею отцемъ ихъ пресвященнымъ Антоніемъ Патріархомъ» (Русск. Врем. I, 311). Въ виду этого я считаю, что Русскій Временникъ въ теперешнемъ своемъ видѣ и Хронографъ въ спискахъ, не раздѣленныхъ на главы, восходятъ не къ Хронографу редакціи 1512 года (относительно редакціи, не раздѣленной на главы, это доказано предшествующими изслѣдователями), а къ редакціи болѣе поздней, обосложненной вставками лѣтописныхъ извѣстій и даже статей русскаго происхожденія. Редакція эта явилась независимо отъ редакціи 1512 года, но восходитъ вмѣстѣ съ нею къ другой болѣе ранней редакціи. Выше было указано, что редакція 1512 года основывается или на редакціи 1508 года или на редакціи 1506 года; относительно же Хронографа, откуда произошли Русскій Временникъ (буду называть эту редакцію Хронографа Русскимъ Временникомъ) и редакція, не раздѣленная на главы, можно съ увѣренностью сказать, что онъ основанъ на редакціи 1508 года. Дѣйствительно, можно доказать особенную близость текста Русскаго Временника къ списку Царскаго, сравнительно съ Синод. № 280 спискомъ Новгородской 4-й лѣтописи, а мы вывели выше, что первый изъ этихъ списковъ восходитъ къ редакціи 1508 года, тогда какъ второй къ редакціи 1506 года. Такъ, подъ 1482 годомъ въ Русскомъ Временникѣ читаемъ, какъ въ спискѣ Царскаго, о посольствѣ короля Угорскаго Матіаса, о взятіи Бѣлграда Турецкимъ султаномъ и о войнѣ съ Нѣмцами (Русск. Врем. II, 168 - 169; сп. Царск. VI, 35 - 36); въ Синод. № 280 — эти событія опущены; подъ 1479 въ Русскомъ Временникѣ (II, 143 - 144) и въ спискѣ Царскаго (VI, 33 - 34) помѣщена статья о спорномъ дѣлѣ между митрополитомъ Геронтіемъ и архіепископомъ Вассіаномъ по поводу Кирилловскаго монастыря: въ Синод. № 280 этой статьи нѣтъ. Подъ 1483 въ Русск. Врем. (II, 171) и въ спискѣ Царскаго (VI, 36) есть извѣстіе о закладкѣ Чудовскимъ архимандритомъ Геннадіемъ каменной церкви и трапезницы: этого извѣстія не достаетъ въ Синод. № 280. Подъ 1489 въ Русск. Врем. (II, 113) и въ сп. Царскаго (VI, 37) сообщается о переводѣ великимъ княземъ многихъ Новгородскихъ бояръ и житьихъ людей въ другіе города и о выводѣ въ Новгородъ московскихъ купцовъ и дѣтей боярскихъ: въ Синод. № 280 объ этомъ не говорится и т. д. И такъ, мы имѣемъ данныя для утвержденія, что Русск.

Вр. положилъ въ свое основаніе Хронографъ редакціи 1508 года. Обращаясь къ вопросу о времени происхожденія Русскаго Временника, отмѣчу прежде всего, что, при теперешнемъ видѣ этого памятника, въ немъ можно отличать слѣдующія три части: 1) лѣтопись, почти непрерывно тянущуюся до 1533 (январскаго) года и оканчивающуюся извѣстіемъ о слитіи колокола «благовѣстника» Николаемъ Нѣмчинымъ и о поставленіи его на деревянной колокольницѣ, 19 декабря 1533 года; 2) дополнительныя статьи: О преставленіи Александра Свирскаго; Сказаніе о житіи Данила Переяславскаго; Предисловіе о великихъ князѣхъ литовскихъ; 3) выписки изъ книги Полидора Урбинскаго, за которыми слѣдуютъ: лѣтописная замѣтка XVII в.; списокъ съ царской грамоты 1651 года и краткая Костромская лѣтопись 1642 — 1680 гг. Очевидно, что первыя двѣ части относятся къ XVI в., а третья къ концу XVII в. Разсматривая первую часть, видимъ слѣдующее любопытное обстоятельство: непосредственно за разсказомъ о походѣ вел. князя Василія Ивановича противъ Крымцевъ и о возвращеніи его въ Москву, 21 августа 1533 года, приводится извѣстіе о колоколѣ, относящееся къ 19 декабря 1533 же года; имъ и оканчивается лѣтопись; слѣдовательно, въ Русск. Вр. нѣтъ даже краткаго сообщенія о кончинѣ Василія Ивановича, послѣдовавшей 4 декабря того года; не говорю уже о сентябрьскихъ и ноябрьскихъ событіяхъ, предшествовавшихъ этой кончинѣ и подробно описанныхъ въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Мнѣ кажется, отсюда должно сдѣлать выводъ, что лѣтопись и самый памятникъ ее содержащій составлены до декабря 1533 года, при чемъ извѣстіе о колоколѣ представляется позднѣйшею, хотя, вѣроятно, и современною событію припиской. Что же касается мѣста составленія Русскаго Временника, то, повидимому, этотъ вполнѣ московскій по характеру своему сводъ составленъ въ Новгородѣ и при томъ, можетъ быть, по распоряженію архіепископа Макарія. Вывожу это изъ того, что мы находимъ въ Русскомъ Временникѣ рядъ извѣстій новгородскаго происхожденія, при чемъ почти каждое изъ нихъ связывается съ именемъ Макарія: такъ подъ 1508 годомъ вставлено (сравнительно съ спискомъ Царскаго) извѣстіе о посылкѣ въ Новгородъ дьяка Бобра для устройства тамъ рядовъ, улицъ и новаго моста черезъ Волховъ (Русск. Врем. II, 268); подъ 1519 г. говорится объ устройствѣ новыхъ судебныхъ мѣстъ въ Новгородѣ (II, 312); подъ 1526 тамъ говорится о крещеніи Лоплянъ, къ которымъ Макарій послалъ священника и діакона (II, 343); подъ 1528 разсказывается объ установленіи общежитія въ монастыряхъ новгородскихъ совѣтомъ архіепископа Макарія; подъ 1530 о страшной грозѣ въ Новгородѣ, случившейся въ тотъ самый часъ, когда родился Иванъ Васильевичъ, и объ отлитіи колокола въ соборной церкви св. Софіи повелѣніемъ архіеп. Макарія (II, 349); подъ 1531 говорится о присылкѣ великимъ княземъ въ Нов-

городъ грамоты къ архіеп. Макарію и дьяковъ для распланированія города и постановки рѣшетокъ и городскихъ карауловъ (II, 352); подъ 1533 сообщается объ отправленіи архіеп. Макаріемъ духовенства къ Лоплянамъ съ Мурманскаго моря и съ рѣки Колы и о поставленіи тамъ церкви (II, 359). Поэтому мнѣ представляется вѣроятнымъ, что Русскій Временникъ составленъ въ Новгородѣ при ближайшемъ участіи архіеп. Макарія въ концѣ 1533 года; вскорѣ памятникъ этотъ былъ перевезенъ въ Москву и, можетъ быть, уже въ декабрѣ 1533 года переписчикъ, списавъ его, прибавилъ извѣстіе о поставленіи колокола на колокольню, 19 декабря 1533 года, Оригиналъ, положенный въ основаніе свода, Хронографъ редакціи 1508 года, былъ отчасти переработанъ и значительно дополненъ. Такъ, подъ 1507 (январскимъ) годомъ въ редакціи 1508 года говорилось о перенесеніи гробницъ великихъ и удѣльныхъ князей во вновь выстроенный Архангельскій соборъ; при этомъ (ср. списокъ Царскаго, VI, 52—53) были перечислены всѣ князья, похороненные до этого дня (3 октября 1507 г.), или даже до 1508 (года составленія памятника), въ этомъ соборѣ[1]). Русскій Временникъ вставилъ въ описаніе расположенія гробницъ и имена тѣхъ князей, которые скончались въ теченіе 1508 - 1533 года; сюда относятся: Дмитрій Ивановичъ († въ февралѣ 1509 г.), Семенъ Ивановичъ († 1518), Дмитрій Ивановичъ Углицкій († 1521), Петръ царевичъ († ?). Замѣчательно, что имя Василія Ивановича не внесено въ описаніе: ниже въ концѣ статьи мы находимъ позднѣйшее добавленіе, начинающееся словами: «А послѣ того, въ Архангелѣ жъ погребены»..., гдѣ названы уже не только Василій Ивановичъ, но также Иванъ Васильевичъ, сынъ его Иванъ Ивановичъ и даже Димитрій царевичъ, «всея Русіи чудотворецъ». Отсюда вполнѣ ясенъ выводъ: передѣлка статьи 1508 года, а слѣдовательно и составленіе Русскаго Временника имѣли мѣсто до декабря 1533 года; а это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что въ Русскомъ Временникѣ нѣтъ ни статьи, ни извѣстія о преставленіи Василія Ивановича. Основной источникъ — Хронографъ 1508 года подвергся цѣлому ряду дополненій на основаніи другихъ источниковъ. Иногда въ самомъ памятникѣ содержатся указанія на то, что составитель перешелъ отъ основного источника къ другому дополнительному. Такъ, подъ 1482 годомъ, согласно со спискомъ Царскаго, приведено извѣстіе о прибытіи къ великому князю Ѳедора Ивановича Бѣльскаго; вслѣдъ за этимъ видимъ вставку, начинающуюся словами: «отъ иного лѣтописца», гдѣ разсказывается тоже самое, но съ другими подробностями; затѣмъ слѣдуетъ еще два новыхъ извѣстія, послѣ чего продолжается текстъ,

1) Поэтому здѣсь не названъ Димитрій Ивановичъ (внукъ), скончавшійся въ февралѣ 1509 г. и похороненный въ Архангельскомъ соборѣ.

сходный со спискомъ Царскаго. Подъ 1521 годомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о набѣгѣ, сдѣланномъ на Коломенскій и Московскій уѣзды Магметъ Гиреемъ, читаемъ: «Отъ иного лѣтописца о томже и о ходу со кресты»..., гдѣ то же событіе разсказывается съ гораздо бо̀льшими подробностями (II, 325—337). Подъ 1472 г. вставлена повѣсть «О Печерскомъ монастырѣ Псковскомъ и о мученицѣхъ» (II, 81-89). Подъ 1471 вставленъ разсказъ о чудесныхъ знаменіяхъ въ Новгородѣ (якожъ слышахомъ отъ тамо сущихъ житель; еже очима нашима видѣхомъ, II, 63-64). Подъ 1492 — о составленіи писцовыхъ книгъ по Тверской землѣ и объ обрѣтеніи руды на рѣкѣ Цылмѣ (II, 195-196). Подъ 1490 — о построеніи каменной крѣпости въ Новгородѣ (II, 187) и т. д. Что касается части послѣ 1508 года, то составитель Русскаго Временника, какъ это видно и изъ приведенной выше вставки 1521 года, пользовался несомнѣнно письменнымъ источникомъ, лѣтописью, но весьма возможно, что извѣстія послѣднихъ изъ описанныхъ годовъ собраны и записаны самимъ составителемъ свода. Если допустить, что въ распоряженіи сводчика было два основныхъ источника — Хронографъ и какой-то другой лѣтописный сводъ, продолжавшійся и за 1508 годъ, мы должны остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на томъ обстоятельствѣ, что особенная близость Русск. Вр. къ списку Царскаго (т. е. къ списку съ Хронографа, служившаго основнымъ источникомъ Русск. Вр.) начинается приблизительно съ 1479 года и продолжается вплоть до 1508 года (окончаніе Хронографа); до 1479 года находимъ рядъ извѣстій и статей, отсутствующихъ въ спискѣ Царскаго. Такъ, напримѣръ, повѣсть о борьбѣ Василья Васильевича съ дядей и двоюродными братьями изложена гораздо подробнѣе, чѣмъ въ спискѣ Царскаго, Синод. № 280 и Хронографѣ редакціи 1512 г. Событія 1446 г., изложенныя въ спискѣ Царскаго и въ Хронографѣ 1512 г. въ нѣсколькихъ строкахъ, въ Русск. Врем. занимаютъ нѣсколько страницъ (II, 9-17); извѣстіе 1444 г. о царевичѣ Мустофѣ, изложенное въ спискѣ Царскаго въ двухъ строкахъ, занимаетъ въ Русск. Врем. двѣ страницы (II, 3-4); извѣстіе о іюльской бурѣ 1460 г. въ Москвѣ въ спискѣ Царскаго и Синод. № 280 занимаетъ двѣ строки, а въ Русск. Врем. двѣ страницы (II, 40-41), съ явными признаками современной записи. Подъ 1469 находимъ въ Русск. Врем. (II, 55) длинное извѣстіе о прибытіи къ великому князю пословъ отъ Римскаго папы и о посылкѣ къ нему посломъ Ивана Фрязина: въ спискѣ Царскаго этого извѣстія нѣтъ. Подъ 1473, вмѣсто краткаго извѣстія списка Царскаго о прибытіи въ Москву царевны Софіи и о вѣнчаніи съ нею Ивана Васильевича, въ Русск. Врем. (II, 104-108) читаемъ длинный разсказъ съ обстоятельными подробностями и т. д. Въ виду того, что въ части 1479-1508 сравнительно гораздо менѣе вставокъ, и текстъ Русск. Врем. почти тожественъ

съ текстомъ списка Царскаго, я думаю, что въ распоряженіи составителя Русскаго Временника, кромѣ Хронографа редакціи 1508 года, былъ такой лѣтописный (московскій) сводъ, въ которомъ часть до 1479 года была составлена независимо отъ Хронографа, часть 1479-1508 восходила къ нему и, наконецъ, часть за 1508 годомъ представляла самостоятельный лѣтописный разсказъ. Ниже вернусь еще разъ къ этому источнику Русскаго Временника. Я рѣшился посвятить такъ много мѣста разбору этого послѣдняго памятника, какъ для того, чтобы показать важность его среди другихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, такъ и для того въ особенности, чтобы имѣть возможность въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи говорить объ отношеніи его къ другимъ сводамъ XVI вѣка.

И такъ, предыдущее изложеніе показываетъ, что г. Тихомирову, для полноты предпринятаго имъ обзора, надлежало принять во вниманіе еще слѣдующіе московскіе лѣтописные своды: Троицкую лѣтопись 1409 года, Львовскую лѣтопись 1560 г., Хронографы нѣсколькихъ послѣдовательныхъ редакцій и Русскій Временникъ 1533 г.

II.

Г. Прѣсняковъ въ своей рецензіи на трудъ г. Тихомирова сдѣлалъ замѣчаніе относительно того, что изслѣдователь московскихъ сводовъ напрасно исключилъ изъ числа ихъ Новгородскую 4-ю лѣтопись; далѣе, указавъ на родственность этой лѣтописи съ Софійскою 1-ю и Софійскою 2-ю, рецензентъ высказалъ мнѣніе, что эти три лѣтописи «даютъ возможность изучить первые шаги къ объединенію историческаго матеріала съ московской точки зрѣнія». Мнѣ кажется, что въ общемъ мысль г. Прѣснякова совершенно вѣрна, хотя и не вѣрно то, чтобъ Новгородская 4-я лѣтопись была московскимъ сводомъ, и чтобъ на основаніи Софійской 2-й лѣтописи можно было судить о *первыхъ* шагахъ московскаго лѣтописанія. Г. Тихомировъ, по моему мнѣнію, отвелъ Новгородской 4-й лѣтописи подобающее ей среди московскихъ сводовъ мѣсто: въ основаніи своемъ — это не московскій сводъ[1]), но намъ извѣстны два списка Академическій и Синод. № 280, распространенные при помощи московскихъ лѣтописныхъ сводовъ (ср. выше). Совершенно иное дѣло Софійская 1-я лѣтопись; это несомнѣнно московскій сводъ, и напрасно г. Тихомировъ ограничился разсмотрѣніемъ только трехъ списковъ ея (Бальзеровскаго, Горюшкинскаго и Царскаго)[2]),

1) Ниже я укажу, что въ основаніи *древнѣйшей* редакціи Новгородской 4-й лѣтописи лежитъ Московскій лѣтописный сводъ, подвергшійся новгородской обработкѣ.

2) Извѣстіе 1337 г. о Валитѣ Корелянинѣ ошибочно приписано г. Тихомировымъ Бальзер. и Горюшк. спискамъ: оно находится только въ спискахъ Карамзина и Оболенскаго (ср. т. V, стр. 220).

не остановившись на составѣ всего памятника и не показавъ, когда именно и какъ явился одинъ изъ древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, извѣстный подъ названіемъ Софійской 1-й лѣтописи. Издатели V т. П. С. Р. Л. указали семь списковъ, принятыхъ во вниманіе при изданіи: Карамзинскій и сп. Оболенскаго, Толстовскій, Воронцовскій, Бальзеровскій и Горюшкинскій и, наконецъ, списокъ Царскаго. Выше мы подробно говорили о составѣ списка Царскаго и объ отношеніи его къ прочимъ спискамъ Софійской 1-й лѣтописи. Составъ Бальзеровскаго и Горюшкинскаго списковъ разсмотрѣнъ г. Тихомировымъ (с. 78—79), но при этомъ имъ допущенъ рядъ неточностей, которыя укажу для того, чтобы ниже въ краткихъ словахъ изложить результаты изслѣдованія различныхъ редакцій Софійской 1-й лѣтописи. Г. Тихомировъ не обратилъ вниманія на то, что въ Бальзеровскомъ спискѣ соединены двѣ рукописи: первая изъ нихъ доводитъ лѣтописный разсказъ до 1462 года, продолжаетъ его повѣстью 1471 года о покореніи Новгорода и оканчиваетъ приписками, сдѣланными разными современными почерками 1494, 1495 и 1498 гг. (ср. П. С. Р. Л. VI, 15); вторая представляетъ изъ себя добавочную тетрадь (ср. V, 77) и въ ней содержится лѣтописный разсказъ 1472-1518 гг.; поэтому изслѣдователь не можетъ разсматривать эти двѣ отдѣльныя части, какъ нѣчто цѣлое, какъ единый сводъ. Что же касается Горюшкинскаго списка, то онъ, по вѣрному замѣчанію издателей Археогр. ком. (т. V, с. 78; т. VI, с. 15), составляетъ копію съ Бальзеровскаго списка[1]): вотъ почему текстъ до 1471 года включительно, слѣдующія за нимъ приписки (не въ хронологическомъ порядкѣ) и текстъ, содержащійся въ дополнительной тетради Бальзеровскаго списка, идутъ здѣсь непрерывно; при этомъ оказывается, что дополнительная тетрадь Бальзеровскаго списка, при снятіи съ нея этой копіи, еще не утратила своего окончанія, не обрывалась поэтому на неоконченной фразѣ въ разсказѣ 1518 года, а продолжала текстъ до 1523 (январскаго) года включительно. Такимъ образомъ, вѣроятно, объясняется то, что въ Горюшкинскомъ спискѣ содержатся и событія 1518-1523 гг., которыхъ нѣтъ въ его оригиналѣ. Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что изслѣдователю московскихъ лѣтописныхъ сводовъ необходимо остановиться только на первой, основной части Бальзеровскаго списка, такъ какъ вторая часть этого и Горюшкинскаго списковъ, органически не соединенная съ первою, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается псковскою лѣтописью 1481—1523 г.[2]), лишь подъ нѣкоторыми годами (напр. 1486, 1487, 1521) дополненною московскими извѣстіями и искусственно, посредствомъ

1) Кажется, исправленную по другому списку Софійской 1-й лѣтописи.

2) Полное сходство Бальз. сп. съ редакціею Псковской лѣтописи, представленной списками Карамз., Акад. и Снѣгир., начинается съ 1487 (ср. т. IV, стр. 171 и 267).

выписокъ изъ какого-то московскаго свода, соединенною съ рукописью Софійской 1-й лѣтописи (выписки эти обнимаютъ 1472—1481 гг.)[1]). И такъ, мы имѣемъ въ Бальзеровскомъ спискѣ такой видъ Софійской 1-й лѣтописи, гдѣ лѣтописный разсказъ доведенъ до 1462 года и дополненъ повѣстью о взятіи Новгорода 1471 года, а также нѣсколькими замѣтками конца XV в. Ближайшее изученіе этого вида Соф. лѣт. ясно показываетъ, что протографъ его оканчивался 1460-мъ годомъ и былъ дополненъ двумя лѣтописными замѣтками 1464 и 1467 годовъ: дѣйствительно, въ Бальзеровскомъ спискѣ, вслѣдъ за извѣстіями 1460 года, мы читаемъ о поставленіи Іосифа митрополитомъ въ Кесарію Филиппову 4 апрѣля 1464 г. и о смерти великой княгини Маріи 23 апрѣля 1467 года; за этими извѣстіями читаемъ извѣстія 1461 о кончинѣ митрополита Іоны (31 марта) и о поставленіи митрополитомъ Ѳеодосія (3 мая) и далѣе извѣстіе 1462 года о кончинѣ вел. князя Василія Васильевича (27 марта). Слѣдовательно, вставка извѣстій 1464 и 1467 гг. между извѣстіями 1460 и 1461 гг. ясно показываетъ, что первоначально списокъ Софійской 1-й лѣтописи оканчивался 1460-мъ годомъ. Этотъ списокъ, дополненный нѣкоторыми лѣтописными замѣтками, изъ которыхъ послѣднею является извѣстіе о кончинѣ Ивана Васильевича 1462 года, легъ въ основаніе того списка Софійской 1-й лѣтописи, слѣды котораго сохранились въ такъ называемомъ Отрывкѣ лѣтописи по Новоіерусалимскому списку (см. выше); дополненный еще повѣстью о взятіи Новгорода (Словеса избрана), онъ легъ въ основаніе, съ одной стороны, Бальзеровскаго списка, дополнившаго свой оригиналъ только тремя лѣтописными замѣтками конца XV в., съ другой, — списка Царскаго, дополнившаго его, какъ мы видѣли, изъ Хронографа редакціи 1508 года.

Выводъ, что Бальзеровскій списокъ составленъ во второй половинѣ XV вѣка, послѣ 1471 года, подтверждается тѣмъ, что въ родословной князей, помѣщенной въ Соф. 1-й лѣтописи подъ 887 годомъ, тамъ названъ послѣднимъ сынъ великаго князя Ивана Васильевича, Иванъ Ивановичъ (V, стр. 90, прим. з), родившійся въ 1459 январскомъ году; братъ Ивана Ивановича, Василій, родившійся въ 1479 г., еще не упомянутъ; слѣдовательно, Бальзер. списокъ составленъ въ 1471—1479 гг.[2]). Въ виду того, что Иванъ Ивановичъ оказывается послѣднимъ въ этой родословной и по другимъ спискамъ Софійск. 1-й лѣтописи, въ предисловіи къ изданію этой лѣтописи (П. С. Р. Л., V, 79) сдѣланъ выводъ о томъ, что составитель ея жилъ въ исходѣ XV

1) Что событія 1481—1523 г. заимствованы въ Бальз. и Горюшк. сп. изъ Псковской лѣтописи, отмѣчено, разумѣется, и г. Тихомировымъ (с. 79). Оставляю въ сторонѣ вопросъ, что̀ представляла изъ себя моск. лѣтопись, откуда заимствованы событія 1472—1481 гг.

2) Что списокъ Царскаго составленъ около 1508 г. или даже именно въ этомъ году, видно изъ того, что Василій Ивановичъ названъ въ родословной великимъ княземъ (съ 1505 г.).

столѣтія. Этотъ выводъ, справедливый для Бальзеровскаго списка, не можетъ быть распространенъ ни на всѣ остальные списки этой лѣтописи, ни тѣмъ болѣе на основную ея редакцію, основной ея списокъ. Дѣйствительно, въ отношеніи къ тексту родословной, помѣщенной подъ 887 годомъ, извѣстные по изданію Археогр. ком. списки распадаются на три категоріи: къ первой отношу Бальзеровскій и Воронцовскій списки (а также позднѣйшій списокъ Царскаго), гдѣ родословная оканчивается Иваномъ Ивановичемъ; ко второй — протографъ Толстовскаго списка, а также тотъ списокъ Софійской 1-й лѣт., который составителемъ Софійской 2-й лѣтописи положенъ въ основаніе свода: здѣсь родословная оканчивалась именемъ Андрея Васильевича старшаго, сына Василія Васильевича (род. 1446 г.); въ Толстовскомъ спискѣ прибавлено имя Ивана Ивановича, но въ виду отсутствія въ немъ именъ Бориса и Андрея, младшихъ сыновей Василія Васильевича (род. 1449-1452 гг.), ясно, что прибавленіе это сдѣлано лишь позже; къ третьей категоріи можно отнести списки Карамзина и Оболенскаго; родословная оканчивается въ нихъ словами: «юрій, іоаннъ, третій князь вел. василей», т. е. именами сыновей Василія Дмитріевича[1]); имѣя въ виду, что Василій Васильевичъ сдѣлался великимъ княземъ въ 1425 году, и что въ 1440 у него родился сынъ Иванъ, не упомянутый въ родословной этихъ списковъ, ясно, что составленіе ея относится къ 1425—1440 гг. И такъ, разсмотрѣніе родословной 887 года доказываетъ: 1) что Бальзеровскій списокъ составленъ до 1479 года[2]): дѣйствительно, текстъ его оканчивается повѣстью 1471 года; 2) что списокъ Царскаго составленъ послѣ 1505 года; дѣйствительно, лѣтописный разсказъ доходитъ въ этомъ спискѣ до 1508 года; 3) что оригиналъ Толстовскаго списка составленъ въ 1446-1449 году; повѣрить этотъ выводъ на основаніи объема лѣтописнаго разсказа въ этомъ спискѣ нельзя, такъ какъ онъ обрывается на неоконченной фразѣ 1418 года (V, 260); 4) что оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенскаго составленъ въ 1425—1440 году; лѣтописный разсказъ въ обоихъ спискахъ оканчивается событіями 1418 года (ср., впрочемъ, ниже); при этомъ, въ спискѣ Оболенскаго за этимъ слѣдуютъ памятныя записки о событіяхъ 1481, 1508 и 1506 гг., писанныя разными почерками (V, 261, прим. в), а въ спискѣ Карамзина находится дополнительная тетрадь, приплетенная къ основной рукописи (V, 77), гдѣ особымъ почеркомъ приписано нѣсколько лѣтописныхъ статей 1418, 1419, 1422-1425 годовъ, при чемъ, начиная съ 1422 года, текстъ этихъ статей сходится съ текстомъ

1) Юрій, сынъ Василія Дмитріевича, упоминается и въ другихъ родословныхъ, ср. Лѣт. Аврамки, стр. 262 и 308.

2) Оставляю въ сторонѣ Воронцовскій списокъ, доведенный до 1486 г., такъ какъ, къ сожалѣнію, часть его 1423—1486 гг. не издана въ V т. П. С. Р. Л. (ср. стр. 78 и 262).

другихъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи (Бальзеровскаго, Воронцовскаго; ср. V, 261, прим. б); эти приписки не находятся въ прямой связи со статьями основной рукописи, что видно хотя бы изъ того, что подъ 1418 годомъ *повторенъ* разсказъ о Дашкѣ Острожскомъ, взявшемъ городъ Кременецъ [1]). И такъ, предыдущее изслѣдованіе показало, что нельзя относить составленіе Софійской 1-й лѣтописи къ концу XV столѣтія; нѣкоторые изъ списковъ ея оказываются принадлежащими къ первой половинѣ этого вѣка. Древнѣе остальныхъ списки Карамзина и Оболенскаго: на это указываетъ не только родословная 887 года, но также и то, что лѣтописный разсказъ доведенъ въ нихъ только до 1418 года (ср. ниже). Еще лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что оба эти списка полнѣе и точнѣе передаютъ тѣ источники, которыми руководствовался составитель Софійской 1-й лѣтописи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что однимъ изъ такихъ источниковъ была Новгородская 4-я лѣтопись: въ спискѣ Карамзина и Оболенскаго сохранился цѣлый рядъ статей, восходящихъ къ этой лѣтописи и опущенныхъ во всѣхъ остальныхъ спискахъ (ср. напр. подъ 1030, 1055, 1058, 1060, 1163, 1168, 1259, 1311, 1316, 1366, 1386, 1411, 1418 и др.); протографъ этихъ остальныхъ списковъ, въ противоположность двумъ древнѣйшимъ, систематически опускалъ новгородскія извѣстія подлинника; изрѣдка опущены и другія статьи: такъ напр., подъ 1407 г., только въ Карамзинскомъ и Оболенск. спискахъ читаемъ о ростовскомъ пожарѣ. На бо̀льшую близость обоихъ этихъ списковъ къ основной редакціи Софійской 1-й лѣтописи указываютъ еще сохранившіяся въ нихъ мѣстами ссылки на тѣ источники, которыми пользовался составитель этой редакціи; такъ, при цѣломъ рядѣ извѣстій конца XI вѣка, дополненныхъ въ Софійской 1-й лѣтописи сравнительно съ основнымъ ея источникомъ — Новгородскою 4-й лѣтописью мы читаемъ ссылки (въ текстѣ): «а писано въ кіевскомъ», «ищи въ кіевскомъ» и т. п. (V, с. 148, прим. а, з, к, л, н; с. 149, прим. а, и др.). Но какъ согласить то обстоятельство, что оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенск. составленъ между 1425 и 1440 годомъ, а общій лѣтописный разсказъ доходитъ въ нихъ лишь до 1418 года? Думаю, что въ этомъ слѣдуетъ видѣть указаніе на то, что оригиналъ списковъ Карам-

1) Я думаю, что эти статьи заимствованы изъ другого списка Софійск. 1-й лѣтописи; сравненіе ихъ съ соотвѣтсвующими мѣстами Воскресенской лѣтописи показываетъ, что составитель этой лѣтописи пользовался именно такимъ спискомъ. Такъ въ Воскр. лѣтописи, согласно съ дополн. тетрадью Карамз. списка, передъ разсказомъ о Дашкѣ Острожскомъ, помѣщено извѣстіе о прибытіи въ Москву нижегородскихъ князей, Борисовичей; за этимъ разсказомъ слѣдуютъ извѣстія о поставленіи Діонисія и Коломенскаго Амвросія, а также о женитьбѣ Александра Ивановича Суздальскаго на дочери Василія Дмитріевича; подъ 1419 г. въ Воскр., такъ же какъ въ дополн. тетради Карамз. сп., разсказывается о прибытіи Константина Дмитріевича въ Новгородъ.

зина и Оболенскаго былъ простою копіей съ болѣе древняго списка Софійской 1-й лѣтописи, оканчивавшагося 1422 годомъ и составленнаго около того же года. Разсматривая текстъ лѣтописныхъ статей 1418 года, мы видимъ, что, вслѣдъ за извѣстіемъ, заимствованнымъ изъ Новгородской 4-й лѣтописи, объ убіеніи Анфала Михаиломъ Разсохинымъ, въ спискахъ Карамзина и Оболенскаго помѣщены, безъ указанія на годъ, событія 1422 года: въ спискѣ Карамзина — извѣстіе о смерти княгини Анастасіи, жены Юрія Дмитріевича 11 іюля 1422 г. (ср. списки Бальз. и Воронц., т. V, 262), а въ спискѣ Оболенскаго, кромѣ этого извѣстія, еще другое — о пожарѣ въ Москвѣ 18 августа того же 1422 г. (ср. тамъ же). Въ виду этого, думаю, что основной списокъ, основная редакція Софійской 1-й лѣтописи была составлена въ 1422 году, и что оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенскаго былъ простою копіей съ этой редакціи. Имѣя въ виду, что подъ 1410 г. въ Карамз. и Обол. указано, что митрополитъ Фотій святительствовалъ 22 года (отъ 1410 до 1431, ср. V, 258, прим. а), можно еще точнѣе указать время, когда былъ составленъ оригиналъ этихъ списковъ: это 1431—1440 г. (выше мы опредѣлили его 1425 - 1440 гг.). И такъ, *въ 1422 году составленъ въ Москвѣ* (ср. приписки, относящіяся къ этому году) *одинъ изъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ — Софійская 1-я лѣтопись;* въ основаніе свода положенъ новгородскій сводъ: послѣднее извѣстіе изъ него заимствованное — это извѣстіе объ убіеніи Анфала въ 1418 году[1]); онъ былъ дополненъ на основаніи какого-то свода, признаннаго самимъ составителемъ Софійской 1-й лѣтописи за Кіевскій лѣтописецъ; начиная со второго десятилѣтія XV в., редакторъ вставляетъ въ извѣстія основного источника лѣтописныя замѣтки московскаго происхожденія: такъ, подъ 1413 годомъ онъ говоритъ о чудесномъ знаменіи въ Можайскомъ уѣздѣ отъ Колочской иконы Божіей Матери и о пожарѣ, истребившемъ всю Тверь; подъ 1415 приводится извѣстіе о набѣгѣ татаръ на Елецкую землю и о пожарахъ въ Москвѣ и Смоленскѣ; подъ 1417 говорится о кончинѣ старшаго сына Василія Дмитріевича Ивана и о погребеніи его въ церкви святаго Архангела Михаила. Съ основного списка Софійской 1-й лѣтописи въ 1431—1440 г. была снята копія: такъ возникъ оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенскаго. Въ 1446—1449 г. основной списокъ подвергся переработкѣ и дополненіямъ: такъ возникла редакція, лежащая въ основаніи Толстовскаго списка и слѣдующей затѣмъ редакціи 1460 года; редакторъ 1446 - 1449 г. значительно сократилъ свой оригиналъ, опустивъ при перепискѣ рядъ новгородскихъ извѣстій; ему же принадлежитъ рядъ искаженій и вставокъ, нѣкоторыя изъ которыхъ

1) Ниже я вернусь къ вопросу о составѣ и происхожденіи этого новгородскаго свода, и попытаюсь также опредѣлить годъ его составленія.

явно обличаютъ москвича: такъ, подъ 1170 годомъ къ извѣстію объ изгнаніи новгородцами князя Романа онъ прибавилъ: «таковъ бо бѣ обычай блядинымъ дѣтямъ»; подъ 1371 г., при извѣстіи о походѣ Дмитрія Ивановича на Рязань, про рязанцевъ сказано: «полоумные смерди»[1]). Вѣроятно, редакторъ 1446 - 1449 дополнилъ лѣтописный разсказъ своего оригинала до времени своей работы; лѣтописныя извѣстія редакціи 1460 года, обнимающія 1423 - 1447 гг., можетъ быть, восходятъ къ редакціи 1446—1449 г. Въ 1460 году составлена на основаніи редакціи 1446 - 1449 г. новая редакція: отличаясь отъ предыдущей редакціи нѣкоторыми лишь вставками (напр., подъ 1152 г. помѣщено извѣстіе объ основаніи Юріемъ Владимировичемъ церквей въ Суздальской землѣ), она продолжила лѣтописный разсказъ до 1460 года. Списокъ этой редакціи обосложнился лѣтописными замѣтками 1464 и 1467 гг., а въ 1471 - 1479 гг. послужилъ основаніемъ для составленія новой исправленной редакціи, помѣстившей за указанными лѣтописными замѣтками три статьи о событіяхъ 1461 и 1462 гг., а также (подъ 1471 г.) повѣсть о взятіи Новгорода: такъ явился Бальзеровскій списокъ. Этотъ списокъ, а можетъ быть его протографъ, послужилъ въ началѣ XVI в. для составленія новой редакціи, дополнившей текстъ Софійск. 1-й лѣтописи заимствованіями изъ Хронографа редакціи 1508 года.

И такъ, мы видимъ, что изученіе Софійской 1-й лѣтописи приводитъ къ возстановленію трехъ московскихъ сводовъ, упущенныхъ изъ виду г. Тихомировымъ: свода 1422 года, свода 1446-1449 гг. и свода 1460 года.

Мнѣ кажется, что однимъ изъ основныхъ вопросовъ при разсмотрѣніи Софійской 2-й лѣтописи долженъ быть вопросъ объ отношеніи ея къ Софійской 1-й лѣтописи: онъ даже не затронутъ г. Тихомировымъ (с. 74—77), начинающимъ свой обзоръ Софійской 2-й лѣтописи съ того года, которымъ открывается изданіе ея въ VI т. П. С. Р. Л., т. е. съ отрывковъ изъ житія Сергія Радонежскаго. Правда, до 1392 года включительно Софійская 2-я лѣтопись оказывается почти тожественною съ Толстовскимъ спискомъ Софійской 1-й лѣтописи, но на это необходимо указать уже потому, что мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ механическимъ соединеніемъ двухъ сводовъ—Софійской 1-й лѣтописи, съ одной стороны (до 1392 г.), и какой-то другой лѣтописи, съ другой. Очевидность увеличивается еще болѣе, если мы примемъ во вниманіе, что, начиная съ 1393 года, т. е. непосредственно за выписками изъ житія св. Сергія, Софійская 2-я лѣтопись представляетъ

---

1) Эти же вставки перешли и въ редакцію 1460 года (ср. Бальзер. списокъ); въ спискѣ Царскаго онѣ зачеркнуты уже въ самой рукописи (V, 164 и 232). Понятно, почему мы не находимъ ихъ въ спискахъ Карамзина и Оболенскаго.

текстъ не только сходный, но даже (въ особенности съ 1397 г.) почти тожественный съ Львовскою лѣтописью (ср. VI, 122 и Льв. II, 197), между тѣмъ какъ до 1393 года въ обѣихъ лѣтописяхъ видимъ совершенно различное содержаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что до насъ дошло начало только одного изъ двухъ списковъ Софійской 2-й лѣтописи — Новоіерусалимскаго; что же касается начала Архивскаго списка, то оно утрачено и самый списокъ начинается только съ событій 1397 г. («Двиняне далися великому князю»...), хотя весьма вѣроятно, что начало его было тожественно съ началомъ Новоіерусалимскаго списка. Архивскій списокъ оканчивается лѣтописнымъ разсказомъ 1518 года, при чемъ оборотъ послѣдняго (440-го) листа рукописи пустой: слѣдовательно, окончаніе лѣтописи на 1518 годѣ не случайно, не зависитъ и отъ неисправности списка. Принявъ во вниманіе, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ Архивскій списокъ представляетъ болѣе древнія чтенія, чѣмъ Новоіерусалимскій [1]), я нахожу вполнѣ вѣроятнымъ допустить, что первая редакція Софійской 2-й лѣтописи оканчивалась 1518 годомъ и была составлена именно въ этомъ году. Такое предположеніе подтверждается вполнѣ слѣдующими соображеніями: 1) несомнѣнно, что Львовская лѣтопись оканчивалась сама или пользовалась источникомъ, оканчивавшимся лѣтописнымъ разсказомъ 1518 года, и именно тамъ, гдѣ оканчивается Архивскій списокъ; а именно, послѣ извѣстія о кончинѣ князя Семена Ивановича и о его похоронахъ, на которыхъ присутствовали «пришедый отъ патріарха митрополитъ Григорій и старцы Святыя горы Аѳонскія» (послѣдняя фраза въ Архивскомъ спискѣ, ср. VI, 262), мы находимъ въ Львовской лѣтописи (III, 359) извѣстіе о возвращеніи къ великому князю посла Владимира Племянникова 26 іюля (а смерть Семена Ивановича отнесена къ 26 іюня); но то же извѣстіе было записано уже и выше передъ извѣстіемъ о кончинѣ Семена Ивановича и отнесено къ 27 іюля (III, 357), причемъ оно изложено буквально сходно со второю записью, съ тою, впрочемъ, разницей, что въ первой записи нѣтъ словъ: «князь же великій почтивъ ихъ (пословъ имп. Максимиліана, прибывшихъ съ Племянниковымъ) отпустилъ». Далѣе, черезъ нѣсколько строкъ послѣ второй записи, читаемъ о прибытіи въ августѣ къ великому князю старца Климента грека: это извѣстіе повторяетъ такое же, записанное выше передъ сообщеніемъ о смерти Семена Ивановича, отличаясь отъ него тѣмъ только, что содержитъ слова: «Князь же великій, пожаловавъ милостину, отпустилъ». И такъ, мы видимъ

1) Напр., въ Архивск. сохранился конецъ статьи 1399 года, опущенный въ Новоіер. (VI, 130); подъ 1400 читается о побоищѣ Витовта съ Темиръ-Кутлуемъ, чего нѣтъ въ Новоіер. (VI. 131); подъ 1437 нѣтъ прибавки: «шемяку да краснаго» (VI, 150); подъ 1484 нѣтъ двухъ извѣстій, вставленныхъ въ Новоіер. (VI, 335).

въ лѣтописномъ разсказѣ 1518 года Львовской лѣтописи присутствіе двухъ источниковъ, говорящихъ о тѣхъ же событіяхъ: очевидно, составитель лѣтописи, списавъ одинъ источникъ (или основной сводъ) 1518 г., обратился къ другому или другимъ источникамъ и рѣшился повторить уже записанныя раньше извѣстія для возстановленія хронологическаго порядка: послѣ событія 1 іюня (оставленіе епископіи Митрофаномъ Коломенскимъ) слѣдуютъ событія 26 іюня, 26 іюля и августовское, изъ которыхъ два послѣднихъ были записаны выше передъ извѣстіемъ отъ 1 іюня. 2) Львовская лѣтопись сходна съ Софійскою 2-ю лѣтописью только до того мѣста, гдѣ прекращается Архивскій списокъ: событія 1519 и слѣд. годовъ, изложенныя въ Новоіерусалимскомъ спискѣ, ничего общаго съ Львовскою лѣтописью не имѣютъ; слѣдовательно, мы въ правѣ говорить о сходствѣ Львовской лѣтописи не съ тою редакціей Софійской 2-й лѣтописи, которую представляетъ Новоіерусалимскій списокъ, а именно съ тою, которая отразилась въ Архивскомъ спискѣ. Такое положеніе подтверждается при сравнительномъ изученіи Львовской лѣтописи и обоихъ списковъ Софійской 2-й: можно привести рядъ чтеній, гдѣ Львовская лѣтопись и Архивскій списокъ противополагаются Новоіерусалимскому списку [1]). Поэтому мы въ правѣ вывести какъ то, что Архивскій списокъ отражаетъ иную редакцію Софійской 2-й лѣтописи, чѣмъ Новоіерусалимскій, такъ и то, что эта другая редакція древнѣе редакціи другого списка и относится по времени составленія къ 1518 году. Опредѣляя ближайшимъ образомъ отношеніе Львовской лѣтописи къ этой редакціи 1518 года, видимъ, что нѣтъ основанія допустить, чтобы Львовская лѣтопись пользовалась ею, какъ источникомъ, дѣлала изъ нея заимствованія: дѣйствительно, мы находимъ, съ одной стороны, рядъ пропусковъ, систематически проведенныхъ въ Львовской лѣтописи сравнительно съ Софійскою 2-ю (въ ней нѣтъ отрывковъ изъ Житія Сергія, за исключеніемъ, впрочемъ, чуда въ Бѣлевѣ подъ 1437 г., нѣтъ путешествія Аѳанасія Тверитина, выписокъ изъ житій Варлаама, Никона, нѣтъ грамоты Фотія 1431 г., посланія папы Пія II къ польскому королю 1458 г., ср. VI, 167; сочиненій Родіона Кожуха и др.), — а съ другой, многія событія разсказаны въ Львовской иначе и съ другими подробностями,

1) Подъ 1397, Льв. и Арх. «не дашася», Новоіер. «далися» (VI, 129); Подъ 1398, въ Льв. и Арх. нѣтъ вставки отъ словъ: «Того же лѣта пріѣха въ Новгородъ» (VI, 130); подъ 1399, въ Льв. и Арх. нѣтъ: «во мьстисловлѣ» (VI, 130), но есть окончаніе послѣдней статьи этого года, начиная со словъ: «октебря 25»; подъ 1400, въ Льв. и Арх. есть о побоищѣ Витовта съ Темиръ-Кутлуемъ, при чемъ въ обоихъ «Въспытко краковьский» передѣланъ въ сотника, сытника Краковскаго; подъ 1408, въ Льв. и Арх. ошибочно ярославьскіе вмѣсто рославскіе; недописанное «прія» въ Арх. сп. подъ 1437 г. (VI, 150) объясняется по Львовск. лѣтописи, гдѣ «пріятельствуя» (въ Новоіерус.: «при»); подъ 1453, въ Льв. и Арх. опущено сунклитикія (VI, 180); подъ 1500, нѣтъ ни въ Льв., ни въ Арх. прибавки, читаемой въ Новоіер. сп. (VI, 243, прим. н) и т. д.

чѣмъ въ Софійской 2-й (напр. событія 1446 - 1453). Принимая же во вниманіе, что начало Львовской лѣтописи (до 1392 года) совершенно не сходно съ Софійскою 2-ю, при чемъ оно находится въ тѣсной связи съ послѣдующею частью, начинающеюся съ 1393 года, между тѣмъ какъ въ Софійской 2-й ясно видно соединеніе двухъ сводовъ — Софійской 1-й и другой еще лѣтописи, мы въ правѣ, отвергнувъ предположеніе о пользованіи со стороны Львовской лѣтописи редакціею 1518 года Софійской 2-й лѣтописи, допустить, что сама Софійская 2-я лѣтопись представляетъ соединеніе двухъ сводовъ: Софійской 1-й лѣтописи и Львовской (протографа этой лѣтописи). Слѣдовательно, протографъ Львовской лѣтописи оканчивался нѣкогда 1518 годомъ. Въ томъ же году или нѣсколько позднѣе составлена первая, основная редакція Софійской 2-й лѣтописи: положивъ въ основаніе свода списокъ Софійской 1-й лѣтописи, она дополнила его, начиная съ 1393 года, выписками и обширными заимствованіями изъ протографа Львовской лѣтописи, а также изъ другихъ (нелѣтописныхъ) памятниковъ. И такъ, изслѣдователь Софійской 2-й лѣтописи, въ части, слѣдующей за 1392 годомъ, открываетъ два лѣтописные источника: Софійскую 1-ю лѣтопись и протографъ Львовской, доведенной до 1518 года. Поэтому, выдѣливъ въ этой части все то, что восходитъ къ Львовской, онъ получитъ представленіе о составѣ второго источника — Софійской 1-й лѣтописи. Въ виду начатаго выше изслѣдованія о происхожденіи и редакціяхъ этой лѣтописи, укажу, по возможности кратко, на рядъ выводовъ, который при этомъ получается.

Подъ 1393 г. въ Софійской 2-й находимъ слѣдующія извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Львовской: Махмутъ царевичъ взялъ Вятку; умеръ Борисъ Константиновичъ [1]); великій князь Василій Дмитріевичъ ѣздилъ въ Смоленскъ на свиданіе съ тестемъ; Олегъ ходилъ къ Любутску, а Литва воевала рязанскую землю; вел. князь послалъ Владимира Андреевича и Юрія Дмитріевича ратью на Торжокъ — всѣ эти извѣстія дословно выписаны изъ Софійской 1-й лѣтописи [2]). Подъ 1394 г. въ Львовской нѣтъ новгородскихъ извѣстій, заимствованныхъ въ Софійскую 2-ю изъ Софійской 1-й лѣтописи (VI, 124: Пріѣздилъ въ Новгородъ... ни города Пьскова). Подъ 1395 въ Софійской 2-й извѣстіе о Калочанѣ заимствовано изъ Софійской 1-й; его нѣтъ въ Львовской, гдѣ и остальныя извѣстія этого года частью опущены, частью изложены сокращенно, кромѣ послѣднихъ двухъ извѣстій, цѣликомъ внесенныхъ и въ Софійскую 2-ю лѣтопись; и такъ, весь отрывокъ отъ словъ

1) Извѣстіе о смерти Бориса повторено подъ 1394 г. на основаніи Львовской лѣтописи.

2) Архивск. сп. не содержитъ въ себѣ разсказа 1393 г.; поэтому извѣстіе о кончинѣ Ивана Дмитріевича (VI, 123, прим. г), читаемое въ Новоіерус. спискѣ, могло попасть туда изъ особаго источника (вѣроятно, Русскаго Временника). Предыдущее извѣстіе о Челябіи изъ протографа Львовской.

«Приходилъ царь Калочанъ» до «землю рязанскую и отъидоша» внесенъ въ Софійскую 2-ю изъ Софійской 1-й (ср. VI, 128) [1]). Подъ 1404 въ Софійской 2-й читаемъ о прибытіи Юрія Смоленскаго въ Новгородъ и о смерти Василія Суздальскаго: эти извѣстія, не находящіяся въ Львовской, заимствованы изъ Софійской 1-й. Подъ 1406 весь длинный разсказъ о погребеніи митрополита Кипріана и его прощальная грамота внесены въ Софійскую 2-ю изъ Софійской 1-й, а въ Львовской всего этого нѣтъ. Подъ 1420 годомъ первыя два извѣстія о моровой язвѣ и о голодѣ заимствованы изъ Львовской; вслѣдъ за этимъ читаемъ: Свидригайло вернулся въ Литву, о войнѣ новгородцевъ съ нѣмцами. Далѣе подъ 1421 — о бурѣ въ Новгородѣ, о возвращеніи Константина Дмитріевича въ Москву, о возвращеніи Ярослава изъ Литвы, о кончинѣ новгородскаго архіепископа Семена, о голодѣ въ Новгородѣ, о поставленіи архіепископомъ Ѳеодосія, затѣмъ сообщается вновь о моровой язвѣ [2]) и о послѣдовавшемъ затѣмъ голодѣ, о посѣщеніи Анастасіею отца своего, великаго князя, въ Москвѣ и о выѣздѣ ея изъ Москвы за недѣлю до Рождества Христова. Наконецъ, подъ 1422 и 1423 годами — о смерти Анастасіи, о московскомъ пожарѣ 18 августа, о нападеніи Барака на Одоевъ [3]), о великомъ голодѣ [4]) и о женитьбѣ князя Юрія Ивановича. — Всѣхъ этихъ извѣстій нѣтъ въ Львовской лѣтописи: согласно выставленному выше положенію, мы должны найти ихъ въ Софійской 1-й лѣтописи, но оказывается, что только часть этихъ извѣстій содержится въ извѣстныхъ намъ спискахъ этой лѣтописи, а именно извѣстія 1422 и 1423 гг. (кромѣ женитьбы Юрія Ивановича). Но мы имѣемъ основаніе утверждать, что всѣ извѣстія 1420 и 1421 года должны были читаться въ Софійской 1-й лѣтописи и именно въ томъ видѣ, въ какомъ они читаются въ Софійской 2-й: дѣло въ томъ, что они содержатся въ почти дословно сходномъ видѣ въ Новгородской 4-й лѣтописи, а мы знаемъ изъ предшествующаго изслѣдованія, что Софійская 1-я лѣтопись основана на этой новгородской лѣтописи (въ одной изъ первоначальныхъ ея редакцій). Далѣе Софійская 2-я лѣтопись пользовалась спискомъ Софійской 1-й лѣтописи, весьма близкимъ къ Толстовскому, до насъ дошедшему; но Толстовскій списокъ обрывается на серединѣ разсказа 1418 года; поэтому неизвѣстно, содержались ли въ этомъ и сходномъ съ нимъ спискѣ перечисленныя выше событія 1419 и 1421 года: предыдущее же соображеніе указываетъ на необходимость этого. Наконецъ, если мы еще разъ обратимъ вниманіе на

1) Перечень ростовскихъ владыкъ, читаемый въ Новоіерус. сп. подъ 1396 г., не находится ни въ Львовской, ни въ Соф. 1-й: вѣроятно, онъ внесенъ изъ другого источника.

2) Ср. подъ 1420: мѣсяца сентября 8, почала быти болѣзнь коркотная, а подъ 1421: тое же осени сентября 8 поча быти болѣзнь коркотная (VI, 141 и 142).

3) То же извѣстіе по Львовской приведено еще разъ ниже, подъ 1423 г. (VI, 142).

4) То же извѣстіе и ниже по Львовской (VI, 142).

окончаніе списковъ Карамзина и Оболенскаго, то замѣтимъ теперь очевидный пропускъ между извѣстіемъ о убіеніи Анфала 1418 г. и сообщеніемъ о смерти Анастасіи 1422 года (эти извѣстія слѣдуютъ въ Карамзинскомъ и Оболенск. непосредственно одно за другимъ); принявъ же во вниманіе, что, согласно предыдущему, въ Софійской 1-й лѣтописи должно было читаться сохранившееся теперь только въ Соф. 2-й лѣтописи извѣстіе о посѣщеніи Анастасіею великаго князя въ Москвѣ и о возвращеніи ея въ Звенигородъ, и что только вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ сообщалось о кончинѣ этой княгини, мы получаемъ основаніе утверждать, что въ оригиналѣ списковъ Карамзина и Оболенскаго опущенъ былъ по ошибкѣ [1]), послѣ извѣстія о смерти Анфала 1418 г., рядъ извѣстій 1419 - 1421 гг., вслѣдствіе чего извѣстіе 1422 года очутилось рядомъ съ извѣстіемъ 1418 г. и даже не отдѣлено отъ него словами: «въ лѣто 6930».

Этимъ путемъ намъ удается подтвердить высказанное выше мнѣніе, что Софійская 1-я лѣтопись оканчивалась 1422-мъ годомъ и, очевидно, была составлена въ этомъ году. Въ основномъ спискѣ разсказъ шелъ непрерывно до 1422 года включительно, но событія 1419 - 1421 гг. изъ позднѣйшихъ списковъ сохранились только въ Толстовскомъ (утратившемъ потомъ свое окончаніе) и въ сходномъ съ нимъ (лежащемъ въ основаніи Софійской 2-й лѣтописи). Въ протографѣ списковъ Карамзина и Оболенскаго они опущены по неисправности рукописи оригинала. Въ протографѣ же списковъ Бальзеровскаго, Царскаго и др. разсказъ о событіяхъ 1419 - 1421 гг. опущенъ потому [2]), что они вообще сократили конецъ Софійской 1-й лѣтописи; ср. отсутствіе извѣстій подъ 1424, 1428, 1429, 1430 и др. годами въ этихъ спискахъ.

Толстовскій и сходный съ нимъ списки продолжались и за 1422 годъ: мы видѣли заимствованія изъ сходнаго съ Толстовскимъ списка въ Софійскую 2-ю лѣтопись подъ 1423 г. (голодъ и женитьба Юрія Ивановича); подъ 1431 годомъ въ Софійской 2-й приведена прощальная грамота митрополита Фотія: въ виду того, что ея нѣтъ въ Львовской, естественно предположить, что она заимствована изъ Софійской 1-й; подъ 1440 находимъ краткое извѣстіе о возвращеніи Исидора изъ Рима: оно, очевидно, восходитъ къ Софійской 1-й (къ утраченному списку ея), такъ какъ его нѣтъ въ Львовской. Подъ 1446 - 1453 весь разсказъ о борьбѣ Василія Васильевича съ Шемякою изложенъ въ Софійской 2-й лѣтописи иначе, чѣмъ въ Львовской, и долженъ такимъ образомъ возводиться къ Софійской 1-й лѣтописи. Различіе между обѣими лѣтописями Льв. и Софійск. 2-й начинается

1) Очевидно, въ оригиналѣ, съ котораго списанъ оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенскаго, недоставало одного листа, на которомъ и находились эти извѣстія.

2) Года 6927, 6928, 6929 приведены, но оставлены не заполненными (V, 262).

послѣ извѣстія о прибытіи великаго князя въ Переяславль (VI, 172, Льв. II, 336). Поэтому изъ Софійской 1-й лѣтописи надо выводить извѣстія Софійской 2-й о возвращеніи великаго князя въ Москву 17 ноября и о переговорахъ между Шемякой, Иваномъ Можайскимъ и Борисомъ Тверскимъ; оттуда же взяты подробности о захватѣ великаго князя въ Троицесергіевомъ монастырѣ и о его ослѣпленіи; о поимкѣ Шемякою сыновей Темнаго [1]). Подъ слѣдующимъ годомъ въ Софійской 2-й лѣтописи гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Львовской, разсказывается объ отправленіи Василія Васильевича изъ Углича на Вологду, о бѣгствѣ его въ Тверь, о прибытіи къ нему Василія Ярославича и другихъ союзниковъ, о развязкѣ на Волокѣ Ламскомъ и о возвращеніи Темнаго въ Москву. Еще дальше одна отъ другой обѣ лѣтописи подъ 1448 и 1449 гг. Подъ 1450 въ Софійской 2-й не находится цѣлаго ряда извѣстій, которыя читаются въ Львовской (напр. о закладкѣ каменной церкви Ховринымъ и каменной палаты митроп. Іоной, о буряхъ и грозахъ, разразившихся въ Москвѣ 5 августа и 13 іюля). Подъ 1451 въ Софійской 2-й содержится нѣсколько извѣстій, общихъ со Львовской, но другія взяты, очевидно, изъ Софійской 1-й. Подъ 1452 въ Софійской 2-й лѣтописи совершенно иное содержаніе, чѣмъ въ Львовской [2]) и, наконецъ, подъ 1453 въ Софійской 2-й кратко передается о смерти Шемяки, между тѣмъ какъ въ Львовской разсказывается объ отравленіи его смертнымъ зеліемъ при посредствѣ Стефана Бородатаго. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ (VI, 180; Льв. II, 348), обѣ лѣтописи опять сходны и мнѣ не удалось найти указаній на пользованіе со стороны Софійской 2-й лѣтописи Софійскою 1-ю лѣтописью; въ общемъ, вплоть до 1480 года (разсказъ о походѣ на Угру), текстъ обѣихъ лѣтописей почти тожественъ [3]). Въ виду этого я думаю, что лѣтописный разсказъ того списка Софійской 1-й лѣтописи, которымъ пользовалась Софійская 2-я лѣтопись, доходилъ до 1453 года: имѣя же въ виду сдѣланное выше заключеніе о томъ, что списокъ этотъ (и сходный съ нимъ Толстовскій) составленъ въ 1446—1449 гг. (въ виду отсутствія въ родословной князя Бориса, рожденнаго въ 1449 году), я позволяю себѣ сдѣлать предположеніе, что разсматриваемая лѣтопись ве-

1) Напротивъ, въ Соф. 2-й лѣтописи опущены нѣкоторыя подробности, содержащіяся въ Львовской, напр. о томъ, какъ конюхъ Берестень ослѣпилъ вел. князя; не сказано, что Шемяка хотѣлъ потопить Ивана и Юрія Васильевичей въ Волгѣ, и др.

2) О походѣ Ивана Ивановича на Кокшенгу въ Львовской упоминается подъ слѣдующимъ годомъ.

3) Подъ 1460 въ Льв. нѣтъ сказаній о чудѣ св. Варлаама, о трусѣ 14 іюня — сочиненій Родіона Кожуха, подъ 1462 нѣтъ сказанія объ исцѣлѣвшемъ у гроба Алексія митрополита хромцѣ, подъ 1471 разсказъ о брани на Новгородъ въ Льв. сокращенъ сравнительно съ Соф. 2-ю лѣт. и, вѣроятно, сравнительно съ протографомъ Львовской: ср. за этимъ пропускъ повѣсти подъ заглавіемъ «Словеса избранна отъ св. писаній»..., хотя самое заглавіе сохранилось (III, 20).

лась современникомъ и, начатая до 1449 года, доведена имъ до событій 1453 года: обстоятельность записей 1446, 1447, 1450 гг. ясно доказываютъ, что онѣ принадлежатъ современнику.

Здѣсь кстати сказать о томъ, въ какомъ отношеніи находится Львовская лѣтопись къ Софійской 1-й. Внѣ всякаго сомнѣнія то, что одинъ изъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи былъ однимъ изъ источниковъ Львовской; такъ, всѣ новгородскія извѣстія ея, начиная съ самыхъ древнихъ, возводятся къ Софійской 1-й лѣтописи [1]). Заимствованія изъ этого источника продолжаются и въ XV вѣкѣ, при чемъ они тѣсно переплетаются съ заимствованіями изъ другого уже знакомаго намъ источника — изъ Хронографа: вотъ почему въ результатѣ лѣтописный разсказъ Львовской лѣтописи, начиная приблизительно съ 1420 года, очень сходенъ со спискомъ Царскаго: оба памятника пользовались двумя тожественными источниками — Софійскою 1-ю лѣтописью и Хронографомъ; ср. напр. тожественные разсказы подъ 1423, 1429, 1430, 1431 и 1432, 1451 и т. д.; замѣчаемыя мѣстами различія объясняются неодинаковымъ пользованіемъ общими источниками. Такъ, въ спискѣ Царскаго два раза приводится извѣстіе о смерти Ивана Михайловича Тверского: одинъ разъ — подъ 1423 съ указаніемъ, что ему наслѣдовалъ внукъ его Борисъ Александровичъ (это согласно съ извѣстіемъ Хронографа, ср. редакцію его 1512 г.), а другой разъ — подъ 1425 съ указаніемъ на вступленіе на тверской столъ Иванова сына Александра; въ Львовской лѣтописи мы читаемъ о смерти Ивана Михайловича съ подробностями, заимствованными изъ Софійской 1-й, но наслѣдникомъ его, согласно съ Хронографомъ, названъ Борисъ. Подъ 1449 г. списокъ Царскаго, согласно съ Хронографомъ, говоритъ о вторженіи татаръ, набѣгъ которыхъ достигалъ р. Похры, причемъ они полонили нѣсколькихъ боярскихъ женъ; Львовская лѣтопись относитъ этотъ эпизодъ къ слѣдующему 1450 году и связываетъ его съ извѣстіемъ о вторженіи татаръ въ рязанскіе предѣлы и объ отраженіи ихъ Константиномъ Беззубцевымъ (извѣстіе заимствовано изъ Софійской 1-й лѣтописи). Въ виду того, что Львовская лѣтопись (а черезъ нее и Софійская 2-я) становится почти тожественною съ спискомъ Царскаго, Синод. спис. № 280 Новгородской 4-й лѣтописи и Отрывкомъ лѣтописи по Новоіерусалимскому списку только съ 1489 года, между тѣмъ какъ пользованіе общимъ со всѣми этими списками источникомъ — Хронографомъ началось, какъ мы видѣли, гораздо раньше, я рѣшаюсь предположить, что одинъ изъ источниковъ Львовской лѣтописи оканчивался

1) Подъ 988 о крещеніи Новгорода, подъ 1061 о поставленіи архіепископа Стефана, подъ 1078 о поставленіи Германа, и т. д.

1488-мъ годомъ. Такимъ источникомъ, согласно всему предыдущему, могъ быть списокъ Софійской 1-й лѣтописи, доведенный до этого года. Хронографъ, какъ это видно изъ редакціи его 1512 года и изъ списковъ Царскаго и Синод. № 280, довольно кратко описывалъ борьбу Василія Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ и Юрьевичами: въ Львовской она, какъ мы видѣли выше, описана довольно подробно; источникомъ разсказа Львовской могъ служить списокъ Соф. 1-й лѣтописи, подобно тому, какъ Софійск. 2-я лѣтопись излагаетъ событія 1446 - 1453 по другому списку той же лѣтописи. Событія 1482 - 1488 разсказаны въ Хронографѣ довольно кратко: въ Львовской они изложены очень подробно и заимствованы, слѣдовательно, изъ другого источника. Нашествіе Ахмата въ 1480 году разсказывается въ Львовской вообще согласно съ Хронографомъ, но кое-что дополнено здѣсь на основаніи другого источника, которымъ могъ быть списокъ Софійской 1-й лѣтописи: начиная со словъ «И ужасъ наиде на нь и восхотѣ бѣжати отъ брегу, а свою великую княгиню римлянку и казну съ нею посла на Бѣлоозеро», видимъ въ Львовской (VII, 145) вставку (перешедшую и въ Софійск. 2-ю, ср. VI, 224), сравнительно съ разсказомъ Хронографа (IV, 154), содержащую между прочимъ и длинное посланіе Вассіана; вставка оканчивается словами: «онъ же смирися съ ними и даде князю Андрею Можайскъ, а князю Борису села Ярославичевы всѣ дѣлярные» (Льв. III, 173; Софійск. 2-я, VI, 232), послѣ чего опять находимъ текстъ, сходный съ Хронографомъ: «Царь же бѣжа никимъ же гонимъ по Литовской землѣ» (Льв. III, 173). Изъ того же источника заимствованъ въ Львовскую лѣтопись, очевидно, и лѣтописный разсказъ 1481 г., гдѣ между прочимъ находятся разсмотрѣнныя г. Тихомировымъ три вставки (стр. 35), оканчивающіяся каждая словомъ «аминь»: часть вставокъ неумѣстна въ Львовской (и Софійской 2-й лѣтоп.); это зависѣло отъ того, что разсказъ 2-го источника Софійской 1-й лѣтописи съ продолженіями былъ внесенъ въ Львовскую лѣтопись не цѣликомъ, а отдѣльными отрывками и статьями, вставленными въ текстъ другого источника — Хронографа.

Все вышеизложенное приводитъ меня къ слѣдующимъ выводамъ относительно происхожденія Софійской 1-й лѣтописи и различныхъ ея редакцій [1]). Софійская 1-я лѣтопись — это московскій лѣтописный сводъ, составленный въ 1422 году. Основной списокъ ея не дошелъ до насъ, но наиболѣе точно передаетъ его оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенскаго, гдѣ, однако, вслѣдствіе неисправности рукописи, были опущены (вы-

1) Часть выводовъ была изложена выше, но повторю ихъ для ясности еще разъ.

рваны въ немъ самомъ, или въ его протографѣ) два листа или листъ, содержавшій разсказъ о событіяхъ 1419 - 1422 г.; поэтому до насъ сохранилось въ Карамз. и Оболен. списк. только два извѣстія 1422 г. и ни одного извѣстія предшествующихъ трехъ годовъ; оригиналъ списковъ Карамзина и Оболенскаго писанъ въ 1431 - 1440 гг. — Другой списокъ былъ сдѣланъ въ 1446 - 1449 году и продолженъ лѣтописнымъ разсказомъ о современныхъ событіяхъ приблизительно до 1453 года: списокъ Толстовскій и тотъ списокъ, который лежитъ въ основаніи Софійской 2-й лѣтописи, оказываются копіями съ него. — Сокращеніемъ этой редакціи должна быть признана редакція, доведенная до 1460 года и дополненная лѣтописными замѣтками 1464 и 1468 года, а также приписками 1462 года и прибавленіемъ повѣсти о взятіи Новгорода 1471 года: сюда относится Бальзеровскій списокъ. Имъ или другимъ подобнымъ спискомъ воспользовался составитель списка Царскаго, соединившій его извѣстія съ разсказомъ Хронографа редакціи 1508 года. — Наконецъ, основной списокъ Софійской 1-й лѣтописи подвергся еще особой сокращенной редакціи (сокращенной въ основной части), дополнившей ее лѣтописнымъ разсказомъ, обнимающимъ событія XV вѣка и доведеннымъ до 1488 года: этотъ списокъ послужилъ источникомъ Львовской лѣтописи, соединившей его съ заимствованіями изъ Хронографа редакціи 1508 года.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводахъ, я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о лѣтописяхъ XV и начала XVI вѣка. Пока намъ удалось опредѣлить два типа этихъ лѣтописей: это, съ одной стороны, Софійская 1-я лѣтопись, извѣстная въ различныхъ редакціяхъ, доводившихъ лѣтописный разсказъ частью до середины XV в., а частью почти до конца его; съ другой стороны, Хронографъ, гдѣ разсказъ доходилъ до 1506 и до 1508 года. Рядомъ съ этимъ простымъ видомъ существовали сложные, представлявшіе разныя комбинаціи между редакціями Софійской 1-й лѣтописи и Хронографа: таковы своды, какъ списокъ Царскаго или какъ Львовская лѣтопись; еще болѣе сложный видъ — это Софійская 2-я лѣтопись, гдѣ съ Софійской 1-й скомбинированъ не Хронографъ, а Львовская лѣтопись (въ древнѣйшей ея редакціи), сама представляющая комбинацію Хронографа съ Софійской же 1-й лѣтописью.

И такъ, древнѣйшими и основными видами московскихъ сводовъ XV в. оказываются Софійская 1-я лѣтопись и Хронографъ. Возстановить основной видъ этихъ памятниковъ, указать ихъ источники — вотъ задачи, которыя предстоятъ изслѣдователямъ. Вопросы объ источникахъ Софійской 1-й лѣтописи были затронуты уже выше — мы видѣли, что главнымъ и основ-

нымъ источникомъ ея была Новгородская 4-я лѣтопись. Болѣе сложны вопросы объ источникахъ Хронографа, такъ какъ онъ не дошелъ до насъ цѣликомъ ни въ первоначальномъ своемъ видѣ, ни даже въ позднѣйшихъ редакціяхъ (мы видѣли, что Русскій Временникъ въ части до 1479 г. дополнилъ его по другимъ источникамъ). Но не подлежитъ сомнѣнію въ томъ, что однимъ изъ его источниковъ была та же Новгородская 4-я лѣтопись, которою пользовался составитель 1-й Софійской лѣтописи. Такъ, подъ 1415 годомъ мы находимъ въ Хронографѣ (ср. Хронографъ редакціи 1512 г.) слѣдующее извѣстіе: «въ лѣто 6923 у гроба Петра чюдотворца бысть чюдо: у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ марта въ 9, а въ 15-й день марта же у черницы руцѣ сухы и прикорчены исцѣлѣ». То же извѣстіе подъ 6924 годомъ [1]) читаемъ въ Софійской 1-й лѣтописи, но исцѣленіе хромого отнесено къ 12 марту, а исцѣленіе сухорукой къ 15-му. Разницу въ числахъ можно объяснить только въ томъ случаѣ, если предположить, что это извѣстіе самостоятельно заимствовано, какъ составителемъ Хронографа, такъ и составителемъ Софійской 1-й лѣтописи изъ Новгородской 4-й лѣтописи, гдѣ мы читаемъ подъ 1415 годомъ: «той зимы, февраля 23, въ недѣлю мясопустную, поѣха Самсонъ къ митрополиту ставиться владыкою, а съ нимъ послы новгороцкыи ...и пріѣха на Москву въ лѣто 6924, марта въ 9, на 40 мученикъ, по зборѣ в понедѣльникъ, а в четвертокъ той недѣли 12 день, простилъ Богъ въ церкви святѣй Богородици, у гроба Петра митрополита: у человѣка нога прикоръчена исцѣлѣ; а в недѣлю 2-ю поста, въ 15, у черницѣ руцѣ исцѣлѣша». Ясно, что составитель Софійской 1-й лѣтописи правильно отнесъ чудеса у гроба Петра чудотворца къ 12 и 15 марта; ясно также, что составитель Хронографа день прибытія въ Москву Самсона принялъ за день исцѣленія хромого [2]). Въ виду этого, а также цѣлаго ряда общихъ мѣстъ между Хронографомъ и Новгородскою 4-ю лѣтописью, я не сомнѣваюсь въ томъ, что послѣдняя была однимъ изъ источниковъ Хронографа. Составитель Хронографа не зналъ Софійской 1-й лѣтописи, и если тѣмъ не менѣе мы найдемъ у него извѣстія, общія съ этой лѣтописью и отсутствующія въ Новгородской 4-й (напр., подъ 1413 о явленіи Колочской Божьей Матери, подъ 1417 о кончинѣ старшаго сына Василія Дмитріевича, Ивана и др.), то это надо объяснять такъ, что — Хронографъ и Софійская 1-я лѣтопись пользовались другими общими источниками. Я думаю, что вторымъ основнымъ источникомъ Хронографа была Ростов-

---

1) Хронографъ систематически придерживается сентябрьскаго года, вопреки Софійской 1-й лѣтописи, знающей мартовскій годъ.

2) Въ Воскр. лѣтописи находимъ 9 и 15 марта на основаніи, очевидно, Русск. Вр. (Хронографа). Въ Львов. и Софійской 2-й — комбинація Софійской 1-й съ Хронографомъ: поэтому здѣсь подъ 12 объ исцѣленіи хромого, подъ 15 объ исцѣленіи руки (рука исцѣлѣ), а подъ 9 маія (вм. марта) объ исцѣленіи сухорукой черницы (VI, 140).

ская лѣтопись, составленная, повидимому, въ 1419 году и оканчивавшаяся извѣстіемъ объ избраніи Діонисія епископомъ Ростову и Ярославу, а можетъ быть, и извѣстіемъ (не ростовскимъ) 1419 года о кончинѣ супруги Константина Дмитріевича, Анастасіи[1]). Ростовская лѣтопись представляла изъ себя краткое извлеченіе изъ другихъ лѣтописныхъ сводовъ, и при этомъ существенную часть ея составляли выборки изъ московской лѣтописи: думаю, что не ошибусь, указавъ, что источникомъ Ростовской лѣтописи 1419 года была такъ называемая Троицкая лѣтопись 1409 г. Такъ, напримѣръ, извѣстіе о прибытіи митрополита Кипріана съ двумя греческими митрополитами и нѣсколькими епископами (Сузд.-Акад. подъ 1389, а въ Хроногр. ред. 1512 сокращенно) возводится, какъ видно изъ И. Г. Р., т. V, прим. 232, къ Троицкой лѣтописи; разсказъ о Едигеевомъ нашествіи 1409 г. (ср. Сузд.-Акад. и Хроногр. ред. 1512 г. подъ 1408) также читался въ Троицкой лѣтописи (И. Г. Р., т. V, прим. 205); подъ 1415 г. въ Хронографѣ (ср. списокъ Царскаго и Хроногр. ред. 1512 г.) говорилось о взятіи Витовтомъ Одоева: то же читалось и въ Троицк. лѣтописи (И. Г. Р., т. V, прим. 199); подъ 1395 въ Хронографѣ разсказывалось о взятіи Семеномъ Суздальскимъ Нижняго Новгорода и о походѣ Юрія Дмитріевича на болгарскую землю: то же повѣствовалось (хотя и подъ другимъ годомъ, 1399-мъ) въ Троицк. лѣтоп. (И. Г. Р., т. V, прим. 176) и т. д. Ниже я еще разъ вернусь къ вопросу о составѣ Ростовской лѣтописи 1419 года, а пока замѣчу, что начало русскихъ статей Хронографа, гдѣ разсказываются событія IX—XI вѣка, цѣликомъ заимствовано изъ этой лѣтописи: вотъ почему мы найдемъ здѣсь такъ много сходнаго съ лѣтописью Аврамки и съ Синод. сп. № 154, которыя представляются соединеніемъ Новгородской 4-й лѣтописи съ Ростовскою лѣтописью 1419 г. Этими немногими замѣчаніями я заканчиваю свое изслѣдованіе о московскихъ лѣтописныхъ сводахъ XV вѣка.

III.

Въ этой главѣ я остановлюсь на вопросахъ о времени происхожденія и составѣ древнѣйшаго московскаго лѣтописнаго свода.

Г. Тихомировъ, какъ я сказалъ уже выше, правильно отдѣлилъ Новгородскую 4-ю лѣтопись отъ московскихъ сводовъ, признавъ ее, очевидно, сводомъ новгородскимъ. Но тѣмъ важнѣе было бы для него объяснить,

1) Этимъ извѣстіемъ оканчивается Академическій списокъ Суздальской лѣтописи, который я признаю въ части послѣ 1238 года сокращеніемъ Ростовской лѣтописи 1419 г. Передъ этой частью находимъ часть 1205—1238, заимствованную изъ Софійск. 1-й лѣтописи, и часть отъ начала Повѣсти вр. лѣтъ до 1206 года, восходящую къ Суздальскому своду 1206 г. (ср. Радзивиловскій списокъ).

какъ и откуда могли попасть въ нее московскія извѣстія. Извѣстія эти восходятъ къ XIV-му в. и начинаются почти тамъ же, гдѣ въ московскихъ сводахъ, разсмотрѣнныхъ г. Тихомировымъ. Такъ, подъ 1326 годомъ читаемъ о рожденіи у Ивана Даниловича сына Ивана; подъ 1329 объ основаніи въ Москвѣ двухъ церквей Іоанна Лѣствичника и Петра апостола, подъ 1330 объ основаніи церкви св. Спаса, подъ 1334 объ основаніи церкви св. Архангела Михаила, подъ 1340 о походѣ московской рати Ивана Даниловича подъ Смоленскъ (ср. Тихомировъ, стр. 7, прим. 7), подъ 1348 о рожденіи сына Данила у Семена Ивановича, подъ 1351 о походѣ Семена на Смоленскъ, подъ 1353 о смерти князя Андрея Ивановича (а о его рожденіи подъ 1327 г. читается не во всѣхъ спискахъ) и о рожденіи сына Владимира у Семена Ивановича, подъ 1364 о смерти Ивана Ивановича малаго, подъ 1380 о Мамаевомъ побоищѣ, подъ 1382 о плѣненіи и о прихоженіи Тахтамыша царя и о Московскомъ взятьи и др.

Предыдущее изслѣдованіе о Софійской 1-й лѣтописи показало, что она, дѣйствительно, «представляетъ изъ себя сокращенную Новгородскую лѣтопись» (Тихомировъ, 78) и при томъ именно Новгородскую 4-ю лѣтопись. Выписки изъ новгородскихъ лѣтописей, какъ отмѣтилъ г. Тихомировъ, доходятъ только до 1419 г., хотя въ основномъ спискѣ Софійской 1-й лѣтописи, какъ это доказываетъ изслѣдованіе Софійской 2-й лѣтописи, онѣ доходили до 1421 года. Имѣя въ виду, что Софійская 1-я лѣтопись составлена въ Москвѣ въ 1422 году, мы необходимо должны заключить, что лежащая въ ея основаніи Новгородская 4-я лѣтопись оканчивалась 1421 годомъ, составлена, слѣдовательно, именно въ этомъ году. Дошедшіе до насъ списки Новгородской 4-й лѣтописи — всѣ, кромѣ двухъ (о которыхъ скажу ниже), ясно показываютъ, что общій оригиналъ ихъ доводилъ лѣтописный разсказъ до 1447 года; начиная съ конца замѣтокъ этого года, видимъ, что списки, бывшіе до того сходны, даже почти тожественны между собою, начинаютъ несходствовать: между ними одинъ — Публичн. библ. прекращается совсѣмъ подъ 1448-мъ годомъ, а остальные списки представляютъ разнообразныя продолженія; такъ, въ Строевскомъ и Синодальномъ № 152 продолжается новгородская лѣтопись, въ Академическомъ и Синодальномъ № 280 съ 1447 года начинается московская лѣтопись, въ Погод. № 1404 а, № 1402, Акад. № 391(3) и нѣкоторыхъ другихъ, до 1447 года сходныхъ съ Синодальнымъ № 280, съ 1447 года начинается псковская лѣтопись (ср. IV, стр. 213). Отсюда ясно, что передъ нами не та редакція Новгородской 4-й лѣтописи, которая лежитъ въ основаніи Софійской 1-й. Но косвенное указаніе на то, что первоначально Новгородская 4-я лѣтопись оканчивалась именно 1421 годомъ, можно найти въ другой новгородской лѣтописи — Новгородской 1-й. Сравнивая лѣтописный разсказъ до 1421 года

съ разсказомъ послѣ этого года, мы видимъ между тѣмъ и другимъ большое различіе: до этого года находимъ длинныя погодныя записи, обнимающія иногда двѣ и три страницы печатнаго текста; но уже подъ 1423 годомъ (1422 годъ соединенъ съ предыдущимъ) находимъ замѣтку въ двѣ строки, подъ 1426, 1427, 1431 сообщаемыя извѣстія умѣщаются также на двухъ-трехъ строкахъ; только, начиная съ 1434 года (и до 1443 - 1446 года, гдѣ оканчивается Новгородская 1-я лѣтопись), разсказъ становится опять обширнѣе и подробнѣе. Думаю, что отсюда необходимо заключить о томъ, что событія послѣ 1421 года были описаны не современникомъ, и что они приписаны къ своду какой-то Новгородской лѣтописи, прекратившемуся на 1421 году [1]). Если принять во вниманіе тѣсную зависимость между Новгородскою 1-ю и 4-ю лѣтописями, мы съ увѣренностью можемъ говорить, что такою лѣтописью и была одна изъ первоначальныхъ редакцій Новгородской 4-й лѣтописи. Слѣдовательно, Новгородская 1-я лѣтопись заимствовала изъ Новгородской 4-й разсказъ о событіяхъ до 1421 года. Но опредѣляя годъ, съ котораго могло бы идти такое заимствованіе, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ интереснымъ для насъ обстоятельствомъ. Одинъ изъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи—Синодальный № 280, только начиная съ 1406 года, тожественъ съ другими списками; отъ 1384 до 1406 онъ представляетъ совершенно отдѣльный текстъ, на столько отличный отъ другихъ списковъ, что издателямъ IV т. П. С. Р. Л. пришлось напечатать его отдѣльно (стр. 138 - 145); напротивъ, въ части до 1384-го мы опять видимъ полное совпаденіе Синодальнаго № 280 съ другими списками Новгородской 4-й лѣтописи. При этомъ оказывается, что въ части 1384—1404 года Синод. № 280 гораздо ближе къ Новгородской 1-й лѣтописи [2]), чѣмъ къ прочимъ спискамъ этой лѣтописи, а также, что эти другіе списки не такъ сходны въ этой части съ Новгородскою 1-ю лѣтописью, какъ списокъ Синодальный № 280. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ясно, что часть 1384—1404 года въ другихъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи основана именно на томъ текстѣ, который читается въ Синод. № 280, при чемъ текстъ этотъ дополненъ и измѣненъ по нѣкоторымъ другимъ неновгородскимъ и новгородскимъ источникамъ. Вотъ почему мы найдемъ здѣсь нѣ-

---

1) Замѣчательно, что списокъ посадниковъ, помѣщенный подъ 988 г., оканчивается во всѣхъ спискахъ Новгор. 1-й лѣтописи Тимоѳеемъ Васильевичемъ, упоминаемымъ подъ 1421 г. (имена остальныхъ въ Акад. спискѣ приписаны другой рукой).

2) Въ Синод. № 280 въ части 1384—1404 встрѣчаемъ только нѣсколько извѣстій, отсутствующихъ въ Новг. 1-й: 1385, о пріѣздѣ въ Новгородъ Стефана Пермскаго и объ основаніи церкви въ Радоковичахъ; 1390, о морѣ въ Новгородѣ; 1398, о битвѣ Якова съ Анфаломъ, 1400, о пожарѣ на Владычнемъ берегу, 1402, о построеніи церкви на Видогощѣ въ общемъ монастырѣ, 1404, о подписаніи церкви на Лисичьи горкѣ, подробности о пожарѣ, случившемся въ Образовъ день, объ освобожденіи архіеп. Іоанна изъ московскаго заточенія и нѣк. др.

сколько общихъ извѣстій, отсутствующихъ въ Новгородской 1-й лѣтописи: такъ, во всѣхъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1385 говорится о пріѣздѣ въ Новгородъ Стефана Пермскаго (IV, 94 и 138), подъ 1388 о взятіи татарами Переяславля (IV, 96 и 139), подъ 1390 о поставленіи церкви Константина и Елены на Росткинѣ улицѣ (IV, 97 и 139), подъ 1399 о кончинѣ Романа Юрьевича (похороненнаго въ Порховѣ, по Синод. № 280 у святаго Николы, а по другимъ спискамъ у святаго Спаса, IV, 103 и 143) и т. д. — Разсматривая лѣтописный разсказъ 1404 года по всѣмъ спискамъ Новгор. 4-й лѣтописи (кромѣ Синод. № 280 и сходныхъ съ нимъ Погод. № 1404а и др.), мы видимъ, что въ началѣ этого года помѣщено извѣстіе о неудачной осадѣ Витовтомъ Смоленска, подъ которымъ онъ безуспѣшно простоялъ три мѣсяца: это извѣстіе нѣсколько сокращенно (не названы союзники Витовта, Симеонъ Ольгердовичъ и Свидригайло) читается и въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ (IV, 106 и Новгор. 1-я, стр. 393); если его нѣтъ въ Синод. № 280, то это, конечно, должно объяснять простымъ пропускомъ (ср. IV, 144). Вслѣдъ за этимъ въ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи читаемъ о томъ, какъ Юрій (по удаленіи Витовта) отправился въ Москву искать защиты и покровительства у Василія Дмитріевича, какъ въ это время измѣнники предали Смоленскъ литовскому князю, и какъ Юрій, услышавъ объ этомъ, поѣхалъ въ Новгородъ съ сыномъ Ѳедоромъ и съ князьями Семеномъ и Владиміромъ Вяземскими; новгородцы приняли бѣглеца и дали ему 13 городовъ, тутъ же перечисленныхъ въ лѣтописи; Юрій цѣловалъ Новгороду крестъ, а посадники цѣловали ему крестъ. Тѣ же извѣстія читаются нѣсколько сокращенно (не сказано, съ кѣмъ прибылъ Юрій въ Новгородъ, и опущено, что новгородцы дали ему 13 городовъ, и что союзъ его съ Новгородомъ былъ закрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ) въ Новг. 1-й лѣтописи. Но совершенно одинаково съ остальными списками они изложены въ Синод. № 280. За этимъ въ спискахъ Новг. 4-й лѣтоп. слѣдуютъ два мѣстныя новгородскія извѣстія, а потомъ со словъ: «А Витовтъ съ Ольгердовичи, съ Корибутомъ, и съ Лугвенемъ, и съ Свѣтригайломъ, и съ всею силою пріиде ратью къ Смоленьску», мы читаемъ тѣ же событія, которыя были только что изложены, при чемъ, однако, въ концѣ они переданы гораздо короче: Юрій съ сыномъ Ѳедоромъ бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ, «и тамо новгородци пріяша его съ миромъ». Въ Новгородской 1-й лѣтописи мы не находимъ этого второго разсказа о смоленскихъ событіяхъ, но въ Синод. № 280 онъ есть, при чемъ, однако, передъ нимъ читается: «съ другого съ старого» (IV, 145, прим. а) [1]). Имѣя въ виду, что именно съ этого мѣста начинается полное сходство Синод.

[1]) Тѣ же слова (а и съ другого старого) въ лѣтописи Аврамки и въ Синод. № 154 (Кирилло-бѣлоз.).

№ 280 съ другими списками Новгородской 4-й лѣтописи, эту замѣтку надо понимать какъ указаніе на то, что составитель списка обратился къ другому списку, другой лѣтописи; слѣдовательно, въ его распоряженіи былъ, съ одной стороны, такой списокъ лѣтописи, гдѣ о смоленскомъ взятьи говорилось только одинъ разъ, а съ другой, списокъ, гдѣ о томъ же событьѣ разсказывалось именно такъ, какъ оно передано во второмъ разсказѣ. Выше, разсматривая отношеніе Синод. № 280 къ Академическому списку Новгородской 4-й лѣтописи, я вывелъ заключеніе, что Синод. № 280 составленъ по двумъ спискамъ Новгородской 4-й лѣтописи, изъ которыхъ одинъ былъ протографомъ Академическаго списка; при этомъ я доказывалъ, что къ этому протографу восходитъ часть 1447 - 1496 года. Въ виду этого, я думаю, что пользованіе протографомъ Академическаго списка начиналось съ того мѣста, гдѣ составитель списка далъ намъ указаніе на переходъ къ другому источнику, т. е. съ 1404 года, со второго разсказа о смоленскомъ взятьи. Онъ обратился ко второму источнику, вѣроятно, потому, что дошелъ до конца своего перваго источника, т. е. потому, что первый источникъ оканчивался 1404 годомъ, на первомъ разсказѣ о смоленскомъ взятьи. Такимъ путемъ мы приходимъ къ возстановленію двухъ редакцій Новгородской 4-й лѣтописи: первая оканчивалась, какъ мы видимъ, 1447 годомъ, а вторая 1404-мъ. Опредѣляя отношеніе второй редакціи къ первой, мы прежде всего должны имѣть въ виду сдѣланное выше заключеніе о существованіи такой редакціи Новгородской 4-й лѣтописи, которая оканчивалась 1421 годомъ. Слѣдовательно, редакція 1447-го года восходитъ непосредственно къ редакціи 1421 года, а уже эта редакція, т. е. та часть всѣхъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, кромѣ Синод. № 280, которая доходитъ до 1422 года, можетъ быть поставлена въ ближайшія отношенія къ редакціи 1404 года. Сравнивая эти обѣ редакціи, мы видимъ, что до 1384 года включительно онѣ сходны между собою, въ части же отъ 1384—1385 года различны. Это неминуемо ведетъ насъ къ заключенію, что первоначальная редакція Новгородской 4-й лѣтописи доходила до 1384 года. Эта редакція породила нѣсколько списковъ, продолжившихъ лѣтописный разсказъ: одинъ изъ такихъ списковъ оканчивался 1404-мъ годомъ и легъ въ основаніе Синодальнаго списка № 280. Имъ же воспользовался редакторъ 1421 года, но въ распоряженіи этого редактора былъ, очевидно, и другой еще списокъ новгородской лѣтописи, списокъ, содержавшій также событія послѣ 1384 года, въ иномъ однако изложеніи и въ иномъ составѣ, чѣмъ списокъ, оканчивавшійся 1404 годомъ [1]): въ виду того, что никакихъ

1) Такъ, въ этомъ спискѣ пожаръ 14 іюля 1385 г. былъ подробнѣе описанъ, чѣмъ въ другомъ; подъ 1384 говорилось объ усобной рати въ Новгородѣ, совершенно упущенной изъ вниманія другимъ спискомъ (IV, стр. 90, прим. і); подъ 1386 гораздо подробнѣе, чѣмъ въ

заимствованій изъ него въ части до 1384 года не замѣчается, мы въ правѣ предположить, что этотъ списокъ новгородской лѣтописи былъ также спискомъ редакціи 1384 года, продолжившимъ лѣтописный разсказъ, можетъ быть, до второго десятилѣтія XV вѣка. Кромѣ двухъ списковъ Новгородской 4-й лѣтописи, положенныхъ въ основаніе свода, редакторъ 1421 года пользовался и другими лѣтописными источниками, каковы, напримѣръ, Ростовская лѣтопись, та самая лѣтопись 1419 г., о которой мы говорили выше, какъ объ источникѣ Хронографа[1]), и Тверская лѣтопись, доведенная, повидимому, до 1409 года и оканчивавшаяся разсказомъ о кончинѣ Тверского владыки Арсенія[2]), хотя мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что тверскія извѣстія попали въ редакцію 1421 года путемъ того же ростовскаго свода 1419 года. Два источника — новгородскій и неновгородскій, которыми пользовался составитель редакціи 1421 года, особенно ясно сказались на разсмотрѣнномъ нами выше лѣтописномъ разсказѣ 1404 года. Сначала о смоленскомъ взятьи разсказано по новгородскому источнику, т. е. по списку 1404 года; встрѣтивъ тотъ же разсказъ въ своемъ неновгородскомъ источникѣ — вѣроятно, именно въ Ростовской лѣтописи 1419 года, составитель редакціи 1421 года списалъ и его. И такъ, мы находимъ объясненіе, какимъ образомъ одни и тѣ же событія разсказаны два раза подъ 1404 годомъ въ Новгородской 4-й лѣтописи. Важнѣйшимъ выводомъ изъ всего предыдущаго изслѣдованія надо признать существованіе уже въ 1384 году основной редакціи Новгородской 4-й лѣтописи. Прежде чѣмъ перейти къ вопросу объ отношеніи этого свода 1384 года къ московскимъ лѣтописямъ, откуда въ него былъ сдѣланъ рядъ заимствованій (ср. перечисленныя выше московскія извѣстія XIV вѣка), я еще разъ изложу

другомъ спискѣ, разсказывалось о походѣ Дмитрія Ивановича на Новгородъ; подъ 1390 весьма обстоятельно описывался моръ въ Новгородѣ, о которомъ въ другомъ спискѣ сказано въ шести словахъ; подъ 1399 говорилось о построеніи церкви св. Покрова владыкою Иваномъ, что опущено въ другомъ спискѣ и. т. д.

1) Изъ Ростовской лѣтописи 1419 года внесенъ, напр., подъ 1396 годомъ перечень ростовскихъ владыкъ, оканчивающійся въ одномъ изъ древнѣйшихъ (хотя и нѣсколько сокращенномъ) списковъ Новгородской 4-й лѣтописи—Карамзинскомъ (см. о немъ въ предисловіи къ изданію Псковской 1-й лѣтописи, IV, стр. 170) *Григоріемъ*, бывшимъ епископомъ отъ 1396 до 1416 года. (Въ редакціи 1447 года прибавлены еще имена Діонисія и Ефрема, скончавшагося въ 1454 г., а начиная съ 1449 года, бывшаго уже не епископомъ, какъ онъ названъ въ перечнѣ, а архіепископомъ). Оттуда же заимствовано извѣстіе о пожарѣ въ Ростовѣ, изложенное въ редакціи 1421 года, какъ это видно изъ списковъ Карамзина и Оболенскаго Софійской 1-й лѣтописи (V, 257), гораздо подробнѣе, чѣмъ въ редакціи 1447 (ср. IV, 110).

2) Изъ Тверской лѣтописи внесена повѣсть о преставленіи князя Михаила Александровича; подъ 1403 объ усобицахъ тверскихъ князей, подъ 1409 г. повѣсть о преставленіи Арсенія. Ниже, разсматривая изслѣдованіе г. Тихомирова о Тверской лѣтописи, я попытаюсь доказать, что Ростовскій сводъ 1419 года уже содержалъ тверскія извѣстія конца XIV и начала XV вѣка.

въ краткихъ словахъ главнѣйшіе моменты литературной исторіи Новгородской 4-й лѣтописи. Въ 1384 году возникъ основной сводъ этой лѣтописи. Онъ легъ въ основаніе двухъ списковъ: А, продолжившаго лѣтописный разсказъ о новгородскихъ событіяхъ до 1404 года, и Б, продолжившаго тотъ же разсказъ, повидимому, и дальше, можетъ быть, до второго или середины второго десятилѣтія XV вѣка. Въ 1421 году составлена новая редакція Новгородской 4-й лѣтописи: положивъ въ основаніе списокъ Б, она дополнила его въ части отъ 1384—1404 (гдѣ Б разнился съ А) по списку А, а въ части отъ 1384 до 1421 года заимствованіями изъ Ростовскаго лѣтописнаго свода 1419 года и самостоятельными лѣтописными замѣтками. Въ части до 1384 года редакторомъ, на основаніи новыхъ источниковъ (и вѣроятно, опять-таки Ростовскаго свода 1419 года), сдѣлано лишь немного измѣненій и нѣсколько вставокъ: къ числу такихъ вставокъ принадлежитъ, повидимому, повѣсть «О плѣненіи и о прихожденіи Тахтамыша царя и о Московскомъ взятьи» (IV, 84-90). Что эта статья *вставлена* въ первоначальную редакцію Новгородской 4-й лѣтописи, видно изъ того, что послѣ нея повторяются тѣ же извѣстія 1382 года, которыя были изложены передъ ней (ср. IV, стр. 90, прим. ж). Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы получаемъ любопытное указаніе на то, что въ основаніе радакціи 1421 года былъ положенъ именно списокъ Б (ср. выше): дѣло въ томъ, что въ числѣ извѣстій 1382 года (помѣщенныхъ до статьи о Тохтамышѣ и послѣ нея) во всѣхъ спискахъ, кромѣ Синод. № 280, читается: «преставися михаило, отець матѳѣевъ». Это извѣстіе принадлежитъ къ ряду сходныхъ извѣстій, помѣщенныхъ подъ 1375, 1382, 1405, 1406 и 1411 гг., гдѣ, начиная съ рожденія Матвѣя Михайлова [1]), говорится о смерти его отца, затѣмъ о смерти его матери, о его бракѣ и о рожденіи у него сына Кипріана [2]). Очевидно, они попали въ редакцію 1421 года именно изъ списка Б: иначе, т. е., будь они внесены изъ списка А, они не могли бы переходить за 1404 годъ; если же они внесены редакторомъ 1421 года, т. е. тѣмъ самымъ лицомъ, которое внесло въ Новгородскую 4-ю лѣтопись повѣсть о Тохтамышѣ, мы не могли бы ожидать повторенія замѣтки о смерти Михаила, отца Матвѣева, до и послѣ этой повѣсти. А отсюда слѣдуетъ, что списокъ Б содержалъ лѣтописный разсказъ, доходившій по крайней мѣрѣ до 1411 года (ср. подъ этимъ годомъ замѣтку о рожденіи у Матвѣя сына Кипріана). Редакція 1421 года не дошла до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, но мы легко можемъ возстановить ея составъ на основаніи сравнительнаго изуче-

---

1) На то, что Матвѣй Михайловъ былъ, вѣроятно, *лѣтописцемъ*, обратилъ мое вниманіе Н. П. Лихачевъ.

2) Нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій (а именно 1405, 1406, 1411 гг.) содержатся только въ Толстовскомъ спискѣ.

нія списковъ редакціи 1447 года съ списками Софійской 1-й лѣтописи, а также на основаніи упомянутаго уже выше, въ примѣчаніи на с. 159, Карамзинскаго списка. Этотъ памятникъ, о которомъ пока извѣстно очень мало (о немъ находится только упоминаніе въ IV т., стр. 170), заслуживалъ бы подробнаго описанія и систематическаго сравненія съ другими списками Новг. 4-й лѣтописи. Представляя эту лѣтопись приблизительно до конца XII вѣка въ сокращенномъ видѣ, онъ становится затѣмъ почти вполнѣ сходнымъ съ другими списками и оканчивается 1411-мъ годомъ (очевидно, опустивъ событія 1412—1421 гг.): бо̀льшая древность его, сравнительно со списками редакціи 1447 года, доказывается цѣлымъ рядомъ мѣстъ. Кромѣ приведеннаго уже выше перечня ростовскихъ владыкъ, оканчивающагося не Ефремомъ, какъ въ редакціи 1447 года, а Григоріемъ, согласно съ тѣмъ первоисточникомъ, гдѣ впервые былъ помѣщенъ этотъ перечень (Ростовская лѣтопись 1419 года), укажу на то, что въ Карамз. сп. сохранилось нѣсколько грамотъ, опущенныхъ въ редакціи 1447 года. Такъ, подъ 1390 г. (передъ извѣстіемъ о смерти митрополита Пимена) тамъ помѣщена грамота патріарха о Пименѣ, между тѣмъ какъ въ спискахъ редакціи 1447 года сохранились только имена подписавшихъ эту грамоту святителей: «имѣеть же и самая грамота подпись честною рукою патріаршескою спце»... (П. С. Р. Л. IV, 97, прим. в). Подъ 1394 г. внесена грамота Антонія патріарха къ новгородцамъ, между тѣмъ какъ въ другихъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи содержится одно только упоминаніе о ней: «пріѣха изъ Царяграда, отъ патріарха Антонья, Виолеомьскый владыка Михаилъ и привезлъ Новугороду двѣ грамоты, поученіе крестьяномъ»...

Сводъ 1421 года подвергся въ 1447 году передѣлкѣ и дополненію: повидимому, новый редакторъ заимствовалъ часть 1421-1447 изъ другого новгородскаго свода (Новгородской 1-й лѣтописи) и дополнилъ ее лишь нѣсколькими событіями этого 1447-го года: этимъ объяснялось бы то, что въ части 1421-1447 Новгородская 4-я лѣтопись почти тожественна со списками Новгородской 1-й лѣтописи (ср. Комиссіонный списокъ, доходящій до 1447 года). Въ части до 1421 г. новымъ редакторомъ измѣнено сравнительно немногое: нѣкоторые изъ его вставокъ и пропусковъ были указаны выше. — Редакція 1447 года подверглась въ разныхъ спискахъ ея новымъ дополненіямъ: такъ нѣкоторые списки дополнили ее новгородскою лѣтописью 1448—1477 (списки Синодальный № 152 и Строевскій); другой списокъ, въ началѣ XVI вѣка, былъ дополненъ на основаніи Хронографа редакціи 1506 года (протографъ Академическаго)[1].

1) Акад. списокъ составленъ, кажется, на основаніи этого своего протографа, сближеннаго съ однимъ изъ списковъ Новгородской 1-й лѣтописи.

Въ началѣ того же XVI вѣка на основаніи списка 1404 года, съ одной стороны (списокъ Б), и протографа Академическаго списка, съ другой, составленъ тотъ списокъ, который лежитъ въ основаніи списка Синодальнаго № 280[1]).

Послѣ этихъ замѣчаній обращаюсь къ древнѣйшей редакціи Новгородской 4-й лѣтописи, оканчивавшейся, какъ мы видѣли, 1384-мъ годомъ и составленной, повидимому, въ томъ же году. Согласно предыдущему, этотъ сводъ довольно точно сохранился въ древнѣйшей части списковъ Новгородской 4-й лѣтописи редакціи 1447 года, а также списка Синодальнаго № 280. Въ основаніе свода были положены по крайней мѣрѣ два свода: однимъ изъ нихъ былъ новгородскій сводъ и, вѣроятно, тотъ самый, который лежитъ въ основаніи Новг. 1-й лѣт. по спискамъ Комиссіонному, Академич. и сходнымъ: онъ оканчивался, предположительно, разсказомъ о солнечномъ затменіи 1384 г. (Новг. 1-я лѣтопись, с. 371—372). Другимъ сводомъ былъ, какъ это ясно изъ цѣлаго ряда статей, московскій лѣтописный сводъ 1380 или 1381 года: онъ оканчивался сказаніемъ о Донскомъ побоищѣ. Выше я привелъ московскія извѣстія и статьи XIV вѣка, вошедшія въ составъ новгородскаго свода 1384 года. Весьма существеннымъ доказательствомъ въ пользу московскаго происхожденія второго основного источника разсматриваемаго свода служитъ роспись великихъ князей, находящаяся въ немъ подъ 887 годомъ. Судя по *всѣмъ* спискамъ Новг. 4-й лѣтописи, роспись эта въ основной редакціи 1384 года была доведена до Ивана Ивановича и его сыновей Дмитрія и Ивана (этими именами оканчивается роспись во всѣхъ спискахъ редакціи 1447 года, въ противоположность хотя бы Новг. 1-й лѣт., гдѣ она доходитъ до Василія Васильевича)[2]. Если бы роспись была составлена въ 1447 году или въ 1421-мъ (годъ составленія второй редакціи Новг. 4-й лѣт.), она несомнѣнно была бы полнѣе. Но если бы даже она была составлена редакторомъ 1384 года, онъ несомнѣнно указалъ бы, что великимъ княземъ былъ уже не Иванъ Ивановичъ, а его сынъ Димитрій и указалъ бы на сына Дмитрія — Василія, родившагося въ 1371-мъ году. Слѣдовательно, роспись эта составлена до 1371 года и даже до 1362 года, когда умеръ Иванъ Ивановичъ; она вне-

---

1) Что касается Синод. № 154 и Лѣт. Аврамки, т. е. протографа этой лѣтописи, доведенной до 1447 года, то они непосредственнно восходятъ къ протографу списковъ Погод. № 1404 а, № 1402, Акад. № 391 и др. т. е. къ своду, лежащему въ основаніи Псковской 1-й лѣтописи по нѣкоторымъ спискамъ ея, а этотъ сводъ составленъ (въ началѣ XVI в.) на основаніи Синод. № 280 (или его протографа) и списка Новгородской 1-й лѣтописи (московская часть Синодальнаго № 280, 1447—1506 гг., была выпущена).

2) А въ томъ спискѣ этой Новгородской 1-й лѣтописи, который послужилъ при составленіи упомянутаго выше протографа Погод. № 1404 а, № 1402, Акад. № 391 и др., роспись оканчивалась Дмитріемъ Юрьевичемъ.

сена изъ Московскаго свода новгородскимъ редакторомъ 1384 года безъ всякихъ измѣненій вмѣстѣ съ разсказомъ о 887 и другихъ годахъ конца IX и начала X вѣка (въ Новгородской 1-й разсказъ былъ иной, при томъ отрывочный и краткій). Отсюда слѣдуетъ, что московскій сводъ 1380 - 1381 гг. не первоначальный: въ основаніи его лежитъ другой болѣе древній сводъ, составленный въ 1354 - 1362 гг. (время княженія Ивана Ивановича). Къ этому то своду и должны восходить всѣ тѣ древнѣйшія московскія лѣтописныя замѣтки, которыя извлекъ г. Тихомировъ изъ Воскресенской и Никон. лѣтописей. Возстановить своды 1354-1362 г. и 1380-1381 г. въ настоящее время, конечно, очень трудно: но общее понятіе о ихъ составѣ можно легко получить на основаніи изученія древнѣйшей части Новгородской 4-й лѣтописи, несомнѣнно, впрочемъ, сокращавшей свой московскій оригиналъ и относившейся къ нему не какъ къ основному источнику (каковымъ была Новгородская 1-я лѣтопись), а какъ къ источнику дополнительному. Первая часть московскихъ сводовъ XIV вѣка несомнѣнно была занята Повѣстью временныхъ лѣтъ и при томъ въ той редакціи ея, которая ближе къ Ипатьевскому списку, чѣмъ къ Лаврентьевскому (ср. хотя бы подъ 1111 годомъ разсказъ о битвѣ при Сальницѣ, котораго нѣтъ въ Лаврент. сп.); за Повѣстью временныхъ лѣтъ въ этихъ сводахъ помѣщалась лѣтопись событій XII и начала XIII вѣка, гдѣ, какъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ спискахъ соединены были извѣстія суздальскія и южнорусскія. Но въ московскихъ сводахъ, излагавшихъ суздальскія событія сходно съ обоими этими сводами, южнорусскихъ извѣстій было больше, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ, и нѣкоторыя изъ нихъ читались съ бо̀льшими подробностями, чѣмъ даже въ Ипатьевскомъ сводѣ: такъ, напр., смерть Изяслава Давыдовича была изложена подъ 1160 годомъ съ подробностями, отсутствующими въ Ипатьевской лѣтописи. Событія XIII вѣка были изложены въ московскихъ сводахъ совершенно отлично отъ Лаврент. лѣтописи: такъ подъ 1216 годомъ находился длинный разсказъ о событіяхъ, предшествовавшихъ Липецкой битвѣ и о самой этой битвѣ [1]); въ разсказѣ о битвѣ при Калкѣ въ московскихъ сводахъ содержались подробности, отсутствующія въ Лавр. спискѣ; подъ 1237 г. подробно излагалось нашествіе татаръ и, между прочимъ, говорилось о взятіи Кіева (чего нѣтъ въ Лавр. сп.) и т. д. Съ XIV вѣка начинаютъ пробиваться въ этихъ сводахъ московскія извѣстія, при чемъ событія середины и второй половины этого столѣтія записаны, очевидно, современниками. Что касается источниковъ московскаго свода 1354-1362 г., то въ основаніе его положенъ, повидимому, обширный сводъ XII-XIII в., Владимирскій, т. е. тотъ самый сводъ,

1) Этотъ разсказъ, по редакціи очень сокращенной, былъ внесенъ и въ Новгородскую 1-ю лѣтопись; составитель Новг. 4-й восполнилъ его по московскому своду 1380 - 1381 г.

который въ двухъ древнѣйшихъ своихъ редакціяхъ послужилъ источникомъ для составленія древнѣйшей части Лаврентьевскаго списка, а также Ипатьевской лѣтописи (она воспользовалась имъ въ части до 1200 года). Составитель второго московскаго свода 1380-1381 г., положивъ въ основаніе сводъ 1354-1362 г., дополнилъ его, повидимому, на основаніи бывшихъ ему доступными — ростовской и тверской лѣтописей[1]).

Редакторъ Новг. 4-й лѣтописи 1384 года пользовался при составленіи своего свода еще и другими источниками, кромѣ указанныхъ двухъ лѣтописей — Новгор. 1-й и Московской 1380-1381 гг. Такъ, между прочимъ, ему были доступны какіе-то новгородскіе источники, на основаніи которыхъ имъ дополненъ текстъ Новгородской 1-й лѣтописи: уже подъ 1270 годомъ Иванъ, убитый въ смутѣ, названъ «Коровьякомъ» (IV, 42); подъ 1321 г. сказано, что затменіе началось въ 3-мъ часу дня и продолжалось одинъ часъ; подъ 1323 разсказывалось о нападеніи нѣмцевъ на Псковъ; подъ 1352 г. приведено «рукописаніе Магнуша Свѣйскаго короля»; подъ 1366 годомъ говорилось о нападеніи новгородцевъ на Нижній; подъ 1364 годомъ о поставленіи двухъ церквей и о походѣ новгородцевъ на Югру по рѣкѣ Оби; подъ 1381 г. о построеніи церкви св. Власія и др.

Московскіе своды 1354-1362 г. и 1380-1381 г. могутъ быть возстановлены не только на основаніи Новг. 4-й лѣтописи. Несомнѣнно ими (сводомъ 1380-1381 г.) пользовался сводъ 1409 года (Троицкая лѣтопись): не стану подробно останавливаться на составѣ этого свода, укажу лишь на то, что, повидимому, онъ представлялъ соединеніе двухъ сводовъ—древней Ростовской лѣтописи (протографа Лаврентьевской) въ части до 1230 года и московской лѣт. 1380-1381 г., при чемъ послѣдняя была дополнена на основаніи нѣсколькихъ источниковъ и между прочимъ даже новгородской лѣтописи (ср. подъ 1368 г. извѣстіе о новгородскомъ пожарѣ 12 мая, И. Г. Р., т. V, прим. 37). Будущій изслѣдователь, который возьметъ на себя благодарный трудъ возстановленія Троицкой лѣтописи по Исторіи Карамзина, этимъ самымъ подготовитъ надежныя данныя для возстановленія

1) Такъ, изъ ростовской лѣтописи взято извѣстіе о бурѣ въ Ростовѣ 1301 года, о смерти Дмитрія Борисовича ростовскаго 1294 г., о ярославскихъ и угличскихъ князьяхъ 1293 г., о смерти Романа Владимировича 1285 г., о смерти Бориса и Глѣба Васильковичей 1277 и 1278 гг., о смерти Александра Васильевича суздальскаго 1332 года, о женитьбѣ Бориса Константиновича 1354 г., о смерти Андрея Константиновича 1365 г., о прибытіи Андрея Өедоровича въ Ростовъ 1363 г., и т. д. Впрочемъ, часть этихъ извѣстій могла быть записана въ Москвѣ.—Изъ тверской лѣтописи взяты, напр., извѣстія объ освященіи церкви св. Спаса 1285 г., о поставленіи Андрея епископомъ тверскимъ 1290 г., о прибытіи въ Тверь Ивана Васильевича, сына тысяцкаго, и Некомата Сурожанина въ 1375 году и о послѣдовавшемъ походѣ москвичей и новгородцевъ на Тверь, при чемъ разсказ объ этомъ походѣ прерывается вставкой, очевидно, записанною въ Твери: «мѣсяца іюля 27, на Твери, въ церкви въ Покровѣ предъ иконою свѣча сама ся загорѣла; а въ 29 бысть въ солнци знаменіе».

московскаго свода 1380-1381 г. Отмѣчу здѣсь же, что Троицкою лѣтоп. пользовались и составители московскихъ лѣтописныхъ сводовъ XVI вѣка — Воскресенскаго и Львовскаго, можетъ быть, непосредственно, но вѣроятнѣе, черезъ посредство ростовскаго свода 1419 года, заимствовавшаго изъ Троицкой лѣтописи 1409 года значительную часть своего содержанія. Такимъ образомъ, при возстановленіи Троицкой лѣтописи должны быть приняты во вниманіе и названные своды: показанія, извлекаемыя изъ нихъ, точно также приведутъ насъ къ опредѣленію состава и характера московскаго свода 1380-1381 г.

Но мы имѣемъ рядъ основаній предполагать, что составители московскихъ сводовъ XVI вѣка были знакомы непосредственно со сводомъ 1380-1381 г. Сравнивая нѣкоторыя южнорусскія извѣстія XII в. Новгород. 4-й лѣтописи, съ одной стороны, Львовской и Никоновской, съ другой, мы замѣчаемъ, что они заимствованы изъ одного общаго источника, которымъ не были ни Лаврентьевскій, ни Ипатьевскій своды. Такъ, указанный выше разсказъ Новгородской 4-й лѣтописи о кончинѣ Изяслава Давыдовича въ 1160 году (IV, с. 11) не встрѣчается ни въ Лавр., ни въ Ипатьевской лѣтописи (гдѣ объ этомъ событіи говорится подъ 1162 г., стр. 354, съ другими подробностями), но онъ есть въ Львовской (I, 280 - 281), въ Никоновской (IX, 220, подъ 1159 г.) и даже въ Воскресенской (I, 75, подъ 1160 г.), гдѣ онъ соединенъ съ текстомъ, заимствованнымъ изъ свода, сходнаго съ Ипатьевскимъ. Источникомъ лѣтописнаго разсказа, не имѣющагося въ Новгородской 1-й лѣтописи, мы признали выше для Новг. 4-й — Московскій сводъ 1380 - 1381 г.; слѣдовательно, онъ же долженъ быть признанъ источникомъ, откуда попалъ разсказъ 1160 года въ названные своды XVI вѣка. Извѣстно, что въ Львовской и въ Никоновской лѣтописяхъ мы находимъ рядъ южнорусскихъ событій, изложенныхъ иначе, чѣмъ въ Ипатьевской лѣтописи: всѣ они, согласно предыдущему, должны восходить къ Московскому своду 1380-1381 г., который такимъ образомъ былъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ сводовъ XVI вѣка, главнымъ источникомъ лѣтописнаго разсказа XIII—XIV, а частью и XII вѣка [1]). И такъ, изученіе московскихъ сводовъ XVI вѣка приводитъ къ возстановленію состава и характера болѣе древнихъ сводовъ 1380 - 1381 и 1409 гг.; изученіе дошедшаго въ обрывкахъ свода 1409 г. также должно помочь возстановленію свода 1380-1381 г., а изслѣдованіе послѣдняго приводитъ къ опредѣленію состава и характера древнѣйшаго московскаго свода 1354-1362 года.

1) Для XI—XII в. своды XVI в. пользовались болѣе древними сводами: протографомъ Лаврентьевскаго свода; суздальскимъ сводомъ 1206 года и т. д.

IV.

Разсматривая московскіе лѣтописные своды XVI вѣка, г. Тихомировъ какъ бы умышленно отстраняется отъ рѣшенія всякихъ вопросовъ о времени происхожденія того или другого свода и о различныхъ редакціяхъ его. Между тѣмъ только подробное и тщательное изученіе памятниковъ именно съ этой стороны можетъ привести изслѣдователя къ положительнымъ даннымъ. Выше мы имѣли случай показать, какъ важно было бы для г. Тихомирова разсмотрѣть отдѣльно обѣ дошедшія до насъ редакціи Софійской 2-й лѣтописи. Поверхностнаго изученія списковъ Архивскаго и Новоіерусалимскаго вполнѣ достаточно для вывода, что первый изъ нихъ — это списокъ съ редакціи 1518 года, а второй списокъ съ редакціи позднѣйшей, доведенной до 1534 года. Слѣдовательно, Софійская 2-я лѣтопись должна быть, въ древнѣйшей своей редакціи, признана сводомъ начала XVI вѣка.

Наибольшее вниманіе г. Тихомировъ удѣлилъ Воскр. и Никон. сводамъ. О времени происхожденія перваго свода не сказано ни слова: между тѣмъ вопросы, когда именно возникъ Воскресенскій сводъ, составленъ ли онъ современникомъ тѣхъ событій, которыми онъ оканчивается, или позже, старше ли онъ или моложе другихъ сводовъ XVI вѣка, — всѣ эти вопросы представляются изслѣдователю, какъ только онъ приступитъ къ изученію этого памятника. Вмѣсто того, чтобы дать свѣдѣнія обо всемъ памятникѣ, т. е. обо всѣхъ спискахъ его и о предполагаемомъ ихъ протографѣ, г. Тихомировъ ограничивается краткимъ описаніемъ двухъ списковъ, не оговаривая даже, что мы имѣемъ и другіе списки, и при томъ существенно отличающіеся отъ описанныхъ. На с. 4 говорится о спискахъ Академическомъ XII (Воскресенскомъ) и Синодальномъ XI; первый изъ этихъ списковъ доводитъ разсказъ до 1347 года, а второй списокъ слѣдуетъ, по мнѣнію автора, считать продолженіемъ этого свода. Изъ словъ г. Тихомирова, приведенныхъ въ подстрочномъ примѣчаніи [1]), слѣдуетъ, что онъ признаетъ Академическій и Синодальный списки основными и протографами остальныхъ списковъ. Замѣчу прежде всего, что Синодальный списокъ правильнѣе признать продолженіемъ протографа Академическаго XIII (Алатырскаго) списка, чѣмъ Академическаго XII (Воскресенскаго). Подъ 1491 годомъ, какъ указалъ и г. Тихомировъ (с. 27), въ Синодальномъ спискѣ

1) «Воскресенскій сводъ названъ такъ потому, что первая его часть, доводящая разсказъ до 1347 года и по почерку относящаяся къ концу XVI вѣка, была пожертвована въ 1658 году патріархомъ Никономъ основанному имъ Воскресенскому Новоіерусалимскому монастырю».

вставлено въ извѣстіе о пожарѣ во Владимирѣ сказаніе о чудѣ, совершенномъ св. Александромъ Невскимъ и о явленіи его на воздухѣ[1]) (т. VIII, с. 221—222); эта вставка стоитъ въ несомнѣнной связи съ тѣмъ, что рукопись принадлежала Владимирскому монастырю св. Рождества и преп. Александра Невскаго, въ иноцѣхъ Алексіа, куда ее пожертвовалъ Іона, архіепископъ Вологодскій и Пермскій, въ 1591 году; между тѣмъ то же сказаніе помѣщено въ концѣ Алатырскаго списка, при чемъ изъ словъ «и о сихъ до здѣ», которыми оно оканчивается, ясно, что оно заимствовано именно изъ Синодальнаго списка. Слѣдовательно, имѣя при томъ въ виду позднее происхожденіе Алатырскаго списка, писаннаго въ концѣ XVI или въ началѣ XVII-го вѣка, естественно признать его копіею съ книги, которая содержала начало той лѣтописи, коей продолженіе сохранилось въ спискѣ Синодальномъ, т. е. копіею со списка, пожертвованнаго Іоною Рождественскому монастырю[2]). Этотъ выводъ, самъ по себѣ кажущійся незначительнымъ, позволяетъ перейти къ вопросу объ отношеніи и другихъ списковъ между собою: въ Синодальномъ спискѣ не достаетъ оглавленія къ лѣтописи, помѣщеннаго передъ нѣкоторыми изъ ея списковъ; очевидно, оглавленіе читалось въ 1-й книгѣ Лѣтописца, а Синод. списокъ содержитъ 2-ю (или точнѣе 3-ю и 4-ю книги): вотъ почему мы и читаемъ это оглавленіе въ Алатырскомъ спискѣ, который, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ 1-ю (или точнѣе 1-ю и 2-ю) книгу Лѣтописца, пожертвованнаго Іоною. Въ Парижскомъ спискѣ, гдѣ помѣщена только вторая половина лѣтописи (начинающаяся съ 1348 года), находимъ оглавленіе къ этой именно части свода; это оглавленіе, при сравненіи его съ оглавленіями, помѣщенными въ началѣ Алатырскаго и другихъ списковъ, оказывается болѣе поздней редакціи, такъ какъ соединяетъ данныя перваго (дополнительнаго) оглавленія съ данными второго (основного)[3]). Имѣя въ виду тѣсную связь Синодальнаго списка съ Парижскимъ (ср. напр. общій пропускъ подъ 1518 годомъ), мы такимъ образомъ получаемъ возможность утверждать, что Синодальный списокъ не можетъ быть копіей съ Парижскаго, такъ какъ редакція его оглавленій (сохранившихся въ Алатырскомъ спискѣ) первоначальнѣе редакціи Парижскаго списка, а что обратно Парижскій списокъ списанъ съ Синодальнаго и при томъ еще въ то время, когда не пропала первая часть свода. Синодальный и Парижскій списки прекращаются на 1541 годѣ:

1) Чудо совершилось во время похода Ивана Васильевича подъ Казань.

2) Іона положилъ, очевидно, всю лѣтопись вкладомъ въ монастырь; онъ говоритъ о четырехъ книгахъ Лѣтописца въ своей вкладной (П. С. Р. Л. VII, с. VIII).

3) Ср. ниже. Г. Прѣсняковъ въ своей рецензіи обратилъ вниманіе на важность изслѣдованія обоихъ этихъ оглавленій при опредѣленіи первоначальнаго вида Воскр. свода. Но я думаю, что дополненія къ оглавленію сдѣланы на основаніи готоваго текста, подобно тому, какъ и Парижскій списокъ дополнилъ свое оглавленіе.

первый обрывается на неоконченномъ разсказѣ о нашествіи Саипъ-Гирея, второй продолжаетъ нѣсколько этотъ разсказъ и оканчивается за тѣмъ на неоконченной фразѣ, что̀ объясняется утратою конца рукописи (ср. VIII, с. V). Отсюда ясно, что и Синодальный списокъ утратилъ свой конецъ, а потому заключать на основаніи только этихъ двухъ списковъ о томъ, что Воскресенскій сводъ былъ доведенъ лишь до 1541 года, мы не имѣемъ основанія. Дѣйствительно, третій списокъ этого свода — Карамзинскій (замѣчу, кстати, весьма исправный) доведенъ до 1560 года. Думаю, что рѣшеніе вопроса о томъ, до какого именно года былъ доведенъ Воскресенскій сводъ въ основномъ его спискѣ, надо искать въ оглавленіи, сохранившемся въ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ спискахъ Воскресенскаго свода, а именно въ спискахъ Академическомъ (Воскресенскомъ) и въ Алатырскомъ. Въ обоихъ этихъ спискахъ имѣется собственно три оглавленія: первое оглавленіе (нач. словами: «Сѣ главы въ ряду въ лѣтописцѣ не стоять», VII, 218) содержитъ перечисленіе тринадцати *главъ*, не вошедшихъ въ составъ лѣтописи, предшествующихъ лѣтописцу (VII, 231—259); второе оглавленіе («Сѣ главы въ первыхъ главахъ не стоять; и котораго дѣла надобе искати, ино искати въ пръвыхъ главахъ, а не будетъ въ пръвыхъ главахъ того дѣла, ино искати въ сѣхъ главахъ; а въ книзѣ стоять обои главы въ одномъ числѣ») дополняетъ третье оглавленіе, приводя тѣ *статьи* (начиная съ 11-й и кончая 62-й главой), которыя, очевидно по недосмотру, опущены въ этомъ третьемъ оглавленіи; наконецъ, третье оглавленіе («Начало главамъ о повѣсти временныхъ лѣтъ откуду пошла Русскаа земля») перечисляетъ статьи, находящіяся во всѣхъ семидесяти главахъ, на которыя разбита Воскресенская лѣтопись. Сравненіе второго оглавленія съ третьимъ приводитъ къ выводу, что въ болѣе древней редакціи этой лѣтописи было одно только третье оглавленіе, дополненное еще другимъ въ новѣйшей редакціи. Дѣйствительно, второе и третье оглавленія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о двухъ редакторахъ Воскр. лѣтописи, такъ какъ одинъ редакторъ удовольствовался бы, конечно, однимъ оглавленіемъ. Имѣя въ виду, что, во-первыхъ, второе оглавленіе доходитъ только до 62-й главы, что, во-вторыхъ, въ третьемъ оглавленіи между описаніемъ первыхъ 63 и послѣднихъ 7 главъ замѣчается значительное различіе, при чемъ при первыхъ главахъ указанъ (начиная съ 4-й главы) годъ, къ которому относится первое изъ упомянутыхъ въ нихъ событій, а при послѣднихъ никакого года не указано, — я заключаю, что въ болѣе древней редакціи находилось одно только третье оглавленіе, но не въ томъ объемѣ, въ какомъ оно читается въ дошедшихъ до насъ спискахъ, а въ объемѣ лишь первыхъ 63 главъ; слѣдующая затѣмъ редакція, съ одной стороны, дополнила (присоединивъ второе оглавленіе) описаніе главъ, предложенное въ основной редакціи, а

съ другой, прибавила къ ея оглавленію описаніе еще семи главъ (64—70). Итакъ, первая редакція Воскресенской лѣтописи содержала 63 главы и доходила до разсказа о поиманіи князя Юрія Ивановича, т. е. до конца 1533 года; вторая редакція, судя по оглавленію, оканчивалась разсказомъ о поиманіи князя Андрея Ивановича, т. е. 1537-мъ годомъ (ср. 70-ю главу); слѣдовательно, редакція дошедшихъ до насъ списковъ представляется третьею редакціей, такъ какъ въ нихъ повѣствованіе доходитъ до разсказа о нашествіи Крымскаго хана Саипъ-Гирея въ 1541 году. Подтвержденіе такому предположенію о трехъ редакціяхъ Воскресенской лѣтописи мы находимъ въ самомъ текстѣ этой лѣтописи: дѣйствительно, вплоть до разсказа о поиманіи князя Юрія Ивановича, текстъ этой лѣтописи сходенъ съ текстомъ Львовской лѣтописи; начиная же съ этого разсказа, Воскресенская и Львовская лѣтописи значительно отличаются другъ отъ друга; естественно думать, что конецъ сходства и начало различія между ними совпадаютъ съ предполагаемымъ концомъ Воскресенскаго свода, который въ части, слѣдующей за кончиною Василія Ивановича, дополненъ другимъ редакторомъ. Въ томъ же текстѣ Воскресенской лѣтописи находимъ указаніе на то, что одна изъ редакцій ея оканчивалась 1537 годомъ, разсказомъ о поиманіи Андрея Ивановича: текстъ, слѣдующій за этимъ разсказомъ, носитъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ предшествующія ему части Воскресенскаго свода, отличаясь отъ нихъ: во 1) своею краткостью (событія трехъ годовъ, 1538—1540, изложены въ девятнадцати строкахъ, между тѣмъ какъ описаніе 1537 г. занимаетъ три страницы, 1536 г.—одну страницу, 1535 г.—почти четыре страницы и т. д.); во 2) тѣмъ, что онъ не разбитъ на главы. Въ виду этого, считаю предложенное выше заключеніе о существованіи трехъ, послѣдовательно другъ друга смѣнявшихъ, редакцій Воскресенскаго свода—1534, 1537 и 1541 гг. доказаннымъ [1]).

---

1) Въ предисловіи къ VII т. П. С. Р. Л., въ числѣ списковъ Воскресенской лѣтописи, указанъ Архивскій III, писанный въ началѣ XVIII в. Списокъ этотъ признается позднѣйшею переработкой лѣтописи по Воскресенскому списку. При ближайшемъ ознакомленіи съ рукописью, оказалось, что этотъ любопытный списокъ, извѣстный подъ названіемъ Ростовской лѣтописи, въ первой части своей (до 1481 г. включительно), содержитъ сводъ XV в., бывшій источникомъ, какъ Воскресенской, такъ и Никоновской лѣтописи. Этимъ объясняется его архаичность и бо́льшая исправность сравнительно съ Воскресенской, этимъ же объясняется то, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ Никоновская лѣтопись сходна съ указаннымъ сводомъ и вмѣстѣ съ нимъ отличается отъ лѣтописи Воскресенской. Съ 1482 года Ростовская лѣтопись содержитъ Новгородскій лѣтописный сводъ 1539 г., тожественный съ тѣмъ, который, въ соединеніи съ Софійской 1-й лѣтописью, составилъ сводъ, отрывокъ изъ котораго (1445—1538) сопровождаетъ въ Новоіерусал. спискѣ Софійскую 2-ю лѣтопись (изданъ въ VI т., с. 277). Подробному описанію Ростовской лѣтописи я хочу посвятить особое изслѣдованіе.

Третья редакція 1541 года оканчивалась, какъ мы видѣли, статьей о нашествіи Саипъ-Гирея. Заключительныя слова этой статьи, какъ указано выше, утрачены въ Синодальномъ и Парижскомъ спискахъ, но они сохранились въ большей части (кромѣ одного — Академическаго XIV) списковъ Никоновской лѣтописи, пользовавшейся, какъ увидимъ ниже, Воскресенскою лѣтописью, какъ источникомъ; здѣсь, послѣ словъ: «и сказалъ царю, что въ городѣ радость, (а) пріѣхали отъ въеводъ» (послѣднихъ словъ Парижскаго списка), читаемъ окончаніе статьи, отъ словъ: «дѣти боярские с вѣстью» и до словъ: «а сами возвратишися и приїдоша к великому князю на Москву вcѣ здравы» (Ник. VII, 31—32). Это необходимо слѣдуетъ изъ того, что текстъ Никоновской лѣтописи (большей части ея списковъ) только послѣ этой фразы буквально совпадаетъ съ текстомъ Львовской лѣтописи (со словъ: «а въ то время государь рать свою нарядилъ было многую къ Казани», ср. Ник. VII, 32 и Льв. IV, 150); между тѣмъ до этого мѣста текстъ Никоновской лѣтописи (начиная съ 1521 г.) буквально сходенъ съ Воскресенскимъ сводомъ: ясно, слѣдовательно, что приведенное выше окончаніе статьи о Саипъ-Гиреѣ заимствовано въ Никоновскую лѣтопись изъ того же Воскресенскаго свода. Издатели VIII т. П. С. Р. Л. дополнили приведенныя выше послѣднія слова Парижскаго списка продолженіемъ ихъ, читаемымъ въ Карамзинскомъ спискѣ Воскресенской лѣтописи («дѣти боярскіе— съ Коломны всѣ здравы», VIII, 301); но не это продолженіе находилось въ оригиналѣ Парижскаго и Синодальнаго списковъ, что видно изъ того, что отрывокъ: «А царевичь Иминь вышедъ на Полѣ — съ Коломны всѣ здравы» не читается въ спискахъ Никоновской лѣтописи. Карамзинскій списокъ слѣдовалъ своему основному оригиналу — Воскресенскому своду только до находящихся передъ этимъ отрывкомъ словъ: «въ суботу на Преображеньевъ день»; послѣ нихъ онъ началъ списывать другой сводъ, но не Никоновскій, какъ указано въ VIII т., с. 301, прим., а сводъ, сходный со Львовскимъ; приведенный отрывокъ читается во Львовской лѣтописи, т. IV, 149-150. Парижскій списокъ представляетъ еще одно доказательство, что Воскресенская лѣтопись оканчивалась именно повѣстью о нашествіи Саипъ-Гирея: въ оглавленіи этого списка (въ немъ, какъ мы видѣли, слиты оба оглавленія третьей редакціи, при чемъ оно нѣсколько и дополнено) послѣднею статьею значится: «О приходѣ Крымского царя Сафа Кирѣа на Русскую землю къ Окѣ рѣкѣ» (VIII, 7). Четвертою редакціей Воскресенскаго свода слѣдуетъ признать Карамзинскій его списокъ, гдѣ лѣтописный разсказъ третьей редакціи дополненъ на основаніи свода, сходнаго со Львовскою лѣтописью, въ части отъ 1542 до 1560 года, а можетъ быть, и позже: онъ оканчивается декабрьскимъ извѣстіемъ 1560 года о прибытіи въ Москву отъ Литовскаго короля гонца Андрея Иванова съ грамотою (это

извѣстіе опущено во Львовской лѣтописи, см. V, 307, но оно есть въ лѣтописи, обнародованной А. Н. Лебедевымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1895, III, с. 131). Это извѣстіе обрывается въ Карамзинскомъ спискѣ на полусловѣ, а слѣдовательно за нимъ могли слѣдовать и другія извѣстія позже 1560 года.

«Второй сводъ, отличающійся полнотою своихъ извѣстій еще въ большей степени, чѣмъ Воскресенскій, обязанъ своимъ происхожденіемъ также святѣйшему патріарху Никону, по имени котораго онъ и носитъ свое заглавіе». Этими словами начинается изслѣдованіе г. Тихомирова о Патріаршей или Никоновской лѣтописи. Нѣтъ сомнѣнія, что слово «также» ошибкой попало въ эту фразу, такъ какъ изъ предыдущаго не видно, чтобы г. Тихомировъ приписывалъ составленіе Воскресенскаго свода патріарху Никону (ср. стр. 4); но и вся эта фраза вообще представляется совершенно невѣрной и несогласной съ тѣмъ осторожнымъ тономъ, которымъ отличаются труды почтеннаго автора. Какъ это уже указано въ его рецензіи г. Прѣснякова, изслѣдователю Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ не могло не быть извѣстнымъ, что Академическій XIV списокъ Никоновской лѣтописи относится къ XVI вѣку (ср. П. С. Р. Л. IX, с. VI) и что, слѣдовательно, отношеніе патріарха Никона къ лѣтописи, названной Шлецеромъ его именемъ, ограничивалось только тѣмъ, что одинъ изъ ея списковъ, списокъ XVII в. — Академическій XV, былъ положенъ имъ вкладомъ въ Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь[1]). Г. Тихомировъ, отожествивъ одинъ изъ списковъ памятника съ основнымъ его спискомъ, поступилъ и въ этомъ случаѣ такъ же, какъ раньше при изслѣдованіи Воскресенской лѣтописи: разумѣется, въ результатѣ оказались неточные и ошибочные выводы.

Сравнительное изученіе списковъ Никоновской лѣтописи весьма затрудняется тѣмъ, что до сихъ поръ еще не окончено изданіе ея въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей. Все же, г. Тихомирову слѣдовало, хотя бы на основаніи предисловія къ IX тому этого собранія, выяснить, въ какомъ отношеніи къ послѣдовательнымъ редакціямъ памятника находятся различія, замѣчаемыя между отдѣльными его списками по отношенію къ объему ихъ и предѣловъ, до которыхъ доводится въ нихъ лѣтописное повѣствованіе. «Никоновская лѣтопись, читаемъ мы на с. 71, прерывается на извѣстіи о посылкѣ царемъ войскъ противъ Юрьева, что̀ было въ іюнѣ

1) «Но какъ надобно было какое нибудь имя, для наименованія сего списка, и для отличенія его отъ другихъ весьма отъ него различествующихъ: то я назвалъ его Никоновымъ спискомъ, единственно только по той причинѣ, что онъ подписанъ въ низу по листамъ, отъ 1 стран. по 37, извѣстнымъ онымъ патріархомъ Никономъ... собственною его рукою, и слѣдующими словами...» См. Предисл. къ Русск. Лѣтописи по Никон. сп. Часть первая, 1767 г.

1558 г.». Очевидно, г. Тихомировъ не обратилъ вниманія на то, что древнѣйшій списокъ Никоновской лѣтописи—Академическій XIV (Патріаршій) оканчивается 1556 годомъ, при чемъ въ части отъ 1535 (чит. 1534) по 1541 годъ онъ несходенъ съ другими списками (ср. П. С. Р. Л. IX, стр. VII и Шлецеръ въ Предисловіи къ 1-й ч. Никон. лѣт.).

Среди извѣстныхъ списковъ Никоновской лѣтописи можно отмѣтить нѣсколько группъ или редакцій. Одною изъ древнѣйшихъ редакцій надо признать редакцію Патріаршаго (Академическаго XIV) списка: это слѣдуетъ какъ изъ того, что лѣтописный разсказъ доведенъ въ немъ только до 21 марта 1556 года, такъ въ особенности изъ того, что въ перечнѣ русскихъ митрополитовъ послѣднимъ названъ Макарій [1]) (1542 — 1564), между тѣмъ какъ въ другихъ спискахъ [2]) событія продолжены еще нѣсколько, а перечень митрополитовъ доведенъ до Антонія (1572 — 1581). Въ виду этой, сравнительно съ другими списками бóльшей древности Патріаршаго списка, можетъ возникнуть предположеніе, не является ли онъ протографомъ остальныхъ списковъ Никоновской лѣтописи. Но предположеніе это опровергается слѣдующими соображеніями: въ цѣломъ рядѣ случаевъ списки ОНБТ представляютъ чтенія болѣе древнія, чѣмъ Патріаршій списокъ. Такъ, напримѣръ, въ Патріаршемъ спискѣ опущена четвертая статья, предшествующая Никоновской лѣтописи въ спискахъ ОНБТ и содержащая реестръ вкладовъ Димитрія Ивановича и Василія Димитріевича Троицкому Сергіеву монастырю; эта статья, какъ видно изъ нумераціи отдѣльныхъ ея отдѣловъ, заимствована изъ той же рукописи, откуда взятъ сохраненный и въ Патріаршемъ спискѣ перечень византійскихъ императоровъ; слѣдовательно, она читалась уже въ оригиналѣ Никоновской лѣтописи, а отсутствіе ея въ Патріаршемъ спискѣ показываетъ, что его нельзя отожествить съ этимъ оригиналомъ. Такъ, въ первой статьѣ, общей между Патріаршимъ и всѣми остальными списками Никоновской лѣтописи, находимъ перечисленіе русскихъ епископій: но редакція этого перечня въ Патріаршемъ спискѣ новѣе, чѣмъ редакція его въ спискахъ ОНБТ и Архивскомъ, такъ какъ въ него, сравнительно съ ними, вставлена «Казаньская и Болгарская архіепископія» (учреждена, послѣ взятія Казани, въ 1553 году), о которой не упоминается въ другихъ спискахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ основномъ спискѣ Никоновской лѣтописи не было такой вставки, иначе не зачѣмъ было бы выпускать ее спискамъ ОНБТ и

---

1) «Имена митрополитовъ съ Аѳанасія до патріарха Филарета писаны (въ Патріаршескомъ сп.) другимъ почеркомъ и внесены въ рукопись уже послѣ ея переписки; а имена патріарховъ: Филарета, Іосифа и Іосафа писаны болѣе новымъ почеркомъ» (П. С. Р. Л. IX, стр. XIV, прим. 1).

2) Въ спискахъ Оболенскаго, Никоновскомъ (Акад. XV), Публичной библ., Троицкой Лавры и Архивскомъ. Означаю первые четыре списка сокращенно буквами ОНБТ.

Архивскому: слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ Патріаршій списокъ отступилъ отъ первоначальной редакціи, точнѣе переданной остальными списками. Къ тому же заключенію приводитъ и сравнительное изученіе текста 1534 (сентябрьскаго) — 1541 гг. въ Патріаршемъ спискѣ, съ одной стороны, въ спискахъ ОНБТ, съ другой; можно съ увѣренностью утверждать, что составитель Никоновской лѣтописи пользовался Воскресенскимъ сводомъ, какъ источникомъ. При этомъ съ полнымъ основаніемъ можно думать, что Воскресенскій сводъ былъ извѣстенъ ему въ третьей своей редакціи, т. е. въ редакціи дошедшихъ до насъ списковъ: это слѣдуетъ въ особенности изъ того, что въ началѣ Патріаршаго списка читаются тѣ самыя два оглавленія, которыя мы только что разсматривали, опредѣляя редакціи Воскресенскаго свода: первое оглавленіе, вполнѣ сходное со вторымъ оглавленіемъ Воскр. свода, содержитъ дополнительное описаніе 62 главъ, а второе оглавленіе, тожественное съ третьимъ оглавленіемъ Воскр. свода, заключаетъ въ себѣ основное описаніе 63 главъ и кромѣ того еще описаніе 64—70 главъ. За оглавленіемъ въ Патріаршемъ спискѣ слѣдуетъ тотъ самый сборникъ, который предшествуетъ Воскресенскому своду, за этимъ помѣщена даже часть Воскресенской лѣтописи, при чемъ изъ нея списаны три первыя главы до словъ: «и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила царя до Александра и Исакіа» (ср. VII, 219—259 и 260—267). Мы видѣли, что оглавленія Воскресенскаго свода въ дошедшемъ до насъ ихъ видѣ восходятъ ко второй и третьей редакціи этого свода; сравнительно позднее происхожденіе Никоновской лѣтописи дѣлаетъ вѣроятнымъ, что составитель ея былъ знакомъ именно съ третьею редакціей. Мнѣ кажется, что Патріаршій списокъ, представляя указанныя выписки изъ Воскресенскаго свода, слѣдовалъ основному оригиналу Никоновской лѣтописи: отсутствіе ихъ во всѣхъ другихъ спискахъ не должно противорѣчить этому потому, что ни въ одномъ изъ нихъ не видимъ такого начала, которое бы можно возвести къ основному оригиналу: дѣйствительно, невѣроятно, чтобы Никоновская лѣтопись не имѣла даже заглавія и начиналась съ «Исторіи, сирѣчь повѣстникъ, о епископіахъ» (ОНБТ и Арх.). Напротивъ, близкая зависимость Никоновской лѣтописи отъ Воскресенской (начиная съ 1521 года, Никоновская тожественна съ Воскресенскою) заставляетъ предполагать, что составитель ея могъ взять изъ старшаго свода и вводныя къ ней статьи, при чемъ по ошибкѣ были списаны и первыя три главы самой лѣтописи. Патріаршій списокъ точно передалъ начало своего подлинника, а послѣдующая редакція выпустила его. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ основаніе предполагать, что составитель Никоновской лѣтописи пользовался Воскресенскою лѣтописью въ 3-ей ея редакціи, т. е. въ редакціи, доходившей до 1541 года. Начиная съ 1521 года онъ не имѣлъ въ своемъ рас-

поряженіи другихъ источниковъ, кромѣ Воскресенскаго свода: вотъ почему въ части 1521-1534, включая разсказъ о кончинѣ Василія Ивановича, всѣ списки Никоновской лѣтописи сходны, даже тожественны съ Воскресенскою лѣтописью. Въ части отъ 1534 (начиная со статьи «о поиманіи князя Юрія Ивановича») до 1541 (включая разсказъ о нашествіи Саипъ-Гирея) списки Патріаршій, съ одной стороны, ОНБТ съ другой, какъ указано выше, расходятся между собой, при чемъ ОНБТ тожественны и въ этой части съ Воскресенскою лѣтописью, а Патріаршій списокъ тожественъ съ лѣтописью Львовскою. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ данномъ случаѣ бо̀льшая древность, бо̀льшая близость къ основному подлиннику принадлежитъ редакціи ОНБТ: дѣйствительно, какъ только что замѣчено, начиная съ 1521 г., составитель Никоновской лѣтописи имѣлъ въ своемъ распоряженіи одинъ только источникъ—Воскресенскій сводъ; слѣдовательно, не ему принадлежатъ выписки изъ Львовской лѣтописи, которой онъ, очевидно, не зналъ (иначе, онъ бы пользовался ею въ части 1521-1534); напротивъ, именно ему должны принадлежать выписки 1534-1541 гг., сходныя съ Воскресенскою лѣтописью, такъ какъ на знакомство съ этою лѣтописью позднѣйшаго редактора ОНБТ мы не имѣемъ никакихъ указаній.

Въ виду всего вышеизложеннаго я заключаю, что основной списокъ Никоновской лѣтописи доходилъ только до 1541 года и оканчивался, согласно съ Воскресенскимъ сводомъ, повѣстью о нашествіи Саипъ-Гирея. Слѣдовательно, онъ составленъ послѣ 1541 года. Имѣя съ другой стороны въ виду, что редакціи списковъ Патріаршаго и ОНБТ не внесли почти никакихъ измѣненій, дополненій въ перечень русскихъ епископовъ, помѣщенный передъ лѣтописью[1]), между тѣмъ въ обѣихъ редакціяхъ архіепископомъ Новгородскимъ названъ Пименъ (съ ноября 1552 январскаго, 1553 сентябрьскаго года), мы выводимъ, что Никоновская лѣтопись составлена послѣ ноября 1552 года. То обстоятельство, что въ основномъ спискѣ не была названа архіепископія Казанская въ числѣ русскихъ архіепископій, можетъ служить указаніемъ на то, что Никоновская лѣтопись составлена до начала 1555 года, когда установлена эта архіепископія (Никон. VIII, 231). Слѣдовательно, Никоновская лѣтопись составлена въ 1553-1554 гг. Основная редакція этой лѣтописи не дошла до насъ: она отразилась въ двухъ, независимыхъ одна отъ другой редакцій. Старшая редакція, представленная Патріаршимъ спискомъ, составлена послѣ марта 1556 года: мы

1) Патріаршій списокъ внесъ митрополита Макарія, затѣмъ заглавіе «архіепископіа Казанская» (но имена архіепископовъ отъ Гурья до Ефрема митрополита внесены новою рукой) и, наконецъ, имена ростовскихъ архіепископовъ отъ Іоанна (съ 1520 г.) до Никандра (съ 1549 г.). Списокъ Оболенскаго, который надо признать основнымъ для редакціи ОНБТ, не внесъ ни одного іерарха, сравнительно съ Патріаршимъ спискомъ (имена митрополитовъ отъ Макарія до Антонія писаны въ этомъ спискѣ другимъ почеркомъ).

видѣли, что составитель этой редакціи внесъ нѣсколько дополненій и измѣненій въ списываемый подлинникъ; главнымъ отличіемъ этой редакціи отъ основной является ея окончаніе. А именно, начиная съ 7042 (1534 сент.) года, составитель новой редакціи оставляетъ свой подлинникъ и обращается къ другой лѣтописи — къ той лѣтописи, которая, въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ редакцій, извѣстна подъ именемъ Львовской.

Переходъ къ другому источнику указанъ именно въ этомъ мѣстѣ въ самомъ Патріаршемъ спискѣ, гдѣ передъ словами «Въ лѣто 7042 мѣсяца сентября 21» (ср. Ник. VI, стр. 259) вставлено заглавіе: «Лѣтописець. начало царства великого князя Ивана Васильевича всея русіи». Очевидно, таково было заглавіе всего того Лѣтописца, которымъ воспользовался составитель Патріаршаго списка, а не только одной части его: слѣдовательно, этотъ Лѣтописецъ въ то время существовалъ тогда еще отдѣльно отъ того предшествующаго ему свода, съ которымъ онъ соединенъ въ Львовской лѣтописи. Изъ него составитель Патріаршаго списка заимствовалъ всю часть отъ 1542 до 1556 года, остановившись на событіи 21 марта этого года: очевидно, Лѣтописецъ не шелъ дальше этого года.

Вскорѣ затѣмъ основной списокъ Никоновской лѣтописи породилъ новую редакцію; основной списокъ этой редакціи не дошелъ до насъ, но списокъ Оболенскаго представляетъ, повидимому, весьма точную копію его, сдѣланную въ началѣ XVII вѣка. Эта редакція составлена послѣ іюня 1558 года, отличаясь отъ основной, во-первыхъ, тѣмъ, что выпустила начальныя статьи ея до «Исторія, сирѣчь повѣстникъ, о епископіахъ» (ср. выше), а во-вторыхъ, тѣмъ, что дополнила ее, начиная съ того мѣста, гдѣ она прекращалась, т. е. съ 1542 года (Ник. VII, 32). Текстъ основной редакціи (въ противоположность редакціи 1556 г.) сохраненъ безъ всякихъ измѣненій. Дополненія взяты, повидимому, не изъ редакціи 1556 г., а изъ того же Лѣтописца, откуда заимствована въ редакцію 1556 г. часть 1534-1556 г.: это видно изъ того, что въ редакцію 1558 г. внесены событія отъ апрѣля 1556 г. по іюнь 1558 г., которыхъ нѣтъ въ Патріаршемъ спискѣ, при чемъ изложеніе ихъ тожественно съ соотвѣтствующимъ текстомъ Львовской лѣтописи. Въ концѣ XVI в. редакція 1558 г. подверглась нѣкоторымъ дополненіямъ, а именно за лѣтописнымъ разсказомъ 1558 г. помѣщены: статья о нашествіи на Московское государство Крымскихъ татаръ въ 1571 г., неоконченная выборка изъ родословныхъ книгъ о родѣ Аничковыхъ и, наконецъ, отрывочныя извѣстія 1563, 1558, 1572 и 1577 годовъ. Рукопись этой, пересмотрѣнной въ концѣ XVI в., редакціи 1558 г. сохранилась въ спискѣ Оболенскаго. — Въ серединѣ XVII в. возникла новая редакція, положившая въ основаніе списокъ Оболенскаго и дополнившая его Повѣстью о житіи царя Ѳедора Ивановича и Книгой, гла-

големою новый лѣтописецъ, содержащею повѣствованіе отъ взятія Сибирскаго царства до 1630 года. Списками этой редакціи оказываются: рукописи Академическая XV (Никоновская), Троицкая и рукопись Публичной библіотеки. — Въ XVII же вѣкѣ, и именно на основаніи редакціи, сходной со спискомъ Оболенскаго (ср. Прѣсняковъ, Царств. книга, ея сост. и происх., с. 10, гдѣ указывается, что Никоновская лѣтопись съ рисунками почти не уклоняется отъ Акад. XV сп.), возникла редакція лицевыхъ списковъ,— иллюстрированнаго текста Никоновской лѣтописи. Судя по сохранившимся рукописямъ и отрывкамъ этой редакціи, лѣтописное повѣствованіе было доведено въ ней до 1567 года, при чемъ до 1558 года оно въ общемъ повторяетъ текстъ редакціи конца XVI вѣка, а съ 1558 г. (іюля) по 1567 г. оказывается заимствованнымъ изъ той самой лѣтописи, которою пользовались: а) когда она была доведена только до 1556 года, составитель редакціи Никоновской лѣтописи этого года, б) когда она доходила до 1558 года (іюня), составитель редакціи Никоновской лѣтописи этого года, в) когда она доходила до февраля 1560 (январскаго) г., составитель Львовской лѣтописи, и наконецъ, г) составитель Карамзинскаго списка Воскресенской лѣтописи (въ сохранившейся части рукописи событія доходятъ до декабря 1559 (январскаго) года). Текстъ, извлеченный изъ этой лѣтописи, обнимавшей, согласно предыдущему, по крайней мѣрѣ 1533 - 1567 гг., въ Никоновской лѣтописи съ рисунками отличается значительно отъ текста Никоновской лѣтописи редакцій 1556 и 1558 гг., а также Львовской и Карамз. списка Воскресенской лѣтописи: а именно, какъ это показалъ Прѣсняковъ, онъ былъ дополненъ цѣлымъ рядомъ скорописныхъ дополненій, переходившихъ и въ текстъ, при дальнѣйшихъ обработкахъ Никоновской лѣтописи. Я не занимался самъ иллюстрированными списками этой лѣтописи, но въ видѣ предположенія допускаю, что отличія, напр., Лебедевскаго списка (Московской лѣтописи, изд. въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1895, III) отъ Львовской лѣтописи зависѣли, въ бо̀льшей своей части, отъ тѣхъ дополненій, которыя перешли въ текстъ этого списка изъ скорописныхъ дополненій иллюстрированной редакціи Никоновскаго списка. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, что текстъ Лебедевскаго списка извлеченъ изъ лицевой редакціи Никоновской лѣтописи, что̀ несомнѣнно для Александро-Невской лѣтописи, которая въ части отъ 1563 до 1567 г. издана въ III т. Русск. ист. библ. (ср. Прѣсняковъ, Царств. кн., с. 25 и прим. на с. 26). Г. Тихомировъ также признаетъ Московскую лѣтопись, изданную Лебедевымъ, и Отрывокъ изъ Александро-Невской лѣтописи продолженіями Никоновскаго свода (с. 71 - 73), но онъ не поставилъ ихъ въ связь именно съ иллюстрированною редакціею этого свода, о которой, впрочемъ, онъ совсѣмъ умалчиваетъ. Отмѣчу здѣсь, что и въ части до 1558 г. иллюстриро-

ванная редакція Никоновской лѣтописи значительно отступаетъ отъ прочихъ редакцій: бо̀льшая часть отступленій въ древнѣйшей части, какъ это ясно изъ изданныхъ томовъ П. С. Р. Л., зависѣла отъ желанія согласовать текстъ Никоновской лѣтописи съ текстомъ Воскресенской. — И такъ, изслѣдователю Никоновской лѣтописи слѣдуетъ имѣть въ виду, что вмѣсто утраченной основной редакціи (1553 - 1554 гг.) до насъ дошли двѣ позднѣйшія редакціи: 1556 г. — въ современномъ спискѣ и 1558 г. — въ спискахъ конца XVI и XVII вв., причемъ позднѣйшія редакціи основаны именно на редакціи 1558 г.

V.

Главною задачей изслѣдователя лѣтописныхъ сводовъ, какъ вообще всякихъ литературныхъ памятниковъ, должно быть установленіе взаимной связи между однородными, сходными памятниками, при чемъ эта связь можетъ частью объясняться общимъ происхожденіемъ отъ другихъ, древнѣйшихъ памятниковъ, частью же она можетъ зависѣть отъ взаимнаго другъ на друга вліянія этихъ памятниковъ. Безъ такой предварительной работы немыслимы никакія общія характеристики памятника: дѣйствительно, то самое, что̀ изслѣдователь, ограничившійся изученіемъ одного какого-нибудь памятника, считаетъ характеристичнымъ именно для него, при дальнѣйшемъ расширеніи наблюденій, можетъ оказаться заимствованнымъ изъ другихъ современныхъ или болѣе древнихъ произведеній. Къ сожалѣнію, тѣ части книги г. Тихомирова, гдѣ онъ пытается дать общую характеристику московскаго лѣтописанія, а также указать на характерныя черты того или другого лѣтописнаго свода, производятъ наименѣе пріятное впечатлѣніе: онѣ не убѣдительны, именно потому, что почтенному автору не удалось установить взаимныхъ отношеній между изслѣдуемыми имъ лѣтописными сводами. На с. 81 - 84, гдѣ авторъ подводитъ итогъ своему изслѣдованію, онъ указываетъ на то, что между московскими сводами Воскресенскій и Никоновскій слѣдуетъ признать офиціальными сводами «не только по господствующей (въ нихъ) тенденціи, но и потому, что, начиная со второй половины XV вѣка, они представляютъ изъ себя сборники офиціальныхъ извѣстій». Этимъ офиціальнымъ сводамъ противополагается какая-то, до насъ недошедшая неофиціальная лѣтопись. «Въ эту частную лѣтопись, говоритъ изслѣдователь, записывались извѣстія съ прибавленіемъ слуховъ, циркулировавшихъ по поводу того или другого случая, съ прибавленіемъ объясненій того или другого обстоятельства, съ выраженіемъ симпатіи или антипатіи къ тому или другому лицу». Отраженіе этой частной лѣтописи г. Тихомировъ видитъ въ Софійскомъ 2-мъ сводѣ. Поло-

женія автора представляются мнѣ не доказанными: кажется, они основаны, главнымъ образомъ, на сравнительномъ изученіи разсказа о походѣ на Угру по тремъ указаннымъ московскимъ сводамъ. На с. 32-36 данъ анализъ этого разсказа, но изъ него видно, что вставки, сдѣланныя лицомъ, враждебно относившимся къ Іоанну, находятся не только въ Софійской 2-й, но также въ Воскресенской лѣтописи: кромѣ того, на с. 35 самъ г. Тихомировъ указалъ на то, что читатели, подъ вліяніемъ рѣзкаго посланія Вассіана, сопровождающаго разсказъ объ этомъ походѣ, дѣлали приписки въ духѣ того же посланія; слѣдовательно, тѣ вставки, которыя по мнѣнію Карпова и Соловьева, составляютъ принадлежность враждебнаго къ Іоанну разсказа, по словамъ г. Тихомирова, принадлежатъ позднѣйшимъ читателямъ разсказа. Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ вставокъ ни въ какомъ случаѣ не ведутъ насъ къ возстановленію «неофиціальнаго» разсказа частнаго лѣтописца. Ближайшее изученіе этого разсказа показываетъ, что Софійская 2-я лѣтопись содержитъ текстъ, почти вполнѣ тожественный съ текстомъ Львовской лѣтописи (П. С. Р. Л. VI, 223-232 и Льв. III, 139-177) [1]. При этомъ однако Софійская 2-я сократила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказъ Львовской: такъ, въ особенности сокращено начало, гдѣ, напримѣръ, опущено сравненіе съ нашествіемъ Батыя и др. Что разсказъ Львовской первоначальнѣе, чѣмъ соотвѣтствующій текстъ Софійской 2-й, видно изъ того, что онъ почти вполнѣ совпадаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ разсказомъ Синодальнаго № 280 списка Новгородской 4-й лѣтописи, въ которомъ, по указанію самого автора (с. 32), сохранилась редакція, основная для редакцій Воскресенскаго и Софійскаго 2-го сводовъ. Кромѣ того, то же доказывается нѣкоторыми пропусками (сравнительно съ Львовской) въ Софійской 2-й лѣтописи: такъ не сказано, кто убилъ бѣжавшаго Ахмата (шуринъ его, Ногайскій мурза Амгурчій) и не упомянуто, что великому князю пришлось послать противъ какого-то царевича, напавшаго на Украину, своихъ братьевъ, обоихъ Андреевъ (Льв. III, 173, Соф. 2-я VI, 232). Въ виду всего этого, а также того, что предыдущее изслѣдованіе выяснило составъ Софійской 2-й лѣтописи въ томъ смыслѣ, что въ части до 1518 года она представляется соединеніемъ Львовской съ какимъ-то спискомъ Софійской 1-й лѣтописи, мы въ правѣ утверждать, что разсказъ о походѣ на Угру попалъ въ Софійскую 2-ю лѣтопись изъ протографа Львовской (1518 года). Между тѣмъ

---

1) Я замѣтилъ только двѣ вставки въ разсказѣ Софійской 2-й сравнительно съ Львовской: первую (с. 224), гдѣ говорится о томъ, что мать вел. князя и духовенство просили его помириться съ братьею, что̀ онъ и согласился сдѣлать (тогда же на Москвѣ — на помочь вборзѣ; въ Льв. о томъ же иначе, с. 141); вторая вставка содержитъ объясненіе причины, почему король не могъ прислать Ахмату помощи (тогда бо воева — служа великому князю, ср. Льв. 140 и 142).

сравненіе Воскресенской лѣтописи съ Софійскою 2-й открываетъ, что онѣ въ этомъ разсказѣ весьма близки между собой и отличаются отъ Львовской; такъ, начало разсказа Воскресенской вполнѣ совпадаетъ съ Софійскою 2-й: тѣ же пропуски и тѣ же вставки (напр., въ числѣ духовенства, просившаго Ивана Васильевича за братьевъ, названъ Троицкій игуменъ Паисій, и напротивъ, при этомъ опущено имя князя Михаила Андреевича Верейскаго). Вотъ почему и принимая во вниманіе бо̀льшую древность разсказа Львовской лѣтописи, а также то, что Архивскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи восходитъ къ редакціи 1518 года, мы должны допустить, что Воскресенская лѣтопись слѣдовала въ своемъ разсказѣ «О Угорщинѣ» Софійской 2-й лѣтописи, цѣликомъ заимствуя его изъ нея. Составитель Воскресенской лѣтописи имѣлъ передъ собою разсказъ Львовской лѣтописи, такъ какъ лѣтопись эта (протографъ ея), какъ увидимъ ниже, служила однимъ изъ главныхъ ея источниковъ. Дойдя до разсказа о походѣ на Угру, составитель положилъ въ основаніе своего разсказа Софійскую 2-ю лѣтопись и списалъ весь текстъ до словъ: «самъ бо діаволъ ихъ усты глаголаше, той же, иже древле вшедъ въ змію и прелсти Адама и Евву». Весь дальнѣйшій текстъ, начиная со словъ «И ужасъ нападе на нь» (VI, 224), и до извѣстія о томъ, что Татары бѣжали (VI, 231), опущенъ и замѣненъ словами: «и бѣ дивно тогда съврьшися Пречистые чюдо: едини отъ другыхъ бѣжаху и никто же женяше». Вслѣдъ за этимъ изъ Львовской лѣтописи списано извѣстіе объ убіеніи Ахмата, о нападеніи татарскаго царевича на Украину и о посылкѣ противъ него двухъ Андреевъ, братьевъ великаго князя. Затѣмъ, пропустивъ извѣстіе Львовской и Софійской 2-й о возвращеніи Софіи изъ бѣговъ, составитель Воскресенской лѣтописи списалъ по одной изъ нихъ извѣстную вставку: «О храбріи, мужественіи сынове Русьстіи!» до слова «аминь», которымъ эта вставка заключается. Послѣ того находимъ фразу: «Царь же побѣжалъ ноября 11, быша бо тогда мрази велици», находящуюся въ Львовской и Софійской 2-й на своемъ мѣстѣ, т. е. передъ извѣстіемъ о бѣгствѣ татаръ. Наконецъ, въ видѣ приложенія къ предшествующему разсказу, но внѣ прямой съ нимъ связи, составитель Воскресенской лѣтописи помѣстилъ посланіе Вассіана, предпославъ ему слѣдующія строки, писанныя киноварью: «Тое же осени архіепископъ Васіанъ Ростовскы послалъ грамоту на Угру великому князю Ивану Василіевичю всеа Русіи, дабы стоялъ противъ безсерменства крѣпко за христіанство, а въ грамотѣ писа». Изъ всего этого видно, что составитель Воскресенской лѣтописи, пользуясь какъ источникомъ разсказомъ Львовской лѣтописи, опустилъ изъ него тѣ мѣста, которыя казались позорными для памяти Ивана III и супруги его Софіи: въ этомъ дѣйствительно сказался офиціальный характеръ Воскресенскаго свода. — Никоновская

лѣтопись заимствовала весь разсказъ «О Угорщинѣ» изъ Русскаго Временника въ первоначальной его редакціи 1533 года (ср. II, 158-165 и Никонов. VI, 110-115) [1]: благодаря этому, ей удалось избѣчь всякихъ намековъ и сообщеній, враждебныхъ великому князю. Что же касается Русскаго Временника, то онъ, какъ мы знаемъ, восходитъ непосредственно къ Хронографу редакціи 1508 года, и такимъ образомъ въ немъ сохранился почти безъ измѣненій тотъ первоначальный разсказъ, который, съ одной стороны, легъ въ основаніе разсказа Львовской лѣтописи, а съ другой, довольно точно сохранился въ Синодальномъ № 280 спискѣ Новгородской 4-й и спискѣ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи. — И такъ, мы видимъ, что нельзя противополагать разсказа Никоновской и Воскресенской лѣтописей разсказу Софійской 2-й, какъ это сдѣлалъ г. Тихомировъ. Никоновская лѣтопись заимствуетъ его изъ Русскаго Временника, а Воскресенская и Софійская 2-я воспроизводятъ разсказъ Львовской лѣтописи. Слѣдовательно, сравненію должны подлежать въ данномъ случаѣ не Никоновская, Воскресенская и Софійская 2-я лѣтописи, а протографъ Львовской и протографъ Русскаго Временника. При этомъ окажется, что первоначальный разсказъ сохранился именно въ протографѣ Русскаго Временника, т. е. въ Хронографѣ редакціи 1508 года, тогда какъ въ Львовскую лѣтопись, заимствовавшую разсказъ изъ того же Хронографа, сдѣланъ рядъ вставокъ изъ другого источника. Всѣ эти вставки стоятъ въ тѣсной связи съ посланіемъ Вассіана, а потому всего вѣроятнѣе допустить, что и это посланіе и всѣ эти вставки заимствованы въ Львовскую лѣтопись изъ одного общаго источника, а именно, какъ это ясно изъ предыдущаго, изъ особой лѣтописи, представлявшей соединеніе Софійской 1-й лѣтописи съ лѣтописнымъ разсказомъ, доходившимъ до 1488 года. Такимъ образомъ, анализъ разсказа о походѣ на Угру привелъ насъ такъ же, какъ г. Тихомирова, къ опредѣленію двухъ основныхъ источниковъ, которые о немъ разсказывали; но не довольствуясь названіемъ ихъ офиціальнымъ и неофиціальнымъ, мы имѣемъ возможность точнѣе указать на то, что однимъ изъ нихъ былъ Хронографъ, а другимъ Софійская 1-я лѣтопись съ продолженіями до 1488 года; этимъ самымъ устраняется обозначеніе этихъ первоисточниковъ терминами «офиціальной» и «неофиціальной» лѣтописи, тѣмъ болѣе, что и въ Хронографѣ читались мѣста, не терпимыя въ офиціальной лѣтописи: ср. въ Новгородской 4-й лѣтописи (Хронографъ редакціи 1506 года) извѣстіе о возвращеніи Софіи «изъ бѣговъ:» «бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гонима никимъ же...» и

---

1) Только кое-какія вставки сдѣланы на основаніи Львовской лѣтописи, напр., объ удаленіи войска великаго князя къ Боровску.

т. д., при чемъ въ концѣ призывается на боярскихъ холоповъ, кровопивцевъ христіанскихъ, грабившихъ страны, черезъ которыя проходила великая княгиня, Божья кара. Показавъ на одномъ примѣрѣ необходимость установленія тѣсной связи между изучаемыми лѣтописными сводами, не могу не повторить упрека г. Тихомирову въ томъ, что онъ разсматриваетъ каждый сводъ самъ по себѣ. Замѣчая общія мѣста между Никоновской, Воскресенской и Софійской 2-й лѣтописями, онъ, однако, не рѣшается вывести отсюда заключенія или о взаимномъ вліяніи другъ на друга этихъ лѣтописей, или о существованіи такого свода, къ которому могли бы возводиться всѣ эти лѣтописи.

Г. Тихомировъ не идетъ дальше предположенія, что эти своды пользовались общими источниками, которыми, для болѣе позднягo періода (съ княженія Іоанна III), могли быть, по его мнѣнію, офиціальныя записи (с. 83).

Для того, чтобы показать, что въ нашихъ лѣтописныхъ сводахъ заключается достаточный матеріалъ для опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній, а также для возстановленія нѣкоторыхъ основныхъ сводовъ, лежащихъ въ ихъ основаніи, я попытаюсь въ самомъ сжатомъ очеркѣ разсмотрѣть составъ и взаимныя отношенія всѣхъ тѣхъ московскихъ сводахъ XVI вѣка, о которыхъ говоритъ г. Тихомировъ.

1. Въ 1506 году была составлена редакція Хронографа, доводившая разсказъ до этого года: въ части до 1451 года она отразилась въ Хронографѣ редакціи 1512 года, а въ части 1447 - 1496 въ Синодальномъ спискѣ Новгородской 4-й лѣтописи. Въ основаніе этой редакціи положена болѣе древняя редакція Хронографа, восходившая въ свою очередь къ основной редакціи — 1442 года.

2. Въ 1508 году, а именно до февраля 1509 (январскаго года), была составлена новая редакція Хронографа, значительно дополнившая лѣтописный разсказъ въ части отъ 1474 года и прибавившая разсказъ о событіяхъ 1506 - 1508 годовъ. Эта редакція отразилась въ спискѣ Царскаго Софійской 1-й лѣтописи, гдѣ соединены тексты Софійской 1-й лѣтописи и Хронографа.

3. Въ 1518 году составленъ обширный лѣтописный сводъ на основаніи, главнымъ образомъ, слѣдующихъ источниковъ: а) суздальскаго свода 1206 года по списку, сходному съ Радзивиловскимъ, Академическимъ и частью Переяславскаго лѣтописца (отъ 1138 до 1206 г.), б) владимирско-московскаго свода начала XV вѣка, в) Софійской 1-й лѣтописи съ продолженіями до 1488 года, г) Хронографа редакціи 1508 года. Этотъ сводъ былъ протографомъ Львовской лѣтописи; такъ мы его и назовемъ. Онъ оканчивался разсказомъ о смерти и погребеніи князя Семена Ивановича.

4. Вскорѣ послѣ этого былъ составленъ Софійскій 2-й сводъ, соединившій Софійскую 1-ю лѣтопись, съ продолженіями до 1453 года, съ протографомъ Львовской лѣтописи. Этотъ сводъ въ первоначальномъ своемъ видѣ отразился въ Архивскомъ спискѣ Софійской 2-й лѣтописи, утратившемъ свое начало до разсказа о событіяхъ 1395 года. Архивскій списокъ оканчивается именно тамъ, гдѣ оканчивался его источникъ — протографъ Львовской лѣтописи, т. е. на разсказѣ о смерти и погребеніи князя Семена Ивановича.

5. Въ 1520 году явилась новая редакція Хронографа: на существованіе такой редакціи указываетъ то обстоятельство, что, начиная съ 1521 года, въ Никоновской лѣтописи отражается только одинъ источникъ—Воскресенская лѣтопись, между тѣмъ какъ внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ пользованіе со стороны составителя Никоновской лѣтописи тремя или больше источниками, между которыми находились—Львовская лѣтопись въ редакціи 1518 года (см. ниже) и Хронографъ: выше мы, разбирая разсказъ о походѣ на Угру, видѣли, что текстъ Никоновской лѣтописи, относящійся къ нему, вполнѣ тожественъ съ текстомъ Русскаго Временника, который я считаю Хронографомъ редакціи 1533 года; отсюда ясно, что Никоновская лѣтопись заимствовала разсказъ 1480 года изъ Хронографа, но не редакціи 1533 года, такъ какъ въ теченіе 1521 - 1533 года никакихъ заимствованій изъ него (Русскаго Временника) не замѣчается, а той редакціи его, которая оканчивалась 1520-мъ годомъ: до этого года включительно видимъ заимствованія изъ Хронографа: такъ, подъ 1520 годомъ читаемъ обширную статью «О иконахъ владимерскихъ»: ея нѣтъ въ Воскресенской, нѣтъ и въ Львовской лѣтописи, но она есть въ Русскомъ Временникѣ (II, 321 - 322); слѣдовательно, она восходитъ къ Хронографу. Подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской лѣтописи читаемъ о поѣздкѣ Бориса Голохвастова посломъ къ турецкому султану: объ этой поѣздкѣ не говоритъ Воскресенская лѣтопись; правда, она есть въ Львовской лѣтописи, но мы знаемъ, что Никоновская лѣтопись пользовалась только древнѣйшею редакціей ея, доходившею до 1518 года; слѣдовательно, вѣроятнѣе возводить и эту статью къ Хронографу. Подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской лѣтописи находимъ по два раза извѣстія о поставленіи Іоны (ошибочно: Ивана) архіепископомъ Ростову и о поставленіи Пимена епископомъ Вологодскимъ: во второй разъ эти оба извѣстія заимствованы изъ Воскресенской лѣтописи (ср. Ник. VI, 227 и Воскр. VIII, 269), а въ первый они, думаю, должны восходить къ Хронографу, но не той редакціи, которая отразилась въ Русскомъ Временникѣ, а редакціи болѣе первоначальной: на это указываетъ полнота извѣстій въ первой записи (Ник. VI, 226), сравнительно со второю записью, и совпаденіе ихъ съ текстомъ этихъ извѣстій въ Русскомъ Временникѣ (сход-

номъ въ данномъ случаѣ съ Льв. и Воскр. лѣтописями, заимствовавшими ихъ изъ него) [1]. Подъ 1519 годомъ находимъ въ Никон. (VI, 223 - 224) рядъ подробностей о литовской войнѣ, которыхъ нѣтъ въ Воскресенской (VII, 268); бо̀льшая часть этихъ подробностей читается и въ Львовской лѣтописи (III, 371 - 373) и въ Русскомъ Временникѣ (II, 319 - 320): въ виду этого вѣроятнымъ представляется, что текстъ всѣхъ этихъ трехъ памятниковъ восходитъ къ одному общему оригиналу, каковымъ и могъ быть Хронографъ редакціи 1520 года. Подъ 1508 годомъ въ Никоновской читаемъ «О положеніи мощей великихъ князей и удельныхъ в Орхангелѣ» (VI, 180 - 181): эта статья не заимствована ни изъ Воскресенской лѣтописи, ни изъ Русскаго Временника, въ которыхъ видимъ вставки о погребеніи князей умершихъ послѣ 1508 года; но ее нельзя возводить и къ Львовской лѣтописи: правда, въ послѣдней нѣтъ позднѣйшихъ вставокъ, но за то уже въ редакціи 1518 года, какъ это видно изъ совпаденія Львовской лѣтописи съ обоими списками Софійской 2-й, была опущена слѣдующая фраза: «а оттолѣ положиша князя Андрея Дмитреевича да брата его Петра Дмитреевича» (ср. Льв. III, 297 и Соф. 2-ю, VI, 247, прим. б); эта фраза есть въ Никоновской (VI, 180); слѣдовательно, статья подъ 1508 годомъ, находящаяся въ Никоновской лѣтописи, не можетъ восходить и къ Львовской въ редакціи 1518 года. Имѣя въ виду, что она, въ исправномъ и первоначальномъ видѣ, читалась въ Хронографѣ редакціи 1508 года (ср. сп. Царскаго, VI, 52 - 53), естественно допустить, что изъ Хронографа она и попала въ Никоновскую лѣтопись, но не изъ редакціи 1508 года, такъ какъ заимствованія изъ Хронографа обнаруживаются въ Никоновской лѣтописи и позже, — а именно изъ редакціи 1520 года. — Хронографъ этой редакціи положилъ въ основаніе редакцію 1508 года, но дополнилъ ее, какъ въ части до 1508 года, такъ и въ части послѣ этого года, на основаніи Софійской 2-й лѣтописи редакціи 1518 года (Архивскій списокъ). Въ части 1509 - 1518 мы находимъ въ Русскомъ Временникѣ, а слѣдовательно, и въ болѣе древнемъ его видѣ—редакціи 1520 года текстъ весьма сходный, какъ съ Львовскою, такъ и съ Софійскою 2-ю лѣтописью. Нѣтъ сомнѣнія, что сравненіе текста 1509 - 1518 гг. по Хронографу редакціи 1520 года, съ одной стороны, по Львовской и Софійской 2-й лѣтописямъ, съ другой, должно привести изслѣдователя къ убѣжденію во взаимномъ вліяніи этихъ памятниковъ; имѣя въ виду, что первоначальныя редакціи Львовской и Софійской 2-й лѣтописей, относящіяся къ 1518 году, моложе Хронографа редакціи 1520 года—ясно, что не онъ представляетъ первоначальный текстъ и что онъ заимствовалъ его изъ Львовской или Софійской 2-й. Сравненіе

1) Такъ, въ первой записи Іона названъ бывшимъ Симоновскимъ архимандритомъ, а Пименъ — игуменомъ Соловецкимъ.

Русскаго Временника въ части до 1508 года, или, что почти тоже, Хронографа редакціи 1520 года, въ этой его древнѣйшей части, съ болѣе древними редакціями Хронографа — 1508 г. (списокъ Царскаго) и 1506 г. (Синодальный списокъ № 280) приводитъ къ убѣжденію, что, по крайней мѣрѣ до 1479 года, редакція 1520 года пользовалась еще другими источниками, кромѣ Хронографа 1508 года; сопоставленіе цѣлаго ряда мѣстъ показываетъ, что однимъ изъ такихъ источниковъ была именно Софійская 2-я лѣтопись редакціи 1518 года; такъ, событія 1446 - 1453, изложенныя, какъ мы видѣли, въ Софійской 2-й лѣтописи несходно съ Львовскою, въ Русскомъ Временникѣ оказываются сходными (но при томъ короче изложенными) съ Софійскою 2-ю лѣтописью (ср. VI, 172 - 180 и Русск. Врем. II, 10 и слѣд.). Въ виду того, что различія между Хронографомъ редакціи 1520 г. и болѣе древними редакціями его доходятъ только до 1479 г., я думаю, что главный дополнительный источникъ этой редакціи оканчивался около этого времени, а что Софійская 2-я лѣтопись была лишь второстепеннымъ источникомъ, ставшимъ, однако, главнымъ, начиная съ 1509 года. Что касается событій 1518 - 1520 гг., то разсказъ о нихъ принадлежитъ самому составителю новой редакціи Хронографа.

6. Въ 1533 году составлена новая редакція Хронографа, повидимому, по повелѣнію или при ближайшемъ участіи архіепископа Новгородскаго Макарія: этимъ объясняется то обстоятельство, что въ ней помѣщенъ рядъ новгородскихъ извѣстій, бо̀льшая часть которыхъ связывается съ именемъ просвѣщеннаго владыки. Вставки эти начинаются, какъ мы видѣли, съ начала XVI вѣка; ихъ особенно много съ 1526 года, т. е. съ года поставленія Макарія архіепископомъ. Въ основаніе труда положена предшествующая редакція 1520 года: что въ ней не было перечисленныхъ выше новгородскихъ извѣстій, видно изъ того, что подъ 1508 и 1519 гг. эти извѣстія отсутствуютъ въ Никоновской лѣтописи, пользовавшейся этой редакціей. Разсказъ 1521 - 1533 гг. принадлежитъ составителю Хронографа[1]): онъ доведенъ до августовскихъ событій 1533 года. Въ такомъ видѣ онъ перешелъ въ Москву, гдѣ при перепискѣ къ нему присоединено извѣстіе отъ 19 декабря 1533 (сентябрьскаго 1534 г.) о слитіи колокола Николаемъ нѣмчинымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что лѣтописный разсказъ Хронографа въ части 1521 - 1533, судя по Русскому Временнику (II, 323 - 363), очень неполонъ, если сравнить его съ позднѣйшими сводами XVI вѣка: въ немъ отсутствуетъ рядъ извѣстій о политическихъ событіяхъ, въ особенности же нѣтъ сообщеній о прибытіи и отправкѣ различныхъ посольствъ.

---

1) Подъ 1521 г. находимъ въ Русскомъ Временникѣ (II, 325—337) длинный разсказъ о нашествіи татаръ, вставленный, очевидно, позже изъ Степ. книги (ср. II, 193—202): на вставку указываетъ заглавіе: «Отъ иного лѣтописца о томже и о ходу»...

Такъ, подъ 1525 нѣтъ о казанскомъ посольствѣ, подъ 1526 о казанскомъ, императора германскаго и папы римскаго, подъ 1527 объ отправлении пословъ къ императору, папѣ, королю польскому и царю казанскому, подъ 1529 о казанскихъ послахъ, подъ 1531 г. о дипломатическихъ переговорахъ съ Казанью и т. д.

7. Въ 1534 году Хронографъ редакціи 1533 года (Русскій Временникъ) послужилъ основаніемъ для дополненія того московскаго свода, о которомъ мы говорили подъ № 3, т. е. протографа Львовской лѣтописи 1518 года. При этомъ составитель новой редакціи этой лѣтописи, не свѣривъ должнымъ образомъ разсказа основного свода 1518 года съ Хронографомъ, помѣстилъ подъ 1518 годомъ два событія, уже изложенныя выше: о возвращеніи посла Племянникова, съ которымъ прибыли послы германскаго императора, и о прибытіи къ великому князю старца Климента съ Синайской горы; думаю, что первое изъ этихъ извѣстій взято изъ дѣлъ посольскаго приказа, которыми значительно дополненъ новый сводъ, а второе извѣстіе попало изъ Хронографа 1533 г., гдѣ оно стоитъ именно въ этомъ мѣстѣ, т. е. въ концѣ лѣтописной статьи 1518 г., и при томъ передъ извѣстіемъ о разобраніи церкви св. Вознесенія «ветхости ради»,—извѣстіемъ, попавшимъ также въ новый сводъ (ср. Льв. III, 360 и Русск. Вр. II, 311 - 312). Такимъ образомъ, уже подъ 1518 г., въ первыхъ же строкахъ новаго редактора, сказались два источника его, по которымъ онъ составилъ лѣтописный разсказъ 1518 - 1533 г.: это, во-первыхъ, Хронографъ редакціи 1533 года, во-вторыхъ, данныя посольскаго приказа. Главный источникъ—Хронографъ, списанъ довольно акуратно, но кое-гдѣ видимъ сокращенія противъ подлинника: такъ, напримѣръ, сокращена обширная статья о возвращеніи Владимирскихъ иконъ подъ 1520 г.; такъ, въ извѣстіи 1525 г. о построеніи Дѣвичья монастыря въ Москвѣ опущены названія поставленныхъ въ немъ церквей. Новгородскія извѣстія подлинника внесены всѣ въ сводъ 1533 г., начиная съ извѣстія объ устройствѣ новыхъ судебныхъ мѣстъ 1519 г.[1]). Послѣ послѣдняго извѣстія Хронографа — о возвращеніи великаго князя съ похода 21 августа 1533 г., редакторъ новаго свода списалъ приписку, читавшуюся въ Хронографѣ о изготовленіи колокола 19 декабря того года (а сентябрьскаго — 1534 г.); за тѣмъ изъ второго источника — посольскихъ дѣлъ помѣщено извѣстіе о прибытіи въ августѣ 1533 г. астраханскаго посла Кудальяра. Наконецъ, вслѣдъ за этимъ помѣщена статья о преставленіи вел. князя Василія Ивановича, начинающаяся съ извѣстія о поѣздкѣ его къ Троицѣ 21 сентября 1533 (1534 сентябрьскаго) года.

---

1) Но въ часть до 1518 г. (основную) редакторъ не вносилъ новгородскихъ извѣстій Хронографа 1533 года: вотъ почему подъ 1508 г. мы не читаемъ у него объ устройствѣ новгородскихъ улицъ (ср. Русск. Вр. II, 268).

8. Въ 1534 году былъ составленъ обширный сводъ, соединившій описанный подъ № 3 сводъ (протографъ Львовской лѣтописи) съ Новгородской 1-й, Ростовской и другими лѣтописями. Но такъ какъ главный источникъ позднѣйшихъ событій — протографъ Львовской лѣтописи доходилъ только до 1518 года, то часть отъ 1519 до 1534 года представляла краткій перечень событій. Первая часть этого свода до 1255 года включительно сохранилась, какъ увидимъ ниже (III ч. настоящаго разбора), въ Тверскомъ сборникѣ, а послѣдняя часть свода, отъ 1519 до 1534 года, сохранилась, повидимому, въ Новоіерусалимскомъ спискѣ Софійской 2-й лѣтописи.

9. Послѣ 1534 года составленъ Новоіерусалим. списокъ Соф. 2-й лѣтописи: въ основаніе его положена первая редакція этой лѣтописи, сохранившаяся, какъ мы видѣли, въ Архив. спискѣ (см. № 4). Но эта редакція доходила только до 1518 года, при чемъ она была весьма сходна, до этого года включительно, съ разсмотрѣннымъ подъ № 8 сводомъ, такъ какъ основывалась на одномъ общемъ съ нимъ источникѣ — Московскомъ сводѣ 1518 г. (№ 3). Это побудило составителя Новоіерусалим. списка (или его протографа) взять разсказъ 1519 - 1534 г. изъ свода 1534 года (№ 8). На основаніи того же свода и въ часть до 1518 г. внесенъ рядъ поправокъ и дополненій (на поляхъ) [1]. И такъ, разсказъ о смерти Василія Ивановича, весьма обстоятельный и болѣе полный, чѣмъ разсказъ Воскресенской, Львовской и Никоновской лѣтописей, взятъ въ Новоіерусал. списокъ изъ того самаго свода, который впослѣдствіи былъ внесенъ, въ древнѣйшей своей части (до 1255 г.), въ Тверской сборникъ.

10. Послѣ 1534 года составленъ Воскресенскій сводъ. Изъ источниковъ его отмѣчу: Московскій сводъ 1481 года, сохранившійся въ соединеніи съ другими сводами въ Архивскомъ спискѣ, упомянутомъ въ VII т. П. С. Р. Л., с. VIII - IX; далѣе, протографъ Львовской лѣтописи въ редакціи 1534 года; Хронографъ въ редакціи 1533 г. (Русскій Временникъ); первую редакцію Софійской 2-й лѣтописи (Архивскій списокъ, его протографъ) и др. Такъ, изъ Хронографа заимствовано извѣстіе 1506 г. о совершеніи каменной трапезы въ Андрониковомъ монастырѣ (Воскр. VIII и Русск. Вр. II); изъ него же взята статья 1508 г. о перенесеніи мощей

1) Ср. подъ 1095 г.: Написана бысть книга диопатра сиречь зеркало во граде Смоленске (на полѣ; Соф. Вр. Строева = П. С. Р. Л. V, 150); ср. со сходнымъ извѣстіемъ Тверского сборника, ошибочно занесеннымъ подъ 1128 г.; подъ 1193 г. на полѣ о построеніи Варлаамомъ Хутынскимъ каменной церкви, ср. Тверск. сб. подъ 1192; подъ 1191 о закладкѣ Суздаля и церкви Рождества во Владимирѣ — то же въ Тверск. сб.; подъ 1162 о постройкѣ Ростовской церкви и обрѣтеніи мощей Леонтія — то же въ Тверск. сб.; подъ 1145 о постройкѣ на Смядыни церкви Б. и Гл. — то же въ Тверск. сб.; подъ 1101 объ учрежденіи Смоленской епископіи — то же въ Тверск. сб.; подъ 1027 о побѣдѣ надъ Чудью и построеніи Юріева — то же подъ 1030 въ Тверск. сб.; при разсказѣ о нападеніи Аскольда и Дира вставлены слова: «сего же ради влахерна наречется мѣсто то»...; тѣ же слова въ Тверск. сб. и др.

великихъ и удѣльныхъ князей въ новую церковь Архангела Михаила [1]); оттуда же попало въ Воскр. извѣстіе 1509 года о смерти Василія Даниловича Холмскаго (Воскр. VIII, 250 и Русск. Вр. II, 271); согласно съ Хронографомъ, подъ 1509 г. помѣщено краткое извѣстіе о томъ, что зимой этого года сведенъ съ Новгорода архіепископъ Серапіонъ за то, что не благословилъ Іосифа, игумена Волоцкаго (Воскр. VIII, 250 и Русск. Вр. II, 273), между тѣмъ какъ въ Львовской (II, 307 - 309) подробно разсказывается о столкновеніи Серапіона съ Іосифомъ и о смерти Серапіона, послѣдовавшей 16 марта. Подъ 1511 г. въ Воскресенской лѣтописи, такъ же какъ въ Хронографѣ редакціи 1533 г. (Воскр. VIII, 252 и Русск. Вр. II, 289), находимъ краткое извѣстіе о поставленіи Варлаама, замѣнившее длинное извѣстіе о томъ же Львовской (III, 317). Подъ 1492 г. находимъ въ Воскр. (VIII, 223) рядъ извѣстій (начиная съ распоряженія о составленіи писцовыхъ книгъ по Тверской области и кончая извѣстіемъ объ обрѣтеніи серебряной и мѣдной руды), которыхъ нѣтъ въ Львовской (III, 213): всѣ они восходятъ къ Хронографу 1533 г. (Русск. Вр. II, 195 - 196). Зависимость отъ протографа Львовской лѣтописи сказывается уже въ разсказѣ о событіяхъ XIII в., но въ особенности ясно она выступаетъ въ концѣ свода, гдѣ мы, вполнѣ согласно со Львовской лѣтописью, подъ 1533 г. находимъ послѣ событія 21 августа извѣстіе 19 декабря, вслѣдъ за этимъ извѣстіе о прибывшемъ въ августѣ посольствѣ и, наконецъ, статью о преставленіи вел. кн. Василія Ивановича. Этой статьей, составляющей 63-ю главу свода, оканчивалась, какъ мы видѣли выше, первая, основная редакція Воскресенской лѣтописи.

11. Въ 1537 г. или же послѣ этого года возникла 2-я редакція Воскресенской лѣтописи, отличавшаяся отъ первой прибавленіемъ семи главъ, содержавшихъ разсказъ о событіяхъ 1534 - 1537 гг.

12. Въ 1539 г. или же послѣ этого года составленъ въ Новгородѣ сводъ, въ которомъ можно различить слѣдующія части: 1) Софійскую 1-ю лѣтопись, дополненную на основаніи Хронографа до 1491 года; 2) Новгородскую лѣтопись, дополненную въ особенности въ началѣ обильными заимствованіями изъ какой-то Московской лѣтописи и продолжавшуюся отъ 1498 до 1539 года. Послѣднимъ оказывается имѣющее видъ приписки извѣстіе о рожденіи урода о двухъ головахъ въ августѣ 1539 года, въ Новгородѣ. Этотъ сводъ не дошелъ до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, но онъ повліялъ на образованіе лѣтописнаго свода, о которомъ скажемъ подъ № 13. Въ части отъ 1445 по 1537 онъ сокращенно переданъ въ Новоіерусалимскомъ спискѣ вслѣдъ за Софійской 2-й лѣтописью (ср. VI т.,

---

1) При этомъ, какъ мы видѣли, послѣдней вставкой въ редакціи 1533 Хронографа было извѣстіе о смерти Петра царевича Абреимова.

с. 277 - 303, гдѣ онъ напечатанъ подъ названіемъ «Отрывокъ русской лѣтописи»); между прочимъ здѣсь опущены событія 1499 - 1513 гг.

13. Послѣ 1539 года Московскій сводъ 1481 года, о которомъ я сказалъ подъ № 10, былъ дополненъ на основаніи Новгородскаго свода 1539 года, почему во вновь возникшемъ сводѣ оказались двѣ части: первая до 1481 г., слѣдующая Московскому своду, и вторая отъ 1482 до 1539, восходящая къ Новгородскому своду № 12. Этотъ новый сводъ сохранился въ Архивскомъ спискѣ XVIII в. (П. С. Р. Л. V, с. VIII - IX). Въ части отъ 1482 г. онъ тожественъ съ «Отрывкомъ русской лѣтописи», дополняя, впрочемъ, опущенныя тамъ событія 1499-1513 гг. и 1539-го г.

14. Въ 1541 г. или послѣ этого года составлена третья редакція Воскресенскаго свода. Въ основаніе ея легла вторая редакція, при чемъ она дополнена разсказомъ о событіяхъ 1538 - 1541 года и оканчивалась повѣстью о нашествіи Саипъ-Гирея. Эта редакція дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшіе XVI в.

15. Въ 1553 - 1554 гг. была составлена основная редакція Никоновскаго свода. Оставляя въ сторонѣ древнѣйшую часть этого свода, гдѣ содержится лѣтописный разсказъ до второй четверти XV ст., замѣчу, что для XV и XVI вѣка составитель пользовался довольно ограниченнымъ числомъ источниковъ: въ части до 1518 года обнаруживаются три источника — Воскресенская лѣтопись (2-я редакція), протографъ Львовской и Хронографъ редакціи 1520 года; въ части 1518 - 1520 видимъ два источника — Воскресенскую лѣтопись и Хронографъ указанной редакціи; наконецъ, начиная съ 1521 года, у составителя оставался одинъ только источникъ — вторая редакція Воскресенской лѣтописи. Такъ, подъ 1500 г. (начиная съ сентября), видимъ въ Никон. текстъ, сходный съ Воскр. и Льв. лѣт.: но въ извѣстіи о смерти Ивана Васильевича рязанскаго видимъ лишнюю фразу: «а по немъ сынъ его Иванъ остался полупята году» (VI, 159), которая заимствована изъ Хронографа (Русск. Вр. II, 227). Въ концѣ этого года въ Никон. записано извѣстіе о взятіи Торопца (VI, 163): его нѣтъ ни въ Воскр., ни въ Льв., но оно было въ Хронографѣ (Русск. Вр. II, 232) и именно тамъ же, гдѣ въ Никон., т. е. послѣ извѣстія о Ногайскомъ посольствѣ.—Подъ 1501 г. въ Никон. читаемъ текстъ, тожественный съ Воскр.: но извѣстіе о чудѣ у гроба Максима юродиваго (VI, 164) восходитъ къ Хронографу (Русск. Вр. II, 233), а прибавка къ извѣстію о разобраніи старой церкви Архангела Михаила того, что она была выстроена въ 6873 г., при чемъ теперь (т. е. въ 1501) на мѣстѣ старой заложили новую, въ архимандритство Ѳеогноста, восходитъ къ Львовской (III, 269) или къ Хронографу (Русск. Вр. II, 234). — Подъ 1502 г. разсказъ о столкновеніи съ Ливонскими нѣмцами на Серицѣ взятъ въ Никон. изъ Львовской

лѣтописи (III, 271, ср. имена князей: Д. В. Щеня и А. В. Оболенскій), все остальное восходитъ къ Воскр. лѣтописи. — Подъ 1503 г. въ Никон. (VI, 172), излишне противъ Воскресенской, находимъ имена крымскихъ пословъ, пришедшихъ въ Москву съ Иваномъ Оцѣринымъ: «да съ нимъ пришолъ Алабата уланъ, да Тетлапнъ Бердендуванъ»; они заимствованы изъ протографа Льв. (III, 283: Алабатъ Уланъ да Детлапнъ Верде).—Подъ 1506 г. походъ князя Дмитрія Ивановича на Казань разсказанъ въ Никон. (VI, 175) согласно съ Львовской (VII, 287 - 289); оттуда же взято извѣстіе о посольствѣ Ивана Кобяка къ сестрѣ великаго князя Еленѣ въ Вильну; все остальное заимствовано изъ Воскресенской. — Подъ 1507 г. извѣстія о прибытіи къ великому князю Казанскаго посла и о посылкѣ въ Казань Алексѣя Лучина для переговоровъ, равно какъ дальнѣйшія извѣстія о прибытіи изъ Казани посла Бакшея Бозска и объ отправкѣ въ Казань Елизара Сукова,— всѣ эти извѣстія восходятъ въ Ник. лѣтописи (VI, 178) къ Льв. (III, 292 - 294); оттуда же взято извѣстіе о набѣгѣ татаръ на Бѣлевскія мѣста и объ отраженіи ихъ московскими воеводами; между тѣмъ первыя лѣтописныя статьи этого года заимствованы изъ Воскресенской. — Подъ 1508, какъ мы видѣли, извѣстіе о положеніи мощей великихъ князей и удѣльныхъ въ Архангелѣ заимствовано въ Никон. (VI, 180 - 181) изъ Хронографа редакціи 1520 года; изъ Львов. лѣтописи взяты: слѣдующее затѣмъ извѣстіе о возвращеніи изъ Крыма И. Г. Поплевина, конецъ статьи о прибытіи на службу великаго князя М. Л. Глинскаго (VI, 182), конецъ статьи о походѣ противъ короля польскаго (послѣ словъ: и отъ Орши к Смаленьску), извѣстіе о договорѣ съ мурзами ногайскими (VI, 183) [1] и извѣстіе о подписаніи церкви Благовѣщенія (VI, 182); остальныя извѣстія восходятъ къ Воскр. (или Львовской). — Подъ 1509 г. статьи объ Абдылъ-Летифѣ и о нѣмецкихъ послахъ заимствованы изъ Львовской, все остальное взято изъ Воскр. (или Львовской). — Подъ 1511 г. извѣстіе о поставленіи митрополита Варлаама восходитъ къ Львовской лѣт., все остальное къ Воскр. (или Львовской). — Подъ 1512 г. статья о царѣ Казанскомъ (VI, 191 - 192) взята изъ Львовской, но дополнена, очевидно, по подлинному посольскому дѣлу, такъ какъ начало этой статьи (Тоя же зимы — и до своего живота) совсѣмъ не читается въ Львовской (въ Воскр. отъ обширной статьи посольской осталось лишь нѣсколько фразъ, VIII, 252); статьи о приходѣ крымскаго царевича на Украйну и объ опалѣ надъ Абдулъ-Летифомъ восходятъ къ Львовской лѣтописи; оттуда же взята статья о нападеніи Махмута ца-

---

1) Въ Львов. лѣтописи (III, 301) пропущено мѣсто, читаемое въ Никон. отъ словъ: «о опасе посла своего» до словъ: «государю всея Русіи», вслѣдствіе чего оказывается, что польскій король билъ челомъ о допущеніи въ Москву ногайскихъ купцовъ (!) Въ ред. 1518 г. этого пропуска не было, какъ видно изъ Соф. 2-й лѣт. (VI, 248).

ревича на Рязанскую область; остальное восходитъ къ Воскр. (или Львовской). — Смоленское взятье подъ 1514 и 1515 гг. въ Никон. лѣтописи (ср. особенно конецъ статьи 1514 г. и начало статьи 1515 г.) изложено по Воскр. лѣтописи, по дополнено по Львовской; замѣчательно, что имя Константина Острожскаго, упомянутое въ Воскр., въ началѣ статьи о Оршинскомъ бою (VIII, 257), опущено какъ въ Никоновской (VI, 201), такъ и въ Львовской (III, 335).—Событія 1516 - 1518 гг. изложены въ Никоновской, согласно съ Воскресенской (и Львовской). — Въ части 1518-1520 составитель Никоновской лѣтописи пользовался уже только двумя источниками — Воскресенской лѣтописью и Хронографомъ редакціи 1520 года. При этомъ должно имѣть въ виду, что о составѣ редакціи Хронографа 1520 года нельзя судить только по Русскому Временнику (редакція 1533 года), во многихъ мѣстахъ сократившему эту болѣе древнюю редакцію. Вотъ почему съ увѣренностью можно сказать, что подробности о полкахъ и воеводахъ, участвовавшихъ въ походѣ на Литву въ 1519 г., равно какъ нѣкоторыя подробности о самомъ походѣ, отсутствующія въ Русскомъ Временникѣ (II, 319 - 320), попали въ Никоновскую (VI, 223 - 224) изъ Хронографа. Изъ него же, какъ мы видѣли, заимствованы: статья 1520 г. о иконахъ владимирскихъ (Ник. VI, 225 - 226, Русск. Вр. II, 321 - 322), статья о путешествіи Бориса Голохвастова къ турецкому султану (VI, 226 - 227; II, 323), извѣстія о поставленіи Іоны, Тихона и Пимена (VI, 226) и, наконецъ, извѣстіе о папскомъ послѣ Павлѣ (VI, 227: его нѣтъ въ Русск. Вр.); — все остальное подъ 1518 - 1520 гг. восходитъ въ Никоновской лѣтописи къ Воскресенской. — Наконецъ, въ части 1521 - 1541 Никоновская лѣтопись имѣла одинъ только источникъ — Воскресенскую лѣтопись: поэтому никакихъ различій въ этой части мы между обѣими указанными лѣтописями не находимъ.

И такъ, разсмотрѣніе Никоновской лѣтописи, хотя бы въ предѣлахъ одного XVI в., обнаружило присутствіе только трехъ источниковъ у ея составителя: правда, подъ 1512 г., въ статьѣ о царѣ Казанскомъ мы указали еще на четвертый источникъ (подлинное дѣло посольскаго приказа), но весьма возможно, что статья эта заимствована изъ Хронографа редакціи 1520 года (редакція 1533 г., Русскій Временникъ, совсѣмъ ее опустила).

Основная редакція Никоновской лѣтописи оканчивалась, думаю, тамъ же, гдѣ Воскресенская, т. е. на статьѣ о Сапъ-Гиреѣ. Вообще, повидимому, редакторъ задался цѣлью дополнить и переработать Воскресенскій сводъ: этимъ объясняется то, что новому своду были предпосланы тѣ самыя статьи нелѣтописнаго содержанія, которыя предшествуютъ Воскресенскому своду, и, между прочимъ, всѣ три оглавленія этого свода по третьей

его редакціи. Ср. эти статьи въ началѣ Патріаршаго списка Никоновской лѣтописи (IX, с. VI).

16. Въ 1556 году явилась уже вторая редакція Никоновской лѣтописи: въ основаніе легла первая редакція; лишь кое-что было въ ней измѣнено и исправлено, но зато она дополнена лѣтописными извѣстіями, заимствованными изъ современной лѣтописи, которая велась, очевидно, при дворѣ царскомъ и носила оффиціальный характеръ. Изъ той же лѣтописи взятъ лѣтописный разсказъ о 1533-1541 гг., замѣнившій разсказъ основного свода, слѣдовавшаго Воскресенскому своду. Послѣднее событіе, занесенное въ Никоновскій сводъ изъ оффиціальной лѣтописи,—это извѣстіе 21 марта 1556 г. о присылкѣ отъ новгородскаго намѣстника Михаила Глинскаго нѣмецкой грамоты, въ которой нѣмцы просятъ дать опасную грамоту на пословъ; царь велѣлъ Михаилу дать такую грамоту на пословъ и гонцовъ. Единственнымъ и, какъ кажется, основнымъ спискомъ этой редакціи является Академическій XIV (Патріаршій).

17. Къ 1558 году относится третья редакція Никоновской лѣтописи: въ основаніе ея положена не вторая, а первая — основная редакція. Слѣдуя своему оригиналу болѣе точно, чѣмъ вторая редакція, она дополнила, начиная съ 1542 года, прерывавшійся въ основномъ сводѣ лѣтописный разсказъ заимствованіями изъ оффиціальной лѣтописи и довела ихъ до іюньскихъ событій 1558 г. Но часть 1534-1541 гг., въ противоположность редакціи 1556 г., оставлена безъ измѣненій и передана согласно основной редакціи. До насъ не дошло списковъ третьей редакціи, и мы можемъ возстановлять ее только по спискамъ четвертой и позднѣйшихъ редакцій.

18. Въ 1560 году составлена та редакція Львовской лѣтописи, которая дошла до насъ по изданію конца прошлаго вѣка [1]). Въ основаніе ея положенъ сводъ 1534 года, о которомъ мы говорили выше подъ № 7. Начиная съ 1534 года, и именно съ той же статьи, что и Никоновская лѣтопись 2-й редакціи (1556 г.), новая редакція Львовской лѣтописи дополнена по оффиціальной лѣтописи: дополненія доведены до февральскихъ событій 1560 года.

19. Вѣроятно, ко времени около 1577 года относится составленіе четвертой редакціи Никоновской лѣтописи. Въ основаніе ея положена третья редакція 1558 года, нѣсколько исправленная и измѣненная. Въ концѣ она дополнена отрывочными извѣстіями 1571, 1563, 1558, 1572 и 1577 гг. Имѣя въ виду, что позднѣйшее изъ этихъ извѣстій (походъ на Ливонію) относится къ 1577 г. и что послѣднимъ въ спискѣ митрополитовъ названъ Антоній (1572-1580), можно думать, что эта редакція составлена въ

1) Я не успѣлъ познакомиться съ Синод. рук. № 486, признанною г. Прѣсняковымъ (Царств. кн., 13) сходною, если не тожественною съ Львовскою лѣтописью.

1577-1580 г. Можетъ быть, списокъ Оболенскаго слѣдуетъ признать основнымъ или современнымъ спискомъ этой редакціи, если онъ писанъ въ XVI в., а не въ началѣ XVII вѣка, какъ полагали издатели IX т. П. С. Р. Л.

Въ этомъ перечнѣ сводовъ XVI в. приняты во вниманіе только тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь въ изслѣдованіи Тихомирова и въ моемъ разборѣ этого изслѣдованія. Оффиціальная лѣтопись, о которой мы говорили нѣсколько разъ, не помѣщена въ перечень потому, что совершенно неясно, когда именно она прекратилась и перешла ли она за 1567 годъ, дальше котораго мы не имѣемъ о ней свѣдѣній.

Этими немногими замѣчаніями и отрывочными указаніями я заканчиваю свой разборъ почтеннаго труда г. Тихомирова надъ московскими лѣтописными сводами. Мнѣ пришлось довольно много говорить о недостаткахъ его и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ вести параллельное изслѣдованіе для опроверженія его выводовъ. Но эти недостатки въ значительной степени зависятъ отъ трудности и даже запутанности самого предмета. Увѣренъ въ томъ, что послѣдующій изслѣдователь измѣнитъ весьма многое и въ предложенной мною попыткѣ объясненія происхожденія московскихъ сводовъ. Я былъ бы счастливъ, если бы она послужила достойнымъ продолженіемъ труда г. Тихомирова, пролившаго яркій свѣтъ на составъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ и обогатившаго наши знанія въ области литературной исторіи древнихъ нашихъ памятниковъ.

О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью.

(Изслѣдованіе И. Тихомирова, помѣщенное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1876 г., декабрь).

Въ лѣтописномъ сводѣ, изданномъ въ XV томѣ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей, г. Тихомировъ видитъ сборникъ, составленный въ 1534 году жителемъ ростовской области, говорящимъ о себѣ въ составленной имъ лѣтописи нѣсколько разъ въ первомъ лицѣ. Сборникъ этотъ, по мнѣнію изслѣдователя, можно раздѣлить на двѣ части: бо́льшую, первую половину занимаютъ выписки изъ разныхъ лѣтописей; другую, меньшую составляетъ собственно Тверская лѣтопись, обосложненная различными вставками. Указавъ на начитанность составителя разсматриваемаго сборника и подтвердивъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ его знакомство съ Патерикомъ и житіемъ Авраамія, ростовскаго чудотворца, г. Тихомировъ переходитъ къ опредѣленію лѣтописныхъ источниковъ, бывшихъ въ распоряженіи сводчика. Такими источниками, по указанію автора, были:

1) Софійскій временникъ, 2) Новгородскія лѣтописи, 3) Суздальская лѣтопись, 4) Южный сводъ лѣтописей, 5) сказанія, 6) Тверская лѣтопись, «самый главный источникъ Тверского сборника».

Сдѣлавъ нѣсколько любопытныхъ указаній на сознательное отношеніе компилятора къ своему труду, а также на самостоятельное отношеніе его къ хронологическимъ даннымъ своихъ источниковъ, г. Тихомировъ даетъ на с. 267 - 272 краткое обозрѣніе состава первой части Тверского сборника, т. е. той части его, которая оканчивается тамъ, гдѣ начинается собственно Тверская лѣтопись. Обозрѣніе это состоитъ, главнымъ образомъ, въ указаніи на тѣ извѣстія и сказанія, встрѣчающіяся въ этой части сборника, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Вслѣдъ за этимъ, г. Тихомировъ переходитъ къ главной части своей работы, къ разсмотрѣнію второй половины Тверского сборника, существенную часть которой составляетъ Тверская лѣтопись. Эта часть сборника начинается, по мнѣнію автора, съ 1285 года, а именно съ извѣстія о закладкѣ церкви св. Спаса на Твери; этимъ извѣстіемъ открывалась недошедшая до насъ Тверская лѣтопись, въ подтвержденіе чего авторомъ приводятся слѣдующія слова Костомарова: «Очевидно, слѣды ея (Тверской лѣтописи) существованія начинаются съ извѣстія о заложеніи Спаса въ Твери. По тогдашнимъ народнымъ понятіямъ, признакомъ самобытности этого края была первая главная соборная церковь; тогда же былъ поставленъ епископъ въ Твери. Отсюда идутъ лѣтописныя извѣстія въ послѣдовательной чередѣ». Со своей стороны г. Тихомировъ обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ извѣстіи Михаилъ Ярославичъ называется «благовѣрнымъ», мать его «благовѣрною», и что вышеприведенное извѣстіе есть первое о Твери. Во второй части сборника содержится не одна Тверская лѣтопись: въ ней встрѣчаются и цѣлыя сказанія, и житія, и лѣтописныя извѣстія, не принадлежащія Тверской лѣтописи, а взятыя изъ другихъ источниковъ. Несмотря на это, говоритъ авторъ, «лѣтопись должна все-таки назваться Тверскою по характеру извѣстій, по сочувствію къ тверскому княжескому дому, и, наконецъ, потому, что бо̀льшая часть извѣстій ея относится къ исторіи Тверского княжества». Переходя къ обозрѣнію этой второй части лѣтописнаго сборника, г. Тихомировъ сначала разбираетъ «сказанія (повѣсти и житія), вошедшія въ Тверской сборникъ, отдѣльность которыхъ несомнѣнна и неоспорима», а затѣмъ дѣлаетъ обзоръ погодныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ (с. 272 - 292). Сказаній, вошедшихъ въ Тверской сборникъ, указывается тринадцать, начиная со «Сказанія объ убіеніи Михаила Ярославича Тверского» и кончая «Сказаніемъ о нападеніи Эдигея». Погодныя извѣстія, занесенныя въ сборникъ, г. Тихомировъ разсматриваетъ въ связи съ вопросомъ о мѣстѣ ихъ происхожденія; между прочимъ здѣсь

указываются извѣстія ростовскія (обиліе ихъ, по словамъ автора, заставляетъ предполагать у составителя существованіе подъ руками ростовскихъ лѣтописей), нижегородскія, смоленскія, псковскія, одно владимирское (подъ 1410 годомъ) и весьма значительное число московскихъ: послѣднія составляютъ единственное содержаніе сборника, начиная съ 1487 года, такъ какъ, со времени паденія Твери (1486), тверскія извѣстія въ Тверскомъ сборникѣ прекращаются. Стр. 292 - 303 изслѣдованія г. Тихомирова посвящены разсмотрѣнію главнаго источника Тверского сборника — Тверской лѣтописи, начинающейся съ 1285 и оканчивающейся въ 1486 году. Хотя до насъ эта лѣтопись дошла въ соединеніи съ цѣлымъ рядомъ заимствованій изъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, тѣмъ не менѣе г. Тихомировъ пытается выдѣлить изъ Тверского сборника все то, что должно восходить къ предполагаемой имъ Тверской лѣтописи, обнимавшей время отъ 1285 до 1486 года. Сюда относятся: 1) извѣстія о тверскихъ событіяхъ, 2) извѣстія, относящіяся и до другихъ частей Россіи: Москвы, Новгорода и пр., «записанныя» тверичемъ «по слуху», 3) извѣстія о событіяхъ, случившихся за предѣлами Россіи (напр., о взятіи Константинополя турками). — Замѣчу теперь же, что мнѣ не ясно, на чемъ основано утвержденіе г. Тихомирова, что указанныя имъ не тверскія извѣстія попали въ сборникъ 1534 года изъ Тверской лѣтописи; мнѣ кажется, что извѣстіе 1391 года о митрополитѣ Кипріанѣ и Новгородцахъ, переданное въ Тверскомъ сборникѣ искаженно, могло попасть туда изъ одного изъ тѣхъ источниковъ, откуда заимствованы новгородскія, московскія и другія извѣстія, при чемъ подлинныя слова источника искажены самимъ составителемъ сборника. — На с. 303 - 308 г. Тихомировъ, давъ общую характеристику извѣстій Тверской лѣтописи, отмѣчаетъ свѣтскій характеръ этой лѣтописи и преданность ея составителей тверскому княжескому дому. Не соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ предисловіи къ XV тому П. С. Р. Л., о томъ, что лѣтопись эта составлена по повелѣнію великаго князя Бориса Александровича; указавъ при этомъ, что изъ словъ, на которыхъ основано мнѣніе издателей Тверского сборника, можно вывести лишь то, что по повелѣнію Бориса Александровича было написано житіе Михаила Александровича, вошедшее въ составъ Тверской лѣтописи, — авторъ говоритъ, что на Тверскую лѣтопись должно смотрѣть не какъ на произведеніе одного лица, а какъ на сборникъ, заключающій въ себѣ погодныя замѣтки о разныхъ событіяхъ, случившихся какъ въ предѣлахъ Тверского княжества, такъ и за его границами. Весьма любопытны слѣдующія за тѣмъ страницы, гдѣ авторъ указываетъ на важный интересъ Тверской лѣтописи, какъ памятника литературнаго и историческаго. Вѣроятно, по простому недосмотру на послѣдней, 308-й, страницѣ изслѣдованія приводится нѣсколько мѣстъ изъ

первой части сборника, въ доказательство высокаго интереса Тверской лѣтописи: но мы уже знаемъ, что г. Тихомировъ совершенно отдѣляетъ Тверскую лѣтопись, начинавшуюся съ 1285 года, отъ первой части сборника 1534 года [1]).

Изслѣдованіе г. Тихомирова представляетъ обстоятельное обозрѣніе лѣтописнаго сборника, изданнаго въ XV т. П. С. Р. Л., и даетъ прекрасную оцѣнку одного изъ источниковъ этого сборника — Тверской лѣтописи. Но кое-что въ его выводахъ и обобщеніяхъ кажется мнѣ не убѣдительнымъ: такъ, мнѣ не ясно, какъ понимаетъ г. Тихомировъ то обстоятельство, что указанные имъ въ началѣ своего изслѣдованія лѣтописные своды, какъ Софійскій временникъ или Новгородскія лѣтописи, отразились только на первой части Тверского сборника, не оказавъ прямого вліянія на вторую. Нахожу далѣе, что предложенное г. Тихомировымъ дѣленіе Тверского сборника на двѣ части, одну до 1285 года, а другую отъ этого года до конца, основывается только на томъ предположеніи, что съ 1285 года начиналась Тверская лѣтопись, главный источникъ второй части Тверского сборника: г. Тихомировъ указываетъ, что извѣстіе 1285 года есть первое о Твери; но нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что уже подъ 1254 годомъ князь Ярославъ Ярославичъ названъ Тверскимъ, подъ 1253 годомъ Тверь названа отчиною этого князя, а подъ 1276 говорится о пожарѣ въ Твери. Между тѣмъ изслѣдованіе автора дѣйствительно доказало, что въ Тверскомъ сборникѣ мы имѣемъ соединеніе двухъ различныхъ по характеру и составу лѣтописныхъ сводовъ, грань между которыми естественно обозначена въ самомъ текстѣ (см. ниже). Это обстоятельство, а также и то, что г. Тихомировымъ недостаточно выяснены литературные источники обѣихъ частей Тверского сборника, побуждаетъ меня нѣсколько подробнѣе остановиться на изслѣдованномъ имъ памятникѣ и самостоятельнымъ изученіемъ его провѣрить добытые авторомъ результаты.

Напомню еще разъ, что г. Тихомировъ пришелъ къ выводу о томъ, что Тверской сборникъ можно раздѣлить на двѣ части: бо́льшую, первую половину занимаютъ выписки изъ разныхъ лѣтописей; другую, меньшую,

1) Замѣчу кстати, что извѣстіе о времени написанія книги «Зерцало» въ болѣе исправномъ видѣ читается въ одной изъ дополнительныхъ замѣтокъ, находящихся на поляхъ Воскресенскаго списка Софійской 2-й лѣтописи (ср. Софійскій временникъ, изданный Строевымъ, т. I, с.   ). Это извѣстіе заимствовано изъ списка Филипповой Діоптры, что легко видѣть хотя бы изъ Оп. рук. Синод. библ. Горскаго и Невоструева.

занимаетъ собственно Тверская лѣтопись съ различными вставками. Вѣроятно, такой составъ памятника, по мнѣнію автора, свидѣтельствуетъ только о томъ, что собиратель, встрѣтившись, начиная съ 1285 года съ новымъ источникомъ—Тверскою лѣтописью, измѣнилъ свои прежніе пріемы работы, бросилъ свои прежніе источники и всецѣло занялся новымъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что въ Тверскомъ сборникѣ слѣдуетъ различать двѣ части, мнѣ кажется, что грань между первою и второю частью сборника не 1285 годъ, а то мѣсто сборника, на которое обратилъ свое вниманіе и г. Тихомировъ, давъ, однако, ему, какъ мнѣ теперь кажется, невѣрное толкованіе, на с. 271-272 своего изслѣдованія. «Послѣ 6763 (1255) г. въ сборникѣ находятся извѣстія о событіяхъ, относящихся ко времени отъ 6756 (чит. 6754)—6763 (отъ 1248 до 1255) гг. Эти извѣстія взяты изъ Ростовскихъ и Суздальскихъ лѣтописей за 6756 (чит. 6754)—6763 гг. и почти буквально сходны съ извѣстіями въ Суздальскомъ сводѣ лѣтописи по академическому списку». «Послѣ этого (т. е. 1255) года, читаемъ мы выше, сборникъ принимаетъ другой характеръ». Имѣя въ виду, что до этого года въ сборникѣ много извѣстій новгородскихъ, послѣ же 1255 г. начинаютъ преобладать извѣстія суздальскія и ростовскія, новгородскихъ же извѣстій сравнительно очень мало, при чемъ выписокъ изъ Новгор. лѣтописей совсѣмъ нѣтъ, г. Тихомировъ заключаетъ, что все это различіе сборника въ частяхъ до 1255 года и послѣ него объясняется тѣмъ, что Новгородскія лѣтописи, бывшія у составителя, оканчивались 1255 годомъ [1]). Но противъ подобнаго объясненія автора можно привести слѣдующее: 1) пока еще не доказано, чтобы какая-нибудь изъ новгородскихъ лѣтописей доходила только до 1255 года, оканчивалась этимъ годомъ; 2) до 1255 года въ Тверскомъ сборникѣ продолжаются выписки не изъ однѣхъ новгородскихъ лѣтописей; сравненіе Тверского сборника съ такъ называемою Львовскою не оставляетъ сомнѣнія въ томъ (какъ это я покажу ниже), что эти оба лѣтописные свода пользовались однимъ общимъ источникомъ, гдѣ находилась Повѣсть временныхъ лѣтъ и затѣмъ далѣе выписки изъ южнорусскихъ лѣтописей, переходившія со второй половины XII вѣка въ выписки изъ лѣтописей суздальскихъ. Сходство между Тверскимъ сборникомъ и Львовскою лѣтописью продолжается только до 1255 года; это видно хотя бы изъ того, что извѣстія Тверского сборника, слѣдующія за этимъ годомъ (относящіяся, какъ мы видѣли, къ 1247-му и слѣдующимъ годамъ), и повторяющія частью изложенныя выше извѣстія, читаются въ Тверскомъ сборникѣ совершенно иначе, чѣмъ во Львовской лѣтописи. Въ части до 1255 года, если взять, напр., изложеніе въ ней событій 1246-1255 гг., найдемъ, что

1) Выводъ Тихомирова повторилъ и я въ своей статьѣ «О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ»; вижу теперь только, въ чемъ состояла наша ошибка.

все то, что въ Тверской лѣтописи не восходитъ къ Новгородской лѣтописи, настолько сходно со Львовскою, что предполагаетъ одинъ общій съ нею оригиналъ [1]). Напротивъ, въ слѣдующемъ за 1255 годомъ лѣтописномъ разсказѣ Тверского сборника сравненіе части отъ 1247 до 1255 покажетъ значительныя отличія между Тверскимъ сборникомъ и Львовской лѣтописью [2]). Дальнѣйшее сопоставленіе Львовской и второй части Тверского сборника убѣдительно доказываетъ, что составитель этой части не пользовался тѣмъ источникомъ — протографомъ Львовской лѣтописи, который легъ въ основаніе первой части сборника. Слѣдовательно, 1255 годъ это грань, послѣ которой въ Тверскомъ сборникѣ, на смѣну не только Новгородской лѣтописи, но и другой (протографа Львовской), являются другіе источники. 3) Г. Тихомировъ доказалъ, что въ составителѣ свода 1534 г. мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ и очень умѣлымъ компиляторомъ, нерѣдко указывающимъ свои источники и останавливающимся на встрѣчаемыхъ въ нихъ разнорѣчіяхъ. Врядъ ли возможно допустить, чтобы осторожный сводчикъ, написавшій даже небольшое изслѣдованіе, добиваясь точныхъ данныхъ о томъ, сколько лѣтъ епископствовалъ въ Новгородѣ Лука (см. подъ 6568 годомъ), — допустилъ въ своей работѣ такой грубый промахъ, какъ повтореніе послѣ 1255 года уже разсказанныхъ передъ этимъ извѣстій.—Въ виду всего этого, я думаю, что мы имѣемъ въ Тверскомъ сборникѣ соединеніе двухъ лѣтописныхъ сводовъ: первый сохранился въ части до 1255 года, второй въ слѣдующей затѣмъ части. Не думаю, чтобы соединеніе это произошло механически и несознательно: мы укажемъ ниже нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что составитель сборника, переписывая первый сводъ, вставлялъ въ него извѣстія и нѣкоторыя подробности изъ второго свода; слѣдовательно, составляя первую часть сборника, онъ уже имѣлъ въ виду и вторую. Эта вторая часть, гдѣ

---

1) Только подъ 1251 годомъ въ Тверскомъ сборникѣ опущено, сравнительно со Львовскою лѣтописью, извѣстіе о поѣздкѣ Глѣба Васильевича на Бѣлое озеро. Кромѣ того, въ Тверскомъ сборникѣ, подъ 1246 и 1253 гг., къ имени Святослава Всеволодовича прибавлено «нареченный Гаврило»; подъ 1246 годомъ къ имени Ивана Всеволодовича прибавлено «Стародубьскый», а подъ 1249 г., къ имени Владиміра Константиновича прибавлено «Углецкій». Наконецъ, подъ 1246 г., при 30 сентября находимъ ближайшее опредѣленіе: «на память святаго священномученика Григоріа Великіа Арменіа», а подъ 1253 годомъ, при 3 февраля: «на память святаго Богопріемца Симіона».

2) Такъ, подъ 1246 въ Льв., сравнительно съ Твер., отсутствуютъ благочестивыя размышленія по поводу смерти Ярослава Всеволодовича; далѣе въ Льв. нѣтъ подъ 1247 г. извѣстія о прибытіи Александра во Владиміръ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ дядею и братіею оплакивалъ смерть отца; извѣстія 1248, 1249, 1250, 1255 гг. въ Тверск. лѣтописи читаются сокращенно, сравнительно какъ съ Львовской лѣтописью, такъ и съ I-ю частью Тверского сборника. Подъ 1254 читаемъ въ Тверской лѣтописи, что Ярославъ Ярославичъ Тверской поѣхалъ въ Ладогу; между тѣмъ въ Львовской и въ первой части Тверского сборника подъ 1253 говорится, что Ярославъ, бросивъ свою отчину Тверь, отправился во Псковъ, гдѣ сѣлъ на столѣ.

заключаются тверскія извѣстія, и представляется главною частью сборника: она, какъ мы видѣли, начинается съ 1246 года, при чемъ, по замѣчанію г. Тихомирова, многія извѣстія ея почти буквально сходны съ извѣстіями Суздальскаго свода лѣтописи по Академическому списку. Это сходство, конечно, не случайное, и несомнѣнно оно можетъ быть поставлено въ связь съ слѣдующей общей чертой указаннаго Академическаго списка и Тверского сборника. Подобно тому какъ Тверской сборникъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая доходитъ до середины XIII вѣка и представляетъ выписки изъ обширнаго лѣтописнаго свода съ обстоятельными извѣстіями и длинными статьями, между тѣмъ какъ вторая часть содержитъ краткія, отрывочныя данныя, такъ же точно Академическій списокъ въ первой части своей до 1240 г. заключаетъ сначала обширный суздальскій сводъ 1206 г., потомъ обстоятельныя выписки изъ Софійской 1-й лѣтописи (1205 - 1239), а во второй части отъ 1240 г.—краткія и отрывочныя извѣстія, при томъ частью буквально тожественныя съ Тверскимъ сборникомъ, какъ это видно изъ подстрочнаго примѣчанія [1]). Очевидно, оба сводчика—составитель Тверского сборника и составитель Академическаго списка по какой-нибудь общей причинѣ не сочли возможнымъ передать начало какого-то общаго лѣтописнаго свода, помѣщеннаго ими поэтому лишь во второй части своихъ сборниковъ. Выше, въ главѣ II моего разбора труда г. Тихомирова, посвященнаго московскимъ сводамъ, было указано, что вторая часть Академическаго списка представляетъ сокращенный ростовскій сводъ 1419 года. Послѣ всего вышесказаннаго мы, думаю, въ правѣ заключить, что и во второй части Тверского сборника содержится тотъ же памятникъ. Но въ XV вѣкѣ, когда составленъ Академическій списокъ, Ростовскій сводъ былъ еще извѣстенъ въ отдѣльномъ видѣ, безъ продолженій; въ серединѣ или даже концѣ XVI вѣка, когда составился Тверской сборникъ, списокъ съ Ростовскаго свода, попавшійся составителю сборника, соединилъ его съ позднѣйшими лѣтописными извѣстіями, заимствованными изъ другого свода. Кромѣ того, самимъ составителемъ Тверского сборника онъ слитъ еще съ другимъ источникомъ сборника — Тверскою лѣтописью, изъ которой заим-

---

1) Подъ 1248 г. въ Твер. сб. и Акад. сп.: Женися (оженился) Борись Василковичь у Муромского Ярослава, ср. 1-ю часть Твер. сб. и Лавр. сп., гдѣ читаемъ: Женися (оженися) князь Борисъ Василковичь Ростовскій (Борисъ князь Василковичь) у Ярослава у Муромьского князя. Подъ 1249 въ Твер. сб. и Акад. сп.: Преставися Володимеръ Костантиновичь Углеческый. Подъ 1261: Родися Олександру сынъ Данило. Подъ 1254: Ярославъ Ярославичь Тверскый поѣха въ Ладогу (а въ 1-й части подъ этимъ годомъ говорится, что онъ поѣхалъ во Псковъ). Подъ 1277: Преставися князь Борисъ Василковичь въ Татарѣхъ. Подъ 1278: Пріидоша князи изъ Татаръ, побѣдивъ Ясы. Подъ 1280 и 1282: Ходи Игнатіс епископъ 2-е въ Орду за причетъ церковный. Подъ 1283: Того же лѣта князь великій Дмитрей пріиде отъ Ногуя. Подъ 1361: Убиша царя Хидаря (Ходыря). Тогда же ограбиша князей Ростовскыхъ въ Ордѣ, и пустиша ихъ (п҃) нагихъ, и мн. др.

ствованъ рядъ извѣстій XV в. о Твери и событіяхъ Тверской области. Ниже я попытаюсь доказать, что эти извѣстія примыкали къ историческому памятнику, нашедшему себѣ мѣсто въ Тверскомъ сборникѣ—къ тѣмъ статьямъ его, которыя г. Тихомировъ признаетъ отрывками изъ житія великаго князя Михаила Александровича и которымъ въ Тверскомъ сборникѣ предшествуетъ предисловіе съ заглавіемъ: «Предисловіе лѣтописца княженіа Тферскаго благовѣрныхъ великыхъ князей Тферьскыхъ».

Такимъ образомъ, въ Тверскомъ сборникѣ подлежатъ изслѣдованію: во-первыхъ, тотъ лѣтописный сводъ, который положенъ въ основаніе свода и списанъ въ первой части свода до 1255 года включительно; во-вторыхъ, тѣ два свода, которые послужили данными при составленіи второй части сборника, а именно Ростовскій сводъ 1419 года съ позднѣйшими къ нему лѣтописными прибавленіями и Лѣтописецъ княженія Тферскаго. Но прежде всего изслѣдователь долженъ остановиться на изученіи самого Тверского сборника, какъ литературнаго памятника, опредѣливъ время его составленія и задачу, которую преслѣдовалъ составитель. Особый интересъ къ исторіи Твери, обнаруживаемый составителемъ сборника, заставляетъ предполагать въ составителѣ (всего) сборника Тверича: такъ, начиная съ XIV вѣка въ сборникѣ преобладаютъ Тверскія извѣстія, при чемъ нѣкоторыя прямо указываютъ на тверскіе источники; подъ 1399 г. помѣщены Предисловіе лѣтописца княженія Тферскаго и рядъ обширныхъ статей историческаго содержанія, относящихся къ Твери; въ XV вѣкѣ находимъ много спеціально тверскихъ извѣстій о построеніи храмовъ, городскихъ пожарахъ и другихъ бѣдствіяхъ, испытанныхъ Тверью; наконецъ, въ концѣ сборника помѣщено краткое родословіе тверскихъ князей отъ Рюрика (доходитъ до Михаила Борисовича) [1]. Составленіе сборника относится къ серединѣ или даже къ концу XVI вѣка: это видно изъ того, что въ первой части его содержится часть свода, составленнаго, какъ увидимъ ниже, въ 1534 году. Задавшись цѣлью составить Тверской историческій сборникъ, сводчикъ остановился на Ростовскомъ сводѣ 1419 г. (въ позднѣйшей редакціи), въ которомъ было весьма много тверскихъ извѣстій и статей тверского происхожденія. Но начало свода не соотвѣтствовало желанію сводчика связать позднѣйшую исторію Твери съ древнѣйшими судьбами Руси: начало этого свода, какъ мы видимъ изъ Лѣтописи Аврамки (и сходныхъ съ нею — рукописи Кирилло-бѣлозерской № 154 и Супрасльской, изданной кн. Оболенскимъ) [2], со-

1) Это родословіе въ началѣ содержитъ краткій генеалогическій перечень московскихъ князей, оканчивающійся сыновьями Ивана Васильевича III (иванъ роди ивана да василья, да юрья. да дмитреа да семена да андреа); за симъ непосредственно: роди (подразумѣвается Всеволодъ) ярослава. и ярославъ роди ярослава и т. д. (тверскіе князья).

2) Протографъ этихъ лѣтописей, какъ указано выше, въ предыдущемъ разборѣ, соединилъ ростовскій сводъ съ Новгородской 4-й лѣтописью.

держало краткія, отрывочныя данныя объ историческихъ событіяхъ: призваніе князей, крещеніе Руси, нашествіе Батыя—все это изложено необстоятельно и безцвѣтно. Вотъ почему составитель Тверского сборника рѣшился замѣнить начало Ростовскаго свода другимъ памятникомъ — сводомъ 1534 года; онъ хотѣлъ списать его до того мѣста, откуда Ростовскій сводъ представлялъ уже болѣе полную лѣтописную сѣть, т. е. до 1246 года, но, увлекшись работой, онъ списалъ его до 1255 года и былъ принужденъ повторить по Ростовскому своду нѣсколько уже записанныхъ извѣстій 1246 - 1255 гг. Впрочемъ, мы еще разъ, въ концѣ настоящаго изслѣдованія, вернемся къ редакторской работѣ составителя Тверского сборника, а теперь остановимся на вопросѣ о составныхъ частяхъ его.

Въ первой части сборника, помѣщено начало свода 1534 года. Этотъ сводъ составленъ ростовскимъ жителемъ въ 7042 (1534) году, что видно изъ двухъ мѣстъ этого памятника [1]). Онъ былъ доведенъ до вступленія на столъ Ивана IV Василіевича и матери его Елены, что видно изъ окончанія статьи, соотвѣтствующей предисловію Софійскаго временника (с. 28 изданія): «сіа же и таковаа вся оставльше, кь преждеупомянутѣй повѣсти възвратимся. Отъ начала Русскіа земля до княженіа великаго князя Ивана Василіевича... сущу ему трею лѣтъ отъ рода, мати же его Елена, девятый же надесять отъ Рюрика, прьваго князя Русскаго». О начитанности и внимательности компилятора обстоятельно говоритъ г. Тихомировъ: но странно, что онъ не обратилъ вниманія на то, что этому ростовскому жителю временъ правленія Елены Глинской можно приписать только первую часть Тверского сборника. Вторая часть обнаруживаетъ совершенно иные литературные источники, чѣмъ первая: это указаніе принадлежитъ самому г. Тихомирову. Въ ней замѣчаются иные редакторскіе пріемы: такъ, въ первой части мы совсѣмъ не находимъ пустыхъ годовъ; послѣ 6429 г. слѣдуетъ непосредственно 6437 г.; послѣ 6455 г. видимъ 6463 г. и т. д.; во второй части и притомъ, начиная уже съ пятидесятыхъ годовъ XIII ст., вставлены пустые года для того, чтобы хронологическая сѣть шла непрерывно: такъ, между лѣтописными разсказами 6764 и 6766 гг. вставленъ пустой 6765-й г.; далѣе находимъ пустыми 6768, 6773, 6775, 6787 гг. и т. д. Въ первой части личность сводчика нерѣдко проявляется въ отступленіяхъ личнаго свойства; сводчикъ говоритъ о себѣ подъ 988, 1019, 1196, 1239 гг.; во второй части сборника, т. е. съ 1255 года, мы уже не встрѣчаемъ личности этого сводчика.

---

1) Подъ 988 г. читаемъ: нынѣ же азъ началъ преписывати сіе въ лѣто 7042. Подъ 1239 г., описавъ разореніе Переяславля, составитель свода говоритъ: отъ того до нынѣ безъ пяти лѣтъ 300 лѣтъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно указать и на одно возраженіе въ пользу того, что обѣ части Тверского сборника составлены однимъ лицомъ, однимъ собирателемъ. Въ обѣихъ частяхъ видимъ заимствованія изъ одного общаго источника—Ростовскаго свода. Выше мы указали основанія для утвержденія, что во второй части сборника содержится текстъ, извлеченный изъ указаннаго свода. Остановимся теперь на нѣсколькихъ мѣстахъ первой части сборника, изъ которыхъ ясно, что и въ ней есть данныя, восходящія къ Ростовскому своду. Въ началѣ этого свода 1419 г. помѣщались нѣкоторыя хронографическія статьи, а также хронологическія выкладки, генеалогическія росписи и др. Это видно изъ того, что такія статьи предшествуютъ Лѣтописи Аврамки и сопровождаютъ лѣтопись по Синод. рпси № 154, которыя, какъ мы видѣли, содержатъ начало Ростовскаго свода 1419 г. Вотъ почему мнѣ представляется вѣроятнымъ, что краткій хронографъ и родословныя таблицы, находящіяся въ началѣ Тверского сборника, восходятъ къ общему съ Лѣтописью Аврамки и Синод. № 154 источнику, т. е. къ Ростовскому своду. Какъ въ Тверскомъ сборникѣ за статьею, гдѣ вычисляются роды отъ Адама до Христа (с. 2: «въ купѣ же отъ Адама до потопа родовъ 10»...), слѣдуетъ статья «О пророцѣхъ» и сказаніе о рожденіи Іисуса Христа, такъ и въ Синод. № 154 за первыми двумя статьями, тожественными со статьями Тверского сборника, слѣдуетъ «Сказаніе роженія Господня» [1]), значительно, впрочемъ, отличающееся отъ соотвѣтствующаго сказанія Тверского сборника. Весьма сходны также извѣстія о вселенскихъ соборахъ въ Тверскомъ сборникѣ, съ одной стороны, въ Лѣтописяхъ Аврамки и Синод. № 154, съ другой, при чемъ, однако, двѣ особыя редакціи этихъ извѣстій ясно выступаютъ, хотя бы на основаніи указываемаго въ нихъ числа лѣтъ между соборами [2]). Конецъ хронографовъ въ этихъ памятникахъ почти тожественъ: какъ въ Тверскомъ сборникѣ, такъ и въ Лѣтописи Аврамки и Синод. № 154 приводится число лѣтъ отъ седьмого собора до переложенія книгъ на Славянскій языкъ, а отъ этого событія до крещенія Руси. «Купно же отъ Адама до крещенія Руского лѣтъ 6496» — вотъ окончаніе хронографа въ Тверскомъ сборникѣ; словами: «всихъ же лѣтъ отъ Адама до крещенія Рускаго лѣтъ 6469 (sic)» оканчивается хронографъ въ Лѣтописи Аврамки и Синод. № 154. Въ этой послѣдней рукописи, вслѣдъ за окончаніемъ (не сохранившимся) Псковской 2-й лѣтописи, слѣдуютъ статьи [3]), содержащія въ себѣ родословныя таб-

1) Въ лѣтописи Аврамки первая статья значительно расширена родословіемъ Спасителя (с. 29, со словъ: «Авраамъ же роди Исаака»).

2) По Тверскому сб. между первымъ и вторымъ соборомъ прошло 60 лѣтъ, а по лѣтописи Аврамки 52 года и т. д.

3) Любопытно, что въ Новгородской 1-й лѣт. родословіе доведено до Василія Дмитріевича, въ лѣтописи Аврамки указанъ уже сынъ Василія Васильевича — Иванъ, а въ Синод.

лицы русскихъ князей, таблицу, сколько княжилъ каждый изъ великихъ князей, краткую лѣтопись, начинающуюся съ основанія Владиміра Залѣсскаго, статью: «А се по святѣмь крещеніи и княженіи кіевстѣмъ», перечисленіе русскихъ митрополитовъ, новгородскихъ епископовъ и князей новгородскихъ. Эти же статьи читаются въ концѣ рукописи, гдѣ помѣщена Лѣтопись Аврамки, а также въ началѣ Коммиссіоннаго списка Новгородской 1-й лѣтописи (ср. въ изданіи Арх. ком., с. 431-438; 443-446 и 439-441)[1]. Краткая лѣтопись весьма сходна съ тою лѣтописью, которая, подъ заглавіемъ «Сказаніе о вѣрныхъ святыхъ князьяхъ русскихъ», читается передъ Лѣтописцемъ Литовскимъ, изданнымъ Даниловичемъ[2]. Этотъ Лѣтописецъ составленъ на основаніи Софійской 1-й лѣтописи, существенная часть которой, черезъ посредство Новгородской 4-й лѣтописи, восходитъ, какъ мы видѣли, къ Ростовскому своду 1419 года: слѣдовательно, и указанное «Сказаніе» можетъ восходить къ тому же своду. Вотъ почему я нахожу возможнымъ возводить статьи Тверского сборника, помѣщенныя за хронографомъ, къ тому же Ростовскому своду[3]. Такъ, статья, начинающаяся со словъ: «А Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ 17 лѣтъ», соотвѣтствуетъ статьѣ, озаглавленной въ названныхъ выше памятникахъ: «А се кто колко есть лѣтъ княжилъ» (въ Тверскомъ сборникѣ она оканчивается Василіемъ Ивановичемъ, а въ другихъ Дмитріемъ Донскимъ). Слѣдующая статья Тверского сборника озаглавлена: «Сице славятся русьстіи князи» и соотвѣтствуетъ статьѣ, озаглавленной въ Новгородской 1-й лѣтописи: «Сице родословятся велицѣи князи русьстіи» (въ Тверскомъ сборникѣ она оканчивается сыновьями Василія Ивановича, о другихъ памятникахъ см. прим. на с. 201). Изъ краткой лѣтописи, не помѣщенной въ Тверской сборникъ, внесено составителемъ сборника въ текстъ свода 1534 года указаніе на то, что Марія, жена Всеволода Юрьевича, была дочерью «Швар-

---

№ 154 перечислены почти всѣ сыновья Василія Васильевича: Иванъ, Андрей-Горяй (sic), Борисъ, Юрій. Краткая лѣтопись въ Новгор. 1-й и въ лѣтописи Аврамки оканчивается извѣстіемъ о прибытіи митроп. Петра въ 1316 г., помѣщеннымъ вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти старшаго сына Василія Дмитріевича — Ивана (1417 г.). Синод. № 154 не помѣщаетъ этихъ двухъ послѣднихъ извѣстій. Перечень новгородскихъ епископовъ въ Новгор. 1-й и въ лѣтоп. Аврамки оканчивается смертью Симеона (1421 г.), въ Синод. № 154 послѣдними названы Іона и Θеофилъ, «его же сведе съ Новагорода на Москву князь великій Иванъ Василіевичъ. И потомъ прислалъ своего епископа Сергія» (1483 г.).

1) Начало ихъ, за утратой нѣсколькихъ листовъ рукописи, не сохранилось; родословныя таблицы начинаются со словъ: «Иванъ, Борисъ, Семенъ, Александръ, Аѳонасій».

2) Lietopisiec Litwy: Kronika Ruska, Ign. Danilowicza, Wiln. 1827. Ср. также рукопись, изданную г. Бѣлокуровымъ: «Русскія лѣтописи I—II». М. 1898 г., с. 18 и сл.

3) Вѣскимъ подтвержденіемъ такому предположенію служитъ то, что общія всѣмъ разсматриваемымъ памятникамъ данныя этихъ статей указываютъ именно на то время (1419 г.), когда составленъ Ростовскій сводъ: родословіе оканчивалось сыновьями Вас. Дм.; послѣднее извѣстіе краткой лѣтописи — смерть Ивана Васильевича 1417 г.

пова Ческаго» (ср. Твер. сб. подъ 1205 г., с. 301): ср. въ краткой лѣтописи: «а княгиня его (Всеволода) Марія Всеволодовна Шварновна, дщи князя Чешьскаго» (Новг. 1-я, лѣт. Аврамки, Синод. № 154) [1]. Изъ той же краткой лѣтописи (въ ея первоначальной, болѣе полной редакціи) въ повѣсть объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, по своду 1534 г., внесены редакторомъ Тверского сборника подробности, изъ которыхъ видно, что виновницей убіенія была его жена — Болгарка, что Кучковичи мстили Андрею за убійство одного изъ братьевъ, что убійцы пошли пьяные въ Боголюбскій монастырь, при чемъ здѣсь, въ Тверскомъ сборникѣ, подробно говорится о любви князя къ этому монастырю, а также объ уединенныхъ путешествіяхъ князя къ св. Спасу на Купалищѣ. Что все это могло содержаться въ указанной краткой лѣтописи Ростовскаго свода, видно, напр., изъ того, что фраза, читаемая въ Тверскомъ сборникѣ и относящаяся къ княгинѣ Андреевой: «бѣ бо болгарка родомъ, и дрьжаше къ нему злую мысль» почти дословно повторяется въ Сказаніи о русскихъ князьяхъ по Лѣтописцу Даниловича: A kniahini jeho bolharyni, deržiasze k nemu zluyu mijsl' (с. 78); на то же обстоятельство указываетъ и то, что въ краткой лѣтописи и по той редакціи, которая сохранилась въ Лѣтописи Аврамки, Новгородской 1-й и Синод. № 154, говорится о мести Всеволода Юрьевича надъ убійцами брата («Кучковичи поималъ, и в коробы саждая, въ озерѣ истопилъ»): изъ этого видно, что въ той же лѣтописи могли передаваться подробности объ убіеніи Андрея. — Кромѣ указанныхъ здѣсь мѣстъ, къ Ростовскому своду 1419 г. съ продолженіями можетъ восходить еще нѣсколько данныхъ, встрѣчающихся въ первой части Тверского сборника. Такъ, напр., подъ 991 г. читаемъ о поставленіи въ Ростовѣ первымъ епископомъ Өедоромъ дубовой церкви Успенія Богородицы и о крещеніи Ростовской области; выше, подъ тѣмъ же годомъ говорится о поставленіи Өедора архіепископомъ Ростову. Что эти извѣстія попали въ сводъ 1534 г. изъ одного общаго источника, а именно, вѣроятно, изъ Ростовскаго свода 1419 г. съ продолженіями, видно изъ того, что они находятся и въ Воскресенской лѣтописи (VII, 313) подъ тѣмъ же годомъ, при чемъ при первомъ изъ приведенныхъ извѣстій указывается и на то, сколько времени стояла церковь до пожара, истребившаго ее, а также перечисляются епископы, служившіе въ ней за это время. Связь этого мѣста Воскресенской лѣтописи съ разсказомъ Тверского сборника подъ 1408 г., гдѣ, по поводу Ростовскаго пожара этого года, приводится почти дословно статья 991 г. («а въ прежнее лѣто 499 стоала тутъ церковь дубовая»...), ясно указываетъ на то, что оно восходитъ къ Ростовскому своду. Отсюда

1) Въ лѣтописцѣ Даниловича: A kniahini jeho Marja, diwa Orjewa (вм. szwarnowa?) dszczi czeskoho kniazia (с. 78).

неизбѣженъ выводъ, что Ростовскимъ сводомъ пользовался и составитель Воскресенской лѣтописи. Это обстоятельство объяснитъ намъ рядъ общихъ мѣстъ между первой частью Тверского сборника и Воскресенской лѣтописью: всѣ они восходятъ къ общему источнику — Ростовскому своду [1]).

Другимъ источникомъ свода 1534 года была, по указанію г. Тихомирова, Новгор. 1-я лѣтопись и при томъ въ редакціи близкой не къ Комиссіонному, а къ Академическому или Толстовскому спискамъ этой лѣтописи.

Третьимъ источникомъ названа Суздальская лѣтопись: названіе это неточно и ведетъ къ недоразумѣніямъ. Мнѣ кажется, что суздальскія извѣстія свода 1534 года восходятъ къ двумъ источникамъ: во-первыхъ, къ разсмотрѣнному выше Ростовскому своду; мы указывали выше на нѣсколько мѣстъ, заимствованныхъ именно изъ него; во-вторыхъ, къ какому-то не дошедшему до насъ лѣтописному своду, бывшему главнымъ и основнымъ источникомъ Львовской лѣтописи. Мы видѣли въ предшествующемъ разборѣ, что лѣтопись эта подвергалась нѣсколькимъ редакціямъ: первая изъ нихъ составлена въ 1518 году, вторая въ 1534-мъ и, наконецъ, одна изъ позднѣйшихъ редакцій относится къ 1560 году. Думаю, что составитель свода 1534 г. пользовался самою Льв. лѣтописью (а не только основнымъ ея источникомъ), въ редакціи 1518 года. Только этимъ можно объяснить, почему сравнительное изученіе Тверского сборника и Львовской лѣтописи открываетъ цѣлый рядъ общихъ между ними мѣстъ, рѣзко отличающихъ ихъ отъ большинства другихъ извѣстныхъ намъ лѣтописей. Такъ, подъ 862 годомъ, только въ Тверской и Львовской при имени Варяговъ читаемъ слѣдующее толкованіе: «въсташа... (воевали) на Варягы, рекше на Нѣмцы (спрѣчь на Нѣмцевъ»). Подъ 866 г., въ разсказѣ, восходящемъ въ хроникѣ продолжателя Амартола, о нападеніи Руси на Царьградъ, только въ Тверской и Львовской читаемъ вставку: «Орифанта въ Константинѣ градѣ остави». Подъ 907 г., слова «Греци замкоша Съсудъ» объясняются слѣдующимъ образомъ: «спрѣчь пропяша чѣпь, протяженную отъ Галаты до Лахерньскіа церкви»; въ Львовской мы читаемъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: «содѣлаша цѣпь отъ Влахернскія церкви». Подъ 1060 годомъ, послѣ извѣстія о смерти Игоря Ярославича, въ обѣихъ лѣтописяхъ, вопреки всѣмъ остальнымъ [2]) (ср. Тихомировъ, с. 268): «и раздѣлиша Ярославичи Смоленескь

1) Такъ, подъ 992 годомъ помѣщено заглавіе «О Бѣлгородѣ, иже близъ Кіева» (XV, 115 и VII, 314); въ разсказѣ 1015 г. послѣ словъ: «Ярославъ же съвкупая воа» вставлено въ Тверск. сб.: «а Глѣбу идущу къ Кіеву и ставшу, яко же выше рѣхъ, на Смядынѣ, и вѣсть присла къ нему Ярославь о отчи смерти и братни убіеніи» (XV, 135); ср. подобную же вставку въ Воскр., но нѣсколько выше (VII, 324): «и тогда посла вѣсть и Глѣбу Ярославъ, яко же писахомъ».

2) Въ Соф. 1-ой это извѣстіе ошибочно читается подъ 1054 годомъ послѣ извѣстія о смерти Ярослава.

себѣ на три части». Подъ 1095 г., весь длинный разсказъ объ убійствѣ Итларя и Китана (ср. Лавр., Воскр. и др.) замѣненъ въ Тверской словами: «и поби ихъ Володимирь и всю дружину ихъ», а во Львовской: «онъ же поби дружину ихъ». Подъ 1096 г. (въ концѣ его), въ Тверской и Львовской читаемъ: «а Олегъ иде (пойде) кь Смоленску, и оттуду (тамо) смирися з братіею»; этихъ словъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ. Подъ 1138 г., только въ Тверской и Львовской указано, что Вячеславъ сидѣлъ въ Кіевѣ десять дней[1]). Подъ 1146 г., въ Тверской и Львовской читаемъ между прочимъ: «а Святославь пріиде въ Колтескь (Полтескъ) городъ, и ту (тудѣ) присла ему Юрій Долгорукій (Юрья) изъ Суждаля (въ Львовской нѣтъ) помочь, 1000 бронникъ»; сходно съ этимъ читается въ Воскресенской, а въ Ипатьевской лѣтописи въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: «пришедшю же Святославу в Полтескъ городокъ, и ту присла ему Гюргий в помочь тысячю бренидьецъ (бернистецъ) дружины Бѣлозерьское». Подъ 1047 г., въ Тверской и Львовской: «Юріи взя (взялъ) Новый Торгъ и Мьсту повоева», ср. въ Ипатьевской (и Воскресенской): «иде Гюрги воевать Новгорочкой волости, и пришедъ взя Новый Торгъ и Мьсту всю взя». Подъ 1149 г., въ Тверской и Львовской «Романъ Ростиславичь женился у Святослава Ольговича»[2]), ср. въ Ипатьевской (и Воскресенской): «в то же время Ростиславъ Смоленьский проси дчери у Святослава у Ольговича за Романа». Подъ 1166 годомъ, въ Тверской и Львовской: «Олегь Святославичь поби Кобяка съ Половцы», ср. въ Ипатьевской «Том же лѣтѣ (1167) бися Олегъ Святославичь с Бонякомъ (въ Воскр.: съ Кобякомъ) и побѣди Олегъ Половцы». Подъ 1176 г., только въ Тверской и Львовской находимъ извѣстіе, существенно дополняющее разсказъ суздальскихъ лѣтописей о борьбѣ Юрьевичей съ Ростиславичами: «си же бысть побѣда на Дубровици, у Яхробола (Яхобола), въ недѣльный день, іюня 15 (въ недѣлю 15 іюля)». Подъ 1177 годомъ, при извѣстіи о томъ, что Михаилъ посадилъ брата своего Всеволода на столѣ въ Переяславлѣ, въ Тверской и Львовской прибавлено: «иже на Клѣщинѣ озерѣ»[3]). Подъ 1185 г., въ словахъ, читаемыхъ въ Лаврентьевской и сходныхъ съ нею лѣтописяхъ и обращенныхъ въ видѣ воззванія къ епископу ростовскому Лукѣ: «молися за порученое тобѣ стадо, за люди хрестьянскыя, за князя и за землю Ростовьскую, иже взирающе»..., слово «молися» измѣнено Тверскою и Львовскою лѣтописями въ моляся (моля), къ слову «князя» прибавлено Всеволода (Львовская, а въ Тверской: за великого князя Всеволода), наконецъ, вмѣсто фразы, стоящей послѣ слова «Ростовьскую», въ обѣихъ этихъ лѣтописяхъ находимъ: «яко добрый

1) Впрочемъ, въ Никоновской та же вставка, но вм. десяти — двадесять дней.
2) Вь Никоновской сходно съ этимъ.
3) Ту же вставку находимъ въ Никоновской лѣтописи.

учитель». Подъ 1193 годомъ только въ Тверской и Львовской читаемъ: «бысть на небеси знаменіе страшно, учинися небо аки кроваво, до Юріевскіа рати за 14 лѣтъ». Подъ 1197 годомъ днемъ принесенія гробовой доски св. мученика Димитрія Солунскаго названо 11 января (въ Лавр. и др. 10 января). Подъ 1199 днемъ пожара во Владимирѣ названо 21 іюня (въ Лавр. 25 іюля). Подъ 1224 годомъ только въ Львовской и Тверской явленіе кометы описано въ слѣдующихъ словахъ: «явися звѣзда на западѣ, луча отъ нея копейнымъ образомъ, юже зовяху человѣци хвостата». Подъ 1241 г., вмѣсто словъ «би ихъ подъ Жижичемъ (Жижчемъ)», въ Тверской и Львовской одинаково читаемъ: «погони по нихъ (по нихъ гналъ) до Жижина». Подъ 1246 годомъ въ обѣихъ лѣтописяхъ читается извѣстная повѣсть объ убіеніи Батыя; мы находимъ ее и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ (напр. въ Никоновской и Воскресенской лѣтописяхъ); но редакція повѣсти въ Львовской и Тверской отличается отъ редакціи ея въ этихъ другихъ сводахъ; такъ, вмѣсто довольно длиннаго отрывка о крещеніи Угровъ, отпаденіи ихъ въ латинство, присоединеніи Власлава къ православію, пребываніи Саввы у него въ теченіе пяти мѣсяцевъ и т. д., мы читаемъ здѣсь только: «бѣ же и крещеніе пріялъ (пріяша) отъ архыепископа Савы Сербьскаго, дрьжаше (и держаху) вѣру христіанскую и священника втайнѣ»; такъ, мы не находимъ здѣсь обычнаго окончанія повѣсти, обрывающейся словами: «еже есть и до сего дне тако».— Можно было бы въ значительной степени увеличить число примѣровъ совпаденія Тверской и Львовской лѣтописей тѣмъ болѣе, что лѣтописный разсказъ Львовской въ цѣломъ рядѣ годовъ почти вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ Тверской, если исключить изъ послѣдней извѣстія новгородскаго происхожденія. Я объясняю себѣ, какъ сказалъ уже объ этомъ выше, указанное сходство обѣихъ лѣтописей тѣмъ, что въ основаніи ихъ лежитъ одинъ общій источникъ, какой-то до насъ не дошедшій лѣтописный сводъ— протографъ Львовской лѣтописи, его основная редакція 1518 г. Дѣйствительно, сравнительное изученіе Тверской и Львовской лѣтописей совершенно исключаетъ возможность предположенія о томъ, что одна изъ нихъ составлена на основаніи другой. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ чтенія Тверской лѣтописи оказываются болѣе исправными, болѣе близкими къ предполагаемому оригиналу, чѣмъ чтенія Львовской, и обратно [1]). Такимъ образомъ,

---

1) Такъ, напр., подъ 1190 г. въ Львовской, сравнительно съ Тверской, опущены слѣдующія слова по поводу поставленія Іоанна епископомъ Ростову и Владимиру: «якоже глаголеть Господь пророкомъ: на кого призрю....» (ср. эти слова въ Лавр. лѣт.); подъ 1221 въ Львовской не упомянуто, что Агаѳья, Константинова жена, похоронена въ соборной церкви св. Богородицы (ср. Тверскую и Лавр. лѣт.); подъ 1226 г. въ Тверской, послѣ извѣстія о томъ, что зимой приходили Новгородцы звать Ярослава на столъ, читаемъ, что Ярославъ сталъ отдавать свою свесть за Ярослава Муромскаго: послѣднее извѣстіе опущено во

сравненіе Тверской и Львовской лѣтописей приводитъ къ возстановленію лѣтописнаго свода 1518 г.

И такъ мы доказали, что Ростовскій сводъ былъ однимъ изъ источниковъ для первой части Тверского сборника; для второй части тотъ же сводъ былъ главнымъ источникомъ: естественно вывести отсюда слѣдующія два возможныя заключенія. Или — что обѣ части Тверского сборника составлены однимъ лицомъ, и именно тѣмъ ростовскимъ жителемъ, который работалъ въ 1534 году; или—что редакторъ Тверского сборника, внося въ него сводъ 1534 года, дополнилъ его на основаніи того свода, который помѣщенъ имъ во второй части своего сборника, т. е. Ростовскаго свода 1419 года съ продолженіями. Первое заключеніе невѣроятно въ виду выше изложенныхъ соображеній: составитель свода, сохранившагося въ первой части Тверского сборника, очевидно, довелъ его до 1534 года, какъ обѣщалъ это сдѣлать; онъ пользовался весьма значительнымъ числомъ источниковъ, которые не могли же всѣ оборваться на 1255 году; пріемы его труда, уже намъ извѣстные, не могли внезапно измѣниться послѣ лѣтописной статьи указаннаго года; отсюда ясно, что составитель второй части Тверского сборника не былъ тожественъ съ составителемъ первой. Второе заключеніе, вѣроятное само по себѣ, встрѣчаетъ однако рядъ затрудненій: во-первыхъ, разсмотрѣнныя выше генеалогическія и другія таблицы, заимствованныя изъ Ростовскаго свода, доведены до того времени, когда работалъ сводчикъ 1534 года: такъ, указано число лѣтъ княженія Василія Ивановича (XV, 13), такъ, въ родословной названы послѣдними Иванъ и Юрій, сыновья Василія Ивановича; если бы эти таблицы были извлечены изъ Ростовскаго свода редакторомъ Тверского сбор-

---

Львовской; подъ 1229 г. во Львовской не находится извѣстія объ удаленіи Кирилла, епископа Ростовскаго, въ монастырь св. Димитрія въ Суздалѣ (ср. Тверскую и Лавр. лѣт.); подъ 1230 г. не сказано, что 3 мая, когда случилось землетрясеніе, приходилось «въ пятокъ 5 недѣли по Велицѣ дни» (ср. Тверскую и Лавр. лѣт.). Напротивъ, въ Тверской, напр. подъ 1128 г., послѣ извѣстія о смерти Бориса Полоцкаго, вопреки Львовской (и Лавр.), опущено знаменитое сказаніе о Всеславичахъ; подъ 1136 г. въ Тверской недостаетъ ряда извѣстій, помѣщенныхъ подъ этимъ годомъ во Львовской: «Ольговичи и Давыдовичи, и Всеволодъ Мстиславичь и Изяславъ поидоша на Ростовъ... и даде Переславль Андрею брату своему, а Володиміръ Изяславу Мстиславичу». Подъ 1146 г. разсказъ о томъ, какъ Изяславъ, по смерти Всеволода Ольговича, захватилъ Кіевъ, въ Тверской значительно короче, чѣмъ во Львовской, гдѣ упомянуто, между прочимъ, что къ Изяславу, когда онъ перешелъ Днѣпръ, пришло нѣсколько Берендѣевъ, что онъ расположился на «Жиляни» и что войска Ольговичей разбѣжались, не дойдя до Ольговы могилы. Подъ 1147 г. во Львовской (какъ и въ Лавр.) читаемъ, что тѣло убитаго Игоря Ольговича было положено въ Новгородскую божницу: въ Тверской опущена эта подробность. Подъ 1157 г. въ Тверской не читается той краткой похвалы Андрею Юрьевичу, которая находится во Львовской и др. лѣтописяхъ (нач.: «занеже бяше всѣми любимъ»). Подъ 1159 г. при извѣстіи, гдѣ похороненъ Борисъ Юріевичъ, послѣ словъ «на Нерли» въ Львовской прибавлено «въ кидейши» (ср. въ Ипат. въ кидекши): въ Тверской нѣтъ этой прибавки и т. д.

ника, можно было бы ожидать, что онѣ будутъ продолжены нѣсколько далѣе, такъ какъ этотъ редакторъ работалъ послѣ 1534 года; во-вторыхъ, сводъ 1534 года былъ списанъ въ Тверской сборникъ довольно точно, такъ точно, что на поляхъ сохранены отмѣтки источниковъ, сдѣланныя составителемъ (какъ-то указанія на лѣтописи: новг., кiев., влад.): весьма сомнительно, чтобы редакторъ рѣшился внести въ списываемый текстъ дополненія, подобныя указаннымъ выше (напр., въ разсказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба); въ-третьихъ, мы имѣемъ основаніе думать, что составитель 2-й части сборника пользовался Ростовскимъ сводомъ независимо отъ составителя 1-й его части; такъ, мы видѣли, что во второй части подъ 1408 годомъ приводится извѣстіе о поставленіи ростовской церкви, при чемъ, послѣ перечисленія первыхъ семи ростовскихъ епископовъ, говорится о пожарѣ, уничтожившемъ эту церковь черезъ 168 лѣтъ; но это послѣднее событіе и при томъ въ тѣхъ же словахъ изложено подъ 1160 годомъ, а извѣстіе о поставленіи церкви приведено подъ 991; повтореніе однихъ и тѣхъ же заимствованій изъ Ростовскаго свода въ двухъ частяхъ Тверского сборника доказываетъ, думаю, что составители ихъ самостоятельно пользовались указаннымъ сводомъ. Въ виду этого, не признавая состоятельными предложенныя выше два заключенія, я останавливаюсь на предположеніи, что Ростовскій сводъ, бывшій главнымъ источникомъ для составителя Тверского сборника (второй его части), былъ второстепеннымъ источникомъ для составителя свода 1534 года. Такое заключеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что знакомство составителя свода 1534 года съ Ростовскою лѣтописью могло прямо обусловливаться происхожденіемъ его изъ Ростовской области («не бо бѣхь Кіанинь родомъ, ни Новагорода, ни Владимера, но отъ веси Ростовскыхъ областей», XV, 142).

И такъ, въ Тверскомъ сборникѣ мы имѣемъ двѣ независимыя одна отъ другой части, не объединенныя даже редакторскимъ перомъ.

Въ первой части сборника помѣщенъ сводъ 1534 года, списанный до 1255 года. Подробное изученіе состава свода не можетъ входить въ мою задачу: г. Тихомировъ далъ довольно обстоятельное обозрѣніе его источниковъ, хотя по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ довольствуется слишкомъ общими опредѣленіями: въ числѣ источниковъ указанъ, напримѣръ, Софійскій временникъ, изъ котораго, между прочимъ, взято предисловіе (XV, 26 - 28). Какой именно памятникъ разумѣетъ г. Тихомировъ подъ этимъ названіемъ, неясно: извѣстно, что «Софійскій временникъ», какъ заглавіе передъ указаннымъ предисловіемъ, читается не только въ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи (V, 86), но также въ спискахъ Новгородской 4-й

лѣтописи. Мнѣ кажется, что сводъ 1534 года пользовался однимъ изъ списковъ Софійской 1-й лѣтописи и именно спискомъ, сходнымъ съ списками Оболенскаго и Карамзина: только въ этихъ спискахъ содержатся, напримѣръ, приведенныя въ сводѣ 1534 извѣстія 1055, 1058 и 1060 гг., касающіяся епископа Луки [1]); правда, они находятся и въ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи (основного источника Софійской 1-й), но зато тамъ нѣтъ обширной статьи о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ 1072 году, одинаково изложенной въ сводѣ 1534 года и въ спискахъ Софійской 1-й лѣтописи. Близость свода 1534 года къ спискамъ Карамзина и Оболенскаго можно доказать еще цѣлымъ рядомъ общихъ чтеній: такъ въ этомъ сводѣ (Твер. сб. подъ 955, с. 64) читается одинаково ошибочно со списками К. и О.: всюду вм. въ Суду; подъ 996 г. (с. 117): 300 берковскыхъ меду вм. берковъсковъ Новгородской 1-й, проваръ другихъ списковъ Софійской 1-й; подъ 1036: бѣжати а стенющи вм. бѣжаще стеняху; подъ 1071 г. (с. 165), согласно съ К. и О., находимъ Анни и Замбрий вмѣсто Мамъври и Абри другихъ списковъ той же лѣтописи и т. д.

Четвертымъ источникомъ свода 1534 года г. Тихомировъ называетъ Южный сводъ лѣтописей, отмѣчая, что указанія на него находятся подъ 6634, 6635, 6640 и 6694 годами. Дѣйствительно, противъ разсказа, относящагося къ этимъ годамъ, мы находимъ въ Тверскомъ сборникѣ сокращенную ссылку: кіев. Сравненіе указанныхъ мѣстъ съ Ипатьевскимъ сводомъ не убѣждаетъ насъ въ томъ, чтобы составителю свода 1534 года былъ извѣстенъ Ипатьевскій или другой сходный съ нимъ списокъ Кіевской лѣтописи. Но на пользованіе источникомъ, близкимъ къ Ипатьевскому своду, есть и другія указанія въ сводѣ 1534 года. Такъ нѣкоторыя подробности въ сказаніи объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, которыхъ нѣтъ въ Львовской (напр. эпизодъ съ Прокопіемъ), можетъ быть, заимствованы изъ этого источника. Подъ 1137 годомъ на основаніи Кіевской лѣтописи дополненъ разсказъ Новгородской 1-й лѣтописи о Всеволодѣ Мстиславичѣ; изъ нея же заимствованъ отрывокъ отъ словъ: «Онъ же, хотя опять сѣсти на столѣ своемь» до словъ: «и тако добрѣ проводи его»; изъ нея же взято опредѣленіе дня кончины Всеволода и мѣста его погребенія. Подъ 1146 г. сводчикъ указываетъ на 1-е августа, какъ на день смерти Всеволода Ольговича; число это заимствовано изъ Кіевской лѣтописи (ср. Ипат.), такъ

1) Что эти извѣстія попали въ сводъ 1534 года не изъ Новгор. 1-й лѣтописи, которою онъ также пользовался, видно, напр., изъ того, что о смерти Луки совсѣмъ не читается въ этой лѣтописи, а подъ 1058 г. въ сп. К. и О. Софійской 1-ой лѣтописи, равно какъ и въ сводѣ 1534 г., опущено извѣстіе, находящееся въ Новгор. 1-й лѣтописи, о томъ, что Дудика бѣжалъ въ Нѣмцы, и сказано, что ему урѣзали не только носъ (какъ въ Новгор. 1-й), но и устны.

какъ другіе источники имѣютъ 30 іюня (Львовская), 30 іюля (Софійская 1-я), мѣсяца іюля (Новгородская 1-я).

Пятымъ источникомъ свода 1534 г. г. Тихомировъ признаетъ сказанія. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ сказаній, разсмотрѣнныхъ авторомъ, попали въ сводъ 1534 г. изъ другихъ сводовъ и именно отчасти изъ названныхъ выше источниковъ. Такъ въ основаніи сказанія объ убіеніи Андрея Боголюбскаго лежитъ разсказъ Львовской лѣтописи: но онъ дополненъ частью по Кіевской лѣтописи, частью же по Ростовскому своду, передававшему, какъ мы видѣли, нѣкоторыя особенныя подробности этого событія. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что г. Тихомировъ правъ, утверждая, что сказаніе о русскихъ богатыряхъ, вставленное въ повѣсть о Калкскомъ побоищѣ (XV, 336 - 338), было извѣстно составителю сборника въ отдѣльномъ видѣ; на это особенно ясно указываютъ слова: «отъ нихже (богатырей) о единомъ въспомянемъ здѣ, описаніа налѣзше».

И такъ, оставляя въ сторонѣ нѣсколько сказаній, видимъ, что весь текстъ свода 1534 года, въ дошедшей до насъ части его, возводится къ слѣдующимъ основнымъ источникамъ: списку Софійской 1-й лѣтописи, близкому къ спискамъ Карамзина и Оболенскаго; списку Новгородской 1-й лѣтописи, сходному со списками Толстовскимъ и Академическимъ; къ своду 1518 года (основной редакціи Львовской лѣтописи); къ Ростовскому своду 1419 года съ продолженіями и, наконецъ, къ какому-то Кіевскому своду. Изъ этихъ источниковъ только сводъ 1518 года могъ послужить составителю свода 1534 года до разсказа о первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка, всѣ остальные источники обрывались въ XV в., а частью (Кіевскій сводъ) и раньше. Что же касается части 1519 - 1534 года, то она составлена уже по неизвѣстнымъ намъ источникамъ. Въ видѣ предположенія рѣшаюсь высказать, что эта часть свода дошла до насъ (можетъ быть, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ) въ Новоіерусалимскомъ спискѣ Софійской 2-й лѣтописи. Этотъ списокъ, какъ мы знаемъ, въ части до 1518 года включительно, почти тожественъ съ Львовской лѣтописью; то же должно было замѣчаться и относительно свода 1534 года; этотъ списокъ представляетъ самостоятельную часть 1519 - 1534 гг.: такую же по характеру и объему часть долженъ былъ представлять сводъ 1534 года. Если это предположеніе вѣрно, если составитель Новоіерусалимскаго списка дѣйствительно дополнилъ первую редакцію Софійской 2-й лѣтописи (Архивскій списокъ) на основаніи свода 1534 года, надо думать, что помѣщенный въ этомъ спискѣ перечень епископовъ ростовскихъ подъ 1396 г. (VI, 128) заимствованъ изъ свода 1534 года, который въ свою очередь составилъ его по Ростовскому своду 1419 года съ дополненіями (ср. болѣе полный и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальный перечень во 2-ой части Твер. сб. подъ

1408 г.)[1]). Такой выводъ подтвердилъ бы указанное предположеніе: но я сознаю его шаткость въ виду того, что неизвѣстно, не находился ли указанный перечень уже въ первой редакціи Софійской 2-й лѣтописи: въ Архивскомъ спискѣ вырвано начало, а съ нимъ вмѣстѣ и лѣтописная статья 1396 года.

Вторая часть Тверского сборника составляетъ, какъ мы видѣли, главную и существенную часть его: она представляетъ изъ себя главнымъ образомъ лѣтопись тверскихъ событій. Къ ней была приложена первая часть сборника, содержаніе которой составилъ сводъ 1534 года. Я уже высказалъ выше, что во второй части сборника надо видѣть соединеніе по крайней мѣрѣ двухъ источниковъ: Ростовской лѣтописи 1419 года съ продолженіями и Лѣтописца княженіа Тферского, предисловіе къ которому помѣщено подъ 1402 годомъ. Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ источниковъ.

Ростовская лѣтопись 1419 года была извѣстна составителю Тверского сборника не въ первоначальной редакціи, а въ той же позднѣйшей редакціи ея, которая послужила источникомъ Воскресенской лѣтописи. Составленіе этой редакціи относится ко времени 1489 - 1503 г., такъ какъ послѣднимъ въ перечнѣ ростовскихъ епископовъ, какъ въ Воскр. лѣтописи подъ 1396 г., такъ и въ Тверскомъ сборникѣ подъ 1408 г., названъ Тихонъ, при чемъ не указано число лѣтъ его владычества, между тѣмъ какъ время епископствъ остальныхъ владыкъ, его предшественниковъ, опредѣляется весьма точно. Съ такимъ указаніемъ на время составленія Ростовскаго свода — источника Тверского сборника вполнѣ совпадаетъ и то обстоятельство, что лѣтописный разсказъ сборника доведенъ до 1499 года: очевидно, лѣтописныя продолженія указаннаго свода оканчивались именно этимъ годомъ. И такъ на основаніи Тверского сборника возстановляется лѣтописный сводъ 1419 года, обособленный извѣстіями 1420 - 1499 г. Такимъ образомъ этотъ сводъ по характеру своему былъ однороденъ съ большинствомъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ XV вѣка: въ основаніи многихъ изъ нихъ находится или Софійская 1-я лѣтопись (составлена въ 1423 г.), или указанный Ростовскій сводъ 1419 года, при чемъ

---

1) Сходный съ Соф. 2-й (Новоіерус. сп.) перечень находимъ въ Воскр. лѣтописи (VIII, 69): въ ней онъ восходитъ къ Ростовскому своду 1419 г. съ дополненіями. Очевидно, въ этомъ сводѣ списокъ читался два раза — одинъ подъ 1396 г. (первоначально онъ доходилъ только до Григорія), а другой подъ 1408 (этотъ списокъ составленъ позже, во время архіепископа Тихона).

вслѣдъ за ними читается лѣтописный разсказъ о событіяхъ XV вѣка. Таковы: списки Софійской 1-й лѣтописи, Лѣтописецъ Даниловича, Хронографъ и др.

Укажу въ общихъ чертахъ, что̀ именно во второй части Тверского сборника восходитъ къ этому главному ея источнику. Сравнивая содержаніе этой части Тверского сборника, съ одной стороны, Воскр. лѣтописи и Акад. списка Суздал. лѣтописи, съ другой, мы увидимъ между ними полное сходство, начиная съ середины XIII в. (гдѣ начинается вторая часть нашего сборника) и кончая началомъ XV в. (гдѣ оканчивается Академ. списокъ). Сходство это выражается въ томъ, что во всѣхъ трехъ памятникахъ находимъ общія извѣстія, иногда изложенныя въ одинаковомъ порядкѣ: правда, подробности и содержаніе извѣстій часто различаются въ нихъ, но это зависѣло частью отъ самостоятельнаго пользованія общимъ источникомъ, частью же отъ того, что и Воскресенская лѣтопись, и Тверской сборникъ дополняли эти извѣстія ихъ основного источника другими, заимствованными изъ другихъ лѣтописныхъ сводовъ. Такъ напр. подъ 1318 годомъ помѣщено въ Тверскомъ сборникѣ сказаніе объ убіеніи Михаила Ярославича Тверского: г. Тихомировъ ничего не говоритъ объ отношеніи его къ тѣмъ видамъ сказанія, которые встрѣчаются въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ; сравненіе его съ редакціею, помѣщенною въ Воскресенской лѣтописи, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что и оно попало и въ нашъ сборникъ, и въ эту лѣтопись изъ одного общаго источника: начиная со словъ: «Тому же лѣту исходящу пріиде въ Орду благовѣрной великій князь Михайло у моря Сурожьскаго, идеже втече Донъ рѣка», — и до конца сказанія, текстъ Тверского сборника оказывается сравнительно съ текстомъ Воскресенской лѣтописи сокращеніемъ общаго оригинала, довольно точно переданнаго въ послѣдней. Вслѣдъ за этимъ, подъ 1319 годомъ, въ Тверскомъ сборникѣ и въ Воскресенской лѣтописи говорится о погребеніи Михаила въ Твери: но заключительная часть сказанія—похвала Михаилу Ярославичу, не сохранившаяся въ Воскр. лѣтописи, передается только въ Тверскомъ сборникѣ. Разсказъ о борьбѣ Александра и Димитрія Михаиловичей съ Юріемъ Даниловичемъ въ Воскр. и Твер. весьма близки между собою и явно обличаютъ общій источникъ: ср. напр. извѣстія 1322, 1323, 1324 гг. Подъ 1339 г., вслѣдъ за извѣстіемъ объ убіеніи Александра Михаиловича (переданнымъ различно въ Воскр. и Твер.), читаемъ въ обоихъ сводахъ: «И на ту же зиму (тоя же зимы) мѣсяца ноября въ 25 (на память святаго священнаго мученика Климента), замыслиша рубити градъ Москву (заложенъ бысть градъ Москва); а кончаша той же зыми, на весну, въ великое говѣніе (да и срубленъ бысть тое же зимы въ великое говѣніе)». Замѣчательно, что въ Воскр. нѣсколькими строками выше при-

водится то же извѣстіе изъ другого источника [1]). За этимъ извѣстіемъ въ Воскр., такъ же какъ въ Твер., говорится о нашествіи на Смоленскую область Тувлубія. Подъ тѣмъ же годомъ въ Воскр., какъ и въ Твер., говорится объ убіеніи Козельскаго князя Андрея Мстиславича. Ясно, что, разсказывая о событіяхъ 1339 г., составители Твер. и Воскр. пользовались однимъ общимъ оригиналомъ. Разсказъ о распрѣ между Михаиломъ Александровичемъ и Димитріемъ Ивановичемъ, вызвавшей походъ Ольгерда на Москву въ 1368 году, въ Воскр. и Тверск. также одинаковъ, но въ Твер. онъ сокращенъ. Послѣ различнаго повѣствованія объ опустошеніи Михаиломъ Александровичемъ Новгородскихъ предѣловъ, въ Воскр. и Твер. одинаково разсказывается о походѣ союзниковъ — Тверского князя и Ольгерда на Москву, при чемъ битвѣ помѣшалъ глубокій оврагъ, оказавшійся между обоими враждебными полками. Подъ 1375 г. одинаково передаются подробности о походѣ Димитрія Ивановича на Тверь, при чемъ однако разсказъ Тверского сборника сокращеннѣе; какъ въ Твер. такъ и въ Воскр. въ этотъ разсказъ, послѣ словъ «а намѣстники послалъ въ Торжекъ и на Углече Поле ратію», вставлено извѣстіе о солнечномъ затменіи [2]) (ср. у Тихомирова, прим. на с. 295). Вслѣдъ за разсказомъ о мирномъ окончаніи войны въ Воскр. и Твер. читаемъ о Костромскомъ взятіи и о Прокофьевѣ кончинѣ. Подъ 1377 въ Воскр. и Твер. читаемъ сначала о событіяхъ литовскихъ, вызванныхъ кончиною Ольгерда, затѣмъ о побоищѣ на рѣкѣ Піанѣ и взятіи Нижняго татарами, далѣе о кончинѣ Алексѣя митрополита, при чемъ въ Твер. сохранилось и начало помѣщеннаго въ Воскр. житія Алексѣя (Сей убо въ святыхъ отець нашихъ Алексѣй митрополитъ), которое замѣнено извѣстіями о родичахъ Алексѣя, боярахъ Плещеевыхъ; за симъ, какъ мы говорили выше, слѣдуетъ въ обоихъ сводахъ повѣсть о Митяѣ. Повѣсть эта въ Твер. изложена подъ двумя годами 1377 и 1379 прерываясь извѣстіями объ убіеніи Кестутія, битвѣ на Вожѣ и др., а въ Воскр. подъ однимъ 1377 годомъ, при чемъ подъ 1379 г. дѣлается по поводу упоминанія о поѣздкѣ Митяя въ Царьградъ ссылка на разсказъ 1377 г. Вслѣдъ за этимъ въ Воскр. и Твер. читаемъ о казни Ивана тысяцкаго на Кучковѣ полѣ. Подъ 1382 годомъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о рожденіи Андрея Дмитріевича, въ Твер. и Воскр. помѣщена повѣсть о нападеніи Тохтамыша на Москву; въ Твер. она значительно сокращена и сходствуетъ съ Воскр., только начиная съ извѣстія о томъ, что Олегъ рязанскій указалъ Тохта-

---

1) Того же лѣта заложенъ градъ Москва дубовъ, при князѣ Иванѣ Даниловичѣ при Калитѣ.

2) Въ Твер. кратко: «того же лѣта солнце погибло», а въ Воскр.: «того же мѣсяца въ 27, въ Твери, въ церкви Покровѣ предъ иконою Пречистые свѣча загорѣся, а въ 29 знаменіе бысть въ солнци».

мышу броды на Окѣ (т. VIII, с. 44, Воскр.). Подъ 1387 встрѣчаемъ въ Воскр. и Твер. одинаковый разсказъ о Смоленскомъ побоищѣ. Подъ 1395 годомъ въ обоихъ сводахъ помѣщено сказаніе о нашествіи Тамерлана: въ Твер. сохранился болѣе полный видъ этого сказанія, значительно измѣненнаго и сокращеннаго въ Воскр. Такъ въ Воскр. пропущено начало повѣсти, гдѣ говорится о происхожденіи Темиръ Аксака; сходство начинается со словъ: «Сей же Темиръ Аксакъ нача многи рати творити» (Твер., XV, с. 448). Замѣчательно, что Воскр. лѣтопись опустила слѣдующее мѣсто: «и царя Турскаго Крыцеа полонилъ, а царство за себе взялъ» и ниже: «и царя Крысщеа Турскаго въ клѣтцѣ желѣзнѣ вожаше съ собою...» [1]). Конецъ повѣсти въ Воскр. также значительно сокращенъ. За этою повѣстью въ Твер. такъ же, какъ въ Воскр., помѣщенъ разсказъ о взятіи Витовтомъ Смоленска. Подъ 1397 въ Воскр. и Твер. читаемъ о женитьбѣ Ивана Всеволодовича Тверского и вслѣдъ за тѣмъ о поѣздкѣ Ивана Михаиловича въ Литву къ шурину своему Витовту. Подъ 1399 въ Твер. читается та же повѣсть, что въ Воскр. — о побоищѣ Витовта съ Темиръ Кутлуемъ. Вслѣдъ за этимъ въ обоихъ сводахъ помѣщена статья о преставленіи князя Михаила Александровича Тверского. Подъ 1403 въ обоихъ сводахъ читаемъ о междоусобной брани тверскихъ князей; за этимъ и въ Воскр. и Твер. подъ 1404 помѣщенъ разсказъ о второмъ взятіи Смоленска. Подъ 1407 въ Твер. и Воскр., вслѣдъ за войной Василія Дмитріевича съ Витовтомъ, говорится о смерти Юрія Святославича Смоленскаго и о возвращеніи изъ орды Ивана Михаиловича Тверского. Подъ 1408 въ Твер. подробнѣе, въ Воскр. короче говорится о Ростовскомъ пожарѣ; послѣ этого въ обоихъ сводахъ разсказывается о мирѣ, заключенномъ Витовтомъ съ Московскимъ княземъ 14 сентября при рѣкѣ Угрѣ. Подъ 1409 говорится въ обоихъ сводахъ о смерти епископа Тверского Арсенія, далѣе объ Анфалѣ; затѣмъ подъ 1410 о прибытіи Фотія митрополита 23 марта въ Москву. Извѣстіемъ о взятіи Владимира татарами въ іюлѣ 1400 года, кажется, оканчивается сходство Воскр. и Твер., и я затрудняюсь указать, какія извѣстія послѣдующаго времени можно признать общими для обоихъ сводовъ. Въ виду этого слѣдуетъ допустить, что приблизительно около этого года составитель Тверского сборника оставилъ Ростовскій сводъ и обратился къ другому источнику, можетъ быть, потому, что именно съ этого времени совершенно прекращались извѣстія, наиболѣе его интересовавшія въ этомъ

1) Мѣсто Крыщея (ср. Крещій въ Соф. II) занялъ Баозитъ подъ вліяніемъ Хронографа въ Никон., а въ Степ. (I, 542): Баозитъ рекомый Крещій. Крещій ср. съ именемъ сына Баязета Chrisii, Chirizi, Chirici, Crixia, Crissia. Подъ 1400 г. въ Твер., а подъ 1398 въ Воскресен. читаемъ о семилѣтней осадѣ Царяграда Баязетомъ, причемъ въ Твер. прибавлено объ убіеніи Баязета Темиръ Аксакомъ и о смерти самого Темира Аксака близъ Царяграда.

его основномъ источникѣ — тверскія. Но начиная съ восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія, мы опять находимъ выписки изъ этого свода, которыя и оканчиваются 1499-мъ годомъ: это доказывается сравненіемъ лѣтописнаго разсказа послѣднихъ двухъ десятилѣтій XV в. въ Воскр. и Твер., хотя несомнѣнно, что обиліе источниковъ Воскр. лѣтописи съ трудомъ позволяетъ прослѣдить въ ней извѣстія, восходящія къ этому своду тѣмъ болѣе, что и въ Твер. они переданы весьма отрывочно и кратко[1]). И такъ, намъ удалось опредѣлить главный и основной источникъ второй части Тверского сборника — это лѣтописный сводъ, составленный въ Москвѣ въ 1489-1503 г., а можетъ быть точнѣе въ 1499 году. Сводъ этотъ въ части до 1419 года содержалъ въ себѣ Ростовскій сводъ, тожественный по происхожденію съ Академическимъ спискомъ этой лѣтописи; во второй части находилась лѣтопись московская. Составитель Тверского сборника воспользовался только первою частью своего источника, заимствовавъ изъ второй одни лишь послѣднія извѣстія. Причину такого отношенія къ своду 1499 года я указалъ выше: въ первой части были интересныя для составителя Тверского сборника тверскія извѣстія, которыхъ уже не было во второй части; онъ долженъ былъ обратиться ко второй части лишь тогда, когда прекратились извѣстія другого его источника, по которому изложены событія 1410-1486 года. И такъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ угадываемъ причину, почему составитель Тверского сборника остановился, какъ на основномъ для себя источникѣ,—на сводѣ 1499 года. Въ этомъ сводѣ, въ части его до 1409 года (до кончины епископа Арсенія), онъ находилъ извѣстія о Твери, наиболѣе его занимавшей. Спрашивается, какъ попали эти извѣстія въ сводъ 1499 года или правильнѣе, въ виду уже добытыхъ выше результатовъ, какъ попали эти тверскія извѣстія въ ростовскій сводъ 1419 г.? Я думаю, что составитель этого послѣдняго свода пользовался тверскою лѣтописью: изъ нея-то онъ заимствовалъ рядъ извѣстій тверского происхожденія, начиная съ княженія Ярослава Ярославича. Не стану останавливаться на происхожденіи и составѣ этой лѣтописи; скажу только, что, повидимому, она вошла въ Тверской лѣтописный сводъ, составленный въ 1409 или 1410 году и задуманный, можетъ быть, раньше епископомъ Арсеніемъ, извѣстнымъ любителемъ просвѣщенія. Вскорѣ этотъ сводъ попалъ въ Ростовъ, гдѣ и былъ соединенъ въ 1419 году съ ростовскою лѣтописью, составивъ съ нею большой лѣтописный сводъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на развитіе нашего лѣтописанія. Что въ ростовскомъ сводѣ 1419 года были тверскія извѣстія, видно не только изъ

1) Возможно, впрочемъ, что Тверской сб. пользовался такимъ сводомъ, который составителю Воскр. лѣтописи былъ извѣстенъ въ болѣе ранней редакціи; такъ этотъ сводъ могъ доходить въ одной редакціи до середины XV в., а въ другой, позднѣйшей, — до 1499 г.

Воскресенской лѣтописи [1]), но и изъ Академическаго списка Ростовской лѣтописи: ср. подъ 1285 объ основаніи церкви св. Спаса, подъ 1368 о смерти Василія Михайловича въ Кашинѣ, подъ 1414 о пожарѣ въ Твери, подъ 1319 о прибытіи тѣла Михаила Ярославича въ Тверь и др. Можно замѣтить, что составитель Тверского свода вообще довольно старательно извлекъ изъ свода 1499 года извѣстія, касающіяся Твери и тверскихъ князей: прямою цѣлью его было дать лѣтопись тверскихъ событій и, конечно, этимъ объясняются его сокращенія и опущенія въ статьяхъ и замѣткахъ, не относящихся къ Твери; такъ имъ опущена бо̀льшая часть извѣстій о ростовскихъ князьяхъ [2]).

Изслѣдованіе перваго основного источника Тверского сборника приводитъ насъ къ опредѣленію второго источника: это были памятники, заключавшіе въ себѣ тверскія лѣтописныя извѣстія.

Мы видѣли выше, что г. Тихомировъ въ числѣ источниковъ Тверского сборника называетъ Тверскую лѣтопись и Тверскія историческія сказанія. Онъ несомнѣнно правъ въ своемъ утвержденіи, но при ближайшемъ опредѣленіи состава этихъ источниковъ не слѣдуетъ упускать доказаннаго выше положенія: рядъ погодныхъ извѣстій и сказаній тверского происхожденія вошли въ Тверской сборникъ не изъ первоисточниковъ, а изъ позднѣйшаго свода московскаго происхожденія, свода 1499 года. Сюда относятся извѣстія до 1409 года, а также нѣкоторыя изъ сказаній — сказаніе объ убіеніи Михаила Ярославича, сказаніе о смерти Михаила Александровича (ср. Твер. и Воскр.) и др. На счетъ другого источника можно съ увѣренностью относить лишь то, что носитъ слѣды тверского происхожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть возведено къ своду 1499 года. Основываясь на томъ, что въ Воскресенской лѣтописи тверскія извѣстія доходятъ только до 1409 года, что слѣдовательно и въ сводѣ 1499 года составитель Тверского сборника не могъ бы найти такихъ извѣстій позже этого года, думаю, что содержаніе Тверского сборника, начиная приблизительно съ этого года, насколько, конечно, оно касается Твери, должно быть возводимо къ какой-то до насъ не дошедшей Тверской лѣтописи. Судя по выпискамъ изъ нея въ Тверскомъ сборникѣ, она состояла изъ ряда лѣтописныхъ замѣтокъ, краткихъ и отрывочныхъ: такъ, подъ

1) Ср. подъ 1287 объ освященіи тверской церкви св. Спаса (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1289 о происхожденіи епископа тверского Андрея (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1292 объ иконописныхъ работахъ въ церкви св. Спаса (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1293 о походѣ татаръ на Тверь, оставшуюся безъ князя (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1298 о пожарѣ въ Твери (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1304 о битвѣ подъ Переяславлемъ, въ которой погибъ бояринъ тверской Акинѳъ (въ Твер. сб. нѣтъ); подъ 1404 объ основаніи церкви Усп. Богородицы на р. Тмакѣ (въ Твер. сб. нѣтъ) и др.

2) Напр., подъ 1307 смерть Константина Борисовича, подъ 1310 рожденіе Ѳедора Васильевича, подъ 1326 женитьба Ѳедора Васильевича и т. д.

1448 годомъ мы читаемъ только: И лѣту изшедшу 56 палъ снѣгъ въ Семенъ день; подъ 1467: Былъ хмѣлю оковь по рублю. Того же лѣта за Тмакою сгорѣла церковь святая Пятница, а дворовъ 110; подъ 1424: Бысть моръ въ Кашинѣ и межснина, по полтинѣ купили оково ржи и т. д. Нѣкоторые годы оставлены совершенно пустыми, напр., 1426 и 1427, 1436 и 1437, 1459 и 1460, 1472 - 1477 и др. Такой характеръ лѣтописи показываетъ, что начала, основного ядра ея нечего искать въ той части Тверского сборника, гдѣ содержится разсказъ 1410 - 1486 годовъ: между тѣмъ такое ядро должно было существовать, такъ какъ подобныя лѣтописныя замѣтки обыкновенно группируются около какого-нибудь обширнаго лѣтописнаго разсказа, являясь какъ бы предисловіемъ его или иногда сопровождая его, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ происхожденіе этихъ замѣтокъ таково, что ясно обличаетъ ихъ авторовъ: это читатели древней лѣтописи, пожелавшіе дополнить ее нѣкоторыми позднѣйшими данными. Въ данномъ случаѣ ядро, куда примыкали лѣтописныя замѣтки тверского происхожденія, должно искать не за ними, а впереди ихъ, такъ какъ съ 1486 года Тверь пала, и отсутствіе въ ней политическихъ интересовъ не могло содѣйствовать развитію лѣтописанія. Думаю, что въ Тверскомъ сборникѣ сохранилось это искомое ядро. Послѣ 1402 года въ немъ помѣщены: «Предисловіе лѣтописца княженіа тферскаго благовѣрныхъ великыхъ князей тферьскыхъ» и также самый лѣтописецъ.

Издатель XV т. П. С. Р. Л. (А. Ѳ. Бычковъ) называетъ въ числѣ источниковъ Тверского сборника «Лѣтописецъ княженія Тверскаго», прибавляя, что «объ этой Лѣтописи мы узнаемъ изъ сборника, что она составлена неизвѣстнымъ лицомъ, по повелѣнію Тверского великаго князя Бориса Александровича († 1461), приказавшаго ему описать время княженія Михаила Александровича, сына Александра Михаиловича» (см. предисловіе къ изданію, с. V). Изъ дальнѣйшихъ словъ издателя видно, что по его мнѣнію событія княженія Ивана Михаиловича, а также и послѣдующія, разсказаны въ Тверскомъ сборникѣ на основаніи этого Лѣтописца. Г. Тихомировъ, основываясь частью на догадкѣ Ключевскаго, указавшаго, что статья о преставленіи Михаила Александровича составляетъ отрывокъ житія Михаила Александровича, не соглашается съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ изданіи Археографической Коммиссіи и утверждаетъ, что въ Тверскомъ сборникѣ сохранились подъ указаннымъ выше заглавіемъ отрывки не лѣтописи, а только житія Михаила Александровича. Составитель сборника воспользовался этимъ житіемъ такъ же, какъ выше онъ внесъ въ него житіе Алексѣя митрополита, повѣсть о Митяѣ и др. «Составителю, говоритъ г. Тихомировъ, попались отрывки изъ житія Михаила; конецъ его онъ помѣстилъ подъ годомъ смерти Михаила, такъ какъ въ послѣдней части житія

описывается кончина князя, — а начало житія онъ помѣстилъ дальше, не заботясь о хронологической точности». Думаю, что г. Тихомировъ правъ только отчасти: до насъ путемъ сборника дошли дѣйствительно отрывки изъ житія Михаила, но самъ составитель сборника внесъ въ него не житіе Михаила, а Тверскую лѣтопись, гдѣ между прочимъ находились отрывки этого житія. Въ доказательство такого положенія приведу слѣдующее.

До насъ сохранился отрывокъ житія Михаила Александровича въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ, не знакомыхъ съ житіемъ во всемъ его составѣ. Такъ мы находимъ въ Воскр. статью «О преставленіи князя Михаила Тверскаго»; начинается она словами: «того же лѣта, по празницѣ госпожинѣ дни, разболѣся князь Михайло». Ту же статью содержитъ Новгородская 4-я лѣтопись, но начало ея нѣсколько иное, такъ какъ здѣсь сохранилось краткое предисловіе къ житію: «Егда единою видѣвый пришлецъ града изрядно стояніе...»; за этимъ предисловіемъ самый разсказъ начинается такъ же, какъ въ Воскр.: «По госпожинѣ дни, князь великій Михайло Александровичь Тферьскый разболѣся». Въ Тверскомъ сводѣ сохранился тотъ же отрывокъ, при чемъ начало его тожественно съ Воскр. лѣтописью: «Того же лѣта, по госпожинѣ дни...» Естественно возникаетъ предположеніе, что въ разсмотрѣнные три свода этотъ отрывокъ попалъ изъ одного общаго основного источника, основного лѣтописнаго свода; такое предположеніе тѣмъ естественнѣе, что во всѣхъ нихъ отрывокъ этотъ слѣдуетъ непосредственно за разсказомъ о боѣ Витовта съ Темиръ-Кутлуемъ, при чемъ заглавіе отрывка въ Воскр. и Новг. 4-й одинаково читается вслѣдъ за словами: «Иванъ Юрьевичь Бѣльскій князь, Въспытко (Луспытко) Краковьскій (князь)»,—словами, которыми заключается перечень павшихъ въ бою литовскихъ князей (перечень этотъ въ Твер. сборникѣ, какъ мы видѣли выше, опущенъ). Но кромѣ этихъ позднѣйшихъ по времени ихъ составленія сводовъ, мы найдемъ тотъ же отрывокъ и на томъ же мѣстѣ въ томъ лѣтописномъ сводѣ, въ которомъ Новг. 4-я лѣтопись доведена до 1411 года (ср. П. С. Р. Л., т. IV, предисловіе къ Псковской первой лѣтописи, стр. 170, Карамз. сп. I): ему предшествуетъ въ этомъ спискѣ то же предисловіе, которое сохранилось и въ другихъ спискахъ Новгородской 4-й лѣтописи. Имѣя въ виду, что все общее между Воскр. и Тверскимъ сборникомъ восходитъ къ своду 1499 года, что основная часть Новгородской 4-й лѣтописи, общая для всѣхъ списковъ ея, доходитъ до 1447 года, такъ какъ на 1448 году прекращается совсѣмъ одинъ изъ этихъ списковъ (Публ. библ. I), а изъ остальныхъ двое продолжаются до 1477 г., одинъ доходитъ до 1515 г., одинъ до 1496 года, и нѣсколько списковъ, переходя въ Псков. лѣтопись, продолжаются вмѣстѣ съ нею до 1547 года, при чемъ части, слѣдующія за 1447 годомъ въ спискахъ указанныхъ здѣсь различныхъ группъ

между собою совершенно несходны, почему слѣдуетъ думать, что нѣкогда Новг. 4-я лѣтоп. доходила только до этого, 1447 года,—мы заключаемъ, что отрывокъ изъ житія Михаила Александровича попалъ въ сводъ 1499 года изъ свода, старшаго, чѣмъ 1447 годъ. Но если мы привлечемъ къ сравненію ту редакцію Новг. 4-й лѣтописи, которая оканчивается на 1411 году, мы съ полнымъ правомъ сдѣлаемъ выводъ, что тотъ основной сводъ, откуда внесенъ въ сводъ 1499 года отрывокъ изъ этого житія, еще старше и относится къ началу XV в. Мы видѣли, какого происхожденія тверскія извѣстія свода 1499 года: они восходятъ къ своду 1419 г., составленному въ Ростовѣ между прочимъ на основаніи Тверской лѣтописи начала XV в., лѣтописи, доходившей до 1409 года. Слѣдовательно, и имѣя въ виду указанный списокъ Новгородской 4-й лѣтописи, который также воспользовался ростовскимъ сводомъ, составленнымъ въ 1419 году, мы въ правѣ заключить, что отрывокъ житія Михаила Александровича находился уже въ этомъ ростовскомъ сводѣ, куда онъ попалъ изъ Тверской лѣтописи, составленной около 1409 года. Отсюда прямой выводъ: житіе Михаила Александровича составлено въ началѣ XV в., вскорѣ послѣ его смерти (1399 г.). Впрочемъ, этотъ выводъ можно бы сдѣлать и изъ разсмотрѣнія внутренняго содержанія дошедшаго до насъ его отрывка: подробности въ описаніи смерти князя, начиная съ разсказа о возвращеніи въ Тверь посольства изъ Царяграда, привезшаго князю икону Страшнаго Суда, обличаютъ въ авторѣ житія современника и очевидца. Можетъ быть, въ Тверской лѣтописи начала XV вѣка читалось все житіе Михаила, можетъ быть имъ оканчивалась эта лѣтопись, но составитель ростовскаго свода заимствовалъ изъ него лишь нѣсколько строкъ предисловія и конецъ житія—описаніе смерти князя. Сводчикъ Новгородской 4-й лѣтописи внесъ все это въ свой лѣтописный сборникъ, тогда какъ московскій сводчикъ 1499 года ограничился только разсказомъ о кончинѣ князя, опустивъ предшествующія ему строки предисловія. Это предисловіе весьма любопытно, а вмѣстѣ съ тѣмъ загадочно: изъ него видно, что житіе Михаила составлено по приказанію какого-то важнаго лица, имя котораго скрыто въ своеобразной тайнописи, понять которую весьма трудно: «яко же и се въ томъ подобное вещи, читаемъ мы, отче отцемъ кирилъ г҃. с҃. р҃. ч҃. ее. г҃. иже повелѣлъ ми еси написати отъ житіа премудраго Михаила боголюбца князя». Думаю, что вмѣсто кирилъ слѣдуетъ читать киръ и что слѣдующія за тѣмъ буквы скрываютъ имя Тверского епископа Арсенія: кого другого можно было назвать въ началѣ XV в. отцомъ отцовъ и ниже: «боголюбствомъ», «честною главою», наконецъ, «освященнымъ верхомъ»?

И такъ, въ Твер. сб. и въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ подъ 1399 годомъ помѣщенъ отрывокъ изъ житія Михаила, составленнаго въ началѣ

XV вѣка, предположительно по распоряженію епископа Арсенія. Такой выводъ встрѣчаетъ однако серьезныя возраженія въ томъ же Тверскомъ сборникѣ. «Предисловіе лѣтописца княженія тферскаго», помѣщенное въ немъ немного ниже разсказа о смерти Михаила, оказывается тожественнымъ съ тѣмъ предисловіемъ Житія Михаила, нѣсколько строкъ котораго сохранилось въ Новгородской 4-й лѣтописи. Начальныя строки этого предисловія утрачены, но со словъ: «мудраа основаніа твердости и крѣпости стѣнъ» видимъ тожественные тексты въ Тверскомъ сборникѣ и Новгородской 4-й лѣтописи. Между тѣмъ оказывается, что черезъ нѣсколько строкъ мы читаемъ въ Тверскомъ сборникѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ Новгородской лѣтописи: вмѣсто загадочнаго лица, имя котораго скрыла тайнопись, мы находимъ здѣсь имя Бориса Александровича, князя Тверского (1425 - 1462): «яко же и се въ той подобныа вещи благочестіа дръжателю православныхъ и христолюбивыхъ князя Бориса (чит. православный и христолюбивый княже Борисе), еже повелѣль ми есть (чит. еси) написати отъ слова честь премудраго Михаила, боголюбиваго князя». Изъ этихъ строкъ г. Тихомировъ, вслѣдъ за Ключевскимъ (Древнерусск. житія святыхъ), выводитъ, что житіе Михаила Александровича составлено въ княженіе Бориса Александровича: слѣдовательно, мы получаемъ совершенно иной выводъ сравнительно съ нашимъ, по которому это житіе составлено въ началѣ XV в. и уже около 1409 года вошло въ составъ лѣтописнаго свода. Мнѣ кажется, что при рѣшеніи вопроса, который же изъ обоихъ выводовъ вѣренъ и какъ разрѣшить очевидное между ними противорѣчіе, надо обратить вниманіе на то, что въ предисловіи, читаемомъ въ Новгородской 4-й лѣтописи, говорится о житіи Михаила (иже повелѣлъ ми еси написати отъ житіа премудраго Михаила), а въ предисловіи, помѣщенномъ въ Тверскомъ сборникѣ, упоминается о какомъ-то другого рода или характера произведеніи (еже повелѣль ми есть написати отъ слова честь премудраго Михаила). Если мы сообразимъ это обстоятельство и сопоставимъ его съ заглавными строками, свидѣтельствующими, что мы имѣемъ дѣло съ предисловіемъ не житія, а лѣтописца, само собой возникаетъ слѣдующее предположеніе: въ началѣ XV в., по распоряженію епископа Арсенія, составлено житіе Михаила, въ серединѣ же этого вѣка, по распоряженію князя Бориса Александровича, сочинена Тверская лѣтопись, существенную часть которой составило житіе Михаила Александровича: изъ этого житія заимствовано предисловіе, нѣсколько измѣненное [1]) и распространенное, изъ него же заимствованы и другія части — историческая и риторическая, со-

---

1) Обращенія къ Борису Александровичу «твое боголюбіе», «честнаа главо» заимствованы изъ предисловія къ Житію, гдѣ они относились къ епископу.

держащія похвалу князю. И такъ, въ Тверскомъ сборникѣ за указаннымъ предисловіемъ слѣдуетъ не Житіе Михаила Александровича, какъ думаетъ г. Тихомировъ, а отрывки изъ «Лѣтописца княженія Тферскаго», въ который входило и интересующее насъ житіе. Дѣйствительно, странно было бы начинать житіе Михаила Александровича съ княженія Александра Михаиловича и излагать въ немъ подробности о Щелкановщинѣ; но еще страннѣе было бы продолжить его разсказомъ о княженіи Ивана Михаиловича. Между тѣмъ мы имѣемъ ясныя доказательства самой тѣсной связи между отрывками, слѣдующими въ Тверскомъ сборникѣ за упомянутымъ предисловіемъ и относящимися къ дѣятельности и къ личности Михаила Александровича, и отрывками, гдѣ говорится о первыхъ годахъ княженія Ивана Михаиловича: такъ, въ этихъ послѣднихъ мы находимъ обращенія къ неизвѣстному читателю или заказчику, аналогичныя съ обращеніями, встрѣчающимися въ предисловіи: «Да зри отъ сихъ освященнаа главо, како ти всегубителнаго волка сотоны пронирство»... (Тверск. сб., ст. 477, въ повѣсти о Плавѣ). «Довлѣетъ же здѣ о семъ написати, отче боголюбивый Варламе» (тамъ же, ст. 476, въ той же повѣсти), ср. въ предисловіи: «честпаа главо», а въ предисловіи къ Житію, сохранившемся въ Новгор. 4-й лѣтописи: «освященнаго верха». Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь фразы, явно обличающія общаго автора или редактора повѣстей, касающихся Ивана Михаиловича, и тѣхъ отрывковъ, гдѣ говорится о Михаилѣ Александровичѣ; въ повѣсти о Плавѣ читаемъ: «ибо межи самими Христовыми человѣкы непріазненыа гордостныа мрежа сокровѣне пропинаетъ... да въ тайныхъ сѣтій его углебшихъ отъ него порадоватися зело хощеть, яко же и»... (Твер. сб., ст. 477); въ отрывкѣ, восходящемъ къ Житію Михаила: «иногда же межи тѣми самими Христовыми человѣки братоненавидство и непріаственныа мрежа пропинаа, да въ нихъ углебшая отъ сихъ порадоватися хотеще (вм. хощеть) зело, яко...» (Твер. сб., ст. 468). И тутъ, и тамъ встрѣчаемъ выраженіе «Тверстіи сынове» (Твер. сб., ст. 476 и 468). Въ виду этого, думаю, что въ составъ того сочиненія, которое начато по повелѣнію Бориса Александровича, внесенъ разсказъ о княженіи не только Михаила Александровича, но также Александра Михаиловича, его отца, и Ивана Михаиловича, его сына, что, слѣдовательно, это сочиненіе было дѣйствительно лѣтописцемъ Тверского княженія.

Итакъ, составитель Тверского сборника пользовался какъ основнымъ источникомъ, по которому онъ дополнилъ данныя свода 1499 года, Лѣтописцемъ Тверского княженія. Укажу на тѣ статьи нашего сборника, которыя могутъ быть возведены къ этому второму его источнику. Подъ 1326 годомъ мы читаемъ два извѣстія о Щелканѣ, — первое краткое: «Той же зимы преставися Петрь митрополитъ и убіенъ бысть Шевкаль»; оно

восходитъ къ своду 1499 года, куда оно попало изъ ростовской лѣтописи нач. XV в., ср. Акад. сп. этой лѣтописи [1]); — второе длинное, опредѣленное г. Тихомировымъ, какъ отдѣльное сказаніе. Это извѣстіе или лѣтописная статья попала въ Тверской сборникъ изъ второго его источника, т. е. изъ Лѣтописца княженія Тферскаго: часть этой статьи читается и въ отрывкахъ, помѣщенныхъ за Предисловіемъ, съ предшествующимъ заглавіемъ: О Шевкалѣ. Г. Тихомировъ (с. 281) говоритъ, что въ повѣсти о Шевкалѣ, помѣщенной подъ 1326 годомъ, и въ разсказѣ о немъ, читаемомъ въ Житіи, замѣчаются разнорѣчія; въ повѣсти Александръ не возбуждаетъ народа противъ татаръ; онъ, напротивъ, самъ ихъ успокоиваетъ. «Не такимъ изображенъ онъ въ житіи Михаила: «Да восприіметъ христіанскій губитель», говоритъ Александръ, — «мьзду дѣлатель своихъ, и наполнится мѣра ему беззаконія его, и сѣть, юже простре, да впадется въ ню». Но я думаю, что въ повѣсти и въ такъ-называемомъ г. Тихомировымъ житіи, или правильнѣе въ двухъ мѣстахъ Тверского сборника, сохранились разрозненныя части одного и того же разсказа. Подъ 1326 г. мы читаемъ: «За умноженіе грѣхъ ради нашихъ, Богу попустившу діаволу възложити злаа въ сердце безбожнымъ татаромъ...»; въ отрывкѣ, слѣдующемъ за предисловіемъ: «и бысть пущеніемъ Божіемъ въ тыи дни възмогоша иноплеменници, глаголеміи татарове...» Подъ 1326 г. безаконный, проклятый Шевкалъ» начатъ глаголати, діаволомъ учимъ: «господине царю, аще ми велиши, азъ иду въ Русь, и разорю христіаньства, а князи ихъ избію, а княгини и дѣти къ тебѣ приведу». Въ отрывкѣ послѣ Предисловія: «глагола окаанный (Шевкалъ) цареви своему: «повели ми, о царю, да шедъ убо на Русь, Александра приведу къ тебѣ, а христіане сътворю по воли твоей». Вслѣдъ за этимъ и подъ 1326 г. и въ другомъ отрывкѣ говорится о нашествіи Щелкана и о насиліяхъ, совершенныхъ имъ въ Твери. Затѣмъ въ отрывкѣ, послѣ предисловія, непосредственно же послѣ словъ: «начатъ же многыа пакости христіаномъ творити», мы читаемъ: «Александръ же отвѣщавъ: да въсприіметъ христіанскый губитель» и т. д. (см. выше). Пропускъ очевиденъ: ничего не сказано о народномъ возстаніи и прямо говорится о какой-то сценѣ, имѣвшей мѣсто при развязкѣ всего дѣла, когда Щелканъ находился уже въ рукахъ народа. Пропускъ этотъ восполняется разсказомъ 1326 года, по которому Александръ уговаривалъ тверичей съ терпѣніемъ сносить татарскія насилія; но народъ ждалъ только удобнаго случая для возстанія, который и представился 15 августа и т. д. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы князь удерживалъ народъ и во время его вспышки; онъ,

---

1) Подъ 1326: Тое же зимы преставися Петръ митрополитъ Кыевьскый, декабря 20; а подъ 1327: того же лѣта и Шевъкала убиша на Тфери.

дѣйствительно, долженъ былъ держать себя такъ, какъ о немъ сказано во второмъ отрывкѣ. Слѣдовательно, никакого разнорѣчія между обоими отрывками въ разсказѣ о Шевкалѣ нѣтъ, и мы въ правѣ признать ихъ разрозненными частями того разсказа, который читался въ Лѣтописцѣ Тверского княженія. Составитель Тверского сборника не пожелалъ повторить другой разъ разсказа о подробностяхъ народнаго возстанія противъ Щелкана: этимъ объясняется пропускъ въ отрывкѣ «О Шевкалѣ», читаемомъ послѣ Предисловія.

За повѣстью о Шевкалѣ въ Лѣтописцѣ Тверского княженія говорилось о рати татарской, посланной наказать тверичей, «съ ними же Иванъ Московскый грядяше и вожъ имь на грады тверскыа бываше», и объ удаленіи Александра въ Псковъ (ср. отрывокъ послѣ Предисловія). Думаю, что слова «Великій же князь Александрь Михаиловичь, не трьпя безбожныхъ крамолы, оставль княженіе Руское и вся отечествіа своа, и иде въ Пъсковъ съ княгынею и съ дѣтми своими, и пребысть въ Пьсковѣ» попали въ Тверской сборн. подъ 1327 г. изъ этого Лѣтописца. Изъ того же, конечно, Лѣтописца заимствовано извѣстіе о возвращеніи Константина и Василія Михаиловичей съ ихъ матерію въ Тверь и о молитвѣ ихъ святому Спасу. Подъ 1328 и 1329 гг. читаемъ о поѣздкѣ Константина въ Орду и о возвращеніи его оттуда. Слова второго извѣстія: «Божіемъ милосердіемъ выиде изъ Орды князь Костантинъ въ свою отчину въ Тверь, и нача княжити тогды тихо и мирно...» заимствованы, конечно, изъ Лѣтописца княженія Тферскаго. Разсказъ 1337 - 1338 годовъ о пріѣздѣ Александра въ Тверь, о посылкѣ къ митрополиту Ѳеогносту за благословеніемъ, объ отправленіи его къ беззаконному царю Озбяку и о мученической кончинѣ его въ Ордѣ и о погребеніи во Твери у св. Спаса—все это цѣликомъ заимствовано въ Тверской сборникъ изъ Лѣтописца княженія Тферскаго. Вотъ почему въ отрывкѣ послѣ Предисловія обо всѣхъ этихъ событіяхъ сказано лишь нѣсколько словъ. Вслѣдъ за этимъ мы читаемъ подъ тѣмъ же 1339 годомъ: «По Александрѣ же братъ его въспріа княженіе Тверское; по Константинѣ Василей, братъ его, въспріа всю область Тверскую». Тѣ же слова читаются и въ отрывкѣ послѣ Предисловія [1]): это одно можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что составитель Тверского сборника пользовался Лѣтописцемъ княженія Тферскаго не только послѣ разсказа о 1402 годѣ, гдѣ помѣщено Предисловіе, но и раньше: слѣдовательно, ясно, что послѣ Предисловія имъ помѣщенъ не весь Лѣтописецъ, а только одни отрывки изъ него. Приведенныя слова показываютъ также,

1) «По Александрѣ же братъ его Костантинъ въспріатъ княженіе Тверское, по Константинѣ же братъ его Василей въспріатъ всю власть Тверскую» (Твер. сб., ст. 468).

что въ Лѣтописцѣ время отъ 1339 года до 1368-го (смерть Василія Михайловича) было описано очень кратко всего въ нѣсколькихъ словахъ, а это въ свою очередь объясняетъ, почему такъ мало событій за это время разсказано въ нашемъ сборникѣ: мы находимъ здѣсь четырнадцать пустыхъ годовъ. Но уже съ 1371 года можно указать на заимствованія изъ Лѣтописца Тферского княженія: сюда относятся указанія на день (10 апрѣля), когда Михаилъ вернулся изъ Орды въ Тверь, а также на посла (Сарыхожу), его сопровождавшаго. Можетъ быть, оттуда же взято подробное описаніе прибытія въ Тверь митрополита Кипріана и поставленія имъ Арсенія вм. сведеннаго со стола Евфимія (1390 годъ). Разсказъ о смерти Михаила Александровича (1399 г.) восходитъ непосредственно къ своду 1499 г., а въ него онъ, какъ мы видѣли, попалъ черезъ посредство основного источника—Ростовскаго свода 1419 года изъ Тверской лѣтописи начала XV в., заимствовавшей его въ свою очередь изъ житія Михаила. За этимъ разсказомъ подъ тѣмъ же годомъ помѣщено извѣстіе о взятіи Семеномъ Дмитріевичемъ вмѣстѣ съ царевичемъ Ентякомъ Нижняго Новгорода и о послѣдовавшемъ за тѣмъ походѣ Юрія Дмитріевича на Болгарскую землю. Далѣе говорится о возвращеніи Ивана Всеволодовича (родного племянника умершаго Михаила Александровича) въ Тверь; подъ 1400 годомъ приводится извѣстіе о полученіи Иваномъ Михаиловичемъ ярлыка на великое княженіе Тверское и о смерти Темиръ Кутлуя; затѣмъ разсказывается о побѣдѣ Темиръ Аксака надъ Баязетомъ и о смерти Темира; подъ 1401 сообщается о возвращеніи Юрія Святославича въ Смоленскъ и о взятіи этого города; наконецъ, подъ 1402 году приводится извѣстіе о плѣненіи Витовтомъ рязанскаго князя Ярослава Ольговича и о смерти Ольга Ивановича рязанскаго. За этимъ событіемъ читаемъ: «Предисловіе Лѣтописца княженія Тферскаго», послѣ чего слѣдуетъ рядъ отрывковъ, относящихся къ княженіямъ Александра Михаиловича и Михаила Александровича. Послѣ похвальнаго слова ему и переходной фразы [1]), читаемъ заглавіе: «Начало княженіа великаго князя Ивана Михаиловича Тверскаго». Затѣмъ говорится о вступленіи Ивана Михаиловича на столъ въ 1400 году и объ общей радости тверичей, привѣтствовавшихъ новаго князя. Послѣ этого слѣдуетъ повтореніе событій уже разсказанныхъ выше, а именно: взятіе Нижняго Семеномъ и Ентякомъ; походъ Юрія и возвращеніе въ Тверь Ивана Всеволодовича (ср. выше подъ 1399 г.), далѣе подъ 1400 г. о ярлыкѣ, полученномъ Иваномъ Михаиловичемъ на Тверское княженіе и о смерти Темиръ Кутлуя. За тѣмъ подъ тѣмъ же годомъ читаемъ: «Того же лѣта Баязыта, Татарскаго царя, Темиръ Аксакъ царь стоа царь»;

1) Но убо о семъ прекратимъ слово и кончаемъ бесѣду, и начнемъ о нхже начахомъ.

потомъ разсказъ переходитъ прямо къ 1403 году. Приведенная фраза, очевидно, относится къ недописанному разсказу, помѣщенному уже выше подъ 1400 же годомъ передъ Предисловіемъ [2]): очевидно составитель сборника замѣтилъ, что онъ уже списалъ раньше, передъ отрывками изъ Лѣтописца Тверского княженія, всѣ эти извѣстія и тотчасъ же прервалъ переписку, вслѣдствіе чего послѣдняя фраза не только не кончена, но и искажена: вм. «царь стоа» слѣдовало написать «уби», какъ и поправилъ рукопись издатель XV тома. Повтореніе извѣстій 1399 - 1400 гг. за извѣстіемъ 1400 года о вступленіи Ивана Михаиловича на столъ обратило на себя вниманіе изслѣдователей; объ этомъ говоритъ и г. Тихомировъ (с. 282). Спрашивается, какъ объяснить это повтореніе, чѣмъ оно могло быть вызвано? Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Воскр. лѣтописи взятіе Нижняго Семеномъ Дмитріевичемъ и царевичемъ Ентякомъ (25 октября) разсказано подъ 1399 годомъ, а бой Витовта съ Темиръ Кутлуемъ и смерть Михаила Александровича—подъ слѣдующимъ 1400 годомъ. Тверской же сборникъ говоритъ подъ однимъ и тѣмъ же 1399 годомъ о боѣ Витовта съ татарами (12 августа), о кончинѣ Михаила (26 августа) и о взятіи Нижняго (25 октября). Въ Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1399 годомъ приводится краткое извѣстіе о кончинѣ Михаила Александровича, а нѣсколько ниже слѣдующее краткое извѣстіе: «А князь Василей посылалъ брата въ Казань на князя Семіона», это — извѣстіе о походѣ Юрія Дмитріевича на Болгары, Жюкотинъ, Казань и Керменчукъ, имѣвшемъ мѣсто послѣ взятія Семеномъ Нижняго и вызванномъ именно этимъ событіемъ; слѣдовательно, въ источникѣ Новгородской 4-й лѣтописи о взятіи Нижняго говорилось, какъ и въ Тверскомъ сборникѣ, вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ Михаила; ниже подъ тѣмъ же 1399 годомъ помѣщены въ Новгородской 4-й лѣтописи: «Слово о томъ, како бился Витовтъ съ ордою съ царемъ Темиркутлуемъ» и повѣсть «О преставленіи князя Михаила Александровича Тверскаго» (начинается предисловіемъ, сходнымъ съ Предисловіемъ Лѣтописца княженія Тферскаго, см. выше). Мнѣ кажется, что сравненіе Новгородской 4-й, Воскресенской и Тверской лѣтописей показываетъ, что въ общемъ для нихъ оригиналѣ (а такимъ оригиналомъ былъ ростовскій сводъ 1419 г.) подъ 1399 годомъ въ хронологическомъ порядкѣ разсказывалось: 1) о боѣ на рѣкѣ Ворсклѣ между Витовтомъ и Темиръ Кутлуемъ въ видѣ краткаго извѣстія, 2) о смерти Михаила Александровича тоже въ видѣ краткаго сообщенія, 3) о взятіи Нижняго и походѣ Юрія на Болгарскую землю. Ниже въ томъ же сводѣ, можетъ быть въ концѣ его, помѣщены были Слово о томъ, какъ

---

2) Мы находимъ тамъ: Того же лѣта Баязыта турскаго царя уби Темиръ Аксакъ царь, подъ Цариградомъ стоа Баязытъ 7 лѣтъ...

бился Витовтъ съ Темиръ Кутлуемъ, и повѣсть о преставленіи Михаила Тверского. Составитель Новгородской 4-й лѣтописи, вслѣдствіе такого расположенія матеріала въ основномъ для него источникѣ, сказавъ кратко подъ 1399 годомъ о смерти Михаила Тверского и о походѣ Юрія противъ Семена, помѣстилъ въ концѣ разсказа о томъ же 1399 годѣ названныя Слово и Повѣсть. Составитель свода 1499 года (источникъ Воскр. лѣтописи и Тверского сборника), слѣдуя своему оригиналу, подъ 1399 годомъ помѣстилъ краткія извѣстія о боѣ на рѣкѣ Ворсклѣ, о смерти Михаила и разсказалъ затѣмъ о взятіи Нижняго Семеномъ Димитріевичемъ и царевичемъ Ентякомъ, о возвращеніи Ивана Всеволодовича въ Тверь и затѣмъ подъ 1400 - 1402 годомъ привелъ рядъ извѣстій, отразившихся, какъ въ Тверскомъ сборникѣ, такъ и въ Воскресенской лѣтописи. Только послѣ 1402 года онъ догадался вписать Слово о томъ, какъ бился Витовтъ съ Темиръ Кутлуемъ и Повѣсть о преставленіи Михаила Александровича, которыя, какъ мы видѣли, читались не на мѣстѣ въ его оригиналѣ — Ростовскомъ сводѣ, и при томъ всего вѣроятнѣе въ концѣ свода. Составитель Воскресенской лѣтописи подъ 1399 годомъ выпустилъ краткія извѣстія о боѣ на Ворсклѣ и о смерти Михаила Александровича, но сохранилъ на своемъ мѣстѣ разсказъ о взятіи Нижняго и о походѣ Юрія Димитріевича на Болгарскую землю; обѣ же обширныя статьи о битвѣ на Ворсклѣ и о преставленіи Михаила Александровича онъ перенесъ подъ 1400 годъ (а въ его оригиналѣ онѣ читались подъ 1402-мъ). Наконецъ, составитель Тверского сборника, пользуясь указаніемъ краткихъ извѣстій своего оригинала, благоразумно возстановилъ въ имѣвшемся у него лѣтописномъ матеріалѣ настоящій хронологическій порядокъ: онъ помѣстилъ и Слово о битвѣ Витовта съ Темиръ Кутлуемъ и повѣсть о преставленіи Михаила подъ 1399 годъ и вслѣдъ за тѣмъ продолжалъ списывать свой оригиналъ вплоть до извѣстія о смерти Ольга Рязанскаго. Здѣсь онъ встрѣтилъ въ сводѣ 1499 года уже списанныя выше статьи, относящіяся къ событіямъ 1399 года; онъ рѣшилъ ихъ замѣнить вставкой изъ другого своего источника — Лѣтописца княженія Тферскаго. Такое рѣшеніе было тѣмъ естественнѣе, что здѣсь (въ сводѣ 1499 года) находилась статья, тожественная по содержанію съ одной изъ статей Лѣтописца (о преставленіи Михаила). Списавъ Предисловіе Лѣтописца и помѣстивъ за нимъ тѣ отрывки, которые не попали еще въ сборникъ, составитель дошелъ до извѣстія Лѣтописца о вступленіи Михаила на столъ: въ сводѣ 1499 года, который руководствовался Ростовскимъ сводомъ начала XV вѣка, это событіе относилось къ 1399 году, такъ какъ 1400 годъ наступалъ только въ мартѣ, а Иванъ сталъ великимъ княземъ въ сентябрѣ (Михаилъ умеръ 27 августа), но въ Лѣтописцѣ Тферскаго княженія оно отнесено было къ 1400 году, такъ какъ, очевидно, состави-

тель Лѣтописца руководствовался сентябрьскимъ годомъ. Сдѣлавъ эту вставку, составитель Тверского сборника вернулся къ своему основному источнику (своду 1499 года) и списалъ изъ него событія, непосредственно въ немъ слѣдовавшія за извѣстіемъ о смерти Михаила, т. е. повторилъ то, что списалъ уже раньше до вставки. Во-время замѣтивъ это повтореніе, онъ оборвалъ фразу и перешелъ къ событіямъ 1403 года.

Описывая княженіе Ивана Михаиловича, составитель Тверского сборника пользовался все тѣми же двумя своими источниками — сводомъ 1499 г. и Лѣтописцемъ княженія Тферскаго. Этимъ, между прочимъ, объясняется рядъ повтореній, замѣченныхъ Борзаковскимъ [1]) въ разсказѣ 1407 - 1408 годовъ. Сводъ 1499 года черезъ посредство Ростовскаго свода нач. XV вѣка приводилъ рядъ тверскихъ извѣстій, повторенныхъ Тверскимъ сборникомъ, а частью Воскресенскою лѣтописью. Сюда относятся, напр., извѣстія 1407 года о распрѣ между Иваномъ Михаиловичемъ и Юріемъ Всеволодовичемъ: Тверской сб. и Воскр. лѣтопись ясно указываютъ, что въ сводѣ 1499 г. о нихъ разсказывалось такъ же, какъ въ Тверскомъ сб., исключая развѣ двукратнаго повторенія о возвращеніи Ивана въ Тверь съ великою честію (или съ великымъ жалованіемъ). Тѣ же событія излагались въ Лѣтописцѣ княженія Тферскаго, и оттуда разсказъ о нихъ перенесенъ въ Тверской сборникъ подъ 1408 г. (изд., с. 478 - 479): рѣчи, вложенныя при этомъ въ уста князя Ивана, фразы, подобныя слѣдующей: «и пріиде вь отечество же свое, въ православный градъ Тверскый, мѣсяца генваря 24», и т. д., ясно обличаютъ источникъ этого второго разсказа. Подъ 1408 годомъ въ Тверскомъ сборникѣ, непосредственно за повѣствованіемъ о ростовскомъ пожарѣ (ст. 482), помѣщенъ разсказъ о походѣ Витовта на московскія области и о вѣчномъ мирѣ, заключенномъ Витовтомъ съ Василіемъ Димитріевичемъ 14 сентября на берегахъ Угры; вслѣдъ за этимъ идетъ сообщеніе объ Едигеѣ; въ такомъ же порядкѣ слѣдуютъ указанныя событія и въ Воскр. лѣтописи; отсюда ясно, что въ Тверской сб. разсказъ о походѣ Витовта заимствованъ изъ свода 1499 года. Но о томъ же походѣ разсказано и выше подъ тѣмъ же годомъ (ст. 474): этотъ послѣдній разсказъ заимствованъ изъ Лѣтописца княженія Тферскаго, что̀ ясно, между прочимъ, изъ такихъ подробностей, какъ посольство Василія московскаго къ Ивану Тверскому съ требованіемъ о помощи; при этомъ приведена рѣчь Василія, гдѣ содержится ссылка на миръ, взятый на Плавѣ, т. е. на то событіе, о которомъ въ Тверскомъ сборникѣ говорилось подъ 1406 годомъ согласно со сводомъ 1499 г. (ср. Воскр., с. 78 и Твер. сб., с. 472). Эта ссылка дала основаніе состави-

1) Исторія Тверскаго княжества. Спб., 1876, стр. 262 и сл.

телю сборника, непосредственно послѣ разсказа о походѣ Витовта [1]), помѣстить изъ Лѣтописца княженія Тферскаго «Повѣсть о Плавѣ». Онъ хотѣлъ списать ее и раньше, дойдя до 1406 года, и даже списалъ приведенное заглавіе этой статьи, но вѣроятно, въ виду ея немалаго размѣра, отказался отъ этого желанія. Дойдя до разсказа о посольствѣ Василія, сославшагося на условія мирнаго договора, заключеннаго на Плавѣ, составитель Тверского сборника понялъ свою оплошность, понялъ, что слова Василія будутъ непонятны безъ подробностей, содержащихся въ опущенной имъ статьѣ: вотъ почему онъ и счелъ необходимымъ ее списать (нач. «Въ дни же тыи боголюбивому великому князю Ивану Михаиловичу Тферскому столъ дрьжащу»...), тѣмъ болѣе, что она заключала прямое объясненіе отказа со стороны Ивана Михаиловича Василію Дмитріевичу въ помощи (ср. окончаніе повѣсти на ст. 477 Твер. сб.: «и симъ озлобиша братію свою, Тверскыа князя, и тую вещь не въсхотѣша помагати Москвичемъ, яко же и бысть»). Что «Повѣсть о Плавѣ» входила въ составъ Лѣтописца княженія Тферскаго, ясно, какъ изъ предыдущихъ указаній, гдѣ мы приводили общія выраженія между этою повѣстью и отрывками, слѣдующими за Предисловіемъ (сынове Тверстіи, въ тайныхъ сѣтій его углебшихъ), такъ и изъ той тѣсной связи ея съ разсказомъ о событіи 1408 года (походъ Витовта, противъ котораго Василій искалъ союзника въ Тверскомъ князѣ), которую мы только что отмѣтили [2]). Вслѣдъ за «Повѣстью о Плавѣ», несмотря на данное обѣщаніе (пакы же предняго да имемся), составитель Тверского сборника продолжаетъ выписки изъ Лѣтописца княженія Тферскаго. Въ этомъ Лѣтописцѣ говорилось, что, когда по истеченіи срока перемирія (на Плавѣ, у Пашковой гати), не состоялся миръ, Литва опять напала на московскіе предѣлы: этотъ-то разсказъ Лѣтописца о нападеніи Литвы на землю Новосильскую, о взятіи Одоева и о вторженіи въ московскую землю, послѣ чего подъ Вязьмой было заключено перемиріе отъ августа до Петрова дни, и приведенъ составителемъ сборника (ст. 477 - 478) вслѣдъ за Повѣстью о Плавѣ: онъ не замѣтилъ, что обо всемъ этомъ онъ уже разсказалъ выше (ст. 473) по своду 1499 года подъ 1407 годомъ, гдѣ мы читаемъ также о перемиріи, заключенномъ до Петрова дни. Что этотъ разсказъ 1407-го года взятъ изъ свода 1499 года, видно изъ Воскр. лѣтописи, гдѣ за нимъ (с. 81), такъ же какъ въ Тверскомъ сб., слѣдуетъ извѣстіе о смерти

---

1) Разсказъ этотъ оканчивается въ Твер. сб. и оканчивался въ Лѣтописцѣ княженія Тферскаго извѣстіемъ о взятіи 23 октября 1406 г. Брянска татарами, воспользовавшимися послѣ мира между противниками оплошностью русскихъ князей.

2) Что касается упоминаемаго въ Повѣсти Варламія, къ которому дѣлаются авторомъ обращенія, то, можетъ быть, онъ былъ игуменомъ какого-либо изъ Тверскихъ монастырей времени Бориса Александровича, когда составленъ Лѣтописецъ.

Юрія Святославича. Изъ Лѣтописца же княженія Тферскаго заимствованы въ Тверской сборникъ и слѣдующія за тѣмъ событія: нападеніе нѣмцевъ на Псковъ и несчастная для псковичей битва 18 августа (въ Твер. сб. ошибочно 22 августа) [1]): въ сводѣ 1499 года, судя по Воскр. лѣтописи (с. 81), объ этомъ было сказано кратко, безъ всякихъ подробностей. Слѣдующій затѣмъ разсказъ о междоусобіи Юрія Всеволодовича и Ивана Михаиловича, какъ мы видѣли, заимствованъ въ Тверской сб. изъ Лѣтописца; этотъ разсказъ прерванъ вставкой, гдѣ, вслѣдъ за извѣстіями о студеной зимѣ и новомъ нападеніи нѣмцевъ и литвы на Псковскія области (вѣроятно, изъ свода 1499 года), помѣщено сказаніе о знаменіи на Похрѣ (конечно, также изъ свода 1499 года, хотя въ Воскр. объ этомъ имѣется только краткое упоминаніе подъ 1408 г.). Послѣ этой вставки начинается опять прерванный разсказъ Лѣтописца слѣдующею вводною фразою: «зимовавъ же великій князь Иванъ Тверскій, и пріиде изъ Орды» (объ этомъ было сказано и выше, при чемъ означенъ и день возвращенія его — 24 января). Слѣдующія событія, занесенныя подъ 1408 годомъ, — почти всѣ заимствованы въ Тверской сборникъ изъ свода 1499 года, начиная съ разсказа о побоищѣ рязанскомъ, какъ это видно изъ Воскр. лѣтописи. Лѣтописецъ княженія Тферскаго оканчивался, вѣроятно, событіями княженія Ивана Михаиловича (слѣдовательно, онъ доходилъ до 1425 года). Но въ томъ экземплярѣ, который былъ въ распоряженіи составителя Тверского сборника онъ былъ, повидимому, дополненъ еще нѣкоторыми позднѣйшими извѣстіями. Что̀ именно въ лѣтописномъ разсказѣ Тверского сборника 1426 - 1486 гг. восходитъ къ этому Лѣтописцу, а что̀ можно считать выборкой изъ свода 1499 года, опредѣлить трудно. Такъ, извѣстіе 1429 года о посѣщеніи Борисомъ Александровичемъ Витовта можетъ восходить къ своду 1499 года (ср. Воскр.); равнымъ образомъ оттуда заимствовано извѣстіе о поѣздкѣ Василія Василіевича въ Орду и о возвращеніи его на слѣдующій годъ (подъ 1431). Извѣстіе 1433 г. о боѣ Василія Московскаго съ Юріемъ на Клязмѣ, послѣ чего Василій съ матерью и женою бѣжалъ въ Тверь, также взято изъ свода 1499 г. (ср. Воскр.); оттуда же взяты и послѣдующія извѣстія о борьбѣ Василія съ Юріемъ Дмитріевичемъ 1434 и 1435 гг. Событія 1439, 1440, 1441 въ значительной части восходятъ къ своду 1499 года; изъ него же взяты извѣстія 1445 года о борьбѣ Василія Василіевича съ Шемякою, и т. д. Напротивъ, такія сообщенія, какъ то, что въ 1428 году въ помощь Василію Василіевичу въ его походѣ на Новгородъ ходила Тверская рать подъ воеводою Захаріемъ Ивановичемъ, или что въ

---

1) Вѣроятно, по смѣшенію съ битвой 22 августа 1406 г., удачною для псковичей: о ней въ Твер. сб., (безъ указанія числа) разсказывается подъ 1404 г., м. б. также по Лѣтописцу княженія Тферскаго.

1429 году на Тверской княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ женился Свидригайло, причемъ въ томъ же году былъ построенъ мостъ черезъ Тмаку, и т. п., восходятъ къ дополнительнымъ извѣстіямъ Лѣтописца Тверского княженія. Что за время княженія Бориса Александровича лѣтопись не велась непрерывно, видно изъ ряда пустыхъ годовъ за это время: 1426, 1427, 1436, 1437 и т. д. Слѣды тверскихъ записей ясно обнаруживаются еще даже подъ 1484 годомъ, гдѣ говорится о пожарѣ 24 марта и о сильномъ дождѣ, выпавшемъ на самую Пасху; подъ 1485 годомъ о смерти матери Ивана Василіевича говорится по поводу бывшаго въ Москвѣ тверского посольства. Въ разсказѣ о событіяхъ 1486 года также сказывается тверичъ: сводъ 1499 года (ср. Воскр.) не называлъ намѣстника, посаженнаго въ Твери (Василій Ѳедоровичъ Образецъ Добрынскій), и не упоминалъ о томъ, что мать князя Михаила Борисовича, бѣжавшаго въ Литву, оставалась въ Твери. Событія 1487 - 1499 гг., какъ мы уже видѣли выше, восходятъ къ своду 1499 года: но и здѣсь обнаруживается присутствіе двухъ источниковъ. Такъ, подъ 1496 годомъ дважды, и при томъ въ разныхъ редакціяхъ, повторено извѣстіе о поѣздкѣ вел. кн. Ивана Василіевича въ Новгородъ: во второй редакціи оно сходно съ текстомъ списка Царскаго Софійской 1-й лѣтописи и Воскресенской лѣтописи, а въ первой редакціи извѣстіе это не повторяется въ другихъ извѣстныхъ намъ сводахъ. Въ виду этого второе извѣстіе слѣдуетъ возводить къ своду 1499 года [1]), а первое къ какому-то другому источнику. Представляется весьма вѣроятнымъ, что этимъ другимъ источникомъ былъ сводъ 1534 года, тотъ самый сводъ, который списанъ въ первой половинѣ Тверского сборника: естественно, что составитель сборника, съ такою тщательностью заимствовавшій изъ этого свода разсказъ въ части до 1255 года включительно, не разъ заглядывалъ въ него и при дальнѣйшей работѣ, когда онъ уже пользовался другими источниками. Въ виду этого мнѣ кажется, что слѣдовъ свода 1534 года можно искать не только въ концѣ Тверского сборника, но вообще во всей второй его части. Въ особенности же третій источникъ (два главныхъ источника — это сводъ 1499 г. и Лѣтописецъ княженія Тферскаго) обнаруживается въ лѣтописномъ разсказѣ начала XV вѣка. Такъ, подъ 1407 г. находимъ повтореніе извѣстій о возвращеніи Ивана Михаиловича изъ Орды: одно изъ нихъ восходитъ къ своду 1499 года, а другое не можетъ возводиться къ Лѣтописцу княженія Тферскаго, такъ какъ въ немъ, какъ мы выше видѣли, это событіе излагалось подъ 1408 г. (ср. XV, 479). Слѣдовательно, въ этой части сборника обнаруживаются три источника, и третьимъ изъ нихъ

---

1) Этимъ сводомъ могъ пользоваться Хронографъ редакціи 1506 или 1508 г., а через него онъ сближается съ спискомъ Царскаго, Львовскою и Воскресенскою лѣтописями.

могъ быть сводъ 1534 года. Подъ 1404 г. говорится о смерти митрополита Кипріана и о войнѣ псковичей съ нѣмцами; тѣ же два событія (но въ другой редакціи, съ меньшими подробностями) повторены подъ 1406 г. Подъ 1404 г. разсказывается о войнѣ Василія Московскаго съ Витовтомъ: то же подъ 1408 г. излагается согласно съ Лѣтописцемъ княженія Тферскаго [1]). Но тотъ же походъ Москвичей, окончившійся перемиріемъ до Петрова дни (ср. XV, 478), изложенъ въ краткомъ извѣстіи подъ 1407 г. (XV, 473); ясно, слѣдовательно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тремя источниками. Можетъ быть, къ указанному третьему источнику, т. е. къ своду 1534 года, восходятъ нѣкоторыя нижегородскія извѣстія Тверского сборника. Ср. разсказъ о занятіи Нижняго Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1392 г., написанный несомнѣнно нижегородцемъ [2]) или, по крайней мѣрѣ, сторонникомъ мѣстнаго князя; однородно по происхожденію извѣстіе о боѣ на Лысковѣ 15 января 1410 г. между Петромъ Дмитріевичемъ, съ одной стороны, Даниломъ и Иваномъ Борисовичами, въ союзѣ съ болгарскими, жукотинскими и мордовскими князьями, съ другой; къ нижегородскимъ же извѣстіямъ относятся: разсказъ 1414 года о походѣ Юрія Дмитріевича на Данила Борисовича и его братію, сообщеніе о голодѣ въ Нижнемъ въ 1412 году, при чемъ половникъ ржи продавали по сорока алтынъ и по четыреста старыми деньгами, извѣстіе о голодѣ 1423 г. въ Нижнемъ же, при чемъ половникъ ржи стоилъ стопятнадцать алтынъ. Судя по Воскресенской лѣтописи, этихъ извѣстій (съ указанными здѣсь подробностями) не было въ сводѣ 1499 года: слѣдовательно, ихъ надо возводить къ третьему источнику второй части Тверского сборника.

Изслѣдованіе г. Тихомирова возбуждаетъ рядъ важныхъ и любопытныхъ вопросовъ: на нѣкоторые изъ нихъ я старался дать въ настоящемъ разборѣ посильный отвѣтъ, а теперь изложу вкратцѣ главнѣйшіе выводы, къ которымъ я пришелъ, изучая Тверской сборникъ.

Этотъ памятникъ, дошедшій до насъ въ рукописи XVII вѣка, составленъ въ Твери во второй половинѣ XVI вѣка. Составитель сборника задался цѣлью описать событія, относящіяся ко времени самостоятельности Тверского княженія, и связать ихъ съ событіями общерусскими. Главное вниманіе его обратили два бывшіе у него подъ руками лѣтописные свода:

---

1) Ср. общую фразу въ разсказахъ 1404 и 1408: Литва же, вътупль же глубле въ страну Московскую (XV, 472) и: Литва же глублѣ вътупиша воюючи въ земли Москвѣ (XV, 477).

2) Ср. про Румянца, бывшаго на сторонѣ московскаго князя: «яко же древній Блудъ» и ниже: «и отъиде Румянецъ, Іюдинъ образъ вземъ, помрачися злобою и другъ діаволу нарекся». См. у г. Тихомирова, с. 288.

1) сводъ 1499 года, гдѣ, въ части до 1409 года, встрѣчалось не мало извѣстій тверского происхожденія, 2) сводъ XV вѣка, озаглавленный: «Лѣтописецъ княженія Тферскаго благовѣрныхъ великыхъ князей Тферьскыхъ». Но послѣдній источникъ начиналъ разсказъ только съ XIV вѣка, а первый о событіяхъ до середины XIII вѣка говорилъ кратко и отрывочно. Это заставило составителя Тверского сборника обратиться къ третьему источнику — своду 1534 года, составленному какимъ-то ростовскимъ жителемъ: всю первую часть до середины XIII вѣка составитель Тверского сборника заполнилъ систематическими выписками изъ свода 1534 года. Такимъ образомъ, трудъ собирателя распался на двѣ части: первая часть составлена на основаніи одного источника — свода 1534 года, а вторая на основаніи, главнымъ образомъ, тѣхъ двухъ основныхъ источниковъ, которые мы указали выше — свода 1499 г. и Лѣтописца княженія Тферскаго, при чемъ, однако, и здѣсь можно указать вліяніе дополнительнаго источника — свода 1534 г. Работая надъ первой частью, составитель Тверского сборника не преслѣдовалъ иной цѣли, какъ дать связный лѣтописный разсказъ о древнѣйшихъ событіяхъ русской земли; работая же надъ второй частью, онъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду представить исторію Твери, не упуская, впрочемъ, интересныхъ извѣстій и даже цѣлыхъ сказаній, касающихся другихъ русскихъ областей. Въ первой части своей работы составитель Тверского сборника былъ простымъ копіистомъ, лишь изрѣдка рѣшавшимся дополнять и измѣнять оригиналъ; во второй части видимъ редактора, занятаго нелегкою выборкою извѣстій изъ нѣсколькихъ источниковъ [1]) и еще болѣе трудною задачей комбинировать извлекаемый изъ нихъ лѣтописный матеріалъ.

Обращаясь къ источникамъ Тверского сборника, видимъ, что сводъ 1499 года въ основаніи своемъ содержалъ Ростовскій сводъ 1419 года, дополненный лѣтописными извѣстіями XV вѣка, несомнѣнно московскаго происхожденія. Лѣтописецъ княженія Тферскаго составленъ въ княженіе Бориса Александровича, при чемъ въ основаніе его положены житіе Михаила Александровича, относящееся къ началу XV вѣка, и тверскія сказанія, восходящія ко времени Александра Михаиловича. Обнимая событія трехъ княженій — Александра, Михаила и Ивана, лѣтописецъ этотъ былъ дополненъ рядомъ извѣстій, относящихся къ княженіямъ Бориса Александровича и его сына, послѣдняго тверского князя — Михаила. Дополнитель-

1) Составителю Тверского сборника, между прочимъ, было извѣстно еще Житіе Алексія митрополита, весьма неудачно расположенное имъ частью подъ 1357, а частью подъ 1377 г. Редакція этого житія относится къ концу XV в., такъ какъ въ ней упоминалось о родственникахъ митрополита въ пятой нисходящей степени: Игнатій Константиновъ былъ правнукомъ Ѳеофана, брата Алексѣя митрополита, Михаилъ Плещеевъ былъ правнукомъ Алексѣева брата, Александра.

ный источникъ сборника, сводъ 1534 года, составленъ на основаніи весьма разнообразнаго матеріала лицомъ, обладавшимъ несомнѣннымъ критическимъ талантомъ, уроженцемъ ростовской области.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Разсмотрѣнныя мною три статьи г. Тихомирова, объединенныя имъ, при представленіи ихъ на соисканіе Уваровской преміи, общимъ заглавіемъ: «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверовосточной», дѣйствительно, могутъ быть признаны частями одного труда, несмотря на то, что онѣ были писаны въ разное время и задавались различными цѣлями. Во всѣхъ трехъ статьяхъ ясно выступаютъ одни и тѣ же общіе пріемы, ярко отражаются одинаковыя достоинства, а вмѣстѣ и недостатки изслѣдованія.

Скажу нѣсколько словъ объ общихъ пріемахъ автора. Изучая тотъ или другой лѣтописный сводъ, г. Тихомировъ рѣдко останавливается на вопросахъ о происхожденіи, времени составленія, редакціяхъ памятника; его мало занимаетъ изслѣдуемый памятникъ самъ по себѣ. Задача ограничивается опредѣленіемъ внутренняго состава свода, разложеніемъ его на первоначальные источники — погодныя записи и сказанія. Не сомнѣваюсь, что авторъ убѣжденъ въ томъ, что дошедшимъ до насъ сводамъ предшествовали другіе болѣе древніе, при чемъ эти болѣе древніе своды и должны быть признаны источниками позднѣйшихъ: но мы только что отмѣтили оригинальную особенность въ его изслѣдованіи: онъ не интересуется памятниками самими по себѣ. Вслѣдствіе этого и въ своихъ выводахъ г. Тихомировъ не приходитъ къ опредѣленію источниковъ того или другого свода въ видѣ другихъ, болѣе древнихъ сводовъ; источниками оказываются не готовые уже памятники, объединившіе разрозненныя историческія данныя, а сырой, не обработанный матеріалъ въ видѣ погодныхъ записей, сказаній, историческихъ повѣстей и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, минуя всякіе переходные своды, устанавливаетъ прямую связь между позднѣйшими сводами и какими-то до насъ недошедшими мѣстными лѣтописями — тверскими, нижегородскими, рязанскими и т. д. Вмѣсто того чтобы, на основаніи изученія позднѣйшихъ сводовъ, приходить къ возстановленію памятниковъ съ ними однородныхъ — болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, г. Тихомировъ извлекаетъ изъ нихъ указанія на существованіе памятниковъ неоднородныхъ съ ними: какихъ-то недошедшихъ до насъ мѣстныхъ лѣтописей, погодныхъ записей, перечней мѣстныхъ событій, отдѣльныхъ историческихъ сказаній и т. п.

Несомнѣнно, что лѣтописаніе начинается именно съ такихъ записей и сказаній, но, переходя на почву интересующаго насъ русскаго лѣтописанія, мы видимъ, что уже въ началѣ XII вѣка въ Кіевѣ составился обширный лѣтописный сводъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», имѣвшій весьма значительное распространеніе и оказавшій рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе лѣтописнаго дѣла не только въ южной, но также въ сѣверной (новгородской) и сѣверовосточной (суздальской и московской) Руси. Врядъ ли въ разныхъ отдаленныхъ и глухихъ углахъ древней Руси могли самостоятельно возникнуть мѣстныя лѣтописи, самобытные лѣтописные своды: но Повѣсть временныхъ лѣтъ и позднѣйшіе, составленные на основаніи ея своды, проникали и въ Новгородъ, и въ Тверь и въ глухой Переяславль Залѣсскій; здѣсь эти своды подвергались переработкѣ и дополнялись на основаніи мѣстныхъ извѣстій, сказаній и историческихъ преданій. Отрицая такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для древнѣйшей эпохи, самостоятельное существованіе мѣстныхъ лѣтописей, я думаю, что въ распоряженіи позднѣйшихъ сводчиковъ находились не погодныя записи, составленныя въ различныхъ городахъ и областяхъ, а лѣтописные своды, отражавшіе въ большинствѣ случаевъ свое мѣстное — ростовское, тверское, новгородское и т. п. происхожденіе. Поэтому изученіе позднѣйшихъ сводовъ приводитъ къ опредѣленію и возстановленію сводовъ древнѣйшихъ; анализъ древнѣйшихъ сводовъ и даже Повѣсти временныхъ лѣтъ указываетъ, какъ на источники ихъ, еще болѣе древніе лѣтописные своды.

Не стану настаивать на необходимости и важности, въ цѣляхъ историко-литературныхъ, изученія памятниковъ самихъ по себѣ и установленія внутренней связи между отдѣльными редакціями и списками памятника; почтенному изслѣдователю все это несомнѣнно извѣстно и безъ моихъ указаній. Но не могу не подчеркнуть того обстоятельства, что отмѣченныя выше особенности въ пріемахъ его изслѣдованія приводятъ къ такимъ выводамъ, которымъ трудно подыскать подходящее мѣсто въ будущемъ историко-литературномъ обозрѣніи нашихъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, изслѣдуя Лаврентьевскій сборникъ 1377 года, авторъ приходитъ къ выводу, что составителю его (слѣдовательно, монаху конца XIV в.) были доступны владимирскія, ростовскія, ярославскія, переяславскія, суздальскія и др. погодныя записи; онъ устанавливаетъ такимъ образомъ фактъ существованія какого-то особаго, до насъ не дошедшаго, вида литературныхъ памятниковъ и указываетъ на возможность непосредственнаго пользованія монахомъ Лаврентіемъ матеріалами самаго разнороднаго происхожденія. Между тѣмъ ближайшее изученіе этого сборника, сопоставленіе его съ другими лѣтописными сводами показываютъ, что составитель, жившій притомъ, вѣроятно, не въ концѣ, а въ началѣ XIV в. (Лаврентій былъ про-

стымъ переписчикомъ) имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число сводовъ, уже объединившихъ разнородный матеріалъ; одинъ изъ этихъ сводовъ — источниковъ Лаврентьевскаго сборника — владимирскій 1206 года дошелъ и до насъ въ позднѣйшемъ спискѣ (Радзивиловскомъ). Такимъ образомъ сравнительно-историческое изслѣдованіе Лаврентьевской лѣтописи не подтверждаетъ ни существованія указаннаго вида литературныхъ памятниковъ—погодныхъ записей, ни факта непосредственнаго пользованія разнороднымъ сырымъ матеріаломъ со стороны сводчика конца XIV вѣка.

Недостаточный интересъ къ изученію памятниковъ съ историко-литературной стороны особенно ясно сказался въ послѣдней работѣ г. Тихомирова. Разсматривая составъ Воскресенскаго, Никоновскаго и Софійскаго 2-го сводовъ, онъ останавливается почему то только на одномъ спискѣ каждаго изъ этихъ сводовъ, отожествляя этотъ списокъ съ основнымъ оригиналомъ; между тѣмъ, какъ это показано выше, списокъ Академическій XII Воскресенской лѣтописи оказывается однимъ изъ списковъ 3-й редакціи этого свода; Академическій XV списокъ Никоновской лѣтописи — это одинъ изъ многихъ списковъ третьей редакціи Никоновской лѣтописи, уступающій во многихъ отношеніяхъ старшему списку (второй редакціи) той же лѣтописи, списку XVI вѣка, Академическому XIV: внимательное отношеніе къ спискамъ Никоновской лѣтописи предостерегло бы г. Тихомирова отъ утвержденія, будто лѣтопись эта обязана своимъ происхожденіемъ патріарху Никону. Воскресенско-Новоіерусалимскій списокъ Софійской 2-й лѣтописи — это позднѣйшая редакція того свода, гдѣ лѣтописный разсказъ доведенъ лишь до 1518 года, т. е. Архивскаго списка. При обзорѣ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ указано, авторъ упустилъ изъ виду такіе важные памятники, какъ московскій сводъ 1409 года (Троицкій пергаменный списокъ) и Львовскую лѣтопись 1560 года: знакомство съ послѣдней имѣло бы важное для автора значеніе при разсмотрѣніи, какъ Софійской 2-й лѣтописи, такъ и Тверского сборника, а изученіе свода 1409 года, конечно, измѣнило бы въ значительной степени тѣ выводы, которыми авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе о московскихъ сводахъ. Благодаря ошибочному представленію о томъ, какъ слагались наши лѣтописные своды, г. Тихомировъ не сдѣлалъ попытки извлечь изъ сводовъ новгородскаго происхожденія указаній на существованіе древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, а между тѣмъ изученіе Новгородской 4-й лѣтописи приводитъ къ возстановленію московскаго свода, составленнаго въ восьмидесятыхъ годахъ XIV ст. на основаніи еще болѣе древняго московскаго же свода временъ княженія Ивана Ивановича. Возстановленіе этихъ сводовъ, установленіе преемственной связи между

этими сводами XIV в., только что упомянутымъ сводомъ 1409 года и позднѣйшими сводами XV-XVI вѣковъ — вотъ путь, по которому долженъ былъ бы идти изслѣдователь московскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Если бъ авторъ, анализируя позднѣйшій лѣтописный сводъ, не старался непремѣнно разложить его на недѣлимые элементы — погодныя записи и сказанія, а разсматривалъ бы его какъ сложное тѣло, развившееся изъ другихъ болѣе древнихъ, но уже сложныхъ тѣлъ, онъ отмѣтилъ бы въ своемъ изслѣдованіи о Тверскомъ сборникѣ, что большая часть находящихся въ немъ сказаній заимствовано изъ готовыхъ сводовъ — источниковъ сборника. Большинство сказаній второй части сборника восходитъ къ Ростовскому своду начала XV в., отразившемуся во многихъ позднѣйшихъ сводахъ, а повѣсть о Шевкалѣ, сказаніе объ убіеніи Александра Михаиловича, житіе Михаила Александровича и повѣсть о Плавѣ должны быть признаны составными частями важнаго памятника, указаннаго въ предисловіи Археографической комиссіи къ изданію Тверского сборника, но отрицаемаго г. Тихомировымъ — Лѣтописца княженія Тверскаго.

Я не стану увеличивать числа примѣровъ, гдѣ выводы автора представляются мнѣ ошибочными и недостаточно обоснованными: бо̀льшая часть ихъ подверглась оцѣнкѣ въ представляемой рецензіи. Не буду распространяться и о недостаткахъ въ пріемахъ изслѣдованія автора, такъ какъ, въ виду многихъ несомнѣнныхъ достоинствъ его труда, недостатки эти не такъ ощутительны: идя по ошибочному съ моей точки зрѣнія пути, авторъ тѣмъ не менѣе часто приходитъ къ вѣрнымъ выводамъ.

Точность изслѣдованія, систематичность въ изложеніи, умѣніе ставить вопросы, подлежащіе научному разрѣшенію — все это настолько выдвигаетъ труды г. Тихомирова среди другихъ работъ по нашему лѣтописанію, что рецензенту остается лишь высказать свое искреннее убѣжденіе въ томъ, что «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверовосточной» заслуживаетъ награжденія Уваровскою преміей.

А. Шахматовъ.

IV.

Отзывъ о представленномъ на соисканіе Уваровской преміи сочиненіи Г. Я. Кипріановича:

„Жизнь Іосифа Сѣмашки, Митрополита Литовскаго и Виленскаго, и возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г.

Изданіе второе, исправленное и дополненное. Вильна, 1897".

Рецензія экстраординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи

П. Жуковича.

Въ основу труда г. Кипріановича легли «Записки Іосифа, митрополита Литовскаго», изданныя въ трехъ томахъ Императорскою Академіею Наукъ (Спб., 1883). «Запискамъ» митропол. Іосифа г. Кипріановичъ посвятилъ особую небольшую главу (XVI) въ концѣ своей книги. Въ ней онъ указываетъ цѣль составленія митрополитомъ Іосифомъ его «Записокъ», передаетъ исторію составленія ихъ, выясняетъ общій характеръ, содержаніе и составъ ихъ. Въ этой же главѣ г. Кипріановичъ счелъ возможнымъ коснуться (во второмъ изданіи своей книги) и того вопроса, который затронутъ былъ въ свое время рецензентомъ академическаго изданія «Записокъ митрополита Іосифа», проф. М. О. Кояловичемъ («Журн. Мин. Н. Просв.» 1884, февраль). Проф. Кояловичъ затронулъ вопросъ о желательности сличенія черновыхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ «Запискахъ», съ подлинными бѣловыми бумагами. Ознакомившись съ многочисленными подлинными бѣловыми бумагами Іосифа въ архивахъ С. Синода, Литовской консисторіи, канцеляріи генералъ-губернатора и другихъ, г. Кипріановичъ (выписываемъ собственныя его слова) положительно утверждаетъ, что онъ «не нашелъ нигдѣ никакой разницы между этими бумагами и помѣщенными въ Запискахъ митрополита Іосифа. Если и попадались въ бѣловыхъ бумагахъ

какія-либо поправки или пропуски сравнительно съ черновыми, то они скорѣе всего касались самой формы изложенія и не затрогивали существа дѣла». Хотя г. Кипріановичъ, по его словамъ, не прибѣгалъ къ сличенію всѣхъ безъ исключенія черновыхъ бумагъ и списковъ съ бѣловыми и подлинными бумагами, хранящимися въ разнообразныхъ учрежденіяхъ и у разныхъ лицъ, но его заявленіе въ данномъ случѣ имѣетъ значеніе, и само по себѣ, въ отношеніи къ научной значимости печатнаго изданія (въ «Запискахъ») разнаго рода оффиціальной и конфиденціальной переписки митрополита Іосифа, и для характеристики пріемовъ работы самого автора (стр. 524—525, ср. стр. VIII—IX).

И въ самыхъ «Запискахъ» митрополита Іосифа, и въ особенности въ многочисленныхъ и разнообразныхъ приложеніяхъ къ нимъ, обнимающихъ въ академическомъ изданіи два съ половиной тома и состоящихъ изъ проходившей черезъ руки Іосифа переписки, г. Кипріановичъ нашелъ заботливо собранный самимъ Іосифомъ цѣлый архивъ фактическихъ данныхъ о церковно-общественномъ служеніи его. Но мысль о составленіи «Записокъ» съ оправдательными документами къ нимъ явилась у митрополита Іосифа сравнительно поздно и не могла быть во всей полнотѣ осуществлена имъ по тому уже одному, что многія изъ черновыхъ бумагъ, писанныхъ (до 1840 г.) на отдѣльныхъ листкахъ бумаги, совершенно затерялись. Правда, съ 1840 г. болѣе важныя бумаги оффиціальнаго и частнаго свойства Іосифъ сталъ вносить въ особыя, для того заведенныя, тетради, и слѣд. пробѣлы и недочеты съ этого времени становятся менѣе возможными. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1850 году митрополитъ Іосифъ распорядился сдѣлать для себя выписки изъ протоколовъ греко-уніатской коллегіи за 1827—1836 г. г. Но все-таки приложенія «Записокъ» митрополита Іосифа не исчерпываютъ собой всей переписки, проходившей черезъ его руки (конечно, по преимуществу, относительно предметовъ второстепенныхъ).

Не ограничиваясь поэтому богатымъ фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ самимъ Іосифомъ, г. Кипріановичъ счелъ нужнымъ ознакомиться самостоятельно съ нѣкоторыми архивами, и прежде всего съ архивомъ Св. Синода. Г. Кипріановичъ, какъ онъ самъ объясняетъ въ предисловіи (стр. VII), не задаваясь цѣлью написать подробную исторію возсоединенія бѣлорусско-литовскихъ уніатовъ, не считалъ необходимымъ подробное изученіе разнообразныхъ дѣлъ по греко-уніатскому департаменту римско-католической духовной коллегіи и старыхъ дѣлъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, тѣмъ болѣе, что эти дѣла достаточно исчерпаны въ изслѣдованіяхъ М. Я. Марошкина, П. О. Бобровскаго, М. О. Кояловича, И. А. Чистовича и гр. Д. А. Толстого. Требовать отъ г. Кипріа-

новича детальнаго (по рукописнымъ документамъ) изученія всей непосредственно предшествовавшей Сѣмашкѣ исторіи западнорусской уніатской церкви, значило бы, пожалуй, требовать отъ него слишкомъ многаго. Эпоха Лисовскаго и Красовскаго, это — весьма благодарная тема для особаго обширнаго изслѣдованія. Насколько же нужно было знать ее автору монографіи о Сѣмашкѣ, она достаточно въ общемъ обрисована въ сочиненіяхъ выше поименованныхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что она ими разсматривалась съ разныхъ точанъ зрѣнія и была даже предметомъ оживленной полемики, не мало помогшей выясненію основныхъ ея моментовъ. Но если детальнаго изученія всей эпохи предтечъ возсоединенія 1839 года можно отъ г. Кипріановича и не требовать, то едвали можно то же сказать относительно послѣднихъ лѣтъ этой эпохи, тѣхъ пяти лѣтъ (1822—1827 г.), на которыя падаетъ ассесорство Сѣмашки въ римско-католической духовной коллегіи. — Въ синодскомъ архивѣ г. Кипріяновичъ обратилъ вниманіе на тѣ дѣла изъ эпохи вполнѣ самостоятельной уже дѣятельности Сѣмашки, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ въ его «Запискахъ» затронуты сравнительно меньше (напр., дѣла о базиліанскомъ орденѣ, въ частности о Іосафатѣ Жарскомъ, о протестахъ противъ возсоединенія (новогрудскій протестъ почти цѣликомъ вошелъ въ текстъ книги), донесенія Скрипицына о ходѣ возсоединенія, извѣстія объ отношеніяхъ къ возсоединенію древне-православныхъ іерарховъ и гражданскихъ властей и т. д.). Эти архивныя разысканія нашего автора, несомнѣнно, вносятъ нѣкоторыя новыя данныя въ общую исторію возсоединенія литовско-бѣлорусскихъ уніатовъ, восполняетъ кое въ чемъ, хотя бы и второстепенномъ, «Записки». — Но поистинѣ счастливымъ результатомъ занятій г. Кипріановича въ синодскомъ архивѣ слѣдуетъ названія слѣд. его находку. Въ большой неразобранной связкѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти митрополита Іосифа и переданныхъ оберъ-прокуроромъ гр. Д. А. Толстымъ (присутствовавшимъ на погребеніи митрополита въ Вильнѣ) синодскому архиваріусу, въ особой тетради («тетради текущихъ исходящихъ бумагъ») г. Кипріановичъ нашелъ рядъ замѣтокъ митрополита Іосифа, составляющихъ дополненіе къ напечатаннымъ его «Запискамъ». Эти «Новооткрытыя Записки Іосифа, митрополита Литовскаго» напечатаны г. Кипріановичемъ въ приложеніи къ его книгѣ (во второмъ изданіи). Писаны онѣ большею частью рукою самого митрополита Іосифа, отчасти же рукою его секретаря Григи. Происхожденіе ихъ самъ митрополитъ Іосифъ объясняетъ такъ: «Въ Запискахъ моихъ, на скорую руку составленныхъ, естественно, не вошло множество фактовъ, не пришедшихъ въ свое время на память. Если что припомнится и будетъ охота, то я иное буду записывать здѣсь, въ тетради текущихъ собственныхъ моихъ исходящихъ бумагъ»

(стр. 528). Найденныя г. Кипріановичемъ Записки важны для характеристики общаго міровоззрѣнія митрополита Іосифа, а также жизни и дѣятельности его въ послѣдніе скорбные годы его жизни. Есть въ нихъ отчасти и воспоминанія о раннихъ годахъ жизни и дѣятельности Сѣмашки[1]).

Наиболѣе обстоятельныя научныя разысканія произвелъ г. Кипріановичъ въ Вильнѣ, въ архивахъ Литовской духовной консисторіи и Виленскаго архіерейскаго дома. Послѣ «Записокъ» митрополита Іосифа виленскіе архивы своими матеріалами болѣе всего помогли автору въ его дѣлѣ. Въ архивѣ Виленскаго архіерейскаго дома г. Кипріановичъ, прежде всего, просмотрѣлъ двадцать шесть фоліантовъ «протоколовъ литовскаго епархіальнаго архіерея, относительно которыхъ самъ митрополитъ Іосифъ въ своихъ «Запискахъ замѣтилъ, что въ нихъ «можетъ быть, найдется что и замѣчательнѣе моихъ приложеній (къ «Запискамъ»), иногда взятыхъ на выдержку». Въ эти «протоколы», кромѣ собственно протоколовъ литовской консисторіи, восходившихъ на утвержденіе митрополита Іосифа, внесены копіи большей части бумаги, писанныхъ Іосифомъ къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Въ архивѣ Литовской духовной консисторіи авторъ ознакомился съ особымъ отдѣломъ его, носящимъ названіе архива Іосифа, митрополита Литовскаго (328 дѣлъ). По преимуществу на основаніи матеріаловъ, самостоятельно извлеченныхъ авторомъ изъ этихъ архивовъ, написана имъ исторія послѣднихъ лѣтъ жизни и дѣятельности митриполита Іосифа. Но и для исторіи тѣхъ временъ, для которыхъ документы собраны въ «Запискахъ», онъ отыскалъ въ виленскихъ архивахъ новыя, дополнительныя данныя. Для самой исторіи возсоединенія извлечены имъ изъ этихъ архивовъ новыя свѣдѣнія, имѣющія значеніе далеко не лишнихъ деталей въ общей картинѣ возсоединенія (напр., по слабо вообще разъясняемому «Записками» вопросу объ отношеніи литовской епархіальной власти къ упорствовавшимъ въ уніи духовнымъ лицамъ, по вопросу о переустройствѣ уніатскихъ церквей, измѣненіи одежды духовенства и т. п.). Болѣе же всего, конечно, данныя виленскихъ архивовъ послужили для возсозданія картины постепеннаго закрѣпленія въ жизни великаго дѣла возсоединенія.

Кромѣ виленскихъ, г. Кипріановичъ счелъ нужнымъ ознакомиться для своихъ цѣлей съ нѣкоторыми другими архивами литовской епархіи. Въ

---

[1]) Кромѣ «Новооткрытыхъ Записокъ», г. Кипріановичъ, вслѣдъ за ними помѣстилъ нѣсколько писемъ къ митрополиту Іосифу и его писемъ за 60-ые годы (найденныхъ въ синодскомъ же архивѣ). Еще раньше, въ Вильнѣ, автору посчастливилось найти нѣсколько частныхъ писемъ митрополита Іосифа, относящихся къ тѣмъ же послѣднимъ годамъ его жизни (они нашли себѣ мѣсто на страницахъ уже перваго изданія его книги).

Гроднѣ, въ архивѣ архіерейскаго дома (отчасти въ архивѣ Борисоглѣбскаго монастыря) онъ просмотрѣлъ собственноручную черновую переписку по епархіальнымъ дѣламъ викаріевъ митрополита Іосифа — преосв. Михаила Голубовича и Игнатія Желѣзовскаго (съ 1840—1869 г.). Оффиціальную переписку по епархіальнымъ дѣламъ предшественника ихъ, преосв. Антонія Зубки (1836—1838) г. Кипріановичъ изучилъ въ литовскомъ консисторскомъ архивѣ, въ особомъ отдѣлѣ его, носящемъ названіе архива Антонія Зубки (хотя тутъ она находится не вся). Въ архивѣ Пожайскаго монастыря (возлѣ Ковны) онъ отыскалъ интересныя подлинныя письма дѣятелей такъ называемаго почастнаго возсоединенія, преосв. Смарагда, Гавріила, Евгенія. Въ этихъ архивахъ оказалось не мало интересныхъ вещей, прежде всего, конечно, для характеристики непосредственныхъ сотрудниковъ и помощниковъ митрополита Іосифа, а затѣмъ для выясненія нѣкоторыхъ частностей церковно-общественнаго служенія и самого митрополита Іосифа.

Послѣ выхода въ свѣтъ «Записокъ» митрополита Іосифа были уже попытки изложенія, на основаніи ихъ, исторіи его жизни и дѣятельности (Н. Кедрова, «Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко» въ Прав. Обозр. за 1887 г., о. Н. Извѣкова «Высокопреосвященный Іосифъ, митрополитъ Литовскій и Виленскій», Вильна, 1889, и др. менѣе важные). Но эти попытки представляютъ собой собственно популярное воспроизведеніе «Записокъ». Только о. Извѣковъ ввелъ въ кругъ своего изученія нѣсколько другихъ источниковъ и пособій. Вообще ни съ фактической, ни съ другой какой-либо стороны они не могли ничего дать нашему автору. Въ этомъ отношеніи для него, несомнѣнно, гораздо болѣе значенія имѣло извѣстное историческое изслѣдованіе о возсоединеніи уніатовъ М. Я. Морошкина («Возсоединеніе уній», Вѣст. Европы, 1872), помимо удачно сдѣланнаго изложенія общаго хода этого возсоединенія заключающее въ себѣ немало документовъ (изъ синодскаго и другихъ архивовъ), не вошедшихъ въ «Записки» митрополита Іосифа, а также тѣ небольшія статьи-некрологи, которыя появились въ свое время въ печати по случаю кончины митрополита Іосифа (М. О. Кояловича, гр. Д. А. Толстого).

Но если передъ глазами у нашего автора было вообще немного спеціальныхъ работъ о митрополитѣ Іосифѣ, въ особенности такихъ, которыя чѣмъ-нибудь могли ему послужить, то этого никакъ нельзя сказать о печатной исторической литературѣ вообще, подлежавшей его вѣдѣнію. Въ нашей литературѣ относительно современной митрополиту Іосифу эпохи западнорусской церковной жизни успѣлъ уже накопиться обширный и разнообразный матеріалъ, по преимуществу въ видѣ разнаго рода писемъ, воспоминаній, замѣтокъ. Съ другой стороны, по нѣкоторымъ вопросамъ, такъ или иначе

затрогивающимъ дѣятельность Сѣмашки, особенно въ начальную пору его дѣятельности, успѣли уже появиться въ печати специальныя, болѣе или менѣе научныя, изслѣдованія. Г. Кипріановичъ весьма внимательно отнесся ко всей этой печатной литературѣ о митрополитѣ Іосифѣ, о его дѣлахъ, о его времени вообще. Онъ воспользовался не только болѣе крупными, но и мелкими вещами. Въ предисловіи ко второму изданію своей книги г. Кипріановичъ сдѣлалъ обзоръ болѣе важныхъ произведеній русской печатной литературы о митрополитѣ Іосифѣ и западнорусскихъ церковныхъ дѣлахъ въ его время. Обзоръ этотъ сопровождается критическими замѣчаніями автора о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ своемъ обзорѣ онъ не оставилъ безъ вниманія и нѣкоторыхъ произведеній польской литературы, посвященныхъ если не цѣликомъ, то отчасти, Сѣмашкѣ и возсоединенію уніатовъ (Ликовскій, Пелешъ).

Цѣлью своего историческаго изслѣдованія г. Кипріановичъ, какъ онъ самъ заявляетъ объ этомъ въ началѣ своего предисловія, поставилъ— дать «возможно полную и вѣрную картину жизни и дѣятельности Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго... въ связи съ общимъ ходомъ западнорусской церковно-исторической жизни его времени». Такимъ образомъ, авторъ (это вполнѣ подтверждается и самымъ содержаніемъ книги) преслѣдовалъ въ своемъ трудѣ двѣ главныхъ цѣли — возможную біографическую полноту въ отношеніи къ самому Іосифу и возможно полное выясненіе тѣхъ общецерковныхъ западнорусскихъ и спеціально литовскихъ епархіальныхъ дѣлъ и отношеній, въ которыхъ ему пришлось принимать такое выдающееся, рѣшающее участіе.

Первая цѣль привлекаетъ къ себѣ вниманіе автора по преимуществу. Въ своемъ изложеніи онъ почти всюду слѣдуетъ хронологическому распорядку, отступая отъ него лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда извѣстные историческіе факты не укладывались въ рамки того или другого года личной жизни Сѣмашки, и ихъ по необходимости приходилось сводить въ одну, особую главу. Весь оборотъ жизни митрополита Іосифа, и личной, частной жизни, и общественно-церковной дѣятельности, изображается въ интересующей насъ книгѣ во всѣхъ ея стадіяхъ съ такой полнотой и отчетливостью, какія только были возможны для автора при его научныхъ средствахъ.

Первая глава сочиненія г. Кипріановича посвящена дѣтству и годамъ ученья Сѣмашки, сперва въ Немировской школѣ, потомъ въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ. Въ дополненіе къ этой главѣ, въ концѣ книги г. Кипріановичъ помѣстилъ особое приложеніе объ отцѣ митрополита Іосифа, соборномъ протоіереѣ Іосифѣ Семашкѣ, гдѣ сообщаетъ свѣдѣнія о предкахъ и родственникахъ его, о строѣ жизни въ родительскомъ домѣ, о послѣдующихъ отношеніяхъ его къ родителямъ, —

свѣдѣнія, — почерпнутыя, помимо виленскихъ архивовъ, изъ мѣстныхъ источниковъ, изъ сообщеній живыхъ еще свидѣтелей жизни родителей Сѣмашки въ селѣ Дикушкахъ (Вилен. губ.). Въ тѣхъ отдѣлахъ первой главы, которые посвящены годамъ ученія Сѣмашки, особенно въ виленской главной семинаріи, авторъ (особенно во второмъ изданіи книги), съ одной стороны постарался охарактеризовать тогдашнюю учебную систему Виленскаго учебнаго округа, и въ частности общеее направленіе Виленскаго университета и главной при немъ духовной семинаріи (воспользовавшись для этой цѣли тѣмъ, что уже сдѣлано по этому вопросу въ спеціальной литературѣ), съ другой стороны, на общемъ фонѣ учебно-воспитательныхъ и соціально-политическихъ вліяній западнорусскихъ той эпохи онъ достаточно отчетливо показалъ постепенное формированіе умственнаго и нравственнаго облика будущаго борца за вѣру православную и народность русскую. Правда, трудъ нашего автора тутъ облегчался самимъ митропол. Іосифомъ, обратившимъ на этотъ пунктъ спеціальное вниманіе въ своихъ «Запискахъ», но тѣмъ болѣе чести тутъ и нашему автору, — постаравшемуся возможно полнѣе его аргументировать и иллюстрировать, такъ какъ, очевидно, самъ митрополитъ Іосифъ, и уже въ концѣ своего историческаго поприща, искалъ первыхъ зародышей своей православно-русской дѣятельности въ этомъ своемъ далекомъ прошломъ.

Для начальнаго періода службы Сѣмашки — кратковременнаго его ассесорства въ Луцвой уніатской консисторіи (1820—1822 г. г.) — у г. Купріановича не было никакихъ иныхъ источниковъ, кромѣ тѣхъ немногихъ строкъ, которыя написалъ объ этомъ времени самъ Семашко въ своихъ «Запискахъ». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что и для исторіи этого, столь скуднаго фактами періода жизни Сѣмашки, ему удалось кое-что найти (разсказъ Сѣмашки о поѣздкѣ его въ Почаевскую лавру въ 1822 году, «Новооткрытыя Записки»). Для первой поры петербургской службы Сѣмашки въ должности ассесора римско-католической духовной коллегіи (до 1827 года, т. е. начала настоящаго историческаго поприща Сѣмашки) въ «Запискахъ» уже больше было данныхъ; кое-что объ этой порѣ можно найти въ воспоминаніяхъ Зубки. Но всетаки всего этого не вполнѣ достаточно для детальнаго воспроизведенія «служебной» дѣятельности Сѣмашки въ первыя пять лѣтъ его службы въ Петербургѣ. Вообще глава (II гл.), посвященная первому періоду церковно-общественной дѣятельности митрополита Іосифа, не даетъ такого точнаго curriculum vitae его, какое представляетъ дальнѣйшее въ книгѣ г. Купріановича изложеніе жизни и дѣятельности Сѣмашки (послѣ 1827 года). Тутъ-то, какъ замѣтили мы выше, знакомство съ синодскими архивомъ могло бы быть для автора очень полезнымъ.

Третья глава въ книгѣ г. Кипріановича имѣетъ значеніе введенія въ исторію возсоединенія литовско-бѣлорусскихъ уніатовъ, двинутаго Сѣмашкою съ начала царствованія императора Николая I и завершившагося въ 1839 году. Эта глава, какъ мы замѣтили уже выше, представляетъ собою сводъ данныхъ, добытыхъ трудомъ позднѣйшихъ изслѣдователей исторіи уніатской церкви въ первой четверти текущаго столѣтія, по преимуществу въ синодскомъ архивѣ (въ дѣлахъ уніатскаго департамента римско-католической духовной коллегіи и канцеляріи оберъ-прокурора св. синода). Въ ней авторъ сначала обрисовываетъ дѣятельность митрополита Ираклія Лисовскаго и архіепископа Іоанна Красовскаго по преобразованію и устройству греко-уніатской церкви, затѣмъ переходитъ къ дѣятельности въ томъ же направленіи членовъ брестскаго капитула, къ ихъ прошеніямъ и протестамъ, и останавливается, наконецъ, съ большимъ вниманіемъ на мѣропріятіяхъ высшаго правительства относительно уніатовъ съ 1822 года. Для г. Кипріановича въ третьей главѣ его книги главный вопросъ былъ объ отношеніи Іосифа Сѣмашки къ уніатскимъ — преобразователямъ предыдущей эпохи — Лисовскому, Красовскому и «тріумвирамъ» брестскаго капитула Антонію Тупальскому, Антонію Сосновскому и Михаилу Бобровскому. Заслуга Лисовскаго и Красовскаго, по мнѣнію г. Кипріановича, состоитъ въ томъ, что они сохранили свою паству отъ поглощенія латинянами, боролись съ горячими сторонниками латинянъ-базиліанами, поддерживали интересы бѣлаго духовенства и возстановляли православные обряды въ уніатской церкви, съ цѣлью придать ей больше самостоятельности по отношенію къ латинской церкви (стр. 42). Г. Кипріановичъ признаетъ, что Сѣмашко въ своей исторической запискѣ отъ 5 ноября 1827 г. является явнымъ старонникомъ реформъ Лисовскаго и Красовскаго, но съ особенной силой ударяетъ на то, что цѣль этихъ реформъ у Сѣмашки была совсѣмъ другая, чѣмъ у Лисовскаго и Красовскаго: его цѣль—возсоединеніе съ православною церковью, прямо, безъ всякихъ обиняковъ заявленная уже въ этой первой его запискѣ, цѣль его предшественниковъ — упроченіе самостоятельности уніатской церкви въ Россіи. Согласно съ Антоніемъ Зубкою, вопреки Василію Лужинскому, г. Кипріановичъ отрицаетъ существованіе идеи возсоединенія у предшественниковъ Сѣмашки (стр. 40). Существованіе той же идеи онъ отрицаетъ и у продолжателей начинаній Лисовскаго и Красовскаго — членовъ брестскаго капитула, признавая въ то же время всю важность для дѣла Сѣмашки хорошаго его знакомства (пріобрѣтеннаго въ духовной коллегіи въ первыя пять лѣтъ его ассесорства въ ней) со всею предыдущею и современною ему работою по уніатскому вопросу, особенно по вопросу о закрытіи базиліанскихъ монасты-

рей и учрежденіи училищъ для дѣтей уніатскаго духовенства, лучшихъ, болѣе просвѣщенныхъ представителей бѣлаго уніатскаго клира, во главѣ съ дѣятелями брестскаго капитула (стр. 60). Пока не представлено какихъ либо положительныхъ доказательствъ въ пользу существованія идеи возсоединенія у предшественниковъ Сѣмашки (кромѣ далеко не принудительнаго логически заключенія отъ тѣхъ средствъ, которыя употреблялись или предлагались уніатскими дѣятелями въ извѣстный моментъ, къ той цѣли, которая якобы ими имѣлась въ виду), до тѣхъ поръ, оставаясь на почвѣ извѣстныхъ намъ теперь документальныхъ данныхъ, только и можно было рѣшить вопросъ объ отношеніи Сѣмашки къ его предшественникамъ такъ, какъ рѣшаетъ его авторъ разбираемой книги. Такое рѣшеніе его — не ново, но оно вновь продумано авторомъ въ виду высказанныхъ противъ него возраженій, подкрѣплено цѣлымъ рядомъ положительныхъ данныхъ, отчасти заимствованныхъ имъ у предыдущихъ изслѣдователей того же вопроса, отчасти употребленныхъ въ дѣло самостоятельно.

Исторія подготовительныхъ къ возсоединенію уніатовъ церковно-правительственныхъ дѣйствій и историческій ходъ самого возсоединенія сравнительно давно уже, до выхода въ свѣтъ «Записокъ» установлены въ нашей исторической литературѣ («Возсоединеніе уніи» о. Морошкина). Четыре главы, посвященныхъ въ книгѣ г. Кипріановича этому періоду дѣятельности митрополита Іосифа, представляютъ собой полное и детальное описаніе всего хода этого главнаго историческаго дѣла митрополита Іосифа, съ хронологически-точнымъ обозначеніемъ всѣхъ пунктовъ личнаго его участія въ этомъ дѣлѣ. Это описаніе составлено на основаніи не только всѣхъ имѣющихся въ печатной литературѣ матеріаловъ, но и цѣлаго ряда архивныхъ данныхъ.

Четвертая глава въ книгѣ г. Кипріановича посвящена началу дѣятельности Іосифа Сѣмашки по возсоединенію уніатовъ съ православною церковью (1827—1832 г. г.). Глава начинается обстоятельнымъ разборомъ извѣстной записки Сѣмашки (5 ноября 1827 г.), представленной А. С. Шишковымъ имп. Николаю Павловичу и послужившей началомъ новому періоду въ жизни западнорусской уніатской церкви, завершившемуся возсоединеніемъ 1839 года. Тутъ, приступая къ изображенію этого новаго періода активной реформаторской дѣятельности Сѣмашки, совпавшаго съ первыми годами царствованія имп. Николая, г. Кипріановичъ неизбѣжно наталкивался на трудный вопросъ объ отношеніи Сѣмашки къ имп. Николаю въ уніатскомъ вопросѣ. Г. Кипріановичъ не отрицаетъ у имп. Николая идеи возсоединенія или — точнѣе сказать — желанія видѣть уніатовъ Западной Россіи православными до знакомства его съ запиской Сѣмашки 1827 года. Но изложенный въ этой запискѣ, полный и впослѣд-

ствіи осущественный, планъ постепеннаго, какъ бы незамѣтнаго, возвращенія западнорусскаго уніатскаго народа въ лоно православной церкви онъ признаетъ всецѣло мыслью самого Сѣмашки, а отнюдь не воспроизведеніемъ имъ чужой мысли подъ чью-либо диктовку. Извѣстно, что въ этой новизнѣ предложеннаго Сѣмашкою для извѣстной цѣли плана и заключалась тогда вся сущность дѣла. Послѣ массоваго возсоединенія уніатовъ въ послѣдніе годы царствованія имп. Екатерины II единичные, иногда довольно значительныя по числу присоединяемыхъ, случаи возсоединенія уніатовъ съ православною церковью непрерывно повторялись вплоть до императора Николая I.

Въ пятой главѣ изображаются рѣшительныя дѣйствія литовскаго греко-уніатскаго епископа Іосифа Сѣмашки по возсоединенію уніатовъ (1833—1837 г. г.). Шестая глава посвящена Іосифу, какъ предсѣдателю греко-уніатской коллегіи, и борьбѣ его съ противниками возсоединенія (въ 1838 г.). Въ седьмой главѣ разсказано самое возсоединеніе уніатовъ въ 1839 году. Въ предѣлахъ Литовской епархіи, непосредственно зависѣвшей отъ Іосифа, какъ и естественно было ожидать, у автора болѣе детальное изложеніе дѣла, чѣмъ въ епархіи Бѣлорусской, гдѣ онъ останавливается только на болѣе выдающихся моментахъ. Относительно возсоединенія уніатовъ въ Бѣлорусской епархіи авторъ ограничился тѣми свѣдѣніями (достаточно полными и точными), которыя онъ нашелъ (въ дополненіе къ «Запискамъ» Сѣмашки) въ «Запискахъ» Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго. Зато относительно уніатовъ волынскихъ, подольскихъ и кіевскихъ онъ воспользовался архивными данными (дѣла о нихъ отчасти въ подлинникахъ, отчасти въ копіяхъ, сохранились въ виленскомъ консисторскомъ архивѣ).

Особую главу (VIII гл.) посвятилъ г. Кипріановичъ выясненію церковнаго и государственнаго значенія возсоединенія уніатовъ, основного характера возсоединенія (возсоединеніе 1839 года онъ считаетъ іерархическимъ, а не народнымъ, по способу его осуществленія), его своевременности и заслуги митрополита Іосифа въ дѣлѣ возсоединенія.

Вообще, въ книгѣ г. Кипріановича и постепенная подготовка, и самый ходъ возсоединенія уніатовъ, и его значеніе и характеръ, обрисованы ясно и съ знаніемъ дѣла. Ни одинъ существенный моментъ не упущенъ. Указано какъ все то, что облегчало дѣло, такъ и все то, что его тормозило, въ той или другой его стадіи. Съ особенною подробностію изложена дѣятельность противниковъ возсоединенія. Отведено повсюду должное мѣсто въ дѣлѣ возсоединенія представителямъ гражданской власти, особенно мощной поддержкѣ имп. Николая. Личное участіе Іосифа во всѣхъ перипетіяхъ дѣла рисуется живо и рельефно. Достаточно ясно выступаетъ и дѣятельность ближайшихъ его помощниковъ и сотрудниковъ.

Въ существующихъ о митрополитѣ Іосифѣ и возсоединеніи очеркахъ и изслѣдованіяхъ историческое изученіе доводится обыкновенно до общеизвѣстнаго финала его — до 1839 года. Относительно того, что послѣдовало далѣе, за годомъ возсоединенія, въ нихъ можно найти только нѣсколько отрывочныхъ фактовъ и сообщеній. Несомнѣнная заслуга автора (и, по моему мнѣнію, главный научный интересъ его книги) состоитъ въ томъ, что онъ въ своей книгѣ впервые даетъ болѣе или менѣе стройное, исторически-послѣдовательное изложеніе фактовъ дальнѣйшей (послѣ возсоединенія уніановъ) почти тридцатилѣтный дѣятельности митр. Іосифа, этого періода постепеннаго утвержденія и укрѣпленія имъ великаго дѣла возсоединенія, среди цѣлаго ряда препятствій и затрудненій, въ непрерывной почти борьбѣ за него. На этомъ никѣмъ еще не изученномъ періодѣ жизни митрополита Іосифа г. Купріановичъ сосредоточилъ преимущественное вниманіе и посвятилъ ему пять большихъ главъ (IX—XIII гл.), составляющихъ болѣе половины его книги. Въ IX главѣ изображается жизнь и дѣятельность архіепископа литовскаго Іосифа Сѣмашки до перенесенія епархіальнаго управленія изъ Жировицъ въ Вильну (1840—1845 г. г.), въ X главѣ — послѣ перенесенія этого управленія въ Вильну до возведенія Іосифа въ санъ митрополита (1845—1851 г. г.), въ XI главѣ — дѣятельность его въ санѣ митрополита (1852—1860 г. г.), въ XII главѣ — во время польскаго мятежа (1861—1864 г. г.), въ XIII главѣ — въ послѣдніе годы его жизни 1865—1868 г. г.).

Трудъ г. Купріановича въ этой половинѣ его работы уже не облегчался ни самимъ Іосифомъ, ни кѣмъ либо изъ изслѣдователей его жизни и дѣятельности. Въ «Запискахъ» Іосифа изложеніе событій этого періода не имѣетъ уже характера систематически-послѣдовательнаго разсказа: третья, четвертая и пятая части «Записокъ» представляютъ собой собственно перечень и объясненіе важнѣйшихъ документовъ, приложенныхъ къ этимъ частямъ. На 1860 г. «Записки» и документы въ нихъ совершенно обрываются. А между тѣмъ съ 60-хъ годовъ въ жизни Западной Россіи и въ личной жизни митрополита Іосифа началась новая и чрезвычайно богатая событіями эпоха. Этотъ послѣдній, завершительный періодъ жизни и дѣятельности митрополита Іосифа написанъ г. Купріановичемъ на основаніи почти исключительно собственныхъ архивныхъ его разысканій почти съ такой же полнотой, какъ и предыдущіе, насколько позволяла это близость его къ нашему времени. Многое въ этомъ періодѣ возрожденія Западной Руси для новой православно-русской жизни представляетъ громадный интересъ и для соціально-политической, и для религіозно-церковной исторіи сѣверо-западная края, и впервые въ трудѣ г. Купріановича становится предметомъ спокойнаго историческаго изученія.

При изученіи тридцатилѣтней дѣятельности митрополита Іосифа, направленной къ закрѣпленію въ жизни великаго дѣла возсоединенія, авторъ главное вниманіе обратилъ на дѣятельность его, какъ литовскаго епархіальнаго архіерея. Этого требовало существо того дѣла, которому послѣ возсоединенія посвятилъ себя всецѣло митрополитъ Іосифъ и слѣд. изученіемъ котораго прежде всего и долженъ былъ заняться авторъ специальной о немъ монографіи. Съ уничтоженіемъ особаго высшаго управленія бывшею западнорусскою уніатскою церковью, во главѣ котораго передъ тѣмъ стоялъ Іосифъ, съ точнымъ разграниченіемъ предѣловъ совершенно назависимыхъ теперь одна отъ другой епархій сѣверо-западнаго края, практическая дѣятельность Іосифа по необходимости должна была изъ общей западнорусской все болѣе превращаться въ обычную епархіальную дѣятельность, въ предѣлахъ трехъ губерній, составившихъ литовскую православную епархію. Епархіальная дѣятельность Іосифа описана г. Купріановичемъ погодно, съ полной тщательностію, во всемъ многообразіи ея практическихъ обнаруженій. И внѣшняя, и внутренняя жизнь литовской епархіи одинаково внимательно изучены имъ по оффиціальнымъ документамъ, приложенымъ къ «Запискамъ», и дѣламъ виленскихъ архивовъ. Перенесеніе архіерейской каѳедры изъ Жировицъ въ Вильну, устройство епархіальнаго управленія во всѣхъ его видахъ на новомъ мѣстѣ, перемѣны въ высшемъ и низшемъ административномъ строѣ епархіи, въ связи съ заботами о поднятіи религіозно-нравственнаго уровня народа, все это—очень подробно разсказывается нашимъ авторомъ. Жизнь духовно-учебныхъ заведеній литовской епархіи, хотя и въ общихъ чертахъ, также обозрѣвается имъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ его книги. Само собой разумѣется, что авторъ, въ первой половинѣ своей книги удѣлившій не мало вниманія противникамъ возсоединенія и борьбѣ съ ними Сѣмашки, и здѣсь, во второй половинѣ своей книги, съ достаточной полнотой излагаетъ борьбу его съ ними, а также съ разными остатками уніи въ жизни духовенства и народа. На ряду съ этой борьбоій въ книгѣ г. Купріановича ясно виденъ и другой процессъ — постепеннаго внутренняго жизненнаго возрожденія православія, хотя и замедленнымъ ходомъ совершавшійся среди тяжелыхъ условій тогдашней западнорусской дѣйствительности.

Заботы митрополита Іосифа о теснѣйшемъ сближеніи бывшихъ уніатовъ съ православною церковью не ограничивались одною, непосредственно ему подвѣдомственною, литовскою епархіею. Присутствовалъ ли онъ въ св. синодѣ, или нѣтъ, безъ совѣта съ нимъ не издавалось сколько-нибудь важныхъ узаконеній и распоряженій, касавшихся западнорусскихъ епархій. Не разъ, по порученію св. синода, митрополитъ Іосифъ производилъ ревизіи смежныхъ епархій. Авторъ разсматриваемой книги и на эту

сторону дѣла обратилъ не меньшее вниманіе, такъ что въ ней мы находимъ въ разныхъ мѣстахъ цѣлый рядъ сообщеній относительно общихъ западнорусскихъ церковныхъ дѣлъ и отношеній и такого или иного участія въ нихъ митрополита Іосифа. И эти сообщенія касаются западнорусскаго православія, какъ самого въ себѣ, такъ и въ отношеніяхъ его къ латинству, за которымъ митрополитъ Іосифъ всегда зорко смотрѣлъ. Тутъ многое, разсказанное авторомъ по архивнымъ даннымъ, впервые является въ печати въ настоящемъ историческомъ изложеніи (см., напр., IV отд. XIII гл. о массовомъ движеніи латинянъ въ православіе въ 60-хъ годахъ).

Церковной жизни г. Кипріановичъ не изучаетъ изолированно отъ всей остальной западнорусской жизни, а старается по возможности установить ея связь съ другими сторонами и явленіями внутренней жизни сѣверозападная края. Съ одной стороны самое дѣло митрополита Іосифа — возсоединеніе уніатскаго народа съ православною церковью и затѣмъ утвержденіе и укрѣпленіе его въ православіи—неизбѣжно ставило его постоянно въ самое близкое соотношеніе и съ высшимъ центральнымъ правительствомъ, и съ высшею мѣстною властью, отъ содѣйствія или бездѣйствія которыхъ столь многое зависѣло во всемъ этомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, такой истинно-государственный человѣкъ, какимъ былъ митрополитъ Іосифъ, не могъ относиться равнодушно къ общему направленію русской государственной политики по западнорусскимъ дѣламъ, не могъ спокойно плыть по теченію, когда видѣлъ, что оно идетъ въ разрѣзъ съ русскими народными и государственными интересами. Г. Кипріановичъ совершенно справедливо счелъ одною изъ своихъ существенныхъ обязанностей обратить на эту сторону дѣятельности митрополита Іосифа Сѣмашки особенное вниманіе. Но тутъ положеніе его оказалось довольно затруднительнымъ. Въ нашей исторической литературѣ внутренняя соціально-политическая исторія сѣверо-западнаго края со времени присоединенія его къ Россіи всего менѣе выяснена, какъ ни печально это не только съ точки зрѣнія русской науки, но и съ точки зрѣнія практическихъ потребностей русской здѣсь жизни. Даже въ позднѣйшихъ, наиболѣе полныхъ, трудахъ читатель найдетъ въ обзорѣ новой (подъ властію Россіи) исторіи Западной Руси (не включая сюда обоихъ польскихъ возстаній съ вызвавшими и сопровождавшими ихъ историческими обстоятельствами), ссылки на одни почти спеціально-церковные источники этого времени, на тѣ же «Записки» Сѣмашки, Лижинскаго, Зубки. Конечно, и г. Кипріановичъ, занятый своей церковно-исторической работой, не могъ сдѣлать этого дѣла во всей желательной его широтѣ. Но во всякомъ случѣ, по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней гражданской, такъ сказать, исторіи сѣверо-западнаго края въ его книгѣ можно найти болѣе фактовъ и указаній,

чѣмъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ западнорусскихъ историческихъ сочиненій общаго характера. Достигъ онъ этого по преимуществу самостоятельнымъ изученіемъ разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіемъ записокъ и воспоминаній о тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятеляхъ и явленіяхъ современной митрополиту Іосифу эпохи. Вся эта литература оказалось очень полезной для лучшаго пониманія самыхъ «Записокъ», для ихъ восполненія и иногда исправленія (напр., по вопросу объ отношеніяхъ генералъ-губернатора Назимова къ митрополиту Іосифу), а также для болѣе живой обрисовки той среды, тѣхъ людей, съ которыми митрополиту Іосифу приходилось дѣйствовать совмѣстно, или — что чаще бывало — вести борьбу. Даже приводимые авторомъ неблагопріятные отзывы о митрополитѣ Іосифѣ нѣкоторыхъ неважныхъ самихъ по себѣ лицъ не лишены своего рода значенія для характеристики того непониманія и тѣхъ предразсудковъ своихъ же, русскихъ людей, съ которыми приходилось считаться митрополиту Іосифу, даже въ послѣднюю пору его жизни. Изъ числа вопросовъ внутренней западнорусской жизни тѣснѣе другихъ связанъ былъ съ уніатскимъ вопросомъвопросъ о народномъ образованіи. Авторъ достаточно воспользовался тѣмъ, что въ послѣдніе годы сдѣлано по уясненію хода просвѣщенія и образованія въ Западной Россіи вообще, и постарался и съ этой стороны выяснить значеніе дѣятельности митрополита Іосифа.

Послѣдніе годы дѣятельности митрополита Іосифа захватываютъ уже близкое къ намъ время, о которомъ на мѣстѣ ея сохраняются еще болѣе или менѣе живыя воспоминанія. Этими послѣдними и авторъ разсматриваемой книги пользуется по мѣстамъ. Въ особенности это нужно сказать о послѣднихъ главахъ книги, гдѣ рѣчь идетъ о шестидесятныхъ годахъ (XII—XIII гл.) и гдѣ характеризуется личный характеръ и частная жизнь митрополита Іосифа (XV гл.). Привнесеніе этого элемента — живыхъ, устныхъ разсказовъ современниковъ — едвали можно поставить автору въ вину, тѣмъ болѣе, что онъ вообще въ книгѣ г. Купріановича не великъ. Къ этому нужно прибавить, что, по отзыву самого митрополита Іосифа, его «Записки очерчиваютъ дѣятеля по общественному дѣлу, но личность этого дѣятеля и самый образъ его дѣйствій не довольно въ нихъ затронуты» (I, 268). Въ всякомъ случаѣ, только благодаря этой необорванной еще рукою времени нити живыхъ преданій, нѣкоторыя черты личнаго характера и частной жизни митрополита Іосифа и нашли себѣ мѣсто на страницахъ разсматриваемой книги).

Въ виду всего изложеннаго, книга г. Купріановича заслуживаетъ, по моему мнѣнію, преміи гр. Уварова.

V.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796).

Е. І. Лихачевой.

Три книги, 8⁰, V+II+296+308+371 стр. Спб. 1890—1895 г.

Рецензія **С. И. Пономарева.**

«Мы всѣмъ одолжены женщинамъ» — писалъ 135 лѣтъ тому назадъ Бецкій — «за все одолжены: за первое предводительство, оказанное намъ какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь и сбереженіе, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся». Еще въ прошломъ вѣкѣ сознавали въ Россіи, что чѣмъ образованнѣе женщина, тѣмъ вліяніе ея сильнѣе и благодѣтельнѣе, а въ наше время значеніе образованія женщинъ въ развитіи народа ясно всѣмъ, какъ лучшій день весны. Но какъ шло оно, это образованіе, въ нашемъ отечествѣ, на этотъ вопросъ доселѣ въ литературѣ нашей не было полнаго отвѣта. Вотъ почему мы чрезвычайно радуемся появленію книгъ *Елены Іосифовны Лихачевой*,—это первыя у насъ книги въ своемъ родѣ и въ такой полнотѣ. Насъ невольно предупреждаетъ въ пользу автора его умѣнье выбрать предметъ для своего труда, его правильная постановка вопросовъ, его устойчивое трудолюбіе въ исполненіи, а особенно радуетъ то, что за такой серьезный трудъ взялась *сама женщина.* Сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ Тургеневъ говорилъ: «*мнѣнія, сердце, голосъ русской женщины все это для насъ дорого, все это намъ близко*»[1]), и это дорогое и близкое стало намъ еще дороже теперь.

Подъ скромнымъ заглавіемъ «*Матеріалы* для исторіи женскаго образованія въ Россіи» является добросовѣстный критическій трудъ многихъ

---

1) Современникъ 1852, № 1, критика, стр. 52.

лѣтъ, и къ этому труду приступило лицо, уже около 35-ти лѣтъ извѣстное своею литературно-педагогическою дѣятельностью. А въ настоящемъ трудѣ насъ поражаетъ еще обширная начитанность автора и его великое трудолюбіе. Посмотрите, въ какомъ множествѣ источниковъ пришлось ей собирать крупинками разсѣянныя свѣдѣнія: въ лѣтописяхъ, Степенной книгѣ, Полномъ собраніи законовъ, въ сборникахъ Р. Ист. Общества, въ трудахъ Арсеньева К. И., Бантыша-Каменскаго, Бестужева-Рюмина, Бецкаго, Бибикова, Болотова, Буслаева, Владимірскаго-Буданова, Воронова, кн. П. А Вяземскаго, Галахова, Георги, кн. Голицына, Голубинскаго, Греча, Грота, Данилова, кн. Дашковой, Державина, Дмитріевыхъ И. и М., кн. Долгорукаго, Дубасова, имнер. Екатерины, митр. Евгенія, Есипова, Ешевскаго, Забѣлина, Кантемира, Карабанова, Карамзина, Карпова, Кеппена, Кирпичникова, Ключевскаго, Костомарова, Котошихина, Лавровскаго, Лешкова, Лонгинова, Лядова, Майкова Л., митр. Макарія, Макарова, Мертваго, Модзалевскаго, Морозова, Мухановой, Никитенко С., Олеарія, Пекарскаго, Петрова, Полевого Н., Ржевской, Ровинскаго, Семевскаго, Середонина, Соловьева, Сумарокова, Сухомлинова, Теплова, Тимковскаго И., Тихонравова, Толстого гр. Д. А., Трачевскаго, Трефолева, архіеп. Филарета, Флетчера, Фонвизина, Хмырова, Цвѣтаева, Чистовича, Шевырева, Щапова. Нерѣдко г-жа Лихачева объясняетъ свой вопросъ параллельно съ положеніемъ его въ другихъ государствахъ и для этого пользуется трудами Ампера, Берхгольца, Бокля, Брюнетьера, Ваттенбаха, Вольтера, герцога Де Лирія, Гизо, Жерара, Лавалле, Ла Мессеньера, леди Рондо, Ментэнонъ, Мишле, Мольера, Монтэня, Руссело, Севиньe, Сегюра, Сентъ-Бёва, Фенелона, Шлоссера. Прибавьте къ этому множество пересмотрѣнныхъ ею уставовъ учрежденій, рѣчей профессоровъ, періодическихъ изданій, сборниковъ спеціальныхъ и общелитературныхъ; наконецъ, присоедините рукописные матеріалы, которыми она воспользовалась изъ архивовъ: Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ, IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Министерства Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшаго Синода, — и вы будете имѣть понятіе о массѣ источниковъ, надъ которыми потрудилась Е. I. Лихачева.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ эпохи Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. Но эпоха Владиміра была для народа продолженіемъ старинной жизни, и намъ кажется, что введеніемъ, истиннымъ началомъ исторіи образованія (въ высшемъ смыслѣ), точнѣе — *развитія* русской женщины, должны бы явиться богатырскія *былины*, въ которыхъ народная память сохранила величественные и трогательные образы русскихъ женщинъ. Тамъ предъ нами проходятъ не только стрѣлки изъ женщинъ и поленицы, ничѣмъ не уступающія богатырямъ, но и свѣтлые женскіе типы,

которые дышутъ сознаніемъ долга, чрезвычайнымъ мужествомъ и самопожертвованіемъ. Таковы — вѣрныя жены: Настасія Микулишна, жена Добрыни Никитича, и сестра ея Василиса, жена боярина Ставра. Пусть даже эти образы — историческая *возможность,* а не историческая *дѣйствительность*, ихъ все же нельзя считать за вымыселъ, лишенный всякаго основанія. Но обратимся къ книгамъ нашего автора, который имѣетъ въ виду исключительно *образованіе* русскихъ женщинъ въ *историческую* эпоху.

Мы узнаёмъ отъ него, что уже болѣе 900 лѣтъ идетъ у насъ обученіе женщины, и болѣе 130 лѣтъ существуютъ у насъ правительственныя женскія учебныя заведенія, но мы до сихъ поръ не имѣли *исторіи женскаго образованія*, исключая нѣсколькихъ монографій. Матеріалы для нея большею частію лежатъ въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ, отчасти разбросаны во множествѣ различныхъ изданій, въ видѣ мелкихъ, отрывочныхъ извѣстій. Собрать сколько возможно эти матеріалы и привести ихъ въ порядокъ—вотъ что̀ было задачею Е. І. Лихачевой, вотъ почему труду своему она дала скромное заглавіе «*Матеріалы*». Три книги ея, *въ 875 страницъ*, ясно говорятъ о ея любви къ труду и къ избранному предмету. Послѣдуемъ же за нею и хотя въ сухомъ, сжатомъ извлеченіи представимъ сущность ея книгъ, *прибавляя кое-что и отъ себя.*

По мысли вв. кк. Владиміра и Ярослава, должны были учиться *всѣ* дѣти бояръ, безъ различія пола. Дѣвочки учились въ теремахъ и монастыряхъ. Учителями ихъ были лица духовнаго званія. Грамотность и начитанность въ божественныхъ книгахъ были первою ступенью въ образованіи ихъ. Но такъ какъ само христіанство очень медленно распространялось въ народной массѣ, то и ученіе въ ней разливалось очень медленно, и только женщины высшаго круга были не чужды скромнаго просвѣщенія, а великое большинство русскихъ женщинъ оставалось вовсе неграмотнымъ. Дочь в. кн. Всеволода Ярославовича, Анна, первая открыла въ 1086 г., при кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ, училище для дѣвицъ и даже сама учила ихъ чтенію, письму, пѣнію и разнымъ рукодѣльямъ. По примѣру ея стали учить дѣтей монахини въ обителяхъ и вообще женщины духовнаго званія у себя на дому; и тѣ и другія учили дѣтей не только знатнаго рода, но и низшихъ сословій. Такъ же учила въ XII в. въ Полоцкѣ дочь кн. Георгія, княжна Евфросинія, и въ XIII в. въ Суздалѣ дочь князя-мученика Михаила Черниговскаго, препод. Евфросинія, которая при томъ сама читала въ церкви и произносила такія наставленія, что множество богомольцевъ приходило ее слушать. Дѣти, научившіяся такимъ образомъ грамотѣ, въ свой чередъ учили другихъ, становились мастерицами, переписывали священныя книги и расширяли свое образованіе. Въ два первые вѣка нашей исторіи удѣль-

ныя междоусобія и борьба съ половцами, печенѣгами, татарами, сопровождавшаяся нерѣдко захватомъ женщинъ и насиліемъ, побуждала ихъ жить въ затворѣ или идти въ монастыри. Но и въ монастыряхъ не многія изъ женщинъ оказались выдающимися по своему развитію и жизни. Обыкновенно насчитываютъ въ древнемъ періодѣ только *шесть* женщинъ, окруженныхъ сіяніемъ святости, но ихъ несомнѣнно было больше [1]). Скромность и время сокрыли ихъ. Самая жизнь дòма была распредѣлена по монастырскому образцу, и высшими достоинствами женщинъ считались молчаніе и смиреніе. Въ правила воспитанія издавна входило — пріучать дѣтей къ послушанію, воздержанію, терпѣнію, чистотѣ, вообще нравственному поведенію, по наставленіямъ св. отцовъ.

Слѣды грамотности женщинъ сохранялись и при монголахъ; обученіе въ монастыряхъ продолжалось; букварь, часословъ, псалтырь, Евангеліе — оставались учебными книгами до конца XVII в.; по нимъ учились и въ княжескихъ дворцахъ. Общее образованіе сохраняло религіозное направленіе, наставляя учащихся въ истинахъ вѣры и укрѣпляя въ нравственности. Должно сказать, что во всей древней письменности нашей не сохранилось ни *одного* литературнаго памятника, составленнаго *женщиной*; это и не удивительно: дѣйствительная жизнь не давала простора русскимъ женщинамъ. Однако, едва ли можно рѣшительно утверждать, что женщины ничего не писали: иное изъ ихъ трудовъ могло быть оставлено безъ всякаго вниманія нашими лѣтописцами-монахами, иное пропало въ вихрѣ событій. Сохранилось же въ Степенной книгѣ длинное наставленіе в. княгини Маріи Всеволожей (XIII в.) ея сыновьямъ. Въ древней Руси имѣлись въ виду по преимуществу цѣли *спеціальныя* — образованіе священниковъ,

---

1) Вотъ женщины, чтимыя, какъ святыя, или всею Русью, или мѣстно; располагаемъ ихъ по годамъ:

969.	В. княгиня Ольга, память ея	іюля 11
1051.	Анна, супруга вел. кн. Ярослава	февр. 10
1112.	Анна, дочь Всеволода	ноября 3
1173.	Евфросинія Полоцкая	мая 23
1228.	Февронія Муромская	іюня 25
1243.	Евпраксія Псковская	окт. 16
1250.	Евфросинія Суздальская	сент. 25
1281.	Харитина, княжна Литовская	окт. 5
1300.	Мареа Псковская	ноября 8
1378.	Өеодора Нижегородская	апрѣля 16
1406.	Іуліанія, кн. Вяземская	дек. 21
1407.	Евфросинія (Евдокія), вел. кн. московская	іюля 7
1473.	Васса Псковская	марта 19
1540.	Іуліанія Ольшанская	іюля 6
1542.	Софія (Саломонида), супруга вел. кн. Василія	дек. 16
1572.	Гликерія препод.	мая 13
1604.	Іуліанія Лазаревская	янв. 2

подьячихъ, приказныхъ, а женщины не могли быть ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, и кромѣ того затворничество ихъ продолжалось до самаго Петра В. Памятникъ XVI в. — Домострой самую грамоту признавалъ нужною только для духовныхъ и приказныхъ, и женщины въ однихъ монастыряхъ могли научиться чему-нибудь. О женщинахъ изъ народа имѣемъ свидѣтельство Котошихина: *«женскій полъ неученъ, и не обычай тому есть»*. Даже среди боярскихъ дочерей были такія, которыя выростали, не учась грамотѣ; впрочемъ, въ XVI в. было много и бояръ, не знавшихъ грамоты или полуграмотныхъ. Образованныя женщины являлись только въ семействахъ в. князей, да и тамъ извѣстны немногія: дочь в. князя Ивана III, Елена, царевна Ксенія Годунова, царица Марѳа, мать царя Михаила. Царевны и боярыни въ XVII в. обучались учительницами: мужчины отнюдь не проникали въ терема. Между тѣмъ, званіе учителя уже стало хлѣбнымъ дѣломъ; учителями, кромѣ членовъ церковнаго причта, являлись и холопы. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ одинъ изъ стольниковъ упрекалъ дѣвицъ Плещеевыхъ въ обученіи грамотѣ и письму у *холопа*; мать дѣвицъ пожаловалась на него за *безчестіе*, и виновный, по царскому указу, былъ битъ батогами [1]).

За недостаткомъ умственнаго образованія не было и развивающихъ удовольствій для женщинъ. Едва ли не единственными удовольствіями были качели, а зимою—скатныя горы, которыя устраивались въ предѣлахъ терема. А въ теремахъ занимались рукодѣльемъ и вышиваньемъ золотомъ, серебромъ и шелками, въ чемъ достигали большихъ успѣховъ. При этомъ женщины высшаго круга, въ концѣ XVII в., могли читать, кромѣ божественныхъ, и другія книги, напримѣръ, сказки, повѣсти о рыцаряхъ и отчасти знакомились изъ нихъ съ міромъ, природой и другими народами. Но теремъ, какъ отрицаніе общественности и личной свободы, не въ состояніи былъ обезпечить ни умственную, ни нравственную жизнь русской женщины.

Самымъ замѣтнымъ лицомъ этого времени является царевна Софія, воспитанная ученымъ Симеономъ Полоцкимъ. Она была знакома не только съ одними житіями, но и со свѣтскою литературою, читала и по-польски, училась піитикѣ, реторикѣ, сама писала стихи. Царицы и царевны уже выходили изъ терема, показывались народу, участвовали въ церемоніяхъ, разсуждали и спорили съ раскольниками. Въ движеніяхъ раскола женщины принимали дѣятельное участіе, даже въ тѣхъ сектахъ, которыя усвоили себѣ раціоналистическое направленіе; иногда женщины занимали независимое положеніе и становились основательницами особаго религіознаго толка.

1) Иконниковъ. Русская женщина наканунѣ реформы. Кіевъ. 1874, стр. 38. Забѣлинъ: Бытъ царицъ, 265—266.

Но до самаго Петра у насъ была только грамотность, было церковное образованіе, и оно было удѣломъ общимъ для всѣхъ сословій обоего пола.

Различіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ обозначилось при Петрѣ. Онъ обратилъ почти исключительное вниманіе на образованіе моряковъ, техниковъ, военныхъ и приказныхъ. Указъ его (1721 г.) о заведеніи малыхъ народныхъ школъ во всѣхъ городахъ остался неисполненнымъ; другой указъ (1724) предписывалъ монахинямъ воспитывать сиротъ обоего пола и обучать ихъ грамотѣ, а дѣвочекъ—пряжѣ, шитью, плетенію кружевъ; но этотъ указъ болѣе имѣлъ въ виду занять полезнымъ образомъ монахинь, чѣмъ дѣтей. Спеціальныя школы для дѣвочекъ, какъ не приносящія немедленной практической пользы государству, не входили въ планы Петра. Сестра его Наталія Алексѣевна была воспріимчивѣе самой Софіи къ литературному образованію и дѣятельности; она знала нѣсколько иностранныхъ языковъ, составляла піесы для театральныхъ представленій (которыя уже открылись при дворѣ) и приняла театръ подъ свое покровительство. Въ постановкѣ домашнихъ спектаклей у сестры царя нерѣдко участвовали знатныя дамы и дѣвицы. Но если Петръ ничего не сдѣлалъ въ прямомъ смыслѣ для женскаго образованія, то сама уже реформа его (отмѣна затворничества, уничтоженіе многихъ старыхъ обычаевъ, поощреніе браковъ съ иностранцами и пр.) и любовь царя къ образованнымъ людямъ отразились и на образованіи женщинъ. Женщины охотно выходили изъ терема и вступали въ общество; между ними стали появляться и такія, которыя говорили по-нѣмецки, играли на лютнѣ, танцовали. Замѣчательно, что реформа Петра увлекла *крестьянина-самоучку* Посошкова; онъ оцѣнилъ ея образовательное значеніе и въ своемъ завѣщаніи внушалъ сыну, что «дѣвица такой же человѣкъ, какъ и ты... ничего не дѣлай безъ совѣта жены,—она дана тебѣ не для порабощенія, но для помощи». Одинокій примѣръ Посошкова, конечно, не имѣлъ значенія для народной жизни, и развитіе женщинъ сосредоточивалось исключительно въ высшемъ кругѣ. Но и здѣсь самымъ важнымъ дѣломъ въ воспитаніи считалось знаніе иностранныхъ языковъ, и достаточные родители начали приглашать учителей, чтобы обучать иностраннымъ языкамъ дочерей вмѣстѣ съ сыновьями. Царевны Елисавета Петровна, Анна Петровна, Наталія Алексѣевна (внука Петра I) и нѣкоторыя знатныя дамы знали языки французскій, нѣмецкій, итальянскій, шведскій. Наталія Алексѣевна (14 лѣтъ) является самымъ замѣчательнымъ лицомъ того времени. Манштейнъ писалъ о ней, что она обнаруживала умъ, превышающій несравненно 14-ти лѣтній ея возрастъ, говорила въ совершенствѣ на иностранныхъ языкахъ, любила науку, интересовалась рѣчами ученыхъ, покровительствовала иностранцамъ. «Въ моей жизни я не видалъ принцессы болѣе совершенной»—писалъ о ней герцогъ Лирійскій. Мы не имѣемъ точ-

ныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ наукамъ учили дѣвицъ при Петрѣ, кромѣ обученія языкамъ; но, судя по явившимся тогда учебникамъ, можно думать, что онѣ изучали священную исторію, грамматику, ариѳметику, всеобщую исторію, географію. Если прибавить къ этому игру на лютнѣ, клавесинѣ, танцы и фанты, то такое образованіе женщинъ было совершенно новымъ и блестящимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было до Петра. Въ домахъ вельможъ появлялись иностранныя наставницы, преимущественно француженки. Княгиня Н. Б. Долгорукова разсказываетъ: «мать моя старалась о воспитаніи моемъ, чтобы ничего не было упущено въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобы мнѣ умножить достоинствъ». Слова ея показываютъ, что обученіе женщины въ высшемъ кругѣ считалось уже необходимостію. Берхгольцъ писалъ, что русскіе ничего не щадятъ для образованія своихъ дѣтей; но онъ и другіе иностранцы разумѣли подъ этимъ хорошія манеры, пріятность обращенія, умѣнье разговаривать, танцовать и вообще свѣтскія качества. А старый внутренній строй и привычки, суевѣрія, грубыя замашки, дикость нравовъ все еще оставались удѣломъ женщинъ. Сами царицы собственноручно били своихъ приближенныхъ, покровительствовали ханжамъ и святошамъ, любили слушать разсказы рыночныхъ бабъ. Знаніе иностранныхъ языковъ не служило средствомъ къ дальнѣйшему образованію женщинъ и, оставаясь почти единственною цѣлью ихъ обученія, заслоняло собою изученіе наукъ. Полезныя книги хотя и печатались при Петрѣ, но кругъ читателей былъ такъ ограниченъ, что книги почти не находили сбыта и потомъ продавались на вѣсъ. Отдѣльныя школы для дѣвочекъ находились исключительно въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, отвоеванныхъ Петромъ. Въ Россіи же, только въ Москвѣ открылась въ 1694 г. одна иноземная школа при лютеранской церкви для дѣтей обоего пола, куда отдавали и русскихъ крѣпостныхъ дѣтей и татарскихъ плѣнныхъ. Въ Петербургѣ явилась въ 1703 г. евангелическо-лютеранская школа, гдѣ, кромѣ курса начальныхъ наукъ, жена учителя, за особую плату, обучала и рукодѣлью. Далѣе стали появляться въ Петербургѣ и частныя школы, гдѣ учили дѣвочекъ читать и писать, но обученіе письму еще не было обязательнымъ и давалось дѣвицамъ лишь для домашняго обихода. Возникали школы и въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ которыхъ учили дьячки, ихъ жены; существовали школы и при монастыряхъ; но обо всѣхъ о нихъ дошли до насъ слишкомъ скудныя извѣстія. Грамотность въ народѣ распространяли по преимуществу школы раскольничьи; учители и учительницы ихъ разъѣзжали по Россіи, обучая чтенію, письму и пѣнію. Въ 1729 г. былъ изданъ указъ, коимъ предписывалось *бѣглыхъ* помѣщичьихъ мальчиковъ и дѣвочекъ отдавать въ школы, до возвращенія ихъ владѣльцамъ. Въ 1736 г. видимъ въ Петербургѣ Анненскую (нѣмецкую) школу, гдѣ вмѣстѣ съ мальчиками учи-

лись и дѣвочки. Въ 1754 г. императрица Елисавета издала указъ, повелѣвавшій учредить въ Москвѣ и Петербургѣ школы для образованія присяжныхъ повивальныхъ бабокъ (а до тѣхъ поръ бабки отправляли свое ремесло навыкомъ).

Вотъ всѣ заведенія, о которыхъ упоминаютъ законодательные акты въ теченіе всей нашей исторіи до Екатерины II. Правительственныхъ заведеній для дѣвочекъ все еще не было; существовали лишь частные пансіоны, содержимые преимущественно французами. Императрица Елисавета въ 1755 г. издала указъ, запрещавшій обучать и воспитывать дѣтей иностранцамъ, не выдержавшимъ предварительнаго экзамена въ Академіи Наукъ; но и послѣ того являлись такіе наставники и наставницы: бывшіе дезертиры, банкроты, развратники, «*пѣна Франціи*», по выраженію секретаря французскаго посольства Ла-Мессельера. Были, конечно, и счастливыя исключенія, приличные пансіоны, сначала общіе, потомъ отдѣльные—для мальчиковъ или для дѣвочекъ. Въ этихъ пансіонахъ обѣщали учить французскому языку, географіи, исторіи, ариѳметикѣ, рисованію, музыкѣ, танцамъ, доброму домостроительству и прочему, что требуется къ воспитанію честныхъ женщинъ. Иногда дворяне отдавали въ ученіе дѣтей своей прислуги, не исключая и дѣвочекъ, съ тою впрочемъ цѣлію, чтобы эти крѣпостные грамотеи могли потомъ выучить чтенію и письму дѣтей своихъ господъ. Прислугу учили даже пѣнію, музыкѣ и танцамъ, чтобъ имѣть своихъ актеровъ и актрисъ. Въ высшемъ кругѣ самое солидное образованіе было въ семьѣ канцлера графа М. И. Воронцова; тамъ воспитывалась будущая княгиня Дашкова, первая и очень долго единственная русская женщина, образованная въ европейскомъ смыслѣ. Питомцы Московскаго университета, основаннаго въ 1755 г., много послужили образованію русскихъ дѣвицъ. Въ манифестѣ 1762 г., изданномъ въ царствованіе Петра III, говорилось, что при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ нужно было принуждать дворянъ служить и учиться, а теперь уже нѣтъ этой необходимости.

Для оцѣнки дѣйствій императрицы Екатерины II по образованію женщинъ, г-жа Лихачева разсматриваетъ сначала положеніе этого дѣла на Западѣ: какія тамъ были теоріи женскаго воспитанія и были ли заведенія въ образецъ для Россіи. Здѣсь она излагаетъ взгляды Эразма Роттердамскаго, Амоса Коменскаго, Локка и, замѣчая, что Франція всегда шла впереди движенія въ пользу женскаго образованія, знакомитъ съ мнѣніями Монтеня, аббата Флери, Фенелона и г-жи Мэнтенонъ, какъ основательницы Сен-Сира, перваго по времени общественнаго средне-учебнаго заведенія для женщинъ (1686 г.). Цѣлію Сен-Сира было устроить общину сестеръ, способныхъ воспитывать дѣвицъ въ страхѣ Божіемъ и дать имъ приличное

образованіе. Въ половинѣ XVIII в. вездѣ на Западѣ была признана несостоятельность какъ семейнаго, такъ и монастырскаго воспитанія женщинъ, но, кромѣ Сен-Сира, нигдѣ въ Европѣ не было ни одного средне-учебнаго заведенія для женщинъ. Императрица Екатерина II, воспитанная подъ вліяніемъ французскихъ идей о воспитаніи дѣвочекъ, пріѣхала въ Россію (1744 г.) на 15-мъ году своего возраста. Еще будучи великой княгиней, она первая пришла къ мысли — основать въ Россіи заведеніе, подобное Сен-Сиру, но съ болѣе широкою задачей: она задумала образовать новую породу русскихъ отцовъ и матерей, ими перевоспитать весь свой народъ и этимъ поднять благосостояніе всего государства. Почти 20 лѣтъ она готовилась въ уединеніи къ своей дѣятельности на престолѣ. Ставши царицей, геніальная женщина «отозвалась широкою душою на всѣ лучшіе призывы, какіе послышала вокругъ себя; она была одною изъ представительницъ тогдашняго гуманнаго европейскаго просвѣщенія и вмѣстѣ искренно любила Россію, вѣрно понимала и берегла интересы своего народа» [1]). Немедленно по воцареніи своемъ она задумала учредить во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ пансіонные дома и поручила Теплову составленіе плана ихъ, а Бецкому — изложить мысли объ основаніи Московскаго воспитательнаго дома и госпиталя. Оба эти лица явились вполнѣ достойными исполнителями мыслей государыни. Начертаны были уставы: 1) для воспитательнаго общества 200 *благородныхъ* дѣвицъ (нынѣ Смольнаго монастыря) и 2) особливаго училища для воспитанія *мѣщанскихъ* дѣвушекъ. Одна и та же система воспитанія была положена во всѣ уставы заведеній какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ (въ корпусахъ); во всѣхъ уставахъ рекомендовалось пріучать дѣтей къ чтенію и для сего основать библіотеки при заведеніяхъ. Кромѣ того, дѣвочки должны были обучаться танцованію, рукодѣліямъ, а способныя изъ нихъ еще *«голосной и инструментальной музыкѣ»*. Программа ученія благородныхъ дѣвицъ была даже шире и основательнѣе, чѣмъ въ кадетскомъ корпусѣ. Главнѣйшею мыслію Екатерины было *внушать паче всего юношеству вкусъ къ чтенію, чѣмъ достигается самостоятельное образованіе*; чтеніе должно было служить ключомъ не только къ образованію, но и къ счастію. Счастіе человѣка Екатерина указывала не въ матеріальныхъ или внѣшнихъ условіяхъ, а во внутреннемъ довольствѣ человѣка, въ умѣньѣ стать выше обстоятельствъ жизни, найти въ себѣ опору противъ всевозможныхъ невзгодъ. Въ умственныхъ занятіяхъ она сама всегда находила спасеніе отъ всевозможныхъ непріятностей и горя. Другимъ важнымъ условіемъ воспитанія ставилось — возбуждать въ дѣтяхъ бодрость и веселость, какъ средства, облегчающія жизнь и содѣйствующія

1) Н. Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ (1883), II, 38.

сближенію людей между собою. Физическое воспитаніе дѣтей впервые при Екатеринѣ вводилось въ систему общаго воспитанія. Она понимала воспитаніе въ самомъ обширномъ смыслѣ и въ основу его положила самые гуманные принципы. Личные взгляды и желанія Екатерины проведены ею полнѣе и ярче въ женскомъ воспитаніи, чѣмъ въ мужскомъ. Но, зная умственное и нравственное состояніе семейной и общественной среды своего времени, Екатерина не рѣшилась положиться на семью, а взяла все дѣло *въ свои руки* и приставила къ нему избранныхъ ею самою главнѣйшихъ руководителей. Она признавала *одинаковую* важность образованія мужского и женскаго для общаго благоденствія. И вельможи, разсматривавшіе уставъ воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ, справедливо признали въ немъ истинную государственную пользу, соединенную съ христіанскимъ человѣколюбіемъ.

Первымъ основаніемъ въ Воспитательномъ Обществѣ (будемъ называть его просто *Смольнымъ)* полагался законъ Божій и нравственное развитіе воспитанницъ; безъ этого образованіе въ глазахъ Екатерины не имѣло цѣны. Иностраннымъ языкамъ онѣ обучались такъ, чтобы умѣли говорить на нихъ. Въ отношеніи къ наукамъ постановлено было — не столько учить дѣтей, сколько внушать имъ любовь къ знанію, дабы онѣ сами искали умножить его. Въ то же время онѣ пріучались къ хозяйству, обучались рукодѣлію до такой степени, чтобы съ 12 лѣтъ могли сами вязать себѣ чулки и шить себѣ платья. Воспитанницы старшаго возраста поочередно, по двѣ каждый день, обучали въ двухъ первыхъ классахъ маленькихъ воспитанницъ. Большое вниманіе было обращено на свѣтское воспитаніе дѣвицъ, такъ какъ онѣ были въ большинствѣ призваны для жизни въ свѣтскомъ обществѣ; поэтому умѣнье обращаться и держать себя въ свѣтѣ было постоянною заботою наставницъ. Для пріученія воспитанницъ къ общественной жизни, въ Смольномъ назначались собранія городскихъ дамъ и кавалеровъ и другихъ «*почтительныхъ людей*»; въ этихъ собраніяхъ давались концерты, спектакли, балеты, исполняемые дѣвицами; на этихъ собраніяхъ роль хозяекъ должны были играть воспитанницы двухъ старшихъ возрастовъ. Кромѣ того, онѣ ѣздили въ сопровожденіи начальницы ко двору, играли въ Эрмитажѣ, обѣдали и бывали на вечерахъ у Бецкаго и у директора Шляхетскаго корпуса. Короче сказать, Екатерина хотѣла дать дѣвицамъ воспитаніе и образованіе, и притомъ образованіе общее. «Мы ихъ воспитываемъ—писала она Вольтеру—для того, чтобы онѣ были отрадою семействъ, въ которыя вступятъ; мы не хотимъ сдѣлать ихъ ни жеманными, ни кокетками, но любезными, способными воспитывать собственныхъ дѣтей и вести свой домъ».

Большимъ благомъ для русскихъ женщинъ было то, что Екатерина сама была просвѣщеннѣйшимъ лицомъ, геніальною женщиной, глубоко про-

никнутою здравыми идеями и понимавшею важную роль женщинъ въ осуществленіи этихъ идей. Уставы, утвержденные ею, дышутъ такою гуманностію, такою сердечною любовію къ дѣтямъ, вниманіемъ къ ихъ природѣ, боязнью помѣшать ея развитію, что они и теперь не потеряли бы своей цѣны. И если ея благія намѣренія не получили должнаго осуществленія на дѣлѣ, если программы заведенія не выполнялись и на половину по неимѣнію способныхъ лицъ,—все это нисколько не умаляетъ значенія трудовъ и работъ Екатерины. Учрежденіемъ Воспитательнаго Общества дѣвицъ Екатерина опередила Европу въ дѣлѣ женскаго образованія, и русскіе въ этомъ отношеніи стояли во главѣ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Отъ этого бѣглаго очерка взглядовъ Екатерины на дѣло женскаго воспитанія, обратимся къ самому дѣлу, къ историческому ходу заведенія въ общихъ чертахъ.

5 мая 1764 г. былъ объявленъ именной указъ о воспитаніи *благородныхъ* дѣвицъ при Воскресенскомъ монастырѣ, и дворяне приглашались отдавать туда дочерей своихъ. Воскресенскій монастырь находился за городомъ, построенный еще при Елисаветѣ по плану Растрелли. Сюда были переведены 18 монахинь, которыя должны были составлять церковный клиросъ, обучать малолѣтнихъ дѣвочекъ грамотѣ и ходить за больными. На первые расходы по устройству заведенія было опредѣлено 60,000 р., изъ которыхъ 40,000 р. были даны изъ частныхъ суммъ Екатерины. Чрезъ два года, съ открытіемъ при томъ же монастырѣ училища для мѣщанскихъ дѣвушекъ, государыня пожаловала 2.500.000 р., чтобы воспитаніе 200 благородныхъ дѣвицъ и 240 мѣщанскихъ производимо было процентами съ этой суммы. Управленіе дѣлами Смольнаго возложено на совѣтъ попечителей (четырехъ знатныхъ особъ) и начальницу; послѣдняя была почти полновластнымъ лицомъ по воспитанію, обученію и хозяйству; въ помощь ей опредѣлены были правительница и 4 надзирательницы, которыя были постоянно при дѣтяхъ. Для ученія назначено 12 учительницъ, кромѣ монахинь, и только въ крайнемъ случаѣ допускались учителя. Воспитанницы принимались 5-ти—6-ти лѣтъ, раздѣлялись на 4 возраста и оставались въ заведеніи 12 лѣтъ безвыходно, но родителямъ позволялось навѣщать дѣтей. Такъ было положено начало *закрытому казенному* воспитанію. Съ 1770 г. дѣвицъ стали возить въ придворныхъ экипажахъ по улицамъ Петербурга, на качели, устраиваемыя на масляницѣ и на Святой. Въ 1773 г. дѣвицъ старшаго возраста вывозили въ Лѣтній садъ, и эта прогулка ихъ была цѣлымъ событіемъ для тогдашняго общества: ее описывали въ «Спб. Вѣдомостяхъ», въ «Живописцѣ»; въ честь воспитанницъ писали и печатали стихи; за ними слѣдовала такая масса народа, что экипажи не могли двигаться. Чтобы внушить къ заведенію болѣе довѣрія въ обществѣ, начальни-

цею его была поставлена знатная особа—княжна Долгорукая; но она не оказалась на высотѣ своего положенія и черезъ три года была уволена съ пенсіею изъ суммъ заведенія. Правительница же, Софія де-Лафонъ, вполнѣ оправдала ожиданія Императрицы: была кротка, умна, весела, образована, сумѣла пріобрѣсть любовь воспитанницъ и управляла заведеніемъ 30 лѣтъ. Бецкій впослѣдствіи писалъ смолянкамъ, что онѣ обязаны ей всѣмъ. Въ теченіе 12 лѣтъ она не имѣла помощницы, и такъ какъ она въ это время не получала вознагражденія, то Совѣтъ въ 1780 г. опредѣлилъ выдать ей 13,000 р., которые составили ту сумму, какую могла бы получить ея помощница. Надзирательницы и учительницы въ первое время были иностранки, и только въ 1772 г. явился одинъ русскій учитель и вмѣстѣ секретарь заведенія. Г-жа Лихачова со всею подробностію знакомитъ насъ съ программою ученія, съ занятіями воспитанницъ, съ членами Совѣта и ближайшими дѣятелями заведенія.

Но учрежденіе Смольнаго не встрѣтило сперва сочувствія въ высшемъ обществѣ; въ домахъ были гувернантки, въ городѣ пансіоны, и ими еще многіе ограничивались. Кромѣ того, родители не знали еще вполнѣ отношеній императрицы къ заведенію. Вслѣдствіе этого пріемъ дѣтей шелъ медленно, не смотря на то, что ихъ принимали на полное содержаніе; первый пріемъ продолжался болѣе года; въ теченіе его было представлено всего 71 дѣвочка, а принято только 50, въ томъ числѣ лишь 7 титулованныхъ. Журналъ 1764 года *Доброе Намѣреніе* выражалъ сочувствіе мѣрамъ Екатерины по образованію женщинъ и высказывалъ желаніе, чтобы женское образованіе стояло на одной степени съ мужскимъ.

31 января 1765 г. было объявлено указомъ объ учрежденіи особливаго училища при Смольномъ монастырѣ, для воспитанія *мѣщанскихъ* дѣвушекъ. Къ первому пріему назначено было допустить 60 ихъ, а полный комплектъ долженъ былъ состоять изъ 240. Указъ такъ мотивировалъ основаніе этого училища: «для пользы общества не меньше требуется, чтобъ всякаго чина и женскій полъ (подобно мужскому) воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ». Училище также раздѣлялось на 4 возраста. Изъ наукъ преподавались только русскій и иностранный языки и ариѳметика; кромѣ того, дѣвицъ пріучали къ домоводству, рисованію, танцованію, пѣнію, музыкѣ. Эта широта программы допущена была, вѣроятно, въ той мысли, что эти мѣщанскія воспитанницы явятся первыми учительницами, подругами дѣтей дворянина. Само собою разумѣется, что въ училищѣ введены были всякія женскія рукодѣлія—шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять. Всѣ вещи, сработанныя воспитанницей, продавались въ ея пользу, и вырученныя деньги отдавались ей при выходѣ изъ учи-

лища. При вступленіи каждой дѣвушки, ей опредѣлялось 50 р., которые вносились въ банкъ и хранились тамъ, пока она окончитъ курсъ; при выпускѣ эта сумма вмѣстѣ съ процентами отдавалась въ приданое. Воспитанницъ переводили и въ Воспитательное Общество *благородныхъ* дѣвицъ, когда родители ихъ получали чинъ штабъ-офицера. Въ двухъ старшихъ возрастахъ предписывалось «разсматривать у каждой воспитанницы природную склонность, понятіе и успѣхи и упражнять каждую въ томъ искусствѣ, художествѣ или знаніи, къ которому она оказала наибольшую способность, а во все время воспитанія неотмѣнно соблюдать чистоту, учтивость и благопристойность въ поведеніи дѣвицъ *мѣщанскихъ*».

Не смотря на всѣ эти благія мѣры, обнаружилось недовѣріе и къ этому училищу со стороны мѣщанъ-родителей, какъ со стороны дворянъ къ Смольному. Изъ Москвы и всей Московской губерніи оказалось только пять годныхъ къ пріему мѣщанскихъ дѣвочекъ.

Съ 1766 г. Екатерина стала помѣщать на свой счетъ въ Смольный и въ училище *пенсіонерокъ*. Къ 1770 г. такихъ пенсіонерокъ было уже 12 въ Смольномъ, да въ училищѣ неопредѣленное число. Изъ Кабинета отпускалось по 300 р. на каждую благородную и по 100 р. на мѣщанскую воспитанницу. Въ то же время Бецкій содержалъ 40 пенсіонерокъ въ училищѣ и 20 въ Смольномъ. Этому примѣру послѣдовали графиня Штакельбергъ, вел. кн. Павелъ Петровичъ, Гр. Гр. Орловъ, Демидовъ. Явились наконецъ и своекоштныя воспитанницы, всего 4. Изъ правилъ пріема допускались иногда исключенія: дочь Суворова принята 11 лѣтъ; принимались дѣвочки 2-хъ лѣтъ, даже одного года, или разомъ 2 и 4 сестры, съ цѣлію помочь заслуженнымъ родителямъ и доставить возможность большему числу дѣтей получить воспитаніе; иногда дѣвицы оставались въ заведеніи 2—3 года, а иногда 14—17 лѣтъ. Екатерина сама часто посѣщала свои заведенія; иногда пріѣзжала она, по приглашенію воспитанницъ, не только въ торжественные, но и въ обыкновенные дни. Она допускала короткое обращеніе дѣтей съ собою, но никогда не роняла своего величія; знала многихъ дѣвицъ по имени и даже переписывалась съ нѣкоторыми. По поводу одного изъ посѣщеній ея, Бецкій писалъ воспитанницамъ старшаго возраста: «Все въ васъ понравилось и польстило Ея Императорскому Величеству, — ваше чистосердечіе, ваша скромность, ваши манеры, ваши выраженія, все въ васъ до мелочей нашло отголосокъ въ ея благожелательномъ сердцѣ». Въ другомъ письмѣ, по поводу публичныхъ экзаменовъ, Бецкій увѣрялъ, что «*удовольствіе публики невыразимо*». Журналъ 1769 г. «Полезное съ пріятнымъ» признавалъ, что «прекрасный полъ можетъ вникнуть въ важнѣйшія науки, просто и нѣжно изъясняетъ свои мысли, имѣетъ разумъ, способный къ произведенію въ дѣйство величайшихъ намѣреній».

Въ 1775 г. московскій профессоръ Десницкій въ рѣчи на актѣ проводилъ мысль о равноправности мужчинъ и женщинъ и съ радостію замѣчалъ, что въ наши времена всѣми народами прилагается первое стараніе о воспитаніи женщинъ и при томъ съ великимъ успѣхомъ. И по отзыву самой Екатерины, воспитанницы Смольнаго превзошли всѣ ея ожиданія: «успѣхи ихъ удивительны; всѣ находятъ, что онѣ становятся столь же любезными, сколь обогащенными познаніями, полезными для общества и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ безукоризненною нравственностію» — такъ писала она Вольтеру. Г-жа Лихачева приводитъ интересныя письма ея, Бецкаго и короля Шведскаго къ Смолянкамъ (1, 175—178).

Экзамены воспитанницамъ каждый разъ производилъ совѣтъ и постоянно находилъ, что очень многія изъ нихъ достойны награжденія, такъ что не хватало положенныхъ 8 наградъ и сверхъ ихъ еще было выдаваемо до 10 похвалъ. Встрѣчались дѣвицы такихъ равныхъ достоинствъ, что приходилось бросать жребій, кого изъ нихъ наградить. Въ первомъ выпускѣ (1776 г.) роздано было 8 шифровъ (вмѣсто положенныхъ 6-ти), 5 золотыхъ медалей первой величины, 3 второй величины, 4 третьей величины, 12 медалей серебряныхъ и 12 воспитанницъ объявлены достойными награжденія; только 15 не получили ничего. Шифры повелѣно было носить на груди навсегда. Первыхъ пять воспитанницъ Императрица взяла ко двору и заказала художнику Левицкому портреты четырехъ изъ нихъ. Любимою воспитанницею Екатерины и притомъ *первою по выпуску* была *Глаф. Ив. Алымова* (въ замужествѣ *Ржевская)*; она оставила памятныя записки о своемъ пребываніи въ Смольномъ. По словамъ ея, Смольный — «это была община сестеръ, подчиненныхъ однимъ, общимъ для всѣхъ правиламъ; единымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинства и таланты». О своемъ пребываніи въ немъ Ржевская говоритъ, какъ о счастливѣйшемъ времени своей жизни; о Бецкомъ отзывается, какъ объ удивительномъ человѣкѣ, котораго воспитанницы уважали, какъ отца и защитника, такъ какъ онъ былъ внимателенъ и справедливъ къ нимъ безъ исключенія. Начальница Де-Лафонъ замѣняла имъ мать, была не только руководительницей ихъ, но *другомъ* (и таковъ былъ о ней отзывъ многихъ смолянокъ). Воспитанницы были вообще очень скромныя, благонравныя дѣвицы, между которыми мало было лѣнивыхъ, непослушныхъ или упрямыхъ. Какъ довольна была Императрица первымъ выпускомъ ихъ, можно видѣть изъ того, что она тогда же пожертвовала 100,000 р. для раздачи ихъ воспитанницамъ въ приданое. Деньги эти были положены въ сохранную кассу на 6%. Изъ нихъ были производимы ежегодныя выдачи, во 1-хъ, самымъ бѣднымъ воспитанницамъ, на всѣхъ 1,775 р., ежегодно по смерть; во 2-хъ, получившимъ первые 5 шифровъ по 250 р. каждой ежегодно и по смерть;

остальнымъ по 225, по 200, 150, 125 и по 100 р. Мѣщанскимъ воспитанницамъ были розданы при выпускѣ деньги, положенныя въ банкъ по 50 р. при ихъ пріемѣ въ училище; на долю каждой пришлось по 124 р.; часть этихъ денегъ была употреблена на платье и бѣлье имъ. Объ успѣхахъ мѣщанскихъ воспитанницъ извѣстно лишь то, что онѣ при выпускѣ превосходили въ знаніяхъ многихъ изъ пріѣхавшихъ француженокъ; а вообще — ихъ больше обучали рукодѣліямъ.

Безъ особыхъ измѣненій шла жизнь Смольнаго и далѣе. Но когда начальница Де-Лафонъ бывала больною, замѣнявшія ее дамы далеко не способны были продолжать дѣло ея съ тѣмъ же успѣхомъ. Въ 1782 г. Екатерина повелѣла положить въ банкъ семерымъ своимъ пенсіонеркамъ по 2,000 р. каждой на приданое, съ тѣмъ, чтобы проценты выдавались имъ и до замужества. Въ 1783 г. признано полезнѣйшимъ — преподавать всѣ науки словесныя на *родномъ* языкѣ, опредѣлить классныхъ *учителей*, поручить благонадежнѣйшему изъ нихъ надзоръ за успѣхами дѣвицъ и докладывать о томъ. Тогда же учреждена была коммиссія народныхъ училищъ, коей повелѣно было разсмотрѣть состояніе тогдашняго ученія въ заведеніяхъ, качества учителей, свойства книгъ, расположеніе занятій. Коммиссія не замедлила представить свой отчетъ, въ которомъ указала не мало замѣченныхъ ею безпорядковъ и особенно то, что дѣвицы не совершенно знаютъ языки и почти забыли свой родной; даже окончившія курсъ ученія воспитанницы едва могутъ выражать свои мысли о самыхъ простыхъ вещахъ, а многія изъ мѣщанокъ не умѣютъ правильно написать свое имя. Причиною этого былъ крайній *безпорядокъ въ расположеніи занятій*, который погашалъ ревность учащихъ и приводилъ въ разсѣянность учащихся. Такое отсутствіе въ Смольномъ правильнаго ученія было весьма непріятно императрицѣ и усилило ея охлажденіе къ Бецкому. Коммиссія впрочемъ обвиняла несовершенство приставницъ, учителей и учительницъ, которые сами основательно не знаютъ своихъ предметовъ. Коммиссія указывала мѣры, какъ устранить замѣченные недостатки, рекомендовала преподаваніе наукъ по таблицамъ, субботнія повторенія при участіи всѣхъ учителей, программу занятій и способъ преподаванія: «онъ долженъ быть нагляднымъ, имѣть характеръ бесѣды учителя съ воспитанницами, развивать въ нихъ вниманіе, память, разсудокъ и волю». Въ заключеніе коммиссія указала цѣль, къ которой должно быть отнынѣ направлено воспитаніе дѣвицъ, именно — дѣлать ихъ *добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями*. Такимъ образомъ, первоначальная идея *общечеловѣческаго* развитія въ Смольномъ умственныхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ силъ дѣвицъ была сужена и спеціализирована въ *чисто-женскую*.

Осенью 1783 г. въ Смольный назначены были 14 учителей, всѣ рус-

скіе, кромѣ француза и нѣмца. Изъ бывшихъ 39 надзирательницъ оставлено 22, на нихъ было возложено обученіе воспитанницъ рукодѣлію и обязанность читать съ ними книги подъ руководствомъ учителей. Императрица потребовала отъ учителей и воспитательницъ, чтобы они представили ей письменныя свидѣтельства объ успѣхахъ дѣвицъ. Оказалось, что общій уровень знаній невеликъ: признаны были достойными медалей такія, которыя успѣли посредственно, въ однихъ предметахъ оказали нѣкоторые успѣхи, а въ другихъ нетвердые. Начальница и классныя дамы представили свои замѣтки о характерахъ дѣвицъ. 25 февраля 1785 г. императрица присутствовала при выпускѣ, сама раздавала награды, слушала рѣчь къ ней одной изъ воспитанницъ и трехъ выпускныхъ взяла ко двору. Послѣ выпуска нѣкоторымъ изъ пенсіонерокъ ея было выдано по 2,000 р., кромѣ слѣдовавшей имъ части процентовъ изъ 100 тысячъ, пожалованныхъ прежде на приданое. Этимъ выпускомъ закончился блестящій періодъ Воспитательнаго Общества [1]).

Подъ конецъ своего царствованія Екатерина, утомленная, одряхлѣвшая и озабоченная, не проявляла уже такого горячаго интереса къ Смольному, какъ прежде, и не такъ часто пріѣзжала туда. Она приходила къ убѣжденію, что русское общество относилось къ новому воспитанію слишкомъ равнодушно, и что ей трудно передѣлать то, что̀ слагалось вѣками. Къ тому же Бецкій въ 1785 г. ослѣпъ и отъ Смольнаго почти совсѣмъ былъ устраненъ. Съ введеніемъ новой учебной системы и ея пріемовъ составъ учителей началъ очень часто измѣняться, новая программа и новый методъ преподаванія не выполнялись, многое шло по старому. Недостатки въ ходѣ ученія, неудобство преподаванія наукъ по таблицамъ, непрактичность повтореній субботнихъ, при собраніи всѣхъ учителей и пр. были указаны уже послѣ смерти Екатерины. Въ 1795 г. видимъ въ Смольномъ *русскую* учительницу — дѣвицу *Климову* (которой поручено обучать французскому чтенію) и одну изъ мѣщанскихъ дѣвицъ — *Крепейнъ*, въ качествѣ помощницы учителя. На мѣста надзирательницъ все еще назначались большею частью иностранки. Совѣтъ два раза представлялъ Екатеринѣ докладъ о необходимости прибавить на содержаніе Смольнаго еще 40,000 р., такъ какъ цѣны на всѣ предметы потребленія увеличились болѣе чѣмъ вдвое, и такъ какъ многіе наставники выходятъ изъ заведенія ради малаго жалованья, получая въ частныхъ домахъ несравненно бо̀льшую плату. Но государыня отложила прибавку до другого удобнѣйшаго времени, а на

---

1) Въ 1784 г. на средства Бецкаго было учреждено училище повивальнаго искусства и операторства, куда допускались лица обоего пола, а съ 1794 г. повелѣно было учить повивальному искусству еще 12 воспитанницъ, выбранныхъ изъ Петербургскаго Воспитательнаго Дома.

уплату долговъ повелѣла въ 1795 г. взять 100,000 р. изъ экономическихъ Государственнаго Заемнаго Банка суммъ. Долги заведенія возникли отчасти изъ роскошнаго содержанія воспитанницъ, отчасти изъ того, что въ послѣдніе годы Екатерины въ Смольномъ давалось не только воспитаніе начинающимъ жизнь, но и пріютъ желающимъ отдохнуть отъ нея. Князь Щербатовъ въ 1789 г. сурово отзывался о ходѣ дѣлъ въ Смольномъ, говоря, что изъ него не вышло ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ, и воспитаніе ихъ болѣе состояло въ томъ, чтобы играть комедіи, нежели исправлять сердце, нравы и разумъ. Но Екатерина и не думала образовывать *ученыхъ* женщинъ, а желала только содѣйствовать смягченію грубыхъ нравовъ русскаго общества. И лица, избранныя ею, исполняли свои обязанности добросовѣстно, относились къ дѣтямъ ласково, съ любовью. Извѣстная уже намъ воспитанница Смольнаго Г. И. Алымова (Ржевская) въ запискахъ своихъ свидѣтельствуетъ, что воспитаніе въ Смольномъ было хорошее, воспитанницы привыкали думать и разсуждать и жили дружно. Ея отзывы подтверждаютъ сенаторъ Соймоновъ и кн. И. М. Долгорукій, два раза бывшій женатымъ на смолянкахъ. Князь лично зналъ многихъ смолянокъ, подругъ своихъ двухъ женъ, встрѣчался съ ними въ свѣтѣ и въ провинціи и о большинствѣ ихъ отзывается, какъ о любезныхъ, добронравныхъ, милыхъ, веселыхъ и хорошихъ дѣвушкахъ, а о нѣкоторыхъ говоритъ даже съ благоговѣніемъ. Смолянка Е. И. Нелидова (по отзыву князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго) имѣла благотворное и безкорыстное вліяніе на самого императора Павла и не разъ спасала невинныхъ людей отъ его гнѣва. Во всякомъ случаѣ неоспоримо то, что воспитаніе въ Смольномъ было выше того, какое давалось въ частныхъ домахъ и пансіонахъ, и что смолянки были болѣе человѣчны, болѣе развиты, болѣе умѣли держать себя въ обществѣ, содѣйствовали смягченію его нравовъ и были подготовлены давать первыя наставленія дѣтямъ. Но конечно, онѣ вступали въ свѣтъ и въ жизнь не приготовленными къ нимъ; онѣ довольствовались настоящимъ и не думали о будущемъ. Воспитаніемъ ихъ едва ли было довольно тогдашнее общество, забывая, что никакіе учебники, никакіе методы преподаванія не могутъ научить дѣвушку тому, что придется ей встрѣтить въ жизни. Эта мысль высказывалась тогда же и печатно въ журналѣ «Собесѣдникъ»: «*оканчиваетъ же воспитаніе свѣтское обращеніе*». «Живописецъ» Новикова *иронически* нападалъ на ученыхъ женщинъ; въ немъ «щеголиха» утверждала, что не географія, не математика, не исторія, не физика нужны для женщинъ, а *умѣнье нравиться*. Но встрѣчался и болѣе свѣтлый, вѣрный взглядъ на воспитаніе тогдашнее, и этотъ взглядъ выраженъ Карамзинымъ въ его «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ». Къ концу царствованія ея всѣхъ воспитанницъ въ Смольномъ было 503 (368 благородныхъ и 135 мѣщанскихъ,

значитъ 43-мя болѣе положеннаго уставомъ числа); а всего за 32 года существованія Воспитательнаго Общества получили въ немъ воспитаніе 1316 дѣвицъ; окончили курсъ 440 въ Смольномъ и 410 въ училищѣ.

Что же касается частныхъ женскихъ пансіоновъ въ исходѣ XVIII в., то содержателями ихъ въ С.-Петербургѣ были нѣмцы, и пансіоновъ ихъ было въ 1784 году 26, да въ Москвѣ 10; но въ нихъ русскому языку не учили, всѣ науки преподавались на французскомъ языкѣ, котораго дѣти не понимали. Были и русскія школы — въ С.-Петербургѣ 17, въ Москвѣ 1; но онѣ были такъ плохи, что коммиссія народныхъ училищъ закрыла ихъ, какъ совершенно безполезныя.

Такъ шло образованіе женщинъ въ столицѣ, а въ провинціяхъ, въ среднемъ дворянскомъ кругу, даже грамотныхъ дѣвушекъ было мало; тамъ на образованіе женщинъ не было и запроса. И если появились въ нѣкоторыхъ городахъ пансіоны, то они были случайны и существовали недолго. Ихъ поддерживали, лишь бы дѣти научились французскому языку и танцамъ. Мелкія уѣздныя дворянки убѣждены были, по словамъ «Живописца», что грамота нужна *для поповъ.* Но уже появлялись и противоположныя мнѣнія, что не годится безъ грамоты выдать дочь замужъ, и женихи стали искать такихъ невѣстъ, которыя умѣли бы читать и писать. Читали, однако, женщины преимущественно романы, а всего болѣе увлекались французскими модами, французскими разговорами, французскою внѣшностію. Танцы считались важнѣе ученія, и даже образованный Болотовъ возилъ своихъ дочерей въ Москву для обученія танцамъ и не жалѣлъ платить за это немалыя деньги.

Какъ ни были неблагопріятны условія для женскаго образованія, все же оно, хотя медленно, подвигалось, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ слояхъ общества. И если о московскихъ дамахъ 70-хъ годовъ встрѣчаемъ отзывъ иностранца не въ пользу ихъ, то о петербургскихъ дамахъ конца 80-хъ годовъ являются весьма благопріятные отзывы. Графъ Сегюръ писалъ, что онъ встрѣчалъ *много* дамъ и дѣвицъ, говорящихъ на 4—5 языкахъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ и знакомыхъ съ извѣстнѣйшими писателями Франціи, Италіи, Англіи. Англичанинъ Кларкъ писалъ о женщинахъ, воспитавшихся при Екатеринѣ: «въ классѣ дворянъ, женщины гораздо выше мужчинъ: онѣ кротки, часто весьма образованы, прекрасны, обладаютъ всѣми совершенствами». А такъ какъ не всѣ же эти женщины воспитывались въ Смольномъ, то можно думать, что онѣ развили себя, по примѣру Екатерины, чтеніемъ и размышленіемъ. Въ концѣ ея царствованія столичныя женщины читали не только переводные романы, но и серьезныя книги, и отечественныхъ писателей, и вѣдомости. Подражая императрицѣ, онѣ стали и писать въ журналахъ, тѣмъ болѣе, что Новиковъ

всегда охотно печаталъ ихъ сочиненія и переводы, какъ бы они ни были слабы. Да и всѣ крупные авторы относились сочувственно къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ, иные и воспѣвали ихъ. Вотъ имена тѣхъ женщинъ, которыя *первыми* выступили въ печати: *М. В. Храповицкая (Сушкова)*, получившая блестящее образованіе, знавшая языки французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій; *Е. А. Сумарокова (Княжнина)*, пользовавшаяся вниманіемъ Шувалова и Ломоносова; княжна *Е. С. Урусова*, которую Державинъ называлъ *славною стихотворицей* и которой поэма шумѣла въ свое время и заставила московскихъ профессоровъ въ изумленіи говорить другъ другу: «смотри, пожалуй!»; *А. Ѳ. Ржевская*, упражнявшаяся въ стихотворствѣ, живописи и музыкѣ; ея рукописный романъ читался при Дворѣ Екатерины; *А. И. Вельяшева-Волынцева*, переводчица «Бранденбургской исторіи» Фридриха II; княжны *Волконскія*, которыхъ переводъ («Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ») хвалили московскіе профессора и отдавали честь ихъ выбору; потомъ переводъ ихъ былъ представленъ самой Екатеринѣ, и она пожелала видѣть переводчицъ и приласкала ихъ въ маскарадѣ предъ всею публикой[1]); *М. С. Зубова*, любительница народныхъ пѣсенъ; *Е. В. Неронова (Хераскова)*, поэтъ и переводчица, которую называли «Россійская Де-ла Сюзъ»; наконецъ, княгиня *Е. Р. Дашкова*, писавшая во всѣхъ родахъ литературы и бывшая президентомъ Академіи Наукъ, и *А. П. Хвостова*, которой «Каминъ», напечатанный въ 2400 экз., разошелся въ одинъ годъ.

Всѣ эти писательницы и другія (которыхъ въ царствованіе Екатерины насчитываютъ до 70) принадлежали большею частію къ сословію знатныхъ; среди нихъ были поэты, переводчицы, драматурги, беллетристки, историки, домоводки. Но кромѣ кн. Дашковой, ни одна изъ нихъ не создала себѣ имени, которое сохранилось бы въ исторіи литературы, и вліяніе ихъ литературной дѣятельности не отразилось на нашемъ языкѣ. А это произошло потому, что въ то время женское образованіе только возникало; женщины впервые получили возможность пользоваться имъ, и притомъ изъ немногихъ источниковъ: для нихъ не было ни университета, ни академіи, ни литературнаго общества, ни частныхъ образованныхъ кружковъ, ни посылки заграницу, словомъ — ничего того, чѣмъ пользовались мужчины, которымъ гораздо легче было расширить свои познанія, обогатиться идеями и многосторонне наблюдать жизнь. Не смотря однако на то, что женщины не были поставлены въ равныя съ мужчинами условія, среди нихъ было не мало женщинъ (кромѣ писательницъ) съ отличнымъ умомъ, начитанностію, любовью

1) Екатерина вообще поощряла писательницъ, приглашала ихъ ко Двору, всегда интересовалась литературными произведеніями ихъ и хвалилась ими предъ иностранцами. Но русское общество ея времени еще не считало литературу за серьезную потребность.

къ литературѣ. Здѣсь мы можемъ назвать женъ Державина и Хераскова, которыя, по словамъ знавшихъ ихъ, отличались любовью ко всему прекрасному и выработали правильныя сужденія о разныхъ предметахъ. И. Ѳ. Тимковскій, кн. И. М. Долгорукій, кн. П. А. Вяземскій называютъ нѣсколько умныхъ, образованныхъ и начитанныхъ женщинъ того времени. Даже въ деревенской глуши встрѣчались иногда женщины, заявлявшія сочувствіе писателямъ, вступавшія съ ними въ переписку. Женщины могли воодушевляться и тою мыслію, что въ ихъ время цѣлымъ государствомъ правитъ *женщина*, предъ которою съ благоговѣніемъ преклоняются всѣ умные мужчины.

Кромѣ Смольнаго и училища для мѣщанскихъ дѣвицъ, Екатерина намѣревалась (1776) основать по всѣмъ городамъ и многолюднымъ селеніямъ училища для всѣхъ тѣхъ, кои пожелаютъ учиться. Здѣсь, конечно, разумѣлись дѣти обоего пола [1]). Въ 1781 году Екатерина открыла на свой счетъ Исаакіевское училище въ С.-Петербургѣ; по ея примѣру, тогда же возникло еще 6 училищъ, и въ числѣ учащихся были и дѣвочки, но число ихъ всегда было значительно меньше числа мальчиковъ. А во многихъ губерніяхъ число учащихся дѣвочекъ было совсѣмъ ничтожно; въ Вятской же (1784), въ Московской (1794), въ Тверской, въ Смоленской въ народныхъ школахъ не было *ни одной* дѣвочки! Повторяемъ еще разъ, что русское общество къ образованію женщинъ относилось съ недовѣріемъ. Большинство депутатовъ, вызванныхъ въ 1767 г. въ Коммиссію для сочиненія проекта Новаго Уложенія, желало заведенія школъ и училищъ исключительно для мальчиковъ, и только депутаты Малороссійской губерніи выразили мысль, по уполномочію своему, что *и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ воспитаніи*, и указывали на монастыри, какъ наиболѣе подходящее мѣсто для воспитанія и обученія дѣвочекъ. Въ другихъ губерніяхъ отцы и матери держались того убѣжденія, что ихъ дѣтямъ нужно только чтеніе и письмо, а прочія науки не нужны. Въ 1786 г. изданъ былъ указъ объ открытіи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ. Но успѣхамъ народнаго образованія мѣшало и то, что не было сколько-нибудь подготовленныхъ учителей. Положено было приготовлять ихъ при С.-Петербургскомъ главномъ народномъ училищѣ, а для этого содержать и обучать на казенный счетъ 100 человѣкъ изъ бѣднаго класса. Учреждена была въ 1787 г. учительская семинарія, гдѣ главнымъ образомъ предполагалось упражнять въ способахъ ученія; но присланные въ нее молодые люди большею частію оказались непригодными по разнымъ причинамъ.

---

1) Въ 1776 г. вмѣнено было въ обязанность Приказамъ общественнаго призрѣнія заводить училища, но это ни къ чему не повело: Приказы не открыли почти ни одного училища, потому что ни учителей, ни книгъ не откуда было взять, и ученики не являлись.

А приготовленные не долго оставались въ своей должности и переходили на другія мѣста, лучше оплачиваемыя.

Важнымъ и едва ли не единственнымъ недостаткомъ женскаго образованія при Екатеринѣ было то, что *женщины не были привлечены правительствомъ къ обученію хотя бы въ малыхъ школахъ*, а вѣдь для народа нашего *учительницы* издавна были явленіемъ привычнымъ. Недопущеніе ихъ въ школы тѣмъ болѣе странно, что разрѣшали же имъ открывать пансіоны и частныя школы. Вѣроятно, учительницъ въ народныхъ школахъ не было потому, что не было для нихъ особой семинаріи, гдѣ бы онѣ подготовлялись къ этому дѣлу. Какъ бы ни было, но это отсутствіе *педагогическаго* образованія женщинъ задержало ходъ образованія народнаго. Помимо этого недостатка, итоги женскаго образованія при Екатеринѣ состояли въ слѣдующемъ: до Екатерины въ Россіи не было *ни одного* правительственнаго учебнаго заведенія для женщинъ, кромѣ плохихъ частныхъ пансіоновъ; а въ годъ ея смерти, кромѣ Смольнаго и училища для мѣщанскихъ дѣвицъ, училось 1121 дѣвочка въ народныхъ училищахъ. За все же время существованія училищъ (за 16 лѣтъ) всѣхъ учившихся дѣвочекъ было 12,595. Пусть незначительны эти итоги, но важно то, что при Екатеринѣ женщины всѣхъ сословій получили доступъ къ образованію, что для нихъ явились мѣста, гдѣ онѣ могли учиться, что Екатерина вѣрно и широко понимала дѣло общаго образованія и признавала его, одинаково для обоего пола, дѣломъ государственнымъ, могущимъ доставить благоденствіе всему русскому народу.

Таково существенное содержаніе *первой* книги г-жи Лихачевой. Своимъ сжатымъ извлеченіемъ мы едва намекнули на богатство состава ея [1]). Переходимъ ко 2-й книгѣ. Здѣсь Е. I. Лихачева работала преимущественно по рукописямъ архивовъ; а изъ печатныхъ источниковъ, *кромѣ нѣкоторыхъ прежнихъ* писателей, она пользовалась трудами Аладьиной, графини Блудовой, фонъБрадке, Бутовской, Бѣликова, барона Бюлера, маркизы Вестминстеръ, Вигеля, протоіерея Воскресенскаго, кн. Вяземскаго П. П., Гаршина, Данилевскаго Гр., Жихарева, Закревской, Измайлова А., Кампе, Квитки, Колбасина, Лукашевича I., Макѣева, Нелединскаго, Никитенко А., Пелли, Пономарева, Пучковой, Пушкина, Рибопьера, Руссова, Селезнева, Смирновой, Снигирева, гр. Сперанскаго, Стоюнина, Тимченко-Рубана, кн. Хилковой, Шмида, Шугурова, Шумигорскаго, Щелкова и множествомъ журналовъ.

По кончинѣ Екатерины II (1796 г.), императоръ Павелъ назначилъ главною начальницею Воспитательнаго Общества императрицу Марію Ѳео-

1) Воспитательныхъ Домовъ, учрежденныхъ въ Москвѣ (1763 г.) и въ С.-Петербургѣ (1767) мы здѣсь вовсе не касались. См. о нихъ преимущественно во 2 кн., стр. 22—26, 32.

доровну. Императрица на другой же день извѣстила совѣтъ его, что она жалуетъ Обществу благородныхъ дѣвицъ по 15,000 р. ежегодно; своимъ примѣромъ увлекла она семь особъ Царскаго семейства, которыя также ежегодно жертвовали всѣ вмѣстѣ по 25,000 р. Императрица Марія немедленно познакомилась съ состояніемъ Воспитательнаго Общества во всѣхъ частяхъ его и проявила необычайную дѣятельность въ улучшеніи дальнѣйшаго хода его. Въ сотрудницы себѣ она пригласила и великихъ княженъ, поручивъ имъ завѣдываніе разными частями Общества и требуя отъ нихъ отчетовъ. Сама она входила во всѣ мелочи хозяйства, въ составъ служащихъ, въ положеніе дѣвицъ и особенно горячо заботилась о здоровьѣ ихъ; съ этою цѣлью она осматривала ихъ спальни, тюфяки, бѣлье, передѣлала театръ въ спальни, увеличила число классныхъ комнатъ. Растрату въ заведеніи она покрыла изъ своихъ средствъ, у государя испросила 22,000 прибавочныхъ на содержаніе заведенія и 73,215 р. на уплату долговъ его. Затѣмъ, самое живое вниманіе обратила она на осторожный выборъ надзирательницъ и учителей. А такъ какъ въ это время явилось уже много желающихъ отдать своихъ дѣтей въ Воспитательное Общество, то императрица потребовала къ себѣ списки всѣхъ поступающихъ дѣвицъ съ подробными свѣдѣніями о ихъ родителяхъ. Видя ростъ заведенія, она прислала совѣту свой проектъ переустройства Воспитательнаго Общества и просила обсудить его со всею свободою, обѣщая принять съ благодарностію всякое полезное замѣчаніе. Въ проектѣ своемъ она предложила принимать благородныхъ дѣтей 8-ми—9-ти лѣтъ и оканчивать воспитаніе ихъ черезъ 9 лѣтъ, мѣщанокъ принимать 11—12 лѣтъ и оставлять въ заведеніи 6 лѣтъ; выпуски такимъ образомъ будутъ чаще и число образованныхъ дѣвицъ скорѣе увеличится; благородныхъ дѣвицъ принимать 300, мѣщанокъ 100 и отнюдь не смѣшивать благородныхъ съ мѣщанками. Для пенсіонерокъ она оставляла 40 вакансій. Совѣтъ одобрилъ всѣ предложенныя ею мѣры, но императоръ Павелъ не согласился на уменьшеніе числа мѣщанскихъ дѣвицъ и велѣлъ по прежнему принимать ихъ 200, а на содержаніе ихъ ежегодно выдавать потребную сумму. Перемѣны, введенныя императрицей Маріей, отчасти измѣняли систему прежняго воспитанія (которое отчуждало дѣтей отъ семьи, отбирая ихъ отъ родителей слишкомъ *рано* и возвращая *поздно*), но не отмѣнили закрытую систему воспитанія. Императрица, воспитанная въ духѣ Руссо и въ строгихъ нравственныхъ правилахъ, образованіе подчиняла воспитанію и первое мѣсто въ воспитаніи женщины давала развитію сердца и характера, придерживаясь убѣжденія своей матери, что по многимъ причинамъ не хорошо, чтобы женщина изучала и пріобрѣтала слишкомъ обширныя познанія. Она строго охраняла сословность, добросовѣстно вникала въ мельчайшія подробности заведенія, любила и умѣла водворить

во всемъ порядокъ и экономію и неустанно трудилась всякій день. Понимая общественную пользу, какую принесетъ воспитаніе и образованіе дѣвицъ, она поставила его на *практическую* почву, чтобы вѣрнѣе обезпечить будущность воспитанницъ. Широкая цѣль Екатерины—перевоспитать весь народъ замѣнена была цѣлями сословными и благотворительными.

При выпускѣ изъ Воспитательнаго Общества въ 1797 г. императрица Марія, кромѣ наградъ воспитанницамъ [1]), щедро осыпала наградами воспитателей, испросивъ у Государя однимъ крестьянъ съ землею, другимъ—знаки отличія, пенсіи, увеличеніе жалованья, полное содержаніе въ зданіяхъ Воспитательнаго Общества. При новомъ пріемѣ дѣвицъ, императрица Марія главнымъ образомъ заботилась о томъ, чтобы доставить *настоящему бѣдному* дворянству способы къ воспитанію дѣтей. Въ мѣщанское же отдѣленіе Смольнаго принимались дочери купцовъ, священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ, придворныхъ служителей. Въ составѣ воспитательницъ явились преимущественно нѣмки.

Ограничивъ пріемъ въ Общество мѣщанскихъ дочерей, императрица Марія нѣсколько времени обдумывала мысль — завести для нихъ особенное учрежденіе и способнѣйшихъ изъ нихъ приготовлять въ классныя дамы. Лѣтомъ 1797 г. она открыла на свои средства сиротское училище для 40 бѣдныхъ сиротъ *не дворянъ* и кромѣ нихъ содержала въ немъ 10 пенсіонерокъ изъ дочерей придворныхъ служителей. Это было *первое* заведеніе, основанное ею. Черезъ 3 года это училище переименовано въ Маріинскій институтъ. Въ 1811 г. она дала ему уставъ и во всю жизнь свою содержала заведеніе на свои средства.

Въ 1798 г. открыто было въ С.-Петербургѣ училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, на 60 воспитанницъ, которое содержалось преимущественно кавалерственными дамами ордена св. Екатерины и потому названо было Екатерининскимъ. Императрица Марія съ своимъ семействомъ ежегодно жертвовала на него 16,000 р., а императоръ Павелъ повелѣлъ отпускать ему 8,000 р., подарилъ Итальянскій дворецъ для помѣщенія, а впослѣдствіи выстроилъ ему обширный домъ.

Въ томъ же году основано женское отдѣленіе Императорскаго Военно-сиротскаго дома (переименованное потомъ, при императорѣ Николаѣ, въ Павловскій институтъ). Домъ раздѣлялся на два отдѣленія — для благородныхъ дѣтей и для солдатскихъ, и въ обоихъ воспитывалось неограниченное число бѣдныхъ дѣтей и сиротъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, отдѣльно другъ отъ друга, и безъ различія вѣроисповѣданій. Законъ Божій преподавался

---

1) Первую изъ нихъ Черепанову она назначила фрейлиной: единственный примѣръ во всей исторіи Смольнаго *при выпускѣ* изъ него.

здѣсь *«по рожденію родителей»*. Учебная программа женскаго отдѣленія была шире мужской, и успѣвшія въ наукахъ дѣвицы могли занимать мѣста учителей въ случаѣ болѣзни ихъ. По окончаніи курса, бѣднѣйшія дѣвочки оставались въ вѣдомствѣ заведенія и получали отъ него годовые паспорты; но, поступая въ частныя дома въ услуженіе, обязаны были отдавать $^1/_8$ часть своего жалованья въ пользу заведенія, а если поступали въ учительницы его, то удерживали все жалованье за собою. При выходѣ замужъ получали денежное приданое изъ экономическихъ суммъ заведенія. Замѣтимъ при этомъ, что при имп. Екатеринѣ образованіе давалось даромъ, безъ всякаго возврата издержекъ; но при ней воспитанницы Смольнаго назначались на мѣста учительницъ случайно, а теперь законъ обезпечивалъ за ними право ученія, хотя пока только въ мѣстѣ воспитанія.

Въ 1801 г. учрежденъ былъ въ Москвѣ Практическій акушерскій Институтъ на пожертвованныя Демидовымъ 20,000 р.

Въ 1802 г. императрица Марія открыла въ Гатчинѣ Сельскій Воспитательный Домъ на 700 и болѣе младенцевъ обоего пола.

Въ томъ же году она составила планъ Училища св. Екатерины въ Москвѣ (подобно существующему въ С.-Петербургѣ) для московскаго бѣднаго дворянства, на 60 дочерей оберъ-офицеровъ; имп. Александръ I назначилъ на содержаніе его 18,000 р. ежегодно, а имп. Марія и другіе члены Царскаго Дома вносили по 16,000 р., также ежегодно. Училище было открыто въ февралѣ 1803 г. въ домѣ, подаренномъ ему императрицей Маріею. (Въ 1830 г. въ институтѣ была устроена церковь, освященная митрополитомъ Филаретомъ).

Такимъ образомъ, во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшихъ лишь въ столицахъ, могли получать образованіе 600 штатныхъ воспитанницъ, кромѣ пенсіонерокъ. Но всѣ эти заведенія еще не удовлетворяли потребностямъ недостаточнаго дворянства всей имперіи, и императрица Марія стала заботиться объ учрежденіи женскихъ учебныхъ заведеній для дворянъ въ губернскихъ городахъ — Харьковѣ, Казани, Кіевѣ, а для мѣщанъ — въ Москвѣ и Нижнемъ Новгородѣ [1]). Государь одобрилъ ея мысли, но съ тѣмъ, чтобы прежде всего было основано училище въ Москвѣ, и оно было открыто въ день его ангела, 30 августа 1805 г. на 80 воспитанницъ. Въ него допускались дѣти мѣщанъ, записанныхъ въ гильдію, священниковъ, лѣкарей, учителей, художниковъ; училище это было названо Александровскимъ.

Въ 1807 г. императрица Марія приняла въ свое вѣдомство женское отдѣленіе Военно-Сиротскаго Дома, гдѣ воспитаніе оказалось въ крайнемъ

---

1) Мысль объ основаніи въ губерніяхъ общественныхъ училищъ для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ высказывалась и въ тогдашней журналистикѣ (с. 254).

упадкѣ (священника въ немъ не было 5 мѣсяцевъ, и цѣлыми годами совсѣмъ не бывало уроковъ) и образовала изъ него особое Дѣвичье Училище Военно-Сиротскаго Дома. Для содержанія его она испросила у Государя 25,000 р. въ годъ (кромѣ провіанта и одежды), увеличила выдачу приданаго воспитанницамъ и купила для училища домъ. Оно назначалось для дочерей военныхъ, не исключая и нижнихъ чиновъ, по 50-ти въ каждомъ отдѣленіи — дворянскомъ и солдатскомъ. Мы уже сказали, что при императорѣ Николаѣ оно переименовано въ Павловскій институтъ.

Въ концѣ 1808 г. императрица обратила вниманіе на *недостатокъ хорошихъ наставницъ* и повелѣла приготовлять ихъ изъ способнѣйшихъ воспитанницъ обоихъ Воспитательныхъ домовъ; для этого она учредила въ нихъ по два особыхъ класса, каждый изъ 25 дѣвицъ, коимъ въ теченіе 6 лѣтъ преподавались Законъ Божій, ариѳметика, русскій, нѣмецкій и французскій языки, исторія, географія, чистописаніе, рисованіе, музыка, танцы и рукодѣлія. Выпускныя дѣвицы могли оставаться еще на годъ въ Домѣ, для практическихъ занятій съ младшими воспитанницами.

Въ 1811 г. въ одномъ изъ флигелей Воспитательнаго Дома въ С.-Петербургѣ открытъ былъ *Повивальный институтъ* на средства, оставленныя Бецкимъ, сначала на 12 воспитанницъ, потомъ еще на 18, на средства министерства полиціи.

Въ 1814 г., когда умножилось послѣ войны число воинскихъ сиротъ, императрица Марія образовала при мѣщанской половинѣ Воспитательнаго Общества отдѣленіе *военное*, для 50 дочерей воинскихъ чиновъ, при Смольномъ также для 50, а въ училищѣ ордена св. Екатерины для 15-ти. Императоръ Александръ принялъ съ чувствительною признательностію эти полезныя распоряженія.

Въ 1819 г. была введена въ особыхъ школахъ при Воспитательныхъ Домахъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ Ланкастерская метода взаимнаго обученія.

Въ 1820 г., по мысли императрицы Маріи, возникли *училища для солдатскихъ дочерей* при гвардейскихъ полкахъ, куда дѣти могли только приходить для ученія и работъ. Императрица собственноручно составила «Учрежденіе» для училищъ солдатскихъ дочерей, въ которомъ опредѣлена была цѣль училищъ: сдѣлать изъ учениць добрыхъ хозяекъ и честныхъ работницъ, способныхъ ко всякимъ домашнимъ упражненіямъ. По просьбѣ государя, она приняла и начальство надъ ними; но забота объ училищахъ главнымъ образомъ возложена была на генералъ-инспектора. Въ 1820 г. открыто было первое училище въ С.-Петербургѣ, въ 1823 — второе, а въ 1826 еще два—въ Севастополѣ и Николаевѣ, въ каждомъ по 100 дѣвочекъ.

Уже изъ этого перечня видно, какъ обширна была дѣятельность императрицы Маріи по женскому образованію. Для всѣхъ классовъ общества, для всякаго званія, чина и положенія родителей она учреждала особыя заведенія для ихъ дочерей, съ точно опредѣленнымъ курсомъ ученія. Такимъ образомъ, для дворянскихъ дочерей существовало четыре учебныхъ заведенія, въ коихъ было назначено 470 штатныхъ вакансій (изъ нихъ 230 военныхъ); для не дворянъ также четыре заведенія, но пріемъ въ нихъ мѣщанокъ сталъ производиться строже, а большій просторъ давался дѣтямъ разнородныхъ сословій—оберъ-офицеровъ, докторовъ, профессоровъ, придворныхъ лакеевъ, конюховъ, протопоповъ, учителей, почтальоновъ и т. д. Правила пріема нѣсколько разъ измѣнялись, соотвѣтственно чинамъ отцовъ, такъ что наконецъ мѣщанское училище при Смольномъ превратилось въ заведеніе для низшаго дворянства и чиновничества. Собственно для мѣщанокъ существовалъ лишь Маріинскій институтъ на 40 штатныхъ воспитанницъ. Во все время своего управленія женскими учебными заведеніями императрица Марія зорко слѣдила за размѣщеніемъ воспитанницъ по разнымъ заведеніямъ, а на содержаніе своихъ 50 пенсіонерокъ и пенсіонеровъ въ 10 разныхъ учебныхъ заведеніяхъ завѣщала капиталъ въ 429,388 руб. (копѣекъ, вообще, не приводимъ).

Изъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній одно лишь Воспитательное Общество имѣло свой капиталъ, но процентовъ съ него еще при Екатеринѣ не доставало для содержанія. Императрица Марія значительно усилила его средства и сверхъ того испросила ему 30,000 кв. саженъ земли. И всѣ другія учебныя женскія заведенія существовали большею частію на счетъ правительства, но стали появляться и пожертвованія. Интересно поступленіе ихъ по времени, и по лицамъ, и по цѣли[1]):

Въ 1797 г. отъ игумена Симонтовскаго 3,000 р., «на выдачу 21-го апрѣля, яко день основанія Воспитательнаго Дома, при выходѣ въ замужество дворянокъ, сиротствующихъ дѣвицъ».

Въ 1798 г. отъ графа Шереметева 200,000 руб. на воспитаніе 6 сиротъ.

Въ 1803 г. отъ статсъ-дамы Головкиной 12,790 р. на пенсіонерокъ.

Въ 1805 г. отъ Капитула ордена св. Іоанна Іерусалимскаго 2,000 р. для раздачи при выпускахъ 4-мъ беднѣйшимъ дѣвицамъ.

Въ 1805 г. отъ графа Шереметева 8,000 руб. на приданое дворянскимъ дѣвицамъ.

Въ 1805 г. въ теченіе 10 лѣтъ по 3,000 р. ежегодно отъ купца Гусева на содержаніе пенсіонерокъ.

---

1) Г-жа Е. І. Лихачева указываетъ ихъ по *заведеніямъ*.

Въ 1805 г. отъ кн. Долгорукаго 8,400 р. на содерж. пенсіонерокъ.

Въ 1807 г. отъ митрополита Сестренцевича 20,000 р., для приготовленія гувернантокъ въ *бѣлорусскій* край (потомъ это ограниченіе имъ же отмѣнено).

Въ 1807 г. отъ кн. Куракина 10,000 р. на содержаніе пенсіонерки.

Въ 1808 г. отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны 108,285 р. на содержаніе пенсіонерокъ и отъ камергера Свистунова 10,000 р. на пенсіонерокъ.

Въ 1810 г. отъ княгини Дашковой 8,766 р. на содержаніе пенсіонерки.

Въ 1810 г. отъ княгини Щербатовой 5,000 р. на награды воспитанницамъ.

Въ 1812 г. отъ дѣвицъ Еропкиныхъ капиталъ (?) на выдачу при выпускахъ сиротамъ, на одежду ихъ.

Въ 1816 г. отъ вдовы графа И. А. Безбородко 100,000 р. на образованіе сиротъ и дочерей бѣдныхъ дворянъ.

Въ 1820 г. отъ А. Н. Нарышкиной 150,000 р., въ пользу заведеній.

Въ 1820 г. отъ графа Шереметева 30,000 р. въ пользу заведеній.

Въ 1821 г. отъ графини А. Браницкой 350,000 р. на пенсіонерокъ и выдачу приданаго, и отъ г-жи Жуковой 35,000 р. на воспитаніе бѣдныхъ дворянокъ и выдачу имъ приданаго.

Въ 1825 г. отъ кн. Куракина 25,000 р. на пенсіонерку, съ выдачею награды.

Въ 1826 г. отъ графа Аракчеева 50,000 р. на пенсіонерокъ чиновниковъ въ военномъ поселеніи. Всего же *частныхъ* пожертвованій было 739,241 р. за тридцать лѣтъ (1797—1826).

Около того же времени продано было въ пользу женскихъ учебныхъ заведеній имѣніе, завѣщанное г-жей Хитрово.

Сама же императрица Марія въ духовномъ завѣщаніи своемъ назначила Маріинскому Институту 804,469 р., Московскому Екатерининскому училищу два капитала — въ 18,190 р. асс. и въ 37,200 р. сер., Александровскому училищу 5,801 р., Дѣвичьему училищу 13,600 р. сер.,—не говоримъ уже о томъ, что она дарила имъ при жизни. Всего она пожертвовала *болѣе двухъ милліоновъ р.* и кромѣ того давала изъ своихъ средствъ до 50,000 рублей въ годъ на каждое изъ пяти столичныхъ заведеній, не считая платы за ея пенсіонерокъ. Изъ казны единовременно выдано было на женскія учебныя заведенія 1.653,616 р. и ежегодно по 537,064 р. Но всѣ эти цифры представляютъ minimum дѣйствительныхъ суммъ.

Благодаря горячимъ заботамъ императрицы Маріи о женскомъ образованіи, ея личному въ немъ участію, умѣнью организовать его, ея матеріальной поддержкѣ и усиленнымъ стараніямъ доставить женскимъ учебнымъ за-

веденіямъ обильныя средства, образованіе женское при ней находилось, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для своего развитія. И по сему самому оно составило особую часть, неподвѣдомую начальству мужскихъ заведеній.

Мало по малу и въ губерніяхъ возникало желаніе содѣйствовать императрицѣ Маріи. Такъ, въ 1805 г. дворянство Тверской губ. постановило учредить въ Твери институтъ и жертвовало изъ своихъ суммъ 127,210 р.; тогда же игуменія тверского монастыря жертвовала для института землю, келліи и новую церковь, а монахини готовы были служить институту, чѣмъ только могутъ. Жертвователи просили одного лишь, чтобы институтъ ихъ состоялъ подъ начальствомъ императрицы Маріи. Но желаніе ихъ не осуществилось, по недостаточности суммы на устройство и содержаніе института, и только при Московскомъ Екатерининскомъ училищѣ открыто было особое отдѣленіе для 20 бѣдныхъ дворянокъ тверской губ.

Человѣколюбіе императрицы Маріи и императора Александра I выразилось и въ основаніи *Человѣколюбиваго Общества* въ 1802 г. и вызывало въ частныхъ лицахъ такія же идеи и стремленія. Въ 1806 г. основанъ былъ въ С.-Петербургѣ *Домъ Трудолюбія* подполковницей Гавриловой для 50 дочерей бѣдныхъ благородныхъ родителей. Обученіе въ немъ ограничивалось женскими рукодѣліями и начальными научными свѣдѣніями. Въ первый годъ Гаврилова содержала Домъ на средства отъ продажи работъ воспитанницъ и на частныя пожертвованія. Скудость этихъ источниковъ побудила ее просить Государя — принять Домъ въ вѣдѣніе *Человѣколюбиваго Общества*.

Событія 1812 г. вызвали въ С.-Петербургѣ появленіе *Женскаго Патріотическаго Общества*, для облегченія страданій и участи потерпѣвшихъ отъ войны. Общество принято было подъ особое покровительство императрицы Елизаветы; обѣ императрицы опредѣлили ему отъ себя по 3,000 р. ежегодно, а императоръ Александръ назначилъ 50,000 р. ежегодно. Въ февралѣ 1813 г. Патріотическое Общество устроило *Училище женскихъ сиротъ 1812 г.* на 80 воспитанницъ и давало на содержаніе его отъ 15,000 до 23,000 р. въ годъ. Въ вѣдѣніе Патріотическаго Общества поступилъ въ 1816 г. и *Домъ Трудолюбія* Гавриловой, преобразованный въ учебное заведеніе. Дѣла его пошли такъ успѣшно, что въ 1825 г. было въ немъ уже 80 *пенсіонерокъ*, и плата съ нихъ почти покрывала содержаніе дома. Въ немъ воспитывались дѣвицы *разночиннаго* состоянія. А на постройку зданія для *училища женскихъ сиротъ 1812 г.* императрица Елисавета подарила въ 1825 г. 100,000 р. и училище называлось уже *Институтомъ Патріотическаго Общества*. Программа ученія въ немъ была какъ и во всѣхъ институтахъ. Въ 1826 г. состоялся первый выпускъ изъ него 15 дѣвицъ, изъ которыхъ 12 по-

лучили золотыя и серебряныя медали. Дѣвочекъ, желающихъ поступить въ Патріотическій Институтъ, оказалось много, и вмѣсто 80 воспитанницъ положено было принимать 100. Кромѣ института Патріотическое Общество устроило въ 1816 г. въ разныхъ частяхъ Петербурга *женскія рабочія школы* для дѣтей бѣднѣйшаго населенія, которымъ давалось и начальное образованіе. На эти школы императрица Елизавета пожертвовала 10,320 р. Такимъ образомъ, дѣятельность Патріотическаго Общества сосредоточилась на воспитаніи бѣдныхъ дѣвицъ. По смерти императрицы Елизаветы, Патріотическій Институтъ и Домъ Трудолюбія взяла подъ свое покровительство императрица Александра Θеодоровна и переименовала Домъ Трудолюбія въ *Елизаветинское училище*. Въ 1827 г. Патріотическій Институтъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія Патріотическаго Общества по оскудѣнію средствъ его и преобразованъ въ учрежденіе *правительственное*, но за нимъ удержано названіе Патріотическаго Института Комитета 18 августа 1814 г. Императоръ Николай I назначилъ ему изъ суммъ императрицы Елизаветы 16,000 р. на содержаніе пенсіонерокъ ея имени, да еще прежде княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская 5,000 р., въ память своей дочери. Курсъ ученія воспитанницъ въ заведеніяхъ императрицы Елизаветы былъ ограниченнѣе и бытъ ихъ проще, чѣмъ въ институтахъ императрицы Маріи.

При такомъ развитіи женскаго образованія въ столицахъ, пробуждалась и провинція. Еще въ 1811 г. въ Харьковѣ дворяне основали Общество благотворенія, имѣвшее первоначальною цѣлію — призрѣніе страждущаго человѣчества—бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, несчастныхъ дѣвицъ, хроническихъ больныхъ. Потомъ оно стало воспитывать мальчиковъ въ пансіонѣ при гимназіи, а по предложенію извѣстнаго писателя Гр. Θ. Квитки открыло въ своемъ помѣщеніи школу, въ которую набирали *дѣвочекъ, прямо съ моекъ и съ улицы*, а учитель гимназіи *безплатно* обучалъ ихъ. Въ школу стали поступать и дочери бѣдныхъ дворянъ, и въ 1812 г. на домѣ ея явилась надпись: *Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ Общества благотворенія.* Тогда же Общество рѣшило устроить заведеніе для воспитанія на первый разъ 20 дѣвицъ изъ бѣдныхъ дворянъ, собрало 7,000 р. и составило для своего института особенный уставъ. *Это была первая иниціатива русскаго общества въ дѣлѣ женскаго образованія.* Уставъ его въ основныхъ чертахъ взятъ былъ изъ устава Бецкаго, но отличался многими особенностями: во главѣ заведенія поставленъ былъ попечитель, избираемый Обществомъ; въ заведеніе принимались бѣдныя дѣвочки только по тщательному удостовѣренію о состояніи ихъ, выданному особыми *господами-корреспондентами*; въ него допускались не только пенсіонерки, но и полупенсіонерки и даже приходящія; принимались и дѣти купцовъ и другихъ званій (кромѣ мѣщанъ и крестьянъ); иностранные языки не были обя-

зательны; допущены были наказанія и даже исключенія; въ пищѣ соблюдалась экономія, въ одеждѣ простота; въ рукодѣліяхъ позволялось брать заказы. Все это явилось существеннымъ отступленіемъ отъ строгой сословности, отъ закрытой системы воспитанія, отъ гуманныхъ началъ императрицы Екатерины, отъ увлеченія иностранными языками и отъ роскошной обстановки. Обученіе наукамъ харьковцы желали ввѣрять *учительницамъ* и только въ случаѣ недостатка ихъ—учителямъ, и посему заботились, чтобы учительницами явились воспитанницы Общества. Въ институтѣ допущены были праздничныя собранія почтенныхъ особъ, танцы, приличные спектакли. Каждый мѣсяцъ назначались испытанія, а въ концѣ года—публичныя. Награды полагались — одинъ серебряный знакъ, книги, похвальные листы, ноты, картины. Цѣль образованія поставлена была въ томъ, чтобы воспитанницы по выпускѣ изъ института могли быть учительницами въ домахъ помѣщиковъ и собственнымъ трудомъ доставлять себѣ пропитаніе. Общество благотворенія заботилось и о будущности ихъ, о доставленіи имъ мѣстъ, о платѣ за ихъ труды и обращеніи съ ними хозяевъ, даже о замужествѣ ихъ и о выдачѣ имъ приданаго. Не велики были средства института; но онъ, открытый 10 августа 1812 года, держался 5 лѣтъ, благодаря тому, что профессора и студенты университета и учителя гимназіи преподавали въ немъ *даромъ*, а Г. Ѳ. Квитка истратилъ почти все свое состояніе на другія, неизбѣжныя въ новомъ заведеніи издержки. Онъ же печаталъ отчеты Общества и въ мѣстныхъ, и въ столичныхъ изданіяхъ, всячески стараясь заинтересовать читателей судьбою института. Осенью 1816 г. былъ въ немъ первый выпускъ, проведенный торжественно и сердечно. Когда начался аукціонъ работъ воспитанницъ, нѣкоторые гости за вещь, стоющую 5 рублей, платили по 100 и по 200 р. Выпускныхъ было только 3 дѣвицы, а всѣхъ 60 (20 штатныхъ и 40 пенсіонерокъ). Послѣ выпуска многіе родители пожелали отдать въ институтъ своихъ дочерей, и даже одна изъ выпускныхъ скоро пріобрѣла себѣ довольно учениць. Въ 1816 г. Совѣтъ Общества купилъ землю и рѣшилъ приступить къ постройкѣ каменнаго дома.

Лѣтомъ 1816 г. посѣтилъ институтъ великій князь Николай Павловичъ и, осмотрѣвъ его, сказалъ: «*Подобнаго заведенія, въ разсужденіи цѣли и намѣренія, въ Россіи я не находилъ еще*», и обѣщалъ писать императрицѣ Маріи, чтобы она приняла институтъ подъ свое покровительство. Императрица приняла на свой счетъ двухъ пенсіонерокъ, а на просьбу Совѣта о принятіи института въ свое вѣдомство предложила нѣкоторыя условія, которыя, разумѣется, были немедленно приняты харьковцами. Въ 1818 г. императрица Марія повелѣла Совѣту еженедѣльно доносить ей о занятіяхъ, прилежаніи и поведеніи воспитанницъ и благосостояніи заведенія. 10 мая 1818 г. по-

слѣдовало торжественное открытіе Харьковскаго Института. Принятіе его императрицею Маріею было счастливѣйшею и важнѣйшею эпохою въ существованіи его: не будь этого, пришлось бы закрыть его, по оскудѣнію средствъ для его содержанія. Теперь же, когда императрица стала во главѣ его и назначила отъ себя по 3,000 р. ежегодно, явились и частныя пожертвованія: отъ неизвѣстнаго 1,000 р., графа Каменскаго 1,000 р., Иванецка ежегодно по 1,000 р., Демидова 20,000 р. (Портретъ Демидова императрица повелѣла поставить въ залѣ института). Все-таки жалованья учителямъ его не полагалось на томъ основаніи, что и доселѣ учителя не получали его. Введено было преподаваніе французскаго языка, прибавлены нѣкоторые предметы, и вообще программа стала сходною съ программами столичныхъ институтовъ. Въ институтъ стали поступать не однѣ *бѣдныя* дѣвочки; плата за пенсіонерку возвышена до 825 р.; число пенсіонерокъ частныхъ возрасло въ 1825 г. до ста и болѣе (одной граф. Чернышевой было 27 пенсіонерокъ), и для института купленъ былъ просторный домъ. Въ 1828 г. состоялось Высочайшее повелѣніе Приказамъ Общественнаго призрѣнія пяти окрестныхъ губерній вносить ежегодно по 4,000 р. на содержаніе института, съ правомъ содержать въ немъ по 2 и по 3 дѣвицы отъ губерніи. По духовному завѣщанію императрица Марія оставила ему 13,500 р. с., пока онъ существовать будетъ.

Можно думать, что проѣздъ въ 1816 г. великаго князя Николая Павловича изъ Харькова чрезъ *Полтаву* побудилъ полтавскихъ дворянъ основать свой благотворительный институтъ. Въ печати тогда же было заявлено, что харьковскій институтъ явился плодомъ благотворительности *нѣсколькихъ* членовъ Общества, а полтавское дворянство *все* одушевилось ревностію къ просвѣщенію и благотворительности. Въ собраніи дворянства въ январѣ 1817 г. постановлено было—составить нужный капиталъ взносами по 50 коп. съ каждой владѣемой души. Комитетъ министровъ разрѣшилъ учрежденіе института, но съ тѣмъ, чтобы пожертвованія дворянъ пали *не* на крестьянъ ихъ. Собрано было 300,000 р. и составленъ проектъ устава. Но въ этомъ уставѣ не замѣтно того внимательнаго отношенія къ воспитанницамъ, какимъ дышетъ харьковскій. Курсъ ученія здѣсь опредѣлялся въ 9 лѣтъ, но предметы ученія не обозначались. Штатныхъ воспитанницъ полагалось 15, по числу уѣздовъ губерніи, а пенсіонерокъ—сколько позволитъ помѣщеніе; плата за пенсіонерку назначена въ 1,000 р., кромѣ одежды. Цѣль института ставилась не въ одномъ образованіи дѣвицъ, но и въ приготовленіи ихъ для воспитанія другихъ. Главное управленіе институтомъ ввѣрялось попечительницѣ — супругѣ начальника края, княгинѣ В. А. Репниной, Совѣту изъ предводителей дворянства и двухъ лицъ изъ среды родителей, по выбору дворянъ. Совѣтъ принималъ на себя заботу о воспи-

танницахъ и по выпускѣ ихъ, *на всю ихъ жизнь*. С. М. Кочубей уступилъ для помѣщенія домъ, въ которомъ уже былъ женскій пансіонъ француженки Реньи; пансіонъ былъ преобразованъ въ институтъ, и Реньи назначена начальницею его. Открытіе его послѣдовало въ день рожденія государя — *12 декабря 1818 г.* По просьбѣ княгини Репниной отъ лица всего дворянства, императрица Елизавета приняла институтъ подъ свое покровительство, взяла на свой счетъ трехъ пенсіонерокъ, а для наградъ при выпускѣ назначила 3 шифра и 3 медали. Явились и частныя пожертвованія, которыя по 1825 г. составили 12,677 р., а плата за пенсіонерокъ—86,913 р. Въ 1826 г. былъ первый выпускъ 10-ти пенсіонерокъ изъ 83 воспитанницъ. Публичный экзаменъ состоялъ изъ множества предметовъ, въ томъ числѣ—статистики, естественной исторіи, физики, астрономіи, миѳологіи и пр. Бо́льшую часть предметовъ преподавала, вмѣстѣ съ другими учительницами, выписанная изъ Франціи образованная женщина. Съ теченіемъ времени, какъ водится, образовалась значительная недоимка за дворянствомъ, уменьшалось и число пенсіонерокъ, и къ 1827 г. Институтъ былъ уже въ долгу на 58,000 р. Въ заботѣ о судьбѣ его, кн. Репнинъ полагалъ уменьшить плату за пенсіонерку до 800 р., и строго взыскивать недоимку, а до того просилъ у Государственнаго Совѣта 50,000 р. заимообразно на одинъ годъ и 200,000 р. на 10 лѣтъ, безъ процентовъ, для постройки каменнаго дома. Императоръ Николай повелѣлъ заимствовать изъ Приказовъ общественнаго призрѣнія полтавскаго, черниговскаго и кіевскаго по 14,000 р. въ годъ, съ правомъ помѣщать въ институтъ 20 пенсіонерокъ, съ платою по 700 р.; въ число ихъ принимать и дочерей *купцовъ 1-й и 2-й гильдіи*, всего 10 изъ трехъ губерній; опредѣлить на счетъ государя 10 воспитанницъ навсегда и выдать сумму на постройку дома. И хотя полтавское дворянство уже не давало средствъ на содержаніе Института, но въ память того, что оно основало его, сохранено было за нимъ названіе — *Полтавскій* институтъ благородныхъ дѣвицъ, а въ 1828 г. составлено было для него Положеніе, подъ покровительствомъ императрицы Александры Ѳеодоровны.

Кромѣ институтовъ харьковскаго и полтавскаго, возникли въ Симбирскѣ и Москвѣ *Дома Трудолюбія*, по образцу петербургскаго. Въ Симбирскѣ Женское Общество христіанскаго милосердія, руководимое г-жей Ивановой, учредило въ 1820 г. Домъ Трудолюбія для воспитанія бѣднѣйшихъ дѣвицъ. Императрица Елизавета назначила ему отъ себя по 1,000 р. въ годъ и 5,000 р. изъ Шереметевскаго капитала. На счетъ Общества содержалось 10 воспитанницъ; пенсіонерки допускались съ платою 300 р. въ годъ. Всѣ науки въ домѣ преподавалъ *свящ.* Лука Крестовскій, *безъ всякой платы*. Чрезъ 4 года Общество имѣло уже собственный домъ и 55,671 р. капитала. Императоръ Александръ назначилъ ему отъ себя 5,000 р. ежегодно. Въ

1847 году Домъ былъ переименованъ въ *Симбирское Елизаветинское Училище.*

Въ Москвѣ Домъ Трудолюбія возникъ въ 1824 г. по мысли княгини Голицыной. Императрица Елизавета назначила ему по 1,000 р., государь опредѣлилъ по 13,020 р. ежегодно; Московское Городское Общество по 3,000 р. Въ домъ принимались бѣдныя дѣвицы, предпочтительно сироты, свободнаго состоянія, и оставались до 20 лѣтъ. Ихъ обучали преимущественно рукодѣліямъ, чтобы дать имъ возможность содержать себя трудами. Начальство Дома пріискивало для нихъ мѣста. Домъ былъ заведеніемъ строго закрытымъ. Изъ пожертвованій ему замѣчателенъ даръ купца Губина—150,000 рублей на содержаніе 10 пенсіонерокъ и на выдачу имъ приданаго. Въ 1847 г. Домъ переименованъ въ *Елизаветинское училище.* Но императрица Елизавета стояла къ своимъ заведеніямъ гораздо дальше, чѣмъ императрица Марія къ своимъ; она не входила въ подробности воспитанія и мало заботилась о дѣвицахъ.

Почти въ то же время (въ 1823 г.) казанская помѣщица *М. Н. Родіонова* пожертвовала, для основанія института въ *Казани,* имѣніе, приносившее дохода до 20,000 р. и вслѣдъ затѣмъ жертвовала имѣніе своей дочери, такъ что все приношеніе ея было оцѣнено въ 283,600 р. Но наслѣдники Родіоновой затѣяли процессъ, дѣло затянулось, и *Казанскій институтъ* былъ открытъ уже по смерти императрицы Маріи.

Въ Одессѣ еще съ 1806 г. существовалъ частный *дѣвичій пансіонъ* иностранца Вольсея, пріобрѣтенный потомъ правительствомъ. Въ 1814 г. городъ взялъ на себя плату за его помѣщеніе, а градоначальникъ Одессы, герцогъ Ришелье, назвалъ его *Дѣвичьимъ Институтомъ* и ввѣрилъ его особой Коммиссіи изъ семи лицъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Курсъ ученія продолжался 6 лѣтъ, пенсіонерная плата 600 р. и единовременно 100 р. на учебныя пособія. Заведеніе не было строго закрытымъ. Послѣ Ришелье институтъ пошатнулся и задолжалъ 17,000 р. Преемникъ Ришелье, графъ Ланжеронъ, привлекъ къ заведенію дворянство Екатеринославской и Херсонской губ. (которое обязалось содержать въ немъ 14 пенсіонерокъ), испросилъ разрѣшеніе на 16 казенныхъ пенсіонерокъ, повысилъ плату до 1,000 р., но все-таки долги института не уменьшились, а возрасли до 33,550 р.; дворянство въ 1824 г. отказалось отъ содержанія пенсіонерокъ. Новый начальникъ края, гр. М. С. Воронцовъ, просилъ императрицу Марію принять институтъ подъ свое покровительство; но смерть ея и турецкая война отвлекли вниманіе правительства отъ Одесскаго института, и уставъ его былъ утвержденъ только въ 1829 г.

Вотъ сколько заведеній, въ большей или меньшей степени, примыкало къ императрицѣ Маріи! Невольно удивляешься, какъ она находила возмож-

нымъ почти лично управлять по крайней мѣрѣ 20-ю ввѣренными ей учебными и благотворительными заведеніями и постоянно проявлять горячую и всестороннюю заботливость, начиная съ программъ преподаванія до увольненія сторожей, трубочистовъ, прачекъ и до свалки снѣга и истребленія тараканов ъ! А такимъ образомъ трудиться она перестала лишь накануне смерти. Въ этомъ смыслѣ она представляетъ собою единственный примѣръ, подобнаго которому никогда и нигдѣ во всемъ мірѣ не было. Высшее наслажденіе она находила въ трудахъ и работахъ «*о нашихъ прелестныхъ дѣтяхъ*». Во всѣхъ распоряженіяхъ ея, которыя касались воспитанницъ, проглядываетъ строгое сознаніе личной отвѣтственности за нихъ предъ родителями. Въ случаяхъ болѣзни дѣтей она посылала къ нимъ своего лейбъ-медика, а при извѣстіи о смерти ихъ она искренно и глубоко огорчалась. Въ Петербургѣ она требовала отъ начальницъ каждую недѣлю отчетовъ обо всемъ, что происходило въ заведеніи, о каждой воспитанницѣ, о каждой больной прислугѣ. Она не сближалась съ дѣтьми, какъ императрица Екатерина, но серьезно заботилась о ихъ судьбѣ въ настоящемъ и будущемъ, о ихъ нуждахъ и пользѣ, а не объ удовольствіяхъ. Надо прочесть всю IV главу (едва ли не самую лучшую) во 2-й книгѣ Е. І. Лихачевой, чтобы вполнѣ оцѣнить внимательность императрицы Маріи къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ во всемъ ихъ составѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что система воспитанія въ институтахъ при ней оставалась строго закрытою; временные отпуски дѣтей къ родителямъ она считала очень вредными и убѣждена была вполнѣ, что институтское воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ лучше домашняго, что оно можетъ привить дѣвицѣ твердыя нравственныя правила и поэтому она внимательно берегла ихъ отъ преждевременнаго знанія жизни. Программы во всѣхъ заведеніяхъ принаравливались къ званію воспитанницъ. Императрица Марія не только не сближала мѣщанскихъ дѣтей съ дворянскими, но и сама держалась отъ первыхъ въ замѣтномъ отдаленіи: на публичныхъ экзаменахъ ихъ она не присутствовала, знатныхъ особъ къ нимъ не приглашала и самихъ дѣтей не допускала даже на церковныя торжества въ Смольномъ; по городу возили ихъ въ *наемныхъ* каретахъ, а дворянскихъ — въ *придворныхъ*. *Внѣшняя* жизнь воспитанницъ дворянскихъ институтовъ проходила при императрицѣ Маріи такъ же весело и даже веселѣе, чѣмъ при Екатеринѣ: два раза въ мѣсяцъ бывали собранія съ танцами, а по большимъ праздникамъ давались балы съ угощеніемъ. На танцы обращено было большое вниманіе, такъ что воспитанницы исполняли балеты иногда лучше, чѣмъ записныя балерины. Очень большое значеніе придавала императрица и пріученію воспитанницъ къ занятію хозяйствомъ; назначеніе дежурною по хозяйству давалось въ видѣ награды. Въ учебной части, во всѣхъ заведеніяхъ, самое большое число уроковъ назначалось на обученіе иностраннымъ язы-

камъ. А по всѣмъ другимъ предметамъ учебныя книги печатались въ *сокращенномъ видѣ*, или же давались учителями тетради уроковъ. Императрица сама просматривала многія тетради, а другія отдавала на пересмотръ авторитетнымъ лицамъ. Пособій учебныхъ большею частію не было. Учебное дѣло налаживалось трудно и вслѣдствіе недостатка въ учителяхъ; императрица сама старалась отыскивать ихъ и улучшать ихъ положеніе. Много заботилась она о составленіи библіотекъ и присылала книги для чтенія воспитанницъ. Г-жа Лихачева подробно разбираетъ книги, которыя обязательно читались тогда въ институтахъ (стр. 172—178). Замѣчательно, что переводчикъ одной изъ нихъ жаловался печатно (въ 1804 г.), что наши соотечественницы «*вовсе ничего не читаютъ и даже пренебрегаютъ чтеніемъ, не зная истинной его пользы*».

При учрежденіи всякаго новаго учебнаго заведенія, императрица Марія давала инструкціи начальницамъ, съ нѣкоторыми оттѣнками въ отношеніи дворянскихъ и недворянскихъ заведеній. Но она требовала невозможнаго, настаивая, чтобы институтъ замѣнялъ дѣтямъ семью, чтобы всѣ начальницы и классныя дамы были матерями воспитанницъ, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ. Къ сожалѣнію, начальницами почти во всѣхъ заведеніяхъ были иностранки, и дѣти большею частію встрѣчали величавый, покровительственный видъ окружающихъ лицъ, видѣли сухое, формальное отношеніе, иногда подвергались и тѣлеснымъ наказаніямъ. А императрица, даже въ путешествіяхъ своихъ за-границею, не забывала горячо любимыхъ дѣтей, истинно-матерински заботилась о мельчайшихъ ихъ нуждахъ, вездѣ и всегда находила время перечитать посылаемые за ней доклады начальницъ и отвѣчала имъ подробно, ничего не жалѣя для здоровья и блага дѣвицъ.

Какъ бы ни было, но при императрицѣ Маріи число желающихъ отдавать своихъ дочерей въ институты сильно увеличилось, и пріемъ дѣтей на штатныя вакансіи правительство считало уже наградою за заслуги родителей. Вѣроятно, въ томъ же вниманіи къ родителямъ, разрѣшались (съ началомъ XIX в.) временные отпуски къ нимъ дѣтей; а пенсіонерокъ, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, возвращали еще и до выпуска, даже постороннимъ лицамъ, если они обязывались устроить ихъ судьбу. Императрица не прекращала своей заботы о воспитанницахъ и послѣ выпуска ихъ, и сѣяла добро, какое только возможно было. Въ отношеніи благотворительности ее называли «*ненасытимою*» и «*министромъ благотворительности*» *при трехъ государяхъ*. «Дѣти во всѣхъ заведеніяхъ ее очень любили, а тѣ, которыя сознательно испытали на себѣ ея благотворное вліяніе, каждый день благословляютъ ея имя»—писала одна изъ воспитанницъ Смольнаго — княжна Волконская. И по истеченіи полувѣка послѣ своей смерти, императрица Марія еще возбуждала воспоминанія сердечной приверженности. Не

даромъ Жуковскій у гроба Ея говорилъ, что нѣкогда и потомки повторятъ

«благодаримъ, благодаримъ
«За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей!»...

Показавъ главныя черты воспитанія и образованія въ заведеніяхъ императрицы Маріи, мы не станемъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ учебной части—программахъ, инспекторахъ, учителяхъ, руководствахъ, экзаменахъ и пр. (все это достаточно полно изложено въ V-й главѣ 2-й книги г-жи Лихачевой). Замѣтимъ одно лишь: такъ какъ главное вниманіе въ институтскомъ преподаваніи было обращено на обученіе языкамъ, то успѣхи воспитанницъ въ другихъ предметахъ были весьма слабы. Книги учебныя выдавались по одному экземпляру на двухъ ученицъ. Впрочемъ, съ 1820 г. императрица Марія усилила заботы о научномъ образованіи воспитанницъ и писала начальницѣ Смольнаго: «*мы должны хорошо учить, это самая главная и первая наша обязанность*». Въ Смольный и Екатерининскій стали приглашать людей, пріобрѣтавшихъ себѣ извѣстность педагогическими способностями, напр., Мартынова, Арсеньева, Бутырскаго, Плетнева, Срезневскаго, Ободовскаго, Тимаева, Шульгина. Но все еще преподаваніе многихъ предметовъ шло на иностранныхъ языкахъ; даже въ часы досуга дѣвицы читали преимущественно иностранныхъ писателей. Однако, при всѣхъ недостаткахъ, тогдашнее образованіе въ институтахъ вполнѣ отвѣчало требованіямъ правительства, и въ царствованіе Александра I оно стало распространяться и въ провинціи. Но никакъ нельзя утверждать, что воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній выходили изъ нихъ съ основательнымъ образованіемъ, съ умственнымъ широкимъ развитіемъ, съ запасомъ идей. Тогда и въ самомъ обществѣ еще немногіе понимали условія истиннаго образованія [1]). И воспитанницамъ, внѣ заведенія, весьма рѣдко встрѣчалась возможность продолжать свое образованіе. Но вообще, институтское воспитаніе удовлетворяло тогдашнимъ взглядамъ. За сословность въ дѣлѣ образованія стояли и родители, и литература; обученія иностраннымъ языкамъ требовали и провинціалы; показная сторона ученія господствовала вездѣ — и въ гимназіяхъ, и въ народныхъ училищахъ, и въ частныхъ пансіонахъ. И только съ этою показною стороною институтскаго воспитанія знакомились тогдашніе журналисты: они видѣли институтокъ на публичныхъ экзаменахъ и отзывались о нихъ съ величайшей похва-

1) М. А. Дмитріевъ говоритъ, что до указа 1809 г., заставившаго насъ учиться, и самые просвѣщенные литераторы были не богаты основательными знаніями. («Мелочи изъ запаса моей памяти», 1869 г., стр. 78).

лою. Самые отвѣты дѣвицъ на публичныхъ экзаменахъ (большею частію подготовленные) заставляли думать, что онѣ имѣютъ достаточныя и правильныя понятія. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» (Свиньина) печатали, что въ *цѣломъ свѣтѣ нѣтъ подобнаго Екатерининскому институту, сему беспримѣрному заведенію.* Восторженно отзывались о воспитаніи и образованіи институтокъ въ журналахъ—«Благонамѣренномъ», «Московскомъ Телеграфѣ», въ «Современникѣ» (Пушкина). Въ «Современникѣ» Плетневъ писалъ, что воспитаніе въ Смольномъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрное, что устройство заведеній для женскаго пола ни въ чемъ не требуетъ улучшенія, что молодая особа, вышедшая изъ какого-нибудь института, въ полномъ смыслѣ снабжена уже всѣмъ, чего потребуетъ будущая жизнь ея, что, наконецъ, институты гораздо выше другихъ (т. е. мужскихъ?) заведеній [1]). Никитенко писалъ, что онъ доволенъ своими ученицами, что воспитанницы институтовъ гораздо образованнѣе барышенъ гостиныхъ. Но если мы вспомнимъ, что учености въ женщинахъ тогда избѣгали, что большая часть предметовъ преподавалась на французскомъ языкѣ, что главная цѣль при этомъ заключалась въ томъ, чтобы воспитанницы усовершенствовались въ языкѣ, а не въ томъ, чтобы онѣ основательно усвоили себѣ сущность науки, можно безошибочно утверждать, что институтки въ 17 лѣтъ выходили только съ нѣкоторымъ литературнымъ образованіемъ и знаніемъ французскаго языка; немногія — съ музыкой и пѣніемъ, а почти всѣ — съ танцами. Встрѣчались, конечно, даровитыя личности (даже въ провинціяхъ), которыя любили читать, переводить, учить дѣтей и распространять добрые нравы въ семействахъ. Въ 20-хъ годахъ, въ Харьковѣ, жена писателя Квитки, воспитанница Екатерининскаго института, принимала живое участіе въ литературныхъ работахъ мужа, слѣдила за французской литературой и даже за политикой. Харьковская писательница Л. Я. Кричевская (20-хъ годовъ) даже и на мѣдныя деньги не училась, а написала нѣсколько книгъ, которыя расходились хорошо [2]). А большинство дворянокъ училось, какъ говорится, на мѣдныя деньги и вовсе не получало никакого образованія. Въ Черниговской губерніи еще въ 20-хъ годахъ иныя дворянки выучивались писать, только вышедши замужъ. И въ самихъ столицахъ тогдашнее образованіе, внѣшнее образованіе встрѣчалось только у дворянскихъ воспитанницъ, такъ какъ о нихъ преимущественно заботилась императрица Марія, а мѣщанскія дѣвицы приготовлялись къ тому лишь, чтобы сдѣлаться учительницами въ дворянскихъ домахъ. Для педагогической подготовки ихъ,

---

1) Соврем. 1836, т. I, с. 4—13; Сочиненія П. Плетнева, Спб. 1885 г., т. I, стр. 258—264.

2) Квитка, помѣщая переводы мѣстныхъ писательницъ, выражалъ надежду, что Харьковъ по многимъ отношеніямъ замѣняетъ столичное воспитаніе.

для образованія изъ нихъ классныхъ дамъ, императрица еще въ 1803 г. желала учредить пепиньеръ—изъ выпускныхъ способныхъ и бѣдныхъ воспитанницъ, которыя оставались бы въ заведеніи еще годъ, учились бы математикѣ, исторіи, географіи *(на французскомъ языкѣ)* и могли бы замѣнять учителей въ случаѣ ихъ отсутствія, или хоть обучать въ низшемъ возрастѣ чтенію, письму, чистописанію. Но желающихъ остаться въ пепиньерѣ оказалось немного, и только въ 20-хъ годахъ ихъ явилось уже столько, что были даже и своекоштныя. По окончаніи курса, ихъ помѣщали на выгодныя мѣста, а оставленнымъ для службы въ заведеніи назначали жалованье (по 200 р. въ годъ). Но и курсъ пепиньерокъ не принесъ столько пользы, сколько можно было бы отъ него ожидать, такъ какъ онъ главнымъ образомъ былъ направленъ къ усовершенствованію во французскомъ языкѣ. Болѣе успѣшнымъ дѣломъ явилась педагогическая подготовка *кандидатокъ,* воспитанныхъ въ классахъ наставницъ при Воспитательныхъ Домахъ. Тамъ онѣ и на русскомъ языкѣ (съ 1827 г.) слушали практическіе уроки, изучали руководства, занимались преподаваніемъ въ младшихъ классахъ, подъ надзоромъ учителей, и опредѣлялись классными дамами въ институты. Учрежденіемъ классовъ наставницъ императрица Марія положила прочное основаніе *педагогическому* образованію женщинъ. Эти кандидатки были тогда самыми образованными дѣвицами и распространяли образованіе по всей Россіи.

Кругъ и характеръ женскаго образованія, установленный при императрицѣ Маріи, надолго оставался неизмѣннымъ и неприкосновеннымъ до того, что никто и не мечталъ выйти изъ него. А межь тѣмъ образованіе дѣвицъ тогда не было направлено на *умственное развитіе*; да и по главному предмету ученія — по языкамъ — встрѣчались такія воспитанницы, съ золотою медалью, которыя и по-французски, и по-русски писали съ большими ошибками; а въ дѣлѣ воспитанія имъ старались привить сколько-нибудь скромность, покорность, довольство малымъ...

Но истинной благодѣтельницей явилась императрица Марія для тѣхъ воспитанницъ, которыя должны были собственнымъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе: имъ давалось пособіе при выпускѣ, имъ даровано право обращаться во всѣхъ случаяхъ за помощію къ Совѣтамъ заведеній и прямо къ самой императрицѣ; имъ давалось временное помѣщеніе и содержаніе въ Воспитательныхъ Домахъ, въ случаѣ потери мѣста; ихъ сильно защищали въ случаѣ притѣсненій отъ хозяевъ.

Обращаясь теперь къ частнымъ пансіонамъ въ Россіи за это время, видимъ, что судьба ихъ весьма мало извѣстна. Здѣсь мы представимъ только сжатый перечень ихъ. Еще при Екатеринѣ, графиня Чернышева устроила въ своемъ имѣніи, Могилевской губерніи, пансіонъ для 24 дѣвочекъ и нѣ-

скольких мальчиковъ, гдѣ были учитель, учительница и музыкантъ. Здѣсь надобно сказать, что въ Западномъ краѣ, еще до присоединенія его къ Россіи, уже много было женскихъ учебныхъ заведеній: женскіе монастыри разныхъ орденовъ содержали школы низшія и среднія и маленькіе пансіоны, благодаря фундушамъ, завѣщаннымъ съ цѣлію воспитанія дѣвицъ. Были тамъ и свѣтскіе школы и пансіоны, устроенные конгрегаціями *свѣтскихъ* женщинъ. Впрочемъ, одинъ изъ визитаторовъ ихъ отозвался, что въ свѣтскихъ частныхъ пансіонахъ воспитываются *комедіантки и танцорки*. При князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ предполагалась было женская учительская семинарія въ Кременцѣ, но католическое духовенство воспротивилось, и женскія заведенія остались въ вѣдѣніи монастырей.

Слѣдуя порядку времени, отмѣтимъ появленіе нѣкоторыхъ пансіоновъ и училищъ.

Въ Архангельскѣ уже въ 1800 г. было нѣсколько нѣмецкихъ пансіоновъ.

Въ 1803 г. встрѣчаемъ *русскій* пансіонъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, открытый русскимъ маіоромъ Константиновичемъ.

Въ 1805 г. въ Дерптѣ (гдѣ уже было не мало женскихъ пансіоновъ и частныхъ училищъ) открыто новое училище, на средства города, въ день рожденія императрицы Маріи.

Въ томъ же году графиня Чернышева учредила въ Могилевѣ *Александровское училище для дѣвицъ*, на содержаніе котораго представила залогомъ недвижимыя имѣнія *съ крестьянами* въ разныхъ губерніяхъ, приносившія дохода до 15,000 р. въ годъ.

Въ 1808 г. въ Полтавѣ С. М. Кочубей устроилъ въ своемъ домѣ *даровой* пансіонъ для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ подъ надзоромъ его жены обучалось 12 сиротъ. (Этотъ пансіонъ былъ, какъ мы уже видѣли, зародышемъ Полтавскаго Института).

Въ 1811 г. открыто въ Витебскѣ училище для бѣдныхъ дѣвицъ, при содѣйствіи Городской Думы и покровительницы училища, супруги военнаго губернатора, герцогини Виртембергской.

Въ 1817 г. основано въ Одессѣ городское дѣвичье училище для всѣхъ свободныхъ сословій, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, на средства города, отпускавшаго на содержаніе его по 10,000 р. Ученіе въ немъ было даровое.

Въ 1820 г. общество харьковскихъ учителей и другихъ чиновниковъ открыло на общественныя средства частное училище дѣвицъ въ Харьковѣ, куда принимались дѣти всѣхъ сословій; учителя и учительницы сначала преподавали безплатно, а потомъ явились средства, и училище пошло въ ходъ.

Въ 1821 г. кн. Ѳ. С. Голицынъ открылъ пансіонъ въ своемъ имѣніи, Саратовской губерніи, въ селѣ Зубриловкѣ, съ платою 600 р. въ годъ, и въ пансіонѣ скоро явилось 46 дѣвочекъ (и 66 мальчиковъ). Но со смертію князя въ 1825 г. пансіонъ закрылся.

Въ 1820-хъ годахъ въ Елисаветградѣ существовалъ уже очень хорошій пансіонъ г-жи Бурковской, о которомъ сочувственно вспоминаетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ Е. Ѳ. фонъ Брадке.

Въ 1820-хъ годахъ появляется женскій пансіонъ въ Нѣжинѣ, г-жи Руссетъ, гдѣ преподавалась и *мифтологія*.

Въ 1825 г. открыто въ Варшавѣ частное училище для приготовленія гувернантокъ, преобразованное въ 1827 г. въ казенный *Александринскій Институтъ* для той же цѣли.

Въ 1825 г. воспитанница Смольнаго монастыря Савичъ открыла въ м. Пропойкѣ, близъ Могилева, женскій пансіонъ, въ которомъ сама преподавала на *русскомъ* языкѣ.

Въ 1825 г. открыла въ Петербургѣ школу извѣстная впослѣдствіи писательница А. О. Ишимова, и своими занятіями въ школѣ и литературными трудами пріобрѣла значительное вниманіе Плетнева, Жуковскаго, Пушкина, кн. Вяземскаго, а чрезъ нихъ явилась учительницею и въ Царскомъ Домѣ.

Вообще большая часть пансіоновъ находилась въ столицахъ. Въ Петербургѣ женскихъ пансіоновъ въ 1808 г. было уже 38, а въ 1828 г. — 45. Наиболѣе серьезное образованіе давалось дѣвицамъ въ Главномъ Нѣмецкомъ училищѣ св. Петра. Было нѣсколько блестящихъ пансіоновъ въ Москвѣ, гдѣ преподавались тѣ же предметы, что и въ институтахъ, и попечитель округа былъ весьма доволенъ отвѣтами воспитанницъ. — Провинціальные пансіоны являлись преимущественно въ губернскихъ городахъ, и содержателями ихъ бывали большею частію французы. Программы пансіоновъ были вездѣ болѣе или менѣе одинаковы, и образованіе давалось въ нихъ самое поверхностное. Бо́льшая часть пансіоновъ существовала недолго. Родители ограничивались гувернантками: дѣло было дешевле.

Со включеніемъ Западнаго края, во всѣхъ женскихъ пансіонахъ Россіи въ 1824 году было всего 3,420 учащихся, а въ собственно-русскихъ губерніяхъ только 1,390. Въ провинціяхъ учились дѣвочки нѣкоторое время и въ приходскихъ, и въ уѣздныхъ училищахъ, и въ гимназіяхъ, вмѣстѣ съ мальчиками (особенно въ приходскихъ училищахъ). Въ 1824 г. число учившихся дѣвочекъ въ 29 губерніяхъ было 5,835 (мальчиковъ 55,021). А считая и институтокъ, находимъ, что въ 1828 г. всѣхъ учившихся дѣвочекъ было около 12,000, а народонаселеніе Россіи и тогда уже доходило до 50 милліоновъ.

Какъ развивались дѣвицы внѣ заведеній, по окончаніи курса?

Еще въ 1805 г. въ «Журналѣ Россійской Словесности» было сказано, что рѣдкая дама большого свѣта, до Карамзина, имѣла понятіе о русской словесности; Карамзинъ первый началъ писать пріятно и познакомилъ ихъ съ родной литературой, т. е. пріучилъ дамъ читать русскія книги. Но это знакомство началось еще до него и только упрочилось при немъ, и не одному Карамзину принадлежитъ эта заслуга; ее раздѣляютъ съ нимъ И. Дмитріевъ, Жуковскій, Крыловъ, Батюшковъ, Грибоѣдовъ и болѣе всѣхъ ихъ Пушкинъ, Гоголь (не говоря уже о Нелединскомъ, Подшиваловѣ, Измайловыхъ).

Въ пользу или удовольствіе дамъ стали издавать журналы, и сами женщины болѣе прежняго участвовали въ нихъ. Все шире развивался просвѣщенный взглядъ на женщинъ, на участіе, которое онѣ могутъ принять въ общемъ стремленіи къ образованности, и въ отношеніяхъ къ нимъ писателей отражался характеръ французской любезности. Литераторы и даже государи ободряли женщинъ-авторовъ, принимали посвященія, дарили за нихъ. Императоръ Павелъ назначилъ Волковой пенсію за оду, изъявилъ благоволеніе Свиньиной и Поспѣловой; императоръ Александръ I далъ пенсію Буниной за ея стихотворенія и подарокъ Титовой за ея драму «Уставъ Ваза»; императрица Марія пожаловала перстень Извѣковой за ея романъ. Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ и многіе другіе писали стихи поэтессамъ; Карамзинъ признавалъ удовольствіе и пользу читательницъ «*драгоцѣннымъ своимъ вѣнкомъ*»; П. Макаровъ писалъ, что лавры изъ рукъ женщины всегда были драгоцѣннѣйшей наградой; Воейковъ говорилъ женщинамъ: «вы должны учить насъ языку и вкусу». Въ этотъ же періодъ времени (1796—1828) выходило нѣсколько журналовъ, посвященныхъ женщинамъ: 1) «*Московскій Меркурій*», 1803 г., П. И. Макарова; 2) «*Журналъ для милыхъ*», 1804 г., М. Н. Макарова; 3) «*Московскій Зритель*», 1806 г. (гдѣ появился Крыловъ съ «Разборчивой Невѣстой»); 4) «*Аглая*», 1808 — 1812 гг. и 5) «*Дамскій Журналъ*», съ 1823 г., всѣ три послѣдніе—кн. Шаликова. «Московскій Меркурій» взывалъ къ женщинамъ, чтобы онѣ сдѣлали свои дома истинными школами вкуса и просвѣщенія, гдѣ всякій старался бы превзойти другого блескомъ ума: тогда бы женщины заставили всѣхъ учиться, сдѣлались нашими учительницами, измѣнили самые нравы. Журналъ сожалѣлъ, что русскія женщины почти не посѣщаютъ лекцій профессоровъ, музеевъ; въ способностяхъ ихъ къ наукамъ онъ нисколько не сомнѣвался и признавалъ ихъ даже выше мужскихъ, но имъ—молъ—не достаетъ только развитія; журналъ надѣялся, что будетъ время, когда скажутъ: «женщины просвѣтили Россію!» Почти такъ же восторженно относились къ воспитанію женщинъ и другіе журналы. Но отъ поры до времени возникали пре-

достереженія, чтобы не набивали женщинѣ голову наукой, что мужъ не любитъ въ женѣ соперника, а только ключницу, няньку; что женщинѣ не должно быть писательницей («женщина въ печати то-же, что женщина въ худой славѣ»), и даже журналисты иные задумывались, какъ бы занятія науками не помѣшали женщинѣ быть хорошею женою, матерью, хозяйкой. Нашлась даже одна знаменитая особа изъ прекраснаго пола, которая еще въ 1806 г. издала книгу «*Другъ женщинъ*» (Сопиковъ II, 3488), гдѣ съ мыслями французскаго автора приводились взгляды переводчицы на вредъ, происходящій для женщинъ отъ занятій науками. Авторъ желалъ, чтобы женщины, почерпнувъ изъ наукъ полезные совѣты, пользовались ими только для пріятнаго препровожденія времени и счастливой жизни.

Можетъ быть, такимъ препровожденіемъ времени было посѣщеніе московскими дамами публичныхъ лекцій, которыя читались въ университетѣ профессоромъ Политковскимъ по натуральной исторіи, профессоромъ Страховымъ по опытной физикѣ (1804 г.), профессоромъ Буле по исторіи, археологіи и изящнымъ искусствамъ (1807), профессоромъ Мерзляковымъ по русской словесности (1812—1816) и академикомъ Шереромъ, читавшимъ на *нѣмецкомъ* языкѣ курсы физико-химическій и минералогическій (1823). И слушательницъ у академика было 10 дамъ, и платили онѣ за полный курсъ по 100 р. Однако, ученыхъ женщинъ у насъ въ ту пору не явилось; были только женщины въ тогдашнемъ смыслѣ образованныя, которыя проявляли стремленіе къ умственнымъ интересамъ, къ литературѣ. Такими были А. А. Турчанинова (по отзыву Вигеля и кн. Долгорукаго), дочь графа Сперанскаго (въ замужествѣ Фролова-Багрѣева), которая много писала и печатала, но исключительно на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а по-русски писала съ большими ошибками. Отецъ ея писалъ ей о пензенскихъ женщинахъ, что почти всѣ онѣ говорятъ по-французски и — что̀ еще горестнѣе—говорятъ весьма изрядно. Кн. И. М. Долгорукій въ своихъ путешествіяхъ по Россіи встрѣчалъ даже въ провинціальныхъ захолустьяхъ женщинъ образованныхъ, т. е. говорившихъ по-французски и умѣвшихъ поддерживать любезный свѣтскій разговоръ.

Въ обсужденіи вопроса о женскомъ образованіи принимали участіе и нѣкоторыя женщины: Е. Н. Пучкова (18 лѣтняя дѣвушка) печатаетъ въ 1810 г. статью *о женщинахъ*, гдѣ протестуетъ противъ мнѣнія о неравноправности въ умственномъ отношеніи мужчинъ и женщинъ, и статья ея, напечатанная въ «Аглаѣ», перепечатывается потомъ въ 1823 г. въ «Вѣстникѣ Европы». Еще болѣе замѣчательно письмо одной помѣщицы 1804 г., котораго содержаніе подробно передаетъ г-жа Лихачева (стр. 253—255), гдѣ главнымъ образомъ проводится мысль: «если образованные граждане нужны государству, то не менѣе того нужны для него и образованныя

женщины... Образованіе тѣхъ и другихъ должно быть равноцѣнно для правительства». А «домашнее воспитаніе женщинъ всюду недостаточно и пренебрежено... оно находится между двухъ крайностей: между совершеннымъ невѣжествомъ и пагубнѣйшей суетностію».

Литературная дѣятельность женщинъ пріобрѣла къ нимъ вниманіе со стороны цѣлаго общества писателей. Въ 1811 г., когда явилась извѣстная «Бесѣда Любителей Россійскаго Слова», почетными членами ея были избраны писательницы Бунина, Волкова, Пучкова, княжна Урусова. Развитіе женщинъ видно и изъ того, что въ салонахъ нѣкоторыхъ дамъ образовались литературныя собранія, — изъ которыхъ наиболѣе извѣстны въ С.-Петербургѣ у А. П. Хвостовой и С. Д. Пономаревой, въ Москвѣ у Елагиной, въ Рязани у кн. Волконской. Въ 20-хъ годахъ столичныя женщины могли уже образовывать себя въ окружавшей ихъ средѣ писателей — Карамзина, Дмитріева, Дашкова, Блудова, Жуковскаго, Плетнева, Пушкина. Карамзинъ съ самаго начала своей дѣятельности всячески поощрялъ женщинъ къ занятіямъ литературою, будучи убѣжденъ въ томъ, что участіе ихъ въ литературѣ полезно для всего общества въ смыслѣ распространенія образованности, бóльшей утонченности вкусовъ и облагороживанія нравовъ. Оба Макаровы (П. И. и М. Н.) развивали его взгляды, доводя свою любезность даже до смѣшного: они помѣщали въ своихъ журналахъ не только статьи женщинъ, но и свои примѣчанія къ нимъ, что статья — молъ — печатается *по приказанію* такой-то, благодарили автора, поздравляли съ успѣхомъ, хвалили. Даже Н. Полевой, относившійся къ писательницамъ серьезнѣе другихъ, цѣнилъ въ ихъ произведеніяхъ пламенныя чувства, нравственныя побужденія, всегда привѣтствовалъ хорошее произведеніе писательницы и жалѣлъ, что русскія женщины рѣдко появляются въ литературѣ. А если Пушкинъ около этого времени (1823) писалъ, что *«читательницъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ»*, то это просто—минутное увлеченіе, и при томъ эти слова его были написаны въ частномъ письмѣ и объясняются его тогдашнимъ положеніемъ и видимымъ раздраженіемъ. Въ противность ему Полевой тогда же заявлялъ въ журналѣ, что чтеніе книгъ входитъ въ число любимыхъ занятій новаго поколѣнія, но не отрицалъ и того, что общество скупится на книги, и эта скупость выдумала *списывать* Пушкина, и его произведенія ходили по рукамъ обезображенныя ошибками. Въ этой скупости, однако, всего меньше можно обвинять женщинъ.

Какъ бы мы строго ни судили, но должны признать, что образованіе женщинъ къ 30-мъ годамъ нашего вѣка замѣтно распространялось и въ среднемъ кругу, и преимущественно средняго круга женщины являлись писательницами. Но такъ какъ ни одна изъ нихъ не обнаружила крупнаго

таланта и большая часть ихъ не принадлежала къ высшему кругу и не искала связей у двора литературнаго, то къ нимъ стали холоднѣе относиться и даже съ ироніей — къ ихъ произведеніямъ и къ ихъ занятіямъ наукою. Самъ Пушкинъ избѣгалъ встрѣчи «*съ семинаристомъ въ желтой шали иль съ академикомъ въ чепцѣ*». А когда князь Шаликовъ въ 1823 г. основалъ «Дамскій журналъ», на него напали почти всѣ журналы и называли журналъ его *анахронизмомъ*. И въ самомъ дѣлѣ, кн. Шаликовъ словно думалъ, что женщины не возвышаются понятіемъ далѣе водевильнаго куплета или жиденькаго мадригала. Полевой писалъ, что ему стыдно бывало читать журналы, назначаемые для женщинъ. Нашлась, однако, защитница «Дамскаго журнала» при самомъ его основаніи, которая писала, что *если* въ немъ будутъ пьесы занимательныя, хорошія, любопытныя, пріятныя, то онъ принесетъ и пользу и удовольствіе. Не оправдалъ этихъ надеждъ «Дамскій журналъ», а все-таки, хотя и съ пустенькимъ содержаніемъ, существовалъ болѣе 10 лѣтъ: значитъ, были читательницы и сотрудницы.

Содѣйствовали-ли наши писательницы выработкѣ русскаго языка? Пушкинъ, въ ироническомъ увлеченіи, говорилъ вообще о нашихъ женщинахъ въ 1824 году:

«Не всѣ-ли, русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?» (Е. Он. 3, XXVII).

Строгая справедливость требуетъ сказать, что тогдашнія писательницы владѣли несомнѣнно хорошимъ русскимъ языкомъ Повліяли ли женщины на вкусъ и нравы тогдашняго общества? Этотъ вопросъ труднѣе разрѣшить. Ясно, что сами женщины много выиграли, сдѣлавшись образованнѣе, и стало быть, вліяніе ихъ было сильнѣе прежняго. Французскій писатель Ансело, посѣтившій въ 1826 году Россію, писалъ, что въ ней женщины образованнѣе мужчинъ, что многія изъ нихъ говорятъ на иностранныхъ языкахъ и знакомы съ литературою. Онъ замѣтилъ не только обширность познаній ихъ, но и превосходство нравственное. Полевой радовался, что иностранный писатель гласно призналъ преимущество образованности женскаго пола, и утверждалъ съ своей стороны, что если женщины замужемъ охлаждаются къ умственнымъ интересамъ, то по большей части виноваты въ этомъ мужья, которые не умѣютъ ихъ ни поддержать, ни цѣнить. Полевой по личнымъ наблюденіямъ своимъ говорилъ, что во многихъ мѣстахъ Россіи сумма мыслей, чувствъ, образованности всегда бо̀льшая на сторонѣ женской. И самъ Пушкинъ признавалъ нашихъ женщинъ несравненно про-

свѣщеннѣе. Яркимъ примѣромъ серьезнаго образованія могутъ служить графиня А. Д. Блудова, княгиня З. А. Волконская, кн. Е. И. Голицына, Е. П. Фадѣева...

Третья и послѣдняя книга г-жи Е. І. Лихачевой оканчиваетъ исторію женскаго *закрытаго* образованія. (Источниками ей послужили, *кромѣ названныхъ прежде*, труды Анненкова, Ахматовой, Барсукова, Быкова, Бѣлинскаго, Бѣльской, Великосельцева, Витберга, Вышнеградскаго, Глинки М., Говорова, Гоголя, Григорьева А., Добролюбова, Дол(гомость)евой, Дружинина, Еллисъ, Жиркевича, Жуковой, Захарченко, Земенцкой, Златковскаго, К. Л., Корсини, Краснова, Лѣскова, Маслова, Мацкевича, Милюкова, Норова, кн. Одоевскаго, Омельяненко, N., Павловой, Папкова, Пассекъ, Плетнева, Раева, Семевскаго В., Семенова Д., Скабичевскаго, Смарагдова, Сохaнской, Старчевскаго, Сушкова Д., Тимофѣева, Тургенева, Федоровой, Шепрока, Языкова Д., а также журналы литературные и оффиціальные и еще бо̀льшее, чѣмъ въ первыхъ двухъ книгахъ, множество архивныхъ источниковъ).

Еще въ 1826 г., императоръ Николай I самъ занялся устройствомъ институтовъ Патріотическаго и Полтавскаго, самъ сдѣлалъ поправки въ Проектѣ Положенія для перваго и указалъ цѣль для послѣдняго — «*въ обрусѣніи страны, чтобы она не отставала въ образованіи отъ прочихъ областей*». По кончинѣ императрицы Маріи всѣ воспитательныя и благотворительныя женскія заведенія были приняты подъ покровительство императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны. Для доклада по дѣламъ заведеній назначенъ особый статсъ-секретарь (Вилламовъ) и учреждено особое IV-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи; а по дѣламъ заведеній, состоявшихъ въ вѣдѣніи императрицы Елизаветы, былъ особый статсъ-секретарь (Лонгиновъ). Согласно завѣщанію императрицы Маріи, изъ подвѣдомыхъ ей заведеній Институтъ повивальнаго искусства и Маріинскій были ввѣрены покровительству вел. кн. Елены Павловны. Въ 1828 г. былъ учрежденъ *Маріинскій знакъ отличія* (двухъ степеней) для награжденія лицъ женскаго пола, служащихъ въ заведеніяхъ Имп. Маріи. Доселѣ институты управлялись мѣстными совѣтами, которые представляли свои донесенія императрицѣ; теперь донесенія ихъ поступали къ Вилламову, который докладывалъ ихъ государю и государынѣ. Отпускъ суммъ на нѣкоторыя женскія заведенія изъ государственнаго казначейства прекращенъ въ октябрѣ 1829 г., а нужныя средства повелѣно выдавать изъ доходовъ Воспитательныхъ домовъ. Въ Патріотическій инсти-

тутъ были принимаемы дочери только заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ, а пенсіонерки—изъ военныхъ дворянъ. Срокъ воспитанія назначенъ 6-ти лѣтній.

Въ 1830 г. государь повелѣлъ учредить въ Москвѣ *Домъ призрѣнія сиротъ*, оставшихся послѣ умершихъ отъ холеры родителей. Въ С.-Петербургѣ еще ранѣе существовалъ Сиротскій домъ. Изъ Московскаго дома образовался въ 1837 г. *Александринскій Сиротскій Институтъ*, гдѣ воспитывалось 300 дѣтей обоего пола и всякаго званія; къ пріему допускались даже грудныя дѣти и не старше 13 лѣтъ. Дѣвочки въ немъ приготовлялись быть классными дамами и наставницами въ частныхъ домахъ; въ 1839 г. онѣ переведены въ учрежденныя при обоихъ Воспитательныхъ Домахъ убѣжища, гдѣ или приготовлялись въ кандидатки, или же учились музыкѣ и рукодѣліямъ. При выпускѣ, каждой оберъ-офицерской сиротѣ выдавалось по 300 р. Учебные классы эти, названные Сиротскими институтами, заключали въ себѣ въ 1843 году 800 воспитанницъ въ Петербургѣ и 700 въ Москвѣ. Въ 1851 г. учреждены особыя отдѣленія для малолѣтнихъ.

Слѣдуя порядку времени, обратимъ вниманіе на заведенія, основанныя въ провинціяхъ.

Въ 1829 году, іюля 28, былъ открытъ *Одесскій институтъ*, куда поступали дочери дворянъ, оберъ-офицеровъ и высшаго купечества. Въ составъ завѣдующихъ имъ лицъ введенъ былъ по учебной и хозяйственной части *инспекторъ*. Плата съ пенсіонерокъ опредѣлена въ 1000 р. и единовременно 250 р. Средства на содержаніе доставляли еще Бессарабская область, подать съ татаръ, города Таганрогъ, Кишиневъ, Измаилъ, Одесса и Херсонскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Въ 1835 г. полковникъ *Куртъ* завѣщалъ институту свое движимое и недвижимое имущество, оцѣненное въ 150,000 р., на воспитаніе 6 дѣвицъ дворянъ и чиновниковъ Херсонской губерніи и на выдачу имъ при выпускахъ по 2,000 р. каждой, а получающей шифръ — 3,000 р.

Въ 1830 г. харьковскій профессоръ Гулакъ-Артемовскій приглашенъ былъ устроить въ *Полтавскомъ* институтѣ учебную часть. Ознакомясь съ заведеніемъ, онъ доносилъ, что воспитанницы его не получали никакого образованія, что всѣ части учебнаго дѣла требуютъ или рѣшительнаго преобразованія или значительнаго исправленія: воспитанницы распредѣлялись по классамъ безъ всякаго отношенія къ ихъ успѣхамъ; въ одномъ и томъ же классѣ онѣ были разныхъ возрастовъ; русскій языкъ ни въ теоріи, ни въ практикѣ почти не существовалъ; всѣ предметы преподавались на французскомъ языкѣ; четыре предмета читались однимъ учителемъ, прочіе — классными дамами; воспитанницы переводились изъ класса въ классъ по

успѣхамъ во *французскомъ* языкѣ; русскую словесность преподавалъ протоіерей, ученицы его изучали тайны витійства съ величайшею скукою и потерею времени; единственное знаніе, какое выносили полтавскія институтки, было знакомство съ французскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, подобныхъ замѣтокъ о внутренней жизни заведеній мало встрѣчается въ книгахъ Е. І. Лихачевой. Неужели нельзя было ихъ почерпнуть изъ отчетовъ ревизоровъ?

Въ Кіевѣ генералъ-губернаторъ графъ Левашевъ еще въ 1833 г. подалъ мнѣніе объ учрежденіи института, находя, что умственное образованіе будущихъ матерей еще болѣе необходимо, чѣмъ воспитаніе юношей: «*владычество женщинъ надъ сердцами и умами мужей и дѣтей своихъ все производитъ*». Тогда же и попечитель округа фонъ Брадке писалъ, что правительству необходимо взять въ свои руки женское воспитаніе въ Юго-Западномъ краѣ. Въ живомъ вниманіи къ этимъ представленіямъ, въ 1834 г. повелѣно было Московскому опекунскому совѣту выдать 500,000 р. на устройство *Кіевскаго института*, а Приказамъ Кіевскому, Полтавскому и Черниговскому вносить для Кіевскаго института тѣ суммы, которыя доселѣ вносили они на институтъ Полтавскій (послѣднему, въ замѣнъ ихъ, отпущено 200,000 р. изъ Московскаго воспитательнаго дома). Цѣлію для Кіевскаго института было назначено — доставить *безденежное* воспитаніе дѣтямъ *бѣдныхъ* дворянъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской, а дочерямъ достаточныхъ родителей—за умѣренную плату. Число воспитанницъ опредѣлено въ 120, изъ коихъ 60 на счетъ Приказовъ, а 60 своекоштныхъ, съ платой по 800 р. асс. Учебная часть поручалась попечителю округа и инспектору классовъ. Институтъ былъ открытъ въ 1838 г., а въ 1843 перешелъ въ собственный домъ; въ 1852 г. число воспитанницъ увеличено до 170.

Въ 1834 г. дворянство *Тамбовской* губерніи постановило учредить институтъ для воспитанія 12 бѣдныхъ дворянскихъ дочерей и собрать 222,000 р.; но сборъ шелъ очень медленно, такъ что институтъ былъ открытъ только въ 1843 г., 6 августа, на 87 воспитанницъ дворянъ и высшаго купечества; въ числѣ ихъ было 8 пенсіонерокъ государя и государыни, 12 дворянскихъ (потомъ прибавлено еще 12), 27 на счетъ Приказовъ общественнаго призрѣнія и 40 своекоштныхъ. Институтъ получилъ названіе Александринскаго.

Въ 1835 г. градоначальникъ *Керчи* кн. Херхеулидзевъ сталъ заботиться объ учрежденіи института въ Крыму. Заручась согласіемъ учителей Керченскаго уѣзднаго училища преподавать за самую умѣренную плату, князь ходатайствовалъ объ открытіи *Керченскаго института* и въ 1836 г. уже совершалъ его открытіе (8 марта). Въ него допускались дочери дворянъ,

оберъ-офицеровъ и купцовъ, — пенсіонерки съ платою 400 р., полупенсіонерки по 150 р. и вольноприходящія по 50 р. въ годъ. Городъ отпускалъ по 8,000 р., съ тѣмъ, однако, чтобы $^2/_3$ институтскаго дохода поступали въ пользу города. Учебный курсъ полагался 3-хъ лѣтній. Государь посѣтилъ институтъ въ 1837 г. и нашелъ «*небезвредною для нравственности смѣсь вольноприходящихъ съ пенсіонерками*». Поэтому число пенсіонерокъ было увеличено до 60, а для приходящихъ рѣшено устроить особое заведеніе. Въ 1845 г. институту было пожертвовано 300,000 р. д. с. с. Кушниковымъ, предназначенныхъ было имъ для института въ Ѳеодосіи; но по смерти его деньги поступили въ Керченскій, гдѣ учреждено было 16 пенсіонерокъ имени Кушникова, и самый институтъ названъ *Керченско-Кушниковскимъ*.

Въ годъ открытія Керченскаго института было утверждено Положеніе института *Астраханскаго*. На содержаніе его завѣщано было еще въ 1824 г. купцомъ Колпаковымъ все его состояніе — 90,000 р. Императрица Александра Ѳеодоровна повелѣла быть открытію 28 ноября 1837 г., почти на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ Керчи, содержать въ немъ 10 пенсіонерокъ имени жертвователя и назначить курсъ ученія 4-хъ лѣтній. Здѣсь были и полупенсіонерки, съ платою 250 р., но приходящихъ не было. Городъ давалъ 8,310 р. Въ 1848 г. отмѣненъ пріемъ полупенсіонерокъ, а число воспитанницъ увеличено до 60-ти.

Въ томъ же 1836 г. повелѣно составить Положеніе объ учрежденіи института въ городѣ *Владимірѣ*. Но дворянство повидимому не сочувствовало мысли объ учрежденіи на *его* счетъ *института*, а изъявило готовность открыть *пансіонъ*, съ содержаніемъ по 3,000 р. изъ дворянскихъ суммъ. Мысль о допущеніи дѣтей купцовъ была отринута государемъ: «*мѣшать купеческихъ дѣтей съ дворянскими не нахожу удобнымъ; поэтому и предлагать купечеству участвовать въ семъ дѣлѣ не должно*». Дворянство стало собирать на институтъ, но сборъ шелъ очень медленно, и въ 1853 г. составилъ всего 89,832 р.; скудость сбора объясняли тѣмъ, что большое число дворянскихъ имѣній отходило въ казну. Такимъ образомъ, нужная для института сумма не накопилась, и институтъ не былъ открытъ.

Въ 1841 г. былъ наконецъ открытъ *Казанскій институтъ* въ зданіи, построенномъ на 300,000 р., вырученные отъ продажи имѣній Родіоновой. Въ память ея положено содержать 21 воспитанницу изъ потомственныхъ дворянъ. На содержаніе института повелѣно было семи Приказамъ Общественнаго Призрѣнія сосѣднихъ губерній давать по 5000 р. ежегодно, съ правомъ помѣщать въ немъ 15 пенсіонерокъ. Въ своекоштныя принимались дочери купцовъ 1-й и 2-й гильдіи и духовенства. Курсъ ученія 6-лѣтній.

Нижегородское дворянство еще въ 1839 г. положило сдѣлать сборъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ на устройство своего института;

но самый сборъ начался только въ 1842 г., когда помѣщикъ М. Бреховъ завѣщалъ свои имѣнія въ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ для воспитанія дочерей *самыхъ недостаточныхъ дворянъ*. Черезъ 10 лѣтъ сборъ дворянства, вмѣстѣ съ пожертвованіемъ Брехова, составилъ 250,000 р. сер., и *Институтъ Нижегородскій* былъ открытъ въ составѣ двухъ низшихъ классовъ. Въ немъ положено было имѣть 16 пенсіонерокъ Брехова и 20 дворянскихъ.

Съ 1839 г. начало собирать капиталъ Саратовское дворянство и къ 1853 г. собрано болѣе милліона ассигнаціями. Институтъ былъ открытъ въ 1854 г. на 30 безплатныхъ воспитанницъ, принятъ подъ покровительство императрицы и, по особому ходатайству дворянъ, въ непосредственное завѣдываніе великой княгини Маріи Николаевны, почему и названъ *Саратовскимъ-Маріинскимъ*.

Послѣ польскаго возстанія 1831 г. правительство обратило особенное вниманіе на женское воспитаніе въ западныхъ губерніяхъ. Существовавшій съ 1825 г. близъ Могилева пансіонъ смолянки Савичъ правительство перевело на казенную дачу Пипенбергъ, выдавало ежегодныя пособія, отпустило заимообразно 17,142 р. на постройку зданія, намѣревалось преобразовать его въ институтъ; но сборъ могилевскаго дворянства не достигъ и въ 1854 г. суммы, необходимой только на одну постройку дома, и открытіе института не послѣдовало до самой смерти императора Николая.

Въ 1837 г. утвержденъ уставъ *Бѣлостокскаго* института на 100 воспитанницъ, не однихъ бѣдныхъ, но вообще дворянъ, дабы распространять въ западныхъ губерніяхъ начала *русской* образованности. Для помѣщенія его, государь отдалъ тамошній дворецъ; начальницу и всѣхъ классныхъ дамъ повелѣлъ назначить *непремѣнно русскихъ*; 20 мѣстъ изъ ста предоставилъ дочерямъ *русскихъ* чиновниковъ. Своекоштныя пенсіонерки принимались съ платою 150 р. Курсъ ученія и программа тѣ-же, что въ Кіевскомъ. Учителей предписано приглашать самыхъ лучшихъ, въ особенности французскаго языка. Средства для содержанія назначены отъ Приказовъ Минской, Гродненской, Кіевской и Подольской губерній, изъ доходовъ дворцоваго Бѣлостокскаго имѣнія и платы съ пенсіонерокъ.

Существовавшій въ *Варшавѣ* институтъ для образованія *гувернантокъ* графъ Паскевичъ переименовалъ въ 1837 г. въ институтъ для воспитанія *дѣвицъ*. Въ немъ было 4 пенсіонерки государя, 30 казенныхъ, 6 экономическихъ, 10 частныхъ (по 1,500 злотыхъ) и 66 приходящихъ, воспитывавшихся *даромъ*, но съ обязательствомъ прослужить правительству годъ въ званіи учительницы. Главный надзоръ за всѣми частями института порученъ генеральной *визитаторкѣ* и оставался за ней до 1840 г., когда управленіе имъ было передано совѣту. Воспитанницъ назначено 100 штат-

ныхъ и 100 пенсіонерокъ, съ платою по 1200 злотыхъ. Городъ содержалъ 12 стипендіатокъ. Предписано было — *успѣхи въ поведеніи предпочитать успѣхамъ въ ученіи.* Въ 1843 г. институтъ переведенъ въ Новую-Александрію, близъ Варшавы.

Въ 1837 же году повелѣно было устроить *образцовые пансіоны* въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Винницѣ, Житомирѣ, Ровно и Каменецъ-Подольскѣ; содержательницами ихъ назначались *русскія*, и преимущественно бывшія воспитанницы институтовъ; каждому пансіону назначено пособіе по 1500 р. сер. въ годъ. Но учрежденіе ихъ не было успѣшно: содержательницы смотрѣли на пансіоны, какъ на частную собственность. Въ 1843 г. частный образцовый пансіонъ въ Вильнѣ преобразованъ въ *казенный*: въ немъ положено 50 пенсіонерокъ и 25 полупенсіонерокъ, курсъ ученія 4-лѣтній. На польскомъ языкѣ преподавался Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія и польскій языкъ; на французскомъ — всеобщая исторія и всеобщая географія; на русскомъ — всѣ остальные предметы.

Въ 1840 г. по Высочайшей волѣ учрежденъ въ Тифлисѣ *Закавказскій институтъ* на 40 безплатныхъ воспитанницъ и 20 пенсіонерокъ по 150 р. въ годъ. На содержаніе его назначено 24,500 р. изъ Государственнаго Казначейства и изъ мѣстныхъ суммъ.

Въ 1845 г. былъ открытъ *институтъ въ Восточной Сибири* — въ Иркутскѣ. Еще въ 1828 г. вдова купца 1 гильдіи Елиз. Мих. Медвѣдникова назначила 70,000 р. асс. на устройство въ Иркутскѣ учебновоспитательнаго заведенія для *сиротъ вообще*. Въ 1838 г. былъ открытъ Сиропитательный Домъ для призрѣнія *дѣвочекъ* и при немъ учрежденъ банкъ въ 50,000 р. Оба эти учрежденія были приняты подъ покровительство императрицы. На первыхъ порахъ въ заведеніе поступали дочери мѣщанъ и цеховыхъ, а вскорѣ затѣмъ дочери дворянъ и даже богатыхъ. *Это было первое женское учебное заведеніе въ Сибири.* Въ 1845 г. оно преобразовано въ Институтъ, благодаря частнымъ пожертвованіямъ. Казенныхъ воспитанницъ назначено 40, пенсіонерокъ 30, съ платою 250 р. Городъ Томскъ изъ своего банка жертвовалъ ежегодно по 2000 р. на 20 стипендій. Въ 1855 г. разрѣшено принимать дочерей лицъ всѣхъ свободныхъ состояній.

Съ 1845 г. дворянство Войска Донского начало ходатайствовать объ учрежденіи въ *Новочеркасскѣ института*. Государь нашелъ ненужнымъ учить въ немъ, *какъ предметамъ обязательнымъ*, французскому языку, музыкѣ и танцамъ, и призналъ рѣшительно вреднымъ допущеніе полупенсіонерокъ. На постройку отпущено заимообразно 100,000 р. Институтъ открытъ въ 1852 г., ввѣренъ попеченію Атаманши-Цесаревны Маріи Александровны, названъ *Маріинскимъ* и состоялъ въ вѣдѣніи Министерства

Народнаго Просвѣщенія. Воспитанницъ въ немъ полагалось 120, изъ нихъ 36 на средства войсковыя, а 84 своекоштныхъ, по 50 р. Курсъ ученія 6-лѣтній.

Кромѣ институтовъ, вновь учреждены или преобразованы нѣкоторыя дѣвичьи училища, измѣнены уставы и штаты нѣсколькихъ заведеній, опредѣлены новые источники для содержанія ихъ, повышена должность начальницъ и директриссъ и производились періодическіе осмотры институтовъ статсъ-секретарями и другими лицами въ періодъ времени отъ 1828 по 1855 г.

Одесское училище, существовавшее съ 1817 г., для приходящихъ дѣвицъ всѣхъ классовъ общества, подчинено Совѣту Одесскаго института; программа его расширена, но посѣщеніе училища было безплатнымъ.

Съ 1832 г. въ Оренбургѣ основано Дѣвичье училище для дочерей низшихъ воинскихъ чиновъ и бѣдныхъ всякаго званія; въ 1848 г. оно преобразовано въ училище для дочерей штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновниковъ, священниковъ и купцовъ 1-й гильдіи, а въ 1855 г. преобразовано въ *Оренбургскій институтъ для воспитанія дѣвицъ*. Въ немъ 40 воспитанницъ содержалось на счетъ Уральскаго войска и 35 своекоштныхъ съ платою 130 р.

Въ 1834 г. *въ Кіевѣ* основано Обществомъ вспоможенія бѣднымъ, подъ предсѣдательствомъ графини Левашевой, *Училище для* бѣдныхъ дѣвицъ, *круглыхъ сиротъ всѣхъ сословій*. Уставомъ 1840 г. оно передано въ завѣдываніе Кіевскаго института и поступило подъ покровительство государыни. Преподаваніе иностранныхъ языковъ устранено было изъ него волею государя; воспитанницъ приготовляли преимущественно къ тому, чтобы онѣ могли поступать въ частные дома надзирательницами за хозяйствомъ, наблюдать за физическимъ воспитаніемъ дѣтей и обучать ихъ грамотѣ. Въ 1854 г. оно преобразовано въ заведеніе для дочерей недостаточныхъ чиновниковъ и дворянъ и *своекоштныхъ* пенсіонерокъ отъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдіи; училищу указана высшая цѣль — приготовлять домашнихъ учительницъ, и потому въ него введены были иностранные языки. Въ память предсѣдательницы, устроившей его, оно получило названіе *Училища графини Левашевой*.

Въ Тобольскѣ еще съ 1837 г. задумали учредить школу для дѣвицъ, но сборъ поступалъ туго, и только въ 1854 г. школа была открыта въ двухъ отдѣленіяхъ для приходящихъ дѣвицъ, одно отдѣленіе для 100 дочерей мѣщанъ, другое — для 40 дочерей духовенства и купцовъ. Учителя гимназіи и уѣзднаго училища преподавали въ школѣ *даромъ*.

Въ 1842 г. статсъ-секретарь Гофманъ осмотрѣлъ институты Варшавскій, Кіевскій, Бѣлостокскій, Харьковскій и Московскій. Вслѣдствіе его

отчета о нихъ, государь повелѣлъ составить особый Комитетъ, которому повелѣно было принаровить учебную часть въ женскихъ заведеніяхъ къ главной цѣли женскаго воспитанія и разсмотрѣть уставы ихъ. Комитетъ открылъ свои дѣйствія съ 1844 г., подъ предсѣдательствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго. Въ лицѣ принца женскія учебныя заведенія пріобрѣли достойнаго преемника императрицы Маріи. Сынъ высокообразованной великой княгини Екатерины Павловны и самъ европейски воспитанный, принцъ Петръ Георгіевичъ обнаруживалъ до самаго конца своей жизни (1881 г.) неутомимую дѣятельность на пользу женскаго образованія, неусыпныя заботы о нуждахъ заведеній и гуманное отношеніе ко всѣмъ подчиненнымъ, особенно къ воспитанницамъ. Не только женскія учебныя заведенія, но и мужскія разнаго рода,—госпитали, пріюты, богадѣльни и тому под. учрежденія—видѣли въ немъ милостиваго покровителя и любящаго отца. Подъ его предсѣдательствомъ комитетъ 1844 г. раздѣлилъ всѣ женскія учебныя заведенія на 4 разряда, сообразно съ званіемъ и происхожденіемъ воспитанницъ, и для каждаго разряда составилъ особую программу учебнаго курса. Къ 1 разряду и при томъ въ 1-е отдѣленіе выдѣлено Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, а ко 2-му отдѣленію отнесены Екатерининскія училища, институты — Патріотическій, Харьковскій, Одесскій, Казанскій, Кіевскій, Бѣлостокскій, Закавказскій, Полтавскій, Александринскій въ Тамбовѣ и близъ Варшавы. Ко 2-му разряду причислены: 1-е отдѣленіе Павловскаго института, оба Александровскія училища, Дома трудолюбія, институты Астраханскій и Восточной Сибири. Къ 3-му разряду—солдатскія училища, городскія школы и т. п. заведенія, гдѣ преподавались только необходимые для бѣдныхъ дѣтей предметы, а главнымъ образомъ обучали рукодѣлію. Къ 4-му разряду — спеціальныя заведенія — сиротскія и повивальныя. Комитетъ измѣнилъ пріемный возрастъ (не моложе 10 лѣтъ и не старше 12), обратилъ вниманіе и на физическое воспитаніе, предлагалъ ввести занятія гимнастикою....

Въ 1845 г. учрежденъ Главный Совѣтъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній, которому подчинены были всѣ женскія учебныя заведенія, а ихъ мѣстные Совѣты ограничены тремя лицами — начальницей, членомъ по учебной части и членомъ по хозяйственной . Назначая принца П. Г. Ольденбургскаго предсѣдателемъ Главнаго Совѣта и поручая ему ближайшій надзоръ за всѣми женскими заведеніями, государь сказалъ ему, что принцъ въ этомъ дѣлѣ замѣняетъ его самого. Государь постоянно и самъ обращалъ вниманіе на всѣ части женскаго воспитанія и непремѣнно требовалъ, чтобы оно какъ можно больше было принаровлено къ будущему назначенію воспитанницъ, согласно съ званіемъ, состояніемъ и образованіемъ родителей ихъ.

Въ 1846 г. для большаго наблюденія за воспитаніемъ въ институтахъ была учреждена должность почетныхъ попечительницъ, которыя назначались императрицею. Тогда-же было утверждено Положеніе объ управленіи женскими учебными заведеніями.

Въ 1848 г. при Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ былъ открытъ пансіонъ для 35 дочерей чиновниковъ института и мѣстнаго дворцоваго правленія.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Приказы Общественнаго Призрѣнія отпускали на разные институты 63,000 р. въ годъ и уже просили освободить ихъ отъ этой уплаты. А тамъ событія влекли къ Крымской войнѣ. И вотъ почему открытіе институтовъ, предположенныхъ въ Могилевѣ, Орлѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ, было отложено. Важнѣйшимъ источникомъ для содержанія институтовъ было повелѣно считать плату съ пенсіонерокъ.

Выше было замѣчено, что Дома Трудолюбія въ Петербургѣ, Москвѣ и Симбирскѣ были переименованы въ Елизаветинскія училища; государь посѣтивъ Симбирское въ 1836 г., отозвался о немъ: «*ничего лучше онаго я не нашелъ*». Рязанскій Домъ Трудолюбія опредѣленъ былъ въ 1846 г. только для дѣвочекъ. Около сего времени появился Домъ Трудолюбія и въ Пензѣ.

Въ 1850 г. императрица пригласила цесаревну Марію Александровну и великую княгиню Марію Николаевну взять на себя ближайшее наблюденіе за воспитаніемъ въ институтахъ и доводить до ея свѣдѣнія свои замѣчанія.

Къ 1853 году, ко дню 25-лѣтія женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительствомъ императрицы Александры Θеодоровны, число ихъ возросло съ 14 до 31 (новыхъ возникло: 2 въ С.-Петербургѣ, 1 въ Москвѣ, 14 въ губерніяхъ), не считая предположенныхъ къ открытію. Въ 1853 г., по смерти статсъ-секретаря Лонгинова[1]), находившіеся въ его вѣдѣніи институты и училища были присоединены къ учрежденіямъ императрицы Маріи, такъ что въ вѣдѣніи Главнаго Совѣта состояло до 46 женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній (39 закрытыхъ и 7 открытыхъ). Учащихся въ нихъ было 6860; изъ нихъ на казенномъ содержаніи 3626, пенсіонерокъ 3234. Въ столичныхъ заведеніяхъ училось 4755 дѣвицъ, въ губернскихъ 2105. Въ заведеніяхъ 1-го разряда 2511, 2-го 1376, 3-го 1279, 4-го 1694. Къ концу царствованія Николая I купеческія дочери 1-й и 2-й гильдіи были допускаемы пенсіонерками даже въ перворазрядные институты. Сумма

1) Н. М. Лонгиновъ род. 15 авг. 1780, ум. 21 дек. 1853 г. въ званіи члена Государственнаго Совѣта.

на содержаніе заведеній увеличена противъ 1828 года почти вдвое. *Неприкосновенный* капиталъ всѣхъ женскихъ заведеній къ 1854 г. образовалъ 8,360,657 р. Въ 1848 году повелѣно составить общій *запасной* капиталъ (для покрытія сверхштатныхъ расходовъ) и къ 1853 г. онъ возросъ до 3,508,271; кромѣ того составленъ былъ общій *пенсіонный* капиталъ.

Кромѣ суммъ, пожертвованныхъ дворянствомъ разныхъ губерній, городами и обществами, явилось много частныхъ пожертвованій, а именно:

Въ 1827 г.	отъ	московскаго купца Губина	260,000 р. асс.
» 1828 »	»	иркутск. купчихи Медвѣдниковой . .	70,000 »
» 1829 »	»	П. Демидова 50,000 р., Баташевой	85,800 »
» 1830 »	»	кн. Оболенскаго	60,000 »
» 1831 »	»	надв. сов. Калинина	311,789 »
» 1835 »	»	полковника Курта имѣніе въ	150,000 »
» 1837 »	»	княгини Е. Р. Вяземской	12,000 »
» 1838 »	»	маіора Колокольцева	300,000 »
» » »	»	г-жи фонъ-Мертенсъ	40,000 »
» » »	»	Логиновой земля въ С.-Петербургѣ	
» 1840 »	»	жителей Варшавы	43,200 р. сер.
» 1841 »	»	неизвѣстнаго	20,000 »
» 1842 »	»	помѣщика Брехова имѣніе въ 566 душъ.	
» 1843 »	»	барона Штиглица	30,000 »
	»	Ярославскаго дворянства	28,600 »
» 1844 »	»	Левинскаго	16,500 »
» 1845 »	»	Кушникова	300,000 »
	»	почетнаго гражданина Кузнецова . .	100,000 »
» 1849 »	»	княгини Трубецкой	12,000 »
» 1852 »	»	графа Шереметева	90,000 »
	»	купеч. вдовы Ушаковой	11,500 »
» 1853 »	»	барона Пирха	19,000 »
» 1854 »	»	княгини Радзивиллъ	16,000 »

Всего до 1,731,589 р. асс. и 224,800 р. сер., кромѣ имѣнія въ 566 душъ. Надо замѣтить при этомъ, что здѣсь показаны пожертвованія только *свыше 10,000 р.*, а мелкихъ суммъ множество несосчитанное....

Отдѣльно отъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній стояли институты Маріинскій и Повивальный, ввѣренные великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Маріинскому институту дано новое Положеніе (1834 г.), по которому дѣвицы въ немъ приготовлялись быть воспитательницами; число воспитанницъ въ немъ увеличено до 120 и до 180, число пенсіонерокъ до 80; курсъ ученія 6 лѣтъ; для малоуспѣвающихъ учреждено особое *рабочее* отдѣленіе; плата

за пенсіонерку возвышена до 500 р. асс., а съ 1841 года до 180 р. сер. По недостаточности институтскихъ средствъ, государь въ 1834 г. повелѣлъ выдать заимообразно на 37 лѣтъ 360,000 р. и кромѣ того 120,000 р. Въ 1853 г. неприкосновенный капиталъ института составлялъ 318,902 р. сер.

Въ первые 6—7 лѣтъ своего управленія женскими учебными заведеніями, императрица Александра Өеодоровна часто посѣщала ихъ, особенно Смольный и Екатерининскій институты, присутствовала на ихъ экзаменахъ, очень ласково относилась къ воспитанницамъ, переписывалась съ нѣкоторыми начальницами; но съ 1833 г., по нездоровью своему, она всѣ свои распоряженія по женскимъ учебнымъ заведеніямъ передавала чрезъ статсъ-секретаря Вилламова[1]). За то самъ государь Николай Павловичъ весьма внимательно занимался всѣми дѣлами институтовъ, приказывалъ невзначай посѣщать ихъ статсъ-секретарямъ, самъ заѣзжалъ въ нихъ, слушалъ уроки, отвѣты воспитанницъ, наблюдалъ за добротою продовольствія и приготовленія, велѣлъ улучшить ихъ пищу, устраивать прогулки ихъ на свѣжемъ воздухѣ, даже зимою, назначалъ ежегодные осмотры губернскихъ институтовъ, требовалъ, чтобы въ этихъ поѣздкахъ статсъ-секретари и принцъ Ольденбургскій обращали преимущественно вниманіе на нравственное воспитаніе и религіозное образованіе воспитанницъ, велѣлъ учить ихъ церковному пѣнію; на докладахъ объ осмотрѣ заведеній писалъ свои резолюціи, дѣлалъ многостороннія замѣчанія, видимо стремясь упростить бытъ воспитанницъ, сократить объемъ преподаванія, принаровить образованіе ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ, пріучить ихъ къ хозяйству и съ этою цѣлію завести почти во всѣхъ заведеніяхъ образцовыя кухни (съ 1844 г.). Въ 1845 г. статсъ-секретарь Лонгиновъ докладывалъ, что матеріальное положеніе губернскихъ институтовъ крайне скудно, особенно въ сравненіи съ Кадетскими корпусами, куда средства даруются щедро, и что въ дворянствѣ замѣчается холодность къ институтамъ, которые все-таки приносятъ несомнѣнную пользу ихъ дѣтямъ и что, напр., воспитанницы Полтавскаго института всегда встрѣчаемы были въ свѣтѣ похвалами и на чредѣ матерей охранили достоинство своего призванія. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ былъ причиною того, что только въ немногихъ институтахъ (даже въ 1853 г.) были глобусы, ландкарты, изображенія животныхъ, важнѣйшіе физическіе приборы; почти нигдѣ не было печатныхъ руководствъ, вполнѣ примѣненныхъ къ образованію дѣвицъ, а библіотекъ въ большей части институтовъ совсѣмъ не существовало. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, общій ходъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, развиваясь и измѣняясь мало по малу, былъ таковъ: умственное воспитаніе въ нихъ было подчинено прав-

1) Григорій Ивановичъ Вилламовъ род. 1773, ум. 1842 г.

ственному; въ сочиненіяхъ воспитанницъ обращали особенное вниманіе на добрыя чувства; поощренія (шнурки и банты) въ 1853 г. признаны вредными въ нравственномъ отношеніи; тѣлесныя наказанія допускались; общественное воспитаніе удерживалось строго, и преимущество его указывали въ томъ, что оно возбуждаетъ и поддерживаетъ соревнованіе дѣтей. Начальницамъ дана была полная власть во всемъ, что касалось воспитанія, и онѣ пользовались ею такъ, что Совѣты оставались въ тѣни; нерѣдкія столкновенія съ губернскими властями всегда кончались въ пользу начальницъ. Въ 1847 г. были утверждены инструкціи всѣмъ начальницамъ, класснымъ дамамъ и членамъ Совѣтовъ, начертанныя въ гуманномъ духѣ; въ нихъ, между прочимъ, развитіе умственныхъ способностей воспитанницъ признано однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ воспитанія: *«безъ образованія ума невозможно истинно достойное человѣка образованіе и прочихъ духовныхъ способностей»*; при занятіяхъ и взысканіяхъ предписывалось сообразоваться съ развитіемъ душевныхъ способностей и съ природными наклонностями каждой воспитанницы. (Инструкціи были прекрасны, но исполнительницы ихъ все еще не были подготовлены къ трудной своей задачѣ). По указаніямъ медицинскихъ авторитетовъ, составлены правила физическаго воспитанія дѣвицъ, опредѣлено время сна, ученія, прогулокъ. Допущены были опять театральныя представленія, и по прежнему устраивались балы и музыкальные вечера. Императрица однако желала, чтобы подобныя увеселенія происходили порѣже и не мѣшали ученію. По учебной части въ этотъ періодъ (1828 — 1855) было улучшено положеніе служащихъ, увеличено жалованье учителей за годовой часъ (отъ 70 до 150 р. асс.[1]), всѣ учителя женскихъ учебныхъ заведеній были сравнены въ правахъ службы съ учителями мужскихъ заведеній; должность инспектора признана очень важною. Въ 1845 г. при IV Отдѣленіи учрежденъ Учебный Комитетъ, на который возложена разработка программъ во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ того-же года для нѣкоторыхъ предметовъ приглашались *учительницы*, съ меньшимъ, впрочемъ, вознагражденіемъ сравнительно съ учителями. Курсы въ институтахъ сокращены; отмѣнены особые уроки пепиньеркамъ; увеличены средства на библіотеки; составлены нормальные каталоги книгъ на 3-хъ языкахъ для чтенія воспитанницамъ; отмѣнено преподаваніе геометріи, физики, особенно тамъ, гдѣ не было физическихъ кабинетовъ; но преподаваніе всѣхъ предметовъ на *русскомъ* языкѣ еще не допускалось даже въ низшихъ классахъ. Выпуск-

---

1) Любопытно, что учителю танцевъ платили въ 1842 г. въ Полтавскомъ институтѣ 2500 р. сер., да столько же получалъ онъ и въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, и такой учитель считался *«безцѣнною случайностію, необыкновеннымъ счастіемъ института»*, по отзыву статсъ-секретаря. (III, 107).

нымъ воспитанницамъ изъ заведеній 1-го разряда предоставлены (еще въ 1834 г.) права на званіе *домашнихъ учительницъ*, а съ 1855 г. на званіе домашнихъ *наставницъ*, на основаніи аттестатовъ, полученныхъ ими изъ воспитавшаго ихъ заведенія. Преобразованіе коснулось и заведеній, состоявшихъ въ вѣдѣніи великой княгини Елены Павловны. Въ Маріинскомъ институтѣ расширена была программа и сравнена съ программою Смольнаго. Въ преобразованіи учебной части Повивальнаго института живое участіе принималъ князь Вл. Ѳ. Одоевскій; тамъ отмѣнены элементарные классы.

Въ 1847 г. были открыты педагогическіе классы при Александровскихъ училищахъ—Петербургскомъ и Московскомъ; воспитанницы поступали въ нихъ только по собственному желанію и, конечно, съ согласія родителей. Курсъ ученія продолжался два года; особенное вниманіе было обращено на педагогику, физика преподавалась на нѣмецкомъ, а естеств. исторія на французскомъ, единственно для большей практики въ иностранныхъ языкахъ; изъ 36 часовъ въ недѣлю 18 часовъ занимались воспитанницы съ ученицами младшихъ классовъ. По окончаніи курса, воспитанницы получали дипломъ на право преподаванія и въ частныхъ домахъ, и въ казенныхъ заведеніяхъ. Въ то-же время были преобразованы классы при Сиротскихъ Институтахъ. Прежній 17-лѣтній курсъ сокращенъ до 13 л. И здѣсь главное вниманіе было обращено на изученіе языковъ (знаніе которыхъ болѣе всего требовали отъ гувернантокъ родители), поэтому многіе предметы, даже русская исторія, преподавались на иностранныхъ языкахъ; прибавлены педагогика и дидактика; выпускныя кандидатки посылались въ разные институты на 2, на 3 мѣсяца для пріобрѣтенія навыка въ преподаваніи; въ 1849 г. былъ учрежденъ гимнастическій классъ, какъ полезный для учительницъ танцевъ.

Для эстетическаго образованія воспитанницъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ по прежнему продолжалась декламація на трехъ языкахъ, какъ особый предметъ, и разучивались небольшія драматическія представленія. Музыкѣ обучали во всѣхъ институтахъ первыхъ двухъ разрядовъ, и для уроковъ въ спеціальномъ музыкальномъ классѣ приглашались первоклассные артисты; но ни одна воспитанница не должна была выходить только учительницей музыки, не выходя вмѣстѣ съ тѣмъ или кандидаткой или домашней учительницей; впрочемъ, курсъ наукъ ихъ былъ короче, чѣмъ другихъ дѣвицъ. Выпускныхъ музыкальныхъ воспитанницъ снабжали мебелью и фортепіано. Для рукодѣлій назначаемы были преимущественно каникулы; усилено было обученіе кройкѣ и шитью; по волѣ императрицы отмѣнены во всѣхъ институтахъ дорогія и роскошныя работы воспитанницъ для поднесенія ей.

Въ 1851 г. принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, осмотрѣвъ институты Кіевскій, Одесскій, Керченскій, Полтавскій и Харьковскій, остался недоволенъ ихъ учебной частью. Для улучшенія дѣла онъ, съ разрѣшенія государя, составилъ немедленно «*Наставленіе для образованія воспитанницъ*»; въ немъ о каждомъ учебномъ предметѣ и искусствѣ было показано: въ какомъ духѣ и объемѣ они должны быть преподаваемы для удовлетворенія существеннымъ потребностямъ женскаго воспитанія. Трудъ Принца былъ одобренъ Учебнымъ Комитетомъ, Главнымъ Совѣтомъ и самимъ государемъ. Понятно, что въ «*Наставленіи*» отразилось вліяніе тогдашняго времени и взгляды правительственныхъ лицъ, особенно генерала Ростовцева. Соотвѣтственно «Наставленію» принца, были составлены подробныя программы по каждому предмету и въ 1853 г. введены въ видѣ опыта на 3 года; въ томъ же духѣ писались учебники, пріобрѣтались книги для библіотекъ.

Что сказать въ заключеніе объ этомъ періодѣ женскаго образованія? Свѣтъ и тѣни были всегда и вездѣ; были они и здѣсь. Мы не позволимъ себѣ судить прошлое съ современной точки зрѣнія. Послушаемъ, что̀ говорили о немъ тогда.

Бывшія воспитанницы оставили въ своихъ запискахъ не мало горькихъ воспоминаній объ отношеніяхъ къ нимъ начальницъ, классныхъ дамъ, о плохой пищѣ, о стѣсненіи свободы, о жизни взаперти и пр. Въ III-й книгѣ Е. І. Лихачевой приводятся отрывки изъ воспоминаній четырехъ бывшихъ воспитанницъ столичныхъ и провинціальныхъ институтовъ—Бѣльской, N., Дол—евой, Кохановской,—въ нихъ жизнь институтская описывается темными красками, и причиною такой жизни ставится *система закрытаго воспитанія*... Мы затрудняемся дать полную вѣру этимъ разсказамъ; мы видимъ въ нихъ преувеличенную жесткость: это — обычная замашка молодежи хулить стариковъ и все старое. Были же несомнѣнно и свѣтлыя стороны въ прошедшемъ воспитаніи, сохранились и добрые отзывы о немъ авторитетныхъ людей (не говоримъ о журнальныхъ подцензурныхъ отзывахъ). Гоголь въ 1831 г., въ письмѣ *къ матери*, искренно называлъ *превосходными* заведенія для дѣвицъ, особенно институты Патріотическій и Екатерининскій. Анненковъ говоритъ, что еще въ 30-хъ годахъ въ Москвѣ были женщины, думавшія о разумной жизни въ обществѣ и вліявшія не только на окружающихъ, но, по своимъ связямъ, и на круги въ провинціи. Грановскій читалъ лекціи нѣсколькимъ дамамъ въ кабинетѣ Н. А. Герценъ. А вотъ что въ 1871 г. публично говорилъ вліятельный инспекторъ Кіевскаго института — В. Я. Шульгинъ: 1) «запросъ на институтское воспитаніе не упадалъ *до сихъ поръ*, не смотря на размноженіе въ краѣ, въ послѣднее время, открытыхъ и полуоткрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, не смотря на

значительное возвышеніе платы за институтское образованіе; 2) воспитанницы кіевскаго института, сдѣлавшіяся матерями семействъ, большею частію *въ него же* отдавали *до сихъ поръ* своихъ дѣтей на воспитаніе, и институтъ воспитывалъ втеченіе 33 лѣтъ по нѣскольку дѣвицъ разнаго возраста изъ однихъ и тѣхъ же семействъ... *Для себя* институтъ, въ теченіе 33 лѣтъ, образовалъ изъ своихъ воспитанницъ до 20 воспитательницъ и учительницъ» [1])... Проходитъ еще 18 лѣтъ, и вотъ что говорилъ въ церкви высокообразованный педагогъ, архіепископъ Херсонскій Никаноръ (IV, 476): «Наилучшимъ образомъ приспособлены были сколько къ духу христіанства, столько же и къ потребностямъ общества, именно наши институты благородныхъ дѣвицъ,—хотя недавно прошло то время, что они подвергались *самому тяжкому, зловредному скалозубію.* Они возникли изъ христіанскаго строя, съ общечеловѣческимъ назначеніемъ готовить женщину для общественной жизни, съ строго христіанскимъ настроеніемъ. — Осмѣянная институтская наивность проходитъ черезъ полгода, черезъ годъ; а остается въ женщинѣ на весь вѣкъ высокоцѣнный и глубокопривлекательный залогъ сдержанности, и благовоспитанности, и страха Божія, который не всегда вывѣтривается и бурями современной жизни. Что заложено въ душу въ дѣтствѣ, съ колыбели, то скажется и у могилы». Были-же воспитанницы, которыя если не печатали, то вспоминали о своей школьной жизни съ благодарностію (III, 109); были и такіе случаи, что эта благодарность высказывалась искренно еще въ стѣнахъ заведеній (II, 235). Намъ вспоминаются въ «Москвитянинѣ» 1851 г. три стихотворенія воспитанницъ Елисаветинскаго училища и Патріотическаго института на 50-лѣтній юбилей Н. М. Лонгинова; не все же въ нихъ риторика и ложь!.. Были и среди начальницъ свѣтлыя личности, о которыхъ и доселѣ не угасла память. О начальницѣ Воспитательнаго Общества М. П. Леонтьевой († 1874) вспоминалъ съ уваженіемъ, *спустя 15 лѣтъ послѣ ея смерти*, въ церковной проповѣди архіеп. Никаноръ (IV, 477): «Одну изъ наиболѣе высокодостойныхъ женщинъ я видѣлъ и зналъ на своемъ вѣку въ лицѣ Маріи Павловны Леонтьевой, которая сорокъ лѣтъ до глубокой старости свѣтила русскому міру, всѣмъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ и всему начальствующему и учащему въ нихъ составу, какъ величавое свѣтило на свѣщницѣ начальствованія въ старѣйшемъ изъ русскихъ—Смольномъ институтѣ. Вотъ настоящій типъ матери десятковъ тысячъ дочерей: мѣрная, сдержанная, высокообразованная, высокотонная, высокобезукоризненная въ каждомъ словѣ и движеніи и въ тоже время истинная, непрятавшаяся, не стыдившаяся

---

1) Рѣчь Шульгина на выпускѣ 1871 г.

Христа, нелицемѣрная до послѣдняго издыханія христіанка»[1]). Подражательницу Леонтьевой архіеп. Никаноръ указывалъ въ лицѣ умершей начальницы Одесскаго института — А. О. Чикуановой († 1889). И вообще начальницы того времени высказывались откровеннѣе въ своихъ донесеніяхъ и строже относились къ неуспѣхамъ воспитанницъ. Среди инспекторовъ классовъ и учителей встрѣчается не мало лицъ весьма извѣстныхъ — Бунге, Галаховъ, Гоголь, Гулакъ-Артемовскій, Иванишевъ, Иконниковъ, Ильенко, Костомаровъ, Никитенко, Павловъ, Петрушевскій, Плетневъ, Рѣдкинъ, Соколовскій, Стасюлевичъ, Чистяковъ, Шульгинъ, Яновичъ. Отъ такихъ преподавателей воспитанницы (какъ сами же онѣ печатно признавали) получали «*образованіе достаточное для нашего пола*». И статсъ-секретари находили въ нѣкоторыхъ институтахъ *отличное* преподаваніе (даже слишкомъ пространное) и *очень хорошіе успѣхи* воспитанницъ, хотя все-таки рекомендовали преподавать исторію и географію на французскомъ; но государь на одномъ изъ докладовъ ихъ въ 1844 г. написалъ: «*съ этимъ я не согласенъ, ибо нѣтъ большой пользы въ томъ, чтобы хорошо болтали по французски, а по русски не умѣли хорошо говорить, а потому надо всячески стараться ихъ болѣе утверждать въ русскомъ языкѣ*» (II, 107 с.)[2]). Къ изумленію, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на французскомъ и нѣмецкомъ яз. удержалось и въ 50-хъ годахъ. Какъ бы ни было, почтимъ добрымъ словомъ все то, что удалось институтамъ сдѣлать хорошаго, и признательно помянемъ горячее участіе въ жизни ихъ принца П. Ольденбургскаго и самого государя Николая Павловича. Но средствъ для *высшаго* женскаго образованія въ 1853 году еще не доставало и въ столицахъ. — Прекрасное предисловіе автора къ III книгѣ является ея заключительнымъ выводомъ о значеніи дореформеннаго образованія.

Во всѣ заведенія, о которыхъ доселѣ шла рѣчь, принимались дочери почти исключительно дворянъ, изрѣдка—купцовъ; дочери другихъ сословій неизмѣнно и настойчиво устранялись; наконецъ, настала и имъ очередь получить систематическое образованіе. Прослѣдимъ развитіе его въ порядкѣ времени, начиная съ *духовнаго* сословія.

Училища для дѣвочекъ, или точнѣе сказать—пріюты, существовавшіе издавна при монастыряхъ, продолжались непрерывно, но монастыри ста-

---

1) Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и поясненія Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, т. IV. Одесса 1890 г.

2) Въ 1849 г. Евгевія Туръ, въ своей повѣсти «*Ошибка*», переводя французскій разговоръ матери съ дочерью, замѣтила: *Наши милыя дамы не умѣютъ двухъ словъ сказать по русски*». (Соврем. 1849, № 10, стр. 193). Но это тоже можетъ быть «*ошибка*», или обмолвка, если говорилось *вообще* о русскихъ свѣтскихъ дамахъ 40-хъ годовъ. Вѣдь тогда уже писали Закревская, Зинаида Р—ва, Зоввтагъ, Ишимова, гр. Ростопчина, Жукова, Дурова, Жадовская, Павлова и мн. друг.

рались этихъ дѣвочекъ приготовить для себя только; противъ этого возстало правительство, издавъ въ 1832 г. законъ, которымъ предписано было принимать въ женскіе монастыри малолѣтнихъ сиротокъ для воспитанія и обученія рукодѣліямъ, но непремѣнно отпускать ихъ изъ монастыря, когда онѣ найдутъ случай благонадежно пристроиться. Самымъ значительнымъ изъ пріютовъ былъ *Московскій*, открытый въ 1832 г. при Горихвостовскомъ Домѣ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія. Домъ этотъ былъ устроенъ на 400,000 р. асс., пожертвованныхъ капитаномъ гвардіи *Д. П. Горихвостовымъ*; при немъ-то было открыто воспитательное отдѣленіе, гдѣ давалось дѣтямъ нѣкоторое умственное образованіе; здѣсь же была устроена и церковь, освященная митроп. Филаретомъ. Отдѣленіе имѣло цѣлію — доставить истинно бѣднымъ сиротамъ женскаго пола разныхъ званій, преимущественно духовнаго, образованіе, приготовляющее ихъ ко вступленію въ общество. Оно было заведеніемъ строго закрытымъ; на содержаніе полагалось 64 р. въ годъ на каждую воспитанницу; выпуски дозволялись во всякое время; при выпускѣ давалось 150 р.

По уставу духовныхъ консисторій (1841), вмѣнялось въ обязанность каждому епархіальному начальству — заводить при церквахъ и монастыряхъ училища для обученія дѣтей не только духовенства, но и поселянъ; но духовенство почему-то было предубѣждено противъ этой мѣры, и въ данномъ году мы знаемъ училище только при Галичскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ было всего 6 воспитанницъ. Указъ былъ повторенъ въ 1846 г. Лучшимъ оказалось училище при Нижегородскомъ женскомъ монастырѣ; въ немъ было 10 дѣвочекъ разныхъ сословій; всѣ онѣ жили въ монастырѣ, имѣли общую монастырскую трапезу и одежду, обучались чтенію, письму, священной исторіи, ариѳметикѣ и золотошвейному искусству. Въ 1848 г. епископъ Нижегородскій Іаковъ Вечерковъ просилъ Св. Синодъ — предназначить это училище исключительно для дѣвицъ духовнаго званія; однако, по недостатку помѣщенія, средствъ и людей, все осталось по прежнему. Но уже началось новое, успѣшное образованіе для дочерей духовенства.

Въ 1843 г. неизвѣстное лицо (думаютъ, что это была г-жа Н. Шульцъ) подала великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ записку, что въ провинціи дѣвицы духовнаго званія большею частію не получаютъ никакого образованія, и поэтому многіе сельскіе священники бѣдствуютъ, имѣя женъ глупыхъ, упрямыхъ, неспособныхъ быть имъ другомъ, и подвергаются разнымъ искушеніямъ. Посему крайне необходимо учредить особыя учебныя заведенія для дочерей священниковъ, особенно сельскихъ; тамъ должны воспитываться дѣвицы исключительно для семьи, быть достойными супругами служителей алтаря Господня, помогать имъ поддерживать порядокъ и чистоту въ церквахъ, шить свящ. одежды на престолъ, воздухи, ризы

и проч., приготовлять лѣкарства для больныхъ, хорошо воспитывать своихъ дѣтей, вести хозяйство въ совершенствѣ. — Записка была передана оберъ-прокурору Св. Синода; разумѣется, прокуроръ не замедлилъ представить императрицѣ свой докладъ о томъ, что мысль устроить воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія постоянно озабочиваетъ духовное начальство, тѣмъ болѣе, что женское образованіе распространено на всѣ сословія, кромѣ одного духовнаго, имѣющаго въ томъ преимущественную нужду; а межъ тѣмъ ни одно изъ существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній не можетъ служить образцомъ для духовнаго женскаго училища: правила Церкви, образъ мыслей духовенства и самый народъ требуютъ, чтобы всѣ лица духовнаго званія не выходили изъ духовнаго вѣдомства, и воспитаніе дочерей священниковъ должно состоять подъ надзоромъ духовнаго начальства. Но и этому воспитанію необходимо животворное вниманіе императрицы и особое попечительство великой княжны Ольги Николаевны. Оберъ-прокуроръ предлагалъ учредить въ Царскомъ Селѣ образцовое воспитательное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія, въ видѣ опыта, на средства, какія духовное начальство само изыщетъ. Дѣло пошло быстро. Составленъ былъ и утвержденъ 15 августа 1843 г. проектъ устава училища; въ немъ опредѣлялся комплектъ въ 60 воспитанницъ только изъ бѣдныхъ и многочисленныхъ семействъ, но допускались и пенсіонерки съ платою по 60 р. въ годъ; на содержаніе училища повелѣно выдавать изъ духовно-училищныхъ капиталовъ по 10,169 р. ежегодно и отпущено 1,500 р. единовременно на обзаведеніе училища; а при выпускѣ воспитанницъ выдавать каждой по 75 руб. и необходимыя вещи въ приданое. 22 октября 1843 г. *Царско-Сельское училище* было открыто, въ присутствіи государя, государыни, всѣхъ великихъ князей, княгинь и княженъ; освященіе дома совершилъ митрополитъ Антоній; вел. княжна Ольга пожертвовала 15,000 р. асс. на награды воспитанницамъ. Черезъ два года училище въ умственномъ и нравственномъ образованіи дѣвицъ и въ хозяйственной части достигло такого благоустройства, что послужило образцомъ для учрежденія другихъ училищъ. Уставъ его разосланъ во всѣ епархіи.

Въ 1844 г. при Полоцкомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ открыто училище для священническихъ дочерей, на 21 воспитанницу; ихъ обучали монахини и духовникъ монастыря; воспитанницы помѣщались въ монастырѣ, готовили кушанье, доили коровъ, разливали молоко, дѣлали масло, работали въ саду и въ огородѣ, занимались удобреніемъ и обработкою земли и пр. Синодъ впослѣдствіи оказалъ поддержку, назначивъ сумму на 20 сиротъ (по 30 р.) и 10 полупенсіонерокъ (по 15 р. въ годъ).

Въ 1846 году было открыто, по образцу Царско-Сельскаго, училище въ Солигаличѣ, переведенное потомъ въ *Ярославль*, но съ сокращеннымъ

штатомъ и на 45 воспитанницъ. Потомъ ему оказано пособіе въ 10,000 р. изъ пожертвованныхъ духовному вѣдомству денегъ. Многія изъ ярославскихъ воспитанницъ, будучи уже замужемъ, завели школы и повели дѣло въ нихъ такъ успѣшно, что сосѣдніе крестьяне обращались къ начальницѣ съ просьбами исходатайствовать имъ священника, женатаго на воспитанницѣ училища.

Въ 1847 г. положено основаніе такому же училищу въ Иркутскѣ, гдѣ почетный гражданинъ Кузнецовъ пожертвовалъ 44,000 р. и матеріалъ для постройки дома. Здѣсь комплектъ былъ на 24 воспитанницы и столько же пенсіонерокъ.

Въ 1847 же году основано училище *Симбирское* еписк. Ѳеодотіемъ при Спасскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь наставники семинаріи преподавали даромъ, врачъ лѣчилъ даромъ, аптекарь отпускалъ лѣкарства даромъ; монахини учили рукодѣліямъ, разумѣется, даромъ. Училище открыто въ видѣ пріюта на 12 сиротъ и принято населеніемъ хорошо. Изъ пожертвованій составился къ 1850 г. капиталъ въ 20,000 р. Преосвященный Ѳеодотій радовался, что дѣти цвѣли здоровьемъ, вели себя пристойно и учились весьма удовлетворительно. Казенныхъ воспитанницъ полагалось 20, принимались и пенсіонерки, и желающихъ было много. Воспитанницъ учили, между прочимъ, хожденію за больными въ устроенной при училищѣ больницѣ, и опытному домохозяйству. Выходящимъ замужъ выдавалось пособіе.

Въ 1848 г. открыто училище при Вяземскомъ монастырѣ для 20 воспитанницъ на суммы епархіальнаго вѣдомства, кромѣ своекоштныхъ допускались дѣвицы и другихъ званій. Уставъ былъ согласованъ съ Царско-Сельскимъ. Въ 1851 г. училище переведено въ Смоленскъ. Въ 1855 г. въ немъ было уже 65 воспитанницъ, въ томъ числѣ 4 дочери чиновниковъ, 1 мѣщанка. Капиталъ его возросъ до 14,000 р.

Въ 1850 г. государь повелѣлъ — изъ завѣщанныхъ графинею А. А. Орловой-Чесменской «свободныя 100,000 р. всѣ назначить на женскія училища духовнаго вѣдомства, но не при монастыряхъ, а по образцу Царско-Сельскаго, ибо они должны готовить дѣвицъ для свѣтской жизни, а не для затворнической». Въ исполненіе воли государя постановлено устроить училище въ Казани на 30 воспитанницъ и 30 пенсіонерокъ.

За отъѣздомъ вел. княжны Ольги Николаевны изъ Россіи, духовныя училища поступили въ вѣдѣніе цесаревны. По ея желанію, духовное начальство стало заботиться объ устройствѣ участи выпускаемыхъ воспитанницъ выдачею ихъ замужъ; для этого оно предлагало лучшія мѣста тѣмъ перворазряднымъ семинаристамъ, которые захотятъ жениться на царскосельскихъ воспитанницахъ. Вслѣдствіе этого не осталось ни одной воспи-

танницы 1-го выпуска, которая не была бы устроена. Но съ учащеніемъ выпусковъ замужество становилось труднѣе.

Въ 1853 г. открыто *Харьковское* училище епископомъ Филаретомъ, который сталъ заботиться о немъ еще съ 1847 года, а къ 1853 г. уже успѣлъ собрать 23,000 р. Городской голова пожертвовалъ матеріалы и капиталъ на постройку 3-хъ этажнаго дома. Отъ постройки осталось 16,000 р., ежегодно собиралось въ пользу училища до 3,000 р., много поступило пожертвованій вещами, — и училище развивалось успѣшно.

Рязанскій архіепископъ Гавріилъ (Городковъ), въ заботѣ о сиротахъ послѣ холеры 1848 г., еще тогда пригласилъ духовенство къ пожертвованіямъ на устройство училища; собрано было 12,000, и обѣщанъ ежегодный взносъ по 2,325 р. Но Св. Синодъ замѣтилъ, что законъ не дозволяетъ производить сборъ съ подчиненныхъ, и предписалъ отмѣнить его, и даже суммъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія не дозволялъ употребить на устройство женскаго училища. Однако, архіепископъ Гавріилъ неотступно ходатайствовалъ, настойчиво писалъ, что «суммы попечительства растутъ ежегодно, а потребности въ нихъ не предвидится... *испрашивается не чужое, а свое и для своихъ; капиталъ попечительства могъ составиться и не составиться... между тѣмъ призрѣніе и воспитаніе сиротъ — прямое назначеніе попечительства*». Синодъ согласился наконецъ, и училище было открыто въ 1855 г. Учителя согласились преподавать *даромъ*.

Мало по малу женскія духовныя училища, хотя большею частію въ видѣ пріютовъ, распространились по Россіи; въ 1855 г. мы видимъ ихъ даже по окраинамъ — въ Екатеринбургѣ, Каргополѣ, Перми, Астрахани. А пожертвованій въ пользу ихъ поступало немного. Кромѣ извѣстнаго уже пожертвованія Горихвостова, замѣчательно пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ и нищихъ отъ шапочнаго мастера Макушинова, которое къ 1852 г. возрасло до 75,294 р.; около половины его употреблено на монастыри, остальное—на духовныя женскія училища. Другое пожертвованіе маіорши Азанчеевой въ 20,000 р. опредѣлено на богоугодныя заведенія, тюремные замки и т. под. Наконецъ—пожертвованіе графини Орловой — въ каждую епархію по 6,000 р., въ 340 монастырей по 5,000 р., а Полоцкому монастырю 11,000 р. Конечно, изъ всѣхъ этихъ суммъ нѣкоторая доля перепала и на воспитаніе дѣвочекъ духовенства. Намъ гораздо пріятнѣе указать на то, что нерѣдко учителя гимназій, семинарій, училищъ изъявляли готовность учить въ женскихъ училищахъ *даромъ*. Такъ, напр., было въ Архангельскѣ, Владимірѣ, Москвѣ, Полтавѣ, Рязани, Симбирскѣ, Смоленскѣ, Тобольскѣ, Харьковѣ, Яренскѣ; учителя яренскаго училища даже платили жалованье отъ себя надзирательницѣ.

Внутренній бытъ каждаго изъ духовныхъ женскихъ училищъ совершенно вѣрно очертилъ преосвящ. Іоаннъ, епископъ Смоленскій, въ одной изъ своихъ рѣчей: «Сама жизнь, наша сословная жизнь, устроила это училище такъ, что нечѣмъ вознаградить учителей за труды; сама жизнь шьетъ воспитанницамъ ихъ же собственными руками рубашки изъ грубѣйшаго деревенскаго полотна, которое поселянки приносятъ отъ своего усердія къ чудотворной Смоленской иконѣ Богоматери, а мы отъ Нея передаемъ сюда; сама жизнь водитъ здѣсь воспитанницъ на кухню и огородъ, гдѣ онѣ не иначе, какъ по ея указаніямъ, сами готовятъ себѣ незатѣйливую пищу. Не скажу, чтобы мы не желали лучшаго... но да не будемъ оторваны въ духѣ отъ жизни, отъ той жизни, которая живетъ въ средѣ, ожидающей нашихъ воспитанницъ. Желательно ли было бы, чтобы священнослужитель въ деревнѣ сдѣлался когда нибудь бояриномъ, а его жена — боярыней? Не думаю» [1]).

Въ спеціальномъ образованіи женщинъ за этотъ періодъ отмѣтимъ преобразованіе въ 1836 г. Повивальнаго института: къ нему присоединенъ Родильный госпиталь; положено принимать 20 воспитанницъ крестьянскаго сословія, которыя по окончаніи курса опредѣлялись въ сельскія повивальныя бабки; допущены были къ безплатному слушанію женщины всякаго званія и состоянія, и желающихъ явилось множество. Въ Петербургѣ женщины изучали и зубоврачебное искусство. Въ 1844 г. открытъ 2-хъ лѣтній курсъ повивальнаго искусства при Кіевскомъ университетѣ. Въ томъ же году, по мысли принцессы Терезіи Ольденбургской, основана въ С.-Петербургѣ *Община сестеръ милосердія*, состоявшая изъ семи отдѣленій; сестры, между прочимъ, принимали на себя уходъ за больными, исполняли обязанности фельдшерицъ, завѣдывали аптекою, приготовляли лѣкарства, перевязывали раны. Въ 1854 г. было учреждено при Воспитательномъ Домѣ особое отдѣленіе для приготовленія фельдшерицъ, что имѣло великую важность въ виду открывшейся войны. «Прибытіе сестеръ милосердія на театръ войны — говорила великая княгиня Елена Павловна Пирогову — лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ, какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства».

Для *элементарнаго* образованія дѣвочекъ существовали въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи *дѣтскіе пріюты*, основанные въ 1837 году, по мысли графа Г. А. Строгонова, и школы разныхъ благотворительныхъ

1) Бесѣды Іоанна, епископа Смоленскаго. Изд. 2. 1876, стр. 40—41.

Обществъ — Патріотическаго, Человѣколюбиваго, Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ. Къ 1853 г. такихъ пріютовъ было 81, а школъ 29. Кромѣ того на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, было училище св. Нины, учрежденное въ 1846 г. княгиней Воронцовой для 29 дѣвицъ недостаточнаго состоянія; въ немъ въ 1850 г. было уже 89 учениць; явилось 2 училища въ Кутаисѣ, потомъ въ Ставрополѣ, Шемахѣ, Эривани, также основанныя благотворительнымъ Обществомъ.

Въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и при церквахъ иностранныхъ исповѣданій состоялъ цѣлый рядъ училищъ. Старѣйшему, нѣмецкому училищу св. Петра, имѣвшему 5 классовъ для дѣвочекъ, даровано право предоставлять своимъ выпускнымъ воспитанницамъ званіе домашней учительницы.

Были женскія отдѣленія при училищѣ св. Анны, при училищѣ св. Екатерины въ Петербургѣ и въ губерніяхъ. Нѣкоторыя содержались частными лицами, другія — дворянствомъ и городскими обществами и принимали дѣвочекъ купцовъ и мѣщанъ. Въ Архангельскѣ въ 1848 г. возникло училище съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ ученія. Однако, даже въ концѣ 50-хъ годовъ, все еще не было ни одного женскаго учебнаго заведенія въ нѣсколькихъ губерніяхъ.

Для недостаточныхъ семействъ средняго класса также не было соотвѣтствующихъ заведеній въ самомъ Петербургѣ, гдѣ бы дочери небогатыхъ дворянъ и чиновниковъ могли получать образованіе за умѣренную плату; это признавалъ попечитель учебнаго округа и Главный Совѣтъ. Тѣмъ отраднѣе сказать, что еще въ 1823 г., въ Харьковской губерніи, въ Лебедянскомъ уѣздѣ, помѣщикъ *Н. С. Стремоуховъ* открылъ въ своемъ имѣніи школу для *крестьянскихъ* дѣвочекъ. Онъ руководился убѣжденіемъ, что необходимо обратить вниманіе прежде всего на обученіе женщинъ, приготовить образованныхъ матерей, и тогда легко и скоро распространится просвѣщеніе вездѣ въ Россіи; но при этомъ каждая женщина должна быть истинною христіанкою, т. е. получить религіозно-нравственное образованіе. Въ школѣ его учились дѣвочки чтенію, письму, закону Божію, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, церковному пѣнію, плели соломенныя и корневыя шляпы, сами себѣ готовили обѣдъ, работали въ саду и огородѣ; словомъ — имъ давалось образованіе, приноровленное къ потребностямъ ихъ быта. Учителями въ школѣ были семинаристы, а потомъ и выпускныя ученицы школы. Одна изъ нихъ была приглашена въ Ахтырскій уѣздъ, и тамъ всѣ остались ею очень довольны, выдали ей вознагражденіе и благодарили за нее Стремоухова; подъ благодарственнымъ письмомъ подписались священникъ, волостной старшина, засѣдатель, сельскій старшина и сборщикъ податей. Школа Стремоухова была великимъ дѣломъ помѣщика, но едва ли

она была согрѣта чьимъ либо вліятельнымъ участіемъ, такъ какъ до 1845 г. о ней почти вовсе не знали. Вообще медленно развивалось начальное *народное* образованіе; для дѣвочекъ почти совсѣмъ не существовало особыхъ училищъ; были только отдѣленія при нѣкоторыхъ мужскихъ училищахъ, куда дѣвочки приходили послѣ обѣда, по окончаніи классовъ мальчиковъ. По Уставу 1828 г. дѣвочки допускались только въ *приходскія* училища, которыя должны были содержаться на счетъ городскихъ обществъ; но общества эти были еще слишкомъ равнодушны къ женскому образованію и сборъ съ нихъ поступалъ очень вяло. Въ 1839 г. установлено званіе почетныхъ попечительницъ женскихъ училищъ, но едва ли онѣ что-нибудь сдѣлали. Въ 1849 г. встрѣчаемъ училище въ Рыбинскѣ, куда приходило до 70 ученицъ бѣднѣйшаго населенія, и Дума давала ему пособіе въ 200 р. въ годъ. Въ Тулѣ содержалъ училище на 35 дѣвочекъ почетный гражданинъ Маликовъ съ помощію дворянъ и городского общества. Въ Волоколамскомъ уѣздѣ волостной старшина пожертвовалъ въ 1841 г. домъ для училища въ с. Раменье. Смотритель Пронскаго училища Барыковъ пожертвовалъ домъ для рязанскаго женскаго училища. Смотритель Яренскаго училища выстроилъ на свой счетъ флигель для двухкласснаго женскаго училища. Наиболѣе успѣшно развивались училища въ Вологодской губерніи, въ 50-хъ годахъ, такъ что министръ народнаго просвѣщенія въ отчетѣ своемъ писалъ: «Женскія приходскія училища въ Вологдѣ, Грязовцѣ, Кадниковѣ и Яренскѣ служатъ истиннымъ благодѣяніемъ для края». И вообще говоря, можно утверждать, что образованіе женское мало по малу подвигалось впередъ. Такъ, къ 1853 г. число учащихся дѣвочекъ въ одномъ только *Петербургскомъ* учебномъ округѣ было 1172 (а въ 1834 г. *по всей Россіи* было ихъ 1225). Открывались училища и въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ помѣщиковъ, но продержались недолго.

Волостныя училища были открыты въ 1830 г., сначала для приготовленія волостныхъ и сельскихъ писарей, а потомъ имъ назначено было распространять и утверждать между *государственными крестьянами* религіозно-нравственное образованіе и первоначальныя необходимыя свѣдѣнія. Училища содержались на общественный сборъ.

Въ *удѣльномъ* вѣдомствѣ появились въ 1832 г. два училища для дѣвочекъ — въ имѣніяхъ Алатырскомъ и Симбирскомъ, куда поступило 66 ученицъ. А въ Саратовскомъ, Оренбургскомъ и Пермскомъ имѣніяхъ у священниковъ училось (къ 1853 г.) 1,000 дѣвочекъ. Замѣчательно, что въ сельскихъ училищахъ число дѣвочекъ постоянно увеличивалось: къ 1853 г. въ сельскихъ училищахъ было ихъ 11,645. Въ селеніяхъ госу-

дарственныхъ крестьянъ въ 1845 г. было учащихся дѣвочекъ 100, а въ 1848 г. ихъ явилось до 2,000.

Этому увеличенію числа ихъ всего болѣе помогло *Московское Общество Сельскихъ Хозяевъ*, обратившее вниманіе на школу Н. С. Стремоухова. Подъ вліяніемъ убѣжденій Стремоухова, секретарь Общества *С. А. Масловъ* напечаталъ статьи, въ которыхъ предложилъ образовать при Обществахъ сельскаго хозяйства комитеты для распространенія грамотности между *крестьянками*; статьи свои онъ издалъ въ 1845 г. отдѣльною книжкою «*О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи*». Мысль о распространеніи грамотности *чрезъ матерей* показалась новою, справедливою, и всѣ журналы обратили вниманіе на книжки Маслова. Разошлись онѣ такъ быстро, что Масловъ нѣсколько лѣтъ повторялъ ихъ, прибавляя статьи все новыя и новыя. Въ нихъ онъ настаивалъ на томъ, что крестьянокъ надо сначала обучать грамотѣ *церковной* и вести ихъ развитіе по Часослову, Псалтырю и Четь-Минеямъ. Къ мыслямъ его сочувственно отнеслись очень многіе, въ томъ числѣ министры внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, Вольно-Экономическое Общество, архіереи, начальницы институтовъ, кн. А. Шихматовъ, кн. В. Львовъ, гр. Комаровскій, Шабельскій и многіе помѣщики и помѣщицы, которые и не замедлили открыть въ своихъ имѣніяхъ школы для дѣвочекъ. Сами крестьяне-родители просили, чтобы дѣтей ихъ учили ежедневно. Въ имѣніи вдовы генерала Рѣпнинской женскою школою завѣдывала сама дочь помѣщицы, при помощи воспитанницы Московскаго Воспитательнаго Дома. Въ дѣтскомъ пріютѣ княгини Барятинской дѣвочки обучались, кромѣ грамоты и закона Божія, пряденію льна и шерсти на улучшенныхъ прялкахъ, ткацкому искусству по новѣйшимъ способамъ и вообще домашнему хозяйству, сообразно съ бытомъ ихъ. Въ 1847 г. на Нижнетагильскихъ заводахъ Демидова училось 70 дѣвочекъ. Рвеніе нѣкоторыхъ помѣщиковъ доходило до того, что въ одной школѣ ученицамъ, не выдержавшимъ окончательнаго экзамена (1852 г.), не разрѣшалось выходить замужъ.

Для приготовленія *учительницъ* въ женскія сельскія училища положено было въ 1850 г. поручить священникамъ въ 6 губерніяхъ по 30 дѣвушекъ, съ платою отъ 15 до 30 р. за каждую. Въ 1855 г. число учительницъ доходило до 80, а число учащихся дѣвочекъ до 5,667-ми.

Что касается *частныхъ* учебныхъ заведеній, пансіоновъ, то для надзора за ними были назначены въ 1834 г. особые инспектора, а въ 1835 г. издано Положеніе, по которому всѣ пансіоны должны были, по курсу ученія, приближаться къ соотвѣтственнымъ имъ казеннымъ заведеніямъ. Дѣло въ нихъ шло обычной колеей; на первомъ планѣ стоялъ французскій языкъ

и приличныя манеры. Большинство содержательницъ по прежнему были иностранки. Сколько-нибудь замѣтные пансіоны явились въ 1835 г. въ Царскомъ Селѣ, въ 1836 г. въ Курскѣ, въ 1837 г. въ Черниговѣ, Конотопѣ, селѣ Крапивнѣ (полковницы Козаковой), въ 1842 г. въ Пензѣ, Вяткѣ, въ 1843 г. въ Вологдѣ, въ 1847 г. въ Харьковѣ, Петербургѣ (г-жи Чистяковой, жены М. Б. Чистякова, извѣстнаго педагога). Межъ всѣми ими выдавалось Училище принцессы Терезіи Ольденбургской, учрежденное ею на собственныя средства (въ 1841 г.) для бѣдныхъ дѣвицъ всѣхъ свободныхъ состояній, съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ. Принцесса купила для него домъ, пригласила наблюдать за ходомъ ученія Плетнева, Гензельта, сама принимала живое участіе, и желающихъ поступить въ ея училище было такъ много, что въ 1853 г. былъ выстроенъ новый 4-хъ этажный домъ, а въ 1855 г. воспитанницамъ даровано право на полученіе званія домашнихъ учительницъ. Въ пансіонѣ г-жи Чистяковой на первомъ мѣстѣ было поставлено преподаваніе *русскаго* языка, а въ опредѣленные дни воспитанницы должны были говорить на иностранныхъ, въ томъ числѣ и англійскомъ. Пензенскій пансіонъ (г-жи Кондратьевой, 1842 г.) такъ былъ хорошо поведенъ, что его въ 1843 г. охотно поддержало дворянство, постановивъ въ пользу его сборъ на содержаніе въ немъ 20 воспитанницъ и въ 1851 г. еще увеличило свой взносъ. Затѣмъ во многихъ городахъ, даже губернскихъ, до 1855 года не было еще ни правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, ни частныхъ пансіоновъ.

Домашнее воспитаніе также было подчинено въ 1834 г. надзору правительства: утверждено *Положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ*, по которому обученіе въ частныхъ домахъ дозволялось только тѣмъ лицамъ, которыя окончили курсъ съ одобрительнымъ свидѣтельствомъ въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, въ училищахъ принцессы Терезіи Ольденбургской, св. Петра и св. Анны; но они обязаны были каждый годъ представлять мѣстному директору отчетъ о своихъ занятіяхъ и свидѣтельства о поведеніи отъ тѣхъ, въ чьемъ домѣ онѣ учили. Министерство Народнаго Просвѣщенія относилось сочувственно къ учительницамъ. Въ обществѣ ходила мысль, что въ женскихъ заведеніяхъ должны преподавать *женщины* [1]), и что необходимо учредить женскую нормальную школу, въ которой женщины приготовлялись бы въ профессора. Число учительницъ замѣтно возрастало: въ 1838 году ихъ было 110, въ 1839 — 136, въ 1840 — 149, въ 1841 — 156, въ 1842 — 198, въ 1846 — 257; а занимавшихся обученіемъ грамотѣ и ариѳметикѣ въ томъ же году — 635.

---

1) Мысль эта была выражена печатно еще въ 1829 г. въ «Вѣстникѣ Европы», въ статьѣ, переведенной съ нѣмецкаго.

Въ западномъ краѣ, послѣ усмиренія польскаго возстанія, изъ имѣній римско-католическихъ монастырей 70,000 р. было назначено для устройства женскихъ учебныхъ заведеній. Всѣ существовавшіе при монастыряхъ женскіе пансіоны были подчинены надзору свѣтскаго училищнаго начальства. Открытіе новыхъ свѣтскихъ пансіоновъ Правительство разрѣшало лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ нихъ дѣвицы воспитывались въ чувствахъ преданности къ Престолу и любви къ Россіи.

Въ 1856 г. всѣхъ учащихся дѣвицъ было 51,632 (въ 1834 г. — было 30,964).

Вниманіе императора Николая, его семьи и правительства къ институтамъ было, конечно, главной причиной развитія ихъ во все его царствованіе. Князь Одоевскій въ 1836 г. писалъ, что «просвѣщеніе у насъ съ такими усиліями поддерживается правительствомъ и — извините — *однимъ правительствомъ»* .. Это значитъ, что общество безразлично относилось къ институтамъ и по привычкѣ отдавало въ нихъ дочерей своихъ.

Между тѣмъ начали уже раздаваться голоса, что воспитаніе женщинъ у насъ не соотвѣтствуетъ времени и назначенію ихъ. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ первой же его книжкѣ (1834) печатались извѣстія о ходѣ женскаго образованія на Западѣ, о парижскомъ женскомъ Атенеѣ, о журналѣ, издаваемомъ женщинами въ Ліонѣ. Въ Московскомъ Наблюдателѣ (1835) говорили о необходимости самостоятельнаго развитія женской личности, сообщали извѣстія о женщинахъ-врачахъ въ Египтѣ. Съ другой стороны, въ повѣсти Погорѣльскаго «*Монастырка*» и въ «*Письмахъ совоспитанницъ*» (въ Современникѣ 1837 г.)[1] наши институтки рисовались наивными простушками, совершенно отрѣшенными отъ жизни. «Отечеств. Записки» называли тогдашнее воспитаніе женщинъ у насъ *сахарнымъ*, *аркадскимъ* (1842). Тогда же Бѣлинскій съ крайнимъ увлеченіемъ писалъ, что женщина создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина. А между тѣмъ, женщины (по его словамъ) «получали воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, и скованы по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій и считали за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому нибудь нравственному интересу, напр. искусству, наукѣ»... Въ то же время Гречь, Булгаринъ и Сенковскій глумились надъ самою мыслью о женской эмансипаціи и надъ старыми дѣвами... Но еще больнѣе, что институтки и даже истинно-образованныя женщины

1) Это отрывокъ изъ повѣсти С. А. Закревской «Институтка», напечатанной потомъ вполнѣ въ Отеч. Зап. 1841 г., № 12.

не пользовались сочувствіемъ въ обществѣ, не встрѣчали себѣ поддержки въ немъ, особенно въ глухихъ городахъ провинціи. О такомъ отношеніи къ нимъ слышалъ Никитенко отъ одной изъ своихъ воспитанницъ. Ему даже пришлось защищать печатно Елисавету Кульманъ отъ титла «*ученой женщины*». О возмутительномъ отношеніи общества къ писательницамъ есть нѣсколько страницъ въ повѣстяхъ Зинаиды Р—вой. Въ защиту тогдашнихъ женщинъ «Современникъ» въ 1847 г. говорилъ: «Каковы бы ни были недостатки воспитанія женщины у насъ, нерѣдко она служитъ въ обществѣ прибѣжищемъ, опорою и мысли высокой, и одушевленія къ прекрасному. Она съ удивительною ловкостію воспользовалась средствами общественнаго образованія, какія только существуютъ для нея въ Россіи, и умѣла внести въ суровые нравы вкусъ къ знанію и смягченныя воззрѣнія». Но все таки образованіе женское «Современникъ» находилъ поверхностнымъ. Да и въ самомъ обществѣ все яснѣе и сильнѣе обнаруживались мишурный блескъ, лощеная полуобразованность и внутренняя пустота закрытаго воспитанія. И въ обществѣ и среди писателей признавалась важность вопроса о положеніи женщины. Однако, увлекаясь примѣромъ нѣмцевъ, нѣкоторые ученые находили полезнымъ составлять для дѣвицъ особыя руководства. Въ 1843 г. вышли Ариѳметическія Записки для дѣвицъ, соч. Ф. Буссе. Смарагдовъ составилъ въ 1849 г. *Руководство къ всеобщей исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній*. Другой курсъ исторіи печатался въ журналѣ Ишимовой «*Звѣздочка*» еще въ 1847 г. В. Михельсонъ составилъ для дѣвицъ особый курсъ *по геометріи* (1849) и по ариѳметикѣ (1850). Каковы бы ни были эти курсы, но они вызваны были необходимостью улучшить женское образованіе и воспитаніе. Уже то важно, что эти курсы были на *русскомъ* языкѣ, тогда какъ до сихъ поръ иностранные языки въ институтахъ оттѣсняли изученіе русскаго, а этимъ задерживалось развитіе мысли дѣвицъ. Нѣкоторыя женщины чувствовали тягость условій своей жизни, задумывались надъ нею, тосковали отъ ея пустоты, сознавали, что въ воспитаніи кроется одна изъ причинъ тяжелаго и унизительнаго ихъ положенія въ обществѣ, которое не позволяетъ имъ внести въ свою жизнь какіе либо другіе интересы, кромѣ желанія нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчинъ; ихъ отъ колыбели сковывали цѣпями приличій, опутывали самостоятельность ихъ ужаснымъ «*что скажетъ свѣтъ*», а ограниченное воспитаніе не давало имъ возможности посвятить себя серьезнымъ занятіямъ. Въ этомъ смыслѣ высказывались писательницы М. С. Жукова, Зинаида Р—ва, К. К. Павлова; послѣдняя даже слишкомъ сурово отзывалась о свѣтскомъ воспитаніи дѣвицъ, говоря, что «*вмѣсто духа имъ даютъ букву, вмѣсто живого чувства — мертвое правило, вмѣсто святой истины — нелѣпый обманъ*». Но

большинство женщинъ признавало свое положеніе въ обществѣ правильнымъ и не выступало въ защиту себя; мужчины являлись заступниками ихъ. Въ 1850—1854 г., въ брошюрѣ Д. Мацкевича *«Замѣтки о женщинахъ»* и въ журнальныхъ отзывахъ о ней проводились мысли, что приписываемые женщинамъ недостатки происходятъ отъ ихъ невѣжества, и поэтому, въ интересахъ ихъ, самого общества и молодого поколѣнія, необходимо давать женщинамъ основательное образованіе, обогащать ихъ умъ и сердце серьезными знаніями и чувствами, а не развивать въ нихъ только пріятные таланты. Доселѣ дѣвушку учили для того лишь, чтобы женихъ видѣлъ, какъ она граціозно танцуетъ или играетъ на фортепіано. Дѣвица выходитъ замужъ непріученная мыслить, а выйдя замужъ, вся погружается въ заботы о домѣ, о дѣтяхъ. Между тѣмъ разница въ умственныхъ способностяхъ мужчинъ и женщинъ скорѣе качественная, нежели количественная, и въ области человѣческихъ знаній нѣтъ ни одной науки, въ которой не нуждался бы умъ женщины. Только образованная женщина будетъ въ состояніи раздѣлять понятія супруга и руководить воспитаніемъ дѣтей. *Мать безъ знанія — не въ полномъ значеніи слова мать.* Такъ, мало по малу измѣнялся не только въ литературѣ, но и въ обществѣ взглядъ на женщину, какъ подругу жизни; лучшіе люди требовали отъ жены не однихъ внѣшнихъ качествъ и нравственныхъ достоинствъ, но и развитія и образованія. И развитіе женщинъ уже получало характеръ, направленный не только къ литературѣ, но и къ политическимъ и общественнымъ наукамъ, къ знанію во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Не мало женщинъ посѣщало публичныя лекціи, которыя въ 40-хъ годахъ уже становились условіемъ общественной жизни; но образованіе большинства дѣвушекъ развивалось скорѣе количественно, нежели качественно; ихъ развивала не столько школа, сколько чтеніе.

Въ этотъ періодъ времени явилось нѣсколько весьма замѣчательныхъ писательницъ, преимущественно романистокъ, которыя обладали несомнѣннымъ умомъ и наблюдательностію. (Въ научные труды женщины еще не углублялись, потому что имъ недоставало серьезныхъ знаній). Писательницы появлялись, не смотря на то, что иные возставали противъ самой возможности быть женщинѣ писательницей. Такъ думали: гр. Сперанскій, Бѣлинскій въ первые годы, Рахманный, «Отеч. Записки», «Москвитянинъ», Дружининъ, даже сами писательницы — Корсини, Кохановская... Графъ Сперанскій въ 1820 г. писалъ дочери: «Трудно опредѣлить, какимъ образомъ можно быть авторомъ въ корсетѣ. Признаюсь, мнѣ всегда было смѣшно, когда я воображалъ себѣ M-me Staël сидящею за большимъ бюро и за кипою бумагъ... Все, что можно женщинамъ дозволить, это есть — быть m-me Sévigné; это ихъ родъ, nec plus ultra женскаго генія; изрѣдка можно

написать и пѣсенку и стишки; но все не болѣе одного полулиста» (II, 293—294). А какія причины приводилъ Бѣлинскій въ доказательство своего молодого мнѣнія, что женщина не имѣетъ права и не можетъ быть писательницей! Онъ говорилъ: «знаемъ много женщинъ-поэтовъ, но ни одной женщины-генія; ихъ созданія недолговѣчны, ибо женщина только тогда поэтъ, когда любитъ, а не тогда, когда творитъ. Природа удѣляетъ имъ иногда искру таланта, но никогда не даетъ генія. Словомъ, женщина-писательница съ талантомъ—жалка, женщина-писательница бездарная — смѣшна и отвратительна» (Бѣл. 1, 406). Черезъ семь лѣтъ онъ самъ осудилъ подобный взглядъ, говоря: «Лживый взглядъ на женщину осуждаетъ ее на молчаніе. Русскія дамы могутъ писать — по крайней мѣрѣ не хуже мужчинъ. Для спасенія чести современной русской литературы, одно только средство — просить дамъ, чтобы онѣ побольше писали по-русски» (Бѣл. VII, 151; VI, 463—465). Нѣсколько позже онъ писалъ: «жизнь и дѣятельность въ сферѣ *общаго* есть необходимость не для одного мужчины, но *точно также* и для женщины... Міръ знанія, искусства, словомъ — міръ общаго долженъ быть столько же открытъ женщинѣ, какъ и мужчинѣ, на томъ основаніи, что и *она*, какъ и *онъ*, прежде всего — человѣкъ, а потомъ уже жена, мать, хозяйка и проч.» (VIII, 172, 173). А тогдашнее положеніе женщины въ русскомъ обществѣ, конечно, памятно всѣмъ, кто читалъ статьи Бѣлинскаго о Пушкинской Татьянѣ (VIII—565—593). Но далеко не всѣ писатели были такими искателями истины, какъ Бѣлинскій, и такъ жертвовали своимъ самолюбіемъ, какъ онъ. Они разъ навсегда говорили, что женщины не должны писать «изъ скромности, ибо писательница сбрасываетъ съ себя покрывало стыда и этимъ перестаетъ быть женщиною». Ей разрѣшалось участвовать въ литературѣ лишь въ томъ случаѣ, если она своимъ трудомъ помогала мужу добывать средства къ содержанію семьи; но и тогда ей ставилось условіемъ, чтобы она ничего не писала противъ брака, общества и своего положенія въ немъ. «Отеч. Записки» утверждали, что едва ли женщины когда либо создадутъ что нибудь геніальное; имъ можно предоставить—брать сюжеты въ предѣлахъ семейства. На это было замѣчено, что наукамъ и искусствамъ обучались сотни тысячъ мужчинъ и пять-шесть женщинъ. Если изъ этихъ сотенъ тысячъ выходитъ одинъ геній, то неудивительно, что изъ шести женщинъ не выходитъ ни одного. Катковъ, писавшій въ «Отеч. Запискахъ» 1840 г. о сочиненіяхъ графини Сарры Толстой, проводилъ мысли: «Назначеніе женщины — жить въ семействѣ... Безразсудно—на глухо запирать для женщины тѣ или другія житейскія сферы... Съ облагороживаніемъ женщины, съ возвышеніемъ ея достоинства, облагороживается и возвышается вообще природа человѣческая... Съ облагороживаніемъ женщины неразрывно соединено умноже-

ніе суммы ея правъ и уничтоженіе преградъ для свободнаго ея существованія... Правда, что не только въ наукѣ, но и въ искусствѣ женщина не можетъ достигнуть до степени генія, творящаго типическія произведенія и полагающаго эпохи въ развитіи своей сферы... но почему женщина не можетъ высказываться въ произведеніяхъ, заслуживающихъ удивленіе и способныхъ быть источникомъ самыхъ живыхъ наслажденій?... Семейство — вотъ міръ женщины, вотъ гдѣ сфера ея подвиговъ! Будучи вся создана для индивидуальной жизни, для жизни своею личностію, *женщина не обязана выходить на общественную арену для поденнаго труда...* Пусть она трудится надъ своей душою, искореняетъ изъ своей натуры все темное и враждебное, просвѣтляетъ всѣ свои стремленія, одухотворяетъ свои побужденія и чувствованія,... чтобы могла пользоваться всѣми Божіими дарами, чтобы для свободнаго духа ея были отверсты всѣ сокровища разума, всѣ благороднѣйшія наслажденія образованной жизни. Все человѣческое должно быть доступно ей,... во всемъ можетъ участвовать она, кромѣ битвъ съ враждебными силами, за предѣлами ея тихой обители,... на все она имѣетъ законныя права... Истинно великая, геніальная женщина — есть по преимуществу религіозное существо, натура глубоко внутренняя. Ея не видно на аренѣ, но она живетъ не даромъ» [1]). Як. К. Гротъ (1842 г.) раздѣлялъ эти взгляды. Въ своемъ предисловіи къ роману Фредерики Бремеръ «Семейство» онъ писалъ: «Теперь женщина уже выходитъ иногда, хотя еще съ робостью, изъ тѣсныхъ предѣловъ салона, дѣтской и кухни. Уже ей не отказываютъ въ правѣ развивать въ себѣ всѣ человѣческія способности, позволяютъ наравнѣ съ нами искать въ наукѣ способовъ къ самоусовершенствованію и свободно употреблять слово на пользу или наслажденіе другихъ. Мы смѣемъ однако же думать, что и въ литературѣ лучшимъ призваніемъ женщины остается та дѣятельность, которая всего ближе къ ея прямому назначенію въ дѣйствительной жизни: *воспитаніемъ утверждать основу будущихъ поколѣній.* Удивляемся дамскому таланту, который счастливымъ творчествомъ или изящнымъ словомъ очаровываетъ душу и слухъ; но глубоко уважаемъ писательницу, которая свой даръ, свои труды и бдѣнія посвящаетъ благу человѣчества, которая матерямъ семейства, не столь щедро надѣленнымъ природою или судьбою, подаетъ новыя средства къ воспитанію и объясняетъ имъ тайны его. Мы смѣемъ думать, что какъ умственное воспитаніе рода человѣческаго всегда было плодомъ ума мужского, такъ нѣкогда нравственное его воспитаніе, которымъ первое должно увѣнчаться, довершено будетъ женщиною» [2]). — Въ провинціяхъ же на писа-

---

1) «Отеч. Зап.» 1840, т. 12, № 10, стр. 21—29, въ извлеченіи.

2) «Соврем.» 1842, т. 28, № 4, Предисловіе къ «Семейству»; сличи «Переписку Грота съ Плетневымъ», Спб. 1896, т. 1, стр. 566.

тельницу тогда смотрѣли какъ на что-то ненормальное, и даже въ 1851 году на нее смотрѣли какъ на диво, считали ее интересною игрою природы. Въ «Москвитянинѣ» 1852 г. нѣкто утверждалъ, что женщина не должна писать точно такъ же, какъ не должна поступать въ военную службу и ѣздить на мужскомъ сѣдлѣ. Писатель А. В. Дружининъ тоже питалъ постоянное предубѣжденіе къ литературной дѣятельности женщинъ и не разъ высказывалъ отрицательный взглядъ свой на писательницъ (Соч. его V, 333; VI, 217, 578, 748, 767—768; VII, 155—156; VIII, 297, 317, 728). Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, что такая-то повѣсть писательницы «читалась бы съ удовольствіемъ, если бы не походила немного на булку изъ очень хорошаго тѣста, но испеченную на розовой водѣ». Въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ (въ 1853 г.): «одна женщина, *много говорящая о тонѣ*, не постыдилась сказать мнѣ: «Я не дамъ читать моей дочери *вашего* Пушкина!» За то, какъ я обрадовался, черезъ два дня, заставъ чопорную матушку съ дочкой за чтеніемъ Февалевскихъ «Amours de Paris», съ приличными или отчасти неприличными иллюстраціями. Мать читала первый томъ, юная дѣвица пробовала свои силы на послѣднемъ». И еще: «Читать русскихъ писателей! какое несчастное занятіе!» два года тому назадъ говорила не одна дама». Въ «Сынѣ Отечества» 1856 г. былъ напечатанъ фантастическій разсказъ петербургскаго туриста (кажется, того же Дружинина) «*Женщина-писательница*», сродни героинямъ Чернокнижникова. Въ 1861 — 1862 гг. «Отечественныхъ Записокъ» прочтите «Провинціальные письма о нашей литературѣ» В. Порѣчникова (т. е. Н. Д. Хвощинской), или вспомните, какъ относились журналы наши къ гр. Ростопчиной, Сохановской и Хвощинской, и вы будете имѣть грустное понятіе о литературной судьбѣ нашихъ писательницъ.

Какъ же отнеслись сами писательницы къ вопросу о женскомъ образованіи? Чѣмъ были заняты онѣ главнымъ образомъ въ данный періодъ?

Не знаемъ, простой ли случай, или счастливый тактъ побудилъ въ тридцатыхъ годахъ даровитыхъ писательницъ прежде всего посвятить себя дѣтской литературѣ. Почти въ одно время появились двѣ писательницы — *А. П. Зонтагъ* (1785—1864) и *А. Ос. Ишимова* (1804—1881), всю жизнь свою работавшія въ пользу дѣтей. *Зонтагъ* писала для нихъ повѣсти и сказки, Священную Исторію (выдержавшую девять изданій), комедіи, много переводила и пріобрѣла себѣ настолько заслуженную извѣстность, что удостоена была избранія въ Почетные Члены Общества Любителей Россійской Словесности. Еще болѣе широкой дѣятельностію отличалась *А. Ос. Ишимова*, замѣчательная и самой жизнію. Дочь бѣднаго сосланнаго чиновника, 15-ти лѣтъ отъ роду, она отправилась изъ г. Кеми (арханг. губ.) въ Петербургъ, чтобы просить Государя о помилованіи отца

ся, и достигла своей цѣли. Въ Петербургѣ она сама себѣ проложила дорогу, открыла школу для дѣтей, уча ихъ, училась сама и замѣчательно образовала себя чтеніемъ, изученіемъ иностранныхъ языковъ и непрерывною литературною дѣятельностію. Въ 1837 — 1840 гг. она написала «Исторію Россіи въ разсказахъ для дѣтей», которая отличалась такими достоинствами, что Академія Наукъ напечатала ее на свой счетъ, наградила писательницу Демидовскою преміею, исхлопотала ей пожизненную пенсію. Исторіею Ишимовой зачитывался Пушкинъ. (Изданія ея продолжались до 1890 года). Въ 1842 г. Ишимова основала журналъ для дѣтей «*Звѣздочку*», существовавшую 22 года. Бѣлинскій писалъ, что журналъ оправдалъ ожиданія публики, доставилъ пріятное, разнообразное и полезное чтеніе, и что слогъ статей его не оставлялъ желать ничего лучшаго. О слогѣ Ишимовой сохранились слова Пушкина: «*вотъ какъ надобно писать!*» Въ 1850 г. Ишимова преобразовала «Звѣздочку», раздѣливъ ее на два отдѣла — для дѣтей, подъ тѣмъ же названіемъ, и журналъ «*Лучи*» для дѣвицъ, которыя доселѣ не имѣли у насъ чтенія, соотвѣтствующаго ихъ возрасту. «Лучи» издавались отдѣльно 10 лѣтъ (1850—1860), потомъ опять слились съ «Звѣздочкой». Въ «Лучахъ» большая часть статей научнаго содержанія, имѣвшихъ своимъ предметомъ русскую исторію, литературу, естествовѣдѣніе, путешествія, всеобщую исторію, и всѣ онѣ были полезны для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ [1]).

Въ началѣ 30-хъ годовъ стали появляться стихотворенія и повѣсти графини *Евд. Петр. Ростопчиной* (1811—1858). Молодого автора отличили своимъ вниманіемъ Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, любезно хвалили Плетневъ, Шевыревъ, Никитенко. — Бѣлинскій видѣлъ въ ея произведеніяхъ наклонность къ разсужденіямъ и свѣтскость. Чаще всего она воспѣвала любовь, балъ, мечты; чувство сверкало болѣе въ отрывкахъ и частностяхъ; но талантъ ея не нашелъ себѣ болѣе обширной и достойной сферы; протестъ въ повѣстяхъ ея противъ нравовъ большого свѣта былъ поверхностенъ и чуждъ серьезной мысли.

Съ 1837 г. стали появляться въ «Библіотекѣ для чтенія» повѣсти *Зенеиды Р—вой* (баронессы Е. А. Ганъ, 1814—1842). Родившись въ Екатеринославѣ и едва выучившись грамотѣ, она сама пополнила свое образованіе чтеніемъ на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, въ совершенствѣ знала музыку и, скитаясь постоянно въ походахъ за мужемъ, писала стихи и повѣсти, отличалась

1) Здѣсь справедливо было бы упомянуть о *Евд. П. Глинкѣ* (1795—1863), какъ авторѣ книги «Жизнь Пресв. Дѣвы Богородицы». Это былъ первый сводъ въ нашей богословской литературѣ четь-минейныхъ сказаній о Богоматери, и притомъ сдѣланный *свѣтской* женщиной. Книга эта съ 1840 г. до настоящаго времени выдержала болѣе *десяти* изданій.

блестящимъ и острымъ умомъ и оставила на 4 тома сочиненій, едва проживъ 27 лѣтъ! Сенковскій въ 1841 году называлъ ее первымъ прозаикомъ и талантъ ея считалъ равнымъ таланту Жоржъ-Зандъ; Бѣлинскій говорилъ, что это женщина не только чувствующая, но и мыслящая, что ея произведеніями русская литература по праву можетъ гордиться, что ея повѣсть «Теофанія Аббіаджіо» должна считаться однимъ изъ перловъ русской литературы, а повѣсти «Судъ свѣта» и «Напрасный Даръ» полны глубокой скорби объ общественномъ униженіи, невольничествѣ женщины и о тернистомъ пути писательницы. Пусть Тургеневъ въ 1852 г. справедливо замѣтилъ, что, при всей женственности ея дарованія и горячности убѣжденій, на языкъ ея наложилъ печать своей витіеватости Марлинскій; но яркій талантъ ея принадлежитъ ей самой, а недостатки — обстоятельствамъ жизни.

Въ одно время съ Зенеидой Р—вой писала повѣсти *М. С. Жукова* (1804—1855). Бѣлинскій въ 1840 г. признавалъ въ ней почетное и знаменитое имя по блестящему таланту, но повѣстей ея не считалъ художественными, потому что видѣлъ въ нихъ не произведенія творящей фантазіи, не саму *дѣйствительность*, а только *мечты* о дѣйствительности. Впрочемъ, эти мечты полны живого, горячаго чувства, отличаются вѣрностію въ изображеніи многихъ чертъ и оттѣнковъ женскихъ характеровъ, разсказаны искусно и увлекательно, но растянуто. Женщины въ ея произведеніяхъ и умнѣе, и любящѣе, и истиннѣе ея мужчинъ; въ одной изъ повѣстей развивается мысль, что для женщины и внѣ брака есть цѣль высокая — въ жизни для другихъ, для отца, матери, братьевъ, сестеръ и быть счастливою, дѣлая счастіе другого.

Въ тѣ же 30-е годы стала извѣстна *К. К. Павлова* (1805—1893). Она получила серьезное образованіе, основательно изучила нѣсколько языковъ и пріобрѣла извѣстность какъ хорошая переводчица съ иностранныхъ языковъ на русскій и обратно. Въ 1848 г. она напечатала повѣсть въ стихахъ и въ прозѣ «*Двойная жизнь*». Эта двойственность особенно замѣтна въ большомъ свѣтѣ, гдѣ на первомъ планѣ внѣшняя, суетная жизнь, и только въ свѣтлыя минуты пробуждается, особенно ночью, возвышенная жизнь униженной житейскимъ круговоротомъ души; соотвѣтственно этому и жизнь въ повѣсти передается прозой, а уединенныя, полуночныя думы—стихами. Цѣль повѣсти высказать мечты о лучшей жизни. Авторъ обличаетъ ложь и пагубу свѣтскаго воспитанія, взрослое дѣтство свѣтскихъ дѣвушекъ, относится съ ироніей къ тѣмъ, для кого мысль—то же, что платье, взятое на прокатъ, и высказываетъ неподдѣльное сочувствіе къ созданіямъ поэзіи и мысли. Журналы признавали, что литература для Павловой была не праздной потѣхой, а дѣломъ внутренней потребности,

созданіемъ лучшихъ минутъ жизни. Къ достоинствамъ ея повѣсти относили простоту содержанія и совершенную естественность характеровъ. Въ стихотвореніяхъ ея находили звучность и мастерство мужественное, энергическое, рѣдкое въ женщинѣ—поэтѣ. Павлова также свидѣтельствуетъ, что въ то время положеніе женщины-поэта было представляемо въ свѣтѣ какъ самое жалкое, ненормальное состояніе, какъ бѣдственная и опасная жизнь. Повѣсть ея — самая серьезная вещь по своей задачѣ и по тѣмъ отзывамъ, какіе она возбудила въ журналахъ и въ обществѣ въ 1848 г.; въ ней много энергіи и стона, вырвавшагося изъ самой глубины сердца, противъ ложнаго и унизительнаго положенія женщины.

Въ 40-хъ годахъ начали появляться стихотворенія *Ю. В. Жадовской* (1824—1883) и въ 1846 г. вышло собраніе ихъ, встрѣченное сочувствіемъ почти всѣхъ тогдашнихъ журналовъ. Получивъ домашнее хорошее образованіе, она довершила его въ Ярославлѣ уроками у профессора Перевлѣсскаго и чтеніемъ серьезныхъ, даже философскихъ книгъ. Въ стихахъ ея отражалось общественное положеніе женщины и борьба съ тѣмъ, что противодѣйствуетъ ея развитію... Она съ грустнымъ протестомъ писала:

«Мнѣ надоѣли сплетни, вздоръ,
Мужчинъ ничтожный разговоръ,
Смѣшной, нелѣпый женщинъ толкъ,
Ихъ выписные бархатъ, шолкъ,
Ума и сердца пустота
И накладная красота.

Она увлекалась красотою природы, волновалась думами о бѣдствіяхъ въ жизни, страдала не только за себя, но и за другихъ. Говоря о *первомъ* изданіи ея стихотвореній, Бѣлинскій строго замѣчалъ, что талантъ ея не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣденъ поэзіею. Напротивъ, И. С. Аксаковъ еще о 1-мъ изданіи говорилъ: «Я досталъ себѣ стихотворенія Жадовской и обрадовался имъ чрезвычайно. Такъ все свѣжо, чисто, граціозно». Посылая ихъ роднымъ, какъ «*сладкіе, тихіе звуки*», онъ написалъ самъ стихи о нихъ, говоря, что онъ любитъ «*прелесть сихъ женскихъ стиховъ, поэзію чистую сердца*». У нея есть талантъ, безспорно, но талантъ небольшой; изъ старой своей колеи она выбиться не могла, какъ ни старался Аксаковъ заставить ее перемѣнить (расширить) свое направленіе. Ярославское общество очень мало интересовалось Жадовской и ея талантомъ. Новое изданіе стихотвореній ея (1858), значительно дополненное, встрѣчено было единодушными похвалами. Даже Добролюбовъ восхищался ихъ задушевностію, искренностію, простотою выраженія и считалъ ихъ лучшимъ явленіемъ нашей поэтической литературы. Писала она и повѣсти, но онѣ гораздо слабѣе ея стиховъ и прошли незамѣченными.

Въ томъ же 1846 г. вышли въ Одессѣ, подъ псевдонимомъ Т. Ч., повѣсти *А. Я. Марченко* († 1880) подъ заглавіемъ «Путевыя Замѣтки». Ихъ оцѣнилъ Бѣлинскій за ту сердечную теплоту, съ которою изображалась въ нихъ жизнь непреувеличенная, неискаженная, ненабѣленная, ненарумяненная. Сердечное сочувствіе автора особенно сказалось въ повѣсти «*Гувернантка*», которая заставила читателей остановиться на участи гувернантокъ и учителей и ихъ страдальческой жизни. Журналы подняли рѣчь и о воспитаніи въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, откуда дѣвицы нерѣдко изъ блистательныхъ палатъ и полной удобствъ тишины попадали въ самую печальную обстановку.

Въ это время, когда писатели и критика, увлеченные созданіями Гоголя, стали требовать отъ повѣстей вѣрнаго изображенія дѣйствительныхъ людей, а не сочиненныхъ героевъ и героинь, и когда появился рядъ такихъ писателей, какъ Герценъ, Достоевскій, Григоровичъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій, Л. Толстой, писательницы далеко отстали отъ нихъ. По тогдашнимъ условіямъ женской жизни, имъ недоступно было наблюденіе очень многихъ сторонъ дѣйствительности. Нѣкоторыя изъ писательницъ отличались склонностію къ моральнымъ сентенціямъ, вычурностію языка и многовѣщательностію. Такова была особенно плодовитая *М. А. Корсини*, воспитанница Екатерининскаго института († 1859). Она писала и для народа, и повѣсти для дѣтей, и разсказы, и комедіи; въ предисловіяхъ къ нимъ обѣщала представить современную и общественную жизнь, не стѣсняясь условіями состоянія, возраста и мѣстности; а на дѣлѣ произведенія ея отдавали стариною, являлись ходульными, пропитанными моралью и не встрѣтили сочувствія образованныхъ людей. Она — говорятъ — была женщина умная, и намѣренія ея — добрыя, да силы малыя и участь горькая.

Въ 1849 г. въ «Современникѣ» напечатана была «*Ошибка*», *первая* повѣсть *Евгеніи Туръ* († 1892). Редакція признала ее произведеніемъ замѣчательнаго таланта. Въ повѣсти выведена небогатая дѣвушка, развитая, съ жаждою знанія, зрѣлымъ умомъ и мыслію, далеко превосходящая свѣтскаго мужчину, своего жениха. «Современникъ» видѣлъ въ героинѣ повѣсти идеалъ, которому трудно найти образецъ въ жизни. Женихъ ея, руководимый матерью своей, увлекся великосвѣтской дѣвушкой и, конечно, въ оправданіе измѣны своей предъ невѣстою прежней, говорилъ: «*женщинѣ не нужно и даже вредно большое образованіе: она его не выноситъ и только жадно пожираетъ новыя идеи, безъ пользы для себя и для общественной жизни*»[1]). Повѣсть эта была первымъ и *лучшимъ* произведеніемъ Евгеніи Туръ. Журналы признали въ ней *самобытный* та-

1) «Соврем.» 1849, № 10, стр. 259.

лантъ; Ап. Григорьевъ называлъ ее «мыслящею и живо чувствующею женскою натурою». Другой рецензентъ «Москвитянина» «*А. О.*» (Островскій?) называлъ повѣсть замѣчательной повѣстью, имѣвшею весьма значительный успѣхъ. Чрезвычайно простая интрига развита въ ней чрезвычайно искусно. Мать героя, умная и совершенно свѣтская женщина, была непримиримымъ врагомъ всѣхъ мыслей и поступковъ, выходящихъ изъ привычной колеи, и естественно, что она желала, чтобы сынъ совершенно походилъ на нее. Письмо матери къ сыну, по поводу его увлеченія бѣдной дѣвушкой, самое лучшее мѣсто во всей повѣсти по очерку свѣтской жизни и ея убѣжденій. Недостатокъ повѣсти — растянутость описаній; а художеству нужны образы и сцены. О новомъ романѣ г-жи Туръ «Племянница» мнѣнія раздвоились: «Отеч. Записки» признавали романъ однимъ изъ рѣдкихъ исключеній въ нашей литературѣ, а Тургеневъ въ «Современникѣ» судилъ гораздо строже. Онъ опредѣлялъ талантъ г-жи Туръ лирическимъ, отъ нея нераздѣльнымъ, говорилъ, что книга ея написана сердцемъ и говоритъ сердцу, что г-жа Туръ способна передавать малѣйшія движенія души своей, но не въ силахъ создать самостоятельные характеры и типы, такъ что ни одно изъ лицъ ея романа не останется въ памяти читателей; наконецъ, г-жа Туръ нерѣдко вдаётся въ излишнія и не новыя разсужденія; рѣчь ея болтлива, водяниста. Съ появленіемъ дальнѣйшихъ повѣстей ея, журналисты стали говорить, что въ нихъ нѣтъ простоты, что онѣ типы придуманной экзальтаціи; Ап. Григорьевъ напрямикъ говорилъ о выводимыхъ ею герояхъ «скучныя лица скучныхъ романовъ» и о ней самой — «отживающая, какая нибудь г-жа Евгенія Туръ» (Соч. Григорьева, 258, 623). Не смотря на эти рѣзкіе отзывы, Е. Туръ не ослабѣвала въ своей любви къ литературѣ. Получивъ очень хорошее домашнее образованіе, она развила его въ кругу московскихъ профессоровъ и писателей, которые собирались въ домѣ ея отца, и свободно перешла отъ романовъ къ исторіи литературы и публицистикѣ, начала писать этюды о Жоржъ-Зандѣ, Флоберѣ, Чаннингѣ, Дюма-сынѣ, миссъ Бронте, Ожье, Мишле, Рекамье, Прудонѣ, Гюго, Свѣчиной, Крашевскомъ, Тургеневѣ, Хвощинской, Достоевскомъ, гр. Л. Толстомъ, писала разсказы для дѣтей, завѣдывала беллетристикой въ «Русскомъ Вѣстникѣ», сама издавала журналъ «Русская Рѣчь» (1859—61) и пользовалась едва-ли не самою громкою извѣстностію. Это былъ живой, отзывчивый талантъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ дебютировала въ литературѣ воспитанница Харьковскаго института — *Н. С. Соханская* (1823 — 1884). Начавъ писать въ духѣ модной французской школы, она, подъ вліяніемъ Плетнева, обратилась къ самой жизни, окружающей ее, и, по настоянію Плетнева, начала писать записки о своемъ воспитаніи, о своей жизни. Плет-

невъ съ истинно-родственнымъ участіемъ ободрялъ ее и имѣлъ утѣшеніе встрѣтить въ ней съ 1858 г. первоклассную писательницу. Особенно оцѣнили ее Аксаковы и Хомяковъ. К. С. Аксаковъ назвалъ ея повѣсть «Послѣ обѣда въ гостяхъ» «*истинно-русской повѣстью*», Ив. С. Аксаковъ оцѣнилъ въ ней религіозность, теплоту чувства, любовь къ родной сторонѣ и къ старинѣ. Хомяковъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Русской Словесности призналъ въ ней «блестящій талантъ въ повѣствовательномъ родѣ. Никогда, можетъ быть, со времени нашего безсмертнаго Гоголя, не видали мы такой свѣтлой фантазіи, такого глубокаго чувства, такой художественной истины въ вымыслѣ, какъ въ произведеніяхъ Кохановской. Это—произведенія сильнаго художественнаго таланта, постоянно направляемаго и оберегаемаго тонкимъ и строгимъ анализомъ»[1]). Можетъ быть, отчасти и вслѣдствіе такихъ отзывовъ, а большею частію вслѣдствіе домашняго начальнаго воспитанія въ глубоко-религіозномъ духѣ, Соханская явилась единственною русскою писательницею, глубоко проникнутою славянофильскими убѣжденіями. Ее, впрочемъ, оцѣнили люди разныхъ лагерей: Катковъ, Погодинъ, Вельтманъ, Дружининъ, Благосвѣтловъ, Писаревъ, А. Григорьевъ, Гиляровъ, Анненковъ, Эдельсонъ, Н. Страховъ и др. «Современникъ», не смотря на рѣзкую разницу въ убѣжденіяхъ, на самые недостатки съ его точки зрѣнія, называлъ талантъ ея *очень симпатичнымъ*, говорилъ, что бытъ мелкопомѣстнаго дворянства описанъ въ повѣстяхъ ея ясными чертами, что нѣкоторыхъ страницъ нельзя прочесть безъ сладкаго внутренняго волненія, что въ русской литературѣ нѣтъ ничего выше, сладостнѣе нѣкоторыхъ высоко-поэтическихъ страницъ въ ея повѣсти «Послѣ обѣда въ гостяхъ». Московское Общество Любителей Русской Словесности избрало ее въ свои почетные члены. Можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что изъ всѣхъ нашихъ писательницъ она была единственнымъ между ними *художникомъ*. Она дала намъ замѣчательные образы русскихъ женщинъ, какихъ не встрѣчаемъ въ произведеніяхъ другихъ писательницъ.

Нѣсколько раньше ея начала писать Н. Д. Хвощинская (1825—1889) и позже ея окончила. Она воспитывалась дома, въ Рязани, и своимъ развитіемъ обязана исключительно самой себѣ. Она была умна, чутка и по развитію стояла выше многихъ писательницъ. Въ повѣстяхъ своихъ она обнаружила живое сочувствіе къ женщинамъ обиженнымъ, страдающимъ, забитымъ, которыя, при всемъ своемъ умственномъ превосходствѣ, гибли среди угнетавшей ихъ обстановки. Она говорила о себѣ: «Я просто описывала положеніе женщины... мученичество ея, какъ слѣдствіе всего окружаю-

---

1) Соч. Хомякова, т. 1, стр. 702.

щаго; я показывала жертву для того, чтобы виноватые видѣли, до чего они доводятъ и, одумавшись, стали бы жить толковѣе». Вмѣстѣ съ тѣмъ она подмѣтила и слабыя стороны новыхъ женщинъ съ ихъ вычурными претензіями на современное образованіе и развитіе. Но при всемъ своемъ дарованіи, она не имѣла полнаго успѣха, на который всѣ права давалъ ей яркій талантъ. Это произошло, кажется, оттого, что она не создала типовъ, что ни на одномъ героѣ ея не останавливается память, что она ограничивалась тѣсной рамкою міра семейнаго, что въ сочиненіяхъ ея преобладалъ психическій анализъ, а не живые образы, что ея жизненная обстановка не дала ей достаточнаго спокойствія для творчества, что въ ней ума было больше, чѣмъ таланта. «Новый Поэтъ» (Панаевъ) говорилъ, что повѣсти ея — благородныя и умныя диссертаціи въ повѣствовательной формѣ. Чернышевскій писалъ: «Если бы въ ея повѣстяхъ было поменьше *книжности* и побольше жизни, онѣ поспорили бы съ лучшими произведеніями новѣйшей литературы. Резонерство и умъ, переходящій въ умничанье, — вотъ коренной ихъ недостатокъ, тѣмъ болѣе важный, что благодаря ему, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, повѣсти ея *скучны*». Салтыковъ замѣчалъ, что она постоянно стояла на почвѣ психологическихъ тонкостей и не пользовалась тѣмъ успѣхомъ, который принадлежалъ ей по праву таланта, и стяжала себѣ лишь почетную извѣстность. Нѣкоторая часть провинціальнаго общества считала ее помѣшанною за ея литературныя занятія и ея несочувствіе крѣпостному праву, а молодежь тамошняя сдѣлала ей овацію.

Вотъ немалый рядъ писательницъ, которыя почти всѣ составили собою украшеніе второй четверти настоящаго вѣка и вполнѣ достойны нашей благодарной памяти. Замѣчательно, что почти всѣ онѣ обязаны не институтскому воспитанію, а самимъ себѣ, своимъ семействамъ, которыя не пожалѣли средствъ дать имъ возможно лучшее образованіе дома.

Разсматривая литературную дѣятельность нашихъ писательницъ со стороны ихъ міросозерцанія, видимъ, что въ данный періодъ времени (1828—1856) большая часть писательницъ, безъ сомнѣнія, сознавала тяжелыя условія женской жизни, но или не ясно видѣла, что одна изъ главныхъ причинъ этого печальнаго положенія кроется въ недостаточности ихъ образованія, или не была настолько мужественна, чтобы гласно заявить объ этомъ и домогаться измѣненій и улучшеній въ женскомъ образованіи. И общество, и писатели относились къ нимъ небрежно и свысока, даже въ 60-хъ и 80-хъ годахъ нашлись неудержные литераторы, которые въ высшей степени оскорбительно относились къ женщинамъ-писательницамъ, даже къ такимъ, какъ графиня Ростопчина, Евгенія Туръ, Хвощинская, Соханская. Противъ женщинъ были и обстановка ихъ жизни, и тогдашняя система образованія, и нравы, и общественное мнѣніе, и, отчасти, самые за-

коны. Женщины не были подготовлены, чтобы понимать и углубляться въ то, о чемъ кругомъ ихъ говорили люди, учившіеся въ университетахъ, за границею, совѣщавшіеся въ ученыхъ обществахъ, въ дружескихъ кружкахъ и вырабатывавшіе себѣ умственную зрѣлость. Такимъ образомъ, между женщинами не пашлось столько сильныхъ по уму и таланту, чтобы вступиться за свое право учиться тому, чему учились мужчины. И только съ конца 50-хъ годовъ среди образованныхъ женщинъ стали раздаваться голоса о необходимости реформъ въ образованіи и воспитаніи ихъ, и въ молодомъ женскомъ поколѣніи закипѣла любовь къ труду, интересъ къ наукѣ, искусству и общественному дѣлу.

Таково *существенное содержаніе* всѣхъ трехъ книгъ Е. І. Лихачевой.

Чтобы вполнѣ основательно произнести сужденіе о нихъ, надо бы имѣть подъ руками всю ту массу рукописныхъ источниковъ, которыми пользовалась г-жа Лихачева, и разсмотрѣть, въ какой степени и съ какою точностію она разработала ихъ, все-ли существенное, характерное извлекла изъ нихъ. Къ сожалѣнію, рецензентъ не только не могъ этого сдѣлать, но далеко не владѣлъ и тѣми *печатными* свѣдѣніями, какими пользовалась г-жа Лихачева. Вотъ почему онъ принужденъ былъ ограничиться тѣмъ, что извлекъ сущность изъ ея книгъ и своимъ сжатымъ изложеніемъ содѣйствовалъ ознакомленію читателей съ ея трудомъ.

Но есть область, въ которой рецензентъ считаетъ себя давнимъ работникомъ и позволяетъ себѣ, во имя правды, сдѣлать нѣсколько замѣчаній и частныхъ поправокъ. Область эта — библіографія. Обращаясь въ ея предѣлахъ, прежде всего скажемъ, что во всѣхъ трехъ книгахъ г-жи Лихачевой ссылки нерѣдко *очень глухи*, въ нихъ не указываются не только части и страницы, но даже годы изданія. Напр., что̀ это за ссылки: «В. Аскоченскій. Кіевъ» (а томъ? а страница?), или: «О древнихъ русскихъ училищахъ»; «Домашній бытъ р. царицъ»; «Идеальные типы»; «Древне-русскія житія»; «Дневникъ»; «Мое опредѣленіе въ службу»; «Письмо изъ книги Улей»; «Пріятное и полезное препровожденіе времени»; «Монографія»; «Хроника недавней старины»; «Пятидесятилѣтіе» (чего? IV отдѣленія? Сиротскаго Института? или другого?). Извольте справляться по этакимъ указаніямъ. Не лучше ихъ и такія: «Журн. М. Н. Пр. 1849»; «Вѣстникъ Европы 1813 г.»; «Современникъ 1850 г.». Встрѣчаются и досадныя опечатки въ цыфрахъ. Чтобы не быть голословными, указываемъ страницы книгъ г-жи Лихачевой, гдѣ встрѣчаются эти глухія досадныя ссылки: I, 4, 24, 25, 28, 31, 35, 49, 135, 248, 274, 284;

II, 225, 282, 288, 293; III, 83, 85, 121, 136, 187, 202, 209, 220, 223, 226, 240.

За симъ предлагаемъ нѣсколько поправокъ и замѣчаній.

Въ первой книгѣ:

I, стр. 65. Тимковскаго звали Илья Ѳедоровичъ, а не *А. И.*

— 69. О фрейлинѣ императрицы Елисаветы Петровны, М. Е. Шепелевой, со словъ «Русскаго Архива» говорится, что она написала *большую* комедію на *малороссійскомъ* языкѣ; но это показаніе (приведенное и въ книгѣ И. Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, стр. 569—571) намъ кажется весьма сомнительнымъ: по малороссійски могла быть написана развѣ *одна роль*, а цѣлая большая комедія малороссійская *въ 1730 г.*—совершенно немыслимое дѣло. И самое авторство Шепелевой невѣроятно: стоитъ только прочесть ея письма къ императрицѣ Елисаветѣ (Р. Старина 1870, № 6, стр. 510—515; изд. 3-е, т. 1, стр. 410—414), чтобы убѣдиться въ полномъ отсутствіи въ ней авторскаго дарованія; думаемъ, что старое показаніе на нее сдѣлано облыжно, для отвода глазъ; авторомъ могъ быть кто нибудь другой.

— 204. Статья о Нелидовой въ «Русскомъ Архивѣ» написана княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ.

— 247. «Подражатель», комедія въ 1 дѣйствіи, сочинена въ Дмитровѣ (Моск. губ.). М., 8^0, 52 стр.

— 249. Опытъ о воспитаніи благородныхъ *дѣвицъ*, перев. Михаила Семчевскаго.

— 268. Державинъ писалъ Хераскову. (См. замѣтку академика Я. К. Грота въ IX томѣ Сочиненій Державина, Спб. 1883 г., стр. 237—238).

Во второй книгѣ:

II, стр. 35. Авторъ въ текстѣ говоритъ, что императрица Марія и другіе члены Императорской семьи пожертвовали 17,000 р.; но это число противорѣчитъ примѣчанію на той же страницѣ и тексту на стр. 62, гдѣ въ обоихъ мѣстахъ показано 16,000 р.

— 78, 183 и 184 и въ III книгѣ, стр. 252, фамилія показана Алабьина, а надо: Аладьина.

— 89. Вступленіе Наполеона въ Москву пріурочено къ *августу* 1812 г., а оно послѣдовало *2 сентября*.

— 133. Нелединскаго звали Юрій Александровичъ, а не *М*. Выписка изъ письма къ нему императрицы Маріи приведена изъ «Хроники кн. Оболенскаго» не совсѣмъ точно.

— 154. «Записки знатной дамы» принадлежатъ А. О. Смирновой.

— 222. Статья въ Современникѣ 1836 г. въ I книжкѣ объ императрицѣ Маріи написана Плетневымъ, см. Сочиненія его, т. I, стр. 258—264. Авторъ, впрочемъ, потомъ самъ указалъ фамилію его въ III кн., стр. 219.

— 241. Въ текстѣ показано *11* губерній, а въ примѣчаніи названо ихъ *десять*.

— 253. Жихарева звали Степанъ Петровичъ.

— 258. Во 2-мъ примѣчаніи «Разсказы бабушки, А. Я. Бутовской» указаны въ декабрьской книжкѣ Русской Старины. *А ихъ тамъ вовсе нѣтъ!*

— 263. Институтъ гувернантокъ открытъ — Вильчковской, а въ III книгѣ, стр. 25-й сказано: Вильчинской: что̀ же правильнѣе?

— 268. Макаровыхъ было *два*: Петръ Ивановичъ издавалъ «Московскій Меркурій» въ 180*3* (а не 180*5* г.) и Михаилъ Николаевичъ—издавалъ «Журналъ для милыхъ» (1804 г.).

— 274, 291 — 292 «Отрывокъ изъ записокъ *дамы*» принадлежитъ Пушкину (изд. 1880, IV, 121; изд. Литерат. Фонда IV, 110).

— 275. Примѣч. 2-е. Третью главу «Онѣгина» Пушкинъ писалъ не въ 1825, а въ 1824 г. съ 8 февраля по 2 окт. (См. Хронолог. книгу Я. К. Грота, 1888, стр. 14—16).

— 276. Въ стихахъ своихъ Пушкинъ сказалъ:

«Съ семинаристомъ въ *желтой* шалѣ», — а не черной.

— 278. Одному Макарову ошибочно приписаны два журнала.

— 290. Въ Украинскомъ Вѣстникѣ на обвиненіе, что женщины не читаютъ русскихъ книгъ, возражала *не* Шумлянская: подъ статьею поставлена буква *Г.* (стр. 255), которая несомнѣнно означаетъ одного изъ издателей журнала — Гонорскаго.

— 291. Примѣч. 3-е. Письмо Пушкина писано *не* къ Дельвигу, а къ Бестужеву (см. изд. Лит. Фонда VII, 50).

Въ третьей книгѣ:

III, стр. 43. Не видно, къ какому разряду отнесенъ Керченскій институтъ.

— стр. 55. Показано общее число учащихся *6*860, а далѣе приведены числа ихъ по четыремъ разрядамъ и сумма чиселъ составляетъ только 5860. Вѣроятно, ошибочно показано число въ 3 разрядѣ, вмѣсто 279, надо бы 1279. (На стр. 27-й: 70 = 50 + 25!?!).

— 56. Въ числѣ пожертвованій опущенъ капиталъ Медвѣдниковой—70,000 р. (См. о немъ стр. 28 ibidem).

— 90. Какъ могло быть въ 183*2* г. принято въ руководство сочиненіе Бажанова «Обязанности (*«Объ обязанностяхъ*) христіанина», когда оно издано было только въ 1839, 1843 и 1862 г.?

— 94. Въ 1850 г. и далѣе Костомаровъ *не могъ быть въ Кіевѣ.*

— 95. Совершенно излишни страницы 95—98 объ учительствѣ Гоголя: давно извѣстно, что онъ былъ *плохой* педагогъ. Иное дѣло говорить о К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ, о В. Я. Шульгинѣ, Н. Х. Бунге и *подобныхъ* имъ. Излишни также ироническія выставки Норова, Ростовцева, Давыдова, кн. Одоевскаго, Маслова, Великосельцева, Шишкиной и другихъ; лучше было бы держаться Карамзинскаго правила: «гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все молчаніемъ». И отчего бы не привести было побольше *свѣтлыхъ* образовъ?...

— 120. Автобіографія Кохановской вовсе не коротенькая: въ печати она заняла 193 страницы.

— 127. Мимоходомъ упоминается о журналѣ Ишимовой «*Звѣздочка*» и совершенно умолчано о ея же журналѣ «*Лучи*»; ужели эти журналы не принесли ни малѣйшей пользы воспитанницамъ и не стоили ни одного добраго слова?

— *Тамъ же.* Ариѳметическія записки Буссе вышли не въ 1833, а въ 1843 году.

— 128. Какіе именно курсы печатались на счетъ суммъ вѣдомства (какого)? И въ какой степени достойны они?

— 143. О программѣ по русскому языку и словесности не сказано ни слова, даже сущности ея не приведено.

— 155, 158, 163, 168. Почему умалчиваются имена преосвященныхъ Евгенія, Іакова, Ѳеодотія, Гавріила?

— 173. Примѣч. 3-е. Архіепископъ смоленскій Тимоѳей никогда *не былъ Симбирскимъ*: онъ еще 16 мая 1859 г. уволенъ на покой, скончался въ 1862 г. (Списки архіереевъ Юрія Толстого, Спб., 1872, стр. 34 и 130).

— 222. Примѣч. 2-е. Введенскаго звали Иринархъ (а не Иреней).

— 225. Дѣвица «О—чъ» — Олескевичъ; ея статья въ Ж. М. Н. Пр. 1834, ч. 4, № 10, стр. 150 — 152; перевела она на франц. языкъ повѣсть Пушкина «*Пистолетный выстрѣлъ*».

— 226. Прим. 3-е. Панаева, редактора Современника, звали Иванъ Ивановичъ.

— 234. Повѣсть Евгеніи Туръ «Ошибка» вышла въ первый разъ *въ 1849 г.*, въ 10-й книжкѣ Современника.

— 235. Примѣч. 2-е. Гдѣ это статья Софіи Панюты *по философіи*? (Софія Панюта—это псевдонимъ Степана Бурачка, сколько намъ помнится). Да и едва ли могла женщина писать въ началѣ сороковыхъ годовъ статьи «*по философіи*»; къ числу таковыхъ нельзя относить статьи: «Демоны-геніи-бѣсы», «Открытія въ царствѣ миѳовъ», «Русское народное слово въ

древнихъ духовныхъ писателяхъ», а именно всѣ эти статьи въ «Маякѣ» подписаны именемъ Софіи Панюты (1841 и 1842).

— *Ibidem.* О чувашахъ и черемисахъ была не записк*а*, а цѣлая книга «Записк*и*», о которой съ похвалою отзывался не одинъ Ж. М. Н. Пр., но и Библіотека для Чтенія, и Литературная Газета, и Отеч. Записки и Сынъ Отечества.

— 237. Кошанскій издавалъ не Логику, а *Реторику*.

— 239. Авторъ говоритъ о сочиненіяхъ, въ которыхъ женщины доходили до невозможныхъ нелѣпостей, и приводитъ нѣкоторые образцы ихъ. Вольно же было остановиться на однѣхъ нелѣпостяхъ! Тамъ онъ могъ бы найти и строки глубокознаменательныя, и въ высокой степени справедливыя. Напр., въ сочиненіи Викторины Л. (заглавія авторъ *не приводитъ*) [1] мы читаемъ, между прочимъ, вотъ что: «*Развѣ внутренній голосъ не говоритъ иногда женщинѣ*»: *вы рождены не для однихъ баловъ! не таково ваше назначеніе! сбросьте свою апатію, пробудитесь отъ сна! вы не должны заглушать своихъ способностей... васъ требуетъ нашъ вѣкъ; ему нужны артисты, полководцы, ученые; дѣтямъ вашимъ необходимы образованіе, доброе имя, а вы однѣ можете доставить имъ его, прославивъ себя трудами, заслугами*» [2]). Это превосходныя, энергическія строки, въ нихъ видна жизнь и живыя потребности современной женщины.

— 240. Статья въ Современникѣ о Жоржъ-Зандъ принадлежитъ Земенцкой, *польской* писательницѣ, если не ошибаемся, а не русской.

— *Ibidem.* Жукову звали Марія Семеновна, а не *А*.

— 241. Взгляды г-жи Загряжской (это псевдонимъ Ал. В. Зражевской) интересно было бы прочитать, если они «*и теперь не утратили своего значенія*».

— 243. Прим. 2 и 3. Указаны Отеч. Зап. 1840, *томъ X* и Современникъ 1842, *т. 27*, но тамъ *ни слова нѣтъ изъ того, что приводится въ текстѣ*. Надо: томъ XII и *28-й*.

— 247. «Сенковскій писалъ въ *Утренней Звѣздѣ*, въ 1841 году»: Никакой Утренней *Звѣзды* въ 1841 году *не было*; была въ этомъ году Утренняя *Заря*, но тамъ *нѣтъ ни единаго слова* Сенковскаго! Утренняя *Звѣзда* была издана въ Харьковѣ и въ Москвѣ въ *1834 г.*; не думаемъ, чтобы и тамъ была хотя одна строчка Сенковскаго.

— 251. «Мертвыя Души» явились въ 184*2* году, потомъ въ 1846.

— 253. Опять какая-то «Утренняя *Звѣзда*»! Чтò за разсѣянность!

---

1) А оно таково: «Секреты дамскаго туалета и тайны женскаго сердца». 1848 г. Было и 2-е изданіе, съ перемѣнами. М., 1855.

2) «Свѣтъ и во тьмѣ свѣтится», какъ видите.

— 257 и 259. Прим. 1 и 5. Не Бы*ч*ковъ, а Быковъ П. *В.* — Дружининъ говоритъ о Кохановской *не въ VII* т., а въ VI, 17.

— 264. Повѣсть Тургенева «Два *пріятеля*», а не Два «*портрета*».

Среди писательницъ даннаго періода ни единымъ словомъ не упомянуто о Н. А. Дуровой, а между тѣмъ на нее обратили вниманіе и Пушкинъ, и Бѣлинскій. Еще до выхода въ свѣтъ записокъ Дуровой Пушкинъ печаталъ въ Современникѣ: «Мы будемъ издателями ея любопытныхъ Записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, *владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ*». По выходѣ 1-й части Записокъ, подъ заглавіемъ «Кавалеристъ-Дѣвица», Пушкинъ опять печатаетъ замѣтку о прелести этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и обѣщаетъ, по выходѣ всего сочиненія, «подробнѣе разобрать книгу, *замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ*»[1]). Бѣлинскій говорилъ, что «первыя сочиненія Дуровой обнаружили *замѣчательное дарованіе*», (IV, 133); что «литературное достоинство ея Записокъ было такъ высоко, что нѣкоторые приняли ихъ за мистификацію со стороны Пушкина». «Что за языкъ, что̀ за слогъ у Дѣвицы-Кавалериста! Кажется, самъ Пушкинъ отдалъ ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостію и силою, этою яркою выразительностію своего слога, этою живописною увлекательностію своего разсказа, всегда полнаго, проникнутаго какою-то скрытою мыслію» (III, 76—77). Дальнѣйшія произведенія Дуровой оказались гораздо слабѣе. Но̀ не столько своими повѣстями, сколько самою жизнію увлекаетъ она насъ. Она доказала, что женщина способна на всякое великое дѣло въ такой же мѣрѣ, какъ и мужчина. Многіе, конечно, знаютъ, что она въ 1808 г. поступила рядовымъ въ уланскій полкъ, явилась на полѣ сраженій, отличилась, получила георгіевскій крестъ, произведена была въ офицеры, была извѣстна Кутузову, императору Александру. На бивакахъ она вела свой дневникъ, гдѣ, между прочимъ, писала: «Теперь каждый день, каждый часъ я живу и чувствую, что живу; о, въ тысячу, въ тысячу разъ превосходнѣе теперешній родъ жизни! *Балы, танцы, волокитства, музыка... о, Боже, какія пошлости, какія скучныя занятія*»! Дурова увлекаетъ насъ своею любовью къ свободѣ, къ самостоятельному труду, къ самостоятельному распоряженію своею личностью и своею волею. Г. Мордовцевъ справедливо говоритъ[2]): «Дурова — это прародительница всѣхъ новыхъ русскихъ женщинъ, всего этого множества дѣвушекъ, ищу-

1) Въ книгѣ ея «Годъ жизни въ С.-Петербургѣ» заключается нѣсколько данныхъ для біографіи Пушкина, стр. 5, 27, 28—34, 40—44, 46—49, 168.

2) Русскія женщины новаго времени, Спб. 1874, стр. 142 и далѣе.

щихъ знанія, труда, посѣщающихъ публичную библіотеку, лекціи профессоровъ, медицинскіе курсы, жаждущихъ поступленія въ университетъ, въ акушерки, въ доктора, оставляющихъ свои дома, свои примитивныя женскія занятія, бросающихъ родину, чтобы учиться тамъ, гдѣ болѣе удобствъ, больше приспособленности»... Дурова была первая русская женщина, которая своею собственною жизнью доказала, что съ твердою волею и для женщины, какъ и для мужчины, все достижимо... Послѣ невѣроятныхъ трудовъ боевой жизни, Дурова перенесла свою дѣятельность на другое поприще: самоучка — она стала однимъ изъ замѣтныхъ въ свое время писателей и всю свою остальную жизнь посвятила литературѣ. Если бы съ дѣтства она подпала вліянію умнаго человѣка и проникласъ бы жаждою знанія, изъ нея могъ бы выйти крупный дѣятель мысли и слова» [1]).

Вотъ все, что мы сочли возможнымъ сказать въ дополненіе къ книгамъ Е. І. Лихачевой. Изложеніе у нея — вездѣ ясное, литературное. Мы замѣтили только два-три галлицизма: II, 130—131, «заботясь обо всѣхъ, ея заботы... носили не одинаковый характеръ»; тамъ же, стр. 187: «Сравнивая новую програму,... разница между обѣими замѣчается»...; III, 82: «Лишенная своей воли,... ничему не радуясь,... не мудрено, что у институтокъ создавался свой особый внутренній міръ»... Опечатокъ немного.

Мы съ живѣйшимъ удовольствіемъ познакомились съ книгами Е. І. Лихачевой и глубоко радуемся тѣмъ успѣхамъ, какихъ достигли наши женщины въ своемъ образованіи и развитіи. Желаемъ отъ всей души, да продолжаетъ г-жа Лихачева свой трудъ до настоящихъ дней; да развивается далѣе женское образованіе, не встрѣчая ни малѣйшей помѣхи, и да процвѣтаетъ женское сердце — этотъ первый и вѣчный проводникъ христіанства въ жизнь — все большей и большей дѣятельной любовью къ ближнему, во благо семьи, Россіи, человѣчества!...

Журнальная критика замѣтила уже нѣкоторые недостатки въ книгахъ г-жи Лихачевой и оспаривала нѣкоторыя заключенія ея. А мы пожелали бы бо́льшей полноты въ ея трудѣ; намъ желалось бы свѣдѣній о начальницахъ женскихъ учебныхъ заведеній, о ихъ взглядахъ на воспитаніе, о ихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, о дѣтскихъ книгахъ, журналахъ, помогавшихъ развитію воспитанницъ, объ устроеніи церквей, больницъ, библіотекъ при заведеніяхъ; желалось бы бо́льшей связи съ общимъ ходомъ образованія, болѣе

---

1) Послѣднія повѣсти Дуровой скучны, полны небылицъ, — но это ужъ едва ли не общій удѣлъ р. писателей — начинать хорошо и кончать плохо.

строгаго соблюденія хронологическаго порядка, болѣе очерковъ изъ внутренней жизни заведеній, болѣе живыхъ лицъ, большей стройности изложенія, наконецъ указателя собственныхъ именъ и предметовъ, даже картъ женскихъ учебныхъ заведеній, появившихся въ каждую изъ трехъ эпохъ, на которыя дѣлится трудъ г-жи Лихачевой. Но отъ всѣхъ этихъ желаній насъ удерживаетъ самое заглавіе книги, и критическое отношеніе къ нимъ утихаетъ... Затѣмъ, принимая во вниманіе: 1) что матеріаловъ собрано г-жею Лихачевой, дѣйствительно, много; 2) что на приведеніе ихъ въ порядокъ положено очень много труда и любви къ дѣлу; 3) что у насъ доселѣ ничего подобнаго *въ такой полнотѣ* не было сдѣлано; и 4) что собранная масса свѣдѣній можетъ принести несомнѣнную пользу учащимся и самимъ педагогамъ, — рецензентъ съ полнымъ убѣжденіемъ признаетъ, что благородный, долгій и усердный трудъ Е. І. Лихачевой достоинъ быть почтенъ Уваровскою малою наградой.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. Томъ IV. № 3.
CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE. Volume IV. № 3.

ОТЧЕТЪ О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ ИМЕНИ ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА А. М. СИБИРЯКОВА.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1898 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopof à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 40 к. — Prix: 1 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ ИМЕНИ ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА А. М. СИБИРЯКОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

29 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА

НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ, АКАДЕМИКОМЪ **Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ.**

На соисканіе преміи имени А. М. Сибирякова было представлено одно сочиненіе Н. Оглоблина — „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“ (1592—1768 гг.).

Оцѣнку этого труда приняли на себя академикъ В. Г. Васильевскій и профессоръ А. С. Лаппо-Данилевскій.

Недавно появившійся трудъ г. Оглоблина, посвященный „Обозрѣнію столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“ (2 вып., М., 1895—1898 гг.) и пока еще содержащій свѣдѣнія лишь о дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ учрежденій Сибири, значительно пополняетъ этотъ пробѣлъ въ нашей археографической литературѣ, ибо даетъ возможность нѣсколько оріентироваться въ громадной массѣ документовъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ очень плохо описанныхъ. Авторъ разбираемаго труда, по собственному его выраженію, желалъ дать „архивное руководство“ занимающимся дѣлами Сибирскаго приказа; слѣдуетъ замѣтить, однако, что онъ имѣлъ въ виду лишь большинство тѣхъ документовъ этого установленія, которыя можно найти въ Московскихъ архивахъ Министерства юстиціи. Задача труда г. Оглоблина состояла поэтому въ томъ, чтобы предложить читателямъ частью „указатели“ документовъ Сибир-

скаго приказа, частью „Обозрѣніе“ ихъ; ни тотъ, ни другой пріемъ, однако, не замѣняютъ точнаго описанія его дѣлъ.

Нельзя не пожалѣть и о томъ, что г. Оглоблинъ иногда глухо отзывается о цѣнныхъ матеріалахъ описываемаго имъ собранія, и, наоборотъ, считаетъ возможнымъ въ другихъ мѣстахъ своей книги останавливаться на подробностяхъ, едва-ли имѣющихъ существенное значеніе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Оглоблинъ долго останавливается на обозрѣніи тѣхъ или другихъ документовъ, онъ не всегда удовлетворяетъ читателя: авторъ часто не даетъ полнаго перечисленія важнѣйшаго содержанія обозрѣваемаго имъ памятника, довольствуясь нѣсколькими примѣрами, послѣ которыхъ обыкновенно слѣдуетъ: „и друг.“ или „и проч.“; выборъ этихъ случаевъ остается обыкновенно безъ надлежащей мотивировки, что придаетъ случайный характеръ изложенію.

Въ предисловіи къ своему труду г. Оглоблинъ заявляетъ, что будетъ „чуждаться всего того, что носитъ названіе изслѣдованія“, а между тѣмъ въ текстѣ „Обозрѣнія“ встрѣчаются случаи, когда г. Оглоблинъ пытается объяснить описываемый имъ матеріалъ и дѣлаетъ изъ него выводы, нерѣдко представляющіе много спорнаго.

Не смотря на вышеуказанные недостатки, препятствующіе назвать „Обозрѣніе“ г. Оглоблина безусловно полнымъ и считать совершенно приноровленнымъ къ потребностямъ научно-исторической техники, всю работу въ цѣломъ слѣдуетъ признать полезнымъ вкладомъ въ современную русскую археографическую литературу. Авторъ пересмотрѣлъ значительное число документовъ; самый обширный отдѣлъ ихъ, а именно таможенныя „приходныя и соболиныя“ книги обнимаетъ до 1114 нумеровъ. Группировку этого матеріала въ обозрѣніи можно въ общихъ чертахъ признать довольно правильной; въ предѣлахъ каждой группы авторъ помѣстилъ однородный матеріалъ, нерѣдко разсыпанный по разнымъ столбцамъ и книгамъ, что, разумѣется, значительно облегчаетъ послѣдующую задачу изслѣдователя. Наконецъ, не довольствуясь указаніемъ на формальные признаки столбцовъ и книгъ Сибир-

скаго приказа, г. Оглоблинъ попытался ознакомить читателя съ ихъ содержаніемъ, что во всякомъ случаѣ будетъ принято съ благодарностью будущими изслѣдователями исторіи Сибири.

Имѣя же въ виду, что замѣченные въ трудѣ Н. Оглоблина достоинства значительно превышаютъ погрѣшности, рецензенты признаютъ за г. Оглоблинымъ право на полученіе преміи имени А. М. Сибирякова.

При этомъ Академія постановила выразить глубокую благодарность Александру Сергѣевичу Лаппо-Данилевскому за его содѣйствіе въ оцѣнкѣ труда г. Оглоблина.

Отзывъ о сочиненіи Н. Н. Оглоблина:

Обозрѣніе столбцевъ и книгъ Сибирскаго приказа

(1592—1768 гг.).

Ч. II. Документы таможеннаго управленія.

М. 1898.

Рецензія проф. **А. С. Лаппо-Данилевскаго**, съ предисловіемъ и послѣсловіемъ акад. **В. Г. Васильевскаго.**

Принимая на себя предъ Отдѣленіемъ обязанность представить отзывъ о сочиненіи г. Оглоблина, я заявилъ, что по совершенному моему незнакомству съ Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, да и вообще съ русскимъ архивнымъ дѣломъ, а также по малой моей компетентности въ экономической русской, въ частности Сибирской исторіи, мнѣ трудно будетъ обойтись собственными силами, и что я долженъ буду обратиться къ содѣйствію и помощи одного изъ своихъ младшихъ ученыхъ друзей. Дальнѣйшія обстоятельства приняли за тѣмъ такой видъ, что содѣйствіе обратилось въ исключительное авторство и моя роль свелась къ согласію и одобренію написаннаго другимъ. Это, впрочемъ, тѣмъ болѣе извинительно и понятно, что мой предполагавшійся сотрудникъ принадлежитъ къ числу (очень не большому) первыхъ знатоковъ дѣла и помимо меня сдѣлался уже, можно сказать, постояннымъ присяжнымъ оцѣнщикомъ трудовъ по экономической и соціальной русской исторіи, представляемыхъ для соисканія премій въ Императорскую Академію Наукъ. Нѣтъ даже и нужды называть его имя. Замѣчу только, что сдѣланное имъ теперь, сдѣлано въ видѣ дружеской личной услуги, и что, хотя, по моему мнѣнію, этого вполнѣ достаточно для цѣли, то

есть, для составленія сужденія и приговора о подлежащемъ сочиненіи, г. Лаппо-Данилевскій, если бы ему пришлось подписаться собственною фамиліею подъ отзывомъ, представляемымъ Академіи Наукъ, еще внимательнѣе и подробнѣе написалъ бы его.

Въ дѣлопроизводствѣ Сибирскаго приказа сохранилось множество цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ; до послѣдняго времени, однако, за отсутствіемъ надлежащаго описанія ихъ, изслѣдователи не имѣли возможности приступить къ систематическому ознакомленію съ бумагами названнаго установленія. Лишъ недавно г. Оглоблинъ принялся за составленіе «обозрѣнія столбцевъ и книгъ Сибирскаго приказа» (2 вып., М., 1895—1898 гг.), которое значительно пополняетъ указанный нами пробѣлъ въ русской археографической литературѣ и нѣсколько оріентируетъ насъ въ громадной массѣ документовъ, оставшихся отъ дѣлопроизводства мѣстныхъ учрежденій Сибири. Авторъ разбираемаго труда, по собственному его выраженію, желалъ составить «архивное руководство» для занимающихся дѣлами Сибирскаго приказа; по его словамъ, однако, «оно чуждо всего того, что могло бы придать ему характеръ изслѣдованія». Задача г. Оглоблина состояла поэтому въ томъ, чтобы предложить читателямъ частью «указатели» документовъ Сибирскаго приказа, частью «обозрѣніе» ихъ. Съ такой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать второй выпускъ архивной работы г. Оглоблина, дающій намъ «понятіе о документахъ таможеннаго управленія» (М., 1898 г.) и подлежащій краткой оцѣнкѣ въ предлагаемомъ отзывѣ.

Надо замѣтить прежде всего, что трудъ г. Оглоблина содержитъ свѣдѣнія лишъ о тѣхъ столбцахъ и книгахъ Сибирскаго приказа, которые хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Хотя авторъ прямо нигдѣ не оговаривается, но, судя по ссылкамъ въ текстѣ своего обозрѣнія, онъ даже «вязками» этого приказа не пользовался, причемъ довольно случайнымъ образомъ мотивировалъ такой пріемъ (въ предшествующемъ выпускѣ) тѣмъ, что «онѣ въ связи съ дѣлами сената по исторіи Сибири XVIII вѣка составятъ въ будущемъ предметъ особаго обозрѣнія» (т. I); а между тѣмъ, тогда какъ столбцы и книги почти всѣ внесены въ инвентарь архива, большинство «вязокъ» остается до сихъ поръ почти безъ всякой описи [1]). Предоставляя себѣ право въ третьей части своего труда обозрѣть «документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія и населенія съ централь-

---

[1]) Описи имѣются только для 91 вязки изъ 251-ой.

нымъ управленіемъ и зачисляя сюда «самые многочисленные, разнообразные по содержанію и цѣнные документы Сибирскаго приказа — т. е. отписки» между прочимъ и по таможенному управленію[1]), г. Оглоблинъ оставилъ, конечно, безъ всякаго вниманія аналогичные документы, которые не трудно было розыскать и въ другихъ хранилищахъ. Такъ напр., упоминая объ «отпискахъ», посылаемыхъ воеводскимъ и таможеннымъ управленіемъ въ Сибирскій приказъ (стр. 74), онъ совершенно игнорируетъ позднѣйшія донесенія двухъ важнѣйшихъ сибирскихъ таможенъ: Верхотурской и Кяхтинской, хранимыхъ въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ въ С.-Петербургѣ[2]), хотя самъ же въ заглавіи своей книги указываетъ на то, что имѣетъ въ виду документы Сибирскаго приказа, относящіеся не только къ XVII вѣку, но и къ XVIII ст. до 1768 г. Итакъ, въ обозрѣніе г. Оглоблина попали исключительно столбцы и книги, но не вязки Сибирскаго приказа, хотя бы по содержанію ихъ и не слѣдовало рѣзко отличать отъ остальныхъ документовъ таможеннаго управленія въ Сибири. Естественно, что при такомъ пониманіи своей задачи г. Оглоблинъ не обратился къ крайне затруднительному впрочемъ просмотру бумагъ тѣхъ установленій, въ производствѣ которыхъ, могли бы оказаться дѣла, касавшіеся Сибирскаго приказа, а можетъ быть, и таможеннаго управленія въ Сибири; соглашаясь съ тѣмъ, что обозрѣніе ихъ «должно было бы» войти въ составъ его труда, авторъ, однако, отказался отъ выполненія имъ же самимъ признаваемой обязанности изъ боязни «значительно увеличить и безъ того большіе размѣры» своего сочиненія[3]); надо замѣтить, однако, что вторая часть его объемлетъ всего только десять печатныхъ листовъ.

Цѣль, которую преслѣдуетъ г. Оглоблинъ, обозрѣвая произвольно ограниченный имъ матеріалъ, едва ли можно считать вполнѣ ясно установленной. «Указатели», составленные авторомъ, не замѣняютъ, конечно, научно-сдѣланнаго описанія рукописей Сибирскаго приказа, такъ какъ они оказы-

---

[1]) Н. Оглоблинъ, Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, ч. I, М., 1895 г., стр. 11 и 12.

[2]) Н. Кайдановъ, Систематическій каталогъ дѣламъ Сибирскаго приказа и пр., Спб., 1888 г., стр. 20. Въ архивѣ имѣется до 12 вязокъ этихъ донесеній за 1755—1762 гг.

[3]) Самъ г. Оглоблинъ называетъ большинство такихъ установленій; въ томъ числѣ обращаютъ на себя вниманіе «Верхотурскій уѣздный судъ, Якутское областное правленіе, Иркутскій губернскій судъ и другія упраздненныя учрежденія Тобольской, Томской, Енисейской и др. Сибирскихъ губерній; бумаги перечисленныхъ дѣлопроизводствъ относятся къ XVII—XVIII вв. (Н. Оглоблинъ, Op. cit., ч. I, стр. 4—5). Дѣла упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ XVIII ст. составители Памятной книжки Архива Министерства Юстиціи признаютъ «важнымъ источникомъ при изученіи мѣстной исторіи гораздо болѣе ранняго времени, такъ какъ въ дѣлахъ XVIII-го вѣка (особенно касающихся землевладѣнія) почти постоянно встрѣчаются въ копіяхъ документы XVI и XVII вв.». (Памятн. кн. Московскаго архива Юстиціи, М., 1890 г., стр. 149).

ваются простыми перечнями столбцовъ и книгъ данной группы по мѣсту ихъ происхожденія и по времени ихъ составленія; при томъ, нѣкоторые изъ документовъ, обозрѣваемыхъ г. Оглоблинымъ, вовсе не попали въ указатели, ибо «всѣ перечислены въ его текстѣ» (стр. 47), а остальные точно не озаглавлены, да и объемъ ихъ (число листовъ) большею частью не означенъ (ср. стр. 41, 46). Вниманіе читателя, поэтому, должно быть въ одинаковой мѣрѣ устремлено какъ на «указатели», такъ и на текстъ обозрѣнія, въ извѣстной мѣрѣ восполняющій указанные нами пробѣлы; для справокъ, однако, не всегда удобно пользоваться и текстомъ, такъ какъ книга г. Оглоблина не снабжена ни таблицей основныхъ разновидностей обозрѣваемыхъ имъ документовъ, ни предметнымъ указателемъ.

Въ самомъ обозрѣніи слѣдуетъ отмѣтить пропуски, которыхъ нельзя было бы ожидать въ строго выполненномъ описаніи, но которые, можетъ быть, естественны въ «архивномъ руководствѣ». Самъ г. Оглоблинъ замѣчаетъ, напримѣръ, что «спеціальное изученіе таможенныхъ приходныхъ книгъ откроетъ ихъ гораздо больше» того числа разновидностей, какія извѣстны автору (стр. 28). Перечня «цѣновныхъ росписей ясака» онъ также не даетъ, ибо съ его точки зрѣнія эти документы «мелки и не существенны», а содержаніе ихъ всегда входитъ въ другія книги, уже ранѣе подвергнутыя «обозрѣнію». (стр. 74); такого же рода соображеніями авторъ руководствовался, «не подвергая подробному обозрѣнію таможенныхъ приходныхъ и соболиныхъ книгъ» (стр. 38). Нельзя не пожалѣть и о томъ, что г. Оглоблинъ иногда глухо отзывается о цѣнныхъ матеріалахъ описываемаго имъ собранія, и, наоборотъ, считаетъ возможнымъ въ другихъ мѣстахъ своей книги останавливаться на подробностяхъ, едва ли имѣющихъ существенное значеніе. Такъ, напримѣръ, чрезвычайно кратко отмѣчены книги, содержащія записи о сборѣ «вѣнишныхъ» денегъ, тогда какъ въ нихъ сообщены свѣдѣнія о томъ, кто (имена лицъ, званія, занятія) откуда и куда везетъ свои товары (стр. 37, 48); 10 таможенныхъ книгъ Ирбитской ярмарки (7204—1706 гг.) также упомянуты мимоходомъ, тогда какъ именно о сибирскихъ ярмаркахъ XVIII-го ст. у насъ пока нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній (стр. 28)[1]. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Оглоблинъ долго останавливается на обозрѣніи тѣхъ или другихъ документовъ, онъ не всегда удовлетворяетъ читателя: авторъ часто не даетъ полнаго перечисленія важнѣйшаго содержанія обозрѣваемаго имъ памятника, довольствуясь нѣсколькими примѣрами, послѣ которыхъ обыкновенно слѣдуетъ: «и др.» или «и проч.» (стр. 26, 27, 36, 37, 49, 52, 53, 62, 67, 69, 73, 97, 102, 120—121). Само собою разумѣется, что въ дѣлахъ Сибирскаго приказа

[1]) А. И., т. V, № 192.

есть не мало матеріала, главнѣйшее содержаніе котораго намѣтить очень трудно; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, вѣроятно, возможно было бы подыскать типичные примѣры, иллюстрирующіе его, г. Оглоблинъ порою оставляетъ такое впечатлѣніе въ читателѣ, что приводимыя имъ выписки сдѣланы нѣсколько на удачу (стр. 22, 32, 56, 62, 67 и 68). Тѣмъ болѣе досадно отмѣчать пробѣлы подобнаго рода въ трудѣ г. Оглоблина, что въ другихъ случаяхъ онъ едвали не съ излишнею подробностью останавливается на мелочахъ, не имѣющихъ большого значенія; такъ, напр., при описаніи «обыскной книги» Тобольской таможенной избы 144 г. авторъ приводитъ рядъ выписокъ изъ объясненій осматриваемыхъ людей о томъ, почему ихъ мягкая рухлядь не занесена въ «проѣзжія» грамоты; такія объясненія, о существованіи которыхъ мы уже знаемъ и по печатнымъ актамъ [1]), весьма уклончивы, не внушаютъ довѣрія и представляютъ мало характернаго; на основаніи же одной «рѣдкости» подобныхъ случаевъ, приводить ихъ не стоило (стр. 57). Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что и тотъ матеріалъ, который заслуженно подвергнутъ г. Оглоблинымъ внимательному «обозрѣнію», не всегда ясно представляется читателю. Такъ, напримѣръ, «поживотныя книги, по мнѣнію автора, говорятъ (?) о сборѣ поживотныхъ денегъ съ товаровъ, животовъ *и* капиталовъ торговыхъ и промышленныхъ людей». Далѣе авторъ «обозрѣваетъ» всего одну лишь «книгу приходную поживотную» Мангазейскихъ сборныхъ цѣловальниковъ 138 г., особенность которой состоитъ въ томъ, что «въ ней отсутствуетъ перечень товаровъ и животовъ, а вмѣсто того указывается только стоимость ихъ въ одной общей цифрѣ для всей партіи товаровъ у каждаго лица. У нѣкоторыхъ повидимому не было ни товаровъ, ни животовъ (т. е. подлежащихъ къ сбору) и они объявляли свои капиталы, назначавшіеся на промыслы или торговлю и съ этихъ капиталовъ также брались поживотныя деньги» (стр. 33). Въ чемъ состояло различіе между «животами, товарами и капиталами» г. Оглоблинъ не разъясняетъ; во всякомъ случаѣ, изъ его же словъ слѣдуетъ, что «деньги» иногда взимали или съ товаровъ, *или* съ капиталовъ. При описаніи таможенныхъ (общихъ) приходныхъ книгъ также встрѣчаются замѣчанія, едва ли отличающіяся надлежащею точностью. Въ означенныхъ книгахъ напримѣръ, по словамъ г. Оглоблина, содержатся свѣдѣнія о сборѣ «десятинной записной пошлины»; «записи этого сбора, продолжаетъ авторъ, говорятъ (?): кто (имя и званіе) откуда пріѣхалъ, что и сколько привезъ, сколько взято за товаръ десятой пошлины или не взято, если продавецъ заплатилъ десятую въ томъ городѣ, откуда пріѣхалъ и, если о томъ свидѣтельствовала его проѣзжая память» (стр. 22). Въ наказной

[1]) А. И., т. V, № 124 (стр. 206).

памяти Енисейскаго (?) таможеннаго головы одному изъ цѣловальниковъ на Ленскомъ волокѣ 1639 года мы находимъ едва ли не болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какими довольствуется г. Оглоблинъ. «И будетъ, читаемъ мы здѣсь, съ той рухляди въ тѣхъ городѣхъ, откуды пріѣдутъ, государева десятая пошлина не взята, и цѣловальнику Роспутѣ съ той рухляди имать на государя десятая пошлина; а будетъ съ того товару государева десятая пошлина взята въ тѣхъ городѣхъ, откуды пріѣдутъ, и съ того ихъ товару съ мягкой рухляди имать на государя порублевая пошлина, съ Енисѣйскихъ служилыхъ людей съ рубля по двѣ деньги, а съ иногородныхъ со всякихъ людей съ рубля по алтыну». Въ виду малого количества печатныхъ матеріаловъ о таможенномъ управленіи въ Сибири, трудно сказать, должно ли считать вышеприведенное правило наказной памяти 1639 года типическимъ для того времени; во всякомъ случаѣ его можно встрѣтить и въ другихъ актахъ позднѣйшаго происхожденія. Впрочемъ въ концѣ XVII-го вѣка уже въ видѣ общаго правила дѣйствовали новыя «статьи». Въ 1693—1698 гг. таможенные головы Сибирскихъ городовъ должны были взимать десятую съ продажи товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи, хотя бы въ выписяхъ и было написано, что пошлина съ нихъ уже взята въ «русскихъ городѣхъ»; сверхъ того они брали десятую жъ «перекупную» пошлину, а при проѣздѣ черезъ границу въ Китай требовали отъ купцовъ уплаты «пяти денегъ съ рубля»[1]). Въ Сибири десятинная пошлина, какъ видно, далеко не имѣла одного и того же значенія въ теченіе всего XVII-го вѣка и едвали можно предполагать, что бы при выше указанныхъ измѣненіяхъ ея «книги записной десятинной пошлины» оставались безъ всякихъ перемѣнъ. Далѣе такія же недоумѣнія вызываютъ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Оглоблинымъ о «поанбарной пошлинѣ, т. е. сборѣ за наемъ лавокъ въ государевомъ гостинномъ дворѣ; размѣръ сбора, продолжаетъ нашъ авторъ, зависѣлъ отъ срока найма. Такъ, 19 сентября взято 5 алт. 2 деньги съ такого то поанбарные пошлины сентября съ 1-го числа до сентября жъ по 19 число

[1]) А. И., т. V, № 124. Доп. къ А. И., т. II, № 67. П. С. З., т. III, № 1474. Въ наказѣ 1693 года статья 17-я редактирована не совсѣмъ ясно. Въ силу ея «люди, ѣхавшіе изъ Сибирскихъ порубежныхъ городовъ со всякими русскими товарами въ Китай или въ калмыцкіе улусы» и представившіе таможеннымъ головамъ выписи, въ которыхъ «тѣ товары написаны будутъ покупки русскихъ городовъ, а не Сибирскихъ», также должны были платить по десяти денегъ съ рубля; если выписи выдавали имъ при уплатѣ пошлины (о чемъ имѣются свѣдѣнія, напр., въ наказахъ того времени и въ статьяхъ 1698 г.; см. А. И., т. V, №№ 124 и 261; П. С. З., т. III, № 1654, стр. 511 и 515), то окажется, что и при провозѣ товаровъ изъ Россійскихъ городовъ въ Китай дѣйствовалъ тотъ же порядокъ, который былъ установленъ въ 1693 г. для Верхотурской таможни; память данная одному изъ Нерчинскихъ цѣловальниковъ въ 1697 г., не подтверждаетъ, однако, такого вывода (А. И., т. V, № 261). Какъ бы то ни было, наказъ 1693 г. былъ значительно измѣненъ въ 1698 г., когда между прочимъ пошлины: перекупная и по алтыну съ рубля были уничтожены; см. П. С. З., т. III, № 1654; А. И., т. V, № 284.

за 2 недѣли 4 дни» (стр. 23). Въ актахъ встрѣчаются, однако, указанія на существованіе въ Сибири «полавочной пошлины», (о которой г. Оглоблинъ, кажется, вовсе не упоминаетъ); ее иногда взимали въ размѣрѣ 8 денегъ съ человѣка на недѣлю, а за гостинный дворъ и за избу постоялаго съ пріѣзду и по отъѣздѣ по 1 рублю съ человѣка»[1]). Въ такія же таможенныя, приходныя книги, по замѣчанію г. Оглоблина, вносили записи и о сборѣ «помѣрные мелочи» съ хлѣбныхъ мелкихъ продажъ (стр. 24); но и этотъ сборъ точнѣе разъясняется однимъ изъ воеводскихъ наказовъ, въ которомъ прямо сказано: «а съ хлѣба съ всякаго имать помѣрнаго съ четьи по 4 деньги»[2]). Трудно предполагать, что въ обширныхъ матеріалахъ, какими пользовался г. Оглоблинъ, не нашлось такихъ же, болѣе точныхъ указаній на упоминаемые имъ сборы, что, разумѣется, дало бы читателю его обозрѣнія болѣе ясное понятіе и объ описываемомъ имъ родѣ таможенныхъ книгъ.

Въ предисловіи къ своему труду г. Оглоблинъ заявляетъ, что будетъ «чуждаться всего того, что носитъ названіе изслѣдованія».

Не знаемъ, можно ли было г. Оглоблину на этомъ основаніи совершенно отстранить отъ себя пользованіе печатными матеріалами, аналогичными съ тѣми, какіе онъ описываетъ въ своей книгѣ. При обозрѣніи «росписныхъ списковъ», напримѣръ, не мѣшало бы обратить вниманіе на отписки Чичуйскаго таможеннаго цѣловальника Я. Котельникова Якутскому воеводѣ Ф. Бибикову о пріемѣ Чичуйскаго острожка у прежняго цѣловальника и о посылкѣ въ Якутскъ собранныхъ въ таможнѣ соболей и денегъ[3]). Далѣе, перечисляя на нѣсколькихъ страницахъ своего труда рукописные сборники проѣзжихъ памятей, г. Оглоблинъ ни разу не указываетъ на то, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ такихъ актовъ можно найти въ общедоступныхъ изданіяхъ Археографической Коммиссіи[4]). Въ отдѣлѣ объ «обыскныхъ книгахъ« автору также слѣдовало бы упомянуть и о нѣсколькихъ «досмотрахъ» товаровъ, учиненныхъ таможенными головами и напечатаныхъ въ тѣхъ же изданіяхъ[5]). Наконецъ, хотя таможенныхъ приходныхъ книгъ разныхъ видовъ въ общераспространенныхъ сборникахъ актовъ пока еще, если не ошибаемся, не появлялось въ печати, но все же нѣкоторое понятіе о десятин-

---

[1]) А. И., т. V, № 124 (стр. 206); Доп. къ А. И., т. II, № 67 (1639 г.). Е. Осокинъ, Внутр. тамож. пошлины, Каз., 1850 г., стр. 59.

[2]) Доп. къ А. И., т. II, № 67. Такія пошлины, можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ позднѣе были замѣнены другими: при продажѣ хлѣба своей пахоты платили по 10 денегъ съ 1 руб., а при продажѣ перекупного по 1 гривнѣ съ 1 рубля; см. П. С. З., т. III, № 1474 (1693 г.).

[3]) А. от. до Ю. Б., т. II, стр. 616—618; Доп. къ А. И., т. IX, № 54 (1679 г.); срав. Доп. къ А. И., т. VIII, № 75 (1680 г.).

[4]) А. от. до Ю. Б., т. III, стр. 80—81.

[5]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 46; т. XII, № 28.

ныхъ книгахъ, напримѣръ, можно почерпнуть хотя бы въ напечатанныхъ росписныхъ спискахъ разныхъ воеводъ, гдѣ иногда встрѣчается отдѣлъ, озаглавленный: «таможенной десятинной мягкой рухляди сбору такого то таможеннаго головы съ таможенными цѣловальниками» [1]. Какъ ни ничтожны подобнаго рода указанія, они все же были бы умѣстны «въ архивномъ руководствѣ», авторъ котораго стремится дать «понятіе» читателю не только о формальныхъ признакахъ обозрѣваемыхъ источниковъ, но и о содержаніи ихъ.

Слѣдуетъ замѣтить, притомъ, что пользованіе печатными матеріалами, быть можетъ, иногда повліяло бы и на болѣе правильную оцѣнку г. Оглоблинымъ рукописныхъ документовъ Сибирскаго приказа. Такъ, напр., по мнѣнію автора, «особенно любопытна» запись объ осмотрѣ животовъ Березовскаго воеводы А. А. Плещеева-Мѣшкова, «ѣхавшаго съ Березова къ Руси черезъ камень»; у воеводы найдены были запретные мѣха въ подушкѣ, перинѣ, пуховикѣ, въ трехъ хомутинахъ «и пр.»; авторъ, очевидно, въ данномъ случаѣ забываетъ, что мы давно уже знаемъ о злоупотребленіяхъ подобнаго рода по печатнымъ актамъ, указывающимъ къ тому же на ихъ общераспространенность [2].

Охотно выступая въ своемъ сочиненіи не только въ качествѣ «руководителя», но и въ роли изслѣдователя», самъ г. Оглоблинъ даетъ намъ право и съ этой точки зрѣнія подвергнуть его «обозрѣніе» краткой оцѣнкѣ. Такъ, напримѣръ, группировка документовъ Сибирскаго приказа, хотя бы по одному мѣстному управленію, вызвала со стороны г. Оглоблина нѣсколько замѣчаній объ отношеніяхъ воеводъ къ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ. «Таможенныя избы, читаемъ мы въ предисловіи къ его обозрѣнію, были подчинены въ Сибири воеводскому управленію, но съ значительною долею самостоятельности и какъ бы равноправности съ приказными избами» (стр. 3). Автору не мѣшало бы въ данномъ случаѣ припомнить, что указываемая имъ «самостоятельность» по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ дѣлъ возникла довольно поздно. Лишь въ одномъ изъ царскихъ указовъ 1646 года встрѣчаемъ мы распоряженіе о томъ, чтобы «нынѣ во всѣхъ Сибирскихъ городѣхъ, опричь Тобольска, воеводамъ нашимъ и діякамъ и подьячимъ торговыхъ и промышленныхъ людей проѣздомъ не вѣдать»; съ того времени таможеннымъ головамъ съ выборными цѣловальниками и поручено было выдавать и «печатать» проѣзжія грамоты такимъ людямъ, отпускать ихъ со всякими товарами и взимать съ нихъ печатныя пошлины. Какъ видно, однако, даже и послѣ указа 1646 г. за Тобольскими воеводами

---

[1] Доп. къ А. И., т. VI, № 116 (стр. 358—359); ср. Рус. Ист. Библ., т. VIII, № 12.
[2] А. И., т. V, № 30; Доп. къ А. И., т. VIII, № 64. П. С. З, т. III, № 1443.

все же осталось довольно существенное полномочіе по таможеннымъ дѣламъ, въ другихъ городахъ уже переданное въ вѣдомство таможенныхъ избъ[1]). Впрочемъ г. Оглоблинъ, конечно, признаетъ «подчиненность головъ воеводамъ», но упоминаетъ лишъ о нѣкоторыхъ изъ ея частныхъ проявленій: она сказывалась, по мнѣнію автора, во 1-хъ, въ томъ, что «результаты дѣятельности таможенныхъ избъ обязательно сообщались воеводѣ; отчеты объ ихъ дѣятельности вносились воеводами въ ихъ финансовые отчеты по воеводству, а въ полномъ видѣ отсылались въ Сибирскій приказъ», и во 2-хъ «въ правѣ воеводъ привлекать головъ къ участію въ разныхъ хозяйственныхъ и торговыхъ операціяхъ воеводскаго управленія» (стр. 3—4). Приведенныя замѣчанія отличаются довольно случайнымъ характеромъ: головы, вѣроятно, вообще подчиненные надзору воеводъ, которые иногда выдавали имъ даже наказы и пошлинные тарифы[2]), отвѣчали также передъ ними въ своихъ злоупотребленіяхъ[3]). Г. Оглоблинъ счелъ нужнымъ не только выдѣлить дѣла по таможенному управленію изъ воеводскихъ, но и присоединить къ нимъ производства кружечныхъ дворовъ. Дѣйствительно, чаще всего таможенные головы были вмѣстѣ съ тѣмъ и кружечными (стр. 81); «когда именно это произошло, прибавляетъ авторъ, не знаю. . .»; во всякомъ случаѣ, примѣры соединенія обѣихъ должностей въ одномъ лицѣ на сѣверѣ Россіи можно подыскать еще въ первой половинѣ XVII в.[4]). Въ дальнѣйшей группировкѣ обозрѣваемаго имъ матеріала по болѣе мелкимъ видамъ г. Оглоблинъ также старается придерживаться скорѣе научнаго дѣленія, описывая въ гл. XV «таможенные административные документы», въ гл. XVI таможенныя приходныя и соболиныя книги, въ гл. XVII отпускныя и обыскныя книги, далѣе, въ гл. XVIII разные таможенные документы (земскія приходныя и расходныя книги, таможенную расходную книгу, товарныя цѣновныя росписи, табашныя книги, мѣновныя книги, документы о китайскихъ товарахъ, книги выдѣльной рыбы, записныя книги судамъ, разные документы) и, наконецъ, въ гл. XIX—документы кружечныхъ дворовъ. Не вездѣ, однако, выдержанъ принципъ дѣленія; самъ авторъ признается, что «если бы группа земскихъ приходныхъ книгъ была болѣе значительныхъ размѣровъ, тогда слѣдовало бы выдѣлить ее въ самостоятельный отдѣлъ, присоединивши къ нему земскіе документы,

---

1) А. И., т. IV, № 8. А. Э., т., IV, № 291.

2) А. И., т. IV, №№ 8 и 150; т. V, №№ 30 и 124; Доп. къ А. И., т. VIII, №№ 75 и 111 ср. Н. Оглоблинъ, Op. cit., ч. I, стр. 44. Впрочемъ, они часто получали ихъ и прямо изъ Сибирскаго приказа — «за дьячьими приписьми»; см., напр., А. И., т. IV, №№ 182 и 197 А. от. до. Ю. Б., т. I, стр. 355; П. С. З., т. III, №№ 1443 и 1471.

3) А. И., т. III, № 196; т. V, № 212.

4) Доп. къ А. И., т. III, № 55.

указанные въ первой части» (стр. 64) и, такимъ образомъ, смѣшиваетъ теоретическую точку зрѣнія съ практической. Въ большинствѣ изъ вышеприведенныхъ замѣчаній г. Оглоблина нельзя не видѣть слѣды предварительнаго изслѣдованія, которое онъ не желаетъ, однако, взять на свою отвѣтственность.

Въ обозрѣніи, кромѣ того, встрѣчаются случаи, когда г. Оглоблинъ пытается объяснить описываемый имъ матеріалъ и дѣлаетъ изъ него выводы. Такъ, напримѣръ, малое количество росписныхъ списковъ авторъ «объясняетъ» тѣмъ, что «они имѣли для головъ значеніе оправдательныхъ документовъ и въ качествѣ таковыхъ увозились ими на родину» (стр. 6). Извѣстно, однако, что «пріемъ казны совершался обыкновенно подъ надзоромъ воеводы и росписной списокъ отдавался въ съѣзжую избу иногда въ двойномъ экземплярѣ, изъ которыхъ одинъ посылался въ Москву»[1]. Въ изданныхъ актахъ, мы находимъ свѣдѣнія о такомъ порядкѣ сдачи, что и заставляетъ насъ нѣсколько усумниться въ безусловной правильности, «объясненія», предлагаемаго г. Оглоблинымъ. Въ другихъ мѣстахъ своей книги авторъ приводитъ извѣстія объ «артеляхъ» (стр. 31, 32, 34, 43, 104—105); едва ли, однако, сами документы оправдываютъ во всѣхъ случаяхъ его заключенія; одно изъ нихъ, напр., основано, повидимому, лишъ на томъ, что люди, упоминаемые на извѣстномъ «кочю», «платятъ всѣ поровну 20 алтынъ, каждый за себя»; рѣчь идетъ о поголовныхъ деньгахъ (стр. 105), что едва ли достаточно для того, чтобы назвать такую группу лицъ «артелью»; да и самымъ терминомъ авторъ едва ли всегда пользуется съ должною осторожностью. Возьмемъ еще одинъ примѣръ толкованій г. Оглоблина: говоря о частой смѣнѣ лицъ, которымъ поручено было винное куреніе, онъ разъясняетъ её тѣмъ, что дѣло подобнаго рода «поручалось тому или другому лицу какъ бы въ видѣ награды» (стр. 83); но, пожалуй, съ большимъ правомъ можно сказать, что при смѣнѣ чиновниковъ правительство имѣло въ виду не столько награду за ихъ службу, сколько контроль за ихъ дѣятельностью; по крайней мѣрѣ такъ оно поступало во многихъ случаяхъ подобнаго рода. «Объясненія» г. Оглоблина, тамъ, гдѣ онъ не ограничивается общими фразами (стр. 50), какъ видно, далеко не всегда можно признать удачными.

Предположенія его также мало обоснованы; такъ, напр., г. Оглоблинъ считаетъ невозможнымъ, чтобы крестьяне Н. и Д. Пахомовы торговали на сумму въ 1196 р. (стр. 31) а между тѣмъ самъ приводитъ указаніе на то, что у одного изъ крестьянъ кн. Я. К. Черкасскаго оказалось «мягкіе рухляди» на 983 р. слишкомъ; (стр. 59); можно было бы припомнить извѣ-

---

[1]) Б. Чичеринъ, Областныя учрежденія, стр. 424; см. еще: П. С. З., т. III, № 1443.

стія о нѣкоторыхъ изъ крестьянъ боярина Б. И. Морозова, торговые обороты которыхъ превышали только что указанные[1]).

Назначеніе выборныхъ людей въ чужіе имъ города г. Оглоблинъ признаетъ «очень разумнымъ правиломъ»... что «дѣлало таможенныхъ головъ болѣе независимыми отъ мѣстныхъ воеводъ и разныхъ мѣстныхъ вліяній» (стр. 4). Кто припомнитъ, что подобное мѣропріятіе «совершенно уничтожало вліяніе земскихъ людей, которые могли отвѣтствовать только за собственныхъ мѣстныхъ выборныхъ» и что оно вовсе не уничтожило злоупотребленій головъ, тотъ едва ли назоветъ такое правило «очень разумнымъ», если вообще согласится вмѣстѣ съ г. Оглоблинымъ съ нашей современной точки зрѣнія оцѣнивать старинные порядки.

Наконецъ, еще менѣе выигрываетъ трудъ г. Оглоблина отъ тѣхъ сужденій, какія онъ произноситъ *по поводу* сообщаемыхъ имъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, весьма подробно приводя опись архива Мангазейской таможни, г. Оглоблинъ присовокупляетъ къ своему «обозрѣнію» слѣдующее разсужденіе: «Мнѣ думается, что въ этомъ маленькомъ фактѣ изъ жизни этихъ маленькихъ людей кроется намекъ на нѣкоторую культурность ихъ... Оцѣнка всей ихъ дѣятельности на пользу государства внесетъ очень крупные и во многомъ новые штрихи въ характеристику русской жизни XVII вѣка.... Любопытно особенно было бы провести параллель между службами земли этихъ государственныхъ сиротъ и службами государевыхъ холопей — служилыхъ людей; крайне поучительные получились бы выводы?» (стр. 8—9). Мы совершенно отказываемся понять, на что собственно намекаетъ здѣсь авторъ; въ такихъ отступленіяхъ онъ едва ли не выходитъ за предѣлы научнаго объясненія собраннаго имъ матеріала.

Не смотря на вышеуказанные недостатки, препятствующіе назвать «Обозрѣніе» г. Оглоблина безусловно полнымъ и считать его совершенно принаровленнымъ къ потребностямъ научно-исторической техники, всю работу въ цѣломъ слѣдуетъ признать полезнымъ вкладомъ въ современную русскую археографическую литературу. Авторъ пересмотрѣлъ значительное число документовъ, самый обширный отдѣлъ которыхъ, а именно таможенныя «приходныя и соболиныя» книги, обнимаетъ до 1114 нумеровъ и группировалъ рукописи въ своемъ «обозрѣніи» въ общихъ чертахъ довольно правильно; въ предѣлахъ каждой группы авторъ помѣстилъ однородный матеріалъ, не рѣдко разсыпанный по разнымъ столбцамъ и книгамъ, что, разумѣется, значительно облегчитъ послѣдующую задачу изслѣдователя. Наконецъ, не довольствуясь указаніемъ на формальные признаки столбцовъ

---

[1]) И. Забѣлинъ, Большой бояринъ въ его хозяйствѣ въ В. Е. за 1871 г., № 2, стр. 476—477.

и книгъ Сибирскаго приказа, г. Оглоблинъ попытался ознакомить читателя съ ихъ содержаніемъ, что, во всякомъ случаѣ, будетъ принято съ благодарностью будущими изслѣдователями исторіи Сибири.

Такъ какъ первая часть труда г. Оглоблина, посвященная обозрѣнію «документовъ воеводскаго управленія» и имѣющая совершенно однородный характеръ, была уже удостоена Академіею Сибиряковской преміи, то и нѣтъ повода разсуждать, на сколько подготовительная такого рода разработка матеріаловъ подходитъ подъ условія премій, выраженныя въ положеніи. Для устойчиваго, прочнаго и твердаго движенія науки впередъ въ данной области, нужно, напротивъ, прямо пожелать, чтобы такія занятія продолжались и впредь, и находили себѣ въ будущемъ такое же признаніе среди возникающей ученой корпораціи Томскаго университета, — къ юридическому факультету котораго отнынѣ перейдетъ право присужденія премій Сибирякова, принадлежавшее доселѣ Академіи Наукъ. Само собою разумѣется, что и недостатки, съ тщаніемъ отмѣченные въ трудѣ г. Оглоблина такимъ большимъ знатокомъ дѣла и такимъ всегда строгимъ судьей, какъ мой ученый другъ, — будемъ надѣяться, — легче будутъ избѣгаемы послѣ сдѣланныхъ опытовъ. Академія признаетъ за г. Оглоблинымъ право на полученіе искомой преміи.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. Томъ IV. № 4.
CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE. Volume IV. № 4.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ

ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1898 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopof à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 40 к. — Prix: 1 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

29 ДЕКАБРЯ 1898 ГОДА

НЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ, АКАДЕМИКОМЪ **Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ**.

На соисканіе премій имени графа Д. А. Толстого было представлено пять сочиненій, по оцѣнкѣ которыхъ Академія постановила выдать премiи нижеслѣдующимъ двумъ:

I. Л. Бессеръ и К. Баллодъ. Смертность, возрастный составъ и долговѣчность православнаго народонаселенія обоего пола въ Россіи за 1851—1890 годы, съ приложеніями: Смертность, возрастный составъ и долговѣчность во Франціи за 1882—1886 г., — Прибалтійскаго края за 1880—1883 г., — Пруссіи и Баваріи за 1881—1890 г., и Англіи, Бельгіи и Австріи за 1880—1890 г. Спб. 1897.

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя уважаемый нашъ сочленъ, академикъ К. С. Веселовскій.

Явившееся нынѣ на соисканіе преміи графа Д. А. Толстого сочиненіе гг. Бессера и Баллода, было представляемо Академіи еще въ рукописи, въ сентябрѣ 1895 г. и, по разсмотрѣніи его, найдено на столько заслуживающимъ вниманія, что удостоилось помѣщенія въ ея „Запискахъ". Поэтому здѣсь достаточно лишь напомнить о тѣхъ качествахъ этого труда, которыя послужили основаніемъ для столь лестной оцѣнки его со стороны Академіи.

Вопросъ о величинѣ смертности въ странѣ, какъ наиболѣе прямомъ показателѣ степени народнаго благосостоянія, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. А между тѣмъ, въ примѣненіи къ Россіи, онъ представляетъ такую задачу, которая, по состоянію у насъ необходимыхъ для ея изслѣдованій матеріаловъ, еще не поддается точному рѣшенію. Неполнота и неточность статистическихъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ метрическихъ записей о родившихся и умершихъ, вынуждаютъ прибѣгать, при вычисленіи законовъ смертности, къ разнаго рода болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, допущеніямъ и интерполяціямъ, которыми хотя и удается восполнить въ нѣкоторой степени, гипотетически, недостающее въ основныхъ данныхъ, но никакъ не можетъ быть вполнѣ устранено вліяніе ихъ недостаточности. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія задачи о законахъ смертности въ Россіи явилась та разнорѣчивость результатовъ сдѣланныхъ доселѣ изслѣдованій по этому предмету, которая потребовала новаго пересмотра вопроса. Извѣстно, что нашъ достославный математикъ, академикъ В. Я. Буняковскій, въ цѣломъ рядѣ записокъ, напечатанныхъ имъ въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ въ нашихъ изданіяхъ, представилъ какъ выводъ изъ своихъ вычисленій, что степень смертности въ православномъ народонаселеніи Россіи не бо́льшая, чѣмъ въ сосѣднихъ намъ странахъ Европы, и въ особенности въ Пруссіи. Этотъ столь благопріятный выводъ не замедлилъ вызвать сомнѣніе, въ особенности въ медицинскихъ кругахъ, ближе знакомыхъ съ санитарными условіями у насъ народной жизни. Такое сомнѣніе получило для себя оправданіе въ изслѣдованіяхъ другого отличнаго математика: доцентъ Страсбургскаго университета, ученикъ и послѣдователь знаменитаго профессора Лексиса, Вл. Борткевичъ, въ двухъ статьяхъ, украсившихъ наши „Записки" въ 1890 и 1891 годахъ, строгимъ математическимъ анализомъ имѣющихся у насъ статистическихъ данныхъ, приведенъ былъ къ выводамъ, по которымъ степень смертности того же народонаселенія менѣе выгодна, чѣмъ въ Германіи и особенно въ Пруссіи. Такое существенное разногласіе по

отношенію къ столь важному вопросу требовало разъясненія путемъ новаго, подробнаго и обширнаго изслѣдованія; таковымъ и является работа, представленная нынѣ гг. Бессеромъ и Баллодомъ для соисканія преміи графа Д. А. Толстого.

Критически разобравъ и провѣривъ всѣ методы, примѣненные доселѣ къ исчисленію русской смертности и произведя за болѣе продолжительный періодъ времени опредѣленіе этой смертности помощью пріемовъ, признаваемыхъ ими наиболѣе цѣлесообразными, они пришли къ выводамъ въ сущности близко подходящимъ къ выводамъ г. Борткевича, такъ что разницы между полученными ими величинами русской смертности и выведенными симъ послѣднимъ менѣе значительны, чѣмъ между выводами ихъ и г. Борткевича и опредѣленіями Буняковскаго. Это согласіе выводовъ, полученныхъ двумя, равно тщательными и независимо одно отъ другого произведенными изслѣдованіями, составляетъ важный шагъ къ точнѣйшему познанію русскаго народонаселенія съ біометрической стороны. Отнынѣ бо̀льшая смертность этого народонаселенія сравнительно съ другими европейскими странами получаетъ значеніе факта установленнаго наукою, факта важнаго, долженствующаго вызвать дальнѣйшія изысканія о причинахъ этого невыгоднаго для насъ явленія.

Къ этому должно прибавить, что при той полнотѣ, какую гг. Бессеръ и Баллодъ дали своей работѣ, введя въ нее, для большей поучительности, сравненіе Россіи по степени смертности, по возрастному составу народонаселенія и по долговѣчности съ другими странами Европы, ихъ сочиненіе представило собою и по размѣрамъ своимъ трудъ почтенный, достойный вниманія и поощренія.

На основаніи изложеннаго Академія постановила наградить сочиненіе гг. Л. Бессера и К. Баллода большою почетною золотою медалью.

II. П. Г. Мацокинъ. Метисы Забайкалья (рукоп.).

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя почетный членъ Академіи Д. Н. Анучинъ.

Изученіе помѣсей между человѣческими расами составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ задачъ антропологіи. Къ сожалѣнію, это изученіе, можно сказать, только намѣчено; обстоятельныхъ, детальныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи произведено еще очень мало. Объясняется это отчасти позднимъ развитіемъ антропологіи вообще, отчасти—трудностью выдѣлить различныя степени метисаціи и установить чистые расовые типы. Кровное смѣшеніе различныхъ племенъ и расъ происходило съ глубокой древности, вызывая варіаціи типовъ и содѣйствуя умноженію переходныхъ формъ. Въ особенности это примѣнимо къ странамъ, въ которыхъ сталкивалось большое число племенъ, то вступавшихъ между собою въ борьбу и подчинявшихъ одно другихъ силою, то сливавшихся постепенно въ одну народность и усваивающихъ себѣ общую культуру.

Смѣшеніе и метисація племенъ играли, несомнѣнно, важную роль и въ исторіи образованія русской народности. Съ глубокой древности славяно-русскія племена приходили въ соприкосновеніе съ племенами финскими и тюркскими, болѣе или менѣе смѣшивались съ ними, а также воспринимали ихъ въ себя. Смѣшеніе происходило отчасти кровнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, отчасти путемъ усвоенія инородцами русскаго языка, вѣры и образа жизни. Все это, несомнѣнно, должно было способствовать бо̀льшей варіаціи типовъ въ предѣлахъ русской народности и измѣненію ея общаго облика въ теченіе ряда поколѣній. Впрочемъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такое измѣненіе типа обусловливалось исключительно смѣшеніемъ и метисаціей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что типъ можетъ измѣняться съ вѣками, помимо метисаціи, подъ вліяніемъ условій жизни и процесса, соотвѣтствующаго естественному отбору. Съ другой стороны, результаты метисаціи могутъ быть весьма различны, въ зависимости отъ степени устойчивости типовъ, отъ преобладанія въ потомствѣ той или другой крови, отъ болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго возврата (реверсіи) къ типамъ производителей.

„Вліяніе метисаціи — говоритъ ученый рецензентъ — можетъ быть изучаемо всего удобнѣе въ такихъ областяхъ, гдѣ она нача-

лась сравнительно недавно, гдѣ смѣшивающіяся племена рѣзче обособлены между собою и гдѣ притомъ они представлены еще, каждое, довольно чистыми типами. Одною изъ такихъ областей является, безспорно, Сибирь, въ особенности же Забайкалье, гдѣ мы находимъ, съ одной стороны, коренное населеніе бурятъ, представителей монгольской расы, — съ другой продукты смѣшенія съ ними пришлыхъ колонизаторовъ, русскихъ, и, наконецъ, обособленное русское населеніе, въ лицѣ раскольниковъ, „семейскихъ", явившихся въ область, какъ показываетъ самое прозвище, съ семьями, и сохранившихъ до сихъ поръ свою обособленность, благодаря ихъ религіозной замкнутости, не допускающей брачнаго общенія не только съ бурятами, но и съ православными русскими. Присутствіе въ Забайкальи „семейскихъ" значительно облегчаетъ здѣсь сравнительно-антропологическое изученіе типовъ. Конечно, можно было бы воспользоваться для подобнаго сравненія какою либо другою группою русскаго населенія, свободною отъ всякой бурятской примѣси и живущею въ отдаленіи отъ Забайкалья, напр., гдѣ либо въ Европейской Россіи, но это, во всякомъ случаѣ, затрудняло бы непосредственное сравненіе. Благодаря же присутствію „семейскихъ", изслѣдователь можетъ изучать въ самомъ краѣ, иногда даже въ одномъ пунктѣ, представителей всѣхъ трехъ, антропологически разнящихся между собою, категорій населенія области.

„До послѣдняго времени, однако, никому не приходило въ голову воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для сравнительно-антропологическаго изученія. Впрочемъ, и вообще научное изученіе восточно-сибирскаго населенія началось лишь весьма недавно".

Главной задачей г. Мацокина было выясненіе типа метисовъ, продуктовъ кровнаго смѣшенія русскихъ съ бурятами, путемъ систематическаго изслѣдованія извѣстнаго числа мужскихъ особей, какъ изъ среды помѣсей, такъ и изъ двухъ категорій племенъ-производителей. Объектами изслѣдованій служили: для бурятъ — 50 нижнихъ чиновъ забайкальской № 1 казачьей конно-артиллерійской батареи и сборной сотни, состоящей исключительно изъ бурятъ I Военнаго отдѣла казачьихъ войскъ области;

для „семейскихъ“ — 65 нижнихъ чиновъ 4-го Восточно-сибирскаго линейнаго батальона, означенныхъ въ спискѣ раскольниками и подтвердившихъ это при распросахъ; наконецъ, для метисовъ — 65 нижнихъ чиновъ того же батальона, непринадлежащихъ къ числу раскольниковъ, и которыхъ можно было признать за помѣсей, „какъ на основаніи отвѣта ихъ „я сибирякъ“, такъ равно и при наличности тѣхъ или иныхъ бурятскихъ особенностей въ типѣ“.

Г. Мацокинъ знакомитъ въ началѣ своего труда съ пріемами своихъ антропологическихъ изслѣдованій. Эти пріемы, по употреблявшимся при нихъ инструментамъ и выбору измѣреній, не вполнѣ соотвѣтствуютъ нынѣ установившимся, какъ это и признаетъ самъ авторъ. „Самымъ больнымъ мѣстомъ въ моей работѣ — говоритъ онъ — остаются нѣкоторые пробѣлы и недостатки, состоящіе главнымъ образомъ въ томъ, что кое-какія измѣренія производились отличнымъ отъ общеустановленныхъ пріемовъ способомъ; но единство такихъ способовъ, выдержанныхъ по отношенію ко всѣмъ 180 особямъ Забайкалья, нисколько, надо полагать, не умаляетъ достоинства итоговъ, которые по этому могутъ въ достаточной степени служить вопросу о разрѣшеніи намѣченной этюдомъ цѣли“.

Тѣмъ не менѣе, своеобразность принятой авторомъ схемы затрудняетъ сравненіе его данныхъ съ имѣющимися относительно другихъ племенъ и не даетъ отвѣта на нѣкоторые вопросы. Объясняется же эта своеобразность тѣмъ, что авторъ, приступивъ къ своимъ изслѣдованіямъ, не былъ достаточно знакомъ съ антропологической литературою и съ антропометрическими инструкціями, и познакомился съ ними уже позже, при обработкѣ своего труда. Познакомивъ съ пріемами своихъ измѣреній, авторъ даетъ краткій географическій и историческій обзоръ Забайкальской области, а затѣмъ переходитъ къ подробному антропологическому описанію избранныхъ имъ трехъ группъ, на основаніи результатовъ своихъ изслѣдованій надъ указаннымъ выше числомъ особей. Описаніе это весьма подробно и сопровождается детальными таблицами измѣреній.

Разсмотрѣвъ типы раскольниковъ и бурятъ, авторъ останавливается на сибирякахъ-метисахъ и отмѣчаетъ въ нихъ черты сходства съ бурятами съ одной стороны, и съ „семейскими“, съ другой. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что метисы представляютъ собою особый типъ, занимающій среднее положеніе между типами производителей.

„Несмотря на нѣкоторые недостатки и промахи, говоритъ Д. Н. Анучинъ, трудъ г. Мацокина представляетъ интересъ, какъ первая попытка систематическаго изученія продуктовъ метисаціи между русскими и инородцами (монгольской расы), при чемъ авторъ руководился раціональнымъ методомъ — сравненія типа помѣсей съ типами расъ производителей, въ ихъ болѣе чистыхъ группахъ. Если результаты изслѣдованій автора въ этомъ направленіи и нуждаются еще въ провѣркѣ, если группа сибиряковъ-метисовъ и требуетъ еще болѣе тщательнаго анализа, какъ по отношенію къ ея составу и образованію, такъ и ея отличительныхъ признаковъ, то, во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю нельзя будетъ игнорировать сопоставленій г. Мацокина, а въ особенности указанной имъ устойчивости этой группы и ея промежуточнаго положенія между типами производителями“.

Въ виду этого Академія постановила присудить П. Г. Мацокину малую золотую медаль и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить благодарность своему почетному члену Д. Н. Анучину.

Отзывъ о соч. П. Г. Мацокина:

Антропологическій этюдъ. Метисы Забайкалья.

1898. (Рукопись). 556+2 стр.

Рецензія **Д. Н. Анучина**.

Изученіе помѣсей между человѣческими расами составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ задачъ антропологіи. Къ сожалѣнію, это изученіе, можно сказать, только намѣчено; обстоятельныхъ детальныхъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи произведено еще очень мало. Объясняется это, отчасти, позднимъ развитіемъ антропологіи вообще, отчасти — трудностью выдѣлить различныя степени метисаціи и установить чистые расовые типы. Кровное смѣшеніе различныхъ племенъ и расъ происходило съ глубокой древности, вызывая варіаціи типовъ и содѣйствуя умноженію переходныхъ формъ. Въ особенности это примѣнимо къ странамъ, въ которыхъ сталкивалось бо́льшее число племенъ, то вступавшихъ между собою въ борьбу и подчинявшихъ одно другихъ силою, то сливавшихся постепенно въ одну народность и усваивавшихъ себѣ общую культуру.

Смѣшеніе и метисація племенъ играли, несомнѣнно, важную роль и въ исторіи образованія русской народности. Съ глубокой древности славяно-русскія племена приходили въ соприкосновеніе съ племенами финскими и тюркскими, болѣе или менѣе смѣшивались и сливались съ ними, а также воспринимали въ себя кровь другихъ народностей, западныхъ и восточныхъ, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, или представители коихъ усваивали себѣ русскую культуру. Смѣшеніе происходило отчасти кровнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, отчасти путемъ усвоенія инородцами русскаго языка, вѣры и образа жизни. Все это, несомнѣнно, должно

было способствовать бо́льшей варіаціи типовъ въ предѣлахъ русской народности и измѣненію ея общаго облика въ теченіи ряда поколѣній. Впрочемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такое измѣненіе типа обусловливалось исключительно смѣшеніемъ и метисаціей. Есть нѣкоторое основаніе думать, что типъ можетъ измѣняться съ вѣками помимо метисаціи, подъ вліяніемъ условій жизни и процесса, соотвѣтствующаго естественному отбору. Съ другой стороны, результаты метисаціи могутъ быть весьма различны, въ зависимости отъ степени устойчивости типовъ, отъ преобладанія въ потомствѣ той или другой крови, отъ болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго возврата (реверсіи) къ типамъ производителей.

Вліяніе метисаціи можетъ быть изучаемо всего удобнѣе въ такихъ областяхъ, гдѣ она началась сравнительно недавно, гдѣ смѣшивающіяся племена рѣзче обособлены между собою и гдѣ притомъ они представлены еще, каждое, довольно чистыми типами. Одною изъ такихъ областей является, безспорно, Сибирь, въ особенности Забайкалье, гдѣ мы находимъ, съ одной стороны, коренное населеніе, бурятъ, представителей монгольской расы, — съ другой — продукты смѣшенія съ ними пришлыхъ колонизаторовъ, русскихъ, и, наконецъ, обособленное русское населеніе, въ лицѣ раскольниковъ «семейскихъ», явившихся въ область, какъ показываетъ уже самое ихъ прозвище, съ семьями, и сохранившихъ до сихъ поръ свою обособленность, благодаря ихъ религіозной замкнутости, не допускающей брачнаго общенія не только съ бурятами, но и съ православными русскими. Присутствіе въ Забайкальи «семейскихъ» значительно облегчаетъ здѣсь сравнительно-антропологическое изученіе типовъ. Конечно, можно было бы воспользоваться для такого сравненія какою либо другою группою русскаго населенія, свободною отъ всякой бурятской примѣси и живущею въ отдаленіи отъ Забайкалья, напр., гдѣ либо въ Европ. Россіи, но это, во всякомъ случаѣ, затруднило бы непосредственное сравненіе. Благодаря же присутствію «семейскихъ» изслѣдователь можетъ изучать въ самомъ краѣ, иногда даже въ одномъ пунктѣ, представителей всѣхъ трехъ, антропологически разнящихся между собою, категорій населенія области.

До послѣдняго времени однако никому не приходило въ голову воспользоваться этимъ условіемъ для сравнительно-антропологическаго изученія. Впрочемъ, и вообще научное изученіе восточно-сибирскаго населенія началось лишь весьма недавно. За послѣднее время появились однако диссертаціи: д-ра И. И. Шендриковскаго — о бурятахъ-селенгинцахъ (1894) и д-ра М. Т. Поротова — о бурятахъ-аларцахъ (1895), которыя, съ присоединеніемъ къ нимъ монографіи А. А. Ивановскаго — о монголахъ-торгоутахъ (1893) и описаній бурятскихъ череповъ Н. М. Маліева, А. П. Богданова и др., даютъ достаточное понятіе о монголо-бурятскомъ

типѣ. Гораздо скуднѣе данныя, имѣющіяся о русскомъ населеніи той же области. На замѣтную примѣсь въ немъ бурятской крови указывали еще Гмелинъ и Палласъ; подробнѣе говорилъ о томъ же, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Щаповъ; тѣмъ не менѣе, систематическихъ наблюденій не производилъ никто, и г. Мацокинъ былъ, повидимому, первымъ, рѣшившимся на спеціальное изученіе русскаго населенія Забайкалья.

Главной задачей г. Мацокина было выясненіе типа метисовъ, продуктовъ кровнаго смѣшенія русскихъ съ бурятами, путемъ систематическаго изслѣдованія извѣстнаго числа мужскихъ особей какъ изъ среды помѣсей, такъ и изъ двухъ категорій племенъ-производителей. Объектами изслѣдованій служили: для бурятъ—50 нижнихъ чиновъ Забайкальской № 1 казачьей конно-артиллерійской батареи и сборной сотни, состоящей исключительно изъ бурятъ I Военнаго отдѣла казачьихъ войскъ области; для «семейскихъ»—65 нижнихъ чиновъ 4-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона, отмѣченныхъ въ спискѣ раскольниками и подтвердившихъ это при распросахъ; наконецъ, для метисовъ—65 нижнихъ чиновъ того же батальона, не принадлежащихъ къ числу раскольниковъ, и которыхъ можно было признать за помѣсей, «какъ на основаніи отвѣта ихъ — «я сибирякъ», такъ равно и при наличности тѣхъ или иныхъ бурятскихъ особенностей въ типѣ». Къ сожалѣнію, у автора, даже въ подробныхъ спискахъ измѣреній, не указано, изъ какихъ именно селеній (или городовъ) были родомъ изслѣдованные имъ «семейскіе» и «сибиряки». Жаль также, что авторъ не постарался собрать возможно болѣе подробныхъ свѣдѣній (историческихъ, изъ мѣстныхъ преданій, изъ разспросовъ) относительно происхожденія и времени прибытія въ край обѣихъ этихъ категорій населенія. Авторъ называетъ тѣхъ и другихъ великоруссами, но считаетъ «семейскихъ» болѣе чистымъ типомъ, остающимся безъ примѣси со времени поселенія въ Забайкальи (около 1756 г.), и, вѣроятно, бывшимъ таковымъ и ранѣе, въ Европейской Россіи, гдѣ раскольники обособились еще въ половинѣ XVII вѣка. Авторъ, впрочемъ, упоминаетъ, что семейскіе принадлежатъ къ разнымъ толкамъ, и, дѣйствительно, между ними имѣются какъ пріемлющіе священство, такъ и непріемлющіе его, т. е. безпоповцы. Съ другой стороны, извѣстно, что переселеніе раскольниковъ въ Забайкалье происходило постепенно, въ періодъ времени съ 1733 по 1767 г., и что часть ихъ выселилась сначала въ западный край, въ тогдашнія польскія владѣнія, и уже позже двинулась за Уралъ. Самъ авторъ замѣчаетъ, что въ числѣ фамилій у семейскихъ встрѣчаются малорусскія, что свидѣтельствуетъ, повидимому, о примѣси малорусскаго элемента. Такимъ образомъ, группа «семейскихъ» не можетъ быть признана за вполнѣ однородную, но во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, она состоитъ изъ великоруссовъ, сохранившихъ въ своемъ

типѣ, изъ всего населенія Забайкалья, наиболѣе характерныя черты славяно-русскаго облика.

Затруднительнѣе опредѣлить происхожденіе «сибиряковъ». Г. Мацокинъ считаетъ ихъ продуктами смѣшенія великорусскихъ колонизаторовъ съ бурятскими женщинами, — смѣшенія, вызывавшагося отсутствіемъ русскихъ женщинъ среди поселявшихся здѣсь съ половины XVII в. русскихъ. Къ концу XVII в. русскихъ въ области насчитывалось только 7000 душъ мужского пола; къ 1761 г. оно увеличилось до 19542 душъ, но въ этомъ числѣ было до 5000 крещеныхъ бурятъ. Послѣднее извѣстіе показываетъ, что русское населеніе области увеличивалось не только путемъ браковъ съ бурятками, но и путемъ крещенія самихъ бурятъ, усваивавшихъ мало по малу русскій языкъ и формы быта. Съ другой стороны и самые русскіе, являвшіеся сюда во второй половинѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка, могли уже заключать въ себѣ инородческую примѣсь. Впервые они проникли въ Забайкалье изъ Якутской области, гдѣ уже ранѣе началась метисація, что доказываютъ какъ нѣкоторыя историческія свидѣтельства, такъ и тотъ фактъ, что новѣйшее русское населеніе Якутской области принадлежитъ по своему типу къ наиболѣе смѣшаннымъ. Вообще, есть основаніе думать, что забайкальскіе «сибиряки», выказывающіе слѣды инородческой примѣси, не представляютъ изъ себя однородной группы, а являются помѣсями различныхъ степеней, причемъ въ ряду расъ-производителей, кромѣ русской и бурятской, принимала также участіе якутская, а, можетъ быть, еще и другія инородческія. Во всякомъ случаѣ, по сравненію съ «семейскими», эта группа, несомнѣнно, гораздо менѣе чистая, заключающая въ себѣ болѣе или менѣе значительную примѣсь бурятской крови.

Г. Мацокинъ знакомитъ въ началѣ своего труда съ пріемами своихъ антропометрическихъ изслѣдованій. Эти пріемы, по употреблявшимся при нихъ инструментамъ и выбору измѣреній, не вполнѣ соотвѣтствуютъ нынѣ установившимся, какъ это признаетъ и самъ авторъ. «Самымъ больнымъ мѣстомъ въ моей работѣ — говоритъ онъ — остаются нѣкоторые пробѣлы и недостатки, состоящіе главнымъ образомъ въ томъ, что кое-какія измѣренія производились отличнымъ отъ общеустановленныхъ пріемовъ способомъ; но единство такихъ способовъ, выдержанныхъ по отношенію ко всѣмъ 180 особямъ Забайкалья, нисколько, надо полагать, не умаляетъ достоинства итоговъ, которые поэтому могутъ въ достаточной степени служить вопросу о разрѣшеніи намѣченной этюдомъ цѣли». Однородность способа изслѣдованій, примѣненнаго къ тремъ, сравниваемымъ между собою группамъ, конечно, есть необходимое условіе подобнаго сравненія, и при пользованіи своей подробной схемой наблюденій и измѣреній автору, дѣйствительно, удалось выяснить многія отличительныя черты изслѣдованныхъ имъ антропо-

логическихъ группъ. Тѣмъ не менѣе, своеобразность принятой имъ схемы затрудняетъ сравненіе его данныхъ съ имѣющимися относительно другихъ племенъ и не даетъ отвѣта на нѣкоторые вопросы. Объясняется же эта своеобразность тѣмъ, что авторъ, приступивъ къ своимъ изслѣдованіямъ, не былъ достаточно знакомъ съ антропологической литературой и съ антропометрическими инструкціями, и познакомился съ ними уже позже, при обработкѣ своего труда. Между описательными признаками у автора встрѣчаются такіе, которые оставляютъ слишкомъ много мѣста субъективной оцѣнкѣ; такъ, онъ говоритъ о «пріятныхъ» губахъ, о глазахъ, «кажущихся менѣе пытливыми, но за то болѣе привлекательными и открытыми», объ «уродливомъ» овалѣ лица и т. д. Волосы онъ дѣлитъ по цвѣту на черные и русые, а послѣдніе на темно-и свѣтлорусые, не упоминая совершенно о бѣлокурыхъ и рыжихъ, каковыя группы однако вообще выдѣляются при подобныхъ изслѣдованіяхъ. Измѣреніе носа производилось г. Мацокинымъ также иначе, чѣмъ другими изслѣдователями.

Познакомивъ съ пріемами своихъ измѣреній, авторъ даетъ краткій географическій и историческій обзоръ области, а затѣмъ переходитъ къ подробному антропологическому описанію избранныхъ имъ трёхъ группъ, на основаніи результатовъ своихъ изслѣдованій надъ указаннымъ выше числомъ особей. Описаніе это весьма подробно и сопровождается детальными таблицами измѣреній. Разсмотрѣвъ типы раскольниковъ и бурятъ, авторъ останавливается на сибирякахъ-метисахъ и отмѣчаетъ въ нихъ черты сходства съ бурятами, съ одной стороны, и съ «семейскими», съ другой. Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что метисы представляютъ собою особый типъ, занимающій среднее положеніе между типами производителей и приближающійся въ однихъ признакахъ къ «семейскимъ», въ другихъ — къ бурятамъ. По словамъ автора, среди метисовъ не встрѣчается полной реверсіи къ одному изъ типовъ производителей, и они имѣютъ наклонность къ образованію средняго, смѣшаннаго типа, отличающагося извѣстною стойкостью своихъ признаковъ. Впрочемъ, изъ данныхъ самого же автора видно, что различныя особи метисовъ выказываютъ далеко не одинаковое приближеніе къ типу бурятовъ. Съ другой стороны, изъ данныхъ о величинѣ головного показателя можно заключить, что метисы не только значительно удаляются, въ отношеніи къ этому признаку, отъ бурятъ (у которыхъ онъ, въ среднемъ, = 88,4), но даже уступаютъ семейскимъ (у послѣднихъ 82,6, у метисовъ — 81,1), выказывая бо́льшее число суббрахицефаловъ и мезоцефаловъ. Это обстоятельство способно наводить на мысль, не участвовалъ ли въ образованіи забайкальскихъ «сибиряковъ» менѣе короткоголовый элементъ, чѣмъ нынѣшніе «семейскіе».

Слѣдуетъ однако замѣтить, что типъ «семейскихъ» нашелъ въ послѣднее

время новаго изслѣдователя, въ лицѣ Ю. Д. Талько-Грынцевича[1]), собравшаго данныя о 232 мужскихъ особяхъ изъ большого села Бичуры и нѣкоторыхъ другихъ селеній Верхнеудинскаго округа Забайкальской области. Въ виду того что г. Талько-Грынцевичъ уже ранѣе занимался антропологическими изслѣдованіями въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украинѣ[2]), руководясь притомъ общепринятымъ методомъ, его выводы, несомнѣнно, заслуживаютъ вниманія, между прочимъ и по сравненію ихъ съ данными г. Мацокина. Сравненіе это указываетъ на нѣкоторыя довольно существенныя различія. Такъ, напр., г. Мацокинъ нашелъ у изслѣдованныхъ имъ семейскихъ 23% особей съ черными волосами, 43%—съ темнорусыми и 34%—съ русыми и свѣтлорусыми, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ, среди изученныхъ имъ особей могъ констатировать только 1% брюнетовъ, 40% шатеновъ и 59% блондиновъ, откуда пришелъ къ выводу, что по своей бѣлокурости и преобладающему свѣтлому цвѣту волосъ семейскіе превосходятъ изслѣдованныхъ имъ ранѣе малороссовъ, бѣлоруссовъ и литвино-латышей. Подобнымъ же образомъ, въ отношеніи къ цвѣту глазъ, г. Мацокинъ могъ отмѣтить 31% особей съ карими и свѣтло-карими глазами, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ только 15%, хотя оба согласны въ томъ, что преобладающимъ цвѣтомъ глазъ у семейскихъ является сѣро-голубой и затѣмъ свѣтло-голубой. Г. Мацокинъ не соединяетъ цвѣтъ глазъ съ цвѣтомъ волосъ и кожи, тогда какъ г. Талько-Грынцевичъ выдѣляетъ типы блондиновъ (бѣлокурыхъ и свѣтлыхъ шатеновъ съ голубыми и сѣрыми глазами) и брюнетовъ (темно-шатеновъ и черноволосыхъ съ карими глазами) и находитъ, что у семейскихъ блондины составляютъ 77,4%, а чистые брюнеты только 3,9%. Ростъ семейскихъ былъ найденъ г. Талько-Грынцевичемъ=166,9 сант., значительно меньшимъ чѣмъ г. Мацокинымъ, — 170,5; головной указатель, напротивъ, нѣсколько большимъ (83,1: у Мацокина 82,6). Не будемъ приводить другихъ различій, которыя могутъ отчасти объясняться различіемъ мѣстностей, изъ которыхъ происходили изслѣдованные субъекты Къ сожалѣнію, какъ уже сказано, у г. Мацокина не приведено указаній, изъ какихъ селеній были родомъ его «семейскіе». Замѣтимъ также, что и по отношенію къ бурятамъ нѣкоторыя данныя г. Мацокина замѣтно расходятся съ данными гг. Шендриковскаго и Поротова.

Не считая поэтому возможнымъ утверждать, что изслѣдованія г. Ма-

---

[1]) Ю. Талько-Грынцевичъ. Къ антропологіи великоруссовъ. Семейскіе (старообрядцы) Забайкальскіе. Томскъ. 1898. (Съ двумя портретами).

[2]) Его-же сообщенія въ «Протоколахъ» Рус. Антр. Общ. при Спб. Унив. за 1890—91 г. и въ «Трудахъ» Антр. Общ. при Военно-Медиц. Акад. Спб. 1893, а также въ Materyjaly do antr. Kraj. Akad. Umiet. w Krakowie. T. XX. 1895.

цокина въ состояніи быть признаны исчерпывающими вопросъ, и полагая, что они нуждаются еще въ провѣркѣ, я считаю однако необходимымъ отмѣтить, что г. Мацокинъ первый обратилъ вниманіе на необходимость систематическаго изученія типа помѣсей между русскими и бурятами и первый занялся такими изслѣдованіями съ большимъ стараніемъ и любовью къ предмету. Недостаточное знакомство съ методами и антропологической литературой было причиною нѣкоторыхъ пробѣловъ въ его наблюденіяхъ, но онъ старался восполнить ихъ подробностью въ описаніяхъ и измѣреніяхъ, причемъ имъ придуманы даже нѣкоторые спеціальные инструменты (напр., для измѣренія глазной щели и вдавленія переносья). Несмотря на нѣкоторые недостатки и промахи, трудъ г. Мацокина представляетъ интересъ, какъ первая попытка систематическаго изученія продуктовъ метисаціи между русскими и инородцами (монгольской расы), причемъ авторъ руководился раціональнымъ методомъ — сравненія типа помѣсей съ типами расъ-производителей, въ ихъ болѣе чистыхъ группахъ. Если результаты изслѣдованій автора въ этомъ направленіи и нуждаются еще въ провѣркѣ, если группа сибиряковъ-метисовъ и требуетъ еще болѣе тщательнаго анализа, какъ по отношенію къ ея составу и образованію, такъ и ея отличительнымъ признакамъ, то, во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю нельзя будетъ игнорировать сопоставленій г. Мацокина и въ особенности указанной имъ устойчивости этой группы и ея промежуточнаго положенія между типами-производителями. Въ виду всего этого, я полагалъ бы, что трудъ г. Мацокина заслуживаетъ нѣкотораго одобренія Академіи въ формѣ небольшой преміи.

Д. Анучинъ.

На страницѣ 49, примѣчаніе 1, строка 2 снизу, послѣ слова «συρμεογραφεῖν» слѣдуетъ вставить: «онъ, сколько я знаю, встрѣчается еще только въ «Похвалѣ иг. Платону» св. Ѳеодора Студита, притомъ съ инымъ начертаніемъ и, кажется, инымъ значеніемъ, не совсѣмъ подходящимъ къ нашему мѣсту (см. Migne 99, ст. 820 A, и словари: Дюканжа, ст. 1492; Henrici Stephani Thesaurus linguae graecae, ст. 1514).

Стр. 50, прим. 2, строка 2 снизу слѣдуетъ читать: т. 2, ч. 2, 400 *вмѣсто* ч. 2, 400.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.
ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Томъ IV. № 5. | Tome IV. № 5.

Б. МЕЛІОРАНСКІЙ.

ПЕРЕЧЕНЬ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ГРАМОТЪ И ПИСЕМЪ.

ВЫПУСКЪ I. Документы 784—850 годовъ. **Введеніе.** Нѣсколько словъ о рукописяхъ и изданіяхъ писемъ преподобнаго Θеодора Студита.

СЪ ПЯТЬЮ ТАБЛИЦАМИ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 10 апрѣля 1896 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 1 р. 20 коп. — Prix: 3 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1899 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

Перечень византійскихъ грамотъ и писемъ.

Нѣсколько словъ о рукописяхъ и изданіяхъ писемъ преп. Ѳеодора Студита.

(Введеніе въ перечень писемъ Ѳеодора Студита).

По общему мнѣнію и церковныхъ и свѣтскихъ ученыхъ писателей, изъ всего богатаго литературнаго наслѣдія преп. Ѳеодора Студита для историка важнѣе и любопытнѣе всего его письма. Они-то, представляя собою громадное большинство всей суммы документальныхъ источниковъ по византійской церковной исторіи первой четверти IX вѣка, вошли въ 1-й выпускъ «Перечня византійскихъ грамотъ и писемъ», какъ главное содержаніе его.

Въ настоящее время всѣ письма преп. Ѳеодора, достовѣрно существующія въ рукописяхъ, напечатаны; но изслѣдована въ историческомъ отношеніи только половина; а о рукописяхъ и о редакціяхъ, которыя эти рукописи представляютъ, въ печать новыхъ свѣдѣній не попадало со времени Монфокона и затѣмъ Фабриція и Гарлеса: позднѣйшіе изслѣдователи даютъ лишь выписки изъ X-го тома Bibliothecae Graecae, и притомъ выписки, часто сокращенныя до потери всякаго значенія[1]). Между

1) Моя статья была окончена весной 1896 г., полгода до выхода въ свѣтъ 2-го изданія «Gesch. d. byz. Litteratur» проф. Крумбахера. Впрочемъ, оно немного измѣнило положеніе дѣлъ. Послѣ его появленія я внесъ въ свою рукопись нѣсколько замѣчаній, которыя читатель найдетъ ниже; бо́льшихъ же перемѣнъ не потребовалось.

тѣмъ, какъ увидимъ ниже, состояніе рукописнаго преданія въ нашемъ случаѣ немаловажно для установки хронологіи какъ самыхъ писемъ, такъ и упоминаемыхъ въ нихъ событій; а такъ какъ хронологическое, по мѣрѣ возможности, упорядоченіе каталогизируемаго документальнаго матеріала есть одна изъ задачъ, преслѣдуемыхъ «Перечнемъ», то я счелъ не лишнимъ сообщить во введеніи свѣдѣнія о редакціяхъ, представляемыхъ хотя главнѣйшими рукописными сборниками, и ходъ мыслей, приведшій меня къ предлагаемой «Перечнемъ» хронологіи. Болѣе полное, по возможности исчерпывающее изслѣдованіе этого предмета я надѣюсь дать въ особомъ трудѣ о Студійскомъ монастырѣ въ IX вѣкѣ, подготовляемомъ мною въ настоящее время.

Самыя древнія свѣдѣнія о собраніяхъ писемъ преп. Θеодора находятся въ 2-хъ изданныхъ житіяхъ его[1]), обслѣдованныхъ г. Карломъ Тóмасомъ въ диссертаціи: Theodor v. Studion u. sein Zeitalter (Osnabrück 1892). Въ Греческой Патрологіи Миня читатель найдетъ ихъ на стр. отъ 113—328-й 99-го тома. Сличивъ вообще тексты житій и представляемыя ими, вполнѣ ясныя, хронологическія указанія, г. Томасъ нашелъ, что первое изъ нихъ по времени напечатанія, надписываемое именемъ Михаила (вѣрнѣе: Θеодора) Дафнопата, по времени составленія моложе второго; оно относится къ 1-й половинѣ X вѣка и составлено главнымъ образомъ на основаніи второго житія, хотя и представляетъ нѣсколько независимыхъ, достовѣрныхъ дополненій; второе же (напечатанное впервые Маи въ Nova Patr. Bibl., т. VI, стр. 293—363, у Миня т. 99, стр. 233—328), составленное монахомъ Михаиломъ (несомнѣнно Студитомъ), принадлежитъ къ числу исторически наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ этого рода. И оно — не первая изъ существовавшихъ біографическая запись о преп. Θеодорѣ; однако авторъ его былъ еще младшимъ современникомъ своего героя[2]) и писалъ по свѣжей традиціи и по первому краткому (стихотворному) житію. Какъ terminus post quem написанія г. Томасъ принимаетъ 19 февраля 842 г., такъ какъ праздникъ православія упоминается въ житіи[3]); но изъ этого самаго мѣста (Migne стр. 328) вывести слѣдуетъ больше, такъ какъ тамъ говорится не только о торжествѣ православія, но и о торжественномъ перенесеніи останковъ преп. Θеодора въ Студійскій монастырь, что̀ произошло ἐν ὀκτῶ πρὸς

1) Въ рукописяхъ существуютъ еще двѣ редакціи.

2) Migne 233 A: ἐν τοῖς ἡμετέροις ἀνατεταλκώς [Θεόδωρος] καὶ τόποις καὶ χρόνοις.

3) Эта дата теперь нуждается, кажется, въ поправкѣ, такъ какъ де-Booръ, по нашему мнѣнію, убѣдительно доказалъ, что истинная дата православія есть 11 марта 843 г. (См. его статью: Der Angriff der Rhos auf Byzanz, Byzantinische Zeitschrift, 1895, Heft 3—4, стр. 445—466). Выкладки де-Боора гг. Крумбахеръ, Эргардъ и Гельцеръ признаютъ весьма правдоподобными (Gesch. d. byz. Litteratur, изд. 2-е, стр. 39, 166, 969 и 1090).

δέκα ἔτεσι послѣ его кончины, а о патріархѣ Меѳодіи говорится, какъ объ умершемъ: о *правящемъ* патріархѣ авторъ не выразился бы просто ἁγιώτατος πατριάρχης, безъ ἀρχιποιμὴν или ἀρχιερεὺς ἡμῶν или чего либо подобнаго; а выраженіе: καθαιρέτης τῆς τῶν Ἡμιχρίστων αἱρέσεως, такъ сказать, подводитъ итогъ дѣятельности Меѳодія, излагаетъ сущность законченныхъ воспоминаній о немъ. Поэтому уже изъ цитованнаго г. Томасомъ мѣста слѣдуетъ нѣсколько болѣе поздній terminus post quem, именно 844 годъ, и даже едва ли не 14 іюня 847 г. (De Boor, der Angriff der Rhos auf Byzanz. Byz. Ztschr. 1895, 3—4, стр. 450—451).

Но г. Томасъ просмотрѣлъ другое мѣсто житія, которое вполнѣ ясно устанавливаетъ еще болѣе поздній terminus post quem его составленія; разумѣемъ Migne 293, A, гдѣ о преп. Николаѣ Студитѣ говорится какъ о умершемъ уже, но ближайшемъ современникѣ автора: Νικόλαος δ᾽ἦν οὗτος ὁ πολύτλας ἀριστεὺς .... ὅστις ἐξ ἐκείνων καὶ μέχρι ἡμῶν τῶν ταπεινῶν ἐν τοῖς τῆς ὁμολογίας διαπρέψας ποικίλοις παθήμασι τέλειος ἄνθρωπος θεοῦ ἐν τῇ ἡμῶν κεχρημάτικε γενεᾷ[1]). Преп. Николай скончался 3 февраля 868 г.; слѣдовательно можно считать достовѣрнымъ, что житіе преп. Ѳеодора составлено Михаиломъ во второй половинѣ IX в., послѣ 3 февраля 868 г., и показанія его о сочиненіяхъ преп. Ѳеодора рисуютъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ Студійскомъ монастырѣ въ это время.

О письмахъ преп. Ѳеодора Михаилъ говоритъ (Migne 264 D): Αἱ δ᾽ἔτι τῶν ἐπιστολῶν αὐτοῦ βίβλοι πέντε μὲν ἕως τοῦ παρόντος σώζονται παρ᾽ἡμῖν; тоже показаніе повторяетъ въ 1-й половинѣ X-го вѣка Дафнопатъ (Migne 153 B): Αἱ δὲ τῶν ἐπιστολῶν αὐτοῦ βίβλοι πέντε αἱ παρ᾽ἡμῖν οὖσαι τέως. И такъ *въ концѣ IX и въ X вѣкѣ въ Студійскомъ монастырѣ письма преп. Ѳеодора хранились въ видѣ полнаго собранія всѣхъ уцѣлѣвшихъ, раздѣленнаго на 5 книгъ.*

Таково свидѣтельство IX и X вѣка. Несмотря на свою краткость, оно даетъ, какъ увидимъ, недурную точку опоры при изслѣдованіи исторіи писемъ преп. Ѳеодора по главнымъ существующимъ рукописнымъ сборникамъ. Теперь посмотримъ, что говорятъ по этому вопросу сами рукописи. Главныя изъ нихъ суть: 1) Vaticanus 1432, 2) Paris. Bibliothèque du roi № 709 или 1987 (теперь fonds anciens grecs № 894), 3) Paris. fonds du Coislin № 94, 4) Paris. fonds du Coislin № 269.

---

1) На это раньше меня въ печати указалъ проф. Эргардъ. См. Krumbacher, Gesch. d. byz. Litter., изд. 2-е, стр. 151, 3).

Vaticanus 1432 сталъ извѣстенъ раньше и лучше всѣхъ остальныхъ, благодаря издателю посмертныхъ трудовъ Сирмонда, Де-ла-Бону, напечатавшему списокъ съ этой рукописи, сдѣланный Сирмондомъ, буквально, съ сохраненіемъ всѣхъ заглавій и съ указаніемъ пропусковъ; Минь перепечаталъ Сирмондово изданіе въ 99 т. своей Patrologia graeca, на страницахъ 903—1670, съ незначительными дополненіями, особо указанными, изъ Vatic. 633 (первоначально у Анж. Маи, Bibl. nova patrum, t. IV, стр. 99—102). Такимъ образомъ изданіе Миня въ отношеніи текста и расположенія матеріала замѣняетъ ватиканскую рукопись. Эта рукопись (какъ и всѣ прочія) не датирована; по палеографическимъ признакамъ она относится, какъ любезно сообщилъ мнѣ д-ръ Грэвенъ, къ 1-й половинѣ XII вѣка (къ тому же времени Саккеліонъ относитъ патмосскую № 113, судя по его описанію, вполнѣ сходную съ ватиканской). Письма преп. Θеодора раздѣлены въ ней на два отдѣла или книги, снабженныя особыми заглавіями и особой нумераціей писемъ; первая содержитъ 54, вторая 219 №№[1]). Въ расположеніи матеріала ясно стремленіе къ хронологическому порядку, что и отмѣчалось издавна всѣми изслѣдователями: первая книга обнимаетъ время «первой и второй ссылки», или время правленія императоровъ: Константина VI, Ирины, Никифора I, Михаила I и Льва V до иконоборческаго собора (весной 815 г.); вторая «третью ссылку», т. е. эпоху отъ иконоборческаго собора до смерти самого преп. Θеодора, хотя обыкновенно подъ 3-ей ссылкой Θеодора въ тѣсномъ смыслѣ понимаются годы отъ иконоборческаго собора до освобожденія Θеодора изъ смирнской тюрьмы императоромъ Михаиломъ II-мъ. Однако въ предѣлахъ этихъ общихъ рамокъ изслѣдованіе открываетъ кое гдѣ погрѣшности противъ хронологическаго порядка (напримѣръ уже первыя 5 писемъ 1-й книги перепутаны); что, въ связи съ неизвѣстностью, насколько порядокъ ватиканской рукописи древенъ, и извѣстной беззаботностью византійцевъ насчетъ хронологіи, заставляетъ относиться съ осторожностью къ этому порядку и тамъ, гдѣ съ точки зрѣнія логики событій и прочихъ повѣрочныхъ средствъ явныхъ ошибокъ не открывается.

Общее мнѣніе изслѣдователей (впрочемъ высказанное мимоходомъ — спеціально литературной исторіей писемъ Студита никто не интересовался) касательно ватиканской рукописи—то, что ея 2 книги суть 2 первыя книги

1) Въ изданіи Сирмонда, взятомъ, какъ убѣдился изъ сличенія Анж. Маи, ad amussim изъ этой рукописи, первая книга содержитъ 57 писемъ; но это потому, что въ него внесены издателемъ заглавія 3-хъ писемъ (45—47) изъ Paris. 894, о которомъ рѣчь ниже. Во второй книгѣ считать надо собственно 220 №№, такъ какъ № 183 содержитъ начало одного и конецъ сосѣдняго письма съ большимъ пропускомъ въ серединѣ.

того древняго полнаго собранія въ 5 книгахъ, о которомъ говоритъ Михаилъ монахъ[2]).

Regius № 709 по нумераціи Сирмонда, 1987 по нумераціи Де-ла-Бона, теперь Fonds anciens grecs 894, которымъ также пользовался Де-ла-Бонъ, извѣстенъ намъ по примѣчаніямъ, сдѣланнымъ послѣднимъ къ приготовленному Сирмондомъ къ печати тексту, и по предисловію и послѣсловію къ изданію (Migne, Patr. gr. 99, стр. 78, 105/6, 1859/60 и примѣчанія подъ текстомъ писемъ). Тутъ о составѣ нашей рукописи и расположеніи въ ней матеріала сообщаются довольно подробныя свѣдѣнія.

Къ сожалѣнію, небрежность этихъ замѣтокъ, неточность, противорѣчивость и особенно безчисленныя опечатки чрезвычайно затрудняютъ пользованіе ими. Весьма важная двойная нумерація рукописи — ея собственная и ея оригинала — дана въ нихъ не съ желательной полнотой и не разграничена ясно; въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, указывающихъ №№ писемъ въ самой рукописи, цифры поминутно повторяются, а попадаются и вовсе несуществующія въ греческой цифровой системѣ обозначенія; число писемъ и порядокъ, указанный въ Index'ѣ (Migne, стр. 1859/60) непримиримъ вполнѣ съ даннымъ подъ текстомъ, въ примѣчаніяхъ; въ разныхъ примѣчаніяхъ рукопись обозначается, безъ всякихъ объясненій, разными нумерами, или просто, какъ «cod. Regius», вовсе безъ №, такъ что, при противорѣчивости сообщаемыхъ данныхъ, немало трудовъ надо, чтобы понять, что Reg. 709 и 1987 тождественны. И я и теперь не говорилъ бы о нихъ тождествѣ и вообще объ этой рукописи такъ рѣшительно, если бы не получилъ отъ г. Омона, его собственноручнымъ письмомъ, разъясненія этой путаницы.

Новаго матеріала сравнительно съ Vatic. 1432 Paris. 894 въ себѣ не заключаетъ, хотя его 6 отдѣловъ даютъ въ общей сложности 328 №№, а не 273 только, какъ Vatic.; перевѣсъ этотъ произошелъ главнымъ образомъ отъ того 1) что Paris. даетъ 3 новыхъ *заглавія*, безъ текстовъ (Sirm. Lib. I, 45 — 47), 2) что 50 писемъ въ немъ переписаны дважды. При письмахъ 4-хъ послѣднихъ отдѣловъ, кромѣ цифръ, отвѣчающихъ порядку самой рукописи, стоятъ еще *цифры, указывающія мѣсто, занимавшееся даннымъ письмомъ въ прямомъ или косвенномъ оригиналѣ*

2) 2-е изданіе «Geschichte der byz. Litteratur» проф. Крумбахера говоритъ объ этомъ предметѣ осторожнѣе, но, какъ увидимъ, тоже не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ авторъ имѣлъ въ виду, кромѣ Монфокона и Фабриція, только еще VIII т. «Novae Patrum Bibliothecae», а именно: «Ursprünglich waren seine (Theodors) Briefe in 5 Büchern gesammelt. Davon scheinen nur die 2 ersten ganz vorhanden zu sein; bei weiteren 277 Briefen fehlt die Büchereinteilung. Es kann daher nicht entschieden werden, ob in diesen 550 Briefen etwa die ganze Korrespondenz Theodors vorliegt». (стр. 150). Всѣхъ писемъ и заглавій не 550, а 555; сверхъ 2 книгъ Минева изданія есть тексты не 277-ми, а 276-ти писемъ; слѣды 3-й и 4-й книги есть, но не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ г. Эргардъ.

нашей рукописи; *цифры эти даютъ возможность возстановить до извѣстной степени этотъ утраченный оригиналъ.* Нижеслѣдующая таблица, составленная (насколько было возможно) на основаніи данныхъ Сирмондова изданія, дастъ возможность сравнить и усмотрѣть отношеніе Paris. 894 къ его оригиналу (назовемъ его Archetypus Paris. 894) и къ Сирмондову изданію, совпадающему, за указаннымъ исключеніемъ, съ Vatic. 1432. Читателю нѣтъ надобности изучать эту таблицу съ начала до конца (также какъ и другія, нижеслѣдующія); даемъ ее, чтобы желающіе могли контролировать дѣлаемые ниже изъ нея выводы. Она важна для установленія отношенія всѣхъ этихъ 3 рукописей къ Coisl. 269, которое, какъ увидимъ ниже, важно для хронологіи самихъ писемъ.

Вопросительный знакъ *безъ* цифры означаетъ, что въ данномъ случаѣ въ Paris. 894 цифры нѣтъ или издатель ее опустилъ; вопросительный знакъ *при* цифрѣ и цифра въ скобкахъ означаетъ, что цифра исправлена или скомбинирована мною; звѣздочкой отмѣчены невѣрныя или очень сомнительныя данныя и цифры Сирмонда-Миня.

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
Ἀρχὴ τοῦ πρώτου βιβλίου ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν· ἐκλογὴ τῆς τρίτης ἐξορίας.	Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ θεοδώρου ἡγουμένου τῶν στουδίου ἐπιστολαί.	—
Слѣдуютъ 10 писемъ, съ отмѣткой при каждомъ: δογματικὴ περὶ τῶν εἰκόνων, соотвѣтствующихъ:	(Lib. II, №№ 1, 4, 6, 8, 10, 21, 23, 26, 33, 36).	(Такого отдѣла не было).
Τοῦ δευτέρου βιβλίου.	—	—
Слѣдуютъ 40 писемъ, съ отмѣткой при каждомъ: δογματικὴ περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων, соотвѣтствующихъ:	(Lib. II, №№ 41, 42, 65, 72, 84, 85, 151, 198, 156, 158, 161—163, 166,167, 169, *290 (вѣр. 190), 194, 199, 204, 212, 217, 218, 152—155, 157, 159, 160, 164, 165, 168, 170—173, 193, 215, 219).	(Такого отдѣла не было).

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας.	[Сряду послѣ перваго заглавія:] Βιβλ. πρῶτον. Ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας.	[Вѣроятное заглавіе:] Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ θεοδώρου ἡγουμένου τῶν στουδίου ἐπιστολαί.
1—56. При послѣднемъ, по счету 57-мъ, письмѣ цифры нѣтъ.	1—57.	№№ 1—15 (какія то 8), 16 (= 9 Paris 894 и Sirm.), 21, 22, 27, 29, 30, 32, (33?), 34, 35, 37, 38, (36? 39?), 40—42, 49, 45—48, 51, 58, ?, 72, 75 (ϛε′, м. б. изъ σε′ = οε′), 76, 88, 95, 104, 106, 111, 122, 123, 131, 143, ?[1]) 212, 225, 228, 229, 250, 259, 274, 282, 296. Письмо Sirm. I, 57 стояло повидимому, какъ и въ Paris. 894, безъ номера, внѣ счета, «tempore prior iis, quae secundo libro continentur» (Migne 1111/2), т. е. или передъ № 105, и м. б. передъ № 78 (см. непосредственно слѣдующія строки таблицы); или послѣ 296-го, но раньше 310-го №-ра.
Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν ἐκλογὴ τῆς τρίτης ἐξορίας.	Βιβλίον δεύτερον. Ἐκ τ. δ. α. ἐπ. ἐκλ. τ. τρ. ἐξ.	—
Index, содержащій 201 заглавіе нижеслѣдующихъ писемъ, съ именами адресатовъ.	—	—

1) Соотв. №№ 45—47 Sirm.—3 заглавія безъ текстовъ.

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
Ἀρχὴ τοῦ πρώτου βιβλίου (при началѣ 1-го письма).	—	*[Ἀρχὴ τοῦ πρώτου βιβλίου].
1—36.	1	?
Въ точности также, такъ у Sirm., или въ Vatic. 1432.	2	*209 (вѣр. 79; σθ′ ≐ οθ′)
	3[1])	?
	4	105
	5	115
	6	144
	7	148
	8, 9, 10	150, 151, 152
	11	154
	12	?
	13	201
	14—17	204, 205, 206, 207
	18	215
	19	221
	20	223
	21, 22, 23	230, 231, 232
	24	237
	25, 26, 27	242, 243, 244
	28	246
	29	251 ? (σνο′ недописано σνα′)
	30, 31	261, 262
	32	269
	33	288
	34, 35	305, 306
	36	309
Ἀρχὴ βιβλίου β′ 37—86.		[Ἀρχὴ βιβλίου β′]
То же, что Sirm.	37, 38, 39, 40	310—313
	41	317
	42	323
	43	325
	44	327
	45, 46	336, 337
	47	348
	48	351
	49, 50	353, 354

1) Текста этого письма нигдѣ нѣтъ. Vatic. и Paris. 894 даютъ заглавіе ἡγουμένῳ и ничего болѣе; въ Coisl. 269 этого заглавія нѣтъ. Не вышло ли оно. по недоразумѣнію переписчика, изъ неудачной глоссы къ заглавію слѣд. письма θεοφυλάκτῳ νικομηδείας (scil. ἐπισκόπῳ, что̀ обыкновенно опускается)?

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
То же, что Sirm.	51	357
	52	?
	53	361
	54	*165 (вѣр. 365)
	55	368
	56, 57	382, 383
	58	406
	59	420
	60	425
	61	*404
	62, 63, 64, 65	436, 437, 438, 439
	66	445
	67	447
	68	471
	69	473
	70	476
	71	483
	72	485
	73	491
	74, 75, 76, 77	494, 495, 496, 497
	78	504
	79, 80, 81, 82	506, 507, 508, 509
	83	515
	84	519
	85	542
	86	548
'Αρχὴ βιβλίου γ'		['Αρχὴ βιβλίου γ']
То же, что Sirm.	87, 88	568, 569
	89	579
	90	583
	91, 92	585, 586
	93	591
	94	592 ? (Paris. 894, какъ и Vatic., не имѣетъ начала этого письма).
	95	600
	96	?
	97, 98, 99	?
100, 101	100, 101	613, 614
103	102	623 ? (Минь даетъ χηγ'; должно быть писецъ Paris. 894 принялъ строчное κ за η).
105	103	626
107, 108	104, 105	628, 629

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
109	106	630
111	107	633
113	108	635
115, 116	109, 110	637, 638
*119, 120, *121, 128, *121, 124	111, 112, 113, 114, 115, 116	643, 644, 645, 646, 647, 648
*121	117	*658
*128, 126 ? (ρκς′)	118, 119	653, 654
131, 132, 133	120, 121, 122	656, 657, *658
135	123	661
136	124	667
137	125	669
138	126	*609 (вѣр. 670, χθ′ вм. χο′)
139	127	671
141	128	676
143	129	680
145, 146	130, 131	684, 685
147, (148), 149	132, 133, 134	687, 688, 689
150	135	691
Дефектъ (151)	136	? (дефектъ 1 листъ въ Paris. 894)
152	137	694
153	138	696
155, 156	139, 140	701, 702
161	141	709
162, 163	142, 143	711, 712
165, *136 (вѣр. 166)	144, 145	721, 722
170	146	726
172	147	729
173	148	731
174, 175	149, 150.	734, 735.

(№№ 150—173 см. ниже).

176—181	174, 175, 176, 177, 178, 179	738, 739, 740, 741, 742, 743
182	180	745
183	181	747
184	182	749 ? (ψμν′)
185, 186 (Index)	183	750, 751
187, 188	184, 185	754, 755
189, 190	186, 187	*767, *768 (757, 758)
191—196	188	759
	189	761
	190, 191	767, 768
	192, 193	771, 772

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
	194	776
197—200	195	780
	196, 197	792, 793
112	198	? (634 ?)
201	199	795
202	200	803
204	201	? (805 ?)
206	202	814
205	203	811
	204	817
	205	821
207—220	206, 207, 208, 209	823, 824, 825, 826
	210	828
	211, 212, 213, 214	835, 836, 837, 838
	215	840
	216	843
	217	847
102	218	*642 (622 ? χκβ′ вм. χμβ′)
221 ? (σκθ′).	219	849

№№ 154—173 включ. второй книги Сирмонда въ Paris. 894 читаются дважды: во второмъ отдѣлѣ рукописи, см. выше стр. 6 (не всѣ), и въ разсматриваемомъ отдѣлѣ, на слѣдующихъ мѣстахъ:

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
104	151	?
106	152	627
*153	153	632
114	154	*632
117	155	639
118	156	?
*119	157	649
*126	158	?
130	159	655
134	160	660
140	161	?
142	162	?
144	163	683
154	164	700
*147 (вм. 157)	165	*203 (вѣр. 703)
158	166	704
159 ? (ρηθ′)	167	?
*163	168	706
*168	169	714

*

Paris. 894.	Sirm.	Arch. Paris. 894.
167	170	723
168	171	724
169	172	725
?	173	728

Разсматривая эту таблицу, мы замѣчаемъ, что содержаніе рукописей Paris. 894 и Vatic. 1432 совершенно тождественно — онѣ вовсе не дополняютъ другъ друга, ни однимъ письмомъ, ни однимъ отрывкомъ; распредѣленіе матеріала одинаково на пространствѣ всей I-й книги Vatic. Порядокъ писемъ II-й книги представляетъ слѣдующія уклоненія:

1)

	Paris. 894.	Vatic. 1432.
a)	58	61
	61	58
b)	102	218
c)	112	198
d)	205	203
	206	202

Итого 4 отдѣльныхъ уклоненія. Изъ нихъ въ случаѣ b) Paris. 894 расходится со своимъ оригиналомъ, въ d) согласуется съ нимъ, а въ a) и c) ничто не мѣшаетъ допустить такое согласіе.

2) 183-е письмо Vatic. индексъ парижской рукописи дѣлитъ на 2 №№.

3) Отдѣлу отъ 102 — 175 №-ра третьей книги Paris. 894 соотвѣтствуютъ въ Vatic. 1432 письма второй книги №№ 102—150, т. е. парижская рукопись даетъ тутъ 25-мя письмами больше; а именно, въ ватиканской, въ этомъ отдѣлѣ, недостаетъ слѣдующихъ №№ парижской:

102, 104, 106, 110, 112, 114, 117, 118, 125, 127[1]), 130, 134, 140, 142, 144, 154, 157, 158, 159, 160, 164, 167, 168, 169, 171.

Эти письма, за исключеніемъ №№ 102-го и 112-го (которымъ въ ватиканской соотвѣтствуютъ №№ 218 и 198), помѣщены въ ватиканской рукописи непосредственно послѣ этого отдѣла, составляя №№ 151—173; поэтому начиная съ № 176-го счетъ парижской рукописи опережаетъ счетъ ватиканской не на цифру 25, а лишь на 2. Это ясно изъ того, что по даннымъ Миня нумерамъ 151—173 ватиканской рукописи соотвѣтствуютъ слѣдующіе №№ парижской:

---

1) Собственно слѣдуетъ сказать: нѣтъ 2-хъ писемъ 3-го десятка второй сотни. Благодаря опечаткамъ Миня, можно лишь догадываться, что не хватаетъ именно 125-го и 127-го №№-въ.

104, 106, *153, 114, 117, 118, *119, *126, 130, 134, 140, 142, 144, 154, *147, 158, 1(5)9 (ρηϑ'), *163, *168, 167, 168, 169, (171) (цифра опущена).

Такимъ образомъ, въ 16-ти случаяхъ изъ 23-хъ полное совпаденіе; въ одномъ — ему ничто не мѣшаетъ, а въ 6-ти отмѣченныхъ звѣздочкой его заставляютъ предполагать 2 причины: 1) Де-ла-Бопъ категорически заявляетъ, что ни одного новаго письма Reg. 1987 (т. е. Paris. 894) не дастъ; значитъ, эти 6 писемъ должны покрываться остающимися на соотвѣтствіе 6-ю письмами Vatic.; 2) опечатки Миня (или ошибки рукописи) въ этихъ 6-ти цифрахъ очевидны, такъ какъ всѣ онѣ встрѣчаются по 2 и болѣе разъ въ одной нумераціи (такъ № 153 парижской равенъ, будто-бы, и 153 и 138-му нумеру ватиканской; 119-й — 157 и 111-му, и т. д.), что видно изъ выше данной общей таблицы.

Paris. 894 кончаетъ 221, Vatic. 1432 219-мъ нумеромъ; это потому, что 1) одно письмо въ Paris. раздѣлено на 2 №, 2) въ Paris. по ошибкѣ совсѣмъ пропущена цифра 203.

Въ пунктахъ 2) и 3) Paris. 894, уклоняясь отъ Vatic., слѣдуетъ несомнѣнно (см. таблицы) своему оригиналу.

Итакъ ватиканскій списокъ отличается отъ парижскаго не содержаніемъ, а лишь нѣкоторыми редакціонными подробностями, а именно: 1) отдѣлы «догматическихъ» писемъ уничтожены, какъ и дѣленіе писемъ τῆς τρίτης ἐξορίας на 4 книги; вмѣсто того всѣ письма раздѣлены на 2 книги, и хронологическій принципъ дѣленія, перепутанный въ Paris. 894 съ принципомъ дѣленія по содержанію, получилъ безраздѣльное господство; 2) уничтожена старая нумерація, сохраненная Paris. 894 отъ его оригинала [1]), 3) письмо къ игумену Платону включено въ общій счетъ, какъ № 54 первой книги, 4) выпущены 3 заглавія, не представлявшія текстовъ (№№ 45—47 1-й книги Сирмонда), 5) расположеніе писемъ внутри книгъ измѣнено въ 27 случаяхъ изъ 273-хъ.

Ясно, что ни Paris. 894, ни Vatic. 1432 не тождественны съ полнымъ собраніемъ IX/X вѣка, о которомъ говорятъ житія, и что 2 книги Vatic. вовсе не 2 первыя книги полнаго собранія. Обѣ рукописи суть и называютъ себя — ἐκλογαί, антологіи; при этомъ указанныя отличія ихъ говорятъ за то, что Vatic. представляетъ окончательную редакцію, а Paris. 894 — болѣе раннюю, можетъ быть, первоначальную.

---

1) Paris. 894 относится къ XIV в., т. е. онъ 2-мя вѣками моложе Vatic. 1432, хотя редакція его — старше; надо думать, что между нимъ и Arch. Paris. 894 лежитъ неизвѣстная рукопись X—XI вѣка, которую Paris. 894 списываетъ буквально или почти буквально.

Ранняя редакція сохранила слѣды полнаго собранія, изъ которыхъ ясно, что оно состояло minimum изъ 849 писемъ, нумерованныхъ въ одну линію, съ начала до конца; эти 849 писемъ составляли 4 книги. Первую (заглавіе неизвѣстно) составляли 309 писемъ, изъ которыхъ взяты 57 (потомъ 54) писемъ 1-й и 36 первыхъ писемъ 2-й книги антологіи; составитель послѣдней, для созданія своего хронологическаго порядка, вынужденъ былъ совершенно измѣнить порядокъ полнаго собранія, гдѣ съ 79—309 № первой книги были вперемежку помѣщены письма эпохъ до и послѣ 815 г. При этомъ стóитъ вниманія, что относительно другъ друга письма до и послѣ этого года расположены были безъ очевидныхъ хронологическихъ ошибокъ; словомъ, дѣло представляется такъ, будто *въ 1-й книгѣ полнаго собранія 2 хронологически расположенные сборника были, такъ сказать, вдвинуты одинъ въ другой*, и составитель антологіи *разнимаетъ* ихъ и такимъ образомъ возстановляетъ этотъ первоначальный порядокъ. Второй отдѣлъ начинался отмѣткой при № 310: ἀρχὴ βιβλίου β′ и обнималъ около 250 писемъ; далѣе, гдѣ-то между 549 и 568-мъ письмомъ (вѣроятно при послѣднемъ, по причинамъ, о которыхъ ниже), отмѣткой: ἀρχὴ βιβλίου γ′ начинался третій отдѣлъ, а при 738-мъ, отмѣткой: ἀρχὴ βιβλίου δ′ — четвертый.

Передъ второй книгой, или передъ 78-ымъ письмомъ первой, внѣ общей нумераціи, стояло письмо къ игумену Платону (Sirmond. lib. I, 57). Заглавій: τῆς πρώτης καὶ δευτέρας и τῆς τρίτης ἐξορίας или не было, или они не соотвѣтствовали содержанію, а были механически списаны съ еще болѣе древняго, хронологически раздѣленнаго, собранія. Послѣднее, какъ увидимъ ниже, отнюдь не лишено вѣроятія. Отдѣла «догматическихъ» писемъ, счетомъ 50, стоящаго въ Paris. передъ ἐκλογαί, вѣроятно не было. Для составителя и читателей антологіи съ предположеннымъ хронологическимъ порядкомъ особый отдѣлъ «догматическихъ» писемъ имѣлъ смыслъ; но составитель полнаго собранія, не связывавшій себя хронологіей, могъ, если хотѣлъ, собрать вмѣстѣ догматическія письма, не переписывая ихъ дважды; да и отдѣлъ въ 50 №№ предположить странно въ собраніи, гдѣ средній размѣръ отдѣла — болѣе двухсотъ нумеровъ.

Изъ 2-й книги полнаго собранія въ антологію выбраны письма Sirm. II, 37—86; изъ третьей — II, 87—173, изъ четвертой — II, 174—219, и взаимный ихъ порядокъ сохраненъ въ ранней редакціи за 3-мя (сомнительными — см. стр. 16 — 17), въ окончательной — за 27-ю исключеніями.

Тутъ кстати отмѣтить, что, такъ какъ письма 2-й книги Sirmond-Migne или Vatic. 1432, начиная съ 37-го, расположены въ порядкѣ древняго полнаго собранія, а порядокъ этотъ, какъ видно по первой книгѣ, былъ

не хронологическій: то, независимо отъ содержанія писемъ, онъ авторитета въ хронологическихъ вопросахъ *не имѣетъ*.

Согласно показаніямъ житій преп. Θеодора, полное собраніе его писемъ состояло изъ 5-ти книгъ; между тѣмъ послѣднія письма антологіи взяты изъ 4-й книги Arch. Paris. 894. Возможно поэтому, что полное собраніе заключало въ себѣ даже не 849 №№-въ, а еще значительно больше. На первый взглядъ такое огромное число можетъ показаться невѣроятнымъ; но только на первый. Прежде всего, оно не безпримѣрно вообще въ церковной литературѣ. Такъ отъ папы Григорія Великаго, правившаго $13\frac{1}{2}$ лѣтъ (съ сентября 590 до марта 604 года), до насъ дошло 848 несомнѣнно подлинныхъ писемъ, и это почти навѣрное не первоначальное число (Bardenhewer, Patrologie, стр. 606). Далѣе, переписка Θеодора Студита обнимаетъ года отъ 796-го до 826-го; всего дошло до насъ отъ этого времени (включая письма Коаленевыхъ рукописей, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь) 555 писемъ; изъ нихъ 310, т. е. больше половины, падаетъ на 3 года, съ весны 815 до конца 818-го. Врядъ ли таково было первоначальное отношеніе. Конечно, обстоятельства этихъ годовъ требовали усиленной переписки; но года 796—798, 809—811 и 818—826[1]) въ этомъ отношеніи мало уступали означенному трехлѣтію, а въ 821—826 годахъ къ тому же вести переписку было гораздо свободнѣе. Существующія рукописи б. ч. сами себя называютъ ἐκλογαί; но и тамъ, гдѣ этого заглавія нѣтъ, или оно стоитъ не на мѣстѣ (Coisl. 94 листъ 1), неполнота рукописей несомнѣнна, такъ какъ онѣ не представляютъ ряда писемъ, извѣстныхъ по другимъ рукописямъ (таковы обѣ Coisl.: 94 и 269). Если признать, какъ это мы сдѣлали, что передаваемая Paris. 894 нумерація указываетъ на количество содержавшихся въ его оригиналѣ писемъ, то всѣхъ писемъ было не менѣе 849, а вѣроятно, какъ увидимъ ниже, 1124, и письма 815—818 г. составляли около $\frac{1}{4}$ всего числа — отношеніе гораздо болѣе естественное. Да и какъ иначе объяснить эту нумерацію? Кромѣ принятаго объясненія, которое далъ еще Де-ла-Бонъ въ своемъ предисловіи, можно предположить только одно: именно, что неизвѣстныхъ намъ писемъ оригиналъ Paris. 894 не представлялъ, а что извѣстныя были переписаны и подсчитаны по нѣскольку разъ (м. б. въ разныхъ редакціяхъ, извлеченіяхъ сокращеніяхъ и т. д.), или разбиты каждое на нѣсколько №№[2]). Это явленіе

---

1) Между прочимъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ ни одно не говоритъ о незаконномъ бракѣ Михаила Косноязычнаго съ монахиней Евфросиной.

2) На возможность такого предположенія мнѣ указалъ проф. Болотовъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажу на тотъ же Paris. 894, гдѣ 50 писемъ находимъ дважды. Въ рукописи писемъ Θеодора Студита Coisl. 94 тоже 3 письма переписаны по 2 раза. Впрочемъ въ обѣихъ рукописяхъ эти дубликаты или выдѣлены въ особые отдѣлы и сосчитаны особо (Paris.) или оставлены безъ №, такъ что въ общій счетъ не входятъ.

*

не безпримѣрное; но въ нашемъ случаѣ его нельзя предположить. Никакихъ данныхъ, указывающихъ на зависимость Paris. 894 отъ редакціи Vatic. 1432 и др. рукописей нѣтъ; а между тѣмъ Paris. 894, изъ своихъ почти 300 писемъ не представляетъ ни одного въ отличной отъ прочихъ рукописей редакціи, и даже мелкихъ разночтеній даетъ крайне мало. Второе предположеніе еще менѣе правдоподобно. Единственное фактическое основаніе, которое можно бы привести въ его пользу — то, что Paris. 894 дѣйствительно раздѣляетъ на 2 №№ одно письмо, стоящее въ Vatic. подъ однимъ, именно дефектное Lib. II, 183. Но тоже дѣлаютъ всѣ рукописи, гдѣ данныя письма содержатся цѣликомъ, и уже изъ содержанія текста Vatic. ясно, что тутъ Vatic. начало одного письма контаминируетъ съ концомъ другого. Зато мы видимъ, что напримѣръ письма кн. II, №№ 36 и 37 изданія Миня въ Arch. Paris. 894 стояли, какъ и въ антологіяхъ, рядомъ подъ цифрами 309 и 310; а письма кн. II, №№ 32, 33 и 34 стояли тамъ подъ цифрами 269, 288 и 305. Выходитъ, что огромное письмо кн. II, 36, греческій текстъ котораго занимаетъ у Миня 6½ столбцовъ убористой печати, не было разбито на главы; а маленькія, въ 1 столбецъ, письма кн. II, 32 и II, 33 разбиты каждое на *семнадцать* №№! И подобныхъ примѣровъ читатель, съ нашей таблицей и изданіемъ Миня въ рукахъ, найдетъ сколько угодно. А что и всѣ наши большіе сборники вмѣстѣ не даютъ всѣхъ писемъ Өеодора, извѣстныхъ въ средніе вѣка, ясно вопервыхъ изъ заглавій безъ текстовъ, попадающихся въ нашихъ рукописяхъ (Paris. 894 Lib. I, 45 — 47, Lib. II, 3); во вторыхъ изъ того, что напримѣръ Vatic. 633 даетъ нѣсколько писемъ, о которыхъ въ большихъ сборникахъ и помину нѣтъ (Минь, Lib. II, 220, 221).

Относительно времени написанія Arch. Paris. 894 можно руководствоваться 1) тѣмъ, что Vatic. 1432, и Patm. 113, оба 1-й половины XII в., представляютъ собою уже окончательную редакцію антологіи, составленной по этому собранію 2) косвенными палеографическими данными,—впрочемъ крайне бѣдными и гадательными. Paris. 894 передаетъ №№ своего оригинала при письмахъ lib. I, 34, lib. II, 102, 126, 165 и 218 изданія Сирмонда такъ: ϛε′, χηγ′, χϑ′, σγ′ и χμβ′. Первое число стоитъ между цифрами οβ′ и οϛ′, второе между χιδ′ и χκϛ′, третье между χξϑ′ и χοα′; четвертое между ψ′ и ψδ′. Послѣднее соотвѣтствуетъ письму № 102 по Paris. 894, гдѣ ожидается цифра между 614 (= 101 Paris.) и 623 (= 103). Двѣ первыя цифры невозможны; а остальныя три, хотя и возможны (цифры 609, 203 и 642 въ этомъ рядѣ не повторяются), но очень мало вѣроятны въ виду господствующаго вообще въ рукописи отношенія порядка выбранныхъ въ антологію писемъ къ порядку полнаго

собранія, и невозможности чѣмъ либо объяснить въ данномъ случаѣ его нарушеніе. Очевидно вмѣсто ϛε' слѣдуетъ читать οε', вмѣсто χηγ'—χκγ', вмѣсто χθ'—χο', вмѣсто σγ'—ψγ', вмѣсто χμβ'—χκβ'. Эти ошибки (если только онѣ не опечатки, а находятся дѣйствительно въ Paris. 894) можно кое-какъ объяснить, если принять для начертаній цифръ въ Arch. Paris. 894 такъ называемыя строчныя формы. Χκγ' и χηγ' въ этомъ случаѣ смѣшать было очень легко, такъ какъ строчныя κ и η почти тождественны. Строчное χκβ' также легко принять за χμβ', если χ и κ написаны связно и обѣ палочки κ вышли случайно почти равной высоты. Строчное ε иногда случайно имѣетъ по срединѣ выдавшійся влѣво уголъ (ε), который можетъ придать поставленному близко слѣва ο сходство съ σ; это σ писецъ Paris. 894 можетъ быть и передалъ чрезъ ϛ. χθ' вмѣсто χο' стояло вѣроятно уже въ Arch. Paris. 894; но замѣчу, что въ ркп. Московской синодальной библіотеки № 197 по каталогу архим. Владимира, X вѣка, попадаются сочетанія χ и θ, по начертанію очень близкія къ χο, такъ что и обратное смѣшеніе χο съ χϑ не невозможное дѣло. Очень трудно объяснить, какъ писецъ Paris. 894 могъ въ четвертой изъ разсматриваемыхъ цифръ принять ψ за σ. Поперечная черта крестообразнаго строчного ψ обыкновенно начинается съ легкаго взмаха пера справа налѣво, и нѣсколько вверхъ (ψ); но я не знаю примѣровъ, чтобы эта деталь, въ связи съ высокимъ положеніемъ поперечины, придавала ψ сходство съ σ.

Какъ бы то ни было, ничто не заставляетъ насъ предполагать даже въ цифрахъ Arch. Paris. 894 уставныя формы письма для разобранныхъ буквъ, и значитъ ничто не препятствуетъ думать, что рукопись писана была въ IX—X вѣкѣ[1]), и что *ея редакція есть та самая, о которой говорятъ оба житія—редакція, составленная уже въ IX вѣкѣ, такъ какъ ее имѣлъ уже Михаилъ монахъ, и жившая въ X вѣкѣ, такъ какъ ее имѣлъ еще авторъ второго житія преп. Θеодора.* Единственное возраженіе, которое я могу предвидѣть, есть то, что житія говорятъ о собраніи въ пяти книгахъ, а не въ 4-хъ. Но если въ антологію не попало писемъ изъ пятой книги, то это еще не значитъ, что ея вовсе не было. Сейчасъ мы увидимъ изъ разсмотрѣнія двухъ послѣднихъ рукописей, что и текстъ, и составъ этой пятой книги, и причина, почему она исключена изъ антологіи, вполнѣ опредѣлимы.

Эти 2 послѣднія рукописи (fonds du Coislin, №№ 94 и 269; Omont, Inv. sommaire, III, стр. 131 и 166) отмѣчены и описаны были еще Монфокономъ,

---

1) Повторяемъ, что Paris. 894 есть не подлинникъ первой редакціи антологіи, а копія XIV вѣка съ рукописи *болѣе древней*, чѣмъ Vatic. 1432 (вторая редакція); такимъ образомъ высказанныя въ текстѣ палеографическія соображенія относятся собственно къ этой первой редакціи, завѣдомо относящейся, самое позднее, къ началу XII-го вѣка; ея оригиналъ, уже по одному тому, не моложе XI-го.

какъ самыя богатыя матеріаломъ и едва ли не авторитетнѣйшія изъ всѣхъ существующихъ. Вотъ его сужденіе о нихъ (Bibl. Coisliniana, 325): «In primo codice [94] sunt epistolae quingentae quadraginta octo, quarum vix dimidiam partem edidit Jos. Sirmondus; ex iisque, quas publicavit, multae lacerae ex utroque codice sarciri possunt. In codice autem 269 antiquissimo noni saeculi non paucae reperiuntur, quae nec in edito Sirmondi nec in priore Coisliniano codice exstant». Въ подтвержденіе своего заявленія на страницахъ 312—325 Монфоконъ далъ опись содержанія рукописи Coisl. 269, гдѣ приведены всѣ заглавія ея отдѣловъ, имена адресатовъ въ порядкѣ писемъ въ рукописи, и первыя слова каждаго письма; тутъ рукопись отнесена имъ къ X-му вѣку; а на страницахъ 144—150 находимъ описаніе Coisl. 94, гдѣ изъ перваго отдѣла писемъ, напечатанныхъ Сирмондомъ, указаны особо лишь тѣ, лакуны которыхъ пополняются этой рукописью, а изъ второго отдѣла неизданныхъ (№№ 272—548) приведены, опять въ порядкѣ рукописи, имена адресатовъ и начальныя слова каждаго письма.

Приведенныя нами слова Монфокона были перепечатаны Фабриціемъ въ XIII т. Bibl. graeca, стр. 843 и слѣд.; въ новомъ изданіи труда Фабриція, сдѣланномъ Harles'омъ, прибавленъ былъ списокъ всѣхъ, изданныхъ и неизданныхъ, писемъ преп. Θеодора (т. X, стр. 439 и слѣд.) въ алфавитномъ порядкѣ ихъ адресатовъ; при неизданныхъ Harles проставилъ №№, подъ которыми они стоятъ въ Coisl. 94. Наконецъ, аббатъ Минь перепечаталъ въ 99 томѣ своей Греческой Патрологіи изъ Фабриція — заявленіе Монфокона, а изъ Монфокона — списокъ ненапечатанныхъ Сирмондомъ писемъ въ порядкѣ Coisl. 94. Въ краткомъ Inventaire Sommaire г. Омона, въ отдѣлѣ «Fonds du Coislin», подъ № 94 находимъ: «Theodori Studitae epistolae 547 XV saec.»; подъ № 269: Theodori Studitae epistolarum collectio. Parch. X Saec. M. — и только. Такимъ образомъ со временъ Монфокона въ печать не попадало никакихъ новыхъ свѣдѣній о интересующихъ насъ рукописяхъ, и особенно о главной, № 269.

Самыя письма оставались долго въ разрядѣ opera inedita. Въ началѣ 50-хъ годовъ Анж. Маи списалъ изъ коаленевыхъ сборниковъ и перевелъ по латыни 282 письма, не найденныя имъ у Сирмонда, и нѣсколько дополнительныхъ текстовъ къ письмамъ, представляющимъ лакуны въ этомъ изданіи; но его кончина остановила дѣло; корректурные листы второй части его работы пропали, а первой — достались наслѣднику его изданія, базиліанскому уніатскому монаху Іосифу Cozza-Luzi (состоящему нынѣ библіотекаремъ въ Ватиканѣ). Этотъ послѣдній и выпустилъ наконецъ въ свѣтъ его трудъ въ VIII томѣ Novae Patrum Bibliothecae, стр. 1—236. Письма напечатаны здѣсь въ порядкѣ Минева перечня, т. е. Coisl. 94, и снабжены, по обыкновенію, латинскимъ переводомъ; при каждомъ письмѣ

указаны соотвѣтствующіе листы Coisl. 269. Далѣе, на стр. 236—244, Коцца помѣстилъ, также съ латинскимъ переводомъ, обширныя дополненія къ 12 письмамъ Sirmond-Migne'я (по списку, сдѣланному по его просьбѣ г. Wescher'омъ, библіотекаремъ Bibliothèque nationale), къ сожалѣнію, въ видѣ обрывковъ, безъ дополняемыхъ текстовъ, что затрудняетъ пользованіе изданіемъ. Коцца не ставилъ себѣ задачи — выяснить отношеніе вновь печатаемыхъ писемъ къ извѣстнымъ дотолѣ, и въ числѣ неизданныхъ напечаталъ 8 старыхъ (Migne, lib. II, 2, 9, 21, 24, 29, 56, 183 b, 211). Этотъ VIII-й томъ Novae Bibliothecae Patrum постигла странная, хотя отчасти заслуженная судьба: его хотя и зналъ аббатъ Tougard (см. его книгу «la persécution iconoclaste d'après la correspondance de saint Théodore», предисловіе), но врядъ ли отнесся къ нему внимательно — иначе онъ не повторилъ бы за Коццой, что новыхъ писемъ тамъ 284 (и даже 285); а г. То́масъ, напечатавшій въ 1892 г. монографію «Theodor von Studion & sein Zeitalter», на которую мы не разъ ссылались и будемъ ссылаться [1]), совсѣмъ упустилъ это изданіе изъ вида, и рѣшительно считаетъ письма Минева index'а operum ineditorum до сихъ поръ ненапечатанными (стр. 21). Такимъ образомъ эти письма напечатаны были, и притомъ не совсѣмъ безукоризненно, лишь въ 1871 г., а научной обработкѣ не подвергались до сихъ поръ ни разу. (Пользуюсь случаемъ, чтобы заявить, что они составляютъ, между прочимъ, матеріалъ изслѣдованія, надъ которымъ я работаю въ настоящее время). Даже можно сказать, что вопросъ о коаленевыхъ рукописяхъ Θ. Студита послѣ Монфокона ушелъ назадъ: его подробное описаніе Coisl. 269 упускалось изъ виду позднѣйшими издателями и изслѣдователями, къ самымъ рукописямъ до Маи и послѣ Маи никто изъ нихъ не обращался, а единственное важное добавленіе, казавшееся очевиднымъ на основаніи *общихъ* свѣдѣній и житія преп. Θеодора, мало по малу, отъ тона и повторенія, приняло видъ якобы достовѣрнаго свѣдѣнія — а между тѣмъ это только догадка, и къ тому же, какъ увидимъ, вовсе невѣрная. Она состоитъ въ томъ, что 505 писемъ Coisl. 269, IX/X вѣка, представляютъ собою то самое собраніе въ пяти книгахъ, о которомъ говорятъ житія; Coisl. 94 представляетъ просто списокъ съ него, цѣнный въ виду мѣстъ, испорченныхъ временемъ въ Coisl. 269; изъ этихъ пяти книгъ Vaticanus и прочія рукописи даютъ первую и вторую, а 3 — 5 опускаютъ.

Въ виду противорѣчивости и бѣдности по содержанію этихъ извѣстій я рѣшилъ обратиться непосредственно къ самимъ коаленевымъ сборникамъ.

1) Ея цѣнность состоитъ главнымъ образомъ, на мой взглядъ, въ выясненіи отношенія между 2-мя житіями преп. Θеодора и во внимательномъ разборѣ писемъ первой книги антологіи.

Благодаря драгоцѣнному содѣйствію гг. академиковъ Куника и Васильевскаго и извѣстной всякому любезности правленія Парижской Національной Библіотеки, рукописи были присланы изъ Парижа въ Библіотеку Императорской Академіи Наукъ и предоставлены въ мое пользованіе. Разсмотрѣвъ ихъ, я нашелъ слѣдующее.

4) Рукопись Коаленя № 94 писана на той плотной бумагѣ, которую прежде называли бомбициномъ [1]), въ большую четверть и въ 2 столбца. Всѣхъ листовъ 291. Листы 1 и 2-й заняты перечнемъ писемъ по именамъ адресатовъ съ нумераціей; перечень оканчивается 524-мъ письмомъ. Затѣмъ слѣдуетъ текстъ писемъ *безъ всякихъ подраздѣленій*, съ общимъ заглавіемъ: τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ θεοδώρου ἡγούμενου τῶν στουδίου ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν ἐκλογῆς (sic) τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας. Текстъ занимаетъ листы 3—290 a; листъ 290 b и 291 a пусты; на 291 b, значительно поврежденномъ сыростью и червями, сдѣлана рукою писца, но значительно небрежнѣе, приписка:

εὔχεσ(ι) τοῦ ἁγίου ἡμ(ῶν) πρσ
θεοδώρου ἡγουμένου τῶν στου
δίου (значекъ καὶ) πρεσβίαις σόσαν
με τὸν κατώπτιχον — ιυ̃ χσ σ
θε εμϑ β (= καὶ) δέσποινα θεε (καὶ)
παρθενε ογνη μρα

Почеркъ — четкая скоропись XV вѣка; чернила яркія, черныя. Нумерація писца красными чернилами, неполная и не совсѣмъ вѣрная; сбоку арабскими цифрами проставлена правильная нумерація позднѣйшей рукой, можетъ быть Монфокона. Вотъ опись содержанія рукописи и порядка матеріала въ ней сравнительно съ изданіемъ Миня:

Coisl. 94.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
№№ 1—47	См. ниже подъ Coisl. 269, № 1—47
» 48	Lib. II, 1
» 49	» 4
» 50	» 6
» 51	» 8
» 52	» 10

1) Откровенно говоря, я не знаю, почему бы не продолжать употреблять это названіе. Конечно, вѣрно, что по матеріалу и приготовленію это — таже бумага; но тѣмъ не менѣе старинный способъ обработки этого матеріала давалъ ей такой видъ, что её всякій легко отличитъ отъ современной бумаги; слѣдовательно, какъ *условный терминъ*, слово «бомбицинъ» и оправдано, и удобно, какъ всѣмъ привычное.

Coisl. 94.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
№№ 53	Lib. II, 21
» 54	» 23
» 55	» 26
» 56	» 33
» 57	» 36
» 58, 59	» 41, 42
» 60	» 65
» 61	» 72
» 62, 63	» 84, 85
» 64	» 151
» 65	» См. 45 (198)
» 66	» См. нач. 46 (156)
» 65 bis	» 158
» 66 bis, 67, 68	» 161, 162, 163
» 69, 70	» 166, 167
» 71	» 169
» 72	» 190
» 73 и 74 (цитата, = № 63)	» 194
» 75	» 199
» 75 bis	» 204
» 76	» 212
» 77 и 78	» 217 и 218
» 79, 80, 81, 82	» 152, 153, 154, 155
» 83	» 157
» 84, 85	» 159, 160
» 86, 87	» 164, 165
» 88	» 168
» 89, 90, 91, 92	» 170, 171, 172, 173
» 93	» 193
» 94	» 215
» (95)	» 219
» 96	Lib. I, 12
» 97	» 19
» 98	» 26
» 99, 100	» 35, 36
» 101, 102, 103, 104	» 38, 39, 40, 41
» 105	» 44
» 106	» 49
» 107	» 51
» 108, 190	» 54, 55
» 110 и лакуна	Lib. II, 2
» 111	» 5
» 112	» 7
» 113	» 9
» 114—123	» 11—20

Coisl. 94.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
№№ 124	Lib. II, 22
» 125 и 126	» 24, 25
» 127—132	» 27—32
» 133, 134	» 34, 35
» 135—138	» 37—40
» 139—160	» 43—64
» 161—166	» 66—71
» 167—176	» 73—82
» 177—183	» 86—92
» 184—189	» 97—102
» 190—209	» 105—124
» 210—234	» 126—150
» 235—251	» 174—189 (№ 183 въ Coisl. 94 раздѣленъ на 2 №№, какъ и въ Paris. 894).
» 252, 253	Lib. II, 191, 192
» 254—256	» 195—197
» 257	» 200
» 258	» —
» 259—261	» 201, 202 и 203 (съ перестановкой, какъ и Paris. 894 и его оригиналъ).
» 262—268	Lib. II, 205—211
» 269, 270	» 213, 214
» 271	» 216
» 272—548	» — (Index Миня №№ 272—548).

Итого: всѣхъ разныхъ писемъ въ рукописи 548; дважды переписаны, но однажды считаны, 45, 46 и 63-тье письма (= 65 а, 66 а и 74-му). Сравнительно съ Vaticanus новы: № 258 и №№ 272 — 548. Напротивъ, нехватаетъ писемъ: Migne lib. I, 10, (45 — 47), 57; lib. II, 94, 96, 126, 156. Лакуны ватиканской рукописи Coisl. 94 пополняетъ въ письмахъ lib. II 98, 99, 183, 200. Такъ какъ Vatic. и Paris. 894 передаютъ письмо lib. II 200 безъ конца, то слѣдуетъ думать, что письмо Coisl. 258, стоящее между письмами 200 и 201 по Vaticanus, выпало въ парижской и ватиканской рукописяхъ просто случайно.

Такъ какъ мы знаемъ, что полное собраніе X вѣка заключало въ себѣ не менѣе 849 №№, то ясно, что Coisl. 94, подобно Vatic. и Paris., представляетъ собою антологію, хотя и другой редакціи; различіе между ними состоитъ 1) въ томъ, что выпущены 2 (или вѣрнѣе $1^1/_2$) письма первой, 4 письма второй книги, 2) хронологическое дѣленіе на 2 книги, введенное въ Vatic., тутъ опять оставлено, и введена снова форма одного не хроно-

логически расположеннаго сборника, какъ было въ Arch. Paris. 894, безъ его заглавій и съ самостоятельнымъ расположеніемъ матеріала. Этотъ порядокъ въ первыхъ 47 письмахъ цѣликомъ взятъ изъ Coisl. 269; затѣмъ слѣдуетъ 51 письмо (считая двойныя отдѣльно), которыя выбраны на всемъ протяженіи второй книги Vatic., и по порядку могутъ быть раздѣлены на двѣ части (47—78 и 79—95), внутри которыхъ письма идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ ватиканской рукописи; затѣмъ, въ томъ же порядкѣ, идутъ 14 писемъ *первой* книги, не попавшихъ въ отдѣлъ 1—47, такъ какъ ихъ нѣтъ въ Coisl. 269, бывшей для этой части образцомъ; и наконецъ идетъ, въ сущности, вторая книга Vatic., за вычетомъ писемъ, уже переписанныхъ ранѣе. Къ такъ передѣланному Vatic., на послѣднемъ мѣстѣ, присоединено 277 писемъ, т. е. приблизительно объемъ одной книги древняго полнаго собранія Arch. Paris. 894 (849: 4 = 212; первая книга = 309 №-мъ), изъ которыхъ въ антологію, выбранную изъ 4-хъ первыхъ книгъ собранія, не попало *ни одного*. Сама собою напрашивается мысль: не это ли и есть цѣликомъ пятая книга, слѣдовавшая въ полномъ собраніи гдѣ-то за 849-мъ письмомъ? Это предположеніе получитъ высшую вѣроятность, когда мы разсмотримъ послѣдній, интереснѣйшій и древнѣйшій списокъ — Coisl. 269.

5) Рукопись Coisl. 269 харатейная и состоитъ теперь, какъ и при Монфоконѣ, изъ 457 листовъ размѣра 27,5 × 18 cm. Вся она по внѣшнимъ краямъ листовъ обожжена; послѣдніе листы пострадали очень значительно, обуглены и поломаны; нѣсколько листовъ въ концѣ совсѣмъ пропало, и текстъ поэтому обрывается въ серединѣ 8-го «отвѣта» письма къ монаху Меѳодію (Migne lib. II, 215). Кромѣ того, съ верхняго праваго угла рукопись пострадала еще отъ сырости: кое гдѣ буквы совершенно смыты и безъ помощи химическихъ пособій не различимы, особенно на листахъ, приблизительно 420—444; сильно попорчены также листы 92 и 93. Между листами 351 и 352 (цифры проставлены Монфокономъ) одинъ листъ вырѣзанъ; между 35 и 36, 38 и 39, 74 и 75-мъ по листу вырѣзано самимъ писцомъ, такъ что въ этихъ 3 мѣстахъ текстъ не нарушенъ. Вообще никакихъ отрывковъ, лакунъ и пробѣловъ въ рукописи при ея написаніи не было: всѣ, какіе теперь есть, произошли отъ позднѣйшей порчи рукописи[1]). Листъ 55 обрѣзанъ съ наружной стороны, такъ что послѣднихъ буквъ во всѣхъ строкахъ не хватаетъ. На листахъ 65—81

1) Монфоконъ, описывая Coisl. 94, сдѣлалъ при № 326 (Coisl. 269, второй нумераціи № 56) отмѣтку — mutila est. На это содержаніе письма не даетъ никакого права. Письмо вполнѣ закончено, хотя кратко, и кончается обычною заключительною формулою. Монфоконъ былъ введенъ въ заблужденіе пробѣломъ, зачѣмъ-то оставленнымъ послѣ этого письма писцомъ Coisl. 94.

текстъ перепутанъ и размѣченъ писцомъ крестами; онъ долженъ читаться въ порядкѣ: лл. 65 a, 73 a — 80 b, 65 b — 72 b, 81. Такіе же крестики, неизвѣстно зачѣмъ, проставлены на углахъ листовъ 9, 25, 41, 65 и др. Схолій очень немного; о важнѣйшихъ древнихъ будетъ рѣчь ниже. На поляхъ листа 9 a какимъ то читателемъ XIII/XIV вѣка сдѣлана болѣе черными чернилами мало разборчивая и плохо понятная приписка[1]), и далѣе 3 грубыхъ рисунка кораблей.

Даю таблицу содержанія Coisl. 269, въ ея порядкѣ съ ея нумераціей и заглавіями, en regard съ Vatic. 1432, или изданіемъ Миня.

Coisl. 269.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ θεοδώρου ἡγουμένου τῶν στουδίου ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν ἐκλογὴτ (sic) πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας.	Τοῦ ὁσ. π. ἡ. κ. ὁμ. θ. ἡγ. τ. στ. ἐπιστολαί. Βιβλίον πρῶτον. Ἐκ τῶν διαφόρων αὐτοῦ ἐπιστολῶν ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας.
№№ 1—9	Lib. I, 1—9
» 10	» 11
» 11—16	» 13—18
» 17—22	» 20—25
» 23—30	» 27—34
» 31	» 37
» 32, 33	» 42, 43
» 34	» 48
» 35	» 50
» 36, 37	» 52, 53
» 38	» 56

Извилистая черта [*обозначающая повсюду въ рукописи конецъ отдѣла*].

№ 39	— (Письмо къ Платону саккудіонскому о почитаніи иконъ, Migne 99, стр. 499—505).

Извилистая черта.

№№ 40	Lib. II, 83
» 41	» 93

1) Вотъ что мнѣ удалось разобрать въ ней: νῦν δὲ χαίρων σύν χαίροντι ταπεινῷ θυμῷ συνών μέμνησο σύν αὐτῷ [π⁰ετ᾽ τ᾽᾽ κιν᾽᾽] δεσπότην ἧς ὑπὲρ ἤθλησας τῇ ἐκκλησίᾳ ὁμοίους κινῶν πόλεμον μ (..) ν καὶ ἀπαλλαγὴν αὐτῇ αὐτη... θ. ε. τ... συνεχούσ... θλίψεων. Кажется, испрашивается заступничество преп. Θеодора Студита въ виду аналогичныхъ его эпохѣ невзгодъ, терпимыхъ церковью во времена автора приписки. Мнѣ думается, что она арсенитскаго происхожденія. (Въ соотвѣтствующемъ припискѣ текстѣ рѣчь идетъ о первой ссылкѣ Θеодора за разрывъ съ имп. Константиномъ VI по поводу его незаконнаго брака).

Coisl. 269.	Sirmond-Migne (Vatic. 1432).
№№ 42	Lib. II, 95
» 43, 44	» 103, 104
» 45	» 198
» 46	» 156
» 47	» 125
» 48	» 128
» 49	» 130
» 50	» 133
» 51	» 137
» 52	» 170

Конецъ листа 96 b. оставленъ пустымъ.

Листъ 97 a.

Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ θ. ἡγ. τ. στ. ἐπιστολαὶ διάφοροι ἐξο [ρίας γ′]

№№ 1	Lib. II, 1
» 2—78	» — (Index 272—348)
» 79	» 2
» 80—104	» —(349—373)
» 105	» 4
» 106—114 (2 письма означены 110-мъ №-мъ).	» —(374—383)
» 115	» 5
» 116—143	» —(384—411)
» 144	» 6
» 145—147	» —(412—414)
» 148	» 7
» 149 (Ὑπατίῳ)	» —(415 ἰωάννῃ)
» 150	» 8
» 151	» 9 (416). Напечатано у Коццы за новое (по Coisl. 94).
» 152	Lib. II, 10
» 153	» —(417)
» 154	» 11
» 155—199	» —(418—462)
» 200, 201	» 12, 13
» 202, 203	» —(463, 464)
» 204—207	» 14—17
» 208—214	» —(465—471)
» 215	» 18
» 216—220	» —(472—476)
» 221	» 19
» 222—229	» —(477—483)

Coisl. 94.	Sirmond-Migne (Vaticanus 1432).
№№ 230, 231	Lib. II, 21, 22
» 232, 233	» —(484, 485)
» 234	» 23
» 235, 236	» —(486, 487)
» 237	» 24 (488. Напечатано у Концы за новое).
» 238—241	Lib. II, —(489—492)
» 242—244	» 25—27
» 245	» —(493)
» 246	» 28
» 247—251	» —(494—498)
» 252	» 29
» 253—260	» —(499—506)
» 261, 262	» 30, 31
» 263—268	» —(507—512)
» 269	» 32
» 270—287	» —(513—530)
» 288	» 33
» 289—304	» —(531—546)
» 305, 306	» 34, 35
» 307, 308	» —(547, 548)
» 309	» 36

Извилистая черта.

(Листъ 286 а).

Τοῦ αὐτοῦ βιβλίον β΄.

№№ 1—24	» 37—60
» 25	» 62
» 26—45	» 63—82
» 46—54	» 84—92
» 55	» 94
» 56—62 (№ 60-му отвѣчаетъ лакуна въ 1 листъ, содержавшая начало письма Ὑπάτῳ τέκνῳ).	» 96—102 » »
» 63, 64	» 151, 152
» 65, 66	» 105, 106
» 67	» 153
» 68, 69	» 107, 108
» 70	» 154
» 71	» 110
» 72	» 155
» 73—77	» 112—116
» 78, 79	» 157, 158
» 80, 81	» 117, 119

Coisl. 269.	Sirmond. Migne Vatic. 1432.
№№ 82	Lib. II, 159
» 83—85	» 120—122
» 86 .	» 160
» 87—89	» 123, 124, 127
» 90, 91	» 161, 162
» 92	» 129
» 93	» 163
» 94—98	» 131, 132, 134—136
» 99	» 138
» 100	» 164
» 101, 102	» 139, 140
» 103, 104	» 165, 166
» 105	» 168,
» 106—108	» 142, 144, 145
» 109, 110	» 172, 173
» 111, 112	» 147, 148
» 113	» 150
» 114—116	» 174—176
» 117	» 193
» 118—119	» 180, 181
» 120—128	» 183—191[1])
» 129	» 194
» 130, 131	» 196, 197
» 132	» 200
» 133	» —(Coisl. 94 № 258).
» 134—145	» 201, 203, 202, 205, 207-211, 213—215.

Рукопись обрывается въ серединѣ письма.

Итого: рукопись Коалепя № 269 содержитъ 507 писемъ, распредѣленныхъ по *тремъ* большимъ, ясно опредѣленнымъ отдѣламъ, каждый съ особымъ заглавіемъ и нумераціей. Изъ этихъ писемъ въ Paris. 894 и Vatic. 1432 не находится:

I отд. 39-ое письмо.

II отд. №№ 2—78, 80—104, 106—114[1]), 116—143, 145—147, 149, 153, 155—199, 202, 203, 208—214, 216—220, 222—229, 232, 233, 235, 236, 238—241, 245, 247—251, 253—260, 263—268, 270—287, 289—304, 307, 308 (Всего 275).

III отд. № 133.

1) Какъ выше не разъ указано, подъ № 183 Vatic. сливаетъ начало и конецъ двухъ разныхъ писемъ, которыя правильно раздѣлены въ Paris. 894 и Coisl. 94.

Остающіяся 230 писемъ отвѣчаютъ 276-ти письмамъ, находящимся цѣликомъ, или въ видѣ отрывковъ или, наконецъ въ видѣ заглавій въ Vatic. 1432 и Paris. 894. Отсюда ясно, что 46 писемъ въ Coisl. 269 нехватаетъ; а именно:

Migne lib. I, №№ 10, 12, 19, 26, 35, 36, 38, 41, 44, (45—47 заглавія), 49, 51, 54, 55, 57; всего 19 номеровъ.

Migne lib. II, №№ 20, 61, 109, 111, 118, 126, 141, 143, 146, 149, 167, 169, 170, 171, 177—179, 182, 192, 194, 195, 199, 204, 216, 219; всего 27 номеровъ.

Не мало писемъ, дефектныхъ въ изданіи Сирмонда, Coisl. 269 даетъ въ полномъ видѣ (см. Nova P. Bibl. VIII, стр. 236 — 244), а именно: Migne lib. II, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 135, 136, 183, 201.

Порядокъ, въ которомъ расположенъ матеріалъ въ Coisl. 269, можно сравнительно съ прочими рукописями описать такъ:

Первыя 38 писемъ первой нумераціи, за вычетомъ вовсе непомѣщенныхъ, въ точности соотвѣтствуютъ порядку первой книги антологій.

39-е письмо Coisl. 269 позднѣе совсѣмъ исключается изъ общаго счета и переписывается особо, какъ самостоятельное произведеніе.

40 — 52 письма первой нумераціи отвѣчаютъ разнымъ письмамъ второй книги антологіи, и въ ихъ порядкѣ нѣтъ никакого соотвѣтствія съ порядкомъ прочихъ рукописей, не исключая Arch. Paris. 894. Они отдѣлены отъ «ἐκλογὴ πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας» двумя чертами (передъ и послѣ 39-го письма), и по содержанію относятся несомнѣнно къ позднѣйшему времени, чѣмъ №№ 1 — 39; такъ №№ 40 и 41 (Migne lib. II, 83 и 93) говорятъ о пребываніи Θеодора въ смирнской тюрьмѣ и его освобожденіи оттуда послѣ смерти имп. Льва V; № 50 (II, 133) говоритъ о смерти студита Лаврентія, упоминаемаго не разъ въ 815 — 818 годахъ, и рисуетъ положеніе иконопочтителей при имп. Михаилѣ II и т. д.

Второй отдѣлъ съ особой нумераціей содержитъ подъ 309-ю нумерами 310 писемъ. Его заглавіе обѣщаетъ уже не ἐκλογή, а просто собраніе — «ἐπιστολαὶ διάφοροι ἐξο. . .» Это недописанное ἐξορίας γ' врядъ ли случайность въ такой тщательной рукописи, какъ наша; заглавіе вѣроятно намѣренно не дописано, такъ какъ писецъ не зналъ, не попадутъ ли далѣе въ рукопись письма болѣе раннихъ эпохъ. Составъ и расположеніе этихъ 310 писемъ таковы, что если выдѣлить тѣ, которыя есть въ антологіяхъ, то они составятъ начало 2-й книги Vatic. 1432, именно №№ 1—36 (кромѣ № 20, котораго въ Coisl. 269 нѣтъ вовсе); а въ остаткѣ получатся 275 писемъ, стоящихъ въ томъ же самомъ порядкѣ въ Coisl. 94, №№ 272 — 548, съ той только случайной разницей, что Coisl. 94 списалъ сюда, на соотвѣтствующихъ по Coisl. 269 мѣстахъ, два письма, списанныя имъ уже ранѣе (lib. II, 9 и 24).

Наконецъ третій, съ пропавшимъ концомъ, отдѣлъ, съ общимъ заглавіемъ τοῦ αὐτοῦ (ἐπιστολαὶ διάφοροι) βιβλίον β′ и особой (3-й) нумераціей, долженъ былъ по мысли составителя продолжать общее собраніе, обѣщанное заглавіемъ 2-го отдѣла; но онъ содержитъ только письма, попавшія въ антологію, именно ея вторую книгу, №№ 37—215, кромѣ 13-ти, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ, и еще 27-ми; ихъ порядокъ — извѣстный намъ по Paris. 894 и его оригиналу, то есть порядокъ Vatic. 1432 и Сирмондова изданія, съ тѣмъ отличіемъ, что №№ 151—173 Vatic. тутъ разсѣяны между №№ 102—150 Vatic., въ точности на тѣхъ же мѣстахъ, какъ въ Paris. 894.

Еще одно общее замѣчаніе: во всѣхъ случаяхъ отступленія порядка Coisl. 269 отъ Vatic. 1432 Coisl. помѣщаетъ ранѣе письма, стоящія въ Vatic. позднѣе, но ни разу не вставляетъ впослѣдствіи разъ пропущенное письмо. Это даетъ право полагать, что вышеуказанныхъ 46 писемъ антологіи не было вовсе и въ утраченной части Coisl. 269, и что слѣдовательно не Coisl. 269 — источникъ антологій.

На поляхъ третьяго отдѣла писецъ сдѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ, мелкимъ полууставомъ, довольно много замѣтокъ; чаще всего попадаются отмѣтки ὡρ (т. е. ὡραῖον) и σημ (σημειωτέον). Среди этихъ замѣтокъ обращаютъ на себя вниманіе двѣ, не замѣченныя Монфокономъ, а именно: при 49-мъ письмѣ сбоку стоитъ: ἀρχὴ βιβλίου γ′, а при 114-мъ: ἀρχὴ βιβλίου δ′. Эти самыя замѣтки, при тѣхъ же самыхъ письмахъ (Migne lib. II, 87 и 174), въ Paris. 894 превращены въ полныя заглавія, такъ сказать, равноправныя заглавію при письмѣ lib. II, 37 по Миню; и по ихъ образцу тамъ составлено заглавіе при письмѣ lib. II, 1: ἀρχὴ τοῦ πρώτου βιβλίου.

Глубокая древность Coisl. 269 не подлежитъ сомнѣнію; достаточно даже бѣглаго взгляда на прилагаемые снимки его обѣихъ рукъ (табл. 1 и 4), чтобы убѣдиться, что ближе первой половины X вѣка и предполагать нельзя время его написанія. Монфоконъ, какъ мы видѣли, колеблется между IX и X вѣкомъ; въ Inventaire sommaire рукопись отнесена къ X-му. Итакъ независимость ея редакціи отъ Vatic. 1432 и прочихъ наличныхъ рукописей въ доказательствахъ не нуждается, и весь вопросъ только въ отношеніи ея къ извѣстіямъ житія Михаила Монаха и къ Arch. Paris. 894 Что такое Coisl. 269? Та редакція, о которой говоритъ Михаилъ Монахъ, или позднѣйшая, или, напротивъ, древнѣйшая? Иначе: гдѣ поставить Coisl. 269? Между Arch. Paris. 894 и самимъ Paris., и слѣдовательно отнести его къ X вѣку; или передъ Arch. Paris., и слѣдовательно отнести его къ IX-му? Я становлюсь рѣшительно на сторону послѣдняго предположенія.

По признанію спеціалистовъ, нѣтъ палеографическихъ признаковъ, отличающихъ съ полной несомнѣнностью строчное письмо конца IX и начала X вѣка отъ таковаго середины и даже первой половины IX вѣка.

Такимъ образомъ доказать истинность нашей хронологіи Coisl. 269 на палеографической почвѣ нѣтъ возможности. Однако всѣ указываемые относительные признаки, по меньшей мѣрѣ, не препятствуютъ принять ее.

1) Древнѣйшее строчное письмо, говоритъ Гардтгаузенъ (Griechische Paläographie, стр. 184 и 182), «hat den Hang, Buchstaben zu einem Zuge zu verbinden»; но «die Verbindung einzelner Buchstaben wird möglichst vermieden». Признакъ ослабѣваетъ уже къ концу IX вѣка. Это явленіе, въ почти той же степени, какъ Порфирьевское Евангеліе 835 г., представляетъ Coisl. 269, особенно вторая рука (см. табл. 4 и 5, passim).

2) *Начертаніе вм. ου не встрѣчается въ Порф. Ев.,*[1]) *но есть въ Mosq. 880 года.* (Саввы Палеографическіе снимки, табл. ϛ̄, а). Есть и въ другихъ рукописяхъ, относимыхъ къ IX вѣку, напримѣръ, № 383 Императорской Публичной Библіотеки, въ словахъ ἤγουν, ἰαννουαρίου. Въ 1-й четверти X вѣка мы имѣемъ эту форму, напр., въ Vatic. 1660, 916 г. (см. Palaeogr. Society, II, табл. 82). Coisl. 269 представляетъ эту форму, но *крайне рѣдко* и только въ *схоліяхъ*, а не въ текстѣ.

3) ξ и ζ. Первая рука Coisl. 269 имѣетъ только начертанія и , и не даетъ формъ вродѣ и , встрѣчающихся въ Oxon. Bodl. Clark. 39 (896 года), и въ рукописи British. Museum, Additional 19,390, относимомъ къ IX вѣку (Palaeogr. Society, III, табл. 231); вторая рука даетъ для ξ подобную форму; но эта форма есть и въ Порфирьевскомъ Евангеліи, чего Гардтгаузенъ не зналъ, такъ какъ извѣстные ему снимки не представляли вовсе этой буквы (табл. 4 и 5). Съ X вѣка угловатыя формы ζ и ξ довольно обыкновенны, напримѣръ въ Vatic. 1660, 916 г., Публ. Библ. № 339, 927 г., въ словахъ δελεάζει, ἑορτάζομεν, λέξεως и пр., и въ очень сходной по почерку Laur. (Plut. LXX, cod. 3); см. Wattenbach, Specimina Scripturae, табл. XXI.

4) Древнѣйшее строчное письмо «hat nur ein geschlossenes σ.» Обѣ руки Coisl. вполнѣ удовлетворяютъ этому важному условію; между тѣмъ уже Clark. 39, 896 г., и Paris. 1470, 890 г. (см. Omont, Facsimilés des manuscrits datés de la Bibliothèque Nationale, табл. 1) имѣютъ формы (σω) и (συγγρ), и заключительное С.

5) *Во второй половинѣ IX вѣка, именно въ Clark. 39*[2]), *появляется вновь форма* (въ сочетаніяхъ ττο, ττω, τεττ, τττ и т. д.). Обѣ руки

---

1) Это не вѣрно; оно тамъ есть и въ оглавленіи (напримѣръ листъ 3^r, столб. 1-й, строка 6-я снизу ταλανισμοῦ, столб. 2-й, строка 10-я сверху μυστικοῦ), и въ схоліяхъ (напримѣръ листъ 13^v, τοῦ ἁγίου γρηγορίου), и въ текстѣ (напримѣръ листъ 13^v, строка 6-я снизу σου), надъ строкой, какъ и въ Coisl.

2) Эта форма есть и въ Mosq. 880 г.; см. табл. 2, строка 8 сверху. Порфирьевское Евангеліе вездѣ даетъ вмѣсто ττ—σσ.

Coisl. 269 представляетъ эти формы (табл. 4, строка 3-я διττῶς, 7-я κατανύττεσθαι; схолія, строка 7-я, συντάττεται).

Кромѣ этихъ указанныхъ Гардтгаузеномъ примѣтъ, въ рукописяхъ, датированныхъ и недатированныхъ, относимыхъ къ концу IX и началу X вѣка, укажу на формы:

6) Уставное γ. Уже 896 г.: Clark. 39—γαρ, λογο. Такъ называемое «Евангеліе императрицы Θеодоры» Имп. Публичной Библіотеки, по Муральту 867 г., даетъ переходную форму ⲁΓ (= αγ, напримѣръ ἁγιασθῇ). Но надо замѣтить, помимо сомнительности самой датировки, 1) что очень схожая лигатура αγ обыкновенна въ IX вѣкѣ, 2) что эта, какъ и другія формы, необычайныя въ строчномъ письмѣ IX вѣка, напримѣръ, Ϸ, уставныя τ и κ, могли быть вызваны особенностями писчаго матеріала (рукопись выполнена золотомъ по черному пергаменту). Въ X вѣкѣ уставное γ обыкновенно (Публ. Библ. 339 ὀλίγον, ἐφάγομεν; CCXX γυναῖκα, γένεσις; Wattenbach, Specimina Scripturae, табл. XVIII; Palaeogr. Soc. I, табл. 82 и пр.).

7) Уставное ε является уже на рубежѣ IX и X вѣка: Patm. 109 [1]) и Paris. 451, 914 г. (Omont, Facsimilés, табл. II).

8) Уставное κ. Тоже съ конца IX вѣка. Уже Mosq. 117, 880 года, имѣетъ ⱶ. Clark. 39 (896 г.) даетъ его въ сочетаніи κο. См. также Mosq. 184, 899 г. (Саввы Палеогр. снимки, т. ϵ̄, b), и Brit. Mus. Addit. 19,390. Тоже Patm. 109, 270 (IX—X в.) и пр.

9) Уставное η находимъ нерѣдко въ 1-й половинѣ X вѣка, напримѣръ Публ. Библ. 339, 927 г.

10) Уставное ν. Укажу Brit. Mus., Additional 19,390 (IX вѣка), Paris. 781 и 492 (939 и 942 г.; у Омона табл. III и IV).

Въ 2-й половинѣ X вѣка эти формы обыкновенны: Patm. 50, 138, 270; Wattenbach, Scripturae specimina, табл. XVIII, XX и XXI; Саввы табл. ӡ̄, b), ӡ̄, c) и d) и пр.; Palaeogr. Society I, табл. 82, 953 г., табл. 25, 972 г.; Omont, табл. V и VI, 954 и 966 г.

Ни одного изъ начертаній нашихъ рубрикъ 6—10, возможныхъ въ IX, и нерѣдкихъ въ X вѣкѣ, Coisl. 269 не представляетъ *ни разу*. Ея лигатуры обычны для IX—X вв.: ει, ευ, εστ, επ, στ, αγ, υσ, σσ и др. (Я всѣ ихъ отыскалъ въ Порф. евангеліи. Cf. также Palaeogr. Society, т. I, табл. 65/6, 888 г., 81, 896 г.; Omont, Facsimilés, табл. I, 890 г.). Знакъ ϛ (καί) тождественъ съ такимъ же Порф. евангелія; сокращеній, кромѣ обычныхъ сакральныхъ, нѣтъ.

Итакъ, всѣ 10 относительныхъ признаковъ говорятъ за IX вѣкъ, причемъ одинъ (5) не засвидѣтельствованъ ранѣе 880 г.; но надо здѣсь замѣ-

1) Снимки съ патмосскихъ рукописей см. у Сакkеліона, Πατμιακὴ Βιβλιοθήκη, табл. 3 и 4.

тить, что прочіе опубликованные списки вовсе не даютъ примѣра начертанія двойного τ. Прямо за X вѣкъ не говоритъ ничто. Это даетъ намъ право утверждать, что письмо Coisl. 269 во всякомъ случаѣ нимало не препятствуетъ относить рукопись къ IX вѣку, и даже не къ концу его, разъ мы побуждаемся къ этому другими данными.

Теперь воспользуемся этимъ правомъ, даваемымъ намъ палеографіей, и разберемъ поодиночкѣ, въ свѣтѣ извѣстія Михаила Монаха, всѣ пункты сходства и отличія Coisl. 269 и Arch. Paris. 894. За какое предположеніе изъ 3-хъ логически возможныхъ они́ говорятъ? Зависитъ ли Coisl. отъ Arch. Paris., или наоборотъ, или, если они другъ отъ друга независятъ, которая редакція древнѣе?

По Михаилу монаху, повторяемъ, то есть въ концѣ 2-й половины IX вѣка, существовало *полное собраніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ* (ἔτι σώζονται) писемъ преп. Θеодора, раздѣленное на 5 книгъ.

Отдѣлы или книги Coisl. 269 можно, руководясь разными примѣтами, считать различно и сообразно съ этимъ насчитать отъ трехъ до семи; въ числѣ этихъ счетовъ есть конечно одинъ, дающій цифру 5, а именно: 1 нумерація = 1 книга (52 №№); 2 нумерація = 2 кн. (310 №№); 3 нумерація письма 1—49 = 3 кн.; 49—114 = 4 кн.; 114 до конца = 5 кн. Но дѣлить такъ можно только нарочно, чтобы, во что ни стало, получить 5 книгъ. Приходится наряду съ такими яркими признаками, какъ отдѣлительныя орнаментальныя черты, бѣлыя строки, и 3 отдѣла, строго выдѣленные 3-мя, полностью выписанными, полууставными заглавіями и особыми нумераціями, поставить 2 мелкія, отрывочныя замѣтки писца на поляхъ, мелкія до того, что Монфоконъ ихъ просто не замѣтилъ. Кромѣ того, такой счетъ произвольно превращаетъ ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας и 2-й отдѣлъ въ 1-ую и 2-ую книгу, а книги, названныя 2-й, 3-й и 4-ой,— въ 3-ю, 4-ую и пятую.

Нѣтъ сомнѣнія, что Михаилъ Монахъ, какъ и всякій другой, кто захотѣлъ бы какъ можно короче описать Coisl. 269, назвалъ бы его собраніемъ въ *трехъ* книгахъ или отдѣлахъ, а не въ пяти. Равнымъ образомъ и собраніемъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ писемъ онъ врядъ ли бы его назвалъ, читая на 1-мъ же листѣ, въ заглавіи, слово ἐκλογή. Если письма хотя бы этого одного отдѣла откуда-то *выбраны*, то ясно, что въ рукописи нѣтъ всѣхъ существующихъ; именно въ этомъ первомъ отдѣлѣ процентное отношеніе представляемыхъ ею писемъ ко всѣмъ уцѣлѣвшимъ не только въ IX, но въ XIX вѣкѣ самое невыгодное для Coisl. 269; дается изъ 57 писемъ только 38.

Напротивъ, Arch. Paris. 894 отвѣчаетъ описанію Михаила какъ нельзя лучше. Его одна нумерація уравнивала заглавія: ἀρχὴ τοῦ πρώτου, δευτέρου и т. д. βιβλίου, и оправдывала счетъ отдѣловъ по нимъ; слова ἐκλογὴ τῆς

πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας трудно въ немъ предполагать, такъ какъ въ его первой же книгѣ, отъ 77 до 309-го ея номера, письма перваго, второго и третьяго заточенія были перемѣшаны. Это дѣйствительно было собраніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ писемъ, и таковымъ вѣроятно и называло себя. Что касается числа книгъ — то, какъ уже упоминалось, всѣ шансы за то, что ихъ было пять, при чемъ послѣдняя содержала письма Coisl. 94 №№ 272—548, или бо́льшую часть второго отдѣла Coisl. 269.

Coisl. 94 свидѣтельствуетъ, что эти письма переписывались какъ сплоченное цѣлое, и какъ таковое помѣщались въ самомъ концѣ сборниковъ, послѣ всѣхъ писемъ, взятыхъ въ антологіи изъ первыхъ четырехъ книгъ полнаго собранія. А изъ Coisl. 269 видно, что въ IX—X вѣкѣ они были соединены съ 36-ю первыми письмами второй книги позднѣйшихъ антологій. Естественно думать, что въ полномъ собраніи они стояли на какомъ либо изъ этихъ двухъ мѣстъ. Противъ перваго предположенія не говоритъ ничто; второе же ариѳметически невозможно. Первое письмо второй книги антологій стояло въ полномъ собраніи въ первой книгѣ, вѣроятно на 77-мъ или 78-мъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ не дальше 103-го; отъ 77—309-го нумера тамъ находилось minimum 21 письмо перваго и второго заточенія (если думать, что *всѣ* они взяты въ антологіи, что мало вѣроятно); слѣдовательно, принимая самыя благопріятныя для взятаго предположенія условія, мы для 275-ти писемъ получаемъ только 176 мѣстъ: 309 — (76 + 36 + 21) = 176. Возможно конечно, что эти 275 писемъ были распредѣлены по всѣмъ четыремъ книгамъ; но въ такомъ случаѣ трудно понять, какъ ни одно изъ нихъ, хотя бы случайно, не попало въ антологіи, тѣмъ болѣе трудно, что нѣкоторыя изъ нихъ по содержанію, времени и поводу написанія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ попавшими въ нихъ. Такъ въ антологіяхъ читаются письма къ папѣ Пасхалію (Migne lib. II, 12 и 13), но пропущено одновременно и по тому же поводу отправленное письмо къ архимандриту Римскому Василію (N. P. Bibl. VIII, стр. 164—166), тогда какъ въ совершенно аналогичномъ случаѣ въ первой книгѣ антологій письма къ папѣ Льву и тому же Василію стоятъ рядомъ, какъ и слѣдовало ожидать[1]).

Итакъ 275 писемъ второго отдѣла Coisl. 269 составляли послѣднюю, пятую, книгу Arch. Paris. 894. Какъ же шло дѣло? Arch. Paris. выбралъ изъ второго отдѣла Coisl. 35 писемъ, а остальныя отнесъ на конецъ всего собранія, или писецъ второго отдѣла Coisl. вставилъ 35

1) Письма къ папѣ Пасхалію и архимандриту Василію стоятъ рядомъ въ Coisl. 269.

писемъ первой книги полнаго собранія въ пятую и такъ составилъ этотъ отдѣлъ?

Писецъ перваго и третьяго отдѣла Coisl. не заботится о хронологическомъ порядкѣ, какъ бы онъ ни напрашивался. Письма №№ 40—52 перваго отдѣла явно относятся къ эпохѣ послѣ 815 и даже 820 г., но это не помѣшало ему внести ихъ подъ заглавіе ἐκλογὴ πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας.

Между тѣмъ, разсматривая по содержанію второй отдѣлъ, мы легко увидимъ, что *всѣ* его письма ограничены строго опредѣленной эпохой — отъ иконоборческаго собора имп. Льва V (1—8 апрѣля 815 г.) почти вплоть до перевода преп. Θеодора изъ Вониты въ Смирну (май 819 г.). Среднимъ числомъ приходится по 80 писемъ на годъ, или 6—7 на мѣсяцъ. Такое ихъ число, при обиліи въ нихъ фактовъ и ихъ тѣсной взаимной связи по содержанію, позволяетъ опредѣлить ихъ хронологическое соотношеніе съ большою точностью. И если взяться за это дѣло, то оказывается ничѣмъ необъяснимымъ, какъ пришелъ къ своему порядку писецъ этого отдѣла Coisl., если онъ не былъ данъ ему впередъ. За немногими исключеніями, это порядокъ строго хронологическій; письма №№ 1—36 второй книги антологій являются такъ-же тѣсно связанными съ остальными 275-ю, какъ эти между собою. Сомнѣнія и запросы Θеодора о епископѣ Петрѣ Никейскомъ, игумнѣ Никитѣ Мидикіотѣ и другихъ лицахъ, его тревоги и затѣмъ успокоеніе насчетъ ихъ православія; упоминанія о временахъ года и церковныхъ праздникахъ, въ связи съ трудами и исповѣдническими подвигами его корреспондентовъ; всѣ эти быстро несущіяся, перепутывающіяся, крупныя и мелкія событія, какъ переводы Θеодора изъ тюрьмы въ тюрьму, бичеванія, угрозы и стѣсненія, терпимыя имъ и его соузникомъ Николаемъ, паденія нѣкоторыхъ учениковъ, недоразумѣнія насчетъ судьбы и поведенія другихъ, упоминанія о мученической смерти студита Θаддея, Θеофана Исповѣдника — все, до мелочей, вродѣ болѣзней желудка студита Навкратія, или несостоявшейся поѣздки студита Епифанія въ Римъ, согласовано, вообще говоря, съ необычайной, скрупулезной точностью, — если принять, что это порядокъ искуственно созданный. Я по опыту знаю, какая египетская работа — перемѣшавъ карточки «перечня» этихъ писемъ, возсоздавать порядокъ рукописи, и вмѣстѣ хронологическій, безъ помощи самой рукописи. Еще далеко труднѣйшую работу долженъ былъ предпринять писецъ второго отдѣла Coisl. 269, работу кропотливѣйшую, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по его византійскимъ понятіямъ, ни къ чему не нужную. Есть, напримѣръ, нѣсколько писемъ, гдѣ преп. Θеодоръ говоритъ о кончинѣ Θеофана Исповѣдника; одно изъ нихъ стояло въ Arch. Paris., бывшемъ, по сдѣланному предположенію, оригиналомъ Coisl. 269, въ первой книгѣ (Migne lib. II, 29), другія въ

пятой, то есть черезъ нѣсколько *сотъ* нумеровъ (N. P. Bibl. VIII, стр. 187—188, 191 и др.); при томъ по имени Ѳеофанъ названъ лишь въ письмахъ пятой книги; что письмо Migne lib. II, 29 говоритъ о немъ же, ясно изъ тождества выраженій о личности Ѳеофана, о его болѣзни и жизни въ заточеніи, и о его личныхъ отношеніяхъ къ Ѳеодору. Какая нужна память и какая внимательность, чтобы распутать это и свести всѣ эти письма вмѣстѣ, какъ дѣлаетъ Coisl. 269! А если думать, что писецъ дѣйствительно съ такой памятливостью и тщательностью выполнилъ свою работу, то чѣмъ же объяснить, что въ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло было гораздо легче, онъ допускаетъ очевидныя ошибки, ставитъ напримѣръ на 10-е мѣсто въ своемъ сборникѣ письмо къ студитамъ Анатолію и Савватію, говорящее о паденіи брата Ореста и о переводѣ Ѳеодора изъ Метопы въ Вониту — темы, тѣсно связывающія это письмо съ письмами 6-го и 7-го десятка? Далѣе, уже никакая тщательность не могла указать ему, что нѣсколько писемъ о смерти студита Ѳаддея и о смерти Ѳеофана Исповѣдника должны стоять хотя близко, но не совсѣмъ вмѣстѣ, а въ перемежку съ письмами, которыя по своему содержанію хотя вполнѣ могутъ, но вовсе не должны тутъ стоять. Не проще ли объяснить такой порядокъ тѣмъ, что писецъ второго отдѣла Coisl. 269 создавалъ этотъ отдѣлъ не изъ двухъ книгъ полнаго собранія, а списывалъ по порядку сборникъ, или лучше кипу копій, а можетъ быть и подлинниковъ, которые лежали передъ нимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ накоплялись, т. е. въ хронологическомъ? Кое гдѣ листки были перепутаны и хронологическій порядокъ нарушенъ; въ большей части случаевъ онъ остался; и то и другое отразилось фотографически точно на спискѣ. А если такъ, то Coisl. 269 старше Arch. Paris. 894, то есть старше редакціи, описанной Михаиломъ Монахомъ, слѣдовательно относится не къ X-му, а къ IX-му вѣку, и даже не къ концу его.

Если мы это примемъ, и только въ этомъ случаѣ, всѣ остальные пункты отличія и сходства между Coisl. 269 и Arch. Paris. 894 получаютъ удовлетворительное объясненіе. Почему Coisl. 269, давая полностью 10 писемъ, сильно дефектныхъ въ антологіяхъ, и 276 писемъ, не вошедшихъ въ нихъ, пропускаетъ 46 писемъ, находившихся въ Arch. Paris. 894 и взятыхъ потомъ въ антологіи? Потому, что Coisl. есть первый опытъ (можетъ быть первый *томъ*) полнаго собранія. Онъ списываетъ, что̀ удалось собрать и какъ удалось собрать. Пропущенныя письма относятся частью (27) къ годамъ 815 — 826, частью (19) къ годамъ 802 — 811; еще точнѣе — 2 къ годамъ 815 — 820, 25 къ годамъ 821 — 826; 2 къ годамъ 802 — 806, 17 къ годамъ 806 — 811. Огромное большинство падаетъ такимъ образомъ на года 821 — 826 и 806 — 811, то есть, на двѣ эпохи, отъ

которыхъ, какъ ясно изъ біографіи автора, его переписка должна была остаться въ наиболѣе разрозненномъ, отрывочномъ видѣ [1]).

Года 821—826, и особенно 821—824 это то время, когда преп. Өеодору часто приходилось мѣнять мѣсто пребыванія, когда студійскій монастырь былъ въ рукахъ иконоборцевъ, православные студиты были разсѣяны, и некому было заняться систематически собираніемъ и храненіемъ писемъ учителя.

Труднѣе сказать, почему въ Coisl. 269 нѣтъ цѣлаго ряда писемъ эпохи 797 (точнѣе: 802)—811 г. Порядокъ этихъ писемъ отличается, какъ мы видѣли, чрезвычайной устойчивостью; рукопись IX вѣка уже дѣлаетъ *выборку* — ἐκλογή — изъ этихъ писемъ; полное собраніе IX/X вѣка давало ихъ не больше 273-хъ (309 №№ первой книги, минусъ minimum 36, составившихъ въ антологіяхъ первые 36 нумеровъ второй книги, и завѣдомо относящихся къ эпохѣ 815—819 г.); позднѣйшія антологіи выбираютъ 56. Я объясняю дѣло такъ: выборка Coisl. 269 сдѣлана изъ собранія *монастырскаго архива*, куда вкладывались копіи съ важнѣйшихъ писемъ знаменитаго игумна въ сравнительно спокойное время 799—806, 811—814 г., когда въ монастырѣ оставались и распоряжались, если не Платонъ и Өеодоръ, то ихъ ученики, православные студиты. Устойчивость порядка объясняется уваженіемъ къ порядку древняго архива (письма № 57 первой книги Миня, дошедшаго до насъ въ неполномъ видѣ, въ архивѣ несомнѣнно не было; оно стояло въ Arch. Paris. 894, безъ №, между первой и второй книгой, хотя хронологически несомнѣнно относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ № 56); его сравнительная хронологическая правильность — тѣмъ, что этотъ порядокъ — порядокъ накопленія; хронологическія ошибки въ первыхъ и послѣднихъ письмахъ — тѣмъ, что эти письма писаны или до 799 года, то есть до перехода Өеодора и братіи изъ Саккудіона въ Студіонъ, и внесены въ архивъ заднимъ числомъ, или въ смутные годы 806—811, когда веденіе архива было затруднено; наконецъ ихъ малое число — скромностью Өеодора, допускавшаго хранить въ архивѣ лишь самыя важныя въ догматическомъ и нравственномъ отношеніи свои писанія. Изъ этого архива Coisl. 269 дѣлаетъ ἐκλογή. Спрашивается, почему онъ не переписываетъ его цѣликомъ?

Возможности есть разныя. Во первыхъ, можетъ быть писецъ и не дѣлалъ выборки изъ архива, а самый этотъ отдѣлъ архива носилъ уже названіе ἐκλογή, вполнѣ подходящее къ его содержанію; а Arch. Paris. 894 присоединилъ и по своему обычаю перемѣшалъ съ документами архива

---

1) Къ годамъ 815—819 это относится какъ будто еще въ большей мѣрѣ; но мы ниже увидимъ, что на дѣлѣ вышло и должно было выйти наоборотъ.

другія письма той же эпохи, отысканныя по одиночкѣ, и изъ уваженія къ старинѣ, можетъ быть, сохранилъ заглавіе архива для своей первой книги, хотя оно и не подходило болѣе. По той же причинѣ оно повторяется во всѣхъ рукописяхъ, и даже стоитъ, какъ единственное, во главѣ всего списка Coisl. 94, хотя вовсе не отвѣчаетъ его содержанію. Изъ первой книги Arch. Paris. 894 уже сдѣлана ἐκλογή Paris. 894 и Vatic. 1432. Это одинъ ходъ дѣла. Но возможно и то, что архивный матеріалъ былъ полнѣе, чѣмъ представленный въ Coisl. 269, и писецъ послѣдняго намѣренно переписалъ оттуда не всѣ документы. Всѣ письма первой книги Миня, недостающія въ Coisl. 269, можно раздѣлить на два разряда: до 809 г. и послѣ него. Первый (Migne lib. I, 10, 12, 19, 26) — все письма къ частнымъ лицамъ, и характера случайнаго, или такъ сказать историческаго — этихъ могло и не быть въ архивѣ. То же слѣдуетъ сказать и о письмахъ Migne lib. I, 35, 44, 54, 55; остальныя 9 писемъ второго разряда по содержанію вполнѣ стоили бы внесенія въ архивъ, и ихъ нѣтъ въ Coisl. 269 или потому, что въ эпоху 809—811 г. архивъ этотъ опять пришелъ, естественно, въ разстройство, или же потому, что эти письма, во время составленія нашего сборника, были такъ сказать не цензурны: они всѣ содержатъ нападки, и притомъ принципіальнаго характера, на соборъ 809 года и на патріарха Никифора; а мы знаемъ изъ письма патріарха Меѳодія (842—847 г.), что при немъ студиты, получивъ позволеніе перенести тѣла Ѳеодора, его брата Іосифа и Платона въ свой монастырь, должны были зато анаѳематствовать всѣ писанія Ѳеодора противъ Никифора (см. Migne Patrol. graeca, т. 100, ст. 1293—8). Но лично мы скорѣе за первое предположеніе, такъ какъ, несмотря на отсутствіе этихъ писемъ, Coisl. 269 содержитъ еще немало нападокъ на Никифора.

Кромѣ порядка и числа писемъ, за первоначальность сборника Coisl. 269 сравнительно съ Arch. Paris. 894 говорятъ еще схоліи. Ихъ вообще очень немного, и тѣ, которыя мы разсмотримъ сейчасъ, — единственныя, представляющія хотя нѣкоторую важность. Онѣ стоятъ на поляхъ обширнаго письма къ Навкратію, содержащаго догматическій трактатъ объ иконопочитаніи, по поводу бесѣды адресата объ этомъ вопросѣ съ какимъ то важнымъ иконоборческимъ авторитетомъ, можетъ быть Іоанномъ Грамматикомъ (у Миня lib. I, 36; въ Arch. Paris. № 309, въ Coisl. 269 № 309 второй нумераціи). Эти схоліи мы имѣемъ въ трехъ рукописяхъ: въ Coisl. 269, Paris. 894 и Coisl. 94; послѣднія двѣ рукописи даютъ ихъ съ нѣкоторыми отступленіями сравнительно съ Coisl. 269. Рѣчь въ схоліяхъ идетъ о святыхъ отцахъ, изреченія которыхъ приводились иконоборцами въ свою пользу. Вотъ эти схоліи.

1) Въ текстѣ рѣчь идетъ о извѣстныхъ словахъ преп. Астерія: Μὴ γράφε τὸν χριστὸν и т. д.

Coisl. 269.	Paris. 894.	Coisl. 94.
ἰστέον ὡς ἔστιν ἀστέριος ὑπὸ τοῦ ἁγίου σωφρονίου ἐν τοῖς αὐτοῦ συνοδικοῖς ἀναθεματιζόμενος· καὶ ὑπὸ ἄλλου πρσ ὡς ἀνέγνων ἀπολιναρίῳ καὶ εὐτυχεῖ συνταττόμενος.	Буквально то же, безъ словъ ὡς ἀνέγνων.	Нѣтъ.

2) Къ словамъ преп. Θеодора: Εἰ δὲ εἷς καὶ οὐδέτερος κἂν μυριοστῶς γράφοιτο σταυρός, καὶ ἓν καὶ οὐδέτερον κἂν ἀπείρως γράφοιτο εὐαγγέλιον, καὶ εἷς καὶ οὐ δύο κἂν ὡσαύτως γράφοιτο χριστός.

Coisl. 269.	Paris. 894.	Coisl. 94.
Нѣтъ схоліи.	Εἷς ἐστι χριστὸς κἂν γράφωνται μύριοι· καὶ σταυρὸς οὕτως κἂν γίνωνται πλείονες.	Буквально какъ Paris. 894.

3) Рѣчь идетъ о словахъ св. Епифанія: Νοήσει ἡ σὴ θεοσέβεια εἰ πρέπον ἐστι θεὸν ἔχειν ἡμᾶς ζωγραφητὸν διὰ χρωμάτων.

Coisl. 269.	Paris. 894.	Coisl. 94.
ἰστέον ὡς ἐπιφάνης ὑπὸ τοῦ ἁγίου ἐπιφανίου ἐν τῷ λβ′ κεφαλ. τῶν αἱρέσεων οὐαλεντίνῳ καὶ ἰσιδόρῳ συντάττεται· ὑπὸ δὲ τοῦ ἁγίου σωφρονίου μετὰ καρποκράτην ἐπιφάνης (поправлено изъ ἐπιφάνιος) ἀναθεματίζεται.	То же, но еретикъ ἐπιφάνης оба раза называется ἐπιφάνιος.	Какъ Paris. 894; кромѣ того вмѣсто καρποκράτην стоитъ καρποκράτου.

4) Рѣчь идетъ о словахъ св. Θеодота: Τὰς τῶν ἁγίων ἰδέας οὐκ ἐν εἰκόσι ἐξ ὑλικῶν χρωμάτων ἀναμορφοῦν παρελάβομεν и т. д.

Coisl. 269.	Paris. 894.	Coisl. 94.
Ἰστέον ὡς θεόδοτοι δ′ ὑπὸ τοῦ ἁγίου σωφρονίου ἀναθεματίζονται· ἀλλ' οἱ μὲν τρεῖς πρόδηλοι, ὁ δὲ εἷς ἀνώνυμος· ὑπὸ δὲ ἑτέρου πρς ὡς ἀνέγνων θεόδοτος ἀγκύρων διαβέβληται.	Буквально то же, что въ Coisl. 269, до словъ ὡς ἀνέγνων включительно.	

Изъ данныхъ выше подробныхъ таблицъ содержанія ясно, что Paris. 894 и Coisl. 94 не списаны ни одинъ съ другого, ни съ Coisl. 269; трудно

думать, что оба писца самостоятельно сдѣлали однѣ и тѣ же ошибки и измѣненія въ текстѣ схолій, который имѣли передъ глазами, и тѣмъ болѣе составили сами буквально совпадающую глоссу № 2. Скорѣе должно думать, что эти измѣненія перешли въ нихъ, прямо или косвенно, изъ ихъ архетипа; а такъ какъ Paris. 894 есть антологія, взятая съ полнаго собранія X вѣка, то несомнѣнно схоліи эти имѣлись уже тамъ въ этомъ самомъ видѣ. Теперь спрашивается, которую форму—Coisl. 269 или Arch. Paris. 894—признаемъ мы первоначальной? Мнѣ кажется, текстъ Coisl. 269 несомнѣнно древнѣе, и по всей вѣроятности ни откуда не списанъ, а составленъ самимъ писцомъ рукописи.

1) Онъ самъ дважды свидѣтельствуетъ, что справка принадлежитъ непосредственно ему, словами ὡς ἀνέγνων. Легко могло случиться, что позднѣйшій переписчикъ первый разъ опустилъ эти слова, какъ не имѣвшія смысла подъ его перомъ, а второй разъ позабылъ это сдѣлать; но совершенно невѣроятно, чтобы такой переписчикъ, наоборотъ, внесъ эти слова изъ четвертой схоліи въ первую: это было бы лишнимъ и безсмысленнымъ трудомъ; а если бы онъ это и сдѣлалъ, то конечно сначала списалъ бы первую схолію, какъ она стояла въ оригиналѣ, а уже потомъ, прочитавши и списавши четвертую, вставилъ бы эти слова въ первую схолію, — тогда они стояли бы гдѣ нибудь сбоку, въ видѣ выноски; а ничего подобнаго въ Coisl. 269 нѣтъ.

2) Схолія Arch. Paris. 894, излишняя сравнительно съ Coisl. 269, ясно говоритъ, гдѣ дѣйствовалъ переписчикъ, и гдѣ авторъ. Схоліи Coisl. 269, безспорно, содержательны и независимы отъ комментируемаго текста — онѣ, такъ сказать, самостоятельный вкладъ въ полемику Θеодора Студита противъ иконоборства; а схоліастъ Arch. Paris. только и сумѣлъ, что второй разъ переписать, измѣнивъ порядокъ, двѣ фразы изъ того же письма, которое вздумалъ комментировать. Впрочемъ нѣтъ, онъ еще

3) *испортилъ* вторую схолію Coisl. 269 (у него третья), думая поправить ее. Авторъ схолій, повидимому не удовлетворяясь опроверженіемъ иконоборческихъ цитатъ, даннымъ въ текстѣ, искалъ, нѣтъ ли еретиковъ одного имени съ цитуемыми иконоборцами отцами; ему очевидно думается, нѣтъ ли въ иконоборческихъ ссылкахъ подлога. При этомъ онъ остороженъ и честенъ. Онъ не пишетъ, напримѣръ: οὗτός ἐστιν ἀστέριος ὁ ἀναθεματιζόμενος и т. д., а осторожно: ἰστέον ὡς ἔστιν ἀστέριος (есть *нѣкто* еретикъ Астерій[1]); найдя еретика *Епифана*, онъ не превращаетъ его, хотя это

1) Что касается разночтенія μετὰ χαρποχράτου (вм. χαρποχράτην) въ Coisl. 94, то такъ какъ Paris. 894 даетъ χαρποχράτην, то нельзя рѣшить, что стояло въ оригиналѣ. Можетъ быть тамъ имя это послѣ μετὰ было сокращено и писцы Paris. 894 и Coisl. 94 различно вскрыли сокращеніе.

было бы ему выгодно, въ Епифанія, и сдѣлавъ при второмъ упоминаніи описку въ имени, самъ исправляетъ ее. А переписчикъ тутъ захотѣлъ съумничать, и только отступилъ отъ текста оригинала, какъ тотчасъ ошибся. Никакого еретика, Епифанія - гностика, наряду съ Валентиномъ, Исидоромъ и Карпократомъ, церковная исторія не знаетъ, а знаетъ именно Епифана, сына Карпократа (см. Епифанія Πανάριον, ересь 32; Климентъ Алекс., Στρωματεῖς, III 2,5; A. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius, erster Teil, erste Hälfte, Ss. 161—162; zweiter Teil, erster Band, S. 297).

Итакъ и текстъ схолій подтверждаетъ мнѣніе, что Coisl. 269 древнѣе полнаго собранія Arch. Paris. 894.

Переходимъ къ пунктамъ сходства Arch. Paris. 894 и антологій съ Coisl. 269. Они показываютъ, что при составленіи этихъ рукописей Coisl. 269 былъ образцомъ для механическаго, можно сказать, подражанія, даже въ мелочахъ, откуда видно, насколько этотъ сборникъ считался авторитетнымъ.

Письмо «къ отцу своему Платону о почитаніи св. иконъ» въ XI вѣкѣ выдѣляется окончательно изъ общаго счета и переписывается, какъ самостоятельное догматическое произведеніе (такъ оно переписано въ Paris. 894; о Vatic. 1432 мнѣ извѣстно только, что среди писемъ его нѣтъ). Мы не знаемъ, находилось ли оно еще въ полномъ собраніи Arch. Paris. 894 (мѣсто указать можно, между 296-тымъ и 305-тымъ письмами); но любопытно то, что какъ въ Coisl. 269, послѣ письма № 56 первой книги по Миню, стоитъ наше письмо къ Платону, хотя и съ цифрой, но уже, такъ сказать, на особомъ положеніи (см. выше стр. 24), такъ послѣ этого же самаго письма Paris. 894 (вѣроятно по примѣру своего оригинала) даетъ письмо lib. I, 57 Миня, адресованный тоже Платону, и тоже «extra aliarum seriem» по замѣчанію де-ла-Бона[1]). Это уже прямо подражаніе.

Далѣе, первую книгу своей второй части Paris. 894 кончаетъ 36-мъ письмомъ второй книги Миня; письмо это въ оригиналѣ его значилось подъ № 309; заглавіе ἀρχὴ βιβλίου β′ стояло при 37-омъ письмѣ второй книги Миня, носившемъ въ Arch. Paris. № 310. Между тѣми же самыми письмами, тѣми-же словами: τοῦ αὐτοῦ βιβλίον β′, начинаетъ Coisl. 269 свою третью нумерацію, и послѣднее письмо передъ этой отмѣткой носитъ тотъ же № 309.

Далѣе, въ Coisl. 269 за письмомъ къ игумну Платону о почитаніи

1) Migne стр. 1111/2: Exstat haec epistola in manuscripto collegii nostri Parisiensis extra aliarum seriem: tempore prior illis, quae secundo libro continentur.

иконъ (первой нумераціи № 39) идутъ, какъ продолженіе той же ἐκλογή τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας, (подъ нумерами 40—52), нѣсколько писемъ позднѣйшей эпохи. Думается, не это ли дало примѣръ составителямъ первой книги полнаго собранія перемѣшать въ ней начиная съ восьмого десятка письма эпохъ до и при Львѣ V?

Далѣе, Paris. 894 дѣлаетъ свои заглавія ἀρχὴ βιβλίου γ′ и ἀρχὴ βιβλίου δ′ при тѣхъ же самыхъ письмахъ, что и Coisl. 269; а такъ какъ главнымъ оригиналомъ для него служило полное собраніе, то надо думать, и тамъ заглавія эти стояли при тѣхъ же письмахъ.

Наконецъ, при *выборѣ* писемъ изъ полнаго собранія въ антологію Coisl. 269 сыгралъ первенствующую роль: его письма какъ первой такъ и третьей нумераціи вошли въ антологію *всѣ*, за единственнымъ исключеніемъ (къ Симеону Монаху, Coisl. 94 № 258) объясняющимся, какъ уже указано (стр. 22), просто случайностью. Можетъ быть писецъ Paris. 894, списывая текстъ писемъ и выставляя нумера съ полнаго собранія, при выборкѣ ихъ руководствовался Coisl. 269; но такъ какъ другихъ данныхъ утверждать это нѣтъ, и мы напротивъ знаемъ, что Arch. Paris. подражалъ Coisl. 269, то вѣрнѣе, что уже въ немъ эти письма были какъ либо отмѣчены, какъ достойныя особаго вниманія, почему они, а не другія, и попали въ антологію.

Но чѣмъ же руководился составитель полнаго собранія, выдѣляя въ послѣднюю, пятую книгу, 277 (собственно 275—см. стр. 25, 26 и 33) писемъ Coisl. 94 №№ 272—548? Припомнимъ, что на письма Ѳеодора Студита въ тѣ времена всѣ смотрѣли не какъ на документы по исторіи виднаго общественнаго дѣятеля, а прежде всего какъ на творенія святого отца, какъ на книгу для наученія и назиданія. Эти письма — письма второго отдѣла Coisl. 269, кромѣ 35-ти, попавшихъ въ антологію — съ указанной точки зрѣнія очень мало интересны. Это такъ сказать летучая переписка знаменитаго борца за православіе въ бурную эпоху 815—819 г., когда Ѳеодоръ Студитъ велъ корреспонденцію, по собственному свидѣтельству, почти ежедневно; она полна интереснѣйшихъ для насъ, но совершенно безразличныхъ для византійца, фактическихъ и бытовыхъ подробностей; догматическія указанія въ нихъ рѣдки, стилистически они однообразны и кратки, и по идейному содержанію своему это—бѣгло брошенныя намеки на мысли, широко развиваемыя въ письмахъ антологіи. Есть тутъ нѣсколько группъ писемъ, почти совершенно тождественныхъ и по содержанію и по языку, которыя однако всѣ передаются полностью; до какой степени тутъ нѣтъ выбора, а списано все, что было собрано, показываетъ особенно письмо къ студиту Каллисту (N. P. B. VIII стр. 194), строго говоря, лишенное всякаго содержанія:

авторъ извѣщаетъ только, что онъ живъ, здоровъ, но больше на этотъ разъ не пишетъ, потому что нѣтъ времени — надо писать другимъ.

Если читатель согласился съ нашимъ предположеніемъ, что въ архетипѣ Paris. 894 было пять книгъ, причемъ пятую составляли 275 писемъ Минева Index'а, то всѣхъ писемъ Θеодора Студита собрано было не менѣе, какъ 849 + 275 = 1124.

Въ такомъ случаѣ, Coisl. 269, содержащій ихъ теперь 507 (или, за вычетомъ письма къ Платону объ иконахъ, 506) и содержавшій прежде нѣсколько болѣе, составляетъ почти половину. Не первый ли это томъ того первоначальнаго, хаотическаго полнаго собранія, изъ котораго возникъ уже Arch. Paris. 894 въ пяти книгахъ? Если такъ, то происхожденіе отмѣтокъ ἀρχὴ βιβλίου γʹ, δʹ находитъ себѣ объясненіе. Въ IX вѣкѣ, по примиреніи студитовъ съ патріархіей, чтители памяти и дѣти по духу св. исповѣдника приступаютъ къ собранію его переписки. Сначала отыскивается въ студійскомъ архивѣ собраніе копій съ важнѣйшихъ писемъ эпохи имп. Ирины, Константина VI и Никифора; затѣмъ вписывается письмо къ игумену Платону о почитаніи иконъ; затѣмъ, по одиночкѣ, 12 писемъ поздней эпохи безъ заглавія, потомъ цѣльный сборникъ за года 815—819, съ особымъ заглавіемъ; затѣмъ, опять по одиночкѣ или тетрадями, письма, получаемыя отъ разныхъ лицъ. Пока рукопись писалась, отдѣловъ предполагалось три: въ два первые напрашивались оба сборника, изъ одиночныхъ находокъ предположено составить третій; но онъ оказался несоразмѣрно великъ. Тогда рѣшено раздѣлить его на нѣсколько книгъ; и при письмахъ, которыми рѣшено начать третью и четвертую книгу, сдѣланы соотвѣтствующія отмѣтки на поляхъ. Всѣ письма, въ вновь принятомъ порядкѣ, въ пяти книгахъ, сведенныхъ въ одну нумерацію, можетъ быть съ общимъ заглавіемъ вродѣ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν и т. д. ἐπιστολαὶ διάφοροι αἳ σώζονται ἔτι, составили Arch. Paris. 894.

Но если ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας возникла естественно изъ копій монастырскаго архива, то сборникъ 310 писемъ τῆς τρίτης ἐξορίας, разъ онъ даетъ порядокъ (за немногими исключеніями, легко объяснямыми просто путаницей листовъ), въ какомъ послѣдовательно, по мѣрѣ написанія самихъ писемъ, снимались съ нихъ копіи—то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ его составленіи преобладающее участіе принималъ ученикъ преп. Θеодора, св. Николай Исповѣдникъ: дать этотъ сборникъ, за эти года и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ Coisl. 269, можно смѣло сказать, *кромѣ преп. Николая не могъ буквально никто на свѣтѣ*; а преп. Николай, напротивъ, имѣлъ къ тому полную возможность и охоту.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратиться къ его біографіи, т. е. къ его житіямъ.

Житіе св. Николая Исповѣдника впервые напечатано по гречески и по латыни у Комбефиза по рукописи Reg. 2009, въ Auctarium novum ad Bibliothecam patrum Graeco-latinam, т. 2, стр. 889—953, а отсюда, перепечатано въ 105 т. Patrologiae Миня, ст. 863—925; болландисты, въ IV томѣ A. SS., стр. 544—557 даютъ одинъ латинскій текстъ съ нѣкоторыми измѣненіями противъ Комбефиза, а въ Commentarius praevius сообщаютъ о другомъ, дефектномъ, спискѣ житія Medicaeus Regis Franciae (№ не указанъ), по которому они начали было печатаніе, но оставили, такъ какъ нашли у Комбефиза полный текстъ. Заглавіе житія по Комбефизу: Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Νικολάου ἡγουμένου τῆς εὐαγεστάτης μονῆς τοῦ Στουδίου. Medic. давалъ другое заглавіе: Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου καὶ ἀοιδίμου πατρὸς etc., и слѣдовательно, можетъ быть, другую редакцію [1]). Впрочемъ напечатанная редакція, кажется, первоначальная; авторъ ея довольно ясно говоритъ, что до него жизнь преп. Николая никѣмъ не была описана (Migne 105, 864 B: μικρά τινα τῶν αὐτοῦ. . . διαζωγραφήσομεν. . . τὰ μακρῷ τῷ χρόνῳ τῇ σιωπῇ καλυπτόμενα). Время составленія житія опредѣляется довольно точно. Авторъ (студитъ) пишетъ несомнѣнно до завоеванія Крита имп. Никифоромъ Фокой (Migne 105, стр. 865, B. C); онъ описываетъ исцѣленіе преп. Николаемъ его ученика, Антонія, совершившееся при второмъ преемникѣ преп. Николая, игумнѣ Иларіонѣ, и при этомъ сообщаетъ, что со времени чуда прошло 40 лѣтъ, а самъ Антоній еще живъ. Еще ближе время составленія житія опредѣляется указаніемъ автора, что оно составлено при игумнѣ студійскаго монастыря Анатоліи, его постриженникомъ и по его порученію. Изъ времени игуменства Анатолія мы имѣемъ двѣ точныя даты. Въ криптоферратской рукописи (теперь Vatic. 1190) житія св. Никиты Мидикіота, списанной съ датированной рукописи студійскаго монастыря, сообщается дата послѣдней; вотъ она (A. SS. X стр. XXVII): Τετέλεσται ἡ παροῦσα βίβλος μηνὶ μαρτίῳ κα' ἰνδικτιῶνι α' ἔτους κόσμου ,ϛυκδ', γραφεῖσα διὰ χειρὸς Ἰωάννου ταπεινοῦ καὶ ἐλαχίστου μοναχοῦ ἐπὶ Ἀνατολίου τοῦ ὁσιωτάτου ἡγουμένου τῶν Στουδίου. Принявъ для года отъ Адама Александрійскую эру (иначе онъ не согласуется съ индиктомъ), получаемъ, что рукопись писана при игумнѣ Анатоліи въ 932 году. При томъ же студійскомъ

---

1) Въ Inventaire sommaire г. Омона житіе Николая Студита значится въ двухъ рукописяхъ: Fonds anciens № 1450, лл. 23—29 b. (olim Bibl. du roi, 2009), XI в., in f.°, и № 1452 (olim Medic. Reg. 2010), X в. Болландисты разумѣютъ вѣроятно послѣднюю рукопись. Это та самая февральская Минея, гдѣ находится изданное и изслѣдованное ак. В. Г. Васильевскимъ житіе Георгія Амастридскаго.

игуменѣ Анатоліи писана Минея 916 г. (Vatic. 1660), см. Palaeogr. Society, II, табл. 82. Отсюда ясно, что житіе преп. Николая составлено въ первой половинѣ X вѣка, лѣтъ 50—70 послѣ кончины самого преп. Николая[1]). Реторики и невѣроятныхъ разсказовъ въ немъ немного, фактовъ много, они внутренно правдивы и прекрасно согласуются съ другими историческими данными. Исторія совмѣстнаго исповѣдничества свв. Ѳеодора и Николая при Львѣ V разсказана здѣсь съ бóльшимъ соотвѣтствіемъ перепискѣ Ѳеодора, чѣмъ даже въ древнѣйшемъ житіи Ѳеодора. Видно, что авторъ, хотя и не имѣлъ прямыхъ письменныхъ источниковъ, располагалъ хорошими косвенными и живымъ преданіемъ (припомнимъ ученика Николая, Антонія), и писалъ дѣйствительно, какъ обѣщалъ: εἰ καὶ ἀτεχνῶς, πλὴν φιλαληθῶς. Очеркъ жизни преп. Николая по житію представляется въ такомъ видѣ: онъ родился въ Критѣ въ 793 г., первое образованіе получилъ дома; десяти лѣтъ отъ роду былъ привезенъ родителями въ Византію къ дядѣ, Ѳеофану, подвизавшемуся въ студійскомъ монастырѣ. Ѳеофанъ представилъ ребенка преп. Ѳеодору, а тотъ помѣстилъ его въ монастырскую школу (πρὸς τὸ ἔναγχος τῆς μονῆς καταγώγιον τῶν παίδων . . . τὴν τῶν γραμμάτων ἐκπαιδευόμενον μάθησιν)[2]); и тутъ (Migne 105, 872 A—B):

---

1) Вторая редакція житія преп. Ѳеодора Студита приписывается рукописями то Михаилу, то Ѳеодору Дафнопату, а въ концѣ его стоитъ стихъ: Θεοῦ τὸ δῶρον καὶ πόνος Ἰωάννου (см. Thomas, Theodor v. Studion, стр. 22—23). Житіе составлено въ первой половинѣ X вѣка, т. е. около того же времени, какъ оригиналъ Vatic. 1190, касается главнаго героя того же студійскаго монастыря, гдѣ писана послѣдняя; это даетъ право отождествить писца оригинала Vatic. 1190 и архетипа рукописей второй редакціи житія Ѳеодора. Но вотъ вопросъ: не онъ ли, писецъ Іоаннъ, и авторъ этой редакціи, какъ думалъ Алляцій? Изъ записи самой по себѣ этого, конечно, вовсе еще не слѣдуетъ; но не странно ли думать, что студиты X вѣка, съ игумномъ Анатоліемъ во главѣ, составили житіе Николая, а переработку житія Ѳеодора предоставили протасикриту и патрикію Дафнопату, не имѣвшему къ Студіону никакого отношенія, и ограничились тѣмъ, что списали его работу? Кстати: г. Эргардъ (въ Gesch. d. byz. Litt. Крумбахера, изд. 2, стр. 151) смѣется надъ мнѣніемъ Томаса, что въ словахъ Θεοῦ τὸ δῶρον скрывается имя автора. Мнѣ авторство Дафнопата тоже очень сомнительно; но что эту формулу могли употребить иной разъ и не по шаблону, а ради игры словъ, отрицать трудно. Укажу примѣры, гдѣ такой игрой словъ намекается на Ѳеодора Студита. Paris. 891, содержащій κατηχήσεις преп. Ѳеодора, имѣетъ запись: Θεοῦ τὸ δῶρον, ἡ γραφὴ δὲ Ἀρσενίου. Patm. 112 кончаетъ тѣже κατηχήσεις стихами, гдѣ встрѣчаются слова:

Ἀλλ εὖγε, φερωνύμως δῶρον ἐκ Θεοῦ,
Πάτερ, λέλογχας τὴν χάριν κατ' ἀξίαν.

Въ стихотворной эпиграммѣ Діонисія на преп. Ѳеодора (Migne 99, стр. 1812) читается:

1. Δῶρον ἀειζώοιο Θεοῦ μεγάλοιο ἄνακτος
. . . .
3. Οὔνομα Θεόδωρος ποίμνης ἡγεύμενος ἥκει.

2) Кое какія свѣдѣнія объ этихъ школахъ вообще и о студійской въ частности можно найти у И. Соколова, въ книгѣ: «Византійское монашество», стр. 512—514.

ἐπεὶ δὲ καθ'ἡλικίαν προβαίνων τὰς εἰσαγωγικὰς μαθήσεις εὐφυῶς ἄγαν καὶ φιλοπόνως ἐξήσκησεν, ἐχρῆν δὲ λοιπὸν καὶ γραμματικῆς, ὅσον πρὸς τὸ γράφειν ὀρθῶς, τὴν ἐπιστήμην πορίσασθαι, καὶ ταύτην προσείληφε, ταχυγράφος ἀποφανθεὶς χρησιμώτατος ὠκύτητι φύσεως. Объ этомъ искусствѣ быстраго и четкаго письма[1]), которымъ славился преп. Николай, въ житіи говорится не разъ, напримѣръ въ такихъ выраженіяхъ (Migne 876 A): Ἦν καὶ δέλτους ἄριστα συρμεογραφῶν εἰ καί τις ἄλλος, οἶμαι, τῇ ὠκύτητι χειρῶν . . . καὶ μαρτυροῦσιν αἵ τε βίβλοι καὶ τὰ ἐκείνου πονήματα.

Вскорѣ послѣ иконоборческаго собора (1—8 апрѣля 815 г.) св. Николай сопровождалъ своего учителя въ изгнаніе въ Метопу, и начиная съ этого времени вплоть до смерти Θеодора оставался при немъ почти безотлучно. Въ самые тяжелые года, время заключенія въ восточной оемѣ, въ м. Вонитѣ (816—819) и въ Смирнѣ (Май 819—Декабрь 820), кромѣ Николая, съ Θеодоромъ не было никого; даже случайныя свиданія ихъ съ прочими студитами были рѣдки и крайне кратковременны. Это какъ разъ эпоха писемъ второго отдѣла Coisl. 269, время, по свидѣтельству самого преп. Θеодора (письмо Migne lib. II, 39), оживленнѣйшей переписки его, ведшейся «почти ежедневно». Трудно сомнѣваться, что въ это время преп. Θеодоръ, имѣя постоянно къ своимъ услугамъ такого превосходнаго писца, какъ св. Николай, не пользовался его искусствомъ. А такъ какъ уже въ это время студиты принимали мѣры къ сохраненію этой переписки (см. N. P. Bibl. VIII, стр. 220), то ничего нѣтъ естественнѣе, что и въ этомъ дѣлѣ тотъ же Николай принималъ главное участіе; что онъ, написавъ подъ диктовку письмо, писалъ второй экземпляръ для себя и составлялъ такимъ образомъ собраніе копій, можетъ быть, при случаѣ, по частямъ, сдавая накопившееся навѣщавшимъ ихъ студитамъ. Сборникъ прекращается незадолго до истязанія въ февралѣ 819 г. и перевода узниковъ въ Смирну, и это вполнѣ естественно: съ февраля 819 г. Николай долженъ былъ прекратить эту работу, такъ какъ сначала нѣкоторое время не могъ писать искалѣченными пыткой руками (см. ниже), а въ Смирнѣ, по свидѣтельству опять таки самого Θеодора, надзоръ за узниками былъ усиленъ, и особенно строго стали препятствовать ихъ сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ (см. напр. Migne lib. II, 66); писать приходилось рѣдко, и при этомъ дорожить и временемъ, и писчимъ матеріаломъ.

Но эти соображенія не только сами по себѣ естественны, но и засвидѣтельствованы источниками.

---

1) Врядъ ли слово ταχυγράφος слѣдуетъ тутъ понимать терминологически (= стенографъ), такъ какъ ниже въ житіи о томъ же предметѣ употребляются и другія выраженія.

Косвенно это говорятъ разсказы житія св. Николая о двухъ бичеваніяхъ преп. Θеодора и Николая въ Вонитѣ. Первый разъ императорскіе чиновники перехватываютъ письмо преп. Θеодора, гдѣ проповѣдуется поклоненіе иконамъ и осуждается безуміе царя (ἐπιστολὴ διαγραφοῦσα προσκύνησιν εἰκόνων καὶ τοῦ βασιλέως παράνοιαν); когда преп. *Николай* и Θеодоръ признали письмо *своимъ*, то дается сто ударовъ βουνεύροις *сначала Николаю*, а потомъ Θеодору.

Невдолгѣ вслѣдъ затѣмъ, когда еще не прошли слѣды этого наказанія, было перехвачено еще письмо, осуждавшее императора, и снова преп. Николай подвергается жестокому наказанію: его, давно уже потерявшаго отъ побоевъ сознаніе, оставляютъ зимней порой (3 февраля) обнаженнаго на дворѣ; затѣмъ стражникъ пытается «лестью» отвлечь Николая отъ преданности Θеодору, и послѣ неудачи подвергаетъ его мучительной пыткѣ — терзаетъ веревками и выворачиваетъ кисти рукъ. Уже отсюда видно, что въ перепискѣ Θеодора преп. Николай какъ-то активно участвовалъ, если считался наравнѣ съ преп. Θеодоромъ, и даже болѣе чѣмъ Θеодоръ, въ ней виновнымъ. А житіе преп. Θеодора, писанное гораздо раньше житія Николая, и ни слова не говорящее о искусствѣ послѣдняго какъ писца, описывая тоже истязаніе, уже прямо говоритъ, что Николая приказано было пытать перваго «ὡς τούτων γραφέα».

Въ житіи преп. Николая русской сокращенной Минеи (л. х҃ѳ об.)[1]) находится тоже извѣстіе: чиновникъ спрашиваетъ исповѣдниковъ, ихъ ли письмо перехвачено: «они же непотаиша дѣла своего; преподобный бо Θеодоръ повелѣваше, а блаженный Никола писаше». Слова житія преп. Θеодора позволяютъ видѣть тутъ болѣе, чѣмъ удачную глоссу славянскаго переводчика — слѣдъ другой редакціи житія. Нѣтъ ли этого извѣстія въ дефектномъ житіи Paris. 1452?

Итакъ полный, компактный, хронологически правильный сборникъ писемъ за эпоху отъ иконоборческаго собора до мая 819 г. существовалъ въ IX вѣкѣ; въ эти годы при преп. Θеодорѣ былъ безотлучно одинъ Николай, а съ лѣта 816 года только онъ одинъ; онъ, славный тахиграфъ, писалъ подъ диктовку Θеодора эти письма; въ письменныхъ матеріалахъ недостатка не было. Кто же, какъ не Николай, могъ составить сборникъ? Кто, какъ не онъ, первый собиратель писемъ наставника, знатокъ патристической литературы (см. житіе: ἦν δὲ ἀκοὴν ὑποκλίνων ταῖς πατέρων διηγήσεσι καὶ τούτων βίους ἀνελίττων ἑκάστοτε ἐφωτίζετο), могъ составить выше разобранныя схоліи? Понятно и рабολѣпное подражаніе полнаго собранія нашему сборнику, если принять, что его окружалъ ореолъ

1) Кіевъ, 1695 (?) г.

высокочтимаго, признаннаго еще въ IX вѣкѣ святымъ, сподвижника преп. Θеодора. Но интересъ рукописи Coisl. 269 и этимъ еще не исчерпывается. Въ высшей степени вѣроятно (для меня лично — несомнѣнно), что во второмъ отдѣлѣ Coisl. 269 мы имѣемъ не только сборникъ, составленный преп. Николаемъ, *но его автографъ*; имъ скопленныя копіи переписаны *сюда его же собственной рукой.*

Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ одинъ почти несомнѣнный автографъ преп. Николая въ рукописи, извѣстной многимъ читателямъ, именно въ Порфирьевскомъ Четвероевангеліи 835 г. На послѣдней страницѣ этой рукописи стоитъ запись, что рукопись окончена 5 мая 6343 г. руками грѣшнаго монаха Николая; а на лицевой сторонѣ л. 344 стоятъ его же рукою сдѣланныя хронологическія записи (онѣ разобраны г. Церетели въ статьѣ сборника Στέφανος, посвященнаго учениками проф. Θ. Θ. Соколову, Спб. 1895, стр. 76—80, гдѣ и указано, что писецъ — студитъ) о дняхъ и годахъ кончины трехъ великихъ святыхъ студитовъ: Платона, Θеодора и архіеп. Іосифа; въ нихъ монахъ Николай называетъ второго ὁ κοινὸς πατὴρ ἡμῶν, откуда ясно, что самъ онъ монахъ студійской обители; замѣтка писана вѣроятно въ 844 г., по случаю перенесенія мощей Платона, Θеодора и Іосифа въ студійскій монастырь. О составѣ студійской обители въ 835 г. мы имѣемъ достаточно точное понятіе. Въ письмѣ Migne lib. I, 41 самъ преп. Θеодоръ даетъ намъ списокъ всѣхъ студитовъ, имена которыхъ, по его мнѣнію, могли понадобиться въ перепискѣ членовъ монастыря другъ съ другомъ во время гоненія; второй богатый источникъ именъ студитовъ мы имѣемъ въ упоминаніяхъ его 555 сохранившихся писемъ; а такъ какъ съ 815 г. до самаго возстановленія православія студиты были разсѣяны и монастырь находился въ рукахъ иконоборцевъ, то новыхъ православныхъ членовъ въ него въ это время вступать не могло.

Оба эти источника говорятъ лишь объ одномъ студитѣ съ именемъ Николая — именно св. Николаѣ Исповѣдникѣ. Онъ въ изобрѣтенномъ преп. Θеодоромъ условномъ письмѣ обозначается буквой ζ; къ нему, вѣроятно въ память совмѣстнаго исповѣдничества, преп. Θеодоръ, по освобожденіи изъ смирнской тюрьмы, написалъ единственное письмо (Migne lib. II, 72); отъ него передается поклонъ почти во всѣхъ письмахъ, писанныхъ изъ тюрьмы въ Вонитѣ и Смирнѣ. Кромѣ него во всей перепискѣ преп. Θеодора встрѣчаются три Николая; одинъ изъ нихъ (Migne lib. I, 32) — патріаршій хартуларій; другой (N. P. Bibl. VIII, стр. 143 и 180) — свѣтское лицо; а третій (Migne lib. I, 10) 1) ясно отдѣленъ отъ студитовъ названіемъ μαθητής, такъ какъ студиты въ письмахъ всегда называются τέκνα 2) избранъ на игуменство въ другой монастырь между 801 и 806 г., и потому не могъ бы назвать себя и лицъ своего монастыря (κοινὸς πατὴρ

ἡμῶν) студитами послѣ 835 года. Можетъ показаться, что Николай, извѣстный исповѣдникъ иконопочитанія, не имѣлъ возможности писать книги въ 835 г., т. е. въ разгаръ гоненія императора Ѳеофила. Однако житіе отвѣчаетъ на это недоумѣніе вполнѣ удовлетворительно. Оказывается, что когда разразилось гоненіе Ѳеофила, нѣкая благочестивая Ирина спрятала Николая отъ иконоборцевъ въ своей усадьбѣ близъ Византіи, Фирмополѣ; тутъ онъ жилъ уединенно на покоѣ до смерти студійскаго игумна Навкратія (18 апрѣля 848 г.), и слѣдовательно находился въ наилучшихъ условіяхъ для занятія своимъ любимымъ дѣломъ — писаніемъ книгъ.

И вотъ, почеркъ второго отдѣла Coisl. 269 представляетъ такое разительное сходство съ почеркомъ Порфирьевскаго Евангелія, какое можетъ быть объяснено только тождествомъ писавшаго лица. Графологическіе вопросы этого рода по самому существу дѣла не допускаютъ математически точныхъ доказательствъ; но пусть читатель самъ, и чѣмъ подробнѣе, тѣмъ лучше, сличитъ приложенные снимки 4 и 5, и я надѣюсь, онъ согласится со мною. Строчное греческое письмо, въ противоположность унціальному, даетъ значительный просторъ развитію индивидуальности въ почеркѣ; руку Николая такъ же легко изучить и узнать повсюду, какъ напримѣръ извѣстную красивую руку «кодексовъ Арееы». Можно даже сказать, что не только никакихъ явныхъ отличій (какія бросаются въ глаза при сличеніи напримѣръ первой руки Coisl. 269 съ рукой Николая въ буквахъ ξ, ζ, φ, и въ общемъ характерѣ письма — болѣе угловатаго и вытянутаго въ вышину) тутъ нѣтъ, но даже можно удивляться, какъ мало измѣнился почеркъ Николая за время, прошедшее между написаніемъ обѣихъ рукописей. Мои впечатлѣнія провѣрилъ г. Церетели, и онъ безъ всякихъ колебаній узналъ во второй рукѣ Coisl. 269 подробно изученный имъ почеркъ Николая. Къ сожалѣнію я не могу дать читателю возможности продѣлать сличеніе на всемъ томъ огромномъ пространствѣ, на какомъ обѣ рукописи позволяютъ это сдѣлать. Мы сличали почерки на всемъ пространствѣ обѣихъ рукописей (Coisl. 269 листы 97а — 286а, Порфирьевское Евангеліе содержитъ 344 листа), и оба въ то время были подъ вліяніемъ неблагопріятно предвзятаго взгляда (я исходилъ, по г. Омону, изъ представленія, что Coisl. 269 писанъ въ X вѣкѣ, и по Гардтгаузену, что Порфирьевское Евангеліе писано въ Лаврѣ Саввы Освященнаго); я пересличилъ, чтобы не ограничиваться въ сличеніи отдѣльными буквами или словами, всѣ цитаты Coisl. изъ Четвероевангелія — и не могъ не преклониться передъ очевидностью. Шрифтъ схолій, росчерки, титла, характерный значекъ ϛ (καί) не говоря уже о буквахъ и ихъ лигатурахъ, совпадаютъ до многихъ мелкихъ подробностей. Крайне жалѣю, что страницы Coisl. 269, гдѣ цитируется Евангеліе, оказались неудобны для фотографированія, что

лишило меня возможности сдѣлать для читателя сходство столь же очевиднымъ, каково оно для меня и для другихъ, кому я показывалъ подлинныя рукописи[1]). При сличеніи надо только имѣть въ виду, что листъ Coisl. 269 по площади слишкомъ втрое превосходитъ Порф. евангеліе; вѣроятно въ связи съ этимъ буквы въ Coisl. крупнѣе и вообще почеркъ писца нѣсколько разгонистѣе и свободнѣе, чѣмъ въ евангеліи.

Если второй отдѣлъ Coisl. 269, какъ мы старались убѣдить читателя, писанъ св. Николаемъ Исповѣдникомъ, то этимъ данъ terminus, ante quem писана рукопись — 4 февраля 868 г., что находится въ полномъ согласіи съ всѣми раньше высказанными соображеніями.

Г. Церетели, разсмотрѣвъ, по моей просьбѣ, Coisl. 269, сообщилъ мнѣ, что почеркъ и другой руки, которой писаны листы 1 — 96 b и 286 a — 457 b, тоже весьма характерный, хорошо извѣстенъ палеографамъ, и указалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ на двѣ рукописи Московской Синодальной Библіотеки. Снимки съ этихъ рукописей en regard съ первой рукой Coisl. 269 я даю на таблицахъ 1 — 3 (см. также у Саввы, Палеогр. снимки, табл. ѐ̃, a и b). Первая рукопись (по описанію архим. Владимира № 117) имѣетъ на 470-мъ листѣ запись:

ἐτελειώθη ἡ βίβλος αὕτη διὰ χειρὸς ἀθανασίου μοναχοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ μηνὶ αὐγούστῳ α ἰνδ. ιγ ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ΣΤΠΗ.

Вторая (у архим. Владимира № 184) имѣетъ на оборотѣ 294-го листа запись:

ἐγράφη ἡ δέλτος αὕτη διὰ χειρὸς ἀθανασίου μοναχοῦ καὶ ἡγουμένου ἔτους ΣΥΖ ἰνδικτιῶνος β′ ἐτελειώθη μηνὶ μαΐῳ κδ ἡμέρᾳ ε′.

Итакъ первая рукопись окончена монахомъ Аѳанасіемъ 1 августа 880 г., вторая 24 мая 899, когда онъ былъ уже игуменомъ. Если, какъ

1) Тутъ замѣчу кстати, что выраженіе τὸ συρμεογραφεῖν, «протяженно-писаніе», употребленное въ житіи о книгахъ, писанныхъ преп. Николаемъ, мнѣ кажется, указываетъ именно на строчное письмо. Комбефизъ толкуетъ его: Velut longo litterarum ductu pro ratione scribendi illius temporis, qua passim libros uncialibus litteris exarabant. Въ словарѣ Е. А. Софоклиса συρμεογραφέω переведено: «to write in uncials?» Эти слова основаны кажется именно на мнѣніи, будто во времена преп. Николая книги писались passim uncialibus litteris. Стоитъ пересмотрѣть хотя бы снимки въ общеизвѣстныхъ изданіяхъ, чтобы убѣдиться, что уставныя и особенно полууставныя буквы по абсолютной величинѣ, вообще говоря, ничуть не крупнѣе строчныхъ; а между тѣмъ въ уставномъ письмѣ каждая буква пишется съ особаго почерка, или, чаще, съ нѣсколькихъ; почему же къ нему подходитъ терминъ: «протяженно-писаніе»? Несравненно лучше это выраженіе подходитъ къ строчному письму, гдѣ съ одного почерка пишутся (уже съ половины IX вѣка) двѣ и болѣе буквы, и слѣдовательно штрихъ пера гораздо длиннѣе. Впрочемъ, предоставляю эти соображенія вполнѣ на судъ спеціалистамъ. Гардтгаузенъ вовсе не упоминаетъ термина συρμεογραφεῖν; можетъ быть вмѣсто него просто надо читать σημειογράφειν?

мы думаемъ[1]), образцы письма табл. 1—3 принадлежатъ одному лицу, то ясно, что Coisl. 269 писанъ преп. Николаемъ гораздо позже, чѣмъ четвероевангеліе, такъ какъ трудно допустить, чтобы Аоанасій, бывшій игумномъ въ 899 г., могъ принять постриженіе раньше напримѣръ 850 г. Остается поискать въ житіи преп. Николая, когда въ періодъ 848—868 г. могъ онъ всего удобнѣе писать книги. Біографія его за это время представляется въ такомъ видѣ:

848—852 г. Николай игуменъ студійской обители.

852—856 г. Николай въ уединеніи въ Фирмополѣ; за него въ Студіонѣ правитъ Софроній.

856—858 г. Николай снова игуменъ.

858—865 г. Николай уклоняется отъ общенія съ патр. Фотіемъ, сначала въ καταγώγιον ἐν Πραινέτῳ, потомъ у нѣкоего Самуила, въ югозападной части Византіи (тутъ основывается впослѣдствіи его ученикомъ, Еварестомъ, коккоровійскій монастырь)[2]); потомъ въ Проконнисѣ и Митиленѣ; ἐφ' ἱκανὸν δὲ ταύτῃ διατρίψας въ 865 г. удаляется отъ Фотія съ братомъ ἐν τῷ Ξαμηλίῳ πρὸς τὴν Χερρόνησον. Ἑπταετίαν δὲ ἐν τῷ προρρηθέντι τόπῳ διαμείβοντος онъ время отъ 865-го до 25 сент. 867 г. прово́дитъ въ студійскомъ монастырѣ, въ заточеніи, за упорное непризнаніе Фотія.

867—868. Николай въ третій разъ игуменъ студійскій; 4 февраля 868 года †.

По этой таблицѣ видно, что написаніе Coisl. 269 можно относить скорѣе всего или къ годамъ 848—857, или къ семилѣтію 858—865; въ первомъ случаѣ рукопись написана въ студійскомъ монастырѣ, во второмъ въ Митиленѣ или Ксамиліи на Херронисѣ (изъ текста житія не совсѣмъ ясно, въ какомъ мѣстѣ онъ провелъ наибольшее время сподрядъ; тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, можетъ быть помогли бы парижскія рукописи другой редакціи); наименѣе вѣроятнымъ временемъ представляются года̀ 858 и 865—868, то есть года странствій, заточенія и предсмертной болѣзни преп. Николая. На которомъ изъ этихъ предположеній остановиться — сказать трудно. Съ одной стороны естественно думать, что первоначальный, какъ и послѣдующіе, сборникъ писемъ преп. Θеодора былъ составленъ въ его монастырѣ,

1) Почерки рукописей Моск. Синод. Библіотеки № 117 и № 184 нѣсколько различны; г-ну Церетели разница эта теперь кажется настолько значительной, что онъ считаетъ писцовъ ихъ за разныя лица (см. въ его книгѣ: «Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ, преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы», Спб. 1896, стр. 163). Первая рука Coisl. подходитъ къ Mosq. 117 несомнѣнно больше, чѣмъ къ Mosq. 184; если г. Церетели правъ, то Coisl. можетъ быть еще древнѣе, чѣмъ принято въ текстѣ.

2) Анонимъ Бандури (Imperium Orientale I, ч. 3, 57) говоритъ, что Еварестъ основалъ коккоровійскую обитель при Михаилѣ II; ему слѣдуютъ Штадлеръ и архим. Сергій (См. Полный мѣсяцесловъ Востока, ч. 2, 400). Изъ житія преп. Николая видно, что тутъ ошибка: Михаилъ III смѣшанъ съ Михаиломъ II.

гдѣ память его конечно наиболѣе чтилась; если такъ, то Coisl. 269 написанъ въ 852—858 гг. Въ такомъ случаѣ Аѳанасій былъ въ 899-мъ г. студійскимъ игумномъ, послѣ Иларіона и передъ Анатоліемъ II; но это трудно помирить съ данными житія патр. Евѳимія, по которымъ около 882—886 г. студійскимъ игумномъ былъ Анатолій I, а около 900 г.—Аркадій (Vita Euthymii, ed. de Boor, II. 10 и IX. 27); и остается нѣсколько страннымъ, почему житіе преп. Николая, говоря о его письменной дѣятельности и ея памятникахъ—книгахъ монастырской библіотеки, не упоминаетъ о такомъ видномъ его трудѣ въ этой области, какъ сборникъ писемъ преп. Ѳеодора [1]).

Результаты нашего изслѣдованія по вопросу, насколько традиціонный порядокъ писемъ Ѳеодора можетъ быть принятъ во вниманіе при установленіи ихъ хронологіи, сводятся къ слѣдующему.

---

1) Въ концѣ 1897 г. въ Парижѣ вышла книга аббата E. Marin: «Les moines de Constantinople jusqu'à la mort de Photius». Въ этой книгѣ, на стр. 441—442, стоитъ примѣчаніе, которое имѣетъ для предмета нашего «Введенія» такую важность, что мы приведемъ его почти цѣликомъ въ переводѣ.

«Я обязанъ» пишетъ E. Marin, «любезности г. аббата Тугара сообщеніемъ мнѣ трехъ писемъ D. Toustain, опубликованныхъ впервые въ Mélanges de la Société de l'Histoire de Normandie, III-me série, 1895, стр. 189—230. D. Toustain упоминаетъ тамъ слѣдующія, доселѣ ненапечатанныя, творенія св. Ѳеодора: 1) (стр. 196 и 206) всемірная исторія въ ямбическихъ стихахъ, отъ Адама до иконоборцевъ: 2) πραγματεία περὶ τῆς καθόλου οἰκονομίας, противъ «прелюбодѣйной ереси»; 3) трактатъ подъ заглавіемъ στηλιτευτικός, противъ иконоборцевъ, съ собраніемъ свидѣтельствъ св. Отцовъ противъ этихъ еретиковъ; 4) (стр. 206) «Жизнь монаховъ» въ ямбическихъ стихахъ; 5) (тамъ-же) *полное собраніе писемъ, числомъ около 700, изъ которыхъ досель напечатано всего 560.*

«Во второмъ письмѣ Toustain выполняетъ 4 лакуны письма Ѳеодора къ Платону» (Migne I, 57) (слѣдуютъ тексты). «Извѣстно (говоритъ далѣе Marin), что D. Toustain и D. Tassin дѣлали многочисленные розыски для изданія твореній св. Ѳеодора Студита. Папки съ результатами поисковъ составляютъ теперь № 416 du Supplément grec Парижской Національной Библіотеки. Ceillier (Histoire des auteurs ècclesiastiques XVIII, 517) сказалъ объ этомъ изданіи, которое никогда не видѣло свѣта: «тамъ найдутъ около 200 доселѣ ненапечатанныхъ писемъ, и матеріалъ для выполненія около 20 лакунъ, безобразящихъ изданіе де-ла-Бона ...»

Къ сожалѣнію я не нашелъ въ первоклассныхъ петербургскихъ библіотекахъ означенныхъ Mélanges, а данныя примѣчанія Marin очевидно неполны и противорѣчивы: Tougard въ 1895 г. говоритъ о 700 письмахъ, изъ которыхъ напечатано (де-ла-Бономъ и Cozza-Luzi) 560; а Ceillier, сочиненіе котораго явилось въ 1729—1763 гг., говоритъ, что Toustain далъ бы сравнительно съ де-ла-Бономъ лишь около 200 новыхъ писемъ, т. е. значительно меньше, чѣмъ далъ Cozza-Luzi. Кромѣ того неясно, почему Toustain считалъ свои 700 писемъ полнымъ собраніемъ — на основаніи показаній рукописей, которыми располагалъ, или по собственному соображенію. Во всякомъ случаѣ ясно, что Toustain имѣлъ рукописный матеріалъ отличный отъ разобраннаго въ нашей статьѣ, такъ какъ онъ выполнялъ при его помощи такія лакуны, какія съ разобранными рукописями выполнить нельзя; и что этотъ матеріалъ позволилъ ему еще въ прошломъ вѣкѣ установить наличность гораздо бо́льшаго числа писемъ, чѣмъ ихъ считаютъ обыкновенно теперь. Мы, на основаніяхъ, изложенныхъ въ этомъ изслѣдованіи, не были удивлены извѣстіемъ о 700 письмахъ, хранящихся въ папкахъ Toustain, но думаемъ, что и эти 700 писемъ — лишь часть грандіознаго собранія IX—X вѣка.

Письма, слывущія подъ заглавіемъ: «ἐκλογὴ τῆς πρώτης καὶ δευτέρας ἐξορίας» (первая книга Vatic. 1432) состоятъ:

1) изъ остатка современнаго событіямъ монастырскаго архива — это суть тѣ письма, которыя есть въ Coisl. 269 и нѣсколько другихъ, по содержанію несомнѣнно относящихся къ этому времени. Ихъ порядокъ, какъ порядокъ накопленія копій, вообще заслуживаетъ довѣрія; но онъ могъ быть и спутанъ и нарушенъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій годовъ 796—799, 809—811, 815—821, 829—843; поэтому, гдѣ ошибки ясны изъ содержанія, мы можемъ исправлять его, не стѣсняясь;

2) изъ писемъ, смѣшанныхъ съ архивными въ древнемъ полномъ собраніи. Среди этихъ писемъ, именно съ № 79 по № 309 полнаго собранія были завѣдомо позднѣйшія; поэтому мы обязаны относить къ эпохѣ до 811 г. лишь тѣ изъ нихъ, время которыхъ ясно опредѣляется ихъ содержаніемъ; остальныя же могутъ относиться и къ позднѣйшему времени.

Письма эпохи третьей ссылки состоятъ:

1) изъ современнаго событіямъ сборника Coisl. 269, листы 97а — 286 b, порядокъ котораго есть опять таки порядокъ накопленія копій, лишь кое-гдѣ случайно нарушенный. Его слѣдуетъ принять, какъ хронологическій, исправляя лишь тамъ, гдѣ это непремѣнно слѣдуетъ изъ связи упоминаемыхъ событій;

2) изъ множества писемъ, собранныхъ по одиночкѣ или небольшими сборниками неизвѣстнаго происхожденія, и приведенныхъ въ наличный порядокъ уже составителями полнаго собранія. Не только нѣтъ доказательствъ, что они для достиженія этого порядка располагали лучшими средствами, чѣмъ мы, но сомнительно даже, чтобы они заботились о его хронологической правильности. Поэтому при опредѣленіи хронологіи этихъ писемъ мы не можемъ руководствоваться ничѣмъ, кромѣ ихъ содержанія; рукописный же порядокъ авторитета не имѣетъ. Письма этого отдѣла, безъ историческихъ упоминаній частнаго характера, могутъ быть относимы почти съ равнымъ правомъ къ любому году отъ 796—826-й — даже къ годамъ 815—819-й, такъ какъ извѣстно, напримѣръ изъ письма N. P. Bibl. VIII, стр. 220, что и другіе студиты въ это время собирали и переписывали письма Θеодора; а изъ письма N. P. Bibl. стр. 50—51, что и въ это время преп. Θеодоръ иногда писалъ письма собственноручно, и Николай могъ и не сохранить съ нихъ копій; встрѣчаются въ эти годà также, хотя крайне рѣдко, ссылки на письма, которыхъ въ сборникѣ не оказывается (въ N. P. Bibl. VIII, стр. 9). Этимъ выводамъ я и слѣдовалъ, устанавляя порядокъ писемъ преп. Θеодора въ предстоящемъ первомъ выпускѣ «Перечня византійскихъ грамотъ и писемъ».

Приложеніе.

Къ примѣчанію на стр. 16.

Исторія монахини-императрицы Евфросины сообщается намъ источниками въ двухъ, отчасти несогласимыхъ, версіяхъ. Первая передается кратко Генесіемъ (Regum lib. II, стр. 50 боннскаго изд.), затѣмъ продолжателемъ Ѳеофана и Зонарой; другая — преимущественно хрониками такъ называемаго логоѳетова цикла (по В. Г. Васильевскому, см. его статью: Хроника Логоѳета на славянскомъ и греческомъ, Виз. Врем., т. II, стр. 78—151) — Симеономъ Магистромъ, Львомъ Грамматикомъ, Георгіемъ Монахомъ московской редакціи; но впервые мы встрѣчаемся съ нею у Георгія Мниха коаленевыхъ рукописей №№ 134 и 310, такъ что весьма вѣроятно, что она восходитъ къ первоначальному Георгію. Этой же, второй, версіи слѣдуетъ также житіе св. императрицы Ѳеодоры, изданное въ 1891 году В. Э. Регелемъ въ Analecta byzantino-russica, стр. 1—19.

По продолжателю Ѳеофана и Зонарѣ (Theoph. contin. 78—79 боннскаго изданія; Zonaras, ed. Dindorf, III, 349—350) дѣло представляется такъ. Вскорѣ послѣ подавленія возстанія стратига Ѳомы, т. е. въ концѣ 823 года, вдовый императоръ Михаилъ II задумалъ вступить во второй бракъ. Наружно показывая видъ, будто даже мысль о женитьбѣ ему противна, онъ подъ рукой далъ понять вліятельнѣйшимъ членамъ синклита, что онъ хотѣлъ-бы, чтобы они сами просили его о ней. Синклитъ понялъ и исполнилъ его желаніе; Михаилъ, послѣ долгихъ притворныхъ отказовъ, отобралъ съ челобитчиковъ письменныя клятвенныя обѣщанія, что они будутъ чтить ту, кого онъ изберетъ себѣ въ супруги, до и послѣ его смерти, какъ царицу, и дѣтей его отъ нея, какъ царей. Затѣмъ онъ женился на Евфросинѣ, которая слыла (ἐσεμνύνετο εἶναι, ἐλέγετο) дочерью императора Константина VI и августы Маріи, и давно уже была пострижена въ одномъ монастырѣ на Принцевыхъ Островахъ.

Далѣе, по этой версіи (Theoph. contin. 86, Zonaras III, 353), императоръ Ѳеофилъ, пасынокъ Евфросины, сынъ императора Михаила отъ его первой жены, Ѳеклы (дочери фригійскаго воеводы, подъ начальствомъ котораго Михаилъ началъ свою военную карьеру) вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ изгналъ свою мачеху изъ дворца и водворилъ ее снова въ томъ же монастырѣ, гдѣ она жила до замужества, такъ что нечестивыя рукоприкладства и клятвы остались втунѣ.

Такова эта версія въ ея пространной, позднѣйшей формѣ. У Генесія вмѣсто этого подробнаго повѣствованія находимъ лишь краткое извѣстіе, что императоръ Михаилъ, въ началѣ своего правленія, послѣ извѣстныхъ распоряженій относительно иконопочитанія, «удвоилъ, безумствуя, свое нечестіе», и Евфросину, дочь казненнаго чрезъ ослѣпленіе Константина, приступившую къ монашеской жизни, взялъ себѣ въ супруги и перевелъ во дворецъ (Genes., loco citato).

Вмѣсто этого разсказа, у Симеона Магистра и Льва Грамматика мы читаемъ, что императоръ Михаилъ, дѣйствительно, женился (или: былъ женатъ?) на дочери императора Константина VI, которую взялъ изъ монастыря; время событія съ точностью не опредѣляется, и не упоминается о томъ, что это былъ второй его бракъ. Өеофилъ у названныхъ писателей зовется много разъ не пасынкомъ, а роднымъ сыномъ Евфросины. По смерти Михаила II Евфросина устроила для Өеофила смотрины невѣстъ и дала ему золотое яблоко для врученія избранницѣ его сердца; послѣ женитьбы его она, своей охотой, ушла на покой въ ею устроенный Гастрійскій монастырь; однако и тамъ она сохранила связи съ императорскимъ домомъ: въ монастырѣ у нея гостили ея внучки, дочери Өеофила и Өеодоры, и она наставляла ихъ въ благочестіи и иконопочитаніи (см. Sym. Mag. стр. 620, строка 9; 621, 3; 624, 15; 625, 12; 628, 8 боннскаго изданія и соотвѣтствующія мѣста Льва Грамматика).

Обращаясь къ древнѣйшему представителю этой версіи, Георгію Мниху, находимъ, что у него Евфросина упомянута три раза, и всѣ три раза названа матерью Өеофила (кн. IV, стр. 694, 700 и 703 изд. Муральта; всѣ эти мѣста есть и въ Coisl. 134 и 310 — см. Βίοι τῶν νέων βασιλέων Георгія Мниха по боннскому изданію стр. 783, строка 12; 789, 10—790, 23). По сличенію оказывается, что у Симеона Магистра сравнительно съ Георгіемъ добавлено 1) что Евфросина была монахиня, 2) что она была или слыла за дочь Константина VI, 3) о ея отношеніяхъ къ дочерямъ Өеофила.

Непримиримое разногласіе этихъ двухъ версій, какъ въ ихъ первоначальной, такъ и въ позднѣйшей формѣ, состоитъ въ томъ, что Өеофилъ по первой версіи былъ пасынокъ, по второй — родной сынъ Евфросины. Если принять, что онъ былъ ея родной сынъ, то значитъ Михаилъ II женился на ней не въ 823 году, и вообще гораздо раньше, чѣмъ сталъ императоромъ; и слѣдовательно весь разсказъ Генесія и продолженнаго Өеофана о ея судьбѣ долженъ быть отвергнутъ, какъ ошибочный или легендарный. Дѣло въ томъ, что императоръ Өеофилъ вступилъ на престолъ несомнѣнно уже въ зрѣлыхъ годахъ. По Генесію, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ отца уже въ эпоху возстанія Өомы (822/3 годъ); по Георгію Мниху,

онъ во время своего правленія (829—841) выдалъ замужъ, и потомъ похоронилъ свою любимую дочь[1])—откуда ясно, что женился онъ на Θеодорѣ въ 830-мъ году вторымъ, а не первымъ бракомъ.

Считая, что въ эпоху возстанія Θомы ему было даже только 18 лѣтъ, мы получаемъ годъ его рожденія — 805-й, и слѣдовательно бракъ Евфросины и Михаила аморейскаго не могъ состояться позже 804 года; а гораздо вѣроятнѣе, что Θеофилъ былъ еще значительно старше.

Итакъ, если принять, согласно второй версіи, что Евфросина была родная мать Θеофила, то наше примѣчаніе на стр. 16, указывающее, что изъ послѣднихъ годовъ жизни преп. Θеодора нѣтъ писемъ, говорящихъ о ея противоканоническомъ, или, по меньшей мѣрѣ, предосудительномъ бракѣ съ императоромъ Михаиломъ, падаетъ само собою, такъ какъ вся исторія этого брака оказывается легендой: онъ относится на дѣлѣ къ гораздо болѣе раннему времени, когда Михаилъ былъ еще весьма невиднымъ лицомъ, и его бракъ, хотя бы и на бывшей монахинѣ, мало кого могъ соблазнить и взволновать.

Но болѣе того: нетрудно убѣдиться, что вторую версію можно удержать лишь въ ея первоначальной формѣ, въ какой она является у Георгія Мниха; что добавленія, внесенныя въ нее Симсономъ Магистромъ и др. изъ первой версіи, съ нею несогласимы. Если Евфросина — мать Θеофила, то она не дочь Константина VI, и до 830 года никогда не была монахиней.

Вопервыхъ, едва ли начинающій свою карьеру, незнатный и небогатый офицеръ, какимъ былъ Михаилъ около 800 года, могъ добыть себѣ въ невѣсты царевну и монахиню. И наименѣе возможно предположить это въ срокъ, идущій въ расчетъ, именно съ 797-го по 806-й годъ, то есть въ тѣ года, когда и общество и правительство окружало разведенную императрицу Марію и ея дѣтей отъ Константина VI особеннымъ, такъ сказать, демонстративнымъ уваженіемъ; когда разводъ Константина съ Маріею и бракъ его съ Θеодотой былъ оффиціально признанъ незаконнымъ, священникъ, его вѣнчавшій, изверженъ изъ клира, а Марія, живя въ монастырѣ, носила императорскія одежды (см. Зонара III, 358). Во вторыхъ, мы знаемъ, что Константинъ VI былъ въ сожительствѣ съ Маріей 7 лѣтъ, и развелся въ 795-мъ году; слѣдовательно женился онъ на ней въ 788-мъ г., и Евфросина родилась не раньше 789-го г. Выходитъ, что въ 804 г. ей не могло быть болѣе 15-ти лѣтъ. Итакъ, чтобы удержать вторую версію въ ея позднѣйшей, распространенной формѣ, приходится принять: 1) что Евфросина вышла замужъ 15-ти лѣтъ, 2) что она родилась въ первый же

1) См. Георгій, Βίοι τῶν νέων βασιλέων, стр. 703.

годъ брака Константина VI, 3) что Θеофилъ родился въ первый же годъ ея брака съ Михаиломъ, 4) что Θеофилъ женился въ первый разъ 15—16-ти лѣтъ, 5) что его любимая дочь родилась въ первый годъ его брака, — или что она вышла замужъ тоже 15—16-ти лѣтъ и умерла не старше 18-ти, 6) что Θеофилъ былъ на 18-мъ году жизни правой рукой отца-императора, и вступилъ на престолъ 25-ти лѣтъ, — вопреки указаніямъ источниковъ, что онъ былъ уже немолодъ въ это время. Конечно, всѣ эти предположенія въ отдѣльности не невозможны[1]); но разъ приходится допустить шесть такихъ совпаденій подрядъ, то ясно, что версія Симеона завела насъ въ жестокія хронологическія тиски. Но и это еще не все. Если Евфросина вышла замужъ 15-ти лѣтъ, то спрашивается, когда же она успѣла постричься? Правда, трулльскій соборъ дозволилъ произносить монашескій обѣтъ съ 10-лѣтняго возраста (правило 40-е); но обычнымъ срокомъ въ восточной церкви, по св. Василію Великому, считалось 16 или 17 лѣтъ (см. Вас. Вел. второе каноническое посланіе, правило 18); первый аскетическій авторитетъ эпохи, преп. Θеодоръ Студитъ, слѣдуетъ Василію Великому. На дѣлѣ однако даже люди съ ясно выраженнымъ аскетическимъ призваніемъ очень рѣдко постригались раньше двадцати лѣтъ (преп. Θеодоръ постригся двадцати двухъ). А императрица Марія, постриженная насильно и имѣвшая, послѣ сверженія Константина и Ирины, много шансовъ на возвращеніе къ блестящему положенію, конечно, не торопила Евфросину въ монашество.

Все это заставляетъ насъ признать въ версіи Симеона неудачную контаминацію извѣстій, идущихъ отъ Генесія и отъ Георгія Мниха. Выборъ можетъ быть лишь между такими изложеніями дѣла: или (по Генесію и продолженному Θеофану) Евфросина, дочь Константина VI и Маріи, постриглась въ срокъ отъ с. 810—820 г., взята замужъ Михаиломъ II въ концѣ 823 г.; Θеофилъ — ея пасынокъ; или (по Георгію): Евфросина, супруга Михаила II и мать Θеофила; замужемъ съ с. 800 года, происхожденіе ея неизвѣстно.

Которое изъ двухъ предположеній вѣроятнѣе внутренно и внѣшне? Дочери Константина VI въ 823 г. было около 30 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно и по возрасту и по происхожденію она какъ нельзя болѣе подходила въ невѣсты пожилому вдовому императору. Породниться съ домомъ Константина VI было для Михаила тѣмъ желательнѣе, что въ только что подавленное возстаніе ему много хлопотъ надѣлало самозванство стратига Θомы, выдававшаго себя за Константина VI. Мнѣніе продолжателя Θео-

---

1) Константинъ V женился на 14-мъ году; см. Theoph. I, стр. 614 и 631 боннскаго изданія; Niceph. Breviarium ed. de Boor, стр. 55 и 58/9.

фана, будто Михаилъ хотѣлъ устранить отъ престола Өеофила въ пользу дѣтей Евфросины, плохо вяжется съ тѣмъ, что онъ вѣнчалъ на царство Өеофила, какъ достовѣрно извѣстно изъ современныхъ источниковъ (письмо Өеодора Студита къ императорамъ Михаилу и Өеофилу, Migne 99, II, 199). Но еслибы у Михаила и была эта мысль — воцареніе Өеофила объяснялось-бы просто тѣмъ, что отъ Евфросины у него дѣтей не было вовсе. Къ тому же Генесій и не говоритъ ничего подобнаго, такъ что вся исторія о рукоприкладствахъ, вообще не внушающая довѣрія, можетъ быть и вовсе устранена, какъ домыселъ позднѣйшаго времени, или слухъ, возведенный въ фактъ легковѣрнымъ писателемъ. Хлопоты по устройству (второго) брака имп. Өеофила Евфросина могла взять на себя и какъ императрица-мачеха. Что она вскорѣ удалилась въ монастырь — въ этомъ согласны всѣ источники. По своей, или противъ своей воли она это сдѣлала — трудно рѣшить. Продолжатель Өеофана связываетъ этотъ фактъ съ клятвами сенаторовъ Михаилу; если эти клятвы — вымыселъ, то мотивировка очевидно не годится. Истина скорѣе всего въ томъ, что честолюбивая мачеха удалилась изъ дворца, гдѣ не могла ужиться съ крутымъ и властнымъ пасынкомъ, — удалилась безъ прямого внѣшняго понужденія, но и не по любви къ монашеской жизни. Словомъ разсказъ Генесія не только правдоподобенъ самъ по себѣ, но и вполнѣ совмѣстимъ со всѣми данными Георгія, если только въ текстъ послѣдняго внести всюду поправку: «мачеха» вмѣсто «мать». Даже разсказъ Симеона о сношеніяхъ Евфросины съ дочерьми Өеофила можно сохранить. Разъ она учила ихъ иконопочитанію, то сношенія должны были происходить тайкомъ отъ императора, безразлично, сынъ или пасынокъ ея онъ былъ; и императрица Өеодора могла поощрять эти сношенія, вопервыхъ какъ ревностная иконочтительница, союзница Евфросины по убѣжденіямъ; вовторыхъ изъ благодарности, такъ какъ своимъ престоломъ она была обязана отчасти ей.

Другой ходъ дѣла, тотъ, который рисуется Георгіемъ Мнихомъ, самъ по себѣ, безспорно, столь же возможенъ. Трудно объяснить только одно: откуда въ такомъ случаѣ взялась у Генесія вся исторія о второмъ бракѣ императора Михаила, исторія настолько популярная, что позднѣйшіе хронисты, слѣдующіе въ главной сути дѣла за Георгіемъ, вносятъ въ свой разсказъ черты изъ этой исторіи? Развѣ такой фактъ, какъ второй, по обстановкѣ своей сенсаціонный, бракъ императора и вѣнчаніе новой августы, такъ мелокъ, что его можно выдумать, и всѣ повѣрятъ? Да и къ чему было выдумывать? Скажутъ: но и упустить изъ вида такой фактъ тоже было нельзя писателю-современнику, каковы Георгій и авторъ житія Өеодоры. Именно эта-то внѣшняя причина — бóльшая хронологическая близость Георгія къ событіямъ, и совпаденіе его показаній съ данными

тоже древняго житія Θеодоры (это житіе было, по В. Э. Регелю, главнымъ источникомъ самого Георгія въ отдѣлѣ о императорѣ Θеофилѣ), располагаютъ новѣйшихъ изслѣдователей, и въ томъ числѣ К. Крумбахера, считать Евфросину матерью Θеофила[1]). Но если за Георгія и житіе Θеодоры говоритъ близость хронологическая, то за Генесія — близость, такъ сказать, реальная. Первоначальная лѣтопись Георгія была, какъ извѣстно, типичнымъ монастырскимъ произведеніемъ; извѣстія ея по политической и придворной исторіи были весьма немногочисленны, сухи и сбивчивы. Что касается ея источника въ данномъ случаѣ — житія имп. Θеодоры, то для назидательной и панегирической цѣли его автора и подавно было все равно, μήτηρ или μητρυιά Θεοφίλου будетъ у него названо эпизодическое лицо — Евфросина, когда онъ и относительно своихъ ближайшихъ героевъ допускаетъ нѣсколько довольно грубыхъ ошибокъ (см. W. Regel, Analecta byzantino-russica, стр. XL—XLII). Авторъ житія зналъ, что императрицей при Михаилѣ II была Евфросина; зналъ, что послѣ него правилъ сынъ его, Θеофилъ; можетъ быть, слыхалъ и молву, что Михаилъ хотѣлъ, чтобы ему наслѣдовалъ сынъ Евфросины — и написалъ, дольше не думая и не справляясь: Εὐφροσύνη, μήτηρ Θεοφίλου. Разбираться въ семейной исторіи аморейской династіи у него не было охоты, да для него не имѣло и смысла. Напротивъ, Генесій, хотя писалъ гораздо позднѣе (житіе Θеодоры писано въ IX вѣкѣ, послѣ смерти героини, то есть послѣ 867 года, а лѣтопись Генесія въ 945—959 годахъ), но зато *располагалъ обильными и достовѣрными источниками, именно для придворной исторіи, въ своихъ фамильныхъ преданіяхъ*; и политическая и династическая исторія есть вообще *главный* предметъ его разсказа.

Однимъ словомъ, если бы только нашелся источникъ, хронологически столь же авторитетный, какъ житіе Θеодоры, но подтверждающій разсказъ Генесія — то вопросъ о Евфросинѣ былъ бы безповоротно рѣшенъ въ пользу генесіевой версіи.

Такой источникъ есть; онъ давно извѣстенъ; авторитетностью онъ далеко превосходитъ житіе Θеодоры; и только по невниманію къ нему могъ вообще возникнуть въ наукѣ споръ о монахинѣ-царицѣ Евфросинѣ. Этотъ источникъ — письма преп. Θеодора Студита, и прежде всего его письмо къ императрицѣ Маріи, матери Евфросины, Migne II, 181. Вотъ полный его текстъ въ возможно точномъ переводѣ:

Къ императрицѣ Маріи.

Кто и что такое мы, ничтожные, что твое высокочтимое владычество удостоило оправдываться передъ нами за происшедшія прискорбныя собы-

1) См. K. Krumbacher, Gesch. der byz. Litt. изд. 2, стр. 715.

тія и сверхъ мѣры превознесло насъ похвалами? Что мы всетаки приняли готовность твоего благочестія снизойти (до насъ), покажетъ самая истина вещей; тѣмъ болѣе, что такъ и необходимо было, чтобы ты освободила народъ (τοὺς πολλούς) отъ ложнаго предположенія, какое обыкновенно является въ подобныхъ случаяхъ, что и неудивительно. Текущая молва распространяется въ народной массѣ, хотя нѣтъ вовсе правды въ томъ, что каждый говоритъ. Намъ же что сказать, какъ попытаться излечить страданіе твоего многоболѣзненнаго сердца? какъ сможемъ нѣжнѣе прикоснуться и исцѣлить твою израненную душу? Ты перенесла уже, чтобы начать сначала, беззаконное разлученіе отъ супруга, и была оторвана вмѣстѣ съ тѣмъ отъ державства — дѣло, потрясшее міръ! О, жалостное зрѣлище! прелюбодѣйца носитъ пурпуръ, царица — черныя одежды; раба господствуетъ, госпожа повинуется. И, чтобы миновать все прочее — вѣдь ты, терпѣвшая, лучше это знаешь, чѣмъ мы, невѣдающіе — ты перенесла изгнаніе за истину, причемъ была отрѣзана отъ собственнаго нѣдра (т. е. отъ родныхъ дѣтей). И отсюда и скорбь великая, и похвала тебѣ большая отъ Бога и всѣхъ благочестивыхъ (православныхъ). Третій ударъ — нынѣшній; по поводу его-то ты велишь намъ дать совѣтъ, что̀ дѣлать. Другіе конечно скажутъ, что мать должна пойти вслѣдъ за дочерью. Такъ-де дѣлаютъ и животныя, по естественному влеченію. Пусть такъ иной посмотритъ; мы же, ничтожные, (скажемъ) слова Господа: *Кто есть мать моя? и кто братья мои?* И паки: *Если кто приходитъ ко мнѣ и не возненавидитъ дочери своей, тотъ недостоинъ меня.* Что слѣдуетъ отсюда? что твое благочестіе должно оставаться на прежнемъ мѣстѣ (οἴκοι), а августа — обитать во дворцѣ; тутъ явился мечъ, приносящій раздѣленіе, о которомъ говоритъ евангеліе. Это, прости, госпожа, съ великимъ тщаніемъ и тревогой сердечной дерзнули мы написать, какъ бы на ухо бесѣдуя, и молимъ (у Бога) обѣимъ всего лучшаго и ведущаго ко спасенію и нынѣ и впредь».

Письмо это писано несомнѣнно при Михаилѣ II-мъ, такъ какъ въ числѣ «ударовъ судьбы», постигшихъ Марію, тутъ упоминается не только о ея разводѣ и постриженіи, но и о ея «заточеніи за истину», т. е. за иконопочитаніе, постигшемъ ее при Львѣ V и кончившемся лишь съ воцареніемъ Михаила II-го. Итакъ изъ письма непосредственно слѣдуетъ, что дочь Маріи была августой при Михаилѣ II, была замужемъ за этимъ императоромъ. Этимъ вопросъ собственно уже рѣшенъ, такъ какъ выше мы доказали, что если Евфросина, жена Михаила, была дочь Маріи армянки, то она не могла быть матерью Өеофила. Ситуацію письма возстановить не трудно. Өеодоръ Студитъ получилъ отъ Маріи письмо, въ которомъ она слагала съ себя вину за «происшедшія печальныя событія», въ виду того,

что па этотъ счетъ уже успѣла распространиться ложная молва, и спрашивала у Ѳеодора совѣта, какъ ей быть? Должна ли она слѣдовать за дочерью-августой изъ монастыря во дворецъ? Очевидно, «прискорбныя» (съ враждебной мірскому величію точки зрѣнія Ѳеодора, на которую ex officio, какъ монахиня, должна была встать и Марія), «событія» суть переходъ дочери Маріи изъ монастыря во дворецъ, и приглашеніе отъ нея къ матери послѣдовать ся примѣру; «ложная молва» состояла, конечно, въ томъ, что де Марія не только не горюетъ о такой перемѣнѣ въ судьбѣ ея дочери, но можетъ быть сама хлопотала о ней. Таково единственно-естественное объясненіе письма, какъ видитъ читатель, подтверждающее версію Генесія. Правда, въ письмѣ прямо о недавнемъ бракѣ Евфросины не говорится, а говорится лишь о томъ, что она стала августой и разлучилась съ матерью. Можно значитъ съ натяжкой предположить, что де уже раньше она была замужемъ, и стала теперь только августой просто потому, что теперь только мужъ ея сталъ императоромъ. Но это объясненіе, натянутое само по себѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается вовсе несостоятельнымъ. Предполагаемые преп. Ѳеодоромъ дурные совѣтники ссылаются на то, что мать должна слѣдовать за дочерью; самъ Ѳеодоръ говоритъ, что теперь на Маріи долженъ явиться евангельскій мечъ, раздѣляющій мать и дочь. Значитъ раньше онѣ *были* вмѣстѣ, принадлежали къ одному классу людей; а жена начальника экскубиторовъ не ближе къ матери-монахинѣ, чѣмъ жена императора.

Далѣе, если дочь Маріи не была монахиней до того, какъ стала августой, то что же прискорбнаго и компрометтирующаго для Маріи могло быть въ восшествіи ея дочери на престолъ? Надо бы только радоваться. Итакъ отъ чего же отрекается Марія? Отъ участія въ заговорѣ, возведшемъ Михаила и ея дочь на престолъ? Но рядъ ликующихъ писемъ Ѳеодора по поводу гибели Льва V явно говоритъ, что такое участіе, съ его точки зрѣнія, могло идти Маріи только въ похвалу. Замужество ея дочери съ еретикомъ-иконоборцемъ? Но, хотя трулльскій соборъ 72-мъ правиломъ призналъ такіе браки недѣйствительными, передовые борцы за православіе никогда не ставили православнымъ женщинамъ въ вину замужество съ иконоборцами, а скорѣе радовались такимъ бракамъ, надѣясь (совершенно какъ христіане трехъ первыхъ вѣковъ радовались бракамъ христіанокъ съ язычниками), что онѣ будутъ вліять на мужей въ пользу православія. Такъ относятся Ѳеофанъ Исповѣдникъ, Платонъ саккудіонскій и тотъ-же преп. Ѳеодоръ къ браку Ирины и Льва Хазара (несмотря даже на иконоборческіе обѣты, взятые съ Ирины передъ вѣнчаніемъ)[1]; также относится авторъ житія

1) Можно указать еще, напримѣръ, на отзывъ Ѳеофана о Иринѣ, супругѣ Константина V, Theoph. I, стр. 631.

имп. Θеодоры къ ея замужеству съ иконоборцемъ-Θеофиломъ (см. также многочисленныя письма Θеодора къ разнымъ православнымъ женамъ иконоборцевъ). Если бы Марія и ошибалась здѣсь на счетъ мыслей Θеодора и сочла нужнымъ оправдываться, то его-то отвѣтъ былъ бы совсѣмъ не тотъ, какой мы теперь читаемъ.

Итакъ версія Георгія Мниха и житія Θеодоры несомнѣнно ошибочна: Евфросина была не мать, а мачеха Θеофила; она была дочь Маріи армянки, и вышла за Михаила II лишь около 823 г., во всякомъ случаѣ уже по воцареніи его. Приведенное письмо Θеодора Студита писано прямо по поводу этого брака, по свѣжимъ слѣдамъ его.

Имени Евфросины въ нашемъ письмѣ случайно нѣтъ; но оно дается единогласно всѣми другими источниками. Весьма близкое отношеніе къ Маріи и ея семьѣ имѣютъ еще письма Θеодора къ «Иринѣ патрикіи», «Иринѣ игуменьѣ», «Иринѣ и Евфросинѣ монахинямъ» и «Евфросинѣ игуменьѣ». (Migne I, 55; II, 68, 192, 203, 104, 113, 115, 118, 196 и др.— цитуемъ тѣ, изъ которыхъ взяты нижеприведенныя данныя). Эта Ирина — несомнѣнно сестра Маріи армянки; а эта Евфросина — *почти* навѣрно дочь Маріи, позднѣйшая императрица. Въ этомъ насъ убѣждаютъ данныя самихъ писемъ, сличенныя съ данными житія св. Филарета Милостиваго, дѣда Маріи и Ирины.

Біографія Ирины патрикіи по письмамъ Θеодора рисуется такъ: она родомъ изъ Арменіи, царской крови (какъ и Марія), была женой стратига и димагога; первую стратигію и вмѣстѣ санъ патрикія мужъ ея получилъ въ Арменіи, потомъ перешелъ въ Грецію. Единственный ребенокъ Ирины была дочь, дѣвушка, которая около 810 г. была тяжело больна; эта дочь не была замужемъ, а основала монастырь «Львы», была тамъ настоятельницей и умерла задолго до матери, которая хотѣла обратить этотъ монастырь въ мужской, но преп. Θеодоръ совѣтовалъ ей оставить его въ прежнемъ положеніи. Гоненіе на иконы имп. Льва V застало Ирину уже вдовою. Въ это гоненіе она сперва было пала, но потомъ возстала за православіе; была бичевана, оторвана отъ единственной дочери, столицы, друзей и блестящаго положенія и заточена куда то далеко на островъ. Она всегда отличалась любовью къ иноческому чину и благотворительностью. Когда то въ періодъ 815—820 г., по смерти дочери, она сама стала монахиней и игуменьей, и тутъ къ ней присоединилась ея родственница — Евфросина. Будучи игуменьей, она искусно сумѣла оберечь Евфросину и всѣхъ сестеръ отъ всякаго общенія съ еретиками. Около 821 г. Ирина умерла и Евфросина замѣстила ее въ санѣ игуменьи. Около 823 г. эта Евфросина извѣстила Θеодора Студита письмомъ, что одна изъ сестеръ хочетъ оставить монастырь, и спрашивала, какъ ей быть въ этомъ случаѣ?

Марія императрица выводила свой родъ отъ армянскихъ царей; по житію Филарета Милостиваго у нея была сестра, почти въ одно время съ нею вышедшая замужъ за патрикія Константинакія. Такимъ образомъ тождество получается полное. Г. Хрусаноѳ Лопаревъ (изъ его статьи «Описаніе нѣкоторыхъ греческихъ житій святыхъ», помѣщенной въ Визант. Врем., т. IV, стр. 337—401, заимствованы наши свѣдѣнія о житіи св. Филарета), кажется просто по опискѣ, называетъ (въ примѣчаніи къ стр. 350—351), Ирину, жену патрикія Арменіи и Греціи, сестрой Евфросины, а не Маріи: судя по его контексту, онъ беретъ свои данныя у Ѳ. Студита; а по послѣднему эта Ирина дочерью Маріи никакъ не можетъ быть, такъ какъ у нея самой уже въ 810-мъ году была дочь-дѣвушка. Что касается Евфросины писемъ Ѳеодора, то есть одно препятствіе видѣть въ ней дочь Маріи, августу письма II, 181. Въ письмѣ II, 113 она названа νύμφη ἐν σαρκί — сноха по плоти — Ирины, тогда какъ слѣдовало бы ожидать ἀνεψιά — племянница. Евфросина — имя настолько обыкновенное, что предположить у Ирины, кромѣ племянницы, еще сноху Евфросину было бы весьма естественно; но трудность тутъ въ томъ, что по письму II, 68 у Ирины не было другихъ дѣтей, кромѣ одной дочери, умершей въ дѣвушкахъ; откуда же могла взяться сноха?.. Если Евфросина писемъ тождественна съ дочерью Маріи, то письмо II, 196 получаетъ особое освѣщеніе: думается, не разумѣла ли здѣсь Евфросина подъ «сестрой, хотящей оставить монастырь» саму себя? не зондировала-ли она, такъ сказать, почву, какъ отнесется преп. Ѳеодоръ къ ея выходу замужъ за императора?

Такимъ образомъ наше примѣчаніе неточно: одно письмо, упоминающее о предосудительномъ бракѣ императора Михаила II, существуетъ. Однако, несмотря на эту неточность, примѣчаніе сохраняетъ свою силу: хотя преп. Ѳеодоръ рѣшился, какъ видно, извинить этотъ бракъ Евфросинѣ, признавъ его за вынужденный; но тѣмъ не менѣе ясно, что онъ видѣлъ въ немъ «ударъ», «прискорбное событіе», и ему не было никакихъ причинъ извинять его и насильнику-императору, и молчать о немъ «οἰκονομικῶς» — особенно когда его надежды на благопріятный поворотъ въ церковной политикѣ новаго правительства окончательно рушились. Итакъ весьма вѣроятно, что были и другія письма, обличавшія бракъ Михаила; но они не вошли въ антологію, и потому не сохранились.

ПОПРАВКИ.

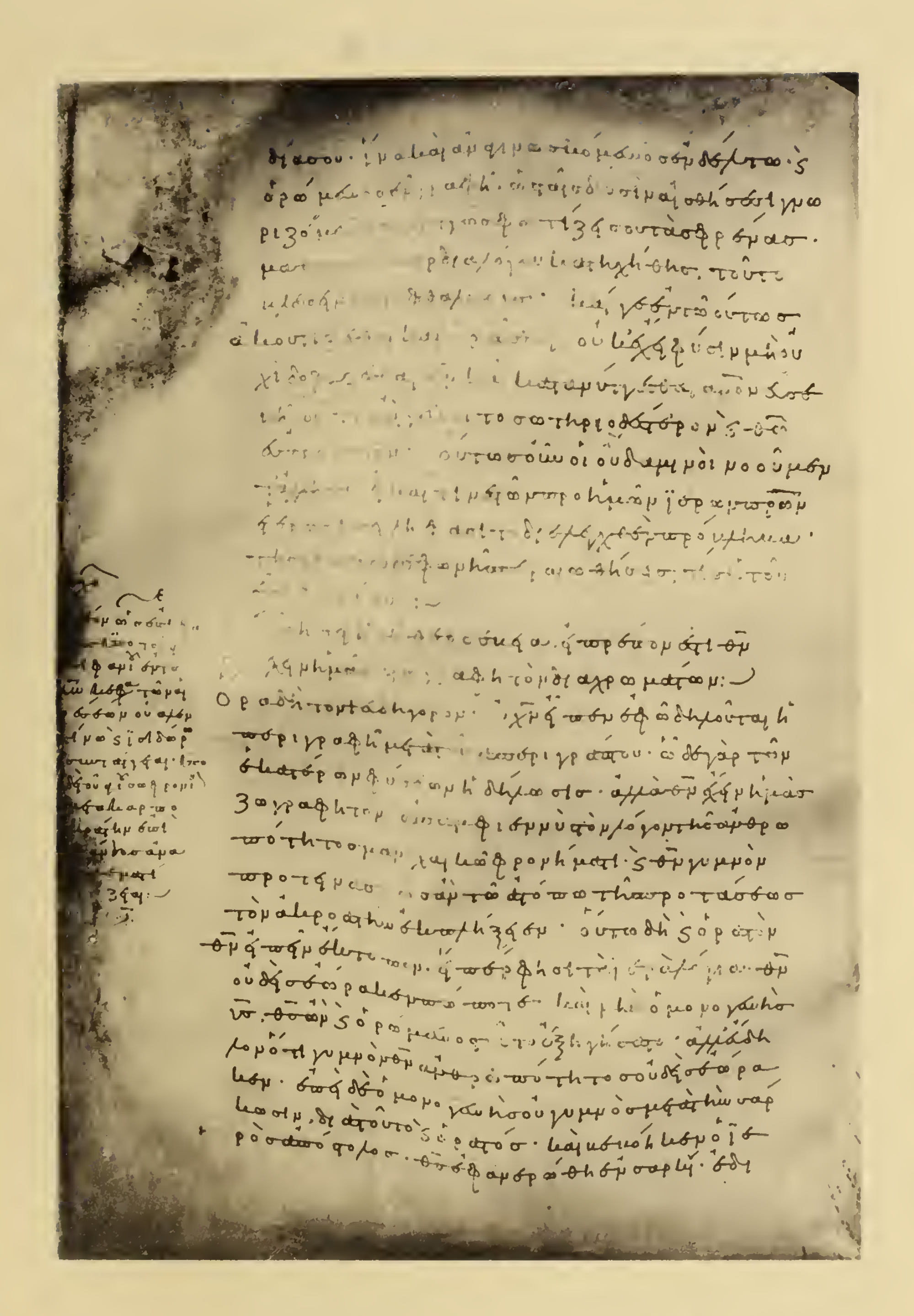
Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
15	16 сверху	3	4
»	19 »	трехлѣтію	четырехлѣтію.
»	1 снизу въ прим. 2.	(Paris.)	(Paris.),
18	3 снизу	, стр. 1—236	, отдѣлъ I, стр. 1—236.
20	1 снизу, прим. 1.	«бомбицинъ»	«бомбицинъ» (или «бомбицина» = charta bomb.)
27	1 сверху	Sirmond. Migne	Sirmond-Migne
»	27/28 сверху	207, 211	207—211
28	5 сверху	38, 41	38—41
»	9 »	216, 219	216—219
29	9 снизу	Paris. 894	Paris. 894.
31	1 сверху	представляетъ	представляютъ.

Ссылки на Acta Sanctorum стр. 43 слѣдуетъ дополнить: строка 7 сверху: «въ IV (Februarii I) томѣ»; строка 6 снизу: A. SS. X (Aprilis I) стр. XXVII.

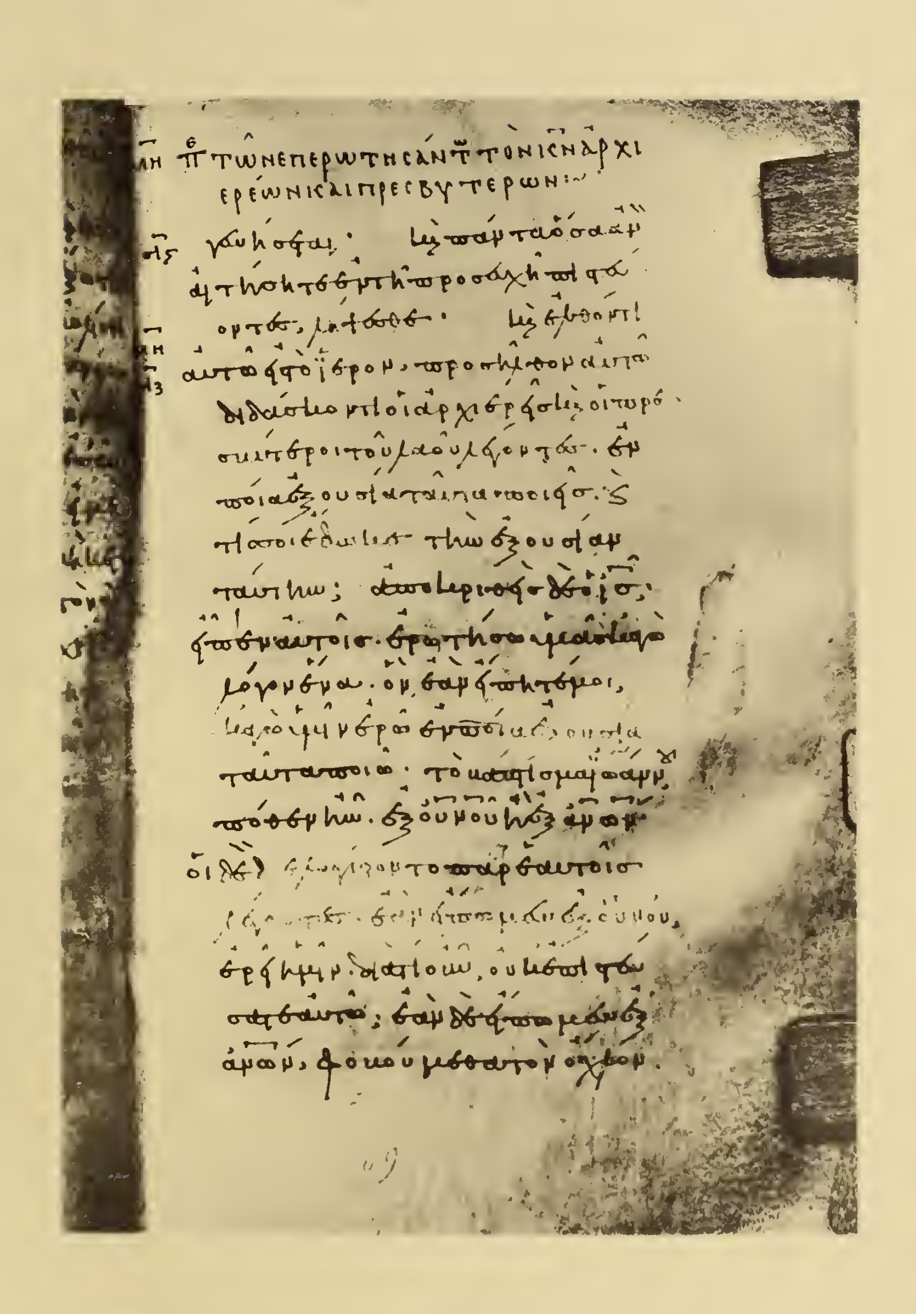
Coisl. 269, листъ 368ᵇ. Образчикъ почерка первой руки (монаха Аѳанасія?).

Mosq. Syn. 117 (Аскетиконъ св. Василія Великаго, 880 года).
Образчикъ почерка монаха Аѳанасія.

Mosq. Syn. 184 (Лѣствица св. Іоанна Лѣствичника, 899 г.).
Образчикъ почерка монаха и игумна Аѳанасія.

Coisl. 269, листъ 281ᵇ. Образчикъ почерка второй руки (св. Николая Исповѣдника?).

Ркп. Имп. Публ. Библ. 219 (Четвероевангеліе, 835 г.). Образчикъ почерка монаха Николая (Исповѣдника?).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.
Томъ IV. № 6.

CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Volume IV. № 6.

SAHIDISCHE BRUCHSTÜCKE

DER LEGENDE VON

CYPRIAN VON ANTIOCHIEN

VON

Dr. Oscar von Lemm,

Conservator am Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.

(Vorgelegt der Akademie am 10. Februar 1899.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & C-ie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 1 р. — Prix: 2 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

HERRN PROFESSOR

IGNAZIO GUIDI

GEWIDMET

VOM VERFASSER.

Die Legende von Cyprian von Antiochien, dem «Faust des kirchlichen Alterthums» [1]), gehört ohne Zweifel zu den interessantesten Legenden des frühen christlichen Mittelalters uud ist wohl mit Recht als «die grossartigste Schöpfung der alten Legendenlitteratur überhaupt» [2]) bezeichnet worden. Wie anziehend der Stoff dieser Legende und welch' einen besondern Reiz er auf die Gemüther auszuüben im Stande ist, beweist schon der Umstand, dass dieselbe von den ältesten Zeiten an, schon bald nach ihrer Entstehung und bis in die neueste Zeit hinein mehrfach poëtisch bearbeitet worden ist. Die älteste derartige Bearbeitung unserer Legende ist die der Eudocia [3]), der Tochter des griechischen Philosophen Leontius. Als Heidin führte sie den Namen Athenaïs, nahm später das Christenthum und mit demselben den Namen Eudocia an and wurde als solche die Gemahlin des Kaisers Theodosius II (408—450) [4]).

Die poëtische Bearbeitung der Eudocia [5]) ist für uns wichtig, weil sie «einen sicheren Ausgangspunkt für die literargeschichtliche Untersuchung

---

1) Theod. Zahn, Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage. Erlangen, 1882, pag. 133.

2) Albrecht Wirth, Danaë in christlichen Legenden. Wien, 1892, pag. 63.

3) Zuerst herausgegeben von Bandini in «Graecae ecclesiae vetera monumenta ex bibliotheca Medicea». I. Florentiae, 1761, pagg. 130-188, mit einer lateinischen Übersetzung,— wiederabgedruckt bei Migne, Patrol. Graeca 85, p. 827—864, zuletzt — von Ludwich Eudociae Augustae, Procli Lycii, Claudiani carminum Graecorum reliquiae. Lipsiae, 1897, pagg. 24—79. — Ders., Zu den Fragmenten der Kaiseriu Eudokia. (Berl. Philol. Wochenschrift. XIII. 1893, 770—772).

4) Ferd. Gregorovius, Athenaïs. Geschichte einer byzantinischen Kaiserin. 2. Aufl. Leipzig, 1882. Hier findet sich auf pagg. 267—284 eine freie Übersetzung vom II. Buche der Dichtnng. — Güldenpenning, Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1885, pagg. 244—249, 253 ff., 318—326 und 423. — Ludwich, Eudokia, die Gattin des Kaisers Theodosius II, als Dichterin. (Rhein. Museum f. Philol. N. F. 37, 1882, pagg. 206—225).

5) Leider ist dieselbe nicht vollständig erhalten: nur 322 Hexameter, «dem Inhalt nach zu urtheilen, etwa die letzten drei Viertel des ersten Buches, und die 479 ersten Verse des zweiten Buchs». Doch besitzen wir den Bericht des Photius, unter cod. 183 und 184 (ed. Bekker, p. 128/129) über den Inhalt der drei Bücher, und das Vorhandene zusammen mit dem Berichte des Photius «genügen vollkommen, um zu erkennen, dass wir die prosaischen Vorlagen der Eudocia noch heute besitzen». S. Zahn, l. l. pagg. 16 u. 17, und Ludwich in der Einleitung zu seiner Edition der Eudocia pag. 16 ff.

der Cyprianslegende bietet»[6]), indem sie sich aufs engste dem Prosatext der Legende anschliesst: der Prosatext ist nur in Hexameter umgesetzt, die nur «die Paraphrase fremder Gedanken»[7]). Selbständig dagegen hat die Legende verwerthet Calderon in seinem Drama «Il magico prodigioso» — «Der wunderthätige Magus»[8]). In neuester Zeit hat Ernst Wildenbruch die Legende seiner Prosadichtung «Der Zauberer Cyprianus. Eine Legende»[9]) zu Grunde gelegt. Fürs Volk erzählt findet sich die Legende in der kleinen Schrift: Vita di Santa Giustina vergine e martire e di San Cipriano vescovo e martire. Monza, 1887. (Collana di vite di santi, 1887. — Anno XXXVII. Dispensa 219). [Mit einem Titelbilde: Justina mit einem Kreuz und einer Palme in der Hand; zu ihren Füssen liegt ein Schwert][10]).

Die Legende zerfällt in drei Bücher, von denen das erste die eigentliche Legende enthält. Der Inhalt desselben ist folgender: Ein vornehmer Jüngling, Namens Aglaïdas, verliebt sich in eine heilige Jungfrau Justina und macht ihr zu wiederholten Malen Heirathsanträge. Wie sie ihn aber nicht erhören will, wendet er sich an den Zauberer Cyprianus, um durch teuflische Künste ihre Liebe zu gewinnen. Doch vermag auch dieser grosse Zauberer nichts auszurichten und wie letzterer nun sieht, dass die dämonischen Mächte gegen die Macht des Kreuzeszeichens nicht aufkommen können, schwört er dem Teufel ab und wird Christ[11]). Das zweite Buch enthält die Busse des Cyprianus, wo er berichtet, wie er alle Teufelskünste erlernt habe und in die Tiefen des Wissens eingedrungen sei und welche Schandthaten er verübt habe. Er thut nun Busse und verbrennt alle seine Schriften. Das dritte Buch enthält die Geschichte von Cyprians und Justinas Märtyrertod[12]).

Den ethischen Gehalt der Legende charakterisiert Wirth[13]) mit folgenden Worten: «Indem Justina dem Versucher obsiegt und den Geliebten, der

---

6) Zahn, l. l. pag. 15.

7) Ludwich in Berl. Philol. Wochenschrift XIII, 770.

8) Vergl. dazu Zahn, l. l. pag. 1—9 und 122—127. Am besten übersetzt von I. D. Gries, Schauspiele von Calderon übers. Bd. 2. Berlin, 1816, S. 227 ff. Neuerdings abgedruckt in «Meyers Volksbüchern», № 923, 924. Leipzig und Wien.

9) Berlin, 1896.

10) Andere Darstellungen von Cyprian und Justina s. bei Wessely, Iconographie Gottes und der Heiligen. Leipzig, 1874, pag. 138 und 256. «Die Scene der Incantation, seine Busse und beider Marterthum ist dargestellt in einem griech. Manuscript der Pariser Bibliothek vom J. 867» (l. l. pag. 138). — Detzel, Christliche Iconographie. II. Die bildlichen Darstellungen der Heiligen. Freiburg i. Br. 1896, pag. 282 u. 469.

11) Der griechische Text des 1. Buches der Legende ist zum ersten Male herausgegeben von Zahn, l. l. pag. 136—153. Das 2. und 3. Buch s. Acta Sanctorum. September. T. XII (XLVII). Paris, 1867, pagg. 204—228.

12) Die ganze Legende findet sich meisterhaft übersetzt bei Zahn, l. l. pagg. 21—72.

13) Wirth, l. l. pag. 63.

in unbändigem Drange nach Erkenntnis und Genuss den finsteren Mächten verfallen war, vom Banne des Bösen erlöst und ihn läutert und zu ihrer Reinheit emporzieht, ist sie die wahre Verkörperung des ewig Weiblichen, und mit vollstem Rechte hat daher Zahn behauptet, dass der Zypriansroman edler gedacht sei als Goethes «Faust».»

Wie Zahn[14]) bewiesen hat, können Buch I und II nicht von demselben Verfasser herrühren, da der Inhalt von Buch II vieles voraussetzt, was sich in Buch I nicht findet. Buch I und III zeigen dagegen einen innigen Zusammenhang und rühren von einem Verfasser her. Zahn kommt zu dem Schlusse, dass von Buch I eine ältere Form existiert haben müsse, die von Buch II in der uns vorliegenden Gestalt vorausgesetzt wird, die durch die neuere Form von Buch I verdrängt worden und dann verloren gegangen ist. Auch rein äussere Umstände bestätigen diese Annahme, da die syrische Übersetzung[15]) nur Buch I und III umfasst und Symeon Metaphrastes und die Menologien nur diese beiden Bücher verarbeiteten; auch der Umstand ist wichtig, dass noch in keiner griechischen Handschrift B. II mit B. I und III verbunden gefunden worden sind[16]). Buch I und III in der uns vorliegenden Fassung sind gegen Ende des vierten Jahrhunderts, Buch II und die in demselben vorausgesetzte ursprüngliche Gestalt von Buch I um 360—370 entstanden[17]).

Über die Entstehung und weitere Geschichte unserer Legende, so wie ihren Einfluss auf andere Legenden und litterarische Erzeugnisse und ihre Beziehungen zu denselben, ferner über die Verwechselung unseres Cyprians von Antiochien mit dem grossen Cyprian von Karthago, verweise ich den Leser auf Zahn's Schrift, wo alle diese Fragen in erschöpfender Weise behandelt sind.

Die im Folgenden veröffentlichten Bruchstücke des koptischen (sahidischen) Textes der Cyprianslegende befinden sich in der Bibliothèque Nationale zu Paris und bilden foll. 1—16 des Cod. Copt. 129^{15}. (Martyrs I.). Diese Blätter gehören zwei ganz verschiedenen Handschriften an[18]): fol. 1—10 aus A, fol. 11—16 aus B. In A hat sich die Paginierung nur theil-

---

14) L. l. pag. 73—85.

15) Cf. Wright, Catalogue of the Syriac manuscripts in the British Museum. № 944, 1 [Addit. 12,142], fol. 74—86; am Anfang defect. VI. Jahrh.; № 951, 2 [Add. 14,629], fol. 30a.—31; № 970 [Add. 14,738], fol. 106, 107; № 960, 19 [Add. 12,174], foll. 175a.—119a., und Zahn, l. l. pag. 19, Anm. 2. — Ausserdem findet sich noch die syrische Übersetzung im Cod. Sachau № 222 der Königl. Bibliothek zu Berlin; nach letzterer ist der Text herausgegeben bei Bedjan, Acta martyrum et sanctorum. III. Paris, 1892, pagg. 322—344.

16) Zahn, l. l. pag. 79.

17) Zahn, l. l. pag. 105 und 106.

18) Der Kürze wegen bezeichne ich die beiden Handschriften mit A und B.

weise erhalten: die ersten sechs Blätter tragen die Zahlen ⲅ̅—ⲓ̅ⲇ̅, auf den zwei folgenden Blättern ist nichts mehr davon zu entziffern, auf dem 9. und 10. Blatte hat sich wenigstens die Bezeichnung der Quaternionen erhalten: auf dem Verso des einen Blattes steht ⲉ̅, auf dem Recto des andern — ⲋ̅; ausserdem ist auf dem Verso des 10. Blattes noch ⲡ̅ (80) erhalten und da folglich der 6 (ⲋ̅) Quaternio mit pag. ⲟ̅ⲑ̅ (79) beginnen musste, muss das erste Blatt im ersten Quaternio unbeschrieben gewesen sein. Danach zu schliessen muss diese Handschrift wenigstens aus sechs Quaternionen (= 48 foll. = 96 Seiten) bestanden haben. — Grösse der Handschrift: 33 × 25 cm. Die Schrift nähert sich bedeutend der Schrift von Zoëga's Cl. VI. № XXIV. Der Text umfasst grössere Bruchstücke von Buch II und III. Ob Buch I überhaupt ins Koptische übersetzt worden ist, wird schwer zu entscheiden sein; jedenfalls hat letzteres in dieser Handschrift nicht gestanden, da sie mit pag. ⲅ̅ (3) beginnt und die beiden fehlenden Seiten nur den Anfang von Buch II enthalten haben können. Der Text ist vielfach schlecht überliefert, wimmelt von Schreibfehlern und enthält auch mehrere Auslassungen. — In B ist die Paginierung ganz erhalten (ⲥ̅ⲟ̅ⲁ̅—ⲥ̅ⲡ̅ⲃ̅, 271—282). Grösse der Handschrift: 34 × 27 cm. Die Schrift ist der Cl. II. № VIII bei Zoëga ähnlich. Der Text umfasst einen grösseren Abschnitt aus Buch II und gehört seinem Inhalte nach zwischen fol. 8. und 9. von A. Diese Handschrift ist ohne Zweifel sehr alt; leider hat sie, wie es scheint, durch Feuchtigkeit sehr gelitten: an vielen Stellen ist die Schrift derartig verwischt, dass Manches sehr schwer, Einiges gar nicht mehr zu entziffern war. Der Text ist aber trotzdem von grossem Werthe, da er an vielen Stellen bessere Lesungen, an manchen Stellen ganz andere Lesungen, als der überlieferte griechische Text bietet. Jedenfalls muss unserem Texte, sowohl der einen wie der anderen Handschrift, eine andere Vorlage zu Grunde liegen, da an vielen Stellen beide Handschriften ganz andere Bilder aufweisen, als der überlieferte griechische Text.

Ich gebe den Text genau so, wie ihn die Handschriften darbieten und etwaige Textconjecturen gebe ich in den Erläuterungen. Aus practischen Gründen habe ich den griechischen Text der betreffenden Abschnitte unter dem koptischen Texte mit abdrucken lassen; einige Verbesserungen habe ich aus Zahn's Schrift aufgenommen. Dem Texte lasse ich die Übersetzung und die Erläuterungen folgen.

Ausser unserem Texte scheint noch ein Blatt des Cod. Borgian. CCXCIV. (Zoëga 635) ein Stück der Cyprianslegende zu enthalten. «ⲡ̅ⲑ̅·ⲍ̅· fragmen est epistolae ad Cyprianum aliquem, quem ad poenitentiam hortatur auctor». Sonst ist mir an koptischen Quellen unserer Legende weiter nichts bekannt. Nur auf das arabische «Synaxarium der koptischen Chri-

sten»[19]) mag noch hingewiesen werden, das unter dem 21. Thot von unserem Cyprian berichtet[20]). Doch ist hier, wie schon im 5. Jahrhundert durch Gregor von Nazianz, Cyprian von Antiochien mit Cyprian von Karthago zu einer Person verschmolzen.

Zu den litterarischen Nachweisen über die spätere Entwickelung der Legende bei Zahn[21]) wäre noch nachzutragen, dass «Gebete Cyprians» sich im Aethiopischen erhalten haben.

Brit. Mus. Add. 16,245[22]). «Preces magicae» 7. Preces ob solutionem incantationis. fol. 95/96. Tit. ጸሎት ፡ በእንተ ፡ መፍትሔ ፡ ሥራይ ፡ ዘተድሐ ፡ እም ፡ ፹ወ፩ ወመጽሐፍት ፡ ዘወጽአት ፡ እምኢየሩሳሌም ፡ ዘቀሠመ ፡ ለመሠርያን ፡ ወነጋብያን ፡ ወደጋምያን ፡ አረሚ ፡ ወክርስቲያን ፡ ዘፈሕሐ ፡ ቆጵርያኖስ ፡፡ «Preces de solvenda incantatione, ex 81 scriptis (sc. biblicis) haustae, Hierosolymis emissae, quibus devincuntur incantatores, aurifices et repetitores, ethnici et Christiani, a Cypriano compositae». — Brit. Mus. Add. 16,247[23]) «Circulus regum». አውደ ፡ ነገሥት ፡፡ 3. Preces S. Cypriani, fol. 62—64. Tit. ጸሎት ፡ ዘቅዱስ ፡ ቆጵርያኖስ ፡፡ finis deest. — Bibl. Nationale zu Paris (Éth. 75. Saint-Germain 521. Séguier[24]) «Prière de S. Cyprien par la vertu de laquelle on chasse les démons, le mauvais œil, les mauvaises pensées, les ensorcellements et les mauvais rêves. በስመ ፡ . . . . ዛቲ ፡ ጸሎት ፡ ዘቅዱስ ፡ ቆጵርያኖስ ፡ ወዛቲ ፡ ጸሎት ፡ ጽንዕ ፡ ለነገሥት ፡ ወስይፍ ፡ ለሰይጣን ፡ ወዓይን ፡ እኩይ ፡ ወሬእይ ፡ እኩይ ፡ ወመፍትሔ ፡ አሥራን ፡ (ሥራይ ፡ ?) ወስይፍ ፡ አሕላም ፡ እኩያን ፡፡ Commencement: ትበሐት ፡ ለእግዚአብሔር ፡ በሰማያት ፡ ወበምድ[ር] ፡፡ (répété trois fois) ወበሀለተ ፡ ሰንበት ፡ እንተ ፡ ቀደሳ ፡ ወባረካ ፡ እግዚአብሔር ፡ ወባቲ ፡ ሰሀረ ፡ ኩሉ ፡ ምግባረ ፡ እኩይ ፡፡ ወአን ፡ ቆጵርያኖስ ፡ ገብረ ፡ ለኢየሱስ ፡ ክርስቶስ ፡ አሰናኩ ፡ ጥበቢትየ ፡ ወሕሊናየ ፡ ኀበ ፡ እግዚአብሔር ፡ . . . . . .

Die Cyprianslegende scheint im Aethiopischen nicht erhalten zu sein, wenigstens lassen die kurzen Berichte über Cyprian und Justina, die sich

19) Übersetzt von Wüstenfeld, pag. 37 ff., s. unten pag. 72 ff.

20) Ausserdem ist das Gedächtniss dieser beiden Heiligen am 7 Paophi, wozu man vergl. das aethiopische Synaxar unterm 21. Maskaram und 7. Ṭĕḳĕmt s. Zotenberg, Catalogue des manuscrits éthiopiens de la Bibliothèque Nationale pag. 157. Die griech. und die russ. Kirche feiern diese Heiligen am 2. October, vergl. Полный мѣсяцесловъ Востока Архимандрита Сергія. II: Святой Востокъ. Москва, 1876, pag. 315 (= Archimandrit Sergius, Vollständiger Kalender des Orients. II. Der heilige Orient. Moskau, 1876, pag. 315); das Martyrologium Romanum erwähnt sie am 26. September (s. AA. SS.), s. Nilles, Kalendarium manuale utriusque ecclesiae. Ed. II. a. I, 294 u. II, 708.

21) L. l. pag. 127.

22) Dillmann, Catalogus codd. mss. orientalium qui in Museo Britannico asservantur. P. III. London, 1847. № LXXVIII.

23) L. l. № LXXXII.

24) Zotenberg, l. l. pag. 60/61, № 57, 4, fol. 45. Das ganze Gebet ist übersetzt von Basset, Les Apocryphes éthiopiens traduits en français. VI. Les prières de S. Cyprien et de Théophile. Paris, 1896, pag. 6—24.

auf kaum 2 Seiten erstrecken, vermuthen, dass sie nicht mehr bieten, als der kurze Bericht des arabischen und äthiopischen Synaxars[25]). Das Martyrium enthält ein Pariser Codex[26]).

Unter den arabischen Handschriften habe ich nur bei Slane ein Gebet des h. Cyprian finden können. № 309,14: «Prière de S. Cyprien (قبريانوس), qui, d'abord magicien, se convertit à la religion de Jésus le Messie, devint évêque de Carthage (قرطاجنة), et subit la mort du martyre par le glaive. Cette pièce, traduite du grec en arabe, est une bonne amulette pour chasser les démons et neutraliser le mauvais oeil»[27]).

Ausser der koptischen und syrischen Version existiert noch eine altrussische Version der Cyprianslegende. Dieselbe findet sich in der unter dem Namen «Die grossen Četji-Mineï» (Великія четьи минеи) bekannten Menäensammlung des Metropoliten Makarius[28]), im II. Bande zum 2. Octo-

25) Wright, Cat. of the Ethiopic Mss. in the British Museum acquired since the year 1847. London, 1877. — CCLIII, № 8. ቍጵርያኖስ፡ ወኢዮስጣ፡ fol 45 a. XV. Jahrh. [Orient. 689]; CCLVII. № 8, fol. 43 b. XVIII. Jahrh. [Orient. 686]; CCLVIII. № 9, fol. 61 a. XVIII. Jahrh. [Orient. 687, 688].

26) Zotenberg, l. l. pag. 196, № 131, № 3 [Éth. 59].

27) Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Catalogue des manuscrits arabes par le Baron de Slane. Paris, 1883—1895, pag. 84. — Dies Gebet ist übersetzt von Basset, l. l. pagg. 38—52.

28) Zu diesen aus dem 16. Jahrhunderte stammenden russischen Acta Sauctorum vergl. Reinholdt, Geschichte der russischen Litteratur pag. 84 (Geschichte der Weltlitteratur VII). — Пыпинъ, Исторія русской литературы II (1898), pag. 205, 208, 219. — Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Ergänzungsheft (1890), pag. 23. — Bis jetzt sind erschieneu: September und October vollständig und vom November die ersten 12 Tage. Ein vollständiges Inhaltsverzeichniss dieser Menäensammluug, verfasst vom Archimandriten Joseph, erschien 1892 in Moskau, unter dem Titel: Подробное оглавленіе Великихъ Четіихъ Миней Всероссійскаго Митрополита Макарія. — Über die späteren ähnlichen Sammlungen des Demetrius von Rostow (17. Jahrh.), s. Шляпкинъ, Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.), СПб. 1891. (Записки Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. XXIV), bes. pagg. 38, 181, 237, 240, 246 und 247.

S. Palauzov (С. Н. Палаузовъ), der die Ausgabe des II. Bandes der Menäen bis zum 70. Bogen geleitet hat, nennt im Vorworte, wo er die Hauptstücke desselben aufzählt, auch: Покаяніе св. Кипріана, епископа Кареагенскаго — «Die Busse des h. Cyprianus, des Bischofs von Karthago». Und weiter heisst es dort: «Покаяніе священномученика Кипріана» († 258), переведенное неизвѣстно кѣмъ и когда съ греческаго на славянскій, помѣщено, сколько извѣстно, только въ одномъ парижскомъ изданіи твореній св. Кипріана (S. Cypriani opera. Paris. 1726, ed. St. Baluzii) и озаглавлено Μετάνοια τοῦ ἁγίου Κυπριανοῦ. Нѣтъ также указаній, когда былъ сдѣланъ греческій переводъ этого *Покаянія* съ латинскаго языка, на которомъ писаны всѣ дошедшія до насъ сочиненія св. Кипріана...», d. h. «Die Busse des heiligen Märtyrers Cyprianus († 258), von der unbekannt ist, von wem uud wann sie aus dem Griechischen ins Slavische (Slavonische) übersetzt worden ist, findet sich, soviel bekannt, nur in der Pariser Ausgabe der Werke des h. Cyprianus (S. Cypriani opera. Paris. 1726, ed. St. Baluzzi) und führt den Titel Μετάνοια τοῦ ἁγίου Κυπριανοῦ. Es existieren auch keine Angaben darüber, wann die griechische Übersetzung dieser Confessio aus dem Lateinischen gemacht worden ist, in welcher Sprache alle auf uns gekommenen Werke des h. Cyprianus geschrieben sind....». Aus dem oben mitgetheilten russischen Titel und dem angeführten Passus kann man deutlich erkennen, welchen Standpunkt der Herausgeber einnimmt, nämlich, dass

ber col. 41/42 und 45—80. In col. 41/42 heisst es in der Überschrift: Мѣсяца того же в 2 день, страсть святаго священ'номученика Кипріана и Устины d. h. «Desselben Monats am 2. Tage — Martyrium des h. Märtyrers Cyprian und der Justina». Der Text selbst enthält hier nur einen ganz kurzen Bericht über die beiden Heiligen. Das Martyrium wird hier unter Decius (при Декіи цари) gesetzt. Die eigentliche Legende mit der Busse und dem Martyrium findet sich in coll. 45—80 in drei Abtheilungen. Die erste (45—52) hat die Überschrift: В той же день житіе святыа Устины дѣвицы — «An demselben Tage das Leben der heiligen Justina der Jungfrau». Dieser Theil entspricht dem I. Buche der griechischen Legende von Cyprian und Justina. Darauf folgt (52—56) die zweite Abtheilung mit der Überschrift: В той же день мученіе святаго Кипріана, Іустины дѣвы — «An demselben Tage das Martyrium des heiligen Cyprianus [und] der Justina der Jungfrau». Dieser Theil entspricht dem III. Buche des griechischen Textes und schliesslich kommt in coll. 56—80 die dritte Abtheilung mit der Überschrift: В той же день, покаяніе Кипріаново — «An demselben Tage, die Busse des Cyprianus». Dieser letzte Theil entspricht dem II. Buche des griechischen Originals. Ohne Zweifel muss schon in der Vorlage diese Anordnung der 3 Bücher gewesen sein. Wie wir schon oben sahen, dass noch in keiner griechischen Handschrift Buch I und II zusammen gefunden worden ist, dagegen Buch I und III, wie auch im Syrischen nur Buch I und III zu finden sind, so folgt im altrussischen Texte auf Buch I (Legende) unmittelbar Buch III (Martyrium) und dann erst Buch II (Confessio). Jedenfalls gewinnt durch diese Anordnung Zahn's Ansicht, dass Buch I und III von einem, Buch II dagegen von einem anderen Verfasser herrühre, an grösserer Wahrscheinlichkeit. Der altrussische Text schliesst sich aufs engste dem

---

Cyprianus von Karthago und Cyprianus von Antiochien eine und dieselbe Person sei und dass ersterer der Verfasser der Confessio und dass folglich dieselbe ursprünglich in lateinischer Sprache verfasst worden sei. — Anderer Meinung ist der Archimandrit Sergius l. l. pag. 315.

Beiläufig sei hier noch auf ein Versehen in demselben Bande der Menäen hingewiesen. Col. 1060 werden mit Козма и Дамiанъ (Kosmas und Damianos) zusammen genannt: Ан'фимъ, Леонтiи, Еуврепiи und col. 1107 steht für letzten Namen Утропiи. In der Anmerkung zu col. 1060 wird für Еуврепiи vorgeschlagen Евтропiи Εὐτρόπιος zu lesen. Das ist nicht richtig. Еуврепiи ist nicht = Евтропiи Εὐτρόπιος, sondern ist in Еупрепiи oder Евпрепiи = Εὐπρέπιος zu verbessern. Dies Versehen ist leicht zu erklären. Im Original steht ohne Zweifel Еупрепiи. Da aber п und в in den altrussischen Handschriften zum Verwechseln ähnlich sind (в ist genau wie п, nur dass es auch unten geschlossen ist), hat der Herausgeber das п für в gelesen und dadurch den Irrthum herbeigeführt. Dass hier wirklich Εὐπρέπιος das einzig Richtige ist, geht zweifellos hervor aus dem Cod. Copt. Borgianus CLIII (Fragment aus dem Martyrium des Kosmas und Damianos), wo neben ⲕⲟⲥⲙⲁ ⲙⲛ̄ ⲇⲁⲙⲓⲁⲛⲟⲥ auch ihre Freunde genannt werden, nämlich ⲁⲛⲑⲓⲙⲟⲥ, ⲗⲉⲟⲛⲧⲓⲟⲥ und ⲉⲩⲡⲣⲉⲡⲓⲟⲥ d. i. Ἄνθιμος, Λεόντιος und Εὐπρέπιος, und ferner aus dem arabischen Synaxar p. 132, wo zum 24. *Hatur* genannt werden Cosmas, Damian und ihre Brüder Anthimus, Leontius und Euprepius.

griechischen Texte an: oft finden sich im russischen Texte dieselben Fehler des Originals. Nur an einer Stelle der «Confessio» hat der altrussische Text eine Erweiterung erfahren, die in dem überlieferten griechischen Texte fehlt, in der Vorlage aber gestanden haben muss. Der Passus findet sich in der Rede des Eusebius und steht zwischen: Тѣм' же престани, и разумѣй, ꙗко человѣкъ еси, разумѣй невѣсть, прелесть[29]) — Λοιπὸν οὖν κατάστα Κυπριανέ, σύνες ὅτι ἄνθρωπος εἶ, νόησον τὴν πλάνην, τὴν ἄγνοιαν[30]), und (col. 74) Аще бо бы увидѣлъ Господню силу, въ нечестіи пребывалъ, васнь убо к'то бы твое ненадежіе пріялъ? — Εἰ γὰρ ἐπιγνοὺς Χριστοῦ τὴν δύναμιν τῇ ἀσεβείᾳ ἐπέμεινας, τάχα ἄν τις τὴν ἀνελπιστίαν σου ἀπεδέξατο· Nachdem schon etwas früher gesagt worden war: Кvпріане, не отчайся: симъ бо всѣмъ едино есть раздрѣшеніе, ꙗко не вѣдый еси сътворилъ — Κυπριανέ, μὴ ἀπελπίσῃς, τούτων γὰρ πάντων ἡ λύσις ἐστίν, ὅτι ἀγνοῶν ἐποίησας, werden in diesem Passus allerlei Beispiele von Personen aus dem griechischen Heidenthum angeführt, die durch Unwissenheit allerlei Übelthaten verübt haben. Es ist da die Rede von Orestes (Оресотъ) und seiner Mutter, von Medea (Мидіа) und ihren Kindern, von Paris (Парись) und Helena (Елена), von Agamemnon (Агамемнь) und Aegisthos (Егистъ), von Perdikkas (Пердикіи) und schliesslich noch von Oedipus (Дипусъ). Schon der Umstand, dass hier ausschliesslich Personen aus dem Heidenthume genannt werden spricht dafür, dass dieser Abschnitt erst in späterer Zeit eingeschoben worden ist.

So viel über die altrussische Version, die ich an einigen Stellen der Erläuterungen zum Vergleiche herangezogen habe.

Zum Schluss ist es mir eine angenehme Pflicht, allen denen meinen verbindlichsten Dank auszusprechen, die mich beim Studium des vorliegenden Textes gefördert haben. Mein Dank gebührt zunächst der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, die mir die Mittel zu einer längeren Studienreise bewilligte; ferner schulde ich Dank der Verwaltung der Bibliothèque Nationale zu Paris, die mir durch das liebenswürdige Entgegenkommen der Herren Maspero, Delisle und Omont die Möglichkeit gab, die herrlichen Schätze dieses Instituts nicht nur an Ort und Stelle, sondern auch mehrere Codices in St. Petersburg zu benutzen; schliesslich — last not least — spreche ich meinen herzlichen Dank meinem lieben Freunde, Herrn Akademiker Carl Salemann aus, der meine Sache bei der Akademie vertrat und auf dessen Fürsprache mir die Mittel zu meiner Studienreise bewilligt wurden.

Oscar von Lemm.

St. Petersburg, d. 5./17. October 1899.

---

29) L. l. col. 73.
30) AA. SS. l. l. pag. 220.

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 1. Recto.

ⲙⲟⲧ ⲛⲉ · ϣⲁⲥ
ϣⲁϫⲉ ⲉ̅ⲥⲟⲩⲉⲛ
ⲧⲁⲓ̈ⲛ̅ⲕⲏⲥⲓ̅ⲥ
ⲛ̅ⲛⲉϩⲣⲟⲟⲩ ⲛ̅
ϣⲁⲩϣⲱⲡⲉ
ⲕⲁⲧⲁ ⲟⲩⲫⲁⲛ
ⲧⲁⲥⲓ̅ⲁ : ~
Ⲁⲓⲛⲁⲩ ϩⲙ̅ ⲡ̅ⲙⲁ
ⲉ̅ⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ ⲉⲛ
ⲧⲩⲡⲟⲥ ⲛ̅ⲛⲉ
ϣⲏⲛ · ϩⲱⲥ ⲉ
ⲣⲉ ⲛ̅ⲛⲟⲩⲧⲉ ⲟⲛ
ϭⲱϣ̅ⲧ ⲉ̅ϫⲱ
ⲟⲩ· ⲉⲩⲉ̅ⲛⲉⲣⲅⲉⲓ̅
Ⲁ̅ⲓⲛⲁⲩ ⲟⲛ ϩⲙ̅ ⲡ̅
ⲙⲁ ⲉ̅ⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ
ⲉϥⲧⲟⲟⲩ ⲛ̅ⲥⲓ̅ⲟⲩ
ⲉⲣⲉ ⲛⲉⲡⲛ̅ⲁ ⲛ̅
ϣⲓ̅ⲃⲉ ⲛ̅ⲧⲁⲓ̈ⲁ
ⲧⲱⲭⲏ ⲛ̅ⲛⲉ
ⲕⲁⲣⲡⲟⲥ ⲉ̅ⲧⲛ̅
ϩⲏⲧⲟⲩ · ⲙⲛ̅
ϩⲛ̅ϩⲣⲟⲟⲩ ⲉⲩ sic
ϣⲉⲃⲓ̅ⲏⲩ · ⲉⲩ
ⲧⲁϩⲟ ⲙ̅ⲙⲟⲟⲩ
ⲉ̅ⲣⲁⲧⲟⲩ · ϩⲓⲧⲛ̅
ⲧⲉⲛⲉⲣⲅⲓ̅ⲁ ⲙ̅
ⲡⲁⲛⲇⲁⲓⲕⲓⲙⲉ
ⲛⲟⲥ : ~
Ⲁ̅ⲓⲛⲁⲩ ⲇⲉ ⲟⲛ ⲉ̅
ϩⲛ̅ⲭⲟⲣⲟⲥ ⲛ̅ⲇⲉ
ⲙⲱⲛ · ϩⲟⲓⲛⲉ
ⲉⲩⲡⲱⲗ̅ⲩⲙⲉⲓ̅
ϩⲛ̅ⲕⲟⲟⲩⲉ̅ ⲉⲩⲉⲓ̅

ⲣⲉ ⲛ̅ϩⲛ̅ϭⲟⲣϭ̅ⲥ ·
ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉⲧⲧⲁ
ϩⲓ̅ⲥ ⲉⲥⲁϩⲉⲣⲁⲧ̅ⲥ ·
ⲟⲩⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛ̅
ϩⲟⲟⲩⲧ · ⲙⲛ̅
ⲟⲩⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛⲥ
ϩⲓ̅ⲙⲉ · ⲁⲓ̅ⲉⲣϩ̅
ⲙⲉ ⲛ̅ϩⲟⲟⲩ ϩⲙ̅ ⲡ̅
ⲙⲁ ⲉ̅ⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ
ⲉⲓⲟⲩⲱⲙ ϩⲙ̅
ⲡϩⲏⲧ ⲛ̅ⲛⲉ
ϣⲏⲛ · ϩⲛ̅ ⲛ̅ⲥⲁ
ⲛⲉⲙⲙⲁ ⲛ
ϩⲱⲡ̅ⲧ ⲙ̅ⲡ̅ sic
ⲣⲏ · ⲛ̅ϣⲁⲩ
Ⲧ̅ⲛ̅ⲛⲟⲟⲩ ⲉ̅ⲃⲟⲗ
ϩⲙ̅ ⲡ̅ⲙⲁ ⲉ̅ⲧⲙ̅
ⲙⲁⲩ ⲛ̅ϩⲛ̅ⲡ̅
ⲛ̅ⲁ ⲙ̅ⲡⲟⲛⲏ
ⲣⲱⲛ ⲙⲛⲉⲥ
ⲙⲟⲧ ⲛ̅ϩⲛ̅ⲙⲁ
ⲧⲟⲓ̅ · ⲉ̅ⲃⲟⲗ ϩⲓ
ⲧⲛ̅ ⲛⲉⲣⲱⲟⲩ
ⲉⲣⲉ ⲡⲟⲩⲁ ⲡⲟⲩⲁ
ⲉⲓⲣⲉ ⲛⲟⲩⲉⲛⲉⲣ
ⲅⲓ̅ⲁ ϩⲓϫⲙ̅ ⲡ̅
ⲕⲁϩ · ⲙⲛ̅ ⲛ̅
ϩⲉⲑⲛⲟⲥ : ~
Ⲁⲩⲱ ⲛ̅ⲧⲉⲣⲓⲉⲣ
ⲙⲛ̅ⲧⲛ ⲛ̅ⲣⲟⲙ
ⲡⲉ · ⲉⲩⲧ̅ⲥⲁⲃⲟ
ⲙ̅ⲙⲟⲓ̅ ϩⲓⲧⲛ̅
ⲥⲁϣϥ̅ ⲛⲟⲩⲏⲏⲃ̅

AA. SS. September T. VII. (XLVII.) 26 Sept. pag. 205 . . . Ἐγενόμην καὶ ἐν τῷ Ὀλυμπίῳ ὄρει, τῶν θεῶν, ὡς λέγουσιν, οἰκητηρίῳ, καὶ ἐμυήθην ἤχους ὁμιλιῶν καὶ ψόφων διήγησιν. Εἶδον ἐκεῖ φαντάζοντα πρέμνα, καὶ πόας ἐνεργεῖν δοκούσας θεῶν ἐπισκοπαῖς. Εἶδον ἐκεῖ ὡρῶν διαδοχάς, πνευμάτων ὑπαλλασσόντων, καὶ ἡμερῶν διαφορότητα ὑπό τινων ἐνεργειῶν ἐναντίων συνισταμένην. Εἶδον ἐκεῖ χοροὺς δαιμόνων ὑμνούντων, καὶ ἄλλων πολεμούντων, καὶ ἑτέρων ἐνεδρευόντων, ἀπατώντων, συγχεόντων, καὶ ἑκάστου θεοῦ καὶ θεᾶς ἐθεασάμην ἐκεῖ τὴν φάλαγγα, μείνας αὐτόθι ἡμέρας τεσσαράκοντα· ὁπόθεν ὡς ἐκ βασιλείων ἀποστέλλονται τὰ πνεύματα, ἐνεργεῖν ἕκαστον αὐτῶν ἐν τῇ γῇ καὶ πᾶσι τοῖς ἔθνεσι. 2. Καὶ ἐσιτούμην ἀκρόδρυα μόνον μετὰ δύσιν ἡλίου, καὶ δὴ ὢν ἔτι ἐτῶν πεντεκαίδεκα ἐμυούμην τὴν ἑκάστου αὐτῶν ἐνέργειαν ὑπὸ τῶν ἑπτὰ ἱεροφαντῶν·

ⲇ̄

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 1. Verso.

ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲡⲣⲟ
ⲫⲏⲧⲏⲥ ⲙⲛ̄
ⲇⲓ̈ⲁⲃⲟⲗⲟⲥ̄
ⲉⲧⲉⲛⲉⲧⲉϣⲁϥ
ϣⲁϫⲉ ⲛⲙ̄
ⲙⲁⲩ ⲛⲉ ⲛ̄ⲧⲁⲡ
ⲣⲟ · ϩⲓ ⲧⲁⲡⲣⲟ
ⲛ̄ⲧⲟⲟⲩ ⲥⲁⲣ
ⲛⲉⲧϯϩⲱⲃ
ⲙ̄ⲡⲟⲩⲁ ⲡⲟⲩⲁ̄
ⲛ̄ⲛⲉⲇⲁⲓⲙⲟ
ⲛⲓⲟⲛ : ~
ⲁⲓⲥⲟⲩⲉⲛ ⲛⲉ
ⲙⲩⲥⲧⲏⲣⲓⲟⲛ̄
ⲙⲛ̄ ⲧ̄ϭⲟⲙ ⲧⲏ
ⲣⲥ̄ ⲙ̄ⲡⲇⲓ̈ⲁ
ⲃⲱⲗⲟⲥ · ⲁϥ
ⲧ̄ⲥⲁⲃⲟⲓ̈ ⲉ̄ⲑⲉ
ⲉⲧⲉⲣⲉ ⲡⲕⲁϩ
ⲧⲁϫⲣⲏⲩ ϩⲓ
ϫⲉⲛ ⲛⲉϥⲥⲉⲛ
ⲧⲉ · ⲁϥⲧ̄ⲥⲁ
ⲃⲟⲓ ⲉⲛⲧⲱϣ
ⲙ̄ⲡⲁⲏⲣ · ⲙⲛ̄
ⲡⲉⲑⲏⲣ : ~
ⲁⲓⲙⲟⲩϣⲧ̄ ⲛ̄
ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ · ⲙⲛ̄
ⲡ̄ⲛⲟⲩⲛ · ⲙⲛ̄
ⲡⲧⲁⲣⲧⲁⲣⲟⲩ
ⲭⲟⲥ · ⲙⲛ̄ ⲡⲁⲣ
ⲇⲱⲥ : ~
ⲁⲓ̈ⲉⲓⲣⲉ ⲙ̄ⲡϣⲁ
ⲙ̄ⲡⲏⲣⲁ : ~

÷ⲁⲓ̈ⲧ̄ⲥⲁⲃⲟ ⲉ̄ⲑⲉ
ⲛ̄ϣⲁⲩⲡⲉⲣⲉϫ
ⲛⲉϩⲓ̈ⲟⲙⲉ ⲉ̄
ⲛⲉⲩϩⲁⲓ̈ · ⲁⲩⲱ
ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ϣⲁⲩ
ⲛⲟⲩϫⲉ ⲙ̄ⲡ
ⲙⲟⲥⲧⲉ · ⲉⲧⲙⲏ
ⲧⲉ ⲛ̄ϩⲛ̄ⲥⲛⲏⲩ
ⲙⲛ̄ ϩⲛ̄ϣⲃⲏⲣ ·
÷ⲁⲓ̈ⲉⲓ̈ⲙⲉ ⲉⲧ
ⲙⲛ̄ⲧⲟⲩⲁ ⲙ̄
ⲡⲁⲏⲣ · ⲙⲛ̄ ⲡⲉ
ⲑⲏⲣ · ⲁⲩⲱ ⲛ̄
ⲑⲉ ⲉⲧⲉⲣⲉ ⲡ
ⲕⲁϩ ⲟ ⲛⲕⲟⲓⲛⲟ
ⲛⲟⲥ ⲙⲛ̄ ⲡⲙⲟ
ⲟⲩ · ⲁⲩⲱ ⲡⲙⲟ
÷ⲟⲩ ⲙⲛ̄ ⲡⲉⲑⲏⲣ
ⲛ̄ⲧⲉⲓ̈ϩⲉ ⲁⲓ̈ⲁⲡⲟ
ⲇⲏⲙⲉⲓ̈ ϣⲁ ⲟⲩ
ⲛⲟϭ ⲙ̄ⲡⲟⲗⲓⲥ̄
ϫⲉ ⲑⲉⲗⲗⲁⲥ ·
ⲗⲁⲕⲉⲇⲁⲓ̈
ⲙⲱⲛ · ⲁⲓⲥⲟⲩⲛ̄
ⲛⲉⲙⲩⲥⲧⲏⲣⲓ
ⲟⲛ ⲙ̄ⲡⲏⲗⲓⲟⲥ
ⲙⲛ̄ ⲡⲟⲩⲗⲏ
ⲛⲏ · ⲉⲧⲉ ⲡⲣⲏ
ⲙⲛ̄ ⲡⲟⲟϩ ⲡⲉ ·
ⲁⲓ̈ⲉⲓ̈ⲙⲉ ⲉⲛⲧⲱ[ϣ]
ⲙ̄ⲡⲟⲩⲟⲉⲓⲛ
ⲙⲛ̄ ⲡⲕⲁⲕⲉ
ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲥⲓ̈ⲟⲩ ·

λίαν γὰρ οἱ ἐμοὶ γονεῖς ἔσπευδόν με ἐπιγνῶναι τὰ γῆς, ἀέρος καὶ θαλάσσης, οὐ μόνον τὰ κατὰ φύσιν φθορᾶς καὶ γενέσεως ποῶν καὶ πρέμνων καὶ σωμάτων, ἀλλὰ καὶ ἐν πᾶσιν αὐτοῖς ἐνεργείας, ἃς ὁ ἄρχων τοῦ αἰῶνος τούτου ἐνετύπωσεν, ἐναντιούμενος πρὸς τὴν τοῦ θεοῦ διατύπωσιν. Ἦλθον καὶ ἐν Ἄργει ἐν τῇ τῆς Ἥρας τελετῇ, ἐμυήθην ἐκεῖ βουλὰς ἑνότητος, ἀέρος πρὸς αἰθέρα, καὶ αἰθέρος πρὸς ἀέρα, ἅμα δὲ καὶ γῆς πρὸς ὕδωρ, καὶ ὕδατος πρὸς ἀέρα. Ἔφθασα καὶ ἐν τῇ Ἤλιδι, καὶ τὴν ταυρόπολιν Ἀρτεμὶν κατέλαβον ἐν Λακεδαίμονι, ἵνα μάθω ὕλης σύγχυσιν καὶ διαίρεσιν, καὶ μετεωρισμοὺς λοξῶν καὶ ἀγρίων διηγήσεων,

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 2. Recto.

ⲛⲉϩⲓⲛ · ⲙⲛ ⲧ
ϭⲓⲙϩⲟⲟⲩⲧ
ⲙⲛ ⲛⲧⲏⲛⲣ
ⲙⲛ ⲧⲉⲧⲣⲁ
ⲡⲓⲁ ⲧⲏⲣⲥ ⲙ
ⲡⲟⲩⲣⲁⲛⲟⲥ ·
ⲁⲓⲉⲓⲙⲉ ⲉⲣⲟⲟⲩ
ϫⲉ ⲁϣ ⲧⲉ ⲧⲉⲩⲉ
ⲛⲉⲣⲅⲓⲁ · ⲙⲛ
ⲡⲉⲩⲥⲭⲏⲙⲁ ·
Ⲁⲩⲱ ϫⲉ ⲁϣ ⲛ
ϩⲉ ⲡⲥⲓⲟⲩ ⲛⲁ
ⲣⲏⲥ · ⲙⲛ ⲡⲉⲕ
ⲛⲟⲥ · ⲥⲉⲱ ⲛ
ⲛⲟϭ ⲡⲁⲣⲁ ⲛⲉ
ⲥⲓⲟⲩ ⲧⲏⲣⲟⲩ ·
ⲁⲩⲱ ϫⲉ ⲉⲧ
ⲃⲉ ⲟⲩ · ⲟⲩⲉⲛ ϩⲟⲓ
ⲛⲉ ⲡϩⲏⲧⲟⲩ
ⲉⲩⲉⲓⲣⲉ ⲛϩⲛϩⲓⲁ sic
ⲙⲙⲟⲟϣⲉ ⲉⲩ
ϭⲟⲟⲩϭ : ⁓
Ⲛⲛⲥⲱⲥ ⲁⲓ
ⲃⲱⲕ ⲉⲛϩⲉⲑ
ⲛⲟⲥ · ⲉⲧⲉϣⲁⲩ
ⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲣⲟⲟⲩ
ϫⲉ ⲛⲑⲣⲁⲍ · ⲁⲓ
ϫⲓⲥⲃⲱ ⲉⲧ
ⲙⲛⲧⲣⲉϥϣⲓ
ⲛⲉ · ⲁⲓⲉⲓⲙⲉ
Ⲉⲧⲁⲥⲡⲉ ⲛⲛⲁ

ⲉ

ⲃⲟⲟⲕⲉ · ⲙⲛ ⲛ
ⲃⲁⲣⲃⲁⲣⲟⲥ · ⲙⲛ
ⲡⲣⲉϥϫⲓⲙⲁ
ⲉⲓⲛ ⲡϣⲁⲩⲡⲁ
ⲣⲁⲧⲏⲣⲉⲓ ⲉⲣⲟ
ⲟⲩ · ⲙⲛ ⲛⲥⲓ
ⲙⲓⲱⲛ ⲛⲧⲉ ⲛ
ⲧⲃⲛⲟⲟⲩⲉ : ⁓
Ⲙⲛ ⲧⲙⲛⲧⲣⲉϥ
ϫⲓϣⲏⲙ ⲉⲃⲟⲗ
ϩⲓⲧⲟⲟⲧⲟⲩ ⲛ
ⲛⲉⲟⲩⲏⲛⲃ ·
ⲛⲁⲓ ⲉⲧⲧⲁ
ⲙⲟ ⲛⲛⲉⲣⲱ
ⲙⲉ ⲉⲧⲉⲧⲓⲁ
ⲉⲧⲛⲁϣⲱⲡⲉ ·
Ⲁⲩⲱ ⲛⲉⲓϣⲉ
ⲉⲧ†ϩⲗⲟϭ ⲙⲛ
ⲛⲉⲓⲱⲛⲉ ⲉⲧ
ϩⲛ ⲛⲧⲁⲫⲟⲥ
ⲁⲓⲉⲓⲙⲉ ⲉⲣⲟ
ⲟⲩ ⲡⲟⲩⲁ ⲡⲟⲩⲁ
ⲉⲧⲉⲛϩⲏⲧⲟⲩ
ⲁⲓⲉⲓⲙⲉ ⲉⲛⲉ
ⲙⲉⲣⲟⲥ ⲛϣⲁⲩ
ⲃⲟϭⲟⲩ · ⲙⲉⲛ
ⲛⲉⲥⲛⲟϥ ⲛϣⲁⲩ
ⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ ⲙ
ⲙⲁⲛⲉⲣⲙⲏ ·
ⲛⲛⲣⲱⲙⲉ ϩⲛ
ⲟⲩⲙⲁⲅⲓⲁ : ⁓
÷Ⲁⲩⲱ ⲛⲉⲙⲟⲩⲧ

καὶ τὰ κατὰ μαντικὴν κατείληφα παρὰ Φρυγῶν, καὶ ἡπατοσκοπίαν ἔμαθον· καὶ ἐν βαρβάροις οἰωνισμόν, καὶ τετραπόδων χαμπάς, καὶ γνωστικῶν κληδονισμούς· καὶ φωνὴν τρισμοῦ παντὸς ξύλου, καὶ λίθου, καὶ νεκρῶν ἐν τάφοις, καὶ θυρῶν ψόφους, καὶ παλμοὺς μελῶν ἔγνων, καὶ αἱμάτων φορὰς ἐν τοῖς σώμασι κατ' ἐνέργειαν, καὶ

ⲉ̄

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 2. Verso.

ⲛ̄ϣⲁⲩⲱⲗⲕ̄
ⲛ̄ⲥⲉⲉⲣϭⲁϫⲓϥ
ⲙⲛ̄ ⲛ̄ϣⲁϫⲉ
ⲛ̄ϣⲁⲩⲉⲓ̈ ⲉ̄ϩⲣⲁⲓ̈
ϩⲛ̄ ⲧ̄ⲧⲁⲡⲣⲟ
ⲙ̄ⲡⲣⲱⲙⲉ ⲉϩⲁ
ⲫⲓⲛⲁ · ⲁⲓ̈ⲉⲓ
ⲙⲉ ⲟⲛ ⲉ̄ⲛⲉ
ϣⲱⲛⲉ ⲛ̄ⲛⲟⲩϫ
ϩⲱⲥ ⲉϩⲛ̄ⲫⲩ
ⲥⲓⲕⲱⲛ ⲛⲉ
ⲁⲩⲱ ϩⲛ̄ⲙⲉ ⲛⲉ
✢ ⲀⲨⲰ ⲧ̄ⲥⲩⲙ
ⲫⲱⲛⲓⲁ ⲉⲥ
ⲉⲓⲛⲉ ⲛⲟⲩϯ
ⲧⲱⲛ · ⲁⲩⲱ ⲟⲩ
ⲡⲟⲗⲩⲙⲟⲥ ⲉϥ
ⲟ ⲛⲑⲉ ⲛⲟⲩⲉⲓⲣⲏ
ⲛⲏ · ⲙ̄ⲡⲉ ⲗⲁ
ⲁⲩ ϩⲱⲡ ⲉⲣⲟⲓ
ϩⲛ̄ ⲛⲉⲧϩⲓϫⲙ̄
ⲡ̄ⲕⲁϩ · ⲙⲛ̄ ⲡⲁ
ⲏⲣ · ⲟⲩⲇⲉ ⲛⲉⲧ
ϩⲛ̄ ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ
ⲙⲛ̄ ⲡ̄ⲛⲟⲩⲛ̄
ⲙⲛ̄ ϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ
ⲙ̄ⲫⲁⲛⲧⲁ
ⲥⲓⲁ · ⲙⲛ̄ ϩⲱⲃ
ⲛⲓⲙ ⲙ̄ⲙⲉⲭⲁ
ⲛⲓⲕⲱⲛ · ⲙⲛ̄
ϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ ⲙ̄
ⲙⲛ̄ⲧⲣⲉϥⲣ̄ⲉⲓⲟ

·ⲡⲉ · ⲫⲁⲣ
ⲘⲀⲄⲒⲀ ⲛⲓⲙ
ⲛ̄ϣⲁⲣⲉ ⲛⲉ
ⲫⲁⲣⲙⲁⲅⲟⲥ
ⲗⲁⲩ · ⲁⲓ̈ⲉⲓⲙⲉ
ⲉⲣⲟⲟⲩ · ⲁⲩⲱ ⲟⲛ
ⲁⲓ̈ϯ ⲙ̄ⲡⲁϩⲏⲧ
ⲉⲣⲟⲟⲩ · ⲁⲓ̈ⲗⲁⲁⲩ
ⲧⲏⲣⲟⲩ · ⲁⲓ
ⲡⲱⲧ ⲇⲉ ⲟⲛ
ⲉ̄ⲙⲏⲃⲃⲉ · ⲙⲛ̄
ⲱⲛ · ⲛ̄ⲧⲉ ⲡ
ⲕⲁϩ ⲛ̄ⲕⲏⲙⲉ
ⲁⲓ̈ϫⲓⲥⲃⲱ ϫⲉ
ⲕⲁⲥ ⲉⲓⲉⲣⲥⲁϩ
ⲉϩⲟⲩⲉ ⲉⲓⲁⲛ
ⲛⲏⲥ · ⲙⲛ̄ ⲓ̈ⲁⲙ
·ⲃⲣⲏⲥ · ⲛⲉⲓ̈
Ϩⲛ̄ ϫⲟⲩⲱⲧⲉ ⲛ̄
ⲣⲟⲙⲡⲉ · ⲁⲓ̈ϫⲓ̈
ⲡⲓⲣⲁ ⲛ̄ⲛⲉ
ⲙⲁⲛϣⲱⲱ̄
ⲡⲉ ⲛⲕⲁⲕⲉ
ⲉⲧϩⲁⲣⲟϥ ⲙ̄ⲡ
ⲕⲁϩ · ⲛⲁⲓ̈ ⲛ̄
ϣⲁⲣⲉ ⲛ̄ⲇⲁⲓ̈
ⲙⲱⲛ ⲙ̄ⲡⲁⲛⲣ
·ⲁⲁⲩ : ~
ⲀⲨⲰ ϫⲉ ⲕⲁⲧⲁ
ⲁϣ ⲛ̄ⲥⲙⲟⲧ
ϣⲁⲩⲛⲟⲩϭⲥ ⲉ
ⲛⲉⲣⲱⲙⲉ : ~

μυρμηκιασμῶν συστάσεις καὶ ἀνατάσεις, καὶ μεταβολὰς λόγων καὶ ἀριθμῶν εἰς λόγους, καὶ λόγων εἰς ἀριθμούς. καὶ ἐπιπολαίους κακώσεις σωμάτων, ὡς φυσικὰς, καὶ τὰς φυσικὰς ὡς ἐπιπλάστους, καὶ ὅρκους ἀκουομένους καὶ μὴ ἀκουομένους, καὶ συμφωνίας εἰς ἐναντίωσιν. Καὶ οὐδὲν ἐν γῇ καὶ ἐν θαλάττῃ καὶ ἐν ἀέρι με ἔλαθεν, οὔτε φασματικὸν, οὔτε γνωστικὸν, οὔτε πολύτροπον, οὐ μηχανικὸν, οὐκ ἔντεχνον, ἄχρι τῆς τῶν γραφῶν μεταφορᾶς μαγγανικῆς, καὶ τῆς τοιούτων ἁπάντων. 3. Μετὰ τὰ τοιαῦτα εἴκοσι γενόμενος ἐτῶν, παρ' Αἰγυπτίοις εἰς Μέμφιν ἦλθον, κἀκεῖ τῶν ἀδύτων λαμβάνω πεῖραν, ἐν οἷς πρὸς τὰ περίγεια ἑνοῦνται, καὶ κατὰ ποῖον ἀποτρόπαιοί εἰσι τόπον,

Cod. Copt. Par.129,15. f. 3. Recto.

Ⲛ̄ ⲁϣ ⲡⲉ ⲛⲉⲥⲓ̄ⲟⲩ
+ ⲛ̄ϣⲁⲩϩⲩⲇⲁ
ⲛⲉ ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉϫⲱ
ⲟⲩ· ⲁⲩⲱ ϫⲉ
ⲁϣ ⲛⲉ ⲛⲉϩⲃⲏⲩⲉ̄
ⲙⲛ̄ ⲛ̄ⲛⲟⲙⲟⲥ
ⲉ̄ⲧⲟⲩⲟ̄ϣⲟⲩ·
ⲛ̄ ϣⲁⲩⲡⲱⲧ
ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ
ⲉⲧⲃⲉ ⲟⲩ : ~
+ Ⲛ̄ ⲛⲁϣ ⲛ̄ϩⲉ ϣⲁⲩ
ⲛⲉϩⲥⲉ ⲛ̄ⲧⲟⲣ
ⲅⲏ ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉⲥϩⲏⲡ·
ⲁⲩⲱ ϫⲉ ⲛⲁϣ
ⲛ̄ϩⲉ ⲛⲉⲡⲛ̄ⲁ̄ ⲉⲧϯ
ⲟⲩⲃⲏⲩ : ~
+ Ⲁⲓⲉⲓⲙⲉ ϩⲙ̄ ⲡ
ⲙⲁ ⲉ̄ⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ
ϫⲉ ⲟⲩⲛ̄ ⲟⲩⲏⲣ
ⲛⲁⲣⲭⲱⲛ ⲛ̄
ⲧⲉ ⲡⲕⲁⲕⲉ
ϣⲟⲟⲡ : ~
+ Ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲑⲉ ⲉⲧⲉ
ⲟⲩⲉⲛⲧⲁⲩ ⲕⲉ
ⲛⲱⲛⲓ̄ⲁ̄ ⲙ̄ⲙⲁⲩ
ⲙⲛ̄ ⲧⲉⲯⲩⲭⲏ
ⲙⲛ̄ ⲡ̄ⲥⲱⲙⲁ
ⲛⲁⲗⲱⲅⲱⲛ
ϣⲁ ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉⲛⲉ
ⲧⲃⲧ̄ ⲉⲧϩⲛ̄
ⲛⲉⲙⲟⲟⲩ : ~

ⲅ̄

Ⲁⲩⲱ ϫⲉ ⲁϣ
ⲡⲉ ⲡⲉⲩϩⲱⲃ
ⲉ̄ⲧⲟⲩⲧⲁϩⲟ
ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲉ̄ⲣⲁⲧϥ̄
ⲁⲓⲉⲓ̄ⲙⲉ ⲉ̄ⲛⲉ
ⲑⲉⲙⲕⲟ ⲛⲟⲩ sic
ⲙⲟⲩ ⲛϩⲱⲟⲩ
ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲕⲁϩ ⲉϥϯ
ⲟⲩⲱ· ⲙⲛ̄
ⲟⲩⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ
ⲉⲥϯϩⲟⲉⲓ̄ⲙ·
ⲉⲩⲉⲛⲉⲣⲅⲉⲓ ⲙ̄
ⲙⲟⲟⲩ ⲕⲁⲧⲁ
ⲟⲩⲫⲁⲛⲧⲁ
ⲥⲓⲁ· ⲛ̄ⲑⲉ ⲛⲟⲩⲁ
ⲉϥⲃⲓ̄ ⲉϩⲣⲁⲓ ϩⲁ
ⲟⲩⲛⲟϭ ⲛⲉⲧ
ⲡⲱ ⲉⲥϩⲟⲣⲉϣ·
Ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉⲛⲉⲇⲣⲁ
ⲕⲱⲛ ⲉⲩⲟ ⲛ
ⲕⲟⲓⲛⲟⲛⲟⲥ
ⲙⲛ ⲛⲉⲇⲁⲓ̄
ⲙⲱⲛⲓ̄ⲟⲛ : ~
Ⲁⲩⲱ ⲧⲉⲡⲓⲕ
ⲣⲓ̄ⲁ · ⲙⲛ̄ ⲧ
ⲙⲁⲧⲟⲩ ⲉⲧ
ⲛⲏⲩ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲛ̄
ϩⲏⲧⲟⲩ· ⲉⲧⲣⲉⲥ
ϩⲱⲧⲃ̄ ⲛ̄ⲛⲉ
ⲧⲟⲩⲏϩ ϩⲓϫⲙ̄
ⲡⲕⲁϩ · ⲧⲁⲓ
ⲛ̄ϣⲁⲣⲉ ⲛⲉⲡ

καὶ τίσιν ἐπιτέρπονται ἄστροις καὶ θεσμοῖς καὶ πράγμασι, καὶ ἐν τίσι φυγαδεύονται· πῶς σκότος τηροῦσι, καὶ ἐν τίσι πράγμασιν ἄλλοις τὴν ἀντίστασιν ἔχουσιν. Ἔγνων ἐκεῖ πόροι ἄρχοντες σκότους εἰσί, καὶ πῶς ἐν ψυχαῖς κατορθοῦσι καὶ σώμασιν ἑαυτῶν κοινωνίαν ἔχουσι, καὶ ποία ἐνέργεια δι' αὐτῶν κατορθοῦται, δρόμος, γνῶσις, μνήμη, φόβος, τέχνη ἔνδολος, ἀθρύλλητος ὁρμή, λήθη καὶ ὄχλον παίγματα, καὶ τὰ τοιουτότροπα. Ἐκεῖ ἔγνων σεισμῶν καὶ ὑετῶν ὁμοιότητα, καὶ γῆς καὶ θαλάσσης ἐπιτετηδευμένην ὁρμήν, ὡς ἂν εἰς ἐναντίωσιν τῆς ἐποπτικῆς κινήσεως τοῦ θεοῦ. Ἐκεῖ εἶδον γιγάντων ψυχὰς ὑπὸ σκότους τηρουμένας, καὶ φασματικῶς ὀρθούσας γῆν, ὡς ἄν τις ἐπ' ὤμων φέρῃ φορτίον βαρύτατον. Ἐκεῖ εἶδον δρακόντων κοινωνίας μετὰ δαιμόνων, καὶ τὴν ἐξ αὐτῶν προϊεμένην πικρίαν εἰς ὄλεθρον τῶν ἐπιγείων. Ὅθεν μετέχοντα

ⲏ̅

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 3. Verso.

ⲡⲁ ⲉⲧϩⲙ̅ ⲡⲁⲏⲣ
ϫⲓ̅ ⲉ̅ⲃⲟⲗ ⲛ̅ϩⲏⲧⲥ̅ ·
ⲛ̅ⲥⲉⲉⲓ̈ⲣⲉ ⲙ̅ⲡ
ⲡⲉⲑⲟⲟⲩ ⲛ̅ⲛⲉ
ⲣⲱⲙⲉ · ϩⲓ̈ⲧⲛ̅
ⲧ̅ⲃⲱⲛ̅ⲑⲓⲁ ⲉ̅
ⲧⲟⲩϫⲓ̅ ⲙⲙⲟⲥ
ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓ̈ⲧⲟⲟ̅
ⲧⲟⲩ ⲛ̅ⲛⲉⲑⲏ
ⲣⲓ̈ⲱⲛ ⲉⲧϩⲁ
ⲣⲟϥ ⲙ̅ⲡⲕⲁϩ
Ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲟⲛ ⲉⲡ
ⲕⲁϩ ⲉⲩⲧⲱⲟⲩⲛ̅
ϩⲁⲣⲟϥ ϩⲓ̈ⲧⲉⲛ
ⲛⲉⲡⲛ̅ⲁ̅ · ⲡⲁⲓ̈
ⲉ̅ⲧⲟⲩⲉⲓ̈ϣⲉ ⲙ̅
ⲙⲟϥ ⲛ̅ⲥⲁ ⲛ
ϣⲱⲓ̈ ⲙ̅ⲙⲟⲟⲩ
ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲉⲩⲧⲁϫ
ⲣⲟ ⲙ̅ⲫⲩⲥⲓ̈
ⲕⲱⲛ ⲉⲩⲧⲁ
ϩⲟ ⲙⲙⲟϥ ⲉ̅
ⲣⲁⲧϥ̅ :⁓
Ⲁⲩϫⲓⲧ ⲟⲛ ⲉⲩ
ⲧⲟⲡⲟⲥ · ⲡ̅ⲙⲁ
ⲉⲧⲉⲣⲉ ⲛ̅ⲇⲁⲓ̈
ⲙⲱⲛ ϣⲓ̈ⲃⲉ
ⲛ̅ϩⲏⲧϥ ⲙⲡⲉⲩ
ⲥ̅ⲙⲟⲧ · ⲛⲁⲓ̈ ⲛ̅
ⲧⲁ ⲡⲉⲇⲣⲁ
ⲕⲱⲛ ⲧⲁⲙⲓ̈ⲟ̅
ⲟⲩ · ⲕⲁⲧⲁ ⲟⲩ

ⲫⲁⲛⲧⲁⲥⲓ̈ⲁ
ⲛ̅ⲥⲙⲟⲧ̅ ⲛ̅ⲧⲉ
ⲧⲉⲡⲗⲁⲛⲏ ·
ⲉϥϯ ⲙⲛ̅ ⲛⲉ
ⲧⲱϣ ⲙ̅ⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ · ϫⲉⲕⲁⲥ
Ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟ
ⲧⲟⲩ · ⲉⲣⲉ ⲛⲉⲡ̅
ⲛ̅ⲁ ⲙ̅ⲡⲱⲛⲏ
ⲣⲱⲛ ϣⲉⲙ
ϣⲉ ⲛ̅ⲛⲉⲣⲱ
ⲙⲉ · ⲉⲧⲕⲟⲓ̈ⲛⲱ
ⲛⲉⲓ̅ ⲛ̅ⲙ̅ⲙⲁⲩ
ⲉ̅ⲛⲉⲓⲙⲛ̅ⲧⲁ̅
ⲥⲉⲃⲏⲥ ⲛⲟⲩⲱⲧ ·
Ⲧⲙⲛ̅ⲧⲉⲩⲥⲉ
ⲃⲏⲥ ⲅⲁⲣ · ⲉ̅ⲧⲟ ⲛ
ⲁⲥⲉⲃⲏⲥ · ⲁⲩ
ⲉⲓ̈ⲣⲉ ⲙ̅ⲙⲟⲥ ϩⲙ̅
ⲡⲙⲁ ⲉⲧⲙ̅
ⲙⲁⲩ · ⲉⲩⲉⲓ̈ⲣⲉ
ⲛⲟⲩⲗⲱⲅⲓ̈ⲥ
ⲙⲟⲥ ⲉ̅ⲙⲛ̅ⲧⲁϥ
ⲙ̅ⲙⲁⲩ ⲛⲟⲩⲥⲟ
ⲟⲩⲛ̅ · ⲙⲛ̅ ⲟⲩ
ⲇⲓ̈ⲕⲁⲓ̈ⲱ̅ⲥⲩ
ⲛⲏ · ⲟⲩϫⲓ̈ⲛ
ϭⲟⲛⲥ̅ · ⲙⲛ̅ ⲟⲩ
ⲕⲁⲧⲁⲥⲧⲁⲥⲓ̈ⲥ̅
ⲉⲥⲙⲉϩ ⲛⲁⲧⲁⲕ
ⲧⲓ̈ⲁ ⲉⲥϩⲙ̅ ⲡⲙ[ⲁ]
ⲉⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ :⁓

τὰ ἀέρια πνεύματα τοὺς ἀνθρώπους τὰ πάνδεινα διατίθενται, ὡς βοηθείας ὑλικῆς ἀπολαύοντα, Εἶδον καὶ γῆν βαρουμένην ὑπὸ πνεύματος, 206. καὶ μὴ χαλωμένην ἐπὶ τοῦ ὕδατος, διὰ τὴν ἐπαναφορὰν τῶν στηριγμάτων αὐτῆς τῶν φυσικῶν [[2]Ἦλθον ἐν χώρῳ ὅπου αἱ ἰδέαι τῶν μεταμορφώσεων τοῖς δαίμοσι γίνονται] ἣν ὁ δράκων ἀντιδιατασσόμενος τῇ θείᾳ διατυπώσει πρὸς τὴν τῆς πλάνης παράταξιν ἐπετήδευσε· δι' ὧν τά πονηρὰ πνεύματα λειτουργοῦσι τοῖς συσπόνδοις αὐτῶν ἐν ἀσεβείᾳ ἀνθρώποις. Ἐκεῖ εἶδον πῶς συνίσταται ἀσεβὴς εὐσέβεια καὶ ἄλογος γνῶσις, καὶ ἄδικος δικαιοσύνη, καὶ συγκεχυμένη κατάστασις.

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 4. Recto.

Ⲁⲓ̈ⲛⲁⲩ ϩⲙ̄ ⲡⲙⲁ
ⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲉ
ⲡⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛ̄ⲧ
ⲙⲛ̄ⲧⲛⲟⲩϫ
ⲉⲩⲉⲛ̄ ⲟⲩⲙⲱⲣ
ⲫⲏ ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲉⲥ
ⲟ ⲛⲟⲩⲙⲏⲛ̄
ϣⲉ ⲛ̄ⲥⲙⲟⲧ ·
ⲁⲩⲱ ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ
ⲛ̄ⲧⲡⲟⲣⲛⲓ̈ⲁ
ⲁϥϫⲓ̈ ⲛ̄ϣⲟ
ⲙⲛ̄ⲧ ⲙ̄ⲡⲣⲱ
ⲥⲱⲡⲟⲛ · ⲟⲩⲁ̄
Ⲛⲡⲁⲩⲁⲛ ⲙ̄ⲡⲉⲥ
ⲛⲟϥ · ⲕⲉⲟⲩⲁ
ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲟⲙⲉ
ⲛ̄ⲗⲟⲓ̈ϩⲉ : ~
Ⲕⲉⲟⲩⲁ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛⲟⲩ
ϣⲁϩ ⲛⲕⲱϩⲧ
ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉⲡⲉⲡ
ⲛ̄ⲁ ⲛ̄ⲧⲡⲱ
ⲛⲏⲣⲓ̈ⲁ · ⲉϥⲟ ⲛ
ⲑⲉ ⲛⲟⲩⲡⲉⲧ
ⲣⲁ ⲉϥϫⲁϫⲱ
ⲉϥⲟ ⲛϭⲁⲓ̈ⲉ ⲙ̄
ⲡⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛⲟⲩ
ⲑⲏⲣⲓ̈ⲱⲛ̄ : ~
Ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ ϩⲱⲱϥ
ⲙ̄ⲡⲉⲕⲣⲟϥ ⲉⲩ
ⲉⲛ ϩⲛ̄ⲗⲁⲥ ⲉⲩ
ϫⲁϫⲱ ⲙ̄ⲙⲟϥ ·

ⲑ̄

ⲉⲩⲧⲏⲙ ⲛ̄ⲥⲁ
ⲛⲉⲩⲉ̄ⲣⲏⲩ ·
Ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ ϩⲱⲱϥ
ⲙ̄ⲡⲙⲟⲥⲧⲉ
ⲉϥⲟ̄ ⲙ̄ⲡⲉⲥ
ⲙⲟⲧ ⲙ̄ⲡⲃⲏⲗ
ϫⲉ · ⲉϥⲧⲏϩ
ⲙ̄ⲛ̄ ⲡⲡⲉⲛⲓ̈ⲡⲉ
Ⲉⲩⲉⲛ ϩⲛ̄ⲃⲁⲗ
ϩⲓ̈ⲡⲁϩⲟⲩ ⲛ̄ⲧⲉϥ
ⲁⲡⲉ · ⲉⲩⲡⲏⲧ
ⲛⲟⲩⲟⲉⲓϣ
ⲛⲓⲙ ϩⲁⲃⲟⲗ
ⲙ̄ⲡⲟⲩⲟⲉⲓⲛ
ⲉⲩⲛ̄ ϩⲛ̄ⲟⲩⲉ̄ⲣⲏ
ⲧⲉ ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲉⲩⲁ
ϣⲉ ⲛ̄ⲥⲁ ϫⲱ
ⲟⲩ · ⲁⲩⲱ ⲉⲙⲛ̄
ⲙⲁϩⲧ̄ ⲙ̄ⲙⲟϥ
ⲉⲡⲧⲏⲣϥ ⲉⲧ
ⲃⲉ ⲛⲉϩⲃⲏⲩⲉ
ⲉⲧⲉϥⲉⲓ̈ⲣⲉ ⲙ̄
ⲙⲟⲟⲩ ϩⲛ̄ ⲟⲩ
ⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲛⲁ
Ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ ⲇⲉ
ⲙ̄ⲡⲉⲫⲑⲟ
ⲛⲱⲥ · ⲉϥⲉⲓ
ⲡⲉ ⲙ̄ⲡⲕⲱϩ ·
ⲉϥϣⲉⲃⲓⲏⲩ
ⲉⲣⲟϥ · ⲉⲃⲟⲗ ϫⲉ
ⲟⲩⲉⲛ ⲟⲩⲗⲁⲥ

4. Ἐκεῖ εἶδον εἶδος τοῦ ψεύδους, μορφὴν ἔχον παμποίκιλον, καὶ τὸ εἶδος τῆς πορνείας τρίμορφον, αἱματῶδες, ἀφρῶδες, ἡπατῶδες. Εἶδος ὀργῆς, πετρῶδες, ἔρημον, καὶ τραχὺ καὶ θηριωδέστατον· Εἶδος δόλου, πυκνόν, σύμφυτον, πολλαῖς γλώσσαις κατάκομον. Εἶδος μίσους τυφλόν, ἔχον τέσσαρας ἐν τῷ ὀπισθοκρανίῳ ὀφθαλμούς, φεύγοντας ἀεὶ τὸ φῶς, καὶ πόδας ἔχον πολλοὺς εὐθὺς ἠρτημένους ἀπὸ τῆς κεφαλῆς, καὶ μὴ ἔχον κοιλίαν διὰ τὴν ἄσπλαγχνον ὁρμήν· εἶδος φθόνου ὅμοιον τῷ ζήλῳ, διαφερόμενοι δὲ ὅτι τὴν γλῶσσαν

I

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 4. Verso.

ⲙⲙⲟϥ ⲉϥϣⲏⲩ
ⲛ̅ⲑⲉ ⲛⲟⲩⲟϩⲥ̅ ·
ⲁⲩⲱ ⲡⲉⲡⲛ̅ⲁ
ⲛ̅ⲧⲙⲛ̅ⲧⲁⲧ
ⲥⲉⲓ̈ · ⲉⲩⲛ̅ ⲟⲩⲁ
ⲡⲉ ⲉⲥϭⲏⲩ ⲙ
ⲙⲟϥ · ⲉⲩⲛ̅ ϩⲉⲛ
ⲃⲁⲗ ⲙ̅ⲡⲱ
ⲛⲏⲣⲟⲥ ⲙⲙⲟϥ
ⲉ̅ⲣⲉ ⲕⲉⲟⲩⲁ̅ ϩⲓ̅
ϫⲛ̅ ⲧⲉϥⲁⲡⲉ
ⲙⲛ̅ ⲧⲉϥⲙⲉⲥ
ⲑⲏⲧ · ⲉⲩⲟ ⲛ̅ⲑⲉ
ⲙ̅ⲡⲉⲧⲥⲱⲕ
ⲉϩⲣⲁⲓ ⲙⲡ
ⲕⲁϩ · ⲙⲛ̅ ⲛⲱ
ⲛⲉ : ~
ⲁⲓ̈ⲛⲁⲩ ⲉ̅ⲡⲉⲥ̅
ⲙⲟⲧ̅ ⲛ̅ⲧⲙⲛ̅
ⲧⲁⲧϣⲓ̈ⲡⲉ ⲉϥⲟ̅
ⲙ̅ⲡⲓⲛⲉ ⲛⲟⲩ
ϩⲁⲗⲏⲧ̅ ⲛ̅ϣⲁⲩ
ⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉ̅ⲣⲟϥ
ϫⲉ ϩⲁⲣⲡⲁⲝ ·
ⲉ̅ⲣⲉ ⲛⲁⲣⲟⲟⲩⲉ
ⲛ̅ⲛⲉϥⲃⲁⲗ
ⲟⲙⲥ̅ ⲉ̅ϩⲟⲩⲛ ⲉ
ⲧⲉϥⲁⲡⲉ : ~
ⲁⲓ̈ⲛⲁⲩ ⲉ̅ⲡⲉⲛ
ⲛ̅ⲁ ⲛ̅ⲧⲙⲛ̅ⲧⲉ
ϣⲱⲧ · ⲉ̅ⲣⲉ
ⲡⲉϥⲥⲱⲙⲁ

ⲟ ⲛ̅ⲑⲉ ⲛⲟⲩⲕⲱ
ⲗⲱⲃⲟⲥ · ⲉⲣⲉ
ⲟⲩⲁⲓ̈ⲥⲕⲱⲥ
ⲛ̅ⲕⲱϩⲧ ϩⲓ
ϫⲉⲛ ⲧⲉϥⲁⲡⲉ
ⲉ̅ⲣⲉ ϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ
ⲛ̅ⲧⲁϥ · ϣⲟⲟⲡ
ⲛ̅ϩⲏⲧϥ : ~
ⲁⲓ̈ⲛⲁⲩ ⲉ̅ⲡⲉⲛ
ⲛⲁ ⲛ̅ⲧⲙⲛ̅ⲧ
ⲡⲉⲧϣⲟⲩⲉⲓ̈ⲧ̅
ⲉϥⲟ ⲛⲑⲉ ⲛⲟⲩ
ⲥⲱⲙⲁ ⲉϥⲕⲟⲟ̅
ϣⲉ · ⲁⲩⲱ ⲉϥ
ⲟⲩⲟϣϥ̅ · ⲉϥⲟ̅
ⲛ̅ⲛⲉⲱⲕⲱ
ⲣⲱⲥ · ⲉ̅ⲙⲛ ⲕⲁⲥ
ⲙ̅ⲙⲟϥ ⲉⲡⲧⲏ
ⲣϥ̅ · ⲡⲓⲛⲉ ⲛ̅ⲧ
ⲙⲛⲧⲣⲉϥϣⲙ̅
ϣⲉⲉⲓ̈ⲇⲱⲗⲟⲛ̅
ⲟⲩⲡⲛ̅ⲁ ⲡⲉ ⲉϥ
ϩⲏⲗ ϩⲁⲡⲉ
ⲥⲛⲧ̅ ⲙ̅ⲡⲉⲥⲧⲉ
ⲣⲉⲱ̅ⲙⲁ ⲛ̅ⲧ
ⲡⲉ · ⲉⲩⲛ ϩⲛ̅
ⲧⲉⲛⲁϩ ϩⲛ̅
ⲧⲉϥⲁⲡⲉ · ⲉϥ
ⲙⲉⲉⲩⲉ ϫⲉ ⲉϥ
ϩⲱⲃⲥ̅ ⲛⲟⲩⲟⲛ

προφέρει ὡς δρέπανον. Εἶδος πονηρίας εἶδον ἐκεῖ, λεπτῶδες, πολυόφθαλμον, ἀντὶ τῶν κόρων βέλη ἔχον, πρὸς ἐπιβουλὴν τὴν ὁρμὴν κεκτημένον. Εἶδος ἀπληστείας, κεφαλὴν ἔχον στενὴν καὶ μακρὰν, στόμα δὲ εἶχε καὶ ὄπισθεν καὶ πρὸς τῷ θώρακι τὴν γῆν ἀνιμώμενον, καὶ τοὺς λίθους καὶ λεπτότερον ἐγίνετο, μηδὲν προσιέμενον. Εἶδος λυπότητος, ὀξὺ ὅλον τὸ σῶμα ἔχον κατὰ τὴν ἅρπην καὶ τὰς κόρας τῶν ὀφθαλμῶν ἔχον συνδυνούσας εἰς ἔκλειψιν. Εἶδος ἐμπορίας, κονδὸν, γοργὸν, ῥυποῦν, ἔχον ἐπὶ τοῦ νώτου δεσμὸν περιέχοντα πᾶσαν αὐτοῦ τὴν ὑπόστασιν. Εἶδος ματαιότητος, εὔτροφον, εὔσαρκον, μὴ ἔχον δὲ ὀστὰ τὸ συνόλον. Εἶδος εἰδολατρείας,. ὑψιπετὲς, τὰ πτέρα ἔχον ἐν τῇ κεφαλῇ, καὶ πάντα σκέπειν ἐπαγγελλόμενον,

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 5. Recto.

ⲛⲓ̄ⲙ ⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲇⲉ ⲙ̄ ⲡⲉϥϣ̄ϭⲙ̄ϭⲟⲙ ⲛ̄ϩⲱⲃ̄ⲥ̄ ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲙ̄ⲙⲓⲛ̄ ⲙ̄ⲙⲟϥ · ✣ Ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ̄ ⲛ̄ⲧ ⲙⲛ̄ⲧϩⲩⲡⲟⲕ ⲣⲓⲧⲏⲥ · ⲉϥⲱ̄ ⲙ̄ⲡⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛⲟⲩⲁⲥⲕⲱⲥ ⲉϥϩⲟⲥⲉ ⲙⲙⲁ ⲧⲉ · ⲉ̄ⲣⲉ ϩⲛ̄ ⲛⲟϭ ⲛⲉⲙⲕⲁϩ ⲛ̄ϩⲏⲧ ⲛⲙ̄ ⲙⲁϥ · ⲁⲗⲗⲁ ⲥⲉϣⲟⲩⲟ̄ ⲉ̄ⲡⲉ ⲥⲏⲧ ϩⲓⲱⲱϥ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲡⲉⲑⲏⲧ sic ⲉⲩⲕⲱⲧⲉ ⲉ̄ ⲣⲟϥ ⲉⲩϫⲓ̄ ⲛⲟⲩ ⲙⲏⲛ̄ϣⲉ ⲛ̄ⲥ ⲙⲟⲧ · ⲡⲉⲡ Ⲛⲁ̄ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲁ ⲑⲏⲧ · ⲉϥⲟ ⲛ ⲑⲉ ⲛⲟⲩϣⲉⲉ ⲣⲉϣⲏⲙ ⲛⲥϩⲓ ⲙⲉ ⲉⲥⲕⲏⲕⲁ ϩⲏⲩ · ⲉⲙⲛ̄ ⲗⲁ ⲁⲩ ⲛ̄ⲕⲁⲧⲁⲥ ⲧⲁⲥⲓ̈ⲥ ⲙ̄ⲙⲟⲥ

ⲓ̄ⲁ̄

÷ ⲉⲛⲧⲏⲣϥ̄ · Ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ̄ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧ ⲡ̄ⲣⲱⲇⲱ ⲧⲏⲥ · ⲟⲩⲛ̄ ⲟⲩ ⲛⲟϭ ⲛ̄ⲗⲁⲥ ⲙ ⲙⲟϥ · ⲉϥϣⲏⲩ ⲡⲁⲣⲁ ⲡⲉϥⲥⲱ ÷ ⲙⲁ ⲧⲏⲣϥ̄ : ~ Ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ̄ ϩⲱⲱϥ ⲛⲧⲙⲛ̄ⲧⲥⲟϭ ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉ̄ⲣⲟϥ · ⲉ̄ⲣⲉ ⲟⲩⲁⲡⲉ ⲙ̄ ⲙⲟϥ ⲉⲥⲥⲟⲃⲉⲕ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛⲟⲩⲕⲁ ⲣⲉⲁ̄ · ⲡⲉϥϩⲟ ⲇⲉ ⲛⲉϥⲕⲏⲃ ⲉϥⲕⲏ ⲉ̄ⲃⲟⲗ · ⲉⲙⲉⲛϭⲟⲙ ⲙ̄ ⲙⲟϥ ⲉⲃ̄ⲓ ϫⲱϥ ⲉϩⲣⲁⲓ̄ ⲉⲡⲧⲏ ⲣϥ : ~ ✣ Ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉ̄ϣⲟⲙⲛ̄ⲧ ⲡ̄ϣⲉ ⲙⲙⲓ̈ⲛⲉ ⲙ̄ⲡⲁⲑⲱⲥ · ⲁⲩⲱ ⲡϣⲱϫⲡ̄ ⲛⲉⲙⲡⲉⲑⲟⲟⲩ ⲉ̄ⲣⲉ ⲡⲟⲩⲁ ⲡⲟⲩⲁ̄ ⲉⲓⲣⲉ ⲛⲟⲩⲡⲉ ⲑⲟⲟⲩ · ⲉϥⲱ ⲛ ⲇⲁⲓⲙⲱⲛ ⲇⲉ ϩⲙ̄ ⲡⲉϥⲥⲙⲟⲧ

μηδὲ ἓν μέλος ἔχον ὑπ' αὐτῶν σκιαζόμενον. Εἶδος ὑποκρίσεως, ὅλον πεπονηρευμένον, καὶ ἔχον στέρνα μεγάλα, ἀλλὰ λεληθότως διαῤῥέον, καὶ ὡς ὑπὸ τῶν ἀνέμων εἰς μυρία περιστρεφόμενον. Εἶδος ἀνοίας, νέον, ἀῤῥενόθηλυ, γυμνόν, ἀναιδές, ἀπερίστατον. Εἶδος προπετείας, γλῶσσαν ἔχον μακρὰν τοῦ ἄλλου σώματος. Εἶδος μωρίας, κεφαλὴν ἔχον χαρσίον, καρδίαν χαύνην διαχεομένην, καὶ μηδὲν βαστάσαι ἰσχύουσαν. Καὶ ἑκάστου ἐλαττώματος εἶδον ἐκεῖ μορφήν, ἣν ἕκαστος δαίμων ἐνδυόμενος ἐπὶ τὸν κόσμον προΐεται. 5. Τριακόσια ἑξηκονταπέντε παθῶν εἴδη εἶδον ἐκεῖ,

ⲓ̄ⲃ̄

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 5. Verso.

Ⲁⲓ̈ⲛⲁⲩ ⲉⲧⲙⲟⲣ
ⲫⲏ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧ
ⲙⲁⲓ̈ⲉⲟⲟⲩ ⲉⲧ
ϣⲟⲩⲉⲓⲧ ⲙⲛ̄
ⲧⲁⲣⲉⲧⲏ ⲛ̄ⲛⲉ
ⲫⲁⲛⲧⲁⲥⲓ̈ⲁ :~
Ⲁⲩⲱ ⲙⲛ̄ⲛ̄ⲥⲁ ⲛⲁⲓ̈
ⲛ̄ⲧⲉⲣⲓ̈ⲉⲣⲙⲁ
ⲁ̄ⲃⲉ ⲛ̄ⲣⲟⲙⲡⲉ
ⲁⲓ̈ⲡⲱⲧ ⲉ̄ⲧⲉ
ⲭⲱⲣⲁ ⲛ̄ⲛⲉ
ⲭⲁⲗⲇⲁⲓ̈ⲟⲥ
ϫⲉⲕⲁⲥ ⲉⲓ̈ⲉⲉⲓ
ⲙⲉ ϫⲉ ⲉ̄ⲣⲉ ⲡⲉ
ⲑⲏⲣ ⲕⲏ ⲉϩⲣⲁⲓ̈
ⲛⲁϣ ⲛ̄ϩⲉ ⲡⲉ
ⲧⲟⲩⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉ̄
ⲣⲟϥ ϫⲉ ϥϩⲓ̈
ϫⲙ̄ ⲡ̄ⲕⲱϩⲧ ·
Ⲛⲉⲥⲟⲫⲟⲥ ϩⲱ
ⲟⲩ ⲉⲧⲉⲛϩⲏ
ⲧⲟⲩ ⲉⲩϫⲱ
ⲙ̄ⲙⲟⲥ · ϫⲉ ⲁϥⲁ̄
ϩⲉⲣⲁⲧϥ ϩⲓϫⲛ̄
ⲛⲟⲩⲟⲉⲓⲛ · ⲁⲓ̈
ⲉⲓ̈ⲙⲉ ⲇⲉ ⲟⲛ ⲉ̄
ⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟ̄
ⲧⲟⲩ ⲛⲧⲇⲓ̈ⲁ
ⲫⲱⲣⲁ ⲛⲉⲛ
ⲥⲓⲟⲩ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄
ϩⲛ̄ⲉⲛⲧⲏϭ :~

Ϩⲟⲓⲛⲉ ⲇⲉ ⲉ̄ⲃⲟⲗ
ⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ ϣⲁⲩ
ⲃ̄ⲗⲁⲡⲧⲉⲓ · ϩⲛ̄
ⲕⲟⲟⲩⲉ̄ ⲇⲉ ⲟⲛ
ϣⲁⲩⲱ̄ⲫⲉⲗⲉⲓ̈
ⲁⲩⲱ ⲛⲉⲣⲉ ϩⲛ̄
ⲭⲱ̄ⲣⲟⲥ ⲥⲓⲣ ⲉ̄
ⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛⲟⲩ
ⲡⲱⲗⲩⲙⲟⲥ
Ⲁⲩⲧ̄ⲥⲁⲃⲟⲓ̈ ⲇⲉ
ⲟⲛ ⲉ̄ⲡⲟⲩⲁ
ⲡⲟⲩⲁ̄ ⲙⲛ̄ ⲧⲉϥ
ⲕⲟⲓ̈ⲛⲱⲛⲓ̈ⲁ
ⲧⲁⲓ̈ ⲧⲉ ⲑⲉ ⲉⲧ
ⲣⲉⲩⲥⲁϩⲱⲟⲩ
ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲧⲉϥⲫⲁⲛ
ⲧⲁⲥⲓ̈ⲁ · ⲛ̄ⲥⲉⲕⲱ
ⲛ̄ⲥⲱⲟⲩ ⲙⲛ̄
ⲛⲟⲩⲧⲉ ϩⲉⲙ
ⲡⲉⲩϩⲏⲧ ⲛ̄ⲥⲉ
ⲗⲟ ⲉⲩϣⲙ̄ϣⲉ
ⲛⲁϥ : ⲁϥⲥ
ⲡⲟⲩⲇⲁⲍⲉ ⲉⲣ̄
ⲕⲟⲧⲉ̄ ⲛⲓⲙ ϩⲛ̄
ⲟⲩⲡ̄ⲗⲁⲛⲏ ·
ⲁϥⲧ̄ⲣⲉⲩϣⲱ
ⲡⲉ ⲉⲩⲧⲏϩ
ϩⲛ̄ ⲛⲉⲩⲛⲟⲃⲉ ·
Ⲛⲧⲟϥ ⲇⲉ ⲛⲉϥ
ⲟ ⲛ̄ⲣⲟ ϩⲛ̄ ⲧⲁ
ⲛⲟⲙⲓ̈ⲁ :~

καὶ τῆς κενοδοξίας καὶ κενῆς ἀρετῆς καὶ κενῆς σοφίας, καὶ κενῆς δικαιοσύνης, ἐν οἷς πλανῶσι τοὺς Ἑλλήνων φιλοσόφους. etc.... Τριάκοντα ἐτῶν ἤδη γεγονώς, παρ' Αἰγύπτου στέλλομαι πρὸς τοὺς Χαλδαίους, ἵνα μάθω τοῦ αἰθέρος τὴν ὁρμήν, ἣν αὐτοὶ οὗτοι ἐπὶ πυρὸς λέγουσιν, οἱ δὲ ἀκριβεῖς αὐτῶν ἐπὶ φωτός. Παρ' αὐτῶν ἔγνων ἀστέρων ὡς ἐπὶ βοτανῶν διαφοράς, καὶ χοροὺς ἀστέρων, ὡς ἐπὶ πολέμων διαταγαῖς. Οὗτοί μοι κατέλεξαν οἴκους ἑνὸς ἑκάστου, καὶ κοινωνίας καὶ τροφάς, καὶ πόματα, καὶ συνουσίας νοερὰς ἐπὶ φωτὸς ἀνθρώποις τελουμένας .... 207. 6. ... καὶ οὕτως ἀπησχόλησε τὸν πάντα χρόνον, ἀποστῆναι πίστεως καὶ Θεοῦ καὶ τῆς εὐσεβείας αὐτοῦ Πάντα ἐν τῇ πλάνῃ ἐνεπορεύσατο· πάντα συνέχεε, καὶ αὐτὸς ἐν πηγῇ ματαιότητος βασιλεύει τῆς ἀνομίας.

ⲓ̅ⲋ̅

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 6. Recto.

Ⲉϣϫⲉ ⲧⲉⲧⲛ̄
ⲡⲓⲥⲧⲉⲩⲉ ⲛⲁⲓ̈
ⲁⲓ̈ⲛⲁⲩ ⲉⲡⲇⲓ̈ⲁ̄
ⲃⲟⲗⲟⲥ ⲛ̄ϩⲟ
ϩⲓ̈ ϩⲟ · ⲁⲓ̈ⲧ
ⲣⲉϥⲟⲩⲱⲛϩ̄
ⲉ̄ⲣⲟⲓ̈ ϩⲛ̄ ϩⲛⲑⲩ
ⲥⲓⲁ : ~
Ⲉϣϫⲉ ⲧⲉⲧⲛ̄
ϫⲓ̈ ⲙⲡⲁϣⲁ
ϫⲉ ⲁⲓ̈ⲁⲥⲡⲁⳅⲉ
ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲛ̄ⲧⲁⲛ
ⲣⲟ · ϩⲓ̈ ⲧⲁⲡⲣⲟ
ⲁϥϣⲁϫⲉ ⲛⲙ̄
ⲙⲁⲓ̈ · ⲁϥⲙⲉⲉⲩⲉ̄
ⲉ̄ⲣⲟⲓ̈ ϫⲉ ⲁ̄ⲛⲟⲕ
ⲟⲩⲁ̄ ϩⲛ̄ ⲛⲉⲛⲟϭ
ⲉⲧⲁϩⲉⲣⲁⲧⲟⲩ
ⲙ̄ⲡⲉϥⲙ̄ⲧⲟ
ⲉⲃⲟⲗ : ~
Ⲁϥⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉ̄
ⲣⲟⲓ̈ ⲡⲉϫⲁϥ
ⲛⲁⲓ̈ · ϫⲉ ⲛ̄ϣⲏ
ⲣⲉϣⲏⲙ ⲛⲉⲩ
ⲫⲏⲛⲥ̄ · ⲉϥⲙⲟ
ⲧⲛ̄ ⲉⲧ̄ⲥⲁ
ⲃⲟϥ · ⲛ̄ⲕⲟⲩⲓ̈
ⲛ̄ⲥⲟⲛ ⲛⲓ̈ⲁⲛ
ⲛⲏⲥ · ⲙⲛ̄ ⲓ̈ⲁⲙⲃ̄
ⲣⲏⲥ̄ · ⲉϥⲉⲙⲛ
ϣⲁ ⲛ̄ⲧⲕⲟⲓ̈

ⲛⲱⲛⲓ̈ⲁ · ⲁⲩⲱ
÷Ⲁϥⲙⲉⲣⲓⲧ · ⲁϥⲁ
ⲁⲧ ⲛⲁϥ ⲛⲁⲣ
ⲭⲱⲛ · ⲉ̄ϫⲉⲛ
ⲛ̄ⲇⲁⲓ̈ⲙⲱⲛⲓ̈
ⲱⲛ ⲧⲏⲣⲟⲩ
÷ⲙⲛ̄ ⲛⲉⳅⲟⲩⲥⲓⲁ
Ⲛ̄ⲛ̄ⲥⲁ ⲛⲉϩ
ⲃⲏⲩⲉ̄ ⲛ̄ⲧⲁϥⲉ
ⲣⲏⲧ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ
ⲛⲁⲓ̈ ϫⲉ ϯⲛⲁⲧⲁ
÷ⲁⲩ ⲉ̄ⲧⲟⲟⲧⲕ̄ ·
Ⲉⲧⲃⲉ ⲛⲁⲓ̈ ⲁⲓ̈
ϣⲱⲡⲉ ⲉⲓ̈ⲧⲁ
ⲉⲓⲏⲩ ⲛⲁϩⲣⲁϥ
ⲙ̄ⲙⲁⲧⲉ · ⲁⲩⲱ
ⲟⲛ ⲁϥⲧⲁⲉⲓⲟⲓ̈
ⲡⲁⲣⲁ ⲧⲧⲁ
ⳅⲓⲥ ⲉⲧϩⲁⲣⲁⲧϥ̄
Ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲧⲉⲣⲓ̈ⲉⲓ̈
ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϩⲓ̈ⲧⲟⲟⲧϥ̄
ⲛⲉϥⲱϣ ⲉ̄ⲃⲟⲗ
ϩⲁⲣⲁⲧ ⲉϥϫⲱ
÷ⲙ̄ⲙⲟⲥ̄ · ϫⲉ
Ϣ ⲡⲉⲥⲡⲟⲩ
ⲇⲁⲓⲱⲥ
ⲉⲡⲉϩⲟⲩⲟ̄
ⲕⲩⲡⲣⲓ̈ⲁⲛⲟⲥ
ϣⲱⲡⲉ ⲛⲟⲩ
ⲣⲱⲙⲉ ⲛ̄ϫⲱ
ⲱⲣⲉ ⲛ̄ⲥⲟⲩⲱϩ

Ἐμοὶ πιστεύετε, ὅτι αὐτὸν τὸν διάβολον ἐθεασάμην, ἐμοὶ πείθεσθε, καὶ ἠσπασάμην αὐτόν, καὶ συνελάλησα, καὶ τῶν παρ' αὐτῷ τὰ πρῶτα ἐχόντων ἐνομίσθην. Εὐφυές με μειράκιον προσεῖπε, νέον Ἰαμβρήν, εὔτονον εἰς λειτουργίαν, ἄξιον τῆς κοινωνίας ἐκείνου. Ἐπηγγείλατό με ἄρχοντα ποιήσειν μετὰ τὴν τοῦ βίου τελευτήν, ἐν πᾶσι τοῖς κατὰ τὸν βίον συνεργεῖν· Διὸ ὡς τιμὴν ἔχοντί μοι παρ' αὐτῷ, καὶ φάλαγγα δαιμόνων ἐνεπίστευσεν. Ἀνδρίζου μοι ἐξίοντι ἀνεβόησε σπουδαιότατε Κυπριανέ,

ⲓⲁ̅

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 6. Verso.

ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉ̅ϫⲛ̅ ⲛⲁϩ
ⲃⲏⲩⲉ : ~
Ⲁⲩⲱ ⲛ̅ⲧⲉⲣⲓ̈ⲧⲱ
ⲟⲩⲛ̅ ⲁⲩⲉⲣϣ̅
ⲡⲏⲣⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̅
ϭⲓ̈ ⲛⲉϥⲁⲣⲭⲱⲛ
ⲉⲩⲑ̅ⲡⲟ ⲙ̅ⲙⲟⲓ̈
ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲉⲟ̅
ⲟⲩ ⲛ̅ⲧⲁϥⲧⲁ
÷ⲁϥ ⲛⲁⲓ̈ : ~
Ⲛⲉⲣⲉ ⲡⲉϥⲉⲓ̈ⲛⲉ
ⲅⲁⲣ ⲟ ⲛⲑⲉ ⲙ̅
ⲡⲁⲩⲁⲛ ⲙ̅ⲡⲉϩ
ⲣⲏⲣⲉ ⲙⲡⲛⲟⲩⲃ
ⲉϥⲕⲱⲥⲙⲉⲓ̈
ϩⲙ̅ ⲡⲁⲩⲁⲛ ⲙⲡ̅·
ⲛⲟⲩⲃ · ⲉϥⲉⲓ̈
ⲛⲉ ⲙ̅ⲡⲟⲩⲏⲣⲧ̅
ⲙⲛ̅ ϩⲛ̅ⲱⲛⲉ ⲉⲩ
ⲧⲁⲉⲓⲏⲩ ⲙ̅ⲙⲁⲣ
ⲕⲁⲣⲓ̈ⲧⲏⲥ : ~
Ⲉⲩⲉⲛ ⲟⲩⲕ̅ⲗⲟⲙ
ϩⲓ̈ϫⲛ̅ ⲧⲉϥⲁ
ⲡⲉ · ⲉϥϣⲟⲛⲧ̅
ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ ϩⲉⲛⲱ̅
ⲛⲉ ⲛ̅ϩⲩⲁⲕⲓ̈ⲛ
ⲑⲓⲛⲱⲛ · ϩⲓ̈ ⲭ̅
ⲣⲏⲥⲱⲗⲓ̈ⲛ̅
ⲑⲟⲥ · ϩⲓ̈ ⲙⲁⲣ
ⲕⲁⲣⲓ̈ⲧⲏⲥ ·
ⲛⲁⲓ̈ ⲛⲧⲉ ⲡⲉⲩ
ⲟⲩⲟ̅ⲉⲓⲛ ⲡⲱ

ⲣⲉϣ ⲙ̅ⲡ̅ⲙⲁ
ⲧⲏⲣϥ̅ ⲉⲧⲉϥ
ⲉⲓϩⲏⲧϥ̅ : ~
÷Ⲁⲩⲱ ⲙⲛ̅ⲛ̅ⲥⲁ
ⲛⲁⲓ̈ ⲛⲉⲩⲛ̅ ϩⲛ̅
ⲧⲁⲅⲙⲁ ⲉ̅ⲛⲁ
ϣⲱⲟⲩ ⲁϩⲉⲣⲁ
ⲧⲟⲩ ⲉ̅ⲣⲟϥ ⲉⲩ
ϩⲩⲡⲱⲧⲁⲥ
ⲥⲉ ⲛⲁϥ ⲕⲁⲧⲁ
ⲟⲩϩⲩⲡⲱⲧⲁ
ⲕⲏ ⲛ̅ⲇⲁⲓ̈ⲙⲱ
ⲛⲓⲱⲛ · ⲁⲗ
ⲗⲁ ⲁϥⲉⲓ̈ⲣⲉ ⲙ̅
ⲡⲁⲓ̈ ⲕⲁⲧⲁ ⲟⲩ
ⲫⲁⲛⲧⲁⲥⲓ̈ⲁ
ⲉϥϯϩⲟⲧⲉ
÷ⲛⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ : ~
Ⲕⲁⲓ̈ ⲅⲁⲣ ⲁϥⲧⲁ
ⲙⲓⲟ ⲛ̅ϩⲛ̅ⲛⲟϭ
ⲛ̅ⲥⲓⲟⲩ · ⲙⲉⲛ
ϩⲛ̅ ⲛⲟϭ ⲛ̅ϣⲛ[ⲏ]
ⲉϥϯⲟⲩⲃⲉ
ⲛⲁⲡⲛⲟⲩⲧⲉ
ⲙⲛ̅ ⲛⲉϥⲁⲅⲅⲉ
ⲗⲟⲥ · ⲉϥⲙⲉⲉⲩⲉ
ϫⲉ ⲙⲉϣⲁⲕ
ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟ
ⲟⲧϥ̅ ϥ̅ⲛⲁⲡ
ⲗⲁⲛⲁ ⲛ̅ⲛⲉⲣⲱ
ⲙⲉ · ⲛ̅ⲥⲉⲙⲉⲉⲩ[ⲉ]

καὶ προέπεμψέν με ἀναστάς, ὅπερ καὶ πάντες ἐθαύμασαν. Διὸ καὶ πάντες οἱ ἄρχοντες αὐτοῦ ὑπήκουόν μοι, εἰδότες τὴν τιμήν μου τὴν παρ' αὐτῷ. Ἦν δὲ τὸ εἶδος αὐτοῦ ὡς ἄνθος χρυσίου τιμίοις λίθοις κεκοσμημένον, καὶ τὴν κεφαλὴν ἐστεφάνωτο λίθοις συμπλεκομένοις, ὧν αἱ ἐνάργειαι τοπαδίον ἐκεῖνο κατηύγαζον· καὶ ἡ στολὴ οὐκ ἀνόμοιος· καὶ ἔσειε τὸν χόρτον περιστεφόμενος. **7.** Πολλὴ δὲ ἡ περὶ τὸν θρόνον αὐτῷ παράστασις διαφόρων ταγμάτων κεκλικότων πρὸς ὑποταγὴν αὐτῷ τὰς εἰδέας καὶ ἐνεργείας. Ἀλλὰ καὶ ἐνεδείκνυτο ὡς τὸν τόπον φωτίζει καὶ ἐφάνταζεν, οὐ μετρίως καταπλήττων ἅπαντας. Καὶ γὰρ ἐν πᾶσιν ἄστροις καὶ ἐν φυτοῖς, καὶ ἐν τοῖς τοῦ Κυρίου κτίσμασιν ὁμοιότητας ἑαυτῷ παρέπλεξεν πρὸς πόλεμον Θεοῦ καὶ τῶν ἀγγέλων αὐτοῦ παραταττόμενος. Δι' ὧν ἐδόκει τοὺς ἀνθρώπους πλανᾶν ὡς Θεός,

[ⲥⲱ]

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 7. Recto.

ⲧⲙ̄ ⲛ̄ⲥⲱⲕ ⲁⲓ̈
ⲧⲁⲕⲟ ⲛ̄ⲛⲁⲭ̄
ⲣⲏⲙⲁ · ⲙⲛ̄ ⲛⲁ
ϩⲩⲡⲁⲣⲭⲱⲛⲧⲁ
ⲁⲩⲱ ⲁⲓϫⲟ ⲉ
ⲃⲟⲗ ⲕⲁⲕⲱⲥ ⲛ̄
ⲧⲟⲩⲥⲓⲁ ⲛⲛⲁⲉⲓⲟ̄
ⲧⲉ · ⲟⲩⲟⲓ̈ ⲛⲁⲓ̈
Ⲁⲛⲟⲕ ⲡⲉ ⲡⲓ̈ⲉ̄
ⲃⲓ̈ⲏⲛ · ⲛⲉⲛⲧⲁⲓ̈
ⲧⲁⲕⲟⲟⲩ ⲉⲧⲃ̄ⲏ
ⲛⲧⲕ̄ · ⲉ̄ⲛⲉⲛ
ⲧⲁⲓ̈ⲧⲁⲁⲩ ⲛ̄ⲛⲉ
ϩⲛⲕⲉ ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲉ̄
ⲃⲓ̈ⲏⲛ · ⲛⲉⲓ̈ⲛⲁϫ̄
ⲡⲟ ⲛⲁⲓ̈ ⲛⲟⲩ
ϩⲉⲗⲡⲓ̈ⲥ :—
Ⲟⲩⲟⲓ̈ ⲛⲁⲓ̈ ϫⲉ ⲁⲓ̈
ⲧⲁⲕⲟ · ⲁⲩⲱ
ⲁⲓ̈ϣⲱⲱ̄ϭⲉ
ⲙⲁⲩⲁⲁⲧ ϩⲉⲛ
ⲟⲩⲡⲗⲏⲅⲏ ⲛⲁⲧ
ⲧⲁⲗϭⲟ :—
Ⲟⲩⲟⲓ̈ ⲛⲁⲓ̈ ϫⲉ
ⲛⲉⲓ̈ⲙⲉⲉⲩⲉ̄ ⲉ̄ⲣⲟⲓ̈
ⲡⲉ ϫⲉ ϯⲟ̄ⲛⲁϩ.
ⲡⲉ · ⲛ̄ϯⲥⲟⲟⲩⲛ̄
ⲁⲛ ⲣⲱ ϫⲉ ϩ̄
ⲣⲁⲓ̈ ϩⲛ̄ ⲛⲁⲭⲣⲏ
ⲙⲁ · ⲁⲓ̈ϣⲱⲡ
ⲛⲁⲓ̈ ⲛⲟⲩⲧⲁ

ⲫⲟⲥ ϩⲛ̄ ⲁⲙⲉⲛ
ⲧⲉ · ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϫⲉ
ⲁⲓ̈ϣⲱⲡⲉ ⲛ̄ϩⲙ̄
ϩⲁⲗ ⲙ̄ⲡⲛⲟⲃⲉ
ⲡⲉⲧⲉϣϣⲉ ⲅⲁⲣ
ⲉⲣⲟⲓ̈ ⲡⲉⲛⲧⲁ
ⲟⲩⲁϩⲧ̄ ⲛⲥⲁ
ⲓ̈ⲟⲩⲥⲧⲓ̈ⲛⲁ · ϫⲉ
ⲕⲁⲥ ⲉ̄ⲥⲉⲃ̄ⲓ̈ⲡⲣⲟ
ⲟⲩϣ̄ ⲛ̄ⲧⲁⲯⲩ
ⲭⲏ · ⲡⲱⲧ ⲉ̄
ⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲙⲟⲓ̈ ⲱ
ⲡⲇⲓⲁⲃⲱⲗⲟⲥ
ⲡϫⲁϫⲉ ⲛ̄ⲧ
ⲙⲉ · ⲉⲧⲉⲓ̈
ϫⲉ ⲉⲓ̈ϫⲱ ⲛ̄
ⲛⲁⲓ̈ · ⲁϥϯ ⲙ̄
ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲓ̈ ⲉϩⲣⲁⲓ̈
ⲉ̄ϫⲱⲓ̈ ⲛ̄ϭⲓ ⲡ
ⲇⲓ̈ⲁⲃⲟⲗⲱⲥ
ⲉϥⲟⲩⲱϣ ⲟⲛ
ⲉ̄ϩⲱⲧⲃ̄ ⲙⲙⲟⲓ̈
ϩⲛ̄ ⲟⲩⲛⲟϭ ⲛⲟⲣ
ⲅⲏ · ⲛ̄ⲧⲉⲣⲓ̈
Ⲛⲁⲩ ϭⲉ ϫⲉ ⲉϥⲟⲩ
ⲱϣ ⲉⲃ̄ⲓ̈ ⲛ̄ⲧⲟ
ⲟⲧ ⲛ̄ⲑⲉⲗⲡⲓⲥ
ⲙ̄ⲡⲁⲱ̄ⲛϩ̄ :—
Ⲁⲓ̈ⲉⲣⲡ̄ⲙⲉⲉⲩⲉ ⲙ̄ⲡ̄
ⲙⲁⲉⲓⲛ̄ ⲛ̄ϣⲁ

213. 13. ....ἀπώλεσά μου χρήματα καὶ πράγματα ἐξακολουθήσας σου τῇ ἀπάτῃ. Μετὰ γὰρ τῆς πατρικῆς οὐσίας, καὶ τὴν ψυχήν μου προσεζημίωσας, Εἰδ' ἔνειμα χρήζουσι τὰ ἐν σοὶ ἀπολλόμενα, εἶχον κἂν γοῦν βραχεῖαν σωτηρίας ἐλπίδα· οὐαί μοι, τί πεπόντα; Δεινῶς κατεφθάρην, ἀνιάτως ἐτραυματίσθην, νεκρὸς ὢν ζῆν ἐνόμιζον καὶ ἐλάνθανον πολλῷ χρήματι τάφον ὠνησάμενος, ζῶν ἐπικινδύνως σοι προσεδρεύσας. Δεῖ με παρακαλέσαι Χριστιανούς, ἵνα με ἐλεήσωσι· χρή με ὑποπεσεῖν τοῖς εὐσεβέσιν, ἵνα με οἰκτειρήσωσι· δεῖ με καὶ τῆς Ἰουστίνης τῶν ποδῶν ἐφάψασθαι, ἵνα μου προνοήσῃ τῆς σωτηρίας. Ἄπελθε ἀπ' ἐμοῦ ἄνομε, βέβηλε, ἀποστάτα· ἀποχώρει μου ἐχθρὲ τῆς ἀληθείας καὶ τῆς εὐσεβείας ἀναντίε. Ὁ δὲ ἀκούσας καὶ ἐπιδραμών μοι, ὥρμησε τοῦ ἀνελεῖν με, καὶ ἐπιπεσὼν πνίγειν με ἐπειρᾶτο. ὡς δὲ οὐκ εἶχον ἰσχὺν λεαινόμενος αὐτοῦ τῇ βίᾳ, καὶ πᾶσα ἐλπίς μοι περιήρετο τοῦ ζῆν· ὑπεμνήσθην τοῦ σημείου,

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 7. Verso.

ⲣⲉ ⲧ̄ⲡⲁⲣⲑⲉ
ⲛⲟⲥ ⲁⲁϥ · ⲁⲓⲱϣ
ⲉ̄ⲃⲟⲗ · ϫⲉ ⲡ
ⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛ̄ⲧⲡⲁⲣ
ⲑⲉⲛⲟⲥ ⲓⲟⲩⲥ̄ϯ
ⲛⲁ ⲃⲱⲏⲑⲉⲓ ⲉ̄
ⲣⲟⲓ · ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ⲓ̄ⲥ̄ ⲉ
ⲛⲉⲃⲱⲏⲑⲉⲓ ⲉ
ⲣⲟⲓ · ⲛⲁⲓ ϫⲉ
ⲛ̄ⲧⲉⲣⲓϫⲟⲟⲩ ⲁ ⲧⲁ
ϭⲟⲙ ⲕⲟⲧⲥ ⲉ̄
ⲣⲟⲓ ⲛ̄ⲕⲉⲥⲟⲛ
ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲧⲉⲩⲛⲟⲩ
ⲁϥⲥⲁϩⲱⲱϥ ⲉ
ⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲙⲟⲓ ⲛ̄ϭⲓ
ⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ
ⲉϥⲟ ⲛⲑⲉ ⲛⲟⲩ
ϣⲁϩ ⲛ̄ⲕⲱϩⲧ̄ ·
ⲛⲉϥⲁ̄ϩⲉⲣⲁⲧϥ
ⲉ̄ⲣⲟⲓ ⲡⲉ · ⲉⲣⲉ
ⲟⲩⲥⲏⲃⲉ ⲧⲟⲕⲙ̄
ϩⲛ̄ ⲧⲉϥϭⲓϫ ·
ⲉϥⲁ̄ⲡⲓⲗⲉ ⲉ̄ⲣⲟⲓ
ⲉϥϫⲱ ⲙ̄ⲙⲟⲥ
ϫⲉ ϯⲛⲁϩⲱⲧⲃ̄
ⲙⲙⲟⲕ ⲱ̄ ⲕⲩⲡ
ⲣⲓⲁⲛⲟⲥ : ~
ⲛ̄ⲧⲉⲣⲓⲉⲣⲡ̄ⲙⲉ
ⲉⲩⲉ ϫⲉ ⲛ̄ⲧϭⲟⲙ
ⲙ̄ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ · ⲁⲓⲱϣ

ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲉ̄ⲡⲉϩⲟⲩⲟ̄
ⲉⲓϫⲱ ⲙ̄ⲙⲟⲥ
ϫⲉ ⲓ̄ⲥ̄ ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ⲡ̄
ⲛⲟⲩⲧⲉ ⲙ̄ⲙⲉ
ⲃⲱⲏⲑⲉⲓ ⲉⲣⲟⲓ ·
ⲁϥⲟⲩⲱ̄ϣⲃ̄ ⲉϥ
ϫⲱ ⲙ̄ⲙⲟⲥ ⲛⲁⲓ
ⲛ̄ϭⲓ ⲡⲇⲓⲁ̄ⲃⲟ
ⲗⲟⲥ · ϫⲉ ⲙ̄ⲡⲉ
ⲭ̄ⲥ̄ ⲛⲁⲃⲱⲏⲑⲉⲓ
ⲉ̄ⲣⲟⲕ ⲁⲛ · ⲛⲁⲥⲉ
ⲃⲏⲥ ⲅⲁⲣ ⲧⲏ
ⲣⲟⲩ ϣⲁϥⲙⲉⲥ
ⲧⲱⲟⲩ · ⲉϥⲛⲁ
ⲃⲱⲏⲑⲉⲓ ⲉ̄ⲣⲟⲕ
ⲧⲉⲛⲟⲩ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲕ̄
ⲣⲟϥ : ~
ⲛ̄ⲛⲁⲩ ⲅⲁⲣ ϩⲱ
ⲱϥ ⲉϥⲛⲁⲕⲁ
ⲁⲕ ⲛ̄ⲥⲱϥ · ⲕⲛⲁ
ⲉⲓⲙⲉ ϫⲉ ⲟⲩⲛ̄
ⲧⲁⲓ ⲧⲉⲝⲟⲩⲥⲓⲁ
ⲉϩⲟⲩⲛ̄ ⲉⲛⲉⲧⲉ
ⲛⲟⲩⲓ ⲡⲉ : ~
ⲡⲉⲛⲧⲁⲕⲛⲁϩ
ⲧⲉ ⲅⲁⲣ ⲉ̄ⲣⲟϥ
ⲛϥⲛⲁⲱ̄ⲫⲉ
ⲗⲉⲓ ⲙ̄ⲙⲟⲕ
ⲁⲛ ⲛ̄ⲗⲁⲁⲩ ·
ⲛⲁⲓ ϫⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲣⲓ
ⲥⲱⲧⲙ̄ ⲉ̄ⲣⲟⲟⲩ
ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟⲧϥ

οὗ ἡ Παρθένος ἐχρᾶτο, καὶ λέγω· ὁ Θεὸς Ἰουστίνης βοήθησόν μοι, καὶ μετὰ τῆς φωνῆς εὐθέως ἐνισχύθην, καὶ τὴν χεῖρα κινήσας κατασφραγίζομαι· Ὁ δὲ ὡς βέλος ἀποῤῥιφεὶς ἀπέστη μου, καὶ στὰς ἐπειρᾶτο ἀπειλεῖν, ξίφος κατ' ἐμοῦ χρησάμενος· καὶ δὲ πεῖραν λαβὼν διὰ τῆς σφραγίδος Χριστοῦ, θαρσαλεώτερος γέγονα πλέον ἔτι καὶ συχνὸν Χριστὸν ἐπιβοώμενος. Τότε οὖν ἀπήει ἀπειλῶν μοι καὶ λέγων· Οὐ μή σε σώσῃ ἐκ τῶν χειρῶν μου ὁ Χριστός· καὶ γὰρ βδελύσσεται ἀσεβεῖς· καὶ δόλῳ νῦν σοι βοηθεῖ, ἵνα τῷ ὀλέθρῳ σε παραδῷ· ὅτε οὖν σε ἀπώσηται, ἐγώ σοι δείξω τί ποιεῖ τὸ καταφρονεῖν τοῦ κράτους μου· ὅτι καὶ ὁ Χριστὸς οὐ προσίεται τοὺς ἐμούς· ἐστερήθης γοῦν καὶ τῆς ἐμῆς διαθέσεως, κἀκεῖνος οὐδέν σε ὠφελήσειεν. 14. Ἐπὶ τούτοις τοῖς λόγοις

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 8. Recto.

ⲁⲓϣⲱⲡⲉ ϩⲛ̄ ⲟⲩ
ⲛⲟϭ ⲛ̄ϩⲟⲧⲉ
ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϫⲉ ⲁϥϣⲁ
ϫⲉ ⲛⲙ̄ⲙⲁⲓ ϩⲛ̄
ⲟⲩⲁⲡⲓ̄ⲗⲏ : ~
Ⲉⲧⲃⲉ ⲛⲁⲓ ϯ
ⲥⲟⲡⲥ ⲙ̄ⲙⲱ
ⲧⲛ̄ ⲛⲁⲥⲛⲏⲩ ⲉⲧ
ⲣⲉⲧⲉⲧⲛ̄ⲥⲟⲡⲥ
ⲉ̄ϫⲱⲓ̈ · ⲁⲩⲱ
ⲟⲛ ⲛ̄ⲧⲉⲧⲛ̄ⲧ
ⲥⲁⲃⲟⲓ̈ ϫⲉ ⲟⲩ
ⲁϣ ⲙ̄ⲙⲓ̄ⲛⲉ ⲡⲉ
ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ · ⲛ̄ⲧⲉⲧⲛ̄
ⲥⲉⲡⲥⲱⲡϥ̄
ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉ̄ϫⲱⲓ̈ ·
ϫⲉⲕⲁⲥ ⲉϥⲉ̄ⲕⲱ
ⲛⲁⲓ̈ ⲉⲃⲟⲗ · ⲉⲓⲉ
Ⲁⲣⲁ ⲉⲓϣⲁⲛⲙⲉ
ⲧⲁⲛⲟⲓ̈ · ϥⲛⲁⲕⲱ
ⲛⲁⲓ̈ ⲉ̄ⲃⲟⲗ · ⲛ̄ⲧⲉ
ⲣⲉ ϩⲁϩ ϫⲉ ϩⲛ̄ ⲛⲉ
ⲣⲉϥϣⲙ̄ϣⲉ
ⲛⲟⲩⲧⲉ ⲥⲱⲧⲙ̄
ⲉⲛⲁⲓ̈ : ~
Ⲁ ⲟⲩⲁ̄ ϫⲉ ⲛ̄ϩⲏ
ⲧⲟⲩ ϣⲁϫⲉ ⲛⲙ
ⲙⲁⲓ̈ ⲉϥϫⲱ ⲙ̄
ⲙⲟⲥ · ϫⲉ ⲧⲱⲕ
ⲛ̄ϩⲏⲧ ⲱ̄ ⲕⲩⲡ

ⲣⲓ̈ⲁⲛⲉ · ⲁⲗⲏ
ⲑⲱⲥ ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ⲛⲁ
ϣⲟⲡⲕ̄ ⲉ̄ⲣⲟϥ ·
ⲛⲉϩⲃⲏⲩⲉ ⲅⲁⲣ
ⲛ̄ⲧⲁⲕⲁⲁⲩ ϩⲛ̄
ⲟⲩⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲥⲟ
ⲟⲩⲛ : ~
Ⲁⲛⲟⲕ ϫⲉ ⲁⲓ̈ⲟⲩⲱ̄
ϣⲃ̄ ⲉⲓϫⲱ ⲙ̄
ⲙⲟⲥ · ϫⲉ ⲁ̄ⲣⲁ
ⲟⲩⲙⲉ ⲡⲉ ⲡⲉⲛ
ⲧⲁ ⲡⲇⲓ̈ⲁⲃⲱ
ⲗⲟⲥ ϫⲟⲟϥ ⲉ̄ⲣⲟⲓ̈
ϫⲉ ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ⲛⲁ
ⲛⲟϫⲕ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ·
Ϯⲥⲟⲟⲩⲛ ⲅⲁⲣ ϫⲉ
ϯϩⲟⲟⲩ ⲙ̄ⲡⲁⲣⲁ
ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ · ⲁⲣⲁ
ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛⲁ
ⲕⲱ ⲛⲁⲓ̈ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ·
ⲁ ⲟⲩⲁ̄ ϫⲉ ⲟⲩⲱ
ϣⲃ̄ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁⲓ̈
ϫⲉ ⲛⲅ̄ⲥⲟⲟⲩⲛ
ⲁⲛ ⲱ ⲕⲩⲡⲣⲓ̄ⲁ
ⲛⲟⲥ · ϫⲉ ⲟⲩⲣⲉϥ
ϫⲉϭⲟⲗ [sic] ⲡⲉⲡ
ⲇⲓ̈ⲁⲃⲟⲗⲟⲥ ·
ⲁⲩⲱ̄ ⲙ̄ⲡⲉϥ
ϫⲉⲙⲉ ⲉ̄ⲛⲉϩ ·
ⲛⲁϣ ⲛ̄ϩⲉ ⲟⲛ
ⲉⲕⲛⲁⲡⲓⲥⲧⲉⲩⲉ

ἐφοβήθην σφοδρῶς· δεινῶς γάρ μοι ἀπεκρίνατο. Διὸ ὑμῖν τοῖς παροῦσι λέγω· ἐλεήσατέ μου τὴν ἀθλιότητα, εἴπατέ μοι περὶ Χριστοῦ, εἰ δύναμαι αὐτὸν ἐξιλεώσασθαι, εἰ μετανοοῦντά με δέχεται, εἰ ἐπιδίδωσί μοι βοήθειαν εἰς τῆς ἔμπροσθεν ἀσεβείας ἀπαλλαγήν. Ὡς δὲ οἱ πλείονες ἡσύχασαν, εἷς τις διάρας τὸ στόμα λέγει· θάρσει Κυπριανὲ, ὅτι δέξεταί σε ὁ Χριστός, ἀγνοῶν γὰρ ἐποίησας· κἀγὼ πρὸς αὐτόν, μὴ ἆρα ὡς εἶπέ μοι ὁ διάβολος, οὕτω μοι ὁ Χριστὸς ποιήσειεν, ἔσχατόν μου ἀπωθούμενος; Ὁ δὲ εἶπε πρός με· ἔγνως, ὅτι ψεύστης ἐστὶν ὁ διάβολος, καὶ τοῖς ἐκείνου λόγοις πιστεύεις;

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 8. Verso.

ⲛⲁϥ · ⲙⲉⲣⲉ
ⲛⲣⲟϥ ϣⲱⲡⲉ
ϩⲙ̄ ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ · ⲛⲉ
ⲧⲟⲓⲥⲉ · ⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ ⲡⲉ ⲙ̄ⲡⲧⲏ
ⲣϥ̄ · ⲁⲩⲱ ⲡⲇⲩ
ⲙⲓⲟⲩⲣⲅⲟⲥ ⲡⲉ
ⲛⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ
ⲁϥϣⲱⲡⲉ ⲛ̄
ⲣⲱⲙⲉ ⲉⲧⲃⲏⲏ̄
ⲧⲉⲛ · ⲁϥϩⲩ
ⲡⲱⲙⲓⲛⲉ ⲉⲡ
ⲙⲟⲩ ϩⲁⲣⲟⲛ
ϣⲁⲛⲧⲉϥϩⲟⲡ
ⲧⲉⲛ ⲉ̄ⲣⲟϥ ϩⲓ
ⲧⲙ̄ ⲡⲉϥⲥⲧⲁⲩ
ⲣⲟⲥ : ~
ⲧⲉⲛⲟⲩ ⲇⲉ ⲱ̄
ⲕⲩⲡⲣⲓⲁⲛⲟⲥ
ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲃⲓⲣⲟⲟⲩϣ
ϩⲓ ⲛⲉⲛⲧⲁⲕⲁ
ⲁⲩ · ⲟⲩⲇⲉ ⲙ̄
ⲡⲉⲣϣ̄ⲧⲟⲣ
ⲧⲉⲣ · ⲧⲱⲟⲩⲛ
ϭⲉ ⲧⲉⲛⲟⲩ ⲛ̄ⲅ̄
ⲃⲱⲕ ϣⲁ ⲡⲉⲛ
ⲉ̄ⲓⲱⲧ ⲛⲉⲡⲓ̄ⲥ
ⲕⲟⲡⲟⲥ · ⲁⲩⲱ̄
ϣⲁϥⲧⲁⲙⲟⲕ
ⲉⲧⲉϩⲓ̄ⲏ̄ ⲙ̄
ⲡⲟⲩϫⲁⲓ̄ : ~

ⲛⲁⲓ̄ ⲇⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲣⲓ̄
ⲥⲱⲧⲙ̄ ⲉ̄ⲣⲟⲟⲩ
ⲁ ⲡⲁϩⲏⲧ ⲧⲁϫ
ⲣⲟ · ⲡⲉϫⲁⲓ̄
ⲛⲁϥ · ϫⲉ ⲱ̄ ⲇⲓ̄
ⲙⲟⲑⲉⲱⲥ ⲡⲁϣ
ⲃⲏⲣ · ⲁⲣⲁ ϩⲉⲛ
ⲙⲉ ⲛⲉ ⲛⲉϣⲁ
ϫⲉ ⲛ̄ⲧⲁⲕϫⲟ
ⲟⲩ ⲉⲣⲟⲓ̄ : ~
ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲇⲉ ⲁϥ
ⲡⲓⲑⲉ ⲙ̄ⲙⲟⲓ̄
ϩⲉⲛ ϩⲁϩ ⲙ̄ⲙⲁ
ϩⲛ ⲛⲉⲅⲣⲁⲫⲏ
ⲧⲟⲧⲉ ⲁ̄ⲛⲟⲕ
ⲕⲩⲡ̄ⲣⲓ̄ⲁ̄ⲛⲟⲥ
ⲁⲓϫⲱ ⲛ̄ⲛⲁ
ⲙⲛ̄ⲧⲁⲥⲉⲃⲏⲥ
ⲙ̄ⲡⲉⲙⲧⲟ ⲉ̄ⲃⲟⲗ
ⲛⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ
ⲁⲩⲱ̄ ⲁⲓⲉⲣ ϩⲁϩ ⲙ̄
ⲙⲛ̄ⲧϣⲁⲃⲧⲉ
ϩⲛ̄ ⲧⲁⲛ†ⲟ̄ⲭⲓ̄ⲁ̄
ⲛⲁⲓ̄ ⲛ̄†ⲛⲁⲉϣ
ϫⲟⲟⲩ ⲁⲛ : ~
ⲛⲉϩⲓ̄ⲟ̄ⲙⲉ ⲛ̄ⲧⲁⲓ̄
ⲡⲉϩ ϩⲏⲧⲟⲩ ·
ⲁⲓⲧⲁⲗⲟ ⲙ̄ⲡ
ⲕⲁⲣⲡⲟⲥ ⲛ̄ϩⲏ
ⲧⲟⲩ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲛⲛ̄
ⲇⲉⲙⲱⲛⲓⲟⲛ ·

Οὐκ ἔστι δόλος παρὰ Χριστῷ, Κυπριανὲ, ὅτι αὐτός ἐστιν ἀλήθεια· οὐκ ἔστι ψεῦδος παρ' αὐτῷ, ὅτι ἐξ αὐτοῦ πηγάζει ἡ δικαιοσύνη. Ἵνα δὲ μάθῃς ὅτι πηγή ἐστι χρηστότητος, ὁ Θεὸς πάντων ὢν καὶ δημιουργός, ἄνθρωπος γέγονε δι' ἡμᾶς, καὶ ὑπὲρ ἡμῶν κατεδέξατο θανεῖν, ἵνα ἡμεῖς θανάτου ἁμαρτιῶν ὑπεράνω γενώμεθα δι' αὐτοῦ· etc. ...... 214. Μὴ φοβοῦ μηδὲ δειλία, ἀλλ' ἀναστὰς, ἄπελθε πρὸς τὸν ἐπίσκοπον ἡμῶν, καὶ ὑποδείξει σοι τὴν προσέλευσιν τὴν πρὸς τὸν Χριστόν· Ταῦτα οὖν αὐτοῦ εἰπόντος, ἦλθον εἰς ἐμαυτὸν, καὶ ψυχὴν ἔλαβον· ἠρξάμην οὖν ὁμιλεῖν μετὰ θάρσους καὶ λέγειν· Ἆρα ἑταῖρε Τιμόθεε, οὕτως ἔχει ὡς λέγεις μοι; Ὁ δὲ πολλοῖς λόγοις με ἑτέροις ἐπιστώσατο. 215. **15.** Τότε ἠρξάμην ἔμπροσθεν πάντων ἐξαγγέλλειν μου τὰς ἀσεβείας, καὶ λέγειν· ἆρα ἀφίησί μοι ὅσα διεπραξάμην, ἄνδρες Ἀντιοχεῖς; πολλὰ γὰρ ἠσέβησα, καὶ οὐκ ἔστιν ἀριθμὸς, οὐδὲ λόγος εἰς ἐξήγησιν τῶν κακῶν μου· ἐν γαστρὶ ἐχούσας τοῖς δαίμοσιν ἀνέτεμον,

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 11. Recto.

ⲛⲉⲧⲣⲛⲟ[ϥⲣⲉ]
ⲛⲁⲩ·
Ⲁⲛⲟⲕ ϩⲱⲱ[ⲧ]
ⲁⲛⲟⲕ ⲡⲉϫⲁϊ
ⲛⲁϥ· ϫⲉ ⲛϯⲛⲁ
ⲗⲟ ⲁⲛ ⲉⲓⲣⲓⲙⲉ
ⲉⲃⲟⲗ ϫⲉ ⲡⲁϩⲏⲧ
ϭⲛⲁⲣⲓⲕⲉ ⲉⲣⲟϊ
·ϫⲉ ⲁϊⲕⲁⲣⲱϊ ⲉ
ⲛⲉϩⲃⲏⲩⲉ ⲧⲛ
ⲣⲟⲩ ⲉⲛⲧⲁϊⲁⲁⲩ
ⲙⲡⲉⲓⲧⲁⲩⲟⲟⲩ·
Ⲡⲣⲟⲟⲩϣ ϩⲙ ⲡⲁ
ϩⲏⲧ ⲉⲧⲃⲉ ⲓ̈ⲟⲩ
ⲥⲧⲓⲛⲁ ⲉⲧⲟ ⲛ̄
ⲛⲟϭ ⲉⲛⲁϊ ⲧⲛ
ⲣⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ ϫⲉ ⲁϊ
ⲉⲡⲓⲃⲟⲩⲗⲉⲩⲉ
ⲉⲣⲟⲥ ⲕⲁⲕⲱⲥ
ⲁⲣⲁ ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ϩⲱ
ⲱϥ ⲉⲡ...ⲉⲣⲩ?
ⲥⲉ ⲛ̄ϥⲕⲱ ⲛⲁϊ
ⲉⲃⲟⲗ · ⲧⲁϊ ⲉⲛ
ⲧⲁϊϩⲱⲧⲃ ⲛ̄ⲕⲉ
ϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ
ⲉⲧⲃⲏⲏⲧⲥ ⲉⲓ̄
ⲣ̄ⲙⲁⲅⲓⲁ ϩⲛ ⲛⲉⲩ
ϩⲩⲡⲁⲣ ϩⲉ[ⲛ]
ⲕⲉϩⲃⲏⲩⲉ ⲉ[ⲧ]
ϫⲁϩⲙ ⲁϊ.... ⲉ
ⲙⲁ ⲉ....ϯⲡⲁ
ⲣⲁⲕⲁⲗ[ⲉⲓ ϭ]ⲉ ⲙ
ⲙⲟⲕ ⲱ̄ ⲡⲁⲉⲓ
ⲱⲧ ⲉⲩⲥⲉⲃⲉⲓ
ⲟⲥ ⲙⲁⲧⲁⲙⲟϊ
ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ ⲛⲉⲅⲣⲁ

ⲥⲟⲁ

ⲫⲏ ⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ..
......· ⲉⲓ̈ⲉ
..........ⲉ.ⲩ
ϩⲓϫ.........
ⲉⲓⲙⲉ ⲛⲟⲩⲁⲥⲉ
ⲃⲏⲥ ⲛⲧⲁϩⲉ ⲛ
ⲧⲁⲓ ⲛϥⲙⲉⲧⲁ
ⲛⲟⲉϊ.... ⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ ⲛⲁⲕⲱ ⲛⲁϥ
ⲉⲃⲟⲗ ⲛⲛⲉϥ
ⲛⲟⲃⲉ·
Ⲧⲟⲧⲉ ⲁϥⲟⲩⲱϩ
ⲟⲛ ⲉⲧⲟⲟⲧϥ̄
ⲛϭⲓ ⲉⲩⲥⲉⲃⲉϊ
ⲟⲥ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϊ
ϫⲉ ⲡⲁⲡⲟⲥⲧⲟ
ⲗⲟⲥ ⲙ̄ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄
ⲡⲁⲩⲗⲟⲥ ⲕⲁⲛ
ⲉϣϫⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲙⲁ
ⲅⲟⲥ ⲁⲛ ⲡⲉ·
ⲁⲗⲗⲁ ⲛⲉ ⲟⲩⲇⲓⲱ
ⲕⲧⲏⲥ ⲡⲉ·
ⲁϥϣⲱⲡⲉ ⲛ̄
ⲧⲱϩⲙ ⲛ̄ⲛⲉϥ
ϩⲙϩⲁⲗ· ⲕⲁⲓ ⲅⲁⲣ
ⲛⲉϥⲥⲩⲛⲉⲩ
ⲇⲟⲕⲉⲓ ϩⲱⲱϥ
ⲡⲉ ⲉⲡϩⲱⲧⲃ
ⲛⲥⲧⲉⲫⲁⲛⲟⲥ
ⲡϣⲟⲣⲡ ⲙ̄ⲙⲁⲣ
ⲧⲩⲣⲟⲥ· ⲁⲩⲱ
ϩⲣⲁϊ ϩⲛ̄ ⲛⲉⲥϩⲁϊ
ⲛⲁⲣⲭⲓⲉⲣⲉⲩⲥ
ⲛⲉϥⲡⲏⲧ ⲡⲉ
ⲛ̄ⲥⲁ ⲛⲉⲧϣ̄ⲙ
ϣⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄

pag. 220. 22......οὕτω γὰρ ἂν πλείονας ὧν ἀπώλεσας προσενέγκαι δυνήσῃ Χριστῷ, πᾶσιν ὑποτιθέμενος τὰ συνοίσοντα· Κἀγὼ ἔφην· δακρύειν οὐ παύομαι τῷ συνειδότι πληττόμενος· τὸ δὲ τὰ πολλὰ λέγειν παρεὶς, (μίαν γὰρ πάλιν φροντίδα ἔχω τῆς ἁγίας Ἰουστίνης ἐπιβουλῆς, εἰ περόψεται Χριστὸς τὴν αὐτῆς καταπόνησιν, καὶ ἐμοὶ συγγώσεται, δι' ἣν καὶ παιδοκτονίαν καὶ ἡπατοσκοπίαν ἐν γυναιξὶ, καὶ τὴν λοιπὴν 221. ἄθεσμον τέχνην πεποίημαι,) παρακαλῶ οὖν, πάτερ Εὐσέβιε, παῦσόν μοι ποθοῦντι ἐκ τῶν γραφῶν τοῦ Χριστοῦ, εἴ τινα τῶν κατ' ἐμὲ ἀσεβῶν ἐπιστρέψαντα ἐγκλημάτων ἀπήλλαξε. — 23. Καὶ ὁ Εὐσέβιος ἔφη· καὶ ὁ ἀπόστολος Χριστοῦ, Παῦλος τοὔνομα, εἰ καὶ μὴ μάγος ἦν, ἀλλὰ διώκτης γέγονε τῶν δούλων αὐτοῦ ἀκροθίνιος ἀμέλει· συνευδόκησε τῇ ἀναιρέσει Στεφάνου· ἀλλὰ καὶ δημοσίοις γράμμασι τοὺς κατὰ Δαμασκὸν Χριστῷ λατρεύοντας

ⲥⲟⲃ

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 11. Verso.

ⲉⲧϩⲛ ⲧⲁⲙⲁⲥ
ⲛⲟⲥ · ⲉϥⲛⲟⲩ
ϫⲉ ⲙⲙⲟⲟⲩ ⲉ
ⲃⲟⲗ ϩⲛ ⲧⲉⲭⲱ
ⲣⲁ ⲧⲏⲣⲥ ⲙⲛ
ⲧⲡⲟⲗⲓⲥ · ⲛ̄ⲧⲉ
ⲣⲉϥⲕⲟⲧϥ ⲇⲉ
ⲁϥϣⲱⲡⲉ ⲛⲁϥ
ⲛⲟⲩⲥⲕⲉⲩⲥ[sic] ⲛ
ⲥⲱⲧⲡ · ⲁⲩⲱ
ϩⲙ ⲡⲁï ⲁϥϩⲟⲙⲟ
ⲗⲟⲅⲉⲓ ⲉϥϫⲱ
ⲙ̄ⲙⲟⲥ ϫⲉ ⲡⲉ
ⲭ̄ⲥ̄ ⲁϥⲛⲁ ⲛⲁï ϫⲉ
ⲛⲧⲁïⲁⲁⲩ ϩⲛ ⲟⲩ
ⲙⲛⲧⲁⲧⲥⲟⲟⲩ ·
Ϥⲥⲏϩ' ⲇⲉ ⲟⲛ ϩⲣⲁï
ϩⲛ ⲛⲉⲡⲣⲁⲝⲉⲓⲥ
ⲛⲛⲁⲡⲟⲥⲧⲟ
ⲗⲟⲥ ϫⲉ ⲟⲩⲙⲏ
ⲛϣⲉ ⲛⲛⲉⲛ
ⲧⲁⲩⲉⲓⲣⲉ ⲛϩⲉⲛ
ⲙⲛⲧⲡⲉⲣⲡⲉ
ⲣⲟⲥ ⲁ[ⲩⲡ] ⲛ̄ϫⲱ
ⲱⲙⲉ ⲛⲙ̄ⲙⲁⲩ
ⲁⲩⲣⲟⲕϩⲟⲩ ⲉ[ⲧ]
ⲙⲉϩ ⲙ̄ⲙⲁⲅⲓⲁ
ⲁ ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ⲕⲱ̄ ⲛⲁⲩ
ⲉⲃⲟⲗ ⲁϥϫⲓ ⲧⲉⲩ
ⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓⲁ ⲛ̄
ⲧⲟⲟⲧⲟⲩ ·
Ⲛⲧⲉⲣⲟⲩϫⲓ̈ⲃⲁⲡ
ⲧⲓⲥⲙⲁ ⲇⲉ ⲟⲛ
ⲁϥⲕⲱ̄ ⲉⲃⲟⲗ
ⲛⲁⲩ ⲛ̄ⲛⲉⲩⲛⲟ
ⲃⲉ ⲙⲛ ⲛⲉⲩⲙⲛⲧ

ⲁⲥⲉⲃⲏⲥ · ⲉⲁⲩ
ⲣ̄ⲣ̄ⲙ̄ϩⲉ ⲉⲧⲕⲟ
ⲗⲁⲥⲓⲥ ⲉ̄ⲧⲟⲩⲙ̄
ⲡϣⲁ ⲙ̄ⲙⲟⲥ ⲉ
ⲧⲃⲛⲏⲧⲟⲩ ·
Ⲉϣϫⲉ ϣϣⲉ ⲇⲉ
ⲟⲛ ⲉⲛⲁⲃⲟⲩⲭⲟ
ⲇⲟⲛⲟⲥⲟⲣ' ⲉ
ⲧⲣⲁⲣ̄ⲡⲉϥⲙⲉ
ⲉⲩⲉ ⲡⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ
ⲙⲛ̄ⲛ̄ⲥⲁ ⲧⲣⲉϥ
ⲥⲟⲩⲛ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ
ⲡⲁï ⲉⲛⲧⲁϥ
ⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟϥ ϩⲛ̄ ⲧⲉ
ϩⲣⲱ ⲉⲛⲧⲁ ⲡϣⲱ
ⲙⲛⲧ ⲛϣⲏⲣⲉ
ϣⲏⲙ ⲛ̄ϩⲁⲅⲓⲟⲥ
ⲣ̄ⲃⲟⲗ' ⲉⲣⲟⲥ ϫⲉ
ⲙ̄ⲡⲥ̄ϭⲙ̄ϭⲟⲙ
ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲣⲟⲟⲩ ·
Ⲁⲩⲱ ⲙⲛⲛ̄ⲥⲁ
ⲡⲁï ⲁϥⲣ̄ⲁⲥⲉⲃⲏⲥ
ⲁⲩⲛⲟϫϥ ⲉⲃⲟⲗ
ϩⲛ ⲧⲙⲛⲧⲉⲣⲟ
ⲁϥϣⲱⲡⲉ ⲛ̄
ⲧⲃⲛⲏ ϩⲛ ⲛⲣⲱ
ⲙⲉ · ⲙⲛⲛ
ⲥⲱⲥ ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉϥ
[ⲙ]ⲉⲧⲁⲛⲟⲉⲓ' ·
Ⲁ ⲡⲛ[ⲟⲩ]ⲧⲉ ϫⲁⲥ
ⲧϥ ϩ[ⲱ]ⲥⲧⲉ
ⲡⲉⲑⲣⲟⲛⲟⲥ
ⲙⲛ ⲡⲁⲙⲁϩⲧⲉ
ⲛⲧⲉϥⲙⲛⲧⲉ
ⲣⲟ̂ ⲉⲛⲉ ⲟⲩⲛ
ⲧⲁϥϥ[sic] ⲛ̄ϣⲟⲣⲡ

ἐξεδίωκε τῆς χώρας καὶ πάσης πόλεως· ἀλλ' ἐπιστρέψας σκεῦος ἐκλογῆς αὐτοῦ ἐγένετο, ὡς καὶ ὡμολόγησεν εἰπών· Ἠλεήθην ὑπὸ Χριστοῦ, ὅτι ἀγνοῶν ἐποίησα· Ἐν δὲ ταῖς πράξεσι τῶν ἀποστόλων αὐτοῦ περιέχει, ὅτι ἱκανοὶ τῶν τὰ περίεργα πραξάντων ἐμπρήσαντες τὰς μαγικὰς βίβλους αὐτῶν προσεδέχθησαν Χριστῷ, καὶ βαπτισθέντες ἀφέσεως ἁμαρτιῶν ἔτυχον, τῆς δὲ ἀσεβείας καὶ τῆς δι' αὐτὴν κολάσεως ὑπεράνω γενόμενοι. Εἰ δέ σοι χρὴ καὶ τὸν Βαβυλώνιον Ναβουχοδονόσωρ εἰς μέσον ἐνεγκεῖν, οὗτος μετὰ πεῖραν Θεοῦ, ἣν εἶδεν ἐν καμίνῳ πυρὸς κατηργημένης ῥυσθέντων τριῶν παίδων Θεοῦ, ἀσεβήσας, καὶ ἐκδιωχθεὶς ἀπὸ τῶν ἀνθρώπων, κτῆνος γεγονώς, μετανοήσας ἐδέχθη, ὥστε τὸ ἐξ ἀρχῆς κράτος

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 12. Recto.

ⲁϥⲕⲟⲧϥ ⲉϩⲟⲩ̅
ⲉⲣⲟϥ ⲟⲛ ⲛ̅ⲕⲉ
ⲥⲟⲛ ·
Ⲙⲁⲛⲁⲥⲥⲏ ⲇⲉ ⲟⲛ
ⲡ̅ⲣ̅ⲣⲟ̂ ⲙ̅ⲡⲓ̅ⲏ̅ⲗ̅
ⲙⲛ̅ ϩⲉⲛⲕⲉⲣ̅
ⲣⲱⲟⲩ ⲉⲛⲁϣⲱ
ⲟⲩ· ⲙⲛ̅ ⲕⲉ
ⲙⲏⲏϣⲉ / ⲉⲙⲛ̅
ⲧⲁⲩ ⲁⲝⲓⲱⲙⲁ ⲙ̅
ⲙⲁⲩ ⲙⲛ̅ⲛ̅ⲥⲁ
ⲧⲣⲉⲩⲥⲟⲩⲛ
ⲛ̅ⲥⲟⲟⲩⲛ ⲙ̅ⲙⲉ
ⲛ̅ⲧⲉ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ
ⲛ̅ⲥⲉⲉⲓⲣⲉ ⲛ̅
ϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ ⲉⲑⲟ
ⲟⲩ· ⲁⲩⲱ ⲛ̅ⲧⲉ
ⲣⲟⲩⲣ̅ϩⲧⲏⲩ ⲁⲩ
ⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲉⲓ̈ ⲁ
ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲕⲱ̂
ⲛⲁⲩ ⲉⲃⲟⲗ ⲁⲩⲱ ⲧⲛⲟϭ
ⲛ̅ⲕⲟⲗⲁⲥⲓⲥ ⲉ
ⲧⲟⲩⲛⲁⲛⲟϫⲟⲩ
ⲉⲣⲟⲥ· ⲁⲩⲛⲟⲩ
ϩⲙ̅ ⲉⲣⲟⲥ ⲁⲩⲱ
ⲁⲩⲟⲩϫⲁⲓ̈ ⲉⲃⲟⲗ
ⲛ̅ϩⲏⲧⲥ̅ · ⲕⲁⲓ
ⲡⲉⲣʼ ⲁⲩⲥⲱⲕ
ⲛ̅ⲙ̅ⲙⲁⲩ ⲉⲛ[ⲉ]
ⲥⲛⲧ ⲉⲛⲧⲁⲕⲟ̂
ⲛ̅ϩⲉⲛ[ⲕ]ⲉⲇⲏ
ⲙⲟⲥ ⲉⲩⲟⲩⲟϫ
ⲙ̅ⲡⲣ[ⲟⲫ]ⲏⲧⲏⲥ
ⲁⲩⲙⲟ[ⲩⲟ]ⲩⲧⲟⲩ·
ⲁⲩⲱ ⲙ̅ⲙⲁʼ ⲉⲧ
ⲟⲩⲁⲁⲃ ⲁⲩϫⲁϩⲙⲟⲩ·

ⲥⲟⲩ̅

Ⲡⲓ̅ⲏ̅ⲗ̅ ⲇⲉ ⲟⲛ ⲧⲏ
ⲣ̅ϥ ϣⲁϩⲣⲁⲓ̈ ⲉ
ⲧⲡⲁⲣⲟⲩⲥⲓⲁ ⲙ̅
ⲡⲉⲭ̅ⲥ̅· ⲉⲁϥ
ⲣ̅ϣⲁϥⲧⲉ ⲛ̅ϩⲁϩ
ⲛ̅ⲥⲟⲡ· ⲁⲩⲱ
ⲁϥⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓ̈
ⲟⲛ ⲛ̅ϩⲁϩ ⲛ̅ⲥⲟⲡ
ⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲕⲱ
ⲛⲁⲩ ϩⲙ̅ ⲡⲉϥⲛⲟϭ
ⲛ̅ⲛⲁ ⲙⲛ̅ ⲧⲉϥ
ⲙⲛⲧⲁⲅⲁⲑⲟⲥ
ⲉⲧⲛⲁϣⲱⲥ·
ϣⲁϩⲣⲁⲓ̈ ⲉⲧⲉ
ⲛⲟⲩ ⲧⲙⲉⲧⲁ
ⲛⲟⲓ̈ⲁ ϭⲙ̅ϭⲟⲙ ⲉ
ⲙⲁⲧⲉ ϩⲛ̅ ⲧⲉⲕ
ⲕⲗⲏⲥⲓⲁ ⲉϫⲡⲟ̂
ⲛ̅ⲃ̅ⲣ̅ⲣⲉ ⲙ̅ⲙⲛ
ⲛⲉ· ϩⲱⲥⲧⲉ
ⲉⲧⲣⲉⲥϣⲱⲡ
ⲉⲣⲟⲥ ⲛ̅ⲛⲉⲛ
ⲧⲁⲩⲣ̅ⲁⲧϭⲟⲙ ⲉ
ⲡⲧⲏⲣϥ̅ ϩⲛ̅ ⲛ̅
ⲛⲟⲃⲉ · ⲁⲩⲱ
ⲁⲩⲕⲁ ⲧⲟⲟⲧⲟⲩ
ⲉⲃⲟⲗ·
Ⲧϭⲟⲙ ⲇⲉ ⲛⲧⲙⲉ
ⲧⲁⲛⲟⲓ̈ⲁ ⲡⲉ ⲡⲉⲩ
ⲁⲅⲅⲉⲗⲓⲟⲛ ⲛ̅
ⲧⲟϥ ⲅⲁⲣ ⲡⲉⲧ
ϫⲟ ⲙ̅ⲡⲙⲁⲛ
ⲛⲁ ⲙ̅ⲡⲉⲭ̅ⲥ̅ ϩⲛ̅
ⲧⲉⲭⲁⲣⲓⲥ ϩⲓϫⲙ̅
ⲡⲕⲁϩ· ϩⲱⲥ
ⲉⲩⲟⲩⲟⲉⲓⲉ ⲡⲉ·

ἀπολαβεῖν. Καὶ τὰ ἐπὶ τούτοις Μανασσὴς δὲ ὁ βασιλεὺς Ἰσραήλ, καὶ πολλοὶ ἄλλοι βασιλεῖς καὶ ἰδιῶται, καὶ μετὰ θεογνωσίαν τὰ πάντα δεινὰ δράσαντες, καὶ μεταμεληθέντες ἐδέχθησαν, ἀνεθέντες τῆς διὰ τὰ εἴδωλα βαρυτάτης κολάσεως· καίπερ ὁμοῦ σὺν αὐτοῖς δήμους ὁλοκλήρους συγκαταπάσαντες, καὶ προφήτας ἀνελόντες, καὶ τὰ ἱερὰ μιάναντες. Ἀλλὰ καὶ πάντα τὸν Ἰσραὴλ ἄχρι τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας συχνῶς ἀσεβοῦντα καὶ συχνῶς μετανοοῦντα πελάγει ἀνεξικακίας καὶ ἐλέους προσεδέξατο· καὶ ἐπὶ τῆς Ἐκκλησίας ἡ κουροκόμος μετάνοια ἰσχύει πολλὰ ἕως νῦν· ὥστε καὶ τοὺς λίαν ἐξασθενήσαντας ἁμαρτίαις προσίεσθαι ἐπιστρέφοντας· ἡ δὲ δύναμις αὐτῆς ἐστι τὸ εὐαγγέλιον· αὐτὸ γάρ ἐστι τὸ μάννα τῆς τοῦ Χριστοῦ χάριτος,

ⲥⲟⲇ

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 12. Verso.

ϫⲉⲕⲁⲥ ⲛⲉⲧⲣ̄
ⲙⲛ̄ⲧϣⲁϥⲧⲉ
ⲉϥⲉⲛⲁ ⲛⲁⲩ ϩⲣⲁ̈ⲓ
ⲛ̄ϩⲏⲧⲥ ⲛ̄ⲥⲉ
ⲧⲙⲧϭⲁⲉⲓⲟⲟⲩ·
Ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲁ̈ⲓ ϥϩⲱ̂
ⲉⲧⲟⲟⲧϥ ⲙ̄
ⲡⲉⲧⲣⲟⲥ · ϫⲉ
ⲕⲱ̂ ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̄
ⲡⲉⲕⲥⲟⲛ ⲛⲥⲁ
ϣϥ ⲁⲛ ⲛⲥⲟⲡ'·
ⲁⲗⲗⲁ ⲛⲥⲁϣϥ ⲛ̄
ϣϥⲉ ⲛⲥⲟⲡ ·
ⲡ̄ⲁϣ ⲇⲉ ⲛ̄ϩⲉ
ϥⲛⲁⲕⲱ ⲛⲁⲕ ⲉ
ⲃⲟⲗ' ⲁⲛ' ⲛϭⲓ ⲡⲉⲧ
ϯ ⲛⲑⲉ' ⲛ̄ⲛ̄ⲣⲱ
ⲙⲉ ⲉⲧⲣⲉⲩⲙⲁ
ⲧⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲓⲛⲟϭ
ⲙ̄ⲙⲛⲧⲭⲣⲏ
ⲥⲧⲟⲥ · ϫⲉⲕⲁⲥ
ⲉⲕⲉⲉⲓⲙⲉ ϫⲉ
ⲡⲛⲁ ⲙ̄ⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ ⲛⲁϣⲱϥ
ⲡⲁⲣⲁ ⲧⲙⲛⲧ
ⲛⲁⲏⲧ ⲛ̄ⲛ̄ⲣⲱ
ⲙⲉ ·
Ϥⲣ̄ⲙⲛⲧⲣⲉ ⲛ̄ϭⲓ
ⲟⲩⲁ' ⲉϥⲱϣ ⲉ
ⲃⲟⲗ ⲉϥϫⲱ̂ ⲙ̄
ⲙⲟⲥ · ϫⲉ ⲡⲛⲁ
ⲙ̄ⲡⲣⲱⲙⲉ ⲉϥ
ϣⲟⲟⲡ ⲉϫⲙ̄
ⲡⲉⲧϩⲓⲧⲟⲩⲱϥ
ⲙ̄ⲙⲁⲧⲉ · ⲡⲛⲁ'
ⲇⲉ ⲙ̄ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ

ⲉϥϣⲟⲟⲡ ⲉϫⲛ
ⲥⲁⲣⲝ ⲛⲓⲙ · ⲉⲣⲉ
ⲟⲩ ⲛⲁϣⲱⲡⲉ
ⲛⲧⲟϥ ⲉϥϣⲁ̄
ⲣ̄ⲭⲣⲏⲥⲧⲟⲥ
ⲛ̄ⲙⲙⲁⲕ ϩⲱⲱⲕ
ⲛ̄ⲣⲙⲛⲛⲉⲩⲏ
ⲁϥϩⲟⲣⲓⲍⲉ ⲛⲟⲩ
ⲡⲣⲟⲑⲉⲥⲙⲓⲁ
ⲉⲧⲃⲏⲏⲧⲟⲩ·
ⲉⲧⲣⲉϥⲧⲁⲕⲟ
ⲟⲩ · ⲁⲩⲱ ⲁⲩⲣ̄
ⲁⲥⲉⲃⲏⲥ ⲉϩⲟⲩⲉ sic
ⲣⲟⲕ · ⲛ̄ϯⲛⲁ
ϯϫⲟⲟⲥ ⲁⲛ ϫⲉ ⲛ
ⲧⲉⲕϩⲉ ⲟⲩⲧⲉ
ⲛⲟⲩⲣⲱⲙⲉ ⲁⲛ
ⲛ̄ⲟⲩⲱⲧ ⲡⲉ · ⲁⲗ
ⲗⲁ ⲛ̄ⲧⲟⲟⲩ ⲧⲏ
ⲣⲟⲩ ϩⲓ ⲟⲩⲥⲟⲛ
ⲁⲩⲕⲟⲧⲟⲩ ⲁⲩ
ⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲉⲓ̈ ·
ⲁⲩⲱ̂ ⲙ̄ⲡϥⲉⲓ
ⲛⲉ ⲉϫⲱⲟⲩ ⲙ̄
ⲡⲧⲁⲕⲟ ·
Ⲛⲧⲟⲕ ϩⲱⲱⲕ
ⲱ̂ ⲕⲩⲡⲣⲓⲁⲛⲉ
ⲡⲁⲣⲁⲕⲁⲗⲉⲓ̈ ⲙ̄
[ⲡⲉⲓ]ⲱⲧ ϩⲛ ⲟⲩⲛⲟϭ
ⲛⲥⲟⲡⲥ ⲛϥⲛⲁ
ⲕⲁⲁ[ⲕ ⲁⲛ] ⲛ̄ⲥⲱϥ·
Ⲡⲗⲏ[ⲥⲧ]ⲏⲥ ⲁϥⲭⲁ
ⲣⲓⲍⲉ [ⲛⲁ]ϥ ⲙ̄ⲡⲡⲁ
ⲣⲁⲇⲉ[ⲓ̈ⲥ]ⲟⲥ ⲛ̄
ⲟⲩⲕⲟⲩⲓ̈ ⲛⲁⲡⲣⲛ
ⲧⲉ ⲉⲧⲃⲉ ⲧⲉ[ϥ]

ὅπως οἱ ἀσεβοῦντες ἐν αὐτῷ ἐλούμενοι μὴ κατακρίνωνται· διὰ τοῦτο λέγει τῷ Πέτρῳ· Ὅτι οὐ μόνον ἑπτάκις ἑπτὰ ἀφήσεις τῷ ἀδελφῷ σου, ἀλλὰ ἑβδομηκοντάκις ἑπτά. Πῶς οὖν σοι οὐχ ἀφήσει ὁ ἀνθρώποις ἐπιτρέπων ἔχειν τοσαύτην χρηστότητα; Ἵνα δὲ μάθῃς τὴν σύγκρισιν τοῦ ἐλέους Θεοῦ πρὸς ἀνθρώπους, μαρτυρεῖ τις βοῶν· Ἔλεος ἀνθρώπου ἐπὶ τὸν πλησίον αὐτοῦ, ἔλεος δὲ Θεοῦ ἐπὶ πᾶσαν σάρκα. — 24. Τί οὖν εἶ σὺ πρὸς πᾶσαν σάρκα, ὅτι νομίζεις ἐκκενοῦσθαι αὐτόν, ἐὰν εἰς σὲ χρηστεύσηται; Ἐπὶ Νινευΐτας ὥρισε θάνατον, ἀσεβήσαντας ὑπέρ σε, οὐ λέγω καθ' ἕνα, ἀλλὰ τοὺς πάντας ὁμοῦ· καὶ ἐπιστρέψαντας οὐκ ἀπώλεσε· καὶ σὺ εὐτόνως αὐτὸν παρακάλεσον, ὅτι οὐ μή σε ἀπώσηται. Τῷ λῃστῇ ῥοπῇ τὸν παράδεισον δωρεῖται διὰ τὴν

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 13. Recto.

πιϲτιϲ ετνα
ϣωϲ · ⲛ̄τοκ
ϩωωκ ον μη
εκομ̄ϲ ϩραϊ
ϩⲙ̄ πⲡελαⲅοϲ
ⲛ̄τε τκακια
εκϣανεπικα
λει μμοϥ ϩν
ουμε ϥνακω
νακ εβολ ·
Ϣϣ ⲛ̄νεπρο
φητηϲ · κνα
ϲουν τεϥⲙⲛ̄τ
χρηϲτοϲ ·
αϥϫοοϲ ⲅαρ ⲙ̄
πιμα ϩιτⲛ̄ ω
ϲηε ϫε ϯνα
κααⲕ ⲛ̄θε να
ⲇαμα αυω ⲛ̄
θε ⲛ̄ϲεβω
ειμ᾿· ⲛ̄τευ
νου αϥειⲛε
εϫⲙ̄ πϣαϫε
εϥταμο ⲙ̄μο̄
ετεϥⲙⲛ̄τα
ⲅαθοϲ ϫε α πα
ϩητ τϲτοϥ ϩραϊ
ⲛ̄ϩητ · ⲛ̄τευ
νου α παμεε[υε]
ϣτορτρ · εϥ
ουωνϩ μμοϥ
εβολ ⲛ̄τευ
νου ϩⲙ̄ παϊ
·>·ϫε ϥϲβτωτ
εϣωπ᾿ εροϥ
ⲛ̄νετναμε

ϲοε

ταⲛοεϊ ·
ϥϫω ον ⲙ̄μοϲ
ⲛ̄ϩηλιαϲ πε
προφητηϲ
·>·ϫε ακναυ εθε
ενταϥⲙ̄καϩ
ⲛ̄ϩητ ⲛ̄ϭι αχα
αβ ⲙ̄παⲙ̄το
εβολ ⲛ̄ναιει
νε νⲙ̄πεθο
ου εϫⲙ̄ πεϥ
νϊ ϩⲛ̄ πεϥϩο
ου · καιπερ
εαϥϫοοϲ ναϥ
ϩιτοοτϥ ϫε
ϯναειⲛε ⲛ̄ου
μου εϫωϥ᾿ ε
τβε ου ⲛ̄ϩωβ · sic
εβολ᾿ϫε α ϊε
ζεβελ᾿ τεϥϲϩι
με μουουτ᾿
ⲛ̄ναβουθαι πι
ϲραηλιτηϲ ε sic
τβηнτϥ ϩⲛ̄ ου
κροϥ ·
ϥϫⲱ ον ⲙ̄μοϲ
ϩιτⲛ̄ ϊερημιαϲ
πεπροφητηϲ
·>·ϫε κτετⲛ̄ου
τⲛ̄ ϣαροϊ ⲛ̄
ϣηρε ενταυ
ουε εβολ πε ·
·>·ϫε ⲛ̄ϫοειϲ
αυω ανοκ ϯ
νατaλϭε πε
τⲛ̄ουωϣϥ

ὑπερβολὴν τῆς πίστεως, καὶ σοὶ οὐ συγχωρεῖ κἂν εἰς πελάγη κακίας κατωρυγμένος ᾖς, ἐὰν γνησίως αὐτὸν ἐπικαλέσῃ; Ἀνάγνωθι τοὺς προφήτας, καὶ εἴσῃ αὐτοῦ τὴν χρηστότητα. Λέγει Ὡσηὲ τῷ Ἰσραήλ· Ὡς Σόδομα θήσομαί σε, καὶ ὡς Σεβωείμ· καὶ εὐθὺς ἐπάγει· καὶ ἐστράφη ἡ καρδία μου καὶ ἐν τῷ αὐτῷ συνεταράχθη ἡ μεταμέλειά μου· σημαίνων ὅτι ἕτοιμός ἐστι τοὺς μετανοοῦντας προσδέχεσθαι. Λέγει τῷ Ἠλίᾳ· Ἴδες πῶς κατηνύγη ὁ Ἀχαὰβ ἀπὸ προσώπου μου; οὐ μὴ ἐπάξω ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτοῦ τὰ κακά, καίπερ δι᾿ αὐτοῦ τοῦ Ἠλία ὁρίσας αὐτῷ θάνατον περί τινος Ναβουθαί, δόλῳ ἐφόνευσε Ἰεζάβελ ἡ γυνὴ αὐτοῦ·

ⲥⲟⲩ

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 13. Verso.

ⲛⲁϣ ⲛ̄ϩⲉ ⲧⲉ ⲛⲟⲩ ⲕⲛⲁⲙⲉ ⲉⲩⲉ, ⲉⲣⲟⲕ' ⲁⲛ ⸖ϫⲉ ⲟⲩⲛϭⲟⲙ ⲙ̄ ⲙⲟⲕ ⲉⲟⲩϫⲁï ⲉⲣⲉ ⲛⲉïⲙⲛ̄ⲧ ϣⲁⲛϩⲧⲏϥ ⲉ ⲧⲛⲁϣⲱⲟⲩ ⲕⲱⲧⲉ, ⲉⲣⲟⲕ ⸖ϫⲉⲕⲁⲥ ⲉⲛⲛⲉ ⲗⲁⲁⲩ ϫⲟⲟⲥ ⲉⲣⲟϥ ⸖ϫⲉ ⲙ̄ⲛⲧⲁï ⲥⲱ ⲧⲏⲣⲓⲁ ⲙ̄ⲙⲁⲩ· Ϥⲱⲣⲕ ⲟⲛ ϩⲛ̄ ⲟⲩ ⲁⲛⲁϣ ϫⲉ ϯⲟⲛϩ ⲁⲛⲟⲕ ⲡⲉϫⲉ ⲡ̄ϫⲟⲉⲓⲥ ϫⲉ ⲛ̄ ϯⲟⲩⲉϣ ⲡⲙⲟⲩ ⲁⲛ ⲙⲡⲣⲉϥⲣ̄ ⲛⲟⲃⲉ' ⲛⲑⲉ ⲉ ⲧⲣⲉϥⲕⲧⲟϥ ⲛϥⲉⲓⲣⲉ ⲛ̄ⲟⲩ ⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥⲩⲛⲏ ⲉ̄ⲛ̄ϥⲉï ⲉⲧⲉ ϩⲓⲛ̄ ⲙⲡⲱⲛϩ· ⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲉï ϭⲉ ϩ̄ⲙ ⲡⲉⲕϩⲏⲧ ⲧⲏ ⲣϥ· ϥⲛⲁϫⲟⲟⲥ ⲛⲁⲕ ϫⲉ ⲉⲕϣⲁ̄ ⲱⲛ̄ϩ ⲛ̄ϣⲉ ⲛ̄ ⲣⲟⲙⲡⲉ ϩⲛ̄ ⲛⲉⲕ ⲙⲛ̄ⲧⲁⲥⲉⲃⲏⲥ· ⲛⲅⲙⲉⲧⲁⲛⲟ ⲉï ϩⲙ̄ ⲡⲉⲕϩⲁⲉ ⲛ̄ϩⲟⲟⲩ ⲛ̄ⲛⲉⲕ ⲙⲟⲩ ⲡⲉϫⲉ

ⲡ̄ϫⲟⲉⲓⲥ · ⲁⲗⲗⲁ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲱⲛ̄ϩ ⲕⲛⲁ ⲱⲛ̄ϩ ⲡⲉϫⲉ ⲡϫⲟ ⲉⲓⲥ ⲙ̄ⲡⲁⲙ̄ⲧⲟ ⲉⲃⲟⲗ · ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲡⲉ ⲧⲙⲉ ⲁⲩⲱ ⲧⲡⲏⲅⲏ ⲙⲡⲱ ⲛ̄ϩ · ⲁⲩⲱ ⲙ̄ⲛ ϭⲟⲗ ϣⲟⲟⲡ ϩⲁ ϩⲧⲏϥ· ⲙⲏ ⲉϥ ⲛⲁϣⲓⲃⲉ ⲙ̄ⲡⲉϥ ϣⲁϫⲉ ⲱ̄ ⲕⲩⲡⲣⲓ ⲁⲛⲉ, ⲉⲧⲃⲏⲏⲧⲕ · ⲡⲉⲧⲉ ⲙ̄ⲡϥϯ ⲥⲟ ⲉⲡⲉϥϣⲏ ⲣⲉ ⲙ̄ⲙⲓⲛ ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲅⲉⲛⲟⲥ ⲛ̄ⲣⲱⲙⲉ · ⲉⲩⲛⲁϫⲣⲟ ⲉⲧⲉϥⲙⲛ̄ⲧ ⲁⲅⲁⲑⲟⲥ ϩⲣⲁï ⲛ̄ ϩⲏⲧⲕ ⲙⲁⲩⲁⲁⲕ· Ⲁⲩⲥϯⲟⲩ ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲣⲱⲙⲉ· ⲉïⲉ ⲛⲁϣ ⲛ̄ϩⲉ ϥⲛⲁϫⲛⲟ̂ ⲉⲧⲁ ⲁϥ ⲙ̄ⲙⲓⲛ' ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲛ̄ⲟⲩⲁⲥⲉⲃⲏⲥ ⲉⲡⲓⲥⲧⲉⲩⲉ ⲉ ⲣⲟϥ· Ϥⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲛⲁ ⲥⲉⲃⲏⲥ ϣⲁⲣⲟϥ ⲉⲩⲥⲁϩⲟⲩ ⲙ̄ⲙⲟϥ· ⲛ̄ⲧⲟⲕ ϩⲱⲱⲕ ⲉⲕϯⲉⲟⲟⲩ ⲛⲁϥ ⲙⲏ ϥⲛⲁⲛⲟϫⲕ ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲙⲟϥ

καὶ δι' αὐτὸν πῶς σεαυτὸν ἀπελπίζεις σωθῆναι τοσούτῳ πελάγει οἰκτιρμῶν περιβληθησόμενος; Οὐ μόνον λιτῶς σοι δείκνυμι Θεὸν χρηστευόμενον· ἵνα γὰρ μηδεὶς ἑαυτὸν σωτηρίας ἀπαγορεύσῃ, ὄμνυσι λέγων· Ζῶ ἐγώ, λέγει κύριος, εἰ θελήσει θέλω τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ, ὡς τὸ ἐπιστρέψαι, καὶ εἰς ζωὴν ἐλθεῖν. Ἐξ ὅλης καρδίας μετανόησον, καὶ ἐρεῖ σοι· Ἐὰν ζῇς ἔτη ἑκατὸν ἐν ἀσεβείᾳ, καὶ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ μετανοήσῃς, οὐ μὴ ἀποθάνῃς, λέγει κύριος, ἀλλὰ ζωὴν ζήσεις ἐνώπιόν μου· οὐ δύναται Θεὸς ψεύσασθαι, αὐτὸς 222. γάρ ἐστιν ἡ ἀλήθεια· μὴ διά σε ἔχει παλιλλογῆσαι, Κυπριανὲ, ὅς γε τοῦ ἰδίου υἱοῦ οὐκ ἐφείσατο διὰ τὸ τῶν ἀνθρώπων γένος, καὶ ἐπὶ σοὶ ἔχει νικηθῆναι ἡ ἀγαθότης αὐτοῦ; . . . .

25. Διὰ τὸν ἄνθρωπον ἐσταυρώθη, καὶ ὀκνεῖ ἀσεβεῖ ἐπιστρέφοντι ἑαυτὸν ἐπιδοῦναι; λοιδορούμενος τοὺς ἀσεβεῖς προσκαλεῖται, καὶ δοξαζόμενος ἀπώσεταί σε;

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 14. Recto.

ⲛ̄ⲣⲉϥⲣ̄ⲛⲟⲃⲉ
ϥϣⲟⲡ ⲙⲙⲟ
ⲟⲩ ⲉⲣⲟϥ ⲉⲩⲟ
ⲛ̄ⲁⲧⲛⲁϩⲧⲉ ⲉ
ⲣⲟϥ · ⲛ̄ⲧⲟⲕ
ϩⲱⲱⲕ ⲕⲡⲓⲥⲧⲉⲩⲉ
ⲉⲣⲟϥ · ⲛ̄ⲁϣ ⲛ̄
ϩⲉ ϥⲛⲁⲣ̄ⲛⲁⲛⲧ
ⲁⲛ ⲛ̄ⲙ̄ⲙⲁⲕ ·
Ⲙⲡϥⲕⲧⲟ' ⲡⲉϥ
ϩⲟ ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲡⲗⲏ
ⲥⲧⲏⲥ ⲉϥϫⲓⲟⲩⲁ'
ⲉⲣⲟϥ · ⲛ̄ⲁϣ ⲛ̄
ϩⲉ ϥⲛⲁⲕⲧⲟϥ
ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲙⲟⲕ
ⲉⲕⲟⲩⲱϣ̄ⲧ
ⲛⲁϥ ⲉⲧⲣⲉϥⲕⲱ̂
ⲛⲁⲕ ⲉⲃⲟⲗ ·
ⲉϣϫⲉ ⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ ⲟ ⲛ̄ⲛⲟϭ ⲉⲛ
ⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲡⲁⲛ
ⲧⲱⲥ ϥⲟ ⲛ̄ⲛⲟϭ
ⲟⲛ ⲉⲣⲟⲟⲩ ϩⲛ
ⲧⲉϥⲙⲛ̄ⲧⲭⲣⲏ
ⲥⲧⲟⲥ ·
Ⲉϣϫⲉ ϣⲁⲣⲉ ⲟⲩ
ⲣⲁϣⲉ ϣⲱⲡⲉ
ⲛ̄ⲛ̄ⲧⲁⲅⲙⲁ ⲧⲏ
ⲣⲟⲩ ⲛ̄ⲛⲁⲅⲅⲉ
ⲗⲟⲥ ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉϫⲛ̄
ⲟⲩⲣⲉϥⲣ̄ⲛⲟⲃⲉ
ⲛ̄ⲟⲩⲱⲧ ⲉϥ
ϣⲁⲛⲙⲉⲛⲟⲉⲓ̈ sic
ⲉⲓ̈ⲉ ⲛⲁϣ ⲛ̄ϩⲉ ⲛ̄ϥⲛⲁ
ϯϩⲧⲏϥ ⲁⲛ ⲉⲣⲟⲕ ·
Ⲧⲱⲕ ⲛϩⲏⲧ ⲱ̂

ⲕⲩⲡⲣⲓⲁⲛⲉ · ϫⲉ
ⲛ̄ⲧⲁ ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ⲅⲁⲣ
ⲁⲛ ⲉⲓ ⲉⲧⲉϩⲙ̄
ⲛ̄ⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥ ⲁⲗ
ⲗⲁ ⲛ̄ⲣⲉϥⲣ̄ⲛⲟⲃⲉ
ⲉⲩⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲉⲓ
ⲙⲟⲛⲟⲛ' ⲛ̄ⲧⲟⲕ
ⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲉⲓ̈ ⲛ̄
ⲑⲉ, ⲉⲧⲉϣϣⲉ ·
Ⲕⲛⲁⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟϥ
ⲉⲣⲉ ⲛⲉϥϭⲓϫ
ⲡⲟⲣ̄ϣ̄ ⲉⲃⲟⲗ'
ⲉϥϣⲱⲡ ⲙ̄ⲙⲟⲕ
ⲉⲣⲟϥ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲛⲟϭ
ⲛ̄ⲧⲉⲗⲏⲗ' · ⲛ̄
ⲧⲉⲣⲉϥϩⲉ ⲅⲁⲣ
ⲉⲡⲉⲥⲟⲟⲩ ⲛⲉⲧ sic
ⲥⲟⲣ̄ⲙ̄ · ⲟⲩ ⲙⲟ̄ sic
⳾ ϫⲉ ⲁϥⲣⲁϣⲉ ⲉ
ϩⲣⲁⲓ̈ ⲉϫⲱϥ ·
ⲁⲗⲗⲁ ⲁϥⲧⲁⲗⲟϥ
ⲉϫⲛ̄ ⲧⲉϥⲛⲁϩⲃ̄
ⲙ̄ⲙⲓⲛ ⲙ̄ⲙⲟϥ
ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩϣⲏ
ⲣⲉ ⲙ̄ⲙⲉⲣⲓⲧ ·
⳾ ϫⲉⲕⲁⲥ ϩⲙ̄ ⲡⲁⲓ̈
ⲉⲕⲉⲉⲓⲙⲉ ϫⲉ
ϥⲣⲁϣⲉ ⲉϩⲣⲁⲓ̈
ⲉϫⲱϥ ⲡⲁⲣⲁ ⲛ̄
ⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ·
ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲧⲟⲕ ϩⲱ̂
ⲕϫⲱ ⲙ̄ⲙⲟⲥ
⳾ ϫⲉ ϥⲛⲁⲧⲥⲧⲟⲓ̈
ⲉⲃⲟⲗ · ⲙⲟⲛⲟ̄
ⲉⲓⲣⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲁⲣ
ⲡⲟⲥ ⲉϥⲙ̄ⲡϣⲁ

ἀπιστεύμενος τοὺς ἁμαρτωλοὺς προσεκαλέσατο, καὶ πιστευόμενος οὐ χρηστεύσεταί σε; πάσχων οὐκ ἀπεστράφη τὸν λῃστήν, καὶ προσκυνούμενος πρός σε οὐκ ἐπιστραφήσεται εἰς ἱλασμόν; εἰ μείζων τῶν ἀγγέλων ὁ Θεός, πάντως ὅτι μειζόνος χρηστεύεται· πάντα τὰ ἐπουράνια χαίρουσιν ἐπὶ ἁμαρτωλῷ ἑνὶ μετανοοῦντι, καὶ πῶς ὁ Θεός σε ἀποστραφήσεται; Θάρσεε Κυπριανὲ, οὐκ ἦλθεν ὁ Χριστὸς καλέσαι δικαίους, ἀλλ' ἁμαρτωλοὺς εἰς μετάνοιαν· μόνον σὺ μετανόησον ὡς χρὴ, καὶ ὄψει αὐτὸν περιπτυσσόμενόν σε. Ὅτε εὗρε τὸ ἀπολωλὸς πρόβατον οὐ μόνον ἐχάρη, ἀλλὰ καὶ ὡς τέκνον αὐτὸ ἐπὶ τῶν ὤμων ἐβάστασεν, ἵνα ἔργῳ μάθῃς τὸ ὑπερβάλλον Θεοῦ πρὸς ἀγγέλους, καὶ σὺ λέγεις ὅτι ἐμὲ περιόψεται; Σὺ μόνον ποίησον καρπὸν ἄξιον

ⲥⲟⲛ

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 14. Verso.

ⲛⲧⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓ̈ⲁ
ⲁⲩⲱ̂ ⲧⲟⲧⲉ ⲕⲛⲁ
ⲉⲓⲙⲉ ⲙⲁⲩⲁⲁⲕ ·
⳾ ϫⲉ ⲕⲛⲁϣⲱ
ⲡⲉ ϩⲱⲥ ϣⲏⲣⲉ
ⲁⲩⲱ ⲛⲕⲗⲏⲣⲟ
ⲛⲟⲙⲟⲥ ⲛⲧⲉϥ
ⲙⲛⲧⲉⲣⲟ ·
Ϥϩⲱⲟⲩ ⲅⲁⲣ ⲉ
ϫⲛ ⲛⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥ
ⲙⲛ̄ ⲛ̄ⲣⲉϥⲣⲛⲟ
ⲃⲉ · ⲁⲩⲱ ϥⲧⲣⲉ
ⲡⲉϥⲣⲏ ϣⲁ ⲉ
ϫⲛ ⲛⲁⲅⲁⲑⲟⲥ
ⲙⲛ ⲙ̄ⲡⲟⲛⲏ
ⲣⲟⲥ · ⲛⲧⲟⲕ
ϩⲱⲱⲕ ⲕϫⲱ
ⲙ̄ⲙⲟⲥ ϫⲉ ϥⲛⲁ
ⲟ̄ⲃϣ̄ϥ̄ ⲉⲣⲟⲓ̈ ·
ϥⲣⲡⲉⲧⲛⲁⲛⲟⲩϥ
ⲛⲛⲉⲧⲉ ⲛ̄ⲥⲉ
ⲡⲓⲥⲧⲉⲩⲉ ⲁⲛ
ⲉⲣⲟϥ · ⲛⲧⲟⲕ
⳾ ϫⲉ ⲕⲁϣⲁϩⲟⲙ
ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉϫⲛ̄ ⲛⲉⲕ
ⲛⲟⲃⲉ · ⲙⲛ
Ϥⲛⲁϣⲟⲡ̄ⲕ̄ ⲁⲛ
ⲉⲣⲟϥ · ϥϫⲱ̂
ⲙ̄ⲙⲟⲥ ϩⲛ̄ ⲏⲥⲁⲓ̈
ⲁⲥ ϫⲉ ⲉⲕϣⲁⲛ
ⲕⲟⲧⲕ ⲛ̄ⲅⲁϣⲁ
ϩⲟⲙ ⲧⲟⲧⲉ
ⲕ̄ⲛⲁⲟⲩϫⲁⲓ̈ ·
ⲛ̄ⲧⲟⲕ ϩⲱⲱⲕ
ⲉⲕϣⲁⲛⲙⲉⲧⲁ
ⲛⲟⲉⲓ̈ ϩⲣⲁⲓ̈ ϩⲙ̄

ⲡⲕⲁⲣⲡⲟⲥ ⲛⲛⲉ
ϩⲃⲏⲩⲉ · ⲁⲩⲱ
ⲡⲁϣ ⲛ̄ϩⲉ ϥⲛⲁ
ϯ ⲛⲁⲕ ⲁⲛ ⲛⲧⲉ
ⲭⲁⲣⲓⲥ ⲉⲩⲁⲡⲟ
ⲗⲁⲩⲥⲓⲥ ⲙⲛ ⲟⲩ
ⲟⲩⲛⲟϥ ⲛϣⲁ ⲉ
ⲛⲉϩ ·
Ⲡⲁⲡⲟⲥⲧⲟⲗⲟⲥ
ⲟⲛ ⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ
ⲡⲁⲩⲗⲟⲥ ϫⲱ̄ ⲙ̄
ⲙⲟⲥ ϫⲉ ⲡⲁⲓ̈ ⲉ
ⲧⲟⲩⲉϣ ⲧⲣⲉ[sic]
ⲣⲱⲙⲉ ⲛⲓⲙ ⲱ̂
ⲛϩ ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲥⲉ
ⲉⲓ ⲉⲛⲥⲟⲟⲩⲛ
ⲛⲧⲙⲉ ·
Ϩⲉⲛⲕⲟⲩⲓ ⲙⲉⲛ
ⲛϣⲁϫⲉ ⲛⲉ ⲛⲁⲓ̈
ⲉⲛⲧⲁⲓ̈ⲧⲁⲙⲟⲕ
ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ
ϩⲛ̄ ϩⲁϩ ⲱ̄ ⲕⲩⲡⲣⲓ
ⲁⲛⲉ ⲉⲕϣⲁⲛ
ⲉⲓ ϩⲱⲱϥ' ⲉ
ⲡⲙⲁ ⲛ̄ⲛⲥⲁϩ
ⲕⲛⲁⲥⲱⲧⲙ ϩⲛ
ⲟⲩⲱⲣϫ ⲉⲧⲃⲉ
ⲧⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓ̈ⲁ ⲉ
ⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟⲧⲟⲩ ·
ⲛ̄ⲅⲣ̄ϣⲡⲏⲣⲉ
ⲛ̄ⲅϫⲟⲟⲥ ϫⲉ ⲁ
ⲛ̄ⲅ ⲟⲩⲙⲁⲑⲏ
ⲧⲏⲥ ⲛ̄ⲛⲁϩⲣⲙ̄
ⲡⲇⲟⲅⲙⲁ ⲛ̄ⲧⲙⲛⲧ
ⲣⲉϥϫⲓⲥⲃⲱ ⲛ̄
ⲛⲁϩⲣⲛ̄ ⲧⲡⲓⲥⲧⲓⲥ

τῆς μετανοίας, καὶ τότε μου μνησθήσῃ, ὅτε κληρονόμος ἔζῃ τῆς βασιλείας ὡς υἱός· ὃς βρέχει ἐπὶ ἁμαρτωλοὺς καὶ δικαίους, καὶ ἀνατέλλει τὸν ἥλιον αὐτοῦ ἐπὶ ἀγαθοὺς καὶ πονηροὺς καὶ λέγεις ὅτι σε ἀποβάλλεται; τοὺς μὴ πιστεύοντας εὐεργετεῖ, καί σε τὸν στενάζοντα οὐ προσδέξεται; Ἐν τῷ Ἡσαΐᾳ λέγει· ὅτε ἀποστραφεὶς στενάξεις, τότε σωθήσῃ, καὶ σοι ἐγκάρπως μετανοήσαντι οὐκ ἐπιδώσειε χάριν εἰς τὴν αἰώνιον ἀπόλαυσιν; λέγει γὰρ καὶ ἐν τῷ Παύλῳ, ὅτι πάντας ἀνθρώπους θέλει σωθῆναι, καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν. — 26. Καὶ ταῦτα μέν σοι παρ' ἐμοῦ ἐκ πολλῶν ὀλίγα, Κυπριανέ· ὅταν δὲ πρὸς τοὺς διδασκάλους ἴῃς, ἀκούσῃ τὰ περὶ μετανοίας σαφῶς. κἀμὲ ἐν φοιτητῶν τάξει σχῇς, τὸ πλάτος τοῦ δόγματος καταπλαγείς·

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 15. Recto.

ⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ . . . ⲟⲩ
ⲛ . ⲧ . . . . ⲁ . . . ⲙⲉ
ⲣⲟⲥ ⲙⲉⲩ . . . .
. . . . . ⲉⲗⲁⲁⲩ · ⲁⲩⲱ
ⲉϣⲁⲩϯ ⲧⲉⲩ
ϭⲓϫ ⲛⲟⲩⲟⲛ
ⲛⲓⲙ ⲉⲧⲟⲩⲱϣ
ϩⲛ̄ ⲟⲩⲣⲁϣⲉ ·
ⲙⲛ ⲙⲛⲧϫⲁⲥⲓ
ϩⲏⲧ ⲅⲁⲣ ϩⲁⲧⲏⲩ
ⲟⲩⲧⲉ ⲙⲛ̄ ⲥⲧⲟ
ⲗⲏ ϭⲟⲟⲗⲉ ⲙ̄
ⲙⲟⲟⲩ · ϫⲉ ⲉ
ⲣⲉ ⲛⲣⲱⲙⲉ
ϭⲱϣⲧ ⲉⲣⲟⲟⲩ
ⲉⲥⲧⲁⲙⲟ ⲙⲙⲟ
ⲟⲩ ⲉⲩⲉⲟⲟⲩ
ⲉϥϣⲟⲩⲉⲓⲧ
ⲙⲉⲩⲙⲉⲉⲩⲉ
·> ϫⲉ ⲁⲛⲟⲛ ϩⲉⲛ
ⲥⲟⲫⲟⲥ · ⲙⲉⲩ
·> ϫⲟⲟⲥ ⲛ̄ⲛⲉⲧ
ⲛⲁϯⲥⲃⲱ ⲛⲁⲩ
·> ϫⲉ ⲕⲁ ϩⲉⲛϩⲟ
ⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ ⲛⲧⲉ
ⲧⲏⲓ · ⲉⲧϩⲉⲗ
ⲡⲓⳉⲉ ϩⲙ ⲡⲁï ⲉ
ϯⲣⲉⲩϫⲓ ⲛⲟⲩ
ⲃⲉⲕⲉ ⲛ̄ⲧⲟⲟ
ⲧⲟⲩ · ϣⲁⲩⲣ̄
ϣⲟⲣⲡ ⲛ̄ⲥⲉⲧⲥⲁ
ⲃⲟⲟⲩ ⲉⲛⲛⲟϭ
ⲛ̄ⲕⲉⲫⲁⲗⲁⲓⲟⲛ
ⲉⲩⲛⲟⲩϫⲉ ⲙ̄
ⲙⲟⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ ⲛⲙ̄
ⲙⲉⲉⲩⲉ . . . . . .

ⲥⲟⲑ

ⲙⲟ . . . . . ⲁⲩ . . .
. . . . ϫⲉ
ⲕⲛⲁϯⲑⲉ ⲛⲟⲩ
. . . . . ϩⲙⲟⲧ ⲡⲉ
ⲧⲉϣϣⲉ ⲉϩⲟⲩ
ⲉⲧⲉⲕⲣⲏⲡⲓⲥ
ⲛ ⲧⲥⲟⲫⲓⲁ ⲥⲉ
ⲛⲁⲡⲁⲣⲁⲕⲁⲗⲉⲓ
ⲙⲙⲟⲕ ⲉⲩⲥⲟ
ⲟⲩⲛ ϫⲉ ⲧⲁⲛⲁⲅ
ⲕⲏ ⲉⲧⲁϫⲣⲉ
ⲧⲥⲛⲧⲉ, ⲉⲃⲟⲗ
·> ϫⲉ ⲛⲧⲟⲥ ⲡⲉ
ⲡⲧⲁϫⲣⲟ ⲙ
ⲡⲕⲱⲧ ⲁⲩⲱ ⲉ
ⲕⲱ . . . . ⲧⲁⲩⲉ
·> ϫⲱ . . . ⲛⲛⲉϩⲃⲏ
ⲟⲩⲉ ⲉⲧⲥⲏϩ’
ⲛⲟⲩⲉϣ ⲛϯⲟ
ⲥⲉ ·
Ⲕⲛⲁⲛⲁⲩ ϩⲙ ⲡⲙⲁ
ⲉⲧⲙⲙⲁⲩ ⲉⲩ
ⲗⲓⲧⲟⲩⲣⲅⲓⲁ ⲉⲥ
ⲟⲩⲁⲁⲃ . . . .
. . . . . ⲁⲛ ⲉⲃⲟⲗ
. . . ⲟ . . . ϩⲛ ϩⲉⲛ
ⲕⲩⲙⲃⲁⲗⲟⲛ
ⲙⲛ ϩⲉⲛⲕⲉⲟⲣ
ⲅⲁⲛⲟⲛ . . . .
ⲥⲙⲏ . . . . ⲉⲩ
. . . . ⲁ . . ⲉ
. . . ⲁⲧⲉⲣⲉ . . . . .
. . . . ⲛϩⲟ ⲉ . . . .
. ⲛ . . . .
. . . .
ϩⲉⲛⲥⲛϥⲉ ⲛ

καὶ γὰρ ἄφθονοί εἰσιν, καὶ χαίροντες χεῖρα ὀρέγουσιν· οὐκ ἔστι παρ’ αὐτοῖς τύφος, οὐ στολὴ περίβλεπτος ἐπίδειξιν σημαίνουσα, οὐ σοφιστικὴ οἴνησις, οὐχ ἐλπίδι μισθῶν ὑπέρθεσις ἀνελεύθερος. Καὶ γὰρ ἀπὸ τῶν κεφαλαιωδῶν ἄρχονται, πᾶσαν λήψεως ὑπόνοιαν ἐξορίζοντες· οὐχ ὡς οἱ σοφισταὶ ἀπ’ ἐλαττόνων ἀνάγονται τὸν νοῦν, ἀλλὰ χωρὶς, ὡς ἔπος εἰπεῖν, τῇ κρηπῖδι πλησιάσαι τῆς σοφίας παρακαλοῦσιν· εὐειδότες δεῖν πρῶτον τὸν θεμέλιον ὁρίζειν ὅτι κράτιστον, εἶθ’ οὕτως ἀζημίως ἐποικοδομεῖν τὰ ἀκόλουθα. Ὄψει ἐκεῖ σεμνὴν λειτουργίαν, οὐ κυμβάλοις καὶ ὀργάνοις περιηχουμένην, οὐ κρότον ἀκοὴν ἐκθηλύνοντα, οὐχ αὐλοὺς

ⲥ̅ⲡ̅

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 15. Verso.

ϫⲱ̅ ⲉⲩⲧⲁⲩⲟ̅ ⲛ
ϩⲉⲛⲱⲇⲏ̅ ⲉⲧ
ⲃⲏ'ⲗ ⲉⲃⲟⲗ ·
ⲙ̅ⲛ̅ ϩⲉⲛⲧⲩⲙ
ⲡⲁⲛⲟⲛ ⲉϣⲁⲩ
ⲟⲩⲱϣϥ ⲙ̅ⲡⲟⲩ
ⲣⲟⲧ ⲛⲧⲙⲛ̅ⲧ
ϩⲁⲕ · ⲕⲛⲁⲛⲁⲩ
ⲁⲛ ⲉⲩⲭⲟⲣⲟⲥ
ⲉϥϯ ⲛϩⲧⲏϥ
ⲉⲡϩⲟⲩⲟ ⲉⲡⲉ
ϩⲣⲟⲟⲩ ⲛ̅ϩⲉⲛ
ⲙⲟⲩⲥⲓⲕⲟⲛ ·
ⲉⲩⲛⲟⲙⲟⲥ ⲁⲛ
ⲉϥϩⲟⲟⲩ ⲟⲩⲇⲉ
ⲉⲩⲥⲙⲏ ⲛ̅ⲁⲯⲩ
ⲭⲟⲛ ⲧⲁϊ ⲉϣⲁⲥ
ⲧⲣⲉ ⲡϩⲏⲧ ⲛ
ϩⲟⲉⲓ̈ⲛⲉ ϣⲧⲟⲣ
ⲧ̅ⲣ̅ · ⲟⲩⲧⲉ ⲛ̅ⲅ̅
ⲛⲁⲛⲁⲩ ⲁⲛ ⲉϩⲉⲛ
ⲑⲩⲥⲓⲁ ⲙⲛ̅ ϩⲉⲛ
ⲥⲟⲧ' ⲉⲩⲉⲓⲱ̑
ⲙ̅ⲙⲟⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ
ⲟⲩⲇⲉ ϩⲉⲛϣⲉ'
ⲙ̅ⲛ̅ ⲟⲩⲕⲱϩⲧ
ⲉϥⲟⲩⲱⲙ' ⲛⲛ
ⲥⲱⲙⲁ' ⲛ̅ⲛ̅ⲁⲗⲟ
ⲅⲟⲛ · ⲟⲩⲧⲉ
ⲉϩⲉⲛⲟⲩⲏⲏⲃ
ⲉⲩϩⲏⲕ' ϩⲱⲥ
ⲉⲩϣⲟⲟⲡ ϩ̅ⲛ̅
ⲟⲩⲡⲟⲗⲉⲙⲟⲥ ·
ⲉⲩϯⲟⲩⲃⲉ ⲛ̅
ⲧⲃⲛⲟⲟⲩⲉ ⲛ̅ⲁⲧ
ϣⲁϫⲉ · ⲟⲩⲇⲉ

ⲉϩⲉⲛⲛⲉⲱ̅ⲕⲟ
ⲣⲟⲥ ⲉⲩⲉⲓ̅ⲣⲉ
ⲛ̅ϩⲉⲛⲕⲟⲧ̅ⲉ̅
ⲉⲧⲣⲉⲩϫⲣⲟ̑ ⲉ
ⲧϭⲟⲙ ⲛϩⲉⲛⲙⲁ
ⲥⲉ ϣⲁⲛⲧⲟⲩ
ϣⲁⲧⲟⲩ · ⲟⲩ
ⲇⲉ ⲛ̅ⲅ̅ⲛⲁⲥⲱⲧ̅ⲙ̅
ⲁⲛ ⲉⲡϣⲁϫⲉ
ⲉϥϫⲁϩ̅ⲙ ϩⲛ
ⲧⲧⲁⲡⲣⲟ̑ ⲛⲟⲩⲁ'·
ⲟⲩⲇⲉ ⲟⲩⲥⲱⲃⲉ
ⲉϥⲟ̑ ⲛϣⲗⲟϥ ·
ⲙ̅ⲛ̅ ⲟⲩⲃⲁⲗ ⲉϥ
ϭⲱϣⲧ ⲉϫ̅ⲙ̅
ⲡⲙⲏⲏϣⲉ ·
ⲕⲛⲁⲛⲁⲩ ⲁⲛ ⲉ
ⲟⲩϩⲣⲉ ⲉⲩⲟⲩ
ⲱⲙ ⲙ̅ⲙⲟⲥ
ϩ̅ⲛ̅ ⲟⲩⲧⲣⲟⲡⲣⲉⲡ ·
Ⲟⲩⲇⲉ ⲟⲩⲙⲟⲥⲧⲉ
ⲛϥⲧⲥⲁⲛⲏⲩ
ⲁⲛ · ⲁⲗⲗⲁ ⲕⲛⲁ
ⲛⲁⲩ ⲉⲡⲧⲏ̅ⲣ̅ϥ
ⲉϥϣⲟⲟⲡ ϩ̅ⲛ̅
ⲟⲩⲙⲉⲉⲩⲉ ⲉϥ
ⲥϭⲣⲁϩⲧ ⲙ̅ⲛ̅ ⲟⲩ
ⲕⲁⲧⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ
ⲉⲥⲑⲃ̅ⲃⲓⲏⲩ ·
ⲛⲁϊ ⲉⲧⲉ ⲟⲩⲛ
ⲟⲩⲁ ⲛⲁϫⲓⲥⲃⲱ
ⲉⲣⲟⲟⲩ ϩⲓⲧⲟⲟ
ⲧⲟⲩ ⲉϥⲛⲁⲩ ⲉ
ϩⲉⲛϣⲏⲣⲉ
ⲁⲩⲱ ⲉϥⲑⲉⲱ
ⲣⲉⲓ ⲛ̅ϩⲉⲛϣⲏⲣⲉ

ἠχοῦντας λελυμένας ᾠδάς, οὐ τύμπανα ὁρμὴν κλῶντα ἐπιεικείας, οὐ χορὸν μουσικῇ τὸ πλέον προσέχοντα, καὶ οὐχ εὐνομίᾳ· οὐ φωνὴν ἀλόγων δονοῦσαν διάνοιαν, οὐ θύματα καὶ κόπρους καθαιρομένους, οὐ ξύλα καὶ πῦρ ἀλόγων σωμάτων ἀλιτήρια· οὐχ ἱερέα οἱονεὶ ἀλόγῳ πολέμῳ καθοπλισμένον, οὐ νεωκόρους ταύρων τροποῦντας ἰσχύν· οὐ λόγον ἀκόλαστον, οὐ γέλωτα αἰσχρότατον, οὐ βλέμμα μετέωρον, οὐ θοίνην ἄτακτον, οὐ τρόπον ἀσχήμονα· ἀλλὰ τὸ πᾶν ἡσυχίας γνώμην, καὶ κατάστασιν ἄτυφον· δι' ὧν παιδευθείη τις ἂν ὁρῶν κομιδῇ νηπίους

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 16. Recto.

ϣⲏⲙ ⲉⲙⲁⲧⲉ
ϩⲛ̄ ϩⲏⲗⲓⲕⲓⲁ ⲉⲟⲩ
ⲛ̄ⲧⲁⲩ ⲙ̄ⲙⲁⲩ
ⲧⲉⲓ̈ⲧⲁⲝⲉⲓⲥ ⲛⲟⲩ
ⲱⲧ ⲉⲧⲛⲁⲛⲟⲩⲥ
ⲙⲛ̄ ⲛ̄ϩⲗ̄ⲗⲟⲓ̈ ·
ϩⲱⲥⲧⲉ, ⲉⲧⲣⲉϥ
ⲙⲉⲉⲩⲉ ⲉⲡⲕⲟⲩⲉⲓ
ⲉⲧⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ
⁘ ϫⲉ ⲉϥⲕⲟⲥⲙⲉⲓ
ϩⲛ̄ ⲟⲩⲥⲩⲛⲁⲅⲱ
ⲅⲏ ⲛ̄ⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ·
ⲉⲩⲁϩⲉ ϭⲉ ⲉⲣⲁⲧⲟⲩ
ⲙ̄ⲡⲉⲥⲕⲱⲧⲉ ·
Ⲕⲛⲁⲛⲁⲩ ⲉϩⲉⲛ
ϩⲗ̄ⲗⲟ ⲉⲩⲟⲩⲁⲁⲃ
ⲛ̄ⲣⲙ̄ⲛ̄ⲥⲕⲓⲙ
ⲉⲩⲥⲱⲧⲙ̄ ⲛ̄ⲥⲁ
ⲟⲩϩⲏⲅⲉⲙⲱⲛ
ⲛ̄ⲟⲩⲱⲧ ⲉⲧⲉ
ⲟⲩⲁⲣⲭⲓⲉⲣⲉⲩⲥ
ⲡⲉ · ⲕⲛⲁⲛⲁⲩ
⁘ ϫⲉ ⲟⲛ ⲉϩⲉⲛ
ⲛⲉⲟⲕⲟⲣⲟⲥ
ⲛⲟⲩ . . . ⲃ ⲉⲩ
ⲟ ⲛⲟⲩⲕⲗⲟⲙ ⲉ
ⲧⲉⲧⲣⲁⲡⲉⲍⲁ ⲉ
ⲧⲟⲩⲁⲁⲃ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲧⲁ
ⲝⲉⲓⲥ ⲉⲟⲩⲛ̄ⲧⲁⲥ
ⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲛⲟⲩⲁⲕⲟ
ⲗⲟⲩⲑⲓⲁ · ⲁⲩⲱ
ⲡⲉⲧⲯⲁⲗⲗⲉⲓ
ⲛⲁϫⲱ ⲙ̄ⲡⲉⲓ̈
ⲯⲁⲗⲙⲟⲥ ⲛ̄ⲧⲉⲓ̈
ϩⲉ, ⲉⲣⲉ ⲛⲉϥϣⲁ
⁘ ϫⲉ ⲟⲩⲟⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ

ⲥⲡⲁ

ⲉϥⲥⲱⲕ ⲙ̄ⲙⲟ
ⲟⲩ ⲉⲩϩⲟⲙⲟⲛⲟⲓⲁ
ⲛ̄ⲯⲩⲭⲏ · ⲉϥ
ⲕⲁⲑⲁⲣⲓⲍⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲩ
ⲧⲁⲡⲣⲟ̂ ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲩ
ⲙⲁⲁϫⲉ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ̄
ⲛ̄ϫⲱ̂ ⲛ̄ⲕⲟⲥⲙⲓ
ⲕⲟⲛ ⲉⲧⲣⲉⲩ
ⲥⲱⲧⲙ̄ ϩⲛ̄ ⲟⲩ
ϯϩⲧⲏϥ ⲉⲛⲉ
ⲧⲟⲩⲛⲁⲟϣⲟⲩ
ϩⲛ̄ ⲛⲉⲅⲣⲁⲫⲏ
ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲩⲁⲅⲅⲉ
ⲗⲓⲟⲛ · ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲣ̄
ϣⲡⲏⲣⲉ ϭⲉ ⲉ
ⲧⲣⲉⲕϯ ⲡⲉⲕⲟⲩ
ⲟⲉⲓ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉ
ⲣⲟⲥ · ⲁⲗⲗⲁ ⲑⲟⲛⲕ
ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲉϩⲟⲩⲛ
ⲉⲛⲁⲩ ϩⲛ̄ ⲟⲩ
ⲡⲁⲣⲣⲏⲥⲓⲁ ·
Ⲧⲱⲟⲩⲛ ⲛ̄ⲅⲃⲱⲗ
ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲧⲉⲕ
ⲛⲏⲥⲧⲉⲓⲁ ⲉⲃⲟⲗ
ϫⲉ ⲡⲉⲕϣⲟⲙⲧ̄ [sic]
ⲛⲟⲟⲩ ⲉⲙⲡⲉⲕ
ⲟⲩⲱⲙ · ⲛ̄ⲧⲛ̄
ⲃⲱⲕ ⲧⲉⲱⲥ
ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲛⲉⲣⲏⲩ
ⲉⲧⲉⲕⲕⲗⲏⲥⲓⲁ
ⲛ̄ⲧⲛ̄ϣⲗⲏⲗ' ⲙ
ⲡⲛⲁⲩ ⲛ̄ⲣⲟⲩϩⲉ
ⲙⲛ̄ⲛ̄ⲥⲱⲥ ⲛ̄
ⲧⲛ̄ⲃⲱⲕ ⲉⲡⲛⲁⲩ
ⲛ̄ϩⲧⲟⲟⲩⲉ ⲉ
ⲧⲥⲩⲛⲁⲝⲓⲥ ⲉⲧ

τὴν αὐτὴν πρεσβύταις ἔχοντας εὐταξίαν, ὡς ἐκ τινὸς θειώδους συνθήματος οἴεσθαι τὸ νέον αὐτῶν καταβραβεύεσθαι. Πάντων οὖν ἐν κύκλῳ ἑστώτων, ἴδοις ἂν πόλιν ἱερὰν ἑνὶ πειθαρχοῦσαν ἡγεμόνι, ἑτέρους δὲ νεωκόρους ἀκολουθίᾳ τάξεως τὴν ἱερὰν τράπεζαν περιβάλλοντας· εἶθ' οὕτως ὁ ψαλμῳδὸς ἀφελὴς τῷ λόγῳ καὶ ὕμνῳ κατανυκτικὸς εἰς παράκλησιν, οἱονεὶ περικαθαίρων τὰ στόματα καὶ τὰς ἀκοὰς ᾠδῶν κοσμικῶν πρὸς τὰ μέλλοντα ἀναγνώσματα. — 223. 27. Μὴ αἰδεσθῇς οὖν τὴν πρόσοδον, ἀλλ' ἐν παῤῥησίᾳ προσπέλαζε, καὶ ἀναστὰς ἀπονήστευσαι, τρίτην ταύτην τὴν ἡμέραν ἄσιτος ὤν· καὶ κοινωτέρως ἴωμεν τέως πρὸς τὴν τῆς ἑσπέρας εὐχήν· ἑξῆς δὲ τῇ πανεόρτῳ συνάξει ἐπιμένοντες.

ⲥⲡⲃ̅

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 16. Verso.

ⲙ...ⲛ....
ⲡⲥⲱⲛⲧ ⲅⲁⲣ
ⲡⲉ · ⲉⲉⲓⲣⲉ...
ϩⲟⲟⲩ ⲛ̅ⲑⲉⲃⲇⲟ
ⲙⲁⲥ ⲡ̅ⲣⲡ̅ⲙⲉ
ⲉⲩⲉ ⲛ̅ⲧⲁⲛⲁⲥⲧⲁ
ⲥⲓⲥ ⲙ̅ⲡⲉⲭ̅ⲥ̅ ·
ⲙ̅ⲛ̅ⲛ̅ⲥⲁ ⲡⲉϩⲟ
ⲟⲩ ⲇⲉ ⲉⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ
ⲛ̅ⲧⲉⲕⲩⲣⲓⲁⲕⲏ
ⲛ̅ⲧⲛ̅ⲃⲱⲕ ⲉ
ϩⲟⲩⲛ ⲉⲡⲏⲓ ⲡⲁ [sic]
ⲡⲁⲥ ⲛ̅ⲧⲛ̅ⲉⲓⲣⲉ
ⲛ̅ⲛⲉϩⲃⲏⲩⲉ ⲛ̅
ⲧⲛ̅ⲧⲁⲩⲟ ⲛ̅ϣⲁ
ϫⲉ ⲉϣⲁⲩⲧⲁⲩⲟ
ⲟⲩ ϩ̅ⲛ ϩⲩⲙⲛⲟⲥ
ⲉⲃⲟⲗ · ⲧⲱⲕ ⲛ̅
ϩⲏⲧ ⲛ̅ⲅ̅ϣⲱⲡⲉ
ⲛ̅ⲟⲩⲣⲱⲙⲉ ⲛ̅
ϫⲱⲱⲣⲉ ⲱ̅ ⲕⲩ
ⲡⲣⲓⲁⲛⲉ ⲙⲉ
ϣⲁⲕ ⲅⲁⲣ ⲛ̅[ⲧⲟⲕ]
[ⲛ̅]ⲑⲉ ⲛⲧ[ⲁⲕⲧⲁ]
[ⲕ]ⲟ[ⲟⲩ] ⲕⲛⲁ
ⲧⲟⲩϫⲉ ϩⲟⲩⲟ
ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲙⲁⲩⲁⲁⲕ ·
Ⲕⲩⲡⲣⲓ̈ⲁⲛⲉ · ⲁⲓ̈
ⲧⲱⲟⲩⲛ ⲛ̅ⲧⲉⲩ
ⲛⲟⲩ ⲁⲓ̈ⲁⲙⲁϩⲧⲉ
ⲛ̅ⲧⲉϥⲁⲡⲉ
ⲁⲩⲱ̅ ⲧⲉϥⲙⲉⲥ
ⲑⲏⲧ ⲁⲓ̈ⲧⲟϭ̅ⲥ̅ ⲉ
ϩⲟⲩⲛ ⲉⲧⲱⲓ̈ ·
ⲁⲓ̈ⲁⲥⲡⲁ[ⲍⲉ] ⲱ..
ⲱⲧ ⲁⲩⲱ ⲡⲁⲅ
ⲅⲉⲗⲟⲥ ⲉⲧⲙ̅
ⲙⲁⲩ · ⲛ̅ⲧⲟϥ ⲙ̅ⲛ̅
ⲡⲉϥϣⲏⲣⲉ ⲉϥ
ⲛ.....ϩⲩⲗⲓⲕⲓⲁ ·
ⲁⲩⲱ̅ ⲟⲛ ⲉⲛϩ̅ⲛ
ⲧⲉⲓ̈ⲁⲛⲥⲏⲃⲉ ⲛ̅
ⲟⲩⲱⲧ ⲉⲛϫⲓ
ⲥⲃⲱ ⲙ̅ⲡⲉⲥⲛⲁⲩ ·
Ⲁⲩⲱ ⲛ̅ⲧⲟⲟⲩ ⲇⲉ ⲁⲩ
ϫⲓⲧ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉ
ⲡⲉⲩⲏⲓ̈ · ⲉⲓ̈ϩ̅ⲛ
ⲧⲉⲩⲙⲏⲧⲉ ⲙ̅
ⲡⲉⲥⲛⲁⲩ ⲉⲓ̈ⲙⲟ
ⲟϣⲉ ⲛ̅ⲙ̅ⲙⲁⲩ
ⲁⲩⲥⲙⲏⲧⲉ ⲛⲁⲓ̈
ⲛ̅ⲛⲉⲧⲉϣϣⲉ
ⲉⲧⲣⲁⲟⲩⲟⲙⲟⲩ
ⲙ̅ⲛ̅ⲛ̅ⲥⲱⲥ ⲁⲛ
ⲃⲱⲕ ⲛ̅ⲧⲉⲓ̈ϩⲉ
ⲉⲧⲉⲕⲕⲗⲏⲥⲓⲁ ·
ⲁⲩⲱ ⲛⲉⲥϣⲟⲟⲡ
ⲙ̅ⲙⲁⲩ ⲉⲡⲙⲁ' ⲉ
ⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ ⲛ̅ⲑⲉ ⲛ
ⲧⲡⲉ ϩⲁ ⲛⲉⲥⲥ̅ⲓ̅
ⲟⲩ · ϩⲣⲁⲓ̈ ϩ̅ⲙ̅
Ⲡⲉⲭⲟⲣⲟⲥ ⲛ̅ⲛ̅
ⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲉⲩ
ϩⲩⲙⲛⲉⲩⲉ ⲉⲩ
ⲥⲙⲟⲩ ⲉⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ · ⲁⲩⲱ ⲉⲩⲟⲩ
ⲱϣⲃ̅ ϩ̅ⲛ ⲟⲩ
ⲥⲙⲏ ⲛ̅ⲟⲩⲱⲧ
ⲛ̅ⲧⲗⲉⲝⲓⲥ ⲙ̅
ⲙ̅ⲛ̅[ⲧ]ϩⲉⲃⲣⲁⲓ
ⲟⲥ ϫⲉ ⲁⲗⲗⲏⲗⲟⲩⲓ̈ⲁ ·
ϩⲱⲥⲧⲉ ⲉⲧⲣⲁ

ἔθος γὰρ τῶν ἑπτὰ ἡμερῶν τῇ πρώτῃ ποιεῖν ἀναστάσεως Χριστοῦ μνείαν, μεθ' ἣν τῷ πάπᾳ προσελθόντες τὰ εἰκότα δρῶμεν καὶ λέγομεν. Σαυτοῦ γενοῦ Κυπριανέ· τάχα γὰρ πλείονας σώσεις, παρ' οὓς ἀπώλεσας, καί μου μνήσθητι ὅταν εὖ σοι γένηται, μεθημερινά σοι ἐνύπνια διακρίνοντι πρὸς πολλῶν ὠφέλειαν. Ἐγὼ οὖν ἀναστὰς ἀπρὶξ εἰχόμην αὐτοῦ τῆς κεφαλῆς, καὶ στέρνα αὐτοῦ τοῖς ἐμοῖς προθέμενος, πατέρα καὶ ἄγγελον ἀπεκάλουν· Κἀμὲ μέσον ἔχοντες ἑαυτῶν αὐτὸς καὶ ὁ τούτου υἱὸς συνηλικιώτης μου ὤν, καὶ τῆς αὐτῆς μοι τῶν γραμμάτων διατριβῆς γεγονώς, εὐσεβείᾳ δὲ προύχων, εἴ καί τις ἄλλος, οἴκαδε ἀγαγόντες, παρετίθουν τὰ πρέποντα. Εἶθ' οὕτως ἀπήειμεν εἰς τὴν ἐκκλησίαν, καὶ ἴδον τὸν χορὸν οὐρανίων ἐοικότα Θεοῦ ἀνθρώπων, ἢ χορῷ ἀγγέλων Θεῷ ἀναμέλποντι, Ἑβραϊκὴν τε λέξιν ἑκάστῳ στίχῳ ἐπαγαγόντες μιᾷ φωνῇ, ὡς πείθεσθαι αὐτοὺς μὴ εἶναι ἀνθρώπους

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 9. Recto.

ⲃⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲛⲑⲩⲥⲓ̄ⲁ
ⲛ̄ⲑⲉ ⲛⲟⲩϣⲟⲩ
ϩⲏⲛⲉ ⲉ̄ⲛⲁϣⲉ
ⲥⲟⲩⲉⲛⲧϥ̄ : ⁓
Ⲛⲁⲓ̈ ⲇⲉ ⲉϥⲥⲱⲧⲙ̄
ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲛ̄ϭⲓ ⲡ
ⲕⲱⲙⲓ̄ⲥ · ⲁϥ
ⲟⲩⲱϣⲃ̄ ⲉϥϫⲱ
ⲙ̄ⲙⲟⲥ ⲛⲁⲩ · ϫⲉ
ⲛ̄ⲧⲱⲧⲛ̄ ϩⲛ̄
ⲡⲗⲁⲛⲟⲥ · ⲁⲩⲱ
ⲧⲉⲧⲛ̄ⲧϭⲁⲉⲓ̈
ⲛⲩ ϩⲛ̄ ⲛⲉⲧⲛ̄ⲡ̄
ⲣⲁⲍⲓⲥ : ⁓
Ⲁϥⲟⲩⲱϣⲃ̄ ⲛ̄ϭⲓ
ⲁⲑⲁⲛⲁⲥⲓⲟⲥ ⲡ
ⲥⲩⲛⲕⲁⲑⲉⲇ
ⲣⲟⲥ ⲙ̄ⲡⲕⲱ
ⲙⲓ̄ⲥ · ⲉ̄ⲧⲉ ⲡⲉϥ
ϣⲃⲏⲣ ⲡⲉ : ⁓
Ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ ϫⲉ
ⲕⲉⲗⲉⲩⲉ̄ ⲛⲁⲓ
ϩⲱ · ⲛ̄ⲧⲁϯⲙ̄
ⲡⲁⲟⲩⲟⲓ̄ ⲉⲧⲉⲓ̄
ⲗⲁⲕⲉⲛⲧ̄ · ⲧⲁ
ⲣⲉⲕⲉⲓ̄ⲙⲉ ϫⲉ ϯ
ⲛⲁϫⲣⲟ ⲉ̄ⲧ
ϭⲟⲙ ⲙ̄ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ·
Ⲡⲕⲱⲙⲓⲥ ⲇⲉ
ⲁϥⲟⲩⲉϩⲥⲁϩ

ⲛⲉ ⲉⲧⲣⲉⲩⲉⲓ̄ⲣⲉ
ⲙ̄ⲡⲉⲛⲧⲁϥ
ϫⲟⲟϥ · ⲉⲩⲧⲁ
ⲉⲓ̄ⲟ ⲛ̄ⲛⲉϥⲛⲟⲩ
ⲧⲉ · ⲛ̄ⲧⲟϥ
ⲇⲉ ⲁϥϯ ⲙ̄ⲡⲉϥ
ⲟⲩⲟⲓ̄ ⲉⲧⲗⲁ
ⲕⲉⲛⲧ ⲉⲧⲃⲉⲣ
ⲃⲉⲣ ⲉϥⲱϣ ⲉ̄
ⲃⲟⲗ ⲉϥϫⲱ
ⲙⲙⲟⲥ · ϫⲉ
Ⲡⲛⲟϭ ⲛⲛⲟⲩⲧⲉ
ϩⲩⲣⲁⲕⲗⲏⲥ
ⲡⲉⲓ̄ⲱⲧ ⲛ̄ⲛⲉ
ⲛⲟⲩⲧⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ
ⲡⲉⲧ[ϯ] ⲛⲟⲩ
ⲧⲁϫⲣⲟ ⲙⲛ̄ ⲡⲱ
ⲛⲁϩ ⲛⲟⲩ
ⲟⲛ ⲛⲓ̄ⲙ : ⁓
Ⲡⲁⲥⲕⲗⲏⲡⲓ̄ⲟⲥ
ⲡⲉⲧⲭⲁⲣⲓ̄ⲍⲉ
ⲙ̄ⲡⲟⲩϫⲁⲓ̄
ⲛ̄ⲛⲉⲣⲱⲙⲉ
ⲟⲩⲱ̄ⲛϩ̄ ⲛ̄ⲧⲉⲕ
ϭⲟⲙ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϩⲛ̄!
ⲧⲉⲓ̄ⲗⲁⲕⲉⲛⲧ̄
Ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉϥ
ϩⲱⲛ ⲉ̄ϩⲟⲩⲛ
ⲉⲧⲗⲁⲕⲉⲛⲧ
ⲁ̄ ⲡⲉⲗϩⲱⲱϥ
ⲛ̄ⲧⲗⲁⲕⲉⲛⲧ

226. 4. . . . . . καὶ παρακαλῶ σε ἵνα τὰς θυσίας ἡμῶν ὀσφρανθεὶς προσδέξῃ εἰς ὀσμὴν εὐωδίας. Ἀκούσας δὲ ὁ κόμης εἶπεν· Ἐγὼ σήμερον ἐλέγξω ὑμᾶς, καὶ τὴν τέχνην τῆς μαγείας ἡμῶν ἐκπομπεύσω. Ἀθανάσιος δέ τις συγκάθεδρος ὢν αὐτοῦ καὶ φίλος, ἱερεὺς δὲ πρῶτος, λέγει αὐτῷ· Κελεύσει με ἡ ἀρετή σου ἐπὶ τῷ βρασμῷ τοῦ τηγάνου στῆναι ἐπὶ τῷ ὀνόματι τῶν θεῶν, καὶ νικήσω τὴν νομιζομένην δύναμιν τοῦ Χριστοῦ. Καὶ ἐπέτρεψεν ὁ κόμης τῷ Ἀθανασίῳ· καὶ ὁ Ἀθανάσιος, προσελθὼν τῷ τηγάνῳ, λέγει· Μέγας εἶ ὁ θεὸς Ἡρακλῆς, καὶ ὁ πατὴρ τῶν θεῶν Ἀσκληπιός, ὁ τὴν ὑγείαν τοῖς ἀνθρώποις παρέχων. Καὶ ταῦτα εἰπών, καὶ μόνον προσεγγίσας τῷ βρασμῷ τοῦ τηγάνου κατεκυριεύθη

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 9. Verso.

ⲉⲣϫⲟⲉⲓⲥ ⲉϩⲣⲁⲓ
ⲉϫⲱϥ : ~
Ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲧⲉⲩⲛⲟⲩ
÷ ⲁ ⲛⲉⲧⲟ ⲙ̄ⲡⲉϥ
ϩⲟⲩⲛ ⲧⲏⲣⲟⲩ
ⲡⲱ̄ⲱⲛⲉ ⲉ̄ⲃⲟⲗ
ⲁ ⲡⲕⲱϩ̄ⲧ ⲉⲣ
ϫⲟⲉⲓⲥ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉ̄
ϫⲱϥ · ⲁϥⲙⲟⲩ
ⲛ̄ⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ·
÷ Ⲡⲙⲁⲕⲁⲣⲓⲟⲥ ⲇⲉ
ϩⲱⲱϥ ⲕⲩⲡ
ⲣⲓⲁⲛⲟⲥ ⲙⲛ̄
ⲓⲟⲩⲥⲧⲓⲛⲁ ⲧ̄
ⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ ⲉ̄
ⲛⲉⲩϩⲓⲡⲉⲥⲏⲧ
ⲉⲧⲗⲁⲕⲉⲛⲧ
ⲉⲩⲥⲱⲃⲉ ⲙ̄ⲙⲟϥ ·
÷ Ⲡⲕⲱⲙⲓⲥ ⲇⲉ ⲛ̄
ⲧⲉⲣⲉϥⲛⲁⲩ ⲡⲉ
ϫⲁϥ ⲛⲁⲩ · ϫⲉ ⲁ̄
ⲣⲏⲩ ⲟⲩⲁⲧϫ̄ⲣⲟ
ⲉ̄ⲣⲟⲥ ⲧⲉ ⲧ̄ϭⲟⲙ
ⲙ̄ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ · ⲉⲓⲥ
ⲡⲁⲕⲉⲟⲩⲏⲏⲃ̄
ⲁϥⲣⲱⲕϩ̄ ⲁϥ
ⲙⲟⲩ : ~
÷ Ⲁⲩⲱ ⲡⲕⲱⲙⲓⲥ
ⲁϥⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉϩ
ⲣⲉⲛⲧⲓⲟⲥ · ⲡⲉ
ϫⲁϥ ⲛⲁϥ · ϫⲉ

ⲉ̄

ⲟⲩⲡⲉⲧϣⲟⲟⲡ
ⲙ̄ⲡⲉⲓⲕⲁⲕⲟⲩⲣ
ⲅⲟⲥ ⲉⲑⲟⲟⲩ : ~
Ⲁϥⲟⲩⲱ̄ϣⲃ̄
ⲛ̄ϭⲓ ϩ̄ⲣⲉⲛⲧⲓⲟⲥ
ϫⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲣⲣ̄ ⲗⲁⲁⲩ
ⲙ̄ⲡⲉⲑⲟⲟⲩ ⲙ̄ⲡⲉⲓ
ⲣⲱⲙⲉ ⲛ̄ϫⲁⲓⲕⲉ
ⲱⲥ · ⲙⲛ̄ ⲧⲉⲓ
ⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ · ⲉⲃⲟⲗ
ϫⲉ ⲡ̄ⲛⲟⲩⲧⲉ
ⲛ̄ⲛⲉⲭ̄ⲣⲏⲥⲧⲓⲁ
ⲛⲟⲥ · ⲟⲩⲛⲟⲩⲧⲉ
ⲡⲉ ⲉ̄ⲟⲩⲛ̄ϭⲟⲙ
ⲙ̄ⲙⲟϥ · ⲁⲗ
ⲗⲁ ⲉⲕϣⲁⲛϫⲟ
ⲟⲩⲥⲟⲩ ⲙⲡ̄ⲣ̄ⲣⲟ
ϥ̄ⲛⲁⲉⲓⲙⲉ ⲉ̄ⲧⲉⲩⲉ̄
ⲧⲓⲁ̄ · ⲡⲕⲱ
ⲙⲓⲥ ⲇⲉ ⲁϥⲥϩⲁⲓ
ϩⲁⲣⲟⲟⲩ ⲛⲟⲩⲁ
ⲛⲁⲫⲱⲣⲁ ⲙ̄
÷ ⲡⲉⲓⲧⲩⲡⲱⲥ ·
Ⲭⲉ ⲕ̄ⲗⲁⲩⲇⲓⲟⲥ
÷ ⲡⲕⲉⲥⲁⲣ · ⲉϥⲥ̄
÷ ϩⲁⲓ ⲙ̄ⲡⲛⲟϭ ⲛⲣ̄
÷ ⲣⲟ · ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲛ̄
÷ ⲧⲟⲓⲕⲟⲩⲙⲉⲛⲏ
÷ ⲧⲏⲣⲥ̄ · ⲇⲓⲟⲕ
÷ ⲗⲏⲧⲓⲁⲛⲟⲥ ⲭⲉ
÷ ⲣⲉⲧⲉ · ⲕⲁⲧⲁ

ὑπὸ τοῦ πυρός, καὶ ἡ γαστὴρ αὐτοῦ διεῤῥάγη, καὶ τὰ σπλάγχνα αὐτοῦ ἐγυμνώθησαν, καὶ τὰ ὀστὰ αὐτοῦ διεσπαράχθησαν, καὶ ἐξεχύθησαν· ὁ δὲ μακάριος Κυπριανὸς ἄμωμος ἔμεινε σὺν τῇ Παρθένῳ δοξάζων τὸν Θεόν. 5. Τότε ἀνέκραξεν ὁ κόμης λέγων· Τάχα ἀνίκητός ἐστιν ἡ δύναμις τοῦ Χριστοῦ. Τοῦτο δὲ μόνον μέλει μοι ὅτι τὸν ἱερέα, καὶ μόνον ὄντα φίλον μου ἀπέκτεινεν. Καλέσας οὖν Τερέντιον τὸν συγγενῆ αὐτοῦ, λέγει· τί ποιήσω τοῖς κακούργοις τούτοις; Λέγει αὐτῷ ὁ Τερέντιος· Μηδέν σοι πρὸς τοὺς ἁγίους τούτους. μὴ δὲ ἀντίπιπτε τῇ ἀληθείᾳ, ἀνίκητος γάρ ἐστιν ὁ Θεὸς τῶν Χριστιανῶν· ἀλλὰ παράπεμψον αὐτοὺς τῷ βασιλεῖ, δηλῶν τὰ κατ' αὐτούς. Ὁ δὲ κόμης γράφει ἀναφορὰν τοιαύτην· Κλαυδίῳ καίσαρι τῷ μεγίστῳ γῆς καὶ θαλάσσης δεσπότῃ Διοκλητιανῷ χαίρειν· Κατὰ

ⲉ

Cod. Copt. Par. 129,15. f. 10. Recto.

÷ ⲡⲟⲩⲉϩⲥⲁϩⲛⲉ ϭⲉ
÷ ⲛⲧⲉⲕⲙⲛⲧⲣ
÷ ⲣⲟ · ⲁⲓϩⲉ ⲉⲕⲩⲡ
÷ ⲣⲓⲁⲛⲟⲥ ⲡⲙⲁ
÷ ⲅⲟⲥ ϩⲛ ⲛⲉⲭ
÷ ⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ ·
÷ ⲙⲛ ⲟⲩⲡⲁⲣⲑⲉ
÷ ⲛⲟⲥ · ϫⲉ ⲓⲟⲩⲥϯ
÷ ⲛⲁ · ϩⲛ ⲛⲥⲁ ⲛ
÷ ⲧⲁⲛⲁⲧⲱⲗⲏ
÷ ⲛⲁⲓ ⲇⲉ ⲟⲩⲉⲛ
÷ ϭⲟⲙ ⲙⲙⲟⲛ ⲉ
÷ ⲉⲓⲙⲉ ⲉⲧⲉⲩⲉ
÷ ⲧⲓⲁ : ~
÷ Ⲡⲣⲣⲟ ⲇⲉ ⲛⲧⲉⲣⲉϥ
ⲱϣ ⲙⲡⲉⲩ
ϩⲩⲡⲱⲙⲛⲏ
ⲙⲁ · ⲁϥⲣϣⲡⲏ
ⲣⲉ ⲛⲛⲉϩⲩⲡⲟⲙ
ⲛⲏⲙⲁ · ⲙⲛ ⲛⲉ
ⲃⲁⲥⲁⲛⲟⲥ ⲛⲧⲁⲩ
ⲃⲓ ϩⲁⲣⲟⲟⲩ ⲛϭⲓ
ⲛⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ
ⲕⲩⲡⲣⲓⲁⲛⲟⲥ
ⲙⲛ ⲓⲟⲩⲥⲧⲓⲛⲁ ·
÷ Ⲁⲩⲱ ⲁϥϫⲓϣⲟϫ
ⲛⲉ ⲙⲛ ⲛⲉϥϣ
ⲃⲏⲣ ⲉϥϫⲱ ⲙ
ⲙⲟⲥ · ϫⲉ ⲟⲩ
ϩⲏⲩ ⲛⲁⲛ ⲡⲉ ⲛ
ⲧⲛϯⲁⲡⲟⲫⲁ
ⲥⲓⲥ ⲉⲣⲟⲟⲩ · ⲉⲃⲟⲗ

ϫⲉ ⲙⲡⲟⲩⲥⲱⲧⲙ
ⲛⲥⲁ ⲡⲁⲡⲣⲱⲥ
÷ ⲧⲁⲅⲙⲁ : ~
Ⲁϥⲟⲩⲱϣⲃ ⲛϭⲓ
ⲡⲣⲣⲟ ⲉϥϫⲱ ⲙ
ⲙⲟⲥ · ϫⲉ ⲕⲩⲡ
ⲣⲓⲁⲛⲟⲥ ⲡⲥⲁϩ
ⲛⲛⲉⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁ
ⲛⲟⲥ · ⲙⲛ ⲓⲟⲩⲥϯ
ⲛⲁ ⲧⲡⲁⲣⲑⲉ
÷ ⲛⲟⲥ : ~
Ⲉⲡⲉⲓⲇⲉ ⲙⲡⲟⲩ
ⲥⲱⲧⲙ ⲛⲥⲁ
ⲡⲁⲡⲣⲱⲥ
ⲧⲁⲅⲙⲁ · ϯⲕⲉ
ⲗⲉⲩⲉ ⲛⲥⲉⲃⲓ ⲛ
ⲧⲉⲩⲁⲡⲉ ϩⲛ ⲧⲉ
÷ ⲥⲏⲃⲉ : ~
Ⲡϩⲁⲅⲓⲟⲥ ⲇⲉ ⲕⲩⲡ
ⲣⲓⲁⲛⲟⲥ · ⲙⲉⲛ [sic]
ⲓⲟⲩⲥⲧⲓⲛⲁ ⲧ
ⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ · ⲁⲩ
ϫⲓⲧⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ
ϩⲛ ⲛⲓⲕⲱⲙⲏ
ⲧⲓⲁ ⲧⲡⲟⲗⲓⲥ
ⲉϫⲉⲛ ⲕⲁⲗⲗⲟⲥ
ⲡⲓⲉⲣⲟ : ~
÷ Ⲁⲩⲱ ⲁⲩⲉⲧⲉⲓ
ⲛⲟⲩⲕⲟⲩⲓ ⲛϩ
ⲙⲟⲧ ⲛⲧⲟⲟⲧⲟⲩ
ⲛⲛⲉⲙⲁⲧⲟⲓ
ⲉⲧⲥⲱⲕ ϩⲁ
ϫⲱⲟⲩ · ϫⲉⲕⲁⲥ

τὸν θεσμὸν τῆς βασιλείας σου συνέλαβον Κυπριανὸν τὸν διδάσκαλον τῶν Χριστιανῶν ἅμα Παρθένῳ ἐν τῇ Ἀνατολῇ, ὡς διὰ τῶν ὑπομνημάτων γνώσῃ, ὅτι τοσαύταις βασάνοις ὑποβληθέντες οὐκ ἐπείσθησαν· δι' ὃ τῷ σῷ κράτει τούτους ἀνέπεμψα. Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐγκύψας τοῖς σκρινίοις, καὶ τὰς βασάνους τοῦ μακαρίου θαυμάσας, ἐλογίσατο μετὰ τῶν φιλῶν αὐτοῦ καὶ λέγει· Κυπριανὸς ὁ τῆς Ἀντιοχείας διδάσκαλος, καὶ ἡ παρθένος Ἰουστίνα, ἐκλεξάμενοι τὴν ματαίαν αἵρεσιν τῶν Χριστιανῶν, καὶ παραλιπόντες τὸ ζῆν, τὸν Θεὸν αὐτῶν προετίμησαν, τὴν διὰ ξίφους τιμωρίαν ἐνενεχθῆναι. — 6. Ἀνεπεχθέντων δὲ αὐτῶν ἐπὶ τὸν ποταμὸν Γάλλον εἰς τὴν Νικομηδέων πόλιν μικρὰν διορίαν ᾐτήσαντο

ⲡ̅

Cod. Copt. Par.129,15. f. 10. Verso.

ⲉⲩⲉⲁ̅ⲛⲓ̈ⲭ̅ⲉ ⲙ̅
ⲙⲟⲟⲩ ⲛ̅ⲥⲉϣ
ⲗⲏⲗ · ⲁⲩⲱ̅ ⲛ̅
ⲧⲉⲓ̈ϩⲉ ⲁϥⲥ̅ⲫ
ⲣⲁⲅⲓ̈ⲍⲉ ⲙ̅ⲙⲟϥ
ⲛ̅ϭⲓ ⲡⲙⲁⲕⲁⲣⲓ̈
ⲟⲥ ⲕⲩⲡⲣⲓ̈ⲁ̅ⲛⲟⲥ
ϩⲛ̅ ⲧⲉⲥⲫⲣⲁ
ⲅⲓ̈ⲥ̅ ⲙ̅ⲡⲉⲭ̅ⲥ̅ : ~
✢ Ⲁϥⲙⲁϩⲧⲉ ⲛⲧ
ϭⲓϫ ⲛ̅ⲧⲡⲁⲣ
ⲑⲉⲛⲟⲥ · ⲁϥⲉⲛ
ⲧⲥ̅ ⲛ̅ⲥⲁ ⲓ̈ⲟⲩⲛⲁⲙ sic
ⲙ̅ⲙⲟϥ · ⲁϥⲁ̅
ⲍⲓⲟⲩ ⲙ̅ⲡⲙⲁ
ⲧⲟⲓ̈ ⲉⲧⲣⲉϥⲃⲓ̈
ⲛ̅ⲧⲉⲥⲁ̅ⲡⲉ ⲛ̅
ϣⲟⲣⲡ̅ : ~
✢ Ⲁⲩⲱ̅ ⲛ̅ⲧⲉⲣⲉⲥ
ϫⲱⲕ ⲉ̅ⲃⲟⲗ ·
ⲁϥⲟⲩⲱ̅ϣⲃ̅ ⲛ̅
ϭⲓ ⲡⲙⲁⲕⲁⲣⲓⲟⲥ
ⲕⲩⲡⲣⲓ̈ⲁⲛⲟⲥ
ⲡⲉϫⲁϥ · ϫⲉ
✢ Ⲯⲥ̅ⲙⲟⲩ ⲉ̅ⲣⲟⲕ
✢ ⲡⲁϫⲟⲉⲓⲥ ⲓ̅ⲥ̅ ⲡⲉ
✢ ⲭ̅ⲥ̅ · ϫⲉ ⲁⲕⲉⲛⲧ̅
✢ ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉ̅ⲧⲉⲓ̈ⲟⲩ
✢ ⲛⲟⲩ · ⲁⲛⲟⲕ
✢ ⲙⲛ̅ ⲧ̅ⲡⲁⲣⲑⲉ
✢ ⲛⲟⲥ ⲓ̈ⲟⲩⲥ̅ⲧⲓ̈ⲛⲁ ·
Ⲁⲩⲱ ⲛ̅ⲧⲉⲓ̈ϩⲉ ⲁⲩ

ⲃⲓ̈ ⲛ̅ⲧⲁⲡⲉ ⲙ̅ⲡ̅
ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ̈ⲟⲥ
÷ ⲕⲩⲡⲣⲓ̈ⲁ̅ⲛⲟⲥ : ~
Ⲟⲩⲣⲱⲙⲉ ⲇⲉ ⲟⲛ
ⲉⲡⲉϥⲣⲁⲛ ⲡⲉ
ⲑⲉⲱⲕⲧⲓ̈ⲥ
ⲧⲱⲥ · ⲉⲡⲉϣ̅
ⲃⲏⲣ ⲡⲉ ⲙ̅ⲡ̅ⲙⲁ
ⲕⲁⲣⲓ̈ⲟⲥ ⲕⲩⲡ̅
ⲣⲓ̈ⲁ̅ⲛⲟⲥ · ⲁϥⲁⲥ
ⲡⲁⲍⲉ ⲙ̅ⲙⲟϥ
ⲉⲩⲛⲁⲃⲓ̈ ⲛⲧⲉϥ
÷ ⲁ̅ⲡⲉ : ~
Ⲛⲉⲣⲉ ⲡϩⲟⲩⲣⲃⲓ̈
ⲛⲟⲥ · ⲡⲥⲩⲛⲕⲁ
ⲑⲉⲇⲣⲟⲥ ⲙ̅ⲡ̅ⲣ̅
ⲣⲟ · ⲛⲉϥϯ ⲛ̅ϩ
ⲧⲏϥ ⲉ̅ⲡⲁⲓ̈ ⲛⲧⲁ
ⲡ̅ⲣ̅ⲣⲟ ϫⲟⲟⲩϥ ⲉ̅
÷ ⲃⲓ̈ ⲛ̅ⲧⲉϥⲁ̅ⲡⲉ ·
Ⲛ̅ⲧⲉⲣⲉϥⲛⲁⲩ ⲟⲛ
ⲉ̅ⲑⲉⲱⲕⲧⲓⲥ
ⲧⲱⲥ ⲉϥϩⲓ̈ⲙⲉ
ⲁϥⲕⲉⲗⲉⲩⲉ̅ ⲉⲧ
ⲣⲉⲩⲃⲓ̈ ⲛ̅ⲧⲁⲡⲉ
ⲛ̅ⲛⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ ·
÷ Ⲁⲩⲱ ⲛ̅ⲧⲉⲣⲉ ⲙ̅
ⲙⲁⲣⲧⲩⲣⲟⲥ
ϫⲱⲕ ⲉⲃⲟⲗ
ⲛ̅ⲧⲉⲩⲙⲁⲣⲧⲩ
ⲣⲓⲁ · ⲁϥⲕⲉ
ⲗⲉⲩⲉ̅ ⲉ̅ⲛⲟⲩϫⲉ

τοῦ προσεύξασθαι, καὶ μνησθῆναι τῶν κατὰ κόσμον ἐκκλησιῶν καὶ πάντων τῶν πιστῶν, καὶ τὴν ἐν Κυρίῳ ποιήσας σφραγίδα ὁ ἅγιος Κυπριανὸς, ἐκ δεξιῶν λαβὼν τὴν Παρθένον, πρὸ αὐτοῦ τελεωθῆναι ἠξίου. Καὶ τούτου γενομένου εἶπεν ὁ μακάριος Κυπριανός· Δόξα σοι Χριστέ. Θεόκτιστος δέ τις διαβαίνων ἐξ ἀποδημίας ἠσπάσατο τὸν ἅγιον Κυπριανόν. Φουλεανὸς δὲ ὁ συγκάθεδρος... Ἐκέλευσεν αὐτῶν εἰς βοῤῥᾶν τοῖς κυσὶ ῥιφῆναι.

[II. Die Busse des heiligen Cyprianus.]

1. ...... welche spricht um zu erkennen die Erzählung der Stimmen, 1
welche entstehn in der Phantasie. Ich sah an jenem Orte die Gestalt der
Bäume, gleichsam als ob die Götter auf sie schauen und sie wirksam seien.
Ich sah ferner an jenem Orte vier Sterne, in denen die wechselnden Winde
sind, und die Aufeinanderfolge [der Jahreszeiten und] die Früchte, die in
ihnen sind, und Tage, die verschieden sind, bestimmt durch die Wirksamkeit
des Widersachers. Ich sah ferner Chöre von Dämonen, die einen, die Krieg
führten, andere, die im Hinterhalte lagen. Ich sah das Heer stehen, einen
männlichen Gott und einen weiblichen Gott (?). Ich verbrachte vierzig Tage
an jenem Orte,

2. indem ich mich von dem Mark der Bäume nährte aus den Gegen-
den des Westens. Aus jenem Orte wurden durch die Könige böse Geister
ausgesandt, in der Gestalt von Kriegern, von denen ein jeder ein Werk auf
der Erde und unter den Völkern thut. Und als ich fünfzehn Jahre alt war,
wurde ich durch sieben Priester | und die Propheten des Teufels unter- 2
wiesen, mit denen er von Mund zu Mund sprach, denn sie sind es, die ei-
nem jeden von den Dämonen Arbeit geben. Ich kannte die Mysterien und
die ganze Kraft des Teufels. Er lehrte mich, wie die Erde auf ihren Fun-
damenten befestigt sei; er lehrte mich das Gesetz der Luft und des Aethers.
Ich durchschritt das Meer und die Tiefe und den Tartarus und das Paradies
[ich kam nach Argos]; ich feierte das Fest der Hera. Ich lernte, wie man
die Weiber von den Männern trennt und wie man zwischen Brüdern und
Freunden Hass ausstreut. Ich lernte die Einheit der Luft und des Aethers
kennen und wie die Erde Gemeinschaft habe mit dem Wasser und das Wasser
mit dem Aether. So brachte man mich bis zu einer Stadt, nämlich Elis; in
Lacedaemon lernte ich kennen die Mysterien des Helios und der Selene,
das sind die Sonne und der Mond. Ich kannte das Gesetz des Lichts und die
Finsterniss und die Sterne und die Bahnen | und die Pleiaden und den *Têêr*- 3
stern und das ganze Heer des Himmels. Ich kannte sie und wie ihre Wir-
kung sei und ihre Gestalt und wie das Gestirn des Mars und des Schwans
grösser seien, als alle Sterne und warum einige unter ihnen verkehrte
Bahnen einschlagen. Darauf gieng ich zu den Völkern, Thracier genannt;
ich lernte die Wahrsagerei, ich kannte die Sprache der Raben und der

Barbaren und die Vogelschauer, die auf sie achten und die Zeichen (sprache)
der Thiere und Zeichendeuterei von seiten der Priester, welche die Men-
schen wissen lassen die Ursache (?), die sein wird; und jene Hölzer, die
Süssigkeit geben und jene Steine, welche auf den Gräbern sind, kannte ich;
einen jeden einzelnen von ihnen kannte ich, die darin waren: ich kannte
die Glieder, welche zucken und die Blutungen, die herauskommen aus der
4 Harnröhre durch Zauberei; und die Muskeln (Sehnen), | die sich zusammen-
ziehn und jucken, und die Worte, die plötzlich aus dem Munde des Men-
schen hervorgehn; ich kannte die fingierten Krankheiten, wie natürliche
und wahre; und die Übereinstimmung ähnlich einem Widerspruche und
einen Krieg wie ein Friede. Nichts blieb mir verborgen von dem, was auf
der Erde und in der Luft, noch was im Meere und in der Tiefe ist und alle
Dinge der Phantasie und alle Dinge der Mechanik und alle Dinge der
Kunst. Alle Zaubertränke, die die Quacksalber bereiten, kannte ich, ich
schenkte ihnen mein Herz und machte sie alle (nach).

3. Ich gieng ferner nach Memphis und Heliopolis im Lande Aegyp-
ten; ich lernte, damit ich verständiger werde, als Iannes und Iambres. Als
ich zwanzig Jahre alt geworden war, lernte ich die Wohnstätten der Finster-
niss kennen, welche die Dämonen der Luft gemacht hatten und in welcher
5 Gestalt sie den Menschen zürnen | oder welches die Sterne sind, an welchen
sie sich ergötzen und welches die Dinge und die Gesetze sind, die sie lesen
oder weshalb sie vor ihnen fliehen, oder wie sie verborgenen Zorn erwecken
und wie die Geister mit ihnen streiten. Ich erfuhr an jenem Orte, wie
viele Fürsten der Finsterniss es giebt und wie sie Gemeinschaft haben mit
der Seele und dem unvernünftigen Leibe, bis zu den Fischen, die in den
Wassern sind und welches ihr Werk sei, das sie aufstellen. Ich kannte die
Erdbeben und den Regen und die entfesselte Erde und das bewegte Meer,
was sie bewirkten durch ein Trugbild. [Da sah ich Seelen von Riesen, die in
Finsterniss gefangen gehalten wurden und dem Schein nach die Erde auf-
rechterhielten,] wie einer, der eine schwere Last trägt. Ich sah die Drachen,
die Gemeinschaft hatten mit den Dämonen und die Bitterkeit und das Gift,
das aus ihnen hervorgieng, damit es tödte die auf der Erde wohnen, wovon
6 die | Geister, die in der Luft sind, nehmen und den Menschen Böses anthun
durch die Hülfe, die sie empfangen durch die Thiere, die auf der Erde sind.
Ich sah ferner die Erde emporgehoben durch die Winde, welche über dem
Wasser hieng und wegen ihrer natürlichen Kraft sich aufrecht hielt. Man
führte mich ferner an einen Ort, an welchem die Dämonen ihre Gestalten
ändern, welche der Drache gemacht hat durch ein Trugbild der Gestalt des
Irrthums, gegen die Gesetze Gottes kämpfend, damit durch dieselben die
bösen Geister den Menschen dienen, die mit ihnen Gemeinschaft haben in

denselben Gottlosigkeiten. Denn die gottlose Frömmigkeit machten sie an
jenem Orte, indem sie eine Erkenntniss machten, die keine Vernunft hatte
und eine Gerechtigkeit, die eine Ungerechtigkeit, und eine Ordnung voll von
Verwirrung, die sich an jenem Orte befand. | Ich sah an jenem Orte das 7
Bild der Lüge, das die Gestalt hatte vor einer Menge von Formen, und den
Geist der Unzucht, der drei Gesichter hatte, das eine von der Farbe des
Blutes, das andere wie kothiger Schlamm, das dritte wie eine Feuerflamme.
Ich sah den Geist der Bosheit, wie einen harten Stein, öde, in der Gestalt
eines wilden Thieres. Den Geist aber der Arglist mit rauhen Zungen, die
an einander geschärft waren. Der Geist aber des Hasses vom Ansehen der
Thonerde gemischt mit Eisen, hatte Augen hinten an seinem Kopfe, die
beständig vor dem Lichte flohen; er hatte Füsse, die hinten an seinem Kopfe
hiengen, und er hatte überhaupt keinen Bauch wegen der Werke, die er
ausführte in Unbarmherzigkeit. Den Geist des Neides, ähnlich der Eifer-
sucht, jedoch sich unterscheidend von ihm, denn er hatte eine Zunge | von 8
dem Maasse einer Sichel; und den Geist der Unersättlichkeit, mit einem
schmalen Kopfe, mit neidischen Augen und mit einem anderen Auge auf
dem Kopfe und auf der Brust, welche waren wie einer, der die Erde und die
Steine schleppt. Ich sah das Bild der Schamlosigkeit in der Gestalt eines
Vogels, Räuber (Harpax) genannt, dessen Pupillen in seinem Kopfe ver-
sanken. Ich sah den Geist des Handels mit einem Leibe wie ein Zwerg, mit
einer Feuerscheibe auf seinem Kopfe, in dem sich seine ganze Habe befand.
Ich sah den Geist der Eitelkeit wie einen geschundenen und zerschlagenen
Leib, wie einen Tempelaufseher, der überhaupt keine Knochen hat. Das Ab-
bild des Götzendienstes war ein Geist, der unterhalb des Himmelsgewölbes
schwebte, mit Flügeln an seinem Kopfe, mit denen er jedermann zu bedec-
ken glaubte, | er aber sich selbst zu bedecken nicht im Stande war. Den 9
Geist der Heuchelei in der Gestalt eines Sackes, sehr ermüdet, und mit
grossen Sorgen, aber sie kamen heraus aus ihm unbemerkt und umgaben
ihn, indem sie verschiedene Gestalten annahmen. Den Geist der Thorheit,
wie ein junges Mädchen, nackt und ohne jegliche Ruhe; den Geist der Ver-
rätherei, mit einer grossen Zunge, das Maass seines ganzen Leibes habend.
Auch den Geist der Dummheit sah ich mit einem kleinen Kopfe wie eine
Mandel, sein Gesicht aber war schwach und löste sich auf und er hatte
überhaupt keine Kraft seinen Kopf zu tragen. Ich sah dreihundert Arten
von Leidenschaften und die übrigen Laster, von denen ein jedes ein Laster
erzeugt, ein Dämon in seiner Gestalt seiend. | Ich sah die Gestalt der eitlen 10
Ruhmsucht und die Tugend der Einbildungen.

4. Und danach, als ich dreissig Jahre alt war, gieng ich in das Land der Chaldäer, damit ich erfahre, wie der Aether hingestellt sei, von dem

man sagt, dass er sich über dem Feuer befinde. Die Weisen aber unter ihnen sagen: er steht auf dem Lichte. Ich lernte ferner durch sie den Unterschied der Sterne wie den der Pflanzen. Einige von ihnen schaden, andere dagegen nützen, und Chöre [von Sternen] sind vertheilt (geordnet) wie im Kriege. Man unterwies mich über jeden einzelnen und seine Gemeinschaft; dies ist die Art und Weise, wie sie veranlasst werden zu verlassen die Phantasie, und zu verlassen Gott in ihrem Herzen und aufzuhören ihm zu dienen. Er ist eifrig dabei gewesen, einen jeden Plan durch einen Irrthum auszuführen und hat sie versinken lassen in ihren Sünden. Er aber war König in der Gesetzlosigkeit.

11 5. Wenn ihr mir glaubt, habe ich den Teufel von Angesicht zu Ange-
sicht gesehen, ich habe ihn mir in Opfern erscheinen lassen. Wenn ihr meine
Rede annehmt, habe ich ihn begrüsst von Mund zu Mund. Er redete mit
mir und achtete mich für einen unter den Grossen, die vor ihm stehn. Er
rief mich und sprach zu mir: «Talentvoller Jüngling, leicht zu unterweisen,
du kleiner Bruder des Iambres, der Gemeinschaft würdig». Und er liebte
mich und machte mich zu einem Fürsten über alle Dämonen und Mächte,
nachdem er mir die Dinge verspochen hatte, also: «Ich werde sie dir geben».
Darum ward ich bei ihm sehr geehrt und ferner ehrte er mich vor dem
Heere, das da stand. Und als ich von ihm hinausgieng, rief er mir zu: «O
12 überaus strebsamer Cyprianus, sei ein starker Mann und vermehre | meinen
Besitz»! Und als ich mich erhob, verwunderten sich alle seine Fürsten und gaben mir das Geleite um der Ehre willen, die er mir zu Theil werden liess. Sein Aussehen aber hatte die Farbe der Goldblume, geschmückt mit der Farbe des Goldes, er glich der Rose und kostbaren Steinen und Perlen. Er hatte einen Kranz (Krone) auf seinem Haupte, geflochten aus Sapphiren und Topasen und Perlen, deren Glanz sich über den ganzen Ort verbreitete, an dem er sich befand. Und danach standen grosse Heere bei ihm, die ihm unterworfen waren in dämonischem Gehorsam; doch machte er das durch ein Trugbild, indem er jedermann fürchten machte. Denn er machte auch grosse Sterne und grosse Bäume und stritt wider das Göttliche und wider Gottes Engel, in der Meinung dadurch vielleicht die Menschen irrezuführen und sie glauben ......

---

13 12. «..... indem ich dir folgte, habe ich mein Geld und Gut verloren und das Vermögen meiner Väter habe ich vergeudet. Wehe mir Elenden! Wenn ich das, was ich deinetwegen verloren, den Armen und den Elenden gegeben hätte, hätte ich mir eine Hoffnung erworben. Wehe mir! denn ich bin zu Grunde gerichtet und ich allein bin verwundet mit einer unheilbaren Wunde. Wehe mir! denn ich glaubte bei mir selber, dass ich lebe, und ich

selbst wusste nicht, dass ich mir für mein Geld ein Grab in der Hölle ge-
kauft, denn ich war ein Knecht der Sünde geworden. Was mir aber geziemt
zu thun, ist, dass ich der Justina nachfolge, damit sie für meine Seele Sorge
trage. Fliehe von mir! o Teufel, du Feind der Wahrheit». Während ich
das sagte, trat der Teufel an mich heran und wollte mich tödten in grossem
Zorn. Als ich nun sah, dass er mir die Hoffnung meines Lebens rauben
wollte, erinnerte ich mich des Zeichens, | das die Jungfrau zu machen 14
pflegte und schrie: «Gott der Jungfrau Justina, hilf mir! Jesu Christe, du
sollst mir helfen!» Als ich das gesagt hatte, kehrte meine Kraft wieder zu
mir zurück und sofort verfluchte mich der Teufel und ward wie eine Feuer-
flamme. Er stand mir gegenüber mit gezücktem Schwerte in der Hand, in-
dem er mir drohte und sprach: «Ich werde dich tödten, o Cyprianus!» Als
ich mich der Kraft Christi erinnerte, schrie ich noch mehr und sprach: «Jesu
Christe, wahrer Gott, hilf mir!» Es antwortete und sprach zu mir der Teufel:
«Christus wird dir nicht helfen, denn er hasst alle Gottlosen; er wird dir jetzt
aus Arglist helfen, zur bestimmten Stunde aber wird er dich verlassen und du
wirst erfahren, dass ich Macht habe über die, die mein sind. Denn dir, der du
an ihn geglaubt hast, wird er in nichts beistehen. «Als ich das von ihm hörte, |
gerieth ich in grosse Furcht, weil er mit mir sprach, indem er mir drohte. 15

Deshalb bitte ich euch, o meine Brüder, dass ihr für mich bittet und
ferner, dass ihr mich lehret, welcher Art Christus ist und dass ihr ihn anfleht
für mich, damit er mir vergebe. Wird er mir denn nicht vergeben, wenn
ich Busse thue?

13. Als eine Menge von den Gottesdienern das hörten, sprach einer
mit mir und sagte: «Fasse Muth, o Cyprianus; wahrlich, Christus wird dich
annehmen, denn die Dinge hast du in Unwissenheit gethan». Ich antwortete
und sagte: «Ist denn das keine Wahrheit, was der Teufel mir gesagt hat:
Christus wird dich hinausstossen? Denn ich weiss, dass ich schlechter als
Alle bin. Wird denn Gott mir vergeben?» Es antwortete einer und sprach zu
mir: «Weisst du denn nicht, o Cyprianus, dass der Teufel ein Lügner ist und
nie eine Wahrheit gesprochen hat; wie kannst du ihm glauben? | Es ist keine 16
Arglist bei Christus; fürwahr er ist der Gott des Weltalls und der Schöpfer
der Menschen; er ist Mensch geworden um unsretwillen, er hat den Tod
für uns erduldet, bis er uns versöhnte mit sich an seinem Kreuze. Jetzt nun,
o Cyprianus, mache dir keine Sorge um das, was du gethan hast, noch be-
unruhige dich. Erhebe dich nun und gehe zu unserem Vater, dem Bischof
und er wird dich den Weg des Heils lehren». Als ich das hörte, fasste ich
mich, und ich sprach zu ihm: «O Timotheus, mein Freund! Sind denn die
Worte, die du zu mir sprachst, Wahrheit?» Er aber überzeugte mich durch
viele Stellen aus den Schriften.

14. Da erzählte ich Cyprianus meine Gottlosigkeiten vor jedermann; und eine Menge von Übelthaten habe ich in Antiochien verübt, die ich nicht sagen kann. Den Weibern habe ich den Leib aufgeschnitten und die Frucht ihrer Leiber den Dämonen geopfert .....

---

17 ...... was ihnen nützt».

19. Ich aber sprach zu ihm: «Ich werde nicht aufhören zu weinen, denn mein Herz klagt mich an; ich habe geschwiegen über alle Dinge, die ich gethan habe und sie nicht verkündigt. Die Sorge in meinem Herzen um Justina ist grösser als alle jene, denn ich habe ihr in Bösem nachgestellt; ob Christus vielleicht (sie) nicht [rächen] wird und mir verzeihen wird, um derentwillen ich auch Kinder getödtet und Zauberei mit ihrer Leber und andere schändliche Dinge getrieben habe.... Ich bitte dich nun, o mein Vater Eusebius, unterweise mich aus den heiligen Schriften, [ob du] einen Gottlosen wie mich kennst, der Busse gethan hat und dem Gott seine Sünden vergeben wollte.

20. Da fuhr Eusebius fort und sprach zu mir: «Der Apostel Christi Paulus, war, wenn auch kein Magier, so doch ein Verfolger, der seinen Knechten nachstellte; denn er hatte auch Wohlgefallen an der Ermordung des Stephanus, des ersten Märyrers und durch Briefe der Hohenpriester
18 stellte er den Verehrern Christi, | die in Damascus waren, nach und vertrieb sie aus dem ganzen Lande und der Stadt. Als er sich bekehrte, wurde er sein auserwähltes Gefäss und als solcher bekannte er und sprach: «Christus hat sich meiner erbarmt, weil ich es unwissend gethan habe.» Es steht ferner in den Thaten der Apostel geschrieben: «Eine Menge von denen, die die falschen Künste getrieben hatten, brachten ihre Bücher mit sich und verbrannten sie, die voll von Zauberei waren.» Und Christus vergab ihnen und nahm ihre Busse an. Als sie sich ferner taufen liessen, vergab er ihnen ihre Sünden und ihre Gottlosigkeit, indem sie der Strafe ledig wurden, deren sie würdig waren wegen ihrer Sünden. Es gehört sich ferner, dass ich Nebukadnezars gedenke. Jener, nachdem er Gott erkannt hatte, den er in dem Ofen gesehen hatte, aus dem die drei heiligen Jünglinge errettet wurden, denn er (der Ofen) war machtlos ihnen gegenüber, und nachdem er gottlos gelebt hatte und aus seinem Reiche verstossen worden und zum Thier geworden war unter den Menschen und nachdem er Busse gethan hatte, erhob ihn Gott, so dass er den Thron und die Macht seiner Herrschaft die er zuerst
19 besessen hatte, | ihm wieder zurückgab. Ferner Manasse, der König von Israel und viele andere Könige und eine Menge anderer, die kein Amt hatten, nachdem sie die wahre Erkenntniss Gottes erkannt, verübten sie allerlei Böses und als sie Reue empfanden und Busse thaten, vergab ihnen Gott und

von der grossen Strafe, die über sie verhängt war, wurden sie errettet und
wurden von ihr erlöst, obwohl sie andere freie Völker mit sich ins Ver-
derben gezogen, Propheten getödtet und heilige Orte geschändet hatten.
Auch ganz Israel, das bis zur Ankunft Christi viele Male gottlos gewesen
und auch viele Male Busse gethan hatte, Gott vergab ihnen in seiner grossen
Barmherzigkeit uud Güte. Bis jetzt ist die Busse von grosser Kraft in der
Kirche zur täglichen Wiedergeburt, so dass sie zu sich aufnimmt, die ganz
kraftlos geworden sind durch die Sünden und aufgehört haben (zu sündigen).
Die Kraft aber der Busse ist das Evangelium; denn dieses ist es, welches das
Manna Christi in der Gnade auf die Erde aussäet, als ob es ein Landmann sei, |
damit er sich derjenigen, die Gottlosigkeiten verüben, erbarme durch die- 20
selbe und sie nicht verdammt werden. Darum befiehlt er dem Petrus: «Ver-
gieb deinem Bruder nicht sieben mal, sondern sieben mal siebzig mal.» Wie
sollte er dir nicht vergeben, der den Menschen angiebt die Weise, wie sie
diese grosse Milde gebrauchen sollen? Damit du wissest, dass das Erbarmen
Gottes grösser ist als die Barmherzigkeit der Menschen, so bezeugt einer,
ausrufend und sprechend: «Das Erbarmen des Menschen ist nur über seinem
Nächsten; das Erbarmen Gottes aber über allem Fleische.» Was ist denn
das, wenn er nur gegen dich gütig ist? Für die Niniviten hatte er eine
Frist bestimmt, sie zu verderben, und sie waren gottloser als du; ich will
nicht sagen, dass wie du kein einziger da war, sondern sie alle zusammen
bekehrten sich und thaten Busse, und nicht brachte er über sie das Ver-
derben. Auch du, o Cyprianus, bitte den Vater in einer grossen Bitte,
und er wird dich nicht verstossen. Dem Schächer schenkte er das Paradies
in einem Augenblick wegen seines | grossen Glaubens. Und du, versinkst du 21
etwa im Meere der Schlechtigkeit? Wenn du ihn bittetst in Wahrheit wird
er dir vergeben.

21. Lies die Propheten und du wirst seine Güte erkennen. Denn er
hat gesagt an einer Stelle durch Hosea, also: «Ich werde dich verlassen wie
Adama und wie Zeboim». Und sogleich setzt er seine Rede fort und thut
uns kund seine Güte: «Mein Herz ward umgewandelt in meinem Leibe und
in demselben Augenblicke ward mein Denken erregt»; indem er damit zu-
gleich offenbarte, dass er bereit sei die Bussfertigen anzunehmen. Ferner
spricht er zu Elias dem Propheten: «Hast du gesehen, wie Achab vor meinem
Angesichte getrauert hat? Nicht werde ich das Unglück herbeiführen über
sein Haus in seinen Tagen», obgleich er durch ihn gesagt hatte: «Ich werde
den Tod über dich bringen wegen einer Sache, weil Isebel sein Weib den
Naboth, den Jesreeliter deswegen durch Arglist getödtet hatte». Er spricht
ferner durch Jeremias den Propheten: «Wendet euch zu mir, ihr Kinder,
die ihr fern seid, denn ich bin der Herr und ich werde eure Schwachheit

22 heilen.» | Wie kannst du jetzt nicht daran denken, dass du errettet werden
kannst, da dich so viele Barmherzigkeit umgiebt? Auf dass niemand zu ihm
spreche: «Ich habe kein Heil», schwört er ferner in einem Schwure: «Ich
lebe, spricht der Herr, denn ich will nicht den Tod des Sünders, (sondern)
dass er sich bekehre und übe Gerechtigkeit und wandele auf dem Wege
des Lebens». Thue nun Busse von ganzem Herzen und er wird dir sagen:
«Wenn du hundert Jahre lebst in deinen Gottlosigkeiten und an deinem
letzten Tage Busse thust, wirst du nicht sterben, spricht der Herr,
sondern du wirst des Lebens leben, spricht der Herr, vor meinem Ange-
sicht». Er ist die Wahrheit und die Quelle des Lebens und keine Lüge ist
an ihm. Wird er etwa um deinetwillen sein Wort verändern, o Cyprianus?
Welcher seinen eigenen Sohn nicht verschonte um des Menschengeschlechts
willen, dessen Güte sollte durch dich allein besiegt werden? Er wurde um
des Menschen willen gekreuzigt; wie sollte er da noch fragen, sich selbst
hinzugeben für einen Gottlosen, der an ihn glaubt. Er ruft die Gottlosen zu
sich, die ihn schmähen, dich aber, der du ihn preist, sollte er von sich
23 stossen? | Die Sünder nimmt er an, die an ihn nicht glauben, wie sollte er
da deiner, der du an ihn glaubst, sich nicht erbarmen? Er wandte sein
Antlitz nicht ab von dem Schächer, der ihm fluchte; wie sollte er sich von
dir abwenden, der du ihn anbetest, damit er dir vergebe? Wenn Gott grösser
ist, als die Engel, wahrlich, so ist er grösser als sie durch seine Güte. Wenn
Freude ist bei allen Schaaren der Engel über einen einzigen Sünder, wenn
er Busse thut, wie sollte er da auf dich nicht achten?

22. Sei getrost, o Cyprianus! Denn Christus ist nicht gekommen, zu
rufen die Gerechten, sondern die Sünder, die Busse thun. Thue nur Busse,
wie es nöthig ist. Du wirst ihn sehen mit ausgebreiteten Armen und er
wird dich annehmen mit grossem Jubel. Als er das verirrte Schaf fand,
freute er sich nicht nur darüber, sondern trug es auf seiner eigenen Schulter
wie ein geliebtes Kind, damit du dadurch erkennest, dass er sich darüber
mehr freut, als die Engel; und du sagst: «Er wird mich verachten!» Bringe
24 nur eine Frucht, die der Busse | würdig ist, und dann wirst du allein er-
kennen, dass du werden wirst wie ein Sohn und wie ein Erbe seines König-
reiches. Denn er lässt regnen über die Gerechten und die Sünder und lässt
seine Sonne aufgehen über die Guten und die Bösen; und du sagst: «Er wird
meiner vergessen!» Er thut Gutes denen, welche an ihn nicht glauben und
dich, der du über deine Sünden seufzest, sollte er nicht annehmen? Er
spricht im Jesaias: «Wenn du dich bekehrst und seufzest, wirst du errettet
werden»; und dir, wenn du Busse thust durch die Frucht der Werke, wie
sollte er dir nicht die Gnade schenken zum Genusse und ewiger Freude?»
Der heilige Apostel Paulus sagt: «Dieser will, dass alle Menschen leben
und zur Erkenntniss der Wahrheit kommen».

23. Dies sind nur wenige Worte, die ich dir aus der Fülle mitgetheilt
habe, o Cyprianus. Wenn du aber an den Ort der Lehrer kommst, wirst du
von ihnen genau hören von der Busse und wirst dich verwundern und sagen,
dass ich ein Schüler bin in der Lehre der Unterweisung und in dem hei-
ligen Glauben | . . . . . . Nicht [sind sie neidisch] gegen irgend jemand und 25
sie geben ihre Hand jedem, der es wünschst, mit Freuden; denn kein Hoch-
muth ist bei ihnen, noch umhüllt sie ein (kostbares) Gewand, damit die
Leute auf sie schauen und dasselbe ihnen eitlen Ruhm verkünde; nicht
denken sie: «wir sind Weise;» nicht sprechen sie zu denen, die sie belehren
wollen: «schiebet die Tage hinaus und geht», hoffend dadurch von ihnen
einen Lohn zu erhalten. Sie beginnen sie zu unterweisen in den grossen
Kapiteln (Hauptsachen), wegwerfend alle Gedanken [an Gewinn. Nicht füh-
ren sie wie die Sophisten den Geist (langsam) vom Geringeren (zum Höhe-
ren) hinauf, sondern] sie ermuntern dich dazu, was sich zum Fundament
der Weisheit eignet, wissend, dass es eine Nothwendigkeit ist zu befestigen
das Fundament, weil es die Stärke des Baues ist, um zu bauen und zu
vollenden die Dinge, die vorgeschrieben sind, ohne Gefahr. Du wirst an
jenem Orte sehen einen heiligen Gottesdienst, nicht von Cymbeln und an-
deren Instrumenten (umrauscht), nicht eine Stimme, [die das Ohr entnervt],
[nicht] Flöten, | die weichliche Lieder ertönen lassen; keine Pauken, welche 26
die Fröhlichkeit der Nüchternheit stören; du wirst keinen Chor sehen, der
sehr auf den Laut der Musik achtet, kein schlechtes Gesetz noch eine
Stimme ohne Seele, welche das Herz erbeben macht; weder wirst du
sehen Opfer und Mist, der ausgefegt wird, noch Holz und Feuer, das die
unvernünftigen Leiber verzehrt, noch Priester, gepanzert, als ob sie im
Kriege wären und die mit dem sprachlosen Vieh kämpfen; noch Tempel-
diener, die ihre Pläne machen, damit sie die Kraft der Stiere besiegen, bis
sie sie schlachten; weder wirst du ein zügelloses Wort in einem Munde
hören, noch ein gemeines Lachen, noch ein Auge, das auf die Menge schaut;
du wirst nicht sehen ein Mahl, das verzehrt wird in Unordnung (?), we-
der einen unziemlichen Hass, sondern du wirst sehen das Ganze in einem
ruhigen Sinn und bescheidenem Zustande. Dadurch kann man belehrt wer-
den, wenn man sieht, die Jünglinge und schaut kleine Kinder | in ihrer Ju- 27
gend, dass sie dieselbe Ordnung mit den Greisen halten, dass man meinen
möchte, dass der kleinste unter ihnen geschmückt sei mit einer Engelschaar,
die dastehen in seiner Umgebung. Du wirst sehen heilige Greise mit grauem
Haar, die auf einen einzigen Führer hören, der ein Erzbischof ist; du wirst
ferner sehen Tempeldiener.... die wie ein Kranz den heiligen Tisch umge-
ben in einer Anordnung nach einer bestimmten Reihenfolge. Und der Psal-
mensänger wird ein solches Lied singen, dessen Worte offenbar sind, sie

führend zu einer Eintracht der Seelen, reinigend ihren Mund und ihre
Ohren von den weltlichen Liedern, dass sie hören mit Andacht was sie
lesen sollen in den Schriften und den Evangelien. Wundere (?) dich nicht hin-
zuzutreten, sondern nahe dich in Freimüthigkeit. Erhebe dich und löse dein
Fasten, denn heute sind es drei Tage, dass du nicht gegessen hast. Und
lass uns derweilen mit einander gehen zur Kirche, und beten in der Abend-
28 stunde, danach in der Morgenstunde in die (Fest)versammlung | gehen. Denn
es ist Sitte (bei uns), [am ersten] Tage der Woche das Gedächtniss der
Auferstehung Christi zu feiern. Nach jenem Sonntage wollen wir in das
Haus des Bischofs gehen und thun die Sachen und reden Worte, die her-
vorgehen lassen Lobgesänge (?). Fasse Muth und sei ein starker Mann, o
Cyprianus; denn vielleicht wirst du in der Weise wie du zu Grunde ge-
richtet hast allein mehr retten, Cyprianus! Sofort stand ich auf und ergriff
sein Haupt und seine Brust drückte ich an die meinige; ich begrüsste ihn
als meinen Vater und Engel. Jener aber und sein Sohn, mein Alters-
genosse (?) — auch waren wir in derselben Schule und lernten zu zweien; —
dieselben nahmen mich in ihr Haus, während ich in der Beiden Mitte war,
ich gieng mit ihnen und sie bereiteten mir Speisen, damit ich esse. Darauf
giengen wir in die Kirche, und es war dort an jenem Orte wie der Himmel
unter seinen Sternen, durch den Chor der Engel, welche zur Ehre Gottes
sangen, und einstimmig antworteten mit einem hebräischen Worte, nämlich
Halleluja, so dass ich [glauben möchte, sie seien nicht Menschen, sondern
ein in Eins zusammengeflossenes Vernunftwesen].

[III. Martyrium des hl. Bischofs Cyprianus und der hl. Jungfrau Justina.]

29 3..... den wohlriechenden Duft unseres Opfers als einen kostbaren
Weihrauch (aufnehmest). Als aber der *Comes* das hörte, antwortete er und
sprach zu ihnen: «Ihr seid im Irrthum und ihr seid verdammt in euren
Handlungen.»

4. Es antwortete Athanasius der Beisitzer des *Comes*, der sein Freund
war und sprach zu ihm, also: Befiehl mir selbst, dass ich mich dieser Pfanne
nähere, damit du erfahrest, dass ich die Kraft Christi besiegen werde».
Der *Comes* befahl, dass gemacht werde was er gesagt hatte, zu einer Ver-
herrlichung seiner Götter. Er aber trat an die siedende Pfanne und rief,
indem er sprach: «Grosser Gott Herakles, der Vater aller Götter, der
Sieg und Leben jedermann schenkt. Asklepios, der die Gesundheit schenkt
den Menschen, offenbare deine Kraft an dieser Pfanne!» Und als er sich der
30 Pfanne näherte, bemächtigte | sich seiner die Gluth der Pfanne. Und sofort

wurden alle seine Eingeweide ausgeschüttet. Die Flamme bemächtigte sich seiner und er starb sofort. Der selige Cyprianus aber und Justina die Jungfrau, während sie innerhalb der Pfanne waren, spotteten über ihn. Als aber der *Comes* das sah, sprach er zu ihnen: «Vielleicht ist doch die Kraft Christi unüberwindlich. Siehe, auch mein Priester ist verbrannt und gestorben. Und der *Comes* rief den Hrentius und sprach zu ihm: «Was ist nun mit diesem schlechten Bösewichte?» Es antwortete Hrentius: «Thue nichts Böses diesem gerechten Manne und dieser Jungfrau, denn der Gott der Christen ist ein mächtiger Gott, doch wenn du sie zum Könige schickst, wird er ihre Angelegenheit kennen lernen.

5. Der *Comes* aber schrieb über sie einen Bericht dieses Inhalts: «Claudius, der Caesar, schreibt dem grossen König, dem Herrn der ganzen
Welt Diokletianus. Seid gegrüsst! Nach | dem Befehle deiner Königs- 31
macht habe ich Cyprianus den Magier unter den Christen und eine Jungfrau, nämlich Justina, in den Gegenden des Orients gefunden, und du kannst ihre Angelegenheit erfahren». Als aber der König ihre Acten las, verwunderte er sich über die Ausdauer und die Foltern, welche erduldet hatten die heiligen Cyprianus und Justina. Und er berieth sich mit seinen Freunden und sprach: «Es ist für uns von Nutzen, dass wir ihr Urtheil fällen, denn sie haben meinem Befehle nicht gehorcht». Es antwortete der König und sprach: «Cyprianus der Lehrer der Christen und Justina die Jungfrau, da sie nicht gehorcht haben meinem Befehle, befehle ich, dass man sie mit dem Schwerte enthaupte». Den heiligen Cyprianus aber und Justina die Jungfrau brachte man nach der Stadt Nicomedia am Flusse Gallos. Und sie baten die Solda-
ten, welche vor ihnen herzogen, um eine kleine Gnade, | ihnen zu gestatten 32
zu beten. Und also bezeichnete sich der selige Cyprianus mit dem Zeichen Christi. Er ergriff die Hand der Jungfrau und stellte sie zu seiner Rechten hin und bat die Soldaten, sie zuerst zu enthaupten. Und als sie vollendet hatte, antwortete der selige Cyprianus und sprach: «Ich preise dich, mein Herr Jesus Christus, denn du hast mich und die Jungfrau Justina bis zu dieser Stunde geführt». Und so enthaupteten sie den seligen Cyprianus. Ein Mann aber mit Namen Theoktistus, ein Freund des seligen Cyprianus, grüsste ihn, als man ihn enthaupten wollte. Phurbinus, der Beisitzer des Königs, beobachtete diesen, welchen der König geschickt hatte um ihn (den Cyprianus) zu enthaupten. Als er ferner den Theoktistus weinen sah, befahl er die Heiligen zu enthaupten. Und als die Märtyrer vollendet hatten ihr Martyrium, befahl er sie [den Hunden zum Frass] vorzuwerfen....

Erläuterungen.

1. a. 20. hinter ⲇⲓⲁⲧⲱⲭⲏ ist sicher ⲛ̄ⲛⲉⲟⲩⲟⲉⲓϣ oder etwas Ähnliches ausgefallen, wie der griechische Text zeigt: ὡρῶν διαδοχάς; statt ⲛ̄ⲛⲉⲕⲁⲣⲡⲟⲥ wird wohl ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲕⲁⲣⲡⲟⲥ zu lesen sein.

1. a. 23. ϩⲛ̄ϩ̄ⲣⲟⲟⲩ ⲉⲩϣⲉⲃⲓⲏⲩ ist in ϩⲛ̄ϩⲟⲟⲩ ⲉⲩϣⲉⲃⲓⲏⲩ zu verbessern auf Grund des griechischen ἡμερῶν διαφορότητα.

1. a. 28. ⲁⲛⲇⲓ̀ⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ, ⲡ. ἀντικείμενος.] Hier aufzufassen wie 2 Thess. 2. 4. «der Widersacher», vom Teufel gesagt: ⲡⲁⲛⲧⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ ⲉⲧϫⲓⲥⲉ ⲙⲙⲟϥ ⲉϫⲛ ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ ⲉⲧⲟⲩⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲣⲟϥ ϫⲉ ⲛⲟⲩⲧⲉ, ὁ ἀντικείμενος καὶ ὑπεραιρόμενος ἐπὶ πάντα λεγόμενον Θεόν. Ebenso: Pap. Berolin. 8327, l. 24/25. ⲙⲡⲁⲧⲉ ⲟⲩⲛⲟⲩ ϣⲱⲡⲉ ⲛⲧⲉ ⲕⲉⲟⲩⲉⲓ̈ ⲉⲓ̈ ⲛⲧⲁⲃⲟⲗ ⲉⲃⲟⲗ ⲛⲉⲙⲏⲣⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛⲡⲁⲛⲧⲓ̈ⲕⲓ̈ⲙⲉⲛ sic [1]) «bevor eine Stunde vergangen und die zweite gekommen ist, löse ich alle Fesseln des Widersachers».

Triadon 339 (89):

ⲧ̄ⲗ̄ⲑ̄ Ⲭⲟⲟⲥ ⲧⲉⲛⲟⲩ ⲱ ⲧⲁϣⲉⲉⲣⲉ
ϫⲉ ⲁ ⲡϭ̄ⲥ̄ ⲧⲁϣⲉⲉⲓⲣⲉ
ⲙⲛ ⲛⲁⲓ ⲁⲩⲱ ⲁϥϫⲉⲉⲣⲉ
ⲛ̄ⲥⲱⲟⲩ ⲛⲕⲟⲧⲥ ⲙⲡⲁⲛⲇⲓⲕⲉⲙⲉⲛⲟⲛ [2]).

«Sprich jetzt, o meine Tochter:
Der Herr hat Grosses
An diesen gethan und hat
zerstreut die Schliche des Widersachers».

---

1) Aegypt. Urkunden aus den Königl. Museen zu Berlin. Kopt. u. arab. Urkunden. (Im Folgenden citiert U. B. M.) № 6. Aegypt. Zeitschr. XXXIII (1895), pag. 44. Hierzu vergl. noch: Manuscrits coptes du Musée d'antiquités des Pays-Bas à Leide, publiés par W. Pleyte et P. A. A. Boeser. Leide, 1897. (Im Folg. citiert «Leyden») pag. 459 l. 2 ff. ϯⲧⲁⲣⲕⲟ ⲙ̄ⲙⲱⲧⲛ ⲙ̄ⲡⲉϥⲛⲟϭ ⲛ̄ⲣⲁⲛ .... ϫⲉⲕⲁⲥ ⲉⲧⲉⲧⲛ̄ⲁⲕⲁⲧⲁⲗⲏ ⲛ̄ⲧϭⲟⲙ ⲧⲏⲣ̄ⲥ̄ ⲙ̄ⲡⲇⲓ̈ⲁⲃⲟⲗⲟⲥ· ⲛ̄ⲧⲉⲧⲛ̄ⲃⲱⲗ ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲙ̄ⲣ̄ⲣⲉ ⲛⲓⲙ ..... ⲙⲁⲣⲉ ⲡⲁⲁⲓ̈ⲧⲏⲙⲁ ϫⲱⲕ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲩⲛⲁⲱϣ ⲙ̄ⲡⲁⲉⲝⲟⲣⲕⲓ̈ⲥⲙⲟⲥ ⲉⲙⲡⲁⲧⲉ ⲟⲩⲛⲟⲩ ϣⲱⲡⲉ ⲁⲓ̈ⲧⲓ̄ ⲙ̄ⲛ̄ⲛ̄ⲥⲱⲥ ⲧⲁⲛⲱⲣⲉⲕ ⲛⲉⲛⲛⲟⲩⲛⲉ ⲙ̄ⲡⲥⲁⲧⲁⲛⲁⲥ : ⲙⲛ ⲙ̄ⲙ̄ⲣ̄ⲣⲉ ⲙ̄ⲡⲇⲓ̈ⲁⲃⲟⲗⲟⲥ· «Ich beschwöre euch in seinem grossen Namen,......damit ihr auflöset die ganze Kraft des Teufels und löset alle Fesseln ......Möge mein Wunsch in Erfüllung gehen, wenn sie meine Beschwörung lesen, bevor eine Stunde vergangen ist; danach bitte und ich löse die Wurzeln des Satans und alle Fesseln des Teufels».

2) Vergl. Ephes. 6, 11. ⲛⲕⲟⲧⲥ ⲙⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ «die Schliche des Teufels».

L. l. 427 (173).

ⲩ̄ⲕ̄ⲍ̄ Ⲡⲁⲥⲟⲛ ⲁⲙⲟⲩ ⲛⲅϫⲓ ⲛⲧⲟⲟⲧ ⲙⲡⲉⲓⲧⲟⲙⲟⲥ
ⲛⲅⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲧⲁⲥⲱⲛⲉ ⲁⲩⲱ ⲛⲅⲧⲁⲙⲟⲥ
ⲉⲧⲃⲉ ⲧⲉⲡⲉⲓⲑⲩⲙⲓⲁ ⲙⲡⲛⲟⲃⲉ ⲉⲧⲙ̄ⲁ̄ⲁⲥ
ⲧⲁⲣⲉⲥⲛⲟⲩϩⲙ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ ⲧϭⲓϫ ⲙⲡⲁⲛⲧⲓ̈ⲕⲓ̈ⲙⲉⲛⲟⲛ.

«Mein Bruder, komm und nimm von mir dies Buch
Und rufe meine Schwester und sage ihr
Von der Lust der Sünde, sie nicht zu begehen,
Damit sie errettet werde aus der Hand des Widersachers».

Leyden 120. ϩⲙ ⲡⲧⲣⲉⲩⲉⲓ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲣⲟї ⲡⲉϫⲁϥ ⲛϭⲓ ⲛⲉⲓⲙⲟⲕⲙⲉⲕ ⲉⲑⲟⲟⲩ· ⲁⲩⲱ ⲛⲧⲟⲩϯⲟⲩⲃⲏⲓ ⲛϭⲓ ⲛⲇⲩⲛⲁⲙⲓⲥ ⲛⲧⲉ ⲡⲁⲛⲇⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ ⲛⲉⲓⲛⲁⲧⲁⲕⲟ ⲡⲉ·ⲉⲃⲏ̄ⲗ ϫⲉ ⲁ ⲡⲉⲕⲛⲟⲙⲟⲥ ϣⲱⲡⲉ ⲛⲁⲓ ⲛⲧⲁϫⲣⲟ «Als in mich eindrangen, spricht er, die bösen Gedanken und mit mir stritten die Kräfte des Widersachers, wäre ich zu Grunde gegangen, wenn nicht dein Gesetz mir eine Stütze gewesen wäre».

L. l. 343. ⲁϥⲧⲱⲕ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲁϥϩⲩⲡⲟⲙⲓ̈ⲛⲉ· ϣⲁⲛⲧⲉ ⲡⲁⲛⲇⲓ̈ⲕⲓ̈ⲙⲉⲛⲟⲥ ϭⲱⲧⲡ ⲙ̄ⲛ ⲛⲉϥⲥⲕⲉⲟⲥ ⲛⲟⲣⲅⲏ[3]) ⲛ̀ⲥⲉⲱ̀ϫⲉⲛ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̀ϭⲓ ⲛⲥⲟⲧⲉ. «Er harrte aus, bis der Widersacher überwunden war und seine Gefässe des Zorns und Pfeile verlöschten»[4]).

L. l. 401. Ⲡⲙⲟⲟⲩ ⲧⲃ̀ⲃⲉ ⲧⲉⲯⲩⲭⲏ ⲙⲛ̄ ⲡⲥⲱⲙⲁ ⲛ̄ⲧⲉ ⲧⲉⲥⲫⲣⲁⲅⲓⲥ ϩⲱⲱⲥ ⲙ̄ⲡⲃⲁⲡⲧⲓⲥⲙⲁ· ⲛⲟⲩϫ ⲛ̄ⲥⲁⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲙⲟⲛ ⲛ̄ⲛⲉⲛⲉⲓ̈ⲃⲟⲩⲗⲏ ⲛⲓⲙ ⲛ̄ⲧⲉ ⲡⲁⲛⲧⲓ̄ⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ «Das Wasser reinigt die Seele und den Leib, das Siegel aber der Taufe vertreibt von uns alle Anschläge des Widersachers».

L. l. 468. (Abgar) ⲛ̄ⲛⲉ) ⲗⲁⲁⲩ ⲛ̄ⲇⲩⲛⲁⲙⲓⲥ ⲛ̄ⲧⲉ ⲡⲁⲛⲧⲓⲇⲓⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ ⲟⲩⲇⲉ ⲗⲁⲁⲩ ⲙ̄ⲡⲛ̄ⲁ̄ ⲛⲁⲕⲁⲑⲁⲣⲑⲟⲛ· ⲉϣϭⲙϭⲟⲙ ⲉϩⲱⲛ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲟⲩⲇⲉ ⲉϫⲱϩ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲛⲧⲟⲡⲟⲥ′ⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ «es soll keine Kraft des Widersachers, noch irgend ein unreiner Geist sich nähern jenem Orte oder denselben berühren können».

Révélations de St. Barthélemy[5]): ⲙⲁ ⲛⲓⲙ ⲛⲧⲁⲕⲧⲁϫⲣⲟ ⲙⲡ̄ⲗⲟⲅⲟⲥ ⲙⲡⲁϣⲏⲣⲉ ⲛϩⲏⲧϥ, ⲛⲛⲉ ⲗⲁⲁⲩ ⲛⲇⲩⲛⲁⲙⲓⲥ ⲛⲧⲉ ⲡⲁⲛϯⲕⲓⲙⲉⲛⲟⲥ

3) Rom. 9, 22.

4) ⲥⲟⲧⲉ kann auch Flamme bedeuten, vergl. jedoch Eph. 6, 16. ⲉⲉϣⲙ ⲥⲟⲧⲉ ⲛⲓⲙ ⲙⲡⲡⲟⲛⲏⲣⲟⲥ ⲉⲧϫⲉⲣⲟ, δυνήσεσθε πάντα τὰ βέλη τοῦ πονηροῦ τὰ πεπυρωμένα σβέσαι. Mission archéolog. au Caire IV, 789 steht ⲉⲩⲱϣⲙ ⲥⲟⲧⲉ ⲛⲓⲙ ⲉⲧϫⲣⲟ[sic] ⲛⲧⲉ ⲡⲡⲟⲛⲏⲣⲟⲥ, was Amélineau übersetzt «ayant éteint tout feu victorieux du méchant»; ⲉⲧϫⲣⲟ ist doch sicher in ⲉⲧϫⲉⲣⲟ zu verbessern und dann zu übersetzen «auslöschend alle feurigen Pfeile des Bösen»

5) Dulaurier, Fragment des révélations apocryphes de Saint Barthélemy. Paris, 1835. pag. 41.

ⲉϣϩⲱⲛ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲣⲟϥ. «Und einem jeden Orte, in welchem du das Wort meines Sohnes befestigt hast, soll sich keine Kraft des Widersachers nähern können».

Vita des Samuel von Kalamon[6]). ⲁⲩϫⲣⲟ ⲉⲧϭⲟⲙ ⲧⲏⲣⲥ ⲙⲡⲁⲛⲧⲓⲕⲉⲙⲉⲛⲟⲥ «Sie haben besiegt die ganze Kraft des Widersachers».

2. a. 6. ⲛ̄ⲧⲁⲡⲣⲟ ϩⲓ ⲧⲁⲡⲣⲟ «von Mund zu Mund»]. Vergl. 2. Joh. 12. ⲁⲗⲗⲁ ϯϩⲉⲗⲡⲓⲍⲉ ⲉⲉⲓ ϣⲁⲣⲱⲧⲛ̄· ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲧⲁϣⲁϫⲉ ⲛⲙ̄ⲙⲏⲧⲛ̄ ⲛ̄ⲧⲁⲡⲣⲟ ϩⲓ ⲧⲁⲡⲣⲟ; 3. Joh. 14. ϯϩⲉⲗⲡⲓⲍⲉ ⲉⲉⲓ ϣⲁⲣⲟⲕ ϩⲛ̄ ⲟⲩϭⲉⲡⲏ ⲛ̄ⲧⲉϣⲁϫⲉ ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲛⲉⲣⲏⲩ ⲛ̄ⲧⲁⲡⲣⲟ ϩⲓ ⲧⲁⲡⲣⲟ· Im Boheir. lautet die Form ⲛ̀ⲣⲱ ⲟⲩⲃⲉ ⲣⲱ Num. 12, 8. ϯⲛⲁⲥⲁϫⲓ ⲛⲉⲙⲁϥ ⲛ̀ⲣⲱ ⲟⲩⲃⲉ ⲣⲱ. Es entspricht genau dem griech. στόμα πρὸς στόμα. Vergl. unten *11. a. 4.* das analog gebildete ⲛ̄ϩⲟ ϩⲓ ϩⲟ·

2. a. 29. ⲧⲁⲣⲧⲁⲣⲟⲩⲭⲟⲥ, ταρταροῦχος] Hier vielleicht Fehler für ⲧⲁⲣⲧⲁⲣⲟⲥ, oder steht hier absichtlich ⲧⲁⲣⲧⲁⲣⲟⲩⲭⲟⲥ d. h. der Tartarus als Person gedacht? Vergl. U. B. M. № 3, P. 8314, l. 15 ff. ⲧⲛⲛⲁⲃⲱⲕ ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ ⲁⲙⲛ̄ⲧⲉ ⲧⲁⲉⲓⲛⲉϩⲣⲁⲓ ⲉⲡⲧⲁⲣⲧⲁⲣⲟⲩⲭⲟⲥ ⲧⲁϫⲟⲟⲥ ϫⲛ̄ⲧⲕ ⲟⲩⲛⲟⲩⲧⲉ ϩⲱ· Ägypt. Zeitschr. XXXIII, 1895, pag. 46 «ich steige hinab in die Unterwelt und bringe den Tartarusherrscher hinauf und sage: «du bist auch ein Gott». Zoëga 334. ⲁ ⲡⲥⲟⲛ ϭⲱϣⲧ ⲁϥⲛⲁⲩ ⲉⲡⲧⲁⲣⲧⲁⲣⲟⲩⲭⲟⲥ ⲛⲁⲙⲛⲧⲉ ⲉⲁϥⲉⲓ ⲉⲣⲉ ⲟⲩϣⲗⲓϭ ⲛⲕⲱϩⲧ ⲛⲧⲟⲟⲧϥ ⲛϣⲟⲙⲛⲧ ⲛⲧⲁⲡ «der Bruder blickte auf und sah den Tartarusherrscher des Amentes, wie er kam mit einem feurigen dreizackigen Speer in seiner Hand».

2. a. 30. ⲡⲁⲣⲇⲱⲥ]. Man kann hier nur an παράδεισος denken, obgleich nach dem griechischen Texte man leicht in Versuchung kommt, ⲡⲁⲣⲇⲱⲥ in ⲡⲁⲣⲅⲱⲥ d. i. Ἄργος zu verbessern (Ἦλθον καὶ ἐν Ἄργει ἐν τῇ τῆς Ἥρας τελετῇ), wozu auch das folgende «ich feierte das Fest der Hera» passen würde, da ⲡⲏⲣⲁ zweifellos in ⲧⲏⲣⲁ zu verbessern ist[7]). Wir müssen jedoch hier annehmen, dass vor ⲁⲓⲉⲓⲣⲉ ⲙ̄ⲡϣⲁ ⲙⲡⲏⲣⲁ etwas ausgefallen ist.

2. b. 20. ⲟⲩⲛⲟϭ ⲙ̄ⲡⲟⲗⲓⲥ ϫⲉ ⲑⲉⲗⲗⲁⲥ· ⲗⲁⲕⲉⲇⲁⲓⲙⲱⲛ «eine grosse Stadt, nämlich Hellas, Lacedämon»]. Nach dem griech. Texte kann das unmöglich da gestanden haben und wir müssen hier für ⲑⲉⲗⲗⲁⲥ ⲑⲏⲗⲓⲥ d. i. Ἦλις mit dem weiblichen Artikel ⲧ lesen. Vor ⲗⲁⲕⲉⲇⲁⲓ̈ⲙⲱⲛ muss ϩⲛ̄ ausgefallen sein (ἐν Λακεδαίμονι). Statt ⲟⲩⲛⲟϭ ⲙ̄ⲡⲟⲗⲓⲥ ϫⲉ ⲑⲉⲗⲗⲁⲥ · ⲗⲁⲕⲉ-

---

6) Mémoires Mission archéolog. au Caire IV, 789.

7) Der Schreiber unserer Handschrift muss eine besondere Vorliebe für den männlichen Artikel gehabt haben, da er denselben schonungslos auch vor Feminina setzt. Vergl. neben ⲡⲏⲣⲁ für ⲧⲏⲣⲁ d. i. Ἥρα mit dem Artikel weiter unten ⲡⲟⲩⲗⲏⲛⲏ für ⲧⲥⲩⲗⲏⲛⲏ Σελήνη.

ⲆⲁⲓⲘⲱⲚ wird also zu lesen sein: ⲟⲩⲛⲟϭ ⲙ̄ⲡⲟⲗⲓⲥ ϫⲉ ⲑⲏⲗⲓⲥ · ϩⲛ̄ ⲗⲁⲕⲉⲇⲁⲓⲙⲱⲛ «eine grosse Stadt, nämlich Elis; in Lacedämon» etc.

2. b. 27. ⲛⲟⲩⲗⲏⲛⲏ zu verbessern in ⲧⲉⲩⲗⲏⲛⲏ Σελήνη.

3. a. 1. 2. ϭⲓⲙϩⲟⲩⲧ, ⲧ «die Pleiaden, das Siebengestirn»]. Die vorliegende Lesart ist etwas auffällig; vielleicht liegt hier ein Schreibfehler und Verwechselung mit ϭⲏⲛϩⲱⲟⲩ «imber» (Sir. 43, 18) vor, ist aber ϭⲓⲙϩⲟⲩⲧ = hebr. כִּימָה, womit Lepsius[8]) und Bsciai[9]) ϭⲓⲙⲙⲟⲩⲧ zusammenstellen, dann ist freilich das ϩ am Platze. Dass wir es hier mit einem Sternnamen zu thun haben, lehrt der Zusammenhang. ϭⲓⲙϩⲟⲩⲧ ist dasselbe was ϭⲏⲙⲟⲩⲧ oder ϭⲓⲙⲙⲟⲩⲧ, boh. stets ϭⲓⲙⲟⲩⲧ. Vergl. Hiob 38, 31. ⲁⲕⲉⲓⲙⲉ ϫⲉ ⲉ̄ⲧⲙⲣ̄ⲣⲉ ⲛ̄ⲧϭⲓⲙⲙⲟⲩⲧ· ⲁⲩⲱ ⲁⲕⲟⲩⲱⲛ' ⲙⲡⲉⲕⲧⲟ' ⲙ̄ⲡⲥⲟⲩⲛϩⲱⲣ'. «Hast du gekannt das Band der Pleiaden und hast du gelöst die Fesseln des Hundssterns?» und ib. 9, 9 ⲡⲉⲛⲧⲁϥⲧⲁⲙⲓⲉ ⲧϭⲏⲙⲟⲩⲧ ⲙⲛ ⲡⲥⲓⲟⲩ ⲛⲣⲟⲩϩⲉ ⲙⲛ ⲡϣⲱⲛϣ ⲙⲛ ⲛⲧⲁⲙⲓⲟⲛ ⲙⲡⲣⲏⲥ «der die Pleiaden gemacht hat und den Abendstern und den Schenkel[10]) und die Kammern des Südens». An beiden Stellen dient ϭⲓⲙⲙⲟⲩⲧ resp. ϭⲏⲙⲟⲩⲧ zur Wiedergabe von Πλείας. Sonst ist mir ϭⲏⲙⲟⲩⲧ noch an folgenden Stellen begegnet. Pap. Berol. 8322. ⲧⲓ̈ⲛⲁⲥⲱϣ[ⲧ ⲙ̄ⲡⲣⲏ] ϩⲓ̈ ⲡⲓ̈ⲛϥⲧ ⲡⲟⲟϩ ϩⲓ̈ ⲡⲉⲙⲛⲧ ⲧϭⲓ̈ⲛⲙⲟⲧ[sic] [ϩⲓ̈ ⲧ]ⲙⲏⲧⲉ ⲛⲧⲡⲉ[11]) «ich werde die Sonne im Osten aufhalten und den Mond im Westen und die Pleiaden in der Mitte des Himmels». Pap. Berol. 5565. ⲧⲕⲛ̄ⲙⲟⲩⲧ ⲛ̄ⲧⲙⲏⲧⲉ ⲛ̄ⲧⲡⲉ «die Pleiaden in der Mitte des Himmels»[12]). Hierher zu ziehen ist auch Pap. Berol. 8314. ⲧⲛⲁⲥⲱϣⲧ ⲉⲡⲣⲏ ϩⲛ̄ ⲛⲉϥϩⲁⲣⲙⲁ ⲡⲟⲟϩ ϩⲛ̄ ⲛⲉϥⲧⲣⲱⲙⲟⲥ ⲡⲉⲕⲗⲱⲙ ⲉⲓⲟⲟⲩ ⲉⲧϩⲓϫⲛ̄ ⲧⲁⲡⲉ[13]) «ich werde die Sonne auf ihrem Wagen aufhalten, den Mond in seinem Laufe und den Sternkranz, der auf dem Haupte ist»[14]). Was ist nun aber dieser Sternkranz? Ich glaube nicht zu irren, wenn ich in letzterem auch eine Bezeichnung für die

---

8) Chronologie pag. 143.

9) Recueil de travaux etc. VII (1886), pag. 29.

10) Der Schenkel ist eine Bezeichnung für den grossen Bären oder die Bärin. Vergl. Lepsius, l. l. pag. 143. — Ebers, die Körpertheile, ihre Bedeutung und Namen im Altägyptischen, pag. (159) 81. (Abhandl. der k. bayr. Akad. d. Wiss. I Cl. 21 Bd., Abth. I. 1897).

11) U. B. M. I. № 7, l. 14. 15.

12) U. B. M. № 22, l. 8, und Aegypt. Zeitschr. XXXIII, 1895, pag. 51. Der in diesem Zauberstücke vorkommende Name ⲁⲃ̄ⲧⲓⲙⲉⲗⲗⲉⲭ ist nicht Abimelech, wie Erman meint, sondern Abdimelech. Letzterer findet sich Jer. 45, 7. (38, 7). 46, 16. (39, 16) in der Form ⲁⲃϫⲉⲙⲉⲗⲉⲭ, Ἀβδεμέλεχ, hebr. עֶבֶד מֶלֶךְ, wozu Ges. Wörterb. s. v. arab. عَبْدُ الْمَلِك vergleicht.

13) Vielleicht ist statt ⲧⲁⲡⲉ — ⲧⲡⲉ zu lesen und dann zu übersetzen «der am Himmel ist».

14) U. B. M. № 3, l. 26—29.

Pleiaden sehe. Dazu würde auch passen, dass die orientalischen Dichter die Pleiaden häufig mit einem Halsband oder Juwelen-Bouquet vergleichen[15]).

Auch das «Triadon»[16]) erwähnt die Pleiaden:

ⲩ̄ⲛ̄ⲃ̄ Ⲡⲁⲓ ⲡⲉ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲉⲧⲉ ⲟⲩⲛϭⲟⲙ ⲙⲙⲟϥ ⲉⲧⲁⲛϩⲟ ⲁⲩⲱ ⲉⲙⲟⲩⲧ
ⲁⲩⲱ ⲛⲧⲟϥ ⲟⲛ ⲡⲉⲛⲧⲁϥⲧⲁⲙⲉⲓⲟ ⲛⲧϭⲓⲛⲙⲟⲩⲧ
ⲉϣϣⲉ ⲉⲣⲟⲛ ⲉⲕⲉⲗϫ ⲛⲉⲛⲁⲡⲉ ⲙⲛ ⲛⲉⲛⲙⲟⲩⲧ
ⲉⲛⲟⲩⲱϣⲧ ⲛⲁϥ ϩⲛ ⲟⲩⲙⲉ ⲙⲛ ⲟⲩⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲛϩⲁⲅⲓⲟⲛ·

452. «Dieser ist der Gott, der lebendig machen und tödten kann[17])
(198) Und er ist's auch, der gemacht hat die Pleiaden[18]).
Es geziemt uns zu beugen unseren Kopf und unseren Hals
Und ihn anzubeten in Wahrheit und im heiligen Geiste»[19]).

Schliesslich möchte ich hier noch eine Stelle aus dem Pap. Berolin. 8313 zum Vergleiche heranziehen: ⲡⲉⲧϣⲁϥⲃⲓ ⲡⲣⲉ ⲉⲡⲉⲙⲛ̅ⲧ ⲛⲃⲓ ⲡⲟⲟϩ ⲉⲉⲓⲏⲃⲧ ⲛⲃⲃⲓ ⲡⲥⲟⲟⲩ ⲛⲥⲓⲟⲩ ⲛϩⲓⲗⲁⲥⲧⲏⲣⲓⲟⲛ «der die Sonne zum Westen trägt und den Mond zum Osten trägt und die sechs Sterne der Versöhnung (?) trägt, die unter der Sonne stehn»[20]). In diesen 6 Sternen möchte ich auch die Pleiaden erkennen. Vergl. dazu, was Ideler[21]) sagt: «Aratus[22]) sagt v. 257, man nenne die Pleiaden ἑπτάφοροι, die in sieben Bahnen wandelnden, ... ob man gleich nur sechs Sterne sehe. In gleichem Sinn äussert sich Ovid:

Pleiades
Quae septem dici, sex tamen esse solent.
Fast. IV, 170.

Hipparch behauptet dagegen (in Arati Phaen. I, 14), man bemerke in einer heitern, mondleeren Nacht wirklich sieben Sterne. Die Verschiedenheit dieser Angaben erklärt sich leicht. Die Gruppe besteht aus einem Stern dritter Grösse, aus dreyen fünfter, zweyen sechster, und vielen kleinern. Es ist also ein sehr scharfes Auge erforderlich, um in derselben mehr als sechs Sterne

15) Delitzsch, Das Buch Hiob. 2. Aufl. Lpg. 1876, pag. 127, 500 flg. (Bibl. Commentar über die poët. Bücher des A. T. Band II). — Ideler, Untersuchungen über den Ursprung und die Bedeutung der Sternnamen. Berlin 1809, pag. 137, 143 flgde.

16) Cod. Borg. CCCXII (jetzt I B. 19 der Biblioteca Nazionale zu Neapel), cf. Zoëga, Catalogus pagg. 642—659, und Stern, Artikel «Kopt. Sprache u. Literatur» in Ersch u. Gruber, II. Section, Bd. 39, pag. 36.

17) Deut. 32, 39.

18) Hiob 9, 9.

19) Joh. 4, 24. ⲟⲩⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲡⲉ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲁⲩⲱ ⲡⲉⲧⲛⲁⲟⲩⲱϣⲧ̄ ⲛⲁϥ· ⲉϣϣⲉ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲉⲧⲣⲉⲩⲟⲩⲱϣⲧ̄ ⲛⲁϥ ϩⲛ ⲟⲩⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲙⲉ·

20) U. B. M. № 1,². Verso 3—5. Aegypt. Zeitschr. XXXV, 1895, pag. 49, 50.

21) L. l. pag. 144 ff.

22) In seinem astronomischen Gedichte Φαινόμενα um 270 v. Chr. Geb.

deutlich zu unterscheiden. Da man nun im Alterthum gewöhnlich nicht mehr wahrzunehmen glaubte, und doch, wie bey uns, von einem Siebengestirn — einer Πλειὰς ἑπτάστερος, wie Eratosthenes c. 14 sagt — die Rede war, so entstand der Wahn, gegen den sich schon Aratus a. a. O. erklärt, dass sich ein Stern der Gruppe verloren habe. Einige meinten (s. die Scholien zu diesem Dichter), dass derselbe vom Blitz getroffen sey; andere, dass er sich zum mittlern im Schwanz des grossen Bären geschlichen habe, wesshalb sie dessen kleinen Begleiter, unsern Reuter, den Fuchs — Ἀλώπηξ nannten; noch andere gaben der Sache einen mystischen Anstrich, wie man aus der citirten Stelle des Ovid ersehn kann». — Suidas s. v. Πλειάς nennt sie τὸ ἑξάστερον. Bei Kircher 51 u. 562 findet sich ⲉⳅⲁⲥⲧⲣⲁⲛ.

3. a. 3. ⲛ̄ⲧⲏⲛⲣ] wie der Zusammenhang lehrt, muss dies Wort auch der Name eines Sterns oder vielmehr einer Sterngruppe sein, da es im Plural steht. Möglich ist, dass ⲧⲏⲛⲣ fehlerhaft für ⲁⲥⲧⲏⲣ (ἀστήρ) steht, das neben ⲥⲓⲟⲩ gebraucht wird und vielleicht eine besondere Sterngruppe bezeichnet. Man vergl. Cod. Borgian. CXCIV[23]) ⲛⲧⲉⲓϩⲉ ⲟⲛ ⲡⲟⲟϩ ⲁⲩⲱ ⲡⲥⲟⲩⲛⲧⲟⲟⲩⲉ ⲙⲛ ⲡⲭⲟⲣⲟⲥ ⲧⲏⲣϥ ⲛⲛⲥⲓⲟⲩ, ⲙⲁⲗⲓⲥⲧⲁ ⲛⲁⲥⲧⲏⲣ ⲉⲧⲡⲉⲓⲣⲉ ⲛⲟⲩⲟⲉⲓϣ ⲛⲓⲙ, ⲉⲧⲉⲣⲉ ⲛⲉⲧⲥϭⲏⲣ ϩⲛ ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ ϭⲱϣⲧ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲉⲩⲥⲟⲟⲩⲧⲛ ⲙⲡⲉⲩⲥϭⲏⲣ, ⲁⲩⲱ ϫⲉⲛⲉ ⲡⲉⲩⲇⲣⲟⲙⲟⲥ ⲥⲟⲩⲧⲱⲛ ϫⲛⲙⲙⲟⲛ. «Desgleichen auch der Mond und der Morgenstern und die ganze Schaar der Sterne (ⲥⲓⲟⲩ), besonders die Sterne (ⲁⲥⲧⲏⲣ, ἀστήρ), die zu allen Zeiten glänzen (leuchten), auf welche die auf dem Meere fahren sehn und ihre Fahrt (nach ihnen) richten und (sehn), ob ihr Curs richtig sei oder nicht». Zoëga vergleicht dazu Il. 18, 489 οἴη δ' ἄμμορός ἐστι λοετρῶν Ὠκεανοῖο, was dort von der Bärin gesagt wird. Wir hätten also in den ⲁⲥⲧⲏⲣ ⲉⲧⲡⲉⲓⲣⲉ ⲛⲟⲩⲟⲉⲓϣ ⲛⲓⲙ etc. eine andere Bezeichnung für den sonst ϣⲱⲛϣ genannten Stern (s. oben). Auch Preller, Griech. Mythologie I, 3. Aufl., pag. 385, sagt: «Die ganze Gruppe war für die Schiffahrt sehr wichtig».

Nach anderer Auffassung kann übrigens das von den ⲁⲥⲧⲏⲣ Gesagte auch auf die Pleiaden bezogen werden. Vergl. Ideler, l. l. pag. 144: «Woher die Benennung Plejaden komme, erklären die alten Grammatiker verschieden und zum Theile sehr gezwungen. Unter mehreren Etymologien, die der Scholiast des Aratus zu v. 254 aufstellt, verdient nur Eine Rücksicht, die Ableitung ἀπὸ τοῦ πλεῖν, vom Schiffen; denn da die Schifffahrt in der Regel mit dem heliakischen Aufgange der Plejaden in der ersten Hälfte des May anfing, und sich mit ihrem kosmischen Untergange in den ersten des November endigte, so konnten sie füglich das Schiffahrts-Gestirn heissen»[24]).

23) Zoëga 465.

24) Salemann erinnert bei ⲧⲏⲛⲣ an das pers. تیر « Mercur».

3. a. 4. ⲧⲉⲥ̅ⲧⲣⲁⲧⲓ̅ⲁ ⲧⲏⲣⲥ̅ ⲙ̅ⲡⲟⲩⲣⲁⲛⲟⲥ «das ganze Heer des Himmels»]. Vergl. Act. 7, 42. ⲧⲉⲥⲧⲣⲁⲧⲓⲁ ⲛ̅ⲧⲡⲉ, στρατία τοῦ οὐρανοῦ; Jer. 7, 18. ϯⲥⲧⲣⲁⲧⲓⲁ ⲛ̀ⲧⲉ ⲧⲫⲉ; Turiner Fragment: ⲡⲟⲟϩ ⲙⲛ ⲛⲥⲓⲟⲩ ⲙⲛ ⲧⲉⲥⲧⲣⲁⲧⲉⲓⲁ ⲧⲏⲣⲥ[25]) «der Mond und die Sterne und das ganze Heer».

3. a. 12. ⲡ̅ⲥⲓⲟⲩ ⲛⲁⲣⲏⲥ ⲙⲛ̅ ⲡⲉⲕⲛⲟⲥ «der Stern des Mars und der Schwan»] ⲁⲣⲏⲥ Ἄρης Mars; ⲡⲉⲕⲛⲟⲥ ist verderbt aus ⲡⲕⲉⲕⲛⲟⲥ oder ⲡⲕⲩⲕⲛⲟⲥ Κύκνος. Lev. 11, 18. ⲡⲕⲩⲕⲛⲟⲥ.

3. a. 20. ϩⲛ̅ϩⲓ̅ⲁ̅ [sic] ⲙⲙⲟⲟ̅ϣⲉ ⲉⲩϭⲟⲟⲩϭ «verkehrte, falsche Bahnen»]. Vergl. Jud. 5, 6. ⲁⲩⲱϫⲛ̅ ⲛ̅ϭⲓ ⲛⲉⲣⲣⲱⲟⲩ ⲁⲩⲕⲁ ⲛⲉϩⲓ̈ⲟⲟⲩⲉ ⲉ̅ⲃⲟⲗ ⲁⲩⲱ ⲁⲩⲙⲟⲟϣⲉ ϩⲛ̅ ⲙ̅ⲙⲟⲉⲓ̈ⲧ ⲉⲧϭⲟⲟⲩϭ ⲁⲩⲱ ⲉⲧϭⲟⲟⲙⲉ, — ἐξέλειπον βασιλεῖς, ἐπορεύθησαν τρίβους, ἐπορεύθησαν ὁδοὺς διεστραμμένας. — Prov. 22, 14. ϣϣⲉ ϫⲉ' ⲉⲕⲧⲟⲕ ⲉ̅ⲃⲟⲗ ϩⲛ̅ ϩⲓ̈ⲏ̅ ⲛⲓⲙ ⲉⲧϭⲟⲟⲩϭ ⲁⲩⲱ̅ ⲉϥϩⲟⲟⲩ, ἀποστρέφειν δὲ δεῖ ἀπὸ ὁδοῦ σκολιᾶς καὶ κακῆς; ϩⲓⲏ ⲙ̅ⲙⲟⲟϣⲉ findet sich Thren. 2, 19.

3. a. 27. ⲑⲣⲁⲝ Θρᾷξ «Thracier»] vielleicht verschrieben für ⲫⲣⲩⲝ, da der griechische Text von Φρύγες spricht.

3. a. 29. ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥϣⲓⲛⲉ «Wahrsagerei, Prophezeihung»] bis jetzt nicht belegt, nur ϣⲓⲛⲉ Jer. 14, 14 μαντεία, ⲣⲉϥϣⲓⲛⲉ Act. 16, 16 Πύθων. Canon. eccles. 75, 14[26]) boh. ⲣⲉϥϣⲓⲛⲓ[27]) und ⲙⲁⲛ̅ϣⲓⲛⲉ Ming. 116 sind belegt. ⲣⲉϥϣⲓⲛⲉ ist = μάντις, wie aus folgender Stelle hervorgeht, wo beide Ausdrücke nebeneinander stehn: ⲡⲙⲁⲛⲧⲓⲥ ⲡⲣⲉϥϣⲓⲛⲉ ⲉⲧⲟⲩⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲣⲟϥ ϫⲉ ⲁⲡⲟⲗⲗⲱⲛ[28]) «der Wahrsager (Seher) genannt Apollo». Wir haben hier einen von den Fällen, wo das koptische und das griechische Wort nebeneinander gebraucht werden. Vergl. Stern, Kopt. Gramm., Einleitung pag. 5.

3. a. 31. ⲁⲥⲡⲉ ⲛⲁⲃⲟⲟ̅ⲛⲉ «die Sprache der Raben»]. Die Raben spielen bekanntlich in der Mythologie eine Rolle als Götterboten; man denke nur an die beiden Raben des Odin, Hugin und Munin[29]). Auch sind sie die unheilverkündenden Vögel des Teufels. Vergl. Goethes Faust, Scene in der Hexenküche, wo die Hexe zu Mephistopheles sagt:

«Wo sind denn Eure beiden Raben?»

Und im 2. Theil des «Faust» (4. Akt. Hempels Ausgabe pag. 195) sagt Mephistopheles:

«Da kommen meine beiden Raben,
Was mögen sie für Botschaft haben?
Ich fürchte gar, es geht uns schlecht».

---

25) Mélanges d'arch. égypt. III. (1875.) pag. 42.

26) Lagarde, Aegyptiaca 282.

27) Tattam, The Apostolical Constitutions or Canons of the Apostles in Coptic. London, 1848 pag. ⲣ̅ⲝ̅ⲑ̅.

28) Guidi, Di alcune pergamene saidiche della Collezione Borgiana. Roma, 1893. pag. 18. (= Rendiconti della R. Accad. dei Lincei. Vol. II. 528).

29) Simrock, Deutsche Mythologie. 4 Aufl. (1874) pag. 174, 521.

Was speciell die Sprache der Raben betrifft, so konnte ich dazu keine Parallele finden, nur von der Sprache der Vögel im Allgemeinen sind mir einige Parallelen bekannt. In der 27. Sure des Korans rühmt sich Salomo, ähnlich wie Cyprianus, die Sprache der Vögel zu verstehn: «O ihr Menschen, es wurde uns gelehrt die Sprache der Vögel»[30]; und im babylonischen Talmud ist von einem alten Manne die Rede, der die Sprache der Vögel, unter denen auch der Rabe genannt wird, verstand[31].

3. b. 3. ⲣⲉϥϫⲓ̈ⲙⲁⲉⲓⲛ «Vogelschauer, Augur»] bis jetzt nur aus Canon. eccles. 10[32], boh. ⲣⲉϥϭⲓⲙⲏⲛⲓⲛⲓ[33] und 75, 14[34] bekannt; an letzter Stelle steht ⲣⲉϥϫⲓ̈ⲙⲁⲉⲓ̈ⲛ ϩⲛ̅ ⲛ̅ϩⲁⲗⲁⲧⲉ, boh. ⲣⲉϥϭⲓⲙⲏⲛⲓⲛⲓ ϧⲉⲛ ⲛⲓϩⲁⲗⲁϯ[35]. Vergl. ausserdem ϫⲓⲙⲁⲉⲓⲛ Sir. 31, 5 οἰωνισμός und ⲙⲛⲧⲣⲉϥϫⲓⲙⲁⲉⲓⲛ Jer. 14,14 οἰώνισμα; Canon. eccles. 10[36] boh. ⲙⲉⲧⲣⲉϥϭⲓⲙⲏⲛⲓⲛⲓ[37]; Lev. 19,26 steht das Verbum ϫⲓⲙⲁⲉⲓⲛ in folgender Verbindung: ⲛⲛⲉⲧⲛⲟⲩⲱⲙ ϩⲓϫⲛ ⲛⲧⲟⲟⲩ· ⲟⲩⲇⲉ ⲛⲛⲉⲧⲛϫⲓⲙⲁⲉⲓⲛ· ⲟⲩ̅ⲇⲉ ⲛⲛⲉⲧⲛϯϩⲧⲏⲧⲛ· ⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛϩⲁⲗⲏⲧ ⲉϫⲓⲙⲁⲉⲓⲛ ⲙⲙⲟⲟⲩ, μὴ ἐσθίετε ἐπὶ τῶν ὀρέων καὶ οὐκ οἰωνιεῖσθε οὐδὲ ὀρνιθοσκοπήσεσθε; Canon. eccles. 75,14[83]: ⲟⲩⲡⲉⲧϫⲓⲙⲁⲉⲓⲛ ϩⲛ̅ ⲗⲁⲁⲩ ⲛ̅ϩⲛⲁⲁⲩ, boh. ⲟⲩⲡⲉⲧϭⲓⲙⲏⲛⲓⲛⲓ ϧⲉⲛ ϩ̇ⲗⲓ ⲛ̇ϩⲁⲛϩ̇ⲗⲓ[39].

3. b. 9. ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥϫⲓϣⲏⲙ «Vorbedeutung, Omen; Zeichendeuterei»] bisher nicht belegt, nur die folgenden boh. Formen sind bekannt: ϭⲓϣⲏⲙ Gen. 44, 5 οἰωνισμός, οἰωνίζομαι; Deut. 18, 14 κληδών; Jes. 2, 6 κληδονισμός; ϭⲓϣϣⲏⲙ Num. 23, 32 οἰωνισμός; Num. 24, 1 οἰωνός; ⲣⲉϥϭⲓϣⲏⲙ Exod. 7, 11. 22 ἐπαοιδός.

3. b. 17. ⲛⲉⲓϣⲉ ⲉⲧϯϩ̅ⲗⲟϭ «jene Hölzer, die Süssigkeit geben»]. Vergl. Exod. 15, 23. 25 ⲙ̅ⲡⲟⲩⲉϣϭⲙ̅ϭⲟⲙ ⲛ̅ⲥⲉⲙⲟⲩ ⲉ̅ⲃⲟⲗ ϩⲙ̅ ⲙⲩⲣⲣⲁ· ϫⲉ ⲛⲉϥⲥⲁϣⲉ ⲅⲁⲣ ⲡⲉ..... 25 ..... ⲁⲩⲱ ⲡϫⲟⲉ̈ⲓⲥ ⲁϥⲧⲟⲩⲟϥ ⲉⲩϣⲉ· ⲁϥⲛⲟⲩϫⲉ ⲙ̅ⲙⲟϥ ⲉϩⲣⲁ̈ⲓ ⲉⲡⲙⲟⲟⲩ· ⲁⲩⲱ ⲁϥϩ̅ⲗⲟϭ ⲛ̅ϭⲓ ⲡⲙⲟⲟⲩ· καὶ οὐκ ἠδύναντο πιεῖν ἐκ Μεῤῥᾶς, πικρὸν γὰρ ἦν (τὸ ὕδωρ)· καὶ ἔδειξεν αὐτῷ κύριος ξύλον, καὶ ἐνέβαλεν αὐτὸ εἰς τὸ ὕδωρ, καὶ ἐγλυκάνθη τὸ ὕδωρ.

3. b. 24–26. ⲁ̈ⲓⲉ̈ⲓⲙⲉ ⲉ̅ⲛⲉⲙⲉⲣⲟⲥ ⲛ̅ϣⲁⲩⲃⲟϭⲟⲩ «ich kannte die Glieder, welche zucken»] ⲙⲉⲣⲟⲥ (μέρος) hier = ⲙⲉⲗⲟⲥ (μέλος). Vergl. Ephes.

---

30) Koran, übers. von Ullmann. 7. Aufl. 1877. pag. 320.

31) Wünsche, Der babylon. Talmud in seinen haggadischen Bestandtheilen. II., pag. 143 (Tractat Gittin).

32) Lagarde, l. l. 242.

33) Tattam, l. l. pag. ⲑ̅.

34) Lagarde, l. l. 282.

35) Tattam, l. l. pag. ⲣ̅ⲝ̅ⲑ̅.

36) Lagarde, l. l. 242.

37) Tattam, l. l. pag. ⲑ̅.

38) Lagarde, l. l. 282.

39) Tattam, l. l. pag. ⲣ̅ⲝ̅ⲑ̅.

4, 16. ⲃⲱϭⲉ, ⲃⲱϭ absol. oder ⲃⲟϭ- mit dem pron. reflex. bedeutet «springen, aufspringen» wie griech. ἄλλομαι, was aber, von den Gliedern gesagt, auch «zucken» bedeutet; so wird denn auch ⲃⲟϭ-ϥ hier zu fassen sein. Der griech. Text hat hier καὶ παλμοὺς μελῶν ἔγνων, wozu unser Text sehr gut stimmt. Vergl. Melampus in seinem Buche περὶ παλμῶν μαντικῆς[40]) p. 485. Ὄνυχες τῆς δεξιᾶς χειρὸς ἐὰν ἄλλωνται, κέρδος δηλοῦσιν ἀπροσδόκητον· ..... Ὄνυξ τοῦ μικροῦ δακτύλου τῆς δεξιᾶς χειρὸς ἐὰν ἄλληται, ἢ μυρμηκιᾷ, κακοπάθειαν δηλοῖ. 498: Ὄνυχες δεξιοῦ ποδὸς ἐὰν ἄλλωνται, ἢ μυρμηκιῶσι, μαλακισθῆναι πρὸς ὀλίγον δηλοῖ. Canon. ecclesiastici 75, 14[41]) steht: ⲟⲩⲣⲉϥⲃⲱⲗ ⲙ̅ⲡⲓⲕⲓⲙ ⲛ̅ⲛⲓⲙⲉⲗⲟⲥ ⲉⲩϣⲁⲛⲃⲱϭⲉ «einer der die Bewegung der Glieder deutet, wenn sie zucken». Zu dem im ganzen Oriente verbreiteten mit dem Gliederzucken verbundenen Aberglauben vergl. Fleischer, Ueber das vorbedeutende Gliederzucken bei den Morgenländern[42]) und Chwolsohn, Die Ssabier u. des Ssabismus II, pagg. 266—272, Anm. 326. — Herr Sam. Wiener macht mich noch darauf aufmerksam, dass bei Steinschneider[43]) ein jüdisches Buch des Gliederzuckens oder Juckens unter dem Titel ספר רפפות angeführt sei.

3. b. 29. ⲙⲁⲛⲉⲣⲙⲏ «Harnröhre»]. Bis jetzt nur einmal belegt. Vergl. Kabis in seinem «Auctarium»[44]), wo er sagt: «ⲙⲁⲛⲉⲣⲙⲏ proprie locus ex quo mingitur, seu οὐρήθρα: ⲛⲁⲣⲉ ⲛⲓϥⲉⲛⲧ ⲅⲁⲣ ϯϩⲓⲥⲓ ⲙ̀ⲡⲉϥⲙⲁϩⲧ ⲡⲉⲙⲁⲗⲓⲥⲧⲁ ⲙ̀ⲡⲉϥⲙⲁⲛⲉⲣⲙⲏ· ⲉⲁ ⲡⲉϥⲥⲙⲟⲧ ⲛ̀ϩⲱⲟⲩⲧ ⲗⲟϥⲗⲉϥ ⲉⲃⲟⲗ ⲁϥⲉⲣϥⲉⲛⲧ· Cod. Vat. LXII. Vermes enim cruciabant intestina eius, maxime vero eius οὐρήθραν, quoniam eius virilia corrosa fuerunt et vermibus scatebant». — ⲣⲙⲏ «mingere» findet sich Z. 568 (Cod. Borg. CCXXXII). ⲣ̅ⲙⲏ ⲉϩⲣⲁϊ ⲉⲩⲃⲁⲩⲕⲁⲗⲓⲟⲛ ⲏ ⲉϩⲣⲁϊ ⲉⲩϣⲟϣⲟⲩ ⲏ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉϭⲉⲗⲁⲁⲩ ⲛϩⲛⲁⲁⲩ ⲉϥⲧⲡ̅ⲧⲱⲛ ⲉⲛⲁϊ[45]). Z. 533 (Cod. Borg. CCXIV). ⲟⲩⲛ ϩⲁϩ ⲉⲣⲉ ⲡⲉⲩⲥⲁⲛϩⲟⲩⲛ ⲗⲟⲙⲥ ⲡ̅ⲑⲉ ⲙⲡϣⲁϣⲟⲩ ⲉⲧⲉ ϣⲁⲩⲣⲙⲏ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉⲣⲟϥ· Encomium auf den h. Victor: ⲣ̅ⲏ[46]). ⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ϩⲱⲱϥ ϫⲓⲕⲃⲁ ⲙⲙⲟϥ· ⲁϥⲃⲟⲧϥ ⲉⲃⲟⲗ

---

40) Scriptores physiognomici veteres Graece et Latine ed. Franz. — Altenburgi, 1780.

41) Lagarde, Aegyptiaca 282. — boh. Tattam, The Apostolical Constitutions or Canons of the Apostles in Coptic. London, 1848. pag. ⲣ̅ⲍ̅ⲑ̅.

42) Berichte üb. die Verhandlungen der k. sächs. Gesellsch. d. Wissensch. zu Leipzig. Philol.-hist. Classe. 1849. pagg. 244—256, wieder abgedruckt in Fleischer, Kleinere Schriften III, pagg. 199—211. Leipzig, 1888.

43) Die hebr. Übersetzungen des Mittelalters und die Juden als Dolmetscher. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte des Mittelalters.... Gekrönte Preisschrift der Académie Française. Berlin, 1893. pag. 893. § 539. Vergl. auch Güdemann, Gesch. des Erziehungswesens und der Cultur der abendländischen Juden I. pag. 201.

44) Aegypt. Zeitschr. XIII, 1875. pag. 86.

45) ⲉϥⲧⲡ̅ⲧⲱⲛ ⲉⲛⲁϊ ist bei Zoëga ausgelassen. Die vollständige Abschrift von S. ⲟ̅ⲩ̅ⲕ̅ⲁ̅ und flgde verdanke ich Herrn Dr. Carl Schmidt.

46) Bouriant, Éloges du martyr Victor. (Mém. de la Mission archéol. au Caire. VIII. 2. fasc. pag. 155.).

ⲙⲛ̄ ⲡⲉϥⲏⲓ̈ ϣⲁ ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉⲡⲉⲧⲉⲣⲙⲏ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉ̄ⲧϫⲟ mit Bezug auf Jerobeam (III Reg. 14, 10 Ἰδοὺ ἐγὼ ἐξολοθρεύσω τοῦ Ἰεροβοὰμ οὐροῦντα πρὸς τοῖχον); diese Stelle ist koptisch nicht erhalten, dagegen die Parallelstelle IV Reg. 9, 8. ⲁⲩⲱ ϯⲛⲁϥⲱⲧⲉ ⲉⲃⲟⲗ ⲙⲡⲏⲓ ⲛⲁⲭⲁⲁⲃ ⲙⲡⲉⲧⲣⲙⲏ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲟⲩϫⲟ etc. καὶ ἐξολοθρεύσεις τῷ οἴκῳ Ἀχαὰβ οὐροῦντα πρὸς τοῖχον· ⲙⲏ «urina» findet sich in einem medicinischen Recepte (Cod. Borg. CCLXXVIII). ϫⲓ ⲛⲟⲩⲕⲟⲩⲓ ⲙⲙⲏ ⲙⲛ ⲟⲩϩⲁⲥⲙ ⲙⲛ ⲟⲩϩⲙϫ [47]), ausserdem noch in der Form ⲙⲏⲙⲟⲟⲩ bei Jes. 36, 12 ϫⲉⲕⲁⲥ ⲉⲩⲉ̀ⲟⲩⲉⲙ ⲧⲉⲩⲙⲏⲛⲟⲉⲓⲕ ⲁⲩⲱ ⲛ̀ⲥⲉⲥⲉ ⲧⲉⲩⲙⲏⲙⲟⲟⲩ, (ἵνα φάγωσι κόπρον καὶ πίωσιν οὖρον), wo der boh. Text einfach ⲙⲱⲟⲩ hat, doch findet sich daneben auch ⲙⲏ ⲙⲙⲱⲟⲩ in dem Cod. LXX bei Zoëga 556 not. 29. Kircher 161 führt noch ⲉⲣϭⲓⲙⲱⲟⲩ, ⲡⲓ الزلاقة البول mit derselben Bedeutung an. Hierher gehört wohl auch ⲟⲩⲣⲓⲍⲓⲛ : ⲧⲙⲏⲛ̄ⲛⲟ̌ οὐίρδιον [sic 48]).

3. b. 32 — 4. a. 2. ⲛⲉⲙⲟⲩⲧ ⲛ̄ϣⲁⲩⲱⲗⲕ ⲛ̄ⲥⲉⲉⲣϭⲁϫⲓϥ «die Muskeln (Sehnen), die sich zusammenziehn und jucken»]. ⲱⲗⲕ «sich zusammenziehen», wozu man vergl. Rossi I. 5, 48 (Mart. des Ptolemaios) ⲁϥⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲙ̄ ⲡⲕⲱϩⲧ̄ ⲙ̄ⲡ̄ϥ̄ⲣⲱⲕϩ ⲉⲡⲧⲏⲣϥ̄ ⲉϥⲟⲩⲟϫ· ⲙ̄ [sic] ⲙ̄ⲡⲉ· ⲙⲟⲩⲧ ⲱⲗ ϩⲙ̄ ⲡⲉϥ-ⲥⲱⲙⲁ· ϩⲱⲥ ⲣⲱ ⲉϣϫⲉ ⲙ̄ⲡ[ⲟⲩ]ⲣⲟⲕ[ϩ̄ϥ ⲉⲡⲧⲏⲣϥ̄] «Er gieng heraus aus dem Feuer und hatte überhaupt nicht gebrannt und war heil; und keine Muskel hatte sich zusammengezogen an seinem Leibe, als wenn man ihn überhaupt nicht gebrannt hätte»; ⲛⲉ ⲟⲩⲟⲛ ⲟⲩⲣⲱⲙⲓ ϧⲉⲛ ϯⲡⲟⲗⲓⲥ, ⲉⲣⲉ ⲛⲉϥϭⲓϫ ⲟⲗⲕ Cod. Vat. LXII «Erat homo quidam in civitate, cuius manus contractae erant» [49]); — ⲉⲣϭⲁϫⲓ̀ϥ «jucken», zusammengesetzt aus ⲉⲣ «machen» und ϭⲁϫⲓ̀ϥ «Ameise» [50]), wie das griechische μυρμηκίζω und μυρμηκιάω von μύρμηξ und das lateinische formicare von formica mit der Bedeutung «jucken, als wenn Ameisen auf der Haut herumliefen, kribbeln»

---

47) Zoëga 630.

48) Mitth. Pap. Erzherzog Rainer. IV. (1888.) pag. 128.

49) Aegypt. Zeitschr. XIV. (1876.) pag. 19.

50) Beiläufig sei hier bemerkt, dass eine Form ϭⲓϫⲓϥ, die sich bei Bouriant, Éloges du martyr Victor pag. 171 findet und von dort auch in Steindorff's Koptische Grammatik (pag. 45* u. 94*) gekommen ist, überhaupt nicht existiert. Die Handschrift hat ganz deutlich ϭⲁϫⲓϥ. — Neben ϭⲁϫⲓϥ kommt auch ⲕⲁϫⲓϥ vor s. Guidi, Frammenti copti pag. (47.) (Mart. des Simon). Simon sagt zur h. Theonoe: «Welcher den Holofernes zu jener Zeit schlug... wird jetzt auch diesen gottlosen König schlagen durch deine Hand. Es antwortete die Jungfrau und sprach: Mein Vater, wie (ⲛ̄ⲁϣ [ⲛ̄ϩⲉ]) soll ich das machen? Ich habe noch nie meine Hand gegen Jemanden geführt, bis zu einer Ameise» (ϣⲁϩⲣⲁⲓ ⲉⲩⲕⲁϫⲓϥ.) Zum Wechsel von ⲕ und ϭ innerhalb des Sahidischen vergl. man ϭⲉ neben ⲕⲉ, ⲕⲛⲙⲟⲩⲧ neben ϭⲛⲙⲟⲩⲧ, und die folgenden der Sophonias-Apocalypse entnommenen Beispiele: ϭⲱϩⲧ So. 14, 23 neben ⲕⲱϩⲧ 14, 24; ⲧⲁϭⲟ 13, 30 neben ⲧⲁⲕⲟ 13, 11; ϭⲓⲙ = ⲕⲓⲙ 11, 13; ϭⲉⲗⲉⲩⲉ 10, 14 neben ⲕⲉⲗⲉⲩⲉ 8, 32; ⲧ̄ⲗⲕⲟ 5, 12 für ⲧⲁⲗϭⲟ; ⲥϭⲓⲙ 5, 29 für ⲥⲕⲓⲙ und ϭ̄ⲗⲗⲉ 1, 10 für ⲕ̄ⲗⲗⲉ.

und μυρμηκίασις und μυρμηκιασμός bei den griechischen Ärzten und «formicatio» «das Ameisenlaufen, das durch Wärzchen erzeugte Hautkribbeln, Hautjucken». Vergl. die unter ⲃⲱϭⲉ angeführten Stellen aus Melampus und Plinius, Hist. Nat. **28**, 7 (20), 71 formicationes corporum, **30**, 13 (41), 120 donec formicet cutis.

4. b. 9. ⲁⲓⲡⲱⲧ ⲇⲉ ⲟⲛ ⲉ̄ⲙⲛⲃⲃⲉ «ich gieng ferner nach Memphis»]. Zu vergleichen ist hier eine Geschichte, die sich in der Vita S. Hilarionis erhalten hat und in manchen Zügen lebhaft an die Cyprianlegende erinnert. Rossi I, 4 pag. 21 Migne, Patrologia lat. 23, 29. 40 § 21 Es heisst dort unter Anderem: ⲡϣⲏⲣⲉ ϭⲉ ϣⲏⲙ . . . . ⲁϥⲧⲱⲟⲩⲛ ⲁϥⲃⲱⲕ ⲉⲙ̄ⲛϥⲉ' ϫⲉⲕⲁⲥ ⲉϥⲉⲉⲓⲙⲉ ϩⲙ̄ ⲡⲙⲁ ⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲉϩⲉⲛⲧⲉⲭⲛⲏ ⲙ̄ⲙⲁⲅⲓⲁ ⲛ̄ϥⲉⲓ ⲛ̄ϥⲧⲣⲉ ⲧⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ ⲣ̄ ⲡⲉϥⲟⲩⲱϣ ⲉⲁϥⲉⲓⲙⲉ ⲇⲉ ⲉϩⲉⲛⲧⲉⲭⲛⲏ ⲙ̄ⲙⲁⲅⲓⲁ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟⲧϥ̄ ⲙ̄ⲡⲁⲥⲕⲗⲏⲡⲓⲟⲥ etc. «der Jüngling erhob sich nun und gieng nach Memphis, damit er erlerne an jenem Orte die magischen Künste und wiederkomme und veranlasse die Jungfrau seinen Wunsch zu erfüllen, nachdem er die magischen Künste durch Aesculap erlernt haben würde» etc. «perrexit Memphim, ut confesso vulnere suo, magicis artibus rediret armatus ad virginem. Igitur post annum doctus ab Aesculapii vatibus, non remediantibus, sed perdentibus animas, venit præsumptum animo stuprum gestiens» etc.[51]).

4. b. 21. ⲛⲉⲙⲁⲛϣⲱⲱ̄ⲡⲉ ⲛ̄ⲕⲁⲕⲉ ⲉⲧϩⲁⲣⲟϥ ⲙ̄ⲡⲕⲁϩ · ⲛⲁⲓ̈ ⲛ̄ϣⲁⲣⲉ ⲛ̄ⲇⲁⲓ̈ⲙⲱⲛ ⲙ̄ⲡⲁⲁⲏⲣ ⲁⲁⲩ «die Wohnstätten der Finsterniss, die unter der Erde sind, die die Dämonen gemacht hatten»]. Vergl. dazu *5. b. 32* ⲛⲉⲡⲛ̄ⲁ ⲉⲧϩⲙ̄ ⲡⲁⲏⲣ «die Geister, die in der Luft sind» und Ephes. 2, 2 ⲡⲁⲣⲭⲱⲛ ⲛ̄ⲧⲉⲝⲟⲩⲥⲓⲁ ⲙ̄ⲡⲁⲏⲣ ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ ⲡⲁⲓ ⲉⲧⲉⲛⲉⲣⲅⲉⲓ ⲧⲉⲛⲟⲩ ϩⲙ̄ ⲡϣⲏⲣⲉ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲛⲁϩⲧⲉ «der Herrscher des Reiches der Luft, der Geist, der jetzt wirkt in dem Sohne des Unglaubens» ὁ ἄρχων τῆς ἐξουσίας τοῦ ἀέρος; Ephes. 6, 12 ⲛⲉⲡⲛⲉⲩⲙⲁⲧⲓⲕⲟⲛ ⲛ̄ⲧⲡⲟⲛⲏⲣⲓⲁ ⲉⲧϩⲁ ⲙ̄ⲡⲏⲩⲉ «die Geisterwesen der Bosheit unter den Himmeln». Vergl. noch: ⲛⲉⲡⲛ̄ⲁ ⲛ̄ⲧⲡⲟⲛⲏⲣⲓⲁ ⲉⲧϩⲁ ⲛ̄ⲙⲡⲏⲩⲉ[52]) «die Geister der Bosheit unter den Himmeln». Der Aufenthaltsort der bösen Geister ist theils in der Unterwelt unter der Erde, theils in der Luft gedacht[53]). Vergl. auch noch den dem Götzen Kothos (ⲕⲟⲑⲟⲥ) beigelegten Titel ⲡⲓⲁⲣⲭⲏⲥⲧⲣⲁⲧⲏⲅⲟⲥ ⲙ̄ⲡⲓⲁⲏⲣ[54]) «der Oberbefehlshaber der Luft». Bei Lueken[55]) finde ich noch folgende hierher gehörige Stelle aus Theodorus

51) Migne, Patrol. lat. 23, 29.

52) Mém. Mission archéolog. au Caire IV, pag. 789.

53) Roskoff, Geschichte des Teufels. I. Leipzig, 1869. pag. 207.

54) Amélineau, Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne aux IVe et Ve siècles. pag. 177. (Mém. Miss. archéolog. au Caire. IV (1888.)).

55) Michael. Eine Darstellung und Vergleichung der jüdischen und der morgenländisch-christlichen Tradition vom Erzengel Michael. Göttingen, 1893, pag. 119.

Studita angeführt: ἄγγελοι τῷ ἀέρι ἐφίπτανται τὰς ψυχὰς τῶν ἁγίων ἐκ τῶν πνευμάτων τοῦ ἀέρος διασώζοντες.

4. b. 20. ϫⲓ̈ⲛⲓ̄ⲣⲁ «versuchen, durch Versuch kennen lernen, erfahren»] nachgebildet dem griech. πεῖραν λαμβάνειν, boh. ϭⲓⲡⲓⲣⲁ. Éloges du martyr Victor: ⲁⲙⲏⲓⲧⲛ̄ ϭⲉ ⲧⲉⲛⲟⲩ ⲱ ⲛⲉϩⲓⲟⲙⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛ̄ⲧⲁⲩϫⲓⲡⲓⲣⲁ ⲙ̄ⲡⲉϩⲗⲟϭ ⲛⲉⲛϣⲏⲣⲉ[56]) «Kommet nun jetzt, o alle ihr Weiber, die ihr erfahren habt die Süssigkeit der Kinder»; Sap. Sal. 12, 26 ⲥⲉⲛⲁⲙ̄ⲡϣⲁ ⲛ̄ϫⲓⲡⲓⲣⲁ ⲛ̄ⲧⲉⲕ[ⲣⲓ]ⲥⲓⲥ ⲙ̄ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ἀξίαν θεοῦ κρίσιν πειράσουσιν. Hebr. 11, 29 ϧⲉⲛ ⲟⲩⲛⲁϩϯ ⲁⲩⲥⲓⲛⲓ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ ⲫⲓⲟⲙ ⲛ̀ϣⲁⲣⲓ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲛⲉ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ ⲟⲩⲕⲁϩⲓ ⲉϥϣⲟⲩⲱ̀ⲟⲩ ⲫⲏⲉⲧⲁⲩϭⲓⲡⲓⲣⲁ ⲛ̀ϧⲏⲧϥ ⲛ̀ϫⲉ ⲛⲓⲣⲉⲙ̀ⲛ̀ⲭⲏⲙⲓ ⲁⲩⲱⲙⲥ ⲉ̀ϧⲣⲏⲓ πίστει διέβησαν τὴν Ἐρυθρὰν θάλασσαν ὡς διὰ ξηρᾶς· ἧς πεῖραν λαβόντες οἱ Αἰγύπτιοι κατεπόθησαν. L. l. 11, 36. ϩⲁⲛⲕⲉⲭⲱⲟⲩⲛⲓ ⲇⲉ ϧⲉⲛ ϩⲁⲛⲥⲱⲃⲓ ⲛⲉⲙ ϩⲁⲛⲙⲁⲥⲧⲓⲅⲅⲟⲥ ⲁⲩϭⲓⲡⲓⲣⲁ ⲉ̀ⲧⲓ ⲇⲉ ⲛⲉⲙ ϩⲁⲛⲕⲉⲥⲛⲁⲩϩ ⲛⲉⲙ ϩⲁⲛϣⲧⲉⲕⲱⲟⲩ ἕτεροι δὲ ἐμπαιγμῶν καὶ μαστίγων πεῖραν ἔλαβον, ἔτι δὲ δεσμῶν καὶ φυλακῆς. Sahidisch sind diese beiden Stellen leider nicht erhalten. ϭⲓⲡⲓⲣⲁ findet sich noch Rossi, Cinque manoscritti copti pag. 86 Ⲓⲱⲛⲁⲥ ⲇⲉ ⲛⲁϥⲥⲱⲟⲩⲛ ⲙ̀ϯⲙⲉⲧⲁⲅⲁⲑⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉ ⲫ̄ϯ ⲛⲉⲙ ⲧⲉϥⲙⲉⲧⲛⲁⲏⲧ ⲓ̀ⲧⲁ ⲉⲑⲃⲉ ⲛⲏⲉ̀ⲧⲁϥϭⲓⲡⲓⲣⲁ ⲙ̀ⲙⲱⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲟⲧϥ «Jonas aber kannte die Güte Gottes und seine Barmherzigkeit nach dem, was er durch ihn erfahren hatte».

5. a. 2. ϩⲩⲇⲁⲛⲉ = ἡδύνειν und ἥδεσθαι] etwas seltsam ist diese Form, die sicher durch Anlehnung an ἡδονή entstanden ist; doch ist sie noch zu belegen aus Ps. 146 (147), 1 ⲡⲉⲥⲙⲟⲩ ⲉϥϩⲏⲇⲁⲛⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲛⲟⲩⲧⲉ ἡδυνθείη ἡ αἴνεσις Sir. 37, 4 ϣⲁⲣⲉ ⲟⲩϣⲃⲏⲣ ϩⲏⲇⲁⲛⲉ ⲙ̄ⲡⲉϥϣⲃⲏⲣ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲟⲩⲛⲟϥ ἑταῖρος φίλου ἐν εὐφροσύνῃ ἥδεται. Vergl. noch ϩⲏⲇⲩⲛⲉⲥⲑⲉ Vita Johannis Colobi[57]). Der altrussische Text liest hier «повѣлеваютъ» «sie befehlen».

5. b. 12. ⲉⲩⲉⲛⲉⲣⲅⲉⲓ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ ⲕⲁⲧⲁ ⲟⲩⲫⲁⲛⲧⲁⲥⲓⲁ «was sie bewirkten durch ein Trugbild»]. Vergl. dazu Vita Moysis (Cod. Borg. CCXIV*): ⲛⲧⲉⲣⲉⲛⲁⲣ[ⲭⲉⲓ ⲇⲉ] (ϥ)ⲉϣⲗⲏⲗ ⲁ ⲡⲙⲁ ⲕⲓⲙ ϩⲁⲣⲟⲛ, ⲁⲩⲱ ⲁ ϩⲉⲛⲛⲟϭ ⲛϩⲣⲟⲟⲩ ϣⲱⲡⲉ ϩⲓⲑⲏ ⲙⲙⲟⲛ ⲛⲑⲉ ⲛϩⲉⲛⲉⲃⲣⲏϭⲉ ⲙⲛ ϩⲉⲛϩⲣⲟⲩⲃⲃⲁⲓ· ⲡⲉϫⲉ ⲡⲉⲛⲉⲓⲱⲧ, ϫⲉ ⲙⲡⲣⲣϩⲟⲧⲉ, ϩⲉⲛⲫⲁⲛⲧⲁⲥⲓⲁ ⲛⲇⲁⲓⲙⲟⲛⲓⲟⲛ ⲛⲉ[58]) «Als wir zu beten anfiengen, erbebte die Erde unter uns und laute Töne erschollen vor uns wie Blitze und Donner. Es sprach unser Vater: «Fürchtet euch nicht, es sind dämonische Trugbilder». — Johannesacten (Prochorus): ⲛⲉϩⲃⲏⲩⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛⲧⲁ ⲛⲟⲏⲧⲓⲁⲛⲟⲥ ⲁⲁⲩ ⲛϩⲉⲛϩⲃⲏⲩⲉ ⲁⲛ ⲛⲉ ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛⲉⲛⲧⲁⲩϣⲱⲡⲉ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟⲧϥ̄ ⲁ̀ⲗⲗⲁ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲫⲁⲛⲧⲁⲥⲓⲁ ⲛ̄ⲇⲁⲓⲙⲱⲛ ⲛ̄ⲧⲁϥ-

56) Mém. Mission archéolog. au Caire. VIII, pag. 183.

57) Annales du Musée Guimet XXV, 320.

58) Zoëga 534 = Miss. arch. au Caire IV, 690.

ⲛⲑⲉ ⲛ̄ⲛ̄ⲣⲱⲙⲉ ⲛⲧⲉⲓϩⲉ[59]) «alle Dinge, die Noëtianos that; es war nichts Göttliches, was durch ihn entstand, sondern durch ein dämonisches Trugbild suchte er die Menschen auf diese Weise zu überzeugen».

5. b. 6. ⲑⲉⲙⲛⲟ ⲛⲟⲩⲙⲟⲩⲛϩⲱⲟⲩ] hier offenbar verschrieben für ⲛⲉⲙⲧⲟ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲙⲟⲩⲛϩⲱⲟⲩ· ἐκεῖ ἔγνων σεισμῶν καὶ ὑετῶν ὁμοιότητα.

5. b. 15. hinter ⲫⲁⲛⲧⲁⲥⲓⲁ ist etwas ausgefallen, wie der griechische Text zeigt: Ἐκεῖ εἶδον γιγάντων ψυχὰς ὑπὸ σκότους τηρουμένας, καὶ φασματικῶς ὀρθούσας γῆν, was auch der altrussische Text bietet: Тамо видѣхъ щудов҆скы душа т҆мою држимы и мечьт҆нѣ подъдер҆жаща землю, ꙗкоже се нѣкто на плещю нося бремя тяж҆ко.

6. a. 24. ⲁⲩϫⲓⲧ ⲟⲛ ⲉⲩⲧⲟⲡⲟⲥ· ⲡⲙⲁ ⲉⲧⲉⲣⲉ ⲛ̄ⲇⲁⲓ̈ⲙⲱⲛ ϣⲓ̈ⲃⲉ ⲛ̄ϩⲏⲧϥ ⲙ̄ⲡⲉⲩⲥⲙⲟⲧ «man brachte mich ferner an einen Ort, den Ort, an welchem die Dämonen ihre Gestalt ändern». Vergl. Vita Moysis (Cod. Borg. CCXVI*) ⲉⲡⲉⲓⲇⲏ ⲛⲧⲁ ⲟⲩⲇⲁⲓⲙⲟⲛⲓⲟⲛ ⲃⲱⲕ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲡⲣⲡⲉ ⲉⲧⲟⲩⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲣⲟϥ ϫⲉ ⲃⲏⲥ ...... ⲛⲉ ϣⲁⲣⲉ ϩⲁϩ ⲅⲁⲣ ⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟϥ ⲉϥϥⲱϭⲉ ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ ϩⲙ ⲡⲣⲡⲉ ⲉϥϣⲓⲃⲉ ⲙⲙⲟϥ ⲛϩⲁϩ ⲛⲥⲙ[ⲟⲧ][60]) «weil ein Dämon in den Tempel hineingegangen war, genannt *Bês* ...... ihn sahen viele, wie er hinuntersprang in den Tempel und sich in viele Gestalten veränderte». De morte Josephi 21, 1 ⲧⲟⲧⲉ ⲁⲓϭⲱϣⲧ ⲙ̄ⲡⲥⲁ ⲙⲡⲣⲏⲥ ⲙ̄ⲡⲣⲟ, ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉⲡⲙⲟⲩ ⲁϥⲉⲓ ⲉⲣⲉ ⲁⲙⲛ̄ⲧⲉ ⲟⲩⲏϩ ⲛ̄ⲥⲱϥ, ⲉⲧⲉ ⲡⲁⲓ ⲡⲉⲧⲟ ⲛ̄ⲥⲩⲙⲃⲟⲩⲗⲟⲥ ⲁⲩⲱ ⲡⲡⲁⲛⲟⲩⲣⲅⲟⲥ, ⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ, ϫⲓⲛ ⲧⲉϩⲟⲩⲉⲓⲧⲉ, ⲉⲣⲉ ⲟⲩⲙⲏⲏϣⲉ ⲛ̄ϣⲁⲃ ⲛ̄ϩⲟ ⲛ̄ⲧⲉⲕⲁⲛⲟⲥ ⲟⲩⲏϩ ⲛ̄ⲥⲱϥ ⲉⲩϫⲓ ϩⲱⲕ ⲛ̄ⲕⲱϩⲧ ⲧⲏⲣⲟⲩ, ⲉⲙⲛ̄ ⲏⲡⲉ ⲉⲣⲟⲟⲩ, ⲉⲣⲉ ⲟⲩⲑⲏⲛ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲕⲁⲡⲛⲟⲥ ⲛ̄ⲕⲱϩⲧ ⲛⲏⲩ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ̄ ⲧⲉⲩⲧⲁⲡⲣⲟ[61]) «da schaute ich gen Süden, von der Thür aus und sah den Tod kommen; es folgte ihm die Hölle, die ihm ein Berather ist, und der Betrüger von Anfang an, der Teufel; es folgte ihm eine Menge von Dekanen von verschiedenem Aussehen, alle mit Feuer bewaffnet, ohne Zahl, aus deren Munde Schwefel und feuriger Rauch kam». Die Dämonen treten in den verschiedensten Gestalten auf. Am häufigsten tritt der Teufel in der Gestalt eines grossen Aethiopiers auf: ⲁ ⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ ⲟⲩⲱⲛϩ ⲉⲣⲟϥ ⲉϥⲟ ⲙⲡⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛⲟⲩⲛⲟϭ ⲛⲉϭⲱϣ ⲉϥⲟ ⲛϭⲁⲓⲉ ⲉⲙⲁⲧⲉ[62]) «der Teufel erschien ihm in der Gestalt eines grossen Aethiopiers, der sehr schrecklich war». Ⲛⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ⲁϥⲡⲱⲧ ..... ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲧⲓ̈ⲕ ⲛⲕⲱϩⲧ · ⲁϥϫⲓ̈ ⲙ̄ⲡⲉⲓ̈ⲛⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲛⲟϭ ⲛⲉϭⲱϣ ⲉϥϫⲟⲥⲉ ⲉⲙⲁⲧⲉ · ⲉⲣⲉ ⲛⲉϥⲃⲁⲗ ⲙⲉϩ ⲛⲥⲛⲟϥ[63]) «sofort floh er ..... wie ein Feuerfunke und nahm die Gestalt eines grossen Aethiopiers an, der sehr hoch war, während seine Augen mit Blut ange-

59) Mingarelli 302 und 304.
60) Zoëga 533 = Mém. Mission au Caire. IV, 689.
61) Lagarde, Aegyptiaca pag. 23.
62) Mém. Mission au Caire. IV, 827.
63) Martyrium S. Claudii (Cod. Borg. CXLV).

füllt waren»; Vita Pachomii: *boh.* ⲁ ⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ ⲛⲓ ⲉϫⲱϥ ⲛϩⲁⲛⲙⲏϣ ⲛⲇⲉⲙⲱⲛ ⲙⲡⲥⲙⲟⲧ ⲛϩⲁⲛⲟⲩϩⲱⲣ[64]), *sah.* ..... ⲉϫⲱϥ ⲛϩⲉⲛⲁϣⲏ ⲛⲇⲁⲓⲙⲱⲛ ⲙⲡⲧⲩⲡⲟⲥ ⲛⲛⲉⲩϩⲟⲟⲣ[65]) «der Teufel schickte über ihn viele Dämonen in der Gestalt von Hunden»; ⲉⲓⲥ ⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ ⲁϥⲥⲱⲟⲩϩ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲛⲟⲩⲙⲏⲏϣⲉ ⲛⲇⲁⲓⲙⲱⲛⲓⲟⲛ ⲁⲩϣⲱⲡⲉ ⲛⲑⲉ ⲛⲛⲉⲛⲛⲟϭ ⲛⲟⲩϩⲟⲟⲣ[66]) «Siehe, der Teufel versammelte eine Menge von Dämonen, welche waren wie grosse Hunde»; ⲁ ⲟⲩⲁⲓ ⲛⲛⲓⲇⲉⲙⲱⲛ ⲉⲣ ⲙⲫⲣⲏϯ ⲛⲟⲩⲁⲗⲉⲕⲧⲱⲣ ⲁϥⲉⲓϣ ⲟⲩⲥⲙⲏ ⲉⲃⲟⲗ ⲉϧⲟⲩⲛ ϧⲉⲛ ⲡⲉϥϩⲟ· boh.[67]) «einer von den Dämonen wurde wie ein Huhn und stiess einen Schrei aus in sein Angesicht»; ϣⲁⲩⲓ ϣⲁⲣⲟϥ ϧⲉⲛ ϩⲁⲛⲥⲭⲏⲙⲁ ⲛⲥϩⲓⲙⲓ ⲉⲩⲃⲏϣ· boh.[68]) «sie kamen zu ihm in der Gestalt von nackten Weibern»; ⲁϥⲉⲣ ⲡⲥⲙⲟⲧ ⲛⲟⲩϧⲉⲗⲗⲟ ⲛⲣⲱⲙⲓ ⲛϫⲉ ⲡⲓⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ[69]) «es nahm der Teufel die Gestalt eines menschlichen Greises an; ϩⲛ ⲟⲩϭⲉⲡⲏ ⲇⲉ ⲁϥⲣ ⲡⲧⲩⲡⲟⲥ ⲛⲟⲩϩⲗⲗⲟ ⲛⲣⲱⲙⲉ ⲛϭⲓ ⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ[70]) «in Eile aber nahm der Teufel die Gestalt eines menschlichen Greises an; [ⲡⲇⲁⲓ̈ⲙⲱⲛ] ⲁϥⲉⲓ̈ ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̄ϩⲏⲧϥ̄ ⲙ̄ⲡⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛ̄ⲟⲩⲁⲃⲱⲕ ⲉϥⲕⲏⲙ ⲉⲣⲉ ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ ⲑⲉⲱⲣⲉⲓ ⲙ̄ⲙⲟϥ[71]) «[der Dämon] kam aus ihm heraus in der Gestalt eines schwarzen Raben, indem ihn jedermann sah».

7. a. 16. 17. ⲟ̄ⲙⲉ ⲛ̄ⲗⲟⲓ̈ϩⲉ «kothiger Schlamm»]. Dieser Ausdruck findet sich Ps. 39 (40), 3 ⲁϥⲛ̄ⲧ ⲉϩⲣⲁⲓ ϩⲙ̄ ⲡϣⲏⲓ ⲛ̄ⲧⲧⲁⲗⲁⲓⲡⲱⲣⲓⲁ ⲙⲛ̄ ⲡⲟⲙⲉ ⲛ̄ⲧⲗⲟⲓϩⲉ καὶ ἀνήγαγέ με ἐκ λάκκου ταλαιπωρίας καὶ ἀπὸ πηλοῦ ἰλύος. Vergl. dazu Ps. 68 (69), 15 ⲙⲁⲧⲟⲩϫⲟⲓ ⲉ̄ⲧⲓⲟⲙⲉ (sic) ϫⲉ ⲛ̄ⲛⲁⲧⲱⲗⲥ ⲛϩⲏⲧⲥ̄, σῶσόν με ἀπὸ πηλοῦ ἵνα μὴ ἐμπαγῶ; Ps. 68 (69), 3 ⲁⲓ̈ⲧⲱⲗⲥ ⲉⲧⲗⲟⲓ̈ϩⲉ ⲙ̄ⲙⲛⲟⲩⲛ ⲁⲩⲱ ⲙ̄ⲙⲛ̄ϣϭⲟⲙ ἐνεπάγην εἰς ἰλὺν βυθοῦ, καὶ οὐκ ἔστιν ὑπόστασις II. Petr. 2, 22. ⲟⲩⲉϣⲱ ⲉⲁⲥϫⲱⲕⲙ̄ ϩⲙ ⲡⲉⲥⲕⲟⲣⲕⲣ̄ ⲙ̄ⲡⲗⲟⲓϩⲉ ὗς λουσαμένη εἰς κύλισμα βορβόρου Zoëga 325 ⲧⲉⲯⲩⲭⲏ ..... ⲉⲁⲥⲥⲗⲁⲁⲧⲉ ⲛⲟⲩⲥⲟⲛ ⲉⲧⲙⲛⲧϩⲩⲇⲱⲛⲏ ⲙⲛ ⲡⲗⲟⲓϩⲉ Vitae patrum VI, 1. 8 «anima ..... semel delapsa in luxuriae coenum»[72]).

Triadon 500 (246):

ⲫ ϭⲱϣⲧ ⲉϫⲛ ⲧⲁⲙⲛⲧⲉⲃⲓⲛⲛ ⲡⲁⲛⲟⲩⲧⲉ ⲁⲩⲱ ⲛⲅⲥⲟⲙⲥ
ⲉϫⲛ ⲧⲁⲯⲩⲭⲏ ⲛⲧⲁⲗⲁⲓⲡⲱⲣⲟⲥ ⲉⲧⲁⲥⲱⲙⲥ
ϩⲙ ⲡⲗⲟⲓϩⲉ ⲙⲛⲛⲟⲃⲉ ⲁ ⲡϫⲁϫⲉ ϩⲱⲛ ⲉⲟⲩⲟⲙⲥ
ϫⲉ ϥⲉⲗϩⲏⲙ ⲛⲑⲉ ⲛⲟⲩⲙⲟⲩⲓ ⲁⲩⲱ ⲛⲧⲟϥ ⲡⲉ ⲡⲇⲣⲁⲕⲱⲛ·

64) Amélineau, Histoire de St. Pakhôme (Annales du Musée Guimet. XVII. 1889.) 3.
65) L. l. 314.
66) Cod. Borgian. CCXXIII. Zoëga 548.
67) Amélineau, l. l. pag. 29.
68) L. l. pag. 29.
69) L. l. 3.
70) L. l. 314.
71) Bouriant, Éloges du martyr Victor (Mémoires Miss. au Caire. VIII, 236.).
72) Migne, Patrol. lat. 73, 994.

«Siehe auf mein Elend, mein Gott, und blicke
auf meine arme Seele, die versunken ist
in dem Schlamm der Sünde. Der Feind ist nahe dran sie zu verschlingen,
denn er brüllt wie ein Löwe und er ist die Schlange».

ⲟ̄ⲙⲉ und ⲗⲟⲓ̈ϩⲉ sind, wie man sieht, synonyme Ausdrücke; ersteres hat die Bedeutung «Lehm», dann auch «Koth, Schlamm», letzteres bedeutet «Koth, Schlamm»; sie werden zur Verstärkung verbunden wie im Hebr. טִיט הַיָּוֵן. Im Griechischen ist σιπῶδες überliefert, was in den AA. SS. in λιπῶδες geändert und mit «pinguem» übersetzt ist. Sollte nicht σηπεδονῶδες zu emendieren sein? Zahn schlägt auf Grund von Eudocia (ἀφρῷ καὶ ἥπατι ἴσον) ἡπατῶδες «leberähnlich» vor. Der altrussische Text der Menäen hat «крове и пѣнь согнилъ», was in der Publication in «крове, пѣпъ, согнилъ» geändert ist; согнилъ (krsl. сѫгнилъ, putridus) würde unserem Texte nahe kommen.

7. a. 30. ϩⲛ̄ⲗⲁⲥ ⲉⲩϫⲁϫⲱ ..... ⲉⲩⲧⲏⲙ ⲛ̄ⲥⲁ ⲛⲉⲩⲉ̀ⲣⲏⲩ· «rauhe Zungen .... die aneinander geschärft waren». Vergl. dazu Ps. 139 (140), 4 ⲁⲩⲧⲱⲙ ⲛ̄ⲛⲉⲩⲗⲁⲥ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲛⲉⲓ̈ϩⲟϥ· ἠκόνησαν γλῶσσαν αὐτῶν ὡςεὶ ὄφεως.

7. b. 3. ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ ϩⲱⲱϥ ⲙⲡⲙⲟⲥⲧⲉ ⲉϥⲟ̄ ⲙⲡⲉⲥⲙⲟⲧ ⲙ̄ⲡ̄ⲃⲛⲗϫⲉ ⲉϥⲧⲏϩ ⲙⲛ̄ ⲡⲡⲉⲛⲓ̈ⲡⲉ· «der Geist aber des Hasses hatte das Ansehen von Thonerde gemischt mit Eisen»]. Auf Grund des griech. Textes, der hier τυφλός bietet, könnte man leicht versucht sein, ⲃⲛⲗϫⲉ für einen Schreibfehler statt ⲃⲗⲗⲉ «blind» zu halten, doch passt nicht dazu was auf ⲃⲛⲗϫⲉ folgt. Die Vorlage unseres Textes muss eine andere Lesung gehabt haben. Das τυφλός der Confession wird durch ἀλαωπήν bei Eudocia (II, 128) gestützt. Auch der altrussische Text hat: видъ ненавистный слѣпъ «das Bild des Hasses — blind». Das Bild, das unser Text vom Hasse entwirft, ein Gemisch von Thonerde und Eisen, zwei Dingen, die sich überhaupt nicht mischen lassen, ist recht characteristisch; dasselbe findet eine Analogie im Traume Nebukadnezars von dem Kolosse mit Füssen, theils von Eisen, theils von Thon, wodurch dort ja auch die Uneinigkeit ausgedrückt werden soll. Vergl. Daniel 2, 33. 41—43.

33. ⲛⲉⲛⲥⲛⲃⲓ ⲛ̀ⲣⲁⲧⲥ ϩⲁⲛⲃⲉⲛⲓⲡⲓ ⲡⲉ ⲛⲉⲥⲫⲁⲧ ⲟⲩⲥⲁ ⲙⲉⲛ ⲉϥⲟⲓ ⲙ̀ⲃⲉⲛⲓⲡⲓ ⲟⲩⲥⲁ ⲙⲉⲛ ⲉϥⲟⲓ ⲙ̀ⲃⲉⲗϫ	33. Die Schenkel waren Eisen, seine Füsse theils von Eisen, theils von Thonerde.
41. ⲟⲩⲟϩ ⲟⲛ ϫⲉ ⲁⲕⲛⲁⲩ ⲉ̀ⲛⲉϥⲫⲁⲧ ⲛⲉⲙ ⲛⲉⲥⲧⲏⲃ ⲟⲩⲥⲁ ⲙⲉⲛ ⲉϥⲟⲓ ⲙ̀ⲃⲉⲗϫ ⲟⲩⲥⲁ ⲇⲉ ⲉϥⲟⲓ ⲙ̀ⲃⲉⲛⲓⲡⲓ ⲉⲥⲉ̀ϣⲱⲡⲓ ⲛ̀ϫⲉ ⲟⲩⲙⲉⲧⲟⲩⲣⲟ ⲉⲥⲫⲏϣ ⲟⲩⲁⲓ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ	41. Und ferner, dass du sahst seine Füsse und seine Zehen, theils von Thon, theils aber von Eisen, [bedeutet]: es wird ein getheiltes Reich sein, ein Theil darin

	ⲑ̀ⲛⲟⲩⲛⲓ ⲙ̀ⲃⲉⲛⲓⲡⲓ ⲉⲑⲛⲁϣⲱⲡⲓ ⲛ̀ϧⲏⲧⲥ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲉ̀ⲧⲁⲕⲛⲁⲩ ⲉ̀ⲡⲓⲃⲉⲛⲓⲡⲓ ⲉϥⲙⲟⲩϫⲧ ⲛⲉⲙ ⲡⲓⲃⲉⲗϫ·		wird von der Wurzel des Eisens sein, wie du sahst das Eisen gemischt mit Thonerde.
42.	ⲛⲓⲧⲏⲃ ⲛ̀ⲧⲉ ⲛⲉⲥⲫⲁⲧ ⲟⲩⲟⲛ·ⲟⲩⲥⲁ ⲙⲉⲛ ⲉϥⲟⲓ ⲙ̀ⲃⲉⲛⲓⲡⲓ ⲡⲓⲕⲉⲥⲁ ⲇⲉ ⲉϥⲟⲓ ⲙ̀ⲃⲉⲗϫ ⲉ̀ⲣⲉ ⲟⲩⲙⲉⲣⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉ ϯⲙⲉⲧⲟⲩⲣⲟ ϣⲱⲡⲓ ⲉϥϫⲟⲣ ⲟⲩⲟϩ ⲡⲓⲕⲉⲙⲉⲣⲟⲥ ⲉϥⲉ̀ϣⲱⲡⲓ ⲉϥϧⲉⲙϧⲱⲙ·	42.	Die Zehen seiner Füsse waren theils von Eisen, theils aber von Thonerde; [das bedeutet]: ein Theil des Reiches wird stark sein und der andere Theil zerbrechlich.
43.	ⲟⲩⲟϩ ϫⲉ ⲁⲕⲛⲁⲩ ⲉ̀ⲡⲓⲃⲉⲛⲓⲡⲓ ⲉϥⲙⲟⲩϫⲧ ⲛⲉⲙ ⲡⲓⲃⲉⲗϫ ⲉⲩϣⲱⲡⲓ ⲉⲩⲙⲟⲩϫⲧ ϧⲉⲛ ⲡ̀ϫⲣⲟϫ ⲛ̀ⲧⲉ ⲛⲓⲣⲱⲙⲓ ⲉ̀ⲫⲁⲓ ⲛⲉⲙ ⲫⲁⲓ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲉ̀ⲧⲉ ⲙ̀ⲡⲁⲣⲁ ⲛⲓⲃⲉⲛⲓⲡⲓ ⲙⲟⲩϫⲧ ⲛⲉⲙ ⲡⲓⲃⲉⲗϫ·	43.	Und dass du sahst das Eisen, gemischt mit Thonerde [bedeutet]: sie werden sich vermischen durch den Samen der Menschen in der Weise, wie sich das Eisen mit Thonerde nicht vermischt».

Hitzig[73]) bemerkt zu dieser Stelle: «Sie (d. h. Thon und Eisen) sind durch äussere Macht zusammengefügt, aber sie selbst verbinden sich nicht mit einander, so dass eine wirkliche Einheit und Verschmelzung zu Stande käme».

8. a. 18. ⲡⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲁⲧϣⲓⲡⲉ «das Bild der Schamlosigkeit»]. Die AA. SS. lesen λυπότητος, was mit «tristitia» übersetzt ist, während nach Zahn dort γριπότητος steht, was er durch «Gewinnsucht» übersetzt. Der griechische Text liest weiter: ὀξὺ ὅλον τὸ σῶμα ἔχον κατὰ τὴν ἅρπην «am ganzen Körper scharf wie eine Sichel», der koptische Text dagegen — «in der Gestalt eines Vogels genannt ϩⲁⲣⲡⲁⲝ (ἅρπαξ «Räuber»). Hier ist zu beachten, dass ἅρπη ausser «Sichel» auch noch einen Raubvogel bezeichnet Il. 19, 350[74]). Sollte der koptische Übersetzer ἅρπη als Vogelnamen aufgefasst und dann daraus ⲟⲩϩⲁⲗⲏⲧ ⲛ̄ϣⲁⲩⲙⲟⲩⲧⲉ ⲉⲣⲟϥ ϫⲉ ϩⲁⲣⲡⲁⲝ combiniert haben oder hat hier in der Vorlage des koptischen Textes etwas anderes gestanden? Ich wage es nicht zu entscheiden. Vielleicht hat der Übersetzer auch an ἅρπυια gedacht. Der altrussische Text hat «видъ скровества, остро все тѣло имый, аки серпъ» «das Bild der Hehlerei, den ganzen Leib scharf wie eine Sichel»; скровество hängt wohl mit krsl. съкровьнъ κρυπτός съкровьствовати abscondere[75]) zusammen und wird wohl kaum anders als «Hehlerei» zu übersetzen sein.

---

73) Das Buch Daniel. Lpg. 1850. pag. 36. (Kurzgefasstes exeget. Handbuch zum Alten Testament. Liefr. 10.)

74) Curtius, Grundzüge der griech. Etymologie. 5. Aufl. (1879) pag. 263 № 331 u. 332. — Edlinger, Erklärung der Tier-Namen aus allen Sprachgebieten. Landshut, 1886. pag. 38. «lat. falco gehört zu falx «Sichel» wie griech. ἅρπη zu ἁρπάγη «Haken».

75) Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, pag. 929.

8. a. 25. ⲛⲁⲣⲟⲟⲩⲉ ⲛⲛⲉϥⲃⲁⲗ, κόραι τῶν ὀφθαλμῶν «die Pupillen seiner Augen»]. ⲁⲣⲟⲟⲩⲉ ist bis jetzt nicht belegt, wenigstens nicht in dieser Bedeutung, denn ⲁⲣⲟⲟⲩⲉ, ϩⲛ, das Gen. 3, 18. Hos. 10, 8. Matth. 7, 16. Hebr. 6, 8 und Ming. 207 vorkommt, hat wohl mit unserem ⲁⲣⲟⲟⲩⲉ nichts zu schaffen, denn jenes entspricht einem griechischen τρίβολοι «Disteln» und der boheirische Text hat dafür ⲥⲟⲩⲣⲓ. Auch mit ⲁⲣⲱ, ⲡ «faba Aegyptiaca» hat es wahrscheinlich nichts zu schaffen. ⲁⲣⲟⲟⲩⲉ ist eine Pluralform, die einen Singular *ⲁⲣⲱ voraussetzt[76]), der bis jetzt aber nicht zu belegen ist; doch findet sich in der Homilie des Johannes Chrysostomus auf den Patriarchen Joseph[77]) ⲡ̄ⲁⲗⲱ ⲛ̄ⲛⲉϥⲃⲁⲗ für κόραι τῶν ὀφθαλμῶν des griechischen Originals und die Pluralform dazu ⲁⲗⲟⲟⲩⲉ steht in einem Pariser Fragment der Vita Johannis Lycopolitani: [ⲉⲣⲉ́ ⲡⲟⲩⲟⲉⲓⲛ ⲛ̄]ⲧⲉϥⲥϩⲓⲙⲉ ϩⲧⲙⲧⲱⲙ ⲉⲁ ϩⲉⲛⲗⲉⲩⲕⲱⲙⲁ ϣⲱⲡⲉ ϩⲛ ⲛⲉⲥⲁⲗⲟⲟⲩⲉ[78]) «das Augenlicht seines Weibes war verdunkelt, indem sich weisse Flecke auf ihren Pupillen gebildet hatten».

Es ist bekannt, dass im Koptischen nicht nur zwischen den verschiedenen Dialecten, sondern auch innerhalb eines Dialects, besonders des sahidischen, ein Wechsel zwischen ⲗ und ⲣ[79]) stattfindet und so können wir neben ⲁⲗⲱ ganz sicher eine Form *ⲁⲣⲱ annehmen, die vielleicht mit ⲁⲣⲱ «faba» identisch ist. Wir hätten dann ⲁⲗⲱ plur. ⲁⲗⲟⲟⲩⲉ, *ⲁⲣⲱ plur. ⲁⲣⲟⲟⲩⲉ. Im Boheirischen haben wir bekanntlich ⲁⲗⲗⲟⲩ, ϯ «pupilla». Deut. 32, 10. Ps. 16, 8., das zweifellos dasselbe ist, was unser ⲁⲗⲱ, resp. *ⲁⲣⲱ. Im Sahidischen entspricht dem ⲁⲗⲗⲟⲩ häufig ⲕⲉⲕⲉ oder ⲕⲁⲕⲉ, auch mit dem Zusatze ⲛ̄ⲃⲁⲗ «pupilla oculi». Sir. 17, 22 ⲁⲩⲱ ⲡⲉϩⲙⲟⲧ ⲙⲡⲣⲱⲙⲉ ⲉϥⲛⲁⲁⲣⲉϩ ⲉⲣⲟϥ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲁⲕⲉ ⲛ̄ⲃⲁⲗ (Lagarde 17, 16) καὶ χάριν ἀνθρώπου ὡς κόρην συντηρήσει. Ps. 16, 8 sah. ϩⲁⲣⲉϩ ⲉⲣⲟï ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲉⲕⲉ ⲛ̄ⲃⲁⲗ; boh. ⲁⲣⲉϩ ⲉ̀ⲣⲟⲓ, ⲡϭⲱⲓⲥ, ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲛ̀ⲧⲁⲗⲗⲟⲩ ⲛ̀ⲟⲩⲃⲁⲗ φύλαξόν με ὡς κόρην ὀφθαλμοῦ. Prov. 20, 20 ⲛⲕⲉⲕⲉ ⲛⲛⲉϥⲃⲁⲗ ⲛⲁⲛⲁⲩ ⲟⲩⲕⲁⲕⲉ[80]) αἱ δὲ κόραι τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ ὄψονται σκότος. Das Sahidische macht hier einen feineren Unterschied, indem ⲕⲉⲕⲉ speciell «das Schwarze im Auge», — τὸ

---

76) Stern, Kopt. Gramm. § 213. Steindorff, Gramm. § 117.

77) Rossi, I papiri Copti del Museo Egizio di Torino. II. 2, 21.

78) Mission archéolog. au Caire IV. pag. 651. Ergänzt von mir auf Grund von Zoëga 392. ⲁ ⲡⲉⲥⲟⲩⲟⲉⲓⲛ ϩⲧⲟⲙⲧⲙ ⲛ ⲁϥⲧⲱϩ, ⲉⲃⲟ̀ⲗ ϫⲉ ⲛⲉⲥⲃⲁ̀ⲗ ⲙⲉⲛ ⲟⲩⲛⲛ ⲛⲥⲛⲁⲩ ϫⲉ ⲉⲃⲟⲗ ⲁⲛ·

79) Stern, L. l. § 33. Sah. ⲙ̄ⲣⲱⲙ und ⲟⲩⲗⲱⲙ, ⲁⲣⲏϫ neben ⲁⲗⲕⲏ· Ein deutliches Beispiel, wo einem sahidischen ⲣ ein boheirisches ⲗ entspricht, ist das Wort ⲉⲛⲣⲁ mit seinen Zusammensetzungen: ⲙⲛⲧⲉⲛⲣⲁ, boh. ⲙⲉⲧⲉⲫⲗⲏⲟⲩ Ps. 23, 4. 61, 9. ϩⲛⲛⲣⲁ[sic] boh. ϩⲁⲛⲉⲫⲗⲏⲟⲩ Jes. 59, 4.

80) Rossi, L. l. II.2. 8. und Zoëga 516.

μέλαν τοῦ ὀφθαλμοῦ, wie Plutarch[81]) sagt, — bezeichnet, ⲁⲗⲱ, resp. *ⲁⲣⲱ dagegen den «Augapfel», obgleich beide Wörter auch promiscue gebraucht werden; im Boheirischen ist bis jetzt nur der eine Ausdruck für «Pupille, Augapfel» ⲁⲗⲗⲟⲩ nachzuweisen. — Man vergl. noch Gal. 4, 15[82]) ⲉⲛⲉ ⲟⲩⲉⲛϣϭⲟⲙ ⲉϣϫⲡⲉ ⲁⲧⲉⲧⲛ̄ⲡⲉⲣⲕ ⲛⲉⲧⲛ̄ⲁⲗⲟⲟⲩ ⲉⲁⲧⲉⲧⲛ̄ⲧⲁⲁⲩ ⲛⲁⲓ̈· boh. ⲉ̀ⲛⲉ ⲟⲩⲟⲛϣϫⲟⲙ ⲙ̀ⲙⲱⲧⲉⲛ ⲉ̀ⲫⲉⲣⲕ ⲛⲉⲧⲉⲛⲃⲁⲗ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲛⲁⲣⲉⲧⲉⲛⲛⲁⲧⲏⲓⲧⲟⲩ ⲛⲏⲓ ⲡⲉ· εἰ δυνατόν, τοὺς ὀφθαλμοὺς ὑμῶν ἐξορύξαντες ἂν ἐδώκατέ μοι. Statt ⲁⲗⲟⲟⲩ möchte ich hier ⲁⲗⲟⲟⲩⲉ lesen und mit «Augapfel, Pupille» übersetzen. — De morte Josephi Cap. 22[83]) ⲣⲱⲙⲉ ⲛⲓⲙ........ⲉⲣϣⲁⲛ ⲣ̄ ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲉⲓϣ ⲧⲏⲣϥ̄ ⲉϥⲁϣⲉ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲛ̄ⲥⲁ ⲛⲉ̀ⲗⲟⲟⲩⲉ ⲛ̄ⲛⲉϥⲃⲁⲗ, ⲉϥϣⲁⲛⲉⲓ ⲉϥⲛⲁⲙⲟⲩ, ϥⲣ̄ⲭⲣⲓⲁ ⲙ̄ⲡⲛⲁ ⲙ̄ⲡⲁⲉⲓⲱⲧ ⲉⲧϩⲛ̄ ⲙ̄ⲡⲏⲩⲉ «jeder Mensch..... wenn er sein ganzes Leben verbringt, hängend an seinen Augäpfeln, und wenn er zum Sterben kommt, bedarf er der Gnade meines Vaters im Himmel». Der boheir. Text hat für ⲉϥⲁϣⲉ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲛ̄ⲥⲁ ⲛⲉ̀ⲗⲟⲟⲩⲉ ⲛ̄ⲛⲉϥⲃⲁⲗ — ⲉϥⲁ̀ϣⲓ ⲛ̀ⲥⲁ ⲛⲓⲃⲟⲩϩⲓ ⲛ̀ⲧⲉ ⲛⲉϥⲃⲁⲗ «hängend an den Wimpern seiner Augen». Stern[84]) übersetzt ⲛⲉ̀ⲗⲟⲟⲩⲉ mit «Wimper» und ⲃⲟⲩϩⲓ mit «Lider», doch glaube ich, dass ⲛⲉ̀ⲗⲟⲟⲩⲉ fehlerhaft für ⲛⲁⲗⲟⲟⲩⲉ steht und «Augapfel, Pupille» bedeutet.

8. *a. 29.* ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲉϣⲱⲧ· ⲉ̄ⲣⲉ ⲡⲉϥⲥⲱⲙⲁ ⲟ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛⲟⲩⲕⲱⲗⲱⲃⲟⲥ «der Geist des Handels, dessen Leib wie ein Zwerg war»]. ⲕⲱⲗⲱⲃⲟⲥ, κολοβός, wofür der griechische Text ein unverständliches κόνδον hat, was Zahn in κόνιον «staubig» verbessert. Sollte nicht im Griechischen auch κολοβόν gestanden haben. Der altrussische Text hat: видъ куп'чества кратокъ, скоръ, скверненъ «das Bild des Handels kurz, rasch in der Bewegung, schmutzig».

8. b. 3. ⲇⲓ̈ⲥⲕⲱⲥ, δίσκος] im Griechischen steht δεσμόν «Bündel». Der altrussische Text liest: имый на плещу узоль и все имѣніе свое ту имый «auf der Schulter ein Bündel und darin sein ganzes Eigenthum habend».

9. a. 11. ⲙ̄ⲙⲁⲧⲉ] fehlerhaft für ⲉⲙⲁⲧⲉ; ebenso 11. b. 16.

9. a. 23. ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲑⲏⲧ «der Geist der Thorheit»]. Der altrussische Text hat hier wie der griechische: видъ безуміа, унъ, мужь и женъ нагъ, бестуденъ, безаступа «das Bild des Unverstandes, jung, mannweiblich, nackt, schamlos, ohne Schutz».

9. b. 9. ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ···ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲥⲟϭ «der Geist der Dummheit»]. Der altruss. Text: видъ уродьства «der Geist der Dummheit».

---

81) Isis und Osiris ed. Parthey. Cap. 33.

82) Recueil de travaux etc. V. (1884.) pag. 136.

83) Lagarde, Aegyptiaca 26 = Zoëga 227.

84) Zeitschr. f. wissenschaftl. Theologie XXVI. (1883) pag. 286.

9. b. 11. ⲟⲩⲁⲡⲉ ⲉⲥⲥⲟⲃⲉⲕ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲁⲣⲉⲁ «ein Kopf klein wie eine Mandel»]. ⲕⲁⲣⲉⲁ «Mandel, Nuss»; κάρυον, κάρυα «Nuss, Mandel»; καρύα «Nussbaum». Vergl. die überlieferten koptischen Formen: sah. ⲕⲁⲣⲟⲓⲁ Gen. 30, 37. 43, 11. Num. 17, 8 (hebr. 17, 23), ⲕⲁⲣⲁï̈ⲁ Cant. 6, 10 (Ming. 146 ⲕⲁⲣⲩⲁ); boh. ⲕⲁⲣⲩⲁ Gen. 30, 37, ⲕⲁⲣⲓⲁ Gen. 43, 11. Exod. 25, 33. 34. 37, 20 (16). Num. 17, 8. Jer. 1, 11. Vergl. noch Triadon:

ϪⲌⲂ Ⲧⲁⲓ ⲧⲉ ⲧ̇ⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ ⲁⲩⲱ ⲛ̇ⲕⲗⲓⲕⲧⲏ[sic] ⲕⲩⲣⲓⲁ
ⲛ̇ⲧⲟⲥ ⲟⲛ ⲧⲉ ⲧⲉϩⲣⲏⲣⲉ ⲛ̄ⲥⲧⲟⲓⲛⲟⲩϥⲉ ⲁⲩ[sic] ⲛ̇ϭⲉⲣⲱⲃ ⲛ̇ⲕⲟⲓⲣⲓⲁ̀

662. «Dies ist die Jungfrau und auserwählte (ἐκλεκτή) Herrin (κυρία); (361) Und sie ist ferner die wohlriechende Blume und der Mandelzweig»

von der Jungfrau Maria gesagt, wozu zu vergleichen ist Num. 17, 8 ⲁⲩⲱ ⲉ̄ⲓⲥ ϩⲏⲏⲧⲉ ⲁϥϯⲟⲩⲱ ⲛ̄ϭⲓ ⲡϭⲉⲣⲱⲃ ⲛ̄ⲁⲁⲣⲱⲛ ⲉⲩⲏⲓ̄ ⲛ̄ⲗⲉⲩⲉⲓ̄· ⲁϥⲧⲁⲩⲟ ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲟⲩϯⲟⲩⲱ· ⲁϥⲧⲉⲕ ϩⲣⲏⲣⲉ ⲉⲃⲟⲗ· ⲁϥⲧⲁⲩⲟ ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̄ϩⲛ̄ⲕⲁⲣⲟï̈ⲁ· καὶ ἰδοὺ ἐβλάστησεν ἡ ῥάβδος Ἀαρὼν εἰς οἶκον Λευί, καὶ ἐξήνεγκε βλαστὸν καὶ ἐξήνθησεν ἄνθη καὶ ἐβλάστησε κάρυα. In der LXX kommt καρύα nur Cant. 6, 10 vor; Gen. 43, 11 und Num. 17, 8 steht κάρυον. Im Koptischen sind beide Formen zusammengefallen, wenn vielleicht nicht die eine davon auf ein κάρυα zurückgeht, das sich bei Suidas und Hesychius findet. Suid. 568. καρύα τὸ δένδρον, κάρυα δὲ ὁ καρπός. Hesych. κάρυαι (Heracleo Ephesius) τὰς ἀμυγδάλους, καὶ καστάνους. Der altrussische Text hat hier: главу имѣя овню «einen Widderkopf habend»; der Text muss also in der Vorlage κρίου gelesen haben.

11. a. 4. ⲛ̄ϩⲟ ϩⲓ ϩⲟ «von Angesicht zu Angesicht» (πρόσωπον πρὸς πρόσωπον)] Gen. 32, 30. ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲅⲁⲣ ⲉⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛ̄ϩⲟ ϩⲓ ϩⲟ, boh. ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲅⲁⲣ ⲉ̀ⲫⲛⲟⲩϯ ⲛ̇ϩⲟ ϩⲓ ϩⲟ. Vita Hilarionis, pag. ⲡ̄ⲉ[85]) ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ ⲥⲟⲟⲩⲛ ⲙⲙⲟϥ ϩⲟï̈ⲛⲉ ⲙⲉⲛ ⲛϩⲏⲧⲟⲩ ⲉⲛⲉⲩⲥⲱⲧⲙ̄ ⲉⲡⲉϥⲥⲟⲉⲓⲧ ϩⲉⲛⲕⲟⲟⲩⲉ ⲇⲉ ⲛ̄ϩⲟ ϩⲓ ϩⲟ «multi illum et opinione, et vultu noverant»[86]). Rossi I. 3, 48 ⲁϥⲛⲁⲩ ⲅⲁⲣ ⲛ̄ϭⲓ ⲁⲡⲁ ⲑⲉⲟⲫⲓⲗⲟⲥ ⲙⲛ̄ ⲡⲣ̄ⲣⲟ̂ ⲉⲛⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲛ̄ϩⲟ ϩⲓ ϩⲟ «denn Apa Theophilus und der König sahen die Engel von Angesicht zu Angesicht».

11. a. 9. ⲉϣϫⲉ ⲧⲉⲧⲛ̄ϫⲓ ⲙⲡⲁϣⲁϫⲉ «wenn ihr meine Rede aufnehmt»]. Dieselbe Redensart Prov. 2, 1 ⲡⲁϣⲏⲣⲉ ⲉⲕϣⲁⲛϫⲓ ⲛ̄ⲛϣⲁϫⲉ ⲛ̄ⲧⲁⲉⲛⲧⲟⲗⲏ υἱέ, ἐὰν δεξάμενος ῥῆσιν ἐμῆς ἐντολῆς.

11. a. 23. ⲡϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ ⲛⲉⲩⲫⲏⲛⲥ «talentvoller Jüngling»]. Vergl. Sap. 8, 19 ϫⲉ ⲁⲛⲅ̄ ⲟⲩϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ ⲛ̄ⲉⲩⲫⲏⲛⲥ, ⲉⲩⲛ̄ⲧⲁⲓ ⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲛ̄ⲟⲩⲯⲩⲭⲏ ⲉⲛⲁⲛⲟⲩⲥ παῖς δὲ ἤμην εὐφυής, ψυχῆς δὲ ἔλαχον ἀγαθῆς.

11. a. 25. ⲉϥⲙⲟⲧⲛ̄ ⲉⲧⲥⲁⲃⲟϥ «leicht zu unterweisen»] entspricht genau einem griechischen εὐδίδακτος, docilis, docibilis. Vergl. das analoge ⲛⲉⲧⲙⲟⲧⲛ̄ ⲉⲧⲁⲕⲟϥ, εὐάλωτος, captu facilis bei Peyron (Cod. Par. 44, fol. 73).

85) Rossi I, 4. 38. col. 3.
86) Hieronymus, Vita S. Hilarionis. Migne, Patrol. lat. 23, 48.

11. a. 28. ⲓ̄ⲁⲛⲛⲏⲥ ⲙⲛ̄ ⲓ̄ⲁⲙⲃ̄ⲣⲏⲥ]. Cf. Triadon (Neapel 312):

ⲧ̄ⲉ̄ Ⲉⲓϣⲁϫⲉ ⲧⲉⲛⲟⲩ ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲉⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ ⲓⲱⲛⲁⲥ
ⲡⲉⲧⲧⲛⲧⲱⲛ ⲉⲡⲉⲧⲙⲉ ⲛⲓⲱⲁⲛⲛⲏⲥ
ⲉⲧⲧⲛⲧⲱⲛ ⲉⲡⲉⲛⲧⲁϥϫⲣⲟ ⲉⲓ̈ⲁⲙⲃⲣⲏⲥ ⲙⲛ̄ ⲓ̈ⲁⲛⲛⲏⲥ
ⲛⲉⲧϯ ⲟⲩⲃⲏ ⲉⲛⲉϣⲡⲏⲣⲉ ⲛⲑⲁⲩⲙⲁⲥⲧⲟⲛ·

ⲧ̄ⲋ̄ Ⲡⲉⲓⲣⲱⲙⲉ ⲥⲛⲁⲩ ⲙⲙⲁⲅⲟⲥ ⲙⲡⲟⲛⲏⲣⲟⲛ
ⲛⲧⲁⲩⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲅⲙⲁⲧⲓⲍⲉ ⲙⲙⲱⲩⲥⲏⲥ ⲙⲛ ⲁⲁⲣⲱⲛ
ⲁⲩⲱ ⲕⲁⲧⲁ ⲧⲉⲩⲧⲉⲓϩⲉ[sic] ⲥⲓⲙⲱⲛ ⲙⲛ ⲛⲏⲣⲟⲛ
ⲁⲩⲟⲩⲉϩⲙ ⲟⲩⲃⲉ ⲡⲉⲧⲣⲟⲥ ⲙⲛ ⲡⲁⲩⲗⲟⲥ ⲇⲉⲩⲇⲉⲣⲟⲛ·

306 (56). «Ich spreche jetzt von dem Propheten Jonas,
Welcher gleicht dem, der Johannes liebte,
Welcher gleicht dem, der besiegte den Iambres und Iannes,
Welche widerstanden den bewundernswürdigen Wundern».

307 (57). «Diese beiden bösen Magier
Verspotteten Moses und Aaron,
Und nach ihrer Weise auch Simon und Nero
Widersprachen dem Petrus und Paulus zum anderen Mal».

Cod. Borgian. CCXLVI[87]) ⲕⲁⲓ ⲅⲁⲣ ⲛⲧⲁ ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ϣⲁⲁⲣ ⲉⲫⲁⲣⲁⲱ ⲙⲛ ⲡⲉϥⲙⲏⲛϣⲉ ⲁⲩⲱ ⲁϥⲣ̄ ⲓⲁⲛⲛⲏⲥ ⲙⲛ ⲓⲁⲙⲃⲣⲏⲥ ⲛϭⲱⲃ ⲙⲛ ⲡⲉⲧⲉⲛⲉⲣⲅⲉⲓ ⲛϩⲏⲧⲟⲩ ⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ «denn Gott der Herr schlug den Pharoo und seine Schaar und liess den Iannes und den Iambres schwach werden und den, der in ihnen wirksam war, den Teufel». 2 Tim. 3, 8 (sah. nicht erhalten) ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲇⲉ ⲛ̀ⲓⲁⲛⲛⲏⲥ ⲛⲉⲙ ⲓⲁⲙⲃⲣⲏⲥ ⲉ̀ⲧⲁⲩϯ ⲉ̀ϧⲟⲩⲛ ⲉ̀ϩⲣⲉⲛ ⲙⲱⲩ̀ⲥⲏⲥ ⲡⲁⲓⲣⲏϯ ϩⲱⲟⲩ ⲛⲁⲓ ⲕⲉⲭⲱⲟⲩⲛⲓ ⲥⲉϯ ⲉ̀ϧⲟⲩⲛ ⲉ̀ϩⲣⲉⲛ ϯⲙⲉⲑⲙⲏⲓ ϩⲁⲛⲣⲱⲙⲓ ⲉ̀ⲣⲉ ⲡⲟⲩϩⲏⲧ ⲧⲁⲕⲏⲟⲩⲧ ⲉⲩⲟⲓ ⲛ̀ⲁ̀ⲇⲟⲕⲓⲙⲟⲥ· ⲙ̀ⲛⲕⲱϯ ⲙ̄ⲡⲛⲁϩϯ ὃν τρόπον δὲ Ἰαννῆς καὶ Ἰαμβρῆς ἀντέστησαν Μωϋσεῖ, οὕτως καὶ οὗτοι ἀνθίστανται τῇ ἀληθείᾳ, ἄνθρωποι κατεφθαρμένοι τὸν νοῦν, ἀδόκιμοι περὶ τὴν πίστιν. — Evangelium Nicodemi (Acta Pilati)[88]) ⲓ̈ⲁⲛⲛⲏⲥ ⲙ̄ⲛ̄ ⲓ̈ⲁⲙⲃⲣⲏⲥ ⲁⲩⲱ ⲁⲩⲉⲓⲣⲉ ϩⲱⲟⲩ' ⲛ̄ⲙ̄ⲙⲁⲉⲓⲛ ⲛ̄ⲧⲁ ⲙⲟⲩ̈ⲥⲏⲥ ⲁⲁⲩ' ϣⲁⲁⲧⲛ̄ ϩⲟⲓ̈ⲛⲉ ⲙ̄ⲙⲁⲧⲉ' ⲙ̄ⲡⲟⲩⲉϣⲁⲁⲩ' ⲁⲩⲱ ⲉⲣⲉ ⲛ̄ⲣⲙ̄ⲛ̄ⲕⲏⲙⲉ' ⲉⲩⲛ̄ⲧⲁⲩⲥⲟⲩ ⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲓⲁⲛⲛⲏⲥ' ⲙⲛ̄ ⲓ̈ⲁⲙⲃⲣⲏⲥ' ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ϩⲉⲛⲛⲟⲩⲧⲉ «Iannes und Iambres thaten auch die Zeichen, die Moses that, nur mit Ausnahme von einigen, die sie nicht thun konnten und die Aegypter verehrten den Iannes und Iambres wie Götter». V, 1. καὶ ἦσαν ἐκεῖ ἄνδρες θεράποντες Φαραὼ Ἰαννῆς καὶ Ἰαμβρῆς, καὶ ἐποίησαν καὶ αὐτοὶ σημεῖα οὐκ ὀλίγα ἃ ἐποίει Μωυσῆς, καὶ εἶχον αὐτοὺς οἱ Αἰγύπτιοι ὡς

87) Zoëga 591.
88) Rossi I, 1. 27.

θεούς, τὸν Ἰαννῆν καὶ τὸν Ἰαμβρῆν[89]). Vergl. zu diesen Namen: W. Groff, Moïse et les magiciens à la cour du pharaon d'après la tradition chrétienne et les textes démotiques[90]).

11. b. 3. ⲁⲣⲭⲱⲛ ⲉϫⲉⲛ ⲛⲇⲁⲓⲙⲱⲛⲓⲱⲛ «Oberster über die Dämonen»] vergl. Matth. 9, 34; 12, 24. ⲡⲁⲣⲭⲱⲛ ⲛⲛⲇⲁⲓⲙⲱⲛⲓⲟⲛ, ἄρχων τῶν δαιμονίων.

11. b. 29. ϣⲱⲡⲉ ⲛⲟⲩⲣⲱⲙⲉ ⲛϫⲱⲱⲣⲉ «sei ein tapferer Mann]. Vergl. Cod. Borg. CXLIII. (Martyrium Paêsi et Theclae) ⲕⲩ: ϭⲙϭⲟⲙ ⲛⲅϣⲱⲡⲉ ⲛⲟⲩⲣⲱⲙⲉ ⲛϫⲱⲱⲣⲉ «sei stark und ein tapferer Mann!», und sonst noch häufig in den Märtyreracten.

11. b. 31. ⲛⲅⲟⲩⲱϩ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉϫⲛ ⲛⲁϩⲃⲏⲩⲉ «vermehre meinen Besitz!», wörtlich «füge zu meinem Besitze hinzu!»]. Vergl. Mingarelli 237 ⲁⲩⲱ ⲉⲓⲥ ϩⲏⲛⲧⲉ ⲁϥⲟⲩⲱϩ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉϫⲛ ⲛⲉϥⲡⲉⲑⲟⲟⲩ «und siehe, er vergrösserte seine Missethat».

12. a. 13. ⲡⲉϩⲣⲏⲣⲉ ⲙⲡⲛⲟⲩⲃ «die Goldblume»]. Im Griech. steht ἄνθος χρυσίου. Sollte das hier nicht gleichbedeutend mit χρυσάνθεμον oder χρυσανθές sein?

14. a. 30. ⲁⲓⲱϣ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲡⲉϩⲟⲩⲟ «ich schrie noch mehr»]. Vergl. Matth. 20, 30. 31 ⲛⲧⲟⲟⲩ ⲇⲉ ⲛϩⲟⲩⲟ ⲁⲩϫⲓϣⲕⲁⲕ ⲉⲃⲟⲗ, οἱ δὲ μεῖζον ἔκραζον.

14. b. 20. ⲕⲛⲁⲉⲓⲙⲉ ϫⲉ ⲟⲩⲛⲧⲁⲓ ⲧⲉⲝⲟⲩⲥⲓⲁ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲛⲉⲧⲉ ⲛⲟⲩⲓ ⲛⲉ «du wirst erfahren, dass ich Macht habe über die, die mein sind»]. Vergl. Apokalypse des Erzengels Michael[91]): .... ⲥⲱⲕ ϣⲁⲣⲟϥ ⲛⲛⲉⲧⲉ ⲛⲟⲩϥ ⲛⲉ· ⲧⲟⲧⲉ ϥⲛⲁⲉⲓ ⲉⲡⲙⲁ ⲉⲣⲉ ⲡⲉⲭⲥ ⲛϩⲏⲧϥ ⲉϥⲕⲣⲓⲛⲉ ⲙⲡⲕⲟⲥⲙⲟⲥ ⲧⲏⲣϥ: ⁓ ϥⲛⲁⲁϩⲉⲣⲁⲧϥ ϩⲓⲡⲟⲩⲉ ⲉϥϩⲙϩⲉⲙ ⲛⲑⲉ ⲛⲛⲓⲙⲟⲩⲓ ⲛϥⲱϣ ⲉⲃⲟⲗ ϫⲉ ⲙⲁ ⲛⲁⲓ ⲛⲛⲉⲧⲉ ⲛⲟⲩⲓ ⲛⲉ: — ⲁⲩⲱ ϣⲁⲕϭⲛ ⲛⲉⲣⲉϥⲣⲛⲟⲃⲉ ⲉⲩⲟϣ ⲙⲡⲁⲣⲁ ⲛⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥ· ⲡⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ ⲇⲉ ϩⲱⲱϥ ⲉϥϣⲁⲛⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲉⲩⲟϣ ⲉϩⲟⲩⲉ ⲉⲛⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥ· ϣⲁ[ϥ]ⲣⲁϣⲉ ⲛϥϫⲟⲟⲥ ⲛⲧⲉⲓϩⲉ ⲙⲡⲉ[ⲛ]ϫⲟⲉⲓⲥ · ϫⲉ ⲁⲛ[ⲁⲩ] ⲛⲁⲕ ⲉⲛⲉⲧⲉ [ⲛⲟⲩⲓ] ⲛⲉ ϫⲉ ⲁⲩⲁϣ[ⲁⲓ] ⲉⲡⲉϩⲟⲩⲟ: — ⲁⲛⲟⲕ .... ⲙⲙ .... ⲙⲡ
....
ϭⲓϫ ⲛⲧⲉⲕϩⲉ: — ⲧⲉⲛⲟⲩ ϭⲉ ⲉⲓⲥ ⲛⲉⲧⲉ ⲛⲟⲩⲓ ⲛⲉ ⲁⲩⲁϣⲁⲓ ⲙⲡⲁⲣⲁ ⲛⲉⲧⲉ ⲛⲟⲩⲕ ⲛⲉ: ⁓ «....... zieht zu sich, die sein sind. Dann wird er kommen an den Ort, wo Christus sich befindet und die ganze Welt richtet; er wird sich hinstellen von Ferne und brüllen wie die Löwen und schreien: «Gieb mir die mein sind». Und du findest, dass der Sünder mehr sind, denn der Gerechten. Wenn der Teufel aber sieht, dass ihrer mehr sind, denn der

---

89) Evangelia apocrypha, ed. Tischendorf. Editio II. pag. 235.

90) Recueil (Vieweg) XXI. (V.) 1899, 219—222.

91) Vergl. Meine «Bruchstücke der Sahid. Bibelübersetzung» pag. VIII. № II. a. und «Actes du 6me Congrès international des orientalistes, 1883. Leide. I. Compte-rendu des séances». pag. 143.

Gerechten, freut er sich und spricht in dieser Weise zu unserm Herrn: «Sieh doch, welche mein sind, dass sie sich sehr vermehrt haben. — Ich

. . . .

Hand wie du. Jetzt nun, siehe, welche mein sind haben sich vermehrt im Vergleiche zu denen, welche dein sind».

15. b. 4. ⲛⲉϩⲃⲏⲩⲉ ⲅⲁⲣ ⲛ̄ⲧⲁⲕⲁⲁⲩ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲥⲟⲟⲩⲛ «denn die Dinge hast du in Unwissenheit gethan»]. Vergl. dazu *18. a. 14* ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ⲁϥⲛⲁ ⲛⲁⲓ̈ ϫⲉ ⲛ̄ⲧⲁⲓ̈ⲁⲁⲩ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲥⲟⲟⲩⲛ «Christus hat sich meiner erbarmt, denn ich habe es in Unwissenheit gethan»; ferner 1 Tim. 1, 13 ⲉⲓⲟ ⲛϫⲁⲧⲟⲩⲁ ⲛϣⲟⲣⲡ ⲁⲩⲱ ⲛⲇⲓⲱⲅⲙⲏⲥ ⲁⲩⲱ ⲛⲣⲉϥⲥⲱϣ ⲁⲗⲗⲁ ⲁⲩⲛⲁ ⲛⲁⲓ· [ϫⲉ ⲛⲧⲁⲓ̈]ⲁⲁⲩ ⲉⲓ̈ⲟ ⲛⲁⲧ[ⲥⲟⲟⲩⲛ] τὸν πρότερον ὄντα βλάσφημον καὶ διώκτην καὶ ὑβριστήν. ἀλλὰ ἠλεήθην, ὅτι ἀγνοῶν ἐποίησα. Ps. 24 (25), 7 ⲛ̄ⲛⲟⲃⲉ ⲛ̄ⲧⲁⲙⲛ̄ⲧⲕⲟⲩⲓ̈ ⲙⲛ̄ ⲛⲁⲧⲁⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲥⲟⲟⲩⲛ ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲣ̄ⲡⲟⲩⲙⲉⲉⲩⲉ· ἁμαρτίας νεότητός μου καὶ ἀγνοίας μου μὴ μνησθῇς. Tob. 3, 3 ⲁⲣⲓⲡⲙⲉⲉⲩⲉ· ⲛ̄ⲅ̄ϭⲱϣⲧ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉϫⲱⲓ ⲛ̄ⲅ̄ⲧⲙ̄ϫⲓⲕⲃⲁ ⲙ̄ⲙⲟⲓ ϩⲛ̄ ⲛⲁⲛⲟⲃⲉ · ⲙⲛ̄ ⲛⲁⲧⲁⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲥⲟⲩⲛ· μή με ἐκδικῇς ταῖς ἁμαρτίαις μου καὶ τοῖς ἀγνοήμασί μου. — Zoëga 472 (Cod. Borg. CXCVI) ⲁⲩⲟⲩⲁϩⲟⲩ ⲛⲥⲱϥ ϩⲛ ⲧⲙⲛⲧⲁⲧⲥⲟⲟⲩⲛ ⲛⲧⲉⲩⲙⲛⲧϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ «sie folgten ihm in der Unwissenheit ihrer Jugend». — Turiner Papyrusfragment[92]) ⲟⲩⲉⲓⲟⲡⲉ ⲉⲩⲙⲟⲥⲧⲉ ⲙⲙⲟⲥ ϩⲓⲧⲙ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲙⲛ ⲛⲣⲱⲙⲉ· ⲙⲡⲣⲕⲟⲓⲛⲱⲛⲉⲓ ⲉⲣⲟⲥ ⲁⲩⲱ ⲙⲡⲣϯ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲙ ⲡⲙⲩⲥⲧⲏⲣⲓⲟⲛ ⲛⲗⲁⲁⲩ ⲉⲓⲙⲏⲧⲓ ϩⲛ ⲟⲩⲙⲛⲧⲁⲧⲥⲟⲟⲩⲛ· ⲧⲙⲛⲧⲁⲧⲥⲟⲟⲩⲛ ⲅⲁⲣ ⲟⲩⲛⲧⲁⲥ ⲙⲙⲁⲩ ⲛⲟⲩⲕⲱ ⲉⲃⲟⲗ· ⲡⲉⲧⲉⲓⲣⲉ ⲇⲉ ϩⲛ ⲟⲩⲥⲟⲟⲩⲛ. . . . . .ⲁⲩϫⲓⲕⲃⲁ ⲙⲙⲟϥ· «(die Zauberei) ist eine bei Gott und den Menschen verhasste Kunst; habe keine Gemeinschaft mit ihr und theile keinem (Zauberer) etwas von dem Mysterium mit, ausser aus Unwissenheit; denn die Unwissenheit hat eine Vergebung, wer aber wissentlich handelt ..... an dem wird man Rache nehmen».

15. b. 25. ⲟⲩⲣⲉϥϫⲉϭⲟⲗ[sic] ⲡⲉ ⲡⲇⲓ̈ⲁⲃⲟⲗⲟⲥ· ⲁⲩⲱ̄ ⲙ̄ⲡⲉϥϫⲉ ⲙⲉ ⲉ̄ⲛⲉϩ «ein Lügner ist der Teufel und hat nie eine Wahrheit gesagt»]. Vergl. Joh. 8, 44 ⲟⲩⲣⲉϥϫⲓϭⲟⲗ ⲡⲉ· ⲙⲛ̄ ⲡⲉϥⲕⲉⲓⲱⲧ «er ist ein Lügner und auch ihr (der Lüge) Vater» ὅτι ψεύστης ἐστὶ καὶ ὁ πατὴρ αὐτοῦ.

16. a. 14. ϣⲁⲛⲧⲉϥϩⲟⲡⲧⲉⲛ ⲉ̄ⲣⲟϥ ϩⲓⲧⲙ̄ ⲡⲉϥⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲥ «bis er uns versöhnte mit sich an seinem Kreuze»]. ϩⲟⲡⲧⲉⲛ steht wohl für ϩⲟⲧⲡⲉⲛ, von ϩⲱⲧⲡ per metathesin; wie oben ⲙⲁⲛϩⲱⲡⲧ für ⲙⲁⲛϩⲱⲧⲡ. Vergl. dazu: Matth. 5, 24 ⲕⲱ ⲙⲡⲙⲁ ⲉⲧⲙⲙⲁⲩ ⲙⲡⲉⲕⲇⲱⲣⲟⲛ ϩⲓⲑⲛ ⲙⲡⲉⲑⲩⲥⲓ̈ⲁⲥⲧⲏⲣⲓⲟⲛ· ⲛⲅ̄ⲃⲱⲕ ⲛϣⲟⲣⲉⲛ ⲛⲅ̄ϩⲱⲧⲡ ⲉⲡⲕⲥⲟⲛ (Leyden 24.) ἄφες ἐκεῖ τὸ δῶρόν σου ἔμπροσθεν τοῦ θυσιαστηρίου, καὶ ὕπαγε, πρῶτον διαλλάγηθι τῷ ἀδελφῷ σου; ferner: Révélations de St. Barthélemy[93]): ⲁϥⲟⲩⲱϣⲃ ⲛϭⲓ ⲡⲥⲱⲧⲏⲣ

---

92) Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne. III. (1876.) pag. 43.

93) Dulaurier, l. l. pag. 37.

ⲡⲉϫⲁϥ ⲙⲙⲓⲭⲁⲏⲗ, ϫⲉ ⲥⲱⲟⲩϩ ⲛⲧⲁⲅⲅⲏⲗⲓⲕⲏ ⲧⲏⲣⲥ ⲛⲥⲟⲩⲱϣⲧ ⲛⲁⲓ ⲙⲛⲟⲟⲩ ϫⲉ ⲁⲓϩⲱⲧⲡ ⲉⲧⲁϩⲓⲕⲱⲛ· «es antwortete der Erlöser und sprach zu Michael: Versammle die ganze Engelschaar, damit sie mich heute anbete; denn ich bin versöhnt mit meinem Ebenbilde». Cod. Borg. CXX[94]) ⲛ̀ⲧⲟ ⲁⲣϩⲱⲧⲡ ⲉⲡⲉⲓ̈ⲱⲧ ⲙⲛ̄ ⲛⲉϥⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲙⲛⲧⲣⲱⲙⲉ ⲛ̀ⲕⲉⲥⲟⲡ «du hast wieder versöhnt die Menschheit mit dem Vater und seinen Engeln».

16. a. 29. ϣⲁϥⲧⲁⲙⲟⲕ ⲉⲧⲉϩⲓⲏ̄ ⲙ̄ⲡⲟⲩϫⲁⲓ̈: «er wird dich den Weg des Heils lehren»]. Vergl. dazu Act. 16, 17 ⲉⲩⲧⲁϣⲉⲟⲉⲓϣ ⲛⲁⲛ ⲛ̄ⲧⲉϩⲓⲏ ⲙ̄ⲡⲟⲩϫⲁⲓ̈· οἵτινες καταγγέλλουσιν ὑμῖν ὁδὸν σωτηρίας.

16. b. 26. ⲛⲉϩⲓ̄ⲟⲙⲉ ⲛ̄ⲧⲁⲓ̈ⲡⲉϩ ϩⲏⲧⲟⲩ «den Weibern habe ich den Leib aufgeschnitten und die Frucht ihrer Leiber den Dämonen geopfert»]. Vergl. Amos 1, 13 (sah. nicht erhalten) ⲁⲩⲫⲱϩ ⲛ̀ⲛⲏⲉ̀ⲧⲙⲃⲟⲕⲓ ⲛ̀ⲧⲉ ⲅⲁⲗⲁⲁⲇ «sie haben aufgeschlitzt die Schwangeren von Gilead»; und eine Turiner Handschrift hat[95]): ⲁ ⲡⲇⲓⲁ̀ⲃⲟⲗⲟⲥ ⲥⲓϯ ⲛⲟⲩⲙⲉⲩⲓ ⲉ̀ϧⲣⲏⲓ ⲉⲡⲉϥϩⲏⲧ ⲡⲉϫⲁϥ ...... Ⲉⲓⲟⲩⲱϣ ⲉⲑⲣⲓϥⲫⲁϧ ϧⲏⲧϥ ⲉ̀ⲛⲟⲩⲥϩⲓⲙⲓ ⲉ̀ⲥⲉⲙⲃⲟⲕⲓ ⲛ̄ⲧⲁⲛⲁⲩ ϫⲉ ⲉ̀ⲣⲉ ⲡⲉⲥϣⲏⲣⲓ ⲛ̀ⲕⲟⲧ ϧⲉⲛ ⲧⲉⲥⲛⲉϫⲓ ⲛⲁϣ ⲛ̀ⲣⲏϯ· «der Teufel setzte einen Gedanken in sein Herz und er sprach ...... Ich wünsche den Leib eines schwangeren Weibes aufzuschneiden und zu sehen, wie das Kind im Mutterleibe schlafe».

17. a. 7. ⲡⲁϩⲏⲧ ϭⲛⲁⲣⲓⲕⲉ ⲉⲣⲟⲓ̈ «mein Herz klagt mich an»]. Vergl. Sir. 14, 2. ⲛⲁⲓ̈ⲁⲧϥ ⲙ̄ⲡⲣⲱⲙⲉ ⲉⲧⲉ ⲙ̄ⲡⲉ ⲡⲉϥϩⲏⲧ ϭⲛ̄ⲁⲣⲓⲕⲉ ⲉⲣⲟϥ «selig ist der Mensch, den sein Herz nicht anklagt» μακάριος οὗ οὐ κατέγνω ἡ ψυχὴ αὐτοῦ.

17. b. 21. ⲇⲓⲱⲕⲧⲏⲥ, διώκτης. 1 Tim. 1, 13.

17. b. 26. ⲛⲉϥⲥⲩⲛⲉⲩⲇⲟⲕⲉⲓ ϩⲱⲱϥ ⲡⲉ ⲉⲡϩⲱⲧⲃ̄ ⲛⲥⲧⲉⲫⲁⲛⲟⲥ· «auch fand er Gefallen an der Ermordung des Stephanus»]. Vergl. Act. 7, 60 Ⲥⲁⲩⲗⲟⲥ ⲇⲉ ⲛⲉϥⲥⲉⲛⲉⲩⲇⲟⲕⲉⲓ ⲡⲉ ⲉⲡⲉϥϩⲱⲧⲃ̄· Σαῦλος δὲ ἦν συνευδοκῶν τῇ ἀναιρέσει αὐτοῦ.

17. b. 32. ϩⲛ̄ ⲛ̀ⲉⲥϩⲁⲓ̈ ⲛⲛⲁⲣⲭⲓⲉⲣⲉⲩⲥ «mit Briefen der Hohenpriester»]. Vergl. Act. 9, 1. 2 ..... ⲁϥϯ ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲓ ⲉⲡⲁⲣⲭⲓⲉⲣⲉⲩⲥ. — [2]ⲁϥⲁⲓⲧⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟⲧϥ̄ ⲛ̄ϩⲉⲛⲉⲡⲓⲥⲧⲟⲗⲏ· προσελθὼν τῷ ἀρχιερεῖ, ᾐτήσατο παρ' αὐτοῦ ἐπιστολάς.

18. a. 9. ⲥⲕⲉⲩⲥ[sic] ⲛⲥⲱⲧⲡ «auserwähltes Gefäss»]. Vergl. Act. 9, 15 σκεῦος ἐκλογῆς.

18. a. 13. ⲡⲉⲭ̄ⲥ̄ ⲁϥⲛⲁ etc. = 1 Tim. 1, 13.

18. a. 20. ⲟⲩⲙⲏⲏϣⲉ ⲛⲛⲉⲛⲧⲁⲩⲉⲓⲣⲉ ⲛϩⲉⲛⲙ̄ⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ ⲁ[ⲩⲛ̄] ⲛ̄ϫⲱⲱⲙⲉ ⲛ̄ⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲁⲩⲣⲟⲕϩⲟⲩ ⲉ[ⲧ]ⲙⲉϩ ⲙ̄ⲙⲁⲅⲓⲁ «eine Menge von denen,

---

94) Coptic apocryphal Gospels by Forbes Robinson (= Texts and Studies IV. № 2), pag. 34, l. 4 ff.

95) Rossi, Cinque manoscritti Copti della Biblioteca Nazionale di Torino. (1894.) pag. 88.

die die falschen Künste getrieben hatten, brachten mit sich die Bücher und verbrannten sie, die voll Zauberei waren»]. Vergl. Act. 19, 19 ⲟⲩⲙⲏⲏϣⲉ ⲇⲉ ⲟⲛ ⲛ̄ⲛⲉⲛⲧⲁⲩⲉⲓⲣⲉ ⲛ̄ϩⲉⲛⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ· ⲁⲩⲉⲛ ⲛⲉⲩϫⲱⲱⲙⲉ ⲛ̄ⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲁⲩⲣⲟⲕϩⲟⲩ ⲙ̄ⲡⲉⲙⲧⲟ ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ· ἱκανοὶ δὲ τῶν τὰ περίεργα πραξάντων, συνενέγκαντες τὰς βίβλους κατέκαιον ἐνώπιον πάντων.

18. b. 6 — 19. a. 3. (Nebudkadnezar)]. Vergl. dazu Dan. 4, 25—34 und die Rede über die Busse in der Biblioteca Nazionale zu Turin[96]), die überhaupt in einzelnen Abschnitten grosse Ähnlichkeit zeigt mit dem in unserem Texte von der Busse handelnden Abschnitt.

19. a. 4 ff. (Manasse)]. Vergl. IV Reg. 20, 21. 21, 1 ff. II Chron. 33, 1 ff.

19. b. 14. ϣⲁϩⲣⲁï ⲉⲧⲉⲛⲟⲩ ⲧⲙⲉⲧⲁⲛⲟïⲁ ϭⲙ̄ϭⲟⲙ ⲉⲙⲁⲧⲉ ϩ̄ⲛ̄ ⲧⲉⲕⲕⲗⲏⲥⲓⲁ ⲉϫⲡⲟ̂ ⲛ̄ⲃ̄ⲣ̄ⲣⲉ ⲙ̄ⲙⲏⲛⲉ «bis jetzt ist die Busse von grosser Kraft in der Kirche zur täglichen Wiedergeburt»]. Vergl. dieselbe Rede über die Busse: Ⲁⲧⲉⲧⲛⲛⲁⲩ ⲱ ⲛⲁⲥⲛⲏⲟⲩ ϫⲉ ⲟⲩⲛⲓϣϯ ⲧⲉ ⲧϫⲟⲙ ⲛ̀ϯⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓⲁ̀ ⲟⲩⲟϩ ⲥⲉⲣϩⲱⲃ ⲉⲟⲩⲙⲏϣ ⲛⲁⲅⲁⲑⲟⲛ ⲙ̀ⲫⲏ ⲉⲑⲛⲁϫⲫⲟⲥ ⲛⲁϥ[97]) «ihr habt gesehen, o meine Brüder, dass die Kraft der Busse gross ist und sie wirket viel Gutes für den, der sie sich zu eigen macht».

Und zu 19. a. 8 ff. vergl. noch denselben Text (pag. 86): Ⲟⲩⲟϩ ⲁ̀ ⲟⲩⲙⲏϣ ⲟⲛ ϣⲱⲡⲓ ⲛ̀ⲣⲉϥⲉⲣⲛⲟⲃⲓ ⲁⲩⲧⲁⲥⲑⲱⲟⲩ ⲟⲛ ⲁⲩϣⲱⲡⲓ ⲛⲁⲑⲛⲟⲃⲓ ϩⲓⲧⲉⲛ ϯⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓⲁ «und es waren ferner viele Sünder und sie bekehrten sich wieder und wurden sündlos durch die Busse».

20. a. 8. ⲕⲱ̄ ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲡⲉⲕⲥⲟⲛ ⲛⲥⲁϣϥ̄ ⲁⲛ ⲛⲥⲟⲡ’· ⲁⲗⲗⲁ ⲛⲥⲁϣϥ̄ ⲛ̄ϣϥⲉ ⲛⲥⲟⲡ· «vergieb deinem Bruder nicht siebenmal, sondern siebenmal siebzig mal»]. Matth. 18, 22 ⲛ̄ϯϫⲱⲙ̄ⲙⲟⲥ ⲛⲁⲕ ⲁⲛ ϣⲁ ⲥⲁϣϥ̄ ⲁⲗⲗⲁ ϣⲁ ⲥⲁϣⲉϥ ⲛ̄ϣϥⲉ ⲛ̄ⲥⲟⲛ· Οὐ, λέγω σοι, ἕως ἑπτάκις, ἀλλ’ ἕως ἑβδομηκοντάκις ἑπτά.

20. a. 31. ⲛⲛⲁ ⲙ̄ⲡⲣⲱⲙⲉ ⲉϥϣⲟⲟⲡ ⲉϫⲙ̄ ⲡⲉⲧϩⲓⲧⲟⲩⲱϥ ⲙ̄ⲙⲁⲧⲉ· ⲛⲛⲁ’ ⲇⲉ ⲙ̄ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲉϥϣⲟⲟⲡ ⲉϫⲛ ⲥⲁⲣⲝ ⲛⲓⲙ· «Das Erbarmen des Menschen ist nur über seinem Nächsten; das Erbarmen Gottes aber über allem Fleisch»]. Vergl. Sir. 18, 11 (13). Im Turiner Codex lautet diese Stelle etwas anders: ⲛⲛⲁ ⲙ̄ⲡⲣⲱⲙⲉ ⲉϣⲁϥⲉⲓ ⲉϫⲛ̄ [ⲛ]ⲉⲧϩⲓⲧⲟⲩⲱϥ, ⲛⲛⲁ ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲙ̄ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲉϣⲁϥⲉⲓ ⲉϫⲛ̄ ⲥⲁⲣⲝ ⲛⲓⲙ· ἔλεος ἀνθρώπου ἐπὶ τὸν πλησίον αὐτοῦ, ἔλεος δὲ κυρίου ἐπὶ πᾶσαν σάρκα.

20. b. 34. ⲛ̄ⲟⲩⲕⲟⲩï ⲛⲁⲡⲣⲏⲧⲉ «in einem kleinen Zeitraum, in einem Augenblick»]. Vergl. Rossi I. 4, 25. ⲙⲛ̄ⲛ̄ⲥⲁ ⲟⲩⲁⲛ[ⲣⲏ]ⲧⲉ = post horam. (Vita S. Hilarionis c. 22. Migne, Patrol. lat. 23, 40). Rossi, I. 44 ⲙⲛ̄ⲛⲥⲁ ⲟⲩⲕⲟⲩï ⲛ̄ⲁⲡⲣⲏⲧⲉ = paulatim (Migne, L. l. 23, 40.) Prov. 24, 48 (= 6, 9. 10) ϣⲁⲧⲛⲁⲩ ⲕⲛⲉϫ ⲡⲣⲉϥϫⲛⲁⲁⲩ· ⲉⲕⲛⲁⲧⲱⲟⲩⲛ ⲇⲉ’ ϩⲁ ⲡϩⲓ̈ⲛⲏⲃ

96) Rossi, Cinque manoscritti copti pag. 84 ff.

97) Rossi, l. l. pag. 84.

тнаⲩ оⲩаnрнте мен' нⲭ̈ⲓреирⲓне нnнотн ноⲩаnрнте· нкωⲗⲭ̄ ⲭе' nnенϭⲓⲭ ϩа ноⲩнn̄ ноⲩаnрнте'. Im Boh. entspricht in 6, 9. 10. dem n̄оⲩа̄nрнте stets n̄оⲩноⲩⲭⲓ, im Griech. ὀλίγον.

21. a. 17 u. *26.* ϯнаиааи n̄ѳе наⲇама аⲩω n̄ѳе n̄сесеⲃωеⲓм'· — а nаϩнт тетоq ϩраⲓ̈ n̄ϩнт· нтеⲩноⲩ а nамее[ⲩе] щтортр· «Ich werde dich verlassen wie Adama und Zeboim». — «Mein Herz ward umgewandelt in meinem Leibe und in demselben Augenblicke ward mein Denken erregt»]. Diese Worte stehn Hos. 11, 8, sahidisch bisher unbekannt. — Hier hat der koptische Text eine bessere Lesart, als der griechische, wo Σόδομα für Ἄδαμα steht. Denselben Fehler hat auch der altrussische Text: аки Содома положу тя, аки Севоимъ. — і обратися сердцѐ мое на того.

21. b. 5—13. аннаⲩ еѳе ентаqм̄наϩn̄ϩнт n̄ϭⲓ аⲭааⲃ м̄nамто еⲃоⲗ n̄наⲓеⲓне нмnеѳооⲩ еⲭм̄ nеqнⲓ̈ ϩn̄ неqϩооⲩ· «hast du gesehen, wie Achab vor meinem Angesichte getrauert hat? Nicht werde ich das Unglück herbeiführen über sein Haus in seinen Tagen»]. Diese Worte stehn III Reg. 21, 29 und sind bis jetzt sahidisch nicht bekannt. Zum Folgenden vergl. III Reg. 21, 1—28.

21. b. 29. нтетнⲩтн щароⲓ̈ нщнре ентаⲩоⲩе еⲃоⲗ nе· ⲭе nⲭоеⲓс аⲩω анон ϯнатаⲗϭе nетnоⲩωщq· «wendet euch zu mir, ihr Kinder, die ihr fern seid, denn ich bin der Herr und ich werde eure Schwachheit heilen»]. Diese Worte werden hier dem Jeremias in den Mund gelegt, obgleich sie im Jesaias stehn (45, 22); bis jetzt sahidisch unbekannt. Unser Text weicht etwas von der LXX und dem boheir. Texte ab: нетѳнноⲩ ϩароⲓ оⲩоϩ ѐретенѐноϩем ѐⲃоⲗ ϧен аⲩрнⲭq м̀nнаϩⲓ тнрq ѐнон nе ⲫϯ оⲩоϩ м̀мон неоⲩаⲓ· ἐπιστράφητε ἐπ' ἐμὲ καὶ σωθήσεσθε, οἱ ἀπ' ἐσχάτου τῆς γῆς· ἐγώ εἰμι ὁ θεός, καὶ οὐκ ἔστιν ἄλλος. Vergl. noch dazu Ps. 59 (60), 2. (4) матаⲗϭе неqоⲩωщq тнроⲩ· ἴασαι τὰ συντρίμματα αὐτῆς. Der ganze Passus l. 26—36 fehlt im griechischen und ebenso im altrussischen Texte.

22. a. 16. ϯонϩ̄ анон nеⲭе n̄ⲭоеⲓс ⲭе n̄ϯоⲩещ nмоⲩ ан мnреqр̄ноⲃе' нѳе етреqнтоq нqеⲓре n̄оⲩⲇⲓнаⲓосⲩнн̄ енqеⲓ̈ етеϩⲓн̄ м̄nωнϩ· «Ich lebe, spricht der Herr, denn ich will nicht den Tod des Sünders, (sondern), dass er sich bekehre und eine Gerechtigkeit thue und wandele auf dem Wege des Lebens»]. Ez. 33, 11. Etwas abweichend im Cod. Borgianus und in der LXX ϯонϩ̄ анон ⲭе наⲓ̈ нетере nⲭоеⲓс ⲭω м̄мооⲩ ⲭе n̄ϯоⲩещ nмоⲩ ан мnасеⲃнс n̄ѳе етре nасеⲃнс нтоq еⲃоⲗ n̄теqϩⲓн n̄qωnϩ̄· ζῶ ἐγώ, τάδε λέγει κύριος, οὐ βούλομαι τὸν θάνατον τοῦ ἀσεβοῦς ὡς ἀποστρέψει τὸν ἀσεβῆ ἀπὸ τῆς ὁδοῦ αὐτοῦ καὶ ζῆν αὐτόν.

22. a. 29. енща̄ωnϩ n̄ще n̄ромnе ϩn̄ неим̄nтасеⲃнс· нс̄метаноеⲓ̈ ϩ̄м неиϩае n̄ϩооⲩ n̄nеимоⲩ nеⲭе nⲭоеⲓс· аⲗⲗа ϩn̄ оⲩωnϩ̄

ⲕⲛⲁⲱⲛϩ̄ ⲡⲉϫⲉ ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲙ̄ⲡⲁⲙ̄ⲧⲟ ⲉⲃⲟⲗ· «wenn du hundert Jahre lebst in deinen Gottlosigkeiten und an deinem letzten Tage Busse thust, wirst du nicht sterben, spricht der Herr, sondern du wirst des Lebens leben, spricht der Herr, vor meinem Angesicht»]. Diese merkwürdige Stelle, die wie ein Bibelcitat aussieht, worauf schon Zahn[98]) aufmerksam gemacht hat, findet sich nicht in der Bibel; vielleicht stammt sie aus einem unbekannten Apokryphon. Im altrussischen Texte ist sie ebenfalls überliefert: аще живеши сто лѣтъ в нечестіи, и в' послѣднiй день покаешися, не умреши, глаголетъ Господь, но в' жизни живеши предо мною. — Zur Redensart ⲉⲕϣⲁⲛⲱⲛϩ̄ ⲛ̄ϣⲉ ⲛ̄ⲣⲟⲙⲡⲉ, ἐὰν ζῇς ἔτη ἑκατόν vergl. Eccl. VI, 3. 6 ⲉⲣϣⲁⲛ ⲡⲣⲱⲙⲉ ϫⲡⲉ ϣⲏ ⲛ̄ϣⲏⲣⲉ ⲁⲩⲱ̄ ⲛ̄ϥⲱ̄ⲛϩ̄ ⲛ̄ⲟⲩⲁ̄ϣⲏ ⲛ̄ⲣⲟⲙⲡⲉ· — [6]ⲕⲁⲛ ⲉ̄ϣⲱⲡⲉ ⲁϥⲱⲛϩ̄ ⲛ̄ϣⲟ ⲛ̄ⲣⲟⲙⲡⲉ ϩ̄ⲛ ⲛⲉϩⲟ̈ⲟⲩⲉ· ἐὰν γεννήσῃ ἀνὴρ ἑκατόν, καὶ ἔτη πολλὰ ζήσεται. — [6]καὶ ἔζησε χιλίων ἐτῶν καθόδους.

23. b. 35. ⲙⲟⲛⲟ̄ ⲉⲓⲣⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲁⲣⲡⲟⲥ ⲉϥⲙ̄ⲡϣⲁ ⲛ̄ⲧⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓ̈ⲁ «Bringe nur eine Frucht, die der Busse würdig ist»]. Vergl. Matth. 3, 8 ⲁⲣⲓⲣⲉ ϭⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲁⲣⲡⲟⲥ ⲉϥⲙ̄ⲡϣⲁ ⲛ̄ⲧⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓⲁ. σὺ μόνον ποίησον καρπὸν ἄξιον τῆς μετανοίας. — Éloges du martyr Victor[99]): ⲙ̄ⲡⲉⲕⲉⲓⲣⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲁⲣⲡⲟⲥ ⲉϥⲙ̄ⲡϣⲁ ⲛ̄ⲧⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲓⲁ· «du hast keine Frucht gebracht, die der Busse würdig ist».

24. a. 9. ϥϩⲱⲟⲩ ⲅⲁⲣ ⲉϫⲛ ⲛ̄ⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥ ⲙⲛ̄ ⲛ̄ⲣⲉϥⲣ̄ⲛⲟⲃⲉ· ⲁⲩⲱ ϥⲧⲣⲉ ⲡⲉϥⲣⲏ ϣⲁ ⲉϫⲛ ⲛⲁⲅⲁⲑⲟⲥ ⲙⲛ ⲙ̄ⲡⲟⲛⲏⲣⲟⲥ. «denn er lässt regnen über die Gerechten und die Sünder und lässt seine Sonne aufgehen über die Guten und die Bösen»]. Matth. 5, 45. Sahidisch bis jetzt nicht bekannt. ὅτι τὸν ἥλιον αὐτοῦ ἀνατέλλει ἐπὶ πονηροὺς καὶ ἀγαθούς, καὶ βρέχει ἐπὶ δικαίους καὶ ἀδίκους. — Vergl. Ps. 10 (11), 6 ϥⲛⲁϩⲱⲟⲩ ⲉ̄ϫⲛ̄ ⲛ̄ⲣⲉϥⲣ̄ⲛⲟⲃⲉ ⲛ̄ϩⲉⲛⲡⲁϣ, ἐπιβρέξει ἐπὶ ἁμαρτωλοὺς παγίδας.

24. a. 30. ⲉⲕϣⲁⲛⲕⲟⲧⲕ ⲛ̄ⲅⲁϣⲁϩⲟⲙ ⲧⲟⲧⲉ ⲕ̄ⲛⲁⲟⲩϫⲁⲓ̈ «wenn du dich bekehrst und seufzest, wirst du errettet werden»]. Jes. 13, 15. Sahidisch nicht erhalten. Ὅταν ἀποστραφεὶς στενάξῃς, τότε σωθήσῃ. — Cod. Borgian. CLXVII[100]) ⲉⲣϣⲁⲛ ⲡⲣⲱⲙⲉ ϩⲉ ϩⲙ ⲡⲛⲟⲃⲉ ⲛϥⲕⲧⲟϥ ⲛϥⲙⲉⲧⲁⲛⲟⲉⲓ, ϣⲁⲣⲉ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲕⲱ ⲛⲁϥ ⲉⲃⲟⲗ ⲛⲛⲉϥⲛⲟⲃⲉ, ⲁⲩⲱ ϣⲁϥⲣⲑⲉ ⲛⲧⲁϥⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ ⲟⲩⲙⲛⲧϩⲏⲕⲉ ⲉⲩⲙⲛⲧⲣⲙⲙⲁⲟ· «wenn der Mensch in der Sünde fällt und sich bekehrt und Busse thut, so vergiebt ihm Gott seine Sünden und er wird wie einer, der aus Armuth zu Reichthum gelangt ist».

24. b. 12. ⲡⲁⲓ̈ ⲉⲧⲟⲩⲉϣ ⲧⲣⲉ[sic] ⲣⲱⲙⲉ ⲛⲓⲙ ⲱ̄ⲛϩ ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲥⲉⲉⲓ ⲉⲛⲥⲟⲟⲩⲛ ⲛⲧⲙⲉ· «dieser der will, dass alle Menschen leben und zur Erkenntniss der

98) .l l. pag. 58. Anm. 94.
99) Mém. Mission au Caire VIII. pag. 188.
100) Zoëga 284.

Wahrheit kommen»]. 1 Tim. 2, 4 ὃς πάντας ἀνθρώπους θέλει σωθῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν.

24. b. 19. ϩⲉⲛⲕⲟⲩⲓ ⲙⲉⲛ ⲛϣⲁϫⲉ ⲛⲉ ⲛⲁï ⲉⲛⲧⲁïⲧⲁⲙⲟⲕ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ ϩⲁϩ· «dies sind nur wenige Worte, die ich dir aus der Fülle mitgetheilt habe»]. Vergl. Bouriant, Éloges du martyr Victor[101]): ⲉⲓⲥ ⲛⲁï ⲙⲉⲛ ⲁⲛϫⲟⲟⲩ ϣⲁ ⲛⲓⲙⲁ ⲱ ⲡⲗⲁⲟⲥ ⲙ̄ⲙⲁïⲡⲉⲭ̄ⲥ̄· ⲉⲁïϫⲱ ⲉⲣⲱⲧⲛ̄ ⲛ̄ϩⲛ̄ⲕⲟⲩï ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ̄ ϩⲁϩ ϩⲛ̄ ⲛⲉⲉⲅⲕⲱⲙⲓⲟⲛ ⲙ̄ⲡϩⲁⲅⲓⲟⲥ ⲃⲓⲕⲧⲱⲣ· «siehe bis hierher, o christusliebendes Volk, habe ich dieses gesagt, indem ich euch Weniges aus der Fülle in den Encomien des heiligen Victor mitgetheilt habe».

25. a. 30 ff. ϣⲁⲩⲣ̄ϣⲟⲣⲡ ⲛ̄ⲥⲉ ⲧⲥⲁⲃⲟⲟⲩ ⲉⲛⲛⲟϭ ⲛ̄ⲕⲉⲫⲁⲗⲁⲓⲟⲛ «sie beginnen sie zu unterweisen in den grossen Kapiteln»]. Vergl. Cod. Borgian. CLXVII[102]) ⲧⲛⲛⲁⲧⲁⲙⲱⲧⲛ ⲇⲉ ⲟⲛ ⲉⲛⲉⲓⲕⲉϩⲱⲃ ⲛⲕⲉⲫⲁⲗⲁⲓⲟⲛ «ich werde euch ferner auch jene wichtigen Dinge mittheilen» und ib. ⲛⲉⲓⲟⲩⲱϣ ⲙⲉⲛ ⲁⲛ ⲉⲕⲁⲣⲱⲓ ⲉⲣⲟϥ ⲉⲡⲉⲓⲇⲏ ⲟⲩⲛⲟϭ ⲛⲕⲉⲫⲁⲗⲁⲓⲟⲛ ⲡⲉ «ich will nicht darüber schweigen, denn es ist eine wichtige Sache».

25 b. 21. ff. vergl. ein Citat aus Jes. (5, 11. 12) im Cod. Borg. CCCIII pag. ⲣ̄ⲍ̄ⲃ̄· ⲟⲩⲟⲉⲓ ⲛ̄ⲛⲉⲧⲧⲱⲟⲩⲛ ⲉϩⲧⲟⲟⲩⲉ ⲉⲧϣⲓⲛⲉ ⲛ̄ⲥⲁ ⲛⲥⲓⲕⲉⲣⲟⲛ ⲉⲧⲧⲁϩⲉ ϣⲁ ⲣⲟⲩϩⲉ ⲡⲉⲩⲏⲣⲡ ⲅⲁⲣ ⲛⲁⲧⲙ̄ϩⲟⲟⲩ· [Ⲉⲩⲥⲱ ⲙ̄]ⲡⲏⲣⲡ [ϩⲛ̄ ⲟⲩⲕⲓⲑ]ⲁⲣⲁ ⲙⲛ̄ ⲟⲩ[ⲯ]ⲁⲗⲧⲏⲣⲓⲟⲛ ⲙⲛ̄ ϩⲉⲛⲕⲟⲩⲕⲙ̄ ⲙⲛ̄ ϩⲉⲛⲥⲏⲃⲉ ⲛ̄ϫⲱ· οὐαὶ οἱ ἐγειρόμενοι τὸ πρωὶ καὶ τὸ σίκερα διώκοντες, οἱ μένοντες τὸ ὀψέ· ὁ γὰρ οἶνος αὐτοὺς συγκαύσει. 12. μετὰ γὰρ κιθάρας καὶ ψαλτηρίου καὶ τυμπάνων καὶ αὐλῶν τὸν οἶνον πίνουσι.

26. b. 17. ⲕⲛⲁⲛⲁⲩ ⲁⲛ ⲉⲟⲩϩⲣⲉ ⲉⲩⲟⲩⲱⲙ ⲙⲙⲟⲥ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲧⲣⲟⲡⲣⲉⲡ[sic] «du wirst nicht sehen eine Speise, die verzehret wird in Unordnung (?)»]. Das Wort ⲧⲣⲟⲡⲣⲉⲡ ist bis jetzt nicht belegt, im Griech. entspricht dem ϩⲛ̄ ⲟⲩⲧⲣⲟⲡⲣⲉⲡ ἀτάκτως und in der altrussischen Übersetzung lautet der Satz: ни жретіе бесчин'но. ⲧⲣⲟⲡⲣⲉⲡ hängt wohl mit ⲧⲱⲣⲡ «rapere» oder mit ⲧⲟⲣⲡ «ictus» zusammen.

27. a. 17. ⲣⲙ̄ⲡ̄ⲥⲕⲓⲙ «Mann mit grauem Haar, Greis»]. Ein seltenes Wort. Vergl. Sir. 15, 6. (4) ⲉϣϫⲉ ⲛⲉⲥⲉ ⲫⲁⲛ ⲛ̄ⲡⲣⲙ̄ⲡ̄ⲥⲕⲓⲙ, ὡς ὡραῖον πολιαῖς κρίσιν. — Lev. 19, 32 Ⲉⲕⲉⲧⲱⲟⲩⲛ ⲉⲗⲟ ⲙⲙⲁⲩ· ϩⲁ ⲛϩⲟ ⲛⲟⲩⲣⲙⲉⲛⲥⲕⲓⲙ, ἀπὸ προσώπου πολιοῦ ἐξαναστήσῃ.; ⲥⲕⲓⲙ «graues Haar» findet sich Sap. 2, 10 ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲧⲣⲉⲛϣⲓⲡⲉ ϩⲏⲧⲟⲩ ⲛ̄ⲡⲉⲥⲕⲓⲙ ⲛ̄ⲟⲩϩⲗⲗⲟ ⲛ̄ⲛⲟϭ ⲛ̄ⲁϩⲉ· μηδὲ πρεσβύτου ἐντραπῶμεν πολιὰς πολυχρονίους. Sap. 4, 9 ⲧⲙⲛ̄ⲧⲣⲙ̄ⲛ̄ϩⲏⲧ ⲡⲉ ⲡⲉⲥⲕⲓⲙ ⲛ̄ⲣ̄ⲣⲱⲙⲉ· πολιὰ δέ ἐστι φρόνησις ἀνθρώποις. Apocalypse des Elias[103]) achmim. 33, 17 ⲟⲩⲧⲁïⲉ ⲛ̄ⲥⲕⲓⲙ ϩⲓⲧϩⲓ ⲛ̄ϫⲱϥ «vorn an seinem

101) Mém. Mission au Caire VIII, 254.

102) Zoëga 284.

103) Ed. Steindorff pag. 90 u. 120. (Texte u. Untersuchungen zur Geschichte der altchristl. Literatur. N. F. II. (XVII). № 3 a.

Kopfe eine Stelle von weissem Haar», sahid. 5, 29 ⲟⲩⲧⲟⲉ ⲛ̄ⲥϭⲓⲙ ϩⲓⲑⲏ ⲛ̄ϫⲱϥ· Das Verbum ⲣ̄ⲥⲕⲓⲙ — «grau, weiss, alt werden», findet sich in einem Turiner Codex: ⲁ ⲡⲛⲟⲙⲟⲥ ⲇⲉ ϩⲱⲱϥ ⲙ̄ⲡⲁϩⲏⲧ ⲣ̄ⲥⲕⲓⲙ, «das Gesetz aber meines Herzens ist alt geworden» (Rede des Joh. Chrysostomus auf den Patriarchen Joseph[104]).

27. a. 26. ⲉⲩⲟ ⲛⲟⲩⲕⲗⲟⲙ ⲉⲧⲉⲧⲣⲁⲡⲉⲍⲁ ⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ «wie ein Kranz am heiligen Tische»]. Vergl. Sir. 50, 12 ⲉϥⲟ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲗⲟⲙ ⲉϥⲙ̄ⲡⲕⲱⲧⲉ ⲛ̄ⲛⲉⲥⲛⲏⲩ κυκλόθεν αὐτοῦ στέφανος ἀδελφῶν. Cod. Clarend. b. 3. 15 ⲁⲛⲣ̄ ⲟⲩⲕⲗⲟⲙ ⲉⲣⲟϥ ⲉⲛⲕⲱⲧⲉ[105]) «wir bildeten einen Kranz um ihn herum».

28. b. 5. ⲉⲛϩⲛ̄ ⲧⲉⲓ̈ⲁⲛⲥⲏⲃⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲱⲧ ⲉⲛϫⲓⲥⲃⲱ ⲙ̄ⲡⲉⲥⲛⲁⲩ· «wir waren in derselben Schule und lernten zu zweien»]. Vergl. Bouriant, Éloges du martyr Victor[106]): ⲛ̄ⲧⲁⲩⲉⲓ̈ ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲁⲛⲍⲏⲃ ⲛ̄ⲟⲩⲱⲧ ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲩⲉⲣⲏⲩ : ⲉⲧⲉⲓ ⲉⲩⲟ ⲛ̄ϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ· «sie waren mit einander in dieselbe Schule gegangen, als sie noch Kinder waren». Cod. Borgian. CCXXIV[107]) ⲡⲁⲛⲉⲩ ⲇⲉ ⲛⲉϥⲟ ⲛϣⲃⲏⲣ ⲉⲥⲩⲙⲫⲣⲟⲛⲓⲟⲥ ⲉⲩⲟⲩⲱⲙ ⲙⲛ ⲛⲉⲩⲉⲣⲏⲩ ⲁⲩⲱ ⲉⲩⲙⲟⲟϣⲉ ⲙⲛ ⲛⲉⲩⲉⲣⲏⲩ ⲉⲩⲃⲏⲕ ⲉⲧⲁⲛⲍⲏⲃⲉ «Panêu aber war ein Freund des Symphronios; sie assen mit einander und giengen mit einander während sie die Schule besuchten».

28. b. 35. ⲁⲗⲗⲏⲗⲟⲩⲓ̈ⲁ]. Zahn's Vermuthung, dass mit dem hebräischen Worte «Hallelujah» gemeint sei[108]), wird durch den koptischen Text bestätigt. Im altrussischen Text fehlt das «Hallelujah»; es steht dort nur: «еврейскимъ языкомъ во страсѣхъ припирающимъ единемъ гласомъ».

29. a. 25. ⲗⲁⲕⲉⲛⲧ̄, т. «Pfanne, Kessel»]. Ebenso 29. b. 8. 26. 29; 30. a. 17 stets mit dem weiblichen Artikel. Vergl. II Reg. 6. 9 ⲗⲁⲕⲛⲛⲧ· Ez. 4, 3 ⲗⲁⲕⲛⲧ· Auch hier stets Femininum. Merkwürdiger Weise führen es die Lexica als Masculinum an. Vermuthlich ist es ein Lehnwort und = λεκάνη.

30. a. 4. ⲁ ⲛⲉⲧⲟ ⲙⲡⲉϥϩⲟⲩⲛ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲡⲱϣ̄ⲛⲉ ⲉⲃⲟⲗ «und alle seine Eingeweide wurden ausgeschüttet»]. Vergl. Act. 1, 18 ⲁϥⲡⲱϣ ϩⲛ̄ ⲧⲉϥⲙⲏⲧⲉ ⲁ ⲛⲉⲧⲙ̄ⲡⲉϥϩⲟⲩⲛ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲡⲱϣⲛⲉ ⲉⲃⲟⲗ καὶ πρηνὴς γενόμενος ἐλάκησε μέσος, καὶ ἐξεχύθη πάντα τὰ σπλάγχνα αὐτοῦ. Cod. Borgian. CLX[109]) ⲁ ⲛⲉϥⲙⲁϩⲧ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲙⲛ ⲛⲉⲧⲙⲡⲉϥϩⲟⲩⲛ ⲁⲩⲉⲓ ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ «alle seine Eingeweide fielen herunter».

30. a. 29. ϩⲣⲉⲛⲧⲓⲟⲥ]. Der griech. Text hat Τερέντιος oder Τερέντινος, der altrussische Text — Терентину (acc.), als Femininum behandelt, wozu

104) Rossi II. 2, 26.
105) Forbes Robinson, l. l. pag. 76.
106) Mém. Mission au Caire. VIII, pag. 260.
107) Zoëga 549.
108) L. l. pag. 62. Anm. 3.
109) Zoëga 261.

man vergl. die Anmerkung 3 bei Zahn pag. 67 u. 69. Die kopt. Form ist wohl eine Abkürzung, ähnlich wie ⲭⲁⲏⲗ für ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ, ϫⲉⲕⲓⲉⲗ für ⲓⲉϫⲉⲕⲓⲏⲗ und ⲗⲓⲥⲁⲃⲉⲧ für ⲉⲗⲓⲥⲁⲃⲏⲧ.

30. b. 24. ⲕⲗⲁⲩⲇⲓⲟⲥ ⲡⲕⲉⲥⲁⲣ «Claudius der Caesar»]. Abweichend von allen griechischen und dem altrussischen Texte ist «Claudius Caesar» im koptischen Texte Subject; das Schreiben ist an Diocletianus gerichtet. Hier wird wohl unser Text das Ursprüngliche bewahrt haben.

31. a. 17. 19. An beiden Stellen steht ϩⲩⲡⲟⲙⲛⲏⲙⲁ, wovon jedoch das erste in ϩⲩⲡⲟⲙⲟⲛⲏ (ὑπομονή) zu verbessern ist.

32. b. 14. ⲡϩⲟⲩⲣⲃⲓⲛⲟⲥ, Phurbinos]. Die koptische Form kommt am nächsten dem Par. Codex 1468 (P.) Φουλβῖνος, während der Codex 1485 (B.), der dem Text der AA. SS. zu Grunde liegt, Φουλεανός, die Handschriften des Symeon Metaphrastes Φελχιος, Φελβιος und Ελβιος lesen. Die syr. Übersetzung hat «Fulvus»[110]). Der altrussische Text liest ganz corrumpiert Фуминь. In dem Μαρτύριον Ματθαίου führt der König der Menschenfresser (Myrmekion) den Namen Φουλβανός, während Nikephoros Kallistos ihn Φουλβιανός nennt[111]). Alle diese Formen gehn wahrscheinlich auf das lat. Fulvius Φούλβιος, *Fulvianus zurück oder vielleicht steckt in ⲡϩⲟⲩⲣⲃⲓⲛⲟⲥ das lat. Rufinus, Ῥουφῖνος.

(Synaxarium das ist Heiligen-Kalender der Coptischen Christen. Aus dem Arabischen übersetzt von Ferd. Wüstenfeld. Göttingen, 1879, pag. 37 ff.)

Der einundzwanzigste Tag des Monats Tut.

An einem solchen Tage erlitt den Märtyrertod der grosse Heilige Cyprianus und die heilige Justina. Dieser Cyprianus war ein ungläubiger Zauberer, er hatte die Zauberei in Magrib gelernt und übertraf alle, die in Magrib waren; da bewog ihn der Dünkel über sein Heidenthum und seine Zauberei nach Antiochia zu gehen, um zu sehen, ob dort noch mehr Wissenschaft sei, die er lernen könnte; wo nicht, so wollte er sich bei ihnen mit seiner Kunst rühmen. Nachdem er sich einige Zeit in Antiochia aufgehalten hatte und seine Sache bekannt geworden war, hörte von ihm auch ein junger Mann, der Sohn eines angesehenen Einwohners, der in eine christliche Jungfrau Namens Justina verliebt war. Er hatte sie gesehen, wie sie zur

110) cf. Zahn, l. l. pag. 70. Anm. 9.
111) Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten u. Apostellegenden. II, 2. pag. 124.

Kirche ging, war in Liebe zu ihr entbrannt, konnte sich aber weder durch Geldversprechungen, noch durch Drohungen mit dem Tode, noch durch Zauberkünste in ihren Besitz setzen. Als er nun von der Ankunft dieses heiligen Cyprianus hörte und dass er alle Welt durch seine Kunst überträfe, ging er zu ihm, klagte ihm seine Lage, indem er hoffte, durch ihn seine Absicht zu erreichen. Der heilige Cyprianus versprach ihm die Erfüllung seiner Hoffnung und setzte alle möglichen Arten seiner Kunst gegen sie in Bewegung, richtete aber nichts gegen sie aus; so oft er eine von den Kräften der Teufel nach ihr aussandte, fanden sie sie beten, sie vermochten nicht vor ihr zu stehen, sondern ergriffen die Flucht. Als er endlich müde war und verzweifelte, rief er die Teufel herbei und sagte ihnen: wenn ihr mir die Justina nicht herschafft, so werde ich Christ. Da ersann der Anführer der Teufel eine List, womit er ihn täuschen wollte; er liess nämlich einen seiner Teufel ihre Kleidung anziehen, ihre Gestalt annehmen und zu ihm gehen, indem er selbst voraufging und Cyprianus benachrichtigte, dass sie, wie er gewünscht hatte, kommen würde. Er freute sich darüber und nachdem er einige Zeit auf sie gewartet hatte, trat der ihr ähnliche Teufel bei ihm ein; Cyprianus freute sich, stand auf um sie zu umarmen und in seiner grossen Freude rief er: willkommen, hohe Frau, Justina! Sowie er nur ihren Namen aussprach, wurde der ihr ähnliche Teufel wie Rauch und löste sich auf in einen übelriechenden Dunst. Da erkannte Cyprianus, dass er von dem Teufel hintergangen sei und dass dieser nicht einmal bei der Erwähnung ihres Namens Stand halten könne, ungeachtet er sie täuschend nachgeahmt hatte; er machte sich sofort auf, verbrannte seine Bücher und liess sich durch den Patriarchen von Antiochia eigenhändig taufen. Dieser nahm ihn dann in den Priesterstand auf, machte ihn nach kurzer Zeit zum Messdiener und nachher auch zum Priester, und nachdem er in seiner tugendhaften Ausbildung und den Wissenschaften der Kirche weitere Fortschritte gemacht hatte, wurde er Bischof von Carthago. Er nahm die heilige Justina mit sich und machte sie zur Oberin der Nonnen, und als das heilige Concil sich in Carthago versammelte, war unser Heiliger unter den Theilnehmern. Als der Kaiser Decius von den beiden hörte, liess er sie zu sich holen und verlangte von ihnen, dass sie ihren Glauben verleugneten, und als sie ihm nicht gehorchten, liess er sie mit schweren Strafen belegen und befahl zuletzt ihnen die Köpfe abzuschlagen.

INDEX.

I. Koptische Wörter.

ⲣ̄ⲏⲧ cc. ⲛ̄(ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 11. b. 9.
ⲉⲥⲟⲟⲩ m. 23. b. 17.
ⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ in ⲡⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ 18. b. 10.
ⲉⲧⲡⲱ f. 5. b. 17.
ⲉⲟⲟⲩ m. 12. a. 8; 25. a. 17; in ⲙⲛ̄ⲧⲙⲁⲓⲉ̄ⲟ̄ⲟⲩ 10. a. 2; in ϯⲉⲟⲟⲩ cc. ⲛ̄(ⲛⲁ⸗) 22. b. 34.
ⲉ̄ϣⲱⲧ in ⲙⲛ̄ⲧⲉϣⲱⲧ 8. a. 30.
ⲉϣϫⲉ 11. a. 1. 9; 17. b. 19; 18. b. 6; 23. a. 19. 26.

ⲏ

ⲏⲓ̈ m. 21. b. 12; 28. a. 12. b. 11.

ⲑ

*ⲑⲃ̄ⲃⲓⲟ, — part. ⲑⲃ̄ⲃⲓ̈ⲏⲩ 26. b. 29.
ⲑⲉⲙⲕⲟ[sic] v. ⲕⲉⲙⲧⲟ.
*ⲑⲛⲟ, ⲑⲛⲟ⸗ (suff. reflex.) ⲉϩⲟⲩⲛ 27. b. 18.
ⲑⲛⲟ ⲉⲃⲟⲗ cc. ⲛ̄(ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 12. a. 7.

ⲓ (ⲉⲓ)

ⲉⲓ̈ 4. a. 4; 22. a. 24; 24. b. 16. 24; 25. a. 26; ⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ 3. b. 28; 11. b. 20.
ⲉⲓ̈ⲱ ⲉⲃⲟⲗ cc. ⲛ̄(ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 26. a. 24.
ⲉⲓ̈ⲙⲉ cc. ⲛ̄(ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 10. a. 26; 17. b. 5; cc. ⲉ(ⲣⲟ⸗) 2. b. 10. 30; 3. a. 7. 30. b. 21. 24; 4. a. 7. b. 5; 5. b. 5; 30. b. 18; 31. a. 13; seqq. ϫⲉ 5. a. 17; 10. a. 13; 14. b. 21; 20. a. 22; 23. b. 27; 24. a. 3.
ⲉⲓ̈ⲛⲉ cc. ⲛ̄(ⲛⲁ⸗) 4. a. 15; 7. b. 27; 12. a. 17; subst. m. ⲉⲓⲛⲉ 12. a. 11; ⲓⲛⲉ 8. a. 21. b. 19.
ⲉⲓ̈ⲛⲉ cc. ⲉϫⲛ̄ et ⲛ̄(ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 20. b. 23; 21. a. 22. b. 9. 16; ⲛ̄- 18. a. 24; ⲉⲛⲧ⸗ 32. a. 12. 27.
ⲉⲓ̈ⲟ̄ⲡⲉ in ⲙⲛ̄ⲧⲣⲉϥⲣ̄ⲉⲓ̈ⲟ̄ⲡⲉ 4. a. 32.
ⲉⲓ̈ⲣⲉ cc. ⲛ̄(ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 1. a. 34. b. 25; 2. a. 32; 3. a. 20; 6. a. 3. b. 19. 21; 7. b. 22; 9. b. 28; 12. b. 14; 18. a. 22; 19. a. 15; 22. a. 22; 23. b. 35; 26. b. 2; 28. a. 3. 13; 29. b. 1; ⲣ̄- 1. b. 7; 10. b. 23; ⲉⲣ- 1. b. 29; 10. a. 8; 16. b. 21; 30. b. 6.
ⲣ̄ⲁⲥⲉⲃⲏⲥ 18. b. 22; 20. b. 12.
ⲣⲁⲧϭⲟⲙ 19. b. 23.
ⲣ̄ⲃⲟⲗ cc. ⲉⲣⲟ⸗ 18. b. 18.
ⲣ̄ⲉⲓ̈ⲟ̄ⲡⲉ in ⲙⲛ̄ⲧⲣⲉϥⲣ̄ⲉⲓ̈ⲟ̄ⲡⲉ 4. a. 32.
ⲣ̄ⲡⲙⲉⲉⲩⲉ 18. b. 9; ⲉⲣⲡ̄ⲙⲉⲉⲩⲉ cc. ⲛ̄ 13. b. 29; 14. a. 28; subst. m. ⲣ̄ⲡⲙⲉⲉⲩⲉ 28. a. 8.
ⲣ̄ⲙⲁⲅⲓⲁ 17. a. 27.
ⲣ̄ⲙⲛ̄ⲧⲣⲉ 20. a. 28.
ⲣⲛⲟⲃⲉ in ⲣⲉϥⲣⲛⲟⲃⲉ 22. a. 19; 23. a. 1. 31. b. 5; 24. a. 11.
ⲉⲣⲙⲏ in ⲙⲁⲛⲉⲣⲙⲏ 3. b. 29.
ⲣ̄ⲛⲁⲏⲧ cc. ⲙ̄ⲛ̄ 23. a. 8.
ⲣ̄ⲛⲟϥⲣⲉ cc. ⲛ̄(ⲛⲁ⸗) 17. a. 1.
ⲣ̄ⲣⲙ̄ϩⲉ cc. ⲉ 18. b. 2.
ⲣⲥⲁϩ 4. b. 15.
ⲣ̄ⲭⲣⲏⲥⲧⲟⲥ 20. b. 5.
ⲣ̄ϣⲡⲏⲣⲉ 24. b. 30; 27. b. 14; ⲉⲣϣⲡⲏⲣⲉ 12. a. 4; cc. ⲛ̄(ⲛⲁ⸗) 31. a. 18.
ⲣ̄ϣⲟⲣⲡ 25. a. 31.
ⲣ̄ϣⲁϥⲧⲉ 19. b. 5.
ⲣ̄ϩⲧⲏ⸗ 19. a. 18.
ⲉⲣϫⲟⲉⲓⲥ cc. ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉϫⲱ⸗ 30. a. 1. 7.
ⲉⲣϭⲁϫⲓϥ 4. a. 2.
ⲁⲁ⸗ 4. b. 5. 8. 28; 11. b. 2; 14. a. 2; 15. b. 5; 16. a. 21; 17. a. 11; 18. a. 15; part. ⲟ 2. b. 15; 4. a. 18; 5. b. 20; 6. b. 17; 7. a. 7. 22. 25. b. 5; 8. a. 13. 20. b. 1. 12; 9. a. 24; 10. b. 30; 12. a. 12; 14. a. 17; 17. a. 15; 23. a. 3. 20. 22; 26. b. 13; 27. a. 26; 30. a. 4; ⲱ 3. a. 14; 9. a. 8. b. 29.
*ⲉⲓ̈ⲉⲣⲟ, ⲓ̈ⲉⲣⲟ m. 31. b. 27.
ⲉⲓⲱⲧ m. 16. a. 27; 17. a. 33; 20. b. 29; 29. b. 14; plur. ⲉⲓ̈ⲟⲧⲉ 13. a. 7.
ⲉⲓϣⲉ cc. ⲛ̄(ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 6. a. 16; part. ⲁϣⲉ 7. b. 16.

ⲕ

ⲕⲉ 17. a. 24. 29; 19. a. 6. 8. 31; 30. a. 25; plur. ⲕⲟⲟⲩⲉ 1. a. 34; 10. b. 4; in ⲛ̄ⲕⲉⲥⲟⲛ 14. a. 12; 19. a. 3.

ⲗ

ⲙ

15; 30. b. 11. 13; in ⲣⲉϥϣⲙ̅ϣⲉⲛⲟⲩⲧⲉ 15. a. 24.
*ⲛ̅ⲧⲏϭ, ⲉⲛⲧⲏϭ 10. a. 31.
ⲛⲏⲩ ⲉⲃⲟⲗ 5. b. 27.
ⲛⲁϣⲉ 29. a. 3; ⲛⲁϣⲱ⸗ 12. b. 7; 19. a. 7. b. 13; 20. a. 24; 21. a. 1; 22. a. 8.
ⲛⲟϥⲣⲉ in ⲣ̅ⲛⲟϥⲣⲉ cc. ⲛ̅, ⲛⲁ⸗ 17. a. 1.
ⲛⲁϩⲃ f. 23. b. 22.
ⲛⲟⲩϩⲙ̅ cc. ⲉⲣⲟ⸗ 19. a. 24.
ⲛⲉϩⲥⲉ ⲉϩⲣⲁï cc. ⲛ̅ (ⲙ̅ⲙⲟ⸗) 5. a. 12.
ⲛⲁϩⲧⲉ cc. ⲉ̅ 14. b. 25; subst. m. in ⲁⲧⲛⲁϩⲧⲉ cc. ⲉ 23. a. 4.
ⲛⲟⲩϫ 4. a. 9; in ⲙⲛ̅ⲧⲛⲟⲩϫ 7. a. 4.
ⲛⲟⲩϫⲉ cc. ⲛ̅ (ⲙ̅ⲙⲟ⸗) 2. b. 6; 32. b. 32; ⲛⲟϫ⸗ 19. a. 23; ⲛⲟⲩϫⲉ ⲉⲃⲟⲗ cc. ⲛ̅ (ⲙ̅ⲙⲟ⸗) 18. a. 2; 25. a. 34; ⲛⲟϫ⸗ ⲉⲃⲟⲗ 15. b. 15; 18. b. 23; 22. b. 35.
ⲛⲟϭ 2. b. 21; 5. b. 17; 9. a. 13. b. 5; 11. a. 17; 12. b. 20. 22; 13. b. 23; 15. a. 2; 17. a. 16; 19. a. 21. b. 10; 20. a. 19. b. 29; 23. a. 20. 22. b. 14; 25. a. 23.
ⲛⲟⲩϭ̅ⲥ̅ cc. ⲉ 4. b. 31.

ⲟ

ⲟ̅ⲙⲉ m. 7. a. 16.
ⲟⲥⲉ in ϯⲟⲥⲉ 25. b. 19.
ⲟⲟϩ m. 2. b. 29.
ⲟϩⲥ 8. a. 2.

ⲡ

ⲡⲉ f. 8. b. 26; 28. b. 24.
ⲡⲱⲱ̅ⲛⲉ ⲉⲃⲟⲗ 30. a. 6.
ⲡⲉⲛⲓ̈ⲛⲉ m. 7. b. 8.
ⲡⲱⲣⲉϣ 12. a. 32; part. ⲡⲟⲣϣ̅ ⲉⲃⲟⲗ 23. b. 12.
*ⲡⲱⲣϫ, ⲡⲉⲣⲉϫ- 2. b. 2.
ⲡⲱⲧ 4. b. 10; 10. a. 10; ⲡⲱⲧ ⲉⲃⲟⲗ cc. ⲛ̅ (ⲙ̅ⲙⲟ⸗) 5. a. 8; 13. b. 11; part. ⲡⲏⲧ cc. ⲛ̅ⲥⲁ 17. b. 34; ⲡⲏⲧ ϩⲁⲃⲟⲗ cc. ⲛ̅ (ⲙ̅ⲙⲟ⸗) 7. b. 11.
*ⲡⲱϩ, ⲡⲉϩ- 16. b. 26.
ⲡⲉϫⲉ 22. a. 16. 36. b. 3; ⲡⲉϫⲁ⸗ 11. a. 22; 15. b. 22; 16. b. 4; 17. a. 4. b. 15; 29. a. 21; 30. a. 20. 30; 32. a. 24.

ⲣ

ⲣⲏ m. 1. b. 15; 2. b. 28; 24. a. 13.
ⲣⲱ in ⲕⲁ-ⲣⲱ cc. ⲉ 17. a. 9.
ⲣⲱⲕϩ 30. a. 26; ⲣⲟⲕϩ⸗ 18. a. 26.
ⲣⲓⲙⲉ 17. a. 6; 32. b. 23.
ⲣⲱⲙⲉ m. 3. b. 14. 30; 4. a. 6. b. 32; 6. a. 5. b. 11; 11. b. 30; 12. b. 30; 16. a. 10; 18. b. 26; 20. a. 17. 26. 32. b. 17; 22. b. 18. 23; 24. b. 14; 25. a. 14; 28. a. 20; 29. b. 23; 30. b. 8; 32. b. 4.
ⲣⲙ̅ in ⲣⲙ̅ⲛ̅ⲥⲕⲓⲙ 27. a. 17.
ⲣⲙ̅ⲛⲛⲉⲩⲏ 20. b. 7.
ⲣⲉϥ in ⲣⲉϥⲣ̅ⲉⲓⲟⲡⲉ in ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥⲣ̅ⲉⲓⲟⲡⲉ 4. a. 32.
ⲣⲉϥⲣ̅ⲛⲟⲃⲉ 22. a. 19; 23. a. 1. 31. b. 5; 24. a. 11.
ⲣⲉϥϣⲓ̈ⲛⲉ in ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥϣⲓ̈ⲛⲉ 3. a. 29.
ⲣⲉϥϣⲙ̅ϣⲉⲉⲓ̈ⲇⲱⲗⲟⲛ in ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥϣⲙ̅ϣⲉⲉⲓ̈ⲇⲱⲗⲟⲛ 8. b. 20.
ⲣⲉϥϣⲙ̅ϣⲉⲛⲟⲩⲧⲉ 15. a. 23.
ⲣⲉϥϫⲓ̈ⲙⲁⲉⲓ̈ⲛ 3. b. 3.
ⲣⲉϥϫⲓϣⲏⲙ in ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥϫⲓϣⲏⲙ 3. b. 9.
ⲣⲉϥϫⲓⲥⲃⲱ in ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥϫⲓⲥⲃⲱ 24. b. 35.
ⲣⲉϥϫⲉϭⲟⲗ[sic] 15. b. 25.
ⲣⲟⲙⲡⲉ m. 1. b. 30; 4. b. 20; 10. a. 9; 22. a. 31.
ⲣ̅ⲙ̅ϩⲉ in ⲣ̅ⲣ̅ⲙ̅ϩⲉ cc. ⲉ 18. b. 2.
ⲣⲁⲛ m. 32. b. 5.
ⲣ̅ⲣⲟ m. 19. a. 5; 30. b. 17. 26; 31. a. 15; b. 5; 32. b. 16. 19; in ⲙⲛ̅ⲧⲣ̅ⲣⲟ 31. a. 2; plur. ⲣ̅ⲣⲱⲟⲩ 19. a. 6; ⲉⲣⲟ 10. b. 30; plur. ⲉⲣⲱⲟⲩ 1. b. 23; in ⲙⲛ̅ⲧⲉⲣⲟ 18. b. 24. 34; 24. a. 8.
ⲣⲟⲟⲩϣ m. 17. a. 13; in ⲃⲓ̈ⲣⲟⲟⲩϣ cc. ϩⲓ̈ 16. a. 20; in ⲃⲓ̈ⲛⲣⲟⲟⲩϣ cc. ⲛ̅ (ⲛⲁ⸗) 13. b. 9.
ⲣⲁϣⲉ cc. ⲉϩⲣⲁï ⲉϫⲱ⸗ 23. b. 19. 28; subst. m. 23. a. 27; 25. a. 8.
ⲣⲟⲩϩⲉ m. 27. b. 32.

ⲥ

ⲥⲁ 1. b. 12; 31. a. 9.
ⲥⲉï in ⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲥⲉï 8. a. 4.
ⲥⲃⲱ f. in ϯⲥⲃⲱ cc. ⲛ̄(ⲛⲁ⸗) 25. a. 23; in ϫⲓⲥⲃⲱ 28. b. 8; cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 3. a. 28; 4. b. 14; 26. b. 31; in ⲙⲛ̄ⲧⲣⲉϥϫⲓⲥⲃⲱ 24. b. 34.
ⲥⲏⲃⲉ (ⲥⲏϥⲉ) f. 14. a. 21; 31. b. 18; ⲥⲏϥⲉ ⲛ̄ϫⲱ 25. b. 36.
ⲥⲱⲃⲉ cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 30. a. 18; subst. m. 26. b. 12.
*ⲥⲃⲟⲕ, part. ⲥⲟⲃⲉⲕ 9. b. 13.
*ⲥⲟⲃⲧⲉ, part. ⲥⲃ̄ⲧⲱⲧ 21. a. 34.
ⲥⲱⲕ cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 27. b. 1; ⲥⲱⲕ ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 19. a. 29; ⲥⲱⲕ ⲉϩⲣⲁï cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 8. a. 14; cc. ϩⲁϫⲱ⸗ 31. b. 32.
ⲥⲕⲓⲙ in ⲣⲙⲛ̄ⲥⲕⲓⲙ 27. a. 17.
ⲥⲙⲏ 25. b. 30; 26. a. 16; 28. b. 32.
ⲥⲙⲛⲧⲉ cc. ⲛ̄ (ⲙⲙⲟ⸗) 28. b. 15.
ⲥⲙⲟⲧ m. 1. b. 20; 4. b. 30; 6. a. 29. b. 2; 7. a. 3. 8. 26. b. 5; 8. a. 18; 9. a. 9. 21. b. 31.
ⲥⲙⲟⲩ cc. ⲉ 28. b. 29; 32. a. 25.
ⲥⲟⲛ m. 11. a. 28; 20. a. 10; plur. ⲥⲛⲏⲩ 2. b. 8; 15. a. 8.
ⲥⲉⲛⲧⲉ 2. a. 21.
ⲥⲱⲛⲧ m. 28. a. 2.
ⲥⲛⲁⲩ m. 28. b. 13; ⲥⲛ̄ⲧⲉ f. 25. b. 12.
ⲥⲛⲟϥ m. 3. b. 27.
ⲥⲟⲛ in ⲛ̄ⲕⲉⲥⲟⲛ 14. a. 12; 19. a. 3; in ϩⲓ ⲟⲩⲥⲟⲛ 20. b. 20; in ⲛ̄ϩⲁϩ ⲛ̄ⲥⲟⲛ 19. b. 8.
ⲥⲟⲛⲥ̄ cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 15. a. 7; cc. ⲉϫⲱ⸗ 15. a. 9; subst. m. 20. b. 30.
*ⲥⲟⲛⲥⲉⲛ, ⲥⲉⲛⲥⲱⲛ⸗ cc. ⲉϩⲣⲁï ⲉϫⲱ⸗ 15. a. 15.
*ⲥⲱⲣ ⲉⲃⲟⲗ, part. ⲥⲏⲣ ⲉⲃⲟⲗ 10. b. 7.
*ⲥⲱⲣⲙ̄, part. ⲥⲟⲣⲙ̄ 23. b. 18.
ⲥⲟⲧ m. 26. a. 23.
ⲥⲱⲧⲙ̄ 27. b. 9; cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 14. b. 31; 15. a. 24; 16. b. 2; 26. b. 8; 29. a. 5; cc. ⲉⲧⲃⲉ 24. b. 26; cc. ⲛ̄ⲥⲁ 13. a. 1; 27. a. 18; 31. b. 1. 13.
ⲥⲱⲧⲛ 18. a. 10.
ⲥⲓⲟⲩ m. 1. a. 17; 2. b. 33; 3. a. 12. 16; 5. a. 1; 10. a. 30; 12. b. 21; 28. b. 24.
ⲥⲟⲟⲩⲛ cc. ϫⲉ 13. a. 27; 15. b. 16. 23; ⲥⲟⲩⲉⲛ- 1. a. 2; 2. a. 13. b. 24; ⲥⲟⲩⲛ- 18. b. 12; 19. a. 12; 21. a. 13; ⲥⲟⲩⲉⲛⲧ⸗ 29. a. 4; ⲥⲟⲟⲩⲛ subst. m. 6. b. 24; 19. a. 13; 24. b. 16; 25. b. 9; in ⲙⲛ̄ⲧⲁⲧⲥⲟⲟⲩⲛ 15. b. 6; 18. a. 16.
ⲥⲁϣϥ 1. b. 33; 20. a. 10. 12.
ⲥⲏϥⲉ v. ⲥⲏⲃⲉ.
ⲥⲏϥⲉ ⲛ̄ϫⲱ 25. b. 36.
ⲥⲁϩ 24. b. 25; 31. b. 7; in ⲣ̄ⲥⲁϩ 4. b. 15.
*ⲥϩⲁⲓ, part. ⲥⲏϩ 18. a. 17; 25. b. 18; subst. m. ⲥϩⲁï 17. b. 32.
*ⲥⲁϩⲟ, ⲥⲁϩⲱⲱ⸗ ⲉⲃⲟⲗ cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 14. a. 14; ⲥⲁϩⲱ⸗ ⲉⲃⲟⲗ cc. ⲛ̄, ⲙⲙⲟ⸗ 10. b. 15.
ⲥⲁϩⲟⲩ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 22. b. 32.
ⲥϩⲓⲙⲉ f. 1. b. 6; 9. a. 26; 21. b. 20; plur. ϩⲓⲟ̄ⲙⲉ 2. b. 3; 16. b. 26.
ⲥⲟϭ in ⲙⲛ̄ⲧⲥⲟϭ 9. b. 19.
*ⲥϭⲣⲁϩⲧ, part. ⲥϭⲣⲁϩⲧ 26. b. 27.

ⲧ

ϯ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 4. b. 7; ϯ- 2. a. 9; 25. a. 5; ⲧⲁⲁ⸗ cc. ⲉ̄ⲧⲟⲟⲧ⸗ 11. b. 11; cc. ⲛ̄ (ⲛⲁ⸗) 12. a. 9; 13. a. 13.
ϯⲁⲡⲟⲫⲁⲥⲓⲥ 31. a. 31.
ϯⲉⲟⲟⲩ cc. ⲛ̄ (ⲛⲁ⸗) 22. b. 34.
ϯ ⲙⲛ̄ 6. b. 4.
ϯⲟⲥⲉ 25. b. 19.
ϯⲥⲃⲱ cc. ⲛ (ⲛⲁ⸗) 25. a. 33.
ϯⲡⲉϥⲟⲩⲟⲓ 13. b. 17; — ⲟⲩⲟⲉⲓ 29. a. 23. b. 6.
ϯⲟⲩⲱ 5. b. 8.
ϯⲟⲩⲃⲉ 5. a. 15; 12. b. 23; 26. a. 34.
ϯϩⲟⲉⲓⲙ 5. b. 11.
ϯϩⲟⲧⲉ 12. b. 17.
ϯϩⲧⲏ⸗ cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 23. a. 35; ϯ ⲛ̄ϩⲧⲏ⸗ cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 26. a. 10; 32. b. 17; subst. ϯϩⲧⲏϥ 27. b. 10.
ⲧⲁⲉⲓⲟ, cc. ⲛ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 29. b. 3; ⲧⲁⲉⲓⲟ⸗ 11. b. 16; part. ⲧⲁⲉⲓⲏⲩ 11. b. 14; 12. a. 20.

ⲧⲁⲩⲟ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 26. a. 1; 28. a. 15; ⲧⲁⲩⲟ⸗ 17. a. 12; ⲧⲁⲩⲟ ⲉⲃⲟⲗ 28. a. 16.
*ϯⲟⲩ, ⲧⲏ in ⲙⲛ̄ⲧⲏ 1. b. 30.
ⲧⲃⲛⲏ 18. b. 26; plur. ⲧⲃ̄ⲛⲟⲟⲩⲉ̄ 3. b. 8; 26. a. 35.
ⲧⲃ̄ⲧ m. 5. a. 30.
ⲧⲁⲕⲟ transit. cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 13. a. 2; ⲧⲁⲕⲟ⸗ 13. a. 11; 20. b. 11; 28. a. 24.
ⲧⲁⲕⲟ intransit. 13. a. 19; subst. m. 19. a. 30; 20. b. 25.
ⲧⲱⲕ ⲛ̄ϩⲏⲧ 15. a. 29; 23. a. 36; 28. a. 18.
*ⲧⲱⲕⲙ, part. ⲧⲟⲕⲙ̄ 14. a. 21.
ⲧⲁⲗⲟ ⲉϩⲣⲁ̈ï cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) et ⲛ̄ (ⲛⲁ⸗) 16. b. 28; ⲧⲁⲗⲟ⸗ cc. ⲉϫⲛ̄ 23. b. 21.
ⲧⲉⲗⲏⲗ m. 23. b. 15.
*ⲧⲁⲗϭⲟ, ⲧⲁⲗϭⲉ- 21. b. 35; subst. ⲧⲁⲗϭⲟ in ⲁⲧⲧⲁⲗϭⲟ 13. a. 22.
ⲧⲁⲙⲓⲟ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 12. b. 19; ⲧⲁⲙⲓⲟ⸗ 6. a. 31.
ⲧⲁⲙⲟ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) et ⲉ (ⲉⲣⲟ⸗) 3. b. 13; 21. a. 24; 25. a. 16; ⲧⲁⲙⲟ́⸗ 17. a. 35; cc. ⲉ (ⲉⲣⲟ⸗) 16. a. 29; 24. b. 20.
*ⲧⲱⲙ, part. ⲧⲏⲙ 7. b. 1.
ⲧⲉⲛⲟⲩ 14. b. 16; 16. a. 18. 25; 19. b. 14; 22. a. 1.
ⲧⲛ̄ⲛⲟⲟⲩ 1. b. 16. cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗)
ⲧⲉⲛⲁϩ m. 8. b. 27.
ⲧⲁⲡⲣⲟ f. 4. a. 5; 26. b. 11; 27. b. 5; ⲛ̄ⲧⲁⲡⲣⲟ ϩⲓ ⲧⲁⲡⲣⲟ 2. a. 6; 11. a. 12.
ⲧⲏⲣ m. 3. a. 3.
ⲧⲣⲟⲡⲣⲉⲡ, — ϩⲛ̄ ⲟⲩⲧⲣⲟⲡⲣⲉⲡ, ἀτακτῶς. 26. b. 20.
ⲧⲏⲣϥ m. 16. a. 5.
ϯⲥⲟ cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 22. b. 15.
ⲧ̄ⲥⲁⲃⲟ cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 1. b. 31; cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 2. b. 1; ⲧ̄ⲥⲁⲃⲟ⸗ 11. a. 26; cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 2. a. 18. 22; 10. b. 10; 25. a. 31; cc. ϫⲉ 15. a. 11.
*ⲧⲥⲁⲛⲟ, part. ⲧⲥⲁⲛⲏⲩ 26. b. 22.
*ⲧ̄ⲥⲧⲟ, ⲧ̄ⲥⲧⲟ⸗ (pron. reflex.) 21. a. 27; ⲧ̄ⲥⲧⲟ⸗ ⲉⲃⲟⲗ 23. b. 33.
ⲧⲟⲟⲧ in ⲕⲁⲧⲟⲟⲧ⸗ ⲉⲃⲟⲗ 19. b. 26; ⲟⲩⲱϩ ⲉⲧⲟⲟⲧ⸗ 7. b. 12.
ϯⲧⲱⲛ 4. a. 15.
ⲧⲱⲟⲩⲛ 12. a. 3; 16. a. 24; 27. b. 22; 28. a. 29; cc. ϩⲁ 6. a. 13.
*ⲧⲟⲩϫⲟ, ⲧⲟⲩϫⲉ- 28. a. 26.
ⲧⲱϣ m. 2. a. 33. b. 30; 6. b. 5.
ⲧⲁϩⲟ cc. ⲛ, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ et ⲉⲣⲁⲧ⸗ 1. a. 25; 5. b. 3; 6. a. 21.
*ⲧⲱϩ, part. ⲧⲏϩ cc. ⲙⲛ̄ 7. b. 7; cc. ϩⲛ̄ 10. b. 27.
ⲧⲱϩⲙ̄ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 17. b. 24; ⲧⲉϩⲙ- 23. b. 3.
ⲧⲁϫⲣⲟ 16. b. 3; ⲧⲁϫⲣⲉ- 25. b. 11; part. ⲧⲁϫⲣⲏⲩ 2. a. 20; subst. m. ⲧⲁϫⲣⲟ 6. a. 19; 25. b. 14; 29. b. 17.
*ⲧⲱϭ, ⲧⲟϭ⸗ 28. a. 33.
*ⲧϭⲁⲉⲓⲟ, ⲧϭⲁⲉⲓⲟ⸗ 20. a. 5; part. ⲧ̄ϭⲁⲉⲓⲏⲩ 29. a. 12.

ⲩ (ⲟⲩ)

ⲟⲩⲁ 5. b. 15; 7. a. 13; 11. a. 17; 15. a. 26. b. 21; 20. a. 29; 26. b. 11. 31; ⲡⲟⲩⲁ ⲡⲟⲩⲁ 1. b. 24; 2. a. 10; 3. b. 22 9. b. 27; 10. b. 11; ⲕⲉⲟⲩⲁ 7. a. 15. 18; 8. a. 10; ⲙⲛ̄ⲧⲟⲩⲁ 2. b. 11; ⲟⲩⲱⲧ 6. b. 15; 27. a. 4. 20. b. 7.
ⲟⲩⲉ ⲉⲃⲟⲗ 21. b. 32.
ⲟⲩⲟⲉⲓ m. in ϯ-ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲉⲓ 27. b. 16; ⲟⲩⲟⲓ m. in ϯ-ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲓ 13. b. 17; 29. a. 23. b. 6.
ⲟⲩⲟï cc. ⲛ̄, ⲛⲁ⸗ 13. a. 8. 18. 24.
ⲟⲩⲟⲉⲓⲉ m. 19. b. 36.
ⲟⲩⲟⲉⲓⲛ m. 2. b. 31; 7. b. 14; 10. a. 25; 12. a. 32.
ⲟⲩⲱ in ϯⲟⲩⲱ 5. b. 8.
*ⲟⲩⲟⲡ, ⲟⲩⲟⲃ n. part. ⲟⲩⲁⲁⲃ 17. b. 1; 19. a. 35; 24. b. 10; 25. a. 1. b. 24; 27. a. 16. 28; 31. a. 23; 32. b. 26.
ⲟⲩⲏⲏⲃ m. 1. b. 33; 3. b. 12; 26. a. 30,
ⲟⲩⲱⲙ 1. b. 10; 27. b. 27; cc. ⲛ̄. ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 26. a. 27. b. 19; ⲟⲩⲟⲙ⸗ 28. b. 17.
ⲟⲩⲉⲛ 3. a. 18; 5. a. 19; 7. b. 9; 8. b. 26; 12. a. 22. b. 5. cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 7. a. 5. 29. b. 15. 31; 8. a. 5. 7; ⲟⲩⲛ cc. ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 9. b. 4; ⲟⲩⲉⲛⲧⲁ⸗ cc.

ⲙ̅ⲙⲁⲩ 5. a. 24; ⲟⲩⲛ̅ⲧⲁ⸗ 14. b. 21: 18. b. 35; cc. ⲙ̅ⲙⲁⲩ 27. a. 2. 26.
*ⲟⲩⲛⲁⲙ, ⲓ̈ⲟⲩⲛⲁⲙ in ⲛ̅ⲥⲁ ⲓ̈ⲟⲩⲛⲁⲙ ⲙ̅ⲙⲟ⸗ 32. a. 13.
ⲟⲩⲛ̅ϭⲟⲙ cc. ⲙ̅ⲙⲟ⸗ 22. a. 4.
ⲟⲩⲟⲛ in ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ 8. b. 30; 12. b. 18; 15. b. 18; 16. a. 8. b. 20; 25. a. 6; 29. b. 18.
ⲟⲩⲛⲟⲩ f. 32. a. 28; ⲛ̅ⲧⲉⲩⲛⲟⲩ 14. a. 13; 21. a. 21. 28. 32.
ⲟⲩⲛⲟϥ m. 24. b. 7.
ⲟⲩⲱⲛϩ cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 11. a. 6; ⲟⲩⲱⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ ⲙⲙⲟ⸗ (cc. pron. refl.) 21. a. 31; 29. b. 24; part. ⲟⲩⲟⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ 27. a. 36.
ⲟⲩⲏⲣ 5. a. 19.
ⲟⲩⲏⲣⲧ̅ m. 12. a. 18.
ⲟⲩⲉ̅ⲣⲏⲧⲉ 7. b. 15.
ⲟⲩⲣⲟⲧ m. 26. a. 6.
ⲟⲩⲟⲉⲓϣ in ⲛ̅ⲟⲩⲟⲉⲓϣ ⲛⲓⲙ 7. b. 12.
ⲟⲩⲱϣ 25. a. 7; cc. ⲉ cc. inf. 13. b. 22. 25; ⲟⲩⲉϣ- 22. a. 18; 24. b. 13.
ⲟⲩⲉϣ in ⲛ̅ⲟⲩⲉϣ ⲛ̅ 25. b. 19.
ⲟⲩⲱ̅ϣⲃ̅ 14. b. 6; 15. b. 8. 21; 28. b. 30; 29. a. 8. 15; 30. b. 4; 31. b. 4; 32. a. 21.
ⲟⲩⲱϣ̅ⲧ cc. ⲛ̅ (ⲛⲁ⸗) 23. a. 16.
ⲟⲩⲱϣϥ̅ 26. a. 6. cc. ⲛ̅ (ⲙⲙⲟ⸗); subst. m. 21. b. 36; part. ⲟⲩⲟϣϥ̅ 8. b. 15.
ⲟⲩⲱϩ cc. ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉϫⲛ̅ 11. b. 31; ⲟⲩⲱϩ ⲉⲧⲟⲟⲧ⸗ 17. b. 12; ⲟⲩⲁϩ⸗ cc. ⲛ̅ⲥⲁ 13. b. 7; part. ⲟⲩⲏϩ 5. b. 30.
ⲟⲩⲉϩⲥⲁϩⲛⲉ 29. a. 29; subst. m. 31. a. 1.
ⲟⲩϫⲁⲓ̈ 22. a. 5; 24. a. 33; cc. ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̅ϩⲏⲧ⸗ 19. a. 26; subst. m. 16. a. 31; 29. b. 22; part. ⲟⲩⲟϫ 19. a. 32.

ⲱ

*ⲱⲃ̅ϣ. ⲟ̅ⲃϣ⸗ (pron. refl.) cc. ⲉ 24. a. 19.
ⲱⲗⲕ̅ 4. a. 1.
*ⲱⲙⲥ̅, part. ⲟⲙⲥ̅ cc. ϩⲣⲁⲓ̈ ϩⲛ̅ 21. a. 4; cc. ⲉ̅ϩⲟⲩⲛ ⲉ̅ 8. a. 27.
ⲱⲛⲉ m. 3. b. 19; 8. a. 16; 12. a. 19. 25; subst. m. 13. b. 28; 22. a. 25; b. 2. 7; ⲱⲛⲁϩ· 29. b. 17; part. ⲟⲛⲁϩ· 13. a. 26.
ⲱⲣⲕ̅ 22. a. 14.
ⲱⲣϫ̅ m. 24. b. 27 in ϩⲛ̅ ⲟⲩⲱⲣϫ̅.
ⲱϣ cc. ⲛ̅(ⲙ̅ⲙⲟ⸗) 21. a. 11; 31. a. 16; ⲱϣ ⲉⲃⲟⲗ cc. ϩⲁⲣⲁⲧ⸗ 11. b. 22; 14. a. 2. 30; 20. a. 29; 29. b. 9; ⲟϣ⸗ 5. a. 7; 27. b. 11.
*ⲱϩⲥ̅, subst. ⲟϩⲥ̅ 8. a. 2.

ϣ

(ϣ̅), ⲉϣ- 16. b. 14; in ϣ̅ϭⲙ̅ϭⲟⲙ 9. a. 3.
ϣⲁ 24. a. 13. cc. ⲉϫⲛ̅.
ϣⲁ m. 2. a. 32.
ϣⲉ 9. b. 23; 22. a. 30.
ϣⲉ m. 3. b. 17; 26. a. 25.
*ϣⲓ, part. ϣⲏⲩ 8. a. 1; 9. b. 6.
ϣⲓⲃⲉ cc. ⲛ̅(ⲙ̅ⲙⲟ⸗) 6. a. 27; 22. b. 11; subst. m. 1. a. 19; part. ϣⲉⲃⲓⲏⲩ 1. a. 24; cc. ⲉⲣⲟ⸗ 7. b. 29.
ϣⲃⲏⲣ m. 2. b. 9; 16. b. 6; 29. a. 30; 31. a. 27; 32. b. 7.
ϣⲁⲃⲧⲉ (ϣⲁϥⲧⲉ) in ⲙⲛ̅ⲧϣⲁⲃⲧⲉ 16. b. 22.
ϣⲗⲏⲗ 27. b. 31; 32. a. 2.
ϣⲗⲟϥ 26. b. 13.
ϣⲏⲙ in ϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ 11. a. 23; 17. a. 25; 18. b. 16; 27. a. 1; in ϣⲉⲉⲣⲉϣⲏⲙ 9. a. 25.
ϣⲟⲙⲛ̅ⲧ 7. a. 11; 9. b. 22; ϣⲱ̅ⲙ̅ⲛ̅ⲧ̅ 18. b. 15; ϣⲟⲙⲧ [sic] 27. b. 25.
ϣⲙ̅ϣⲉ cc. ⲛ̅, ⲛⲁ⸗ 10. b. 21; ϣⲉⲙϣⲉ 6. b. 10; part. ϣⲙ̅ϣⲉ cc. ⲛ, ⲛⲁ⸗ 17. b. 35; ϣⲙ̅ϣⲉⲛⲟⲩⲧⲉ in ⲣⲉϥϣⲙ̅ϣⲉⲛⲟⲩⲧⲉ 15. a. 23; ϣⲙ̅ϣⲉⲉⲓ̈ⲇⲱⲗⲟⲛ in ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥϣⲙ̅ϣⲉⲉⲓ̈ⲇⲱⲗⲟⲛ.
ϣⲏⲛ m. 1. a. 11. b. 12; 12. b. 22.
ϣⲓ̈ⲛⲉ in ⲙⲛ̅ⲧⲣⲉϥϣⲓ̈ⲛⲉ 3. a. 29; ϣⲁⲛϩⲧⲏϥ in ⲙⲛ̅ⲧϣⲁⲛϩⲧⲏϥ 22. a. 6.
ϣⲱⲛⲉ m. 4. a. 9.
*ϣⲱⲛⲧ̅, part. ϣⲟⲛⲧ̅ 12. a. 24.
ϣⲓⲡⲉ in ⲙⲛ̅ⲧⲁⲧϣⲓⲡⲉ 8. a. 19.
ϣⲱⲛ cc. ⲛ̅, ⲙ̅ⲙⲟ⸗ 13. a. 30; 19. b. 21; 21. a. 35; 23. a. 2. b. 13; ϣⲟⲡ⸗ 15. b. 3; 24. a. 27.
ϣⲱⲡⲉ 1. a. 5; 3. b. 16; 10. b. 26; 11. b. 14. 29; 13. b. 3; 15. a. 1;

16. a. 2. 9; 17. b. 23; 18. a. 8. b. 25; 20. b. 3; 23. a. 27; 24. a. 4; 28. a. 19; ϣⲱⲱⲡⲉ in ⲙⲁⲛϣⲱⲱⲡⲉ 4. b. 23; part. ϣⲟⲟⲡ 5. a. 22; 8. b. 7; 20. a. 33. b. 1; 22. b. 9; 26. a. 32. b. 25; 28. b. 21; 30. b. 1.
ϣⲡⲏⲣⲉ f. in ⲣ̄ϣⲡⲏⲣⲉ 24. b. 30; 27. b. 14; in ⲉⲣϣⲡⲏⲣⲉ 12. a. 4.
ϣⲏⲣⲉ m. 22. b. 15; 23. b. 24; 28. b. 3; ϣⲏⲣⲉ f. 26. b. 34; ϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ m. 11. a. 23; 17. a. 25; 18. b. 16; 26. b. 36; ϣⲉⲉⲣⲉϣⲏⲙ 9. a. 25.
*ϣⲟⲣⲡ, ϣⲱⲣⲡ̄ 17. b. 30; in ⲛ̄ϣⲟⲣⲡ̄ 18. b. 36; 32. a. 18; in ⲣ̄ϣⲟⲣⲡ̄ 25. a. 31.
*ϣⲱⲱⲧ, -ϣⲁⲧ⸗ 26. b. 7.
ϣⲧⲟⲣⲧⲣ̄ 21. a. 30; 26. a. 19; ϣⲧⲟⲣⲧⲉⲣ 16. a. 23.
ϣⲟⲩⲟ̄ ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ 9. a. 16.
ϣⲟⲩⲉⲓⲧ part. 10. a. 4; 25. a. 18; in ⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲧϣⲟⲩⲉⲓⲧ 8. b. 10.
ϣ̄ϣⲉ 18. b. 6 cc. ⲉ; ⲉϣϣⲉ 23. b. 9; ⲡⲉⲧⲉϣϣⲉ cc. ⲉⲣⲟ⸗ 13. b. 5; 25. b. 5; ⲛⲉⲧⲉϣϣⲉ 28. b. 16.
ϣ̄ϥⲉ 20. a. 13.
ϣⲁϥⲧⲉ in ⲙⲛ̄ⲧϣⲁϥⲧⲉ 20. a. 2; in ⲣ̄ϣⲁϥⲧⲉ 13. b. 5 (v. etiam ϣⲁⲃⲧⲉ).
ϣⲁϩ m. 7. a. 19; 14. a. 18.
ϣⲟⲩϩⲏⲛⲉ 29. a. 2.
ϣⲁϫⲉ 1. a. 2; cc. ⲛⲙ̄ⲙⲁ⸗ 2. a. 5; 11. a. 14; 15. a. 3. 27; subst. m. 4. a. 3; 11. a. 10; 16. b. 8; 22. b. 12; 24. b. 19; 26. b. 9; 27. a. 35; 28. a. 15; ⲁⲧϣⲁϫⲉ 26. a. 35.
ϣⲟϫⲛⲉ in ϫⲓϣⲟϫⲛⲉ 31. a. 26.
ϣⲱϫⲡ̄ m. 9. b. 25.
ϣⲱⲱ̄ϭⲉ 13. a. 20.

ϥ

*ϥⲓ v. s. ⲃⲓ.
ϥⲧⲟⲟⲩ 1. a. 17.
*ϥⲱϭ v. s. ⲃⲱϭ.

ϩ

ϩⲁⲉ 22. a. 34.
ϩⲁⲓ m. 2. b. 4.
ϩⲉ cc. ⲉ 23. b. 16; 31. a. 3.
ϩⲉ f. c. art. ⲑⲉ. 2. a. 18. b. 1; 5. a. 23; 10. b. 14; 21. b. 5; ϯⲑⲉ 25. b. 3; ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ 2. b. 5. 13; 4. a. 18; 5. b. 15; 7. a. 16. 18. 22; 8. a. 2. 13. b. 1. 12; 9. a. 24. b. 14; 10. a. 30. b. 8; 12. a. 12; 14. a 17; 20. a. 17; 21. a. 18. 19; 29. a. 2; ⲛ̄ⲑⲉ ⲉⲧⲣⲉ⸗ 22. a. 20; ⲛ̄ⲧⲉⲓϩⲉ 2. b. 19; 27. a. 34; 32. a. 4. 32; ⲛ̄ⲧⲁϩⲉ 17. b. 6; ⲛ̄ⲧⲉⲕϩⲉ 20. b. 16; ⲛ̄ⲁϣ ⲛ̄ϩⲉ 3. a. 11; 5. a. 11. 14; 10. a. 16; 15. b. 30; 20. a. 14; 22. a. 1. b. 24; 23. a. 7. 13.
*ϩⲏ, ϩⲏⲧ⸗ 16. b. 27. 29.
ϩⲓⲏ f. 3. a. 1; 16. a. 30; 22. a. 25; ϩⲓⲁ 3. a. 20.
ϩⲟ m. 9. b. 15; 23. a. 11; ⲛ̄ϩⲟ ϩⲓ̈ ϩⲟ 11. a. 4.
ϩⲱⲃ m. 2. a. 9; 4. a. 26. 28. 31; 5. b. 2; 8. b. 6; 19. a. 16; 21. b. 18; plur. ϩⲃⲏⲩⲉ 5. a. 5. 7. b. 21; 11. b. 8; 12. a. 1; 15. b. 4; 17. a. 10. 29; 24. b. 2; 28. a. 14; ϩⲃⲏⲟⲩⲉ 25. b. 17.
ϩⲱⲃ̄ⲥ cc. ⲛ̄, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 8. b. 30; 9. a. 4.
ϩⲟⲉⲓⲙ in ϯϩⲟⲉⲓⲙ 5. b. 11.
ϩⲟⲓ̈ⲛⲉ 1. a. 32; 3. a. 18; 10. b. 1.
ϩⲁⲕ in ⲙⲛ̄ⲧϩⲁⲕ 26. a. 7.
ϩⲏⲕⲉ 13. a. 14.
*ϩⲱⲕ, part. ϩⲏⲕ 26. a. 31.
*ϩⲱⲗ, part. ϩⲏⲗ 8. b. 23.
ϩⲗⲗⲟ m. 27. a. 16; plur. ϩⲗⲗⲟⲓ̈ 27. a. 6.
ϩⲁⲗⲏⲧ m. 8. a. 22.
ϩⲗⲟϭ in ϯϩⲗⲟϭ 3. b. 18.
ϩⲙⲉ 1. b. 7.
ϩⲙⲟⲧ m. 25. b. 4; 31. b. 29.
ϩⲙ̄ϩⲁⲗ m. 13. b. 3; 17. b. 25.
ϩⲏⲛⲉ in ϣⲟⲩϩⲏⲛⲉ 29. a. 2.
ϩⲱⲛ cc. ⲉⲧⲟⲟⲧϥ ⲛ̄ 20. a. 6.
ϩⲱⲛ ⲉ̄ϩⲟⲩⲛ cc. ⲉ 29. b. 28.
ϩⲟⲩⲛ in ⲛⲉⲧⲟ ⲙ̄ⲡⲉϥϩⲟⲩⲛ 30. a. 4.
ϩⲱⲡ cc. ⲉⲣⲟ⸗ 4. a. 20; part. ϩⲏⲡ 5. a. 13; in ⲡⲉⲑⲏⲡ (Hs. ⲡⲉⲑⲏⲧ[sic]), ϩⲡ̄ ⲟⲩⲡⲉⲑⲏⲡ· 9. a. 18.

*ϩⲱⲡⲧ, ϩⲟⲡⲧ⸗ cc. ⲉⲣⲟ⸗ 16. a. 4.
ϩⲱⲡ̄ⲧ [sic] in ⲙⲁⲛ̄ϩⲱⲡ̄ⲧ 1. b. 13.
ϩⲣⲉ f. 26. b. 8.
ϩⲣⲟⲟⲩ m. 1. a. 4. 23; (l. ϩⲟⲟⲩ·) 26. a. 12.
ϩⲣⲱ f. 18. b. 15.
ϩⲣⲏⲣⲉ m. 12. a. 13.
*ϩⲣⲟϣ, part. ϩⲟⲣⲉϣ 5. b. 18.
*ϩⲓⲥⲉ, part. ϩⲓⲥⲉ 9. a. 11.
ϩⲏⲧ m. 1. b. 11; 10. b. 20; 16. b. 3; 17. a. 7. 14; 21. a. 27; 22. a. 27; 26. a. 18; ⲙ̄ⲕⲁϩ ⲛ̄ϩⲏⲧ 21. b. 6; ⲉⲙⲕⲁϩ ⲛ̄ϩⲏⲧ 9. a. 13; ⲙⲛ̄ⲧⲁⲑⲏⲧ 9. a. 23; ⲙⲛ̄ⲧϫⲁⲥⲓϩⲏⲧ 25. a. 9; ⲙⲉⲥⲑⲏⲧ f. 8. a. 12; 28. a. 32; ⲧⲱⲕ ⲛ̄ϩⲏⲧ 15. a. 29; 23. a. 36; 28. a. 18; ϩⲧⲏ⸗ in ⲣ̄ϩⲧⲏ⸗ 19. a. 18; ϯϩⲧⲏ⸗ (reflex.) cc. ⲉⲣⲟ⸗; ϯ ⲛ̄ϩⲧⲏ⸗ cc. ⲉ 26. a. 10; ϯϩⲧⲏϥ subst. 27. b. 10; ⲙⲛ̄ⲧϣⲁⲛϩⲧⲏϥ f. 22. a. 6.
ϩⲟⲧⲉ m. 15. a. 2; in ϯϩⲟⲧⲉ 12. b. 17.
ϩⲱⲧⲃ̄ cc. ⲛ, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 5. b. 29; 13. b. 22; 14. a. 25; 17. a. 24; subst. m. 17. a. 28.
ϩⲧⲟⲟⲩⲉ 27. b. 35.
ϩⲟⲟⲩ m. 1. a. 23. (Hs. ϩⲣⲟⲟⲩ); b. 8; 21. b. 12; 22. a. 35; 25. a. 24; 28. a. 4. 8.
ϩⲟⲟⲩ 15. b. 17; part. ϩⲟⲟⲩ 19. a. 16; 26. a. 15; 30. b. 3; in ⲡⲉⲑⲟⲟⲩ 6. a. 4; 9. b. 26. 28; 21. b. 10; 30. b. 7.
ϩⲟⲩⲟ̄ in ⲉⲡⲉϩⲟⲩⲟ̄ 11. b. 27; 14. b. 1; ⲉϩⲟⲩⲉ̄ ⲉ̄, ⲉ̄ⲣⲟ⸗ 4. b. 16; 20. b. 13.
ϩⲱⲟⲩ cc. ⲉϫⲛ̄ 24. a. 9; subst. m. in ⲙⲟⲩ ⲛ̄ϩⲱⲟⲩ 5. b. 7.
ϩⲁϩ 15. a. 22; 16. b. 13. 21; 24. b. 22; ⲛ̄ϩⲁϩ ⲛ̄ⲥⲟⲡ 19. b. 8.

ϫ

ϫⲓ cc. ⲛ, ⲙ̄ⲙⲟ⸗ 6. a. 7; 7. a. 11; 9. a. 20; 11. a. 10; 25. a. 28; cc. ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲛ̄ϩⲏⲧ⸗ 6. a. 2; ϫⲓ- 18. a. 29; ϫⲓⲧ⸗ cc. ⲉ 6. a. 24; 31. b. 23; ϫⲓⲧ⸗ ⲉϩⲟⲩⲛ cc. ⲉ 28. b. 10.
ϫⲓ̈ⲃⲁⲡⲧⲓⲥⲙⲁ 18. a. 32.
ϫⲓ̈ⲙⲁⲉⲓ̈ⲛ in ⲣⲉϥϫⲓ̈ⲙⲁⲉⲓ̈ⲛ 3. b. 3.
ϫⲓ̈ⲛⲓ̈ⲣⲁ 4. b. 20.
ϫⲓ̈ⲥⲃⲱ 4. b. 14; 28. b. 7; — cc. ⲉ (ⲉⲣⲟ⸗) 3. a. 28; 26. b. 31; ⲙⲛ̄ⲧⲣⲉϥϫⲓⲥⲃⲱ f. 24. b. 34.
ϫⲓ̈ⲟⲩⲁ cc. ⲉ (ⲉⲣⲟ⸗) 23. a. 12.
ϫⲓϣⲏⲙ in ⲙⲛ̄ⲧⲣⲉϥϫⲓϣⲏⲙ 3. b. 9.
ϫⲓϣⲟϫⲛⲉ 31. a. 26.
ϫⲓ̈ⲛϭⲟⲛⲥ subst. 6. b. 27.
ϫⲟ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 19. b. 32; ϫⲟ ⲉⲃⲟⲗ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 13. a. 5.
ϫⲱ 10. a. 22; 11. b. 23; 14. a. 24. b. 2. 7; 15. a. 28. b. 9; 18. a. 12; 20. a. 30; 21. b. 2. 26; 23. b. 32; 24. a. 18. 28. b. 11; cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 13. b. 16; 16. b. 17; 27. a. 33; ϫⲱ subst. 27. b. 7; ⲥⲏϥⲉ ⲛ̄ϫⲱ 25. b. 36; ϫⲟⲟ⸗ 14. a. 10; 16. b. 25; 20. b. 15; 21. a. 15; 24. b. 31; cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 15. b. 13; 16. b. 9; 22. a. 11; c. ⲛ̄, ⲛⲁ⸗ 21. b. 14; 22. a. 28; 25. a. 22.
ϫⲉⲙⲉ 15. b. 29; ϫⲉϭⲟ̄ⲗ in ⲣⲉϥϫⲉϭⲟ̄ⲗ 15. b. 25.
ϫⲱⲕ ⲉⲃⲟⲗ cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 32. a. 20. b. 29.
ϫⲉⲕⲁⲥ 4. b. 14.
ϫⲱⲱⲙⲉ m. 18. a. 24.
ϫⲛⲟ̄ cc. ⲉ cc. inf. 22. b. 25.
ϫⲡⲟ 19. b. 18. cc. ⲛ̄ (ⲙ̄ⲙⲟ⸗) 13. a. 15.
ϫⲣⲟ cc. ⲉ (ⲉⲣⲟ⸗) 22. b. 19; 26. a. 4; 29. a. 26; ⲁⲧϫⲣⲟ cc. ⲉ, ⲉⲣⲟ⸗ 30. a. 22.
ϫⲱⲱⲣⲉ 11. b. 30; 28. a. 21.
*ϫⲓⲥⲉ, ϫⲁⲥⲧ⸗ 18. b. 30.
ϫⲁⲥⲓϩⲏⲧ in ⲙⲛ̄ⲧϫⲁⲥⲓϩⲏⲧ 25. a. 9.
ϫⲟⲉⲓⲥ m. 21. b. 33; 22. a. 17. b. 1. 3; 30. b. 27; 32. a. 26; ⲉⲣϫⲟⲉⲓⲥ 30. a. 1. 7.
ϫⲟⲩⲱ̄ⲧⲉ f. 4. b. 19.
*ϫⲟⲟⲩ, ϫⲟⲟⲩⲥ⸗ ⲛ̄ (ⲛⲁ⸗) 30. b. 16.
*ϫⲱϩⲙ̄, ϫⲁϩⲙ⸗ 19. a. 36; part. ϫⲁϩⲙ 17. a. 30; 26. b. 10.
ϫⲁϫⲉ m. 13. b. 14.
ϫⲁϫⲱ part. 7. a. 24. 31.

II. Griechische Wörter.

ⲅⲁⲣ, γάρ. 2. a. 8; 12. a. 12; 13. b. 5; 14. b. 12. 18. 26; 15. b. 4. 16; 19. b. 31; 21. a. 15; 23. b. 2. 16; 25. a. 10.
ⲅⲉⲛⲟⲥ, γένος. 22. b. 16.
ⲅⲣⲁⲫⲏ, γραφή. 16. b. 14; 17. a. 36; 27. b. 12.

ⲇⲁⲅⲙⲁ, τάγμα. 23. a. 28.
ⲇⲁⲓⲙⲟⲛⲓⲟⲛ, δαιμόνιον. 2. a. 11; ⲇⲁⲓⲙⲱⲛⲓⲱⲛ 5. b. 22; 11. b. 5; 12. b. 12; ⲇⲉⲙⲱⲛⲓⲟⲛ 16. b. 31.
ⲇⲁⲓⲙⲱⲛ, δαίμων. 4. b. 26; 6. a. 26; 9. b. 30; ⲇⲉⲙⲱⲛ 1. a. 31.
ⲇⲉ, δέ. 1. a. 30; 9. b. 16. 30; 10. a. 26. b. 1. 4. 10. 29; 14. a. 9. 29; 15. a. 22. 26. b. 8. 21; 16. a. 18. b. 1. 11; 18. a. 7. 17. 33. b. 6; 19. a. 4. b. 1. 28; 20. a. 14. 36; 28. b. 9; 29. a. 28. b. 6; 30. a. 11. 19.
ⲇⲏⲙⲟⲥ, δῆμος. 19. a. 31.
ⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ. διάβολος. 2. a. 3; 15. b. 27; ⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲱⲥ 11. a. 3; 13. b. 20; 14. b. 8; ⲇⲓⲁⲃⲱⲗⲟⲥ 2. a. 16; 13. b. 13; 14. a. 16; 15. b. 12.
ⲇⲓⲁⲧⲱⲭⲏ, διαδοχή. 1. a. 19.
ⲇⲓⲁⲫⲱⲣⲁ, διαφορά. 10. a. 28.
ⲇⲓⲏⲕⲏⲥⲓⲥ, διήγησις. 1. a. 3.
ⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥ, δίκαιος. 23. b. 4; 24. a. 10; ⲇⲓⲕⲉⲱⲥ 30. b. 8.
ⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥⲩⲛⲏ, δικαιοσύνη. 22. a. 23; ⲇⲓⲕⲁⲓⲱⲥⲩⲛⲏ 6. b. 26.
ⲇⲓⲥⲕⲱⲥ, δίσκος. 8. b. 3.
ⲇⲓⲱⲕⲧⲏⲥ, διώκτης. 17. b. 21.
ⲇⲟⲅⲙⲁ, δόγμα. 24. b. 34.
ⲇⲣⲁⲕⲱⲛ, δράκων. 5. b. 19; 6. a. 30.
ⲇⲩⲙⲓⲟⲩⲣⲅⲟⲥ, δημιουργός. 16. a. 6.

ⲉⲑⲏⲣ, αἰθήρ. 2. a. 25. b. 13. 18; 10. a. 14.
ⲉⲓⲇⲱⲗⲟⲛ, εἴδωλον in ⲙⲛ̄ⲧⲣⲉϥϣⲙ̄ϣⲉⲉⲓⲇⲱⲗⲟⲛ 8. b. 20.
ⲉⲓⲣⲏⲛⲏ, εἰρήνη. 4. a. 18.
ⲉⲕⲕⲗⲏⲥⲓⲁ, ἐκκλησία. 19. b. 17; 27. b. 30; 28. b. 20.
ⲉⲛⲉⲣⲅⲉⲓ, ἐνεργεῖν. 1. a. 14; 5. b. 12.
ⲉⲛⲉⲣⲅⲓⲁ, ἐνέργεια. 1. a. 27. b. 25; 3. a. 8.
ⲉⲝⲁⲫⲛⲁ, ἐξάπινα. 4. a. 6.
ⲉⲝⲟⲩⲥⲓⲁ, ἐξουσία. 11. b. 7; 14. b. 22.
ⲉⲡⲉⲓⲇⲉ, ἐπειδή. 31. b. 12.
ⲉⲡⲓⲃⲟⲩⲗⲉⲩⲉ, ἐπιβουλεύειν. 17. a. 18.
ⲉⲡⲓⲕⲁⲗⲉⲓ, ἐπικαλεῖν. 21. a. 7.
ⲉⲡⲓⲥⲕⲟⲡⲟⲥ, ἐπίσκοπος. 16. a. 27.
ⲉⲧⲉⲓ ⲇⲉ, ἔτι δέ. 13. b. 15.
ⲉⲧⲓⲁ, αἰτία. 3. b. 15; 30. b. 18; 31. a. 13.
ⲉⲧⲉⲓ, αἰτεῖν. 31. b. 28.
ⲉⲩⲁⲅⲅⲉⲗⲓⲟⲛ, εὐαγγέλιον. 19. b. 29; 27. b. 13.
ⲉⲩⲥⲉⲃⲏⲥ, εὐσεβής in ⲙⲛ̄ⲧⲉⲩⲥⲉⲃⲏⲥ 6. b. 16.
ⲉⲩⲫⲏⲏⲥ, εὐφυής. 11. a. 24.

ⲏ, ἤ. 5. a. 1. 8. 11.

ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ, θάλασσα. 2. a. 27; 4. a. 24; 5. b. 10.
ⲑⲉⲱⲣⲉⲓ, θεωρεῖν. 26. b. 35.
ⲑⲏⲣⲓⲱⲛ, θηρίον. 6. a. 9; 7. a. 27.
ⲑⲣⲟⲛⲟⲥ, θρόνος. 18. b. 32.
ⲑⲩⲥⲓⲁ, θυσία. 11. a. 7; 26. a. 22; 29. a. 1.

ⲕⲁⲑⲁⲣⲓⲍⲉ, καθαρίζειν. 27. b. 4.
ⲕⲁⲓ ⲅⲁⲣ, καὶ γάρ. 12. b. 19; 17. b. 5.
ⲕⲁⲓⲡⲉⲣ, καίπερ. 19. a. 27; 21. b. 13.
ⲕⲁⲕⲓⲁ, κακία. 21. a. 6.
ⲕⲁⲕⲟⲩⲣⲅⲟⲥ, κακοῦργος. 30. b. 2.
ⲕⲁⲕⲱⲥ, κακῶς. 13. a. 6; 17. a. 19.
ⲕⲁⲛ, κἄν. 17. b. 18. (ⲕⲁⲛ ⲉϣϫⲉ = κἄν εἰ).
ⲕⲁⲣⲉⲁ, κάρυα. 9. b. 14.
ⲕⲁⲣⲡⲟⲥ, καρπός. 1. a. 21; 16. b. 29; 23. b. 35; 24. b. 1.
ⲕⲁⲧⲁ, κατά. 1. a. 6; 4. b. 29; 5. b. 13; 6. a. 32; 12. b. 10. 15; 30. b. 31.
ⲕⲁⲧⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ, κατάστασις. 6. b. 29; 9. a. 29; 26. b. 28.
ⲕⲉⲗⲉⲩⲉ, κελεύειν. 2. b. 15; 29. a. 22; 31. b. 15; 32. b. 24. 30.
ⲕⲉⲥⲁⲣ, Καῖσαρ, Caesar. 30. b. 35.
ⲕⲉⲧⲟⲓⲅⲉ, καίτοιγε. 16. a. 3.
ⲕⲉⲫⲁⲗⲁⲓⲟⲛ, κεφάλαιον. 25. a. 33.
ⲕⲗⲏⲣⲟⲛⲟⲙⲟⲥ, κληρονόμος. 24. a. 6.
ⲕⲟⲓⲛⲟⲛⲟⲥ, κοινωνός. 2. b. 15; 5. b. 21.
ⲕⲟⲓⲛⲱⲛⲉⲓ, κοινωνεῖν. 6. b. 12.
ⲕⲟⲓⲛⲱⲛⲓⲁ, κοινωνία. 10. b. 13; 11. a. 31; ⲕⲉⲛⲱⲛⲓⲁ 5. a. 24.

ⲡⲟⲗⲓⲥ, πόλις. 2. b. 21; 18. a. 6; 31. b. 25.
ⲡⲱⲛⲏⲣⲓⲁ, πονηρία. 7. a. 21.
ⲡⲟⲛⲏⲣⲟⲥ, πονηρός. 24. a. 15; ⲡⲟⲛⲏⲣⲱⲛ 1. b. 19; ⲡⲱⲛⲏⲣⲟⲥ 8. a. 8; ⲡⲱⲛⲏⲣⲱⲛ 6. b. 9.
ⲡⲟⲣⲛⲓⲁ, πορνεία. 7. a. 10.
ⲡⲣⲁⲍⲓⲥ, πρᾶξις. 29. a. 13; ⲡⲣⲁⲍⲉⲓⲥ, πράξεις. 18. a. 18.
ⲡⲣⲟⲑⲉⲥⲙⲓⲁ, προθεσμία. 20. b. 9.
ⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ, προφήτης. 2. a. 1; 19. a. 33; 21. a. 11. b. 3. 28.
ⲡⲣⲱⲇⲱⲧⲏⲥ, προδότης in ⲙⲛ̄ⲧⲡⲣⲱⲇⲱⲧⲏⲥ 9. b. 2.
ⲡⲣⲱⲥⲧⲁⲅⲙⲁ, πρόσταγμα. 31. b. 2. 14.
ⲡⲣⲱⲥⲱⲡⲱⲛ, πρόσωπον. 7. a. 12.

ⲥⲁⲣⲍ, σάρξ. 20. b. 2.
ⲥⲓⲙⲓⲟⲛ, σημεῖον. 3. b. 6.
ⲥⲕⲉⲩⲥ[sic], σκεῦος. 18. a. 9.
ⲥⲟⲫⲓⲁ, σοφία. 25. b. 7.
ⲥⲟⲫⲟⲥ, σοφός. 10. a. 20; 24. a. 21; 25. a. 21.
ⲥⲡⲟⲩⲇⲁⲍⲉ, σπουδάζειν. 10. b. 23.
ⲥⲡⲟⲩⲇⲁⲓⲱⲥ, σπουδαῖος. 11. b. 25.
ⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲥ, σταυρός. 16. a. 16.
ⲥ̄⳨ⲟⲩ = *ⲥⲧⲁⲩⲣⲟⲩ, σταυροῦν. 22. b. 22.
ⲥⲧⲉⲣⲉⲱⲙⲁ, στερέωμα. 8. b. 24.
ⲥⲧⲟⲗⲏ, στολή. 25. a. 11.
ⲥⲧⲣⲁⲧⲓⲁ, στρατιά. 3. a. 4.
ⲥⲩⲙⲫⲱⲛⲓⲁ, συμφωνία. 4. a. 13.
ⲥⲩⲛⲁⲅⲱⲅⲏ, συναγωγή. 27. a. 11.
ⲥⲩⲛⲁⲍⲓⲥ, σύναξις. 27. b. 36.
ⲥⲩⲛⲉⲩⲇⲟⲕⲉⲓ, συνευδοκεῖν. 17. b. 26.
ⲥⲩⲛⲕⲁⲑⲉⲇⲣⲟⲥ, συγκάθεδρος. 29. a. 17; 32. b. 14.
ⲥⲫⲣⲁⲅⲓⲍⲉ, σφραγίζειν. 32. a. 4.
ⲥⲫⲣⲁⲅⲓⲥ, σφραγίς. 32. a. 8.
ⲥⲭⲏⲙⲁ, σχῆμα. 3. a. 10.
ⲥⲱⲙⲁ, σῶμα. 5. a. 27; 8. a. 32. b. 13; 9. b. 7; 26. a. 28.
ⲥⲱⲧⲏⲣⲓⲁ, σωτηρία. 22. a. 13.

ⲧⲁⲅⲙⲁ, τάγμα. 12. b. 6; ⲇⲁⲅⲙⲁ 23. a. 28.
ⲧⲁⲍⲓⲥ, τάξις. 1. b. 2; 11. b. 18; ⲧⲁⲍⲉⲓⲥ 27. a. 4. 28.
ⲧⲁⲣⲧⲁⲣⲟⲩⲭⲟⲥ, ταρταροῦχος. 2. a. 29.
ⲧⲁⲫⲟⲥ, τάφος. 3. b. 20; 13. a. 31.
ⲧⲉⲱⲥ, τέως. 27. b. 28.
ⲧⲟⲡⲟⲥ, τόπος. 6. a. 25.
ⲧⲟⲧⲉ, τότε. 16. b. 15; 17. b. 17; 24. a. 2. 32.
ⲧⲣⲁⲡⲉⲍⲁ, τράπεζα. 27. a. 27.
ⲧⲩⲙⲡⲁⲛⲟⲛ, τύμπανον. 26. a. 4.
ⲧⲩⲡⲟⲥ, τύπος. 1. a. 10; ⲧⲩⲡⲱⲥ 30. b. 23.

ⲫⲁⲛⲧⲁⲥⲓⲁ, φαντασία. 1. a. 6; 4. a. 27; 5. b. 14; 6. b. 1; 10. a. 6. b. 16; 12. b. 16.
ⲫⲁⲣⲙⲁⲅⲓⲁ, φαρμακία. 4. b. 1.
ⲫⲁⲣⲙⲁⲅⲟⲥ, φαρμακός. 4. b. 4.
ⲫⲑⲱⲛⲱⲥ, φθόνος. 7. b. 26.
ⲫⲩⲥⲓⲕⲱⲛ, φυσικός. 4. a. 10; 6. a. 20.

ⲭⲁⲣⲓⲍⲉ, χαρίζεσθαι. 20. b. 32; 29. b. 21.
ⲭⲁⲣⲓⲥ, χάρις. 19. b. 34; 24. b. 5.
ⲭⲉⲣⲉⲧⲉ, χαίρετε. 30. b. 30.
ⲭⲟⲣⲟⲥ, χορός. 1. a. 31; 25. a. 9; 28. b. 26; ⲭⲱⲣⲟⲥ 10. b. 7.
ⲭⲣⲏⲙⲁ, χρῆμα. 13. a. 2. 29.
ⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ, χριστιανός. 30. b. 12; 31. a. 5. b. 6.
ⲭⲣⲏⲥⲧⲟⲥ, χρηστός in ⲙⲛ̄ⲧⲭⲣⲏⲥⲧⲟⲥ 20. a. 20; 21. a. 13; 23. a. 24; in ⲣ̄ⲭⲣⲏⲥⲧⲟⲥ 20. b. 5.
ⲭⲣⲏⲥⲱⲗⲓⲛⲑⲱⲥ, χρυσόλιθος. 12. a. 27.
ⲭⲱⲣⲁ, χώρα. 10. a. 11; 18. a. 4.

ⲯⲁⲗⲗⲉⲓ, ψάλλειν. 27. a. 32.
ⲯⲁⲗⲙⲟⲥ, ψαλμός. 27. a. 34.
ⲯⲩⲭⲏ, ψυχή. 5. a. 26; 13. b. 10; 27. b. 3.

ⲱ, ὦ. 11. b. 25; 13. b. 12; 14. a. 26; 15. a. 30. b. 24; 16. a. 18. b. 5; 17. a. 33; 20. b. 27; 22. b. 12; 23. a. 36; 24. b. 22.
ⲱⲇⲏ, ᾠδή. 26. a. 2
ⲱⲫⲉⲗⲉⲓ, ὠφελεῖν. 10. b. 5; 14. b. 27.

ϩⲁⲅⲓⲟⲥ, ἅγιος. 18. b. 17; 31. b. 19.
ϩⲁⲣⲡⲁⲍ, ἅρπαξ. 8. a. 24.
*ϩⲉⲃⲇⲟⲙⲁⲥ, ἑβδομάς in ⲑⲉⲃⲇⲟⲙⲁⲥ = ⲧϩⲉⲃⲇⲟⲙⲁⲥ 28. a. 4.
ϩⲉⲑⲛⲟⲥ, ἔθνος. 1. b. 28; 3. a. 24.
ϩⲉⲗⲡⲓⲍⲉ, ἐλπίζειν. 25. a. 26.

III. Eigennamen.

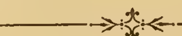
a. Götter- und Personennamen.

b. Geographische und Völkernamen.

IV. Bibelstellen.

BERICHTIGUNGEN.

Seite 3 a. 11 lies ⲛⲁϣ ⲛϩⲉ statt ⲁϣ ⲛϩⲉ.
» 8 griech. Text l. 4 lies ἅρπην statt ἄρπην.
» 13 b. 13 lies ⲇⲓⲁⲃⲱⲗⲟⲥ statt ⲗⲓⲁⲃⲱⲗⲟⲥ.
» 29 b. 21 » ⲡⲉⲧⲭⲁⲣⲓ̅ⲍⲉ » ⲡⲉⲧⲭⲁϩⲓ̅ⲍⲉ.
» 35 l. 8 » hässlich (ϭⲁⲓⲉ) » öde.
» 80 a. l. 14 v. u. lies ἀτάκτως statt ἀτακτῶς.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.
Томъ IV. № 7.

CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.
Volume IV. № 7.

DES KGL. DÄNISCHEN ENVOYÉ GEORG GRUND'S BERICHT ÜBER RUSSLAND IN DEN JAHREN 1705—1710.

NACH DEM IM KGL. DÄNISCHEN REICHSARCHIV ZU KOPENHAGEN BEFINDLICHEN ORIGINALE MITGETHEILT

VON

G. L. Grove.
Archivsecretär daselbst.

(Der Akademie vorgelegt am 20. September 1895.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбаснинова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
М. К. Шехтера въ Кишиневѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof, M. Eggers & C-ie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
M. Klukine à Moscou,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
E. Raspopoff à Odessa,
M. Chechter à Kichinef,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 60 к. — Prix: 1 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

VORWORT DES HERAUSGEBERS.

Im nordischen Kriege waren, wie bekannt, Russland, Polen und Dänemark infolge des Tractats von 1699 Alliierte gegen Schweden. Doch wurde Dänemark von seinem überlegenen Feinde sehr bald gezwungen, die Feindseligkeiten einzustellen und den Frieden in Travendal (im Jahre 1700) zu schliessen. Indessen gab Dänemark noch nicht den Gedanken auf, bei günstiger Gelegenheit den Kampf mit Schweden wieder aufzunehmen, um die alten dänischen Provinzen jenseits des Öresunds wiederzuerlangen, welche Schweden im Jahre 1658 von Dänemark erobert hatte.

Unter diesen Verhältnissen versteht man, wie angelegen es dem dänischen Könige sein musste, der mit dem mächtigeren Schweden nicht allein anbinden konnte, möglichst genaue Aufklärungen über die Macht zu erhalten, auf welche er hauptsächlich angewiesen war um seine Zwecke zu erreichen, nämlich Russland, diese neu auftauchende Grossmacht im Osten, deren Kräfte bisher in Europa noch nicht recht bekannt waren.

Die drei dänischen Gesandten, die im ersten Decenium des XVIII. Jahrhunderts am Hofe Peters des Grossen accreditiert waren, nämlich Paul Heins, der die Allianztractate i. J. 1699 abgeschlossen hatte und in Moskau i. J. 1705 starb, sein Nachfolger Georg Grund von 1705—1709, und dessen Nachfolger Just Juel von 1709—1711, hatten daher auch ihre besondere Aufmersamkeit darauf gerichtet, möglichst umfassende und genaue Nachrichten über dieses Land zu geben. Ihre in sehr bedeutender Anzahl im dänischen Reichsarchiv aufbewahrten officiellen Relationen zeugen noch von dem angewandten Fleiss, und die Herausgabe derselben würde manche neue Aufklärungen über diese interessante und unruhige Periode der russischen Geschichte bringen.

Ausser diesen officiellen Rapporten, die am meisten die Begebenheiten und Reflexionen darüber nur mehr stückweise umfassen, hinterliess Viceadmiral Just Juel noch ein vollständig geführtes Tagebuch. Seine inhaltreichen und höchst anziehend verfaszten Aufzeichnungen über seinen Aufenthalt in Russland von 1709—1711, die im Jahr 1891 im «Русскій Архивъ» von J. Schtscherbatschef im Auszuge (wie auch früher in Dänemark theilweise citirt und benutzt), und i. J. 1893 von mir im dänischen Originaltext[1]) vollständig und mit erklärenden Anmerkungen veröffentlicht worden, und gegenwärtig auch russisch[2]) von J. Schtscherbatschef vollständig und mit Benutzung meiner Anmerkungen herausgegeben werden, dürften von nicht geringem Werthe sein.

Auch Georg Grund hat einen zusammenhängenden (bisher ungedruckten) Bericht über die Zustände in Russland während einer fünfjährigen Periode unmittelbar vor der Ankunft Juels hinterlassen, der ein vorausgehendes Supplement zu des ersteren Aufzeichnungen bildet. Während Juels Aufzeichnungen eher den Charakter eines unterhaltenden Reisetagebuches tragen, giebt aber Grund eine Art Relation oder einen Generalbericht, worin er nach dem Rücktritt von seinem Amte nicht allein Rechenschaft von seiner amtlichen Thätigkeit ablegt, sondern auch seine Beobachtungen über den Zustand Russlands in commerzieller, ökonomischer, militärischer u. a. Beziehung, über den Tzaren, dessen Familie, die hervorragenden Staatsbeamten, u. s. w. übersichtlich mittheilt. Gewiss war dieser Gesammtbericht, der im Jahre 1710 dem Könige überreicht wurde, nicht nur geeignet, den König über den Werth Peters des Grossen als Bundesgenossen aufzuklären, sondern wird auch als gleichzeitiges Zeugnis einer verhängnissvollen Übergangszeit in der Geschichte Russlands stets Beachtung verdienen.

Der Bericht ist in deutscher Sprache niedergeschrieben, und ist hier nach dem im dänischen Reichsarchiv befindlichen Original wörtlich abgedruckt worden. Da die in diesem Documente erwähnten russischen Persönlichkeiten grösstenteils dieselben sind, über welche ich in meinen Anmer-

---

1) «En Rejse til Rusland unter Tsar Peter, Dagbogsoptegnelser af Viceadmiral Just Juel, dansk Gesandt i Rusland 1709—11. Med Illustrationer og oplysende Anmerkninger ved Gerhard L. Grove. København, Gyldendalske Boghandels Forlag, 1893». Ein Bericht über diese Ausgabe wurde vom Prof. Alex. Brückner in der Hamburger Correspondenz (20ten Jan., 3ten u. 17ten Febr. 1894) gedruckt, wie dieselbe auch von Alfred Rambaud im Journal des Débats (3ten Apr. 1894), von W. R. Morfils in der «English Historical Review» (Okt. 1993), und von T. Westrin in der schwedischen «Historisk Tidsskrift» (1894, S. 79—87) u. a. besprochen ist.

2) Записки Юста Юлъ, датскаго посланника при Петра Великомъ (1709—11), извлекъ изъ Копенгагенъскаго Государственнаго Архива и перевелъ съ Датскаго Ю. И. Щербачевъ. Примѣчанія заимствованы у Г. Л. Грове.

kungen zu Juels Journal näheres mitgetheilt habe, so beschränke ich mich hier nur auf wenige Anmerkungen über einige Verhältnisse, welche vielleicht weiterer Aufklärungen bedürfen.

Von dem Verfasser dieses Berichts soll schlieszlich noch mitgetheilt werden, dass er in seinen jüngeren Jahren sich auf langen ausländischen Reisen gebildet hatte. Von 1692 bis 1693 hatte er nämlich Christian Gyldenlöve, einen natürlichen Sohn des dänischen Königs Christians V, und in den Jahren 1696—1698 den Prinzen Carl von Dänemark auf ihren Reisen in's Ausland begleitet. Im Jahre 1704 wurde er Mitglied des neu errichteten dänischen Kommerzkollegiums, und i. J. 1705 zum titulären Etatsrath ernannt und als Envoyé extraordinaire nach Russland geschickt. Grund hatte nicht die Genugthuung, den Wiedereintritt Dänemarks als activen Bundesgenossen Russlands durchzusetzen, der durch den russischen Botschafter Vasilij Lukitsch Dolgorukij in Kopenhagen d. 22. Oct. 1709 zu Stande kam. Mit der Ordre, die Ankunft seines Nachfolgers in Moskau abzuwarten, wurde Grund am 18. Dec. 1708 zurückgerufen, worüber er sich in einer Relation vom 20. Febr. 1709 bitter beklagt. Vom Conseil wurde er am 3. Apr. mit folgenden Worten vertröstet, dasz er sich «gar keine sorgliche oder wiedrige Gedanken zu machen Ursache habe, anerwogen das Motiv zu dieser Entschlieszung an Seiten Ihr. Königl. Mayt. gar nicht dero Disgrace oder Malcontement über seine Conduite, sondern vielmehr aus angebohrner hohen Königl. Generositet und Clemence auch in allergnädigster Zurückerinnerung dero . . . . Königl. Worthes, Krafft deszen die Zeit seines Verbleibens zu Moskow nur auff drey Jahre limitiret worden, zu deszen Soulagement bewogen worden». Doch mag das Hauptmotiv wohl in einer königlichen Resolution vom 22. Okt. 1708 zu suchen sein, in welcher der König, um dem Tzaren seine ernsthaften Absichten betreffs eines Bündnisses zu zeigen, dem russischen Gesandten verspricht: d'envoyer bientot quelq'un extraordinairement vers Sa Majesté le Tsar. Auch hat man gewiss dänischerseits diesmal einen Militär vorgezogen, welcher mit grösserem Nutzen dem Tzaren im Felde folgen konnte; erst wurde nämlich Oberst Sprengel zu dieser Mission ausersehen, nachher der damalige Kommandor zur See Just Juel abgeschickt. Grund wurde indessen lange zurückgehalten und erhielt erst am 2. Febr. 1710 seine Abschiedsaudienz mit den gebührenen Ehrenbezeigungen. Doch zeigt er sich (infolge Relation vom 13. Febr. 1710) wenig vergnügt mit seinen Abschiedsgaben, einigen Dutzend Zobelpelzen und dem Bildnisse des Tzaren in Diamanten, da er die ersteren an Beamte aus der Kanzlei und andere, die ihm darum baten, abgeben musste, und das Portrait «n'avait pas d'autre beauté que celle du Représentant». — Nach seiner Rückkehr wurde Grund Praeses der Gesundheitskommission in Kopenhagen,

welche eine sehr traurige und höchst anstrengende aber verdienstvolle Thätigkeit während der Pest ausübte, die im Jahre 1711 c. 23000 Menschen oder über ein Drittel der städtischen Bevölkerung hinwegraffte. Später wurde er zum Landesvogt in Bredstedt und Mitgliede des Obergerichts in Gottorp ernannt, wo sein Tod am 18. Sept. 1729 erfolgte.

Kopenhagen, December 1899.

Gerhard L. Grove,
Archivsekretär im kgl. dänischen Reichsarchiv.

Anm. Der Druck dieser Schrift wurde noch zu Lebzeiten des weiland Akademikers E. Kunik, der ihn angeregt hatte, begonnen, konnte aber erst jetzt beendet werden.

Allerdurchleuchtigster Groszmächtigster
Allergnädigster König und Herr!

Meine Abreisze.

Nachdem es Ew: Königl: Mayst: allergnädigst gefallen, mich mit dero hohem Creditif und Instruction als dero Envojé Extraordinaire im Jahr 1705 im Monat Septembr. an die jetzt noch regierende Czarische Mayestet Peter Alexewitz alhier zu versehen[1] und solchen importanten Post in allen Gnaden anzuvertrauen, habe Ich, meiner obliegenden Pflicht nach, gleich allen Fleisz angewand umb mich fordersahmbst auf die Reyse zu begeben, und bin also mit der mir dazu allergnädigst verordneten Fregatte, der Postillon genandt, am 3ten Octobr: von der hiesigen Rehde im Nahmen Gottes zu Seegel gegangen. Da den so fort einen so groszen Sturm gehabt, das meinen sonst nach der Pillau eingerichteten Cours ändern, und in den kleinen Haffen Christiansöede bei Bornholm auf etliche Tage einlauffen müszen, also das Ich nicht ehe als den 12. ditto zu Pillau und den 13. zu Königsberg angelanget, da Ich einige tage mit Einrichtung meiner Equipagie zugebracht, und mich nicht ehe als den 24ten Ditto weiter zu Lande auf die Reyse begeben können, da ich meinen Weg durch Preusen über Johannesburg nach Lithauen zugenommen, weiln Ich benachrichtiget ward, das der Czar für seine Person zu Tycochin befindlich, das Haubtquartier aber zu Grodno wäre. Weshalben Ich dan von den Preusischen Gräntzen meine bagage nach diesem Orth geschicket, für meine Persohn aber mich nach dem Czaren begeben,

Ankunfft bey dem Czaren.

den Ich auch das glück gehabt am 4ten Novembr: zu gedachten Tycochin einzuhohlen, und habe daselbst alsofort meine Ankunfft dem damahligen Czarischen Grosz Cantzler Graffen von Gallowin vermelden und ersuchen laszen, Ihm daselbst zu sprechen, umb von der mir allergnädigst anvertraueten Commission weiter part zu geben, damit Er solches Ihre Czarische Mayestet hinterbringen, und mir bey derselben audience verschaffen könte. Worauf der Grosz Cantzeler mir ein gegen Compliment wegen meiner glücklichen ankunfft machen laszen und des

folgenden Tages in aller Frühe seinen Wagen geschicket, umb zu Ihm zu kommen, da Er sich sogleich entschuldiget, dasz sie an einem so unbeqvemen Orthe nicht mehr Ceremonien macheten, sondern desfalls bis zur anderen beqvemern Zeit dilation bitten müsten, weiln Ihre Königl: Mayst von Pohlen auch eben des vorigen tages alda angelanget, die sie ebenfals nicht nach willen und gebühr bewirthen könten. Indeszen aber wäre Ich doch von Hertzen willkommen, und würde wegen der genauen alliance[2] und guthen Vernehmens von selbst erachten, dasz sie diese excuse aus keinen bösen Willen hervor sucheten, und offerirten mir deswegen das, wan Ich bey Ihre **Audience.** Czarische May^{t} ein privat audience haben wolte, es so gleich geschehen könte, worauf, wie Ich geantwortet, das an den Ceremonien bey solcher Conjuncture im Felde endlich nicht viel gelegen, in dem Ich persuadiret wäre, das sie mir, als einem Ministro von einem in so genauer alliance mit dem Czaren stehenden Könige darin nichtes, was Herkommens versagen würden, und es also für eine Gnade achtete, wan Ich Ihre Czar: Mays^{t}: je ehe je lieber die Reverence machen könte. Welches, wie es sehr wohl aufgenommen ward, so kahmen auch nicht lange darnach Ihre Czaarische Mayst: ins Zimmer getreten, zu der mich der Grosz-Cantzler führete, und mir Gelegenheit gab, mein Gewerbe[3] anzubringen, wie in meiner allerunterthänigsten Relation vom 6 Nov: A^{o} 1705 mit mehren vermeldet, worin damahls alle Complimenten von meiner reception bestanden, nur dasz Ich, weiln der Czar des 3ten tages darauf von dar nach Grodno gereyset, und Ich dahin gefolget, daselbst Ihre Czaarische Mayst: mein Creditif in beysein des gantzen Hoffes præsentiret und darauff zur antwort bekommen: Es solten mir hinführo Ihre Czaar: Mayst: Hoff und der Zutritt zu ihnen alle- **Conference.** zeit offen stehen, und wan Ich weiter etwas vorzubringen oder zu conferiren hette, so solte Ich mich nur an den Grosz Cantzler adressiren, der mir in allem gutte Antwort und Nachricht zu geben befehliget wäre. Welchem nach Ich dan auch zu gedachtem Grodno einige Conferencen mit dem Herrn Grosz Cantzler und anderen dazu Deputirten Bojaren gehabt, umb zu vernehmen, was des Czaarn Gedanken und Intention von dem dahmaligen Zustande der Sachen wären, da man mir gleich proponiret, wie Ihre Czarische Mayst sehr wünscheten, das Ew: Königl: Mayst: je ehe je lieber der Sachen mit beytreten, und den Krieg gegen Schweden declariren möchten, nicht zwar wie der Grosz Cantzler mir expresse dabey sagete, umb Ihrent willen, indem sie vermeineten, der Macht des Königs von Schweden mit Ihrer und der aus Sachsen damahls erwartenden Armée von $\frac{m}{24}$ Mann genugsahm gewachsen zu sein, sondern wegen Ew: Königl: Mayst: eigenem Interesse, dieweil sie schwerlich eine so gute Gelegenheit wieder finden würden Ihre Gerechtsahme[4] zu vindiciren. Welches wie es mit Ew. Königl: Mayst: allergnädigsten

Damahliger Zustand von der Czaren Armèe.

Instruction, vermöge welcher Ich alle engagements bisz fernere ordre decliniren solte, gar nicht übereinkahm, so habe Ich auf dergleichen propositiones nur generaliter geantwortet, und von Ew: Königl: Majst guten und aufrichtigen Intention versicherung gethan; im übrigen aber des Czarn und deszen armée damahligen Zustand, so viel möglich gewesen, observiret, da dan fürs erste befunden, das die Moscowitische Armèe dazumahlen aufs höchste $\frac{m}{40}$ Mann starck gewesen, wie die davon überschickte Liste, welche alhie nochmahls in aller unterthänigkeit mit beyfüge, solches specificiret. Und wahr dieselbige von Churland an bisz an die Weichsel verleget, jedoch das das gros von der Infanterie sich zu Grodno befand, alwo man eine Retrenchement von fachinen sambt einen ziemlichen Graben gemachet hatte, so hernach mit groszer reputation von dem Feld Marschal Ogilby gegen den König von Schweden defendiret ward.

SPECIFICATION

Ihro Gross Czaar: Mayst: regulirten Reg^{mten}: Infanterie und Cavallerie A^{o} 1705.

Preobrasinskij	4	Bataillons
Simonofskij	3	»
Ingermanlandskij	3	»
Feld M: Schermetoff	2	»
Feld M: Ogilbij	2	»
General Reppenin	2	»
General Schambers	2	»
General Scharpf	2	»
von Schweden	2	»
Buttirski	2	»
Gülitz	2	»
Augustoff	2	»
Meves	2	»
Ridder	2	»
Angler	2	»
Deduit	2	»
von Delden	2	»
Powisch	2	»
Kelling	2	»
Assenius	2	»
Balck	2	»
Gollofki	2	»
Butterer	2	»
Lange	2	»
Major Schermetoff	2	»
Summa Reg^{mter}: 25:	54	Bataillons

Dragoner Regimenter Litthauer und Pohlen.

Rönne	5 Esquadrons
Hensken	5 »
Pflug	5 »
Schauenburg	5 »
Nettelhorst	5 »
Ostafski	5 »
Ger[s]torff	5 »
Alexander Wolchonskij . .	5 »
Stoltz	5 »
Hein	5 »
Summa . . .	50 Esquadrons

In Churland.

Rosen	5 Esquadrons
Bauer	5 »
G: Wolchonskij	5 »

Es waren aber diese $\frac{m}{40}$ noch dabey in sehr schlechten Zustande, weiln es noch an der discipline und erfahrnen Officieren fehlete, die deszen ohngeachtet doch schon anfingen allerhand Jalousie unter sich spühren zu laszen, und sich also in zwey partheyen theileten, dadurch den Feld Marschalch Ogilbij auch ausgedrungen, und der Fürst Menchikoph zum General von der Cavallerie gesetzet ward. Doch hetten der Czaar und seine Generals dabey guten Muth, und getraueten sich dem König von Schweden den Kopf zu bieten, sprachen auch deswegen von nichtes anders, als bataillireu, und dasz sie zu dem Ende dahin gekommen, da sie sonst wohl hetten Reuel und Pernau wegnehmen können, aber man hette darin dem König von Pohlen einen Dienst thun wollen, umb die Crönung des Stanislai zu wehren, als bey welcher, bey so gestalten Sachen, wohl niemand von den Pohlnischen Magnaten assistiren würde. In der that aber wüsten sie noch selbst nicht, was sie thun würden, wan es da zu kommen solte, und Ihre meiste Zuversicht war auf des Königs von Pohlen seine Armée in Sachsen, welche dem König von Schweden so fort nach seinem Aufbruch von Blonie in den Rücken marchiren solte; auf welche Art, Ihrem Erachten nach, der König von Schweden gegen beyde nicht würde subsistiren können. Weszhalben sie dan auch dem König von Pohlen sehr caressirten und damahls viel Geld auszahlen lieszen, damit ja der Aufbruch selbiger Armée nicht manqviren mögte.

Übeles Verständnisz zwischen dem Könige von Pohlen und dem Czaaren.

Es war aber dabey zu spühren, dasz die bezeigende vertraulichkeit von beyden Seiten nicht gar mit denen innerlichen Gedancken überein kahm, davon das fundament dieses war, das der König von Pohlen mit denen nach dem Birsischen Tractat stipulirten Subsidien nicht zu frieden wahr, sondern dieselbige vergröszert wiszen wolte, der Czaar aber glaubete, das die schon bezahlte Subsidien niemahls zu verpflegung seiner Trouppen wären angewand worden, Insonderheit, da Er solches in Grodno selbst sahe, dasz die alda ausgezahlete $\frac{m}{200}$ Rubels mehrentheils den favoriten durch presenten, abzahlung Ihrer Gage, und das Spiel zu theil würden; weszwegen dan auch der Czar gegen weynachten davon nach Moscow reysete, und der König Augustus in das Dessein der seinigen, den Geheimbten Rath Patcul in arrest zu nehmen, heimlich consentirte; worauf Pfingsten anfing sich bey Ihm ein zu finden, deszen Unterhandlung dem Czarischen Ambassadeur zwar etwas verdächtig vorkahm, man wolte sich aber nichtes mercken laszen; wie aber darauf die bataille bey Frauenstadt verlohren ward, und die Schweden der Czarischen Armée im Früh Jahr 1706 aus Lithauen bis fast nach Kiof folgeten und bald von dar sich wieder zurück nach Sachsen wendeten, so trat man zwar nochmahls zusammen, und ward am 18 Octobr. selbigen 1706ten Jahres eine ansehnliche Victorie bey Kalisch in Grosz Pohlen befochten, aber unter der Hand hatte der König von Pohlen den alt Ranstätschen Frieden schon geschloszen, also das kurtz darauf die 2500 gefangene Schweden von dem König von Pohlen wieder los gelaszen, und die gute Freundschafft mit dem Czaren dadurch gantz unterbrochen ward. Worauf dan der Czar, nach dem Er benachrichtiget worden, dasz der König von Schweden eine sehr considerable Armée in Sachsen beysammen zu bringen trachtete, und überdehm das Liefländische Corpo wieder durch transporten und werbungen sehr verstärcken liesz, auch sich keine Gelegenheit für Ihm ereugen wolte, durch Vermittelung von anderen Puissancen als Franckreich oder der hohen Aliirten aus der Sache zu kommen, die Resolution faszete, den Krieg allein gegen Schweden zu continuiren und deszfals seine Armée aufs möglichste so viel man Gewehr, Mundierung und Officier würde beysammen bringen können, zu augmentiren, und solchem nach kahm des Czaren Armée in Jahr 1707 auf den Fues von 65000 Mann effectif, wie beygeschloszene Liste mit mehrem ausweiset.

L I S

Von Ihre Czaarische Mayst Haupt Armée in Pohlen A° 1707,

Infanterie.

Regimenter:	1. Preobrasinski	4	Battaillons	2400	Mann
	2. Simonofski	3	»	1800	»
	3. Ingermanlandski	3	»	1800	»
	4. Schermetoff, Petersburg	3	»	1800	»
	5. Gollofkin	3	»	1800	»
	6. Graf Friese Brigad.	3	»	1800	»
	7. Repnin, G:l v: der Inf:	2	»	1200	»
	8. Allard, Gen: Lieut:	2	»	1200	»
	9. Jambers, Gen: Major	2	»	1200	»
	10. Belling, Gen: Major	2	»	1200	»
	11. Deduit, Gen: Major	2	»	1200	»
	12. von Schweden, Gen: Maj:	2	»	1200	»
	13. Butteler	2	»	1200	»
	14. Butterski, Obr:	2	»	1200	»
	15. Meus, Obr:	2	»	1200	»
	16. Augustoff, Obr:	2	»	1200	»
	17. Lang, Obr:	2	»	1200	»
	18. Hering, Obr:	2	»	1200	»
	19. Gallitzin, Gen: Maj:	2	»	1200	»
	20. Gollowin	2	»	1200	»
	21. Jung Schermetoff	2	»	1200	»
	22. Kelling, Obr:	2	»	1200	»
	23. Hassenius, Obrist	2	»	1200	»
	24. Schlüsseb: Obrist	2	»	1200	»
	25. Seillenheimb	2	»	1200	»
	26. Dolgoroucki	2	»	1200	»
Summa	26 Regiment	59	Batallions	35400	Mann

T E

so damahls auf den teutschen Fus gekleidet und exerciret wahr.

Cavallerie.

Regiment	1. Gardes du Corps. Kn: Menschikoph	2 Esqu.	500 Mann
	2. Moscofski. Gen: L^t: Rönne	2 »	1000 »
	3. Kiofski. Gen: L^t: Bauer	2 »	1000 »
	4. Trojetski. P^r: v: Darmstadt	2 »	1000 »
	5. Casanski. Obr: Heidenreich	2 »	1000 »
	6. Astracanski. Obr: Milerfels	2 »	1000 »
	7. Sibirski. Gen: May: Pflug	2 »	1000 »
	8. Smolenski. Kn: Gagarin	2 »	1000 »
	9. Wlodomirski. Obr: Miserski	2 »	1000 »
	10. Novogorodski. Obr: Wolcofski . . .	2 »	1000 »
	11. Pleskofski. Obr: Ifland	2 »	1000 »
	12. Twerski. Obr: Schultz	2 »	1000 »
	13. Permski. Obr: Gorbow	2 »	1000 »
	14. Nisigrodski. Gen: Maj: Behm	2 »	1000 »
	15. Czernikofski. Br: Stolz	2 »	1000 »
	16. Wiotskij. Obr: Walicofski	2 »	1000 »
	17. Resianski. Gr: M. Hein	2 »	1000 »
	18. Rostofski. Obr: Com: Streschnef . .	2 »	1000 »
	19. Jareslauvski. Obr: Wolconski	2 »	1000 »
	20. Bialosirski. Obr: Apraxin	2 »	1000 »
	21. Petersburgski. Gen: Lt: Hensken . .	2 »	1000 »
	22. Schermetoff	2 »	1000 »
	23. Menchikoph	2 »	1000 »
	24. Iwan Iwanowitz. Obr:	2 »	1000 »
	25. Fasman. Obr:	2 »	1000 »
	26. Wernick. Obr:	2 »	1000 »
sind noch im march anhero begriffen.	27. Gagarin	2 »	1000 »
	28. Wolcofski	2 »	1000 »
	29. Wlodomier Schermettoff	2 »	1000 »
	30. Pluskin	2 »	1000 »
	31. Rensch	2 »	1200 »
	Summa 31 Regiment:	62 Esqu.	30700 Mann

LISTE

von der Generalitæt in Pohlen dieses Jahr.

Infanterie.

Feld M: Schermetoff.
Gen: v: der Inf: Knees Repnin.
Gen: Lieut: Allard.
Gen: Major Schambers.
Gen: Major Deduit.
Gen: Major Schweden.
Gen: Major Belling.
Gen: M: von Werden.
Gen: M: Gelchin.
Gen: M: Nostitz.
Brigad: Graff Friise.
Brig: Butterer.

Cavallerie.

Gen: v: der Knees Menschikoph.
Gen: Lt: P^{z}: von Darmstadt.
Gen: Lieut: Rönne.
Gen: Lieut: Bauer.
Gen: Lieut: Hensken.
Gen: Major Pflug.
Gen: Major Hein.
Geu: Major Corboff.
Gen: Major Böhm.
Gen: Major Rensch.

Artillerie.

Gen: Lieut: Bruce.
Obrist: Günther.
Obrist L: Janson.

Ingenieurs.

Oberst C: Colomb.
Oberst Z: Heinsohn.
Brille.
Scharbeck.
Roose.
Holtzmann.

Svite von meiner Negotiation.

Mit meiner Negotiation hatte es indeszen seit meiner abreyse aus Grodno die Bewandnisz, das wie damahls die Euthinische Sache[5] einige mouvements in Holstein veranlaszete, und dasz Ruszische Ministerium nach des Königs von Schweden passagie von der Weichszel und heraufrückung in Litthauen bald sahe, dasz sie sich in Ihrer Rechnung dem Feinde allein wiederstand zu thun, zu viel flattiret, so fing der Sehl: Grosz Cantzler Gallowin in Moscow an, von einer neuen alliance, die Er zuvor in Grodno Ew: Königl: May^{t}: eigenem Guttbefinden anheimb gestellet mit Ernst zu reden, wovon Ich damahls allerunterthänigsten raportt abstattete und darauf allergnädigsten befehl erhielte, zu sondiren, was man Ew: Königl: Mayst: den eigentlich für conditiones offerirte. Worauf mir von dem Sehl: Grosz Cantzler unter seiner Hand die Antwort zugestellet würde, wie sie auch gleich darauff allerunterthänigst überschicket, nemlich das man 1., niemahls keinen als gemeinschafftlichen Frieden eingehen 2., Auf Ew: Königl: May^{t}: begehren, deroselben eine gewisze anzahl wohl disciplinirte Krieges trouppen zu-

schicken, und 3^{tens} dero flotte mit einem regulirten qvanto von vivres oder victualien versehen wolte, welches man dem ansehen nach, noch wohl verbeszert hette, aber von dem Geld punct wolte man allezeit, als einer Ihnen unmöglichen Sache abstrahiren. Welches, weiln es der Haubt Articul sein solte, und die Euthinische Sache kurtz darauf[6] verglichen ward, zu dem auch der Schweden grosze Verlaszung in Sachszen sehr bedencklich fiel, so bekahm Ich ordre mich ferner in keine negotiation, weder schrifftlich noch mündlich einzulaszen. Worauf wie kurtz hernach der Sehl: Graff Gollowin auf der hinreyse nach Kiof starb und man mich ferner zu keiner Explication in der Sache bringen könte, so fing man an mich zu negligiren und den übrigen Envoyès von Engelland und Preuszen gleich die gantze Campagne übersitzen zu laszen unter dem vorwand, man könte bey denselben, so lange Ich nichtes vorzubringen hette, keine Jalousie veranlaszen, womit mich das Jahr A^{o} 1706 so müste zu frieden geben. Doch brachte Ich es im Winter noch wieder so weit, dasz Ich im Früh Jahr 1707 die Erlaubnisz bekahm wieder nach Pohlen zu kommen, woselbst Ihre Czaar: Mayst: im Junio zu Lublin antraff; weiln Ich aber wiederumb nichtes vorzubringen hette, so fingen sie auch von neuen wieder an Ihr Miszvergnügen spühren zu laszen, weile sie täglich gefährlichere zeitungen von des Königs von Schweden armatur bekahmen, und auch in groszen Streitigkeiten mit den confœderirten Pohlen, so wohl wegen der Wahl eines neuen Königes, als auch derselbigen nation stipulirten Subsidien gegen die wiederumb prætendirende verpflegung von Ihrer Armée, vorfiehlen. Ohn allein weiln Ich doch einige Nachricht geben könte von desz Kōnigs von Schweden occupationes in Sachszen wegen der mit dem H^{rn} Geheimbten Rath von Jessen[7] habenden Correspondence, item den Czarn zu erst warnete, das sich auf die negotiationes von den Frantzösischen Ministris, als Bonac, Besewal, und des Alleurs, wie auch von Madame Senafski gantz nicht zu verlaszen, sondern das der Czar ferner den Krieg continuiren müste, weiln der König von Schweden von keinen anderen Frieden hören wolte, als das der Czar alles restituiren, von Pohlen ganz abstrahiren, den Stanislaum erkennen, und die Krieges Umkosten bezahlen solte, so ging es noch so hin, dasz Ich nicht gleich dem Preusischen Envojé Kayserling brusqviret, sondern nur gegen weynachten, da die Schweden wieder aus Sachszen in Pohlen einzurücken beginneten, nach Moscow zu reysen ersuchet ward, da Ich indeszen schon einiger maszen ersehen können, was man gegen selbigen Feind für mesüres genommen, wie selbiges auch dazumahl in aller Unterthänigkeit vermeldet: nemlich, das alles, was man von Defendirung der Weichsel und anderen Ströhmen in Pohlen, als der Nerve des Bugs und der Memel spargirete, nur kleine Aufhaltungen sein dürfften, und das der Czar es nimmer zu battallie würde kommen laszen,

ehe der Feind bisz an die Gräntzen seiner Lande würde gekommen seyn; zu welchem Ende dan auch die ordres schon ergangen waren, an der Niepre, zu Kopitz, und Kiof, und an der Düne, zu Polotzko, grosze retrenchementen aufzuwerffen, davon Ich das erste zu Kopitz noch im Rückwege besehen und solcher gestalt im Januario 1708 wieder in Moscau angelanget. Von welcher zeit an meine Negotation in nichtes anders bestanden, als dasz nur gegen einen heimblichen und præcipirten Frieden einige Vorstellungen durch Brieffe gethan, wie es Insonderheit zu der zeit von nöthen war, da der König von Schweden in der Ukraine stand, und sich umb selben durch den von Klinten mit Ernst bewerben liesz, auch zu Lebedinof vielleicht zum Schlusz damit gekommen wäre, wan nicht dazumahl Ew: Königl: May^st: angefangen hetten den hiesigen Czaarischen Ambassadeur beszer Gehör zu geben, welches die rosolutiones von dem Czarn verzögert, also das sie der König von Schweden nicht abwarten können, sondern weiln es Ihm unmöglich wahr, bey Haditz, zwischen den Ströhmen im Frühling zu subsistiren, sich nach Pultava wenden müszen, da Er A° 1709 d. 27 Junij wie bekand totaliter geschlagen worden. Welches wie es den gantzen zustand der dortigen affairen glücklich verändert, und Ich kurtz vorher von Ew: Königl: Maj^t: in allen Gnaden rappelliret worden, so habe solches dazumahl Ihre Czar: Mayst: und den neuen Grosz Cantzler Gollofkin durch Schreiben vermeldet, und folglich von allen negotiationen aus mangel ferneren Instruction bisz zur ankunfft meines Successoris des H^rn Commendeur Jueln[8] abstrahiret, auch mich weiter umb nichtes beworben, als das mit Reputation aus der Sache kommen, und zu dem Ende mich bey Ihre Czaarische Mayst: durch eine publique audience formlich beuhrlauben mögte, wohin es den auch endlich im Januario 1710 in der Czarischen Residens Moscow gebracht, wie solches an Ew: Königl: May^t: mit allen umbständen, meiner allerunterthänigsten schuldigkeit nach, vermeldet und alhier zu wiederhohlen zu weitleufftig ist; worauff weiter meine zurückreyse gefolget, die zwar sehr langweilig gewesen, in dem wegen der Pest und des Krieges mit Schweden meinen weg über Kiov, durch ganz Pohlen, Schleszien, Böhmen, Sachszen und langst der Elbe nach Hamburg nehmen müszen, aber doch Gott lob! so glücklich geendet, das am 4ten Julij dieses Jahres mich Ew: Königl: May^t: wieder nähern und die Versicherung dero hohen Königlichen Gnade aus dero eigenem Munde in allen Gnaden vernehmen können.

Fernere Erfolg des Krieges.

Da aber indeszen, nach meiner wiederkunfft aus Pohlen, die rechten Operationes des Königs von Schweden erst angefangen, und der Bericht davon bis zum Triumph des Czaaren in Moscov auch vielleicht zu einigen Gedancken dienlich sein kan, so wende mich wieder zu denselben, und lieffen also gleich im Januario 1708 davon die Nachrichten in Moscow ein, dasz

der König von Schweden mit seiner in Sachsen formirten considerablen Armée von etliche $\frac{m}{40}$ Mann schon in Anmarsch wäre; da es dan zu erst das Ansehen hette, weiln der Feind seinen Marsch über Grodno nach Vilna Smergognen und Berezena nahm, als das er durch forcirung des retrenchements bey Polotsko ins Land dringen wolte, weiln Novogrod, Veliki Lucki und Pleskow nicht weit von dannen, da er fürs erste hette Sedem belli etabliren, und nach dem er die beyden considerablen Corpo von Lewenhaupt aus Liefland und von Lübecker aus Finlandt erwartet, Narva wiedernehmen, die Czarische flotte sambt Petersburg ruiniren und so mit aller force in Ruszland einbrechen können. Welches dan, wie es an sich selbst sehr gefährlich wahr, noch schlimmer würde geweszen seyn, wan wieder Unser vermuhten Mazeppa mit im Spiel gekommen wäre. Aber damahls scheinet es, das Gott sonderlich die Hand mit im Spiel gehabt. Dan weiln an der Düna im Früh Jahr die wege was impracticables wegen der Moraste sind, und der Feind al zu hitzig in seinen Anschlägen war, so Resolvirte Er selbigen Ströhm zu verlaszen und nach der Niepre zu marchiren, ehe Lewenhaupt und Lübecker mit Ihren trouppen zu Ihm stoszen könten, marchirte also in aller Eile dahin, aber Er verfiel nicht allein daselbst ebenfals in grosze morastische Örter an der Bobbe, sondern es begonnete ihm auch an Lebens Mitteln zu Manqviren, wodurch deszen Macht am ersten geschwächet ward! dan es begunten nicht allein die teutschen trouppen zu desertiren, sondern es sturben auch viele davon und wurden marode, also das man Russischer Seiten einige Hoffnung von gutem Succes der Sachen bekahm, Insonderheit da indeszen auch der Gen: Lieutenant Bauer mit seinem an der Düna zurück erbliebenem detachement des Obristen Brömsen Cavallerie sambt dem Livischen Regiment Infanterie bey Wesenberg totaliter schlug.

Doch aber hatte der Feind die Nachricht erhalten, wie die Czaarische Armée an der Niepre eingetheilet war, und das eine division davon den post bey Hollotzin unter Commando des General Fürsten von Repnin occupirte, welchen er daselbst eines zu versetzen vornahm und am 12ten Augustij ins Werck stellete, auch so viel ausrichtete, das die Moscowiter in confusion kahmen und also den post abandonniren müsten, worüber wohl bis 1500 Mann verlohren gingen; welches zwar einiger Maszen von Importantz wahr, wie es dan auch der Feind als eine grosze Victoire ausgeschrien, aber doch hat Er auch keine seyde dabey gesponnen, sondern ebenfals viel Leuthe verlohren, wie es der General Adjudant Canifer, der bald darauf gefangen ward, ausgesaget.

Der Czar aber müste sich doch mit seiner Armée darauf, nachdehm er alles zu Mohilow ruiniret, vor der Niepre nach Horcki gegen Smolensko zurück ziehen, da der Feind die Niepre in der Eile ohne Wiederstand passirte,

aber dadurch dergestalt von Lebens Mitteln entblöszedt wardt, dasz es ihm unmöglich wahr, die Ruszen zu verfolgen, sondern müste sich nach Circassen und folgendes Cosaqven Land wenden, da Er dan erstlich zwischen die beyde Ströhme biella und schorna Nappa oder weise und schwartze Nappa zu stehen kam, nachdem Ihm die Ruszen allenthalben, wegen Ihrer leichten Cavallerie, vorgebeuget und in der Stadt Mizirslau posto gefaszet hatten. Worüber die Ruszen auch zweymahl, als den 30ten und 31ten Augustij St: veteri Gelegenheit bekahmen den Feind zu attaqviren, und Ihm ziemlichen schaden zu thun, also dasz Er sich weiter hinunter an die Desa ziehen müste; da man sich Ruszischer seiten ihm entgegenstellete, umb die passage davon samt den Cosaqven, denen man damahls noch alles zutrauete, zu verwehren. Es presireten sich aber die Schweden damahls nicht, sonder zweiffel umb die Ankunfft von Leuenhaupt erst zu erwarten, von deszen anmarch aber der Czar Nachricht bekahm und deszwegen mit einem Corpo von $\frac{m}{10}$ Mann Ihm entgegen ging, auch zugleich an den Gen: Lieut: Bauern die ordre schickte, mit seinem corpo von 3000 pferden, die man von der Düne hinweg gezogen, cito zu Ihm zu stoszen, welches auch so wohl reussirte, dasz sie nach einen 5 tägigen March den Feind bei Propoisch antreffen und folgenden tages nemlich d. 9. Octobr: totaliter schlugen, so das von dem Leuenhaubtischen Corpo von $\frac{m}{14}$ Mann, die er aufs wenigste bey sich hatte, nicht zwey rechte Regimenter und in allen nicht $\frac{m}{6}$ Mann, die sich über den Sost Strohm salviret, gesund ankahmen, und indeßen alle ihre bagage von etliche 1000 wagen sambt allen Canonen im stiche lieszen, wie die am 24ten Octobr. davon allerunterthänigst gethane Vermeldung solches mit mehrem ausweiset; worauf aber bald hernach die Verrätherei von dem Mazeppa ausbrach, dadurch Jedermänniglichen Erachten nach, des Czaaren waffen wiederumb in gröszer Gefahr gesetzet wurden, aber damahls thate die Vigilance des Fürsten Menchikophs das beste, der selbige nicht allein am ersten entdeckte, sondern auch zugleich einige Regimenter zu sich nahm und damit den Residentz von Mazeppa Baturien bestürmete, worin Er allen für den Feind verwahreten Vorrath von vivres, ammunition, sambt einer Artillerie von 70 Metallene Canonen fandt; welche Entreprise viele Cosaqven stutzig machete, also das der Feind die Desna zu späte passirete, und sonder zweiffel von der zeit an gespühret, dasz Er seine Mesures falsch genommen. Dan darauf kahm bald der starke Winter, da das feindtliche Haubt qvartier zu Romno und des Czaarn zu Lebedinof wahr, woselbst man Moscowitischer seiten observirte, dasz die feindtliche absichten auf Wipritsch und die dahinter liegende Stadt Aftyrcki gerichtet waren, weshalben man in beyde Garnisons legete und insonderheit den letztern Orth zu fortificiren befahl. Der feind aber säumete auch nicht, sondern rückte für dem ersten und resolvirte selbigen mit

Bataille bey Propoisch d. $\frac{9.\ 8br.}{28.\ Sept.}$

den degen in der Faust zu forciren, verlohr aber dafür über 1200 Mann; die beyden Obristen Sperlings und der Feld M: Rheinschild ward in der Seiten blessiret, doch ward der Orth solcher gestalt bezwungen, und die darin sich befindende Garnison sambt dem Obristen Ferber zu Kriegesgefangene gemachet. Weiln aber Aftyrcki etwas weiter endlegen, und der Feind durch die erste entreprise nichtes gewonnen, die fourage auch bey Ihn gäntzlich consumiret wahr, so ward darauf von Ihm in der größesten Kälte der March nach Halitsch vorgenommen, auf welchem der Gefangenen einhalligem vernehmen nach, über $\frac{m}{3}$ Mann gestorben oder solcher gestalt ruiniret worden, dasz sie nimmermehr einige Dienste thun können. Des Czaarn Armée rückte darauf nach Carkoff, und weiln man sichere Nachricht erhalten, das die Schwedischen Generals Crassau unt Ritterhelm mit einem corpo von $\frac{m}{10}$ Mann Schwedischer und Polnischer trouppen im anzuge waren, so wurden der Feld Marschal Lieut: Goltze, der General Lieut: D'albon, Gen: Major Gallitzin und Gen: Major Gordon mit einem Detachement von $\frac{m}{12}$ Mann nach Wolinien geschicket, die sich erst bey Bialazerski setzeten, den Orth auch, worin der Mazeppa noch viele Sachen hette, wegnehmen, und so weiter bis Polona avancirten, da eine von Ihnen aus commandirte Parthey ohnweit Ostrog und Dubno einige Sappianer in den qvartieren überrumpelte, und viele Gefangen davon nach Kiof schickete, worauf der Feind, sich über den Prepetz zurück zog, und dem Feld Marschalck Goltzen also gantz Wolinien überliesz. Bey der Haubt-Armée aber in der Ukraine passirete weiter nichtes, als was die Partheyen ausrichteten, davon eine nahe bey Aftyrcki bald sehr übel für den Fürsten Menschikoph ausgeschlagen wäre, indem Er mit seinem bey sich habenden Leuthen des Nachtes in einem Kloster verweilet, und daselbst von dem Feinde wahr ausgekundschafftet worden, worauf derselbe des Morgens das Kloster berennete und so starck besetzete, das die Ruszen nur kaum endkahmen und alle Ihre Bagagie in stiche laszen müsten, welches den Gen: Major Schaumburg am meisten betroffen, in dem Er nichtes als das pferd, darauf er geseszen mit zurück brachte. Auch wäre der Fürst Menschikoph und die übrigen sonder zweiffel alle gefangen genommen worden, wan nicht der grosze Schnee den Fein[d] gehindert, Ihnen vorzubeugen, weshalben Er sich mit einigen von den letzten vergnügen müszen.

Indeszen hatte der Czar den besten theil der Stadt Moscow fortificiren, viele neue Recruten verschrieben, und das Corpo, welches der General Apraxin bis dahin in Ingermanland commandiret, auch nach der Ukraine kommen laszen, also das Er im anfange des 1709ten Jahres daselbst eine Armée von 93000 Mann regulirter trouppen auf den beinen hette, wie beygefügte Liste mit mehrem ausweiset.

L I S

von Ihre Czaarische Mayst: Haubt Armée, welche anjetzo in der Ukraine oder Cosaqven lan

Infanterie

Regimenter	1. Prebrasenski Garde	4	Bataillons	2400	Mann
»	2. Simonofski Garde	3	»	1800	»
»	3. Ingermanlandski Garde	3	»	1800	»
»	4. Moscowski	2	»	1200	»
»	5. Buttnrski	2	»	1200	»
»	6. Kiofski	3	»	1800	»
»	7. Casanski	3	»	1800	»
»	8. Sibirski	4	»	2400	»
»	9. Narwski	3	»	1800	»
»	10. Astracanski	2	»	1200	»
»	11. Rosanski	2	»	1200	»
»	12. Wetski	2	»	1200	»
»	13. Schernikofski	2	»	1200	»
»	14. Lutski	2	»	1200	»
»	15. Weroniski	2	»	1200	»
»	16. Olonietski	2	»	1200	»
»	17. Schlüsselburgski	2	»	1200	»
»	18. Novogorodski	2	»	1200	»
»	19. Pskofski	2	»	1200	»
»	20. Belgorodski	2	»	1200	»
»	21. Kargopolski	2	»	1200	»
»	22. Rostofski	2	»	1200	»
»	23. Tobolski	2	»	1290	»
»	24. Kaporski	2	»	1200	»
»	25. Peterburgski	2	»	1200	»
»	26. Permski	2	»	1200	»
»	27. Troitski	2	»	1200	»
»	28. Lafortski	2	»	1200	»
»	29. Rentzel	2	»	1200	»
»	30. Ingliski	2	»	1200	»
»	31. Fichtenhejm	2	»	1200	»
»	32. Apraxin	2	»	1200	»
»	33. Nisegrodski	2	»	1200	»
»	34. Twerski	2	»	1200	»
»	35. Bollobonoff	2	»	1200	»
»	36. Borkenoff	2	»	1200	»
»	37. Beravski	2	»	1200	»
»	38. Casanski	1	»	600	»
»	39. Archangelgorodski	2	»	1200	»
»	40. Bellozerski	2	»	1200	»
»	41. Ustuski	2	»	1200	»
»	42. Jamburgski	2	»	1200	»
»	43. Gollitzki	2	»	1200	»
»	44. Asophski	2	»	1200	»
»	45. Smolenski	2	»	1200	»
Summa Reg. 45.		Bataillons 98		58800	Mann

T E

standen, und in dem 1709ten Jahr alda complett im Monat Majo ist gemunstert worden.

Cavallerie

Regimenter	1. Gardes du Corps. Obr: Geheim	1	Esquadron	500	Mann
	2. Sr. Excell: Feld M: Scheremetoffs Leib Esquad. .	1	Esquadr.	500	»
	3. Das Leib Regiment. Brigadier Jescow	2	»	1000	»
	4. Moscowski. Gen: Lt: Rönne. Obr: Peter Jamlow .	2	»	1000	»
	5. Kiowski. Gen: Lt: Bauer. Obr: Levontij	2	»	1000	»
	6. Trozetskoi. Obr: Sisschof	2	»	1000	»
	7. Ingermanlandskoi Obr: Polonski	2	»	1000	»
	8. St. Peter Burgski. Gen: Lieut: Heinski. Obrr: Jsupoff	2	»	1000	»
	9. Wlodomirskoi. Obr: Peter Musirski	2	»	1000	»
	10. Novogrodskoi. Gen: Maj: Wolconski	2	»	1000	»
	11. Casanskoi. Obr: Heidenreich	2	»	1000	»
	12. Astracanskoi. Feld: M: Lt: Goltz: Obr: Roop . . .	2	»	1000	»
	13. Sibirskoi. Gen: Lt: Pflug. Obr: Jeske	2	»	1000	»
	14. Pskovskoi. Gen: Major Ifland	2	»	1000	»
	15. Smolenskoi. Brigad: Gagarin	2	»	1000	»
	16. Twerskoi. Obr: Rosanof	2	»	1000	»
	17. Permskoi. Gen: Maj: von Stolz. Obr. Brümse . . .	2	»	1000	»
	18. Wiatskoi. Alexander Iwanowitz Wolchonski . . .	2	»	1000	»
	19. Nisigorodskoi. G: M: Böhm. Obr: Siskow	2	»	1000	»
	20. Schernikofskoi. Obr: Campel:	2	»	1000	»
	21. Rosanskoi. G: M: Hein. Obr Zeutkoff	2	»	1000	»
	22. Rostovskoi. Obr: Kruuse	2	»	1000	»
	23. Jareslavskoi. Obr: Gregori Wolchonski	2	»	1000	»
	24. Bieloserskoi. Obr: Gregorie Weisback	2	»	1000	»
	25. Asophskoi. G: M: Mikusch	2	»	1000	»
	26. Archangelskoi	2	»	1000	»
	27. Ingermandlanskoi. wie vorher	2	»	1000	»
	28. Lutskoi. Schaunburg	2	»	1000	»
	29. Wologodski. Monasteriof	2	»	1000	»
	30. Narvskoi. Felsin	2	»	1000	»
	31. Olonietskoi. Nariskin	2	»	1000	»
	32. Caporskoi. De Vesnick	2	»	1000	»
	33. Jamburskoi. Fassmann	2	»	1000	»
	34. Cargopolskoi. Musino Putzkin	2	»	1000	»
	35. Tobolskoi, Gagarin	2	»	1000	»
	36. Ustuskoi. Wolchonski	2	»	1000	»
Summa	36 Regiment	70	Esqu.	35000	Mann

LISTE

von der Generalitet deszelben Jahres.

Infanterie.

Feld M: Schermetoff.
Gen: von der Inf: Repnin.
General Hallard.
General Lt: Gallitzin.
General Lt: D'albon.
Gen: Lt: Belling.
Gen: M: v: Werden.
Gen: M: Gordon.
Gen: M: Nostiz.
Gen: M: v: Kirchen.
Brigad: Balck.
Brigad: Staff.
Brigad: Gollowin.

Cavallerie.

Gen: v: der Cavallerie Fürst Menschikoph.
Feld M: Lt: Goltze.
Gen: Lieut: Rönne.
Gen: Lieut: Bauer
Gen: Lieut: Henschen
Gen: Lieut: Rensel.
Gen: Maj: Schaunburg.
Gen: Maj: Böhm.
Gen: Maj: Wolchonski.
Brigadier: Jeskow.
Brigadier: Gagarin.
Brigadier: Weisback.

Artillerie.

Gen: Lieut: Bruce.
Gen: Maj: Günther.
Obr: Lieut: Janson.

Ingenieurs.

Obrist Colomb.
Brigad: Staff.
Brille.
Scharbeck.
Roose.
Holtzmann.

Da nun solcher gestalt das Früh Jahr herannahete, und der Feind, allem ansehen nach, sich nicht getrauen dürffte, zwischen denen vielen kleinen Ströhmen, die alsdan sich sehr ergieszen, stehen zu bleiben, so war man Russischer Seiten sehr vigilant, umb deszen ferners Absehen zu observiren, da dan die meisten Russischer Seiten vermeineten, der Feind würde Aftyrcki angreiffen, weiln Er alsdan nach Bielgorod und Veronisch kommen könte, da Er sich eigentlich auf des Czaren Boden würde befunden haben, und hette also ohne einige Hindernisz bis an die Ocka avanciren können, als was eine bataille darin anders decidiren möchte.

Ohn allein es hatte dem Feind damahlsz schon seit etlichen Monathen an allen Nachrichten gefehlet, und die Manschafft begonnete bey Ihm solcher gestalt abzunehmen, dasz Er nothwendig einen Secours erwarten müste,

ehe Er sich so weit von den Polnischen Grentzen entfernen dürffte; zu dem so hatte der Mazeppa grosze Hoffnung von der Conjunction der donnischen Cosaqven und Crimischen Tartarn gemachet, welche aber dazu keine Gelegenheit haben konten, als durch Pultava zu kommen, welchen Orth die Ruszen mit einer guthen Garnison besetzet hatten, weshalben es dan bey dem Feinde proponiret ward, solchen Orth zu forciren und sich solcher gestalt mit Volck aus der Tartarey und Pohlen zu verstärcken, ward auch bald darauf als ein gutes enpediens angenommen, insonderheit da der Mazeppa den Orth wegen seines Überfluszes von allen Lebens Mitteln sehr rühmete und versprach, Ihn mit seinen Cosacken und seiner Artillerie wegzunehmen, wan Er nur indeszen von der Schwedischen Armée gegen die Ruszen gedecket würde; alsz also das der Feind resolvirte seinen Lager dorthin zu rücken, dem des Czaren Armée folgete, und zwar erstlich bisz Carpoff, weile der Czaar nicht zugegen wahr, sondern sich nach Veronisch und von dar gar nach Asoph begeben hatte, auch nicht ehe als medio Maij wieder zu rück kahme, welche Zeit inzwischen auf beyden seiten mit Marchiren verlohren ward. Wie aber der Czaar gleich nach seiner Wiederkunfft bey der armée vernahm, das Pultawa würklich vom Feinde belagert wahr, so resolvirete Er mit seiner Armée an die Worskla zu rücken und den belagerten Orth wo möglich zu secundiren, woselbst es dan verschiedene rencontres gab, als die, da der Schwedische General Major Kruse den Gen: Lieut: Rönnen, der die avantgarde von Ihre Czaar. Mayst: Armée hatte, aus seinem posto vertreiben wolte; Item da der Brigadier Gollowin sich mit 1200 Mann, deren Jeder einen guten Sack Pulver auf den Rücken hatte, in Pultawa warff. Ferner da der Gen: Lieut: Hensken über die Moræste bis Semzara nova kahm, und den Schwedischen General Major Creutzen von dannen verjagete, wodurch die Russische Gefangene Garnison von Wipritsch wieder befreyet ward, und andere mehr, welche alle zu der Schweden gröszesten Nachtheil ausfiehlen. Weile es aber doch inpracticable gefunden ward, die communication mit Pultawa von der Seiten durch den Morast zu erhalten, so ward endlich resolviret die Worskla zwey Meilen von der Stadt auf der rechten seiten zu passiren, und den Feind alsdan, so viel möglich, in die Enge zu treiben.

Zu welchem Ende dan sogleich, da man die rivière passiret, eine halbe Meile von den Brücken ein retrenchement aufgeworffen ward, welches man aber bald wieder verliesz, und abermahl eine kleine Meile näher an den Feind rückte, und sich daselbst retranchirte. Ferner auch mit auffwerffung einiger Schantzen so nahe an Ihn kahm, das die Vorwachten von beyden theilen einander klärlich sehen, und zur Noth zuruffen könten, welches wie es die Schweden so sehr contraigniret, dasz sie auch fast keine weyde mehr

für die Pferde hatten, in dehm die Cosaqven Ihnen täglich eine ziemliche Anzahl derselben wegnahmen, der König auch selbsten am 12ten Junij, da Er aus recognosciren gewesen, durch eine parthej Cosaqven, die man in embuscade geleget, war im Fuesz blessiret worden: so wahr dan nichtes mehr übrig, als entweder über die Niepre zu entweichen, oder auch durch eine bataille von denen alzu nahe angekommenen Ruszen sich zu befreyen, wovon

Bataille bey Pultava.

wie der König das letzere erwählet, so ist auch am 27ten Junij St: v: dieselbe geliefert worden, aber mit sehr schlechtem Succes für den König von Schweden, wie es in denen genugsahm bekandten relationen enthalten. Worauf der Krieg wieder nach Pohlen und Liefland transportiret worden, dadurch zwar nach das Jahr die Schweden aller Orthen vertrieben, und Riga belagert worden, aber das Fieber, so den Czaarn zu Kiov im Julio überfiel, ist sonder zweiffel mit Uhrsache gewesen, das der Succes davon daszelbe Jahr nicht erfolget, und Crassau nach Pommern entkommen, so sonst wohl hette verhüttet werden können.

Worin dan also die Krieges expeditiones gegen Schweden in den 4 Jahren von A° 1705 bis Vltimo Dec: 1709 bestanden, welche dieses Jahr mit solchem Glücke continuiret worden, das gantz Liefland und Carelen darüber für dem Feinde erobert worden, weil Gott denselben zugleich mit der pest gestraffet, und Ewer Königl. Mayt dem selben zu Waszer und Lande eine so importante diversion gemachet, also das der Czaar aniztzo derselben schon solcher gestalt von seinen Gräntzen entfernet siehet, das selbiger nicht weiter zu spühren, als Er Ihn selbst jenzeit des Waszers in Finlandt wirdt aufsuchen wollen,

Ruszische Armée.

Wozu es Ihm dan auch an Waffen nicht fehlet, den der Czaar hat anjetzo eine wohl regulirte Armée von $\frac{m}{100}$ Mann, auf den Beynen, welche Er ohne das Land zu beschweren mit Recruten Jährlich versehen kan, obschon das man in Ruszland noch nicht weisz, was ein Mensch wehrt ist, sondern dieselbe öffters mehr als die pferde negligiret, und bey tausenden aus Mangel von Lebens Mitteln dahin fallen und verderben läszet.

Russische Fuez Knechte.

Auch fehlet es dem gemeinen Knechte nicht an tüchtigkeit zum Kriege, in dem Er nicht allein die Handgriffe des Gewehres über aus wohl und geschicklich machet, sehr wohl auszsiehet, und bey sehr kümmerlichen Unterhalt von Zwieback und Saltz die gröszesten Marchen, die man verlanget, zu Fuesze thun kan, sondern Er ist auch nun schon des Feuers gewohnt und läszet sich dadurch nicht mehr so bald wie für diesem in Unordnung bringen, da man diese Leuthe wie die Schaffe erschlagen oder binden können.

Ruszische Cavallerie.

Mit der Cavallerie aber wird es was mehr Schwürigkeit haben, selbe recht einzurichten, weile Ihre Pferde so alle tartarischer arth gahr zu hitzig und wild sind, umb Schuszgewehr darauf zu gebrauchen, und mit den

Degen wollen die Ruszen allezeit hauen und nicht stechen, wodurch die Glieder geöffnet und die Esquadrons leicht überm Hauffe geworffen werden.

Ruszische Noblesse.

Beydes aber so wohl der Infanterie als Cavallerie wird es jederzeit schwer fallen tüchtige Officiers aus der Nation vorstellen zu können, dan die Ruszische Noblesse ist zwar an sich selbst stoltz und Hoffvörtig genug, aber hat doch keine rechte gloire und Liebe zum Kriege im Hertzen, und will deswegen lieber auf den Güthern sitzen oder sich umb civile Bedienungen durch Spendages bewerben, als fürs Vatterland aus eigenem trieb fechten. Weshalben der Czaar auch von Sie zu sagen pflegt, wie Ich selbst gehöret, das Er es dem Sehl. Gollowin, Schermetoff, Gollofkin und Apraxin vorgesaget, das wann aus Ihren oder anderen Geschlechten dan und wann sich ein eintziger durch etwas hervorthäte, so wäre es alles, und der rest Läuter Narren, wie es Ihre eigene Brüder bezeugeten.

Frembde Officierers.

Mit dem Frembden Officiren aber hat es unterschiedliche Beschaffenheit, dan ein grosz theil derselben werden sich daselbst aus Noth anheisich machen, weile sie darauszen nicht wohl in Bedienung bleiben können, andere wird der Geitz dazu antrieben, in dem man Ihnen darauszen viel verspricht, so nachmals nicht kan gehalten werden, und alle haben sich biszher gar zu grosze characters geben laszen, davon sie die function wenigstens im anfange nicht verstanden, wodurch viele fauten geschehen, aber die Versehung Gottes und des Czarn Glück hat dennoch alles übele bis dahin abgewendet. Zu dem so sind auch viele dadurch in ihrer Hoffnung betrogen, dasz sie die Rubels für 2 Rdhl^{r} gerechnet, als zum Exempel ein Capitain genieszet monatlich 18 Rubels, welches seiner Rechnung nach 36 Rdhl^{r} sein solten, da es nachmals nicht 22 ausmachet, hingegen kostet ihm die Equipagie im felde, wegen der groszen Marchen, sehr viel, dan in den Garnisonen, als Kiof, Smolensko und Petersburg ist es auch, was die Kleidung betrifft, sehr theuer, also dasz auch Mancher dadurch das dortige Leben müde wird, es sey dan, dasz Er ein favorit von dem Czaaren, Fürsten Menschikoph oder andern Russischen General werden kan, dan alsdan findet Er schon Rath zu allem was Er benöthiget ist, ohne seine Gagie zu employren.

Festungen.

Die Festungen an den Gräntzen haben Ihre Czarische May^{t} seit diesem Kriege sehr verbeszern und vermehren laszen, den Kiof und Smolensco, welches die beyden Festungen an der Niepre sind, befinden sich anjetzo in einen gantz andern Zustande, wie für diesem; Welicki Lucki und Pleskow an der Düne sind ebenfahls wohl fortificiret, und zu Petersburg spahret der Czaar gantz keine Unkosten, umb davon eine importante Festung zu machen. Nowa Dwincka für dem Haven zu Archangel ist auch gantz fertig, und an der Schwartzen See nicht weit von Asoph hat der Czaar doch eine Festung, Tagandruph genandt, bauen laszen, mit sehr groszen Unkosten, in dem 18

gemaurete Casematten darin zu finden; aber bey selbiger Festung ist dieser fehler begangen, das man die Situation des Orths nicht recht judiciret, also das selbige Festung zur Defension des Havens für die dorttige Flotte wenig contribuiren kan. Sonst ist das Land allenthalben voller von Holtz gebaueten Festungen, wie es bey den Schwedischen Einfahl in der Ukraine zu spühren gewesen, welche aber in Friedens Zeiten, nimmer mit einiger Garnison besetzet sind, sondern dienen nur gegen den Einfahl der Tartarn, wan selbige mit Ihren herumbstreiffen, das Land beunruhigen, da die Land Leuthe, Ihre retraite dahin suchen. Auch ist der Czaar noch gewillet in einem jeden Gouvernement, wie Er sein gantzes Land anjetzo in acht grosze Craysen oder Destricten eingetheilet, eine Haubt-Festung bauen zu laszen, worin aber wie in vielen Absichten noch grosze hinderungen kommen können.

Die Hauptstadt Moscaw ist auch bey diesem Kriege mit einem neuen Wall meistentheils umbgeben worden, wozu man aber nicht eben die Erfahrnesten Ingenieurs gebrauchet, so das es dahin stehet, weile die Gefahr für über, ob man ferner daran arbeiten, oder es wieder fallen-laszen werde, wie man den Wall gethan, welcher in denen Zeiten vor den falschen Demetriis aufgerichtet worden, davon man annoch einige Linien und Bollwercke siehet.

Czarissche Flotte.

Die Czarissche Flotte ist zweierley, eine die auf der schwartzen See, und die andere, so auf der Ost-See etabliret ist. Zu der ersten hat der Krieg gegen den Türcken im Jahr A° 1697 Gelegenheit gegeben, da man resolviret Asoph zu belägern, wozu man einige Fahrzeuge nothig gehabt, weshalben man zu Moscow 4 Galeeren bauen, selbige nachmahls wieder von ein andern nehmen, und auf Schlitten bis an die Don führen laszen, da man sie wieder zusammen gesetzet, und in dem Palludem Meotim gebracht. Welches weile es die bezwingung von Asoph viel facilitiret, und Ihre Czaar: Mayst. ohne dem eine naturliche Inclination zur Schiff-Bauerey, wie zu allen mechanischen Künsten gehabt, so hat man den Anschlag einiger Främbdern gefolget, die da gerathen, man solte eine Schiffbauerey zu Veronich,

Flotte zu Veronick.

welches ein kleines Städtgen an den gräntzen zu der Ukraine nach der Süder seiten, an einen Flusz deszelben Nahmens gelegen ist, etabliren, weile selbiger strohm sich in den Don ergeuszet und im Früh Jahr so hoch aufschwellet, dasz grosze Schiffe darauff können hinunter gebracht werden, Insonderheit wan man einige Schlüeszen daselbst wolte verfertigen laszen; welches mit vielen Unkosten geschehen, und sind darauff Schiffszimmerleuthe von allen Orten entbohten worden, nach deren Ankunfft man auch über 20 grosze Schiffe zu bauen angefangen, davon die Liste mit in des Kayserl. Envojé Graffen Gvarients gedruckten relation enthalten. Aber sie stehen daselbst noch seit allen denen Jahren meist auf dem Stapel, da Sie weile

das Holtz ohne dem zu frisch verarbeitet worden, gantz verdorben, und also anjetzo wenig mehr nütze sind. Doch sind 3 à 4 derselben würcklich bisz Asoph hinunter gebracht, welche daselbst auch gemeiniglich alle Jahr eqvipiret worden, umb an den Küsten herumb zu fahren, und Saltz zu hohlen, aber weiter in die Schwartze See dürften sie nicht kommen, weile die Türcken solches durch aus nicht gestatten wollen.

Flotte zu Petersburg.

Die andere Czaarische Flotte befindet sich zu Petersburg am Ende der Finnischen See, welchen Orth der Czaar selbst bauen laszen, und nach seinen Nahmen genennet, seitdem er neuen Schantz, so eine Meile davon geweszen, erobert hatte. Diese Flotte ist in etwas beszeren Zustande, indem die daselbst sich befindende Krieges Schiffe doch alle Jahr so weit auslegen, das sie den Haven mit Hülffe der batterien vom Lande bedecken, so das der Feind Ihnen bis Dato nichts anhaben können. Auch befindet sich daselbst eine grosze menge kleine Fahr Zeuge, als 5 à 6 Galleeren, einige Snauen, und 30 à 35 Brigantins, womit die Ruszen die Finnische Küsten bisweilen beunruhigen, aber sonst sind die Schiffe nur schlecht conditioniret, in dem sie alle von dem Admiral Schiffe an zu rechnen nur von Feuren oder Feuchten Holtz gebauet, und mit schlechtem Eisen versehen sind, also das der Czaar noch selbst diesen verwichenen Wintter A° 1710 in Moscau bekandte es, wurden nicht 4 von den alten Schiffen in See gehen können, Er hette aber 4 neue wieder zu bauen befohlen, womit es auch noch diese beschwerlichkeit hat, das weile sie zu Alonitz an der Ladoger See gebauet, und also mit groszer Mühe, wan dasz Eysz vorbey den Fall, auf der seiten liegend müszen herunter gebracht werden, einige davon sehr schadhafft sind, und alle das erste Jahr spähte in See kommen.

Czarische See Officiers.

An See Officiren haben Ihre Czarische Mayst bis Dato einen Admiral, einen Vice Admiral, einen Schoutbynacht, und 12 Captains, wie der Envoyé Juell davon die beste Nachricht vermelden wird. Auch lassen Ihre Czaarische Mayst einen groszen Eiffer spühren, umb selbige Flotte, weil sie selbige gestiftet, ferner nach Ihrem todte in Ruszland zu erhalten, wie sie dan auch zu dem Ende noch Jährlich viele von Ihrer Noblesse ausschicken umb die Navigation auf den Englischen und Holländischen Schiffen zu erlernen, aber im übrigen ist die Nation dazu gar nicht geneiget, sondern consideriret vielmehr dieses alles als unnöthige Unkosten, weile man keine Landungen bey Ihnen thun kan, als nur im Hafen selbst, den seine Bollwercke genugsahm defendiren können, also das die Flotte vielmehr für eine passion von dem Czaren, als eine nöthige Krieges armatur für Rusland consideriret wird.

Ammunition.

An Ammunition, und übrigen zum Kriege benöthigten Sachen, kan es dem Czaren nicht leicht fehlen, den er hat Salpeter, Swefel und Eysen selbst im Lande, und die Manufacturen dazu schon solcher gestalt eingerichtet,

dasz er diesen gantzen Krieg über niemahlen pulver, kugeln, Bomben und Granaten aus frömbden Landen kommen laszen. Man verfertiget auch schon daselbst allerhand Gewehr, als Musqvetten, Degens, Bajonetten, und dergleichen, aber noch nicht in der Menge, das es für etwas kan gerechnet werden, weshalben man solche Gewehr von Holland verschreibet und selbige mit andern Wahren bezahlet, umb das bahre Geld im Lande zu behalten.

Handlung in Russland. 1. Über Archangel.

Was nun ferner den innerlichen Zustand von Russland, und also fürs erste der Handlung oder Negoce desselben Reiches betrifft, so ist gewiss, dasz selbe sehr grosz ist, und sich jährlich auf etliche Millionen belauft, die dadurch verkehret, und zu bahres Geld gemachet werden; davon bisz Dato der Europäische Handel der vornehmste ist, welcher über Archangel wegen der Riviere Dwina und das schönen Hafens geführet wird, woselbst jährlich über zwey Hundert Schiffe von Engelländern, Holländern, Hamburgern und anderen Nationen ankommen, denen die Retour Lahdung mehr dan zweymahl so viel grosze Pramen auf der Dvina, und viele Schlitten im Winter zu führen, und auf solche weise daselbst auf einmahl mehr Wahren zusammen bringen, als auf der Franckfurther oder Leipziger Mesze das gantze Jahr durch verkehret werden. Die vornehmste Wahren aber, die von dort ausgeschiffet werden, sind folgende: Hempf, Lehder, Wax, Talg, Korn, Kornbrandewein, Butter, Pech, Theer, Potasche, Silberglede, Castor, Cavejard, Matten, Gesaltzene Fische und Fleisch, Peltzwerk, Rhabarbre, Schweins Bürsten, Hauszblasze, grobe Leinwand etc., so alle das Land produciret, und dafür wieder Silber, Kupfer, Zinn, Messing, Bley, allerhand Manufacturen, als Lacken, Gewehr, fein Leinwand, Wein, Brandewein, und andere Wahren mehr empfanget; davon dan die Capitalien, wie oben erwehnet, sich auf etliche Millionen belaufen. Welches unter andern aus dem Czarischen Zoll mit zu ersehen, der in denen 4 Jahren, die ich solches beständig observiret, allezeit über $\frac{m}{300}$ Rubel ausgetragen, da Er doch sehr leidlich, nehmlich nur 7 pro C^{to} ist, wan die Wahren den naturalisirten Unterthanen zugehörig sein, worin der unterschleif so grosz ist, das fast nichtes für andere angegeben wird, damit die übrigen 10 pro Cento mögen gewonnen werden, so doch auszerdehm schon ein Capital von mehr als 4 Millionen supponiret. Dieses ist nun der Handel, welchen der Czaar gedencket gröszerntheilsz nach Pettersburg an der Ost See zu verlegen, dan etliche Wahren als ein ziemlicher theil von Hempf, Item Korn, Theer und Pech, werden doch allezeit müszen von Archangel geholet werden wegen der commodität von den reviren der Occa und Dvina, wodurch sie dahin können zugefahren werden; und das dieses Wahren sind, die keine grosze Unkosten von transport leyden können, hingegen aber doch von den Provintzen Smolensko,

Novogrod und Pleskow nach Petersburg einiger maszen können fourniret werden. Es ist aber diese Veränderung der Negoce den Holländern und Engelländern nicht sonderlich mit, weile sie in der That wenig dadurch gewinnen werden, den was die Fracht umb nach Petersburg zu seeglen gegen die vorige nach Archangel weniger kosten könte, das würden der Zoll im Sunde, und die Assurantz Gelder in der Finnischen See, so allezeit sehr grosz gewesen, wieder consumiren; und indeszen werden die Kauffleuthe viele gröszere Mühe haben, die Wahren zu Lande nach Petersburg zu schaffen, weilen solches über sehr viele brücken und moräste geschehen mus, wobey noch die Beschwerde von Mücken und Wespen für die reysende im Sommer unbeschreiblich sein wird; auch dürffte es schwer fallen, die Kauffleuthe dahin zu bewegen, dasz sie Ihre beständige wohnung nach Petersburg transportiren, wegen des Einkaufs der Wahren, da man in der Stadt Moscow mit viel weniger Mühe zugelangen kan.

Chineische Handlung.

Die andere grosze Handlung, so aus Ruszland geführet wird, ist die Chineische, als mit welchem Reiche es auf der Ostlichen seiten gräntzet, und dahin insonderheit allerhand Pelswerke schicket, hingegen Edelgesteine, Damaschen, Seidene Decken und stoffen, Kitai und andere Baumwollene fabriqven wieder herhohlet, wodurch Jährlich über $\frac{m}{600}$ Rubels verkehret werden, und kömt die Caravana davon alle 3 Jahre in Moscow an, welche alsdann bey $\frac{m}{1800}$ Rubels austräget.

Persianische Handlung.

Die dritte grosze Handlung ist über Astracan nach Persien, wohin die Ruszen ebenfalls viel pelswerck bringen, und grosze partheyen von rohe Seiden, Persianischen stoffen, Baumwolle, weisen Cattun und dergleichen wieder zurück hohlen, wiewohl das dieser Handel meist unter der Armenischen Kaufleuthe Direction ist, welche zu dem Ende grose privilegia haben und versicheren, dass Jährlich mehr als eine Million wahren durch Ihre Hände gehen.

Türckische Handlung.

Die Vierdte grosze Moscowitische Handelung ist mit den Türcken, denen sie auch Pelswerck, Item Honig, Korn, Hempf und Wachsz zuführen, und mehrentheils bahr geld wieder mit zurücknehmen. Es ist aber diese Handelung zweyerley, die eine die Niepre hinunter durch Cosackenland, und die andere auf der Wolga und den Don nach Asoph, wodurch die Ruszen sich Jährlich $\frac{m}{800}$ rubels an Bahren Gelde zu zubringen wiszen, und würde Insonderheit diese letztere von noch viel gröszerer Importantz sein, wan das projettirte Canal, umb den Donflusz mit der Wolga zu conjugiren, seinen Fortgang gewinnen könte, wozu zwar der Czaar zu verschiedenen mahlen schon verständige Baumeister und Mathematicos verschrieben, auch noch zu dem Ende einen gewiszen Engelländer, Nahmens Perry, Jährlich eine pension von 500 rubels zahlen läszet, aber der vormahlige Gouverneur

Canal zwischen den Don und der Wolga.

von Astracan Gallitzin ist allezeit unter der Hand dagegen gewesen und hat den ersten Directeur von diesem wercke, so ein Franzose gewesen, so viel steine in den weg geleget, dasz Er sich nach Persien salviren müszen. Diesem aber hat er auch schon so scheu gemachet, dasz Er sich wieder nach Moscau begeben und dem Czarn seine Noth geklaget, der zwar den Gouverneur deszwegen removiret, aber das Werck lieget doch noch bisz Dato unter dem Gouvernement des Kneesen Andre Michalowitz Apraxin ebenfalls stille aus Uhrsachen, wie man saget, das viele Leuthe dazu erfordert werden, welche man bey diesen Krieges Zeiten nicht wohl entbehren kan. Indeszen wachsen aus obigen vier Handlungen, Ruszland über 6 Millionen rubels Jährlich aus Ihrem eigenen Lande zu, und wan ja noch etwas an der Summe fehlen solte, so kan selbige gewisz aus dem, was von Pferden so aus Calmucken und Ochsen so aus Cosaqven Land nach Pohlen und Preusen, ja gar bisz in die Schleszie nach Breslau verkauffet wird, ergäntzet werden.

Wie der Rusische Handlung eingerichtet.

Es ist aber die Handlung in Ruszland also eingerichtet, das fürs erste der Czaar in Jede Sorten, als Lehder, Peltzwerk, Honig, Wachsz, Hempf und Korn, einen groszen Antheil hat, andere Sorten aber als pottaschen, Rhabarbara, Cavejard, Silbergläde, und Schweinsbürsten, ganz allein, für seine Rechnung verhandlen laszet. Woraus leicht zu ersehen, dasz Er auch das meiste, nachgehends die Bojaren, welche Gütter auf dem Lande besitzen, ein ziemliches, und endlich die Bürger in den Städten nur das wenigste dabey gewinnen, weile sie nicht das vermögens sind, eigene Handlung selbst zu treiben, sondern nur des Czaaren und der Bojaren Gevollmächtigte sein, für welche sie zu Marcke reysen und daselbst mit den Frömbden die Contracten schlieszen, folglich Ihren Herren Rechnung thun, und von dehro Gnade Dependiren müszen. Weszhalben dan auch kein Ruszischer Kaufman, wie reich er auch sein mag, grose figur machen, sondern nur allezeit, in einem Höltzernen Hause wohnen, und schlechte Meublen darin haben wird, damit der Bojar nicht zugreiffen, und Ihm dasz Seinige nehmen möge, wie er allezeit den Vorwand dazu haben, und er für den Gerichten Justificiren kan, weile auch der Czar gleicher gestalt mit den Bojaren verfähret, wan sie ihren Reichthumb übel gebrauchen, oder bey Ausrichtung seiner Befehle, einigen bösen willen spühren laszen.

Manufacturen.

Die Manufacturen in Ruszland sind noch nicht ferner perfectioniret, als das sie mit denen so nothwendig, nemlich Leinen, grobes bauren Tuch, einiger Eisen arbeit als Schlöszer und Thürhängen etc: das Land bedienen können. Auszer was die Lehder Bereitung betrifft, darin sie mit den Jufften einen sonderlichen Handgriff, sie zu färben und den Geruch zu geben, haben, der zwar an sich selbst nicht schwer ist, in dehm es in gewiszen Ruszischen Provintzen alle Bauren wiszen, Insönderheit in den Destrict von Jareslaw,

und Wolgada: aber das Kraut, so sie dazu gebrauchen, hat sich bis Dato nirgends, auch in Preusen nicht einmahl gefunden. Und dan so ist es nicht eigentlich die Güthe von diesem Lehder, welche die Handlung conserviret, sondern der Einkauf deszelben, in dem eine Ochsen Haut, so anderwerths 2. bis 3. Reichsthl^{er} gilt, in Ruszland allemahl für einen Reichthaler kan gekauffet werden, weswegen dan das Lehder auch so guth Kauf ist, das man es zu stiefelen, Geschirren etc: beszer Preis als geschmieretes Teutsche Leder haben kan. Sonsten aber hat der gegenwärtige Czaar viele grosze Unkosten gethan, umb allerhand Europæische Manufacturen in seinen Landen zu etabliren, theils mit guthem Succes, als die Manufactur von Segeltuch und Anckertauen zu Archangel, die pulver Mühlen auf den Rivieren bey Muscow, die Guswercke von Kugeln, Bomben und Granaten, an den Ladoger und Oneger Seen, die Salpeter Kochung bei Cassan und in Cosacken Land und dergleichen; wodurch man sich deszen, was das Land selbst produciret, bedienet, und zum Gebrauche Täglich mehr und mehr aptiret. Andere Manufacturen aber, dazu man die Materien erst aus frömbden Landen verschreiben wollen, als feinere Tücher zu machen, wie die Einländische und Benachbahrte Pohlnische Wolle es permitteret, Spiegelgläszer zu gieszen nach der arth zu Berlin, Frantzösische Stoffen und Englische Strümpffe zu machen aus Persianischer Seide, Soulinger stahl aus Ruszischem Eysen, Holländische Leinwand aus dort im Lande gewachsenen Flachs etc: haben bis Dato nur grosze Unkosten in verschriebung und Jährlicher Lohnung der Meister, und Bauung vieler fabricq Häuser veranlaszet, aber sehr wenigen Nutzen oder vergnügen geschaffet: den er hat sich gefunden, das der Mangel von sothaner Materie den Profit consumiret, Insonderheit wan die Angeber und Directeurs von denen Sachen nicht eben alle benöthigte Erfahrung dabey gehabt; weshalben man auch viele von sie wieder abgeschaffet, und stehet also dahin, wie weit es ferner damit wird können befordert werden, dan der Czaar läszet doch bey allen sich ereugenden Gelegenheiten nicht nach, die Sache wieder zu reassumiren, wie dan zu meiner Zeit noch etliche Hundert Wollen Webers und Spinners von Lissa aus Grosz Pohlen sind nach Moscau gebracht worden, umb daselbst zu arbeiten, nach dem Ihre Stadt A° 1708. verbrand worden. Und wie der General Goltze A° 1709 aus Pohlen vermeldet, das Er im Nachhauen ein gantz Regiment Frantzosen von dem Crassauischen corpo gefangen bekommen, hat der Czaar gleich ordre gestellet, man solte sie nach Astracan schicken, umb alda die Weinberge zu pflantzen und die trauben nach Ihrer Landes Arth zu keltern. Gleicher gestalt permitteret Er allen denen aus Narva und Dörpt weggeführeten Bürgern, Ihre Handwercker frey zu treiben, wo es Ihnen in Ruszland beliebet, wan sie nur auf der Canceley von aus-

wertigen Sachen caution stellen, dasz sie nicht entweichen wollen; wodurch viele Handthierungen, als Barbierer, Schuster, Schneider, Stellmacher, und dergleichen, sehr verbeszert werden. Auch hat der Czaar die alte Buchdruckerey gäntzlich veränderen, und die Buchstaben, zu der neuen in Holland gieszen laszen, die ein Holländischer Meister überbracht, und den Ruszen dan Fernisz, oder die schwartze Druck Farbe, nach der besten Arth zu kochen gelehret, auch das Pappier auf der neuen mühlen in allerhand format verfertigen läszet, also das nun in Moscow schon allerhand Schuel Bücher zu erlernung der Lateinischen Sprache gedrucket werden. Wobey eine ordentliche Schuele, von acht Teutschen Preceptoribus in Moscou aufgerichtet worden, darin die Jugend, so viel erlernen kan, das sie folgendes nach Kiof auf die Universität reysen, und daselbst die alda sich befindende Professores in Theologiæ und Philosophiæ mit nutzen hören kan.

Civile Regierung von Ruszland.

Die Civil Regierung und Administration der Justice in Ruszland, welche vormahls durch 24 Pricacen oder Canceleien geschehen, wie solches in des Olearii Reyse Beschreibung Specificeret worden, hat der Czaar wegen der vielfältigen daraus entspringenden verwirrungen, zu veränderen getrachtet, aber damit nicht ehe den Anfang machen können, als nach dem Er von dem hereindringenden Feind durch die bataillie bey Pultava befreyet worden, da Er zwar die Cantzeleien noch bis weiter bey Ihren expeditionen gelaszen, auszer dasz Er darin eines und das andere nach seinen Absichten verändert, aber übrigens hat Er das gantze Reich unter Acht grosze Gouvernements gesetzet, davon

1. Gouvernement von alt Ruszland.

Das erste ist das Gouverment von Moscau oder Alt Ruszland, welches sich erstrecket von Drogubusch an der Niepre bisz hinter Veronich an den Don in die breite, und von Novgorod Sewirski an der Desna bis Wolgoda an der Dwina in die Länge, und solcher Gestalt auf beyde Manier bey Hundert Teutsche Meyl Weges Land in sich begreift, worin viele grosze Städte befindlich, die etliche Tausend Häuser und Einwohner haben, dabey auch an Dörffschaften eine sehr grosze Anzahl ausmachet, die alle mit Einwohnern reichlich angefüllet, wegen des guten Bodens, der dieselbe leicht ernehret, und der berühmten Ströhme als der Occa, der Volga und Niepre die allein Ihren Uhrsprung darin nehmen, und also selbiges Land zum Handel und Viehsucht sehr geschickt machen.

2. Gouvernement von Cassan und Astrachan.

Das andere Gouvernement ist das Casan und Astrachansche, welches von Wolgoda an Bisz an die grosze Tartarey über 150 Meilen in die Breite, und von Astrachan bisz an grosz Perma an den Flusz Kama über 200 Meilen in der Länge hat, aus welchen Lande grosze Revenuen von klein und grosz Vieh, Zöllen, Saltzwercken, Wachsz und Honig, Item Schaffpeltze und dergleichen gezogen werden, aber die Mannschaft ist in diesem Lande nicht so

sehr grosz, auch mit Cosacken und Tartarn sehr gemischet, welche den Ruszischen Herrschaft feind sind, daherro die vielen Rebellionen selbiger gegend kommen, und darf der Czaar deswegen nicht viele Ruszen daher zur Armee ziehen. Doch werden zwey Regimenter aus selbigen lande recrutiret, und wan der Czaar die Calmuckische Tartarn zum Dienst fordert, kan er bis $\frac{m}{20}$ derselben haben.

3. Gouvernement von Sibirien.

Das dritte Gouvernement ist das von Siberien, welches die vorigen an grösze noch weit übertreffen soll, wie es alle dahin aus Ruszland handlende Kauff Leuthe versichern, die davon Jährlich grosze Schätze an Peltzwerk, Kitaische Leinwand, allerhand seidenen Stoffen, die dorthin aus China gebracht werden, und sonderlich guthes Eisen und Kupfer hohlen, wovon der Czaar allezeit den Zehenden Theil empfangt, ohne was seine eigene Handlung einbringet. An Mannschaft aber zum Kriege fourniret selbiges Reich nichtes, sondern weile es nur mit Ruszischen Colonien, eben wie Cassan und Astrachan an den vornehmsten Örthern besetzet ist, so müszen Jährlich noch Leuthe dahin geschicket werden, weswegen man den auch alle Delinquenten darunter mit enrolliret.

4. Gouvernement von Cosacken Land.

Das vierdte Grosze Gouvernement ist die Ukraine sonst Cosacken Land genand, welches sich A° 1650 von der Cron Pohlen, wegen des übeln tractaments und Verachtung Ihrer Nation, von den Pohlnischen Magnaten gäntzlich separiret, und wegen der gleichförmigkeit von der Grichisschen Religion der Ruszischen Bottmäszigkeit untergeben, doch mit gewiszen privilegien, als dasz Ihr Hettmann oder Feldt Herr kein Rusze sondern einer aus Ihren Mittelen sein solte, Item das der Czar nicht mehr als 4 Regimenter Ruszischer Infanterie in Friedens Zeiten in Ihren Lande halten, und keine Festungen darin bauen solte, Drittens das der Czaar Ihre Contributiones nicht verhöhen, sondern sich mit einem gewiszen Jährlichen Tribut vergnügen, und Ihnen den freyen Handel nach Ruszland verstatten wolte. Dagegen sie verpflichtet sein solten in Krieges Zeiten auf die erste Anforderung mit $\frac{m}{20}$, auf die andere mit $\frac{m}{40}$, und auf die dritte mit $\frac{m}{60}$ Mann zu pferde gegen alle des Czaaren Feinde zu dienen, und Jährliche Feldzüge von 6 Monaten zu thun. Welches aber in diesem Kriege den Effect nicht gehabt, wegen des Betriegers Ihres Hetmans Mazeppa, auf welchen sich der Czaar so sehr verlaszen, dasz er auch nicht einmahl einige gegen remonstration seinentwegen anhören wollen, sintemahl Er es für unmöglich gehalten, das ein Mann von so hohen Alter, und den er mit Gnade und Wolthaten überschüttet, ein so falsches Hertze im Busen hegen könte, wie es die That ausgewiesen. Er hat aber gedachter Mazeppa die Gelegenheit daher genommen, das wie man dem Czaaren vorgebracht, es könte füglich geschehen, das der Czaar auch in der Ukraine alle Bier und Brandweinsschenken, verkauffung

Mazeppa.

des Tobacks und dergleichen als ein Regale wie in Ruszland hette, ohne dasz die Cosacken sich darüber als eine Schwächung von Ihren privilegien beschweren könten, Er solches gegen den Czaren bejahet, und zu dem Ende die Ihm zugeschickte ordres mit violence exequiret, unter der Hand aber seinen Landes Leuthen Insinuiren laszen, wie nunmehro die Zeit bald kommen würde, sich von solchen violencien zu befreyen, und der Nation einen eigenen König zu schaffen, welches zwar wie alle Rebellionen einigen ingels gefunden, aber so schlecht abgeloffen, wie jetzo zu Tage lieget, in dem das Land alle privilegien dadurch verlohren, und vermuhtlich ins Künftige mit starcken Festungen und Garnisons wird im Zaum gehalten werden. Sonsten aber ist es ein sehr herliches fruchtbahres und Volkreiches Land, von Kiof bisz Kudach 60 Meilen lang, und von der Desna bis an die Niepre 30 Meilen breit, voller guten Handels Städte darin Reiche Kaufleuthe wohnen, so nach Breslau, Dantzig und nach Constantinopel handeln.

Zu diesem Ukrainischen gehören auch die Donnischen Cosaquen, welche gleichfals den Schutz des Czaren Ihren Capitulationen nach agnosciren sollen, aber in der That sich mehrentheils wiederspenstig erzeigen, und Insonderheit in diesem Kriege bezeiget haben, weshalben der Gouverneur von der Ukraine bey itzigen Zeiten Ihnen auch fast keine Befehl zuschicket, sondern die Sache so hinstehen läszet, bisz der Czaar aus diesem Kriege eluctiret, und Zeit haben wird, Sie völlig zu paaren zu treiben, wie Er durch dahin geschickte Detachements schon öfters gethan, da er Ihre Redelsführer gefangen bekommen, und als Verräther straffen laszen.

Noch rechnen sich auch zu der Ukraine die sogenandte Zaporovische oder Eyländische Cosacken, welche auf den Insuln wohnen, die die Niepre unter Kudach bisz an dasz Schwartze Meer formiret, deren eine grosze Zahl sein soll, so das etliche $\frac{m}{100}$ Menschen darauf wohnen, welches aber ein sehr rohes und ungeschicktes, von Pohlen, Tartarn, Ungarn, Türcken, Walachen, und andern Gesinde gesamletes Volck ist, welches sich auf nichtes als Rauben und plündern leget, und deswegen zu den Rebellionen sehr geneiget ist, also das der Czaar auch in guten Zeiten nichtes von Ihnen, als einen Schwarm gegen die Türcken und Pohlen zu vermichten hat, dafür Er Ihnen noch Jährlich ein gewiszes an prouiant und $\frac{m}{10}$ Ellen Tuch giebet, weile sie selber keine Handthierungen treiben, und blosz von der Jacht und Viehsucht leben: dahero sich dan auch der Czaar wohl vernehmen laszen, Er wolte alles dieses Gesindel von solchen Orthen vertreiben, und diese Inseln lieber wüste stehen laszen, als Ihre capricen zu befürchten haben.

5. Gouvernement von Archangel.

Das fünfte grosze Gouvernement ist das von Wolgda und Kargapol oder wie es anjetzo genandt wird, das von Archangel, welches von der Stadt Wologda zu rechnen, bisz an das Fürstenthumb Juchorien an das Petzorsche

Meer, über Hundert Teutsche Meilen in die Lenge, und von dem Oneger See bisz zu den Öestlichen Gräntzen von Ostiga, fast eben so viel in die breite hat, und eines der Volck Reichesten von gantz Ruszland ist, wegen des groszen Handels auf den Dvina Strohm, wodurch derselbe sehr mit Städten und Dörffern angebauet, und die Anzahl der Einwohner in selbiger Provintz Ungemein grosz ist. Zu dem so sind in selbigen Bey den Ladoger, und Oneger Seen die groszen Eiszenwercke, wodurch gleichfalls viele Menschen Ihren Unterhalt gewinnen.

6. Gouvernement von Smolensko.

Das Sechste Gouvernement ist das von Smolensko, welches auch von Ziemblicher etendue wan es von Novogrod Sewirski bisz an Elmer See, so über 80 Meilen Distantz ist in der Länge, und von der Niepre bisz Mosaisko so über 60 Meilen in die breite, gerechnet wird. Zu dem auch von ziemblichen Einkommen sein musz, weile darüber $\frac{m}{18}$ Edelleuthe, so Haus und Hoff nach Ihrer Arth haben, wohnen; aber gegen die vorigen zu rechnen, ist es doch nur das geringste, und bringet in diesem Kriege wenig bahr Geld ein, sondern fourniret nur die fouragie für die armêe, und herumb liegende festungen, wie auch die fuhren dazu, welches die Bauren wegen des groszen Misbrauchs, in dem sie durch gantz Liefland, Litthauen, und die Ukraine, ja auch bisz Moscow öffters dazu employret werden, gantz Ruiniret.

7. Gouvernement von Ingermanland.

Das siebende Gouvernement ist das von Ingermanland, wozu man die grosze Destricten von Pleskov, Novogrod, Twer und Narwa geleget, welche selbiges sehr important machen, weile die beyde ersten Städte nach Moscau die grösesten und Volckreichesten von gantz Ruszland sind, dahero das, das Einkommen von diesen Destricts sehr considerable ist. Man kan aber die eigentliche etendue deszelben nicht Specificeren, in dem man die Schwedischen Conquesten noch täglich dazu geleget, welche durch den Frieden erstlich reguliret werden müszen.

8. Gouvernement von Asoph.

Das Achte Gouvernement ist das von Asoph, so zwar von sehr groszem begriff, nemlich von 130 Meilen in die Länge, wan man von Bielogorod an den Cosakischen Gräntzen bisz ans astrachansche Gebirge an der Wolga rechnet, und über 100 Meilen in der breite, wan man Asoph bis Nisi Novogrod miszet, aber bey alle dem träget es nur wenig ein, weile es nicht allein nur wenig Städte hat, sondern auch noch mehrentheils unbebauet lieget, in dem die Ceremischen Tartarn so den Obertheil, und die Circassischen Tartaren, die den Untertheil davon bewohnen, flüchtige Völcker sind, so sich bald hie, bald dort mit ihren Horden oder Colonien hinziehen; Weszhalben dan auch der Czaar keine Geld Contributiones aus diesem Destrict empfänget, auszer was die Krüge und Schencken bezahlen; aber an Pferden und Cameleu kan sich der Czaar von dar nach aller Nothdurft versehen,

auch viele Mannschaft zu seinem dienste haben, wan Er mit Türcken oder Pohlen zu fechten hette.

Aus diesen Acht Gouvernements bestehet nun das Ruszische Reich, und gräntzet also gegen Morgen mit den Chinesern und Persianern; gegend Abend mit Pohlen, Litthauen und Liefland; gegen Mittag mit den Türcken; gegen Mitternacht aber mit Schweden, und hat solcher gestalt, wan es von den Schwartzen Meer bisz an das Petzorische gerechnet wird, über 300 Meilen, in die Längde, und von der Ladoger See, bisz an den euszersten Siberischen Gräntzen 360 Meilen in die breite, welches zu qvadrat Meilen gerechnet, eine grosze etendue Landes austräget. Worauf dan auch über 300 grose wohnete Städte, fünff Hundert kleinere, und viele Tausend Dörffer gebauet sind, aber mit diesem Unterscheide von andern Europæischen Ländern, das gantze Destricten und Nationen, darunter welche zum Kriege nicht tüchtig sind, als die Mongolen, Samojeden und National Siberier, und das andere, als die Tatern und Cosacken, nur einen gewiszen Jährlichen tribut an Gelde, Vieh oder Wahren geben, wiewohl das der Rest der rechten Ruszen, doch so grosz bleibet, das es dem Czaaren an Volck zum Kriege nicht fehlet, und Er wegen des gegenwörtigen Krieges noch nicht in einige considerable Schulde vertieffet ist.

Des Czaaren Jährl: Einkommen.

Von der Revenuen oder Jährlichen Einkommen des Czaaren, habe ich aus den verschiedentlichen deswegen ausgezogenen Nachrichten keine weitere Ausrechnungen machen können, alsz daszelbige sich bisz Dato mit allen extraord: Auflagen Jährlich höchstens auf 12 Millionen Rubels belauffen, welches wan das Geld noch von derselben Intrisiqven bonitæt, wie für den Kriege wäre, sich auf 24 Millionen Rthl^{r} belauffen würde, davon man anjtzo so weit es auszerhalb Landes, zu Subsidien oder Einkauffung des Gewehrs mus employret werden, $\frac{1}{5}$ wieder abrechnen mus, in dem der Rubels, nur für 4 Gülden Hollendische Cassa-Geld kann employret werden. Es bestehen aber solche einkommen der 12 Millionen in folgenden Articlen, aus denen vorher Specificirten Acht Gouvernements nach der Ausrechnung der dazu bestelleten Pricacen oder Cantzeleyen:

1. Gouvernement von Moscow.	Rubels
woran die ordinairen Collecten, wan sie zu Gelde geschlagen werden, austragen	3 000 000
Die verpachtungen von Bier und Brand Weinschencken	200 000
Die Geistliche Gütter	200 000
Die Zölle	100 000
Gouvernement von Cassan und Astrackan Nach der Ausrechnung der Pricase von obigen posten in allem	1 200 000

Gouvernement von Siberien	1 600 000
Gouvernement von der Vkraine	300 000
Gouvernement von Archangel	1 400 000
Gouvernement von Smolensko	300 000
Gouvernement von Ingermanland	500 000
Gouvernement von Asoph	300 000
Der Import: von Saltz	600 000
Des Czaren Handelung	2 000 000
Die Czarische Müntze	100 000
Summa	11 800 000

Weiter habe ich nichtes von diesen puncten in Erfahrung bringen können, bin auch versichert, das Er nicht von Importantz ist, wan noch etwas zurück gelaszen, als was die Manufacturen von Pulver, Eisenwerck, und Segeltuch bis Dato einbringen können, welches doch nicht mehr, als was noch, an der 12 Million mangelt ausmachet wird.

Ruszische Religion.

Die Ruszische Religion ist die Grichische wie bekand, also das es überflüszig hier zu raportiren worin Ihre Glaubens articul bestehen, oder worin sie von der Lateinischen oder von uns sogenandten Römischen Kirchen unterschieden sind: Desgleichen, welche man von selbiger Kirchen, nach dem Sinne der Catholischen Unianten, oder pure Griechen nennet; sondern Ich erachte es, in Allerunterthänigkeit genug zu sein, alhie zu erwehnen, dasz die Religion in Ruszland, durch Ihren Patriarchen, Metropoliten und Archimandriten, als durch ein Haupt mit seinen Ertzbischoffen und Bischöffen regieret wird, doch solcher Gestalt, das der Czaar Summus Pontifex in seinem Lande, und daher die Handhabung alles deszen hat, worin die Weltliche Macht der Geistlichen in einem Reiche zu hülffe kommen mus, damit es ordentlich darin zugehe. Wobey die Ruszen dan diese besondere politiqve haben umb in dem bisherigen Stand unverändert zu verbleiben, dasz sie die Bekandte Ignorantz der Münche und Pfaffen sehr dulden, damit durch vieles Scrupuliren und gegensprechen, so aus der Lesung vielerley Schrifften und Bücher, öfters herrühret, nicht neue Secten unter Ihnen aufkommen, und also Ihrer Meinung nach mehr Unheil als Nutzen daraus entspringen möge; Weszhalben auch keinem Pfaffen, wan er gleich dazu tüchtig wäre, erlaubet ist, nach seinem selbst eigenem Guthachten an den Sonn und Feyertagen die Evangelien oder andere texte dem Volck zu erklären, sondern, Wo es an einigen hohen Feyertagen gewöhnlich, dasz offentlich musz gelehret und die Bibel ausgeleget werden, da gebrauchet man da zu die homelien oder

predigten, des Chrysostomi, davon der Pfaffe alsdan, eine ablieset, und weiter von dem seinigen nichtes dar zu thun, sondern die Ruszische Liturgie im singen und bethen folgen musz, bisz der Gottesdienst zum Ende ist. Jedoch sind auch einige unter den München in den Klostern, die die Studia excoliren, und werden solcher gestalt, wan sie dabey von gutter probitet und sitten sind, auch die Jugendliche Jahre passiret haben, zu Archimandriten und Metropoliten erwehlet, wie es gegenwertig, die Exempel der Metropoliten von Rostoff und Kiof beweisen, die beyde gar gelährte Prelaten sein, und weile sie alle Gradus Theologicos passiret, auch die Erlaubnus haben, nach unser Arth an Hohen Feyertagen zu predigen und mit frömbden von Glaubens Articulen zu reden; da sie dan sehr wohl wiszen alles nach Ihrem hypothesi vorzubringen, und zu bescheinigen, worin man Ihren groben Aberglauben sonst zu spühren erachtet. Das aber öfters die vermeinete Gelahrtheit der Pfaffen Schismata und hereses zu wege gebracht, dasz beweisen sie auch mit dem gantz neuen, und bey Ihnen sehr berühmten Exempel Ihres Patriarchen Nicons, welcher für 60 Jahren zur Zeit des Czaaren Alexii Michalowitz des jtzigen Czaarn Herrn Vatters gelebet, der wegen seiner Gelartheit so voller ambition gewesen, das Er sich zum Pabst von Ruszland hat wollen declariren laszen, auch den Czaarn dazu schon so weit induciret gehabt, das es zur öffentlichen declaration damit würde gekommen seyn, wan nicht des Czaaren damahligen Schwester, so auch Sophia, wie dieses Czaren verstorbene Schwester geheiszen, und im Kloster gelebet (sonder Zweiffel aus Instigation eines andern Geistlichen) dem Czaren diesen Einwurf gemachet hatte: das nach solcher declaration in der Lateinischen Kirchen, die Römischen Kayser Rom bald hatten qvitieren und denen Päbsten überlaszen müszen. Welches zwar den Czaarn so sehr frappiret, dasz Er von solchem project auf einmahl gantz wieder abgegangen, Aber doch hatte die Ambition dieses Pfaffen in Ruszland viel Unheil und Schaden Verursachet; Dan der Patriarch soll über diese Hintertreibung seines Anschlags so verboszet geworden, dasz Er den Czaaren excommuniciret, und sich in ein Kloster reteriret, also das der Czar wegen des Anhanges von dem Gemeinen Mann, an denselben Pfaffen, fast nicht gewust, was Er thun sollen, bis Ihm endlich der Raht gegeben worden, Er solte drey andere Geistliche Patriarchen, als den von Alexandria, den von Antiochia, und den von Constantinopel nach Moscow kommen laszen, umb die Sache zu untersuchen, und den Ruszischen Patriarchen zu condemniren, welches auch mit groszen Unkosten geschehen müszen, also das der Czaar zwar seinen Zweck auch bis dahin erreichet, aber nachmahls sind diese Prelaten auch wieder zu weit gegangen, in dem sie gleichfalls zu Beweisung ihrer Gelartheit einen Synodum zur Berathschlagung in Geistlichen Sachen ausgeschrieben, und in selbigem die sich

selbst Segnung, mit dem Zeichen des Kreutzes, worin der Ruszen gröseste Andacht bestehet, solcher Gestalt zu verrichten befohlen, daszelbe mit Drey fingeren, zur Errinnerung der Heyligen Dreyfaltigkeit, und nicht mit zweyen, wie bey den Catholischen, gebräuchlich geschehen solte. Ferner haben sie auch etliche wörter in der Ruszischen Version von der Bibel corrigiret und einige Dispensationes in Ihren sehr strengen Fasten decretiret. Woran sich ein Theil Leuthe so sehr gestoszen und geärgert, das selbige (anjetzo Roscolsken genand) noch deswegen sich bisz auf diesen Tag von der Ruszischen Kirchen separiret und mit keiner Gewalt, als wegnehmung Ihrer Habe und Güther, Strafe an Leib und Leben, haben wieder können herbey gebracht werden, sondern sich lieber in die Wüsteneyen retiriret, und wan man sie bis dahin verfolget, sich in Ihren Kirchen gesamlet und darin selbst verbrennen laszen. Weszhalben dan der Itzige Czaar auch in diesem Stücke seine besondere Maximen hat, und umb allen Gestand von Geistlichen zu vermeiden, nach dem absterben des Letzteren Patriarchen für 8 Jahren keinen wieder erwehlen Laszen, sondern sein Ambt durch den Resansken Metropoliten verwalten läszet, dabey aber selbst alle übrige Geistliche Versamlungen öfftcrs besuchet und sich in ihren Kirchen bey öffentlichen Gottes Diensten und Administrirung der Sacramenten einfindet, Folglich auch allen Frömbden die permission gegeben die Ruszischen Kirchen zu besuchen und Ihren Gottes Dienst anzusehen, da für dem dieselbe nicht einmahl auf die Kirchhöffe kommen dürften. Ferner das Umbtauffen derer, die zu der Ruszischen Religion treten wollen, verbothen, viele adiophora abgeschaffet und seine Kirche so viel möglich gewesen mit anderen conformiret, Woraus zwar einige von sothanen frömbden Religionen, Insonderheit aber die Catholischen schlieszen wollen, als wan des Czaarn Intention dahin ginge, sich mit Ihnen zuvergleichen, wie es dan auch die Schweden in Ihren Placaten, die Sie in Kosacken Land publiciren laszen, mit angeführet, umb daselbst die Rebellion zu vermehren. Aber der Czaar hat dagegen in seinen gegen placaten sehr indigniret und solches als eine grobe Calomnie verfluchet. Dieses aber erhellet wohl daraus, das der Czaar es gerne dahin bringe[n] wolte, dasz die Ruszen, den Catholischen und Protestanten nicht mehr so feind sein solten, als sie bishero gewesen, und das man es nicht als eine Schwächung der fundamental Gesetze des Reichs ansehen mögte, wan Er seinen Cron Printzen mit einer Princessin von anderer Religion verheurathete, oder auch seines Sehl. Bruders hinterlaszene Princessinnen an Printzen von anderer Religion Christliches Glaubens zu verheurathen bewilligte, wie es das Exempel anjetzo beweiset. Doch aber ist die frage noch, ob es wegen dieses Exempels ins Künfftige etwas beständiges sein wird, oder ob es nicht nur ein tollerantz in des Czaren Leben sey, dan meines wenigen Erachtens, wird es sehr schwer sein,

es dahin zu bringen, dasz eine auswertige Princessin jemahls als eine Czarin, Insonderheit von dem Itzigen Cron Printzen erkandt werde, Sie habe sich dan zu seiner Religion bekand, wie es dan auch alle, so deszen humeur kennen, versicheren, und darunter mit mehrem in Allerunterthänigkeit soll deduciret werden.

Ruszische Müntze.

Die Ruszische Müntze ist aus zwölf $^3/_4$ Löthigen Silber gemachet und dabey in so weit sehr wohl eingerichtet, das sie ohne viele Ausrechnungen multipliciret und Dividiret werden kan; Dan der so genandten Copeqven, welche mit unseren Lß. sollen gleich sein, gehen 50 auf einen halben Rubel oder Reichsthl^r, 100 auf einen Rubel oder Ducaten, und 10 auf einen Griefven, also das wan Ich die Summa von 100000 Copequen setze, so weisz ich gleich, dasz ich Hundert Rubels oder tausend Griefven habe; nach welcher Arth alle Rechnungen im Lande eingerichtet werden und solcher Gestalt nicht leicht irrig seyn können. Mit dem Gewichte von dieser Müntze hat es solche Beschaffenheit, das in Friedens Zeiten in Ruszland die Copeqven auf dem Fuesz geschlagen worden, das zwischen 50 derselben und 48 Lß. Alberttus wenig Unterscheid gewesen, weszhalben man auch den Gebrauch gehabt, das man alle die Rthl^r: Species, so für Wahren aus Holland und Hamburg dahin gebracht worden, nur mit einem Adeler oder Ritter von St: Iörgen gestempelt, und alsdann für halbe Rubels angenommen. Bey jtzigen Krieges Zeiten aber hat man zwar daszelbe Schrot und Korn von dem Gelde bey behalten, aber das Gewicht davon fast bis auf die helffte verringert, so das 100 Rubels, welche für dem 16 bisz 17 Russische ℔ gewogen, anjetzo kaum 9 ℔ mehr wegen, wodurch die Reichsthl^r: Alb: bisz auf 80 Copeqven, und die Ducaten bisz 180 Copeqven im preisz gestiegen, und dafür angenommen werden. Auszer dem ist der Czaar der erste, welcher Rubels von Silber in nat: pregen laszen sambt anderen förmlichen runden Müntzen mit seinem Bildnisze, als halbe Rubels, Grivens und Altinen, so nur 3 Copeqven sind, weszhalben die Tartaren und Calmucken, wan sie mit Ihren pferden und Wahren Jährlich nach Moscow kommen, selbe noch nicht gerne nehmen wollen, weiln Ihnen solche Müntz Sorten noch unbekand sind. Eines aber ist fast zu verwundern, wo alle die Specie Thalers, welche Jährlich nach Ruszland aus Holland und Hamburg geführet und daselbst verschmeltzet werden, sich noch finden? in dem es noch mehren theilsz alte Burgundische, Cöllnische, Lü[be]cker und Schweitzer Thaler sind, deren man Jährlich über $\frac{m}{400}$ Ihnen zubringet, ohne die neuen Holländischen Rthl^r, derer auch nicht wenig überkommen. Worzu der Czaar ferner noch viele L℔ Silber einkauft, und auf solche weise seine beyde Müntzen versiehet, worin täglich über 400 Persohnen arbeiten, also das, wan sie darin einen Gusz thun, selber von 5 à 600 ℔ ist, umb so vielen Menschen Arbeit zu verschaffen.

Man müntzet aber fast allezeit lauter Cop., welche von dieser Besonderen Beschaffenheit sind, das fast nicht zwey derselben von einer form zu finden, aber doch alle von einem Gewicht sind, wozu sie diese Methode gebrauchen, das sie erstlich von der Materie einen Dratth machen, so etwas dicker als ein starcker strohhalm ist, von welchem nachgehends die stücken mit einem scharffen Eisen in der Länge, wie es das Gewicht erfordert, abgeschlagen werden; worauf man diese Stücken andern Arbeitern zu bringet, deren zwey bey einem kleinen Ambosz sitzen, und der eine den Hammer führet, der andere aber Ihm ein stück von solchen Drat, nach dem andern darauf leget, umb es mit dem Hammer plat zu schlagen, welches mit groszer geschwindigkeit verrichtet wird, weiln man nicht achtung giebet wo nachmahls solche stücke hinfallen, sintemahl der Ambos mit einem Ledernen Sack umgeben, darin sich alles samlen musz, und von daraus werden diese stücke wieder anderen Arbeiteren hingebracht, die sie auf eben die Weise stempelen, woraus leicht zu erachten, das eine Ungleichheit in der form endstehen müsze.

Güldene Müntze hat der Itzige Czaar und sein Herr Vatter Sehl. auch einige schlagen laszen, so mit unseren Ducaten eines sein sollen, aber was die von vorigen Zeiten zu schwer, dasz sind dieses Czaren seine zu leicht, nnd beyde Sorten zimlich rahr, also das sie mehr für Medaillen als Gangbahre Müntze zu achten sind. Denen falschen Müntzern gieszen sie geschmoltzen bley in den Halsz, bisz Er davon stirbet, wodurch solche delinqventen öfters sehr geqvälet werden, ehe sie den Geist aufgeben können.

Ruszische Gesetze.

Von den Ruszischen Gesetzen und Straffen ist alhier zu weitlaufftig zu Handeln, und nur dieses zu erwehnen, das die Justice in selben Landen, Leyder! noch nicht gahr zu aufrichtig administriret wird, in dem sich alle Richters corrumpiren laszen, und alles gestohlene und wieder ausgefundene Geld oder Sachen den Eigenthümern vorenthalten, ja solches gar zu sich nehmen und öfters die delinqventen lauffen laszen, welches dem Czaren zwar wohl bewust, wie Er dan deswegen schon viele Richters hencken und absetzen laszen, aber die Justice recht im schwange zu bringen ist Ihm wegen dieses schweren Krieges noch nicht möglich gewesen, also dasz bey so gestalten Sachen es noch ein groszer Verdrusz in Ruszland ist, für Gerichte zu thun zu haben, weiln der Kläger, wan Er Geld hat, der glücklichste ist, und den Beklagten auf leichte indicia, die Er mit verEhrungen gültig machet, kan in verhafft nehmen laszen, bis Er Ihm der Anklage nach vergnüget hat. Sonst sind die Ruszischen Gesetze an sich selbst klar und billig genug, und also den Rechten anderer Völcker in den meisten puncten gleich, aber in der Observantz von denselben sehr unterschieden, welches durch einige Exempel wohl könte vorgestellet werden, wan Ich nicht be-

dencken tragen müste, Ew. Königl: Majts: Gnade und Gedult zu miszbrauchen, wan in diesem Articul so weitläuffig seyn solte, in dem noch verschiedene andere, von hoher Importantz zurück, die Ich in diesen Allerunterthänigsten Bericht werde mit schlieszen müszen, Als

Ihre Czarische Mayst: Persohn.

Erstlich und Insonderheit, von Ihre Czaarische Mayst: Hohen Persohn, welche dan gleichfalls nach Ihrer taille, und euszerlichem Ansehen zu beschreiben unnöthig erachte, weile selbige Ew: König: Mayst. aus denen vielfältigen Nachrichten genugsahm bekandt ist, Was aber dehro Innerliche Gemühts Neigungen betrifft, solche finden zwar alle und Jede ungemein und besonders unter Ihrem Volcke zu seyn, aber weil Ihre Czaarische Mayst: von sehr facilen Umbgang sind und ohne denen bey groszen Herren sonst gewöhnliche Ceremonien von einen Jeden können angeredet werden, auch Ihnen kein Hausz verächtlich und unbeqvem düncket, wan sie nur die Leuthe darin finden, die sie zu sprechen verlangen, ja für Ihre Persohn von keinen reichen Kleidungen, Magnifiqven meublen, equipagen, und Hofhaltung etwas wiszen wollen, dabey auch auf Ihre Sitten nicht eben allezeit reflectiren; so düncket manchem, das Ihnen die Natur in dieszen stücken etwas versaget, und das Ehre und Ruhm bey der Welt gantz nicht die Tugenden sind, so in Ihren Gemüthe herrschen, sondern das vielmehr der Umbgang mit geringen Leuthen Ihr bestes Vergnügen sey, insonderheit weiln sie auch die Wiszenschafften derselben, als Drehen, Zimmeren, Feuerwercken, Uhrmachen, pitschierstechen und dergleichen sehr lieben, auch selbst öfters mitarbeiten. Aber wann mann im gegentheil höret, wie dieser Herr, von seiner ersten Kindheit auf, so viele Zeichen ungemeiner Zuneigung etwas zu sehen, und zu lernen, von sich gegeben, als dasz Er alle Ihm vorgekommene Historische Abbildungen mit groszem fleisz angesehen, und nicht nach der damahligen auferziehungs Arth der Jungen Ruszischen Printzen auf dem Schlosze eingesperret bleiben wollen, sondern wan man auf Ihm als auf dem damahligen dritten Printzen nicht alzu genau achtung gegeben, sich öfters verkleidet umb sich in der Stadt bey allen Gewerben umbzusehen. Fürs andere dasz dieser Herr, gleich nach seiner Erhebung auf den Thron die Frömbden an sich gezogen, umb sich von Ihres Landes Beschaffenheit zu Informiren. Drittens dasz Er bald darauf sich mit in die damalige Alliance gegen den Türcken begeben, und ob man gleich Ihm darin abandoniret, doch feste gehalten, und einen glorieusen Frieden gegen selbigen Feind befochten. Viertens, bald nach diesem eine Reyse von noch gröserm Absehen nach Engelland und Holland gethan; und da er fünftens solche wegen die angesponnenen groszen Rebellion von seiner eigenen Schwester und so vieler Bojaren verkürtzen müszen, diese so gefährliche Aufwiegelung mit so groszer Courage und verstande gedempfet, dasz er

dadurch ein Schreck aller die seinigen geworden, die sich seit dem für Ihm Beugen und seine Befehle mit der grösesten Demuth von der Welt annehmen müszen: So siehet man wohl, das es nicht aus schlechten Ursachen geschehen, wan er die Krieges Wiszenschaft zu faszen von einem Mousquetier auf dienen und seine Lehrbrieffe von der Schiffbauerey und Feuer Werck Kunst annehmen wollen, sondern dasz es vielmehr seinen sonst sehr faulen und hoffärtigen Ruszen zum Exempel dienen, und keiner sich ferner entschuldigen sollen, dasz solche Verrichtungen für Ihm zu geringe seyn, weiln sie es für dem Czaaren nicht gewesen, der da will, das ein Jeder seinen Exempel folgen soll. Woraus dan auch ferner abzunehmen ist, warumb der Czaar bis Dato nicht in seinen Schlosze logiret und sich daselbst als ein groszer Herr bedienen läszet? nemlich weiln er sehr grosze projecten auszuführen im Sinne hat, und also diese Unkosten Lieber auf eine Zeitlang spahren, als aus Mangel des Geldes selbe limitiren will, Insondernheit weiln die alten Czaren eine so grosze Hofstatt gehalten und Svite mit zu felde geführet, das dazu ein groszes Jährlich würde erfordert werden, wan sie selbigen gleich sein solte. Und auf selbige weise ist es durch die Erfahrung wiederleget worden, was man von diesem Herrn auch zu frühzeitig Judiciret, nemlich dasz die bravoure bey Ihm nicht zu grosz, oder wenigstens der von dem König von Schweden nicht entgegen zu setzen wäre, weiln Er in der Belagerung von Asoph viel zu gegen gewesen, und von der ersten belagerung von Narva sich Zwey tage für der Bataille retireret, da man die sichere Nachricht erhalten, der Feind wäre im Anzuge den Platz zu entsetzen, und was man für kleine Exempel mehr debitiret; Dan dieses hat sich nachmahlsz gantz anders gezeiget, wie Er den Krieg durch seine Intrepidite und courage, wieder die Sentiments der Seinigen, ja fast aller Auswärtigen Souteniret, und lieber als ein Soldat sterben, als aus Verzachtheit sich seinem Feinde unterwerffen wollen, wie es sein damahliger Sprichwort wahr. Zwar ist es nicht ohne, dasz der Herr nicht eben allezeit von so promter resolution ist, wie manches naturel dazu Incliniret, so gleich ins Feuer zu lauffen und sich zu exponiren bereit ist, aber wan eine Sache vorher bedacht und resolvirt ist, so ist es gewis ein Herr von groszer Valeur, der sein Leben nicht schonet, und sich von keiner Gefahr vertreiben läszet, wie man vielfältige Exempel davon anführen könte. Wan es aber doch könte erlaubet seyn, an einem so groszen Herrn etwas zu remarqviren, so obigen Tugenden entgegen stehen könte, so müste es das durch seine favoriten Ihm eingepflantzete Misztrauen und die dahero öffters entstehende unzeitige Kargheit sein, welche vieler Sachen unbeständigkeit verursachen: als ungleiches Wohlwollen seiner Diener, Veränderung vieler Rahtschläge oder Absichten, wenige Reflexion auf gethanes Versprechen, Erhebung

derer, so etwas neues vorbringen, oder weit auszehende gefährliche Dinge unter dem Schein des Rechtes vorstellen können, und was ferner daraus gemeiniglich entstehet. Aber durch die Maintenirung eines Mannes hat der Herr auch solches wiederleget, nemlich durch die beständige faueur, mit welcher Er den Fürsten Alexander Danielowitz Menchikoph zugethan ist, der nicht allein öffters selbst durch eine irregulierc Conduite Anlasz gegeben, solches zu veränderen, sondern es haben auch vielfältig die Bojaren, Frömbden Ministri, die Princessinen und Verwittibten Czaarinen, ja gar auswertige Potentaten, daran gearbeitet, wie sie Ihn stürtzen mögten: Also das es wenigstens dem Czaarn nicht unmöglich ist, beständig zu sein. Worunter dan auch, was den Fürsten Menchikoph betrifft, diese politique mit zu Versiren scheinet, dasz der Czaar sich bey der Maxime wohl befindet, dasz Er durch diesen favoriten alle Sachen exequiren läszet, die mehr mit seinem Nutzen als der Generositaet überein kommen, als wan Er dem Strogenoff das Einkommen von den Ruszischen Saltzwercken, gegen seine Väterliche und Grosz Vätterliche privilegia, beschneiden, dem Rosenbusch seine Eysen wercke wegnehmen, ein und anderen Bojaren, die Gouverneurs von eine Province, Chefs von einer Pricasce sind, und dergleichen zur Demuth und Unterthänigkeit bringen will, dan in solchem fall Läszet der Czaar sich nichtes mercken, sondern scheinet sehr gnädig zu seyn. Fürst Menchikoph aber befiehlet alles, wie Er es haben will, und sagen indeszen zu dem Czaaren, wan Er Ihm der Leuthe wegen zu Rede stellet, Ihre Czaar. Mayst. mögen Ihm nur gewähren laszen, Er repondire dafür bey Straffe seines Lebens, und wolle, wan es bewerckstelliget, dem Czaaren schon von allem Rede und antwort geben, Welches pouvoir der Czaar nicht leicht jemand anders von seinen Bojaren geben dürffte, wegen des Anhanges von Ihrer familie, auch schwerlich jemand sonst finden würde, der solche faueur mit gleichem fleisze und Valeur Soutenirete. Welches dan auch diese affection so beständig gemachet, das Ihm der Czaar schon längst das Commando von der armée anvertrauet, und den Fürstl. titul beylegen laszen, wornach anjetzo seine Hoffstat vollenkomlich eingerichtet, also dasz er von allen Ruszischen Kneesen und Bojaren mehr distingviret ist, als diese von ordinairen Ruszischen Edelleuthen immer seyn können. Sonst hat der Czaar auch zu Ausrichtung seines Willens in Sachen, da Er nicht in will erkand werden, noch diese Maxime, das wie es unter der Nation ins gemein herkommens, das niemand, der einigen Vermögens ist, verabsäumet, an Arme, Wahnsinnige und gebrechliche Leuthe guttes zu Thun, und wan Er nur die Gelegenheit dazu findet, derselben wenigstens einen bey sich ins Haus zu nehmen, dieselben an seinem Tische zu speiszen, mit Kleidung und sonst überiger Nohtdurft zu versorgen, damit sein übriges Hausz dieser Barm-

hertzigkeit wegen ferner gedeyen möge: So hat auch der Czaar allezeit wenigstens drey oder vier solche wahnwitzige Leuthe umb und bey sich, die mit bey seiner Tafel speiszen, in seinen Zimmern frey aus und eingehen, und folglich sich allezeit bei Hoffe befinden. Unter denselben aber stecken auch zugleich grosse Schalcks Narren, die sich bey groszen Conviviis vollsaufen, alsdann die grösesten Bojaren öffters sehr verhöhnen, Ihnen Ihre Miiszhandelungen mit groben Worten verhalten und mit des Czaaren Ungnade bedrohen, da indeszen sich der Czaar anstellet, als wan Er nichtes höre, bisz endlich die Bojaren sich zu seinen Füszen werffen, da Er Ihnen dan wohl ein und anders zu verstehen giebet, aber endlich doch des Narren Alberheit entschuldiget, und Ihm als einen trunckenen Wahnsinnigen Menschen wegbringen läszet, womit selbige Sache dem Ansehen nach wieder geschlichtet ist. Was man aber von des Czaaren Grausahmkeit in Europa debitiren wollen, solches findet sich gantz und gar nicht, in dem es sonst in denen vier Jahren, die Ich in seinen Landen gewesen, wegen der vielfältigen dazu gehabten Gelegenheiten, an Rebellen, Verrähtern und Wiederspenstigen wohl würde sein zu spühren gewesen, die Er aber allemahl an die ordinaire Justitz verwiesen, und von derselben Ihr Urtheil sprechen laszen, auch niemahls einiger execution mehr mit zugesehen, auszer was die hinrichtung des letztes Redelsführers der Donnischen Cosaquen betrifft, davon die Ursache eben dieselbe wie in denen groszen Rebellionen zu Anfange seiner Regierung geweszen, nemlich das bey solchen hinrichtungen Ihm öffters erstlich die beste Nachricht von den bösen Absichten solcher Schelme gegeben worden, die man Ihnen auch mit den gröszesten Peinigungen nicht zuvor abzwingen können, weiln die Natur von der Ruszischen Nation in solchen fällen sehr hart ist. Derohalben auch der Czaar die unter Ihnen gewöhnliche Straffen der Padoggen oder grausahmen Zerprügelung mit stocken auf den bloszen Leib und der Knuth oder peitschen mit einer Langen peitschen am Kurtzen stiel, nicht veränderen will, ausgenommen bey der Armêe, da man die sonst in Europa gebräuchlichen Straffen unter denen Soldaten schon mehrentheils aufgebracht. In den Consiliis giebet der Czaar auch gemeiniglich durch sein votum den Ausschlag, weiln nach aller Auszagge, die mit Ihm in deliberationibus gewesen, das gröseste Iudicium darin zu finden, wie es auch seine Feinde nach denen Antworten, die Er auf Ihre propositiones öfters extempore gethan, gestehen müszen, auch die vielfältige öffentliche repliqven, die der Herr mehrmahlen gegeben, einen Jeden umbstehenden davon convinciret, wovon noch viele Blätter könten angefüllet werden, wan die Vermäldung davon nicht zu weitlauftig erachtete.

Der Czarewitsh oder Czarische Printze.

Weiln der Czaar aber nur einen eintzigen Printzen hat, den man Czarewitz, oder nach unserer Arth den Cron Printzen nennet, und Er gerne

wünschete, das seine Reglen und Maximen auch nach seinem Tode in seinem Reiche zur Conservation und Gloire deszelben beybleiben möchten, so hat Er, nach dem Er gesehen, dasz die Clergé Ihm nicht erlauben wolten, zur anderen Ehe zu tretten, ehe Er von seiner noch im Closter Lebenden Gemahlin durch Ihren Consens, den sie bis Dato refusiret, geschieden wäre, und es Ihm solcher Gestalt unmöglich fält, einen anderen seines Leibes Erben auf dem Throne zu beförderen, alle ersinliche Mittel angewand, diesem Herrn solche principia beybringen zu laszen, die Ihm dazu leiten könten, und hat Ihm zu dem Ende nebenst dem Ruszischen Informatore auch zugleich einen Teutschen verordnet, der auf des Printzen Sitten achtung geben, Ihm die Sprache lehren, und zu dem Umbgange mit den Teutschen gewehnen solte, Ferner auch in der Historie, Fortification, und allen exercitiis, als Fechten, Tantzen, Handgriffen von Gewehr, und dergleichen informiren laszen. Nachgehends mit den anwachsenden Jahren unter der Milice als unter Officier, und so per gradus einschreiben laszen, bisz Er Ihm eine Compagnie, und bald darauf ein Regi^{mt}: anvertrauet, darunter sich viele von der Noblesse in Dienst begeben. Worauf der Czaar den Printzen mit nach der Armee genommen, umb Ihm mehr Lust zum Kriege beyzubringen, weiln aber selbe nicht sonderlich verspühret worden, und der Printz auch die fatigven nicht ausstehen können, sondern in viele grosze Krankheit verfallen, so hat Ihm der Czaar die Commission als General Inspecteur von allen Magazinen aufgetragen, Insonderheit aber deszen, welches bey dem Anmarsch der Schweden A° 1707 in Smolensko aufgerichtet ward; da Er mehr als für eine Million Korn und fourage zusammen bringen liesz. Und da man nachgehends in der Stadt Moscow eine verborgene Verrätherei besorgete, so schickte der Czaar den Printzen wieder dort hin, umb in allen Berathschlagungen zu presidiren, die ordres und Nachrichten selbst zu unterzeichnen, und also von allen und jeden Sachen vollenkommene Information einzunehmen. Wovon sich der Herr dasmahl mit groszem Fleisze acqvitiret, bisz die Gefahr vorüber war, und der Czaar für guth befand, Ihn wieder zu sich kommen zu laszen, aus der Uhrsache mit, wie einige sagen, weiln der Czaar vernommen, das der Printz sich in des Kneesen Gagarin Tochter verliebet hatte, die auch gleich darauf mit des Grosz Cantzlers Golofkin Sohn verheurathet ward, und weiln Er solcher Gestalt, der Ruszischen Religion nach, wieder das Gewiszen lieffe, den Printzen das Heurathen zu verwehren, so kamen des Czaaren Absichten in diesem Stücke ferner an den tag, nemlich das der Printz eine frömbde Gemahlin heurathen solte, weshalben Er Ihn dan auch nach Teutschland geschicket, umb sich alda eine Braut auszusuchen, worunter Ihre Königl: May^{t} wie bekandt, nach aller Freundschafft, mit an die Hand gegangen.

Indeszen ist man doch in Ruszland Generalement der Meinung, das der Czarewitz nimmer solche Vigoreuse Consilia, wie der Herr Vatter amplectiren, und die Veranlaszete Veränderungen lieben werde, sondern dasz er nur blosz in allem dem, was der Czaar befiehlet, nach Ihren principiis den kindlichen Gehorsahm zeige, naturellement aber ein eingezogenes Leben nach der Arth desz Herrn Grosz Vatters und Alter Vatters Liebe, die Ihre Armêen niehmals selbst commandiret und den meisten Umbgang mit den Geistlichen gehabt, welche dan auch schon mehrentheils umb Ihn sind, und Ihm das vollenkömlich beygebracht haben, das Ruszland, schon an sich selbst mehr dan zu grosz, und keine Conquesten bedarff, auch keine Flotte zu seiner Defension von nöthen habe; und das die Frömbden zwar einige Reglen von Krieges Disciplin mögen in die Observantz gebracht haben, aber im übrigen dem Lande sehr schädlich sein, weiln sie dem Knesen und Bojaren die Freyheit, dem Gemeinen Mann aber die Üppigkeit, und das wohlleben in den Kopf bringen, wodurch Rebellionen nnd Zertrennungen müsten fomentiret werden, weiln die Mittel der Eingeseszenen dazu nicht proportioniret seyn, das sie auf Auszländische Manieren sich Meubliren, Kleiden, Eszen und Trinken können, also das Betrug und Ungerechtigkeit dadurch überhand nehmen müsten; wovon sie schon viel Exempel zu Citiren wiszen; also das der Printz viele Sachen mit gantz anderen Augen ansiehet, wie einige wohl gedencken und hoffen mögen.

Die Czarische Familie.

Das übrige Czarische Haus bestehet aus nachfolgenden Persohnen, als den beyden Czarrischen Wittiben, des Czaren Foedor und Czaren Iwan des jtzigen Czaren gewesenen Gebrüdern, davon die erste Wittibe aus dem Hause à Praxin keine Kinder gehabt, die andere aber aus dem Hause Soltikow drey schöne Princessinnen hat, deren die Mittelste Princessin Anna, anjetzo mit den Printzen von Churland soll vermählet werden. Ferner hat der Czaar noch vier Schwestern, die sein Herr Vatter mit der ersten Gemahlin gezeuget, und die Princessin Natalia seine Leibliche Schwester, die Er sehr liebet, und Ihr auch ein gutes auskommen nemlich $\frac{m}{20}$ Rubels zu Ihrem Jährlichen Unterhalt auszer die presenten und Victualien giebet, dahingegen die Verwittibte Czarin Soltikown nur so viel für sich und Ihre drey Princessinnen bekömbt, und Czarin âpraxin sich mit der helffte vergnügen musz. Von den übrigen halb Geschwistern, wohnen die zwey Ältesten in einem groszen Pallatzo, so aber auf die Kloster Arth eingerichtet, in Moscow, und die dritte Catharina welche mit Complice von der Conspiration der verstorbenen halb Schwester Sophia gewesen, befindet sich noch in eben dem Jungfern Closter eine halbe Meile von der Stadt Moscau, worin die andere gestorben, doch mit dem Unterscheide, seit zwey Jahren, das sie auf den festiviteten herausfahren und bey der anderen Herrschafft mit erscheinen darff.

Czaren Gemahlin.

Des Czaren Gemahlin, ein La Pouchine von Geschlecht, befindet sich auch in einem Jungfern Kloster, aber ist daselbst mehr wie eine Gefangene, als eine Religieuse consideriret, in dem sie nicht in die Ehescheidung mit dem Czaren consentiren und zum Zeichen deszen die Schere zur Abschneidung der Haubt Hare nach ihrer Gewohnheit hergeben will, also das der Czaar nicht nach den Ruszischen Gesetzen wieder Heurathen kan, welches die unüberwindliche Eifersucht dieser Damen anzeiget, dan die Uhrsache der Zweyhung in diesem Ehestande rühret daher, dasz wie der Czaar seit Er zur Einseitigen Regierung gekommen viel in der teutsche Sclabode gewesen, umb die Teutschen Kauff Leuthe in Ihren Haußern zu sehen, so hat seine Gemahlin Ihm ungescheuet gesaget, dasz Er daselbst mit den Heiden Unzucht triebe, auch solches so offte, und mit solcher Vehementz, dasz wie der Czar einesmahls des Abends spähte von dannen wieder Zurück gekommen und, umb die Csaarin zu ergötzen, viele Galanterien, so er von denen Kauf Leuthen erhandelt hatte, als ein present für sie mit gebracht, und auf den tisch setzen laszen, Sie voller Eyfer hin Zugetreten, und alles in des Czaren Gegenwart auf die Erde geworffen, sagende: Sie wolte solche presenten nicht haben, und denen Teutschen H . . . . auch nicht gönnen, sondern lieber wie sie auch gethan, mit füszen zertreten; Worüber der Czaar sehr entrüstet aus der Cammer gegangen, und ein Gelübde gethan, seiner Gemahlin nimmer mehr zu nähern, welches Er auch bisz Dato gehalten.

Fürst Menchikoph.

Nach des Czaren bisz hie zu Specificirten familien (dan die Vettern und Oheimbs von der Mutter und Gros Mutter Seiten haben weiter keinen Vorzug) ist der erste von den Czarischen Unterthanen der Fürst Alexander Danielowitz Menchikoph, der immediatement für den Czaaren in Conseil sein Votum giebet, und bey des Czaaren Armèen en chef commandiret, des Cron Printzen Hoffmeister ist, und deszen Hand und Befehl in allen Sachen, ausgenommen bey der flotte, so wohl als des Czaren eigene Hand und Siegel consideriret und gehorsamet werden musz.

Dieses Herren Abkunfft ist aus Litthauen, von wannen sein Grosz Vatter, in den alten Ruszischen Kriegen, als ein Gefangener nach Moscow soll gebracht worden seyn, der umb die Freyheit wieder innerhalb Landes zu gewinnen die Ruszische Religion angenommen, und seine Kinder folgends darin erzogen, wiewohl in groszer Armuth, also das der Vatter auch diesem Sohne nichtes hintterlaszen als einige addresze bey Hoffe, wodurch es Ihm soweit geglücket, dasz Er dem Jtzigen Czaren uud dahmahligen Printzen als ein Denschick oder page zugegeben worden, da Er in allen Verfolgungen grosze Treue spühren laszen, auch nachmahls so viel Witz und Verstand geeuszert, dasz Ihm der Czar stets zu Vermeldung aller Befehl und Botschafften an die Bojaren gebrauchet, wobey seine Erinne-

rungen dan und wann nicht undienlich gewesen, also dasz die faueur seines Herren dadurch Täglich zugenommen. Insonderheit weiln er auch in Mechanicis fleiszig mit gearbeitet und fast nimmer aus des Czarren Augen gekommen. Doch hat Ihm der Sehl. Admiral Lefort, so lange Er gelebet, allezeit dergestalt wiszen zurück zu halten, dasz er nicht praetendiren dürffte, Ihn in einigen Sachen vorzugreiffen. Nach deszen Tode aber, da der jtzige Krieg angegangen, und Alexander Danielowitz auch darin grosze application spühren laszen, Insonderheit aber da durch seinen Anschlag, wieder des Czaren Vermuhten, die Festung Noteburg, nunmehro Schlüszelburg genandt, sich ergeben müszen, so hat Ihn der Czaar bald darauf zum Obristen Declariret, und seinen Regiment unter den Nahmen des Ingermanlandischen den ersten Rang unter der Infanterie nach seinem zwey Garden Prebrasinski und Simonofski gegeben, auch gleich darauf zum Graffen Declariren und A° 1705 durch den Römischen Kayser den titul eines Teutschen Reichs Fürsten Beylegen laszen. Worauf Er weiter noch in selbigem Jahre als General von der Moscowitischen Cavallerie vorgestellet worden, und wie Er A° 1706 die bataille bey Kalisch gewonnen, auch A° 1708 und A° 1709, da der König von Schweden die Niepre passiret, und sich wegen des Verraths von Mazeppa nach der Ukraine gewendet, viel contribuiret, dasz die Bataillie von Propoisch gegen Lewenhaupt ist engagiret worden, insonderheit aber bald darauf die Cosackische Residentz Staat Baturien mit weniger Manschafft bestürmet, 6000 Cosacken darin niederhauen laszen, in der Bataille bey Pultava die Cavallerie commandiret, den Schwedischen Gen. Major Tauben eigenhändig gefangen genommen, auch endlich zwey Tage hernach den General Lewenhaupt bey Prevolosch an der Niepre wieder eingehohlet, und mit denen bey sich habenden $\frac{m}{16}$ Mann, das Gewehr, ohne es vorher zu gebrauchen, nieder zu legen gezwungen, so hat Ihn der Czar des folgendn Tages als General Feld-Marschal aller seiner Armèen und trouppen declariret, folglich Ihm alle die confisqvirte Cosackische Gütter geschencket, also das Er anjetzo wie der Reicheste und vornehmste Herr von allen Ruszischen Kneesen nnd Bojaren zu consideriren, auch darin vermuhtlich, so lange der Jtzige Czaar lebet, keine veränderung befürchten darff, wie es der Czar Ihm öffters mit vielen Eyden versichert hat, und auch sonst wie schon oben erwehnet, alle seine Maximen würde zugleich änderen müszen. Biszdahin aber haben noch Ihrer viele dafür halten, dasz es des Fürsten gröszestes Unglück würde mit gewezsen seyn, wan die Schweden die Ruszen geschlagen, und in selbiges Reich sich eingedrungen hatten, weiln alsdan für dem Czaren kein ander Mittel, umb sich mit seinen Unterthanen auszusöhnen und die Rebellionen zu dempfen, würde gewesen seyn, als die Schuld so vieler neuen Anschlagen eines andern Geitz

und Unbedachtsahmkeit zu Imputiren und Ihm deroselben Wunsch nach auf zu offern.

Grosz Cantzler Gollofkin.

Der andere von des Czaren vornehmsten Unterthanen ist der Grosz Cantzler Graff Gabriel Iwanowitz Gollofkin, dem der Czaar dieselbe Charge A° 1707 nach des Sehl. Grosz Cantzlers Graffen Gollovins Tode conferiret, welcher zugleich der President von der Posolsken oder Reichs Gesandten Cantzelei ist, und also über alle die anderen Pricasen einigen Befehl mit hat. Dieser Herr ist für dem schon lange des Czaren Ober Cammer Herr und Ritter vom St. Andreas Orden gewesen, und hat sich durch seine douceur und Höflichkeit stets so beliebet gemachet, dasz Ihm alle und Jede diesen post gerne gönnen. Insonderheit aber hat der Fürst Alexander Danielowitz dazu contribuiret, weile er wohl gewust, das Er an Ihm keinen Antagonisten haben würde. Von auszwärtigen affairen aber hat dieser Herr weiter keine Connoissance, als die Er aus den täglichen Berichten erlernet, und wie weit die Gesunde vernunfft Ihm darin zustatten kommen kan, dan Er weisz keine als die Ruszische Sprache, und kan also sich durch nachleszen darin nicht helfen.

Admiral à Praxin.

Die Dritte Persohn ist der itzige Reichs Admiral Graff Fiedor Matwewitz Apraxin, der für dem in den Türkischen Kriege als Obristen gedienet, folgendes lange Admiralitetz Rath gewesen, da Er sich durch seinen Fleisz sonderlich in des Czaren Gnade fest gesetzet, also das Ihm der Czar nach der Sehl. Graffen Gallovins tode, diese Charge conferiret hat. Nach der Zeit aber hat Ihm das Glück sonderlich favorisiret, dan da die grosze Armêe von dem Czaaren A° 1708 an die Niepre und in Cosacken Lande, gegen die Schweden stand, hat A Praxin die trouppen, die an der Düne und in Ingermanland geblieben wahren, gegen den Schwedischen General Lübeckern Commandiret, und damahls fast Anfangs nicht gewust, wie Er die Sachen regieren solte, aber zu seinem Glücke, kam dem General Lübecker damahls auf einmahl die furcht so starck an, dasz er alle pferde von dem bey sich habenden corpo, an der Zahl über $\frac{m}{6}$ todt, stechen liesz und sich mit seiner Manschafft auf die Schwedische Flotte, die damahls unter Commando des Admiral Anckerstierns bey Capurien lag, retirirte, auch mehr nicht als etwan 800 Mann Sachsische Knechte, die in Thorn waren gefangen genommen worden, zurück liesz, die der Admiral in Ihren retranchement forcirte, und dadurch den Nahmen eines guten Generals mit bekahm; den Er nun diese verwichene Campagne durch die Eroberung von Wiburg und Kexholm mainteniret, und also sambt anderen davon in possession ist. Von der Marine aber verstehet Er weiter nichtes, als das Er die Unkosten davon zu berechnen weis, wozu der Czaar eine eigene Pricace verordnet, davon Er der President ist.

Czarische Geheime Räthe.

Nach diesem hat der Czaar noch verschiedene Geheimbte Räthe, die Er stets in seinen geheimen deliberationibus, nach dem sie sich zur stelle befinden, oder die affairen es erfödern, mit zuziehet, als den Bojaren Muzin Puskin, den Kneesen Gregorii Dolgorouski, den Gouverneur von Moscow Gagarin und andere mehr; Der Jenige aber, so anjetzo das Archiv und die Expedition von dem ausländischen affairen unter Händen hat, ist der so genandte Reichs Vice Cantzler Schaphiroph, welcher eines bekehrten Juden Sohn ist, deszen Vatter nur für 4 Jahre gestorben; und hat dieser Mann sein Glück dem Sehl. Grosz Cantzler Gollovin zu dancken, der Ihn, weile Er der Ruszischen und Teutschen Sprache kündig war, in die Reichs Gesandten Cantzeley erstlich als einen Translateur gesetzet, und auch dazu etliche Jahre gebrauchet, worin er insonderheit nützliche Dienste auf des Czaren Reyse geleistet, und sich solcher Gestalt hinauf gearbeitet, das Er endlich A° 1706 den Character als Estats Secretarius bekommen, worauf Er nach des Sehl. Gollowins tode allezeit mehr und mehr gebrauchet worden, und nach der Zeit, da man resolviret, den jtzigen Grosz Cantzler Gollofkin solche Charge zu conferiren, fast unentbehrlich geworden, daher man Ihm auch seinen Character und Revenues solcher gestalt verbessert, dasz Er anjetzo als würcklicher Geheimbter Raht zugleich sein Votum mit hat und, seiner Charge wegen, sehr mit zu menagiren ist.

Ferner sind die vornehmsten in Ruszland die Gouverneurs, von denen Acht groszen Destricten, dan die Generals von den Armêen, mit welchen andere Civil Bediente wieder competiren, wiewohl dasz der Czar noch keine rechte Rang Ordnung hat publiciren laszen, sondern noch immer zu das project davon revidiren läszet, also das er damit noch wohl bisz zum Frieden anstehen wird.

Additiones des Czaaren Armee und Flotte.

Bevor Ich aber diese Allerunterthänigste Relation schliesze, so musz ich noch etwas über voriges zu Anfange derselben von dem Zustande der Czarischen Armêe vermelden, so den detail und Jtzigen Zustand derselben noch beszer vorstellen kan. Welchem nach dan erstlich bekand ist, das der itzige Czaar dieselbe gäntzlich verändert, in dem solche zu Anfang seiner Regierung bestanden aus Strelitzen oder Schützen und Dworniks oder Reutern, da von den ersten Hauptsächlich vier Regimenter oder Polcks gewesen, welche in vier unterschiedenen Vorstädten vor der Stadt Moscow, die man Expresse für sie gebauet, Ihre beständige qvartier gehabt haben, als Prebrasinski, Simonofski, Butirski und das 4te, so nach dem Commandirenden Gen: en Chef seinen Nahmen gehabt und also zu letzt das Lefortische Regiment geheiszen. Auszer diesen aber sind in allen Garnisonen noch â parte Regimenter von Strelitzen gewesen, aber die sind ordinaire nicht zur armèe beruffen worden, auch nicht von der Anzahl wie die vorigen

gewesen, dan ein Regiment von den 4 vorigen hat wohl $\frac{m}{10}$ Man ausgemachet, auf die Manier, das ein Strelitz 3 â 4 Knechte gehabt, die aber fast kein ander Gewehr als barditschen, piqven, und tobinen oder Morgensterne gehabt, und im dritten oder vierten Gliede stehen müszen, umb also die Anzahl mit auszumachen.

Die Ruszische Cavallerie ist bestanden in ausgeschriebenen Edelleuthen, mit Ihren Knechten, derer Anzahl sehr grosz geweszen, und haben nach den Destricten, davon sie ausgeschrieben wahren Ihre Nahmen gehabt, deszen Haubt, oder Ambt Mann sie auch als Obrister commandiret hat, auf welche weise sie auf eigene Unkosten dienen müszen. Wobey sich ferner die Auxiliar trouppen als die Donnische und Ukrainische Cosacken, die Calmuckische und andere Tartaren einfinden müszen, woraus zu erachten, das aus diesen so groszen Landereyen bald eine Armêe von etliche $\frac{m}{100}$ Mann ist zusammen zu bringen geweszen, aber ohne Ordnung, und von schlechten Gegenwehr wie Bekand. Wovon, wie der Czaar A° 1700 in der Belägerung und bataille bey Narva den effect gesehen, obgleich in der Infanterie schon damahls einige Veränderung geschehen war, so hat Er nachgehends sich mehr und mehr umb Frömbde Generals beworben, und zugleich den Nahmen von Mousqvetieren und Dragoners eingeführet, die Er auf die in Europa gewöhnliche Arth armiren, exerciren, und eintheilen laszen, auch dabey einerley mundirung gegeben. Welches dan auch gleich einen andern effect gethan; aber weiln die Unkosten davon zugleich vergröszert worden, und die Anschaffung des Gewehrs, Mundirung etc. einige Zeit erfordert, so ist die Regulirte armêe noch bisz Dato nicht über $\frac{m}{100}$ Mann angewachsen, wie aus oben Allerunterthänigst Beygefügten Listen zu sehen, welches aber doch noch wird geschehen müszen, wan der Krieg mit den Türcken angehen solte.

Von der Flotte habe Ich schon oben in Allerunterthänigkeit erwehnet, was davon observiren können, also das weiter nichtes dabey zu fügen ist, als die Liste derselben, wie sie A° 1706 gewesen, in welchem Stande sie noch vermuthlich nur sein wird, dan was von neuen Schiffen seit dem angebauet, das ist an alten wieder abgegangen, auch sind seit dem keine See Capitains oder Matrossen verschrieben oder im Lande angenommen worden.

Liste[13] von Ihre Czaarische May^{tz}: Flotte, wie sie in Junio 1706 unter Croon Schlosz für Ancker gelegen:

Officiers.	Schiffe.	Canonen.	Mannschafft.
Vice Admiral Creutz . . .	der Elephant	30	200
Cap. Peter Fock	Ertz Engel Michael .	24	120

Officiers.	Schiffe.	Canonen.	Mannschafft.
Joseph Vicum	Petersburg	24	120
Johan Pag	Dorpt	24	120
Wibrand Schilting	Narva	24	120
F. W. Willimofski	Standart	24	120
J. H. Roos	Triomph	24	120
Peter Sivers	Croon Schloth	24	120
W. Hania	Ivanogrod	24	120
Benjamin Eduwarts	De Faam	24	120
Joh. Hanssen	een praem	16 } 24 und 18 ℔	70
	een praem	16 }	70

Snauen.

Ihre Czaar. May^{tz} Jacht	mon Coeur	14	120
Lieut. Joh. Hess		14	70
Zacharias Witstock		14	70
Berend Schmitt	de Haas	14	70
Christ: Hands		14	70
Corn Sugens	Jamburg	14	70
Claes Plut		14	70
Simon Schorn		14	70
Peder Pridnal:	St. Jochim	14	70

Branders.

Erasmus Harboe	Caporia	4	30
Thomas Traan	Vesuwius	4	30
Joh: Bontje		,,	20
Jacob Cornelis		,,	20

Bombardier Schiffe.

Lorentz Cornelis }
Issack Lorentz . } . . . . 2 Mortiers 25

Galeeren.

Sing^{r}: Conti	Aquila doro	5	400
Alex: Mosino	St: Pedro	5	350
Luca de Litha	Fedro Stratilat	5	350
Gio Maria	Alexander	5	350
Nicola Wano	De Hoope	5	350
Luca Damano	t! Gelove	5	350
Pedro Sichia	de Lofde	5	350

Prouiant Schiffe.

Officiers.	Schiffe.	Canonen.	Mannschafft.
Peter Meyer	de wil mit.		20
Hans Jürgen Schilling.	de Lastdrager		20
Thomas Bok			20
Hinrich Copenhagen	de Onega		20
Schipp^{r}: Peter Klinck	de Lustige		20
Frid: Hanon	Ich hebbergewest		20

Advis Galiots.

Officiers.	Schiffe.	Canonen.	Mannschafft.
Christoph: Dollyn	De Loos		10
Peter Trunwick	de Courier		10
Dat post boot		6	10

Summa.

Fregatten	10
Praemen	2
Snauen	9
Branders	4
Bombardier Schiffe	2
Galeeren	7
Proviant Schiffe	6
advis Galiots	3
Canons	453
Manschafft	4875.

Absehen des Czaren in diesem Kriege.

Was nun endlich bey allen diesen mouvements die Absichten von Ihre Czaar. Mayst. gewesen, und auf welche weisze sie wohl gerne die Sachen durch den Frieden Schlusz mögten reguliret sehen, davon habe Ich folgendes aus denen vielfältigen Unterredungen und oftmahligen Veränderungen der Zeiten und des Glücks wahr nehmen können. Dasz weiln der Czar nach seinem vorbeschriebenen Naturel vornehmlich zu Vergnügung seiner ambition sich zu diesem Kriege resolviret, in dem Ihm erstlich die Bojaren, nach Arth der Hoff Leuthe, in seiner Jugend sehr grosze idees von seiner Macht und Reichthum gemachet, fürs andere die Schweden Ihm und allen Ruszen nicht allein verachtet und gantze Provintzen abgezwacket, sondern auch in gantz Europa so abgemahlet, das wenig Potentaten auf des Czarn Freundschafft reflectiret, wie es der Carolwitzsche Frieden, nach der A° 1687 gegen den Tyrcken gemachte alliance bezeuget: so ist der Zweck dieses Krieges von Anfange her gewesen, das der zuvor eingebildete Reich-

thumb ins künfftige durch Einrichtung seiner Länder sich würcklich finden, und der Credit in Europa beszer werden mögte, welcher Gestalt wie es fest gestellet worden, dasz der Degen solte gezogen werden, wan sich nur Zeit und Gelegenheit dazu finden würde, so hat der Czaar bald angefangen, auf alles zu Reflectiren, was die vorhabende Ruptur mit Schweden facilitiren könte, wozu die damahls in Schweden angeordnete reductions Kammer den ersten Anlasz gegeben. Dan wie die von dem Lieflandischem Adel dagegen gethane remonstrationen so übel zu Stockholm aufgenommen würden, dasz der Sehl Herr von Patkul darüber ins Gefängnus geworffen, der Land Rath Stripe aber gahr von dem Könige Carel den 11te mit Stockschlägen begnädiget würde, so hat der Czaar nicht allein davon durch den Sehl. Lefort alle Kundschafft über Königsberg einziehen laszen, sondern dem Adel auch einige Hofnung unter der Hand gemachet, das die Zeit wohl kommen dürffte, Sie bey Ihren privilegiis mainteniren zu können, wann Ihnen daran gelegen wäre, welches man dem Hertzog Ferdinand von Churland zu Insinuiren anvertrauet, Der es dan auch so wohl anzubringen gewust, das das gantze Land unter der Hand die Augen dahin gewendet, und der Herr von Patkul nach seinen Befreyung angefangen, sich durch Briefe bekand zu machen. Worauf des Czaarn Reise durch Liefland nach Holland gefolget, da der damahlige Schwedische General Gouverneur Dahlberg den Czaaren in Riga, sonder Zweiffel aus einigen schon habenden Argwohn, so übel begegnet, da Er die Festung besehen wollen, das der Czaar solches nachgehends in seinem Krieges Manifest mit allegviret; und wie der Czaar ferner in Amsterdam vernommen, das Ew. Königl. Maj^{ts} Envoyé, der Sehl. Heins in Moscow angekommen, und die dort zurück gelaszene Bojaren auf Schwedischen Anstifftungen Ihm so viel Verdrieslichkeiten zu machen bedacht waren, das Er darüber ermüden und zurück reysen solte, hat der Czaar rescribiret man solte den angekommenen Königl. Envoyé von Dennemarck unmolestiret laszen und bisz zu seiner wiederkunfft verpflegen, Worauf die entrevue des Königes von Pohlen mit dem Czaarn auf seiner rückreyse dieses werck noch mehr befordert, so dasz man schon einige Hofnung von der Sachen haben können, aber doch möchte es wohl bey den Gedancken geblieben seyn, wan nicht der König von Schweden durch seine Mouvements und Ruptur in dem Holsteinischen zu dem Schlusz von der Sachen Anlasz gegeben hatte, und der Herr Lefort, der dem Wercke gantz zuwieder war, indeszen gestorben wäre. Dan der Sehl. Graff Gollowin, welcher damahls als Grosz Cantzler denominiret ward, hat darin nicht contradiciren dürffen, weshalben die Alliance mit Ew. Königl. Maj^{t} geschloszen, und der Krieg gegen Schweden declariret werden. Worauf der Sehl. Patkul bald unter seinem Nahmen in Moscow erschienen, und das Werck zu Regieren

Geh. Rath Pattkul.

angefangen, bald aber hernach auch solcher gestalt umb sich gegriffen und sich so viele Pouvoirs und Tituls geben laszen, auch so viel Geld nach Dresden remittiret, dasz die Ruszen, so ohne dem Geitzig, glaubet haben, dasz sie blosz durch Ihm, und seiner Absichten wegen, in diesem gefährlichen Krieg embarqviret worden, und haben deszwegen angefangen dem Czaaren vorzubringen, dasz der Herr Patkul mehr für dem König von Pohlen, und für sich selbst, als für seinem Herren den Czaren portiret wäre; haben also alle seine Mouvements und Discoursen fleiszig observiret, und wan sie etwas ambigues darin finden können, es dem Czaarn gleich vermeldet; als das Er einmahl einem gewiszen Sächsischen Officier, der Ihm gefraget, wie Er doch mit so barbarischen Leuthen zurecht kommen konte? zur Antwort gegeben, Acht Tausend Ducaten Jährliche pension wären keine Narrenposzen, wan man gleich sich mit Narren schleppen müste, Item das Er sich vernehmen laszen, Er wäre in Ruszland gewesen, gedachte aber nicht wieder dahin zu kommen, Ferner dasz Er eine Sächsische Frau nehmen, und vom Kayser den Graffen Titul annehmen wollen, und dergleichen mehr: also dasz des Sehl. Mannes Credit bey dem Czaarn, wan Er gleich gelebet, nicht so grosz mehr würde gewesen sein, weiln man schon persvadiret war, Er hette den Krieg zwar gerathen, wäre ihm aber schon müde, und liesze sich deszwegen mehr angelegen seyn, wie Er selbst als wie der Czaar daraus kömmen könte. Weszhalben dan auch seine Sache nachgehends nimmer mit Ernst bey dem Könige Augusto getrieben worden, sondern es hat der Czaar von der Zeit an selbst angefangen, das Ende von dem Kriege zu wünschen, wegen der groszen Last desselben, die Er wohl sahe, dasz sie Ihn allein auf dem Halse liegen würde, so dasz Er, nach dem Kurtz darauf erfolgten alt Ranstädischem Frieden angefangen, von seinem vorigen principio abzugehen, und sich vernehmen laszen, Er wäre zu frieden, wan Er nur mit einem Schein von Reputation denselbigen endigen und etwan Petersburg von seinem Feinde für Geld erhandelen konte. Aber damahls wolten die Schweden zu des Czaaren Glücke von dieser proposition nichtes wiszen, also das beyde, der König von Franckreich und der König von Preuszen sich umbsonst, wiewohl ein jeder â part darin bearbeiten, bisz endlich Gott der Schweden Hochmuth gestürtzet, und der Czaar anjetzo Hoffnung haben kan, den Krieg zu seinem und seiner hohen Aliirten vergnügen zu schlieszen; Da dan sein Absehen, so viel Ich den damahligen Zustand der Sachen nach erachten können, dahin gehet: das die Niepre und die Düne die Gräntzen seines Reichs gegen Pohlen, der Peipus aber sampt der Narva und Nive gegen Schweden sein mögen, an welche Ströhme oder Gewäszer, von Kiof an bis Narva und Petersburg Er nochmahls gedencket, den meisten Theil seiner Armée zu verlegen, und also

eine fortificirte linie gegen Pohlen und Schweden als seine Nachbahren zu Unterhalten.

Liefland gedencket vielleicht der Czaar dem Hertzog von Curland abzutreten und solcher Gestalt auf gewisze conditiones mit Pohlen zu Incorporiren, damit es wegen seiner sonst eigenen innerlichen Schwäche nicht von Schweden wieder möge emportiret werden, ehe Jemand dahin zu hülffe eilen könne. Zwar sind wohl viele in den Gedancken, dasz es dem Czaaren selbst am besten anstehen dürffte, weiln Er das Absehen hat, anf der Ost See einiges dominium mit zu pretendiren. Aber dieses wäre erstlich wieder die tractaten mit dem Könige von Pohlen und der Confoederirten Republique darin expresse enthalten, das der Czaar nicht praetendire Liefland für sich zu conqveriren, auch ist zu versicherung deszen darin schon Stipuliret worden, Derpt, so damahls eben erobert war, auf Begehren an die Republiq Pohlen abzutreten.

Fürs andere würde sich der gantze Liefländische Adel dadurch sehr betrogen, und in noch schlimmeren Zustand, als unter Schweden befinden, in dem die Russen von keinen priviligirten Unterthanen etwas wiszen wollen, wie es die Ukraine bezeiget, und drittens, so würde die Religion sehr darunter leiden, wie es das Exempel von Narva beweiset, da man die Kirchen den Griechen eingegeben, und die Lutheraner aufs Rathhausz gewiesen, ihren Gottes Dienst zu halten, da sich auch die wenige alte Einwohner, die noch daselbst verhanden, bisz diese Stunde versamlen müszen; Wiewohl dasz es auch nicht zu leuchnen, das die Gelegenheit und facilitaet eine Sache zu mainteniren, auch hierin wie in vielen anderen dingen, eine veränderung des Willens veranlaszen kan.

Careelen und Finnland, sollen Ew: Königl: Maj^{t}: Friedens Conditiones verbeszern, und solcher gestalt alles zur Richtigkeit nach den Inhalt der Alliancen bringen helffen. Wie aber Ihre Königl: Majst: von Pohlen sich endlich mit dem Czaaren vergleichen werden, ist fast am schwerestcn abzusehen, dan zu der Souverainite in Pohlen wird der Czaar nimmermehr contribuiren, wie Ich selbst aus seinem Munde mehr als einmahl gehöret habe, dasz man es Ihm zur Thorheit rechnen würde, wan Er es thäte, in dem Er sich solcher gestalt einen Mächtigen Nachbahren zur Seiten setzen würde, anstaat das Er anjetzo deszen Kräffte und Absehen allemahl mit $\frac{m}{100}$ Rubels moderiren könte. Auszer diesem aber wird der König von Pohlen wohl wenig Satisfaction für seine grosze Unkosten haben können, es wäre dan das die Succesion für seine rechtmäszige Leibes Erben als künftige Könige von Pohlen, sein Vergnügen sein könte, dazu aber auch noch ohne amplectirung der Catholischen Religion von denselben nicht zu gelangen. Dan zur Bezahlung der groszen Rechnungen und pretensionen, die der jtzige

Envoyé Vitzthumb zwar mit gebracht, aber bis dato, dem vernehmen nach, noch nicht übergeben dürffen, wird sich der Czaar schwerlich verstehen, weiln sie mehr auff wieder Erstattung des Schadens, so bey diesem Kriege in Pohlen und Litthauen sambt unbilligen Auflagen in selbigen Landen, wie auch der verpflegung der $\frac{m}{10}$ Moscowiter, die zuletzt bey Frauenstadt geschlagen worden, als auf den klaren Buchstaben der Allianceu beruhen, und deswegen fast zu besorgen, das da ohne dem die Pohlen des Krieges so müde sind, als jemahls eine Nation sein kan, Sie sich leicht darin en faueur des Czaarn erklären dürfften, wan es nun sicher wäre, das sie dadurch zur Ruhe kommen und der Moscowiter endlöszet sein könten.

Wan aber doch endlich der Schlusz in allem gefunden worden, so das der Czaar den König von Pohlen wegen obiger pretensionen und die Republique wegen der Örther Witepsko, Sklof und Orsa an der Niepre vergnügete, oder seine Gräntzen an der Seiten etwas zurück gezogen, weiln es vielfältige Gelegenheit hat auf seinen eigenen Boden, an seiner Seite, nahe an der Niepre Festungen bauen zu können, so wolte auch der Czaar noch gerne die Unkosten des Krieges bezahlet haben; weshalben Er sich dan auch wohl vernehmen laszen, dasz Er alsdann gewillet wäre, den Krieg mit Persien anzufangen, umb von selbigen Reiche, die Provintz Keilan so an dem Caspischen Meere gelegen, und von dem Persischen Reiche durch das grosze Gebirge separiret ist, wegzunehmen, welches dem Ansehen nach sehr leicht geschehen könte, in dem der Czaar seine Armêe unvermercket auf der Wolga nach Astrachan schicken, und von dar an die passagen der Persianischen Gebirge rücken laszen kan, umb alle Gegenwehr, die Er ohne dehm von den Persianern nicht sonderlich vermuthet, zu verhindern, und sich also von dieser provintz in possession zu setzen, ehe man einmahl die rechte Nachricht von diesem Kriege in Europa erhalten kan. Wodurch Er alle Unkosten dieses Krieges reichlich gewinnen würde, in dem das selbe Land an bloszer Seide Jährlich $\frac{m}{3}$ ballen ausgiebet, davon jeder Ball bisz 800 Rdhl^{r} in Amsterdam verkauffet wird, ohne was Öhl, Wein, Toback, und andere Wahren austragen, davon man den Gewinn wenigstens auf ein drittel von der vorigen Summe mit zu nehmen kan. Womit dan auch der Czaar, wie es von Ihn selbst vernommen, alle seine Ambition in dieser Welt borniret, sagende: dasz wie solches eine Sache sey, die, wan es Gottes wille, in wenig Jahren geschehen könte, so wolte Er alsdann die übrige Zeit des Lebens zur innerlichen Einrichtung seines Reiches anwenden, und weiter an keinen Offensiven Krieg gedencken.

Ew. Königl. Mayts. Holies Interesse.

Was nun bey sothaner Situation der Sachen, und denen Absichten des Czaren Ewrer Königl: Mayestet Holies Interesse betrifft, wegen der genauen alliance und Offensiven Krieg in welchem man anjetzo gemeinschafftlich

begriffen, davon werden Ew: Königl: Mayst: dero Hocherleuchtetem Verstande nach, aus obigem selbst den besten Schlusz machen können, und masze mir also nicht zu, davon einige Vorstellung zu thun. Nur das Ich dieses in aller Unterthänigkeit erwehne, dasz weiln die beharliche Freundschafft bey der Hohen Posteritaet, zur Erhaltung deszen, was durch diese Armatur wird können vindiciret werden, auch sonder Zweiffel ein Augenmerck mit seyn mus, und es den Schweden an Wohlgesinneten in Ruszland nicht fehlet, ob sie sich gleich anjetzo nicht äuszern dürffen, als da sind eine gute Anzahl der frömbden Officir und Kaufleuthe, Item die Ruszen so durch den Handel mit Ihnen bekand sind, welche wegen Ihres Eigennutzes nicht ermangelen werden, sich dahin zu bearbeiten, dasz das Band der Freundschafft zwischen Ew: Königl: May^{stet}: und dem Czaarn möge unterbrochen werden: So mögte es wohl dienlich seyn die Wohlgesinnete in Ruszland mit allem Fleisz zu Conserviren, und weiln dieselbe bey einigen Officirern und zwar unter der Generalitaet bey dem Gen: Halaerd, Gen: Lieut: Nostitzen[11], Gen: Lieut: Osten[12] schon naturel ist, also auch unter den Kaufleuthen, nach dem Absterben des Sehl. Commertz Raths Isebrands[13] und Commissaire Roszenbusch[14], selbige stellen durch solche Persohnen wieder zu ersetzen, die bey dem Czaaren und seinen Bojaren gleichen Zutritt wie die vorigen hetten, umb die Handelung von Ewer Königl: Mayestatt Unterthanen zu vermehren und die Inclination unter den Czaarischen Ministris bey zu behalten: Wozu aber wie zu allem, was in Ruszland soll negotiiret werden, einiger Vorschub von Gelde gehöret, mit welchem auch ein ordinairer Mann daselbst viele sonst unmögliche Dinge ausrichten kan, da sonst auch dem Klügesten gantz leichte Sachen unmöglich werden.

Womit wie alles und Jedes Kürtzlich in Allerunterthänigkeit vermeldet, was Ich an den Czaar: Hoffe in denen vier Jahren, die ich daselbst, nach Ew: Königl: Maj^{stet}: allergnädigsten befehl. als dero Envojé Extraordinaire zur Stelle gewesen, observiren können, als haben sothanen bericht hiemit aus Treuer Devotion, demüthigst offeriren, und meine Wenigkeit Ew: Königl: Majst: beharlichen hohen hulde und Gnade empfehlen wollen, der Ich bisz in mein Grab verharre.

Copenhagen den 31 X$^{b.}$ 1710.

Ewer Königlichen Maystet
Allerunterthanigster, pflichtschuldig-
ster und gehorsamster Knecht
Georg Grund.

ANMERKUNGEN.

1) (Seite 1, 6) Grund's Vorgänger als dänischer Gesandter in Moskau Paul Heins war den 7. Juli 1705 gestorben.

2) (S. 2, 7). Im J. 1699 war eine offensive und defensive Allianz zwischen Russland und Dänemark geschlossen worden, Dänemark wurde indessen schon 1700 im Frieden in Travendal von den Schweden gezwungen, alle Feindseligkeiten einzustellen. Erst im J. 1709 wurde das Bündniss zwischen Dänemark und Russland factisch erneuert.

3) (S. 2, 19). Hauptsächlich war es nur ein freundlicher und brüderlicher Gruss und ein Glückwunsch zu einer guten Campagne. Fals der Tsar aber fragte, ob Grund keine Ordre hätte, inbetreff der Eutin'schen Sache etwas zu vermelden, von der Ambassadeur Ismailow in Kopenhagen geschrieben hätte, dass Grund darüber instruiret werden sollte, konnte dieser nicht anders antworten, als dass ihm bis dato Nichts darüber zu Händen gekommen wäre (Grund: Orig. Relation vom 6. Nov. 1705 im Königl Dänischen Reichsarchiv).

4) (S. 2, 40). Hauptsächlich die seit alter Zeit dänischen Provinzen Schonen, Halland, Blekingen, welche Dänemark im Kriege gegen Schweden im J. 1658 verloren hatte.

5) (S. 8, 24). Es handelte sich um die Frage, ob der dänische Prinz Karl, ein Bruder des Königs Friedrich des IV-ten, oder Christian August von Holstein-Gottorp dem am 2. Oct. 1705 verstorbenen Bischof von Eutin August Friedrich succediren solle. Die Streitigkeiten darüber veranlassten den Czaren und den König von Polen Dänemark wieder einen neuen Vorschlag zu machen (Cf. A. Höjer: König Friedrichs des Vierten glorwürdigstes Leben. Tondern 1829, I, p. 112).

6) (S. 9, 5). Den 6. März 1706. Cf. A. Höjer: König Friedrichs des Vierten glorwürdigstes Leben, I, p. 114.

7) (S. 9, 25). Der dänische Diplomat Thomas Balthazar von Jessen (geb. 1698, gest. 1731) war seit December 1703 Minister am polnischen Hofe. Cf. C. F. Bricka: Dansk biogr. Lex.

8) (S. 10, 22). Der Commandeur (später Viceadmiral) Just Juel wurde schon im Monat April 1709 beauftragt, als Envoyé extraordinaire nach Russland zu reisen, aber erst im Monat November konnte er in Narva landen. Seine Tagebuchsaufzeichnungen über seinen Aufenthalt in Russland 1709—1711 sind 1893 in Kopenhagen im Druck erschienen, herausgegeben von Gerhard L. Grove (cf. Vorwort).

9) (S. 10, 25). Dieselbe Audienz ist auch in des erwähnten Juel's Tagebuch beschrieben.

10) (S. 46, 35). Durch mehrere der hier genannten Namen wird die Liste der von dem im J. 1890 verstorbenen Admiral Wesselago angeführten Flottoffiziere (Общій морской Списокъ Ч. I. С.-Пет. 1885) hie und da vervollständigt. Aus diesem «Spisok», einem der vorzüglichsten Hülfsmittel zur Geschichte der russischen Flotte, ergiebt es sich zur Genüge, wie sehr man sich bei deren Erbauung anfangs der Hülfe ausländischer Seeleute bedienen musste. Es verdient

aber hervorgehoben zu werden, dass eine nicht geringe Anzahl von ihnen ihrer Abstammung nach dem damaligen dänisch-norwegischen Staate angehörten, obgleich sie, weil sie in Holland zum Eintritt in russische Dienste geworben waren, zu den Söhnen dieses Seestaats gerechnet wurden. Allein von den hier genannten Seeofficieren ist erstens der berühmte Admiral Cornelius Cruys in Stawanger in Norwegen geboren (cf. «G. L. Grove: Nogle Oplysninger om Admiral Cruijs's Herkomst» in der Dän. Zeitschrift für Seewesen 1899, p. 71 ff.). Peter Sievers, welcher nach dem Tode Peters des Grossen zum Admiral erhoben wurde, war nicht nur der Sohn eines im dänischen Dienste stehenden Flottoffiziers, sondern diente anfangs auch selbst als Offizier in der dänischen Flotte. Von den übrigen oben genannten Offizieren waren mindestens Joh. Hess, Erasmus Harboe, Thomas Tran (s. Tónnes Trane), Peter Meyer, Thomas Bok, wie wahrscheinlich noch J. H. Roos, Joh. Hanssen, Zacharias Wittstock, Heinrich Copenhagen, Peter Klinck etc. Dänen oder Norweger.

11) (S. 53, 16). Friedrich Hartwich von Nostiz war bis 1707 Oberst im Dänischen Dienst gewesen. Cf. C. F. Bricka.

12) (S. 53, 16). Christian Georg von Osten war dänischer Generalmajor, ehe er 1709 nach Russland ging. Cf. C. F. Bricka.

13) (S. 53, 17). Isbrandt Ydes, welcher den Handelstractat mit China abgeschlossen hatte

14) (S. 53, 18). Der aus der Geschichte Peters des Grossen bekannte dänische Resident in Moskau Henrik Butenant de Rosenbusk war im J. 1701 gestorben.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
MÉMOIRES
DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.
VIIIe SÉRIE.
ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. Томъ IV. № 8.
CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE. Tome IV. № 8.

ÜBER

EINE VON DEN UNBEKANNTEN

LITERATURSPRACHEN MITTELASIENS.

Von

Prof. Dr. E. Leumann

in Strassburg i. E.

Mit 2 Tafeln.

(Der Akademie vorgelegt am 16/28. Februar 1900).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopoff à Odessa,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цѣна: 60 коп. — Prix: 1 Mrk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ ***Н.** Дубровинъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Ueber eine von den unbekannten Literatursprachen Mittelasiens.

[Der nachfolgende Aufsatz ist die Erweiterung einer im November 1898 gedruckten Studie, welche für die Abhandlungen der Göttinger Gesellschaft der Wiss. (Phil.-hist. Kl. N. F. Band II, 8) bestimmt war, aber nicht zur Veröffentlichung gelangte. Man wusste damals noch bloss von dem ersten der beiden hier zur Besprechung gelangenden Blätter. Erst als ich die letzte Correktur der genannten Studie an Sergius von Oldenburg gesandt hatte, erfuhr ich von ihm, dass vor einiger Zeit noch ein zweites Blatt in St. Petersburg eingetroffen sei. Beide Blätter erhielt ich dann im April 1899 nach Strassburg geliehen, worauf ich zunächst im October am Orientalisten-Congress in Rom über den nunmehrigen Stand der Untersuchung referirte und alsdann im December dem Aufsatz die nachfolgende Form gab. — Nachträglich (im Februar 1900) hat mir Hoernle einige Facsimile's zukommen lassen, die mich auf Seite 10 f. den Schlussabschnitt von Fussnote 12 und die Fussnoten 13 und 14 beizufügen veranlassten].

Aus der westlich von Tibet gelegenen Gegend von Kashgar sind im Lauf der letzten acht Jahre eine grosse Anzahl von meist ungemein verwahrlosten Handschriften nach Calcutta und St. Petersburg gekommen, wo sie in Rudolf Hoernle und in Sergius von Oldenburg hervorragend tüchtige Bearbeiter gefunden haben. Besonders der Erstgenannte hat sich der überraschenden Funde, da sie ihm reichlicher zuflossen, mit einer ganz aussergewöhnlichen Hingebung, die uns zu grösstem Danke verpflichtet, angenommen. Einige Handschriften gleicher Art hat der berühmte Reisende Sven Hedin vor ein paar Jahren in Chotan und in der Umgebung dieser Stadt erworben. Proben daraus sind photographirt in seinem grossen Werk «Durch Asiens Wüsten» Band II p. 53 und dabeistehende Tafel. Die meisten von all diesen Funden scheinen aus buddhistischen Klöstern zu stammen, die ungefähr vom vierten Jahrhundert an gegründet wurden und nach mehreren Jahrhunderten wieder verfielen. Es handelt sich also um Literatur-Reste, die grösstentheils weit über tausend Jahre alt sind.

Es sind da eine Reihe von neuen Alphabeten zu Tage getreten, von denen einige aus Indien stammen und desshalb bald gelesen werden

konnten, während die anderen noch der Entzifferung harren. Unter den Alphabeten indischer Herkunft kann man zwei Gruppen unterscheiden: solche, die wirklich indisch sind — sei es nun, dass die betreffenden Handschriften aus Indien importirt oder von indischen Schreibern in Kashgar geschrieben wurden — und solche, die indo-kashgarisch genannt werden mögen, indem darin die indische Schrift sozusagen kashgarisirt worden ist[1]).

Die indo-kashgarischen Fragmente enthalten grösstentheils wie die indischen verschieden grosse Stücke und Spuren von buddhistischen Sanskrit-Werken; bloss einige sind in nicht-indischen Sprachen abgefasst, die alle noch unbekannt zu sein scheinen. Welches darunter die eigentliche Landessprache, also die Sprache von Kashgar sei, ist natürlich unsicher. Indessen wollen wir der Kürze halber diejenige so heissen, welche wir, um einen Anfang zu machen, für die gegenwärtige Studie herausgegriffen haben. Nur ein einziges auf zwei Blättern erhaltenes Textstück kann vorläufig unserer Sprache mit Sicherheit zugewiesen werden. Wir beabsichtigen, im Folgenden eine Transcription desselben sammt den nöthigen Erörterungen und einem Index der Worte und Worttheile vorzulegen. Damit soll erstens den Gelehrten, welche mit den zur Zeit bekannten Sprachen Mittelasiens vertraut sind, Gelegenheit geboten werden, eine allfällige Verwandtschaft zwischen unserm Idiom und jenen Sprachen nachzuweisen. Zweitens aber soll unsere Transcription, da sich bei der Besprechung derselben herausstellen wird, dass das Textstück die kashgarische Uebersetzung der Strophen 64ᵇ—77ᵈ eines buddhistischen Sanskrit-Gedichtes darstellt, die Kenner der buddhistischen Literatur in Stand setzen, entweder jenes Sanskrit-Gedicht oder wenigstens eine tibetische oder eine chinesische Uebersetzung davon nachzuweisen. Drittens hoffen wir, die aufgezeigte Möglichkeit, dass ein ganz neues Literaturgebiet für die buddhistische und die mittelasiatische Philologie erobert werden könnte, werde Europäer, welche die Gegend von Kashgar bewohnen oder bereisen, veranlassen, sowohl nach weitern Blättern der gleichen Handschrift wie überhaupt nach Handschriften derselben Art zu fahnden. Eine Transcription des ersten der beiden Blätter hat schon Hoernle veröffentlicht. Doch gibt derselbe nur Silbe um Silbe wieder, ohne Zusammengehöriges zu vereinigen; auch ist es uns möglich, in mehreren Punkten, besonders in der

---

1) Für «indisch» setzt Hoernle «Northern Indian Gupta» oder «North Western Gupta» oder «Indian Gupta», wobei Gupta auch gelegentlich durch «Brāhmī» oder «Nāgarī» ersetzt oder einfach weggelassen wird.

Für «indo-kashgarisch» setzt Hoernle «Central Asian Brāhmī» oder «Central Asian Nāgarī» oder kurzweg «Central Asian». Der Symmetrie wegen erwartet man hier auch das Synonym «Central Asian Gupta»!

Bestimmung des Metrums und der für die Ermittlung des Sanskrit-Originals vor Allem wichtigen Lehnworte, Genaueres zu bieten, ausserdem aber durch Mitbehandlung des zweiten Blattes der Untersuchung eine umfassendere Grundlage zu geben.

Die besagten zwei Blätter gehören zu der reichen Sammlung von Alterthümern, die Petrovski, der aus dem obengenannten Reisewerk Sven Hedin's rühmlich bekannte russische Consul in Kashgar, nach St. Petersburg geschickt hat. Beide Blätter sind mit 6+6 Zeilen, deren Enden verloren sind, beschrieben. Eine Photographie des ersten Blattes — das zweite traf erst viel später in St. Petersburg ein—schickte im Herbst 1892 Sergius von Oldenburg mit einigen einleitenden Bemerkungen[2]) als Congress-Gabe nach London, wo es Bühler und besonders mich lebhaft beschäftigte. Zunächst war es indessen nicht lesbar, da noch keine im gleichen Alphabet geschriebene Sanskrit-Texte bekannt geworden waren. Doch zeigte mir bald eine genaue Durchsicht, dass einige Gruppen von Zeichen, die nicht zu verkennen waren, Sanskrit-Worte ergaben; am wichtigsten unter diesen war das Wort *brāhmaṇa*, das mich zu Wahrnehmungen führte, die ich damals in folgenden Worten zu Papier brachte.

Wir gehen aus von dem Worte *brāhmaṇa* und constatiren, dass das Zeichen *ṇa* auf dem ganzen Blatte nicht mehr vorkommt. Dieses Zeichen begegnet also offenbar (ähnlich wie *ç* in *Façon* u. s. w.) in jenem Worte bloss deshalb, weil es Lehnwort in einem fremdsprachigen (kashgarischen) Zusammenhang ist. Nun erscheinen aber noch die beiden andern Schreibungen *brāhma..a bram.a* mit einem hier durch einen Punkt wiedergegebenen uns zunächst unbekannten Zeichen, das im ersten Falle doppelt steht. Die Wahrnehmung, dass auch *br* und *hm* auf unserem Blatte nicht weiter auftreten, gibt uns einige Sicherheit anzunehmen, dass diese Lautverbindungen dem Kashgarischen ebenfalls fremd sind, jene beiden Schreibungen also zwei mehr oder weniger kashgarisirte Umbildungen von Sanskrit-Worten darstellen werden. Ist dies angesichts der Aehnlichkeit des unverändert übernommenen *brāhmaṇa* zugegeben, so kann der Doppelconsonant nur *ññ* sein, und damit wäre der Lautwert eines häufig erscheinenden Zeichens gewonnen. Die Form *brāhmañña* repräsentirt wohl das Sanskrit-Wort *brāhmaṇya* «Brahmanenwürde», während *bramña* eine kashgarische Kürzung für *brāhmaṇa* sein könnte.

2) Separatabzug aus vol. VII der Abhandl. der orient. Abtheilung der K. russischen archäol. Gesellschaft 1892 (Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго Общества VII. 1893, S. 81—82)

Die Scheidung zwischen indischen und kashgarischen Lauten an der Hand des Wortes *brāhmaṇa* weiter verfolgend bemerken wir, dass *h* auf dem Blatte sonst nur noch in *mahākaru* vorkommt, wesshalb dies offenbar auch ein Lehnwort ist, dem in der That im Sskr. das Wort *mahākara* als Bezeichnung eines Buddha entspricht. Sonach ergibt sich, dass das Kashgarische ausser dem *ṇ* auch kein *h* besitzt. Auch ist klar, dass das Wort *brāhmaṇa*, wenn es im Kashgarischen in allgemeineren Gebrauch kam, sein *h* fallen lassen und den lingualen Nasal in den palatalen umwandeln, also der Aussprache *bramña* nahekommen musste. Befremdlich ist nur, dass die Schluss-Silbe *ña* mit der folgenden Silbe (*kte*) zusammenzugehören scheint, weil dieses Silbenpaar (*ñakte*) häufig vorkommt, ohne dass *bram* vorausginge. Man wird also vielleicht eher *bram* (nicht *bramña*) als ein Lehnwort ansehen müssen, das dann dem Nominativ *Brahmā* «Gott Brahman» entsprechen müsste.

Einen viel wichtigeren Beitrag zum Verständniss des Zeichengewirrs lieferte mir die Beobachtung, dass in regelmässigen Abständen ein Interpunktionszeichen wiederkehre. Hierüber schrieb ich damals Folgendes nieder.

Unser Interpunktionszeichen ist ein horizontal in die Mitte der Zeile gesetztes Komma, das je vom nächsten Komma in den Zeilen 6, 7 und 9—12 durch 13 Silben getrennt ist. Wenn daneben die Zeile 4 ein Intervall von 14 Silben bietet, so ist offenbar entweder eine Vocalverschleifung oder eine ähnliche Anomalie anzunehmen. Unerklärt dagegen bleibt einstweilen, warum das Trennungszeichen an manchen Stellen fehlt, wo man es ebenfalls erwarten sollte. Ist es in diesen Fällen vergessen oder besteht unser Text aus einem Gemisch von Prosa und Versen?

Zur Beantwortung dieser Frage suchen wir auf Grund des dreizehnsilbigen Interpunktionsintervalls die Anzahl der an den Zeilenenden fehlenden Silben zu bestimmen. Man sieht bald, dass auch in den vollständigst erhaltenen Zeilen 4—8 (abgesehen davon, dass an den Rändern manche Zeichen nicht mehr genau erkannt werden können) noch je fünf Silben gänzlich verloren gegangen sind. Berechnet man in entsprechender Weise die Verluste der übrigen Zeilen, so ergiebt sich bei Ausmessung aller Abstände das verblüffende Resultat, dass zwar in sechs Fällen die Rechnung stimmt, in den sechs andern aber (zwischen den Zeilen 2 und 3, 4 und 5, 6 und 7, 7 und 8, 9 und 10, 11 und 12) noch weitere fünf Silben zu fehlen scheinen! Glücklicherweise zeigt uns die Silbenabzählung gleichzeitig, dass

gewisse Zeichen, die uns schon immer befremdlich waren, Verszahlen sind.

Diese Ermittlung ergibt in der ersten Zeile ein gesichertes Intervall von 21 Silben, und es steht der Annahme nichts im Wege, ebensolche Intervalle auch in jenen sechs Zeilenübergängen, die sich vorhin nicht fügen wollten, zu vermuthen: sie boten ja eben statt 2×13 Silben fünf zu wenig, also deren 21.

Gleichzeitig löst sich nun die Schwierigkeit hinsichtlich der vermissten Interpunktionszeichen. Meistens handelt es sich dabei nämlich nicht um 13-, sondern um 21-silbige Intervalle. Nur an zwei Stellen (in Zeile 2 hinter *ñela* und in Zeile 8 hinter *śaitza*) bleibt der Mangel noch unerklärt.

Untersuchen wir nunmehr, in welchem Wechsel die 13- und 21-silbigen Verszeilen auftreten, so finden wir, dass sie fünfzeilige Strophen mit je 13+13+13+13+21 Silben bilden.

Die Feststellung hievon wiederum gestattet uns zu ermitteln, dass die im Bisherigen in Anlehnung an die dem Congress zugesandte Photographie angenommene Reihenfolge der beiden Seiten unrichtig ist. Wir haben die Zeilen 7—12 vor 1—6 zu setzen. Zufällig könnte sich zwar der Silbensumme nach an Zeile 6 auch Zeile 7 anschliessen; aber in diesem Falle würden wir anstatt der fünfzeiligen eine vierzeilige Strophe erhalten, während beim Anschluss von Zeile 1 an Zeile 12 Alles in Ordnung kommt.

Schliesslich lässt sich nach einer nähern Prüfung der Zahlzeichen, die jedenfalls auch aus Indien stammen, behaupten, dass auf unserm Blatt die Strophen 64^b—70^e des im Uebrigen vorläufig noch unbekannten Gedichtes erhalten sind.

Im Zusammenhang mit den vorstehenden Ermittlungen hatte ich natürlich eine Transcription, die indessen viele Lücken aufweisen musste, anzufertigen gesucht. Die so auf Grund der erwähnten Photographie erzielte Erkenntniss erfuhr dann bald eine Erweiterung von anderer Seite. Es waren mittlerweile in Calcutta und St. Petersburg Sanskrit-Texte gleicher Art angekommen. Diese ergaben mit Sicherheit den Lautwerth für alle im Sanskrit vorkommenden Zeichen; unsicher blieben bloss noch die dem Kashgarischen eigenthümlichen Zeichen. Sonach publicirte Hoernle bereits im Sommer 1893 auf Grund der bis dahin in Calcutta eingetroffenen Kashgar-Funde die schon erwähnte (an mehreren Stellen zu berichtigende) Transcription der auf dem einen Blatte stehenden Silben, wobei er gleichzeitig das Vorhandensein von ein paar sanskritischen Lehnworten constatirte sowie

über die Verszahlen und das Metrum einige nicht ganz zutreffende Bemerkungen machte[3]).

Ich vervollständigte meinerseits nun meine eigene Transcription des Blattes und versuchte sodann vor Allem, das im Original und bei Hoernle ungeschiedene Silben-Chaos, soweit dies möglich war, in einzelne Worte zu zerlegen und gleichzeitig die mehr oder weniger sicher zu ermittelnden Worte und Worttheile in einem alphabetischen Index zu vereinigen. Dieses Unternehmen wurde durch den Text selber ermöglicht auf Grund der folgenden vier Indicien:

erstens gibt sich Alles, was zweimal oder mehrmals wiederkehrt, als etwas irgendwie Zusammengehöriges kund; besonders mehrfache Wiederholungen verrathen uns fixe Sprachbestandtheile.

zweitens darf man ohne Weiteres annehmen, dass am Anfang jeder Verszeile ein Wort beginnt und am Ende einer solchen ein Wort schliesst. Dieses Indicium lässt in Verbindung mit dem vorhergehenden z. B. erkennen, dass *gāṅ* in 70^d ein Wort für sich bildet.

drittens sind zahlreichen Silben vocallose Consonanten angehängt. Die Fälle sind unten p. 15^{16}) verzeichnet. Wie in Sanskrit-Handschriften werden die vocallosen Consonanten im Allgemeinen das Wortende bilden. Dass dies überall der Fall sei, zeigt die gleichzeitige Befragung der vorhergenannten beiden Indicien. Es ergibt sich hieraus z. B., dass *jaṭ* in 68^c ein selbständiges Wort darstellt.

viertens liegt da, wo auf eine vocalisch schliessende Silbe ein selbständiges Vocalzeichen folgt, offenbar eine Wortscheide vor, da wir um so weniger Grund haben einen Hiatus innerhalb eines Wortes vorauszusetzen, als die Annahme eines solchen in den meisten Fällen durch die bereits aufgeführten Indicien direct ausgeschlossen wird. Es sind also z. B. die letzten sechs Silben in 69^d und 70^d je in zwei dreisilbige Complexe, diese selbst übrigens wohl noch weiter zu zerlegen.

Meine Transcribirungs- und Zerlegungs-Bemühungen wurden dann erst wieder entschieden gefördert, als sie sich auf das zweite Blatt, dessen

3) Das Ganze bildet einen Anhang (p. 39 f.) zu Hoernle's Arbeit über die «Weber-Manuscripts» (vgl. die folgende Fussnote). Hoernle sieht — nur dies Eine sei hier erwähnt — in der Versziffer 60 vielmehr das Zeichen für 70. Da ich von meiner eigenen Auffassung aus palaeographischen Erwägungen nicht abgehen zu können glaubte, so erkundigte ich mich bei S. v. Oldenburg (dem ich im Juni 1893 den ungedruckten Aufsatz, der oben verwerthet ist, mittheilte) darnach, ob nicht ein anderes Fragment mit gleicher Schrift die Zahlzeichen für 60 und 70 enthielte. Mein Freund antwortete unter dem 13. Juli 1893: In your guess about 60, which Hoernle read 70, you are quite right. I have in a fragment the figures for 50, 60 and 70 on the same leaf, so there can be no doubt that 70 is and 60 simply .

Die vorstehende Auskunft wird jetzt durch das zweite Blatt, welches die Zahlen 71—74 und 76 bietet, durchaus bestätigt.

Vorhandensein mir Sergius v. Oldenburg im Januar 1899 mittheilte, erstrecken konnten. Ein besonderer Gewinn stellte sich da ein, als es mir auf Grund der gemachten Zusammenstellungen und Schlussfolgerungen gelang, zu den vier genannten Indicien noch ein fünftes hinzuzufinden. Es zeigte sich nämlich

fünftens, dass die Verszeilen in bestimmte Silbengruppen zerfallen, deren jede mit einem Wort beginnen und schliessen muss. Die 13-silbige Zeile ist gebaut nach dem Schema:

– ⊥ – ⊥ – | ⊥ – ⊥ – ⊥ – ⊥ – |

die 21-silbige Zeile nach dem Schema:

⊥ – ⊥ – | ⊥ – ⊥ – | ⊥ – ⊥ – | ⊥ – ⊥ – | – ⊥ – ⊥ – ‖

Unter Anderm folgt aus dieser Thatsache, dass das 14-silbige Intervall, von dem oben p. 4 die Rede war, dadurch in ein 13-silbiges verwandelt werden muss, dass man *nervān-ṣai* statt *nervānä-ṣṣai* liest; d. h. *nervān-ṣai* ist offenbar eine metrisch erlaubte Kürzung, an deren Stelle der Schreiber die Normalform *nervānä-ṣṣai* eingesetzt hat.

Da nun übrigens Hoernle und v. Oldenburg von 1893 an auch die sonstigen Funde aus der Gegend von Kashgar genau beschrieben und grossentheils durch Photographien und Transcriptionen der Forschung zugänglich gemacht haben[4]), so können wir ungefähr erkennen, welche Rolle nunmehr unserm Fragment innerhalb der ganzen Materialien zufällt. Dasselbe ist, wie sich zeigt, vielleicht immer noch einzig in seiner Art. Jedenfalls sind nur wenige andere Fragmente vorhanden, die ebenfalls in einem indo-kashgarischen Alphabet einen nicht-indischen Text bieten, und es scheinen darin, nach den bisher veröffentlichten Proben zu schliessen, zwei besondere Sprachen, die von der unsrigen verschieden sind, vorzuliegen. Uebereinstimmen wird — wenn wir von zwei unbedeutenden und vermuthlich belanglosen Fragmenten[5]) absehen — höchstens das Idiom eines Fragmentes[6]), das aus 25 halberhaltenen ursprünglich mit je 12×20 Silben

---

4) Hoernle, The Bower-Manuscript, Part I 1893.
Part II Fasc. I 1894, Fasc. II 1895.
Part III—VII 1897.
Part VIII (Introduction and Indexes) steht noch aus.
Hoernle, The Weber-Manuscripts, Journal As. Soc. Bengal LXII 1—40. 1893.
Hoernle, Three further Collections of Ancient Manuscripts from Central Asia, Journal As. Soc. Bengal LXVI 213—260. 1897.
v. Oldenburg, Fragmente von kashgarischen Sanskrit-Handschriften aus der Petrovskischen Sammlung, 21 Seiten (russisch) in vol. VIII der genannten Abhandl. der russ. archäol. Gesellschaft. 1893.

5) Godfrey-MS. III (ein Blatt mit 10×10 erhaltenen Silben) und IV (ein Blatt mit etwa 30 Silben). — Hoernle's dritte Arbeit p. 228 und 233 f.

6) Weber-MS. IX. — Hoernle's zweite Arbeit p. 7 f. und 34—39.

beschriebenen Blättern besteht. Wenn auch der Umfang dieses Fragmentes ein sehr beträchtlicher ist, so dürfte doch der stark mit sanskritischen Pflanzennamen durchsetzte Inhalt — offenbar liegt eine wesentlich aus Listen und Notizen bestehende Medicamentenlehre vor — zu grammatischen und syntactischen Ermittlungen nur wenig Gelegenheit geben; dagegen ist allerdings z. B. möglich, dass darin verschiedene Zahlwörter häufig wiederkehren, was für die Auffindung einer sprachlichen Verwandtschaft natürlich sehr willkommen wäre. Sicher von unserer Sprache zu trennen ist diejenige, in welcher das Godfrey-Manuscript VII [mit 3 vollständigen und 5 unvollständigen Blättern nebst 51 Blattstücken][7]) geschrieben ist. An einige Worte der ebengenannten Handschrift erinnert ein Wort, das im Godfrey-Manuscript VIII neben chinesischen Zeichen vorkommt[8]).

Nunmehr zu unserer auf p. 16 und 17 folgenden **Transcription der beiden Blätter** übergehend bemerken wir, dass dieselbe erstens das Metrum und die Silbenzahl und zweitens die Worte und kleineren Sprachelemente möglichst deutlich erkennen lassen möchte. Damit dem ersten Zweck Genüge geleistet sei, ist jede Verszeile für sich gestellt und jede fehlende Silbe durch drei Punkte sowie jeder fehlende Laut durch einen Punkt wiedergegeben worden. Der zweite Zweck erforderte, dass die fertigen Worte und Ausdrücke ganz getrennt und die sich zu einer Einheit ergänzenden Sprach-Bestandtheile durch Bindestriche geschieden wurden. Eine Begründung der einzelnen Zerlegungen wird man dem an die Transcription sich anschliessenden Index und den diesem beigegebenen Bemerkungen entnehmen können.

Was die Umschreibung der einzelnen Zeichen betrifft, so kennt man zunächst natürlich nur von denjenigen den Lautwerth, die auch in ähnlich geschriebenen Sanskrit-Texten vorkommen, und selbst unter ihnen gibt es einige (wie *t* und *n*, *ṣ* und *p*, *ś* und *g*), welche Verwechslun-

---

7) Hoernle's dritte Arbeit p. 229 f. und 234—236.

8) l. c. p. 230 und 236[25]. — Wie mir Dr. Tokiwai mittheilt, sind die chinesischen Zeichen wie folgt zu übersetzen.

Erste Columne: Die Sklaven (oder «Barbaren») haben dargebracht neuen Tribut [und] Proviant-*Magazine*[1]) ein

Zweite Columne: hundert [und] zwanzig [und] sechs . . .[2]) gross (oder «sehr»)[3]) *Figur* (oder «*bilden*») . . .[2])

Dritte Columne: . . . .[4]) *Vortrefflichkeit* [und] Festigkeit[5]).

---

1) Das Zeichen kommt nur in Ortsnamen vor; es mag verwechselt sein mit einem Zeichen, welches «Magazin» bedeutet.—Die unsichern Wörter setzen wir in Cursivdruck, die des Zusammenhangs wegen zu ergänzenden in eckige Klammern. 2) Hier ist ein unklares Zeichen. 3) Dieses Zeichen vertritt die Stelle eines andern, das durchgestrichen ist. 4) Hier stehen drei unklare Zeichen. 5) Die beiden Substantiva bezeichnen zusammen «Gedeihen» oder «Gesundheit».

gen zulassen, solange der Inhalt, der die Entscheidung geben würde, unbekannt ist. Ueberdies sind gerade von jenen Sanskrit-Texten bisher nur kleine Specimina, in denen begreiflicherweise die seltenen Buchstaben grösstentheils fehlen, auf photographischem Wege veröffentlicht worden; so hat man denn immer noch bloss an den paar Orten, wo die betreffenden Handschriften aufbewahrt werden, Gelegenheit zu ermitteln, wie in unserer indo-kashgarischen Schriftart die Vocale *ū ṛ ai o au* und gewisse Consonanten aussehen[9]). Unter den specifisch-kashgarischen Zeichen bemerkt man zunächst einen Vocal, der durch zwei verkleinerte *e*-Haken, die über dem Consonantenzeichen schweben, bezeichnet wird. Graphisch kann man ihn sonach für eine Modification des ungeschriebenen Silbenvocals *a* oder des mit zwei unverkleinerten *e*-Haken geschriebenen Diphthongs *ai* halten. Wir umschreiben ihn möglichst in Anlehnung an die Originalschrift mit ä, um so mehr, als der Lautwerth unserm *ä* nicht unähnlich sein wird, da der mittlere Vocal des sanskritischen Lehnwortes *mañjiṣṭhā* sowohl durch jenes *ä* wie durch *a* ersetzt wird[10]). Ungefähr zweimal so oft wie die beiden freischwebenden Bestandtheile des *ä* kommt ein solcher Bestandtheil einzeln vor, im Ganzen etwa 50 mal. Es handelt sich dabei, da mehrfach gleichzeitig ein besonderes Vocalzeichen erscheint, um eine allgemeine Vocal-Modification und zwar offenbar um die im Sanskrit ebenso bezeichnete **Nasalirung**. Wenn in *eṅku* einmal das *e* und in *taṅ* einmal das *a* in der angegebenen Weise modificirt wird, so dürfte dies eine Art Dittographie sein, weil der Nasal *ṅ* die Nasalirung des vorausgehenden Vocals bereits implicirt. Wir geben die beschriebene Vocal-Modification wiederum in Anlehnung an die Originalschrift durch einen übergesetzten Punkt wieder. Hinsichtlich der im Sanskrit fehlenden Consonanten sei bemerkt, dass die Ligatur *ts*, da sie auch verdoppelt wird, einen einfachen Laut bezeichnen muss, also am besten mit unserm ʒ umschrieben wird. Die mit *kh th dh* transcribirten Zeichen weichen von den entsprechenden Sanskrit-Zeichen ziemlich ab und bezeichnen desshalb vermuthlich nicht genau die gleichen Laute; es werden eher z. B. die entsprechenden **Reibelaute** (χ þ ð) gemeint sein. Dass das Kashgarische eigentliche Aspiraten wie das Sanskrit habe, ist schon desshalb nicht wahrscheinlich, weil ihm, wie p. 4, 1—7 gezeigt wurde, das *h* fehlt. In Pflanzennamen, die dem Sanskrit entlehnt sind[11]), verwandelt *ka* (zuweilen auch *ga*) im Wort-

9) Das Zeichen für *ai* kommt immerhin in unserm Fragment vielleicht vor; über dem am Anfang von 74ᵉ stehenden *e* scheint nämlich die Spur eines *e*-Hakens, der aus dem *e* ein *ai* machen würde, sichtbar zu sein.

10) Vgl. Hoernle's zweite Arbeit p. 5 und 37 f. — Für *mañjiṣṭha* findet man im Pāli sowohl *mañjeṭṭha* als *mañjaṭṭha*, letzteres in Hardy's Ausgabe von Dhammapāla's Commentar zum Vimānavatthu (Pāli Text Society 1901) p. 373ᵃ.

11) Vgl. Hoernle l. c. p. 37 f.

schluss stets, sonst aber nie, das *k* (resp. *g*) in den obigen Laut *kh* (χ); auch *da* wird in gleicher Stellung zu *dha* (ϑa), während dagegen *dh*, offenbar weil ihm das kashgarische *dh* (ϑ) nicht genau entspricht, öfter durch *t* oder *d* wiedergegeben wird. Etwas verschieden von den drei in Rede stehenden Zeichen sind einige andere, die wir versuchsweise ebenso, aber in Cursivdruck, umschreiben [12]. Den Cursivdruck nehmen wir in unserer Transcription ferner noch in ähnlichem Sinne zu Hülfe, um ein viermal (in 68^{d}, 72^{c}, 76^{ab}) erscheinendes Zeichen wiederzugeben, das wie eine um das Anfangsstück gekürzte Variante des Zeichens für ña aussieht; man beachte also, dass ñ den palatalen Nasal, dagegen *ñ* einen vermuthlich ähnlichen Laut bezeichnet. Die Wahrnehmung, dass in unserm Document *ñ*u als Zeichen für 9 fungirt, wird vielleicht einmal dazu verhelfen, den Lautcharakter von *ñ* genauer zu bestimmen [13]. Etwas unsicher ist der Lautwerth eines nur in 74^{a} vorkommenden Zeichens, das identisch ist mit dem obern Theil des für die Zahl 6 ge-

---

12) Wir unterscheiden also die folgenden beiden Gruppen von graphisch verwandten aber der Bedeutung nach möglicherweise verschiedenen Zeichen:

kha 64^{ce}. 65^{ae}. 66^{abbdde} &c.	*kha* 69^{a}.71^{ab}.73^{ce}.74^{e}.75^{e}.76^{ce}.
khā 64^{b}. 65^{c}. [76^{bde}.77^{d}.	*khā* 67^{e}.73^{b}.75^{a}.76^{ae}. *khā* 69^{e}.70^{b}.
tha 69^{b} (*dha*?). 69^{e}.70^{bb}.71^{e}.72^{ab}.73^{c}.75^{d}.	
dha 64^{d}.66^{e}.69de.71^{abe}.72^{e}.74^{bd}.77^{b}.	*dha* 65^{e}.72^{bc}.

Weil kha oben abgerundet oder eckig sein kann, so sollte man denken, dass auch *dha* einfach eine eckige Variante zu dha ist. Allein die oben eckige Form von kha findet sich bloss in Ligaturen (wo sie graphisch besonders motivirt ist), während *dha* genau wie dha nur isolirt vorkommt.

Wie man sieht, liegen eine Form für khā und zwei Formen für *khā* vor. Eine zweite Form für khā ( ) mit einem säulenförmigen ā-Strich, der auch sonst vorkommt, zeigt sich je am Anfang von zwei noch nicht veröffentlichten Blättern, die mir Hoernle freundlichst facsimilirt hat. Hier muss, wie ich bald erkannte, khā beidemal den Lautwerth o haben (es liegt das Sanskrit-Wort *om* vor)! Infolge dieser überraschenden Wahrnehmung tritt die Möglichkeit an uns heran, auch in unserm Fragment khā oder *khā* oder beides zugleich als o aufzufassen. Man gewahrt aber gleich, dass höchstens *khā*, und auch dieses kaum an allen Stellen, sich durch o ersetzen lässt; nur in 76^{e} würden wir eine Lesung (om-tañ) gewinnen, die sich stützen liesse (durch tañ-om in 76^{b}).

13) Wie ich nachträglich sehe, wäre es wohl genauer, den fraglichen Laut mit *l* statt *ñ* wiederzugeben. Zwar ist das beschriebene Zeichen, so sehr es sich mit dem Zeichen für ña berührt, ganz verschieden von dem für la; allein der Laut kommt — wiederum stehen mir durch Hoernle's Güte Fascimile's zu Gebote — im Weber-MS. Part IX (Hoernle's zweite Arbeit p. 34—39) mehrfach an Stelle von indischem l vor. Hoernle glaubte in dem Zeichen ein u zu erkennen, was nicht angeht; statt tṛphau &c. lese man bei ihm tṛpha*l* & tṛph ā*l* (= Sanskrit *tṛphala*, genauer *triphala*), pippā*l* (= Sanskrit *pippala*), nilutpā*l* (= Sanskrit *nīlôtpala*), suksme*l* (= Sanskrit *sūkṣmaila*). Es ist hier, wie man bemerken wird, stets der Wortschluss, der das indische l im Kashgarischen zu dem bewussten Laut werden lässt. Da in gleicher Stellung k zu χ wird, so dürfte auch *l* eine Reibelaut-Modification des l darstellen.

Wenn ich trotz dieser nunmehrigen Erkenntniss in der Transcription und im Index *ñ* nicht durch *l* ersetze, so geschieht dies, weil aus den Bemerkungen zum Index hervorgehen wird, dass der in Rede stehende Laut in gewissen kashgarischen Worten mit n und ñ zu alterniren scheint.

brauchten Zeichens, wesshalb wir es, weil die indische Ziffern-Reihe an der entsprechenden Stelle *pha* schreibt, mit *pha* wiedergeben; sollte diese Transcription das Richtige treffen, so würde natürlich wie bei den bereits genannten Aspiraten genau genommen wohl der entsprechende Reibelaut (*f*) gemeint sein[14]).

Das den Schluss einer der Verszeilen a bis d anzeigende Komma umschreiben wir mit einem europäischen Komma, und am Schluss der Verszeile e, der im Original bloss durch die Versziffer kenntlich gemacht ist, setzen wir nach indischer Weise zwei Verticalstriche. Das Komma fehlt am Ende der Verszeilen 65ª, 68ᶜ, 72ª, 73ᵇ. Da die ersten drei Male eine Verszeile folgt, in der statt des fünfsilbigen Eingangs wohl ein viersilbiger abgetrennt werden muss, so frägt es sich, ob und wie Beides mit einander zusammenhängt. Wir vermögen noch keine Antwort zu geben. Auch das bleibt vorläufig dunkel, warum 76ᵉ aus 20 statt aus 21 Silben besteht. Hingegen hat sich die umgekehrte Anomalie, dass 69ᵈ vierzehn statt dreizehn Silben enthält, oben p. 7 vollständig aufgeklärt.

Um die indischen Lehnworte, die unser Textstück bergen mag, zu ermitteln, haben wir einfach die oben p. 3 und 4 über *brāhmaṇa* etc. angestellten Erörterungen planmässig weiterzuführen. Einerseits handelt es sich darum, zu bestimmen, welche unter den vorhandenen Lauten und Lautverbindungen als unkashgarisch zu bezeichnen sind, also auf das Vorhandensein von Lehnworten hindeuten. Andrerseits muss man im Auge behalten, dass gewisse Lehnworte dem kashgarischen Lautbestand angepasst sein oder auch ohne Veränderung wie ächt-kashgarische Worte aussehen mögen. Unsere auf das erste Blatt gegründete Schlussfolgerung, dass der kashgarischen Sprache das h abgehe, wird durch das zweite Blatt durchaus bestätigt. Wir finden da den Laut höchstens in 71ª, wo man, weil auf dem Blattrand thatsächlich bloss noch die rechte Hälfte des Zeichens für *ha* vorhanden ist, anstatt dessen auch *h* mit einem übergeschriebenen Vocal oder *ṇ* mit *a* oder einem übergeschriebenen Vocal vermuthen kann. Ist *ha* gemeint, so entspricht das damit beginnende Wort dem Sanskrit-Nominativ *Hanumān*, was der Name des im Rāmāyaṇa und sonst vielgepriesenen Affenfürsten ist. Es sei aber beigefügt, dass statt *nu* auch *tu* gelesen werden kann, so dass

---

14) Dass das fragliche Zeichen in der That *pha* zu lesen ist, zeigen nachträglich die in der vorigen Note erwähnten Facsimile's. Das Wort tṛphā*l* bietet da die für *pha* eigentlich erwartete Buchstabenform (mit dem rechts an *pa* angefügten Zusatz). In tṛpha*l* liegt eine den graphischen Zusammenhang mit *pa* bereits aufgebende, nämlich links abgerundete, aber immerhin noch geöffnete, Abart des Zeichens *pha* vor. Unsere Handschrift endlich entfernt sich einen weitern Schritt von der Normalform, indem sie die linke Seite des Zeichens nicht bloss abrundet, sondern schliesst, sodass dieselbe das gleiche Aussehen bekommt wie die rechte Seite. Wir haben also: in tṛphā*l* in tṛpha*l*, in 74ª und in der Verszahl 76.

auch das Lehnwort *hetu* «Ursache» vorliegen mag. In den erwähnten Erörterungen wurden wir darauf geführt, dem Kashgarischen auch den Laut ṇ abzusprechen. Wir finden nun aber auf dem zweiten Blatt (in 71[a]) einmal *maṇḍālmė*, was wir, da mehrere kashgarische Worte auf *lme* endigen, nur zögernd mit dem Sanskrit-Wort *maṇḍala(m)* 'Kreis, magischer Kreis, Erdkreis' zusammenzubringen wagen. Wir thun dies bloss, weil auch die übrigen vier Laute der Lingual-Reihe (ṭ ṭh ḍ ḍh) dem Kashgarischen zu fehlen scheinen, indem *jaṭ* in 68[c] offenbar das Sanskrit-Wort *jaṭā* «die den brahmanischen Asketen charakterisirende Haarflechte» wiedergibt. Das Kashgarische besitzt ferner, wie es scheint, keine Medien. Alle Worte, in denen solche erscheinen, sind entweder zweifellos oder wahrscheinlich Lehnworte. Ueber *jaṭ bram. brāhmaññai brāhmaṇė maṇḍālmė* ist schon gesprochen; *bhṛṅgār* und *vājr* sind offenbar die Sanskrit-Worte *bhṛṅgāra* «der (zu den königlichen Insignien gehörende) goldene Wasserkrug» und *vajra* «der Diamant»; in *gāṅ* und *sāgari* dürften die Sanskrit-Worte *gaṅgā* «der Ganges» und *sāgara* «das Meer» zu erkennen sein. Als einziges eine Media enthaltendes Wort, dem wir kein Sanskrit-Aequivalent zur Seite setzen können, bleibt *khājṛ*; möglicherweise ist dies nicht dem Sanskrit, sondern einer andern jener Sprachen, die in Kashgar zusammentrafen, entnommen. Dem kashgarischen Alphabet mag schliesslich auch der Laut v gefehlt haben. Wir finden ihn bloss an vier Stellen, einmal in dem vorhingenannten *vājr*, zweimal in *nervān*, was höchst wahrscheinlich für «Nirvāṇa» steht, und einmal in 71[a] in einer Verbindung, über die wir keine Vermuthung wagen wollen. Auffallend selten ist im Kashgarischen der Vocal *i*, während dagegen der Vocal *e*, den wir uns wohl, wie auch *o*, meist als kurz zu denken haben[15]), durchaus vorherrscht. Hierauf begründen wir die Annahme, dass in dem vorhingenannten *nervān* das *e* an Stelle eines *i* getreten sei; es wäre dies eine Kashgarisirungs-Erscheinung, wie in dem gleichen Worte die Ersetzung des *ṇ* durch *n*. Was ferner die Lautverbindungen betrifft, so sei hier bloss die Thatsache hervorgehoben, dass die in indogermanischen Sprachen so beliebte Consonantengruppe «Muta cum Liquida» dem Kashgarischen trotz seines auffallenden Consonanten-Reichthums ziemlich ungewohnt ist. Die Worte *sāstrė* und *āstrė* sprechen nicht eigentlich dagegen, da sie metri causa für

15) Ausgenommen natürlich
- erstens da, wo *e* resp. *o* für *ai* resp. *au* stehen; vgl. *ona* unten p. 25, 11.
- zweitens da, wo *e* resp. *o* aus dem Sanskrit übernommen sind; vgl. *khemacitrė* oben im Verlauf.
- drittens da, wo *e* resp. *o* in Befolgung einer sanskritischen Sandhi-Regel(!) aus *a*+*i* resp. aus *a*+*u* entstanden und dann von uns mit *ê* resp. *ô* umschrieben sind. Ein sicheres *ô* liegt vor in 73[c], wo *nma* und *upāy*, vermuthlich metri causa, zu *nmôpāy* zusammengezogen sind.

sastarė und *astarė* (cf. *astaryai*) zu stehen scheinen. Wir werden also *kleśa* unbedenklich für den buddhistischen Terminus *kleśa* «Sünde» halten, vielleicht auch in *khemacitrė* einen indischen Eigennamen *Hemacitra* oder *Khemacitra* (für *Kṣemacitra*), der allerdings weder in der einen noch in der andern Schreibweise belegt ist, und in *prayoka* das Sanskrit-Wort *prayoga* «Gebrauch, Praxis» vermuthen dürfen. Wo der Lautbestand ebensowohl kashgarisch wie sanskritisch sein kann, wird man nur zögernd Lehnworte suchen; doch darf man in *sāsār* gewiss das bekannte Sanskrit-Wort «Saṃsāra», möglicherweise auch in *upāy kalpa kuś* die Sanskrit-Worte *upāya* «Mittel», *kalpa* «Weltperiode», *kuśa* «eine bekannte Gras-Art» oder «Name eines Jātaka-Helden» erkennen. Unter denjenigen Lehnworten schliesslich, welche sich den kashgarischen Lautverhältnissen angepasst haben, werden höchstens solche zu ermitteln sein, bei denen die Anpassung keine vollständige ist. So durften wir oben p. 3 f. und im Vorigen *bram*, *brāhmaññai* und *nervān*, zweifelnd auch *prayoka* und *khemacitrė* als Lehnworte auffassen, weil da Laute und Lautverbindungen, die im Kashgarischen entweder unmöglich oder unbeliebt sind, theils durch die nächststehenden kashgarischen Aequivalente ersetzt, theils aber beibehalten zu sein scheinen. Vollständig kashgarisirte Lehnworte könnten etwa *akāś*, *nermit* und *pūc* sein, wenn sie für *ākāśa* «Raum, Aether», *nirmita* «erschaffen» und *pūjā* «Ehrung» stehen.

Da *gāṅ* und *sāgari*, in denen wir oben die indischen Bezeichnungen für den Ganges und das Meer zu erkennen glaubten, in unserm Textstück neben einander stehen, so handelt es sich an der Stelle offenbar um einen jener in indischen Gedichten nicht seltenen Sätze, die zugleich vom Ganges und vom Meer sprechen. Man mag darum die beiden Entlehnungen ansehen als einen Beweis für die ohnehin wahrscheinliche Thatsache, dass das Werk, dem unser Fragment angehört, nicht ein Original-Gedicht, sondern die Uebersetzung eines nordbuddhistischen Sanskrit-Textes ist. Wir dürfen weiter annehmen, dass diese Uebersetzung, wie dies bei den tibetischen Uebersetzungen von Sanskrit-Werken der Fall ist, dem Original Vers für Vers entspricht, dass man also, um jenes Originals und damit des Schlüssels zum Verständniss unserer kashgarischen Sprache habhaft zu werden, vor Allem die Strophen 64^b—77^d der verschiedensten Gedichte der nordbuddhistischen Sanskrit-Literatur daraufhin nachzusehen hat, ob sie an den erforderlichen Stellen unsere Lehnworte enthalten. Wir stellen hier für diejenigen Gelehrten, welche, sei es in Cambridge oder in Paris, sei es in Calcutta oder in Nepal, entsprechende Nachforschungen nach dem postulirten Original anzustellen geneigt sein sollten, die Fremdworte in der Reihenfolge, wie sie in unserm kashgarischen Textstück begegnen, zusammen, wobei wir die weniger gesicherten in Klammern setzen. Das sei noch

vorausgeschickt, dass das Original jedenfalls entsprechend dem Umfang der kashgarischen Strophen ein Versmaass von besonderer Länge, also z. B. das Śārdūlavikrīḍita- oder das Sragdharā-Metrum bieten wird. Auch Tibetanisten nehmen sich vielleicht der Sache an und untersuchen die mit den genannten Ziffern belegten Strophen von solchen tibetischen Gedichten, deren Sanskrit-Original nicht mehr erhalten ist.

64^{c} Mahākara.
65^{d} kleśa. 65^{e} Hemacitra.
66^{a} vajra. 66^{d} brāhmaṇya.
67^{d} nirvāṇa.
68^{c} jaṭā. 68^{e} bhṛṅgāra.
69^{a} (pūjā) Brahman. 69^{c} (nirmita). 69^{d} nirvāṇa. 69^{e} brāhmaṇa.
70^{c} sāgara. 70^{d} Gaṅgā.
71^{a} (Hanumant & maṇḍala). 71^{b} Brahman. 71^{d} kalpa.
72^{a} (kuśa). 72^{b} kleśa. 72^{c} upāya.
73^{c} upāya.
74^{e} (ākāśa).
75^{e} prayoga.
76^{e} (ākāśa) saṃsāra.
77^{b} (ākāśa).

Da nun nicht bloss aus sprachlichen und palaeographischen Gründen, sondern auch wegen der Verwischtheit mancher Zeichen, unsere Transcription an vielen Stellen unsicher sein muss, so kann sie nicht etwa als völliger Ersatz für das Original, sondern nur als Wegweiser zur Benutzung desselben gelten. Um diese Benutzung zu ermöglichen, führen wir dem Leser eine photographische Wiedergabe der beiden Blätter auf zwei Tafeln vor, und zwar in der Weise, dass auf der ersten Tafel die Verszeilen des ersten Blattes in Uebereinstimmung mit unserer Transcription untereinander gestellt sind, während auf der zweiten Tafel das zweite Blatt einfach in seiner natürlichen Gestalt zu sehen ist. Unsere Wiedergabe des ersten Blattes, welche die Vergleichung desselben mit der Transcription ausserordentlich erleichtert, kam zu Stande, indem aus der von Sergius von Oldenburg publicirten Photographie des Blattes die einzelnen Verszeilen ausgeschnitten und der Transcription gemäss geordnet wurden, um von Neuem photographirt zu werden. Obschon es erwünscht gewesen wäre, das gleiche Verfahren auch beim zweiten Blatt einzuschlagen, so haben wir doch darauf verzichtet, damit diejenigen Leser, welche S. von Oldenburg's mehrfach erwähnte Photographie nicht zur Hand haben, der zweiten Tafel entnehmen können, wie ein Blatt in Wahrheit aussieht.

Im Einzelnen sei zur Transcription bloss noch erwähnt, dass die vierte Silbe in 67^{b} vielleicht nicht *skkha* sondern *sakkh* lautet, indem *kkh* durch den an vielen Stellen[16]) deutlich vorhandenen Verbindungsstrich als vocallos an das Zeichen *sa* angehängt sein könnte.

Der hinterher folgende **Index** sowohl wie die sich daran anschliessenden **Bemerkungen** sind nach dem Sanskrit-Alphabet geordnet, wobei die specifisch-kashgarischen Laute (ä, *kh* etc.) hinter den nächstverwandten indischen Lauten (a, kh etc.) an die Reihe kommen; ʒ ist natürlich da untergebracht, wo ts stehen müsste. Verwandte Bildungen (wie z. B. die auf *ăsta* und *sko*) sind zuweilen unter dem ersten Beispiel vereinigt. Einige Eintragungen (wie *mo* und *lme*) sind nur als charakteristische Silben, nicht als besondere Worte oder Suffixe zu verstehen.

---

16) In 67^{e} ñiś, 68^{c} jaṭ, 69^{a} nā*kh*, 70^{b} nàtth & śkàtth, 71^{e} lmètth, 72^{a} lmètth, 72^{b} ntätth, 74^{b} dbarc, 74^{d} dharc, 75^{a} tañ, 75^{b} tañ, 76^{a} tañ, 76^{d} śmotth, 77^{b} tañ, 77^{d} matth & yärm.

Enthält die Silbe den Vocal *u*, so fehlt der Verbindungsstrich, weil er da überflüssig wäre. Das einzige Beispiel ist *kuś* in 72^{a}.

Transcription.

64b s . a . ai ʒñenta-ṣṣe eṅku-khājṛ akauta-cce,
c mahākarū-ṣe khaipe peñya-cce pespītu,
d dharyā ykne yme-tʒe śmo-ña-ṣṣe . . . . . . na nāmo,
e . . . . p. yainust mauṣ-ña tkhalñe-ṣṣe pi sumer-tʒe mrācne ||

65a poyśiññe-ṣṣe-tkhe ylai-ñäktene styalʒe śai-tʒa
b lkā ṣṣeñcānai śai . . . preścya-ṣṣe . . . .
c . . . . sya-ṣṣė āstrė ñakte-tʒa khakhārpau,
d kleśa-nma-ṣṣėcė lātnasūrėʒ po-näk ṣeñcai,
e *dha*lsko-ṣṣe cau khemacitrė ś . . . . e-ṣṣeñcai . ai . . . . nmausa ||

66a ñäk cyėyc tkhėʒa yainu vājr-ėṅku ṣarnene,
b ylai-ñäktñe kheṣ-sa karpāsta khro-cce telkīne,
c krėt pelaikne . . . . yṣasta,
d khismai klyaun-kasta brāhmaññai kher-ʒyai po-śaiṣṣe,
e yādha ṣṣeñcai ilai-ñaktė po ylai-ñäkte-tʒ' āṣʒa pralyay parkhes . . . . ||

67a . . . . pelaikne-ṣṣana khro-ʒʒana,
b khär-pormėskkha-nma pälsko-ṣṣana tausnayāke,
c śai-ṣṣe-tʒe khättre ārskorṣė yā . . . .
d . . . . rś . rīne nervān-ṣai,
e *khā*rasta ñiś ykhārc laklene tñaknopkhāñm-ʒa yamśarāne po śaula nma-sa ||

68a āñmālāṣlñe-ṣṣė uṣpā . . . .
b . . . . pe-ṣṣe khas-ʒy āstre nausu peñya-cce,
c nkhä-tʒa-ññe jaṭ snai ykorñe-ṣṣa po kekʒeñela
d làṣ kasta-rya poyśiññe-ṣṣ' aurʒa *ñ*akʒauña-ṣ . .
e . . . . bhṛṅgār-eṅku śūke sāstrė ītemaittar-ṣṣe ||

69a pūc-ñäkte-ṣṣe-tkhe bram-ñäkte śpālmė snai menā*kh*,
b yainmu thaktauñe . . . .
c nermit yām-ṣeñcai khnolme nokt yakne sasta-rė,
d nervānä-ṣṣai-ke-tʒa śai-ṣṣe dharkaucai ėṣke-ʒʒe,
e tantha . . . . ai pelaikne . . . . dhsakhakoy . . *khā*spa brāhmaṇė ||

70a empre nma-ṣṣana . . . . . . nmaśtkhāra akṣāsta,
b klainātth śamaśkātth karsa ʒi . n . mc . *khā*r . ȧ . . .
c . . . . k . rutme pi . . . sāgari,
d gāṅ pelaikne-ṣṣai-kėʒa cärkāsta asta-ryai,
e po-pi-śaiṣṣe kalloyn' āṣʒi pelaikne-ṣṣai . . . ñai . . . . ||

71a hanumānaveśkau ñä*kh*dhaññ' āstrė maṇḍālmė,
b pākritakāsta bram-ñä*kh*dhaññana ersna-sa,
c yakne kakʒe . ʒ . . . . sta ne . . . .
d . . . . su kalpa taṅ cīne maiyyā-cce,
e ykhārckher-ʒyaineplyekhsiprerne...composdhäʒem-ʒacīnekhnolmėtth taṅkhrocce ||

72a khaiptār po khnolmėtth kuś . . . . nta
b *dha*lskontȧtth ymaitpoysomoyāmornta kleśa-nma,
c yketta preściyȧʒa*ñdha*ṣle-ṣṣana upāy-nta,
d ysomo . . . . alāltte,
e aññmālaṣke dhaṅkha-ññeñca kṛtanīke-tkheknestauspa pontȧʒ ṣañ śaumo ||

73a po pelaiknenta . . . .
b . . . rmekīta-ʒñe *khā*kottacmelȧʒ putkalñe
c p*kha*ntenmôpāynta khaiptārntha-ññenta ṣe-ʒñe-nta,
d yām khayāmtona ṣañ ṣañī . . . .
e . . . . p . e lykaśketre-kte po*kha*rsauca po klaun-ketʒa po traiprekenne ||

74a tūykne sanai śai po pelaikne-nta pharsāsta,
b palse . . . . sportodharc,
c snai skeyėka-tkhe po krentauna yneś yām-ṣeñca,
d rīta-lñe yarm-ka po nekhänkālʒñe sportodharc,
e etȧṅ-*kha*tte ka . . . . ʒ . ra ymīye akāśne ||

75a *khā*lypo-ʒʒene stai khättre yneśka tañ sportotṛ,
b śankaira lauke atʒaikispe tañ somonkñe,
c . . . . po tañolaṅtu,
d snai keś-ra-ta-pre atʒaikette tañthasketṛ,
e *kha*rsanalyė khäntarkhane snai prayoka sportotr. . . . . ||

76a . . . . . . *khā*rkmora khättre kaṅra tañ *ñ*akʒe-ʒʒe,
b sklok-sa yauṣ mauṣ-ra ṣe nkhätkā-*ñ*ttha-ññe tañomte,
c snaipʒa*kha*t krera n . . . . rṣke . . . .
d . . . . śmȯtth ceś trai śam-ñe-ṣṣe cämpam-ñe,
e *khā*m tañthankau pokarsa . ñā akāśe po sȧsār-ne ṣe ketaṅ-*kha*tte ||

77a tā . . . . . . ykalñe pelaikne . . . . ,
b prunkoytr'akāśe tañ krentauna sayke posdhȧ,
c ykāk tañ krentauna placyė snai yärm-keś-sai mkhästa,
d matth snai . . . . snai yärm s . . . .

Index der Worte und Worttheile.

-ke-tʒa und -kėʒa cf. klaun und -ṣṣai.
ke-tre cf. khättre.
-kñe 75[b].
kʒe cf. ke-kʒe und ñäkte.
kne 72[e]. cf. pelaikne yakne ykne.
krėt 66[c]. krentauna 74[c]. tañ-krentauna 77[bc]. kreran... 76[c].
kleśa-nma 72[b]. kleśa-nma-ṣṣėcė 65[d].
klaun-ke-tʒa 73[e]. klyaun-kasta 66[d].
khä cf. asta (letzte Zeile) etāṅ tkalñe.
khättre 67[c]. 75[c]. 76[a]. ke-tre 73[e].
khär-po 67[b]. cf. kher und khāra.
khāra 70[a]. khakhārpau (cf. khär-po) 65[c]. cf. ykhārc.
khis-mai 66[d]. kis-pe cf. atʒai. kheṣ-sa 66[b]. keś-sai cf. yarmka. keś-ra 75[d]. khes... 66[e]. khas 68[b]. khsi 71[e].
khemacitrė (= skt *Hemacitra*?) 65[e].
kher-ʒyai 66[d]. 71[e].
khaipe 64[c]. khaiptār 72[a]. 73[c].
khnolme 69[c]. khnolmėtth 71[e]. 72[a].
khro-cce 66[b]. 71[e]. khro-ʒʒana 67[a].
*kha*t 76[c]. *kha*tte cf. etāṅ. *kha*nte 73[c].
*kha*rsana 75[e]. *kha*rsau 73[e]. cf. karsa.
gāṅ (= skt *gaṅgā* «Ganges»?) 70[d].
cīne cf. taṅ. telkīne 66[b]. rīne 67[d].—kıta-ʒñe 73[b]. rıta-lñe 74[d]. ıte 68[e].
-cce 64[b]. 71[d]. cf. khro-cce peñya-cce.
cyė 66[a]. 77[c]. yė 74[c]. lyė 75[e].
jaṭ 68[c].
ñäk 66[a]. cf. po-näk.
ñäkte-ṣṣe-tkhe 69[a]. ñakte-tʒa 65[c]. *ñ*akʒe-ʒʒe (cf. thaktauñe) 76[a]. cf. bram und ylai.
ñä*kh*dhaññ' 71[a]. ñä*kh*dhaññana cf. bram und ylai-ñäktñe.
-ña-ṣṣe 64[d]. [68[d]].
-ñe 68[c]. 76[d]. -ñe-ṣṣe 76[d]. rñe-ṣṣa 68[c]. lñe-ṣṣė (cf. cīne tkalñe) 68[a]. cf. ʒñe und ylai-ñäktñe.
-ñca cf. ññeñca und ṣeñca.
-ññana cf. ñä*kh*dhaññana.
-ññe cf. ñä*kh*dhaññ' nthaññe po-yśiññe.
-ññeñca cf. etāṅ.
ta 64[b]. 71[b]. 72[e]. 75[d]. cf. cīne.
taṅ-cīne 71[d]. cīne...taṅ 71[e]. cf. etāṅ.
tañ 75[ab]. 76[a]. taño 75[c]. 76[b]. tañtha 75[d]. 76[e]. tantha 69[e]. cf. krėt.

te cf. *kha*tte cine (am Schluss) ñäk-te. — kte 73[e].
tkalñe 73[b]. tkhalñe-ṣṣe 64[e]. ykalñe 77[a]. nekhänkālʒñe (cf. nkhätkā) 74[d].
tkhe cf. ke-tkhe ñäkte po-yśiññe.
tkhėʒa 66[a].
-tta und -tte cf. yketta.
tʒa 1. tʒa cf. klaun ñäkte ylai-ñäkte-tʒ' śai-tʒa.
2. tʒa oder nʒa cf. nervānä nkhä. — cf. atʒai.
tʒe 1. tʒe 64[d]. ʒe (cf. kʒe) 65[a]. ʒʒe (cf. ñäkte) 69[d].
2. tʒe oder nʒe 64[e]. cf. śaiṣṣe-tʒe.
trai 73[e]. 76[d]. cf. ke-tre ske-tṛ sporto-tṛ.
ʒa 1. nach Consonanten 67[e]. 68[d]. cf. āṣ-ʒa ʒem-ʒa snaip-ʒa.
2. mit Nasalirung des vorhergehenden Vocals cf. tkhėʒa preścya ṣṣai-kėʒa.
ʒi 70[b]. ʒy 68[b]. cf. āṣ-ʒi kher-ʒyai.
ʒe cf. tʒe.
ʒem-ʒa 71[e].
ʒñe-nta-ṣṣe 64[b]. ṣe-ʒñe-nta 73[c]. cf. cine tkalñe.
-ʒʒana cf. khro. -ʒʒe cf. tʒe. -ʒʒene 75[a].
thaktauñe (*dha*kt°?) 69[b]. *ñ*akʒañña (dhakʒ°? cf. ñäkte) 68[d].
dhar 64[d]. 69[d]. dharc cf. sportotṛ. dha (für dhar?) 66[e]. dhaṅ cf. etāṅ.
*dha*lsko-ntātth 72[b]. *dha*lsko-ṣṣe 65[e]. pälsko-ṣṣana 67[b]. ārskorṣė 67[c].
...na 64[d]. -tona (= -tauna?) 73[d]. cf. krėt ññana ʒʒana ṣṣana sna.
nā*kh* 69[a].
nāmo 64[d].
ne 64[e]. 67[ee]. 71[ce]. r]ne 76[e]. rnene 66[a]. -rne...71[e]. cf. akāśe etāṅ cine tkalñe ʒʒana ylai-ñäktene.
nervān-ṣai 67[d]. nervānä-ṣṣai-ke-tʒa (vergl. oben p. 7 und unten p. 23) 69[d].
nokt 69[c].
nkhä-tkā-*ñ*ttha-ñne 76[b]. nkhä-tʒa-ñne (vergl. unten p. 24) 68[c]. cf. tkalñe.
nta 72[ab]. cf. upāy etāṅ ʒñe nthaññe pelaikne, — krentauna.
ntātth und ntāʒ cf. -ātth.
nthaññe-nta 73[c]. *ñ*tthaññe cf. nkhä.
nma 67[b]. 73[c]. nmaśt (cf. yainust) 70[a]. cf. kleśa.
nma-ṣṣana 70[a]. nma-ṣṣėcė cf. kleśa.
nma-sa 67[e]. nmau-sa 65[e].
pälsko cf. *dha*lsko.
pi 64[e]. 70[e]. pï 64[c]. cf. po-śaiṣṣe.
pūc (= skt *pūjā* «Ehrung»?) 69[a].
pe 64[c]. 68[b]. cf. khismai und khaipe. p' für pe cf. khaiptār und snaipʒa.
peñya-cce 64[c]. 68[b].
pelaikne...66[c]. 69[e]. 77[a]. pelaikne-ṣṣai...70[e]. po-pelaikne-ntā...73[a].

ṣañ 72[e]. 73[dd]. ṣña (ṣ-ña?) 64[e].

ṣe 76[be]. cf. ʒñe.

ṣeñca cf. yām. ṣeñcai (cf. yām) 65[d]. ṣṣeñcai 65[e]. 66[e]. ṣṣeñcānai 65[b]. cf. nma-ṣṣėcė.

ṣle-ṣṣana 72[c].

-ṣṣana cf. *dha*lsko nma pelaikne ṣle.

-ṣṣe 65[b]. 68[be]. cf. ñäkte ña-ṣṣe ñe tkalñe ʒñe *dha*lsko po-yśiññe śaiṣṣe, — mahākarū-ṣe.

-ṣṣė 65[c]. cf. ñe und kleśa. -ṣė cf. *dha*lsko.

ṣṣeñcānai ṣṣėcė ṣṣeñcai cf. ṣeñca.

-(ṣ)ṣai(-ketʒa) cf. nervān(ä).

-ṣṣai(-kėʒa) cf. pelaikne.

sa 71[b]. 76[b]. 77[b]. cf. karsa khismai nma-sa.

sȧsār (= skt *saṃsāra*) 76[e].

sana und sanai cf. sna.

sāgari (= skt *sāgara* «Meer»?) 70[c].

su 64[e]. 68[b]. 71[d].

sai (zu sa) cf. khismai.

somo cf. po-ysomo.

solme im Titel des *Nagarôpama vyākaraṇa*.

ske 74[c]. ske-tṛ 75[d].

sna 67[b]. 71[b]. snai 68[c]. 69[a]. 74[c]. 75de. 77[cdd]. snai-p-ʒa 76[c]. sana cf. *kha*rsana. sanai 74[a].

sportotṛ 75[a]. sportotr . . . 75[e]. sportodharc 74[bd].

hanumāna (vergl. oben p. 11 f.) 71[a].

Bemerkungen zum vorstehenden Index.

atʒai. Die Ligatur, welche wir mit *tʒ* wiedergeben, kommt im Ganzen elfmal vor: 64de. 65[ac]. 66[e]. 67[c]. 68[c]. 69[d]. 73[e]. 75[bd]. Der erste Schrägstrich ist verschieden lang. An sechs Stellen (64[e]. 67[c]. 68[e]. 69[d]. 75[bd]) ist die Länge eine solche, dass sie uns nöthigen würde, hier *nʒ* statt *tʒ* zu lesen, wenn gleichzeitig der Schrägstrich weniger geneigt wäre. Da diese zweite Bedingung nicht erfüllt ist, so ergibt sich höchstens die Möglichkeit, in jenen sechs Fällen *nʒ* einzusetzen. Man kann also beidemal *anʒai* statt *atʒai* lesen.
-ātth. Die verschiedenen Formen lassen eine an Vocale antretende und deren Nasalirung verlangende Endung *tth* oder *ʒ* erkennen. In *matth* scheint der Anusvāra nur vergessen zu sein. Da *tth* und *ʒ* (geschrieben *ts*) alterniren, so muss *th* ein dem *s* ähnlicher Laut sein, was die oben p. 9 versuchte Präcisirung des Lautwerths von *th* bestätigt.
asta-ryai. Hier liegt überall eine Endung *sta* vor, die fast stets an *ă*, nur einmal an *ä* antritt. Ein häufig an *asta* angehängter Appendix lautet *ryai*, *rya*, *rė*, *re*; vor dem letztern Formen-Paar wird *asta* gewöhnlich durch Ausfall und Ersatzdehnung zu *äst.*
āñm. In *ñm* liegt, wie sich unter *yneś* zeigen wird, nur eine graphische Variante der Lautverbindung *nm* vor, welche in *nma* und, mit einfachem *n* alternirend, in *yainmu* begegnet.
ketʒa und kėʒa. Da *n* und *t* ähnlich sind, so möchte man *kenʒa* statt *ketʒa* lesen und ersteres einfach für eine graphische Variante von *kėʒa* halten. Es könnte ja dieselbe Doppelheit der Schreibung wie in den Sanskrit-Handschriften möglich sein, wo stets der Anusvāra den vor einem Explosivlaut stehenden Nasal vertreten kann (ȧga = aṅga, ȧta = anta etc.). In 69[d] wird denn auch, weil da vor *ketʒa* dieselbe Silbe *ṣṣai* wie in 70[d] vor *kėʒa* steht, *kenʒa* gelesen werden müssen, was nach dem unter *atʒai* Gesagten angeht. Dagegen liegt kein Grund vor, *ketʒa* in 73[e] zu beanstanden.

Wir werden also durch die Thatsachen darauf geführt, ein einmaliges *ketʒa* und ein davon verschiedenes Wort, das einmal *kenʒa* und einmal *kėʒa* geschrieben ist, zu postuliren. Eine solche Scheidung würde, wenn es sich bloss um die drei Schreibungen handelte, recht wenig für sich haben. Allein die Zuziehung der übrigen Zusammensetzungen, in denen der Laut ʒ auftritt, zeigt, dass in der That zwei verschiedene Suffixe, die jenen Laut sammt einem nachfolgenden Vocal enthalten, vorliegen:

1. ein Suffix *ʒa*, das nach Vocalen *tʒa ʒʒa*(*na*) geschrieben wird und das mit *ʒe tʒe ʒʒe*(*ne*) verwandt oder identisch ist;
2. ein Suffix, das in voller Schreibung *nʒa* oder *nttha* lautet und in gekürzter Schreibung die Formen «Anusvāra + *ʒa*» oder «*ntha*» annimmt.

Das zweite Suffix unterscheidet sich von der unter *-ȧtth* besprochenen Endung bloss durch ein beigefügtes *a*. Sollte eine entsprechende Endung auch dem ersten Suffix zur Seite stehen, so müsste sie ebenfalls *tth* oder ʒ lauten, dürfte aber keinen Anusvāra vor sich haben. Eine erforderliche Bildung (*matth*) haben wir zwar unter *-ȧtth* kennen gelernt; aber da der Anusvāra darin zufällig fehlen kann, wird sie allein nicht genügen, um das Vorhandensein der geschilderten Endung zu erweisen.

Gleichermaassen unsicher ist es, ob auch das zweite Suffix, wie das erste, eine Parallelform mit *e* aufweist. Die Parallelform würde gegeben sein, wenn in 64[e] und 67[c] *-nʒe* statt *-tʒe* gelesen wird, was, wie wir unter *-ȧtth* sahen, möglich, aber nicht geboten ist.

Genau wie mit *ketʒa* in 69[d] steht es mit *nkhätʒa* in 68[e]. Weil in 76[b] bei gleicher Umgebung ñttha an Stelle von *tʒa* begegnet, werden wir statt der letztern Silbe *nʒa* zu lesen haben, was unsere Bemerkungen zu *atʒai* erlauben.

Die nach Alledem zum zweiten Suffix zu ziehenden Formen wären in folgender Weise tabellarisch zu ordnen.

Grundwort	Grundwort mit Suffix			
	volle Schreibungen		gekürzte Schreibungen	
ke	kenʒa		kėʒa	
tkhe			tkhėʒa	
preścya			preściyȧʒa	
nkhä	nkhä-nʒa			
nkhä-tkā		nkhä-tkā-ñttha		
khaiptār				khaiptār-ntha
				tantha, tañtha

Den beiden ʒ-Suffixen genau parallel stehen zwei *t*-Suffixe, die wir als drittes und viertes bezeichnen wollen.

3. ta tta te tte.
4. nta.

Auch hier ist die Scheidung mit einigen Schwierigkeiten verbunden, weil die Ligaturen *tta* und *tte* nicht sehr verschieden sind von *nta* und *nte*. Indessen glauben wir doch den betreffenden Artikeln des Index keine Erörterungen über verschiedene Lesungsmöglichkeiten folgen lassen zu müssen.

Das vierte Suffix erlaubt, wie oben unter *-àtth* ersichtlich ist, den Antritt der daselbst besprochenen Endung, was zusammen *ntàtth* oder *ntàʒ* ergibt. Wie die genannte Endung mit dem zweiten Suffix in Beziehung steht, so gibt es anscheinend auch eine dem vierten Suffix entsprechende Endung «Anusvāra + t»; vgl. im Index *krėt* und *lȧt*.

Alle vier genannten Suffixe haben anscheinend eine Weiterbildung neben sich, die den Vocal durch *auna auña auñe ona* ersetzt. Die spärlichen Beispiele — eines für das zweite Suffix fehlt — sind folgender Liste zu entnehmen.

Grundwort	mit Suffix 1	mit Suffix 3	mit Suffix 4
ñäk, näk	ñakʒe, ñakʒauña	ñakte, ñäkte	
kre			krėt, krentauna
yām		yāmtona	
		thaktauñe	

ñäk näk ñak ***ñak*** **ñä*kh*.** Dieses vielgestaltige Wort steht wohl in Zusammenhang einerseits mit nā*kh*, andrerseits mit nkhä und nekhä. Es könnte im einen Fall eine Dehnung, im andern eine vor Doppelconsonanz eintretende Umformung vorliegen. Auf den zweiten Zusammenhang wird man geführt durch die Zusammensetzungspaare:

ñä*kh*-dhañn' und nkhä-tʒañne (nkhä-nʒañne?),
ponäk-ṣeñcai » ponekhä[17])-nkālʒñe.

Gewöhnlich verbindet sich *ñäk* mit *te* zu *ñäkte*, und da dieses vor weiter antretendem *ne* den Schlussvocal abwerfen kann — wir finden sowohl *ñäktene* wie *ñäktñe* —, so wird auch *nokt* mit *ñäkte* in Beziehung stehen.

Was ferner die vorher vermuthete Umformung von *ñäk* betrifft, so beruht sie offenbar darauf, dass in zwei benachbarten Silben der eine Vocal zu Gunsten des andern zurücktritt; wir würden also von *nekhä* auszugehen haben, was, je nachdem sich der Accent auf der ersten oder zweiten Silbe festsetzt, zu *ñäkh* oder *nkhä* werden könnte. Dass dieser Hergang vorausgesetzt werden darf, ergibt sich daraus, dass andere Umformungen ähnlicher Art theils offenkundig vorkommen und theils vermuthet werden dürfen. Das übliche *ylai* verhält sich zu dem einmaligen *ilai* wie *nkhä* zu

17) Man kann allerdings auch pi nekhä lesen.

nekhä. Eine zweite Silbe wird zu Gunsten der ersten aufgegeben in *āst* aus *asta* (oben p. 23). Weitere Umformungen dürften in der nachfolgenden Liste, die alphabetisch geordnet ist, zu finden sein:

cme 73^{b}	cäm 76^{d}	com 71^{e}
trai etc.		(khaip)tār
uma, umau		nāmo
pra, pre	par 66^{e}	
mrā 64^{e}	mer 64^{e}	
ykne	yakne	
ymait etc.	yam	yām
śmo	śam	śaumo
śra 75^{d}	śar 67^{e}	
ṣña	ṣañ	
sna etc.	sana etc.	

Die Liste liesse sich leicht noch vergrössern. Hinter den Silben, die nicht in den Index aufgenommen sind, ist die entsprechende Versstelle angemerkt.

tkhe. Dieses Suffix ist offenbar lautgesetzlich aus tke (= te + ke) hervorgegangen. Wenn tkalñe und tkhalñe neben einander vorkommen, so scheint ersteres die etymologische und letzteres die lautgerechte Schreibweise zu sein.

pelaikne. Dieses Wort ist offenbar zusammengesetzt aus *pe* + *ylai* + *kne*. Wahrscheinlich weil man bei der Verbindung wegen ihrer Ueblichkeit nicht mehr an die einzelnen Theile dachte, schrieb man hier *lai* statt *ylai*, was, wie wir unter *yneś* sehen werden, angeht.

Wenn wir *nervān(ä)* mit Recht = «Nirvāṇa» setzen, so wird *pelaikne*, da es in 70^{d} dieselben Suffixe angehängt bekommt wie das erstgenannte Wort in 69^{d}, einen ähnlichen Begriff bezeichnen und auf alle Fälle ein Substantiv sein.

po. Dieses Wörtchen verbindet sich stets oder fast stets mit dem Folgenden. Oft wird die Verbindung so eng, dass *po* das Aussehen eines Präfixes annimmt. Auch die um das seltene Suffix *pi* verstärkte Nebenform *po-pi* lehnt sich an der einen Stelle, wo sie vorkommt, an das Folgende an. Nur in 72^{b} gehört *po* vielleicht zum Vorhergehenden; die Entscheidung hängt hiebei davon ab, wie man die oben p. 11, 12 f. aufgeworfene Frage beantworten wird.

mo. Wegen des hier und unter *solme* erwähnten *Nagarôpama vyākaraṇa* sei auf Hoernle's dritte Arbeit p. 242 f. verwiesen. Die daselbst ausgeschriebenen Seiten müssen in umgekehrter Reihenfolge gelesen werden. Der Zusammenhang ist folgender:

.... nyaṣīdat, niṣadya Bhagavāṃ bhikṣūn āmantrayati:

.... yenâhaṃ tenôpasaṃkrāntaḥ . . . Brahmā Sanatkumāro . . . idaṃ vaditvā Brahmā Sanatkumāraḥ triḥ pradakṣiṇī-kṛtvā tatraivântarhitaḥ. atha catvāro mahā-rājāno . . . yenâhaṃ tenôpasaṃkrāntāḥ . . . idaṃ vaditvā catvāro mahā-rājāno mama pādau śirasā vanditvā triḥ pradakṣiṇī-kṛtvā tatraivântarhitāḥ.

udgṛhṇata bhikṣavo *Nagarôpamaṃ vyākaraṇaṃ* dhārayata[18]) svadhyāyata paryavāpnuta manasi kuruta . . . *Nagarôpamaṃ vyākaraṇaṃ* . . . dhārayitavyaṃ udgrāhayitavyaṃ vācayitavyaṃ svadhyāyitavyaṃ . . . . .

|| Nagarôpama ārāmosolme . . . || [19])

evaṃ mayā śrutam. eka-samaye Bhagavāṃ viharati Jetavane Anāthapiṇḍad'-ārāme. atha khalu Māṇibhadraḥ mahāyakṣa-senāpatiḥ . . . .

yneś und ñiś. Dass die beiden Formen nur verschiedene Schreibungen für das gleiche Wort sind, vermuthen wir nicht bloss, weil *e*, wie schon oben p. 12 bemerkt, wohl meist kurz, also dem *i* ähnlich sein wird, sondern auch, weil *yn* und *ñ* den gleichen Laut wiederzugeben scheinen. Dass die verschiedensten Consonanten häufig in Verbindung mit *y* auftreten, fällt Jedem auf, der das Kashgarische genauer prüft. Sieht man ab von den betreffenden Ligaturen, so ist eigentlich der Consonanten-Reichthum ga rnicht so bedeutend, wie man auf den ersten Blick meint. Man darf daher vermuthen, dass es mit jenen überraschenden Verbindungen seine besondere Bewandtniss habe. Wie, wenn es gar keine Verbindungen, sondern einfache Consonanten besonderer Art wären? Die geschleifte (moullirte) Aussprache hätte veranlassen können, dass dem nächstverwandten Sanskrit-Zeichen noch ein *y* beigegeben wurde. Wo *ñ* geschrieben ist, wird schon desswegen nicht genau der entsprechende Sanskrit-Laut gemeint sein, weil, wie es sich z. B. auf der vorletzten Seite gezeigt hat, oft *n* an Stelle von *ñ* auftritt. Dass wir für das moullirte *n* nur ausnahmsweise *yn* geschrieben finden, würde sich leicht daraus erklären, dass *ñ* ein bequemerer Nothbehelf zur Wiedergabe des Lautes war, während man dagegen bei andern Consonanten nur die Wahl hatte, entweder die Moullirung gar nicht oder aber mit Hülfe des *y* anzudeuten. Dass wir mit unserer Auffassung auf dem richtigen Wege sind, zeigt schliesslich das Vorkommen der folgenden sich an *yneś* und *ñiś* anschliessenden Formen-Paare:

t-kalñe	und	ykalñe	ʒe	und	ʒyai
ke	»	yke	mait	»	ymait
kne	»	ykne	re	»	rya(i) oben p. 23
klaun	»	klyaun	lai	»	ylai oben p. 26
			somo	»	ysomo

18) Oder *vācayata*.

19) Halb-kashgarische Unterschrift. Es folgt ein neuer Text, der von Māṇibhadra handelt.

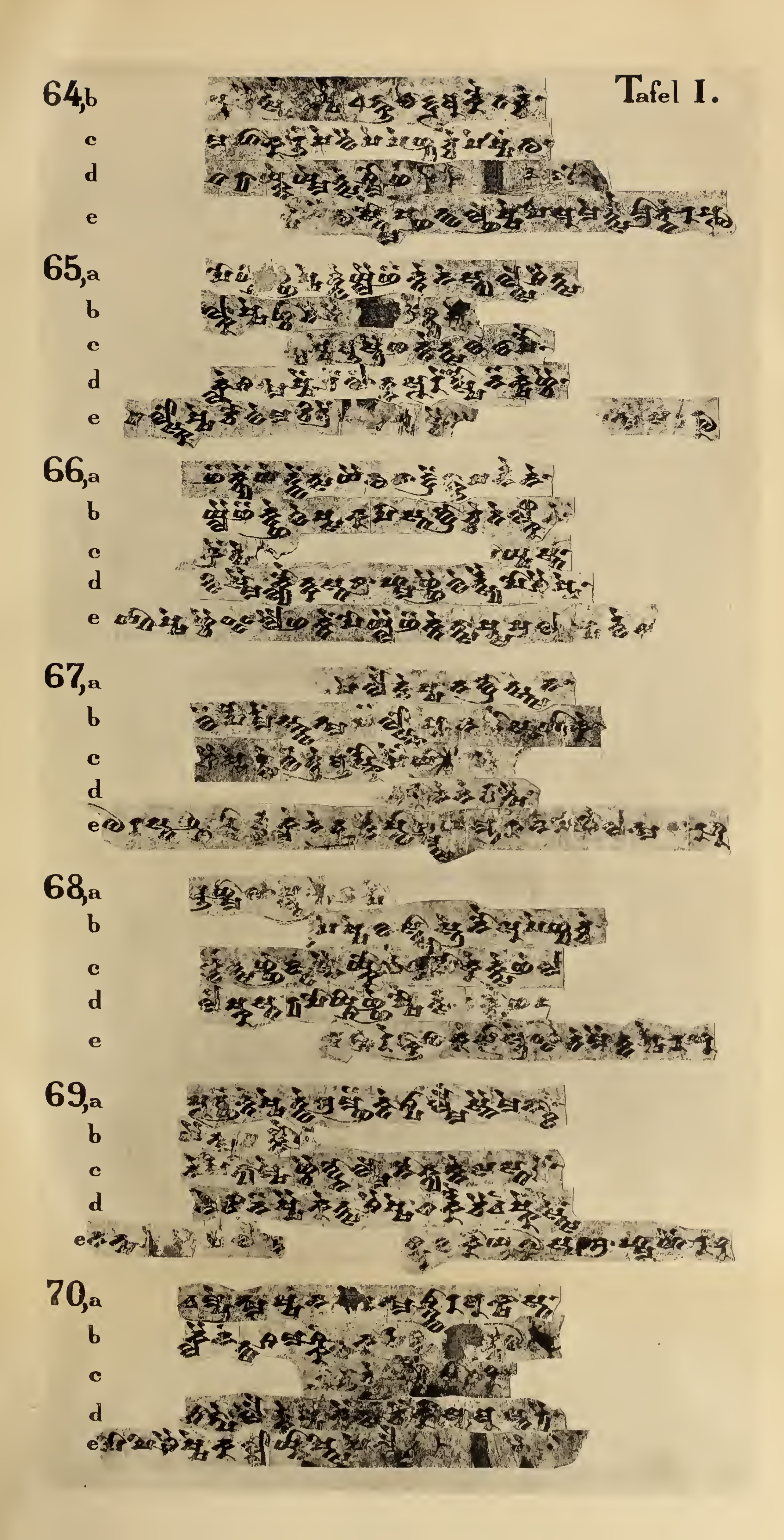
ra. Dieses Suffix kommt in den ersten drei Zeilen der Strophe 76 viermal vor. Offenbar handelt es sich da um einen besondern Zusammenhang, da das Suffix im Uebrigen selten begegnet.

ṣṣe. Die unter *ñe* verzeichnete Form *-ṣṣa* steht offenbar für *-ṣṣe.* Weil in der Handschrift die darüberstehende Silbe *ñmza* tief herunterreicht, hat der Schreiber keinen Platz gehabt, um den *e*-Haken anzubringen. Raummangel hat auch die gedrückte Form des *ā*-Bogens in *aṅmālaṣ* veranlasst, wo die Silbe *ntātth* von oben her in die Zeile hereinragt.

Die vorstehenden Bemerkungen würden sich natürlich leicht vermehren lassen. Auch der übrige Inhalt unserer Abhandlung liesse sich wohl noch da und dort erweitern. Das Wesentlichste aber, was ohne eine Kenntniss von mittelasiatischen Sprachen vorläufig über unser Fragment gesagt werden kann, dürfte doch erschöpft sein. Anstatt unter Abwägung vieler Möglichkeiten weitere Thatsachen zu ermitteln und neue Vermuthungen zu äussern, glauben wir eher nun abwarten zu sollen, ob nicht von anderer Seite, sei es durch Auffindung von andern Blättern der gleichen Handschrift oder auf irgend einem andern Wege, neues Licht auf die ganze Sache fällt.

Ernst Leumann.

Strassburg im Elsass, den 3. Januar 1900.

Tafel I.
64,b
c
d
e
65,a
b
c
d
e
66,a
b
c
d
e
67,a
b
c
d
e
68,a
b
c
d
e
69,a
b
c
d
e
70,a
b
c
d
e

Tafel II.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIIIe SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ. | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ IV. № 9 и послѣдній. | **Volume IV. № 9** et dernier.

ÜBER DAS

HAIHAYENDRACARITA

DES

HARIKAVI

von

Th. von Schtscherbatskoi,

Privatdocent an der Universität St. Petersburg.

(Der Akademie vorgelegt am 30. März 1894.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ,
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ,
М. В. Клюкина въ Москвѣ,
Е. П. Распопова въ Одессѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:

J. Glasounof, M. Eggers & Cie. et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna,
N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief,
M. Klukine à Moscou,
E. Raspopof à Odessa,
N. Kymmel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цѣна: 1 р. 20 к. — Prix: 3 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

INHALT.

EINLEITUNG.

Die vorliegende Schrift ist aus einer Seminararbeit hervorgegangen, die der Herausgeber im orientalischen Institut der Universität Wien unter der Leitung des verstorbenen Hofrath Bühler im Jahre 1896 ausgeführt hat. Verschiedene Umstände haben das Erscheinen des Werkes verzögert, trotzdem glaubt der Herausgeber, dass es doch ein gewisses Interesse beanspruchen könnte, da noch kein Werk des Dichters Hari bis jetzt publiciert worden und wir im Haihayendracarita das Specimen einer besonderen eigenthümlichen Richtung der späteren indischen Dichtkunst haben; auch enthält es einige Notizen über die Städte Surat und Nandurbar im Kāṭhiavād, deren älteste Geschichte bis jetzt unbekannt ist.

Die Handschrift des Haihayendracarita ist von Professor Bühler im Jahre 1876 in Surat angekauft worden[1]) und gehört jetzt zur Sammlung der Bibliothek des Deccan College in Poona; es sind die №№ 827, 828 und 829 der Collection 1876 (unica). №№ 827 und 828 enthalten den Text der ersten beiden Sarga's, sowie auch ein einzelnes Blatt, worauf nach dem Ende des achten Sarga's eine Glosse des Abschreibers mit einem Datum aufbewahrt ist. Die № 829 enthält den Commentar zu dem ersten Sarga und zu den 20 ersten Strophen des zweiten. № 828 ist im Report irrthümlicher Weise einem Autor Çambhu zugeschrieben. Die Handschrift ist abgesehen von einigen Lücken und den in Gujarāt gewöhnlichen Verwechselungen der Sibilanten, des ra und ṛi, sowie der ṭa, ṭha und ḍha durchaus leserlich und frei von Fehlern.

1) Report 1877 p. CLXX.

Das Blatt am Ende des achten Sarga's enthält folgende Nachschrift:

अष्टमः सर्गः समाप्तः ॥ श्रीः ॥
॥ श्रीरस्तु ॥ संवतः १७७९ वर्षे फाल्गुनशुदि १ रवौ ॥
समाप्तिमगमत् ॥ श्रीरस्तु ॥
यादृशं पुस्तके दृष्टं तादृशं लिखितं मया ।
यदि शुद्धमशुद्धं वा मम दोषो न दीयते ॥
वचस्पतिसमो वक्ता बुद्ध्या चोशनसा समः ।
लिखन्संमुह्यते सोपि किं पुनः स्वल्पबुद्धयः ॥

Das Datum — saṁvat 1779, am ersten Tage der lichten Hälfte des Monats Phālguna, oder Sonntag den 24. Februar 1723 A. D. — bezieht sich wie alle Daten nach dem Schlusse eines Werkes nicht auf den Verfasser, sondern auf den Abschreiber; diesem scheinen nur acht Sarga's vorgelegen zu haben, während das Gedicht ursprünglich aus 12 Sarga's bestand.

Der Dichter, seine Zeit und seine Werke.

Was zunächst die Person des Dichters anbetrifft, so enthalten darüber die einleitenden Strophen des Commentars zum Haihayendracarita und die Schlussverse seines Çambhurājacarita folgende Angaben.

Hari stammte aus einem Brahmanengeschlechte, welches ursprünglich im Dekkan ansässig war. Dass alle seine Vorfahren, wie auch er selbst dem Viṣṇucultus ergeben waren, ersieht man sowohl aus ihren Namen, als auch aus dem Umstande, dass im maṅgala des Haihayendracarita unmittelbar nach Gaṇeça zuerst Viṣṇu gepriesen wird und Brahma in seinem Gefolge erscheint. Uebrigens unterlässt es der Dichter nicht, bei Erwähnung jedes seiner Vorfahren ausdrücklich zu betonen, dass er ein Viṣṇuït sei. Von seinem Grossvater erwähnt der Dichter, dass er ein grosser Kenner des Viṣṇupurāṇa gewesen ist. Sein Vater Nārāyaṇa-sūri war ein berühmter Rechtsgelehrter, verliess den ursprünglichen Sitz seiner Familie und siedelte nach Sūryapura, dem modernen Surat, der Hauptstadt des südlichen Gujarāt, über; wahrscheinlich bekam er da irgend eine Anstellung im juridischen Dienst. Hier wurde ihm sein Sohn Hari, anders Bhānubhaṭṭa genannt, geboren. Für seine litterarische Ausbildung

sorgte Nārāyaṇa selbst; ausserdem genoss er den Unterricht eines berühmten Dichters Çaṁkara. Welcher von den vielen Çaṁkara's es war, lässt sich vorläufig nicht sagen. Die Composition des Haihayendracarita ist so angeordnet, dass in jedem Sarga unmittelbar nach dem maṅgala irgend ein Dichter speziell erwähnt und gepriesen wird, und zwar ist es im ersten Sarga Çaṁkara, im zweiten Jagannātha. Unter den Werken Çaṁkara's wird im Commentar ein Saptaçatī genanntes Werk erwähnt.

Von den Werken Hari's ist ausser dem Haihayendracarita noch das schon erwähnte Çaṁbhurājacarita[1]) hervorzuheben, ein historisches Kāvya, welches das Leben des Königs Çaṁbhu von Nandidvāra schildert. Aus Çaṁbhurājacarita XII, 161 scheint hervorzugehen, dass Hari noch zwei Werke über Poetik und viele Gedichte geschrieben habe. Ueber die Fächer, die er studiert hat, theilt uns Hari nicht viel mit. Die Poetik studierte er nach dem Lehrbuche Sarasvatīkaṇṭhābhāraṇa des Königs Bhoja von Dhārā; seine häufigen Citate aus der classischen und sonstigen Sanscrit-Litteratur und aus den Wörterbüchern beweisen, dass er dieses Gebiet gründlich beherrschte. Ausserdem citiert er im Commentar zum Haihayendracarita eine Reihe wenig oder gar nicht bekannter Werke aus der tantristischen Litteratur.

Der Gönner unseres Dichters war Çaṁbhu Sohn des Königs Çiva von Nandidvāra. Daraus, dass Vater und Sohn in den beiden Kāvya's den Titel *deçānām pati* führen, lässt sich schliessen, dass sie keinesfalls unabhängige Fürsten gewesen, sonst hätte es der Dichter schwerlich unterlassen, ihnen den Titel *mahārājādhirāja* oder einen ähnlichen zu geben. Es waren wahrscheinlich sogenannte *deçāīs*, d. h. Beamte, welche die Landessteuern für die Regierung eintrieben, deren Macht aber im südlichen Gujarāt eine sehr grosse war[2]). Çaṁbhu und Çiva waren Çivaïten, wie schon aus ihren Namen zu ersehen ist, und ihre Stadt Nandidvāra war durch den Çivacultus berühmt. Nach der Angabe des Rao Saheb G. G. Çāstri[3]) ist sie mit Nandurbar im westlichen Khandesh, 2—3 Meilen nordöstlich von Kātargām, identisch und der im Haihayendracarita I, 23 erwähnte Tempel des Yaṭāçaṁkara ist noch heutzutage dort zu sehen. Hari wurde von seinem Patron Çaṁbhu jedenfalls sehr reichlich belohnt, denn er rühmt schon im Haihayendracarita dessen Freigebigkeit; für

---

1) vgl. Report 1877, page XIII, № 191.
2) siehe darüber, Gazeteer of Surat, page 214.
3) in einem Briefe an Prof. Bühler.

das Çambhurājacarita habe er so viel bekommen, dass der Lebensunterhalt seiner Familie und Nachkommenschaft dadurch völlig gesichert gewesen sei. Das Datum Hari's steht ziemlich fest, da er in einer *çārdūlavikrīdita*-Strophe am Ende des zwölften Sarga's des Çambhurājacarita den Tag der Vollendung dieses Gedichtes für uns aufzubewahren gesorgt hat. Die Strophe lautet:

पीयूषांशुसमुद्रसप्तवसुधाविद्योतिते वैक्रमे
वर्षे मासि च पौषनाम्नि बहुले पक्षे द्वितीयादिने ।
सद्वारे[1] द्विजनायकस्य पितृभे चापूर्णयच्छ्रीहरिः
काव्यं शोभनशंभुराजचरितं नानागुणोज्जृम्भितम् ॥

d. h. der ehrwürdige Hari hat das von allerlei Vorzügen strotzende Gedicht über den glänzenden Lebenslauf des Königs Çambhu Sonntag am zweiten Tage der dunklen Hälfte des Monats Pauṣa des Vikrama-jahres 1741 zu Ende gebracht, als der Mond im Nakṣatra der Pitṛs (Maghā) stand. Nach Professor Jacobi's Berechnung stimmt das Datum — Sonntag den 13. December 1684 A. D. — nicht vollständig, denn der 13. December 1684 A. D. war ein Sonnabend und kein Sonntag; allerdings fällt das Ende der zweiten Tithi Pauṣabadi 1684 A. D. sehr nahe vor den Sonnenaufgang, aber immerhin stricte gerechnet auf Sonnabend; dazu kommt noch, dass der Wochentag in der Handschrift undeutlich geschrieben ist; es ist wahrscheinlich «itwar» Sonntag (= ādityavāra). Danach lebte also Hari in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts unserer Aera.

Der Inhalt des Werkes.

Den Inhalt des Haihayendracarita bildet die Geschichte des mythischen Königs Arjuna Kārtavīrya. Diese war in Indien sehr populär, da sie im Mahābhārata und in den meisten Purāṇa's erzählt und auch sonst in der classischen Litteratur Kārtavīrya häufig erwähnt wird. Nach einem viel verbreiteten Glauben soll ein Gebet an Kārtāvīrya Sicherheit gegen Diebstahl verleihen[2]). Im Viṣṇupurāṇa wird Folgendes von ihm erzählt. Arjuna war der Sohn des Kṛtavīrya aus dem Geschlechte der Yādava's,

---

1) der erste Buchstabe undeutlich, vielleicht इ, itvār = ādityavāra, hindī Sonntag.
2) siehe Viṣṇupur. IV, 11, Randglosse.

er besass tausend Arme und beherrschte die ganze Welt. Der göttliche Weise Dattātreya, dessen Gunst er gewonnen hatte, verlieh ihm tausend Arme und ausserdem noch folgende Wunschgaben: dass er nie gegen die Religion verstossen und dass er die Welt gerecht erobern und regieren werde, dass er von keinem Feinde besiegt, aber von einem in der ganzen Welt berühmten Manne getödtet werden solle. Mit solchen Gaben versehen regierte Arjuna, mächtig und gerecht, über die ganze Erde fünfundachtzig Tausend Jahre hindurch. Seine Regierungszeit war eine Zeit des Friedens und des Gedeihens, niemand wurde bestohlen und niemand verletzt. Als Rāvaṇa, der König von Laṅkā, auf seinem Welteroberungszuge an die Hauptstadt Arjuna's Mahiṣmatī kam, ergötzte er sich in der Narmadā badend und schmausend; da nahm ihn, den nie besiegten, Arjuna gefangen und sperrte ihn in seiner Stadt wie ein Thier ein. Am Ende seiner Regierungszeit wurde er von Paraçurāma getödtet. — Im Mahābhārata[1]) und im Vāyupurāṇa[2]) wird die Geschichte etwas anders erzählt; im Vāyupurāṇa nämlich ist Arjuna als Angreifer gegen Rāvaṇa dargestellt, er besiegt ihn in Laṅkā und nimmt ihn dort gefangen. Als Viṣṇuït folgt unser Dichter der Geschichte, wie sie im Viṣṇupurāṇa erzählt ist, soweit wenigstens man aus den ersten zwei Sarga's sehen kann und namentlich aus der ganzen Reihe von Lobsprüchen auf Arjuna, in denen seine Geschichte als Material zum Aufbau von rhetorischen Figuren benutzt wird.

Der erste Sarga hat den Titel «Schilderung der Vorzüge Arjuna's» und enthält zuerst ein umfangreiches *maṅgala*, Segenswünsche und Lobsprüche auf Gaṇeça, Viṣṇu, Brahma etc. Darauf folgt die herkömmliche *sujanastuti* und *durjananindā*, d. h. Lob des wohlwollenden Lesers und Tadel des bösen Kritikers. Nachdem er noch den König Çaṁbhu gepriesen, geht der Dichter zur Schilderung Arjuna's und seiner Liebe zu Campā, Tochter des Königs Kaccha von Surat über.

Der zweite Sarga enthält die Schilderung der Liebe der Campā zu Arjuna, was den gewünschten Anlass zur ausführlichen Behandlung des Kāmaçāstra, namentlich der zehn Stufen der Liebe, giebt. Was der Inhalt der übrigen zehn Sarga's gewesen ist, lässt sich ungefähr denken, da der Dichter offenbar bemüht war, den ganzen in der Poetik vorgeschriebenen *apparatus poeticus* eines mahākāvya in den Rahmen seiner Erzählung zu bringen. Die Hochzeit Arjuna's mit Campā, der Zug

1) III. 115 ff., XII. 152, XIV. 29.
2) II. 32.

Rāvaṇa's gegen Mahiṣmatī, die Schilderung der Narmadā, die verschiedenen Amüsements während des Feldzuges, das Blumenpflücken und Baden in der Gesellschaft von Hetären, Sonnenuntergang, Mondesaufgang, Liebesgenuss und endlich die Schlacht mögen etwa zu mehreren Sarga's das Material geliefert haben, denn es sind das die gewöhnlichen, vorgeschriebenen Gegenstände eines mahākāvya[1]).

Character und Anlage des Werkes.

Das Haihayendracarita ist, wie uns der Dichter selbst im Commentar sagt, ein Mahākāvya oder Sargabandha, d. h. ein nach den Regeln der Poetik verfasstes, in Sarga's eingetheiltes grösseres Gedicht. Es bestand ursprünglich aus zwölf Sarga's, von denen nur zwei uns erhalten sind. Aus dem erhaltenen Theile und dem Commentar ist zu entnehmen, dass das Werk in seiner Anlage einige Eigenthümlichkeiten aufwies, die sonst nicht immer vorkommen. So ist es an Segenswünschen besonders reich; nicht nur, dass es mit dem Worte çrī anfängt und ein grösseres *mañgala* für das ganze Werk am Anfange hat, es enthält noch einen Segenswunsch am Anfange jedes Sarga; ihm folgt ein Lobspruch auf die Poesie im Allgemeinen und, wie schon erwähnt, ein anderer auf einen berühmten Dichter: im ersten Sarga ist es Çaṁkara, im zweiten Jagannātha. Dann schliesst jeder Sarga mit einer Çārdūlavikrīḍita-Strophe, welche ebenso wie im Naiṣadhīya dazu bestimmt ist, die Zahl der Sarga festzustellen. Der vorletzte Vers jedes Sarga's enthält Segenswünsche und Lobsprüche auf die sich in der Poesie Hari's manifestierende Göttin der Rede. Der zweitvorletzte Vers in jedem Sarga enthält den Preis von je einer besonderen Kraft (çakti) des Kārtavīrya, und es wird dabei sein Schutz für je eine besondere Himmelsgegend verlangt. Im ersten Sarga wird seine Kraft, Sicherheit gegen Diebe zu gewähren, gepriesen und sein Schutz für den Osten erbeten, im zweiten wird er als Feind der Mörder und Beschützer des Südens angerufen.

Um den Leser über die Interpretation nicht im Zweifel zu lassen, hat unser Dichter selbst einen Commentar zu seinen Versen verfasst, von dem grössere Stücke erhalten sind. Dieser Commentar verleiht dem Werke einen besonderen Werth, da es in der indischen Litteratur sonst selten vor-

1) Kāvyādarça, I. 14—19.

kommt, dass authentische Erklärungen von Gedichten durch ihren Verfasser erhalten sind. So erscheint es nach dem Commentare zweifellos, dass der Dichter selbst sich die Aufgabe gestellt hatte, einen Çleṣa mit fünffachem Doppelsinn zu componiren und dass dies nicht eine willkürliche Interpretation eines späteren Commentators ist, wie es bei anderen Dichtern und ihren Commentatoren häufig angenommen wurde.

Eine interessante Uebereinstimmung in der Anlage mit unserem Gedicht bietet ein seit einiger Zeit in der Kāvyamālā erscheinendes Werk, das Hīrasaubhāgyam. Der Autor Devavimalagaṇi war ein Jaina und stammte auch aus Gujarāt; er beschreibt in seinem Werke das Leben des Mönches Hīra, dessen Weihe unter dem Kaiser Akbar, Mitte des XVI Jahrhunderts, stattfand. Devavimalagaṇi kann also nicht viel früher als Hari gelebt haben; er war sein Landsmann und vielleicht auch Zeitgenosse. Ebenso wie Hari hat er selbst zu seinen Versen einen Commentar gemacht, und schliesst ebenso nach dem Vorbilde Çrīharṣa's jeden Sarga mit einer Çārdūlavikrīḍita-Strophe, in welcher er seinen Namen und Abstammung, den Titel des Werkes und die Nummer des betreffenden Sarga's angiebt. Das Hīrasaubhāgyam ist noch nicht vollständig publiciert, aber soweit man aus dem erschienenen Theile sehen kann, ist es viel sorgfältiger, als das Haihayendracarita ausgearbeitet und war offenbar nicht auf Bestellung geschrieben. Die merkwürdige Uebereinstimmung in der Anlage eines mahākāvya lässt vermuthen, dass dies die zeitgenössische Manier in Gujarāt war.

Der innere poetische Werth des Haihayendracarita ist nicht sehr gross. Der Dichter gehört einer Zeit an, in der es an guten Dichtern in Indien durchaus nicht fehlte (wie z. B. Jagannātha), aber die classische Blüthezeit der Litteratur war schon längst vorüber und die Epigonen hatten die frühere Höhe nie mehr erreichen können. Die Litteratur in Gujarāt hat sich später als in anderen Theilen des indischen Continents zu entwickeln begonnen, sie ist dort erst durch Hemacandra zur Blüthe gelangt und nach ihm durch seine Glaubensgenossen, die Jainas, gepflegt worden. Dem Gujarāt gehören viele berühmte Poetiker, z. B. Nami, der Commentator des Rudraṭa, die beiden Vāgbhaṭa's, die beiden Autoren der Kāvyakalpalatā etc. Doch hat die Dichtkunst in Gujarāt auch die verhältnissmässige Höhe, auf der sie in der der älteren und der classischen Zeit näher liegenden Schule der Kaçmirer stand, nicht erreicht. Es lässt sich nicht in Abrede stellen, dass Hari eine gewisse Be-

gabung besass. Von seinen Einfällen sind einige gelungen und wenigstens vom indischen Standpuncte aus betrachtet schön, auch in der Versification ist er ziemlich gewandt. Wenn sich trotzdem seine Kunst nirgends über das mittelmässige Niveau erhebt, so ist es nicht dem Mangel an Begabung allein zuzuschreiben, sondern vielleicht noch mehr einer ganzen Reihe von äusseren und inneren Umständen, welche die Entwickelung der Dichtkunst in Indien überhaupt auf falsche Bahnen gelenkt hatten.

Da der Stoff vorschriftsgemäss einer alten Legende genau[1]) entsprechen soll, so dient die Handlung blos als Rahmen für allerlei Naturschilderungen, Naturvergleiche, rhetorische Figuren, dhvani's u. s. w. In diesen sollte der Dichter seinen Geschmack, seine Phantasie und seine Kunstfertigkeit zeigen, und da befriedigt er uns nicht immer; seine Bilder sind häufig entweder Gemeinplätze der indischen Poesie oder zeigen wenig Erfindungskraft, sind wenig massvoll, sogar abgeschmackt. Seine Fertigkeit lässt auch zu wünschen übrig, obschon er vor den schwierigsten Aufgaben, wie z. B. der Composition eines Çleṣa mit fünffachem Doppelsinn nicht zurückgeschreckt ist. Stylistische, ja sogar grammatische Fehler lässt er sich häufig zu schulden kommen.

Von den Metren gebraucht unser Dichter in dem erhaltenen Theile seiner Gedichte nur die umfangreichen Çikhariṇī, Hariṇī und Çārdūlavikrīḍita. Eine Vorliebe für umfangreiche Metra characterisiert überhaupt die spätere indische Dichtkunst. Man hielt offenbar die grossen Metra für schwieriger und jeder Dichter wollte seine Fertigkeit gerade in solchen zeigen. Dabei kam es häufig vor, dass der Dichter im Metrum mehr Platz hatte, als er mit seinen Gedanken ausfüllen konnte. Dadurch war er gezwungen, um das Metrum zu füllen, zu allerlei nichtssagenden Wörtern wie api, kila u. s. w. Zuflucht zu nehmen und auch lange Composita, deren einzelne Glieder dem Sinne nach ganz überflüssig sind, zu gebrauchen.

Von den stylistischen Fehlern, welche nach den indischen Poetikern sorgfältig vermieden werden müssen, seien hier erwähnt:

1) ekārthatā[1]) oder Tautologie, wie z. B. I, 58 steht vayam und I, 104 iva zweimal, obgleich die Wiederholung überflüssig und schlimmer als nichtssagend ist;

2) nirarthatā[2]) oder Füllwörter wie ca, tu, hi, atha, api, kila,

---

1) Kāvyādarça III, 145.

2) Sāhityadarpaṇa VII, 574.

idānīm, sutarām, welche geradezu auf Schritt und Tritt vorkommen, ohne dass sie durch den Sinn geboten wären;

3) akramatā [1]) oder falsche Wortstelluug; so z. B. I, 20 steht tu und I, 13 api (encl.) nach der Cäsur. Im letzteren Falle steht api nach jīvanto offenbar um einen Hiatus (visaṁdhi) zu vermeiden;

4) ardhāntaraikapadatā [2]) oder die Uebertragung eines einzelnen Wortes aus einem Halbverse in den anderen; so gehört I, 57 das Wort vadānyā in den ersten Halbvers;

5) apratītatā [3]) oder Gebrauch eines terminus technicus, der ausserhalb seines eigentlichen Gebietes selten vorkommt, so ist I, 6 von triṇayanasahasrokti, I, 49 von einer Dīpa-regel, I, 111 von einer vīrāsana-Stellung die Rede;

6) asamarthatva und nihatārthatva [4]), d. h. ungebräuchliche und selten gebräuchliche Wörter und Wortbedeutungen; folgende Wörter, die auch theilweise im St. Petersburger Wörterbuch fehlen, seien hier erwähnt:

susumā, f., Glanz, = suṣamā, I, 26.
ābhūṣaṇa, n., Schmuck, = bhūṣaṇa, I. 53.
vimudra, adj., frei, = anuparuddha, I. 58.
carama, n., Wahrheit, = satyam, I. 72.
rucaka, m. n., Ring., I. 87.
saraṅga, adj., freudig, = sotsava, I. 90.
kuhariṇī, f., Höhle, I. 108.
apaghana, m., Glied, I. 109.
pramada, m., = prapada, Fussknöchel, II. 33.
cetoratha, m., Herzenswunsch, = manoratha, II. 51.
ali, f., Freundin, = āli, II. 74.
çampā, Blitz, II, 105.
bhasala, m., Biene, Comm., 9.

7) çabdahīnatā [5]) oder Fehler gegen den Sprachgebrauch:

kamani, f., Weib, I. 73 und II. 11, obschon einmal Çiçupālavadha als adj. in der Bedeutung «verliebt» belegt, aber hier offenbar statt des gebräuchlichen kāminī metri causa.

---

1) Kāvyād III, 144. Sāh. darp. VII 575.
2) Sāh. darp. VII, 575.
3) Sāh. darp. VII, 974.
4) Sāh. darp. VII, 574.
5) Kāvyād. III, 148.

ābhidha, adj., genannt, II. 116 von abhidhā grammatisch richtig gebildet, aber ungebräuchlich. In diese Kategorie fallen auch grammatische Fehler, wie puṣpadhanuṣā, I. 119 und II. 32[1]) und falsche Composita, wie aniçamṛti-yukta, I. 13.

8) yatibhraṣṭa oder Vernachlässigung der Cäsur: so sind 1.8 nārā-yaṇa, I. 26 prātas-tana, I, 124 sañjī-vayitum getrennt. Dass sogar am Ende eines pāda ein Wort zerrissen wird, kommt nicht selten vor: I, 40 cora-prabhṛtikā—ṣṭakam, I, 88 kalikā-kṛtī etc.

Der Musterdichter, den Hari nachzuahmen bemüht war, ist Çrī-harṣa. In den einleitenden Versen des Commentars vergleicht er selbst sein Dichten mit dem Berge Mandara, dessen Aufgabe es ist, den Milch-ocean der schönen Poesie Çrīharṣa's zu quirlen. Nun war Çrīharṣa unter den Classikern derjenige, der die ausschweifendste Phantasie besass. Seine erkünstelten Naturvergleiche, die in eine tadellose äussere Form gekleidet waren, machten auf den indischen Leser tiefen Eindruck. Ein weitausgeholter Naturvergleich, über welchen der Leser erst nachdenken, den er kauen (carvanā) muss, imponirte dem Inder; denn wenn man endlich dazu kommt sich das Bild zu vergegenwärtigen, erregt es Verwunderung, und bereitet künstlerischen Genuss (camatkāra). Hari vergleicht[2]) selbst die gute Poesie mit einem Stück Crystallzucker, dessen Süsse erst dann vollständig genossen werden kann, wenn man es längere Zeit auf der Zunge herumdreht. Weniger begabten Dichtern könnte es dabei leicht passieren, dass ihre erkünstelten Bilder zwar Verwunderung erregen, aber keinen künstlerischen Genuss darzubieten vermöchten. Es scheint überhaupt, dass in der späteren indischen Poesie zwei Richtungen vertreten waren, von denen die eine Kālidāsa für den grössten indischen Dichter hielt und ihn nachahmte (z. B. Jagannātha), für die andere aber Çrīharṣa als Muster galt [3]). In manchen Gegenden des modernen Indiens sollen diejenigen, die sich dem Dichterberuf widmen wollen, einen ganz eigenthümlichen Lehrcursus durchmachen. Nachdem sie, wie üblich, Grammatik und Wörterbuch auswendig gelernt, gehen sie sofort zum Çrīharṣa über. Am Naiṣadhīya können die künftigen Dichter am besten die eigenthümliche Auffassung der Naturerscheinungen, als eines passenden Materials für dichterische Vergleiche und rhetorische Figuren, sich aneignen. Nachdem sie dann die

---

1) vergl. jedoch Pâṇini 5. 4. 133.

2) Haih. II, 2.

3) Interessant darüber ist der Bericht Duṇḍirājaçāstri's im Paṇḍit, Juni, 1, 1876, s. 48.

Poetik gründlich erlernt, gelten sie als fertig für den Dicherberuf. Schon dieser Umstand allein mochte ungünstig auf die Ausbildung des guten Geschmacks wirken; dazu kam nun aber noch die gesellschaftliche Abhängigkeit der Dichter: die indische Kunstpoesie war vor allem Hofpoesie, die Dichter — auf die Gunst der weltlichen Machthaber angewiesen und haben ihre Gedichte nicht selten auf Bestellung gemacht. Dabei mussten sie häufig rasch arbeiten, was zur Folge hatte, dass eine ganz eigenthümliche Art des Extempore-Dichtens, die sogenannte çīghrakavitā, sich entwickelte. Wir besitzen sogar ein Lehrbuch des Extempore-Dichtens, die Kāvya-Kalpalatā von Amaracandra und Arisiṁha. Unter solchen Umständen konnte sogar ein begabter Dichter nichts Gutes leisten, das Beispiel Bilhaṇa's, von dem wir die Karṇasundarī besitzen, die er angeblich an einem Tage geschrieben hat, beweist das zur Genüge. Dass auch Hari sein auf Bestellung geschriebenes Carita rasch fertig machen musste, darauf spielt er im Anfangsverse an, indem er sich von Ganeça vollen und raschen (tūrṇām) Erfolg erbittet. Im complicierten Style Çrīharṣa's zu schreiben und dabei rasch zu schreiben, war keine leichte Sache. Dass diese Umstände der Entwickelung des guten Geschmacks nicht förderlich waren, ist leicht zu sehen. Die feine, gefühlvolle, bis in die kleinsten Kleinigkeiten sorgfältig abgeschliffene, schöne Arbeit der Classiker hat der Production bezahlter Handwerkspoetaster allmählich den Platz räumen müssen und das Haihayendracarita ist ein characteristisches Specimen dieser Gattung.

Wie sehr ich in dieser Arbeit von meinem unvergesslichen theuren Lehrer, dessen Verlust die gesammte Indologie tief betrauert, unterstützt und wie tief ich ihm zu Dank verpflichtet bin, lässt sich kaum in Worten ausdrücken. Professor H. Jacobi, der meine Uebersetzung durchzusehen und bei der Einleitung mir zu helfen die Güte hatte, bin ich ebenfalls zu tiefstem Dank verpflichtet. Mein Freund Dr. Th. Bloch hatte die Liebenswürdigkeit eine Correctur durchzulesen und auch die Schlussverse des Çaṁbhurājacarita für mich in London abzuschreiben.

Endlich muss ich den gefälligen Leser um Nachsicht für die zahlreichen Druckfehler bitten, wie auch für die Verstösse gegen die deutsche Sprache, die in einem Werke, das gerade an die Sprache die grössten Anforderungen stellt, bei einem Fremden nur zu leicht erklärlich sind.

॥ अथ हैहयेन्द्रचरिताख्यं महाकाव्यम् ॥

श्रियं पूर्णां तूर्णां गिरमपि स देवो गिरिशजो
निजां सिद्धिं बुद्धिं दिशतु मयि कर्तुं सकरुणः ।
ययोर्द्व्योः प्रौढायतनयुगशोभां [1]) वहति य-
दीयोद्यद्भृङ्गावलिशिखरिणी [2]) कुम्भयुगली ॥ १ ॥
समुद्यद्ब्रह्माद्यामरपरिवृढश्रेणिमुकुटो [3])-
दयाद्रिप्रोद्यन्मणिखमणिमालाविकसितम् ।
हरेः पादाब्जं मां नखकिरणकिञ्जल्करुचिरं
विनिर्गच्छद्गङ्गासलिलमकरन्दं मदयतु ॥ २ ॥
सुवर्णाभाकर्णायतनयनराजीवयुगला
विनिर्यच्चन्द्रास्या रमणमणिमञ्जीरचरणा ।
हरिद्रत्नभ्राजद्वसनपरिवीता कटितट-
क्वणत्काञ्चीदामा वसतु हरिवामा मनसि नः ॥ ३ ॥
मदानन्दाघूर्णत्कुटिलनयनः पद्मनयनः
प्रियङ्गुश्यामाङ्गः तणरुचिलसत्पीतवसनः ।
कृशाङ्गीसंयोगो जगदिदमुदञ्चद्रसवरं [4])
धनुर्धुन्वंस्तन्वन्मधुसमयबन्धुर्विजयते [5]) ॥ ४ ॥
जटाजूटे गङ्गां निटिलभुवि कान्तां शशिकलां
शरीरार्धे गौरीं कुमुदकलिकाविभ्रमकरीम् ।
त्रिलोक्याः संतापं त्रिविधमिव हर्तुं दधदसा-
वपायान्नः पायात्त्रिपुरदवमेघस्त्रिनयनः ॥ ५ ॥

---

1) Ms. प्रैठा°. 2) Ms. °द्भृङ्गावलि°. 3) Ms. °ब्रह्माद्यामरपरिवृठश्रेणि°. 4) Ms. °द्रवसरं. 5) Ms. धनुधुन्वस्त°.

सहस्रारध्यानदृढतरसहस्राकृतिधरः
सहस्राराकारः समुदितसहस्रांशुरुचिरः ।
सहस्राणां नेता त्रिनयनसहस्रोक्तिगदितः
सहस्रं दुःखानां स हरतु सहस्राद्भुतभुजः [1]) ॥ ६ ॥
गिरां देवी सातान्मम वदनमासाद्य [2]) सदया
विलासं सोल्लासं भुवनललितं कन्दलयताम् ।
यदीयामुन्मीलच्छरदमलचन्द्रावलिनिभां
तनोः शोभां चेतो निशमिह यतो मे कलयति [3]) ॥ ७ ॥
नमः श्रीमन्नारायणगुरुपदाम्भोजरजसे
चिरायैताः कान्ता मम यदनुभावाद्भणितयः ।
लसद्वर्णाः कर्णामृतवितरणैकान्तनिपुणाः
प्रकाशन्ते कामं कविवरकृतानेकनुतयः ॥ ८ ॥
सभाशोभां दातुं कथमपि दुरूहं परमनः
परिज्ञातुं वक्तुं जगदघहरां सूक्तिसरणीम् ।
श्रियं प्राप्तुं मङ्क्षु [4]) विबुधजनचेतोजलनिधौ
कवित्वानां कर्ताखिलभुवनभर्ता [5]) च निपुणः ॥ ९ ॥
शरज्ज्योत्स्नाकारा मधुरमधुराः सूक्तिलहरी-
परीरम्भोदाराः कठिनहृदयद्रावचतुराः ।
जयन्ति स्वच्छन्दाः [6]) सकलजगदानन्दजनका
महामायास्तन्यप्रभवविभवाः शंकरगिराः ॥ १० ॥
अमुष्मिन्विश्वस्मिन्विमलगुणपीयूषललितो [7])
विनाभिज्ञं विज्ञः क्व किल गुणपूरं प्रथयति ।
अपारेकूपारे मधुरतरपानीयकलिता
विना शुक्तिं [8]) मेघः क्व खलु जलधारां विकिरति ॥ ११ ॥
सुधाधाराकाराः सरसतरमाकण्ठकुहरं
कवीनामापीय श्रवणचलुकैः सूक्तिलहरीः [9]) ।
अमान्तं यच्छेषं नयनसलिलस्यन्दपदतः [10])
किरन्ति स्वच्छन्दं किल कतिपये सूक्ष्ममतयः ॥ १२ ॥

1) Ms. °स्रोद्भुतभुजः. 2) Ms. वदननासाद्य. 3) Ms. कलयतो. 4) Ms. मङ्क्षं. 5) Ms. कर्त्ता°. 6) Ms. स्वछन्दाः. 7) Ms. अमुस्मिन्वि°. 8) Ms. श्रुक्तिं. 9) Ms. °लहरी. 10) Ms. स्पंद°.

यशोदेहो येषां कविवचनपीयूषनिवहैः
समासिक्तो जीवत्यगदजरमाकल्पममलः ।
त एव श्रीमन्तो जगति बहुभाग्याश्च मनुजा-
स्तदन्ये जीवन्तोप्यनिशमृतियुक्ता निगदिताः ॥ १३ ॥
न गीतैः कोप्यासीद्भुवनवलये ख्यातमहिमा
कवीनामाकल्पं रुचिरवचनैरेव भवति ।
अतो यत्नः कार्यो जगति सुयशःसंचयकरै-
र्नरैः काव्यश्रेणीकरणचतुरप्रीणनविधौ ॥ १४ ॥
कवीन्द्रैर्यैः कस्याप्यमलगुणमुक्ताफलयुतै-
र्न काव्याख्यं सौधं स्ववचनसुवर्णैर्विरचितम् ।
स्वकीर्तेः [1]) कान्ताया ललितमिह रन्तुं प्रतिदिनं
न ते विज्ञैरुक्ताः किल सुकवयः किं तु कपयः ॥ १५ ॥
क्षमध्वं मे सन्तः क्षणमिह महासाहसमिदं
कवीनां प्रौढानां यदहममितां कीर्तिमखिलाम् ।
परिप्राप्तुं कुर्वे स्वमतिसदृशं काव्यमपि य-
न्नभोमार्गं यान्ति स्वगतिसममेते [2]) खगतयः ॥ १६ ॥
यदज्ञानाद्वा रभसवशतोस्मिन्खलु मया
महाकाव्येवद्यं सकलमलनिर्णाशनिपुणाः ।
क्रियेत श्रीमन्तस्तदखिलमलं [3]) शोध्यममला-
स्तमः शान्तिं नैति स्वयमिह यतो भास्करमृते ॥ १७ ॥
सतां लोके लोलत्यलमनिशमौत्पत्तिकगुणाः
परेषां यन्नित्यं नियतमुपकारव्यसनिता ।
यदोदेत्यन्येषां जगति परमोत्कर्षनिवह [4])-
स्तदा [5]) तेषामृध्यत्यविरतमहोजर्यविभवः [6]) ॥ १८ ॥
गभीरप्रौढार्थेष्वतिनियतसंख्येष्वपि बुधा
महाकाव्यौघेष्वत्यतिविलसमानेषु भवतः
- -
- ॥ १९ ॥

1) Ms. स्वकीर्त्तः. 2) Ms. स्वगतिस्त्वममेते. 3) Ms. श्रीमतस्त°. 4) Ms. परमोत्कर्ष°. 5) Ms. °स्तदास्तेषा°. 6) Ms. °होदूर्यविभवः.

खला नाहं साहंकृति किमपि युष्मान्प्रति वदे
यतो यूयं शक्ताः परगुणमहापर्वतमपि ।
अणुं कर्तुं दोषं त्वणुमपि सुमेरुं रचयितुं
यदीशेऽहंकारः सकलजनहासाय भवति ॥ २० ॥
परद्रोहासक्तिः सततपरपैशुन्यकथनं
परच्छिद्रालोकः[1]) परगुणकथामौनकरणम् ।
परोत्कर्षामर्षो नियतपरनिन्दाविरचनं
स्वभावो दुष्टानां यदयमनिशं कोपि जयति ॥ २१ ॥
पुरं नन्दिद्वारं निखिलगुणसारं त्रिजगति
सुखानामाधारं भुवनवलये संविलसति ।
यदस्मिञ्जायन्ते[2]) सकलसंतुष्टमनसां
जनानामानन्दाः किल सुमनसां मोहनकराः ॥ २२ ॥
यदत्रास्ते साक्षात्सकलजनतासंजनयिता
स वै देवो गौरीपतिरपि जनार्तिं शमयितुम् ।
जटाजूटालोकाद्भवति जगतां शं[3]) बहुविधं
तदाख्यातिं बिभ्रत्त्रिजगति जटाशंकर इति ॥ २३ ॥
इहासीन्नासीरं रुचिरतनुभाजां त्रिभुवने
शिवाख्यो देशानामधिपतिरनेकाद्भुतगुणः ।
यमालोक्योत्फुल्लद्विपुलनयनोद्गीर्णनिमिषाः
समुत्कीर्णा भित्ताविव समभवन्सर्ववनिताः[4]) ॥ २४ ॥
सुधासिन्धुं प्राप्य श्रवणविवराद्यद्गुणमयी-
मिमामस्मद्वक्त्रं किरति रमणीं[5]) वाक्यसरणीम् ।
सुधीरो गम्भीरो विपुलधिषणोत्पन्नरमणो
वदान्यो नेहान्यो जगति शिवभूपाद्विजयते ॥ २५ ॥
ततः कान्तः प्रातस्तनवनजविस्फारिनयनः
समुन्मीलद्राकाहिमकरतिरस्कारिवदनः ।
त्रिलोकीलोकानां नियुतनयनापेयसुषम-
श्चलत्कान्त्युल्लोलप्रथमरसपाथोनिधिरिव ॥ २६ ॥

---

1) Ms. परछिद्रालोकः. 2) Ms. यदस्मिन्जायन्ते. 3) Ms. रां. 4) Ms. समभवत्सर्व°. 5) Ms. मरणीं.

प्रदीपो दीपाङ्गादिव गगनरत्नादिव महा-
महःपुञ्जः पद्मादिव परमसौरभ्यनिवहः ।
सुधांशुः क्षीराब्धेरिव हरितरुर्नन्दनवना-
दिवायं संभूतः[1]) किल शिवनृपाच्छंभुनृपतिः ॥ २७ ॥
वदन्त्येके कीर्तिं कुमुदिनीं यस्य विमला-
महो मल्लीवल्लीमपि कतिपयेन्ये सुरधुनीम् ।
वयं ब्रूमो यस्मादखिलसकलानामधिपते-
रिमां ज्योत्स्नां जातां सुजनकुमुदानन्दजननीम् ॥ २८ ॥
यदीयस्तापाग्निर्बहलपरराजन्यललना-
समुन्मीलल्लोलन्नयनजलदालीविगलितैः ।
प्रवाहैर्वारां यः प्रसरतितरामौर्वदहनं
ततो मन्ये यस्माद्गुणगणसमुद्रात्समुदितम् ॥ २९ ॥
अमुष्याज्ञां प्राप्य स्वकसकलपापप्रहतये
तथा साफल्यार्थं ललितललितानां निजगिराम् ।
सहस्रांशस्याप्यमरजपिलङ्केशजयिनो
वरं राज्ञां राज्ञश्चरितमहमीषत्परिगृणे[2]) ॥ ३० ॥
असौ रेवा देवावलिविहितसेवा विजयते
स्रवन्ती सर्वासामुपरि तटिनीनां त्रिभुवने ।
यदस्या नीरस्यामलतरलवस्पर्शविभवा-
दपि स्यात्पाषाणः शिव इव[3]) तपस्याफलकरः ॥ ३१ ॥
पुरी माहिष्मत्याकृतिविजितसुत्रामनगरी
गरीयस्यास्तेत्र त्रिभुवनवरीयस्यपि गुणैः ।
यदेषा निर्मात्रा निखिलसुखसंवाससवसतिः[4])
कृता स्वं चातुर्यं त्रिजगति तुरीयं प्रथयितुम् ॥ ३२ ॥
सिताभ्रश्वेताभाः शिवगिरिसमूहा इव बला-
दधःकर्तुं प्रायः सितकरमिवाभ्रंलिहशिखाः ।
यदीयाः प्रासादास्तनुललितवातायनयुता[5])
लसन्तः[6]) स्पर्द्धन्ते विबुधनगरीसौधनिवहैः ॥ ३३ ॥

1) Ms संभूतं. 2) Ms. °मीष्यत्परिगृणे. 3) Ms. इह. 4) Ms. सवाससवसतिः. 5) Ms. प्रासास्तनु°. 6) Ms. लसन्त.

श्रमं संबिभ्राणाः तणरुचिलसत्काञ्चनलता
शरज्ज्योत्स्नाजातं कमलदलदीर्घाक्षियुगलाः ।
पदाम्भोजभ्राजत्क्वणितमणिमञ्जीररुचिरा
विराजन्ते यस्यां पथि पथि सदा चन्द्रवदनाः ॥ ३४ ॥
महावीर्याधारादिह च कृतवीर्यान्नरपते-
रभूदाविः स्फूर्जद्दशशतभुजस्तम्भसुभगः ।
महातेजोराशिः सकलभुवनव्यापिसुयशा
महायोगी ख्यातो जगति जगतीशोर्जुन इति ॥ ३५ ॥
सहस्रार्कज्योतिःप्रकरसुतिरस्कारिविभवं
सहस्रारं विष्णोः सकलभुवनावन्दितपदम् ।
यदास्ते तस्यैव प्रवरभुजसाहस्रपरिघो-
वतारो यः श्रीमानिति गदति शंभुः स्वयमपि ॥ ३६ ॥
यथा तन्त्रे सद्यःस्मरणनिहतानेकविपदं
पदं सप्तद्वीपाकृतिधरिणिलक्ष्म्याः प्रभुवरम् ।
वरं सर्वेभ्योपि स्वयमिह हरः शंसति परं
परं त्यक्त्वा क्ष्मेशं जगति कृतवीर्यात्मजममुम् ॥ ३७ ॥
अभूद्विष्णोरंशो मुनिवरनुतो यस्य स मुनि-
र्महायोगी दत्तो गुरुरिह गभीराद्भुतगुणः ।
यमाराध्य प्राप्तैरमितगुणसंघैः स्म तनुते
लसत्पीयूषौघैरिव हि जगतां रञ्जनमसौ ॥ ३८ ॥
य आसीन्निःसीमाद्भुतबलनिधिः क्ष्मापतिरहो
रहोनिर्वृत्तानामपि हि सहितानां त्रिजगताम् ।
विनेता पापानामपरिमितदेहावलिधरः
सहस्रैर्दोर्भिः स्वैरपि सशरकोदण्डकलितः ॥ ३९ ॥
सहस्रांशुप्रख्यं दशशतभुजं स्थूलवपुषं
जपावस्त्रावीतं यमिह जगतीशं भजति यः ।
विनश्यत्येतस्य प्रचुरमपि चोरप्रभृतिका-
ष्टकं वेगादुद्यात्यपरमणिमाद्याष्टकमपि ॥ ४० ॥
य आसीद्योगेशो विलसदणिमाद्यष्टसुगुण-
प्रगल्भः पर्जन्यः स्वयमखिललोकप्रभुरपि ।

अपि ब्रह्माण्डीयाखिलमहितरत्नास्पदमहो
महासंख्ये चोऽग्यद्दशशतभुजप्रोद्भटतरः ॥ ४१ ॥
समाहर्ता संराडभवदपि यो द्वीपनिकरे
क्रतूनां प्रत्येकं कनकमययूपावलिजुषाम् ।
समुद्यत्सौवर्णाखिलपरिकरभ्राजितभुवां
मनोऽभीष्टातीतप्रवरतरदानौघसुयुजाम् ॥ ४२ ॥
प्रवेगं सामुद्रं कमलनयनः प्रावृषि परं
भुजानामौघेन व्यरुणदपि यः प्रौढतरसा ।
प्रलोलत्कल्लोलप्रकरविसरप्रोद्धततरा
विरावा रेवापि व्यचलदिह यच्छङ्कितमनाः[1] ॥ ४३ ॥
दिगीशैरिन्द्राद्यैरपि च मुकुटैरञ्चितपदो-
नुवेलं यो लङ्काधिपतिरभवद्विश्वविजयी ।
तमुद्दामं रेवाजलविलसने[2] मर्कटमिवा-
ग्रहीत्सारोदारो य इह भुजदण्डेन तरसा ॥ ४४ ॥
इह द्वीपेशानैरपि पदयुगं यस्य निखिलैः[3]
स्वमौलिप्रस्फूर्जत्प्रवरमणिकोटिप्रचलितैः ।
महःपुञ्जोद्योलैर्ललितललितैरञ्चितमभू-
त्ततो राज्ञां राजेत्यपि[4] जगति विख्यातिमगमत् ॥ ४५ ॥
गुणौघो यस्यासीदपि च विमलः कीर्तिरपि च
स्फुरज्ज्योत्स्नाशुभ्रा मतिरपि च गङ्गौघसुभगा ।
सुविद्यापि क्षीराम्बुधिविपुलकल्लोलललिता-
भवत्तस्मात्ख्यातः सकलभुवने योऽर्जुन इति ॥ ४६ ॥
स्मृतिर्यस्योदारा त्रिभुवनमलक्षालनपटुः
स्रवन्ती देवानामिव सकलशोकप्रशमनी ।
अमघो संसारेऽभिमतवरदानैकनिरता
वृता सर्वेशानैरपि जगति जागर्ति जयिनी ॥ ४७ ॥
अहो यस्याद्यापि प्रवरविरुदालीसुललिताः[5]
सुगाथाः सद्वीणाविरवविवृता गायतितराम् ।

1) Ms. यङ्कितमनाः. 2) Ms. रेवाजलसने. 3) Ms. मखिलैः. 4) Ms. राजराजेत्यपि. 5) Ms. प्रवरबिरुद°.

मुहुःकण्ठान्दोलप्रमदजलरोमाञ्चसहितः
समाजे सर्वेषामपि जगति देवर्षिरपि सः ॥ ४८ ॥
तथानष्टद्रव्यस्मरणविभवो योतिसदयः
सदाकल्पं कल्पप्रचितविधिना दोषविधिना ।
प्रयच्छन्भोगानामपि सकलमिष्टं प्रभुवरो
निराकुर्वन्सर्वं जगति यदनिष्टं विजयते ॥ ४९ ॥
गुणानामाधारस्त्रिभुवनभवानामिह परं
यदेकोयं राजा विलसतितरां हैहयपतिः ।
कवीन्द्राः [1]) प्रोन्निद्रा बहुतरमितीमं सुमतयो
वचोभिः [2]) श्लाघन्ते त्रिभुवनचमत्कारचतुरैः ॥ ५० ॥
यदीयं सौन्दर्यं [3]) कुसुमशरकोटिद्युतिहरं [4])
महोदारं वर्ण्यं कथमिव कवीन्द्रैः कतिपयैः ।
यदाकर्ण्याकर्णप्रचलितसरोत्तम्भिनयना
महामोहं प्रापुस्त्रिभुवनभुवो वामनयनाः ॥ ५१ ॥
अभिख्यामाधातुं कमलनिलयायाः स्ववपुषि
स्वयं वाचां देवी वदनकमले यस्य वसति ।
विलासैर्यद्वाचामपरिमितवैदग्ध्यमधुरै- [5])
र्विनिद्रं दारिद्र्यं [6]) कथमिव लयं याति विदुषाम् ॥ ५२ ॥
विभूतिं सभूतां कथमिव वदामोस्य नृपते-
र्मुनेरात्रेयस्याप्यमलपरिचर्यापरिणताम् [7]) ।
यदासोद्दासीनाममितकनकाभूषणभृतां
प्रभाणामुल्लोलैर्भुवनमिदमुद्योतितमिव [8]) ॥ ५३ ॥
यदीये हस्ताब्जे नवजलधरे वर्षति ततां
सुवृष्टिं [9]) सौवर्णीममितविभवां विश्वविषये ।
तदा दुर्वर्णा ये कगिति ससुवर्णाः समभव-
न्भ्रमाद्दुर्वर्णाद्रिः [10]) सपदि स सुवर्णाद्रिरभवत् ॥ ५४ ॥

---

1) Ms. कविन्द्राः. 2) Ms. वचोभि. 3) Ms. सौन्दर्घं. 4) Ms. कुसुशर°. 5) Ms. °वैदग्धमधुरै-. 6) Ms. दारिद्रं. 7) Ms. °रात्रेयस्यप्य°. 8) Ms. °मुद्योतितमिव. 9) Ms. सुवृष्टीं. 10) Ms. °न्भ्रमादुर्वर्णाद्रिः.

ददाने दीनेभ्यः प्रचुरधनराशिं नरपता-[1])
वमुष्मिन्विश्वास्मिन्मुकुलपुलकव्याप्तवपुषः[2]) ।
सदा देवोद्याने कृतसमनुरूपैकफलदा
महाश्चर्यं जग्मुस्त्रिदशमहिताः स्वर्गतरवः ॥ ५५ ॥
स भूमीशोऽत्राभूदभिनवतरुः पञ्चसु दला
यदस्यैका शाखाधरपदपि पञ्चामरतरून् ।
द्वितीया स्वच्छायासुललितविलासेन जगतां[3])
[हरन्ती तापांश्चा]प्रबपदमिताह्लादनिवहम्[4]) ॥ ५६ ॥
इहास्मिन्राजेशे वितरति वयं[5]) के समभव-
न्विचार्यैवं[6]) लीनाः सुरतरुमुखाः कुत्रचिदपि ।
वदान्या यद्दातुं मम सदनदारा धनधराः
सुताः प्राणाश्चेदं कियदिति नृपोऽमावगणयत्[7]) ॥ ५७ ॥
यदीये दानाम्भस्यतिसरति लोके सरभसं
समुद्राः कम्पन्ते दिशि दिशि विमुद्राश्च करिणः ।
भविष्यामो नूनं वयमिह निमेषैः कतिपयैः
समालोच्यात्मानो वयमपि निमग्नाश्च सपदि ॥ ५८ ॥
प्रतापं मार्तण्डं कतिचन गिरन्ते कविवराः
कियन्तो धीमन्तो दहनममितं यस्य जगदुः ।
महारुद्रं विद्युज्ज्वलनरविनेत्रं[8]) यममुखं
समुद्भूतं मन्ये सकलरिपुलोकान्दलयितुम् ॥ ५९ ॥
प्रतापाग्निर्यस्य प्रबलपरिपन्थिव्रजवनं[9])
प्रवृत्तो निर्दग्धुं त्रिजगति तदीतस्वुरपि ये ।
कणास्तेमी मन्ये गगनमणिवैश्वानरतडि-
दस्वभूचक्रौर्वाख्यज्वलनयमरूपैः परिणताः ॥ ६० ॥
प्रतापे पापेषु प्रवितरति संतापममितं
यदीये तत्त्रासादिव[10]) सपदि लीनाः समभवन् ।
भुजंगाः श्रीखण्डे गरलमपि गङ्गाधरगले
तथौर्वाग्निर्वार्धावपि[11])च तडिदाली जलधरे ॥ ६१ ॥

1) Ms. °सशिरपता°. 2) Ms. °पुलकाव्याप्त°. 3) Ms. जगता. 4) Ms. ‥ पोश्चाप्रवय°. 5) Ms. रघं. 6) Ms. न्विरसौयैवं. 7) Ms. नृपोसावगणयन्. 8) Ms. °विद्युज्ज्वल°. 9) Ms. प्रजवनं. 10) Ms. तन्नासा°. 11) Ms. °वार्द्धावपि.

प्रतापाग्नी यस्य त्रिभुवनपरितापशमनं
प्रवृत्ते निर्दग्धुं प्रवयति जगद्द्रोहजटिलान्[1]।
सहस्रैः स्वैर्नेत्रैर्गलदमितबाष्पाम्बुकलितैः
सुधर्मायां हर्षं प्रकटयति देवो हरिरपि ॥ ६२ ॥
प्रतापो यस्यैजन्सुजनपरितापोपशमनो-[2]
ऽभिमातीनां हीनामपि च विदधानो जनिभुवम्।
प्रकाशो लोकेस्मिन्विहित इति मत्वेव रविणा।
ह्यलोकेप्यालोकं[3] स्वयमिह वितन्वन्विजयते ॥ ६३ ॥
सुधासिन्धोर्भङ्गी यदि भवति संगीतसहिता
प्रभा पीयूषांशोरपि च सुरसा संभवति चेत्।
कवी[न्द्र]गीतानाममृतलहरीविभ्रमजुषां[4]
तदा यत्कीर्तीनामपि जगति साम्यं विलसति[5] ॥ ६४ ॥
हरात्कुन्दाच्चन्द्रात्त्रिदशकरिदेहात्सुरनदी-[6]
समुल्लोलाद्दुग्धाम्बुधसलिललोलाच्च[7] विमलम्।
यशो यस्योन्मीलत्प्रविगलितवैद्यान्तरसुखं
स्फुरद्वीणानादं दिशि दिशि च गायन्ति गणिकाः ॥ ६५ ॥
यदीयां सत्कीर्तिं कुमुदकलिकाविभ्रमकरीं
शरद्राकेशाभामिव भुवि समास्वाद्य विबुधाः।
सदा जीवंजीवा इव सकलपाथोधय इव
प्रहर्षं प्रोद्वेलं दधति सततोत्फुल्लवपुषः ॥ ६६ ॥
करण्डः कार्पूरः शिशिरकिरणः क्षीरजलधिः
सरस्तारा हारावलिरपि दुकूलं सुरधुनी।
कविर्नासामुक्ताफलमपि सखी वागयमहो
सुयोग्यो यत्कीर्तेर्लसति ललनायाः परिकरः ॥ ६७ ॥
सुमूलं व्यालेशो लसति किल नालं सुरधुनी
स्रवन्ती स्वर्लोकादमलदलमाला[8] च रदनाः।
गजानां दिग्भाजाममृतकरबिम्बं मधुकरो
यशोब्जं तद्यस्य त्रिभुवनतटाके विकसति ॥ ६८ ॥

1) Ms. जगद्रोहजटिलान्. 2) Ms. यस्यैजत्सुजन°. 3) Ms. ह्यलोक्येपालोकं(sic!). 4) Ms. कवींगीता°. 5) Ms. विलसती. 6) Ms. °करिदेवहात्सुर°. 7) Ms. समुल्लोलादुग्धाम्बध°. 8) Ms. स्वर्ल्लोकाद°.

यशःपद्मस्याहो त्रिभुवनतटाके विकसतो
यदीयस्यानन्तो व्रजति सितमूलत्वमवनौ ।
पतन्ती नालीत्वं द्युसरिदपि दिङ्नागरदना-
वली पत्रालित्वं वरमधुकरत्वं हिमकरः ॥ ६९ ॥ पाठान्तरम्
यशःपूरं तारामलकमलमुक्ताफलसुधा-
सुधांशुक्षीरोदप्रमथगिरिहीरद्युतिहरम् ।
यदीयं नेदीयो भुवनमिदमापूर्य चलितं
नवाम्भोधिं[1]) व्याप्तुं परसकललोकान्प्रकलये ॥ ७० ॥
रसाम्भोधेर्यस्मात्समुदयमनुप्राप्य सकला-
न्स्वधिष्ण्यस्थान्देवान्वरयितुमिवालोच्य जगति[2]) ।
गृहीत्वा पाणिभ्यां गुणकुमुदमालां सुललितां
यदीया वैकुण्ठं समगमदहो कीर्तिकमला ॥ ७१ ॥
गुणा वृद्धिं यस्य प्रतिपदमिहायान्ति न पदं
विपर्यासं गत्या विधिविहितया जातु भजते ।
भजन्ते नासिद्धिं चरमसुकृतत्र्यङ्घ्रिविधयो
विधत्ते यं राजा दशमुखजयी[3]) पाणिनिजयम् ॥ ७२ ॥
कदाचित्सास्यासीच्छ्रवणतलपर्यङ्कनिलया
कुलीना नालीकद्युतिहरमुखी कापि कमनी ।
समाख्यां चम्पेति व्यगमदिह या शोभनतमां
तमांस्युद्यत्कान्त्या शमयति हि चाम्पेयसमया ॥ ७३ ॥
चलाभा चन्द्रास्या[4]) चपलनयना चम्पकलता-
सुमोदा सा कान्ता जयति जगतां मोहनकरी ।
विधाता चम्पाख्यां त्रिभुवनपताकामिव हि यां
विधायासौ कम्पां[5]) कलयति परानन्दजलधौ ॥ ७४ ॥
क्षणं लीलाकारा क्षणमपि च लज्जाकुलमुखी
क्षणं क्रीडासक्ता क्षणमपि च नेपथ्यनिरता ।
क्षणं निद्रातान्ता क्षणमपि च कान्ता सहृदया
वयःसंधावेषा[6]) विलसति सुवेषा यदधुना ॥ ७५ ॥

1) Ms. नवांभोधिं. 2) Ms. जगतो. 3) Ms. दशमुखजयि. 4) Ms. चान्द्रा°. 5) Ms. कुम्पां. 6) Ms. वयस्संधावेषा.

किमस्याः कामिन्याः प्रविलसति वेणी घनतरा
सुदीर्घा वा फुल्लत्कमलचलिता भृङ्गपटली ।
इतीमामाशङ्कां सकलजननायाः समुदिता-
मनिह्लादा सैवोद्धरति निजया निश्चलतया ॥ ७६ ॥
ललाटे सौवर्णी लसति कलिका चञ्चलदृशः
प्रदीपज्वालेव प्रकटितकणत्कारललिता[1]) ।
यदस्या धम्मिल्लो भ्रमरजयमल्लो बहुतरां
समाधत्ते शोभां बहलविलसत्कज्जलभवाम् ॥ ७७ ॥
ध्रुवौ भुग्ने यस्या घनबहुलनीलद्युतियुते
दधाते पुष्पेषोर्हरितमणिकोदण्डसुषमाम् ।
ललाटस्था यस्मात्कनककलिका कन्दलयति
प्रभां तन्मध्यस्थस्फुटपुरटनालीकफलजाम् ॥ ७८ ॥
श्रुती यस्याः पूर्णे कनककुसुमाभ्यां मयि नवां
धियं धत्ते भ्रूभ्यां वरनिजधनुर्भ्यां त्रिभुवनम् ।
स्मरेणेदं जित्वा तदनु वलयीकृत्य सशरं
लसन्मौर्वीयुग्मं कनकरचितं स्थापितमिति ॥ ७९ ॥
कपोलौ कान्तायाः कनकफलकाभौ वररुचो
विराजेते कर्णाभरणयुगसंक्रान्तिसुभगौ ।
स्वभूमायावत्योः[2]) स्वमुदितमुखालोकरतयो-
रिमावादर्शौ द्वाविव वदनबिम्बाञ्चिततलौ ॥ ८० ॥
अपीमे नेत्रेस्याः कुवलयदले वा विलुलिते
चले वा राजीवे स्खलचपलिते वा शफरिके ।
चकोरौ वा लीलाविति हि बहुधा केचन जगु-
र्ब्रुवेऽहं सोत्फालं चलनचतुरौ खञ्जनवरौ[3]) ॥ ८१ ॥
शुकः शोभां यस्माद्भजति न यदा किंशुक इह
व्रजेत्तस्याः सारी न हि भवति सा रीतिसचिवा ।
तिलो नासातुल्यो[4]) भवति ननु नीचो मुनितरु-
र्न साम्यं नासाया विलसति ततोस्यास्त्रिजगति ॥ ८२ ॥

1) Ms. °ज्वलत्कार. 2) Ms. स्वभूमायायत्योः. 3) Ms. चञ्जनरवौ. 4) नासीतल्यो.

विलोलो लोलाक्ष्याः पृथुलवरनासामणिरसौ [1])
मुहुश्चित्तेऽस्माकं धियमभिनवामङ्कुरयति ।
न काव्यो नव्योऽयं किमु किमुदयन्पार्वणशशी
नवो वा नैवास्या मुखरुचिमुपैतो वरयितुम् ॥ ८३ ॥
यदीयौ बिम्बोष्ठौ मनसि मम शङ्कां वितनुतः
स्फुरद्बन्धूकस्याप्यति न खलु सिद्धान्तितमिदम् ।
यदेतौ पीयूषद्रवभरितमाणिक्यकुतुप-
श्रितां शोभाश्रेणीमपि हि जयतः स्वीयरमया ॥ ८४ ॥
मुखं सारङ्गाक्ष्या हरति शतपत्रश्रियमहो
शरद्राकानाथं परिहसति जातोदयमपि ।
इदं नैवाश्चर्यं यदिदमधरोद्यन्नवसुधा-
समुल्लोलावल्याधरयति सुधाम्भोनिधिमपि ॥ ८५ ॥
मुखं यस्याः केचित्कमलमपरे चन्द्रमुदितं
रतेः स्वर्णादर्शं कतिचन वदन्ते वयमपि ।
वदामः संफुल्लाधरयुगसरोजं सितकरो-
ल्लसन्नासारत्नं स्फुरदमृतपूरं [2]) सर इव ॥ ८६ ॥
भुजे यस्या भ्राजत्कनकलतिकाभासुरतरे
लसन्नानारत्नाकररुचकराजत्करयुगे ।
रमाया विष्णोश्च स्फुटपुरटलीलाकमलजा
हरन्त्यौ सत्कान्तीरपि कथय केनेह तुलये ॥ ८७ ॥
अमुष्या वक्षोजौ प्रथममिह चाम्पेयकलिका-
कृतौ जातौ पश्चात्कनककलशौ कान्तिललितौ ।
ततो [3]) दोर्मूलान्तं विपुलपरिणाहेन ललना-
मभिव्याप्य स्वस्थां स्थितिमकुरुतां निस्तुलतया ॥ ८८ ॥
कुचौ यस्याः कान्तौ कनककलशौ केचिद्वद-
न्त्यिकयत्तः प्रोद्भिन्नौ कनककदलीपुष्पमुकुलौ ।
अहं कुम्भौ मन्ये मदनकरिणः कञ्जरजसा
परीतावेतस्यां लवणिमसरस्यां विलसतः [4]) ॥ ८९ ॥

---

1) Ms. प्रथुलवरनाम°. 2) Ms. स्फुरदमृपू°. 3) Ms. तता. 4) Ms. विलतः.

गभीरा यन्नाभी लसति कलधौतप्रघटिता
सुवापी सत्कान्तिप्रकरसलिला नूनमिह यत्- ।
लसद्रोमश्रेणीहरितमणिसोपानसरणी-
पथेनेत्यानङ्गो रचयति सरङ्गो विलसितिम्[1] ॥ ९० ॥
न मध्यं मन्यन्ते कति चलदृशोगोचरतया
समुन्नेयं स्थित्या कुचकलशयोः केचन जगुः ।
स्फुरन्त्या सत्कान्त्या कनकरशनायाः स्वसमया
समन्ताद्यालुप्तावयवमहमेनं त्वभिदधे ॥ ९१ ॥
वलोन्नेये मध्ये लसति चपलाद्या मणिगण-
प्रभापुञ्जानद्धा पुरटरशनाभोगसुभगा ।
स्थलप्रोन्मीलन्त्याः कनककमलिन्या हि परितः
कृतोपूर्वा रत्नापरिधिरिव कामेन कृतिना ॥ ९२ ॥
महाभोगं सक्थिद्वितयसहितं रत्नरशनं[2]
नितम्बप्राग्भारं तदिह तुलयेस्याः करिपतेः ।
चलच्छुण्डायुग्मा कनकदलशृङ्गारिततनु-
र्लसन्नक्षत्राली यदि भवति कुम्भद्वयतटी[3] ॥ ९३ ॥
यदूरू संराजत्कनककदलीकाण्डसुभगौ
बलादालम्बेते गतिमिह मदान्धस्य करिणः ।
अतो व्यर्थं नूनं चलति कलहंसः सललितां
यदीयां हा मन्दां सुगतिमनुकर्तुं मदकलः ॥ ९४ ॥
घनौ पीनौ वृत्तौ सुगतिसहितावप्यतितरां
यदूरू संधत्तः कथमिव सुमन्दां गतिमिह ।
तदा ज्ञातं पीनस्तनजघनसंयोगविलस-
न्नितम्बप्राग्भारोद्वहनविपुलश्रान्त्युदयतः ॥ ९५ ॥
प्रवृत्ताप्याजेतुं कनककदली कोमलतया
स्वया कान्त्या चापि श्रियमिह यदूर्वोरनुपमाम् ।
न जानीते जाने निजजडतया स्वात्मनि गते-
रभावं सेयं हा मदकरिगतिन्यक्कृतिकृतः[4] ॥ ९६ ॥

---

1) Ms. सरगोविलसितिं. 2) Ms. रत्नरसनं. 3) Ms. °ताटी. 4) Ms. न्यक्कृति°.

किमेतत्संशिञ्जत्कलितपदयोः [1] पद्मलदृशो
गतिं मन्दामाप्तुं परिचरदहो हंसमिथुनम्।
अहो वा माञ्जीरं युगलमिह संगीतकलया
त्वया लोलन्नेत्रं भुवनवलयं [2] कुर्वदखिलम्॥ ९७॥
पदे पद्मश्रेणीरुचिररुचिवेणीहृतिकरे
किमस्या गौराङ्ग्या वयमिह वदामः सरभसम्।
पदाभ्यां संजेतुं स्वनखकिरणैरेव विजिता
स्वयं माणिक्यश्रीरपि सविधमाप्ता कतिपयैः॥ ९८॥
घनावृत्त मध्यं तदुपरि लसन्नाभिविवरं
सुरोमालीं पीनस्तनयुगलयुक्तां चलदृशः [3]।
समालोच्याशंसे सुनिपुणधिया भाति करिणः
करे सिंहस्तस्मिन्नसलिलसरस्तत्र च गजः॥ ९९॥
हरिद्रागौराङ्गी धवलममलं सूक्ष्मवसनं
दधाना [4] संदत्ते मनसि धिषणां या मम नताम्।
समन्तात्खेलन्ती सुललितसुदाम्नः समुदिता
तडिद्राकाज्योत्स्नानिचयपरिवीतेति किमहो॥ १००॥
इमां प्रोचुः केचित्तडितमपरे काञ्चनलतां
नताङ्गीं केप्यन्ये कनककदलीमद्भुतकरीम्।
अहं त्वेवं [5] मन्ये प्रथयितुमियं कामपि कलां
स्वकां गौरी धात्रा निरुपमतमश्रीरिह कृता॥ १०१॥
विनिर्यच्चन्द्रास्यां कुवलयदलद्रोहिनयनां
समुद्यन्माणिक्यद्युतिविजयिबिम्बाधररुचिम्।
इमां निर्मायाञ्चत्कनककदलीभासुरविभां [6]
विधात्रा पाण्डित्यं निजमिह समुद्दण्डितमिव॥ १०२॥
इतीमां निःसीमप्रवरगुणगम्भीरवसतिं [7]
कुरङ्गाक्षीं श्रीमन्मिहिरनगरोद्योतनकरीम्।
प्रभाश्रेणीं मुक्तामिव खमणिना स्वीयनगरे
स राजा कस्माच्चित्समवहितचेताः समशृणोत्॥ १०३॥

---

1) Ms. °त्संसिंज°. 2) Ms. भुवने वलयं. 3) Ms. चलदृशां. 4) Ms. दधा संदत्ते. 5) Ms. त्वेयं. 6) Ms. निर्मायाञ्चन्कनक°. 7) Ms. निःसीमा, mit kākapāda über dem I.

ततो राज्ञा चम्पां हिमकरकरालीमिव सतीं
श्रुतिद्वाराच्चित्ते गृह इव गवाक्षादिव नवाम्।
विनीयात्रैकान्ते सुनियततया हा परिमृश-
न्प्रदष्टोनेङ्गेन प्रकटितसुरङ्गेन सुभगः ॥ १०४ ॥
तदास्यां संधाय त्वरितमयसम्मोहविशिखा-
न्धनुर्वल्ल्यां पश्चाप्यमरविजयी तं समहिनोत्।
तदाघातात्तुच्छहृदयमुकुलो 1) मोहविकलो
महीनाथो हाथोद्धतमकरकेतोर्वशमगात्॥ १०५ ॥
स्वजेतारं कान्त्या परममभिमाति नरपतिं
पुरारिस्मर्तारं 2) तमिह परिचित्यापि च पुनः।
स पञ्चेषुस्तस्मिन्नपि दश दशास्ताः परिणय-
न्दशार्द्धैः स्वैर्बाणैर्द्विगुणतररोषः 3) समभिनत्॥ १०६ ॥
तदारभ्य क्षुभ्यज्जलधिरिव दुःस्थः समभव-
त्स 4) भूपश्चन्द्राभामिव मनसि चम्पां परिदधत्।
न लेभे शर्मापि क्वचिदपि सधर्मावनिरुहां
तदेहाभूदस्यानुगतममुपास्या खलु सदा ॥ १०७ ॥
चलापाङ्गीमङ्गीकृतभुवनसौन्दर्यसरणी- 5)
मणीयस्यामन्तःकरणकुहरिण्यां खलु यदा।
न संनेतुं शक्तोखिलभुवनकेतुः 6) स तु तदा
समन्दार्तोद्दालीद्वहिरवहितस्तां स्वपरितः ॥ १०८ ॥
प्रभाकल्लोलायां लवणिमतटिन्यां नरमणिः
स तस्यां स्वं चेतोऽवपि 7) किल तदा साहसयुतः।
प्रवेश्यासीच्छून्यो यदतिरयशोभामृतभरे
तदीये कस्मिंश्चित्तदपघनपूरे गतमभूत्॥ १०९ ॥

- -

-   - - - - - - -।

कुलं शोभायुक्तं विहितमनया कस्य विमलं
यमावासं प्राप्य कथमियमनङ्गस्य वसतिः ॥ ११० ॥

1) Ms. °तुच्छधृदय°. 2) Ms. °स्मर्त्तारं. 3) Ms. °रोषांः (sic!). 4) Ms. समभवस. 5) Ms. चलोपांगो°. 6) Ms. °केतोः 7) Ms. चेतोवपि.

न वा निद्रा मुद्रां घटयति यदीयक्षियुगल
न तन्द्रा सान्द्रापि प्रथयति शरीरे शिथिलताम्।
यतोयं तन्वङ्गीममृतरसभङ्गीमिव लवं
महावीरः स्वान्ताद्रहयति न वीरासनधरः ॥ १११ ॥
अनेनेयं वामा नयनकुमुदोद्बोधनकरी
कला चान्द्रीवान्तःकरणकमलोल्लासजननी।
करालीसौरीव द्रुतकनकगौरी [1]) ननु वृता [2])
विचार्यैवं निद्रा व्यगमदिव तन्द्रा च [3]) नृपतेः ॥ ११२ ॥
शरीरं यद्गौरं कनकनिभमासीन्नरपते - [4])
मृणालश्रीलीलां प्रहसदिह जातं तदधुना।
अभूद्यच्चोद्दामद्विरदपतिगाम्भीर्यहरण-
प्रगल्भं तद्वृत्तं [5]) हिमकरकलातोपि सुलघु ॥ ११३ ॥
न चन्द्रे साह्लादं न च कमलपुञ्जे विकसितं
न मालायां लोलं न च मधुनि रक्तं सुमधुरे।
विपञ्च्यां [6]) नासक्तं सकलसुरसस्यन्दिसिरया [7])
तया तृप्तं चेतोरमत नृपतेर्न क्वचिदपि ॥ ११४ ॥
मुखं चेतः स्मृत्वास्य तु ललितमस्याः किल यदा
स्थितं वक्षोलक्ष्मीं परिकलयदासीद्विलुलिता।
प्रवृत्तेस्मिन्ध्यातुं वरमवयवं कंचिदपि हा
तदा तस्माल्लज्जा स्वयमतिमलज्जेव निरगात् ॥ ११५ ॥
प्रलोलत्युद्भ्राम्यत्यनुनदति गायत्यनुपत-
त्यनूत्तिष्ठत्यन्तः [8]) प्रलपति मुहुर्गच्छति बहिः।
समक्षीकृत्येवोद्वदति [मदिराक्षीं स] [9])मदिरा-
मिवापीयोन्मत्तः समजनि विज्ञाने नरपतिः ॥ ११६ ॥
अये कान्ते [10]) कान्तं मयि कुरु दगन्तं तव मुदा
ज्वलन्तं हा भ्रान्तं मदनदहनान्तर्निपतितम्।
नितान्तं मां शान्तं [11]) स्ववदनसुधाभिः कुरु मुधा
विलम्बं मा कार्षीरिति स निगदन्मोहमगमत् [12]) ॥ ११७ ॥

---

1) Ms. सौद्रुतकनक°ः. 2) Ms. वृतां. 3) Ms. व. 4) Ms. नरपतेमृ°. 5) Ms. तद्वृत्त. 6) Ms. विपच्यां. 7) Ms. शिरया 8) Ms. °त्यनुत्ति° 9) Fehlt im Ms. 10) Ms. कान्तं 11) Ms. शांतां 12) Ms. निगदंन्मोहम°(sic!).

तदा सर्वे राजानुचरनिचया भ्रान्तहृदयाः
समाकार्य प्रेष्ठं झगिति नृपतेर्नर्मसचिवम् ।
अयेवस्था केयं नृपसख नृपस्येति विकला
वदन्तस्ते मोहं ययुरमितमुद्विग्नमनसः ॥ ११८ ॥

तदा राज्ञः प्राज्ञां [1] किमिदमिति चिन्तन्स सचिवः
पुरोदीर्णां तूर्णं वचनरचनां केनचिदपि ।
परामृश्याज्ञासीद्रचितमचिरात्पुष्पधनुषा
धनुश्चम्पां कृत्वा रुचिरतनुशोभामिदमिति ॥ ११९ ॥

ततोवादीद्राजन्प्रियसख[2]) महामोहविभव-
स्तवाकाण्डे कोयं कुसुमशरकोदण्डरचितः ।
स चाम्पेयैर्बाणैर्निजरिपुसमाराधनपरं
भवन्तं यज्ज्ञात्वा तुदति नितरां क्रूरचरितः ॥ १२० ॥

ततो देवं कामोद्दलनकरतार्तीयनयनं
भवं भक्तश्रेणीसमुदितमहापन्निरसनम् ।
निधाय स्वान्ते स्वे रिपुमतुलमीशस्य च निजं
विजेतुं युध्यस्व त्रिभुवनजयप्रोद्धतमतिम् ॥ १२१ ॥

इति श्रुत्वा वाचं विकचयति यावत्स नयने
नराणामीशानः प्रियसखमुखाम्भोजगलिताम् ।
करीं पीयूषोत्थामिव नवतमां तावदसहो
महोद्दामः कामः परमिह संरम्भमकरोत् ॥ १२२ ॥

ततः कोपाविष्टं निजवचनभङ्गेव नितरां
दशामन्त्यामेतां गमयितुमिवोत्सुकमनसम्[3]) ।
मनोजं विज्ञाय व्यथितहृदयो नर्मसचिवो
गुरुं दत्तं देवं शिवमिव तदाकारयदिह ॥ १२३ ॥

अमुष्मिन्कालेस्मिन्परमदयिना मृत्युजयिना
रिपोश्चेतोजस्याचरितमिदमालोच्य विभुना ।
सुपत्रीं [4]) तं संजीवयितुमिव जैवातृककलां
निजां दत्तां कश्चिद्द्विज[5])इह समादाय समयात् ॥ १२४॥

---

1) Ms. प्राज्ञा. 2) Ms. राजत्प्र°. 3) Ms. गयितमिवो°. 4) Ms. सुमान्नीं. 5) Ms. कश्चिद्विज.

यदा योगीशानः सकलसुरवन्द्यो मुनिवरः
समागच्छद्द्वारं [1]) नरपतिमणेः शोभनतमम्।
तदा तत्रापश्यत्करनिहितपत्रं नवतरं
स तं विप्रं श्रीमन्मिहिरनगरादागतमिह ॥ १२५ ॥
ततो राजागारं त्वरितममुनाविश्य सहितः
सदा लक्ष्मीकान्तस्मरणविहितोद्दाममहिमा ।
स्वदृष्ट्या तं दृष्ट्वा प्रसरदमृतासारभरया
स्वशिष्यं राजानं चपलमयमाज्ञीवयदहो ॥ १२६ ॥
नताङ्गीं तां स्वीयामिव सुललितां [कार्मुकलतां][2])
मनस्यस्य न्यस्य त्वरितममुतो निह्नवपरः ।
ततो दत्तस्वान्तस्थितमधुरिपोः स्वीयजनका-
त्प्रकामं प्रद्युम्नः किमगमदसौ[3])लज्जित इव ॥ १२७ ॥
त्रिलोकीसंजेता निरतिशयवीर्योद्भटतरः
स्मरोप्यस्मिन्राज्ञि त्वरितमफलाशः समजनि ।
इदं नैवाश्चर्यं द्विजगुरुगवां सेवनपरे
नरे यत्संभूताः[4]) सपदि विलयं यान्ति विपदः ॥ १२८ ॥
ततोसौ राजेन्द्रो लसितवदनाम्भोजमुकुलः
समुत्थाय स्वस्थान्तरसरणिरेनं गुरुवरम् ।
ववन्दे सानन्दं करयुगलमाबध्य विबुधः
शरच्चन्द्रज्योत्स्नाप्रकरविलसन्मन्दहसितम् ॥ १२९ ॥
तदा तत्रत्यानामनुचरजनानामनुपमः
सरोमाञ्चोत्कम्पः प्रभवति यथा हर्षविभवः ।
तथाकस्मादासीदमरसनिःस्यन्दमधुरो
लसद्वाचां पूरो गुरुवरमुखादेष रमणः ॥ १३० ॥
सुवर्णोद्यद्वर्णा विकसितमुखी मञ्जुवलया
सुनेत्राभा[5]) तारासितललितगात्रा सुरमणी ।
इयं पत्री मित्रीकृतगिरिशजैवातृककला
तवामन्दं मोदं विरचयतु चम्पेव जगति ॥ १३१ ॥

1) Ms. समागच्छद्दा°. 2) Fehlt im Ms. 3) Ms. किमगमसपसौ. 4) Ms. यत्संभूता. 5) Ms. सनेत्राभां.

इत्युक्त्वा[1] विबुधेन्द्रशेखरमणिस्तां चक्रिणे चक्रिणे
प्रादायाशु ददाविह द्विजकरात्मतपत्रिकाचन्द्रिकाम्।
यामादाय नृपालमौलिविजयी सन्मन्त्रिणे मन्त्रिणे
दत्त्वा केलिकराय वाचय सखे प्रोच्येति वाचं स्थितः ॥ १३२ ॥
यो दोर्दण्डसहस्रसंभृतलसत्कोदण्डकाण्डावलि-
श्चौराणां मदभञ्जनः प्रविलसत्तेमंकरीसंयुतः।
प्राच्यामद्भुतविक्रमः स भगवांश्चक्रावतारो हरेः
पायादम्बुरुहेक्षणस्त्रिभुवनं श्रीकार्त्तवीर्यार्जुनः ॥ १३३ ॥
श्रीनारायणपादपङ्कजरजःपुञ्जप्रसङ्गादियं
वाणी विश्वविमोहिनी हरिकवेः कण्ठात्समुन्मीलति।
यामापीय सुधानिधानकलशीसंबाधिबिम्बाधरा-
न्बालानां युभुवां पिबन्ति न बुधाः सानन्दमुत्कण्ठताः ॥ १३५ ॥
श्रीमत्सूर्यपुरस्थितिर्हरिकविर्विद्याविनोदोज्ज्वलः[3]
श्रीनारायणसूरिसूनुरपि यः सद्दाक्षिणात्यान्वयः।
उद्योगादनवद्यपद्यरचनाचातुर्यविद्योतिते
तत्काव्ये खलु हैहयेन्द्रचरिते सर्गो निसर्गोज्ज्वलः ॥ १३५ ॥

श्रीमत्सूर्यपुरस्थितश्रीनारायणसूरिसूनु [हरिकवि][4] विरचिते विजयाङ्के हैहयेन्द्रचरिताख्ये महाकाव्ये हैहयेन्द्रगुणवर्णनो नाम प्रथमः सर्गः ॥

॥ अथ द्वितीयः सर्गः ॥

मरकतमणिश्यामं कामं[5] विशालमनारत-
स्फुरितहरिणीनेत्रावीतानमन्नयनद्वयम्।
वियदिव सहोदञ्चच्चञ्चच्चलातपचन्द्रिकं
रचयतु परामृद्धिं वक्षश्चिरं मुरवैरिणः ॥ १ ॥

---

1) Ms. इत्युक्ता. 2) Ms. दत्वा. 3) Ms. °दोज्वल. 4) Fehlt im Ms. 5) Ms. कांमं.

श्रवणकठिनाकाराप्यन्तर्निवेशविधाविद्धा-
नुपममधुरोद्गारा वाणी विभात्यनुभावतः ।
दशनकलिकाखण्डव्याप्यास्याङ्कुराग्रविलोलन-
सदमृतरसस्यन्दानन्दा सितेव ततेनुतः [1] ॥ २ ॥
कविरविमहोत्कर्षान्हर्षात्प्रपञ्चय [2] पञ्चषा-
न्स्खलसि [3] रसने किं त्वं सर्वान्प्रवक्तुमनीश्वरा ।
गणपति यदप्येतान्धाता दिनावलिमालया
तदपि भगवानेषामन्तं [4] कदापि न विन्दति ॥ ३ ॥
कमलपटलस्फारस्फूर्जन्मनोहरसौरभो-
न्मदमधुकरश्रेणीशिञ्जासमुद्गतमाधुरी [5] ।
न हि सुभगतां लोके विन्दत्यनेकगुणाद्भुतां
कविवरजगन्नाथोद्यद्वचोरचनावलेः ॥ ४ ॥
अथ चतुरया चम्पासख्या - - - निवेशितां
गतवति गुरौ पत्रीं मित्रीकृतामृतमञ्जरीम् ।
प्रणयविनयप्रेमाधारामुदारपदक्रमां
स रभसभृतो नर्मो [6] वक्तुं समारभतादतः ॥ ५ ॥
सलिलमनिलः पृथ्वी पृथ्वी रथाङ्गवियोगहा [7]
शिशिरकिरणः कीलामाली वितानकृदम्बरम् ।
अनिशमनिशं दिव्यं भव्यं सुधाकरशेखरः
प्रथयतु [8] तन्नेरताः स्फीता [9] दधद्विबुधर्षभः ॥ ६ ॥
किमलमधुनावेद्यं योगिन्मया मधुरं पुन-
स्त्रिभुवनभुवां माधुर्याणामपीह निकेतने।
चतुरमपि किं चातुर्याणां धुरीणनिधौ त्वयि
प्रणयमधुरां वाचं राजञ्शृणुष्व [10] तथापि नः ॥ ७ ॥
परमिह पुरं सौरं श्रीम[त्समु]ल्लसति [11] त्विषा
रुचिरतरया तापीभङ्गावलीवलयावृतम् ।

---

1) Ms. रातेनतः. 2) Ms. °महोत्कर्षाद्दर्ष°. 3) Ms. सवलसि 4) Ms. °नेपामेतं. 5) Ms. सिञ्जा. 6) Ms. नमी°. 7) Ms. °यियोगहा. 8) Ms. प्रयपतु. 9) Ms. स्पाता. 10) Ms. राजन्श्रृणुष्व. 11) Ms. श्रीमल्लसति.

अमरनगरी शोभामङ्गीकरोति यदुद्भवां
झगिति[1]) जगतीं यान्तीं[2]) गङ्गां निवेश्य निजाङ्गणे ॥ ८ ॥
अवसदमलः श्रीकच्छाख्यो[3]) नृपोत्र विहा[य] वै[4])
स्वजनिजगतीं तापोसेवापराय[ण]मानसः[5]) ।
सुरभिरभितस्तापोकान्ताख्ययाभवदुद्भटः[6])
सुभटनिकरासेव्यस्तस्यां महोन्नतया तया ॥ ९ ॥
नरपरिवृढः पूर्वं येभून्महेन्द्रकुलाचल-
स्थितिरतिमहान्नानारत्नाकरप्रभुरद्भुतः ।
अगणितगुणोदारः सारोन्नतो वरविक्रमः
स्वविभवलवक्रीडाक्रीतालकाधिपशेवधिः ॥ १० ॥
किल तनुभवा तस्यादित्योद्भवानुतिसंभवा
चपलनयना चम्पाख्येयं सखी मम वर्तते ।
त्रिभुवनकृता यां निर्माय स्वनिर्मि[ति]शोभिनीं[7])
कनककमनीं स्वं चातुर्यं परं प्रकटीकृतम् ॥ ११ ॥
भुवनसुभगां तां चार्वङ्गीं किमत्र निरूपये
निरवधिगुणां कर्णायातां तथापि निरन्तरम् ।
किमिह बहूनि प्रोक्ते यस्यास्तुला जगदन्तरे-
खिलजनिकृता नान्या धन्या कदापि विनिर्मिता ॥ १२ ॥
लवणिमनिधे निर्व्याजं [वत्][8])प्रभूतगुणाकरं
मम खलु सखी[9]) सेयं गेये चकार कदाचन ।
श्रवणविषयं घस्रे यस्मिंस्तदा गतिविह्वला
क्वचिदपि न हा याति श्रीमन्रतिं हि पतिंवरा ॥ १३ ॥
श्रवणविवरद्वारा या त्वां विधाय हृदम्बुजे
लवणिमसुधाम्भोधिं मध्योदितास्यसुधानिधिम् ।
व्रजति परमं संतापं यज्ज्वलज्ज्वलनोपमं
गुणगणनिधे नेदं जाने किमद्भुतमुद्गतम् ॥ १४ ॥

---

1) Ms. जगिति. 2) Ms. यान्तो. 3) Ms. श्रीकक्षाख्यो. 4) Ms. विहावै. 5) Ms °परायमानस. 6) Ms. °रभितः स्तापो°. 7) Ms. स्वनिर्मिशोभिनीं. 8) Fehlt im Ms. 9) Ms. सखि.

स्वरिपुमजितं स्वीये गेहे निवेशितमेतया
रतिजयकृता त्वामालोक्य प्रकोपभराकुलः ।
धनुषि विनिधायाग्नेयं स्वं शिलीमुखमुत्कटं
प्रदहति बलो ह्याविज्ञातं सखीं [1]) म[क]रध्वजः [2]) ॥ १५ ॥
किमिह कथये यद्वैरेण स्मरेण विचेष्टितं
भवति नृपते तस्यां तन्व्यां दशा दश कुर्वता ।
यदियमनिशं चान्द्रं सान्द्रं विकासि [3]) च पङ्कजं
सरसिजमुखी संपश्यन्ती प्रयाति परं ज्वरम् ॥ १६ ॥
अपि सखि दिनं यातं सर्वं स्फुटा नलिनावली [4])
परिमलभरक्रूरं दूरं सुखं मम वर्तते ।
इति सरभसं सोत्का यावत्स्थिता [5]) कुवलेक्षणा [6])
तदनु सहसा तावज्ज्योत्स्ना [7]) ददाह समुद्गता ॥ १७ ॥
मलयजरजो भस्माकारं बिभर्ति [8]) हसत्यसौ
विरहदहनात्पिङ्गा [9]) वेणीजटा तडिदाकृतिम् ।
दरदतिलकः पाकाच्छुभ्रः [10]) सुधाकरतामधा-
दिति हि विकलाप्येषा कान्ता सदाशिवतां गता ॥ १८ ॥
वदनकमलाघ्रातायातैर्विनिश्वसितानिलै-
र्विरहदहनज्वालामालाविदाहिविसर्पणैः।
कुसुमरचितः प्रावारोस्या ज्वलन्दहति प्रियां
प्रियजनविधौ [11]) वक्रे स्वात्माप्यरातिवरायते ॥ १९ ॥
कमलशयनं भस्मीभावं भजत्यपि चन्दनं
वपुषि निहितं तूर्णं यस्या सकंकृति दह्यते ।
प्रियसख महाश्चर्यं नैतद्विचार्यमहो यतो
हृदयनिहितो हारो लाजा इव स्फुटति स्फुटम् ॥ २० ॥
प्रियवर वयं किं जानीमः परं सुदृशो ज्वरं
यदिह बिसिनीशय्या [12]) नेयं निवेदयति स्म नः ।

---

1) Ms. सखी. 2) Ms. मरध्वजः. 3) Ms. विकाशि. 4) Ms. स्फुटान्नलिन°. 5) Ms. यात्रस्थिता. 6) Ms. कुवलेकृणा. 7) Ms. तावज्योत्स्ना. 8) Ms. बिभर्त्ति. 9) Ms. °दहनोत्पिङ्गा. 10) Ms. पाकाछुभ्रः. 11) Ms. प्रियबनविधौ. 12) Ms. बिशनीशय्या.

पदकरघनश्रोणीवेणीललाटतटस्तन-
स्तवकघटनसृष्टोद्देशप्रकाशिकर्मगरा ॥ २१ ॥
अपि गुरुजनाज्ञोपायत्ती भवद्विरहोद्भवं
हृदयतुहरेयं[1] संतापं सरोजमुखी स्थिता ।
कमिह परमं किं जानीमो वयं बहिरास्थिता
हृदयसदनस्थायी नूनं भवानवगच्छति ॥ २२ ॥
हृदयनिहितं जातं भस्म क्षणान्मलयोद्भवं
कुसुमरचिता मालाः शुष्का ज्वलन्ति दहन्ति च ।
व्यजनपवनैर्वृद्धस्यास्या वियोगहविर्भुज-
स्त्वदधररसादन्योपायं शमाय न विद्महे[2] ॥ २३ ॥
बकुलमुकुलं रक्ताशोकं लसत्पिकवल्लभं
विमलकमलं फुल्लां मल्लीं कुरुष्व हृदि स्वके ।
इति सहचरीवाक्यं श्रुत्वा चकार तथाङ्गना
दलितहृदया तैरेवासीत्किमेतदयेद्भुतम् ॥ २४ ॥
विरहजनितं बाष्पोद्रेकं सरोजनिभानना
प्रियसहचरीवृन्दाज्ञोपायतीह मुधा कियत् ।
यदुत विगलद्धारा [क्षारा][3] मरन्दसमुद्भवा
बहुलविसरत्तापो[4] म्लानो भवत्यपि पल्लवः ॥ २५ ॥
लसतु च सुधारश्मिर्लोलद्घनावलिसंवृत-
श्चलति पवनश्चण्डो वक्त्राच्छुकस्य तदद्भुताम् ।
- -
- ॥ २६ ॥
कमलमुकुले सोमस्तिष्ठत्यहो[5] प्रिय खिद्यते
मिथुनमचलं यस्मिन्निर्यज्जलं खलु खाजनम् ।
रमणकरुणः कीरश्चास्मिन्कुकूलसमीरणं
किरति विपुलं वारं वारं किमद्भुतमुच्यताम् ॥ २७ ॥
तनुरतितनुर्वक्त्राम्भोजं विषाङ्कुरपाण्डुरं
बहुलविगलद्बाष्पे नेत्रे विनिर्गतकज्जले[6] ।

1) Ms. हृदयं तुहरेयं. 2) Ms. दिद्महे. 3) Fehlt im Ms. 4) Ms. °त्तापं. 5) Ms. °स्तिष्टत्यहो. 6) Ms. विगत°.

विषयविरतिर्भूषात्यागः[1] समाकुलतान्तरे
तदपि सुतनोरेषाप्यास्ते दशा हृदयंगमा ॥ २८ ॥
अथ दश दशाः। तत्र चक्षुःप्रीतिः।
नरवरजनश्रेणीवक्त्राद्यथाश्रुतमद्भुतं
फलकलिखितं त्वां पश्यन्ती मनोज्ञमनोहरम्।
नयति निखिलं कालं सालङ्कृतिर्भुवनस्य हा
वद ननु ततः कान्या वर्ण्या दशा हरिणीदृशाम् ॥ २९ ॥
सुख[मुख]विधुं[2] संपश्यन्त्याश्चकोरदृशो भृशं
व्रजति परमानन्दं युक्तं युगं नयनस्य यत्।
इदमिह महाश्चर्यं लोके तनोति विकाशि य-
द्भवति हृदयाम्भोजं तस्या मनोभवसुन्दरम् ॥ ३० ॥
प्रियसख सखी संपश्यन्ती[3] भवत्यपि मन्मथे
फलकलिखिते साम्यं वामेक्षणा स्मरसुन्दर।
भ्रममिह परं यायादेव प्रसन्नतराकृते
किल कलुषता तस्मिन्कोपोच्छ्रिता[4] न भवेद्यदि ॥ ३१ ॥
चित्रविलोकनजनितचक्षुःप्रीतौ स्तम्भादिसात्त्विकभावकथनम्।

तत्र स्तम्भः प्रथमम्।

फलककलितं त्वामालोक्य त्रिलोकविलोचनो-
त्पलवनसुधारश्मिं नानागुणैकमहोदधिम्।
सरसिजमुखी सेयं निर्यन्निमेषसमीक्षणा
कुसुमधनुषा चित्रोत्कीर्णाङ्गिकेव विभाव्यते ॥ ३२ ॥
रुचिरनयनं चित्रन्यस्तं भवन्तमनिन्दिता
चरणकमले स्प्रष्टुं[5] यावत्करोति कराम्बुजम्।
तदनु सहसा तां चार्वङ्गीं स्वशत्रुरिवोद्धतः
प्रमदनिभृतस्तम्भस्तावद्गुणाद्धि समुद्गतः ॥ ३३ ॥

अथ स्वेदः।

कथमपि शरद्राकानाथप्रभं वदनाम्बुजं
करकिसलयेनाम्भोजाक्षी[6] तवामृशती स्थिता।

1) Ms. विशय°. 2) Ms. सखविधं. 3) Ms. संपसंपश्यन्ती. 4) Ms. तास्मिन्कोपोच्छ्रिता. 5) Ms. स्पृष्टुं. 6) Ms. °किशलयेना°.

सुभग सहसा तावत्तस्याः ससार शरीरतः
शिशिरशिशिरः स्वेदोद्भेदः प्रमोदभराद्रुतः ॥ ३४ ॥

अथ रोमाञ्चः ।

चकितनयनं त्वां पश्यन्ती क्षणं रसनिर्भरा
पुलकमुकुलांल्लङ्गालोला बिभर्ति निरन्तरम् ।
भवति विलसद्भावोल्लोले रसोत्तमनीरधौ
रमण विहितस्नाना[1]) शीताकुलवे चलेक्षणा ॥ ३५ ॥

अथ स्वरभङ्गः ।

कमलनयनः शृङ्गाराख्यो रसः सखि मूर्तिमा-
निव सरभसं कोयं मुग्धे पुवाद्य विलोक्यते ।
प्रियसखि मम प्राणात्रेत्याद्युदीरयितुं सखीं
कृतमतिमिमां तूर्णं कण्ठे रुरोध रसोदयः ॥ ३६ ॥

अथ कम्पः ।

भुवनरमणं त्वां पश्यत्याः सुपक्ष्मलचक्षुषो
ननु तनुरहो वातोद्धूता लतेव विकम्पते ।
विगलदपराविद्यानन्दामृताब्धिगतान्तर-
प्लवनविसरज्ज्योद्रेकप्रकामविसंस्थुला ॥ ३७ ॥

अथ वैवर्ण्यम् ।

कनककमनं कन्दर्पालीपराजयपारगं
नरवरमणिं त्वामाधाय स्वकीयहृदम्बुजे ।
कमलवदना वैवर्ण्यं हा जगाम जवादियं
कथय किमिदं जातं कामो निकामनिरङ्कुशः ॥ ३८ ॥

अथाश्रु ।

स्तिमितनयनं स्विद्यद्गात्रं सरोमकुलाङ्कं
स्खलितवचनं प्रेङ्खत्कायं विवर्णमुखाम्बुजम् ।
रमणवदनं ते पश्यन्त्याः सरोजदृशो[2]) दृशः
स्वयमपि रसादश्रूद्भेदोसरन्नु तदीक्षितुम् ॥ ३९ ॥

---

1) Ms. विहितस्ताना. 2) Ms. सरोजदृशोः.

अथ प्रलयः ।

चरणकमलं वक्त्राम्भोजं विलोचनपङ्कजं
करसरसिजं [1]) सारङ्गाक्षी न चालयति प्रिय ।
तव नवनवामाङ्गीं शोभां विभाव्य रसाप्लुता
स्तिमितकरणा योगारूढेव सा परिबुध्यते ॥ ४० ॥

अथ चिन्तासङ्गः ।

लवणिमसुधाम्भोधौ मग्नं मनो हरिणीदृश-
स्त्वयि किल बहिर्नो निर्याति क्षितीश करोमि किम् ।
यदिह सुचिरं सध्रीचीभिः प्रतिक्षणबोधिता-
प्यहह रमणी सेयं निद्रां गतेव न भाषते ॥ ४१ ॥
लिखति धरणीमङ्गुल्यग्रैरणीयसि जल्पिते
मृषयति तथा सध्रीचीभिर्ब्रवीति न किंचन ।
रमयति न वा सारीं चैषा सुमञ्जुलभाषिणीं
सुभग भवताकृष्टस्वान्ता सरोजनिभेक्षणा ॥ ४२ ॥
नलिननयना त्वां ध्यायन्ती सुधाकरसुन्दरं
प्रिय सदिवसां सर्वां रात्रीं न वेद गतामपि ।
स्वगलचलितं गान्धारं नावधारयति[2]) स्वयं
भवति हि गलद्वेद्यं चेतो वराभिनिवेशिनाम् ॥ ४३ ॥
हृदयकमलाविष्टं सेयं त्रिलोकमनोहरं
रहयति ततो न त्वां तन्वी निमीलितलोचना ।
क्षणमपि विभो जीवंजीवाङ्गना परिनिर्वृता[3])
विगलदमृतासारं राकासुधांशुमिवामलम् ॥ ४४ ॥
वदननिहिता सख्या वीटी तथैव वितिष्ठते [4])
करयुगकृता वीणा तूर्णं पतत्यपि विश्लथा ।
नयनयुगलो यस्मिंल्लग्ना ततो न चलत्यलं
कुवलयदृशो मग्नं चेतो यतस्त्वयि वर्तते ॥ ४५ ॥
हृदि विकलता वक्त्रे मौनं तनौ तनुता तथा
नयननलिनद्वंद्वे धारा जलस्य निरन्तरा ।

---

1) Ms. °धरसिज. 2) Ms. वावधारयति. 3) Ms. परिनिवृता. 4) Ms. वितिष्टते.

अरतिरखिले रम्ये स्फूर्तिर्न कस्यचिदप्यहो
नरवर तनोः किं जातं हा वयं न विद्महे ॥ ४६ ॥

अथ संकल्पः ।

अपि नरपतिर्वाचं[1]मङ्गीकरिष्यति[2] किं न वा
प्रहसनपरो लीलामल्ली कुतोऽप्यनुमंस्यते ।
हिमकरशिलापुत्रीवाहं सुधांशुमिवामलं
रसकरवती तं प्राप्याहो रहो भविता न वा ॥ ४७ ॥
मदनदहनप्लुष्टं मेऽङ्गं सुधाकरवर्षिणा
करकिसलयेनामृश्याहो[3] करिष्यति शीतलम् ।
कमलनयनः किं वा हार्द[4] विदाहमपीह मे-
धरमधुरसासेकोद्रेकैर्विनेष्यति किं न वा ॥ ४८ ॥
सुरतरुमिवामन्दामोदं प्रियं स्वभुजान्तरे
रहसि विनिधायाहो गाढं रसात्परिचुम्ब्य[5] च ।
किमु गतपरिज्ञानाह्लादामृताम्बुधिसंगता[6]
स्तिमितहृदया पृथ्वीवेयं जडत्वमिहैष्यति ॥ ४९ ॥
कमलनयने कान्ते मुग्धे रसाम्बुधिचन्द्रिके
विधुमुखि [सखि][7]प्राणत्राणौषधि प्रि[य]भाषिणि[8] ।
इति करदले कृत्वा वक्त्राम्बुजं मम वल्लभो
रहसि मधुरान्वाचःपेशान्कदानुवदिष्यति ॥ ५० ॥
बत कथमसावङ्गीकुर्यादिमं[9] जनमञ्जसा
नृपतिरपि वा कं हा कुर्यामुपायमिहादृता ।
इममकलितोदर्कं चेतोरथं कथयाम्यहं
किमिति बहुधा चिन्तानद्धा सखी मम ताम्यति ॥ ५१ ॥

अथ निद्राच्छेदः ।

प्रियसहचरी यैनां निद्रा विनेतुमुपागता
न खलु गणिता कान्तश्रीमद्धृताशयपानया[10] ।

---

1) Ms. नरपतिवाचं. 2) Ms. मंगीकरिष्यति. 3) Ms. °किशलयेना°. 4) Ms. हार्द्द. 5) Ms. रसोत्परिचुम्ब्य. 6) Ms. गतपरज्ञाना°. 7) Fehlt im Ms. 8) Ms. प्रिभाषिणि. 9) Ms. कथमसायंगी°. 10) Ms. हुताशयपानया.

इति हि सुतरां सक्रोधा सा गता[1] भवदन्तिकं[2]
न विशति पुनस्तस्मादेषानिशं प्रतिबुध्यते[3] ॥ ५२ ॥
निशि च दिवसे निद्रा नैनामुपैति समाकुलां
मदनदहनज्वालाजालावलीढतनुं तनुम्।
विपुलविलसत्संतापोग्यद्भियेव न वेद सा
हृदयकमले नास्यास्तापस्तव स्मृतिशीतले ॥ ५३ ॥
बहिरपि मनस्येकं कान्तं भवन्तमनन्यधी-
र्ललितललितं संपश्यन्ती दिवानिशमङ्गना।
क्षणमपि मनाङ्निद्रां नैषा समेति तवाकृतिं
प्रति लवसमालोकाह्लादप्रहाणभियेव किम्॥ ५४ ॥
तव मुखशरच्चन्द्रकिशानं सुधारसवर्षिणं
प्रियकृशतनोः संपश्यन्त्या बहिः किल सर्वतः।
निबिडनिबिडा[4] निद्रामुद्रा विहाय समन्तनो-
त्पलयुगमहो वक्त्राम्भोजं श्रितेत्यवधारये ॥ ५५ ॥
अपि बत तया नेत्रद्वंद्वाद्बलाद्विनिवारिता[5]
भुवनरमणं त्वां पश्यन्त्या हरित्सु दशस्वपि।
कपटकुटिला सा तां निद्रा प्रतार्य कलावतीं[6]
गुपनचतुरा सर्वाङ्गेण सखे समभूदिव ॥ ५६ ॥

अथ तनुता।

सुतनुमतनुर्मुक्त्वा बाणं विशोषणमोषणं
निरुपमयमहो तन्वीं तन्वीं करोति करोमि किम्।
कथमपि सखे जीवत्येका कलेव कलानिधे-
स्तवगुणमलयायुष्मद्ध्यानामृताश्रयजीविता[7] ॥ ५७ ॥
सुभगविभगः कामः[8] कामं[9] क्षिणोति गुणोन्नता-
मनिशमदयः क्रोधादेनां रतेर्जयकारिणीम्।
तदपि विपुलं लावण्यौघं त्रिलोकविमोहिनं[10]
विसृजति[11] निजं नैषा योषा विशालविलोचना ॥ ५८ ॥

1) Ms. गते. 2) Ms. तवदन्तिकं. 3) Ms. प्रतिबुद्ध्यते. 4) Ms. नविडनिविडा. 5) Ms. नेत्रद्वंद्वा बलाद्वि°. 6) Ms. कुलावत. 7) Ms. °वायुष्मद्ध्याना°. 8) Ms. कांमःकामं 9) Ms. मनिषम. 10) Ms. °विमोहिनीं 11) Ms. विस्रजति.

अनिमिषदृशं वीक्षयन्सूक्ष्मां मृणाललतागतां
विरहविभवक्षोणामेनां न वेद [स]खीजनः[1]) ।
न किल महदाश्चर्यं चैतद्विनोपदृशं यतो
न खलु समभूद्देहुं कामोऽप्यलं कमलेक्षणाम् ॥ ५९ ॥
प्रथमतिथिजां चान्द्रीं लेखां वियोगकृशां सखी-
मपि च रुरुदुर्दृष्ट्वा सख्यः समां बहुदुःखिताः ।
न खलु बुबुधुस्ताः सादृश्या[2]) महाध्ववशात्कृशा[3])
पुनरनुदिनं वर्धिष्णुर्हा सखी न तथेति च ॥ ६० ॥
करिकरसमावूरू तस्या मृणालतुलां गतौ
कनककलशप्रौढौ जातौ स्तनौ कुमुदाकृती ।
प्रमदकरिणी गम्भीराभूत्तडिल्लतिकानिभा
प्रियविरहजं कार्श्यं वर्ण्यं तनोः किमतः परम् ॥ ६१ ॥
विरहजनितं सौक्ष्मं तन्व्या न वर्णयितुं क्षमा
वचनविषयाभावं प्राप्तं तथापि शृणुष्व नः ।
अपि किल सखीदानीं जाता मनोऽणुगृहान्तरे
तव नरमणे योग्या कर्तुं[4]) विहारमसंकटम् ॥ ६२ ॥

अथ विषयनिवृत्तिः ।

न लगति मनः सान्द्रे चन्द्रे न वा नवपल्लवे
न च विचिकिलामोदानन्दे वने वनजानन ।
न खलु विलसन्माधुर्येञ्चन्मधुव्रतगुञ्जिते
न च सुमधुरे नानास्वादे चलाचलचक्षुषः ॥ ६३ ॥
शिशिरकिरणः पूर्णः तूर्णं कठोरकरायते[5])
कमलमुकुलामर्शः[6]) स्फूर्जद्भुजंगमुखायते ।
मलयजरसः कर्पूराङ्कः समीर[स]खायते[7])
प्रियसख तवालाभे तन्व्याः स्मरोऽपि यमायते ॥ ६४ ॥
विरहविधुरा चैका बाला कदाचिदियं वनं
विचिकिलमहामोदं[8]) याता विनोदयितुं मनः ।

---

1) Ms. वेदखीजनः. 2) Ms. बुबुधास्तेदृश्या. 3) Ms. °वशाकृशा. 4) Ms. कंतु. 5) Ms. कण्ठोर°. 6) Ms. °मुकुलामर्पः. 7) Ms. समीरखायते. 8) Ms. °महामोदां.

मधुकरवधूगीतैर्नीता [1] परामियमापदं [2]
किमिव हृदये दुःखोद्विग्ने भवेत्सुखदं खलु ॥ ६५ ॥
विहरति न हा मन्दामोदस्फुरन्नवमालिके [3]
परिमलभरप्रौढोल्लासस्फुटद्वयपुण्ड्रके [4] ।
बहलबकुलासाराधारे सुगन्धसुधेधुना [5]
यदह भवतोद्याने ज्ञाने सखी विमुखीकृता ॥ ६६ ॥
रमयति सखी ऽसारीं नैव प्रसारवतीं सतीं
सकलजगदानन्दां ज्योत्स्नां न वा प्रिय सेवते ।
अपि च विलसन्मल्लीमालां न धारयति प्रिया
यदखिलसुखाधारे तन्व्या मनस्त्वयि वर्तते ॥ ६७ ॥
तव ननु महाशोभालोकोत्सुकं नयनद्वयं
कलति निखिले रम्ये दृश्ये गतादरताश्रयम् ।
त्वदधरसुधापानोत्कण्ठा रसेषु पराङ्मुखी
भवति रसना तस्या नूनं मनोभवमोहन ॥ ६८ ॥

अथ त्रपानाशः ।

विधुमुखि [6] विधुं पश्योद्यन्तं प्रिये न विधुस्त्वयं
विधिरयमहो वामो वामे विधुंतुद एव वा ।
हृदयगगनं ज्योतिः पूर्णं विमोहतमिस्रया
कथमिव मम व्याप्तं कुर्यान्न चेत्सुभयाकुलम् ॥ ६९ ॥
सरसविसिनीपत्रं [7] रम्यं गृहाण बधान च
प्रियसखि हृदि ज्वालाशान्त्यै स्मराख्यहविर्भुजः ।
सखि सरभसं शुष्कीभूय क्षणादिदमेव मे
ज्वलदतितरां हा संतापं करोति [8] करोमि किम् ॥ ७० ॥
कनकरुचिराकारः कान्तः किशोरवया मया
श्रवणविषयं योयं नीतो वरः स्मरसुन्दरः ।
तमिह रमणं नाहं प्राप्स्ये यदा खलु हा तदा
सपदि सखि मे जीवो जीवेश्वरं प्रतियास्यति ॥ ७१ ॥

---

1) Ms. गीतिनीता. 2) Ms. परामिहमापदं. 3) Ms. स्फूरन्नव°. 4) Ms. °पुण्ड्रके. 5) Ms. सुगन्धसुधांधुना. 6) Ms. मुखी. 7) Ms. बिशिनी 8) Ms. कारोति.

प्रियसखि विषज्वालाधारां निवार्य हादृता-
विकलवचने सर्पत्येष स्वयं मधुमारुतः ।
किमिति विदहत्येवं दुःखाकुलामपि मामयं
सहचरि परित्रातं वामे विधौ घटतेखिलम् ॥ ७२ ॥
क्रकचनिचयाकारैः पत्रोच्चयैररुणप्रभै-
स्तरुणरुधिरश्रेणीलिप्तैरिवोग्रतराकृतिः ।
विरहविधुरा बाला दीनानना सखि दारय-
न्कथमिव सुशोकोयं लोकैरशोक इतीर्यते ॥ ७३ ॥
अपनय शरज्ज्योत्स्नां कृत्स्नां कुहूः सखि वर्तते [1]
तदिदममलं किं हा मेङ्गं परीत्य दहत्यहो ।
किमिति विदहेन्मह्यं वस्त्रं हिमं कुरु दरत-
स्तदपरमले [2] कामस्येदं यतः शरपञ्जरम् ॥ ७४ ॥
यदमरगणैः पीतो नित्यं चकोरकुलैस्तथा
तदपि विलयं नायं सोमः प्रयाति यथा पुनः ।
गिरिशनिटिलस्थायिन्येके कलां किल तां स्थितां
त्वदुपरि कृपापूर्णस्तूर्णं दहाङ्गविदाहिनीम् [3] ॥ ७५ ॥

अथोन्मादः ।

भ्रमति परितो दीर्घोच्छ्वासं विमुञ्चति मञ्चके
पतति सहसोत्तिष्ठत्यङ्गाङ्गणं प्रतिगच्छति ।
लिखति धरिणीं बाष्पश्रेणीं प्रसारयति क्षणं
मदनदहनज्वालाजालाकुला कुवलेक्षणा ॥ ७६ ॥
प्रलपति तथोत्तिष्ठत्युच्चैर्नदत्यनुसंविश-
त्यहह चलति प्रोच्चैर्हासं करोत्यपि रोदिति ।
निपतति मुहुः पृथ्व्यां पर्याकुला परिचेष्टते
नवगुणसुधापानोन्मत्तेव हा कमलेक्षणा ॥ ७७ ॥
घन घन किमाटोपैरेतैः कृतैरबलाजने
कुरु यदि सखे शक्तिर्वाञ्छानिले [4] गिरिकन्यके ।

---

1) Ms. वर्त्तते. 2) Ms. °स्तदपरममले. 3) Ms. दहागविदाहिनीं. 4) Ms. शक्तिंककानिले.

भवति परमोत्कर्षो लोके महोन्नतिशालिनां
समधिकसमाक्रान्तौ यस्मान्न दुर्बलमर्दने ॥ ७८ ॥
विधुरयुवतीहत्यापापोदयान्मलिनाननो-
ऽप्यहह जलदोद्गारैस्त्वं यत्सखे न विलज्जसे ।
तदिदमुचितं मन्ये नूनं जडत्वभृतां नृणां
न भवति घृणा लोके नापि त्रपा सकृपा यतः ॥ ७९ ॥
किमिह चपले लोलस्यैवं मुहुर्मुहुरुद्धता
प्रियसहचरीनारीभावे समेपि यदावयोः ।
न खलु जगति 1) स्थायी सोयं जनस्य समागमो 2)
भवति सुचिरं यस्मात्तस्माद्विमुञ्च विलोलताम् ॥ ८० ॥
प्रसरदमितामोदस्फूर्जन्मरन्दसुतुन्दिल
भ्रमरनिकरोद्गीत श्रीमन्विशालरसाल 3) हे ।
मदनदहनज्वालाजालावलीढतनौ मयि
त्रिभुवनसुखं त्वं प्रोल्लासं करोषि करोमि किम् ॥ ८१ ॥
पिकवर सुधामुग्धां वाचं मुधा किमु रे गिर-
स्यहह रमणी वाणी ते मे भवत्यतिदुःसहा ।
अपि किल भवाञ्जानातीदं 4) न हा किमु यद्भव-
त्यरमणमहो 5) सर्वं रम्यं मनस्यतिदुःखिते ॥ ८२ ॥
प्रियमधुरया वाचा त्वं मां पिकोत्तम दुःखितां
रमयितुमिहायातो हा ते प्रियं करवाणि किम् ।
मम खलु मनोयुक्ताः प्राणाः प्रियं प्रतियात्यहो 6)
यदिह वचनैरुत्तालैस्ते मनोभवनोदकैः ॥ ८३ ॥
अदयहृदय 7) प्रौढं कोपं समीरण [माधव] 8)
प्रियविरहिते हा किं पापिन्करोष्यबलाजने 9)
त्वयि समुचितं 10) चेदं जाने यमप्रियबान्धवे
विषधरगलप्रोद्यद्धालाहलावलिसंगते 11) ॥ ८४ ॥

---

1) Ms. जगती. 2) Ms. समागम्नो. 3) Ms. °विपाल°. 4) Ms. भवान् जानातीदं. 5) Ms. °त्यरमरमणमहो. 6) Ms. प्रतियात्यहो. 7) Ms. °हृदया. 8) Fehlt im Ms. 9) Ms. °ष्यबलानने. 10) Ms. समुदितं. 11) Ms. °द्धालाहाला°.

विपुलसुषमासिन्धो देवद्विजेश कलानिधे
स्थिरचरजगत्प्राण श्रीमन्सुधाभरसंभृत ।
मयि किल तवाकाण्डे कोयं निपीडनसंभ्रमो
न खलु महतां योग्यं लोके भवेन्मृतमारणम् ॥ ८५ ॥
चपलहृदयो भृङ्गः केकी कठोरमना भृशं
परभृतयुवा धूर्तः सोयं शुकः श्रुतपाठकः ।
अपि मलिना सारी चायं पयोदपतिर्जडः
कमिह कमनस्याग्रे दुःखं नियोज्य निवेदये ॥ ८६ ॥

अथ मूर्च्छा ।

मदनकदनस्वान्ते कान्तं विधाय विधा · ·
न [खलु][1] विशिखं संप्रोच्यैवं [मु]मूर्च्छवती[2] वरा ।
- -
- [3] ॥ ८७ ॥
नय सखि गृहस्यान्तर्मां यत्कठोरकरस्त्वयं
दहति बहलज्वालासारैर्निजातपसंचयैः ।
तुहिनकिरणो नायं सूर्यः सखीभिरितीरिते
विधुमुख सखे याहीत्युक्त्वा विमोहवशं गता ॥ ८८ ॥
कथमपि सखी निद्रां प्राप्ता मनोभवशोभनं
भुजयुगगतं स्वप्ने [दृष्ट्वा][4] भवन्तमबुध्यत ।
तदनु शयनं त्वां पश्यन्ती[5] यदा न ददर्श सा
तदिह सहसा निद्राणेव प्रमोहयुताभवत् ॥ ८९ ॥
कमलममलं चन्द्रं सान्द्रं मधुव्रतगुञ्जितं
जलदपवनं वीणावाणीं प्रपञ्चितपञ्चमीम्[6] ।
तदखिलमिदं मूर्च्छाहारि प्रहारमिवाप्य सा
सुभग सुदती मूर्च्छामृच्छत्यहो स्मरवामता ॥ ९० ॥
विरहविकलां संतापाढ्यामुदश्रुमुखीं कृशा-
मरतिविधुरां दीनां श्वासोत्करान्किरतीं मुहुः।

---

1) Fehlt im Ms. 2) Ms. मूर्छ्यति. 3) Der ganze Vers verstümmelt und unvollständig. 4) Fehlt im Ms. 5) Ms. पश्यान्ति. 6) Ms. त्तपंचितपंचमं.

प्रियसहचरीवियं मूर्च्छालिलिङ्ग[1] समागता
सुभग सहसा दुःखान्मन्ये विमोचयितुं सखीम्[2] ॥ ९१ ॥
रतिविजयिनीं लावण्यौघैर्विभाव्य विलासिनीं
विषमविशिखः क्रुद्धो बाणं मुमोच विमोहनम् ।
प्रियतम तदाघातात्त्रुट्यद्धृदम्बुजकोरका
विकलकरणा मुग्धात्मीयं मुमूर्च्छ मुहुर्ध्रुवम्[3] ॥ ९२ ॥

अथ मृतिदशोद्यारम्भनिरासः[4] ।

त्वयि कृतरतिं स्वीये वैरिण्यनेकगुणाकरे[5]
रतिजयकरीमालीं ज्ञात्वा व्यलीकपरायणः ।
अदयहृदयः कामो नेतुं यमस्य निकेतनं
समधित निजं पाद्मं बाणं धनुष्यथ मारणम् ॥ ९३ ॥
तदनु मदनं बुद्ध्वा मुग्धां महापदमुत्सुकं
गमयितुमहं दुःखोद्विग्ना नितान्तभयाकुला ।
न खलु हृदयेपश्यं चिन्तन्त्युपायमिहापरं
प्रियतम तदावोचं वाचं सखीमिति सुन्दरीम् ॥ ९४ ॥
चपलनयने चम्पे देवीमिहार्तिविनाशिनीं
मृतिविजयिनः पत्नीं दुर्गां विचिन्तय चेतसि ।
शमयति सकृद्ध्याता यार्तीः[6] प्रणाशकरीरपि[7]
प्रथयति[8] परामृद्धिं सिद्धिं ददाति दयावती ॥ ९५ ॥
इति मम हितां वाचं श्रुत्वा समाहितचित्तया
चतुरतरया ध्याता देवी शिवा शिवकारिणी ।
सदयहृदया सख्यां तस्मिन्रिपौ पुरभेदिनो
भ्रममभिनवं तूर्णं धातुं दधार धियं हृदि ॥ ९६ ॥
इह हि समये गाढं कृष्ट्वा धनुष्यतिमुक्तके
मधुकरमयीं मौर्वीं दर्पोद्धुरो[9] मकरध्वजः ।
शतदलशरं मुञ्चन्प्राणप्रहाणकरं सखीं
हिमकरमुखीं निर्वर्ण्याहो मुमोच न तं कृती ॥ ९७ ॥

---

1) Ms. मूर्च्छालिलंग. 2) Ms. सखतंी. 3) Ms. मुहुध्रुवं. 4) मृतिदशोद्या°—. 5) Ms. °गुणाकरे. 6) Ms. यार्तीः. 7) Ms. प्राणाश°. 8) Ms. पृथयति. 9) Ms. दर्पोधुरो.

अथ शतदलं बाणं तं त्वा विहाय तदा स्वयं
कमलनिलया तस्या नेत्रोत्पलद्वयगाभवत् ।
अमृतजलधेर्जातस्यास्या मुखामृतदीधिते-
रनुजनिभृतः स्वस्याः[1]) श्रीमन्भ्रुवं प्रियकाम्यया ॥ ९८ ॥
तदनु सहसा मत्वा बाणद्वयं नयनोत्पल-
द्वयमपि धनुर्वल्लीयुग्मे निजे विनतभ्रुवः ।
भ्रुकुटियुगले ताभ्यां वीरं भवन्तमनन्यधीः
क्षितिपजयिनं जेतुं वाञ्छन्महाशयशेखरम् ॥ ९९ ॥
कनककमनीं स्वीयां वीचीमिवाम्बुजमालिनी-
मिव कमलिनीं शोभापूर्णान्तरां नगरीमिव ।
भुवनजयिनीमेकां शक्तिं परामिव संततं
सकलविजयी देवो मीनध्वजः परिपाति ताम् ॥१००॥ युग्मम्॥

इति दशदशाकथनम् ।

तदिह जगतां जैत्रावित्रा सुखस्य मनोभुवा
नरपतिमणे सख्यं कृत्वा सखीं परिपालय ।
परमियमतस्त्वत्प्राप्त्याशानुरञ्जितजीविता
क्षणमपि न त्वां सोढुं शक्ताभवद्विरहज्वरम् ॥ १०१ ॥
रमण करुणासिन्धो बन्धो निजामिह मामहो
वरद वरय श्रीमन्नान्यं मनस्यपि चिन्तये ।
स्वकरकमलेनेदं लेखे विलिख्य[2]) तदादि या-
कुलतरहृदोवस्था तस्याः शृणु प्रिय तां ब्रुवे ॥ १०२ ॥
सोमः सूरति चन्दकं दहनति प्राणो हि फूत्कारति
श्रीखण्ड ज्वरति प्रियं गरलति स्थानं परद्वीपति ।
पद्मं पन्नगति स्वयं[3]) विकलति व्योमायतेद्रो जग-
त्कामः कालति कानकान्त विरहे त्वा हे नताङ्ग्यास्तव ॥ १०३ ॥
सर्वस्वं रतिवल्लभस्य नगरीं सौन्दर्यवारां निधेः
पारस्थां रजनीपतेः प्रविसरत्पीयूषधाराप्लुतिम् ।

---

1) Ms. स्वस्योः. 2) Ms. विलख्य°. 3) Ms. स्वंयं.

मञ्जूषां गुणतारमौक्तिकततेः संजीवनीमौषधिं
निर्दग्धस्य मनोभवास्त्रनिचयैश्चम्पां त्वमङ्गीकुरु ॥ १०४ ॥
चञ्चच्चञ्चलचञ्चरीकनिचयस्फारस्फुरल्लोचना
फुल्लच्चम्पकदामधामलहरीलोलच्छरीरद्युतिः ।
निर्यत्पार्वणशर्वरीश्वरमुखी शम्पेव पाथोधरे
त्वय्येवास्तु निरन्तरं नरवरे चम्पा जगन्मोहिनी ॥ १०५ ॥
प्राप्यैवं नृपतिः स नर्मसचिवात्सत्पत्रिकाचन्द्रिकां
माधुर्याञ्चितपद्यपूररचनाचातुर्यशोभाद्भुताम् ।
संफुल्लद्दरनेत्रनीलनलिनः प्रक्षोभिचित्ताम्बुधिः
कान्ताजीवनहेतुहार्दविलसत्पद्यामृतं प्राहिणोत् ॥१०६ ॥
बाले बालमृणालकोमलभुजे त्रैलोक्यसंमोहिनि 1)
प्राणत्राणकरौषधे प्रियतमे प्रेमामृतस्यन्दिनि 2) ।
जानीहि त्वमसंशयं किल जनः सोयं त्वयाङ्गीकृत-
स्त्वत्प्रेमाभिधपाशबद्धहृदयो जीवेत्किमु त्वां 3) विना ॥ १०७ ॥
इत्थं राजमणिः स मन्मथमते स्थित्वा प्रियायै महा-
मत्वं स्मारमिवामृतं नवमिव श्लोकं तु लोकोत्तरम् ।
संप्रेष्याथ तदाप्त्युपायरचनाचिन्ताब्धिमग्नान्तर-
स्तस्थौ मुद्रितलोचनोत्पलयुगो योगीव चेष्टोज्झितः ॥ १०८ ॥
एतस्मिन्समये तरीमिव महाचिन्ताब्धिसंतारिणीं
सत्कान्तामिव चित्तहारिवचनश्रेणीविलासोज्ज्वलाम् ।
कश्चिद्राजवराय मूर्यनगरादागत्य सत्पत्रिकां
चिन्ताग्राहितनुषे मुदा किल ददावाचार्यनामाङ्किताम् ॥१०९॥
स्वाचार्यं [स] 4) किलार्यवर्यचरितं चाकार्य तस्मै नृपः
पत्रं मित्रमिव प्रकामहितकृद्दत्वा विभो वाच्यताम् ।
इत्युक्त्वा विरराम तद्गुरुवरः पाणौ गृहीत्वा स्फुटं
कृत्वा वाचयति स्म हर्षनिचयप्रोल्लासिवक्त्राम्बुजः ॥ ११० ॥
स्वस्ति श्रीमद्रमणकमलाकान्तपादारविन्द-
स्वादानन्दभ्रमणरहितस्वान्तपुष्पंधयेषु 5) ।

---

1) Ms. °संमोहिनी. 2) Ms. °स्यन्दिनी. 3) Ms. त्यां. 4) Fehlt im Ms. 5) Ms. °रहितं°.

शान्तिक्षान्तिप्रमुखसुगुणापूर्णसद्भूर्वहेषु
श्रौतस्मार्तागमभवसदाचारसंचारकेषु ॥ १११ ॥
स्फूर्जद्विद्याविभवविजिताशेषविद्वन्मण्डलेषु
स्वैरोन्मीलत्सुललितमहाभाग्यभूमीरुहेषु ।
नानाविद्यामृतनिधिपरीरम्भसंभूतहर्ष-
स्फारोद्वेलद्विपुलधिषणास्वर्धुनीबन्धुरेषु ॥ ११२ ॥
निर्यत्पर्वामृतकर[कार]स्पर्शवर्द्धिष्णुवार्धि- 1)
प्रौढप्रोद्यल्लहरिनिकरप्रोल्लसद्वाग्करेषु 2)।
शास्त्रादित्योदयविदलितप्राज्ञराजीवराजी-
लीलोन्मीलद्वचनरचनावाससंवासितेषु ॥ ११३ ॥
हीरनीरप्रसृमरशरच्चन्द्रकुन्दावदात- 3)
ब्रह्माण्डान्तर्बहलविलसत्कीर्तिचन्द्रोदयेषु ।
सर्वोपायस्वजनसुहितासक्तहृत्पङ्कजेषु
क्षीराम्भोधिप्रधिवसुमतीमण्डलीमण्डनेषु ॥ ११४ ॥
सुत्रामेन्दुप्रमुखविबुधश्रेणिकोटीरकोटि-
रत्नज्योतिःस्फुरणविलसत्कान्तपादाम्बुजेषु ।
विश्वोद्भूतिस्थितिलयकरश्रीनिवासावतारे-
ष्वश्च्योगप्रभवपरमैश्वर्यविश्रान्तिषु ॥ ११५ ॥
माहिष्मत्याभिधपुरवराध्यासिताध्यासनेषु
स्फूर्जच्छेषागणितरसनागण्यनानागुणेषु
श्रीमद्दत्ताभिधगुरुवरेष्वेष विज्ञप्तियुक्तो
नानासूक्तोच्चति नतियुतस्तापिकाकान्तलेखः ॥ ११६ ॥
किं चास्माकं भवदविरतध्यानधारासुधाना-
मापानेनागलबिलमलं चित्तभृङ्गारकेण ।
दिव्यं भव्यं भवति बहुलानन्दसंदोहभाजां
यौष्माकीणां तदिह सततं संततं चिन्तयामः ॥ ११७ ॥
विज्ञाप्यं च प्रतिपदपतत्प्रेमपीयूषवृष्ट्या
चेतोज्योत्स्नारसिकविहगाह्लादसंपादकेन ।

1) Ms. निर्यत्पर्वामृतकरस्पर्श°. 2) Ms. °ल्लहरनिकर°. 3) Ms. हीरनीरप्रशमर°.

युष्मद्रूपोदधिसमुदयल्लोखपीयूषधाम्ना-
ऽसंख्यस्मन्नयनकुमुदद्वन्द्वमानन्दनीयम् ॥ ११८ ॥
एतच्चेयं चपलनयना चम्पकश्रेणिरम्या
चम्पेत्याख्या मम हि दुहिता राजराजाय दत्ता ।
तस्मै यूयं विशदधिषणाधारिणो [1]) विप्रवर्या
मान्या लोकैर्विपुलकरुणासिन्धवोऽङ्गीकुरुध्वम् ॥ ११९ ॥
अन्यच्चेदं पिकवरकलोत्तालवाणीविलासे
मासे राधे हिमकरकलापूर्तिदत्ते सुपत्ते [2]) ।
वैवाह्यर्ते नरपतिमणेश्चन्द्रतारानुकूल्ये
ह्यागन्तव्यं विबुधमणिभिस्तं गृहीत्वा सुसैन्यम् ॥ १२० ॥
किं संलेख्यं बहु किल मया सर्वलोकोपकारा-
सक्तस्वान्तेष्वखिलविबुधश्रेणिसंमानितेषु ।
युष्मास्वेतां मम हि महितां प्रार्थनां साधयित्वा
सोयं दासः किल करुणया पूर्णकामो विधेयः ॥ १२१ ॥
राज्ञि श्रीमत्यखिलजगतीनाथनीराजिताङ्घ्रौ
पत्रीमेवं विबुधमुकुटः संप्रकाश्यादिदेश ।
प्रातर्यानं मिहिरनगरं प्रत्यहो राजवर्य
प्रोद्वोढ्यं ते निजपुरि तथा वाहिनीसंनिवेशे ॥ १२२ ॥
इत्युक्तो गुरुणा नरेन्द्रविजयी संजातहर्षोच्चयो-
त्कर्षोत्फुल्लविलोचनो ह्यनुचरान्प्रोवाच वाचं कृती ।
आदेशं [3]) त्वरितं कुरुध्वमधुना सडिण्डिमोद्घोषणं- [4])
रार्याणां नगरान्तरेपि च महासेनानिवेशे मम ॥ १२३ ॥
मारीणां मदभञ्जनः खलु रिपुः स श्रीकरीसंवृतः
स्फूर्जद्वाणशरासनोवतुतरां मां दक्षिणस्यां दिशि ।
यस्मिन्गर्जति संपतन्ति विसरद्वाष्पाकुलं प्रोल्लस-
त्प्रोत्कम्पं चलदार्तरावकरुणं गर्भास्तु देवद्रुहाम् ॥ १२४ ॥
बुधाः सोहं नारायणगुरुपदाम्भोरुहरते-
र्विज्ञानीघं जातो जगति कमनीयः कवयिता ।

---

1) Ms. विषद°. 2) Ms. °पूर्त्तिदत्तसुपत्त. 3) Ms. आदेषं. 4) Ms. सडिण्डिमोघोषणं°.

यदीयामापीयामृतरसकरीं श्रोत्रपुटकै-
र्गिरं गम्भीरार्थां दधति विबुधाः कामपि मुदम् ॥ १२५ ॥
श्रीनारायणसूरितो हरिकविं देव्यन्नपूर्णा स्वयं
यं चासूत सुधासमानवचनं सत्पादपद्माश्रयम्।
पूर्णोभूद्‌नवद्यपद्यरचनाचातुर्यविद्योतिते
तत्काव्ये खलु हैहयेन्द्रचरिते सर्गो द्वितीयाभिधः ॥ १२६ ॥

श्रीमत्सूर्यपुरस्थितश्रीनारायणसूरिसूनुहरिकविविरचिते विजयाङ्के श्रीहैहयेन्द्रचरिताख्ये महाकाव्ये .... [द्वितीयः सर्गः समाप्तः] ॥

ÜBERSETZUNG.

ERSTES KAPITEL.

---

1. Es möge der mitleidvolle Sohn des Giriça[1]) [den Göttinnen] des vollen Glückes[2]) und der gewandten[3]) Rede befehlen, mir ausserordentlichen[4]) Erfolg und Einsicht zu gewähren; denn seine zwei Stirnbuckel[5]) tragen [gleichsam] prächtige hohe Tempel dieser Göttinnen, weil sie [gleichsam] Kuppeln aus emporfliegenden Bienenschwärmen haben[6]).

2) Es möge der Fusslotus des Viṣṇu[6]) mich erfreuen; [er] blüht durch eine Menge von sonnengleichen Edelsteinen auf, welche auf den aufgangsbergartigen Diademen einer Reihe von Götterfürsten, die mit

---

1) I. e. Ganeça.

2) Dass श्रियं gleich im Anfange steht, ist bedeutungsvoll: विरुद्धगणादिदोषनिवारणार्थं प्रथमं श्रीशब्दप्रयोगः कृतः ।

3) Comm. तूर्णां त्वरितां गिरं कवितारूपां वाचं च ।

4) Comm. निजां स्वीयामसाधारणामित्यर्थः ।

5) Ganeça hat die Gestalt eines Elephanten und die Götinnen Çri und Sarasvati befinden sich in seiner Nähe: तयोः (i. e. श्रीसरस्वत्योः) स्वसमीपस्थत्वं प्रकाशयति । ययोरिति ।

6) Comm. उद्यदुद्गच्छन्ती या भृङ्गालिर्यदुभयभृङ्गपङ्क्तिस्तया शिखरं शृङ्गमस्यामस्ति सा शिखरिणी । देवतागारं हि शृङ्गसहितं भवतीति प्रसिद्धम् । अतः शृङ्गवत्त्वात्तदालयशोभाधारकमुक्तमिति भावः । Das Wort शिखरिणी ist zu gleicher Zeit eine Anspielung auf das Metrum des 1-ten Sarga: अस्मिन्प्रथमपद्ये शिखरिणीति तन्नामनिर्देशः सर्वसर्गवृत्तज्ञापनार्थं कृत इति ज्ञेयम् ।

7) Comm. bemerkt, dass der Dichter ein Visnuit ist und desshalb nach Ganeça sofort den Viṣṇu preist: अथ स्वोपास्यत्वेन पुरुषोत्तमत्वेन च पूर्वं श्रीमद्विष्णुचरणप्रार्थनाशीरूपं मङ्गलाचरणमुपनिबध्नाति [Ms. °निबन्धाति].

Brahma an der Spitze [um Viṣṇu zu sehen] kommen [1]), hervorragen; [er] glänzt durch Staubfäden, die aus Viṣṇu's Nagelstrahlen bestehen, und sein Blumensaft ist das strömende Wasser der Gaṅgā [2]).

3. Es möge Viṣṇu's Gattin [3]) in meinem Herzen wohnen; sie hat ein Paar goldfarbige, bis an die Ohren lang gezogene, lotusähnliche Augen, ihr Antlitz ist dem aufgehenden Monde ähnlich, ihre Füsse tragen mit schönen Edelsteinen geschmückte Fussringe, sie ist in ein Gewand gehüllt, welches wie ein Sapphir schimmert, einen klingenden Gürtel trägt sie auf den breiten Hüften.

4. Der Freund des Frühlings [4]), der lotusäugige [Liebesgott], dessen mandelförmige Augen vor toller Freude [5]) rollen, dessen Körper schwarz wie Fennich ist, dessen Gewand wie der Blitz glänzt, der Gemahl der schlanken [6]) [Rati], der seinen Bogen schüttelnd die Entstehung der Liebe [7]) verursacht — der möge diese Welt beherrschen.

5. Möge der dreiäugige [Gott Çiva], der wie eine Wolke auf den Feuerbrand-Tripura [8]) [wirkte], uns vom Tode [9]) retten: gleichsam um das dreifache Elend [10]) der Dreiwelt zu vernichten, trägt er auf der Masse seiner

---

1) Comm. समुच्चलन्तः श्रीमद्भगवद्दर्शनार्थमाविर्भवन्त इत्यर्थः ।

2) Nach den Lehren der Visnuiten strömt die irdische Gangā aus dem Fusse Viṣnu's hervor; da dieser Fuss hier mit einem Lotus verglichen wird, so wird das Wasser der Ganga mit dem Blütensaft des Lotus zusammen gestellt: beide sind nämlich weiss.

3) In diesem Verse wird Lakṣmī in der Form der महालक्ष्मी, welche die कुलदेवता unseres Dichters war, beschrieben und gepriesen: अथ स्वकाव्ये शब्दार्थशृङ्गारादिसंपत्समृद्धये भगवता बहिर्हृदयवासितायाः स्वकुलदेवतायाः स्वसेव्यायाश्च श्रीमहालक्ष्म्याः स्वहृदयान्तर्निवासाशंसारूपं मङ्गलमाचरति ।

4) Comm. मधुसमयबन्धुः वसन्तबान्धवः काम इत्यर्थः ।

5) Comm. मदो विविधोन्मादस्तेन च आनन्दः ।

6) Comm. कृशाङ्गी तन्वङ्गी रतिरित्यर्थः ।

7) Comm. उदञ्चद्रसवरं समुदयच्छृङ्गारं ।

8) Comm. त्रिपुरो लोहादिनगरत्रयाधिपोऽसुरविशेषस्तल्लक्षणो यो द्रवो दावानलः । युगपदनेकपीडकत्वादिति भावः । तस्य मेघः शापतः । मेघो हि वर्षन्दावानलं शमयति । तद्वदयमपि शरवर्षेण त्रिपुरं नाशितवानिति मेघत्वोक्तिः ।

9) Comm. अपायाद्विनाशान्मरणादित्यर्थः ।

10) Comm. त्रिविधं त्रिःप्रकारकम् । आधिभौतिकमाध्यात्मिकमाधिदैविकं चेत्यर्थः । संतापं दुःखं हर्तुमिवोत्प्रेक्षा । त्रिजगत्त्रिविधतापहरणाय त्रिनयनस्यैतत्त्रितयधारणस्योचितत्वादिति भावः ।

Haarflechten die Gaṅgā, auf seiner Stirne die liebliche[1]) Mondsichel und als Hälfte seines Körpers die Gaurī, welche mit einer Lotusknospe kokettiert.

6. [Arjuna], der tausend wundervolle Arme hat, der tausend Gestalten trägt, glänzend wie der tausendspeichige Discus [Viṣṇu's], der eine Incarnation[2]) dieses Discus ist, wie die aufgehende Sonne strahlt, Anführer von Tausenden ist, in den tausend Zaubersprüchen des Çiva beschrieben wird[3]) — möge er das tausendfache Elend von uns nehmen[4]).

7. Es möge die mitleidvolle Göttin der Rede in eigener Person in meinem Munde Platz nehmen und ihr munteres Treiben, das mit Entzücken die Welt erfüllt, reichlich entfalten, denn meine Phantasie stellt sich jetzt fortwährend den Glanz ihres Körpers vor, welcher rein weiss erglänzt, wie eine Reihe von aufgehenden Herbst-Monden.

8. Preis dem Staube des Fusslotus [meines] ehrwürdigen Lehrers Nārāyaṇa[5]): diese meine lieblichen Verse, deren lustige Töne vollkommen geeignet sind, dem Ohre Ambrosia zu spenden[6]) und die [auch] Loblieder

---

1) Die Bezeichnungen कान्ता und कुमुदकलिकाविभ्रमकारी will der Autor auf jedes der drei Attribute Çiva's bezogen haben: गङ्गादित्रयमेकहेलया विशिनष्टि. Auf die Gaṅgā angewendet würde die erste Bezeichnung bedeuten «diejenige, die am Kopfe (Çiva's) ihr Ende findet»: कं शीर्षमन्ते प्रान्ते यस्याः सा, die zweite — «welche [den Leuten] wie eine Lotosknospe [auf dem Kopf Çiva's] vorkommt»: weil die Gaṅgā weiss ist und Çiva's Kopf viel grösser ist. Bei der Mondsichel bedeutet die erste Bezeichnung — मनोहरा । अमृतमयत्वादिति भावः ।, die zweite — कुमुदकोरकस्य विभ्रमो विलासो विकाश इति यावत् । तत्कारी । कुमुदवद्धवलत्वादिति भावः ।. Bei Gaurī bedeutet कान्ता जाया.

2) Comm. सहस्रारकारः सुदर्शनावतारः । श्रीमच्चक्रं हरेरंशादवतीर्णं महाबलमिति कवचोक्तिः

3) त्रिनयनस्य श्रीमहादेवस्य याः सहस्रसूक्तयः कार्तवीर्यकवचपञ्जरादयोऽनेकस्तोत्ररूपा वाच इत्यर्थस्ताभिर्गदितो निरूपितः ।

4) Durch diesen Vers will der Dichter den Inhalt seines Gedichtes andeuten: अत्र वस्तुनिर्देशात्मकं मङ्गलमाचरन्सर्वजनक्लेशनाशमाशास्ते ।.

5) Der Comm. giebt an, dass Nārāyana der Lehrer und Vater des Dichters war: अत्र स्वपितुरुपदेष्टुश्च नमस्काररूपं मङ्गलमाचरति ।

6) I. e. angenehm zu hören waren, weil sie Complimente oder Loblieder enthielten: कर्णामृतं श्रवणसुखं स्तुतिः [Ms. श्रवणांसुखं].

der besten unter den Dichtern enthalten[1]), werden gewiss auf lange Zeit erglänzen dank seiner Macht.

9. Der Verfasser eines grossen Gedichtes[2]) und [Brahma], der Herr der ganzen Welt, verstehen[3]) [beide], einer Versammlung Glanz zu verleihen (resp. die Lakṣmī zu erschaffen[4]), den unbegreiflichen, höchsten Geist zu erkennen, eine Reihe von Hymnen[5]) (resp. den Veda), welche die Sünden der Welt reinigen, zu recitieren, Geld[6]) (resp. die Lakṣmī) zu erreichen und in den Ocean des Geistes der Weisen[7]) (resp. in den Milchocean, welcher tief ist wie der Geist der Weisen) einzutauchen.

10. Heil der Poesie des [Dichters] Çaṁkara[8]), welche wie der Glanz des Herbstmondes [klar] ist, sehr süss und edel, [weil] sie mit schönen Aussprüchen umspannt ist, welche ein hartes Herz erweichen kann, natürlich ist die ganze Welt erfreut, und ihre Kraft von der Milch der Mahāmāyā[9]) hat.

11. Wo fürwahr in dieser ganzen [Welt] kann ein Weiser, der am Nectar der reinen Tugend seine Freude hat, ohne einen, der ihn versteht die Fluth seiner Vorzüge ausbreiten? — wo im grenzenlosen Ocean kann

---

1) Unser Dichter hat wahrscheinlich in jedem Kapitel seines Gedichtes, wie in I, 10 und II, 4, einen Vers zum Preise eines berühmten Dichters verfasst.

2) Comm. कवित्वानामिति बहुवचनप्रयोगान्महाकाव्यस्येत्यर्थः ।.

3) Brahma ist der Herr der vierzehn Welten und der Dichter kennt die vierzehn Wissenschaften: ब्रह्माण्डे चतुर्दशभुवनानामिव महाकाव्यबन्धे चतुर्दशविद्यानां [Ms. °विधानां] संचारः संभवतीति द्योत्यते ।.

4) Comm. पक्षे । सभायाः शोभां लक्ष्मीं दातुमुत्पादयितुम् ।.

5) Comm. सूक्तिर्वेदलक्षा । काव्यलक्षणा च वाणी । वेदस्य स्वतः परमपवित्रत्वात्काव्यस्य तदर्थशालित्वाज्जगदघहरत्वमिति भावः ।

6) Comm. श्रियं । महालक्ष्मीं । धनसंपदं च ।.

7) Comm. पण्डितसमूहचित्तसमुद्रौपम्येन विबुधचित्तानां गभीरत्वं द्योत्यते । पक्षे तच्चित्तवदतिगभीरक्षीरसागरे । मध्यजलप्लवनबन्धकरणादि[ति] भावः ।

8) Comm. एवं साधारणनिर्दे[शे]न सर्वकवीन्प्रशस्य विशिष्टनिर्देशेन कविविशेषं प्रशंसति ।.

9) Comm. महामाया भवानी । तदुक्तं सप्तशत्यां । त्वं वैष्णवी शक्तिरित्यादि । तदुक्तमाचार्यैः स्वयं । तव स्तन्यं मन्ये इति ।.

eine Wolke, auch mit dem süssesten Wasser gefüllt, ausser wenn sie eine Muschel sieht, ihre Schauer entsenden [1])?

12. Einige Leute von feinem Verstande trinken mit ihren Ohrenbechern die Wogen der Hymnen der Dichter, welche wie Nectarströme [rein] sind, mit grösster Wonne aus, bis ihre Kehle voll wird; den Rest, für den kein Platz [2]) mehr ist und der nicht zu halten [3]) ist, streuen sie freiwillig in der Form [4]) eines Thränenstromes aus [5]).

13. Diejenigen, deren reiner Ruhmkörper, von Nectarströmen der Poesie benetzt, bis zum Ende des Kalpa ohne Krankheit und Alter fortexistiert, sind glorreich und haben viel Glück; von allen übrigen sagt man, sie seien zwar am Leben, aber auf immer mit dem Tode verbunden [6]).

14. Nicht durch kleine Lieder wird einer im Erdkreise gross und berühmt, er wird es bis zum Ende des Kalpa nur durch gefällige Worte [echter] Dichter [7]); darum müssen die Leute, die in dieser Welt guten Ruhm sammeln wollen, trachten, Mittel zu haben, die meisterhaften Verfasser vieler Kunstgedichte [8]) zufrieden zustellen.

15. Diejenigen grossen Dichter, welche aus irgend einem Stoff [9]) durch das Gold ihrer Worte und durch die Perlen ihres tadellosen Talentes einen

---

1) In der orientalischen Poesie überhaupt ist die Vorstellung verbreitet, dass wenn ein Regen in das Meer fällt, die Tropfen in Muscheln hineinkommen und zu Perlen werden. Hier wird mit der Wolke ein Weiser verglichen und mit der Muschel, einer, der ihn versteht: अत्र प्रस्तुतस्याभिज्ञप्रशंसनरूपस्यार्थस्य समर्थनायाप्रस्तुतस्य शुक्तिप्रशंसनरूपस्यार्थस्य साम्यबोधनं । दृष्टान्तालङ्कारः ।.

2) Comm. न माति नावतिष्ठते । इतमात्तमनवतिष्ठत्तमवस्थानावकाशाभावादिति भावः ।

3) Comm. स्वच्छन्दमुद्वृत्तं धारयितुमशक्यमित्यर्थः ।

4) Comm. स्यन्दः प्रस्रवणं तस्य पदतः मिषतः ।

5) In diesem Verse wird wiederum der Kenner der Poesie gepriesen: er hat viel Poesie studiert, und weiss auch anderen aus seiner reichen Erfahrung zu erzählen: पुनरप्यभिज्ञं प्रशंसति ।.

6) In diesem Verse bemerkt der Comm. कविवरवर्णिताञ्श्लाघंस्तदनादृतान्निन्दति ।

7) In diesem Verse wird der Lob eines Kenners der Poesie beendet: तदेव समर्थयति । न गीतैरिति ।.

8) Comm. काव्यश्रेणिकरणचतुराः न तु कतिपयकवित्वकरणप्रवीणा इत्यर्थः ।.

9) Comm. कस्यापि । स्थावरजङ्गमजगन्मध्ये स्वस्य वर्णनीयत्वेनोद्दिष्टस्य पदार्थस्येत्यर्थः ।

Palast, i. e. ein Gedicht, geschaffen haben, nur um sich darin an einer Geliebten, i. e. ihrem Ruhme, täglich zu ergötzen[1]), — die werden fürwahr von kundigen Leuten nicht Dichter, sondern vielmehr Affen genannt[2]).

16. O, ihr Guten! verzeiht mir das grosse Wagnis, dass ich jetzt, um allen den unermesslichen Ruhm grosser Dichter, wenn auch nur für ein Moment, zu erlangen, ein Gedicht, das [nur] meiner Begabung entsprechend ist, verfasse: gehen doch auch die Vögel den Weg zum Himmel, nur je nach ihrem Fluge.

17. Wenn ich aber in meinem Kunstgedichte entweder aus Unwissenheit, oder aus Übereilung Fehler mache, möget ihr, vornehme, tadellose Leute, die ihr jeden Fleck zu beseitigen versteht, alle Fehler corrigieren, denn die Finsternis schwindet auf dieser Welt nicht von selbst, sondern nur durch die Sonne.

18. Unter guten Leuten ist nämlich immer stark verbreitet eine angeborene Tugend: ein Hang, einem anderen auf jeden Fall immer zu helfen[3]); darum, wenn in der Welt eine Menge von hohen Talenten bei anderen sich zeigt, so wächst bei diesen[4]), o Wunder! unaufhörlich der Reichthum der Freundschaft.

19. ....[5]).

20. O, ihr Schlechten[6])! Ich werde nicht mit Hochmut irgend etwas zu euch sagen[7]), denn ihr seit mächtig [genug], um einen hohen Berg

---

1) Comm. रन्तुं विहर्तुम् ।

2) Hier giebt der Dichter die Ursache an, warum er ein Kunstgedicht zu schreiben sich anmasst: श्रीमत्कालिदासादिमहाकविनिर्मितबहुविधमहाकाव्यसत्त्वेऽपि किमिति त्वया महाकाव्यारम्भः क्रियत इत्याकाङ्क्षायां स्वस्य महाकाव्यनिर्माणकारणमाह ··· विज्ञविज्ञायमानस्वकवित्वनिरासार्थं मया महाकाव्यमारभ्यते । इति स्वस्य महाकाव्यकरणप्रवृत्तिप्रयोजनमुक्तम् ।

3) Zu diesem Vers bemerkt der Comm.: त्वत्कृतमस्माभिः किमर्थं शोध्यमित्याकाङ्क्षायां कारणमाह ।

4) Nämlich bei guten Leuten, denn bei schlechten würde bloss Neid entstehen; aber gute Leute erwerben dadurch, dass sie jungen Talenten Hülfe leisten, ihre Freundschaft. Dieser Sinn ergiebt sich bei der von Prof. Bühler vorgeschlagenen Correctur धन्यं statt ध्रर्व्यं, welche letztere Lesart keinen Sinn giebt.

5) Da nur die Hälfte des Verses erhalten ist, so ist eine Uebersetzung nicht möglich.

6) Hier werden die bösen Kritiker ironisch angesprochen: साधून्संप्रार्थ्य सर्वापकारिणा खलान्वक्रोक्त्या प्रार्थयते । खला इति ।

7) Comm. वदे वाचनप्रयत्नं करोमीत्यर्थः ।

fremder Tugend in ein Atom zu verwandeln und aus einem kleinen Fehler einen Sumeru [zu machen]: der Stolz einem [so] mächtigen gegenüber, verursacht Gelächter bei allen Leuten.

21. Denn die Neigung, einen anderen zu schädigen, fortwährend mit Tücke von anderen zu sprechen, auf die Mängel anderer zu schauen, still zu sein, wenn von den Vorzügen anderer gesprochen wird, die Ueberlegenheit eines anderen nicht ertragen zu können, fortwährend einen anderen zu tadeln —das sind die Characterzüge böser Menschen: ein solcher, wer er auch sein mag, wird immer die Oberhand behalten[1]).

22. Die Stadt Nandidvāra[2]) glänzt auf dem Erdkreise — die Essenz alles Guten in der Dreiwelt, der Sitz von Genüssen[3]); denn in ihr entstehen für alle zufriedenen Leute Freuden, welche fürwahr Götter[4]) berücken können[5]).

23. Der Gott [Çiva] selbst, der Gemahl der Gaurī, der Schöpfer der Menschheit weilt hier sichtbarlich, um die menschliche Qual zu stillen; ein vielfaches Glück finden die Menschen beim Ansehen seiner dichten Haarflechten, desshalb trägt er in der Dreiwelt den Namen «Jaṭāçaṁkara[6])».

24. Hier wohnte der schönste Mann der Dreiwelt, Çiva genannt, ein Herr von Ländern[7]), mit vielen wundervollen Eigenschaften begabt: wenn

---

1) Comm. कोप्यनिर्वचनीयो जयति विराजते अत्र च साधूनभिभवति [Ms. साध॰].

2) In dieser Stadt wohnte der König Çambhu, der Gönner unseres Dichters: अत्र स्वसंभावनाकरमेतत्काव्यकरणहेतुभूतं शंभुनामकं राजविशेषं श्लाघंस्तन्नगरादिकं वर्णयति ।. Der Name der Stadt kommt von Nandin dem Stiere Çiva's; noch zur Zeit unseres Dichters soll eine Statue des Nandin bei dem Thore des Tempels Jatāçamkara gestanden haben: अद्यापि जटाशंकरद्वारपाषाणवृषप्रतिकृतिः स महानन्दो दृश्यते ।.

3) Comm. आधारं । आश्रयः । लोकाश्रयत्वाल्लिङ्गस्येति भाष्योक्तेराधारशब्दस्य वाच्यलिङ्गत्वं ज्ञेयम् ।.

4) Comm. सुमनसां देवानाम् । अत्र च सुमनसा शोभनचेतसां सारासारविवेकित्वादिति भावः ।.

5) Im ersten Pāda des zweiten Halbverses fehlen zwei kurze Sylben, man könnte sie vielleicht so ergänzen: यदस्मिञ्जायन्तेनिशसकलसंतुष्टमनसां. Dass unser Dichter solche Composit gebraucht zeigt अनिशमतिसंयुक्ताः im Vers 13.

6) Comm. यस्य जटाजूटालोकाज्जगतां लोकानां शं सुखं भवति तस्माद्धेतोर्जटाशंकर इति ख्यातिमभिधां बिभ्रदिति शिवविशेषणम् ।.

7) Hier wird der Vater des Königs Çambhu erwähnt: तत्पितरं वर्णयति. Der Tite देशानामधिपतिः, der ihm hier gegeben wird, bezeugt, dass er in keinem Falle ein unabhängiger Fürst und wahrscheinlich nur ein sogenannter Desāī war.

die Frauen ihn sahen, [konnten sie] ihre grossen offenen Augen nicht mehr schliessen[1]), und sahen [desshalb] wie Statuen[2]) an den Mauern aus.

25. Mein Mund, in welchen durch die Ohrenöffnungen [gleichsam] ein aus seinen Tugenden bestehender Nectarstrom hineingeflossen ist, giebt diese liebliche Reihe von Worten[3]) von sich: der König Çiva, der tapfere, tiefe, von grossem Verstande, ausserordentlich schöne, freigiebige — er, und kein anderer, möge in dieser Welt siegen.

26 — 27. Darauf wurde vom König Çiva der König Çambhu geboren, schön, mit Augen, welche, wie eine blaue Lilie in der Frühe, weit geöffnet waren, mit einem Gesicht, das den aufgehenden Vollmond [an Schönheit] übertraf, sein ausserordentlicher Glanz, von Millionen von Augen der Menschen in der Dreiwelt aufgefangen, glich einem hochwogendem Meere der Liebe von schimmerndem Glanz; [er wurde von Çambhu geboren], wie das Licht von einer Leuchte, wie vom himmlischen Juwel [der Sonne] die grosse Masse des Lichtes, wie von einem Lotus eine Fülle von reichem Duft, wie der Mond aus dem Milchocean, wie der Parijāta-baum[4]) aus dem Nandanawalde.

28. Einige vergleichen seinen reinen Ruhm mit einem weissen Lotusbeete, andere mit einem blühenden Jasmin[5]), wieder andere mit dem Götterstrome; ich [aber] sage: von ihm, dem Herrn sämtlicher schönen Kalā's[6]) kommt dieses Mondlicht, welches die guten Menschen, [also ob] sie Nachtlotuse währen, erfreut.

---

1) Comm. उद्गीर्णनिमिषाः गतनिमिषाः.

2) Comm. समुत्कीर्णा लिखिताः ।

3) Comm. वाक्यसरणी वचनधारा [Ms. °धारं].

4) Comm. हरितरुः पारिजातः । इन्द्रवल्लभत्वात् । श्रीकृष्णानीतत्वादिति भावः ।.

5) Comm. मल्ल्याः कुसुमं मल्ली । मल्लीप्रचुरा वल्ली मल्लीवल्ली । धवलस्वकुसुमसंवृता मालतीत्यर्थः ।.

6) Die Kalā's bedeuten, in Bezug auf den Mond, dessen 16 Theile, in Bezug auf den Fürsten die 64 Künste, die er bemeistert hat: सुकलानां चतुःषष्टिकलानामधिपतेः स्वामिनः । अत्र च सुकलानां षोडश (Ms. शोडश) कलानामधिपतेश्चन्द्रस्येत्यर्थः । इदं शब्दच्छलेन कीर्तेर्ज्योत्स्नाभावप्रतिपादनसमर्थकम् ।. Das tertium comparationis zwischen Çambhu's Ruhm und den 4 Gegenständen, mit denen er verglichen wird, ist die weisse Farbe, denn sowohl dass Wasser der Gangā, wie die Strahlen des Mondes sind weiss.

29. Weiter halte ich das Feuer seiner Tapferkeit für das unterseeische Feuer, das aus dem Meere seiner vielen Tugenden herausgekommen ist[1]); es breitet sich sehr stark aus, wenn es von einem Regenschauer, der von einer Masse wolkengleicher [schwarzer], offener, furchtsamer[2]) Augen der Frauen der Krieger seiner vielen Gegner niederfällt, [gleichsam begossen wird].

30. Auf seinen Befehl[3]), um alle meine Sünden zu tilgen und einen Gewinn durch meine überaus liebliche Poesie zu erzielen, werde ich das schöne Leben [Arjuna's[4])] des Königs der Könige, der ein Theil der Sonne war, und Rāvaṇa, den Besieger aller Götter, besiegt hat[5]), ein wenig besingen.

31. Preis dem Flusse Revā, dem eine Reihe von Göttern dient, der über allen Flüssen der Dreiwelt erhaben ist; denn durch die Macht der Berührung mit einem Tropfen seines reinsten Wassers kann ein Stein[6]), als ob er Çiva [selbst] wäre, den Lohn für Busse geben[7]).

---

1) Comm. समुदितं सागराद्वह्निर्निर्गतम्।.

2) Comm. समुन्मीलन्ति विकसन्ति विलोलन्ति भयेन सर्वतः प्रचलन्ति यानि नयनानि तान्येव जलदाल्यो मेघश्रेण्यः। नीलोत्पलश्यामत्वादिति भावः।

3) Comm. ग्रस्याज्ञां। हैहयेन्द्रचरिताख्यं महाकाव्यं कुर्वित्यनुज्ञां।.

4) Der Comm. citiert dazu aus dem स्तवराज —

योगीराजकार्तवीर्यो राजराजोर्जुनस्तथा।
हैहयेन्द्रश्चक्रवर्ती दत्तात्रेयप्रियस्तथा।१।
सहस्रबाहुर्लङ्केशदर्पघ्नो नर्मदाप्रभुः।
सप्तद्वीपपतिः प्रोक्तस्तथा माहिष्मतीपतिः।२।

5) Durch diese Worte will der Autor angedeutet haben, dass in seinem Gedichte der Sieg Arjuna's über Rāvaṇa beschrieben werden wird; ग्रनेनात्र तच्चरितलङ्केशादानं तस्य वर्णनातिशयं च सूचयति [Ms. तच्चरितलशा°].

6) Comm. पाषाणोपि शिवरूपो भवति। शिवरूपत्वं कथं ज्ञातमित्याह। तपस्येति। तपस्या तपस्तस्य फलदता। प्रतिष्ठां विनापि यत्पाषाणपूजनेभीष्टफललाभाच्छिवरूपत्वं ज्ञायते। इति भावः।.

7) Steine in der Narmadā waren Gegenstand der Verehrung; dazu citiert der Comm. aus dem Vāyupūrāṇa; तदुक्तं वायव्ये रेवाखण्डे व्यासतीर्थमाहात्म्ये। यथा।

सरस्वती तथा गङ्गा नर्मदा तपनोद्भवा। (Ms. तपनोभवा).
तापो पापीयसा शुद्धिमावहन्त्यपि च स्मृता।१।
तत्रापि परमा शक्तिर्नर्मदायां नरेश्वर।
यज्जलप्लुतपाषाणः पूजितो वाञ्छितार्थदः।२।
प्रस्फूर्जति महः शैवं शिलायां यज्जलाश्रयादिति।.

32. Dort [an den Ufern der Narmadā] liegt eine Stadt, Māhiṣmatī genannt, welche die Stadt Indra's [Amarāvatī] an Schönheit übertrifft, die grösste und an Vorzügen reichste Stadt in der Dreiwelt: dieser gemeinschaftliche Wohnsitz aller Freuden wurde nämlich von Brahma geschaffen, um eine vierte[1]) [neue] Art seiner Geschicklichkeit in der Dreiwelt berühmt zu machen.

33. Die Paläste dieser [Stadt] gleichen einer Masse von Gipfeln des Berges Kailāsa[2]), weil sie von Kampfer[3]) [resp. von weissen Wolken] weiss sind und ihre Kuppeln [resp. Spitzen] den Himmel[4]) berühren, als ob es ihre Absicht wäre, mit Gewalt den Mond geringer erscheinen zu lassen; [sie sind] mit Fenstern versehen, welche reizend durch [daran stehende] Frauen[5]) sind; im Glanz wetteifern sie mit den Palästen der Götterstadt [Amarāvatī].

34. In jeder Strasse dieser Stadt erscheinen immer mondantlitzige [schöne Frauen], anmuthig durch die mit Juwelen versehenen, klingenden Fussspangen, welche an ihren Lotusfüssen erglänzen; [sie sind schlank und goldfarbig], wie die goldenen Streifen des Blitzes, ihre Augenpaare sind lang, wie die Blätter einer Lotosblume, sie machen einen glauben, [es scheine hier] das Herbstmondlicht[6]).

35. Und hier entspross dem König Kṛtavīrya[7]) — einem Besitzer von grossem Heldenmuth — ein Sohn, der als «Arjuna, Herr der Erde» in der Welt berühmt wurde; [er war] ein grosser Büsser, schön mit seinen tausend hervorragenden starken Armen, eine Fülle von grossem Muth; sein schöner Ruhm durchdrang alle Welten.

---

1) Brahma schuf in jeder der drei Welten ihre Freuden, da aber in Mahismatī alle Freuden zusammen waren, so hat er dadurch eine neue, vierte Art seiner Kunst bekundet; तुरीयं चतुर्थं । ब्रह्मणः पृथक् सुखनिर्माणचातुर्याणि त्रिभुवने न्यस्तानि । एतस्याः सर्वसुखाश्रयत्वात्त्रिसुखनिर्माणचातुर्यं तुरीयमित्यर्थः ।

2) Comm. शिवगिरिः कैलासः ।

3) Comm. सिताभ्रं शुभ्रमेघः । अभ्रं मेघो वारिवाह इत्यमरः । यद्वा । सिताभ्रं कर्पूरम् ।

4) Comm. अभ्रं व्योम लेढि स्पृशतीत्यर्थः । अभ्रंलिहा । आकाशस्पर्शिनो ऽतिदीर्घेत्यर्थः शिखा शिखरमग्रं येषां ते ।

5) Comm. तनुभिस्तन्वङ्गीभिः ।

6) Comm. भ्रममिति । भ्रमं भ्रान्तिं संविधानाः पोषयन्त्यः कुर्वन्त्य इत्यर्थः ।

7) In diesem Verse fängt die Beschreibung der Hauptperson unseres Gedichtes an: अथ काव्यनायकं भगवन्तं सहस्रबाहुं वर्णयितुमुपक्रमते ।

36. Çiva[1]) selbst sagt, dass dieser edle Herrscher eine mit tausend mächtigen, wie Thorriegel[2]) starken Armen umgebene Incarnation von Viṣṇu's Discus ist, welcher mit einer Pracht erscheint[3]), die leicht den Glanz von Tausend Sonnen verdunkelt und ein Gegenstand der Verehrung für die ganze Welt ist.

37. Auf dieser Welt preist Çiva selbst, der keinen anderen König beachtet[4]), nur diesen Sohn des Kṛtavīrya, als den besten unter allen, den einzigen König der Könige[5]) in der Welt, als die Stätte des Glücks der Erde, welche aus sieben Inseln besteht, als denjenigen, durch dessen Andenken jedes Unglück sofort schwindet, just wie im Tantra[6]) [beim Andenken an Çiva jedes Unglück sofort schwindet].

38. Der Einsiedler Datta, ein grosser Jogin, eine Incarnation Viṣṇu's, von den besten unter den Einsiedlern gepriesen und mit wundervollen, hohen Tugenden versehen, war sein Lehrer in dieser Welt; [Arjuna] machte den Menschen Freude[7]), weil er, dank einer Fülle von trefflichen, unschätzbaren Eigenschaften, welche wie ein Nectarstrom glänzten, [Datta's] Herz gewann.

39. O, dieser König war eine Fundgrube von grenzenloser, wundervoller Macht, denn er züchtigte[8]) sogar die im Geheimen vollbrachten schlechten Thaten aller [lebender] Wesen[9]) der Dreiwelt; er hatte eine unbegrenzte

---

1) Comm. शंभुर्महेश्वरोपि स्वयं निगदति। तदुक्तं कवचे। श्रीमच्चक्रं हरेरंशादवतीर्णं महाबलमिति।.

2) Comm. परिघोर्गलः।.

3) Comm. आस्ते जगति जागरूकं वर्तते।.

4) Comm. इह जगति स्वयं हरोपि परमन्यं क्ष्मेशं पृथ्वीपतिं त्यक्त्वानादृत्य।.

5) Comm. प्रभुवरं राजराजं परं केवलं यद्वा। परं परमेश्वरं। श्रीनारायणावतारत्वात्। तदुक्तं कवचे।

कृतवीर्यसुतो राजा सहस्रभुजमण्डितः।
अवतारो हरेः साक्षात्पालयेत्सकलं ममेति।.

6) Comm. उड्डामराख्ये तन्मन्त्रादिप्रतिपादके शिवप्रणीते आगमे इत्यर्थः।

7) Comm. जगतां रञ्जनं प्रीणनं तनुते स्म।.

8) Comm. विनेता निराकर्ता।

9) Comm. त्रिजगतां त्रिभुवनस्थप्राणिनामित्यर्थः। संहितानामेककालावच्छेदेन जातानामित्यर्थः।.

Anzahl von Formen und sogar in [jeder] seiner tausend Hände hielt er Pfeil und Bogen[1]).

40. Wer diesen König, der der Sonne ähnlich[2]) ist, weil er Tausend Arme, einen grossen Körper, und ein rothes[3]) Kleid hat, in dieser Welt verehrt, der tilgt bei sich, die, wenn auch noch so oft begangenen, acht Sünden[4]), wie Diebstahl u. s. w., und erlangt sofort acht andere Eigenschaften[5]), wie Feinheit u. s. w.

41. Er war ein Meister des Joga, ein Donnergott[6]), der auf seine acht glänzenden, guten Eigenschaften — Feinheit und andere — stolz war, und ein Selbstherrscher der ganzen Welt; weiter, o Wunder! war er der Ort, wo, [wie in der Sonne] alle berühmten Juwelen der Welt sich fanden, und in einer grossen Schlacht war er der heftigste unter allen mit seinen hervorragenden tausend Armen.

42. Dieser Oberkönig vieler Continente war auch ein Darbringer von Opfern, von denen jedes eine Reihe von goldenen Opferpfosten erfor-

---

1) Dazu citiert der Comm. aus dem Vāyupurāṇa: तदुक्तं वायुपुराणे ।

सप्तद्वीपेषु स विभुः खड्गी चर्मी शरासनी ।
रथी सर्वानुनचर(?)योगी संदृश्यते नृभिरिति ।.

2) Comm. प्रख्यं सदृशम् ।.

3) Comm. जपायाः कुसुमं जपा । तद्दिव वस्त्रं । रक्तवस्त्रमित्यर्थस्तेनावीतं वेष्टितं । रक्तवासा धनुर्धर इत्युक्तत्वात् ।.

4) Comm. चोरं चोरशब्दः प्रभृतिर्मुख्य आदावित्यर्थः यस्य तच्चोरप्रभृतिकं यदष्टकमष्टसंख्याकं । चोरमार्यारिसुरारिपदाद्य दुष्टदुःखदुरितामयपूर्वा इति कल्पोक्तं पदार्थपटलमित्यर्थः (?) ।.

5) Comm. अणिमामहिमा चैव लघिमागरिमा त था । ईशत्वं च वशित्वं च प्राकाम्य प्राप्तिरेव च ॥ इत्युक्तमणिमाद्यमष्टकमष्टमहासिद्धिपट[ल]मुख्याति प्रकाशते इत्यर्थः ।.

6) Comm. citiert aus dem Vāyupurāṇa: तदुक्तं वायुपुराणे ।.

स एव वृष्ट्या पर्जन्यो योगित्वादर्जुनोभवत् ।
अणिमाद्यष्टसिद्धीशः सर्वरत्नाश्रयो विभुः ॥ १ ॥
स वै बाहुसहस्रेण ज्याघातकठिनेन च ।
भाति रश्मिसहस्रेण शारदेनेव भास्करः ॥ २ ॥
तस्य बाहुसहस्रं वै युध्यतः किल . . . .
रथश्च यो ध्वजयुक् प्रादुर्भवति मायेति ॥ ३ ॥.

derte, [jedes] durch alle dazu nöthige, goldene Gerätschaften die Erde beleuchtete, [jedes] an ausgezeichneten Opfergaben, welche über die Herzenswünsche hinausgingen, reich war[1]).

43. Er, der lotusäugige, hat mit ausserordentlicher Kraft[2]) durch die Menge seiner Arme sogar die hohe Fluth des Meeres in der Regenzeit gehemmt, und die mit einer Menge von wogenden Wellen hoch angeschwollener Revā[3]), zog sich lautlos und furchtsam vor ihm zurück.

44. Den mächtigen König von Laṅkā, dessen Füsse durch die Diademe der Götter, nämlich Indra und anderer, verehrt wurden, [weil er] bei verschiedenen Gelegenheiten sie alle besiegt hatte, hat [Arjuna], der ihm an Kraft überlegen war, mit seinem starken Arme, während er sich, wie ein Affe, im Wasser der Revā ergötzte, ohne weiteres gefangen genommen[4]).

45. Seine Füsse wurden hier verehrt von allen Herrschern der Continente, welche mit einer Menge ausgezeichneter Edelsteine, die aus ihren Diademen hervorragten, sich hin und her bewegend, eine Masse von Licht ausstrahlten, und sehr schön waren; darum wurde er berühmt in der Welt als ein König der Könige.

46. Die Masse seiner Tugenden war rein; sein Ruhm, wie das schimmernde Mondlicht, glänzend; seine Seele schön wie die Wogen der Gaṅgā; seine grosse Gelehrsamkeit anmuthig, wie die grossen Wellen des Milch-

---

1) Comm. citiert aus dem Vāyupurāṇa: तदुक्तं वायुपुराणे ।

तेन सप्तसु द्वीपेषु सप्तयज्ञशतानि च ।
कृतानि विधिना राज्ञा श्रूयन्ते जनमेजय ॥
तत्र यज्ञा महाबाहो सहस्रशतदक्षिणाः ।
तत्र काञ्चनयूपाश्च सर्वे काञ्चनवेदयः ॥ इति ।.

2) Comm. प्रौढतरसा महाबलेन ।.

3) Comm. citiert aus dem Vāyupurāṇa: तदुक्तं वायुपुराणे ।

ललिता क्रीडिता तेन हेमस्रग्दाममालिना ।
ऊर्मिभ्रुकुटिसंभेदा शङ्किताभ्येति नर्मदा ॥.

4) Comm. citiert aus dem Rāmāyana: तदुक्तं रामायणे ।

महेन्द्रजयसंरूढदर्पं सर्पमिवोद्धतम् ।
रेवाविलासे लङ्केशं भुजेन तरसाग्रहीत् ॥
बद्ध्वा रशनया तं वै कारागारे समाक्षिपदिति ।.

oceans: desswegen wurde er in der ganzen Welt «Arjuna» (der Weisse) genannt[1]).

47. Die Erinnerung an [seinen Namen] ist erhaben [und] für die Tilgung der Sünden der drei Welten wirksam; wie der Strom der Götter, stillt sie jeden Schmerz; die Irrthümer im Kreislauf des Lebens beseitigend, nur darauf bedacht, Wünsche in Erfüllung zu bringen[2]), sogar von allen Königen beherzigt[3]), wacht sie, als Siegerin, in der Welt[4]).

48. O, Wunder der göttliche Seher [Nārada[5])] singt noch jetzt sehr häufig in den Versammlungen aller [Götter] der Welt, immer mit einem [freudigen] Sträuben der Härchen, mit Freude-Thränen und wiegender Bewegung des Halses, die schönen Gesänge, welche durch eine Reihe herrlicher Heldenthaten[6]) des [Arjuna] lieblich und durch die schöne Begleitung seiner Laute[7]) zu erkennen sind.

---

1) Comm. अथास्यार्जुननामनिर्वचनं करोति । गणौघ इति । एतत्संबन्धिनां गुणादीनां सर्वेषां पदार्थानामुज्ज्वलत्वादर्जुन उज्ज्वल इति नाम्नाख्यातः ।.

2) Comm. अभिमतवरदानैकनिरता । स्वभक्ताभीष्टपूरणासक्ता ।.

3) Comm. सर्वेशानैः सकलराजभिर्वृताङ्गीकृता ।

4) Comm. अनेन येषां सद्यः स्वाभीष्टप्राप्तीच्छा तैस्तत्स्मृतिः स्वानुभवेन परीक्ष्येति भावो व्यज्यते । तदुक्तं स्तवराजे ।

यस्य स्मरणमात्रेण सर्वदुःखक्षयो भवेत् ।
सद्यः स्वाभीष्टसंप्राप्तिस्तं स्मरेदर्जुनं सदा ॥ इति ।.

5) Comm. देवर्षिर्नारदः । तथा वायुपुराणे ।

अत्र यस्य जगौ गाथा गन्धर्वैः सह नारदः ।
चरितं चारु राजर्षेर्महिमानं निरीक्ष्य सः ॥
न नूनं कार्तवीर्यस्य गतिं यास्यन्ति पार्थिवाः ।
यज्ञैर्दानैस्तपोभिर्वा विक्रमेण श्रुतेन च ॥
पञ्चाशीतिसहस्राणि वर्षाणि जगदन्तरे ।
सप्तद्वीपपतिः सम्राट् चक्रवर्ती बभूव ह ॥ इति ।

6) Comm. प्रवराण्यनन्यसाध्यानि यानि विरुदान्यवदानानि महत्कर्माणीत्यर्थः । प्रतिज्ञातेवदाने च चिह्ने च विरुदं स्मृतमित्यभिधानरत्ने ।.

7) Comm. कीदृशा सती समीचीना सप्ततन्त्री विपञ्ची तद्विरवे शब्दे विवृताः प्रकाशिताः । कण्ठ इव वीणारवेपि ताः स्फुटतया सर्वैर्ज्ञायन्ते तथेति भावः ।.

49. Preis dem sehr mitleidsvollen Oberherrscher [Arjuna], dessen Reichtum[1]) nie versiegt, und der ein starkes Gedächtniss hat[2])! Immer gewährt er nach der *Dīpa-regel*, welche in den Vorschriften des *Kalpa*[3]) gelehrt wird, bis zum Ende des Kalpa jeden Besitz, den man wünscht, und beseitigt alles, was man nicht wünscht.

50. Die grossen klugen Dichter preisen ihn unablässig in Versen, welche von der Dreiwelt bewundert zu werden geeignet sind[4]); denn dieser Herr der Haihaya's erglänzt ganz ausserordentlich, als einzige Stütze der Tugend in der Dreiwelt.

51. Nicht viele grosse Dichter können wohl seine grosse Schönheit, welche die Schönheit einer ganzen Masse von Liebesgöttern übertrifft, schildern; denn die schönäugigen Frauen der Dreiwelt, wenn sie von ihm hören, werden ganz berückt und ihre Augen [bleiben] stets geöffnet [gleichsam] bis an die Ohren aufgerissen.

---

1) Comm. अनष्टमविनाशि द्रव्यं यस्माद्धेतोः सोऽनष्टद्रव्यः स्मरणविभवश्चिन्तनप्रभावो यस्य सः ।

2) Comm. तदुक्तं श्रीमद्भागवते । नवमस्कन्धे ।

न नूनं कार्तवीर्यस्य गतिर्यास्यति पार्थिवा ।
यज्ञदानतपोयोगश्रुतवीर्यजयादिभिः ॥
पञ्चाशीति सहस्राणि ह्यव्याहतबलः समाः ।
अनष्टवित्तस्मरणो बुभुजेऽक्षयषड्वस्विति ॥

3) Comm. कल्पः शिवप्रणीतो दीपविधिग्रन्थस्तत्र प्रचितः सपरिकरः समुदितः विधिर्दानप्रकारो यस्य तेन । दीपविधिना दीपविधानेन ।

4) Comm. तथा च कालिदासः ।

अनन्यसाधारणराजशब्दो
बभूव योगी किल कार्तवीर्य इति ॥

वाल्मीकिकालिदासमुरारिमुख्याः कवीन्द्राः । प्रोन्निद्रा अनलसाः । वचोभिः स्वकवित्वैः श्लाघन्ते स्तुवन्ति । वाल्मीकिकालिदासवचनानि पूर्वमुक्तानि । मुरारिवचनं यथा ।

न दूये नः पूर्वं नृपतिमनरण्यं यदवधी-
र्जयो वा मृत्युर्वा यदि भुजभृतां कः परिभवः ।
इदं तु त्वां कारागृहमनयद्धैहयपतेः
पुलस्त्यो यद्भिक्षामकृत न पुनस्तद्व्यथयतीति ॥

52. In seinem Lotusmunde wohnt die Göttin der Rede selbst, um sich der auf einem Lotuse thronenden [Göttin des Reichtums] ähnlich zu machen[1]); wie könnte [denn anders] die unablässige Armuth der Gelehrten ein Ende nehmen, wenn der Strom seiner Reden nicht so unermesslich angenehm und klug wäre[2]).

53. Wie sollen wir seine Wohlfahrt, welche durch den tadellosen Dienst des Asketen aus dem Geschlechte der Atra's[3]) sich steigerte, beschreiben? Durch die Wogen des Glanzes, der vom reichen, goldenen Schmuck seiner Sklavinnen ausging, wurde die Welt gleichsam erleuchtet.

54. Wenn aus seiner Lotushand, welche [stets neue Gaben, just wie der Lotus stets] frisches Wasser[4]) enthält, ein ununterbrochener[5]), heftiger Goldregen, von unermesslicher Fülle, auf sein ganzes Reich niederfällt, dann werden in der Vorstellung [der Menschen][6]) die armen augenblicklich reich[7]) und der berühmte[8]) goldene Berg [Sumeru] wird [unbedeutend wie] ein schlecht aussehender Berg[9]).

---

1) Bei ihm gleicht die Sarasvatī der Lakṣmī, welche letztere in der Form von Mahālakṣmī als reichtumgebende Göttin verehrt wurde; Comm. महालक्ष्मीर्हि सर्वदारिद्र्यं नाशयतीति प्रसिद्धम्।.

2) D. h. er gab häufig Befehle, unter den Gelehrten grosse Summen zu vertheilen: comm. वाचां विलासैः प्रसरैर्लक्षं दशलक्षं कोटिर्दातव्येत्यादिरूपैरित्यर्थः।.

3) D. h. Datta's, seines Lehrers: Comm. अत्रेरपत्यमात्रेयस्तस्य मुनेर्दत्तस्य परिचर्या सेवा। तया परिणतां समुदितामित्यर्थः।.

4) Comm. नवजलधरे नवनवजलग्राहके। प्रतिदिनं भिन्नभिन्नानेकदानदातृत्वादिति भावः।.

5) Comm. ततां निरन्तरामविच्छिन्नामित्यर्थः।.

6) Oder «in der Vorstellung von Arjuna», weil er überall nur Gold sah: comm. लोकानामिति शेषो भ्रमात्। यद्वा। स्वस्यैव भ्रमात्। अतिदानादर्थिभिस्तत्र मार्गे पुञ्जीकृतसुवर्णसमूहा-दिति भावः।

7) Oder «diejenigen, die schlechte Kleider trugen, bekamen gute Kleider»: comm. तदा ये दुर्वर्णाः कुवेषाः। दरिद्रत्वादिति भावः। ते झगिति सुवर्णाः सुवेषसहिताः सुवस्त्राभरणगन्ध-माल्यधारणादिति भावः। अथ च सकाञ्चना आढ्या इत्यर्थः।.

8) Comm. सोऽद्वितीयत्वेन प्रसिद्धः सुवर्णाद्रिर्मेरुः।.

9) Weil das Gold des Sumeru mit dem Reichtum des Königs verglichen unbedeutend schien. Comm. दुर्वर्णाद्रिः। निकृष्टवर्णपर्वतो जातः। बहुज्वलद्रूपत्वादनाकाङ्क्ष्यत्वाच्चेति भावः। अथ च विच्छायताश्रेयाज्ञातः तत्र तत्राधीकृतसुवर्णपर्वतेषु स्वस्याद्वितीयताविनाशादिति भावः।. — Wenn auf einen Regen bezogen, hat die zweite Hälfte der Strophe folgende Bedeutung: वृष्टिपक्षे

55. Weil der König den Armen in der ganzen Welt eine grosse Masse Geld gab, erstaunten sehr im Göttergarten die himmlischen Bäume, deren Stämme mit Knospen wie mit gesträubten Härchen bedeckt sind, die [aber] immer nur eine der That entsprechende Belohnung geben.

56. Dieser Herrscher war da [gleichsam] ein junger Baum, dessen einer Ast (Hand) mit fünf Schösslingen (Fingern) [gleichsam] fünf Wunschbäume trug; der zweite [aber] rettete durch seinen angenehmen Schatten (durch seinen Schutz) die Menschen vor Hitze (Qual) und verbreitete eine grosse Fülle von Frische (Sicherheitsgefühl).

57. Als dieser Oberherrscher Gaben spendete, da dachten sich die Götterbäume und andere Gewährer[1]) von Wünschen: «was sind wir?» und versteckten sich irgendwo, denn der [König] meinte: «mein reicher Palast und meine reich geschmückten Frauen, meine Söhne und mein Leben — wie [wenig] ist [alles] das zum Geben».

58. Wenn [das Wasser] seiner Wasserspenden stürmisch die Welt überfluthet, so zittern [vor Furcht] die [sieben] Oceane, und die freien[2]) Elephanten der Himmelsgegenden, [indem sie denken:] «in einigen Augenblicken werden wir plötzlich hier [gemeinsam] im Wasser versinken und man wird unsere Körper suchen müssen[3])».

59. Einige grosse Dichter rufen seine Tapferkeit als Sonne an, die grossen Weisen preisen sie als ein unermessliches Feuer; ich [aber] halte

---

सुवर्णा अमलिनास्ते भ्रमाद्भ्रमणात्तत्र तत्र संचारादित्यर्थः । दुर्वर्णाः मालिनाः जाताः शरीरवसनादिषु कर्दमसंपर्कसंभवादिति भावः ॥ तथा दुर्वर्णाद्रिर्धूल्यादिना मलिनः पर्वतो भ्रमात्पुनः पुनर्वृष्टिपर्यावर्तनादित्यर्थः । सुवर्णाद्रिः शोभनवर्णपर्वतो जातः । सर्वतो मलप्रक्षालनादिति भावः । सुवर्णाद्रिः कनकपर्वतः कथं दुर्वर्णाद्रिः । रजतपर्वतो जातः इति विरोधस्तथा ये सुवर्णास्ते कथं दुर्वर्णा जाता इति विरोधः ।

वर्णो विप्रादिके कीर्तौ स्तुतौ गीतक्रमे व्रते ।
शुक्लादिस्तुतिवेषेषु चित्रान्तरकथास्वपि ।

इति मङ्खोपः ।.

1) Comm. सुरतरुमुखाः कल्पवृक्षप्रभृतयः वदान्याः दातारः (Ms. दात्हारः)। मुखशब्देन चिन्तामणिकामधेन्वादयः संगृह्यन्ते ।

2) Comm. विमुक्ता अनुपरुद्धाः करिणो दिग्गजाश्चेत्यर्थः ।.

3) Comm. समालोच्यात्मानो गवेषणाय स्वरूपाः। सर्वैक्यसंभवादिति भावः । निमग्नाः प्रलीनाः । दानजलानां समुद्रैक्यस्वशरीरप्रमाणातिक्रमादिति भावः । कम्पन्ते भीता भवन्तीत्यर्थः। उभयोः स्वरूपहानिस्वरूपनाशसंभवादिति भावः । अत्रातिशयोक्तिरलङ्कारः ।.

sie für einen Mahārudra[1]), der mit dem Rachen Yama's, mit [drei] Augen, die aus dem Blitz, dem Feuer und der Sonne bestehen, in die Welt gekommen ist, um die Schaaren aller seiner Feinde zu vernichten.

60. Das Feuer seiner Tapferkeit war geeignet die einem Walde vergleichbaren Schaaren[2]) seiner Feinde in der Dreiwelt zu verbrennen[3]); darauf wurden die Funken, welche von diesem [Brande sich erhoben], wie ich glaube, in die Form von Sonne, Feuer, Blitz, Viṣṇu's Discus[4]), Aurvafeuer[5]) und Yama verwandelt.

61. Weil seine Tapferkeit den Bösen[6]) gegenüber ungeheure Qualen verursachte, so versteckten sich aus Furcht vor ihm die Schlangen in Sandelbäumen[7]), das Gift[8]) in der Kehle Çiva's, das Höllenfeuer im Meer, die Blitze in den Wolken.

62. Wenn das Feuer seiner Tapferkeit diejenigen, welche voll von bösen [Absichten] gegen alle sind, versengt, so verbreitet es eine Stillung des Schmerzes[9]) in der Dreiwelt; sogar Gott Indra giebt in der Götterversammlung seiner Freude Ausdruck, [und] seine tausend Augen sind mit einer Menge niederfallender Thränen gefüllt.

63. Preis seiner rührigen Tapferkeit, welche die Leiden der Guten stillt, und sein Geburtsland von Feinden frei macht, welche sogar die jen-

---

1) Çiva in der Form von Mahārudra vernichtet alle Welten durch das Feuer, das aus seinen drei Augen kommt. Arjuna vernichtet seine Feinde. Das Wort लोक ist doppelt zu nehmen: einmal als Welt uud einmal als [Feinden-] Menge.

2) Comm. व्रजः समूहः स एव वनमरण्यम्।.

3) Comm. निर्दग्धुं प्रज्वालयितुं प्रवृत्तो ज्वालनक्रियानुकूलो जात इत्यर्थः।

4) Comm. स्वभूचक्रं सुदर्शनम्।.

5) Comm. और्वाख्यज्वलन वडवानलनामवैश्वानरः।.

6) Comm. पापेषु पापिषु परपीडकत्वादिति भावः।.

7) Comm. श्रीखण्डे चन्दने। तापहारकत्वादिति भावः।.

8) Comm. गरलं हालाहलं। गङ्गाधरगले। गङ्गापदं तापहारकत्वद्योतनार्थम्।

9) Der Dichter spielt hier mit dem Doppelsinn des Wortes परिताप (resp. परीताप) परितापकर्तुस्तच्छामकत्वकथनेन विरोधः। वस्तुतस्तु परीतापशब्देन दुष्कृतं दुःखमुच्यते।. Diese rhetorische Figur wird विरोधालङ्कार genannt.

seitige Welt selbst beleuchtet, indem sie gleichsam denkt: «diese Welt wird [schon] durch die Sonne beleuchtet[1])».

64. Wenn eine Welle des Milchoceans von einem Gedicht begleitet sein wird[2]); und wenn auch der Glanz des Mondes süss[3]) sein wird, erst dann wird es selbst für seinen Ruhm ein Gleichniss in der Welt geben, denn er wird von grossen Dichtern [in süssen Versen] besungen und er besitzt den Glanz einer Nectarwelle [des Milchoceans][4]).

65. Seinen wachsenden Ruhm, der reiner ist als der Hara[5]), der Jasmin, der Mond, der Leib des Elephanten der Götter, die hohen Wellen der Gaṅgā, die Wogen des Milchoceans, — besingen in allen Weltgegenden die Tänzerinnen mit Begleitung einer zitternden Laute, wobei jede andere fühlbare Wonne vergeht[6]).

66. Sein schöner Ruhm gleicht dem Glanze des Herbstvollmonds, welcher die Nachtlotusknospen auf der Erde aufblühen lässt; als die Weisen ihn [gleichsam] schlürften, wurden sie immer im höchsten Grade erfreut, und ihre Körper stets mit gesträubten Härchen bedeckt, just wie alle Oceane[7]), und just wie die Cakoras[8]).

67. O, Wunder! der Nymphe seines Ruhmes scheint, zu ihrer gezie-

---

1) Seine Tapferkeit wird hier mit einem Lichte verglichen, welches über alle anderen ist und desshalb auch jenseits des Berges Lokāloka, im Aloka, Licht verbreiten kann: comm. अलोके लोकालोकख्यातपर्वतपरप्रदेशे। स्वयमलोकं प्रकाशं विस्तारयन्विजयते। सर्वोत्तमो भवतीत्यर्थः। अनेनैतत्प्रतापस्य लोकालोकपर्वतपरप्रदेशगामित्वमुक्तम्।.

2) Comm. क्षीरसमुद्रस्य भङ्गी लहरी। यदि संगीतं कविवरविहितप्रशस्तिश्लोकवृन्दमित्यर्थः।. Der Dichter giebt hier im comm. die Möglichkeit einer anderen Lesart des ersten Pāda an: यदि भवति संभावितरसेति पाठः।.

3) Comm. अपि वसुधांशोः प्रभा ज्योत्स्ना। सुरसा मधुरा स्वादसहिता चेत्संभवति।.

4) Comm. तदा यत्कीर्तीनां साम्यमौपम्यं विलसति कर्तुं शक्यते इत्यर्थः। क्षीरसागरलहरीणां शुभ्रत्वेन मधुरत्वेन च साम्ये भासमानेपि कविकृतप्रशस्तिपद्यवर्णनाभावेन।.

5) Comm. हरात्कर्पूरगौरत्वात्।.

6) Comm. उन्मीलदुद्यत्प्रविगलितमभासमानं वेद्यान्तरमन्यज्ज्ञेयमित्यर्थः। यस्मिंस्तत्सुखमाह्लादो यस्य ······ यथा भवति तथा स्फुरद्वीणानादम्।.

7) Welche beim Vollmonde gleichsam vor Freude aus den Ufern (प्रोद्वेला) treten.

8) Welche sich von Mondstrahlen nähren.

menden Ausstattung, der Mond als ein Kästchen Kampfer zu dienen, der Milchocean als Rahm[1]), die Sterne als Perlenschnur, die Gaṅgā als weisses Gewand, die Venus als die Perle in der Nase und Sarasvatī als Zofe.

68. Der Lotus seines Ruhmes blüht in dem Teiche der Dreiwelt: als dessen gute Wurzel erscheint [die Schlange] Çeṣa[2]), als dessen Stengel die Gaṅgā[3]), die vom Himmel herunter fliesst, als dessen weisser Blätterkranz die Zähne der Elephanten[4]) der Weltgegenden und als Biene [darauf] — die Mondscheibe[5]).

69. O Wunder! wenn der Lotus seines Ruhmes in dem Teiche der Dreiwelt aufblüht, so wird [die Schlange] Çeṣa zu seiner Wurzel in der Erde, der herabfallende Götterstrom zu seinem Stengel, die Zähne des Elephanten der Weltgegenden zu seinen Blättern, und der Mond zu einer schönen Biene [darauf][6]).

70. Ich glaube, dass, nachdem der Strom seines Ruhmes, der an Glanz die Sterne, die weisse Wasserlilie, die Perlen, den Nectar, den Mond, das Milchmeer, den Berg Kailāsa und die Diamanten übertrifft, diese nähere Welt erfüllt hatte, ergoss er sich weiter um einen neuen Ocean — alle ferneren Welten — zu füllen[7]).

71. Die Lakṣmī seines Ruhmes, aus ihm, [gleichsam] aus einem Meere von Freude[8]), erwachsen, sah sich in der Welt alle Götter in ihren Palästen an, gleichsam um eine Selbstwahl zu treffen; und siehe! da nahm sie mit beiden Händen einen lieblichen Kranz[9]), der aus den Lotusen seiner Tugenden [gemacht ist], und kam zum Viṣṇu.

---

1) Wahrscheinlich eine Art Salbe.

2) Comm. व्यालेशः शेषनागः । पातालस्थत्वान्मूलत्वोक्तिः ।.

3) Comm. सुरधुनी गङ्गा । ब्रह्मलोकपातेन दीर्घत्वान्नालत्वोक्तिः ।.

4) Comm. दिग्भानामष्टदिक्स्थानानामित्यर्थः । रदनाः दन्ताः । सर्वदिक्स्थितत्वाद्दलत्वोक्तिः ।.

5) Comm. चन्द्रस्य मध्यस्थत्वाद्भ्रमरोक्तिः ।

6) Das ist der vorige Vers, anders ausgedrückt; comm. bemerkt dazu: पूर्वपद्येऽन्वयदोषशङ्कया पाठान्तरकरणमिति ज्ञेयम् ।.

7) Comm. व्याप्तुं पूरयितुं ।.

8) Comm. रसाम्भोधेरानन्दसमुद्रात् । समुद्राद्धि लक्ष्मीर्जातेति पुराणप्रसिद्धिः ।.

9) Comm. यस्येति शेषः गुणाः शीलादयस्ते समुज्ज्वलत्वात्कुसुमानीव । तेषां मालां स्रजं गृहीत्वा स्वयंवरा हि मालाहस्ता भवति.

72. Dieser König, der den Rāvaṇa[1]) besiegte, bereitete auch dem Pāṇini eine Niederlage; denn bei ihm sind die Tugenden[2]) immer steigend, (bei Pāṇini aber[3]) wird der *Guna* nicht bei jeder Wortbildung zum *Vṛddhi*); sein Entschluss[4]) wurde nie durch Umstände, welche das Schicksal herbeigeführt hatte, geändert, (bei Pāṇini[5]) aber wird der Modus der Verba durch Präpositionen, welche den Vorschriften gemäss hinzutreten *manchmal* geändert); [bei ihm] kam die Erfüllung der drei Pflichten und der Wahrheit immer zu Stande[6]), (bei Pāṇini[7]) aber haben die am Ende stehenden Regeln, nämlich die der drei [letzten] Kapitel [des achten Buches] für das vorhergehende *keine* Geltung).

73. Einst[8]) wurde eine Jungfrau [gleichsam] im Bette[9]) seines Gehöres schlafend[10]) [gefunden]; [sie war] aus einem edlen Geschlecht, und ihr

---

1) Durch seine Tugenden: comm. अयं पर्वोक्तसर्वगुणादशमुखजयी राजा श्रीकार्तवीर्यार्जुनः ।

2) Comm. यस्य गुणाः शीलादयः । प्रतिक्षणं । वृद्धिमुपचयं यान्ति प्राप्नुवन्ति.

3) Comm. पाणिनेस्तु गुणा अदेङः (I, 1, 2) प्रतिपदं प्रति सुबन्तं तिङन्तं च वृद्धिमादैचं न प्राप्नुवन्ति । किं तु क्वचिदेवाशिष्टा इत्यादौ ।.

4) Comm. यस्य पदं । स्थानं । यद्वा व्यावसितं । उद्योग इति यावत् । विधिविहितया दैवदिष्टया गत्या दशया विपर्यासं विपरीत्य जातु कदाचिन्न भजते ।.

5) Comm. पाणिनेस्तु पदं । परस्मैपदात्मनेपदरूपं । विधिविहितया । ते प्राग्धातोरिति (I, 4, 80) विधायकसूत्रविहितया गत्या । प्रादयः । उपसर्गाः क्रियायोगे गतिश्चेत्युक्तया प्रादिरूपया विपर्यासमन्यथात्वं भजते ।.

6) Comm. यस्य । चरमः सत्यं । तत्सहिताः । सुकृतस्य धर्मस्य त्र्यद्धयो दमदयादानरूपास्त्रिपादास्तेषां विधयो विधानानि । आचरणानीत्यर्थः । असिद्धिमनिष्पत्तिं । जातु न भजन्ते । दमदयादानसत्यरूपाश्चत्वारो धर्मचरणाः प्रसिद्धाः ।.

7) Comm. पाणिनेस्तु चरमाः । अन्तिमाः सुष्टुकृता त्र्यङ्घ्रिविधयस्त्रिपादोविधयः (Ms. त्रिपादां विधयः)। असिद्धिं। पूर्वत्रासिद्धम् (VIII, 2, 1.) इत्यसिद्धिभावं भजन्ते ।.

8) Comm. कदाचित्कस्मिंश्चित्समये । साग्रवद्यमाणगुणा। काप्यनिर्वचनीया रूपादिगुणा कमनी (Ms. नमनी) कामिनीत्यर्थः ।.

9) Comm. तल्पः स्वरूपम् ।.

10) Comm. तदेव पर्यङ्को मञ्चस्तस्मिन्निलयो निद्रा यस्याः सासीत् । श्रुतेत्यर्थः । निलयपदेन श्रुतायां तस्यामस्य श्रवणसाक्षात्कारमात्रजनितपरमासक्तिसमुदयो ध्वन्यते ।.

Antlitz übertraf eine Lilie an Schönheit; sie hatte den allerschönsten Namen [1]) auf der Erde [2]) — «Campā», weil sie [gleichsam] durch den von ihr ausstrahlenden [3]) und Gold- (resp. einer Campakablume-) — ähnlichen [4]) Glanz die Finsterniss vertrieb.

74. Preis dieser Schönen! sie glänzt wie der Blitz, ihr Antlitz gleicht dem Monde, ihre Augen sind lebhaft, sie duftet wie eine Campaka-pflanze und bezaubert alle Menschen; als der Schöpfer diese «Campā»—gleichsam die Fahne der Dreiwelt — schuf, that er einen Sprung in den Ocean der höchsten Freude [5]).

75. Bald ist diese Schöne [6]) in lebhafter Bewegung [7]), bald wird ihr Gesicht aus Scham verlegen, bald ist sie mit Spiel beschäftigt, bald findet sie an Putz Gefallen, bald ist sie [durch Träume] im Schlafe erschöpft [8]), bald ist sie [wiederum] lieb und gefühlvoll: denn sie steht jetzt im jungfräulichen Alter [9]).

76. Was erscheint [uns da] auf der Schönen [10]): «ist es eine sehr dichte Haarflechte oder ein sehr grosser Bienenschwarm, der von einem blühenden Lotus auffliegt». Dieser Zweifel entsteht bei allen Leuten, aber die [Haarflechte] beseitigt ihn ohne ein Wort zu reden [11]), allein durch ihre Unbeweglichkeit.

---

1) Comm. (व्यगमत्) समाख्यामभिधां प्राप्ता ।.

2) इह भूलोके ।.

3) Comm. उद्यत्कान्त्या स्वशरीरसमुद्यद्भासा ।.

4) Comm. चाम्पेयसमया सुवर्णसदृशया । यद्वा । चम्पककुसुमसमया ।.

5) Dieser Vers soll eine Anspielung an einen damals berühmten Vers enthalten: comm. तद्गुणातिशयं वर्णयन्कस्यचिद्दासस्य वचनमुपक्षिपति ।.

6) Comm. एषा चम्पाख्या । सुवेषा सुन्दरीत्यर्थः ।.

7) Comm. लोलाकारा । चपलशरीरा किशोरभावचाञ्चल्येनेतस्ततो धावनादिति भावः ।.

8) Comm. तान्ता ग्लाना व्याकुलेत्यर्थः । कमनीयपुरुषाकृष्टचित्ता । परमसुन्दरवराभिलाषिनीत्यर्थः ।.

9) Comm. वयःसन्धौ किशोरयौवनवयोन्तराले विलसति । न निवृत्तकिशोरा न प्राप्तयौवनेत्यर्थः षोडशवर्षिकीति यावत् । वर्तते ।.

10) Hier fängt die Schilderung der Campā, der weiblichen Hauptperson an, und zwar wird sie vom Kopf bis zur Zehe beschrieben: अथैनामापादं वर्णयिष्यन्नस्या वेणीं वर्णयति ।.

11) Comm. अनिरुद्धदा । अगुञ्जारवा । अथवा । अभाषमाणा सा वेणी ।.

77. Auf der Stirne der Schönen mit lebhaftem Blick erglänzt eine goldene Knospe¹), gleichsam die Flamme einer Lampe, welche lieblich ist und ein Knistern²) vernehmen lässt, denn ihr Haar, welches Bienen [an Schwärze] übertrifft, ist ausserordentlich schön mit viel glänzendem Lampenruss [geschminkt].

78. Ihre gebogenen Augenbrauen sind stark dunkelblau gefärbt [und] haben denselben herrlichen Glanz, wie der aus Saphiren [gemachte] Bogen³) des Liebesgottes; denn die goldene Knospe, welche sie auf der Stirne hat, glänzt ebenso stark, wie die hervortretende⁴) goldene Spitze des Nalīkapfeiles⁵) in der Mitte jenes [Bogens].

79. Ihre Ohren, die mit goldenen Blumen geschmückt⁶) sind, rufen bei mir die [folgende] neue Vorstellung hervor: nachdem der Liebesgott die Dreiwelt mit zwei seiner schönen Bogen — ihren Augenbrauen — besiegt hatte, hat er [die beiden Bogen] rund gemacht⁷) und zusammen mit den [Blumen-]Pfeilen und den beiden glänzenden Bogensehnen als Ohrringe angehängt.

80. Die Wangen der Schönen haben einen grossen Reiz⁸) [und] glänzen wie zwei goldene Platten, verschönert durch die Spiegelung der beiden Ohrringe⁹); sie sind gleichsam zwei Spiegel, welche unten mit dem rothen Munde geschmückt sind¹⁰) [und in welchen] Kāma und Rati¹¹) leidenschaftlich ihre eigenen freudigen Gesichter anschauen.

---

1) D. h. ein Stirnzeichen: comm. कलिकाकारा सुवर्णपत्रिकेत्यर्थः। Dieses ist in der Form einer Blumenknospe und wird mit der Flamme einer Lampe verglichen. Die Haare, welche sich über dem Stirnzeichen erheben, werden mit einem Bienenschwarm, der von der Knospe sich summend erhebt und mit Lampenruss verglichen; der Lampenruss wurde als Haarschminke gebraucht.

2) D. h. Summen in Bezug auf einen Bienenschwarm, mit dem das obenliegende Haar immer verglichen wird.

3) Die beiden Augenbrauen und das Stirnzeichen in der Mitte machen zusammen die Form des zweifach gekrümmten indischen Bogens mit einer Blumenpfeilspitze in der Mitte aus.

4) Comm. कार्मुकस्य मध्यं तत्रस्थं स्फुटं प्रत्यग्रं यत्पुरटनालीकफलम्।.

5) Comm. नालीको (Ms. नालिको) नलिकाबाणेनलीकः सत्यवादिनीत्यभिधानरत्ने।.

6) Comm. पूर्णौ व्याप्ते युक्ते। इत्यर्थः।.

7) Comm. वलयीकृत्य संकुचितं कृत्वा।.

8) Comm. वररुची बहुकान्ती।.

9) Comm. कर्णाभरणयुगयोः कनककुण्डलयुगलयोः संक्रान्तिः संक्रमणं। प्रतिबिम्बनमित्यर्थः। तेन सुभगौ सुन्दरौ।.

10) Comm. वदनमण्डलमण्डिताधोभागौ।.

11) Comm. स्वभूमायावत्योः कामरत्योः।

81. Ihre Augen werden freilich[1]) von einigen [Dichtern] in verschiedener Weise gepriesen: als bewegliche Lotusblätter, oder als sich wiegende Lotusblumen, oder als kleine Fische die auf dem Trocknen hüpfen, oder als unruhige Cakora's; ich aber sage: es sind zwei ausgezeichnete Bachstelzen die in sprunghaften Bewegungen geschickt sind.

82. In der Dreiwelt [giebt es] kein Gleichniss für die Nase[2]) dieser [Schönen], denn: wenn ein Papagei an der Schönheit [seines Schnabels] ihr nachsteht, wie sollte die Knospe einer *Butea* ihr da gleichkommen[3]), auch der bekannte Star ist das nicht, dessen [Schnabel] gelb wie Messing ist[4]); nicht ist ihr die Knospe der Sesamblüthe[5]) ähnlich, und gewiss ist [auch die Blume] des Baumes des Einsiedlers [Agastya] unbedeutender[6]).

83. Die bewegliche, grosse, ausgezeichnete Nasenperle [der Schönen] mit lebhaftem Blick lässt wiederholt in uns die wunderbare[7]) Idee aufkeimen: «ist dies nicht ein neuer [Planet] Venus[8]), — was denn? — etwa ein neuer [fleckenloser] Vollmond[9]), der aufgeht und sich [mehr] Glanz von ihrem Antlitze zu erbitten kommt».

84. Ihre wie die Bimba-frucht [rothen] Lippen erwecken stark in

---

1) Comm. अपिशब्दः संदेहवाचकः सर्वत्र संबध्यते ।.

2) Die Nase wird hier mit dem Schnabel des Papagei's und des Stars, und mit verschiedenen rothen Blumenknospen verglichen: अत्र शुकादयः शब्दाः क्रमेण चञ्चुकोरकपोलांतिणिका ज्ञेयाः ।.

3) Oder: der Schnabel eines schlechten Papageis Comm. तदा किंशुकः पलाशकोरकः । अथ च । कुत्सितः शुकः । वाग्विरहितत्वादिति भावः किं व्रजेदपि तु न व्रजेदित्यर्थः ।.

4) Comm. सा प्रसिद्धा सारो सारिका चञ्चुस्तस्याः नासिकायाः । रीतिसचिवा (Ms. रतिसचिवा) संनिवेशविशेषसदृशी न हि भवति । किंचिद्रु[द्र]त्वादिति भावः (?)

5) Weil sie weiss ist: तस्याः तिलः तिलकुसुमकोरकः तुल्यो नासीत् । वक्रत्वेपि शुभ्रत्वादिति ।

6) Comm. मुनितरुरगस्त्यवृन्तकोरकः ननु निश्चितं नीचो न्यूनो भवति । वक्रत्वेप्यतिरक्तत्वाच्छुभ्रत्वाद्देति भावः ।.

7) Comm. अभिनवामद्भुतां धियं बुद्धिम् ।.

8) Comm. नव्यो गगनस्थादन्यः । कुरुविन्दकलिकाभाधरप्रभारञ्जितत्वेनारुणत्वेन भासमानत्वादिति भावः । काव्यः शुक्रनामा ग्रहो न किमु । एवं भातीति भावः ।.

9) Comm. नवो व्योमस्थाद्भिन्नः । निःकलङ्कत्वादिति भावः । समुदयन् । सद्यः समुद्गमारुणारञ्जित इत्यर्थः ।. Der Planet Venus hat einen weissen glanz, während wir für das Gleich-

meinem Herzen den Zweifel, ob das keine offene Bandhūkablume ist[1]); freilich ist das nicht ganz sicher[2]): denn diese [Lippen] übertreffen gewiss durch ihre Pracht, rothe Farbe und Süsse[3]) [sogar] die grosse Schönheit[4]) der mit Rubinen besetzten, mit Nectar gefüllten Schläuche[5]).

85. O Wunder! das Antlitz dieser Gazellenäugigen übertrifft an Schönheit eine Wasserrose, und verspottet[6]) sogar den Herbstvollmond im Moment seines Aufganges [aus dem Nectarmeere]; [und] doch ist das kein Wunder, denn es übertrifft sogar das Nectarmeer durch eine andere [Art von] Nectarwellen (ihr Speichel), die von ihren Lippen herausströmen[7]).

86. Einige [Dichter] nennen ihr Antlitz einen Lotus, andere einen aufgehenden Mond, [wieder] andere den goldenen Spiegel der Rati; wir[8]) [Kenner] aber sagen: es gleicht einem Teiche, wo blühende Lotuse ihre Lippen sind, wo der Mondwiederschein ihre schöne Nasenperle[9]) ist, und wo ein rauschender Nectarstrom [ihr Speichel] ist.

87. Sag mir mit was soll ich auf dieser Welt ihre Arme vergleichen;

---

niss einen gelb-rothen, so wie ihn der aufgehende Vollmond hat, haben müssen; weiter ist die Venus nicht gross genug (पृथुल) und breitet keine Lichtwellen (कान्तिकल्लोल) aus; der Vollmond soll aber dazu noch fleckenlos sein, und dennoch muss er sich bei dem Antlitz der Schönen mehr Glanz erbitten; erst dann wird sein Glanz dem Glanze des Nasenringes ähnlich.

1) Denn beide sind roth und die weissen Staubfäden des Bandhūka (Pentapetes phoenicea) gleichen den weissen Zähnen in der Mitte zwischen den Lippen. Comm. दशनरुचिकिञ्जल्करुचित्वादिति भावः.

2) Comm. सिद्धान्तितं निश्चितम्।.

3) Comm. स्वीयरमया स्वकीयारुण्यमाधुर्यसंपदा। .... रमापदं माधुर्यादिसंग्रहार्थम्।.

4) Comm. शोभाश्रेणीं लक्ष्मीविततिं। हि निश्चितम्।.

5) Die Nectarschläuche sind roth und enthalten weissen Nectar, die Lippen roth und enthalten weissen Speichel Comm. कुतुपपदं सदामृतरसावस्थानौचित्यद्योतनार्थम्।.

6) Comm. परिहसति। विगीतं करोति। कुङ्कुमामृष्टकनककमनीयस्वशोभायास्तिरस्कारादिति भावः।.

7) Comm. रसिकैकवेद्यत्वादिति भावः। मा सुधा स्वाधरामृतं। तस्य ये समुल्लोलाः कल्लोलास्तेषामवली श्रेणी तया। सुधाम्भोनिधिं क्षीरसागरमित्यर्थः। अधरयति तिरस्करोति।. Eine Leidenschaftliche Frau (रसिका) hat immer Speichel an den Lippen, welcher hier mit Nectarwellen verglichen wird. Der Vollmond ist roth und geht aus dem Nectarmeere auf. Das Antlitz der Schönen ist mit Safran (कुङ्कुम) angestrichen und hat Nectarwellen.

8) Comm. वयमभिज्ञा अपि। बहुवचनमभिज्ञात्वं द्योतयति।.

9) Comm. सितकर इवोल्लसच्छोभनं नासारत्नं नासामुक्ताफलं यस्मिन्तत्।.

sie sind viel glänzender, als prangende goldene Lianen, ihre Hände haben glänzende mit einer Masse verschiedener Edelsteine geschmückte Ringe[1]), sie übertreffen sogar den schönen Glanz, welcher von den aufgeblühten goldenen Spiellotusen der Lakṣmī und des Viṣṇu kommt[2]).

88. Ihr Busen hatte früher die Form von Campaka-Knospen[3]), später wurde er zu goldenen Töpfen von reizendem Glanz, endlich als er durch seinen enormen Umfang die Schöne ringsum bis an die Achsel bedeckt hatte[4]), machte er ruhig Halt, weil kein Gleichniss mehr möglich war.

89. Ihren schönen Busen haben einige [Dichter] mit goldenen Töpfen verglichen, bessere [Kenner[5])] mit ganz aufgebrochenen Knospen von gelben Bananen; ich[6]) [aber] glaube, es sind die mit Lotusblumenstaub bedeckten Stirnbuckeln des in einen Elephanten [verwandelten] Liebesgottes, der sich im Lotusteiche ihrer Schönheit ergötzt.

90. Ihr tiefer Nabel glänzt hier ganz wie eine schöne, aus Gold[7]) ausgeführte, Cisterne, deren Wasser eine Fülle von lieblichem Glanz hat; denn der freudige[8]) Amor kommt durch die [beim Nabel] erglänzende Reihe von Härchen, welche als eine aus Saphiren [gemachte] Treppenreihe [dient, in diese Cisterne hinein, und] fängt an sich zu ergötzen[9]).

---

1) Hier sollen die Ringe erwähnt sein um die Möglichkeit des Vergleiches der Arme mit Lotusen anzudeuten: अनेन वक्ष्यमाणकमलसाम्यसमर्थं किञ्जल्कं ललितदलशोभाशालित्वं व्यज्यते तथा ।.

2) Viṣṇu und Lakṣmī werden mit goldenen (gelben) Lotusen in der Hand dargestellt. Die Gesichts- und Körperfarbe einer indischen Schönheit ist gelb, drum sind die Gegenstände mit welchen sie verglichen wird, auch gelb.

3) Comm. चम्पककोरकसदृशा ।.

4) Comm. ललनां कान्तामभिव्याप्य परित आक्रम्य ।.

) Comm. स्वस्थामव्याकुलाम् ।.

5) Comm. कियन्त औचित्याभिज्ञाः कवयः ।.

6) Comm. स्वयमन्यदौचित्यमाह ।.

7) D. h. gelbe, der Hautfarbe der Schönen entsprechend; comm. तच्छरीरस्य सुवर्णसवर्णत्वादिति भावः ।.

8) Comm. अनङ्गो मनोभवः सरङ्गः सोत्सवः ।.

9) Comm. संनिहित- (Ms. सन्निह)- नाभ्यां लसन्ती या रोमश्रेणी सा वै हरितमणिसोपानसरण्यारोहणपरंपरासौ च पन्थास्तेनागत्य विलसति क्रीडां रचयति । करोति । यद्दर्शनेन यूनां मनोभवादिति भावः । अनङ्गपदं चाक्षुषसाक्षात्कारायोग्यतां सूचयति ।.

91. Einige grosse [Dichter] glauben diese Schöne mit lebhaftem Blick habe keine Taille, weil man die nicht sieht; andere dichten, sie kann nur erschlossen werden [auf Grund] der Lage ihres runden Busens; ich aber sage: die Form [der Taille] ist ganz verborgen[1]) durch den strahlenden, schönen Glanz des goldenen Gürtels, der mit ihr gleichfarbig ist.

92. Auf der schwer zu erkennenden Taille der Schönen mit lebhaftem Blick erglänzt ein goldener Gürtel, mit einer stark strahlenden Reihe von Edelsteinen besetzt, schön durch seinen Umfang, gleichsam ein noch nicht da gewesener Panzer, der durch den geschickten Kāma mit einem goldenen Lotusbeete, welcher [gleichsam] im Trockenem aufblüht[2]), von allen Seiten umgeben wurde.

93. Ihre mächtigen ungeheuer grossen Hüften, die mit zwei Schenkeln verbunden sind und einen mit Diamanten [geschmückten] Gürtel[3]) [tragen] — die würde ich mit einem mächtigen Elephanten vergleichen, wenn nur dessen zwei grosse Stirnbuckeln mit zwei grossen beweglichen Rüsseln [verbunden wären], ihre Oberfläche mit goldenen Blättern geschmückt wäre, und wenn auf ihnen eine Reihe von Sternbildern erglänzte[4]).

94. Ihre Schenkel, schön wie glänzende, goldfarbige Bananen-stämme, können nur mit Mühe den Gang eines von Brunst blinden Elephanten nachmachen; auch wird [sogar] der im Liebesrausch leise singende

---

1) Comm. व्यालुप्तावयवत्वमपह्नुतद्रूपमेनमेतन्मध्यमहमभिदधे कथयामीत्यर्थः ।.

2) Comm. स्थले भूमौ न तु जले प्रोन्मीलन्त्याः समुदयन्त्याः कनककमलिन्याः ।.

3) Comm. रत्नानि हीरकमणयस्तत्खचितरशना काञ्ची ।.

4) Comm. शुण्डयुग्मे करयुगे यस्याः सा । कुत्रापि करिणः शुण्डदण्डद्वयासंभवादिति भावः । तथा । कनकदलानि सुवर्णपत्राणि तैः शृङ्गारिता भूषिता । तदुपरिदानेन सुवर्णमयी कृतेति यावत् । तनुः स्वरूपं यस्याः सा । करिणः श्यामत्वात्तस्याश्च सुवर्णगौरत्वादिति भावः । तथा । लसन्ती शोभमाना नक्षत्राली ताराश्रेणी यस्यां सा । गगनविराजमानायास्तस्याः करिकरविलसनासंभवादिति भावः । एवंविधेह जगति करिपतेर्गजेन्द्रस्य न तु कलभस्य कुम्भद्वयतटी । शिरःपिण्डस्थली । यदि यदा भवति । इत्यत्रैतस्यास्तदुपमानत्वमनुपपन्नमिति भावः ।. Die Stirnbuckeln eines grossen Elephanten müssten mit zwei Rüsseln verbunden sein, gelb sein, und Diamantenschmuck tragen um mit den Hinterbacken der Schönen vergleichbar zu sein.

Schwan gewiss vergebens ihren langsamen schönen[1]) Gang nachzuahmen suchen.

95. Warum haben da ihre starken, dicken, runden[2]), sich schön bewegenden Schenkel einen so ausserordentlich langsamen Gang? Erst dann wird das begreiflich, [wenn man bedenkt], dass sie sehr müde sind durch das Tragen der runden[3]) Hinterbacken, die [besonders schwer] werden, weil sie mit den dicken Hüften und Busen verbunden sind.

96. Der goldfarbige Banan unternimmt die unvergleichliche Schönheit ihrer Schenkel durch Zartheit und Lieblichkeit zu übertreffen; ach! ich glaube, er weiss es nicht, dass er, weil er unbeseelt ist[4]), einen Gang, der den Gang eines brünstigen Elephanten übertrifft, unmöglich haben könnte.

97. Was klingt denn da an den reizenden Füssen der Schönen mit langen Wimpern? ist es nicht ein Paar Schwäne, welche ihre Aufwartung machen — vergeblich![5]) — um den langsamen Gang sich anzueignen, oder [vielleicht] ein Paar Fussringe, welche durch ihr leises Concert allen Leuten die Augen wenden machen[6]).

98. Die Füsse der goldfarbigen Schönen übertreffen die reizende grosse Schönheit eines Lotusbeetes; wie soll ich hier in der Eile sie schildern? Selbst der Rubinenglanz, welcher um die zu übertreffen in der Nähe [auf ihren rosigen Fussnägeln] erschienen ist, wird durch etliche Strahlen der Fussnägel übertroffen[7]).

---

1) Comm. यदीयां मन्दां सललितां भ्रूनेत्रादिक्रियाशालिहस्तपादाङ्गविन्यासरूपललिताख्यहावसहितां सुगतिमनुकर्तुमनुसर्तुम्।.

2) Comm. वृत्तौ वर्तुलौ।.

3) Comm. कुचकुम्भपुरोभागस्थलं तस्य संयोगेन संबन्धेन विलसन्। विशिष्टगुरुत्वमङ्गीकुर्वन्नित्यर्थः। यो नितम्बप्राग्भारः पश्चाद्भागमण्डलं। यद्वा। यो नितम्बः पश्चाद्भागस्तस्य प्राग्भागो (Ms. प्राग्भारो) महाभारस्तस्योद्वहनम्।.

4) Comm. स्वजडत्वेनास्यां तद्ज्ञानमस्तीति मया स्मृतमित्यर्थभावः। अन्यथा स्वात्मनि तद्भावज्ञानवत्यास्तद्विजये कथं प्रवृत्तिः स्यादिति भावः।.

5) Comm. अहो इति संदेहे व्ययम्।.

6) Und desshalb können die Leute nicht recht sehen, was da klingt; comm. लोलन्नेत्रं। प्रेक्षणाय पारिप्लवनयनमित्यर्थः।.

7) D. h. ihre Fussnägel waren noch besser roth gefärbt, als Rubinen; comm. नखमयूखप्रसारस्यैव माणिक्यारुणत्वात्किमुत नखानामारुण्यमधिकं भवतीति।.

99. Wenn ich bei der Schönen mit lebhaftem Blick die dicken Schenkel, auf ihnen die Taille, [höher[1])] die glänzende Nabelöffnung, [noch höher] eine schöne Reihe von Härchen, die mit einem Paar riesiger Brüste verbunden ist — mit künstlerischem Sinn betrachte, sage ich: [das gleicht] einem Löwen, der auf dem Rüssel eines Elephanten erscheint, auf jenem ist ein wasserloser Teich, und im letzteren ein Elephant[2])».

100. Sie hat einen safrangelben Leib und trägt ein weisses, fleckenloses, feines Gewand; [desshalb] erweckt sie in meinem Herzen einen neuen Gedanken: «O Wunder! was ist das? der Blitz, der vom schönen Berg Sudāman sich erhebt, zuckt ringsum [und ist dabei] von einer Fülle Vollmondlichtes umgeben[3]).

101. Einige vergleichen diese Schöne mit dem Blitze, andere mit einer goldenen Liane, einige andere auch mit einem wundervollen, goldfarbigen Banan; ich aber glaube, dass der Schöpfer, um irgend eine neue Kunst von sich in der Welt berühmt zu machen, diese unvergleichliche Schönheit zu einer Goldfarbigen gemacht hat[4]).

102. Ihr Antlitz ist dem aufgehenden Monde ähnlich, ihre Augen übertreffen [an mandelartiger Form] Lotusblätter, der Glanz ihrer rothen Lippen übertrifft den Glanz von Rubinen, sie hat die goldene Schönheit eines ausgezeichneten, goldfarbigen Bananes — als der Schöpfer eine

---

1) Comm तदुपरीत्यग्रे सर्वत्रान्वेति ।.

2) D. h. der Rüssel des Elephanten gleicht den Schenkeln der Schönen, denn sie sind so dick, dass sie mit einander verbunden und als ein Stamm erscheinen; der Löwe, der auf den Rüssel gesprungen ist, ist verhältnissmässig so mager, dass er der Taille ähnlich ist; höher befindet sich ein wasserloser Teich — der Nabel, und darin badet ein Elephant, dessen Stirnbuckeln mit ihrem Brunstsaftstreifen den mit Härchen umgebenen Brüsten der Schönen gleichen; comm. करिणो गजस्य करे शुण्डादण्डे । घनत्वेन मिलितयोः सनितम्बयोस्तदूर्वोः सकुम्भकुञ्जरकरदण्डवद्भासमानत्वादिति भावः । सिंहो मृगेन्द्रः । सक्थियुगोर्द्ध्वावकाशयुतकृशकटेस्तथा भासमानत्वादिति भावः । तस्मिन्सिंहे सलिलसरः । नाभिविवरस्य (Ms. वरिरस्य) तथा भासमानत्वादिति भावः । तत्र नाभिसरे । गजः लम्बमानरोमलतिकासंवलितकुचकुम्भयुगलस्य सशुण्डगजकुम्भवद्भासमानत्वादिति भावः ।.

3) Das Wunder besteht darin, dass es beim Mondlicht blitzt; das Gleichniss darin, dass der Blitz gelb, wie der Körper unserer Schönen, das Vollmondlicht aber weiss, wie ihr Gewand, ist.

4) Oder: die Göttin Çrī in die Göttin Gaurī verwandelt. Comm. निरूपमश्रीरियं गौरी गौराङ्गी कृता ।.

solche Schönheit schuf, so wurde die ihm innewohnende Kunst in dieser Welt vollständig offenbart [1]).

103. Und so hörte der König mit Aufmerksamkeit von einem Manne [2]) über diese Gazellenäugige, welche ein grosses Heim von unzähligen ausgezeichneten Tugenden war, welche die herrliche Sonnenstadt [3]) stark beschien, welche einem Strahle glich, den die Sonne in ihre eigene Burg fallen liess.

104. Darauf führte der schöne König die Campā durch die einer Thür [vergleichbaren] Ohren in sein Herz hinein; [sie konnte] als eine Mondstrahlenbinde, welche plötzlich [4]) durch ein Fenster in das Haus [kommt], aufgefasst werden. Als er einsam, mit grösster Selbstbeherrschung [darüber] nachdachte, bemerkte ihn der Liebesgott mit grösster Freude.

105. Dann legte [Kāma] der Besieger der Götter auf die [5]) [Campā, welche ihm da als] ein zarter Bogen diente, seine fünf Lotuspfeile [6]) [und] schoss auf ihn los. Der König, dessen Herzenslotus durch diesen Anprall getroffen wurde, fiel da ach! ohnmächtig und betäubt in die Gewalt des stolzen Liebesgottes.

106. Als der Liebesgott sich erinnerte, dass der König ein Verehrer des Çiva [7]), sein grösster Feind, sein Besieger durch Schönheit war, durchbohrte er ihn zum zweiten Male mit verdoppeltem Unmuth, indem er die zehn Stufen der Liebe [8]) durch seine fünf Pfeile in ihm entwickelte.

---

1) Comm. समुद्दीपितं सम्यक् प्रकाशितमिवावधार्य इति । इवौपम्ये परिभव ईषदर्थेवधारणे इति हैमः ।.

2) Comm. कस्माच्चित् । सूर्यनगरान्माहिष्मतीं प्रति गतात्पथिकात्पुरुषादित्यर्थः ।.

3) I. e. Sūryapura: comm. द्यमणिना द्युमणिना । स्वीयनगरे कान्तारस्वामिसंज्ञां धृत्वा स्वयमङ्गीकृते इत्यर्थः । सूरपुरमितिकृतनाम्नि तत्स्थे पत्तने दशक्रोशात्मके कान्तारवने । कान्तारस्वामिसंज्ञामङ्गीकृत्य खे सातात्स्थितत्वादिति भावः । . . . . . मुक्ता स्थापितां प्रभाश्रेणीमिवेत्युत्प्रेक्षा । शाणोल्लीढः सुवर्णोऽज्वलत्वादिति भावः ।. Weiter citiert der Dichter das Skandapurāna, Tāpīkhaṇḍa, wo diese Legende erzählt wird.

4) Comm. नवां सद्यः समुद्गताम् ।.

5) Comm. अस्यां तद्विभावितरूपायां चम्पायामित्यर्थः ।.

6) Comm. सर्वानेकैकबाणेन पराजयन्नप्येनं दुर्जयं मत्वा पञ्चभिरपि बाणैस्ताडितवानित्यर्थः ।. Die fünf Pfeile des Liebesgottes sind im Kāmaçāstra angegeben: तदुक्तं कामशास्त्रे ।

रोचनो मादनश्चैव शोषणश्च तृतीयकः ।
मोहनो मारणश्चैव पञ्चबाणाः प्रकीर्तिताः ॥.

7) Comm. पुरारेः पूर्ववैरिणोऽथ च त्रिपुरान्तकस्य स्मर्तारं चिन्तनकरं भक्तमित्यर्थः ।.

8) Comm. तस्मिंस्ताश्चतुःप्रीत्याद्याः शास्त्रप्रसिद्धाः दशसंख्या दशा अवस्थाः । परिणयन् । प्रापयिष्यन्नवर्तमानसामीप्ये वर्तमानवत् ।.

107. Von dieser Zeit an befand sich der König in übler Verfassung, die Campā im Herzen tragend, just wie das wogende Meer, das das Mondlicht [in sich trägt [1])]. Obgleich er [an Standhaftigkeit] einem Baume ähnlich war, fand er nirgends Ruhe; darum [musste] er beständig durch die Diener [gepflegt werden] [2]).

108. Als aber er — eine Leuchte der ganzen Welt — fürwahr nicht im Stande war die Schöne mit unsteten Augenwinkeln, welche die [ganze] Fülle der Schönheit der Welt sich angeeignet hatte, in die ganz kleine Höhle seines Herzens hineinzubringen, — verschämt [3]) aufpassend sah er sie überall um sich herum [4]).

109. Dieser muthige, ausgezeichnete Mann liess dann sein [wie ein Atom] kleines [5]) Herz in sie — einen Strom von Schönheit mit glänzenden Wellen — aufgehen; er wurde starr [6]), denn [sein Herz] verschwand in einer Art von grossem Strom, der, aus den Gliedern [der Schönen bestand] und [gleichsam] eine Stromschnelle des Glanzes war [7]).

110. .... [8])

---

1) Durch den Vergleich mit dem Meere wird die Tiefe des Geistes des Königs angedeutet; durch das Mondlicht, welches die Ebbe verursacht, die erfrischende Wirkung der Erinnerung an Campā: comm. चन्द्रिकौपम्येनास्याः परमाह्लादकत्वं द्योत्यते ।... समुद्रौपम्येन राज्ञः परमगम्भीरत्वं द्योत्यते ।.

2) Hier fängt die Beschreibung der zehn Stufen der Liebe an: Comm. अथ तस्य दशावस्थारम्भावस्थामाह ।.

3) मन्दाक्षः सलज्जः ।.

4) Hier ist die erste Stufe der Liebe — die Augenweide (चक्षुःप्रीति) beschrieben: comm. अथ तस्य तदासक्तिसमुदिता दशावस्था वर्णयंस्तत्रादौ तस्य तस्या नयनसाक्षात्कारेणेव श्रवणसाक्षात्कारेणापि स्वप्नावस्थायामिव जाग्रदवस्थायामपि जातां बहिस्तदाकारस्फुरणजनितसुखरूपां चक्षुःप्रीतिमाह ।

5) Comm. अणवपि परमाणुप्रमाणमपि स्वं चेतः ।.

6) Comm. निश्चितशून्यो जडवत्सर्वस्फूर्तिविरहित आसीत् । मनसस्तदावेशात्सकलकरणानां मनोधीनत्वात्तत्स्फूर्तेरजायमानत्वादिति भावः ।.

7) Comm. अतिरयशोभामृतभरे । परमवेगशालिशोभारूपसलिलसमूहे कस्मिंश्चिदकथनीये । सर्वावयववरत्वेन रहस्यत्वादिति भावः । तदपघनपूरे तदवयवप्रवाहे गतमभूत् ।... हेतूपन्यासाद्धेत्वलङ्कारोऽपि । अणुपदं प्रवहणायोग्यतां द्योतयति । पूरपदं प्रवाहणायोग्यतां समर्थयति ।. Hier ist die zweite Stufe der Liebe — der चित्तासङ्ग — geschildert.

8) In diesem verloren gegangenen Vers war die dritte Stufe der Liebe — der संकल्प — geschildert.

111. Weder kann er im Schlaf die Augen schliessen[1]), noch verbreitet sich Ermüdung durch seine Glieder in Folge grosser Schläfrigkeit[2]), denn dieser grosse Held sitzt in der vīrāsana-Stellung[3]), [und] lässt nicht auf einen Moment[4]) die Schöne, die wie ein Nectarstrom [wirkt][5]), aus seinem Herzen weg.

112. Der Schlaf und der Schlummer verliessen ihn, indem sie [gleichsam] dachten: «er hat sich gewiss[6]) die Schöne[7]), welche gelb wie flüssiges Gold ist, zu eigen genommen[8]); [und sie] öffnet seine Lotusaugen, just wie die Mondsichel [die Nachtlotuse], sie macht sein Herzenslotus aufblühen, just wie die Sonnenstrahlen [die Taglotuse]».

113. Der Körper des Königs, welcher gelb wie Gold war, wurde jetzt [so weiss], dass er den schönen Glanz einer Lotussprosse verspottete; er, der an Mächtigkeit einen grossen Elephanten zu übertreffen im Stande war[9]), wurde dünner, als die Mondsichel[10]).

114. Das Herz des Königs fand nirgends ein Vergnügen, obschon es von der [Schönen[11]), gleichsam] von einer Ader, welche von allen Genüssen

---

1) Hier und in dem folgenden Verse wird die vierte Stufe der Liebe: Schlaflosigkeit निद्राच्छेद) beschrieben und der Held mit einem Manne verglichen der beständig Nectar trinkt und desshalb nicht mehr schlafbedürftig ist: comm. यथानवरतामृतपानकरस्य पुंसो निद्रातन्द्राशिथिलतादिदोषा न भवन्ति तथा तामहर्निशं भावयतस्तस्य निद्रादयो न भवन्तीति भावः ।.

2) Comm. तन्द्रा तद् (i. e. निद्रा —) आरम्भजनिता जडता । सान्द्रा भूपस्यापि । शिथिलतां अथिलतां निःसहतामित्यर्थः ।.... तन्द्रा प्रमीलेत्यमरः ।.

3) Comm. वीरासनं संनिवेशविशेषं धरतीति सः ।.

4) Comm. लवं निमेषमात्रमपि ।.

5) denn derjenige, der Nectar trinkt ermüdet nie.

6) Comm: ननु निश्चितम् ।.

7) oder «diese welche ihm ungünstig ist»: comm. इयं चम्पाख्या वामा सुन्दरी । अथ च विपरीतकारिणी ।.

8) Comm. वृता स्वीकृता । एवं विचार्य निद्रा तन्द्रा च नृपतेर्व्यगमदिवेत्युत्प्रेक्षा ।.

9) Comm. प्रगल्भं समर्थं वृत्तं जातं ।.

10) Hier wird die fünfte Stufe der Liebe — die Magerheit तनुता geschildert.

11) Comm. तया । श्रुतगुणगुम्फया कान्तयेत्यर्थः ।.

traf[1]), gesättigt wurde: am Monde erfreute es sich nicht[2]), es empfand nicht [den Geruch] eines Lotusbouquets, nach einem Kranze sehnte es sich nicht[3]), am süssen Wein hatte es keine Freude und an der Laute hing es nicht.

115. Als nun sein Geist sich ihres Antlitzes errinnerte und langsam[4]) die Schönheit ihres Busens sich vergegenwärtigte, so wurde sein Schamgefühl verwirrt[5]); als er aber sich das beste ihrer Glieder vorzustellen anfing, so verschwand, ach! dasselbe, gleichsam aus grosser Scham vor sich selbst[6]).

116. Ich glaube, der König verlor seinen Verstand[7]), als ob er ein berauschendes Getränk getrunken hätte: er ist verwirrt, er irrt umher, er schreit[8]), er singt, er rennt nach, er steht auf, spricht zu sich selber[9]), geht wiederholt hinaus, spricht die Schöne[10]) an, als ob sie vor ihm wäre.

117. «Ach, Geliebte! wende freudig zu mir dein liebliches Auge, beruhige mich durch den Nectar deines Antlitzes, — mich den brennenden, betäubten, tief in Kāma's Feuer hineingefallenen[11]) — zögere nicht umsonst»; indem er so sprach, wurde er ohnmächtig[12]).

---

1) oder «von Liebe und schönen Künsten traf»; comm. अथ च । कलाभिश्चतुःषष्टिसंख्याभिश्चातुरीभिरित्यर्थः । सद्भवर्तमानः सुरसः शृङ्गाराख्यस्तत्स्यन्दिनी तत्प्रवाहिनी या सिरा प्रणाली तद्रूपया । दर्शनमात्रेण त्रैलोक्यस्य विलक्षणशृङ्गाररसप्रवर्तित्वादिति भावः । तथा ।.

2) Es ist hier die sechste Stufe der Liebe der विषयनिवृत्ति geschildert, und die Unempfindlichkeit des Verliebten gegen die Objecte der fünf Sinnesorgane nach der Reihe angegeben; wenn die Menschen den Mond sehen, werden sie erfreut, er aber nicht: अनेन चक्षुरिन्द्रियविषयनिवृत्तिरुक्ता ।.

3) Comm. मालायामतिमृदुलनवमालिकातिमुक्तकादिकुसुमदाम्नि । न लोलं हृदये तदर्पणाभिलाषचपल[त्वं] न जातमित्यर्थः ।.... अनेन त्वगिन्द्रियविषयनिवृत्तिरुक्ता ।.

4) Comm. स्थितमविलम्बितम् ।.

5) Comm. विलुलिता व्याकुलासीत् ।.

6) Hier ist die siebente Stufe der Liebe — Schwinden des Schamgefühls त्रपानाश geschildert.

7) Hier ist die achte Stufe der Liebe — das Rasen उन्माद — beschrieben.

8) Comm. नदति किमहो किमहो इति शब्दं करोतीत्यर्थः ।.

9) Comm. अतः प्रलपति स्वात्मनैवानन्वितां वार्तां करोतीत्यर्थः ।.

10) मदिराक्षीं स ist hypothetisch ergänzt.

11) Comm. मदनदहनान्तः कामाग्निमध्ये नितान्तमत्यन्तं निपतितम् ।.

12) Das ist die neunte Stufe der Liebe मूर्च्छा genannt.

118. Alle königlichen Dienerschaaren riefen dann in der Verwirrung den sehr geliebten Hofnarren zum Könige herbei [und] sagten: «O Liebling des Königs, was ist das für ein elender Zustand [unseres] Herrschers!» [und] unendlich erschrocken fielen sie in Ohnmacht[1].

119. Der Hofnarr dachte dann: «was soll das sein!» und als einer [unter den Anwesenden] sich geschwind eines früher gemachten gescheidten Ausspruches erinnerte[2], da erkannte er rasch: «das hat der Liebesgott gethan, indem er die Campā mit der glänzenden Schönheit ihres Körpers zu seinem Bogen[3]) machte».

120. Darauf sagte er in grosser Aufregung: «O, König! O lieber Freund! wer ist der Grausame, der in dir einen Verehrer seines Feindes[4]) erkennend, mit Blumenpfeilen und Bogen versehen, unerwartet dich heftig verwundet mit seinen aus Campakablumen (oder aus der Campā) bestehenden Geschossen[5])»?

121. «Darum trage in deinem Herzen den Gott Çiva, der mit seinem dritten Auge Kāma vernichtete, und der der beste Schutz gegen Unheil für die Schaaren seiner Verehrer ist[6]), und rüste dich diesen deinen und Çiva's unvergleichlichen[7]) Feind, der stolz auf seinen Sieg über die Dreiwelt ist, zu besiegen».

122. Als der Herrscher der Männer diese Rede, welche einem ganz frischen[8]) Nectarstrome, der aus dem Lotusmunde seines Lieblings kam, ähnlich war, gehört hatte, machte er die Augen auf und da gerieth der unbezwingliche, grossmächtige Kāma in die grösste Wuth[9]).

---

1) Comm. मोहं मूर्च्छाम् । मूर्च्छा तु कश्मलं मोहोपीत्यमरः (II, 8, 2).

2) Comm. परामृश्य स्मृत्वेदमचिरात्त्वरितं कामेन कृतमित्यज्ञासीदित्यन्वयः । परामृश्येत्यनेन तत्समये तत्स्थितिः सूच्यते ।.

3) Im Text ist hier ein grammatischer Fehler gemacht: पुष्पधनुषा statt पुष्पधन्वना.

4) Comm. मित्ररिपुः स्मरारिः शम्भुरित्यर्थः ।.

5) Comm. चम्पाख्यनायिकायाश्चम्पकतरोश्चेमे चाम्पेयाः । प्रबलपवनपरिप्लवललितनलिनावली-विलासचम्पानयनरूपा इत्यर्थः । अथ च चम्पककुसुमरूपा इत्यर्थः । तैर्बाणैः कुसुमेषुत्वादिति भावः ।.

6) Comm. स्मरणमात्रेण मृत्युंजयत्वादिति भावः । ईशस्य शंभोरथ च स्वप्रभोराराध्यत्वादिति भावः ।.

7) Comm. अथ चासमं । भवतः शिवध्यानेन द्विगुणबलत्वादिति भावः ।.

8) Comm. नवतमामपूर्वाम् । सदुक्तिभूषितत्वादिति भावः ।.

9) Comm. संरम्भं क्रोधं यद्वा । चरमदशोत्पादने समुद्यममकरोत् ।.

123. Darauf als der in seinem Herzen betrübte Hofnarr erkannte, dass Kāma durch die Art seiner Rede noch mehr zornig geworden sei und dass er wirklich beabsichtige [den König] zu tödten [1]), dann rief er seinen Lehrer Datta herbei, als ob dieser Gott Çiva [selbst] wäre.

124. Zu dieser Zeit, als der sehr mitleidsvolle Gott [Çiva], der Besieger des Todes, dasjenige was dem [Könige] von Seiten seines Feindes des Liebesgottes widerfahren war, bemerkte, gab er irgend einem Brahmanen, um diesen [König] zu beleben, einen schönen Brief — gleichsam seine eigene belebende Mondsichel; und dieser kam damit herbei.

125. Als der beste unter den Einsiedlern [2]), der Herr der Yogins, der von allen Göttern gepriesen war, zur sehr schönen Pforte des ausgezeichneten Königs kam, da sah er dort diesen anderen Barhmanen, der aus der herrlichen Stadt Sūryapura [3]) gekommen war und einen Brief in der Hand trug.

126. Dann ging Datta geschwind mit dem anderen in den Palast des Königs hinein — er, der immer unermessliche Würde durch Anbetung von Lakṣmī's Gemahl besass; und, O, Wunder! als er seinen ohnmächtigen Schüler, den König, mit einem Blicke betrachtete, der [gleichsam] voll von einem niederfallenden Nectarschauer war, belebte er ihn.

127. Dann warf Kāma die Schöne, als ob sie sein schöner Bogen wäre [4]), in des Königs Herz hinein und ging eilends von ihm fort um sich zu verbergen, sehr beschämt vor seinem Vater, dem Vāsudeva [5]), der in Datta's Herzen wohnte, [indem er dachte:] «was bin ich! [6])».

128. Der Besieger der Dreiwelt, der allermächtigste von unübertroffenem Muthe Gott Kāma verlor bei diesem Könige rasch jede Hoffnung;

---

1) Die letzte (zehnte) Stufe der Liebe ist der Todt: comm. अन्त्यां मृतिकां चरमाम् ।.

2) D. h. Datta; comm. योगीशानः। योगीश्वरो दत्तात्रेय इत्यर्थः ।.

3) Comm. श्रीमन्मिहिरनगरात् । शोभमानसूर्यपुरात् ।.

4) कार्मुकलतां ist auf Grund des Commentars ergänzt: नताङ्गीपदं कार्मुकलताद्रूपकं समर्थयति ।.

5) Comm. स्वीयजनकात् । स्वपितुः । दत्तस्यान्तस्थितमधुरिपोः वासुदेवात् । पद्मनाभो मधुरिपुर्वासुदेवस्त्रिविक्रम इत्यमरः ।.

6) Comm. अमुतो नरपतेरगमन्निर्गतोभूत् । किमहमित्युत्प्रेक्षा । गुर्वागमने कामावेशविह्वलतां विहाय गुरुबहुमानवशात्मावधानोभूदिति भावः ।.

das ist kein Wunder, denn ein Unglück, welches einem Manne passiert, der die Brahmanen, den Lehrer und die Kühe verehrt, schwindet sofort[1]).

129. Dieser weise Oberkönig stand dann auf mit einem Gesicht, das wie eine Lotusknospe glänzte, weil der Weg zu seinem inneren Organ frei wurde[2]); [er] verehrte freudig jenen besten Lehrer, die beiden Hände faltend mit einem sanften Lächeln, welches so wie die Fülle des Herbstmondlichtes strahlte.

130. Dann empfanden die dortigen Diener die grösste Freude, indem sie zitterten und ihre Härchen sich sträubten; ebenso unerwartet kam aus dem Munde des verehrten Lehrers dieser liebliche Strom von glänzenden Worten, der von Liebe[3]) traf und süss war:

131. «[O, König!] möge die Campā [dir] grosse Freude bringen[4]); [auf ihm] sind Buchstaben mit [flüssigem] Gold [geschrieben][5]), er hat einen gelösten Siegel[6]), er ist in einem schönen Couvert[7]), [beschreibt] den Glanz eines schönen Mannes[8]), er sieht

---

1) Comm. citiert hiezu den Sikatāsetu (?) तदुक्तं ।
गुरुगोविप्रदेवानां सेवके पुरुषे नृणात् ।
विपदो विलयं [या]न्ति सिकतासेतवो मते । इति ।

2) Comm. स्वस्यानुद्विग्नान्तरसरणिरन्तःकरणमार्गो यस्य सः ।.

3) Comm. असमरसनिःस्यन्दमधुरः । असमोनुपमो यो रसः शृङ्गाराख्यस्तस्य निःस्यन्दः समुदयस्तेन मनोहरः ।.

4) oder «die Campakablume viel Duft verbreiten.» Comm. चम्पायाश्चम्पकाख्यवृक्षस्य पुष्पं चम्पा । ... सेव । अत्र च चम्पाभिधनायिकेवातश्चामन्दं बहुलं मोदं । सौरभ्यमथ च हर्षं । रचयतु करोत्वित्याशीः ।.

5) jedes von den folgenden Composita hat drei Bedeutungen, die für den Brief, die Campakablume und die Campā passend sein sollen; die gelbe Campakablume glänzt wie Gold, und die Campā ist goldfarbig vom goldenen Schmuck; comm. पत्री । सुवर्णेन सुवर्णरसेनोद्यन्तः प्रकाशन्तो वर्णा अक्षराणि यस्यां सा । चम्पककुसुमपक्षे । सुवर्णस्येवोद्यन्प्रकाशन्वर्णः कान्तिर्यस्याः सा । नायिकापक्षे । ... कर्णाद्यलङ्कारेण परिणतैः सुवर्णैः कनकैरुद्यद्वर्णः शोभा यस्याः सा ।.

6) oder «sie (die Blume) hat eine geöffnete Spitze (Knospe)», oder «sie (Campā) hat ein freudiges Gesicht».

7) oder «sie (die Blume) bildet einen schönen Kreis (ist rund)», oder «sie (Campā) hat schöne Armringe».

8) Comm. सुनेत्रा शोभमाननायकेनाभाति सा । रमणीयनायकस्य वरार्यत्वेन विराजमानत्वादिति भावः ।, oder «sie (die Blume) glänzt durch die guten Augen [des Gärtners geschützt]: comm. पत्रकेसरादिभङ्गभयेन निश्चलतया मृदुपत्रवेष्टनादिना संरक्ष्यमाणत्वादिति भावः । आहरणकारिणा माला-

schön aus, weil er weiss wie eine Perle ist[1]), er entzückt das Herz[2]), er ist [an Glanz] der Mondsichel auf [dem Kopfe] Çiva's ähnlich[3])».

132. Nachdem [Datta], ein Edelstein im Diadem der Gelehrten, so gesprochen hatte, nahm er rasch aus der Hand des Brahmanen den glänzenden schönen Brief und gab ihn da dem Viṣṇu gleichen Weltherrscher[4]). Dieser — ein Besieger von ausgezeichneten Königen — nahm ihn, gab seinem Freunde und Begleiter[5]) dem Hofnarrn, sagte «lies vor, Freund» und setzte sich nieder.

133. Möge der herrliche lotusäugige Arjuna Kārtavīrya[6]), der eine Menge glänzender Bogen und Pfeile in seinen Tausend Händen trägt, der

---

कारणेत्यर्थः । अखण्डितत्वेनानयनाद्भाति । सा ।, oder «sie (die Campā) glänzt durch ihre schönen Augen».

1) oder «sie (die Blume) ist durch Bienen schwarz (असित) wie ein Augenstern gemacht», oder «sie erglänzt durch Bienen, welche herumsummen»; comm. तारा नेत्रकनीनिका ... तद्वदसिताः श्यामा भ्रमरा तैर्ललितं सुन्दरं गात्रं स्वरूपं यस्याः सा । भ्रमराणां श्यामत्वे स्वस्याः पीनत्वेनोभयसंव्योगे परभागोदयादिति भावः । यद्वा । तारा दीर्घरावः कंकारइत्यर्थस्तेन युक्ता । असिता भ्रमरास्तैर्ललितगात्रा ।, oder «sie (die Campā) hat einen wie die Sterne weissen (blassen), schönen Körper», oder, «sie hat einen schönen Körper, der überall weiss ist (vom Glanze) der Perlenschnur (तार + आ + सित ...)»; comm. तारा नक्षत्रं तद्विव सितं शुभ्रं । सूक्ष्मं च । तथापि ललितं रमणीयं गात्रं शरीरं यस्यां सा । ... यद्वा । तारैः शुद्धमुक्ताफलैः श्रतयष्टिकं हारं कृत्वा । ... आ समन्तात्सितं सर्वत्रामलमुक्ताढ्यो[ति]ष्पातादिति भावः । अत एव ललितं गात्रं यस्याः सा । So hat der Dichter nicht weniger als fünf Bedeutungen in dieses Compositum hineingelegt.

2) oder «er ist sehr lieblich»; comm. असून्प्राणान्रमयति सा सुरमणीति पदच्छेदः । यद्वा । सुतरां रमणीया ।; oder «sie (die Blume) ist reizend», oder sie (die Campā) ist ausserordentlich schön».

3) Comm. मित्रीकृतानुकृता । गिरिशललाटस्थचन्द्रकला यया सा । तद्वद्भासमानेत्यर्थः । शुभ्रत्वादाकुञ्चितवलयत्वाच्चेति भावः ।; oder «sie (die Blume) machte sich die Mondsichel Çiva's zur Freundin, oder «welche als Knopf [in der Mitte von Çiva's Turban] erscheint, just wie die Mondsichel» (?): comm. मित्रीकृता सुहृदीकृता । शिवेन सह वैरनिरासार्थं । तच्छिरःस्थचन्द्रकला यया सा । शङ्कुच्छन्नोपस्थिता या पत्रवेष्टनेनालिङ्गस्थितत्वेन भासमानत्वादिति भावः । यद्वा । मित्रीकृताङ्गीकृता । मध्ये धृतत्वादिति भावः । गिरिशत्रैवात्मक इव कला कलिका शङ्कुरित्यर्थः ।; oder «sie (die Campā) war [blass] wie das Licht der Mondscheibe Çiva's»: comm. विरहजनितकार्श्याद्विवशादिति भावः ।.

4) Comm. चक्रिणे चक्रायुधाय । ... पुनश्चक्रिणे सार्वभौमाय ।.

5) Comm. सन्मन्त्रिणे । समीचीनविचारकारिणे । केलिकराय नर्मकराय । मन्त्रिणे सचिवाय ।.

6) Der Dichter macht am Ende jedes Sarga ein Paar Verse, welche als glückbringende Segenswünsche wirken sollen; in jedem der zwölf Sargas wird eine besondere Kraft (शक्ति) des

wunderbar tapfer ist, den Übermuth der Räuber bricht, und die Kraft[1]) hat die vollste Sicherheit zu gewähren — möge diese verehrungswürdige Incarnation von Viṣṇu's Discus die Dreiwelt im Osten hüten.

134. Dieses Gedicht[2]), welches alle entzückt kommt aus dem Munde des Dichters Hari infolge seiner Berührung mit dem Staube der Lotusfüsse des berühmten Nārāyaṇa; als die Götter es gehört hatten, sehnten sie sich freudig nach ihm [und] küssten nicht mehr die rothen Lippen der himmlischen Frauen, welche die mit Nectar gefüllten Krüge [an Süsse] übertreffen.

135. Im «Haihayendracarita»[3]) welches durch die Kunst tadellose Verse mühevoll zu verfassen erglänzt, — in diesem Gedicht des berühmten Dichters Hari, der in Sūryapura wohnt, ein Sohn des berühmten Nārāyaṇasūri, Nachkomme eines edlen südlichen[4]) [Brahmanen]-Geschlechtes ist, und berühmt dadurch, dass die Wissenschaft sein [einziges] Vergnügen ist, ist nun das erste Kapitel in glänzender Weise abgeschlossen.

Das ist das erste Kapitel «Schilderung der Vorzüge des Königs der Haihayas», des Gedichtes Haihayendracarita, welches durch [das Wort]

Arjuna gepriesen (hier z. B. seine Kraft Sicherheit gegen Diebe zu gewähren) und für eine Himmelsgegend (hier für den Osten) sein besonderer Schutz verlangt; comm. अथ कविः क्रमेण द्वादशसर्गेषु सर्गान्ते द्वादशात्मस्वरूपश्रीमत्सहस्रबाहोः पृथग्द्वादशशक्तिसहितद्वादशनामादिगुणनिबन्धनपूर्वकं सर्वेषां द्वादशदिगवनप्रार्थनाशीरूपं मङ्गलमाचरिष्यन्प्रथमसर्गान्ते प्रथमदिगवनप्रार्थनाशीरूपं मङ्गलमाचरति ।.

1) Comm. क्षेमंकरी नामिका प्रथमा शक्तिस्तया संयुतः । चोरमदभञ्जन इति प्रथमं गौणं नाम । कार्तवीर्य इति मुख्यनाम ।.

2) Auch personificiert, als Göttin der Dichtkunst, welche aus dem Munde des Dichters Hari erscheint, zu nehmen; comm. वाणी विविधविद्याग्रन्थग्रथनरूपा सरस्वती समुन्मीलति प्रकाशते ।. Am Ende jedes Kapitels seines Gedichtes macht Hari einen Vers um die Göttin der Dichtkunst zu preisen; comm. द्वादशसर्गेषु सर्गान्ते स्वोद्भूतवाग्देवताश्लाघनं करिष्यंस्तदुपक्रमते । श्रीनारायणेति ।.

3) Comm. द्वादशसर्गेषु सर्गान्ते तत्समाप्तिबोधकं तत्संख्यायुक्तं श्लोकमुपन्यस्यात्रैतत्सर्गसमाप्तिबोधकमेतत्संख्यायुक्तं श्लोकमुपतिपति ।.

4) Comm. दाक्षिणात्येषु महाराष्ट्राभिधदक्षिणदिग्भवब्राह्मणेषु अन्वीयते युज्यते इत्यन्वयो वंशो यस्यासौ ।.

«Sieg» markirt ist, und von dem Dichter Hari, dem Sohne des ehrwürdigen Nārāyaṇasūri, aus der herrlichen Stadt Sūryapura gebürtig, — verfasst ist[1]).

ZWEITES KAPITEL.

1. Möge der Leib des Feindes des Mura [uns] auf lange Zeit das höchste Glück gewähren; [er ist] dunkelblau, wie ein Smaragd, unendlich breit[2]), sein Augenpaar senkt sich, um die immer strahlende [Schönheit] der Lakṣmī anzusehen[3]), er gleicht einem Himmel, auf dem der Blitz, die Sonne und der Mond gleichzeitig erscheinen und glänzen[4]).

2. Es erglänzt hier die Stimme des phantasievollen [Dichters[5])], die

1) Das Commentar zum ersten Sarga schliesst so: इति श्रीसूर्यपुरस्थितश्रीमन्नारायणसूरिसूनुप्रसिद्धभानुभट्टापराभिधहरिकविविरचितायां स्वकृतहैहयेन्द्रचरिताख्यकाव्यव्याख्यायां श्रीशंभुविलासिकाख्यायां प्रथमः सर्गः समाप्तः ।.

2) Comm. काममत्यन्तं विशालं पृथुलं ।.

3) Comm. अनारतं सततं । . . . स्फुरिता दीप्यमाना या हरिण्याविव नेत्रे यस्याः सा हरिणीनेत्रा महालक्ष्मीस्तस्या या वीक्षा भगवत्क्रियमाणप्रेक्षणं तत्र नमन्नम्रीभवन्नयनद्वयमर्थाद्भगवन्नेत्रयुग्मं यस्मिंस्तत् । . . . मुरवैरिणो मुरारेर्वक्षो हृदयं । कविपाठ्यपाठकेभ्य इत्युपरिता ज्ञेयं ।. — Das Wort हरिणी enthält zu gleicher Zeit eine Auspielung an das Hauptmetrum — *hariṇī* — des zweiten Kapitels: हरिणीति पदं हरिण्याख्यं समग्रसर्गवृत्तं बोधयति ।.

4) Denn der Himmel ist blau, unendlich breit, hat zwei Augen — Sonne und Mond. Die Lakṣmī wird mit dem Blitze verglichen, weil sie im Himmel wohnt und einen goldfarbigen Körper hat. Sonne und Mond zusammen mit dem fortwährend am Himmel zuckenden Blitze zu gleicher Zeit scheinend und einander nicht störend, würden ein Gleichniss für Viṣṇu's Leib sein; comm. सहैककालावच्छेदेनोद्यदुदयच्चञ्चच्छोभमानमन्योन्यनिरासमकुर्वदित्यर्थः । चलातपचान्द्रिकं विद्युत्सूर्यद्युतिकौमुदीत्येकवद्भावस्मिंस्तदेवंविधं नियदाकाशमिवोत्प्रेक्षा । वियदपि श्यामं विशालमस्ति भगवन्नेत्रयोः सूर्यचन्द्रात्मकत्वेन तयोश्च लक्ष्मीलावण्यवीक्षणनम्रत्वेन . . . तस्य च लक्ष्मीनिवासगृहत्वेन तस्यास्तत्र सुवर्णसवर्णतनुकान्तिकल्लोलैरनवरतास्थिरतडिद्वत्स्फुरणात्तस्य तथात्वकथनस्योचितत्वादिति भावः ।

5) Comm. अनुभावतः परमप्रतिभाशालिनः कवेरित्यर्थः ।

beim [ersten] Hören[1]) schwer verständlich ist, doch wenn sie ins Herz gedrungen ist unübertreffliche Süsse verbreitet; in gleicher Weise kann der Krystallzucker[2]), der vom Zuckerrohr entsteht, sogar durch scharfe Zähne nicht zermalmt werden, doch durch das Herumdrehen auf der Spitze der Zunge[3]) erregt er Wonne durch Ausströmen von ausgezeichnetem Nectar.

3. Beschreibe uns, o Zunge! scherzend[4]) fünf oder sechs Vorzüge der Leuchten unter den Dichtern. Warum stolperst[5]) du? Alle kannst du doch nicht erwähnen: sogar der mächtige Schöpfer der Welt, wenn er sie durch eine lange Reihe von Tagen zählt, findet nie ein Ende.

4. Der Reiz des Summens eines Bienenschwarmes, welcher durch den stark von einem Lotusbeete entstrahlenden schönen Duft erfreut ist, kann in dieser Welt dem wundervollen Reize vieler Vorzüge, welche die zahlreichen Werke des ausgezeichneten Dichters Jagannātha haben, nicht gleich kommen[6]).

---

1) Comm. श्रवणमात्रेण सद्यः स्फुटार्थाभानादिति भावः ।

2) Comm. सिता शर्करा इति ।.

3) Comm. आस्याङ्कुरो रसना तस्या अग्रमञ्चलस्तेन विलोलने चालनसमये ।.

4) Comm. हर्षोत्स्वतः स्वान्तसंभवसमुल्लासात् । ननु मदनुरोधाद्बहिःप्रकाश्यमानसमुल्लासाभासादिति भावः ।.

5) Comm. किं स्खलसि । स्वल्पाः किं वक्तव्या इति संकोचं करोषीत्यर्थः ।.

6) Wie im ersten Sarga folgt dem allgemeinen Preise grosser Dichter der spezielle Preis eines mit Namen erwähnten Dichters. Jagannātha, anders Paṇḍitarāja genannt, wurde in Jayapura im Süden geboren, war unter Shah Jahan in der ersten Hälfte des siebzehnten Jahrhunderts in Benares und Delhi thätig; unter seinen vielen Werken ist besonders die Bhāminīvilāsa berühmt. (s. Kāvyamālā, II Band). Das Summen der Bienen ist nur süss klingend, Jagannāthas Poesie hat aber noch viele andere Vorzüge, aber es wird durch diesen Vergleich angedeutet, dass sie besonders durch ihre Süsse berühmt war, was auch Jagannātha selbst (im vierten Vilāsa des Bhāminīvilāsav. 41) erzählt; comm. भ्रमरशिञ्जायां केवलमाधुर्यगुणवत्त्वादेतद्वचनरचनायां नानागुणवत्त्वान्नैतच्छोभावगाहनं तस्या जातमिति भावः । अनेनास्याः सर्वगुणवत्त्वेऽपि माधुर्यातिशयो द्योत्यते । अत एवानेन स्वयमेवोक्तम् ।

विद्वांसो वसुधातले परवचःश्लाघासु वाचंयमा
भूपालाः कमलाविलासमदिरोन्मीलन्मदाघूर्णिताः ।
आस्ये धास्यति कस्य लास्यमधुना धन्यस्य कामालस-
स्वर्वामाभृशमाधुरीं विधुरयन्वाचां विलासो मम ॥

5. Darauf, nachdem der Lehrer sich entfernt hatte, fing der Hofnarr an mit Freude[1]) aufmerksam den Brief zu lesen, den eine geschickte Freundin der Campā auf...[2]) geschrieben hatte, der einem nectartriefenden Strauss ähnlich war, von Liebe, Artigkeit und Freundlichkeit voll war und eine Reihe von prächtigen Versen enthielt:

6. «Das Wasser, der Wind, die weite Erde, die Sonne[3]), der Mond, das Feuer[4]), der Opferdarbringer[5]) und der Himmel, [das sind die acht] weit verbreiteten[6]) Formen, die Çiva, der beste unter den Göttern[7]), besitzt; möge er [dir] ein stetes preiswürdiges Glück[8]) schenken.

7. «O, Yogin[9])! was kann ich dir viel[10]) anderes[11]) süsses jetzt erzählen, [da du] ein Heim der Süsse bist, und was elegantes, wenn du der Hauptschatz aller Eleganz bist; trotzdem, o König! lausche meiner Stimme, die durch Liebe zu dir süss ist.

8. «Die herrliche Sonnenstadt[12]) prangt ausserordentlich in dieser Welt

---

(Ms. °स्वर्वामाधरमाधुरीं) Bhāminīvilāsa, IV, 41) तथा च ।

आ मूलाद्रत्नसानोर्मलयवलयितादा च कूलात्पयोधे —
र्यावन्तः सन्ति काव्यप्रणयनपटवस्ते विशङ्कं वदन्तु ।
मृद्वीकामध्यनिर्यन्मसृणमदधुरीमाधुरीभाग्यभाजां
वाचामाचार्यतायाः पदमनुभवितुं कोस्ति धन्यो मदन्यः ॥ (ibid. IV, 38).

1) Comm. रभसभृत हर्षव्याप्तः ।.

2) die fehlenden ⏑—⏑ könnten durch सुभूर्ज° oder सुपत्र° ergänzt werden, jedenfalls durch ein Wort, welches das Material bezeichnet, worauf der Brief geschrieben war.

3) Comm. रथाङ्गवियोगहृा । चक्रवाकवियोगहरः सूर्यः । तदुदये रथाङ्गसंयोगादिति भावः ।.

4) Comm. कीलामाली ज्वालाधरो वह्निरित्यर्थः ।.

5) Comm. वितानकृद्यज्ञकर्ता ।.

6) Comm. स्फीता व्यापकाः ।.

7) Comm. विबुधर्षभः देवश्रेष्ठो महेश्वरत्वात् ।.

8) Comm. दिव्यं स्तुत्यं ।... भव्यं सुखं शर्म ।

9) d. h. Arjuna; comm. योगेन सर्वज्ञो योगीराजकार्तवीर्यो राजराजोर्जुनस्तथा ।.

10) Comm. अलं पर्याप्तं बह्वित्यर्थः ।.

11) Comm. पुनरन्यत् ।.

12) i. e. Sūryapura; comm. सूरस्य सूर्यस्येदं सौरं । सूरतः प्रसिद्धाभिधमित्यर्थः । सुवर्णमणिभूषणादिभूषितसकललोककान्तिः पुरे तूपचरात्कथ्यते ।.

durch ihren schönsten Glanz, von dem Armbande der Wogenreihen der Tāpī — umschlossen; die Stadt der Götter lässt plötzlich in ihrer Nähe die Gaṅgā, welche zur Erde floss, stehen bleiben[1]) und erreicht dadurch [dieselbe] Schönheit, die jener [Stadt Sūryapura] eigen ist[2]).

9. «Dort wohnte nachdem er seine Heimat verlassen hatte der tadellose, stolze, herrliche König Kaccha, dem eine Menge Soldaten dienten; er hatte sich ganz der Verehrung der Tāpī gewidmet, und[3]) wegen dieser übermässigen Anbetung[4]) wurde er überall unter dem Namen des «Geliebten der Tāpī» hochberühmt.

10. «Früher weilte dieser König[5]) [Kaccha] auf dem ewigen Berge Mahendra; [er war] ein sehr grosser, wundervoller Besitzer verschiedener Fundgruben von Juwelen, zeichnete sich durch unzählbare Tugenden aus, hatte ein Übermaas von Kraft[6]), war sehr tapfer und [so reich], dass er mit einem kleinen Theile seines Vermögens scherzend die Schätze des Kubera kaufen konnte.

11. «Seine Tochter ist fürwahr die Campā, meine Freundin mit lebhaftem Blick, welche dem Preise der Tochter der Sonne[7]) ergeben ist. Als der Schöpfer der Dreiwelt sie — die goldfarbige Schöne, die seine Schöpfung verziert[8]) schuf, zeigte er seine grösste Kunst.

12. «Warum soll ich jetzt diese Weltschönheit mit reizenden Gliedern, unermesslichen Tugenden, von der du unaufhörlich gehört hast, noch beschreiben? Wozu da noch viel reden? Der Schöpfer aller Frauen hat noch nie in dieser Welt eine andere glückliche geschaffen, die ihr gleich wäre.

---

1) Comm. निवेश्य स्थापयित्वा ।.

2) nämlich sie — die Götterstadt Amarāvatī wurde dann auch durch einen Fluss umschlossen; comm. पडुङ्गवां सुर्यपुराद्भूतां शोभामङ्गीकरोति । स्वीकरोति । स्वपर्यवसाने (? Ms. स्वपर्यवे) सरित्संचाराभावे तापीपरिवारितसूरपुरशोभाया दुर्लभत्वादिति भावः ।.

3) Comm. गङ्गाद्या सर्वनदीर्विहाय तापीसेवापरत्वादिति भावः ।.

4) Comm. तस्यां ताप्यां महोन्नतया । अत्युत्कृष्टया तया सेवया ।.

5) Comm. तस्य जन्मभूमिकथनपूर्वकं संपन्निवासस्थानत्वमाह ।.

6) Comm. सारोन्नतो बलाधिकः ।.

7) d. h. der Revā.

8) Comm स्वप्रत्यत्नत्वादियमिति निर्देशः त्रिभुवनकर्ता ब्रह्मणा स्वनिर्मितिस्त्रैलोक्यं तत्र शोभिनीं सौन्दर्यशालिनीं निरूपमसौन्दर्यमित्यर्थः ।.

13. «An dem Tage, o du herrlicher Schatz der Schönheit! an welchem diese meine Freundin deutlich von deinen vielen Tugenden im Liede gehört hatte, da fand sie, die zur Wahl [des Bräutigams bereite], schwankend nirgends ein Vergnügen, o, du Glorreicher!

14. «Die Schöne, welche dich durch die Pforte der Ohren in ihr Herzenslotus eingeführt hat, — dich, der du einem Nectarocean der Schönheit, in dessen Mitte [dein] Antlitz als Mond erscheint, gleichst — geht den grössten einem lohenden Feuer ähnlichen Qualen entgegen. O, Schatz von vielen Tugenden! ich weiss nicht was für ein Wunder hier geschehen ist.

15. «Als der starke Liebesgott dich, seinen unbesiegten Feind, durch diese Besiegerin der Rati[1]) in sein Haus[2]) eingeführt sah, von grossem Zorne erfüllt, legte er, ohne dass man es gemerkt hatte, auf den Bogen sein schreckliches Feuergeschoss und ach! setzte die Freundin in Brand.

16. «Soll ich hier, o König, erzählen, was dein Feind der Liebesgott angerichtet hat, indem er bei dieser Zarten die zehn Stufen der Leidenschaft verursachte; denn indem diese Mondantlitzige [dich, der du] ein starkes Mondlicht, welches Lotuse öffnet, bist, anschaut, geräth sie in das höchste Fieber.

17. ««O, Freundin! der ganze Tag ist vorüber, geöffnet sind die Nachtlotuse, so dass sie einen starken Duft verbreiten[3]), gross ist meine Wonne»» während die Lotusäugige so voll grosser Sehnsucht [sprechend] stand, da erschien plötzlich das Mondlicht und fing an sie zu quälen.

18. «Durch das Feuer der Trennungsqual nimmt [bei ihr] der Sandelstaub die Form von Asche an, die gelben Haarflechten verspotten die Form des Blitzes, und ihr Stirnzeichen aus Menning wird zum Monde, weil er durch Hitze glänzend geworden ist; so erlangte diese Schöne, obschon sie unglücklich war[4]), die Gestalt des Sadāçiva.

19. «Das mit Blumen geschmückte Kleid flammt auf von dem Hauche ihres Aus- und Einathmens, das aus ihrem Lotusmunde kommt und versengend mit den grossen Flammen des Feuers ihrer Trennungsqual sich ausbreitet; [durch dieses wird meine] Freundin gequält. Wenn das Schicksal in der Gestalt des Geliebten ungnädig wird, dann wird das eigene Herz zum grössten Feinde.

---

1) d. h. die Schöne.

2) denn der Liebesgott ist मनोभव.

3) परिमलभरक्रूरं als Adverb.

4) im Worte का विकला steckt eine Zweideutigkeit: «obschon sie keine Mondsichel [auf ihrem Kopfe] hatte».

20. «Ihr Lotusbett wird zur Asche, der Sandelstaub auf ihrem Leibe brennt rasch knisternd. O, lieber Freund! das ist noch nicht für ein grosses Wunder zu halten, denn [sogar] die Perlen auf ihrem Herzen bersten deutlich, wie Körner [welche in das Opferfeuer geworfen werden].

21. «O, lieber Bräutigam! woran [könnten] wir das stärkste Fieber der Schönäugigen erkennen, wenn es dieses Lotuslager hier uns nicht anzeigte: ein Knistern entsteht auf den Stellen [des Lagers], welche brennen durch Berührung mit [ihren] Füssen, Händen, starken Hüften, breiter Stirne und blumenstraussähnlichem Busen.

22. «Diese Lotusantlitzige verbirgt fortwährend in der Höhle ihres Herzens vor ihren Eltern die höchste Qual, welche durch die Trennung von dir verursacht wurde. Wir, die wir draussen sind, was können wir [davon] wissen? du, der du in [ihrem] Herzen wohnst, kennst das sicher.

23. «Die Sandelsalbe, die auf das Herz gegeben wurde, wurde sofort zur Asche, Blumenkränze wurden trocken, flammten auf [und] brannten. Das Feuer der Trennungsqual, welches durch Fächeln [nur] grösser wird, zu löschen sehen wir kein anderes Mittel, als die Feuchtigkeit deiner Lippen.

24. ««Lege auf dein Herz Bakula-Knospen, rothe Açokablumen, glänzende Mangoblüthen, weisse Lotuse, aufgeblühte Jasminen»»; als die Jungfrau diese Worte der Dienerinnen hörte, that sie das. Aber ach! welches Wunder! das Herz wird dadurch nur gequält.

25. «Wie sehr es die Lotusantlitzige den Strom von Thränen, welche durch die Trennung hervorgerufen sind, vor der Schaar ihrer lieben Freundinnen zu verbergen sucht, [es ist doch] vergeblich; denn sowohl die triefenden Ströme des Blumensafts sind salzig[1]), als auch die Schösslinge die durch viel Wärme durchdrungen sind, werden welk.

26. ....

27. ....

28. «Ihr Körper ist sehr mager, ihr Lotusantlitz blass wie die Sprosse des *Aconitum*, ihre Augen voll mit hervorquillenden Thränen, welche das *Collyrium* abwischen. Die Schöne fühlt Abneigung gegen Genüsse, den Schmuck legt sie ab, im Inneren ist sie unruhig: dieser Zustaud geht uns zu Herzen!

[Beschreibung] der zehn Stufen [der Liebe]

Augenweide.

29. «Diese Zierde der Welt verbringt ihre ganze Zeit damit, dass sie dich — den Wunderbaren, von dem sie von einer Menge von Männern und

1) Das Wort क्षारा ist hypothetisch ergänzt.

Weibern gehört hat, den wie der Liebesgott schönen, — auf einem Bilde gemahlt, anschaut. Ach! sage doch, welchen anderen Zustand der Gazellenäugigen soll ich beschreiben.

30. «Das Augenpaar der Cakora-äugigen empfindet heftig die höchste Wonne, wenn sie [dein] schönes Mondenantlitz anschaut. Das bringt in dieser Welt eine grosse Verwunderung hervor: ihr Herzenslotus blüht auf und wird schön durch Liebe [1]).

31. «O, lieber Freund! der du schön wie der Liebesgott bist; meine schönäugige Freundin merkt, dass zwischen deinem Bilde und dem Liebesgotte eine Aehnlichkeit existiert; sie könnte sich sogar vollständig irren, wenn bei diesem nicht eine Trübung durch Zorn bemerkbar wäre, o, du,! der du ein ruhigeres Aussehen hast!

Beschreibung der Lähmung und anderer äusserlichen Zustände bei der Augenweide, welche beim Anschauen des Bildes entsteht;

unter ihnen ist die Lähmung der erste.

32. «Als die Lotusantlitzige dich auf dem Bilde sah, dich der du ein Mond für die Lotusbeete der Augen der Dreiwelt und ein Ocean, in dem verschiedene Tugenden [sich vereinigen] bist, da gab sie das Blinzeln auf und sah wie das Bild einer Frau, das Kāma gemahlt hätte, aus.

33. «Als die Keusche ihre Lotushand vorstreckt um dich, der du mit schönen Augen auf dem Bilde gemahlt bist, an [deinem] Lotusfuss zu berühren, da kommt plötzlich, wie ein übermüthiger Feind, die Lähmung hervor, die sich in [deinem] Fussknöchel versteckt hatte [und] hält die Zarte zurück.

Der Schweis.

34. «Als die Lotusäugige mit Mühe dein Lotusantlitz, welches den Glanz des Herbstvollmondes hatte, mit ihrer zarten Hand berührend da stand, o, Schöner! dann floss sofort von ihrem Leibe ein ganz kalter wunderbar duftender Schweisstrom herab.

---

1) Das innere Organ, das Herz wird sowohl in der Philosophie, als in der Poesie als ein Lotus dargestellt. Es blüht auf, wenn die Augen der Schönen das Gesicht des Geliebten sehen, weil der Mond die Nachtlotuse aufblühen macht. Ihre Augen werden mit den Augen eines Cakora verglichen, weil dieser sich von Mondstrahlen nähren soll.

Das Sträuben der Härchen.

35. Wenn die Schöne von Leidenschaft erfüllt [und] vor Scham verlegen dich mit schüchternem Auge einen Moment anschaut, wird sie sofort mit gesträubten Härchen, [wie ein Baum] mit Knospen bedeckt; o, liebster! die Schöne mit lebhaftem Blick badet sich in einem Meere von Liebe, welches von zur Erscheinung kommenden Affecten hoch aufwogt, [und] wird von Kälte überwältigt.

Das Stottern.

36. «Als sie die Absicht hatte [ihre] Freundin zu fragen ««O, liebe Freundin, Retterin meines Lebens, meine junge Gefährtin! wer ist der junge Mann, den ich heute unerwartet erblickte, er gleicht einer Incarnation der Liebe mit Lotusaugen?»» — da schnürte plötzlich die Fülle des Gefühls ihre Kehle zusammen.

Das Zittern.

37. «Als sie mit [ihren] schön bewimperten Augen dich den Herrn der Welt erblickte, o! da zitterte ihr Körper ganz wie eine Liane, die vom Winde geschwungen wird; denn sie war sehr erschrocken durch die grosse Kälte, welche in Folge des Bades in dem Nectaroceane der Wollust sich [durch ihre Glieder] verbreitete, wobei jedes andere Gefühl schwand.

Die Blässe.

38. «Als die Lotusantlitzige, dich den besten unter den Werbern — der du [gleichsam] ein goldner Liebesgott bist und eine Reihe von Liebesgöttern [durch deine Schönheit] zu besiegen verstehst — in ihrem Herzenslotuse eingeschlossen hatte, ach! da wurde sie sofort blass. Sage, ist es bekannt, dass der Liebesgott so sehr zügellos ist!

Thränen.

39. «Starr sind die Augen der Lotusäugigen, ihre Glieder schwitzen, die Härchen sind gesträubt, die Stimme stottert, der Körper zittert, das Lotusantlitz ist blass; als ihre Augen dein schönes Gesicht erblickten, floss da nicht von selbst [aus ihnen] ein Sturm von Thränen, [gleichsam] um [dich] anzusehen?

Versenkung.

40. «O lieber! die Gazellenäugige bewegt nicht die Lotusfüsse, den Lotusmund, die Lotusaugen, die Lotushände; die stets frische Schönheit deines Körpers sich vorstellend, von Liebe bewältigt, mit starren Organen, sieht sie so aus, als ob sie in der Yoga-Versenkung wäre.

Concentration der Gedanken. [Zweite Stufe der Liebe].

41. «Das Denkorgan der Gazellenäugigen ist in dich, [wie] in ein Nectarmeer von Schönheit, eingetaucht und kommt fürwahr gar nicht heraus; o, König! was soll ich thun? Denn ach! die Schöne, obgleich sie von ihren Freundinnen langsam wieder und wieder erweckt wird, spricht nicht, als ob sie noch im Schlafe wäre.

42. «Sie kratzt die Erde mit den Spitzen ihrer Zehen; wenn auch das kleinste gesprochen wird, lässt sie es sich gefallen, sagt aber zu ihren Freundinnen gar nichts, am süss redenden Star ergötzt sie sich auch nicht; O Glücklicher, das Herz der [Schönen] mit lotusähnlichen Augen ist zu dir hingerissen!

43. «O, liebster, wenn die Lotusäugige über dich, der du schön wie der Mond bist, nachdenkt, merkt sie nicht, dass die ganze Nacht und der Tag vorüber sind, sie merkt selbst nicht den musikalischen Ton, der aus ihrer Kehle kommt; denn das Herz derjenigen, die eine Leidenschaft zu einem Bräutigam haben, [kann] nichts merken!

44. «O Herr, die Zarte schliesst ihre Augen und trennt sich, sogar auf einen Moment, nicht von dir, dem schönsten Manne der Dreiwelt, der du in ihren Herzenslotus eingedrungen bist; just wie ein Cakoraweibchen, welches [sogar] in Abstraction versunken, den reinen Vollmond der einen Nectarregen sendet [nicht verlässt].

45. «Das Betelpaket, das eine Freundin [ihr] in den Mund schiebt, bleibt so liegen, die Laute, welche ihr in die Hände gelegt war, fällt sogar schlaff herunter, sie wendet gar nicht ihr Augenpaar von dem ab, an wem es haftet; denn das Herz der Lotusäugigen ist in dich versunken.

46. «Im Herzen Niedergeschlagenheit, im Munde Schweigen, am Körper Magerheit, aus den Lotusaugen ein ununterbrochener Strom von Thränen, Abneigung gegen Vergnügungen, und das Begreifen von gar nichts, o

bester unter den Männern, was ist mit der Zarten[1]) geschehen? wir, ach, wissen es nicht!

47. ««Wird der König meine Worte gern hören, oder nicht? Wird der lustige Rath, der alles verspottet, da irgendwie zustimmen? O, werde ich heimlich von Liebe überquillen wenn ich ihn erlangen werde, just wie eine Statue aus Mondstein, wenn der glänzende Mond darauf scheint; oder nicht?

48. ««O! wird der Lotusäugige meinen Leib, der vom Feuer der Liebe verzehrt wird, mit seiner einen Nectarstrom herabtriefenden Hand erfrischen, wird er hier meine Herzensgluth durch ein reichlich Benetzen mit dem Honig seiner Lippen löschen; oder nicht?»»

49. «Im Gegentheil, wenn sie den Geliebten wie einen Götterbaum, der stark duftet, umarmen und mit heftiger Leidenschaft küssen [könnte], würde sie hier in das erfrischende Nectarmeer [seiner Schönheit], wo das Bewusstsein schwindet, versinken, ihr Herz erstarren [und] sie bewusstlos, wie die Erde werden.

50. ««Wann wird denn mein Geliebter mein Lotusantlitz in die Hände nehmen [und] diese süssen Wörtchen heimlich wiederholen: «O, du Lotusäugige, liebe, junge, du Mond im Ocean der Liebe, mondantlitzige Freundin, lebenrettende Arznei, du Schmeichlerin»!

51. ««O, weh! wie soll mich dieser König sofort zu eigen nehmen? oder was soll ich für ein Mittel, hierauf bedacht, anwenden? Wozu spreche ich von dieser aussichtslosen Herzenslust»»? So schmachtet meine mit vielen Sorgen gefesselte Freundin.

Schlaflosigkeit.

52. «Der Schlaf, der als eine liebe Freundin zu ihr kam um sie wegzuführen, wurde von ihr gar nicht beachtet, weil ihre Gedanken von dem glorreichen Geliebten hingerissen waren; desshalb entfernt er sich in heftigem Zorn und kehrt nicht zu ihr zurück; darum erwacht sie fortwährend.

53. «Tag und Nacht kommt der Schlaf nicht zu dieser unglücklichen Schönen, deren Leib durch das flammende Feuer der Liebe beleckt wird, gleichsam aus Furcht vor der grossen Hitze, [welche in ihr] sich zeigt; aber sie merkt es nicht; im Herzen, welches durch die Erinnerung an dich gekühlt wird, da ist keine Gluth.

---

1) तनोः für तन्व्याः

54. «Die Jungfrau bemerkt im Herzen und draussen unveränderten Sinnes, Tag und Nacht, nur dich den einzigen, ausserordentlich schönen Geliebten. Sie verfällt auch für einen Moment leise nicht in den Schlaf, gleichsam aus Furcht die Freude deine Gestalt anzusehen [nur] während einer Secunde zu verlieren. Ist es nicht so?

55. «Als die liebliche, magere Schöne fürwahr überall draussen [nur] dein Antlitz, welches dem Herbstvollmonde [gleicht] und einen Nectarregen sendet, sieht; so scheint es mir, das überaus feste Siegel des Schlafes habe ihr Augenpaar verlassen und o, Wunder! ist in ihren Mund gelangt[1]).

56. «Dann schloss sie, welche nur dich den Herrn der Welt in den zehn Himmelsgegenden sah, ihr Augenpaar mit Gewalt; o, Freund, der in Betrügereien verschlagene Schlaf betrog diese in den Künsten erfahrene und ergoss sich gleichsam durch alle ihre Glieder, nur Ermündung hervorbringend!

Magerheit.

57. «Der Liebesgott schleudert seinen sehr zarten Pfeil, der das Vertrocknen aufhören lässt, [aber], o Wunder, er macht die Schöne mager! Was soll ich thun? Wie ein sechszehntel Theil des Mondes[2]), einen kleinen Theil von [ihrer früheren] Schönheit behaltend lebt sie kaum nur vom Nectar der Gedanken an dich, o Freund!

58. «Der mitleidslose, den Glücklichen abholde Liebesgott quält wüthend stark [und] unaufhörlich die an Tugenden erhabene [Schöne], welche die Rati [durch ihre Schönheit] besiegt; doch verliert diese Jungfrau mit grossen Augen, die die Dreiwelt bezaubert, ihre grosse Schönheit nicht.

59. «Die Freundinnen erkennen [die Schöne] nicht, sie, welche durch grosse Trennungsqual abgemagert hat und dünn, wie eine Lotussprosse geworden ist, mit starrem Blick anschauend; und das ist kein grosses Wunder, denn sogar Kāma wäre nicht im Stande die Lotusäugige zu verwunden, ohne sie [besonders aufmerksam] anzusehen.

60. «Als die Freundinnen die Mondsichel am ersten lunaren Tage und die ihr ähnliche in Trennung abgemagerte Schöne sahen, weinten sie tief betrübt; sie verstanden aber nicht, dass jene, nach einem langen Weg mager, kaum sichtbar gewordene, wieder Tag für Tag zunimmt, diese dagegen nicht.

61. «Ihre Schenkel, die Elephantenrüsseln ähnlich waren, wurden Lotussprossen ähnlich, ihre Brüste welche gross wie goldene Krüge waren,

---

1) D. h. sie öffnet die Augen und schliesst den Mund.

2) Der unsichtbar ist.

wurden lotusblumenähnlich, das reizende Elephantenweibchen wurde einem langen, dünnen Blitze ähnlich: wie soll man noch weiter die Magerheit welche von der Trennung mit dem Geliebten kommt, schildern!

62. «Ich bin nicht im Stande, die Magerheit der Schönen zu beschreiben; trotzdem höre von mir, o bester unter den Männern, dass passende Worte dazu nicht zu finden sind! [meine] Freundin ist jetzt fürwahr dazu geeignet in deinem atomartigen Herzen wie in einem Hause einen weiten Spaziergang zu machen.

Die Abneigung gegen Genüsse.

63. «O Lotusantlitziger, das Herz der [Schönen] mit lebhaftem Blick haftet nicht am zarten Mondlicht, noch an einem jungen Schösslinge, nicht am Walde, der [uns] durch den Duft der Vicikilablume erfreut, nicht am schönen Summen der Bienen, welches voll von Süsse ist, und nicht an verschiedenen süssen Leckerbissen.

64. «O lieber Freund, solange die Schöne dich nicht erlangt hat, scheint ihr der volle Mond rasch stechende Strahlen zu haben, eine Lotusknospe, [die sie] berührt, scheint ihr ein hervorkommender Schlangenkopf zu sein, der Sandelsaft mit Kampher gemischt wird ihr zum Feuer, und der Liebesgott zum Todesgotte.

65. «Einst ging diese, durch die Trennung betrübte Jungfrau allein in einen von Vicikilablumen duftenden Wald, um ihr Herz zu erfreuen; durch den Gesang der Bienenweibchen wurde sie in das grösste Unglück versetzt, denn was kann ein Herz, das durch Unglück gedrückt ist, zerstreuen?

66. «Ach! [Meine] Freundin spaziert nicht im Garten, wo frische Jasminen viel Duft verbreiten, wo zwei blühende Puṇḍrakabäume grosse Freude durch ihren Duft erregen, wo ein nectarartiger Wohlgeruch herrscht, weil sie jetzt, wie ich sehe, durch dich diesem abgeneigt gemacht ist.

67. «[Meine] liebe Freundin erfreut sich nicht an dem lautsprechenden, schönen Star, sie geniesst nicht das Mondlicht, die Freude der ganzen Welt, den schönen Jasminkranz trägt sie nicht; denn das Herz der Schönen ist bei dir — dem Inbegriff alles Glücks.

68. «O, du, der du schön, wie der Liebesgott bist! ihr Augenpaar, welches sich gewiss nur deinen grossen Glanz zu sehen sehnt, und matt wird, weil [sie] unaufmerksam ist, wird von jedem lieblichen Anblicke abgestossen; ihre Zunge, die den Nectar deiner Lippen zu trinken sich sehnt ist ganz unempfindlich gegen jeden Geschmack.

Verlust des Schamgefühls[1]).

69. ««O, liebe, Mondantlitzige! schau an den aufgehenden Mond. Dieser Mond, o, Schöne! ist nicht [für mich] ein günstiges Geschick, sonder nur ein Verderben[2]). Wie könnte das volle Mondlicht den Himmel meines Herzens mit der Finsterniss des Irrsins bedecken, wenn dieses nicht von grosser Furcht bedrängt wäre.

70. ««Liebe Freundin! nimm ein frisches schönes Lotusblatt und binde es auf mein Herz, um die Flammen des Feuers, das man Liebe nennt, zu löschen. Ach! Freundin, es wird sofort nur in einem Moment trocken, es brennt und vermehrt meine Qual. Was soll ich thun?

71. ««Wenn ich den Gatten jetzt fürwahr nicht bekommen werde, der mir als junger Bräutigam, schön wie der Liebesgott, mit einer wie Gold glänzenden Gestalt, geschildert wurde, ach! da wird sofort, o, Freundin, meine Seele zum Todesgotte wandern.

72. ««Ach, liebe, schön redende Freundin! lösche sorgfältig [diese] Masse von Giftflammen. Der Frühlingswind selber naht, [aber] warum versengt er mich, die Unglückliche? Ich weiss es, o, Freundin: wenn das Schicksal gegen einen ist, da fügt sich alles zusammen.

73. ««Wie kommt, o, Freundin! dieser viel Kummer bringende [Açokabaum] dazu, kummerlos genannt zu werden, er, der die vom Trennungsschmerz unglücklichen und traurigblickenden Jungfrauen quält; [er] hat eine ausserordentlich schreckliche Gestalt, indem seine Blätter einer Menge von Sägen gleichen, roth schimmern, als ob sie mit dünnen Blutstreifen gefärbt wären.

74. ««O, Freundin! lass das volle Mondlicht bei Seite; es ist [jetzt] Neumond: ach! warum umhüllt und brennt dieses reine [Licht] meinen Leib? Warum brennt mich [mein] Jasminkranz? O, Freundin! mache mein Kleid recht kalt, denn es ist ein neuer Käfig aus Kāma's Pfeilen.

75. ««Der Mond, der von den Göttern und von Schaaren von Cakoras getrunken wird schwindet nicht ganz, dank dem einen [seiner sechszehn Theile, der immer auf dem Kopfe Çivas stehen bleibt]. O, Feuer! das du auf der Stirne Çivas bist, sei gnädig und verbrenne rasch diesen sechszehnten Theil, der meinen Leib versengt.»»

---

1) Dieses wird dadurch ausgedrückt, das die Campā gegen die Vorschriften des Anstandes laut von ihrem Geliebten spricht.

2) eigtl. ein Rāhu.

Das Rasen.

76. «Ach! die lotusäugige Jungfrau irrt umher, seufzt tief, fällt auf das Bett nieder und steht plötzlich auf, geht gerad in den Hof, kratzt die Erde, lässt in einem Augenblick einen Strom von Thränen fliessen, weil sie durch eine Masse von Flammen des Liebesfeuers verzehrt wird.

77. «O, weh! da schwatzt die Lotusäugige, sie steht auf, schreit laut, [dann] setzt sie sich nieder, lacht sehr laut, und weint, fällt [dann] wieder und wieder auf die Erde in grosser Verwirrung; sie beträgt sich wie eine die von neunfach [distilliertem] Arac betrunken ist.

78. ««O, Wolke, Wolke! warum dieser Uebermuth gegen eine schwache Frau? Zeige [deinen Uebermuth], o, Freundin! O Tochter der Berge! dem brausenden Winde gegenüber, wenn du es kannst; denn diejenigen, die eine hohe Stellung bekleiden, erlangen in dieser Welt die höchste Auszeichnung nur dann, wenn sie höhere angreifen; nicht, wenn sie geringere quälen».

79. ««Ach! dass du, o, Freund Wolke, dich nicht schämst so laut zu brüllen, wenn dein Antlitz durch die grosse Sünde des Mordes einer unglücklichen Jungfrau geschwärzt ist, das finde ich ganz gewöhnlich; denn bei Leuten, die ein kaltes Herz[1]) haben, giebt es in dieser Welt weder Mitleid, noch Scham sammt Mitgefühl.

80. ««Warum, o, Blitz! zuckst du da ausgelassen, wieder und wieder: denn obschon wir beide in gleicher Weise verliebte Frauen sind, so ist doch in [dieser] Welt die Vereinigung auf lange Zeit mit einem Manne unsicher, darum gieb das Zucken auf[2]).

81. ««O, grosser, herrlicher Mangobaum! reich an herausströmendem Blumensaft, der einen unvergleichlichen Duft verbreitet, der du von Bienenschwärmen besungen bist! In meinem Körper, der durch die Flammen des Liebesfeuers beleckt ist, erregst du, o Freude der Dreiwelt, eine Verstärkung [des Schmerzes]! Was soll ich thun?

82. ««O, bester Koil! Warum erschallt deine wie Nectar süsse Stimme umsonst! Ach! die schöne Stimme ist mir unerträglich; O! weisst du das

---

1) oder «bei denen, die (wie die Wolke) aus Wasser bestehen, giebt es keine Hitze».

2) Die Wolke ist der Geliebte des Blitzes; sie kommen nicht auf lange Zeit zusammen, sondern nur wenn der Blitz zuckt. Da alles was nach indischer Vorstellung die Verliebten erfreut — wie Mond, Blumen, der Kukuck, Wolke, Blitz — unsere Schöne nur quält, so bittet sie den Blitz das Zucken aufzugeben, mit Hinweis darauf, dass er doch auf längere Zeit sich mit der Wolke nicht vereinigen kann.

gar nicht, dass für ein unglückliches Herz jedes Vergnügen zum Missvergnügen wird.

83. ««O, bester Koil! warum bist du gekommen, mich die unglückliche mit deiner lieben süssen Stimme zu ergötzen? Was soll ich dir liebes thun? Denn durch deine leidenschaftliche Rede, welche die Liebe vermehrt, wird meine Seele und mein Herz zum Geliebten hingerissen.

84. ««Warum, o böser unbarmherziger Südwind,[1]) zürnst du so heftig gegen eine schwache Jungfrau, die vom Geliebten getrennt ist? Ich weiss, dass es sich passt für dich, den lieben Verwandten des Yama[2]), weil du mit dem Gifte, der aus der Kehle der Schlange hervorgeht, vermischt bist[3]).

85. ««O, Mond! du grosser Strom des Glanzes, du Herr der Götter und Brahmanen, du Seele der beweglichen und unbeweglichen Welt, du glorreicher Behälter des Nectars. Woher [kommt] plötzlich dein Eifer, mich zu quälen? Für die Grossen dieser Welt würde es sich fürwahr nicht schicken die Todten zu erschlagen.

86. ««Die Biene ist flatterhaft, sehr hartherzig ist der Pfau, ein Schurke ist der junge Koil, der Papagei recitiert das gehörte, dann ist der Star schwarz und die grosse Wolke kalt. Wen soll ich bei meinem Geliebten für mein Unglück verklagen»?

Ohnmacht.

87. . . . .

88. ««O, Freundin! führe mich in's Haus, denn dieses [Gestirn] mit stechenden Strahlen verbrennt mich mit einem dichten Flammenregen, mit der Masse seiner Hitze»». Als die Freundinnen sagten: ««das ist nicht die Sonne, es ist der Mond»», da rief sie: ««O! rette mich, Freund, du mondantlitziger»»! und fiel in Ohnmacht.

89. «Als [meine] Freundin mit Mühe einschlief, so sah[4]) sie dich, der du schön wie der Liebesgott bist, im Traume in ihren Armen [und] erwachte. Als sie dann auf's Bett blickte und dich nicht sah, wurde sie da sofort von Ohnmacht befangen [und] sah wie eine Schlafende aus.

---

1) Das Wort माधव ist hypothetisch hineingefügt.

2) Ein Freund von Yama ist der Südwind, weil jener über dem Süden herrscht.

3) Die Schlange ist nach der Vorstellung des Indes पवनाशिन्, und der Südwind ist ein Ueberrest von dem Fraas der Schlangen, welche im Malaya-Gebirge wohnen und in der heissen Jahreszeit sich um Sandelbäume herumwinden.

4) Das Wort दृष्ट्वा ist hypothetisch hineingefügt.

90. «O, Schöner! als die Maid mit den schönen Zähnen den weissen Lotus, den zarten Mondschein,das Summen der Bienen, den Duft des Blumensafts, die Musik der Laute, welche die fünfte Note ertönen lässt, alles dies, was die Ohnmacht schwinden lässt, wie ein Schlag empfand, fiel sie in Ohnmacht. O, über die Ungunst des Liebesgottes!

91. «O Schöner, die Ohnmacht kommt plötzlich zu dieser [Jungfrau], welche wegen der Trennung unglücklich, sehr gequält ist, Thränen vergiesst, mager, durch Ungeduld niedergedrückt ist, fortwährend viele Seufzer ausstösst, und umarmt sie, wie eine liebe Gespielin, ich meine, um rasch die Freundin vom Unglück zu befreien.

92. «Als der Liebesgott bemerkte, dass die Jungfrau durch ihre grosse Schönheit Rati übertrifft, schoss er sie zornig mit einem betäubenden Pfeile an; o, liebster! als die Knospe ihres Herzenslotuses durch dessen Anprall zerschmettert wurde, fiel wiederum die Schönäugige ganz sinnlos in Ohnmacht.

Die Rettung von der drohenden Todesstufe.

93. «Als der unbarmherzige Kāma, auf böses sinnend, erfuhr, dass [meine] Freundin, Besiegerin der Rati, in dich, seinen mit hohen Vorzügen begabten Feind, verliebt sei, legte er seinen tödlichen Lotuspfeil auf den Bogen um sie in das Reich Yama's zu senden.

94. «Als ich dann bemerkte, dass der Liebesgott eine unschuldige in die grösste Gefahr versetzen will, vom Schmerz gedrängt, von grosser Furcht erfüllt, dachte ich, o liebster! in meinem Herzen über ein Mittel nach und fand kein anderes, [als das folgende]; dann sprach ich zu [meiner] schönen Freundin.

95. «O, Campā! du lebhaft blickende, denk in deinem Herzen an die Göttin Durgā, Gemahlin des Vernichters des Todes, die in dieser Welt den Schmerz vernichtet; wenn man nur einmal in sie versinkt, stillt die Mitleidsvolle selbst verderbendrohende Leiden, gewährt Erfolg und schenkt höchstes Glück.

96. «Nachdem [meine] sehr kluge [Freundin] diesen meinen liebevollen Worten mit Aufmerksamkeit zugehört hatte, vertiefte sie sich in die Göttin Çivā, welche Heil bringt; [und diese] aus Barmherzigkeit gegen [meine] Freundin beschloss in ihrem Herzen schnell jenem Feinde des Zerstörers der Städte einen neuen Schrecken einzujagen.

97. «Denn in diesem Moment spannte der stolze Liebesgott heftig die mit Bienen besetzte Sehne seines aus Atimuktablumen gemachten Bogens,

und als er im Begriffe war den Lotuspfeil, welcher das Leben wegrafft, abzuschiessen, sah der Kluge [meine] mondantlitzige Freundin an und — o, Wunder — schoss ihn nicht ab!

98. «Als er dann den Lotuspfeil fallen lies, da setzte sich, o Wunder! Lakṣmī selbst in die Lotusaugen der [Schönen] hinein, sicherlich weil sie dem Monde ihres Antlitzes, welcher aus dem Nectarmeere geboren war und [desshalb] ihr jüngerer Bruder war[1]); gutes zu thun wünschte, o, Glorreicher!

99—100. «Plötzlich merkt dann der Liebesgott, der stets alle besiegt, dass die beiden Lotusaugen [meiner] mit schönen Brauen versehenen [Freundin] zwei seiner Pfeile und ihre zwei gebogene Brauen zwei Bogensehnen seien. Unveränderten Sinnes wünscht er durch diese dich, den Helden, den Besieger von Königen, den letzten unter den Edlen zu besiegen. [Darum] schont er die goldfarbige Schöne, als seinen eigenen Schatz, als einen Lotusteich, der mit Lotusblumen umgeben ist, als eine Stadt die im inneren glänzt, als die einzige höchste Kraft welche die Welt besiegt.

Hier endigt die Beschreibung der zehn Stufen [der Liebe].

101. «Darum rette, o bester unter den Menschen, [meine] Freundin, ach! schliesse von jetzt an Freundschaft mit dem Liebesgotte, dem Besieger der Welt, dem Mehrer der Wonne! Denn sie ist nicht im Stande den äussersten Trennungsschmerz auszuhalten; ihr Leben ist [nur] durch die Hoffnung dich zu erlangen erhalten.

102. ««O, Bräutigam, o Strom von Barmherzigkeit, du Freund, Gewährer der Wünsche! wähle mich hier zu eigen, an einen anderen denke ich nicht»». Ich, welche dieses und das folgende mit eigener Lotushand im Briefe geschrieben habe, werde dir jetzt die Lage schildern, in welcher sich ihr ganz bedrängtes Herz befindet. Höre mich, o liebster!

103. «O du, wie der Liebesgott lieblicher! wenn du von der Schönen getrennt bist, dann ach! wird [für sie] der Mond zur Sonne, das Mondlicht zum Feuer, der Athem zum Stöhnen, der Sandelstaub zum Fieber, das Angenehme zum Gift, das Heim zu einem fremden Welttheile, der Lotus zur Schlange, das eigene «Selbst» zum «Unglück» (?), diese Welt zur Luft, der Liebesgott zum Todesgotte.

104. «Nimm dir die Campā zu eigen, welche ganz der Besitz des Gemahls der Rati ist, eine am anderen Ufer des Oceans der Schönheit stehende Stadt, der fliessende Nectarstrom des Mondes, ein Kästchen für eine Masse von Perlengleichen Tugenden, belebende Arznei für einen der durch viele Pfeile des Liebesgottes vernichtet ist.

1) Lakṣmī sitzt auf einem Lotus und ist aus dem Nectarmeere geboren.

105. «O bester unter den Menschen! möge Campā, welche die Welt bezaubert, dir für immer gehören! Sie, deren Augen wie ein auffliegender, flatterhafter Bienenschwarm, sich bewegen, deren glänzender Körper wie die Glanzwellen eines blühenden Campak'akranzes schimmert, deren Antlitz wie der aufgehende Vollmond ist, und die dem Blitze in der Wolke gleicht».

106. Als der König vom lustigen Rathe den mondlichtgleichen schönen Brief [zurück] bekam, [den Brief], welcher durch die geschickte Composition einer Anzahl süsser Verse wunderschön war, öffnete er weit die schönen Augen, die einem blauen Lotuse ähnlich waren, und indem der Ocean seiner Gedanken hoch wogte, entsendete er nectarähnliche Verse, die von Liebe erfüllt waren und die Schöne am Leben erhielten.

107. «O Jungfrau! deren Arme zart wie Lotussprossen sind, die die Dreiwelt entzückt, o lebensrettende Arznei, o liebste, du Nectarstrom der Liebe, wisse und zweifle nicht: wie könnte ich, der von dir gewähtl bin, dessen Herz durch die Fesseln die man Liebe nennt an dich gebunden ist, ohne dich leben»!

108. Als der beste unter den Königen dem Liebesgotte gehorchend der Geliebten einen ausserordentlichen Vers — einen grossen Zauberspruch, der auf die Liebe [sich bezieht] und wie frischer Nectar [wirkt] schickte, dann stand er, sein Geist in einen Ocean von Gedanken über das Mittel die [Geliebte] zu gewinnen vertieft, seine beiden Lotusaugen geschlossen, unbeweglich, wie ein Yogin da.

109. Zu dieser Zeit kam ein Mann aus Sūryapura und gab freundlich dem ausgezeichneten Könige, der durch Sorgen ermüdet war, einen schönen mit dem Namen des Vaters [der Campā] unterzeichneten Brief gleichsam einen Schiff, der über den grossen Ocean der Sorgen führt und gleichsam eine schöne Frau, weil er durch viele hinreissende Verse glänzend geschmückt war.

110. Der König liess seinen Lehrer, welcher das Benehmen des besten unter den Ariern hatte, herbeirufen, gab ihm den Brief der einem Freunde und grossem Wohlthäter gleich war, sagte «lies, o Herr»! und schwieg. Der ausgezeichnete Lehrer nahm [den Brief] in die Hand, öffnete ihn [und] las, indem sein Gesicht von grosser Freude erglänzte.

111—116. «Heil! Dieser Brief des Tāpikākānta, welcher eine Nachricht und verschiedene elegante Sprüche enthält, ist an den berühmten Lehrer Datta mit Verbeugung gerichtet, [den Datta], welcher einer Biene [ähnlich ist], deren Geist aus Freude die Fusslotuse des glorreichen Herrn Viṣṇu zu geniessen still ist; welcher der erste ist unter denjenigen, die von

den besten Eigenschaften, vor allem Ruhe und Sanftmuth, erfüllt sind; welcher dem frommen Wandel gemäss, der in der heiligen Schrift und der Tradition gelehrt wird, sich benimmt; welcher alle Gelehrten durch die grosse Macht seines Wissens übertrifft; welcher ein grosser schöner Baum des Glückes ist, der nach Belieben Blüthen treibt; welcher mit einem grossen Verstande, [gleichsam] mit einer himmlischen Gaṅgā, geschmückt ist, welche wegen der grossen Freude einen Nectarschatz verschiedener Wissenschaften zu umarmen, hoch aufwogt; dessen Redeströme, wie die hoch wogenden Wellen des Oceans, der durch die Berührung mit den Nectarstrahlen des aufgehenden Vollmondes schwillt, erglänzen; welcher eine Wohnstätte des Duftes der Poesie ist, der sich von den durch die aufgehende Sonne der Wissenschaft geöffneten Lotusbeeten der Gelehrsamkeit mit der grössten Leichtigkeit verbreitet; dessen Ruhm wie der Mondaufgang stark in der ganzen Welt erglänzt [und] weiss wie der Diamant, die Milch, der aufgehende Herbstmond, und der Jasmin ist; dessen Herzenslotus mit allen Mitteln seinen Freunden gutes zu thun bemüht ist; welcher wie der runde Milchocean eine Zierde des Erdkreises ist; dessen Fusslotuse durch den schimmernden Glanz der Edelsteine auf den Spitzen der Diademe einer Menge von Göttern, mit Indra und Indu an der Spitze, erglänzen; welcher eine Incarnation Viṣṇu's ist, der die Schöpfung, die Erhaltung und die Zerstörung von allem verursacht; welcher durch die grösste Macht, die das Practicieren des Yoga giebt, erglänzt; welcher in der ausgezeichneten Stadt Mahiṣmatī wohnt; welcher [so viele] verschiedene unzählbare Vorzüge hat, wie die Schlange Çeṣa unzählbare, hervortretende Zungen.

117. «Ferner! Himmlisches Glück wird zu Theile uns, die von grosser Wonne erfüllt sind, da wir den Nectar des steten Denkens an dich bis zur vollen Genüge mit den Bechern unseres Geistes trinken; darum denken wir da stets unnnterbrochen an das, was dich betrifft.

118. «Und ich muss melden: mögen meine Lotusaugen immer erfreut werden durch das Mondlicht eines Briefes, der aus dir, gleichsam aus einem Oceane, aufgeht, der überall einen Nectarregen der Liebe sendet und der den Mondlicht-trinkenden Cakora unseres Herzens erfrischt.

119. «Und ferner. Meine Tochter Campā, deren Blick [so] lebhaft ist, und die reizend, wie ein Strauss aus Campakablumen ist, gebe ich dem Könige der Könige [zur Braut]. Bewillige dieses, o du, grosser Strom von Mitleid, bester unter den Kundigen, von den Menschen geehrter, der du einen klaren Verstand hast!

120. «Und ferner. Mit ihm und dem schönen Heere musst du, der beste

unter den Weisen, hierher kommen im Monate Vaiçākha, wenn die Stimme des besten Koils süss und laut ertönt, in der lichten Mondshälfte, wenn die Mondsichel zunimmt, unter der Constellation Ṛkṣa, die sich für Hochzeit passt, wenn der Mond und die Sterne dem besten unter den Königen günstig sind.

121. «Wozu soll ich noch viel schreiben! Da dein Herz allen Menschen zu helfen sucht, und du von allen Göttern verehrt bist, so wirst du diese meine in Ehren gehaltene Bitte vollbringen [und] mittleidsvoll die Wünsche deines Dieners erfüllen.»

122. So las der beste unter den Weisen diesen Brief dem herrlichen Könige vor, dessen Füsse durch [die Verbeugungen] aller Könige glänzend gemacht wurden, [und] befahl: «o, bester unter den Königen, lass morgen früh in unserer Stadt, so wie auch im Heereslager einen Marsch nach Sūryapura verkünden!»

123. Der kluge Besieger von Königen, nachdem ihm der Lehrer dieses gesagt hatte, sprach zu den Dienern, indem seine Augen durch besonders grosse Freude weit geöffnet waren: «gebt jetzt rasch in der Stadt und im Heereslager durch Trommelschlag und Ausrufen den Edlen [den folgenden] Befehl:

124. «Möge [Arjuna[1])] der Feind der Mörder, der deren Uebermuth bricht, der mit Çrīkarī (?) verbunden ist und prasselnde Pfeile und Bogen hat, mich im Süden ganz besonders schützen. Wenn er schreit, so eilt die Brut der Feinde der Götter, Thräne vergiessend, heftig zitternd, mit undeutlichen Schmerzensrufen zusammen.»

125. O, Weise! wisset, dass ich ein ausgezeichneter Dichter in dieser Welt geworden bin durch die Freude, die ich an [der Verehrung] der Lotusfüsse meines Lehrers Nārāyaṇa [empfunden habe]. Als die Götter meine tiefsinnigen Worte, wie einen Nectarstrom mit den Bechern ihrer Ohren tranken, fühlten sie eine unbeschreibliche Freude.

126. Die Devī Annapurṇā gebar selbst vom berühmten Nārāyaṇasuri den Dichter Hari, dessen Gedichte nectarähnlich sind, und der die Lotusfüsse eines guten Mannes verehrt. In seinem Gedichte Haihayendracarita, welches durch die Kunst tadellose Verse zu dichten erglänzt, ist der als zweite bezeichnete Kapitel zu Ende.

---

1) Vgl. I, 133, Anm.

Das ist das zweite Kapitel des grossen Gedichtes Çrīhaihayendra-carita, welches durch das Wort «Sieg» markirt ist und von dem Dichter Hari, dem Sohne des berühmten Nārāyaṇasuri, aus der herrlichen Stadt Sūryapura gebürtig, verfasst ist.

Appendix A.

Die einleitenden Verse zum Commentar des Haihayendracarita sind:

श्रीमान्गजेन्द्रवदनः सदनं मतीनां
पायादपायभयतः स तु मां [1]) नितारम् ।
भक्तानुरागमिव कुम्भयुगे [2]) दधानः
सिन्दूरपूरममितं बहिरुज्जिहानम् [3]) ॥ १ ॥
यो मां दधाति कमनीयतनू [4]) रसालः
फुल्लां [5]) वसन्ततिलकां लतिकामिवायम् ।
जीमूतराज इव विद्युतमुल्लसन्तीं [6])
श्रीमान्स पातु भगवानरविन्दनाभः ॥ २ ॥
भजामि भुवनाधारं ह्राकारं परं महः ।
यस्यैव चन्द्रिका ज्योत्स्ना कृष्णा रामा विराजते ॥ ३ ॥
फुल्लपत्त्रशतपत्त्रलोचना ।
भक्तसक्तहृदया दयासरित् ।
शब्दसागरविचारचातुरी-
हेतुरीप्सितमिरा ददातु मे ॥ ४ ॥

---

1) Ms. मा.
2) Ms. कुंभे युगे.
3) Ms. बहिसज्जिहानं.
4) Ms. °तनुं.
5) Ms. फुल्ला.
6) Ms. मुल्लसंतो.

वैकुण्ठनाथपदपङ्कजलीनचित्त-
रोलम्बमम्बरगुणागमसिद्धबुद्धिम् ।
संदर्शनप्रदलिताखिलकल्मषौघं [1])
नारायणं गुरुमनल्पगुणं नमामि ॥ ५ ॥
श्रीहर्षोद्गतभव्यकाव्यजलधिप्रोन्मथने मन्दरः
प्रोद्दामाद्भुतशेषपेशलगिरासारप्रसारप्रभुः [2]) ।
धाराधारकवित्वकौशलसमुल्लासिप्रभावाद्भुता
शृङ्गारादिरसाकुला हरिकवेर्वाणी समुज्जृम्भते ॥ ६ ॥
अस्ति स्वस्तिकरः समस्तजगतः क्ष्मापालमौलिस्फुर-
न्माणिक्यावलिकान्तिकान्तचरणः श्रीप्रभुपृथ्वीपतिः ।
यस्य त्रस्यदरातिपालनपरस्यापीय गीर्णाकरं
पीयूषं विबुधा विनिर्यदमृतं निन्दन्ति [3]) सौधाकरम् ॥ ७ ॥
किं वर्ण्यः किल शैवस्य महिमा जगतीपतेः ।
आकर्ण्य यद्दान्यत्वमितरैस्तद्वितन्यते ॥ ८ ॥
कर्पूरपूरविशदस्वयशःसितसारसे ।
ब्रह्माण्डमण्डली येन मसलीक्रियतेतराम् ॥ ९ ॥
तस्याज्ञयैव विबुधान्प्रति नैजभाव-
प्रोद्बोधनाय हरिणा किल तन्यतेस्य ।
काव्यस्य तु स्वविहितस्य विकासिनीयं
व्याख्या प्रभेव [4]) रविणा कमलाकरस्य ॥ १० ॥
संदेहसंतमससंहरणैकदक्षा
नानापदार्थनिभृतार्थविबोधिकेन्ना ।

---

1) Ms. °षौघ्य.

2) Ms. °पेषल . . . . . प्रभुः.

3) MS. निदंति.

4) MS. प्रभोव.

जाताज्ञघूकबुधकोकसुशोकसौख्या
विद्योतिनी जगति शंभुविलासिकाख्या ॥ ११ ॥ युग्मम् ।
तस्माद्बुधाः सहृदयाः सदया भवन्तः
पश्यन्तु सादरमिमां कृतिमस्मदीयाम् ।
दोषान्निरस्य तु गुणान्समुदस्य हृद्या-
न्कुर्वन्तु चायमुदितो हि विदां स्वभावः ॥ १२ ॥

Appendix B.

Das Ms. des Çambhurājacarita gehört jetzt der Sammlung des India Office in London an. Es enthält nur Fragmente des Werkes und ein Paar Blätter, die den Anfang des Haihayendracarita enthalten, ohne richtige Varianten, zum Theil dieselben Verse, mehrfach wiederholt. Die folgenden Schlussverse des 12. Sarga enthalten Angaben über die Familie und den Lehrer des Dichters:

Śaṁbhurājacaritam, Harikaviḥ.

Surat, Number १६१.

Schluss des 12. Sarga, Vers 160 ff.

Im Anfang 2 über einander geklebte Blätter, die je eine etwas verschiedene Version der ersten Verse geben. Das unterste Blatt lautet von Vers 162 an:

मया मन्देनेह त्रिभुवनमनोहारिचरिताः
कृता वाचां गुम्फा [1]) गुणविहितकम्पाः कृतधियः ॥
तदेतज्ज्ञानीघं यदयमुपजीव्यामरतरो-
र्गिरां गन्धं प्राप्तः [2]) कविसुरभितां शंकरगुरोः ॥ १६२ ॥
येनैकः कवितावतारसमये ग्रन्थः समुल्लासित-
स्तस्या एव सुविश्रमे पुनरहो बन्धोपरो [3]) निर्मितः ॥
तस्या लास्यविधौ कृतास्तु बहवस्ते ते प्रबन्धोत्तमाः
सोयं कोपि हरिः [4]) कविः कविरविद्योतिःकणो दीव्यति ॥ १६३ ॥

---

1) Ms. फां.

2) Ms. प्रप्तः (sic!).

3) Ms. बंधेः (sic!).

4) Der Visarga ursprünglich weggelassen, aber später hereingesetzt: हरिःकविः (sic!).

Diesem Vers ist am Anfang ein unten geschriebener Haken ‸ (sic!) und am Ende ein oben geschriebener ˇ (sic!) zugefügt. Am oberen Rande der Seite findet sich von derselben Hand, die das darübergeklebte Blatt und auch die vorhergehenden Blätter in diesem Sarga geschrieben hat, Vers 160 des darübergeklebten Blattes mit der Nummer 163 geschrieben. Am unteren Rande dito ein Vers, mit der Nummer 164, der ebenfalls auf dem vorhergehenden Blatte in diesem Sarga steht, dessen Handschrift mit der des darübergeklebten Blattes übereinstimmt, und die № 158 führt. Er lautet:

वक्ता षड्दर्शनानां भवति खलु नरः कश्चिदाढ्यो स्विदन्यः
प्राज्ञः सर्वासु विद्यास्वपि भवति जनः सर्वलोकैकमान्यः ॥
दुःप्रापः कोप्यनल्पप्रवरतरमतिः सोत्र विद्यासु कास्व-
प्येकं पादं तदर्धं पदमपि विबुधानन्दनं गुम्फयेद्यः ॥

Es geht ihm in diesem Zusammenhange ein Vers voraus, der mit न पाण्डित्यं नित्यं etc. beginnt, aber ebenso wie dieser Vers auf das Leben des Dichters nicht Bezug hat. Der Anfang dieses Verses ist wohl gemeint mit den Buchstaben न नित्यं, die auf dem unteren Blatte hinter obigem Verse am Rande stehen.

Das untere Blatt hat als Vers 164, also auf येनैकः etc. folgend, den Vers श्रीनारायण etc., und stimmt von da mit dem oberen überein.

Das obere Blatt beginnt mit folgendem, die № 160 tragenden, im unteren Blatte oben an den Rand geschriebenen Verse:

श्रीमद्व्याकरणावगाहनपटुः काव्याब्धिपारंगमः
साहित्यामृतसिन्धुरागमलसत्सद्धर्मशास्त्रोद्भटः ॥
छन्दोलंकृतिशास्त्रशालिधिषणो नानोपविद्यानिधिः
सच्छास्त्रानुगतान्तरो हरिकविर्नारायणिर्नन्दति ॥ १६० ॥

Vers 161 = Vers 163 des unteren Blattes: येनैकः etc.

Vers 162 ist mit gelber Farbe übermalt; nach den wenigen unter der Farbe lesbaren Buchstaben zu urtheilen ist es der Vers 162 des unteren Blattes: मया मन्देनेह etc.

Vers 163 = Vers 164 des unteren Blattes:

श्रीनारायणनामसद्यतिवरप्रौढ[1])प्रतापोदया-
यः प्रापाखिलदुर्लभां[2]) निजकुले कारुण्यकल्लोलिनीम् ॥
श्रीकान्तस्य यया समं व्यकुरुतामस्मिन्विलासं निजं
वैरं रूढमहो विहाय सततं वाग्वादिनीसंपदौ ॥

Die 3. Zeile dieses Verses lautet im unteren Blatte:

श्रीकान्तस्य ययामले व्यकुरुतां तस्मिन्विलासं निजं

Mit dem Anfang des folgenden Verses, 165 des unteren Blattes, endet das obere Blatt, der Rest des Sarga ist in der Reihenfolge des unteren Blattes nummeriert und mit der Handschrift des unteren Blattes geschrieben.

सोयं भूरिगुणो निकाममहिमा सौजन्यवारांनिधिः
श्रीचिन्तामणिनामको द्विजपतिश्चातुर्यचिन्तामणिः ॥
सूरिं सूनुमसूत तं तनुधरं साक्षात्प्रसादोदयं[3])
श्रीकान्तोयमिति[4]) प्रकामविभवं श्रीरङ्गनाथाभिधम्[3]) । १६५ ॥
नानाशास्त्रविचारचारुधिषणो विश्वोपकारव्रतः
श्रीगोविन्दपदारविन्दसुरसासक्तान्तरेन्दिन्दिरः ॥
यः श्रीभागवतामृताब्धिविलसत्कल्लोलसेकैः सदा
संसाराभिधदावदग्धमखिलं लोकं समाजीवयत् ॥ १६६ ॥
तस्मादाविरभूत्त्रिलोकविदितो नारायणः किं स्वयं
श्रीनारायणनामको गुरुवरः श्रीपद्मनाभानुजः ॥
यस्मिन्नासत[5]) ते गुणाः स्थितिजुषः सर्वेनुकम्पादयः
स्वीयं वैरमहो विहाय सततं सौजन्यलुब्धा इव ॥ १६७ ॥

---

1) für ढ (ḍh) ist wie im Haihayendracarita in diesem Ms. ठ oder eine ähnliche Form geschrieben.

2) unteres Blatt: दुर्ल°.

3) geschrieben ursprünglich: तनुधरः und °दयः, und °भिधः der Visarga mit gelber Farbe übermalt und der Anusvāra gesetzt.

4) Ms. °मिव.

5) die ursprüngliche Lesart ist mit gelber Farbe überstrichen und obiges darüber geschrieben.

पतंगतनुजालसन्निभहिरपत्तनाध्यासनः
समस्तगुणगुम्फितो विबुधचक्रचूडामणिः ॥
रमेशपदपङ्कजप्रमदमानसेन्दिन्दिरः
परास्तकुहकान्तरः 1) प्रगुणदाक्षिणात्यान्वयः ॥ १६८ ॥
श्रुतिस्मृतिपुराणजाखिलसुधर्मसंवर्धनः
समुद्रवसनोल्लसद्विशदकीर्तिचन्द्रोदयः ॥
विलोकनविदारितप्रचितलोकपापोदयः
सुधर्म इव मूर्तिमान्विजयते स नारायणः ॥ १६९ ॥
सत्कीर्तिकल्पलतिका दलिताङ्कुरासी-
द्विज्ञानकल्पतरुरप्यखिलो विशीर्णः ॥
सौजन्यसिन्धुरपि शुष्कसुधारसोभू-
न्नारायणे किल 2) गुरौ स्वतनुं 3) प्रविष्टे ॥ १७० ॥
तस्मात्साधुपदाब्जसेवनपरः सोयं हरिश्चाभव-
च्छ्रीनारायणपादपङ्कजसुधासेवाप्तवाग्वैभवः ॥
यः श्रीशंभुमहीपतेरपि गुरोस्तस्यैव कृत्स्नाख्यया
विख्यातस्य निदेशतो वरमिदं काव्यं व्यधादद्भुतम् ॥ १७१ ॥
शंभुः काव्यमिदं महत्कृतवतः स्वीयाज्ञाया श्रीहरे-
श्चेतोभीष्टमलं ददौ तदखिलं येनायमानन्दवान् ॥
- - र्णं 4) सकलं स्वकीयममलः पुत्रप्रपौत्रैः समं
यावज्जीवमहो स्वजीवनकृते नान्यं वदान्यं गतः ॥ १७२ ॥
विकाशं संनीते विबुधरविभिः काव्यकमले
मदीयेस्मिन्स्फूर्जद्विविधगुणसौरभ्यनिवहे ॥

---

1) dieses Wort ursprünglich ausgelassen, dann am Rande von derselben Hand, die das aufgeklebte Blatt vorhin geschrieben hat, dazu geschrieben.

2) Ms. खिल.

3) Ms. स्वततनुं.

4) zwei Buchstaben verschmiert und unleserlich.

रसालीसंपूर्णा कमलनिलया सातिदयया
सरासं संवासं रचयतु जगन्मोहनकरी ॥ १७३ ॥
आचन्द्रार्कं समुद्यन्नवरसललितां द्योतिसंदर्भसारां
नानालंकारपूर्णां निचितगुणगणां भूरिभावार्थगर्भाम् ॥
राजद्वैदग्ध्यमुग्धां मुररिपुगृहिणीमुल्लसन्तोमिवान्तः
कामासूयाविमुक्ता मम भणितिमहो साधवो भावयन्तु ॥ १७४ ॥
दुःसंगोस्तु कदापि नो त्रिभुवने कस्यापि सस्यान्विता
भूमिः संततमस्तवस्तुनि परे निष्ठां व्रजेयुर्जनाः ॥
नीचा नित्यमिह त्यजन्तु सुहृदां वैरं नवैरङ्कुरै-
र्भाग्यानां क्षितिनायकः क्षितितले शंभुश्चिरं नन्दतु ॥ १७५ ॥
श्रीचिन्तामणिसूरिसूनुविबुधश्रीरङ्गनाथोद्भव-
श्रीनारायणसंभवो हरिकविर्यः श्रीशपादाश्रयः ॥
सर्गोभूदनवद्यपद्यरचनाचातुर्यविद्योतिते
तत्काव्ये खलु शंभुराजचरिते काव्यान्तिमो[1] द्वादशः ॥ १७६ ॥
पीयूषांशुसमुद्रसप्तवसुधाविद्योतिते वैक्रमे[2]
वर्षे मासि च पौषनाम्नि बहुले पक्षे द्वितीयादिने ॥
इद्वारे[3] द्विजनायकस्य पितृभे चापूर्णयच्छ्रीहरिः
काव्यं शोभनशंभुराजचरितं नानागुणोज्जृम्भितम् ॥ १७७ ॥

इति श्रीसूर्यपुरस्थितश्रीनारायणसूरिसूनुहरिकविविरचिते विजयाङ्के शंभुराजचरिताख्ये महाकाव्ये राजनीतितत्त्वोपदेशनिर्णयो नाम द्वादशः सर्गः संपूर्णः ॥ ॥ श्रीः ॥ संपूर्णं चैतत्काव्यं ॥ श्रीः ॥

---

1) im Ms. ist der Anusvāra mit gelber Farbe übermalt; es ist aber natürlich काव्यान्तिमो zu lesen.

2) die entsprechende Jahreszahl ist in Ziffern an den Rand geschrieben: १७४१.

3) undeutlich geschrieben, der erste akṣara vielleicht स.

Verbesserungen und Nachträge.

Seite	3	Zeile	10	statt	सुवर्णैर्त्रैरचितम्	lies	सुवर्णैर्विरचितम्
»	6	»	8	»	डगताशार्जुन	»	डगतीशोर्जुन
»	8	»	19	»	सभूतां	»	संभूतां
»	9	»	7	»	ाद्वतीया	»	द्वितीया
»	10	»	14	»	°दुग्धाम्बुध°	»	°दुग्धाम्बुधि°
»	11	»	16	»	विधत्ते यं	»	विधत्तेयं
»	14	»	4	»	पथ्येनेत्या°	»	पथ्येनैत्य
»	14	»	11	»	°मीलत्याः	»	°मीलन्त्याः
»	15	»	9	»	तडुपर	»	तडुपरि
»	16	»	7	»	°त्तुच्यङ्कृ°	»	त्त्रुच्यङ्कृ°
»	17	»	1	»	पदीयत्तिपुगल	»	पदीयात्तिपुगले
»	20	»	12	»	१३५	»	१३४
»	20	»	15	»	उद्योगाद्°	»	ग्राग्योगाद्°
»	24	»	4	»	°तुव्हेरेयं	»	°कुव्हेरेयं
»	28	»	19	»	कदानुवदिष्यति	»	कदा नु वदिष्यति
»	30	»	1	»	वीदयन्सूक्ष्मां	»	वोदयां सूक्ष्मां
»	31	»	18	»	ज्योतिः पूर्णा	»	ज्योतिःपूर्णा
»	32	»	11	»	मल्ली वस्त्रं . . . . . दरत-	»	मल्लीवस्त्रं . . . . . दूरत-
»	38	»	2	»	श्रोत°	»	श्रौत°
»	39	»	21	»	सडिण्डिमो°	»	सड्डिण्डिमो°
»	46	»	32	»	मत्ये इति	»	मन्य इति
»	47	»	24	»	इतमात्तम°	»	इत्यमात्तम°

» 47 Die Uebersetzung der Strophe 15 soll lauten: Diejenigen grossen Dichter, welche perlenreine Vorzüge habend kein palastgleiches grosses Gedicht aus dem Golde ihrer Worte geschaffen haben, damit ihre Geliebte — der Ruhm — sich darin Tag für Tag schön amüsiren könnte, die werden fürwahr von kunstsinnigen Leuten nicht Dichter, sondern vielmehr Affen genannt (i. e. diejenigen Dichter, die nur kleine Lieder machen).

Seite 48 Zeile 34 statt सर्वापकारिणा lies सर्वापकारिणः

» 49 » 35 » °माधपतिः » °मधिपतिः

» 50 » 13 » [er wurde von Çambhu geboren] » [er wurde von Çiva geboren]

» 51 » 22 » °श्चक्रवर्ती » °श्चक्रवर्ती

» 51 » 33 » पापीयसा » पापीयसां

» 51 » 34 » °र्नमदायां » °र्नर्मदायां

» 53 » 21 » ह्रेरंशाद° » ह्रेरंशाद°

» 53 » 23 » परिघोगलः » परिघोर्गलः

» 54 » 24 lies: अणिमा महिमा चैव लघिमा गरिमा तथा ।
ईशत्वं च वशित्वं च प्राकाम्यं प्राप्तिरेव च ॥

» 54 » 25 statt इत्यक्रम° lies इत्युक्रम°

» 54 » 26 die Stelle befindet sich Vāyapūrāṇa II, 32, 24. 25.

» 54 » 31 lies: तस्य बाहुसहस्रं वै युध्यतः किल धीमतः ।
रथश्च यो धनुयुक् प्रादुर्भवति मायेति ॥

» 56 » 22 » देवर्षिनारदः, die Stelle befindet sich Vāyupurāṇa II, 32. 19 ff.

» 57 » 24 die Stelle findet sich Raghuvaniça VI, 38.

» 57 » 27 die Stelle findet sich Anargharāghava VI, 58.

» 58 » 7 statt der Atra's lies des Atri

» 58 » 20 » अत्रेरपत्य° » अत्रेरपत्य

» 63 » 5 » der Modus » das Genus

» 69 » 23 » °भणायस्त° » °मणायस्त°

» 78 » 12 lies: [O, König] es möge dieser Brief, gerade so wie Campā [dir] grosse Freude bringen etc.

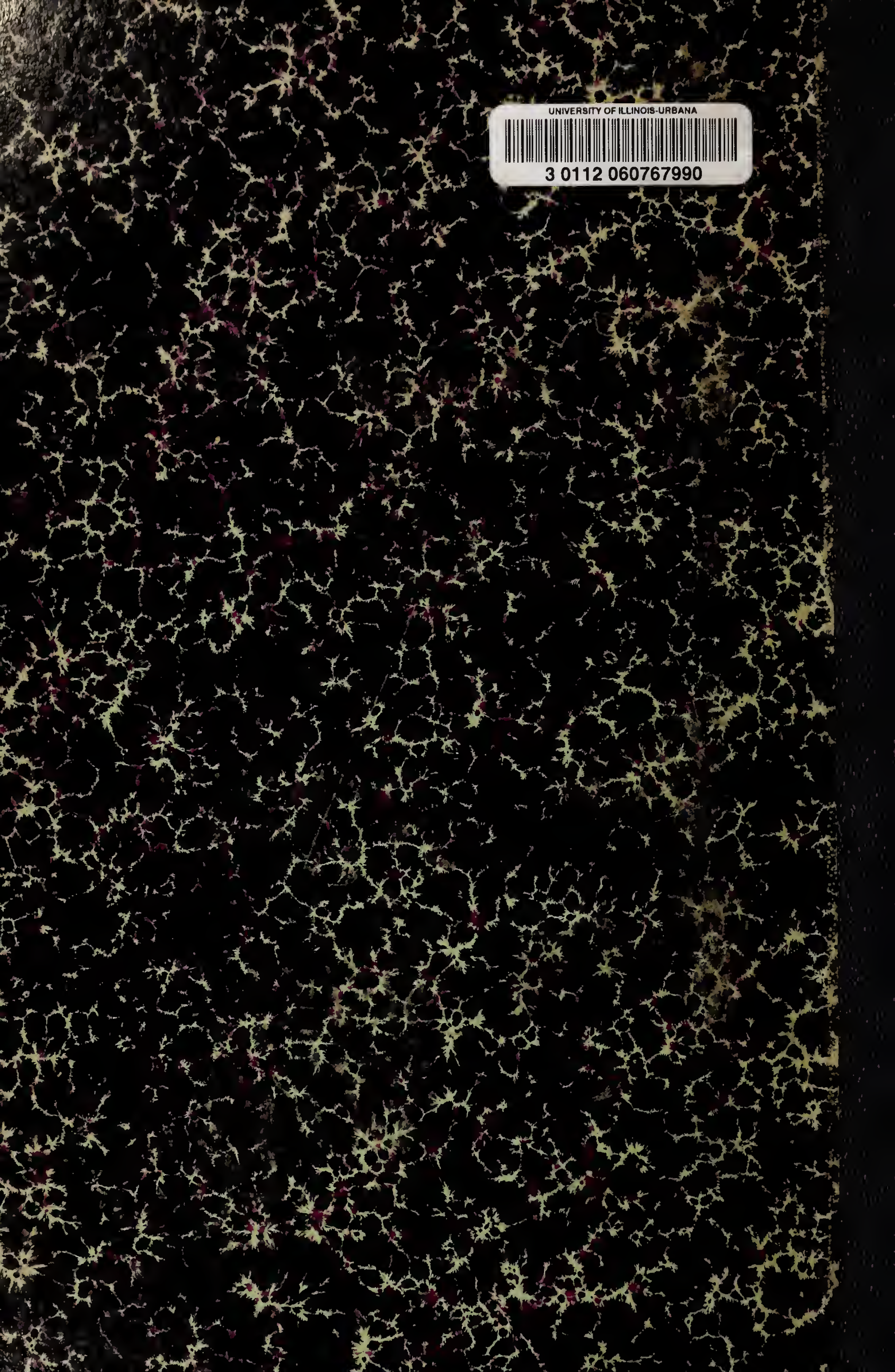
» 80 » 10 das Wort «mühevoll» ist zu streichen.

» 81 » 25 statt नियद्राकाश° lies वियद्राकाश°

» 85 » 20 » gross ist meine Wonne » fern ist meine Wonne

» 91 Die Uebersetzung der Strophe 59: «Die Freundinnen erkennen [die Schöne] nicht, weil sie durch grosse Trennungsqual abgemagert ist und dünn, wie eine Lotussprosse geworden ist, ihr Blick unbeweglich ist und sie [daher] Verwunderung erregt; etc.».

» 100 Zeile 3 » unter der Constellation Ṛkṣa » unter der Constellation [Phālgunī] . . . .

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 060767990